А11 5/79

ОРЧЕСТВ

ЛЯНЪ

ЙГУБ.

A II 5/79

A II 5/79

~~A II 5/79~~

~~5 1/35~~

~~5420~~

АII 5/79

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

крестьянъ Харьковской губерніи.

ОЧЕРКИ ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. В. ИВАНОВА.

Изданіе Харьковскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

ТОМЪ I.

1898.

Харьковъ. Типографія Губ. Правленія.

А 11 5/79

ЖИЗНЬ
И
ТВОРЧЕСТВО
крестьянъ Харьковской губерніи.

ОЧЕРКИ ПО ЭТНОГРАФІИ КРАЯ.

подъ редакціей
В. В. ИВАНОВА.

Изданіе Харьковскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

ТОМЪ I.

1898.

Харьковъ. Типографія Губ. Правленія.

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

БИБЛИОТЕКА
Государ Историч. Музея
№ 21297
„16“ III 193½

Оглавленіе.

Стр.

От редакціи I

Современная деревня Харьковской губерніи *В. В. Иванова* III

Гл. 1-я. Старобѣльскій уѣздъ.

1) Сл. Свято-Дмитріевка. *А. А. Татарскаго.* 1
2) Сл. Ново-Астрахань. *М. К. Стороженко* 27
3) Сл. Шулика. *Р. А. Коробовой.* 49
4) Сл. Мостки. *С. А. Хотяинцевой и А. А. Усиковой* . 63
5) Сл. Танюшевка. *М. М. Инноковой* 85
6) Сл. Каменка. *О. Бородавкиной.* 95
7) Сл. Нищеретова. *А. Шальневой* 120
8) Сл. Петро-Павловка. *А. И. Ткаченковой* 133
9) Сл. Богдановка. *А. М. Инноковой* 169
10) Сл. Никольское. *Г. А. и А. М. Калашниковыхъ* . . 173
11) Сл. Александровка. *А. Д. Стефановой* 343
12) Сл. Бѣло-Куракино. *П. М. Шинкарева* 349
13) Сл. Курячевка. *Д. Шинкаревой* 489
14) Сл. Пантюхино. *И. Н. Шухлина* 510
15) Сл. Райгородка. *Е А. Коробовой* 528
16) Сл. Боровское. *В. Лютова.* 545
17) Сл. Бахмутовка. *А. Коломейцевой* 559
18) Сл. Ново-Айдарь. *А. Г. Жижкова* 575
19) Сл. Больше-Черниговка. *Е. С. Тихоновой.* 589
20) Сл. Спѣваковка. *Е. В. Поповой* 598
21) Сл. Шульгинка. *Е. И. Будянской* 600

Стр.
22) Сл. Литвиновка. 620
23) Сл. Баранниковка. *С. И. Костикова* 625
24) Сл. Ниже-Баранниковка. *А. Кристъ* 629
25) Сл. Безгинова. *Трембольцевой* 633
26) Сл. Бѣло-Куракино. *П. М. Шинкарева* 641
27) Сл. Крыгская. *Е. А. Алферовой* 731
28) Сл. Ново-Псковъ. *С. С. Павленко* 757
29) Сл. Ново-Псковъ. *М. Р. Мащенко* 770
30) Сл. Кабычена. *Ф. С. Борметова* 788
31) Сл. Римаревка. *Макаренковой* 804
32) Сл. Просяное. *А. И. Павловой* 819
33) Сл. Поповка. *Е. И. Кобелева* 831
34) Сл. Чмыровка. *Е. А. Ливанской* 862
35) Сл. Подгоровка. *Е. Х. Елеферьевой*. 878
36) Сл. Марковка. *М. Негребова* 885
37) Сл. Ново-Бѣленькая. *С. В. Богатыревой* 914
38) Сл. Бѣловодскъ. *П. Агеевой* 916
39) Сл. Ново-Боровая. *В. С. Нельговской* 929
40) Сл. Алексѣевка. *А. В. Доброхотовой* 938
41) Сл. Штормова. *Р. Г. Буткевичъ* 948
42) Сл. Бѣлолуцкъ. *М. Кондратьева*. 951
43) Сл. Бондаревка. *А. Губныхъ* 957
44) Сл. Шелестова. *Г. Цырюльникова* 970
45) Сл. Тимонова 983
46) Сл. Евсугъ. *М. Касьяновой*. 986
47) Сл. Павловка. *А. Петровой* 988
48) Сл. Трехизбянская. *Ю. В. Стефановой* 991
49) Сл. Городище. *Е. А. Рыбаловой* 994
50) Сл. Колядовка. *Г. Русиновой* 997

Программа для сообщенія свѣдѣній по этнографіи . . 1009

Отъ редакціи.

Запросы жизни и науки побудили Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ приступить къ собиранію матеріаловъ по этнографіи и отдѣльно по обычному праву Харьковскаго края. Полагая, что изученіе народной жизни доступнѣе тѣмъ интеллигентнымъ силамъ, которыя посвятили себя обученію подростающаго населенія, Харьковскій Статистическій Комитетъ обратился къ народнымъ учителямъ и учительницамъ съ предложеніемъ заняться изученіемъ народнаго быта и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Попытка сплошнаго этнографическаго описанія губерніи, предпринятая Харьковскимъ

Статистическимъ Комитетомъ, при содѣйствіи народныхъ учителей и учительницъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Предлагаемый первый томъ задуманнаго изданія заключаетъ въ себѣ сообщенія, касающіяся лишь одного уѣзда губерніи. Обилію и полнотѣ публикуемыхъ матеріаловъ по Старобѣльскому уѣзду Харьковскій Статистическій Комитетъ обязанъ просвѣщенному содѣйствію бывшаго инспектора народныхъ училищъ по Старобѣльскому уѣзду Г. А. Ознобишина, водушевившаго учительскій персоналъ уѣзда на дѣло разъясненіемъ важности и значенія для науки предпринимаемой работы.

Сообщенія учительскаго персонала Старобѣльскаго уѣзда свидѣтельствуютъ о серьезномъ отношеніи этого персонала къ дѣлу и преданности его народнымъ интересамъ. Нѣкоторыя изъ сообщеній широко охватываютъ народную жизнь и могутъ быть признаны образцовыми.

Вмѣсто предисловія, въ началѣ книги, помѣщена статья редакціи о „современной деревнѣ", составленная на основаніи данныхъ непосредственнаго изученія народной жизни Харьковскаго края.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. I.

Взглядъ крестьянъ на свою жизнь.

Возрастъ, національность, сословность.—„Жупаныки“, „дукачи, „мужики“ и „голь“.—Работа и праздники.—Богатство и его значеніе.—Ремесленники.

На вопросъ: „сколько лѣтъ сыну?“—крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ: „та ужѐ пастушòкъ,—погóнычъ,—робитнычокъ,—косàрь“. Возрасту соотвѣтствуетъ извѣстное занятіе, занятіемъ и обозначается возрастъ.

Отказывая принять взрослаго мальчика „въ наýку“, кузнецы говорятъ: „намъ трéба не гóды, а ростъ, сыла“. Занятіе требуетъ извѣстныхъ физическихъ данныхъ, данными этими и выражается годность къ тому или другому занятію.

На замѣчаніе: „отчего бѣднякъ чорнорабочій, имѣя надѣлъ, не занимается „хлиборóбствомъ“ или не отдаетъ дѣтей своихъ „въ ремеслò“?—слышится: „для мужицьтва нужнà справа, для рукомéсла—времья, а за подýшне гóнять, йисты трéба,—трéба й зароблàть“. Каждое занятіе требуетъ извѣстныхъ средствъ;

экономическою состоятельностью и опредѣляется возможность даннаго занятія.

„Дукàчъ скорѝшъ здóхне, а сы́на въ ремéсныкы не виддàсть“, говоритъ кустарь, опрашиваемый о родителяхъ его учениковъ. Каждый слой крестьянства имѣетъ свои занятія, занятіемъ и выражется принадлежность къ тому или другому слою.

„Пáнскіе (крестьяне изъ малороссовъ) къ государственнымъ (ремесленникамъ) носятъ (заказы), а къ русскимъ приходятъ свои (ремесленники): прійдутъ, обчинятъ, обошьютъ все, какъ слѣдуетъ, и уходятъ. Вотъ и большая слобода, да захолустная, проѣзду нѣтъ—и промысловъ нѣтъ, а у насъ дорога большая, торговля бойкая и—

„Де дворъ,—тамъ и воръ,
А де нема̀,—тамъ винъ найма̀“,—

„литературно“ сообщаетъ малороссъ изъ „жупáнныкивъ“ на вопросъ о состояніи промысловъ и причинахъ развитія ихъ въ данномъ селеніи. Правовыя и національныя особенности и общія основы жизни населенія обусловливаютъ существованіе и формы кустарничества, характеру народа, его положенію и отвѣчаетъ развитіе промысловъ.

„Хибá воны́ вы́робылысь“?—разсуждаетъ крестьянинъ, сравнивая прежнее поколѣніе съ нынѣшнимъ. „Сейчàсъ чогò вонò такѐ малѐ?—Зъ мáлу пийшлò въ робóту,—зачу́чвырило. За плугомъ хóде, а ёгò изъ-зà чепы́гъ не вы́дно. А це хибà косарѝ! Колы́сь такѝ безъ штанѝвъ ходы́лы, не знáлы, якъ косця̀ звáты, а тепѐръ ужѐ и косу̀ умѝе клепáты“. И дѣйствительно, только до 5 лѣтъ дѣти—„кáшныкы“, „кукѝль“, „роты́“, съ 5 до 10 лѣтъ они уже пасутъ гусей, свиней, овецъ, загоняютъ скотину. Занятіе ихъ—не профессія, названіе имъ общее—„пастушòкъ“, для дѣвочекъ еще „ня́нька“. Впослѣдствіи изъ пастушка можетъ выйти „свынàрь“, гоняющій „черѝдку“ (свиней), „вивчàрь“, выпасывающій „ватáгу“ (овецъ), „чередны́къ“, пасущій „череду̀“ (скотъ,—„товàръ“). Занятіе дѣтей—дань возраста, и пасутъ они обыкновенно „своѐ“. Съ 8 лѣтъ до 14 мальчикъ ходитъ „погóнычемъ“ въ поле; съ 12 до 18 лѣтъ онъ уже „робѝтнычокъ“—

„плуга́тарь“, „моло́тныкъ“; съ 16 до 50 лѣтъ—„коса̀рь“, полный работникъ, съ 50-ти лѣтъ—„па́сишныкъ“, „сто́рожъ“, а тамъ „дидъ“, „нахлибникъ“, опять „ротъ“. Прежде „коса̀рь“ былъ до 70 лѣтъ, крестьянинъ работалъ дольше, такъ какъ работалъ меньше. Рабочій періодъ не уменьшается, но перемѣщается нуждою на болѣе ранній возрастъ. Народъ слабѣетъ, и этотъ физическій упадокъ особенно замѣтенъ на первенцахъ, трудъ которыхъ нужнѣе для семьи. Отношеніе „гуля́чого“ періода жизни къ „робо́чому“ измѣняется, разница уничтожается, всѣ возрасты дѣлаются „робо́чимы“.

Подобное „уравниваніе“ замѣчается въ разныхъ сферахъ народной жизни. Въ одной сферѣ сближеніе совершается быстрѣе, въ другой медленнѣе. Традиціонная вражда, напр., между „хохла́ми“ и „москаля́ми“, коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаетъ смягчаться. Эти „совсѣмъ разные народы“, столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими „національными стѣнами“, начинаютъ „переглядываться“, оказывать обоюдное вліяніе. Уравниваетъ ихъ общее теченіе жизни помимо ихъ воли. „Крута́я“ рѣчь хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ-же „жупа́ныкивъ“. „Ру́ськіе“ начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводить въ свою жизнь хохлацкіе обычаи. Представители разныхъ національностей еще мало „беру́цьця“: хохолъ не женится на „московкѣ“, такъ какъ она „ки́слая“, но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушекъ. Прежніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество, прежніе отщепенцы-сосѣди изъ русскихъ, среди которыхъ вообще слабо развиты промыслы въ Харьковской губ., прибѣгаютъ къ услугамъ хохлацкихъ ремесленниковъ. Обычаи слабо „пересаживаются“, но характерные обычаи временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая сліянію,—эти „пла́хты“, „запа́ски“, эти „сарафа́ны“, „юпки“—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричнаго ситца. „Ру́ській“ устойчивѣе хохла: „москаля̀ хоть въ росо́ли вары̀, все винъ, сте́рво, моска̀ль“. Но у мѣстныхъ „москалѐй“ замѣчается уже „выщелачиваніе“ національныхъ особенностей. Вырабатывается нѣчто нейтральное, общее.

IV

Не менѣе враждебными „мірами“ были помѣщичьи и государственные крестьяне. Вѣчныя ссоры, насмѣшки, ругань сопровождали ихъ отношенія. Общенія почти не было. По развитію, взглядамъ, особенностямъ, по своимъ бытовымъ и экономическимъ устоямъ, они отличались не менѣе, чѣмъ представители разныхъ національностей. „Вольные“ смотрѣли на „паньскихъ“, какъ на людей дикихъ, оголенныхъ, поголовныхъ воровъ и грабителей. Истощенные много-дневной „панщиной“, крѣпостные дѣйствительно совершали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые набѣги на „вольные“ хутора, опустошали ихъ бакши, огороды, воровали въ полѣ, изъ хатъ, на базарахъ, изъ лавокъ государственныхъ крестьянъ. Хвастаясь своими подвигами, они имѣли сильную защиту со стороны своего „пана“, хотя и жестоко преслѣдовавшаго воровство дома. „Роги“,—какъ дразнили „вольные“ „панскихъ“ за ихъ привычку нюхать изъ рожка свой домашній курительный табакъ, перетертый съ золою,—находились въ постоянной враждѣ съ „люльками“,—какъ обмѣнивались панскіе съ вольными „куриями“. Теперь вражда уничтожилась и завязались добрыя отношенія; сглаживаются пріемы, обычаи, замѣчается во многомъ полное тождество. Обнаруживается явное подражаніе государственнымъ крестьянамъ, играющимъ вообще роль просвѣтителей.

Правовая грань рухнула, національныя „стѣны“ разбираются, но рядомъ съ этимъ процессомъ уравниванія замѣчается другое движеніе, процессъ противоположнаго характера. Являются новыя особенности, возникаютъ новыя различія: „міры“ сближаются, но увеличивается пропасть, раздѣляющая „классы“. Центръ тяжести перемѣщается. Національная и правовая сила уступаетъ силѣ экономической. Нити, соединявшія людей общей племенной группы, разрываются подъ давленіемъ новой разобщающей силы, а „мода“, удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ, отмѣчаетъ новую кристаллизацію населенія по „духу“ и состоянію.

Въ современной деревнѣ замѣчается мало солидарности, мало общихъ интересовъ и наблюдается много фактовъ, выражаю-

щихъ борьбу. Постоянно слышится: „И ты, бисивъ сынъ, чортивъ голякъ, ривняесься до мене! Я тебѐ куплю и продамъ. У тебѐ одна душа при тили, кишки нема въ хати, а я хазяинъ“.—Да чорты твого батька беры! Я хоть и бидный, да чесный. Ты менѐ своимъ багацьтвомъ не годуешъ, а самъ не найисыся николы, зъ другихъ дерѐшъ. Воно тоби выпадкомъ выпаде колы небудь. Пропадѐшъ ты, и все твоѐ багацьтво згине, або пожаромъ пидимецьця: бо ще Бога за бороду не взявъ. Э,—знайте его, шо винъ багатый! Не бушуй же, не бушуй, гордію,—бо якъ здавлю, такъ напляшесься“.

Интересно посмотрѣть на народную жизнь глазами самого народа, прислушаться къ его взглядамъ, выслушать его собственное мнѣніе о своей жизни. Далеко не однородною массою представится тогда наше крестьянство. Своеобразные классы съ разными взглядами, обычаями и интересами замѣчаются среди этого съ виду однороднаго люда.

Въ промысловомъ, напр., селеніи государственныхъ крестьянъ, по отзыву самихъ крестьянъ, существуетъ четыре опредѣлившихся класса: „жупаныки“, „дукачи“, „мужики“ и „голь“. Народныя названія эти еще не ясны; признаки классификаціи населенія оказываются различными, такъ какъ одни названія указываютъ на внѣшній видъ, другія на занятіе или состоятельность. Названія не настолько общи, чтобы охватить всѣхъ, принадлежащихъ къ данному классу,—ремесленники стоятъ какъ бы внѣ классовъ или всѣ они могутъ быть причислены къ первому, такъ какъ ходятъ большею частью въ „паньский одежи“. Но этими названіями мѣтко обозначается общій духъ каждаго класса. Чѣмъ выше слой, тѣмъ яснѣе проглядываетъ стремленіе его выдѣлиться, внѣшнимъ видомъ показать свое обособленіе, рѣзче обозначить „линію“; чѣмъ ниже классъ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ экономическая его основа, тѣмъ незамѣтнѣе „грань“ его. Названіями этими ясно отмѣчается общественно-психологическій принципъ каждаго класса.

Во главѣ крестьянской жизни стоятъ люди, занятые „торговымъ промысломъ“. Это—„купци“, платящіе „госцеве“; „торговци“, торгующіе „крамомъ“, „шинкомъ“, „товаромъ шевськимъ“, „бакаліей“; „дворныки“, т. е. содержатели постоялыхъ дворовъ.

Лица эти занимаются еще „ота́рами“ (овецъ), „гурта́мы“ (скота), „сы́пкою“ (хлѣба), арендами и бакшами въ большихъ размѣрахъ. Обыкновенно они наиболѣе богаты, хотя и не всѣ. Рядомъ съ такимъ, который „на 100 тысячъ не голо́денъ“, живетъ и „пузы́рь“; „дво́рныки“, жившіе нѣкогда, какъ помѣщики, теперь совсѣмъ обѣднѣли, разбрелись по сторонамъ, перешли большею частью въ другіе классы или занялись другими промыслами. Представители этого класса носятъ сюртуки, картузы, пальто, шубы, крытыя сукномъ; женщины ходятъ въ ситцахъ, шелковыхъ платкахъ; дѣвушки носятъ платья по городскимъ фасонамъ, поютъ романсы. Рѣчь ихъ чистая, во взаимныхъ отношеніяхъ они на „вы“, дѣти подходятъ къ ручкѣ родителей, и это обыкновеніе „бить ру́чку“ переходитъ въ другіе слои. Они грамотны, интересуются и слѣдятъ за событіями „внѣшней“ жизни, ѣдятъ разныя „блюда“, хорошо приготовленныя, живутъ въ домахъ каменныхъ, иногда двухъ-этажныхъ, крытыхъ желѣзомъ, о нѣсколькихъ комнатахъ съ разною мебелью. Встрѣчаются, конечно, въ этомъ классѣ лица, еще сохранившія народную рѣчь или, вѣрнѣе, говорящія на двухъ нарѣчіяхъ—„паньскомъ“ и „мужицькомъ“, употребляющія простую пищу, живущія въ „ха́тахъ“.

Большую противоположность во многихъ отношеніяхъ представляетъ второй классъ. Если первый является представителемъ городской культуры, миссіонируя въ качествѣ моста, соединяющаго городъ съ деревней, то „дукачѝ“ являются представителями стараго хозяйственнаго типа. Живя большими семьями, они, говоря вообще, все имѣютъ свое, все сами для себя изготовляютъ. Занятіе „дукачѐй“ одно—„ко́ло хли́ба“. Живутъ они особняками, сохраняя „старовы́ну“. Носятъ все мужицкое, но лучшаго качества; „жинки“ ихъ, однако, одѣваются такъ же, какъ и „супруги“ торговцевъ перваго класса, отличаясь простотою покроя своего платья, и носятъ на шеяхъ рублей на 50 и больше червонцевъ, „дукатовъ“, намыста. О пищѣ они не заботятся: „кло́чья и во́вна,—абы ки́шка по́вна“, „ажѐ не покра́щаешъ, якъ зъисы лу́чче“. Пища у нихъ „зе́льцемъ па́хне, пе́рцемъ посва́рицьця“, ка́ша „хазя́йська, а не прыка́щицька: такà крутà, шо зернò зернà догонà“. Живутъ они трезво; чай у

нихъ—„мерзе́на заба́ва: ти́лько вре́мья га́ять“: „сирныкѝ“ они держатъ, но освѣщаются каганцемъ, добывая огонь изъ кремня на губку изъ старой тряпки, натертой въ золѣ изъ гречневой соломы; ножъ имѣютъ, но разрѣзаютъ хлѣбъ веревкою. Отличаются скупостью, нѣкоторые собираютъ кости даже отъ чужой дохлой скотины; дома ходятъ не чисто: „попа̀ й въ рого́жи вы́дно“, „за кана́льскимъ „помага̀й Бигъ“ днемъ ша́пку обтрипавъ“. Работаютъ много; отличаются деспотизмомъ, гордостью, сознаніемъ своего достоинства: „вы́дно па́на по похо́ду, якъ и панъ хо́де“. Школы они не любятъ, къ грамотѣ относятся съ недовѣріемъ или прямо враждебно: „якъ-бы меньшъ зна́лы, то да́ли (на дольше) бъ ста́лы“. У нихъ встрѣчаются иногда оригинальныя молитвы: „Око на неби, око на землѝ, будь̀ менѐ гри́шного, будь̀ менѐ пра́веднаго“, а передъ обѣдомъ говорятъ: „О мья, о мья, о мья—греча́на, вився́на, прося́на,—вся́ка пашны́ця для скоти́ны. Бу́дьте здоро́вы, зъ пья́тыцей, дава́йте сни́дать“.—Между „дукача́ми“, конечно, бываютъ разновидности и въ настоящее время довольно большія; но, представляя нѣкоторые переходы къ третьему классу, рѣдко къ первому, они остаются вѣрными своимъ традиціямъ.

Про третій классъ можно сказать, что здѣсь „вся́ко бува́е“. Встрѣчаются и богатые, которые „химе́ры наво́дять“, и бѣдные, подходящіе къ классу настоящей „убижи“, и исключительно „хлиборо́бы“, убѣжденные, что „мужѝкъ мужикòмъ во ви́ки викòмъ“, и лица, бросающіяся „на вси штýки“, и полные индифферентисты, говорящіе: „Богъ создавъ мыръ, Богъ зъ нымъ“, и люди, подъ вліяніемъ которыхъ совершались крупныя перемѣны въ мѣстной жизни. Трудно представить себѣ занятіе, которымъ не занимался бы „середнякъ“. Кромѣ „хлиборо́бовъ“, встрѣчаются здѣсь всевозможные „рукоме́сныки“: „шевцѝ“, занимающіеся шитьемъ обуви, „кравцѝ“—шитьемъ платья, „чембарѝ“—дубленіемъ кожъ, „кушнарѝ“—чиньбою овчинъ, „ковалѝ“—кузнечествомъ, „шапува́лы“—выдѣлкою полстей, „выбо́йщики“—набойкою холста, „лымарѝ“ или „шво́рныки“—шитьемъ сбруи, „склярѝ“—изготовленіемъ рамъ, „кры́льщыки“—кровлею хатъ, ткачѝ, „колисныки“, телѣжники, плотники, бондари, столяры, „скры́нныки“, веревочники, „ша̀пошныки“, „свытныкѝ“, „оли́йныки“, „сере́бряныки“. Тутъ занимающіеся разными промыслами и „торги́в-

ствомъ": „ризныкй", „крамарй": шинкарй, бакшарй, „вугельщики" и всевозможные барышники: „рыбасы", „соляныкй", „скотарй", „курятныки", „прасолующіе" землею, „кулакй" („кагака"), т. е. барышующіе хлѣбомъ и проч. Одни говорятъ: „весна—ридна сестра, святе лито-ридна маты, осинь—мачуха, зима—батрачка", а „хто литомъ не робывъ, той зимою штаны загубывъ"; „прійшло лито,—вздыхаютъ другіе,—померла наша шевська или кравецька маты; настала осинь,—радуются одни,—ожила наша кравецька-шевська маты". Разныя занятія и разные, повидимому, интересы. „Хлиборобы" подсмѣиваются надъ „ремесныками": „де не взявсь преудалый молодець, да къ тому-жъ и кравецъ,—заступомъ свыту скроивъ, до подушки комиръ прышивъ", „колесныкъ,—дурный ремесныкъ: вертытъ, довба, та впьять и забыва"; дразнятъ ихъ „сиднями", „шевелами", „цвентухами", „палышкурками", „габелками", „турыцей"; вмѣстѣ съ ремесленниками смѣются надъ барышниками, называя ихъ „крутыхвостами", „курощупами", „билыми цыганамы", „базарнымы собакамы". Надъ „чернымъ мужикомъ", неразвязнымъ, съ „крутою" рѣчью, въ историческихъ „чоботахъ"; ремесленники въ свою очередь подсмѣиваются, называя ихъ „мугирями", „мугиряками", „мурмулямы", „мурмуляками" и дразнятъ ихъ: „мурмулю ту-лю-лю, старшій братъ капралю,—сякій, такій, перетакій". Существуетъ масса разсказовъ, гдѣ осмѣивается „мугиряка", традиціонно сохранившій завѣтъ старинныхъ взглядовъ и отношеній,—разсказовъ, разсчитанныхъ на рисовку, хвастовство культурными привычками и понятіями. „Входе мугирь въ лавку и каже: „продай, паноче, сахмарю". Винъ давъ свичокъ пивъ-хунта. Иде мужикъ и йисть, а салдатъ встривсь и каже: „чи ловко"?—„Ловко то ловко, да по середыни верёвка". Бачъ, гнитъ миша, а то иде плавко". Разныя занятія даютъ болѣе или менѣе разный заработокъ. У „коваля"—„стукъ-грякъ и пьятакъ", у „шевця", особенно занимающагося чиньбой кожъ, дратва поетъ: „сытъ и пьянъ, сытъ и пьянъ"; у „кравця", живущаго однимъ портняжествомъ, игла съ ниткой плачутъ: „чуть-живъ, чуть-живъ". Ремесленники въ общемъ отличаются отъ земледѣльцевъ своимъ истощеннымъ видомъ, „паньскимъ" костюмомъ, лучшей пищей, разговорнымъ языкомъ,

взглядами, развитіемъ. Барышники отличаются отъ нихъ „нравомъ“, общественными инстинктами. Но всѣхъ ихъ соединяетъ общее положеніе, всѣхъ ихъ связываютъ общіе интересы. Всѣ они середняки по своей зажиточности, всѣ они „хазяева-работники“ и всѣ они такъ или иначе тяготѣютъ къ земледѣлію. „Барышники“ въ то же время и „хлиборобы“, „рукомесныки“ тоже „ходять около хлиба“ или получаютъ „скипщину“ отъ своего надѣла. Разныя отклоненія представляютъ собою незамѣтный переходъ въ другіе классы, и середнякъ служитъ матеріаломъ для расширенія всѣхъ классовъ, особенно послѣдняго, съ которымъ онъ совершенно сливается.—Отдѣльнымъ слоемъ, характернымъ и—кто знаетъ—весьма важнымъ, быть можетъ, въ будущемъ—представляется особая категорія лицъ, уже отмѣченная насмѣшкой. Насмѣшка обыкновенно сопровождаетъ все новое, какимъ бы оно ни было грознымъ въ послѣдствіи. Это „пыжики“, гордые „скоробагатьки“, мечущіеся „во всѣ стороны“, рвущіе со всего, въ виду рубля все ставящіе на карту, изъ ничего выскакивающіе и въ „бездну“ проваливающіеся. Являясь симптомомъ новаго движенія, они служатъ въ то же время ферментомъ, усиливающимъ экономическое броженіе той категоріи „мужицьтвующихъ“, которая причастна „торгивству“ и „барышству“. Духъ же торговый охватилъ крестьянство и вызвалъ за послѣднее время массу мелочныхъ торговокъ.

Разнообразныя занятія встрѣчаются и среди крестьянской „убижи“, среди того класса, который нѣкогда вмѣстѣ съ частью середняковъ богатыми мужиками назывался „чёрнью“, такъ какъ „бѣдности“ такой прежде не чувствовалось, а теперь отдѣльно отъ нихъ называется „голью“ и „батраками“. Самый характеръ „бѣдности“ измѣнился. Если третій классъ говоритъ о себѣ: „робы до поту, а не солоно йижъ“,—то этотъ классъ стонетъ: „робышъ, робышъ и ни сзаду, ни зпереду“, „до поту робышъ, а босый ходышъ“, „все лито хлибъ робы, а зимою зъ мишкомъ на базарь ходы“, „сию та ору, а зъ базару хлибъ несу“, „торгую, торгую, а смаку не чую“, „шию, шию, а въ долгахъ по шию“, „нанявсь, якъ продавсь, отслуживсь—выкупывсь“. Здѣсь тотъ-же „мужикъ“, только безъ „хозяйскаго“ устоя, тотъ-же „швецъ“, только „шкарбуны“ латающій; тутъ и

„дровя́нykъ“, но продающій „хамлò“ и „крутыхвостъ“, но въ качествѣ „купе́цького подлоко́тныка“. Существуютъ и спеціальныя занятія этого класса. Это поденщики — „ципу́рныкы“. „косари́“, „соки́рныки“, „пы́льщыки“ и отходящіе на заработокъ— „забро́дчики“, „заборя́не“, „гайдари́“, „лине́йци“. Отъ середняковъ „у́бижъ“ отличается внѣшнимъ видомъ, образомъ жизни, душевнымъ настроеніемъ. Ѣдятъ они плохо, питаясь не рѣдко какъ поденщики, въ теченіи цѣлаго „ты́жня“ однимъ хлѣбомъ, живутъ часто въ сырости и въ холодѣ, не зная никакихъ удобствъ и приспособленій, не имѣя въ своихъ хатахъ ничего, кромѣ „осли́на“. Не удивительно, если здѣсь говорятъ: „ходи́мъ, пропьѐмъ, ажѐ не прокошту́есься“, и существуютъ лица, о которыхъ говорятъ: „винъ якъ запьѐ, такъ и воро́та збьѐ“. Середнякъ „самова́рь пьетъ“ [1]), удерживается своимъ „мужи́цькимъ“ общественнымъ мнѣніемъ, останавливаясь передъ упрекомъ: „лу́чче пропы́ты, чимъ де́гтю купы́ты“; онъ такъ или иначе сытъ, ежедневно ѣстъ горячее, воодушевленно работаетъ. А у „го́ли“ одно утѣшеніе: „заро́бышъ кре́вно, пропьѐшъ пе́вно,—нико́му ни въ ни́жку“. Нечего удивляться, если рядомъ съ полной апатіей здѣсь существуютъ затаенная злоба и непримиримая ненависть, хотя „у́бижъ“ и не вмѣшивается въ „о́бчество“, помня басню о синицахъ, поспорившихъ съ орломъ [2]). Разновидность этого класса составляетъ переходъ отъ абсолютнаго нищенства къ относительному достатку середняковъ, отъ „мужиковъ“, занимающихся, кромѣ земледѣлія, ремесломъ или торговлею, къ лицамъ, не имѣющимъ „въ рукахъ“ ни земли, ни ремесла. Этотъ классъ составляютъ главнымъ образомъ „мища́не: —одно̀ мишо̀къ на база́рь тя́гне“. Земля сдается ими „съ копы́“, за деньги или просто за подати, отъ „безнадежныхъ“ и глав-

[1]) Крестьяне пьютъ чай съ цикоріемъ или „цвитъ“—материнку, шавлію, буквицу, или просто горячую воду, забѣленную молокомъ. Крестьяне любятъ чай:

„Пье панъ—два, а то одынъ стаканъ.
Купець пье, поки чай сопье,
Начавъ пыть мужикъ—выпье самоваръ, якъ бы не бувъ велыкъ“.

[2]) „Дви синыци вздумалы зъ орломъ сражацця: „ты шо одынъ,—одынъ, а насъ якъ два,—такъ два“. Орелъ одну схватывъ и задавывъ, а одна осталась и каже: „ащо, ты таки шо одынъ, то одынъ, а насъ шо два, то два“.—Яка умна!“

нымъ образомъ отъ вдовъ она отбирается въ общество; „николаевскіе“ лишь въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣютъ надѣлы, такъ какъ во время ревизіи были на службѣ. Общество имѣетъ безземельныхъ, „приписанныхъ“ избывшихъ дворовыхъ и проч.

Таковы слои крестьянства, таковы „классы“ въ современной деревнѣ. Выдѣливъ по нѣсколько десятковъ семействъ на долю перваго и втораго, остальныя сотни почти равномѣрно распредѣляются между третьимъ и послѣднимъ классомъ.

Два признака лежатъ въ основѣ народной классификаціи крестьянства: работа и зажиточность. Первый классъ, по мнѣнію народа, составляютъ люди, кеторые „своймы жиламы не тягнуть“, лица, про которыхъ говорятъ: „на легкій хлибъ пийшлы, а робыты не хотять“, „цилый день хлопоче, а *не робе*“. Взглядъ на этотъ классъ, какъ на людей не работающихъ, выражается въ насмѣшкахъ и брани. Представителей этого класса въ запальчивости называютъ: „дуріями“, „дурисвитами“, „драчами“, „деруна́ми“, „міройидами“, „горла́нами“, „глотаря́ми“, „ватуха́ми“. У нихъ „копийка не трудова̀“. Остальные классы принадлежатъ къ трудящимся. Представители послѣдняго класса—это „*чужіе* работники“: „челядныкй“, „батракй“, выполняющіе „чужую“ работу, нанимающіеся „до людей“; второй и третій классъ состоитъ изъ „хозяевъ“, имѣющихъ „*своѐ* дило“ и затрачивающихъ на него личный трудъ. У середняковъ чѣмъ больше этого „дила“, тѣмъ больше имъ затрачивается своего труда,—середнякъ работаетъ прямо пропорціонально своей зажиточности: сдѣлавъ „свою“ работу, онъ отдыхаетъ, на чужую рѣдко идѐтъ, не желая ронять своего „хазяйського“ достоинства. Богатые мужики уже имѣютъ годовыхъ работниковъ и эксплоатируютъ наемный трудъ въ объемѣ ихъ „дила“, участвуя лишь въ нѣкоторыхъ процессахъ этого „дила“: „на то кова̀ль и клещи дѐрже, шобъ рукъ не пекты“.

Не только выраженіемъ, но и самыми мотивами хозяйственной дѣятельности отличаются между собой эти группы. „Личный интересъ“, какъ стимулъ труда, представляется формой, въ которую вкладывается разное содержаніе:

„Бидный зъ крайности бьецьця,
Середній, шобъ не дойты до ней печецьця,

Вы́счий, щобъ поривня́цьця зъ бага́тымъ хлопо́че,
Бага́тый, щобъ не бувъ хто ри́внымъ, уйты хо́че".

Такова схема импульсовъ на разныхъ ступеняхъ довольства. Однихъ заставляетъ трудиться личная нужда, у другихъ „заведенный кругъ" хозяйства требуетъ опредѣленной работы, третьими руководитъ зависть или честолюбіе. Личныя потребности, хозяйственныя потребности, а затѣмъ страсти руководятъ хозяйственною дѣятельностью человѣка. Вообще люди, по понятію народа, находятся подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ, смотря по своему положенію. Положеніе крестьянъ иное, чѣмъ положеніе высшихъ слоевъ общества, „панивъ", и мотивы ихъ дѣятельности совершенно разные. Жизнь народа протекаетъ въ „работѣ", т. е. въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, жизнь высшихъ слоевъ протекаетъ въ „хлопотахъ". Жизнь народа основана на *раздѣленіи труда*, жизнь высшихъ слоевъ на *„раздѣленіи хлопотъ"*. Группировка людей высшихъ слоевъ совершается по ихъ способностямъ „къ услугамъ" или по значенію уже оказанныхъ „услугъ" обществу. Отношенія высшихъ слоевъ и крестьянъ—не экономическія, такъ какъ здѣсь не происходитъ обмѣна „матеріальными" цѣнностями, непосредственнымъ производствомъ которыхъ высшіе слои не занимаются.

Иллюстраціей трудоваго принципа можетъ служить отношеніе разныхъ „классовъ" народа къ праздникамъ. Первый классъ обвиняетъ „чернь" въ праздности, настойчиво пропагандируетъ идею труда, разрушая суевѣрія, связанныя со многими праздниками и заставляя работать своихъ работниковъ въ эти дни. Послѣдній классъ, наоборотъ, наиболѣе сочувствуетъ всѣмъ народнымъ праздникамъ и крѣпко придерживается „суевѣрій"*). Празднуетъ онъ потому, что ему дѣлать у себя нечего. Остальные классы придерживаются особыхъ праздниковъ. Середнякъ создалъ особую литературу, которой порицается праздность и осмѣивается человѣкъ лѣнивый и „невда́лый".

Вообще праздники дѣлятся народомъ на двѣ категоріи: на „гри́шныи" и „серды́тыи". Къ грѣшнымъ относятъ общепринятые большіе праздники и нѣкоторые изъ малыхъ, въ которые

*) Народные „предразсудки" бываютъ часто своеобразною, примѣнительною формою выраженія извѣстныхъ тенденцій.

грѣшно работать; подъ сердитыми праздниками разумѣютъ тѣ, святые которыхъ отличаются мстительностью за непочтеніе къ нимъ. Тѣ и другіе въ свою очередь дѣлятся на крѣпко грѣшные и сердитые праздники и мало грѣшные и сердитые. Первая категорія обыкновенно празднуется, на вторую воздерживаются отъ нѣкоторыхъ видовъ работы. На сердитые праздники, кромѣ того, часто постятъ. „Ягорій" завѣдываетъ волками, и если есть въ хозяйствѣ мелкій скотъ, то одинъ изъ семьи поститъ; существуетъ „коровьячій" праздникъ „Власа", его празднуютъ бабы, хотя бѣдовая баба заставляетъ праздновать и своего „чоловика"; на „Руфу", когда „травы рушацьця и гадюки выползають" и на „Здвыженье" нельзя въ лѣсъ ходить; на „Чорного Ивана" не все можно дѣлать, такъ какъ работа почернѣетъ; на „Головосика" нельзя круглаго рѣзать. Если работать на „Царяграда",—градъ выбьетъ поле, на „Палія",—пожаръ будетъ, на „Михайлови чуда",—какое нибудь „чудо" совершится, на „Благовисныка",—родится „благовисный". Приведемъ нѣсколько характерныхъ разсказовъ, которые намъ удалось собрать. „Одынъ чоловикъ взявъ жито въ праздныкъ та кинувъ лопатою вгору, а тамъ була гадюка та й впала ему на на плечи; укусыла, обвылась коло шии,—такъ и вмеръ нещасный".—„Одна жинка беремена шила въ праздныкъ та й родыла дытя зъ шитымы пальцями на рукахъ и ногахъ".—„Одна дивка пишла въ лисъ проходыцьця та й заблудыла. Ходыла, ходыла, та й впала въ ту яму, шо гадюкы злазацьця на Здвыженье вси до мисто на зиму. И гадюки йийи такъ уплелы одна за другу, шо неззя було вылизты,—тамъ и вмерла".—„Одынъ багатый чоловикъ не чтывъ малыхъ праздныкивъ, и на Палія остався одынъ визъ снопивъ не скыданыхъ. Винъ ихъ скыдавъ, довершивъ стога, не вспивъ злизты,—якъ отъ летыть птыця и несе головешку вогню, а зъ неи такъ искры и сыплюцьця, та й кынула на той стигъ, шо довершувавъ. И вразъ весь тикъ его зъ хлибомъ загорився и згоривъ до тла. Не дай Богъ робыты на Палія,—непремиинно хлибъ погорыть".—„А то одынъ чоловикъ пойихавъ сияты; ему люде й кажуть: „куды ты йидешъ"?—„Куды? хиба не бачишь: сияты".—„А сегодня праздныкъ Мыхайлови чуда".—„Э, чудно жъ буде, якъ засию ныву".

Отъ и прыйи́хавъ на ны́ву, ставъ борону̀ знима́ты та задѝвъ голо́ву мижъ бы́льця бороны́, шобъ на пле́чи йийѝ взя́ты и знесты́ на ны́ву,—та такъ зъ боро́ною ци́лый день по ны́ви и проходы́въ до ве́чора, ажъ по́ки сме́ркло. Та ажъ тодѝ опомнывся. Тодѝ положи́въ борону̀ на визъ та й прыйи́хавъ до до́му, та й ди́тямъ заказа̀въ на Мыха́йлово чу́до ничо́го не робы́ты"

Встрѣчаются крестьяне, которые еще празднуютъ „велы́кий день руса́льчинъ", „ро́зыгры", „пья́тинки", двѣнадцать знаменитыхъ пятницъ и проч. [1]). Но ремесленники не празднуютъ „сердитыхъ" и малы́хъ праздниковъ. На „мало грѣшные" праздники и мужики обыкновенно уже работаютъ. Празднуются дни церковнослуженія: „чи воно̀ за́втра ду́же гри́шный пра́зныкъ,— чи бу́дуть звоны́ты, чи нѝ? Трѐба-бъ ото̀ и ото̀ зробы́ты, та й не зна́ю, чи ро́блять де? Якъ лю́де ро́блять, неха̀й Богъ простѝть". Слышится протестъ: „якъ бу́демъ са́выты да варва́рыты да̀ не бу́демъ ночи́нка кувба́ныты, то й оста́немся безъ соро́чки", и ропотъ на праздники, столкнувшіеся вмѣстѣ: „оцѝ менѝ ще пра́здныки! Тутъ ди́ла по го́рло, ажъ крычы́ть, а тутъ пра́зд-

[1]) Въ рукописи „Сонъ Пресвятыя Богородицы", сильно распространенной среди крестьянъ, идея отдыха настойчиво пропагандируется. Рукопись эта знаменательна во многихъ отношеніяхъ: нѣкоторые по наивности своей ею молятся и до настоящаго времени, ее кладутъ подъ голову родильницъ для облегченія родовъ, прикосновеніемъ ея лѣчатъ нѣкоторыя болѣзни. Въ ней предписывается не работать въ воскресный день и во дни праздниковъ Господнихъ. „Ежели, сказано въ рукописи сего моего писанія не будете слушать, то буду васъ карать злымъ повѣтріемъ и побужу царя на царя, короля на короля, князя на князя, пана на пана, сосѣда на сосѣда, брата на брата, отца на сына, сына на отца, и будутъ между вами великія кровопролитія и всѣхъ васъ оскорблю, и пищу отниму; еще буду карать васъ градомъ и блистаніемъ, дабы познали гнѣвъ мой и справедливость мою. Еще приказую, дабы въ субботу послѣ вечерни не робылы для Пресвятыя Богородицы, Матери моей". Въ „Поученіи папы римскаго о двѣнадцати пятницахъ", входящемъ въ общую рукопись, предписывается поститься въ эти дни, а по другимъ спискамъ поститься и не работать. Кто чтитъ 1-ую пятницу, на первой недѣлѣ великаго поста, „отъ внезапныя смерти избавленъ будетъ", 2-ую, передъ Благовѣщеніемъ, „отъ непріятеля сохраненъ будетъ", а по другому списку, „отъ напраснаго убивства сохраненъ будетъ"; 3-ью, на Страстной недѣлѣ, „отъ пагубы сохраненъ будетъ", „отъ великой муки сохраненъ будетъ"; 4-ую, передъ Вознесеніемъ—„на судѣ нерушимъ будетъ", „отъ потопленія сохраненъ будетъ"; 5-ую передъ Сошествіемъ Св. Духа, „отъ страшнаго меча сохраненъ будетъ"; 6-ую,

нуй". Работаютъ иногда и на большіе праздники половину дня, Молодое поколѣніе не признаетъ многихъ п раздниковъ стараго поколѣнія, работаетъ и на сердитые праздники.

Народъ возбуждаетъ себя въ работѣ пословицами: „хто дба́е, той и ма́е". „хто тру́дыцьця,—не ку́чицьця", „леда́чій чоловікъ—плохій хазяинъ", „би́лы ру́ки,—чужій трудъ", и т. п. Лѣнивыхъ и неумѣлыхъ называютъ: „ле́гами", „баглая́ми", „нехлю́ями" „ва́йлами", „лутая́ми", „неклю́гами", „пришелепува́тыми", „недоте́пными", „невдалю́гами", „долдо́нами", „мишкòмъ прыбы́тыми", „недоте́ка—не куке́бами"; „вона̀ нехлю́я и ки́шци хвоста̀ не завья́же", „прышеле́па недоте́пный, винъ до во́за и кило́чка не зате́ше". Надсмѣхаются: „гей—цабѐ! си́емо, оремò, а зъ база́ру хлибъ йимò"; „умòмъ робы́, а кро́вью на двиръ ходы́"; „о, той швець, якъ поши́е, такъ якъ разъ бу́дуть на соба́ку велы́ки, а на ки́шку малй"; „вы́дно, ка́же, пря́ху по пидте́ци"; „тай, ске́мзавъ дя́дя на се́бе гля́дя"; „си́ла пря́сты, якъ чередныко́ва Хи́мка"; „торгува́лы й кирпичòмъ, та й оста́лысь ни причòмъ"; „ни швець, ни мнець,—ни чортъ зна шо". Народъ знаетъ цѣну сатиры и прибѣгаетъ къ ней для осмѣянія праздности и неумѣлости, для увеличенія труда и усиленія его производительности. Приводимъ нѣсколько собранныхъ нами образцовъ народной сатиры.

передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи, „отъ недостатка сохраненъ будетъ", „отъ великаго и недоступнаго грѣха сохраненъ будетъ"; 7-ю, передъ Ильей, „отъ грома сохраненъ будетъ"; 8-ую, передъ Успеніемъ, „отъ всякія трясовицы сохраненъ будетъ", 9-ю, передъ Космою и Даміаномъ, „отъ болѣзни сохраненъ будетъ", „отъ смертнаго грѣха сохраненъ будетъ"; 10-ую, передъ Михаиломъ, „увидитъ имя свое у Пресвятой Богородицы на престолѣ"; 11-ю, передъ Рождествомъ Христовымъ, „Пресвятую Богородицу передъ смертію узритъ" и 12-ую, передъ Богоявленіемъ, „увидитъ имя свое у самого Господа нашего І. Х., въ животныхъ книгахъ".—Извѣстно, что бабы вообще по пятницамъ не прядутъ, бѣлья не бучатъ, въ 12-ую пятницу не шьютъ, мужики по пятницамъ не пашутъ землю. „Въ каждомъ мѣсяцѣ, читаемъ въ той же рукописи, должно опасаться двухъ дней злыхъ: января 2 и 26, февраля 2 и 24, марта 3 и 28, апрѣля 3 и 12, мая 2 и 21, іюня 4 и 8, іюля 6 и 28, августа 6 и 18, сентября 2 и 21, октября 8 и 29, ноября 19 и 22 и декабря 2 и 21. „Кто въ оные дни женится, тотъ человѣкъ не обрадуется, а кто заболѣетъ, не встанетъ, хотя и встанетъ, нездоровъ будетъ; если родится въ человѣцѣхъ или въ скотѣ, то своей горести не избудетъ Кто домъ построитъ, не будетъ въ немъ жить, кто въ путь пойдетъ, прибытка не будетъ или смерть явится; кто посадитъ или посѣетъ, не взойдетъ".

XVI

„Жи́нку мужи̇̀къ руга́е: „та ты, сте́рво, ни зпекты̀, ни звары̀ты“.—„Та й ти́льки-жъ“. „Та ты ни ши́ты, ни прясты“.—„Тай ти́льки-жъ“. „Та ты и ха́ты не пидметѐшъ“.—„Та й ти́льки-жъ“. „Та ты й танцюва̀ты не вми́ешъ“.—Э, ни! За ско́кы—въ бо́кы,—побью̀, ма́тери ва́шій чортъ и що́ки“. Ти́льки танцюва̀тъ и вмі̇̀ла“.

„Одна̀ жи́нка запусты̀ла дижу̀ шо вона̀ и на дижу̀ не похо́жа: о́коло и въ сере́дци вершка̀ на три позасыха́ло ти́сто, хлибъ не удае́цьця. Мужъ йий̇̀ руга́е: „чого̀ таки̇̀й плохи̇̀й хлибъ, не такъ, якъ у лю́дей“? Вона̀ одвича́е: „Э, бисъ ба́тькови твоему̀! У лю́дей свя́тять дижу̀ на годъ разі̇̀въ де́сять, а у насъ и зъ ро́ду не святы̀лась“.—„Такъ тре́ба поклы̀каты та посвяты̀ты“. Ну и поклы̀калы. Пипъ кады̀ть дижу̀ и приговòрюе: „дижа̀, дижа̀! тре́ба тоби̇̀ вы̀хтя̀ та ножа̀, а хазя̀йци батожа̀“. Чолові̇̀къ: „ты чу́ешъ, жи́нко“? Вона̀: „Эгѐ,—молы̀сь, чолові́че, та бый покло́ны“.

„А то одна̀ жи́нка заду́мала паляны̀цями торгува̀ты. „Купы̀, ка́же, чолові́че, куль муки̇̀, бу́ду пекты̀ паляны̀ци та на база̀ри торгува̀ты“. Чолові̇̀къ дурны̀й и послу́хавъ, купы̀въ. Вона̀ якъ утяла̀,—вы̀несла на база̀рь, нико́му и ду́рно не ну́жно. Прыно́се наза̀дъ. Ни, чолові́че, на паляны̀ци нема̀ хо́ду, лю́де—бу́блыкивъ та й бу́блыкивъ. Иды̀, чолові́че, товчі̇̀ на сту́пи паляны̀ци, а я бу́ду си́яты та бу́блыки пекты̀“. Напекла̀, понесла̀,—то́же нико́му не ну́жно. Прыно́се наза̀дъ. „Ни, чолові́че, и на бубли̇̀ки нема̀ хо́ду, лю́де—ква́ши та й ква́ши. Иды̀ товчі̇̀, я наварю̀ ква́ши“. Навары̀ла ди́жку, привьяза́ла ему̀ за пле́чи. „Ну несы̀-жъ на база̀рь, торгу̀й, та гляды̀, у те́бе ро́дичивъ до чо́рта, ты ще ду́рно порождаѐшъ“. Взяла̀ кочергу̀ та на земли̇̀ напыса́ла хрестъ. „Цилу̀й, би́сивъ сынъ, божі̇̀сь, шо нико́му ду́рно не дасы̀“. Винъ дурны̀й и нахилы̀всь цилува́ты хрестъ, а ква́ша че́резъ го́лову до до́лу й вы̀лилась. Вона̀ и дава̀й крыча̀ть: „Отъ би́сивъ сынъ, зъ таки̇̀мъ чолові́комъ и поживы̀ на сви́ти,—якъ схоти̇̀въ, такъ мишо̀къ муки̇̀ и перевѝвъ“.

„А то якъ кова̀ль зъ пу́да зали́за зробы̀въ пшыкъ. Одынъ хлибо̀рòбъ ка́же ковалю̀: „вы̀йде зъ пу́да зали́за лемі̇̀шъ“?—„Вы̀йде та ще й до́брый“.—„Ну, на̀ зали́зо, робы̀“. Отъ винъ

робы̀въ, робы̀въ,—„ни, ка́же, не вы́йде лемѝшъ, а вы́йде чересло̀“.—„Ну робы̀ чересло̀“. Робы̀въ, робы̀въ,—„ни, ка́же, не вы́йде чересло̀, а вы́йде соки́ра“.—Ну робы̀ соки́ру“. Робы̀въ, робы̀въ,—„ни, ка́же, не бу́де соки́ра, а бу́де долото̀“.—„Ну робы̀ и долото̀“. Робы̀въ, робы̀въ,—„ни, ка́же, не бу́де долото̀, а бу́де шква́йка“.—„Робы̀ шква́йку“. Робы̀въ, робы̀въ—„ни, не вы́йде шква́йка, бу́де ши́ло“.—„Та робы̀ й ши́ло“. Запли́скавъ, встромы̀въ въ во́ду загартува̀ть,—оно̀ й зашипи́ло. Мужѝкъ: „Эгѐ! бачъ, ка́же, шо воно̀ вы́йшло—пшыкъ! Ну приходь же за гри́шмы“.—Кузнѐць пийшо̀въ и хло́пця взявъ. „Гляды̀-жъ, ка̀же, якъ бу́ду гро́ши просы̀ты, а ты кажѝ: прыба́вте, панъ-отець, и на ма́льчика, бо робо́ты було̀ бага́то“. Прихо́дють. Мужѝкъ попа̀въ кузнеця̀ за верхи́вья и дава̀й ему̀ мете́лыци дава́ты. А хло́пець за двермѝ крычѝть: „прыба́вте, панъ-отѐцъ, и на ма́льчика, бо робо́ты було̀ бага́то“.

Вторымъ признакомъ народной классификаціи населенія является богатство. Чѣмъ зажиточнѣе человѣкъ, тѣмъ выше классъ, къ которому онъ принадлежитъ. „Хозяйственность“ есть существенный аттрибутъ второго и третьяго класса, денежная сила характеризуетъ первый классъ. „Полный хозяинъ“ тотъ, у кого „заведенъ кругъ“, кто имѣетъ „худобу“ и деньги. О бѣдныхъ земледѣльцахъ и ремесленникахъ, хотя вполнѣ самостоятельныхъ, обыкновенно говорятъ: „та зъ е́го̀ нико́лы не бу́де хазя́инъ, винъ до ви́ку чужѝй роби́тныкъ“. Такъ переплетаются два принципа работы и богатства,—имѣя одни и тѣже термины для своего выраженія. „Чужѝй роби́тныкъ“, „хазя́инъ“, „повный хазяинъ“, „купѐць“—таково, по существу, обозначеніе классовъ.

Если подъ „рабо́той“ народъ разумѣетъ усилія, производящія матеріальныя цѣнности, то съ богатствомъ соединяется у него мысль о нравственномъ паденіи: „не отда́вши чорта̀мъ ду́шу, бога̀тъ не бу́дешъ“, „бога́тому ти помога́ють, шо пидъ мо́стомъ сыдѝть“, „бога́тому чортъ дыты̀ну колы̀ше, а би́дный и ня́ньки не на́йде“, „шо мужѝкъ бога́тый, шо чортъ рога́тый,—мижъ собо̀й бра́тья ри́дни“. Тотъ богатѣетъ, кто отдаетъ чорту свою душу. Получивъ душу, чортъ заставляетъ чертенятъ работать и черезъ нихъ посылаетъ деньги. „Мы, ка́же, моло́лы на ме́льныци, отъ ды̀вымся, ка́же, шото о́коло мосто́чка за-

грýзло,—гийка, гийка, ниякъ не вытягне. А мы й кáжемъ: „а ну, ходимъ, шо вонò за чортъ“? Прыхóдымъ, колы везлы люды тáчку зъ здоровéннымъ ящикомъ на двухъ колéсахъ и повнисенькій грóший,—самóго серебрà. „Поможить, кáже, дóбри люды, намъ вытаскаты ящикъ,—ниякъ не вытягнемъ. Мы вамъ, кáже, дамò по прыгоршни грóший“. Давàй. Помоглы вытаскаты, воны, намъ всыпалы въ шáпку по прыгоршни серебрà. Мы такй рáди прийшлы въ млинъ до вогню—дывымся: колы вонò вýгильля. „Бодàй тебè чорты взялы! Дывысь,—давáлы грóши, а зробылось вýгильля“. А мирошныкъ кáже: „Шо тамъ такè“?—Алè, оттакè и такè. Эгè, вы дýмали, то люды везлы грóши, то чорты везлы нáшому хазяину. Оттò якъ-бы виддалы чортàмъ свой дýши, такъ якъ нашъ панъ-отèць, то и у васъ булы-бъ грóши, а не вýгильля. Менй, кáже, хазяинъ велыть тóже орýдовать чортáмы, шобъ скорйшъ молóлы“. Мы й напáлысь на éго: „а ну скомáндуй“.—„А кýпыте пивъ-квáрты“? „Кýпымо“. Тутъ збóку недалéко и шинòкъ,—пишлы, выпылы. Идèмъ изъ шинку, а вонò тильки, тильки шо двыжацьця. Винъ пидийшòвъ до лотокивъ та й кáже: „а що це такè! Хибà такъ мéлють! А не хóчете кáже, потягты назàдъ, а нý-те-ка попрóбуйте якъ вонò, чи лéгче бýде тягты прóтывъ воды, чимъ за водóю“. Дывымся,—пийшлы колéса прóты воды, тильки „скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ“. „Нý гляди́те же,—валяй да хорошéнько“! Якъ же вонò зажáрило, такъ и чорты егò бáтька зна; ну прямо-жъ страшно и въ млыни сидиты. Отъ вонò шо“.

„А то идýть ý двохъ въ тéмну ничъ зъ шинку на гóру, а вонò душъ 20 тягнуть на гóру такý-жъ тáчку червóндивъ повнисиньку и ниякъ не вытягнуть. Пидийшлы и кáжуть: „шо це вы. дóбри люды?“—„Та везéмо оттомý проклятому шевцéви грóши. Везèмъ, везèмъ и ниякъ не настáчемъ; де винъ ихъ дивà, чорты егò бáтька зна. Поможи́те, пожáлуста“. Воны помоглы вытягты на гóру та й шли слидкòмъ прыслиди́ты, куды повезýть. Прямо, кáжуть, и повезлы до шевця въ двиръ,—ше покóйного шевця—та, кáжуть, до дворà блызько нейзя й пидийты: стукотнява, грюкотнява,—ти дубъ товкýть, ти грóши нóсять, бряжчàть. Прямо ци́ле, кáжуть, пéкло. Кóло éго и люде боялысь селытьця,—такъ самъ собй и живъ за слободóю“.

Неопредѣленная и слишкомъ общая идея „работы чорта“, выраженная въ народныхъ легендахъ, принимаетъ болѣе конкретное очертаніе въ разговорной рѣчи: „це зъ чо́го винъ нажи́вся? Це винъ зъ насъ, изъ на́шихъ труди́въ“,—„отакий бувъ голово́ю, нажы́вся, а той пы́саремъ, а того́-то ба́тько бувъ полисо́вщикомъ, нажы́вся, а такому-то зъ монастыря́ братъ натаска̀въ, а таки́й-то ска́рба (кладъ) вы́копавъ“ и т. п. Существуютъ указанія на промыслы: „цей нажи́вся изъ ли́са, а „изъ ли́са, якъ изъ би́са“, той зъ торго́вли—отъ ла́вки, той изъ шинка̀, а той зе́млю держа̀въ, а у то́го ба́тько чумакува̀въ; тепѐръ ка́жуть: „чумаку́ю, чумаку́ю, а сма́ку не чу́ю“, а тоди́ смакъ бувъ“.—Трудъ не считается источникомъ богатства, а лишь условіемъ существованія, средствомъ пропитанія человѣка. Люди богатѣютъ не отъ труда, а отъ „занятія“. Богатѣютъ не мужики или „рукоме́сныкы“, а „заня́тельщики“. „Занятіе“—это предпріятіе, спеціально разсчитанное на барышъ. „Занятіе разрабатывается“ не личнымъ трудомъ, а „чрезъ посредство нанятаго труда“: „въ заня́тіи успива́е, хто чужи́й трудъ покупа́е“.

Имѣя нѣкогда количественное значеніе, богатство является въ настоящее время качественнымъ факторомъ и теряетъ свои филантропическіе аттрибуты. Зажиточные считали прежде своею нравственною обязанностью помогать бѣднымъ. Разные были виды помощи. Бѣдные, видя, что у богатыхъ есть какое-нибудь дѣло, приходили, работали и уходили. За это имъ присылали двойное вознагражденіе. По освященіи пасокъ, около церкви оставлялось принесенное. Миски и „рушныки“ поступали на церковь, а пасхи и съѣстное раздавались бѣднымъ. На другіе праздники зажиточные пекли хлѣбъ и раздавали его или разносили. Въ извѣстные дни разносили по „при́зьбамъ“ зерно въ мѣшкахъ и незамѣтно уходили. Въ полѣ оставляли „для прохо́жаго“ хлѣбъ недокошеннымъ, чаще скошеннымъ, но не сгроможеннымъ, иногда уже сложеннымъ въ копны съ вѣхами, чтобы отличить ихъ отъ хозяйскихъ. Этотъ хлѣбъ назывался „пайка́ми для би́дныхъ“. И не мало было лицъ, которыя на вопросъ: „у те́бе свий хлибъ?“ отвѣчали: „ни, пайко́вый“.—Въ настоящее время представители богатства стали глухи къ народнымъ нуждамъ. Гордые сознаніемъ своей силы („есть рубль,—есть и умъ,

а два рубля̀ и два ума̀"), они замѣняютъ прежнюю филантропію вмѣшательствомъ во всѣ случаи нужды въ цѣляхъ личной наживы, говоря: „по со́висти жить—по міру ходы̀ть". Игнорируя народные „ро́зсказни", они оправдываютъ себя ссылкою на законъ, вызывая затаенный ропотъ и общій упрекъ: „яки̇̀й тамъ закòнъ,—зачипы̀всь за колъ".

Велико вліяніе богатства на человѣка. „Есть ру́бъ, есть и умъ. Бага́тый чоловѝкъ и дурны̀й ста́не розу́мнымъ и весе́лымъ, и мо́рда ста́не билѝша и свитлѝша; ма́ло того̀, шо оде́жа лу́чша и чистѝша. Колы̀ багатый шо ро́бе въ по́ли або̀ до́ма,—и бѝдный такъ-же стара́ецьця; такъ бачъ винъ розумнѝшій,—въ ёго и сѝно пидъ дождѐмъ не було̀: знавъ, колы̀ скосы̀ты и вы̀громадыты; усѐ ро́быцьця вразъ; а бѝдный, по́кы збере́цьця, дывы̀сь—и тамъ, и въ дру́гимъ мѝсти зробы̀въ не впопа̀дъ; ну, зна́чить, и дурнѝшій. Бага́тый нико́го не бойцьця, ни десятника, ни ста́росты, ни старшѝны, ни станово́го: за поду́шне его̀ не тя̀нуть, на па́нщину не поженуть; а бѝдный ото̀ все́го бойцьця и хова́ецьця. Бага́тый, ка́же, хоть якъ бре́ше, а все ка́жуть: „пра́вда, пано́че", а бѝдный хоть яку̀ щѝру пра́вду ска́же: „та бре́ше, ка́жуть, соба́чій сынъ". Бага́тый ка́же грома́ди: „а що, господа̀, повѝрите, яка̀ менѝ прывыде́нія случѝлась. Я, ка́же, взявъ зду́ру та й пома́завъ лемѝшъ на зѝму са́ломъ, шобъ ржа не йѝла; колы кѝнувсь оцѐ весно́ю, а винъ зъ дѝрками,—такъ зу́бы и зна́ты,—прокля̀ты мы̀ши пойѝли. Я такѝ здо́рово наквацюва̀въ его̀ са́ломъ".—„Та що, пано́че, пожа́луй и случѝцьця. Якъ ду́же нама́занный, то залѝзо са́ломъ и пройшло̀, а воны̀, прокля̀ти мы̀ши, на все па́дки". Хо́де бага́тый красы̀вый, гладкі̀й, моложа́вый, а якъ забиднѝша, вразъ постарѝша, де той и толкъ дѝнецьця, голова̀ закудла́тиша, подурнѝша. Святѝ оцѝ карбо́ванци: лу́чше святы̀хъ помага́ють". Богатство—сила, а силой можно злоупотреблять. Не регулируемое сознаніемъ долга, не обставленное внѣшней репрессіей, оно обуздывается идеей небеснаго возмездія. „Убижъ" создала массу легендъ, которыми возбуждается въ душѣ богатыхъ чувство страха конкрестными образами. Разные виды несчастія постигаютъ богатыхъ за угнетеніе бѣдныхъ. То на нихъ нападаютъ физическія боли, то ихъ обуреваютъ душевныя муки, въ

домѣ поселяются духи, парализующіе всѣ удобства, доставляемыя богатствомъ, подъ конецъ жизни появляется страшное, но уже позднее раскаяніе.

Указанные принципы „работы“ и „богатства“, говоря вообще, находятся въ обратномъ отношеніи. Силою, установившею такое отношеніе ихъ, является „доля“. Доля у каждаго своя. У однихъ „до́ля мохна́тая, щастлы́ва“, у другихъ „до́ля го́ла, нещастлы́ва“. Можно находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ людямъ, но ругать долю также нелѣпо, какъ и роптать на Бога.

Было уже замѣчено, что ремесленники вообще составляютъ особый „міръ“ въ крестьянствѣ. Ихъ обособленность, жизнь, основанная на „живи́й копи́йци“, исключительная работа на другихъ отдѣляютъ ихъ отъ остального населенія, отъ котораго они отличаются и внѣшнимъ видомъ. Разная работа, соединяя людей общественно, лично разъединяетъ ихъ. Къ общимъ отношеніямъ заказчика и выполнителя, продавца и покупателя, присоединялись спеціальныя условія, вызывавшія взглядъ на ремесленниковъ, какъ на людей жмущихъ, эксплуатирующихъ. Посторонній человѣкъ всегда былъ чужимъ и до извѣстной степени враждебнымъ. Прибѣгая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ „странникамъ“, пришлымъ „чужеземнымъ“ ремесленникамъ, населеніе относилось къ нимъ недоброжелательно. Во время крѣпостнаго права, крестьяне еще пользовались услугами „па́нскихъ“ ремесленниковъ. При дешевизнѣ хлѣба, бѣдные помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, смотрѣли на своихъ ремесленниковъ, какъ на выгодную статью дохода. Дозволяя имъ работать на „вольныхъ“, они назначали высокую таксу, къ которой ремесленники присоединяли еще нѣсколько процентовъ для себя.

Но, представляя отдѣльный „міръ“, ремесленники не составляютъ особаго „класса“. Они входятъ въ составъ разныхъ классовъ, хотя болѣе или менѣе и отличаются отъ другихъ представителей этихъ классовъ. Степень отличія опредѣляется родомъ ремесла и класса, къ какому ремесленнику принадлежитъ. Чѣмъ сельскохозяйственнѣе промыселъ или выше классъ, тѣмъ меньше этого классоваго отличія. Бѣдный „оли́йныкъ“ живетъ

также, какъ остальные мужики, богатый „швецъ“ такъ, какъ торговцы. Ремесленниковъ перваго класса и называютъ „торговцями“, торгующихъ ремесленниковъ третьяго и послѣдняго классовъ называютъ просто „ремéсныкамы“. Сами ремесленники называютъ себя еще „здúльщиками“, „занятельщиками“ и рѣзко отдѣляютъ „большúхъ здúльщикивъ“ отъ „мáлыхъ“. Крестьяне вообще отличаютъ тѣ разнородные и разнохарактерные элементы, которые обволакиваются у насъ общимъ терминомъ „кустарная промышленность“. Не придавая самостоятельнаго значенія работѣ на рынокъ, какъ признаку второстепенному, производному, а также другимъ временнымъ или мѣстнымъ условіямъ, они устанавливаютъ два принципа классификаціи: „укладъ“ и „челядныство“. Величиною оборотнаго „капитала“ и количествомъ наемныхъ рабочихъ рукъ отдѣляются одни ремесленники отъ другихъ, т. е. спеціальными формами тѣхъ же принциповъ, которые лежатъ въ основѣ классификаціи населенія вообще.

Гл. 2.

Общинное землевладѣніе.

Размѣщеніе угодій.—Способъ пользованія и форма владѣнія.—Два народныхъ теченія.—Займанщина.—Усадьба.—Выгонъ.—Поле.—Лѣсъ—Сѣнокосъ.—Заполье.

Велика разобщенность въ современной деревнѣ и крѣпки нити, соединяющія отдѣльныя группы. Начиная съ формальностей, до глубоко интимныхъ влеченій,—все подчиняется властнымъ законамъ общественной солидарности и общественной розни. Сама территорія какъ-бы носитъ отпечатокъ этой власти.

Первый классъ занимаетъ самое сердце селенія, второй поселяется на окраинахъ и поясомъ охватываетъ слободу, остальные классы занимаютъ промежуточное мѣсто, отдѣляясь впрочемъ другъ отъ друга. Торговцамъ нуженъ базаръ, проѣзжій трактъ, „дукачáмъ“ нужны просторъ, близость поля, выгона, попаса, возможность подъ-часъ захвата для расширенія своихъ угодій.

Концентрическое, поясное дѣленіе замѣчается на всемъ пространствѣ крестьянской общины. Въ центрѣ ея находится усадебная площадь, раздѣленная на постоянные участки потомственнаго семейнаго владѣнія, за нею идетъ концентрически расположенная площадь общественнаго выгона, находящагося въ безраздѣльномъ пользованіи всѣхъ, затѣмъ расположены поля, лѣса, сѣнокосы, постоянно передѣляемые на пайки и доли по душамъ, работникамъ, дворамъ и, наконецъ, охватывающее разныя угодья и замыкающее всю общину, „заполье", состоящее изъ рѣдко передѣляемыхъ, ежегодно обрабатываемыхъ душевыхъ участковъ.

Разнообразны способы пользованія и формы владѣнія общественною землею. Внѣшнимъ дѣятелемъ этого разнообразія является родъ самого угодья, которому соотвѣтствуетъ внутренній факторъ—человѣческія потребности. Каждое угодье имѣетъ свою основу распредѣленія. Усадьба нужна для организаціи хозяйства и основаніемъ разпредѣленія усадебной площади, является частное хозяйство членовъ общины, поле нужно для человѣка и основой распредѣленія поля является ревизская, а съ недавнаго времени и наличная душа, относительно выгона основою является само общество, для лѣса—дворъ, ревизская душа, работникъ. Владѣніе, такимъ образомъ, бываетъ личнымъ и коллективнымъ: общественнымъ, семейнымъ, дворовымъ, душевымъ, работницкимъ. Пользованіе бываетъ по времени—постояннымъ, временнымъ и разовымъ, по виду—нераздѣленнымъ и участковымъ, паевымъ, долевымъ. Относительно времени,—чѣмъ больше труда затрачивается на извѣстное угодье, тѣмъ продолжительнѣе бываетъ пользованіе имъ. На усадьбу затрачиваютъ больше всего труда и ею пользуются „вѣчно", въ полѣ—меньше, и имъ пользуются временно, сѣнокосъ и лѣсъ появляются безъ труда человѣческаго, и ими пользуются въ формѣ разовой вырубки, разоваго укоса. Видъ пользованія опредѣляется качествомъ угодья и его разстояніемъ. Форма владѣнія, такимъ образомъ, указываетъ на единицу распредѣленія общественной собственности, способъ пользованія на продолжительность и видъ владѣнія; форма владѣнія диктуется *потребностями*,

способъ пользованія—соображеніями о количествѣ *труда*, необходимаго для удовлетворенія этихъ потребностей.

Итакъ, разныя угодья общины, владѣніе и пользованіе ими находятся въ связи съ потребностями и трудомъ человѣка; разные классы населенія, общественное положеніе ихъ находятся въ связи съ богатствомъ и работою человѣка.

Общинное землевладѣніе въ Харьковской губерніи въ его современной формѣ обязано своимъ появленіемъ борьбѣ „классовъ", формировавшихся на почвѣ неравномѣрно распредѣленной „старозаимки". Чѣмъ раньше возникла эта форма, тѣмъ покойнѣе она образовалась; чѣмъ позже она появилась, тѣмъ больше жертвъ и даже жизней она потребовала. Административное вмѣшательство способствовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этому процессу. Такъ, изъ болѣе позднихъ вліяній, кадастровая коммисія, работавшая въ Харьковской губерніи (1848—1853 гг.) надъ переложеніемъ у государственныхъ крестьянъ податей съ ревизскихъ душъ на земли и промысли, сообщила новый толчокъ формированію общинъ [1]). Въ образовавшихся общинахъ

---

[1]) См. мою статью: „Кадастръ Харьковской губ." (Харьковскій Сборникъ, вып. VI, стр. 32—33). Приведемъ два общественныхъ приговора о передѣлѣ земель, относящихся къ тому времени.

„1851 года іюля 21 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковскаго округа Липецкой волости, Больше-Прохожанскаго сельскаго общества селъ Большихъ и Малыхъ Проходовъ государственные крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ въ полномъ собраніи всего 220 домохозяевъ, учинили сей приговоръ въ томъ, что въ нашихъ селеніяхъ, Большихъ и Малыхъ Проходовъ, пахатная земла, принадлежащая намъ, государственнымъ крестьянамъ, есть *четвертная*, владѣемая нами съ предковъ до сего времени *по старымъ заимкамъ* и документамъ четвертями по помѣстьямъ неуравнительно, т. е. имѣющіе домохозяева, при семействахъ только по одному работнику, отъ 20 до 35 десятинъ на одну ревизскую м. п. душу, которую, по малому ихъ состоянію и по недостатку рабочаго скота, обрабатывать исправно не могутъ,—а потому мы всѣ съ доброй своей воли безъ всякаго и ни отъ кого принужденія предположили для себя за выгоднѣе раздѣлить всѣ таковые четвертные участки земли на число ревизскихъ м. п. по 9 переписи состоящихъ въ нашемъ обществѣ 999 душъ уравнительно по скольку причитаться будетъ, и мы послѣ сего о передѣлѣ оной земли впредь просить и заводить дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ нигдѣ не будемъ. Въ чемъ сей приговоръ подписомъ нашимъ удостовѣряемъ и просимъ представить оный на утвержденіе куда слѣдуетъ чрезъ волостное правленіе, въ томъ и подписуемся"

замѣчается въ настоящее время стремленіе къ передѣлу поля на наличныя души и „равненіе“ старыхъ усадьбъ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ величины полевого надѣла. Зародившись въ большихъ центральныхъ пунктахъ, движеніе въ пользу общиннаго землевладѣнія, какъ преобладающей формы землевладѣнія, перешло въ хутора и, не смотря на увеличившіяся внѣшнія и внутреннія препятствія, охватило много селеній и хуторовъ, еще сохранившихъ старозаимочный личный типъ землевладѣнія.

Параллельно съ этимъ народнымъ движеніемъ замѣчается движеніе иного рода—разложеніе общинныхъ формъ подъ вліяніемъ агитаціи первыхъ двухъ классовъ крестьянства. Старозаимочные судебные процессы сообщили сильный толчокъ движенію этого рода. Освобождая государственныхъ крестьянъ отъ платежа оброчной подати, они воодушевляютъ „старозаимщиковъ“, ломающихъ общину, и уже содѣйствовали имъ въ нѣкоторыхъ

„1851 г. іюля 10 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковской губ. Сумскаго округа, Верхне-Сыроватской волости, Нижне-Сыроватскаго общества всѣ домохозяева, бывши на мірскомъ сходѣ, въ присутствіи завѣдывающаго харьковскимъ отрядомъ уравненія сборовъ съ государственныхъ крестьянъ коллежскаго совѣтника и кавалера Зубова и помощника Сумскаго окружнаго начальника, составили сей приговоръ, что желаемъ объявленное намъ количество земли, по каждому домохозяйству отдѣльно, раздѣлить между всѣми домохозяевами по числу ревизскихъ душъ по-ровну, также дать такіе же участки и тѣмъ изъ насъ, которые земли не имѣютъ, а отставнымъ солдатамъ назначить равныя съ нами земли въ раздѣлъ по разсчету на душевой пай; усадебныя же земли въ раздѣлъ не назначать, а оставить ихъ, какъ у каждаго по измѣренію оказалось. Это наше желаніе основано въ томъ, чтобы при уравнительномъ владѣніи полевыми землями и плата поземельная была одинакова съ каждой ревизской души. Что же касается до земель, которыя будутъ отведены и отставнымъ солдатамъ, то за земли усадебныя обязуемся мы платить обществомъ, а за полевыя земли они, солдаты, должны платить въ общество тотъ окладъ, какой на десятину будетъ положенъ. Земли же присвояемыя за крѣпостныя изъ насъ Новаковыми и Обозными въ раздѣлъ не назначать, а предоставить имъ платить особо. Означенный раздѣлъ земли, на каждую ревизскую душу, обязуемся сдѣлать своими средствами, не затрудняя начальства“.—Интересно, что въ прошломъ столѣтіи въ Нижней Сыроваткѣ было общинное землевладѣніе. По свѣдѣніямъ за 1773 годъ—„въ сл. Низшей Сыроваткѣ владѣющихъ вообще землею 1949 душъ, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ отдѣльныя дачи 161 душа, неимѣющихъ земли 215 душъ“.

поселеніяхъ „разобрать землю по старому“ [1]).—Фактическою основою землевладѣнія Слободской Украйны, нынѣшней Харьковской губерніи, была главнымъ образомъ *общественная* заимка „на дикой волной степи, лежащей близъ Крымской границы, въ большихъ черныхъ и малопроходныхъ въ то время лѣсахъ и пасѣкахъ“, юридическою основою—царская грамота, пожалованная *цѣлымъ полкамъ* или *товарищамъ*. Займанщина индивидуальная или коллективная, какъ основа народнаго землевладѣнія слобожанъ, не исключала заимки, какъ способа пользованія общественной землей. Изъ поколѣнія въ поколѣніе не передѣляемыя, „*старо*-заимки“ были то способомъ пользованія общественной землей, то видомъ индивидуальной собственности. Заимка „оранкою“, „хуторомъ“ полковой земли, купля-продажа „пайковъ“ или „старыхъ заимокъ“ общественной земли были въ духѣ „черкасскихъ обыкностей“[2]). Займанщина какъ *основа* землевладѣнія, имѣла въ XVIII в. разныя *формы*: общественную, частную и смѣшанную. И послѣдняя, повидимому, преобладала [3])

[1]) Въ Зміевскомъ уѣздѣ намъ пришлось услышать о результатахъ разрушенія общиннаго землевладѣнія у русскихъ слѣдующее: „Наградилъ Боровую аблокатъ Колышка! На „земли“ порѣзалъ: одному, у кого было 2 души, десятинъ 50, да лѣсу 20, а другому, который платилъ за сколько душъ, леху отвелъ. Безземельщиковъ сколько надѣлалъ!... Какой лѣсъ извелъ и общество заложилъ... Мы и къ Царю посылали, и въ судѣ судимся... Обидѣлъ, страсть обидѣлъ“.

[2]) И теперь крестьяне, по обычаю, считаютъ себя въ правѣ продавать невыкупленные надѣлы.

[3]) Для иллюстраціи формъ народнаго землевладѣнія Слободской Украйны, приведемъ изъ имѣющихся у насъ документовъ XVIII в. нѣкоторыя типическія выдержки.

1. „Оная деревня Леонтьевка (Валковскаго уѣзда) поселеніе свое имѣетъ вмѣстѣ съ Коломакомъ и *владѣніе землями и лѣсами было вообще* и какая именно часть земли принадлежитъ къ деревнѣ Леонтьевкѣ—узнать не можно потому больше, что казенные обыватели и Леонтьевскіе подданные какъ бы *поочередно распахиваютъ земли и потомъ одинъ другого на захватъ загоны пашутъ*“.

2. „Которою землею сл. Козацкой (Богодуховскаго уѣзда) *есть, раздѣля на пайки*, хотя съ нуждою и довольствуются, а безземельныхъ между ними, равно проданныхъ и уступленныхъ (земель) не имѣется“.

3. „Въ оныхъ обывателей показанныя земли доставшіяся отъ предковъ ихъ еще въ прошлыхъ давнихъ годахъ сначала населенія сл. Бѣлокъ (Ахтырскаго уѣзда) по заимкамъ, а потомъ и по покупкамъ другъ отъ друга до запретительнаго въ 736 г. указа... коею они *всякъ своими участками* владѣетъ... а безземельныхъ 217 душъ“.

Общинное землевладѣніе нашего времени уменьшило чрезвычайную клочковатость прежнихъ „старыхъ заимокъ“, расширило площадь воздѣлываемаго поля, ограничило истощеніе почвы, часто ежегодно обрабатывавшейся, вводя обязательный трехпольный правильный сѣвооборотъ, равномѣрно распредѣлило народную землю среди крестьянъ, подняло общее благосостояніе, уменьшило пьянство, давъ занятіе безземельнымъ и ремесленникамъ, сильно „гулявшимъ“ лѣтомъ. Оно объединило крестьянскіе классы, создало общіе интересы. Но оно не въ силахъ бороться съ движеніемъ разъединяющаго свойства, поддерживаемымъ и вызываемымъ совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни. Это станетъ очевиднымъ изъ общаго обзора его функцій.

По приговору „сходки“, вслѣдствіе заявленія отдѣльной семьи, желающей устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, къ какому бы классу она ни принадлежала, — изъ участковъ общей земли отводится, „наризаецьця“ для нея дворовое мѣсто, — „плецъ“. Приговоръ выполняется старостой и писаремъ при участіи „громады“, хотя бы изъ нѣсколькихъ лицъ. Измѣряемая прежде „кроковкою“, циркулеобразнымъ сажнемъ, земля измѣряется теперь цѣпью. Обнесенный „тыномъ“ плецъ обращается въ „подвирье“. Обстроенный „подвирокъ“ представляетъ три отгораживаемыя части: „двиръ“, „тикъ“ и „огородъ“. Каждая часть имѣетъ свое значеніе. Во дворѣ ставится, смотря по зажиточности новаго хозяйства, одинарная хата или „хата-кимната, а чрезъ сини друга хата“, комора съ „засиками“ и „всыпищами“ и проч. На „тикъ“ свозится хлѣбъ, гдѣ его молотятъ и вѣютъ. Свезенный хлѣбъ ставится на „пидъ“ изъ бревенъ. Такъ какъ молотьба требуетъ гладкаго, твердаго, утолоченнаго мѣста, то, очистивъ небольшое пространство на току, поливаютъ его водою, посыпаютъ ржаной половой и выравни-

4. „Сл. Печенегъ (Зміевскаго уѣзда) пользующихся *вообще общественною землею* 2751 душа, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ *свои отдѣльные земли* 2551 душа, не имѣющихъ вовсе въ землѣ никакого участія 461 душа“.

5. „Оный черный лѣсъ сл. Асоевки по приговору общества, дабы общественною порубкою вскорѣ истребиться не могъ, въ 775 году на общество каждой душѣ по одной десятинѣ раздѣленъ“.

ваютъ, т. е. убиваютъ „толокомъ“, дубообразнымъ полѣномъ съ ручкой. Огородъ раздѣляется на „плеса“, „грядки“ и „капустникъ“. Если огородъ находится на высокомъ, сухомъ мѣстѣ, то капустники нарѣзаются отдѣльно въ низкихъ, мокрыхъ мѣстахъ. Для капустниковъ, если окажется необходимымъ, раздѣляютъ и „сагу“, болотистое мѣсто, заросшее камышемъ и осокою. Въ такомъ случаѣ каждый, прокапывая межи, унаваживая, самъ осушаетъ свое мѣсто. На низкихъ мѣстахъ нарѣзаютъ еще необходимые въ хозяйствѣ конопляники,—„пидметы“. „Плесо“ въ огородѣ—это широкое, продолговатое мѣсто, „грядка“—узкое, длинное, высокое. Грядки накладываются землей и унаваживаются обыкновенно „товарячимъ“ навозомъ. Отдѣляются онѣ „межами“. На нихъ сажаютъ капусту, цыбулю, чеснокъ; на плесахъ—огурцы, бураки, картошку. Плеса обсаживаются пшеничкой, гарбузами. „Огородъ—бабынъ доходъ“,—это арена ея личныхъ заботъ и трудовъ. „То не хазяйка, шо овощъ покупае, а то хазяйка, шо продае“. „Огородъ для семьи пидмога“: „въ огороди литомъ покопаесься, то й зимою въ овощахъ не понуждаесься“. Говорятъ: „якъ лышний разъ попоремъ, то лышний разъ и за овощами сходемъ“, упрекая нерадивую хозяйку: „завела бурьянъ вовкамъ плодыцьця“.

За усадьбою слѣдуетъ выгонъ. Требуется нейтральное мѣсто, гдѣ можно было бы стать возомъ, поставить „витряки“, привязать свинью, коня, попасти скотъ на время. „Выгинъ“—не настоящее пастбище, а мѣсто, куда можно выгнать скотину на короткое время, такъ какъ, выгнавъ ее на отдаленное пастбище, хозяинъ лишается услугъ рабочей силы на продолжительное время. Богатые мужики имѣютъ иногда еще частные, обыкновенно огораживаемые—„пастивныки“. Смотря по расположенію угодій, бываетъ одинъ выгонъ, если поле лежитъ по одну сторону селенія, и два, если селеніе стоитъ въ центрѣ угодій. Гдѣ паровое поле, на той сторонѣ и выгонъ; перемѣщается „толока“, перемѣщается и выгонъ, а прежній обращается въ поле, „збий“, особенно цѣнимый крестьянами. Если нѣтъ свободнаго мѣста для выгона, часть кустарника отводится подъ попасъ, обращается въ „вильне“. Но настоящее пастбище—это паровое поле, „толока“, на которой постоянно тол-

чется скотъ. Кромѣ того, скотъ пасутъ еще на „стерняхъ“, скошенномъ полѣ, на отавахъ, пускаютъ на „луки“ въ началѣ весны, на осеннюю „зеленю“, поросль озимаго хлѣба. Скотъ заставляетъ утилизировать и раздѣленную, частнымъ трудомъ уже обработанную землю по принципу общаго вольнаго пользованія. Рогатая скотина „благословенна“: „и робыть, и на харчъ идѐ“; свинья „огнѐмъ благословы́цьця“: „не присмолы́въ, йи́сты нейззя̀“; лошадь „хоть якѐ дорогѐ мя́со, а все такѝ соба́че“. Волы̀, конь—„тяглò“, корова, свинья, вивця̀—„пидпомо́га“. „Го́ре безъ своѓò тягла̀, безъ скоты́ны, якъ безъ рукъ“; „якъ бу́дуть коро́вки, то бу́дуть и бычькѝ,—не голо́дни й диточкѝ“, „десятокъ овечòкъ—въ хазяйстви свы́тка й кожушòкъ“, „якъ своя̀ свы́нка—своѐ са́льце“: „до́бра годы́на, якъ во́дыцьця во дворѝ скоты́на“. А между тѣмъ скотина „Бо́жья роса̀“: „якъ со́лнце гля́не,—ничо́го не ста́не; якъ Богъ захо́че, уся̀ скоты́на вразъ пропадѐ“.

Для своего существованія крестьянинъ нуждается въ землѣ: „па́стбыще для скота̀, для мужика̀ по́ле“. Община гарантируетъ ему это поле. Въ полѣ бываетъ обыкновенно три поля въ трехъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ „рука̀хъ“:—„толо́ка“, „царына̀“ и „ярына̀“. Въ каждой „рукѣ“ бываетъ по очереди всѣ три поля. Поднятая „толо́ка“, но еще не засѣянная, даетъ „ри́ллю“, осенніе всходы ржи и иногда засѣваемой пшеницы—„зеленя“, тѣже всходы лѣтомъ—„царына̀“; снятая „царына̀“ оставляетъ „стерню̀“, взъораная „на ззябъ“ стерня эта засѣвается яровымъ хлѣбомъ, всходы яровыхъ хлѣбовъ ячменя, овса и проч. даютъ „ярину̀“, а стерня яроваго хлѣба снова обращается въ „толо́ку“. Отдѣльныя „ру́ки“ бываютъ порѣзаны на „го́ны“, „кли́нья“, „сте́жки“. Форма опредѣляетъ названіе. „Го́ны“—ровныя широкія полосы обыкновенно разной длины, „кли́нъ“—трехугольная площадь, а „сте́жка“, дорожка,—продолговатая неправильная полоска земли около лѣса, яра и проч. Эти части „рукѝ“ отдѣляются „зворо́тами“ и нарѣзаются при передѣлѣ на душевые „пайкѝ“, отдѣляемые „обми́жками“.

Назначеніе полосы обусловливаетъ ея названіе и опредѣляетъ ея величину. „Обми́жекъ“—узкая полоса земли, обращаемая въ настоящее время просто въ межевую борозду, „зворо́-

ты"—полоса, по которой можно проѣхать возомъ до пайка и завернуть плугомъ при оранкѣ. Орютъ двоякимъ способомъ: въ „розгинъ" и въ „складъ". Въ первомъ случаѣ начинаютъ съ межи своего пайка, проходятъ бороздою вдоль „обмижка", заворачиваютъ на „зворотахъ" и проходятъ другою бороздою вдоль другой границы, затѣмъ заворачиваютъ на другихъ „зворотахъ" и проводятъ третью борозду около первой. Такъ, „обходя гоны", доходятъ до середины пайка. Работая „въ складъ", начинаютъ съ середины пайка и постепенно доходятъ до границъ его. При „розгинѣ" земля разваливается и по серединѣ пайка оказывается открытая борозда, которую нечѣмъ бываетъ заложить; при „складѣ" земля складывается, такъ что борозды посрединѣ не бываетъ. Работая, слѣдятъ, чтобы не надѣлать „огрихивъ", не оставить неподрѣзанной земли. Прежде орали украинцы плугомъ, теперь многіе уже пашутъ сошками, а прежній „плугъ волївъ", три пары быковъ, замѣняется лошадью. Время работы измѣряется разстояніемъ. Дѣлая въ день опредѣленное число бороздъ, говорятъ—столько-то разъ „обийшовъ кругомъ гоны". Опредѣляется время и „опругомъ". Говорятъ: „поорався опругъ, покосывся два-три опруга" и т. п. День имѣетъ четыре „опруга": одинъ до „снидання", другой до „обида", третій до „полудня", четвертый до „вечери"; осенніе короткіе дни имѣютъ три „опруга". Такъ какъ на яровыхъ стерняхъ земля мягкая, то на нихъ, преимущественно на „просыщахъ", на „гречькивкахъ", сѣютъ рожь нерѣдко „наволокомъ", т. е. не пашутъ вновь землю, а лишь ралятъ ее, хотя и говорятъ: „насывъ, каже, наволокомъ и вродыло, якъ нарокомъ". Богатые мужики обыкновенно засѣваютъ большія пространства, цѣлые „ланы" одного какого-нибудь хлѣба.

Общественная земля въ разныхъ мѣстахъ бываетъ неодинаковаго качества и лежитъ на разномъ разстояніи отъ усадьбы. Желая уравнять интересы сочленовъ, предпринимаютъ передѣлы полей. Чѣмъ больше различія въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей земли, тѣмъ напряженнѣе оказывается стремленіе передѣлять ихъ чаще и на большее число клочковъ дробить надѣлъ. Передъ „подиломъ" пишутъ иногда „трактатъ на раздѣлъ земли" и „маршутъ" этого раздѣла съ обозначеніемъ исходного

пункта и постепеннаго чередованія отдѣльныхъ мѣстъ по урочищамъ. Въ „трактатѣ“ обозначается рѣшеніе „сходки“ о передѣлѣ на ревизскія или наличныя души, о выдѣлѣ отдѣльной части на „стороннія души“ членовъ, проживающихъ внѣ данной общины, хуторянамъ и проч. Здѣсь же обозначаются результаты „жеребьевки“, такъ какъ изъ каждаго „десятка“, на которые раздѣляется поселеніе, кто нибудь беретъ жребій съ обозначеніемъ номера для опредѣленія порядка, въ какомъ должны чередоваться эти „десятки“ при передѣлѣ. „Подильщики“ отмѣряютъ „пайки“ разной величины, смотря по количеству надѣловъ у каждаго, имѣя въ виду десятницкіе списки, гдѣ обозначены домохозяева десятковъ и число „душъ“ каждаго хозяина.

Въ эксплуатаціи лѣса замѣчается большое разнообразіе. Въ нераздѣльномъ лѣсѣ фруктами пользуются по принципу захвата. Въ назначенный день всѣ выходятъ въ лѣсъ, и, сколько отдѣльная семья отрясетъ деревьевъ или оберетъ ихъ, столько и пользуется. Въ лѣсѣ, раздѣленномъ между крестьянами на участки, срываніе орѣховъ, какъ роскоши, иногда дозволяется въ чужомъ участкѣ; собираніе же кислицъ (дикихъ яблокъ), идущихъ на варево, строго воспрещается. Вырубить дерево на „надобокъ“ у кого бы то ни было преступленіемъ не считается. Нераздѣльный лѣсъ эксплуатируется „засикой“. Ежегодно отводимая „дилянка“ раздѣляется, смотря по роду и состоянію лѣса, пайками, возами, отдѣльными штуками на дворы, ревизскія души или на работниковъ и вырубливается каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, а иногда цѣлой „громадой“. Общественный лѣсъ, въ видахъ его сохраненія, дѣлится иногда на участки для постояннаго пользованія каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, съ преслѣдованіемъ лишь корчеванія. Стремленіе къ участковому пользованію лѣсомъ усиливается и фактически осуществляется, не смотря на существующее запрещеніе. Оно обусловливается убѣжденіемъ, что „землю нельзя уничтожить, а лѣсъ легко извести“ по желанію воротилъ общества.

Сѣнокосъ передѣляется на души обыкновенно ежегодно, иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ каждый пользуется своимъ „пайкомъ“; или нарѣзаются постоянные „пайки“, а

домохозяева только чередуются пользованіемъ ихъ. Иногда сѣно косится всей „громадой“ и затѣмъ раздѣляется уже копицами.

Земля, выходящая за черту удобнаго пользованія для главнаго поселенія, дѣлится на участки между хуторами, входящими въ общину, или обращается въ „запо́лье“, т. е. выдѣляется изъ общаго сѣвооборота. Скоту неудобно заходить далеко,—„запо́лье“ не бываетъ пастбищемъ: не сбиваясь скотомъ, оно не бываетъ „толо́кой“ и обрабатывается ежегодно. Чѣмъ ближе поле, тѣмъ напряженнѣе сказывается забота „уравнить“ его частыми передѣлами; чѣмъ дальше оно, тѣмъ эта забота слабѣе. Удаленное отъ жилья „запо́лье“ раздѣляется на душевые, рѣдко передѣляемые участки. Въ общинѣ, гдѣ оно существуетъ, оно составляетъ четвертую „ру́ку“. Здѣсь обыкновенно сѣется рожь и гречиха, вытѣсняемая другими хлѣбами изъ черты правильнаго трехпольнаго сѣвооборота, заводятся „облóга“,—переставая обработывать землю, позволяютъ ей твердѣть, „облягáть“, и заростать травою. Здѣсь же встрѣчаются и нескашиваемыя пространства сорныхъ травъ.

Изъ общаго обзора функцій общиннаго землевладѣнія становится очевиднымъ, что оно стремится болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлить между крестьянами основные источники удовлетворенія насущныхъ потребностей народа. Но нельзя требовать отъ общиннаго землевладѣнія того, чего оно по своему характеру дать не можетъ. Подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ масса крестьянъ до того ослабѣла, что не въ силахъ пользоваться преодставленнымъ ей правомъ на землю, а цѣлые слои окрѣпли и выдѣлились изъ общей массы и, кромѣ общественнаго надѣла, имѣютъ свои частныя старозаимочныя и крѣпостныя земли. Стараясь удовлетворить насущныя потребности народа, общинное землевладѣніе предоставляетъ полный просторъ для дѣятельности самыхъ разнообразныхъ факторовъ жизни.

В. В. Ивановъ.

Глава 1-я.

СТАРОБѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ

Харьковской губерніи.

1.—Сл. Свято-Дмитріевка.

Изъ прошлаго. — Жилище, одежда и пища. — Народная медицина. — Заговоры. — Молитвы.—Религіозность и нравственность.—Свадебные обряды и пѣсни (рушники, оглядины, сватанье, вареники, шишки, подвесилокъ, свадьба).—Обряды и обычаи.—Игры.—Повѣрья.—Пѣсни.—Сказки.

Сл. Свято-Дмитріевка (Капитанова) Ново-Айдарской волости расположена по среднему теченію р. Евсугъ. Заселяться Свято-Дмитріевка начала почти разомъ съ сл. Петро-Павловой, находящейся въ 18 вер. и принадлежавшей одному и тому же помѣщику,—выходцами съ Дона приблизительно въ 1640 г. Въ 1766 г. въ ней былъ освященъ первый храмъ въ память св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Храмъ этотъ находился въ нѣсколькихъ саженяхъ на югъ отъ теперешняго, освященнаго въ 1864 г. Построенъ онъ былъ помѣщикомъ Петромъ Трубецкимъ. Въ скорости послѣ освященія перваго храма, Свято-Дмитріевка была возвращена кн. Трубецкимъ въ казенное вѣдомство. Никакихъ остатковъ отъ пещеръ или укрѣпленій нѣтъ, хотя крестьяне разсказываютъ, что еще не такъ давно находили часто въ ярахъ, на которыхъ прежде росли большіе лѣса, ямы, наполненныя зерномъ, преимущественно просомъ, уже погнившимъ и негоднымъ къ употребленію. Въ вершинѣ яра, называемаго „страшнымъ", находилась громадная пещера, служившая нѣкоторое время убѣжищемъ для шайки разбойниковъ, грабившихъ чумаковъ и проѣзжавшихъ

мимо крестьянъ. Входъ въ эту пещеру существовалъ, говорятъ, еще лѣтъ за пять до „чернаго года“, но потомъ мужики, объоравши, направили туда стокъ дождевой и весенней воды, и пещеру занесло камнями и пескомъ. Говорятъ, вода шла туда лѣтъ пять Разсказываютъ, будто находился смѣльчакъ, который, взявъ въ горшокъ углей (огонь въ пещерѣ тухъ), ходилъ въ эту пещеру и потомъ сообщалъ, что находилъ тамъ множество стойлъ и яслей для скота. Крестьяне думаютъ, что разбойники въ лѣсу возлѣ этой пещеры прятали награбленныя деньги, и теперь между ними находятся иногда охотники поискать тамъ клада, но вырывать никогда ничего не удавалось.

Сл. Дмитріевка называется такъ по имени церкви, посвященной памяти Святителя и чудотворца Димитрія, митрополита Ростовскаго, называютъ ее въ простонародіи и Капитанова [1]). Кладбищъ въ сл. Свято-Дмитріевкѣ три. Они находятся при выгонѣ слободы, обнесены приличными рвами; два изъ нихъ существовали еще со времени постройки церкви въ этомъ приходѣ (1766 г.), а третье устроено позже. Есть одно упраздненное кладбище, находящееся на лѣвой сторонѣ рѣки Евсуга.

Въ оградѣ при старой церкви погребено замѣчательное доброю жизнью и милосердіемъ къ ближнимъ лицо,—свящ. Василій Пантелеймоновъ (+1861 г. 30 нояб.). Не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о фамиліи Пантелеймоновыхъ, преемственно священствовавшихъ здѣсь около столѣтія, потому что фамилія эта имѣетъ нѣкоторую связь съ исторіей образованія здѣшняго прихода. Вотъ что говоритъ объ этомъ преданіе: около 1750 года проѣзжалъ малороссіянинъ Пантелеймонъ Майборода [2]), изъ сл. Бѣло-Куракиной въ Луганскую станицу (Ек. губ.) на ярмарку, лѣвою стороною рѣки Евсугъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь большой мостъ, а тогда былъ бродъ, остано-

---

[1]) По преданію извѣстно, что Дмитріевка была господскою слободою, и что владѣтель ея кн. Трубецкой былъ въ чинѣ капитана.

[2]) Фамилія Майбородъ и теперь существуетъ въ сл. Бѣло-Куракиной въ званіи вольныхъ хлѣбопашцевъ.

вился кормить лошадь. Онъ былъ съ сыномъ, десятилѣтнимъ Константиномъ (отецъ покойнаго Василія Пантелеймонова). На правой сторонѣ рѣки, въ этомъ мѣстѣ былъ отличнѣйшій лугъ, еще не скошенный въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца; подъ горою стояли три жилыхъ хаты, а прочія мѣста представляли собою дикую степь. Майборода бродомъ перешелъ рѣку и, въ веселомъ расположеніи духа, махая кнутомъ въ травѣ по поясъ, говорилъ: „у, сынку! тутъ-то гарна слобода буде!“ и какъ-бы пророчески прибавилъ: „ще ты будешъ тутъ попомъ“. И дѣйствительно, чрезъ 22 года этотъ десятилѣтній сынъ Константинъ, по фамиліи Пантелеймоновъ [1]), поступилъ уже на второй штатъ священникомъ.

Слобода находится въ 50 вер. отъ уѣзднаго города и въ 45 — отъ Луганскаго литейнаго завода; такъ какъ Луганскій заводъ — пунктъ болѣе оживленный, то мѣстные крестьяне всѣ свои продукты, состоящіе преимущественно изъ хлѣба, картофеля и капусты, возятъ для продажи въ послѣдній. Сл. Свято-Дмитріевка расположена по среднему теченію р. Евсуга, у подошвы обрывистаго холма изъ отвердѣлаго мѣла и носящаго мѣстное названіе „Кицай горы“.

Прежде, говорятъ, окрестности Свято-Дмитріевки были покрыты густыми лѣсами, а берега р. Евсуга, прежде глубокой, — прекрасными лугами; теперь-же отъ лѣсовъ остались одни названія, да иногда попадаются пни, а, вслѣдствіе обмеленія рѣки, луга обратились сперва въ степь, а потомъ были распаханы подъ хлѣбъ.

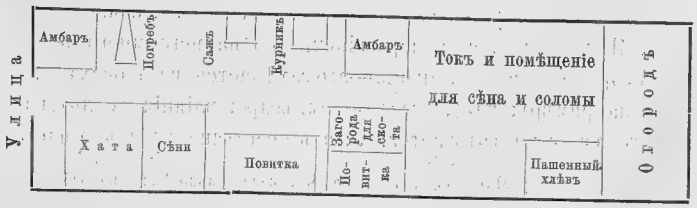
Жители слободы — малороссы; между ними есть нѣсколько семействъ и великороссовъ. Цвѣтъ волосъ жители имѣютъ темнорусый, ростъ средній, глаза сѣраго цвѣта, носъ прямой, умѣренный. Число жителей простирается до 4119 человѣкъ (2094 м. п., 2025 ж. п.); сверхъ того временно проживающихъ 49 душъ. Языкъ жителей малороссійскій, но на него много повліялъ говоръ донскихъ козаковъ,—это замѣчается во многихъ словахъ, напримѣръ: чаво, „казанъ“ вм. ведро; вліянія же литературнаго языка не замѣчается. Читать крестьяне любятъ и часто

[1]) По настоящему Майборода, но отецъ его, желая увѣковѣчить на любимомъ сынѣ своё имя, просилъ—именоваться ему Пантелеймоновымъ, на что и получилъ разрѣшеніе.

обращаются съ просьбою дать имъ какую нибудь книгу для чтенія, но удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, такъ какъ при училищѣ книгъ для чтенія не имѣется. Крестьяне пріобрѣтаютъ себѣ книги на ярмаркахъ и у офеней преимущественно духовнаго содержанія, какъ-то: житія святыхъ, Евангеліе, Псалтырь и путеводители по святымъ мѣстамъ. Занятіе крестьянъ—земледѣліе. Прежде, когда луга были не распаханы, и кругомъ росли лѣса, нѣкоторые занимались пчеловодствомъ; въ настоящее время пчеловодства, садоводства и кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Жилище крестьянъ состоитъ изъ большой свѣтлой „хаты", преимущественно о четырехъ окнахъ (два на улицу и два во дворъ) и большихъ сѣней, которыя часто замѣняютъ собою „комóрю" (амбаръ). Убранство крестьянской хаты состоитъ изъ иконъ, занимающихъ иногда почти двѣ стѣны, идущія отъ передняго угла,—и лубочныхъ картинъ. Вдоль стѣнъ, идущихъ отъ передняго угла,—расположены широкія лавки, а въ самомъ углу находится большой столъ, за который сажаютъ почетныхъ гостей. Возлѣ порога помѣщается печь, а рядомъ съ нею по глухой стѣнѣ—„полъ" (помостъ), предназначенный для ночнаго отдыха всей семьи. Дворъ крестьянина продолговатъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ постройками: возлѣ хаты „повитки", служащія крестьянамъ вмѣсто подъѣздныхъ сараевъ, рядомъ съ ними „зáгороды" для скота, а по другую сторону амбары и погребъ. За постройками вдоль усадьбы расположены токъ и наконецъ огородъ. Въ концѣ тока обыкновенно стоитъ пашенный хлѣвъ, куда крестьянинъ прячетъ отъ непогоды полову и лучшій кормъ. Клунь (ригъ) въ Свято-Дмитріевкѣ, по недостатку лѣса, крестьяне не дѣлаютъ.

Представляемъ планъ двора средняго хозяина.



Раскраски и рѣзьба самая простая помѣщаются только на ставняхъ оконъ. Измѣненіе въ постройкѣ хатъ состоитъ въ томъ, что ихъ, по неимѣнію лѣса, стали строить изъ мѣлового камня, обширнѣе прежнихъ и о трехъ окнахъ на улицу; соломенныя крыши также въ послѣднее время начали замѣняться земляными и черепицею.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ рубахи, брюкъ (штановъ) и „чемáрки", а женщинъ изъ рубахи и „дергѝ" (запáски) изъ овечьей шерсти; все это домашняго приготовленія. Дѣвушки вмѣсто дéрги носятъ юбки, преимущественно краснаго цвѣта. Эта одежда употребляется всегда, только по праздникамъ одѣваются чище. Зимою какъ женщины, такъ и мужчины носятъ „кожухи́" (тулупы) изъ овечьихъ шкуръ, а дѣвушки иногда „халáты", шитые изъ синяго сукна, покупаемаго у торговцевъ. Въ послѣднее время рубахи стали шить изъ покупнаго бумажнаго холста, вмѣсто своего болѣе толстаго, но за то и болѣе прочнаго. Стоимость одежды слѣдующая: рубаха отъ 80 к. до 1 р., брюки 1 р., чемарка 2 р. 50 к., дергá отъ 40 к. до 80 коп., юбка отъ 1 р. до 3 р., кожухъ и халатъ отъ 10 р. до 20 р.

Пища, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ въ скоромные дни состоитъ преимущественно изъ картофеля, квашеной капусты, свиного сала и яицъ. Въ постные дни ѣдятъ картофель, капусту, огурцы, пшенную кашу и соленую рыбу; свѣжей рыбы достать негдѣ, и покупаютъ крестьяне ее вообще неохотно; бѣдные часто питаются одною квашеною капустою и кашею. Хлѣбъ всѣ безъ исключенія ѣдятъ изъ смѣси ячменя и пшеницы, во время же полевыхъ работъ, смотря по достатку, или смѣшанный изъ ржи и пшеницы, или чистый пшеничный. При недостаткѣ продуктовъ, крестьяне покупаютъ сахаръ, растворяютъ его въ водѣ и ѣдятъ съ хлѣбомъ. Пища крестьянъ, съ уничтоженіемъ пастбищъ и уменьшеніемъ количества скота, видимо ухудшается: такъ какъ молоко бываетъ не у всѣхъ, а мясо почти ни у кого.

Помѣщенія свои крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами съ стеклами и безъ стеколъ. Очень рѣдко и то въ богатыхъ семьяхъ встрѣчаются каганцы (съ бараньимъ или свинымъ „лóемъ").

Болѣзни и ихъ лѣченіе. Весною и лѣтомъ крестьяне страдаютъ лихорадкою; зимою и осенью—горячкою. Большинство

жителей заражено сифилисомъ. Существуетъ обычай, когда въ домѣ покойникъ, класть на столъ хлѣбъ, который лежитъ до тѣхъ поръ, пока не похоронятъ покойника; этотъ хлѣбъ на обѣдѣ по умершемъ, послѣ погребенія, дѣлится между присутствующими. „Ли́карки“ берегутъ этотъ хлѣбъ, и, въ случаѣ, если кто заболѣетъ горячкою, намачиваютъ его въ водѣ. Воду эту даютъ пить больному, а къ головѣ и желудку прикладываютъ компрессы, намоченные въ этой водѣ. Отъ лихорадки пьютъ „полынѐкъ“ и „деревíй“; подъ среду и „пьятòкъ“ кладутъ въ горшокъ съ водою гребенку, щетку, веретено и иголку, держатъ все это всю ночь въ печи, а въ среду на зарѣ этою водою обливаютъ больного, перемѣняютъ на немъ одежду и одѣваютъ потеплѣе. Для окончательнаго же пресѣченія лихорадки рубятъ на мелкіе куски святую вербу и подвѣшиваютъ въ трубѣ. При лѣченіи *сифилиса*, на четверть водки кладутъ 1/4 ф. „деко́хту“, сулемы съ горошину, 2 лепешки величиною съ полушку — кучелебицы, (кучелебицу предварительно перепаливаютъ въ царской водкѣ), два золотника ревеню и одинъ мускатный орѣхъ. Давая пить эту настойку, соблюдаютъ строгую діэту (чай и прѣсный коржъ) въ продолженіи 10 недѣль; кислаго и соленаго употреблять не позволяется. Если сифилитическія боли чувствуются во рту, то берутъ 12 золотниковъ декохта, по 1 золотнику на день, варятъ въ кувшинѣ, замазанномъ тѣстомъ, и пьютъ. Во время лѣченія, чрезъ каждые три дня, больнаго окуриваютъ „оку́ромъ“ (корень). Пищу употребляютъ, какъ и въ первомъ случаѣ; діэту соблюдаютъ цѣлый годъ, при чемъ половыя сношенія тоже на цѣлый годъ прекращаются изъ опасенія возврата болѣзни. Крестьяне полагаютъ, что отъ окура происходитъ выпаденіе зубовъ и впаденіе носа. Отъ цынги и сухого кашля, варятъ и даютъ пить, вмѣсто воды, корни Петрова батога, (цикорія, Cichorium Intibus) или корни одуванчика (Taraxacum officinale). Отъ кашля настаиваютъ бузиновый и липовый цвѣтъ, или цвѣты съ яблонь и вишенъ и употребляютъ, какъ чай. Отъ золотухи варятъ и пьютъ „соло́дке зи́лля“, кору съ сладкой яблони, или череду; варятъ „чисте́цъ“ (чистотѣлъ, Chelidonium majus) и купаютъ въ немъ больного. Если подорванъ желудокъ, — варятъ и пьютъ вмѣсто чаю, корень лопуха (Lappa, Arctium.); варятъ

и пьютъ на водкѣ или квасѣ корень травы „переступень“ (Bryonia dioica). Отъ боли зубовъ собираютъ первый цвѣтъ вишень и имъ парятъ зубы. Отъ младенческаго варятъ первый цвѣтъ подсолнуха и купаютъ больного; варятъ вмѣстѣ папоротъ и траву „ясынокъ“—и въ отварѣ купаютъ. Отъ чесотки—деготь, сѣра, синій камень и куриный пометъ переваривается и этою смѣсью обмазываютъ больного. При насморкѣ смазываютъ переносье, виски и подошвы козьимъ саломъ, а въ носъ втягиваютъ дымъ отъ потушенной восковой свѣчи. При боли груди, отъ простуды, намазываютъ сахарную бумагу, исколотую иголкой, — свинымъ саломъ и прикладываютъ къ груди. Отъ ревматизма—варятъ мелкую, самую жгучую крапиву, стираютъ и парятъ больныя мѣста; потомъ напаренныя, еще горячія части тѣла стираютъ французскимъ скипидаромъ. При ревматизмѣ безъ опухоли (сухой ломъ) сбираютъ въ полѣ кости, кладутъ въ горшокъ, не наливая воды, ставятъ въ печь, и стекшимъ мозгомъ стираютъ больныя мѣста. Отъ простудныхъ ранъ на ногахъ накладываютъ въ дырявый горшокъ корень жимолости (Lonicera caprifolium), или барбариса (Berberis vulgaris) и зажигаютъ, а стекающій въ отверстіе сокъ собираютъ и имъ мажутъ больныя ноги; при простудной хрипотѣ въ груди, сокъ этотъ пьютъ капель по 10-ти на стаканъ воды. Отъ засоренія желудка—даютъ больному ягоды жостера на водкѣ или на водѣ. Отъ поноса засушиваютъ ржаной коржъ почти на уголь, трутъ въ порошокъ, запариваютъ съ мукою и даютъ пить; при боли глазъ, промываютъ глаза водою съ корыта, въ которомъ поятъ скотъ. При выпаденіи кишки и отъ грыжи даютъ пить сѣру, предварительно попаривъ больного. При задержкѣ мочи даютъ пить огуречный разсолъ съ льнянымъ масломъ, а животъ растираютъ деревяннымъ масломъ.

Къ фельдшеру и доктору крестьяне обращаются только въ крайнихъ случаяхъ. Говорятъ: „они знаютъ, но не хотятъ съ нами возиться.“

Лѣченіе скота. — Если скотина съѣстъ въ полѣ паучка, или объѣстся молодой лободы, то ее поятъ разсоломъ изъ-подъ свиного сала, или кислымъ молокомъ; при боли во рту—съ чистымъ дегтемъ смѣшиваютъ чеснокъ и мажутъ полость рта;

при яцурѣ даютъ животному пожевать соленую селедку; при боли ратицъ (оконечность хвоста), мажутъ ратицы дегтемъ, предварительно смѣшавъ его съ растопленнымъ саломъ; при боли въ желудкѣ поятъ отваромъ корней лопуха и деревеемъ; при боли головы во время засухи даютъ нюхать тертый хрѣнъ. Къ ветеринарамъ крестьяне относятся враждебно, говоря: „лѣчить они не лѣчатъ, а убивать и мы умѣемъ, лишь бы приказали“.

Заговоры. *Отъ „перелóговъ“*: „На мóри, на окиѧни, на óстрови Буѧни, тамъ стоѝть дубъ зелéный, на томъ дýби гáлочь сидѝть. Вамъ тутъ, гàлочь, не сидѝты, вамъ тутъ, перелòгы, не бувàты, рàзной шéрсты, жóвтой кóсты не ламàты“.

Для остановленія крови: 1) „На мóри, на окиѧни, на óстрови Буѧни, лежѝть бѝлый лёдъ—кáмень. На томý кáмени сѝяла дѝвка рóжу. Рóжа, прыймѝсь, кровъ, уймѝсь“. 2) „Ишлà кáменна бáба кáменнои корóвы доѝты. Якъ зъ кáменнои корóвы кровъ не йде, такъ бы зъ рабà Бóжого (имя) кровъ не йшла“. 3) „Йѝхавъ Егóрий на горѝ на вороно́му конѝ. Мечѐмъ конѧ̀ поганѧ̀, христыѧ̀намъ кровъ замовлѧ̀. Замòвъ новорождѐному, крещéному (имя)“. 4) „Кровъ, не йды, шѝло, не болы̀. Отъ жóвтои кóсты, Гóсподы, простѝ“.

Отъ бѣльма: „Ишлò тры сóколы чéрезъ клены̀—мосты̀. Пéрвый сóкилъ кровъ хлябàе, дрýгый сóкилъ бильмò зганѧ́е, трéитѝ сóкилъ чóрную гáлку чы̀стыть съ рабà Бóжого (имя, или со скота)“.

Отъ вора: 1) „На мóри, на окиѧни, на óстрови Буѧни лежѝть бѝлый лёдъ—кáмень. Сходы̀лыся къ томý бѝлу лéду—кáменю,—вóры, розбóйникы, колдуны̀ и вси злоумы̀шленныкы. Когдà той бѝлый лёдъ—кáминь розибьѝть и по кармáнамъ рознесýть, тодѝ у рабà Бóжого (имя) и (извѣстную вещь) возьмýть“. 2) Когда въ полѣ осенью оставляютъ скотъ безъ сторожа, то говорятъ: „Іисусъ Христосъ роды̀вся, на крестѝ крестыѝвся. Іисусъ воскресъ. Мать сырà земля̀, разступы̀сь, лукáвый духъ, кризъ зéмлю провалы̀сь, злый чоловѝкъ, отъ моей худóбы отступы̀сь“. 3) „Чтобы воръ не отомкнулъ замка, говорятъ: „Сиóнська горà, сиóнськи воротà, áнгельскый ключъ, апóстольска рукà, замкны̀ двéри и воротà. Во вѝки, амѝнь“.

Отъ лихорадки: „Шовъ святы̀й Моисѐй чóрною дорóгою, а на встрѝчу ёмý идýть 12 дивы̀ць-трясы̀ць. Здрáвствуй, святы̀й

Мойсѐй! Здра́вствуйте, дивы́ци-трясы́ци! Вынима́ѣть Моисе́й свий мечъ; хо́четь ихъ быть и рубы̀ть. „Стой, Моисѐй, не рубы̀, не нака́зывай". Кто эту „молы́тву" будетъ знать, то́го лихорадка не будетъ ни трусить, ни знобить.

Отъ вывиха: „Не десь и не здесь, а на сы́нёму мо́рю лежы̀ть ка́минь би́лый. На ка́мини хтось сиды̀ть, высыжжа̀е изъ жо́втои ко́сты цви́ли (гниль), выклика́е: „жо́втая кость, львовъ духъ! Якъ у льву духъ не де́ржыцьця, то щобъ такъ у жо́втои ко́сты (имя) звыхъ не держа́вся. Никола́ю уго́дныку, ми́сяцю я́сный, кня́зю прекра́сный, стань мини̇ у по́мощи въ пе́рвый разъ, у дру́гый разъ, у тре́тий разъ. Ами̇нь".

Отъ бѣшенства: „Аронъ, Аронъ, Аронъ! Ампаліонъ, Ампаліонъ, Ампаліонъ! Дивхлинъ, Дивхлинъ, Дивхлинъ! Изба́ви, Го́споды (имя)". Эти слова 27 разъ написать на хлѣбѣ и дать съѣсть.

Отъ пули: „Го́ныть Илья пророкъ на колесны́ци громъ со великымъ дождѐмъ. Туча надъ ту́чей взойдѐть, мо́лонья сия́еть, —громъ грянетъ, дождь пойдетъ—порохъ зальетъ. Пѣна изыде и языкъ костянъ. Кая раба, рабыця мечецьця, отъ младенця не разрипаецьця, такъ бы у нёго бы́лись и томы́лись пули ружейныя и оруде́йныя. Какъ отъ кочета нѣтъ яйца, такъ отъ ружья нѣтъ стрѣлянья. Ключъ въ небѣ, замокъ въ мо́ри. Аминь".

Отъ червей: „Святы̀й о́тче Нико́ла, велы́кый помо́шникъ, Самъ Госпо̀дь Савоѳъ и пречы̀ста Бо́жа Ма́ты, поможи̇ть отъ че́рвы шепта́ты. Було̀ че́рви 12 брати̇въ. Изъ 12 ста́ло 11-ть, изъ 11-ти 10-ть, изъ 10-ты 9-ть, изъ 9-ты 8-мъ, изъ 8-мы 7-мъ, изъ 7-мы 6-ть, изъ 6-ты 5-ть, изъ 5-ты 4-ри, изъ 4-хъ 3, изъ 3-хъ 2, изъ 2-хъ оды̀нъ, изъ 1-го ни о́дного у бычка̀ (такой то) ше́рсты".

Отъ безсонницы у дѣтей: Несутъ „пидъ ку́ри" и говорятъ: „до́брый ве́черъ, до́брячкы—чорнѐнькии, билѐнькии й рябѐнькии ку́рочкы. Возьми̇ть у насъ крыклы́выци, а намъ да́йте сонлы́выци. Ку́ры чо́рнии, ку́ры би́лии, ку́ры ря́бии, мы до васъ прыйшлы̀ на вечорны́ци, возьми̇ть изъ на́шого нарожде́ного, молы́твеного, креще́ного (имя) плаксы́выци, крыклы́выци—на́слани, поду́мани, пога́дани, ви́тромъ пови́яни, а намъ пошли̇ть сонъ со всихъ чотырёхъ сторо̀нъ". Послѣ этого сплевывается три раза.

Отъ плиснявки: „Черед̀а йде до до́му, а пли́снявка па́да до до́лу съ рожденого, молы́твеного, крещéного (имя)“.

Молитвы. Часто крестьяне сами слагаютъ молитвы, избѣгая молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, не вполнѣ для нихъ понятныхъ. Напримѣръ:

Молитва на сонъ грядущій: „Крестъ въ голова̀хъ, крестъ у нога̀хъ, а̀нгелы по бока̀хъ. Ангелы храны́тели, храни́ть мою̀ ду́шу зъ ве́чера до пи́вночи, съ пи́вночи до у́тра, а отъ у́тра до сконча́ныя ви́ка. Ами́нь“.

Молитва на ночь для охраны имущества: „Сшелъ Іисусъ Христосъ съ небесъ, снесъ свой животворящій крестъ. Огради насъ, Господи, Святымъ Твоимъ Животворящимъ крестомъ. Покры́й насъ, Господи, святы́мы Твои́ми обла́ка́ми. Замыкай насъ Господи, своими семидесяти седьми замками. Огради насъ, Господи, святымъ Твоимъ честнымъ градомъ. Сохрани насъ, Господи, святыми Твоими Архангелами, Ангелами и Пресвятою Дѣвою Богородицею отъ зми́я, отъ зви́ря, отъ вори́въ и розбо́йныкивъ и отъ всякаго лыхо́дия“.

Религіозность крестьянъ сл. Свято-Дмитріевки видна изъ усерднаго посѣщенія ими храма Божія, заботъ объ его украшеніи, а также и изъ желанія грамотныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ поступать въ монашество, и, если это поступленіе по чему нибудь невозможно, то „черны́чать“ дома, т. е. носятъ темнаго цвѣта одежду, читаютъ по умершимъ псалтырь, занимаются чтеніемъ книгъ и распѣваютъ молитвы и пѣсни. Пѣсни эти большею частью молоканскія, хотя у насъ ни молоканъ, ни раскольниковъ по близости нѣтъ.

Народъ мало развитъ; замѣчаются плутовскія наклонности; ко всему новому относятся враждебно и недовѣрчиво; при старикахъ и даже дѣтяхъ говорятъ, не стѣсняясь, всякія сальности и ругаются площадною бранью. Женщины какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, не ставятся наравнѣ съ мужчинами. Работая на семью, онѣ должны сами себя одѣвать, такъ какъ мужчины на наряды имъ денегъ изъ хозяйства не даютъ, а потому женщины воруютъ сами у себя различные продукты и продаютъ ихъ тайно отъ семьи; проституція и пьянство развиты сильно, пьютъ даже дѣти лѣтъ 14-ти. Въ слободѣ 6 кабаковъ.

„Вечерныци“ начинаются осенью и продолжаются до начала весеннихъ полевыхъ работъ. Состоятъ онѣ въ томъ, что дѣвушки собираются въ опредѣленную хату „на пряхи“. Нерѣдко туда приходятъ парни, и тогда, кромѣ работы, бываетъ пѣніе различныхъ пѣсень и игры.

Свадьба.—„Старосты“ (обыкновенно два) берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстный домъ подъ окно, съ вечера. Старосты здороваются. Хозяева имъ отвѣчаютъ. „Здоровъ, хазяинъ, пустить, пожалуйста, обигрицьця“.—„А Богъ васъ знае, що вы таке за люды“. „Та мы охотныкы, ходылы лысыць слидыть, тай збылысь зъ дороги. Пустить обогрицьця“.—„А колы добри люды,—йдить“. Войдя въ хату, начинаютъ сватовство, но всѣ переговоры ведутся иносказательно. Хлѣбъ принимается не съ перваго раза, а стараются сватовъ заставить прійти разъ пять. Принятіе хлѣба означаетъ, что родители согласны отдать свою дочь за предлагаемаго жениха. Послѣ этого старосты уходятъ къ жениху и возвращаются съ женихомъ и его родителями къ невѣстѣ. Войдя въ хату, женихъ садится у порога подъ „мысникомъ“ и сидитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не войдетъ невѣста. Входитъ невѣста; женихъ встаетъ и становится рядомъ съ нею; подходитъ мать невѣсты и спрашиваетъ у нихъ: „Якъ, сыночокъ, чы ты мою дочку зъ охотою берешъ? чы, може, тебе неволять? Якъ неволять, такъ шукай другу соби, сыночокъ“. Женихъ: „Якъ бы я не зъ охотою вашу дочку бравъ, ябъ и старостивъ не прысылавъ“. Старосты: „Ну, а ваша-жъ дочка якъ?“ Мать: „Якъ ты, дочко?“ Невѣста: „Якъ батько та маты, такъ и я. (Хотя и не согласна)“. Распросивши молодыхъ, зажигаютъ свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолившись, женихъ и невѣста кланяются въ ноги по три раза, сперва родителямъ невѣсты, потомъ родителямъ жениха и наконецъ старостамъ. Послѣ поклоновъ родители договариваются о „подможномъ“ со стороны жениха отцу невѣсты, которое состоитъ въ хлѣбѣ, или деньгами руб. 5—10. Женихъ удаляется, а невѣста даетъ „рушныкы“.

„Рушныкы“. Невѣста вноситъ на деревянной тарелкѣ два рушника и подаетъ ихъ старостамъ, которые и перевязываются ими. Рушники, все равно—въ богатомъ или бѣдномъ домѣ, грубые, полотняные и до того короткіе, что ихъ нужно дотачивать ве-

ревками. Повязавшись, старосты благодарятъ невѣсту, говоря: „спасыби тобѝ, до́чко, що ра́но вставáла, та рушныкы намъ прáла“. Въ то время, какъ невѣста даетъ рушники, молодыя дѣвушки поютъ:

„Шо ты думала,
Шо ты гадала,
Марьичка молодая?“
—„Те я думала,
Те и гадала,
Шо не дасть
Мене батенько.
А мий батенько,
Сывъ-голубъ,
Все мною
Молодою
Старостамъ ручку
Тай по рушнычку,
А Семенкови хусточку“.

Получивши рушники, старосты вынимаютъ изъ кармана бутылку водки и обносятъ всѣхъ присутствующихъ, а отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ на „оглядыны“, почему всѣ немедленно поднимаются и идутъ къ нему.

„*Оглядыны*“. На оглядинахъ, гдѣ все раньше готово, родителей и родныхъ невѣсты сажаютъ за столъ и угощаютъ. На другой день отецъ жениха приходитъ къ отцу невѣсты, и условливается о днѣ сватанья.

„*Сва́тання*“. Сватанье происходитъ въ домѣ невѣсты такъ: собираются всѣ родные, входитъ невѣста, и, поклонившись отцу и матери жениха въ ноги, здоровается съ остальными, цѣлуясь, а съ женихомъ раскланивается такъ, чтобы поклоны ихъ вышли мимо одинъ другого. Мать вноситъ платки и подаетъ ихъ невѣстѣ, которая повязываетъ ими родныхъ и крестныхъ родителей жениха и старшаго боярина. Платокъ, предназначенный для жениха, старшій бояринъ беретъ у невѣсты и затыкаетъ ему за поясъ. Перевязавши, невѣста подноситъ всѣмъ водки, причемъ ее дарятъ деньгами. Подается обѣдъ, послѣ котораго всѣ идутъ къ жениху, гдѣ и угощаютъ ихъ, стараясь задержать какъ можно дольше, чтобы дать молодежи время наварить въ домѣ невѣсты вареникoвъ. На сватаньи поются слѣдующія пѣсни:

„Та даеть мене,
Та мий батенько
И самъ бачыть,
Шо не разъ, не два
Та за мною
Тай заплачеть.
Якъ по весни
Та садочкы
Та цвистымуть,
Якъ дивочкы
Та виночки
Та плестымуть,
Мымо твоихъ
Вориточекъ
Тай нестымуть,—
Та не будуть
Та до хаты
Тай прывертаты,
Та не будуть
Кватырочкы олсуваты,
Та не будутъ
Дивкы—Марьичкы
Выклыкаты“.

* * *

„Даешъ мене;
Мий батенько,
Тай отъ себе;
Остаецьця
Рута мьята
Уся въ тебе.

Ой, уставай же,
Мий батенько,
Та раненько,
Тай полывай
Руту-мьяту
Тай частенько—

И раннымы
И вечернымы
Зирочкамы
И своимы
Дрибненькимы
Слизочкамы“.

Если невѣста сирота, то поютъ слѣдующую пѣсню:

„Ой, велыкый двиръ,
Та маленькый збиръ.
Чомъ не вся родынонька?“
„Ой, тымъ не вся
Та родынонька,
Шо немае батенька.
Батенька немае,
А чужый не знае,
Тай порядку немае.

Посылай, Марьичко,
Соловья зъ саду
До батенька на пораду,
Сыву зозуленьку
На Вкраиноньку,
На ридну родыноньку“.
Ни соловья зъ гаю,
Ни батенька зъ раю,
Ни родыны зъ Украины“.

„*Варе́ныки*“. Въ то время, какъ родителей невѣсты угощаютъ въ домѣ жениха, въ домѣ невѣсты невѣста угощаетъ жениха сѣменами подсолнуха; молодежь варитъ вареники, которые лѣпятся съ сыромъ, мукою, сѣменами, сухимъ горохомъ и даже перцемъ; этими варениками дѣвушки угощаютъ молодыхъ парубковъ—бояръ, подсовывая имъ для смѣха вареники съ мукою, золою или перцемъ. На другой день отцы уговариваются о днѣ свадьбы.

Вѣнчанье обыкновенно бываетъ въ пятницу. Къ вѣнцу идутъ отъ невѣсты, куда раньше приходитъ женихъ. Послѣ вѣнчанія всѣ обѣдаютъ у жениха; пообѣдавши, невѣста уходитъ обратно къ своему отцу, остается тамъ до дня свадьбы и одѣвается такъ, какъ дѣвушка, украшая свою голову вѣнкомъ. Когда возвращаются изъ церкви, поютъ пѣсню:

„Схылылася верба до корины.
Винчалася (имя) съ ранку до полудня.

Прыбырайся, матинко, прыбырайся;
Та до себе дружечокъ сподивайся.

„*Шышкы*“. Послѣ вѣнчанья одна изъ родственницъ ходитъ и приглашаетъ знакомыхъ на шишки. Въ пятницу собираются дѣвушки и лѣпятъ изъ тѣста шишки (родъ хлѣбцевъ), а въ субботу собираются для этого исключительно женщины. Лѣпятъ, кромѣ шишекъ, „коровàй“ и „ле́жень“, а также убираютъ

тѣстомъ „сто́рожа“ (вѣтки вишни или сосны, убранныя разноцвѣтною бумагою). Въ обоихъ случаяхъ поютъ пѣсню:

„Егорова ненька по улыци ходе
Та сусилочокъ просе:
Сусидоньки, мои голубоньки!
Приходитъ вы до мене,
Не до мене, до мого дитяты
Та калачикивъ дбаты,
Та порядкы даваты;
Бо я ий перву отдаю,
Тай порядку не знаю,
Тай до столу не приступаю“.

„*Пидвесилокъ*“. На столъ кладутъ коровай, лежень и хлѣбъ, въ который втыкаются три вишни, съ зажженными свѣчами. Вечеромъ собираются гости; въ сѣни входитъ съ дружками невѣста; поддру́жій, пришедшій съ нею, говоритъ старостамъ: „ста́роста, па́не пидста́роста, благословы́ть отцю̀, не́ньци въ но́гы впа́сты“—„Богъ благословы́ть и мы благословляемъ“. „И въ дру́гый разъ и въ тре́тий разъ“—„Богъ благословы́ть уси́ тры ра́зы“. Послѣ этого „пиддру́жій“ беретъ платокъ, даетъ одинъ конецъ невѣстѣ, а за другой держится самъ и заводитъ ее за столъ. Дружки садятся кругомъ молодой. Входитъ отецъ и начинаетъ угощать молодую и дружекъ водкою. Невѣста предлагаемую ей водку отсылаетъ своимъ роднымъ. Чрезъ нѣсколько времени входятъ старосты со стороны жениха и садятся у „мы́сника“, потомъ встаютъ и начинаютъ требовать, чтобы имъ дали умыть руки, говоря: „дава́йте намъ воды́ рукы мыты: мы здале́ко йшлы, па́далы, та ру́кы зама́залы. Та ще прийшлы загада́ть, шобъ на за́втра у васъ бувъ намъ постоялый дворъ, шобъ було̀ си́но и овесъ“. Подаютъ воду. Старосты моютъ руки, а мать даетъ имъ по рушныку́. Дружки въ это время поютъ:

„Мылы старосты ручкы,
Глянулы на килочкы,
Чы не высять рушнычкы.
Наши рушнычкы
Шовкови торочкы,
Шовкомъ мережени,
А съ торгу привезени“.

Когда старосты, помывши руки, сядутъ въ ожиданіи закуски,—поютъ:

„Чого, старосты, сыдыте?
Чомъ до домоньку не йдете?
А щежъ Марьичка
Ваша—не ваша,
Хоть заручена,
Та не винчана, *)
Вы ий не возьмете.
Та вже, старосты,
Темна ничъ,
Ступайте соби
Хоть на всю ничъ.
Пора, старосты, до дому,
Пойилы кони солому;
А якъ будете тутъ конуваты,
То будете й куповаты“.

*) Прежде это происходило до вѣнчанія.

Закусивши, старосты уходятъ домой.

Готовится для всѣхъ ужинъ, во время котораго дружки поютъ:

„Ой, на хати зильля,
А въ хати весильля:
Марьина челядь
Сила вечерять“.

Послѣ ужина молодыхъ ведутъ спать въ отдѣльное помѣщеніе. Дружки поютъ:

„Ой, у субботу, пидъ недилю
Пишла Марьичка въ шивлию;
А хто мене найде въ ций шивлийци,
Тому я достанусь.
Пишла матинька,—не нашла,
Вырвала квиточку, тай пишла.
Квиточка сяе, серденько вьяне,—
Нема нашои (имя).
Пишовъ батенько,—не найшовъ,
Вырвавъ квиточку, тай пишовъ.
Квиточка сяе, серденько вьяне:
Нема нашои (имя).
Пишовъ (имя жениха), тай найшовъ,
Взявъ за рученьку, тай пишовъ.
Марьичка моя зарученая,
Мини-жъ ты досталася“.

Положивши молодыхъ спать, всѣ расходятся по домамъ.

„Свáдьба“. Въ воскресенье гости собираются къ молодому „выряжать пойиздъ“. Въ хатѣ „боярамъ и свитилкамъ“ пришиваютъ „квиткы“. Дружки поютъ:

„Та звый соби
Симъ сотъ квитокъ
Щей чотыри,
Усимъ боярамъ
Но квитоцьци,
А (имя)
Квитки не мае
(Имя) квитка—
Марьичка дивка“.

Выходятъ всѣ изъ хаты и садятся на повозки. Мать, набравши въ заполъ хмѣлю, орѣховъ и старыхъ денегъ, обсыпаетъ поѣзжанъ, беретъ лошадь за поводъ и выводитъ за ворота. Поѣздъ ѣздитъ цѣлый день, предварительно заѣхавъ въ церковь, гдѣ женихъ на паперти кладетъ три земныхъ поклона. Выѣзжая, поѣзжане поютъ:

„До церквы, сынку,
До церквы;
Помолывшись Богу,
—До дивки“.

Вечеромъ поѣздъ подъѣзжаетъ къ двору невѣсты, тамъ ихъ не пускаютъ нѣсколько разъ. Наконецъ, взявши окупъ, состоящій изъ бутылки водки, впускаютъ поѣздъ во дворъ. Нерѣдко поѣздъ въ воротахъ невѣсты проѣзжаетъ чрезъ разложенный огонь. Всѣхъ поѣзжанъ и жениха ставятъ возлѣ порога, угощаютъ водкою и дарятъ платками или лентами. Бояринъ беретъ жениха за платокъ и заводитъ за столъ. Въ это время поютъ:

„Дружечкы-паняночкы,
Посуньтесь изъ лавочки,
Нехай цей панъ сяде
Биля цих паняночки“.

Отецъ угощаетъ присутствующихъ водкою, а женихъ и невѣста, выражая и свою просьбу выпить, кланяются. Рѣжется, привезенный женихомъ, хлѣбъ и раздается присутствующимъ. Въ это время дружки поютъ:

„Дружко пелехатый
Бига коло хаты:
„Дежъ мини статы,
Коровая краяты,—
Чы въ рути, чы въ мъяти,
Чы въ рублений хати?“
Дружечко коровай крае
И семеро дитей мае
Та вси съ кошелямы;
Увесь коровай забралы“.

Въ то время, какъ дружко рѣжетъ коровай, бояры крадутъ куски коровая, а дружки поютъ:

„Чы не бачишъ, дружко,
Що бояры коровай крадуть,
А за насъ захиляюцьця,
Короваемъ затыхаюцьця“.

Послѣ этого двѣ свахи, одна со стороны жениха, а другая, со стороны невѣсты, надѣваютъ на голову—одна жениху шапку а другая невѣстѣ вѣнокъ, становятся по сторонамъ невѣсты и начинаютъ расплетать ей косу, снимать съ нея цвѣты и надѣвать на нее „очи́покъ“, который невѣста срываетъ съ головы и бросается къ порогу. Надѣвши очипокъ, „покрыва́ютъ“ невѣсту „серпа́нкомъ“, а если у ся отца есть пчелы, то накрываютъ платкомъ. Дружки поютъ:

„Покрыванка плаче,
Покрываць́ця хоче,
Не такъ покрываць́ця,
Якъ поцилуваць́ця“.

Свашки, покрывающія невѣсту, мѣняются головными уборами и цѣлуются. Когда покрываютъ молодую, поютъ:

„Брала Марьичка ленъ, ленъ,
Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ.
На що було браты,
Якъ насъ выгоняты“.

Дружки выходятъ, а остальные берутъ „дижу“, ставятъ возлѣ порога, накрываютъ рушникомъ и обводятъ кругъ нея три раза молодыхъ; при чемъ поютъ:

„Старый оседелько
Не стое за редьку:
Не вспивъ оженыцьця,
Стала жинка быцьця“.

Имущество невѣсты складывается на возы и вмѣстѣ съ невѣстою увозится къ свекру, при чемъ поютъ для матери и невѣсты.

Для матери:

„Загрибай, мате, жаръ, жаръ,
Колы тоби дочкы жаль, жаль;
Кыдай у пичъ дрова,
Та оставайся здорова“.

Для невѣсты:

„Сидай, Марьичка, на возы,
Та кыдай норовы.
Перви норовы—улыця,
Други норовы—вычырныци,
Третьи норовы—кулы йшла
Батькову худобу занесла“.

Какъ только молодыхъ подвезутъ ко двору свекра, находящіеся въ поѣздѣ, поютъ:

„Выйды, матинко, огляды,
Шо тоби бояры привезлы.
Привезлы скрыню й перыну
И молодую княгыню".

Въ понедѣльникъ гости собираются дарить молодыхъ. Дарятъ хлѣбомъ, овцами и деньгами; всѣ подарки дружко записываетъ на стѣнѣ рогачемъ, такъ что послѣ этого всегда приходится вновь обмазывать хату. Подаривши, родичи и сосѣди приглашаютъ всѣхъ къ себѣ. Эти приглашенія и переходы для гулянья продолжаются иногда недѣли двѣ и называются „перезвамы" или „бесидами" [1]).

Расходы на свадьбу простираются отъ 40 до 150 р., смотря по зажиточности, и состоятъ почти исключительно въ покупкѣ водки; водки выходитъ иногда ведеръ 20-ть.

Обряды и обычаи. Существуетъ обычай *„размыванія рукъ"* на второй или третій день послѣ рожденія ребенка; состоитъ онъ въ слѣдующемъ: бабка варитъ въ горшкѣ васильки и хмѣль, наливаетъ этотъ отваръ въ тарелку и ставитъ на стулъ; возлѣ стула раскладываетъ васильки, въ видѣ креста, и придавливаетъ ихъ топоромъ. Приготовивши все, она ставитъ роженицу на топоръ и льетъ ей на ладони отваръ такъ, чтобы отваръ сбѣгалъ на локоть, съ локтя бабка подхватываетъ своею ладонью и даетъ пить роженицѣ. Это продѣлывается по три раза съ каждою рукою. Послѣ этого бабка и роженица испрашиваютъ другъ у друга прощенія въ нанесенныхъ другъ другу оскорбленіяхъ. Роженица даетъ бабкѣ мыло, холста на рубаху, подъ видомъ утиранія рукъ, и деньги. Крестьяне вѣрятъ, что послѣ размыванія рукъ, больной становится легче, и она скорѣе поправляется.

На Рождественскіе праздники дѣвушки *„водятъ козла"* т. е. становятся въ кругъ, берутся за руки и перекручиваются чрезъ руки, причемъ поютъ:

---

[1]) Если невѣста окажется потерявшей свою дѣвственность, то ее во время свадьбы заставляютъ носить воду дырявымъ рядномъ, а на ея родителей надѣваютъ хомуты и даютъ имъ водки изъ дырявыхъ рюмокъ.

„Выйды, выйды Палаженько
Та впизнай свого Иванка.
Твий Иванъ молодець:
На правий руци обидець,
А на ливий килечко,—
До Палажкы сердечко.
До Ивана, душенько:
Якъ заспивае,—
Лысты чытае,
Якъ заговоре,—
У звинъ звоне,
Якъ засмиецьця,—
Серце вьецьця“.

* *
*

„Ой, Дунаю, Дунаю!
Не далеко отъ краю
Чабанъ вивци карнае
У дудочку награе,
На молодцивъ моргае.
„Ой, выхлопцы-молодци.
Накажить вы дивонци,
Що въ зелений плахтотци,
Нехай вона мене не жде
Нехай замижъ иде“.
А дивчына почула,
Тай зъ улыци майнула.
Добигае до двора—
Заболила голова,
Добигае до ворить—
Ухватылась за живить,
Добигае до тыну—
Заболила спына,
Добигае до хаты—
Стала плакаты, рыдаты.
„Ой матусю, матусенько,
Шо мы будемо робыты,—
Неставъ чабанъ любыты“.
—„Бижы донько до млына,
Накопаемъ кореня
Съ пидъ билого каменя“.
Полоскала на ритьци,
Та настояла въ горильци;
Полоскала на леду,
Та настояла въ меду.
Поставыла на жару,
Сама сила бля жалю.
А ще корень не вкипивъ,
А вже чабанъ прылытивъ.
„Ой шожъ тебе прынесло,
Чы човнычекъ, чы весло?“
„Принисъ мене сирый кинь
До дивчыны прямо въ двиръ“.
А дивчына не знала—
И постеленькы не слала.“

Подъ новый годъ, въ день св. Меланьи, утромъ дѣти *„меланкуютъ“*.

„Мальчики:

„Чы дома, дома
Панъ-господарь.
А я знаю, знаю,
Шо винъ дома.
Сыдыть винъ
Кинци стола,
А на ёму
Шуба люба,
На шубочци
Калыточка,
А въ калыточци
Симъ шележечкивъ.
А намъ братци
По пирижечку,
А старымъ бабамъ
По паляныци,
Шобъ родылысь
Быкы й телыци
И чорни ягныци.
(Если въ домѣ есть дѣвушка, то припѣваютъ:)
Отъ столу до порога,
Шобъ була дивка чорноброва.“

* *
*

Дѣвочки:

„Меланочка ходыла,
Васылечка просыла:
„Васылю, мий батю,
Пусты мене въ хату;
Я жыта нажала,
Чесный крестъ держала,
Золоту кадыльнычку,
Срибну тарыльнычку“.
Радуйтеся, люды:
До васъ Христосъ буде.
Богу свичку ставте,
А намъ пиригъ дайте,
Хоть маленькый,
Та циленькый.
Безъ рукъ безъ ногъ,
Шобъ не втикъ у снигъ;
Зъ рукамы й зъ ногамы,
Шобъ бигъ за намы“.

Хозяева даютъ меланкующимъ по прянику или по пампушкѣ.

Вечеромъ взрослыя дѣвушки ходятъ *щедровать*, причемъ поютъ:

„Прылитила ластивочка,
Сила, пала на виконечко.
Щедрый вечиръ,
Добрый вечиръ,
Добрымъ людямъ
На здоровье.

Щей свитлонька та не метена,
Дивка Оксана та не чесана.
(Припѣвъ).
Разгнивалась та на батенька,
Не разгниналась, та подумала.
(Припѣвъ).
Краялы свытку, та вкоротылы,
Шылы черевычкы, та амалыны.
(Припѣвъ).
Обризочкы—та на квиточкы,
А краечкы—та на поясочкы.
(Припѣвъ).
Дай, Боже, вечиръ добрый
Хоть маленьку, та циленьку".

* * *

„Сивъ Сусъ Хрыстось та вечеряты,
Прышла къ ёму Божая Маты:
„Ой дай сынку золоти ключи.
Одимкнуты рай и пекло,
Выпустыты гришни душа,
Лышъ одну та не выпустыты
Шо батька-матиръ та налаяла,
Не налаяла, та подумала". *).

* * *

„Ой, на ричци на Ёрдани
Тамъ Марія рызы прала,
Прала, прала та не вымахала,
Повисыла на калыни,
На червоний на малыни.
Де взялыся янголята,
Взялы рызы на крылята,
Понеслы рызы по пидъ небесамы" *).

Игры. Дѣти играютъ весною въ игры: въ мячъ, въ чижика и пыжа, состоящихъ въ отбиваніи палочекъ; лѣтомъ—въ креймахи, т.е. въ хватаніе пяти камней по два, по три и врозь; зимою—въ свинки, отбиваніи другъ у друга палками, преимущественно на льду, круглаго чугуннаго или деревяннаго мяча. Юноши и взрослые никакихъ игръ не устраиваютъ, хотя иногда присутствуютъ при игрѣ въ мячъ. Танцуютъ преимущественно казачка и метелицу. Музыкальные инструменты: сопилка, скрипка, віолончель и барабанъ.

Повѣрья. Народъ вѣритъ въ вѣдьмъ и домовыхъ. Чтобы вѣдьма не дѣлала вреда коровѣ, у коровы проверчиваютъ рогъ, насыпаютъ туда маку и забиваютъ осиновымъ колышкомъ. Чтобы злой духъ не попортилъ скота, то, выгоняя скотъ первый разъ въ поле, перегоняютъ его чрезъ протянутый въ воротахъ поясъ и остро наточенную косу. Народъ вѣритъ, что пожаръ прекращается, если вокругъ него обойдетъ человѣкъ, читая молитву, которая ему приснилась во снѣ, даже, если молитва эта не похожа на каноническую молитву и въ молитвенникахъ не существуетъ. Когда кругомъ слободы росли лѣса, то иногда залетала птичка ремезъ, которая вьетъ себѣ висячее гнѣздо изъ ваты лозы. Ремезы вьютъ гнѣздо или съ однимъ отверстіемъ, или съ двумя. Существуетъ по этому поводу повѣрье, что, если пара живетъ не въ ладу,

*) Припѣвъ повторяется за каждой строчкой.

то, какъ только самецъ прилетаетъ къ гнѣзду, самка быстро удаляется черезъ другое отверстіе, и наоборотъ. Крестьяне старательно отыскивали прежде гнѣзда птичекъ, живущихъ согласно, и вѣшали у себя въ избахъ, думая, что послѣ этого и у нихъ будетъ согласіе. Существуетъ повѣрье, что подъ Иванову ночь цвѣтетъ папоротникъ, и что нашедшій цвѣтъ будетъ знать нахожденіе кладовъ. Вѣрятъ, что, если найти коровякъ, пойти къ нему ночью, сломить его и присадить къ землѣ, то быкъ или корова, у которыхъ были черви, немедленно выздоровѣютъ.

Пѣсни.

„Солдатыкы молоды
Ведуть коней до воды
За шолкови поводы.
Сталы коней напувать,
Сталы думать и гадать
Кого въ салдатыкы брать.
Ой, де пьять,—тамъ не брать.
Де чотыри—не велять,
А де тры—утеклы,
А де два—тамъ нема,
А въ удовкы одынъ сынъ
Тай той пишовъ пидъаршынъ.
До аршына не дойшовъ,
У солдатыкы пишовъ“.

* *
*

„Выступала чорна хмара,
А другая сыня.
Породыла удовонька
Хорошого сына.
Та не дала жъ вона
Ему молодому
Ны счастя, ны доли;
Та дала жъ ему
Биле лычко,
Та чорніи бровы.
Та було-бъ тоби,
Моя ридна маты,
Сыхъ бривъ не давати,
Та лучше-бъ мини, маты,
Щастя-доли даты.
А теперъ мене, моя маты,
Запысалы у солдаты.
Тай запысалы, тай забрылы,
Та коныка придилылы,
Тай коня вороного
Козаченьку молодому,
Тай коня сывогрывого
Козаченьку червобривому“.

* *
*

„Ой, по тимъ боци,
На толоци
Цыганы стоялы,
Та цыганы стоялы;
А по мижъ тымы
Та цыганамы
Цыганка ворижка,
Та цыганка ворижка.
Та до тіеи,
Та цыганочкы
Втоптана дорожка,
Та втоптана дорожка.
То чернява
Молода дивчына
Дорижку втоптала,
Та дорижку втоптала.
Усе-жъ тои
Цыганочкы
Вирненько прохала,
Та вирненько прохала.
Тай цыганочка,
Тай махлярочка
Ввильны-жъ мою волю,
Та ввильны-жъ мою волю.
Прычаруй же
Козаченька
На викы зо мною,
Та на викы зо мною.
Ой, рада-бъ я
Чаруваты,
Та нема мини воли,
Та нема мини воли.
Тай туманъ,
Туманъ яромъ,
Та морозъ долыною,
Та морозъ долыною.
Та не по правди
Козакъ молоденькый
Жыве зъ дивчыною,
Та живе съ дивчиною.
Та хоть по правди,
Та не по правди,
Та все треба божыцьця,
Та все треба божыцьця.
Цыганочка,
Та махлярочка
Воленьку ввольныла,
Та воленьку ввольныла
Та накопала
Буркунъ зильля,
Взяла наварыла,

Та взяла наварыла.
Та одирвала
Русои косы,
Взяла накурыла,
Та взяла накурыла.
Иле козакъ
Та по улыци
Якъ рыбонька вьецьця,
Та якъ рыбонька вьецьця.

А изъ го
Молодого
Вся челядь смиецьця,
Та вся челядь смиецьця.
Та не такъ челядь,
Не такъ челядь,
Якъ тая дивчына,
Та якъ тая дивчына,
Шо любылыся,

Та кохалыся
Якъ голубивъ пара,
Та якъ голубивъ пара.
А теперыча
Розійшлыся
Якъ чорная хмара,
Та якъ чорная хмара".

* *
*

„Пыйты, люды, горилочку,
А вы, гуси, воду;
Тяжко жыты сыротыни
Безъ ридного роду.
Въ кого батько, въ кого
маты—

Е зъ кымъ розмовляты,
Въ кого браты, въ кого
сестры—
Е зъ кымъ погуляты.
Браты мои, браты дорогыи
Чомъ до мене не ходете,
Що я убогая?

— Хоть ты убогая,
Такъ ты не гордая,
Хлиба, соли розгадаешъ,
Тай насъ привитаешъ,
Горилочкы роздобудешъ,
Тай насъ почастуешъ".

* *
*

„А за гаемъ гаемъ
Тры садочкы рядомъ,
Та вси зелененьки
Зацвылы биленько:
У первимъ садочку—
Зозуля ковала,
У другимъ садочку—
Соловейко щебетавъ,
Въ третимъ садочку—
Маты зъ сыномъ стояла,

Сына правды пытала:
„Скажы мини, мій сыночку,
Хто на свити вирнень-
кый,—
Чы жинка, чы теща,
Чы ненька ридненька?"
„— Теща для привита,
Жинка для совита,
А ненька ридненька
Вся правда вирненька".

„Якъ я тобой сыну ходыла
Тай свитомъ нудыла,
Якъ порожала,—
Смертенькы бажала;
А якъ породыла—
Тай Бога просыла:
Ой дай, Боже, долю
Моему сыночку
И въ поли, и въ доми,
И въ добромъ здоровьи".

* *
*

„Галочка моя, галочка чорненька,
Скажы, галочка, де моя мыленька?
А моя мыла въ лузи надъ водою
Умываецьця холодною водою,
А втыраецьця шитою хустыною,
Малюе бровы сынею бжыною.
Помалювавшы, та лягла отдыхаты.
Прыйшла свекруха невихну пробу-
жаты:

„Устань, невихно, устань, неробитныце,
Подий коровы, що отъ батька нагнала,
Выжыны вивци, шо мате дарувала".
„Ой, годи, маты, цымъ очи выбываты,
Я твого сыночка не неволыла браты.
У мене вивци—въ скрыньци у комирци,
А мои волы та коровы—
Биле лычко та чорни бровы".

* *
*

Веснянки.

1) „Та пора тоби вырбыця разыцьця,
Та пора тоби, Иванко, женыцьця".
—„Та ще мини женыться не пора,
Та ще моя дивчына молода,

Та нехай вона литечко погуля,
Та нехай вона кисоньку покоха".
Встань же, Параско, раненько,
Та вмый лычыко биленько,
Та заплыты кисоньку дрибненько".

2) „Иванко паничъ
Первый павычъ,—
Рано, рано
Ранесенько.
Иванко паничъ
Щей Хведоровычъ,—
Рано, рано
Ранесенько.
А ему пара,
Параска пава,—
Рожа, рожа
Червоная
По батюшци
Щей Ивановна,—
Рожа, рожа
Червоная".

3) „Тай облоги,
Та чого вы такъ рано облягли,
Тай облягли?
Тай обложылы насъ парубочкы,
Парубочкы.
Рубы, рубы, Иванко, комирочкы,
Комирочкы;
Та спускай виконця схидъ сонця,
Схидъ сонця.
Туды будуть соловейкы литаты,
Та литаты;
Воны будуть хороше щебетаты,
Щебетаты;
Та дивку Наталку пробужаты,
Пробужаты.
Та вставай, Наталко, раненько,
Та раненько;
Тай умывай лычыко биленько,
Та биленько;
Тай заплыты кисочку дрибненько."

* *
*

„Ой, мате моя,
Малыновый цвить,
На що отдала,—
Завьязала свить,—
За такого
Нехорошого.
Очи плачуть,
А я смиюсь,
Своёму горю
Тай не подаюсь.
Ой, горе, горе
Шо я молода,
Шо я молода
Якъ рыба вьяла.
Якъ рыба въ мори—
А я въ гори,
Якъ рыба въ писку—
А я въ тоску".

* *
*

„Спаты мини не хочецьця
И сонъ мене не бере;
Пишовъ бы я до дивчыны,
Та не знаю, де жыве.
Попросю я товарыща,
Нехай мене одведе,
А товарыщъ кращый мене,
Винъ дивчыну одибье.
—Свиты, мисяць, свиты, мисяць,
Свиты, ясная зоря,
Просвитыжъ ты дороженьку
До мылаго до двора.
А въ моёго мылого
Кровать нова тесова,
Кровать нова тесова,
Подушечка пухова,
Застелушка шовкова.
—Лежыть мыла спочива,
Лежыть мыла спочива,
Щей дытыночка мала"

* *
*

„Чы я вплыла, чы я вбрыла,
Чы мене видлыто,
Чы самъ козакъ
Не ставъ любыть,
Чы ёго отбыто.
Ой, одбыла щука-рыба
Одъ берега ряску;
Одибрала дивчынонька
Отъ козака ласку.
А я тую дрибну ряску
Збыру на запаску,
Такыжъ тому козаченьку
Пидійду пидъ ласку.
Навидала, кубелычко,
Де утка несецьця;
Та почула черезъ люды,
Вражый сынъ смиецьця.
Смийся, смийся, вражий сыну,
Колы довелося;
Колы мое биле лычко
Съ твоимъ понялося.
Твое лычко, якъ яблочко,—
Мое, якъ малына,
Руса коса до полса,
Сама чорнобрыва.
Чого жъ зъ мене смиятыся
Що тоби зробыла?
Хиба того, що такъ щыро
Сыню полюбыла?
Смийся, смийся, вражый сыну,
Самъ посмихомъ будешъ:

Якъ дамъ тоби зъ тыха
лыха,
По викъ не забудешъ.
Хоть я не дамъ, хоть я
не дамъ,
Такъ дасть моя маты;
Будешъ же ты, вражый
сыну,
Ще мене й прохаты.
Смийся, смийся вражый
сыну,
За смихъ тоби буде:
Симъ годъ трясьця тру-
сытые
Тай смерты не буде;
На постели лежатымешъ,
Смерты бажатымешъ.
Подай мини, стара маты,
Съ кирця умываць,
Нехай зъ мене перестане
Те стерво смияцьця".

* *
*

„Уси братчыки
Поженылыся,
Вси товарыщи
Подружылыся,
А я молодый
Не женатъ хожу.
Якъ посватався,—
Тай утратывся,
Якъ оженывся,—
Тай зажурывся.
Якъ узявъ жону
Не по любови,—
Ни биле лычко,
Ни чорни бровы;
Ни до батюшкы,
Ни до матушкы,
Ни до мылого
Чернобривого.
Запрягай, лакей,
Тройку лошадей.
Та якъ сядемо,
Тай пойидемо
У Кытай городокъ,
Та на ярморокъ.
Я куплю жони
Новый корабель,
А за тотъ корабель
Полтораста рублей,
Полтораста рублей
Щей съ полтыною.
Посадывъ жону,
Самъ зъ дытыною.
А корабль плыве—
Ажъ вода рыве,
А дитя плаче—
Ажъ луна иде.
—Воротысь мыла,
Покормы сына.
Не вернусь, муже,
Бо побывъ дуже,
Якъ побывъ рублемъ
Тай кочалкою;
Щей зовешъ, подлець,
Тай коханкою".

* *
*

„У поли, въ шырокимъ раздольи,
Выросли два дубочка,
Схылылыся верхы до купочкы.
Налынулы сыви голубочкы,
Йилы й пылы и врозь политилы.
А литючи, ричи говорылы:
„Голубъ сывый, голубка сивийша,
Батько ридный, а мате ридниша.
Батько й мате та все для порады,
А дружына для розмовы.
Горько жыты парьню молодому
Та щей не женатому".

* *
*

„А вчера тай зъ вечира
Тры козаки прыйшло:
Одынъ Донскый,
Другый Морьскый,
Третій Черноморьскый.
Тай одынъ сыдыть
Кинци столу,
У скрыпочку грае;
Другый сыдыть коло ёго,
Медъ, выно кружае;
Третій сыдыть на перыни,
Дывчыну пытае:
„Дивчынонька, повна рожа,
Чы свататы гожа?
—Козаченьку, барвыночку,
Сватай хоть у недиленьку,—
Дивчынонька, повна рожа,
Свататы не гожа".

* *
*

„Ой пидъ вышнею,
Пидъ черешнею
Сидивъ голубокъ
Изъ голубкою;
Цылувалыся, мылувалыся
Тай крылечкамы обнималыся;
Де не взявся сокилъ
Изъ крутыхъ горъ,
Голуба вбывъ, голубку вловывъ;
Сховавъ голуба пидъ калыною,
Голубку назвавъ винъ дружыною;
Узявъ голубку за билу руку,

Повивъ голубку въ нову свитлоньку,
Насыпавъ пшенця до сами грудця,
Налывъ водыци—по колиноньки.
Голубка кує, пшенця не клюе
Та все пидъ калыну плакаты иде".

Таже пѣсня 40 лѣтъ назадъ:

„Та пидъ грушицею,
Пидъ кудрявою,
Та пидъ кудрявою
Та щей кучерявою
Сидила пара голубивъ.
Цылувалыся,
Мылувалыся
Та своему жытью
Дывовалыся.
Та де не взявся
Стрилець-молодець,
Розбывъ—розлучывъ
Пару голубивъ.
Голуба вбывъ,
Голубку вловывъ,
Та взявъ голубку
За билу руку,
Та повивъ голубку
Въ нову свитлоньку;
Насыпавъ пшыныци
Повни свитлыци,
Налывъ водыци
Повни склянныци.
А голубка гуде,
Йистоньки не йде.
Та гуды не гуды,
Йистоньки йды.
Хоть вуды не гуды,
А вжежъ мини
Не первый винець;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей мини
Другый молодець;
Хочъ гуды не гуды,
Та вжей нагудешся,
Якъ уловимъ
Та прибаркаемъ,
Та вжей схамынешся".

Колыбельныя пѣсни.

1. „Коту, коту, котусю
Займы нашу телусю
Та пожены на пашу,—
Дасть молока на кашу.
Будемъ кашу варыть,
Будемъ (имя) кормыть;
А дытыночка маненька—
Вона каши раденька".

* * *

2. „А котыку, китку,
Та вкранъ котыкъ квитку,
Та понисъ до Гали,
Положивъ на лави.
Стала Галя кота быты,
Стала Галя кота вчыты:
„Не вчысь, коту, красты,
Та вчыся робыты,—
Черевычкы шиты
Та не наскии,
Та черкаськии,
Та не дороги
По тры золотыи".

* * *

3. „Котыку, котку
Не лизь на колодку,
Розибьешъ головку.
Головка буде болить,
Ничимъ буде завертить.
Одна була хустыночка,
Тай ту дивкы вкралы
Та на куклы подралы.
Куколъ наробылы,
Кота попобылы,
(Имя) розбудылы".

* * *

4. „А люлечкы люли,
Налитилы гули,
Та силы на люли.
А люля скрипъ, скрыпъ,
А (имя) спыть, спыть.
А люлечкы, люлечкы
Шовковыи вырвечкы,
Малёвани быльця,
Пишлы до Кырыльця;
А Кырылець ны гуля,
Черевычкы поправля".

* * *

5. „А въ дивчыны Гапкы
Смолянии лавкы:
Якъ сивъ, прикипивъ,
Вечеряты не схотивъ.
Пишла маты заганяты;
Пидъ пилъ пидогнала,
Очкуръ перервала.
Очкуръ зъ бузыны
Матня съ пелены.
Тупу, тупу до дивокъ,
Найившыся ягидокъ".

Сказки.

1) „Якъ жывъ собѝ Кóнонъ, Улáсъ та Антòнъ Пишлы вонѝ до пáна кóней крáсты. А у пáна булò сéмеро кóней,—усѝмъ по пáри, а одынъ лышнѝй. Кóжному хóчецьця взяты лышнёго коня, а Кóнонъ и кáже: „постóйте, я пиду̀ пáна поспытáю“. Пишовъ, откотывъ лакея отъ пáна, лигъ на ёго мисто самъ и кáже: „охъ пáне, пáне! а якъ я чувъ новынку: жывъ собѝ Кóнонъ, Улáсъ та Антòнъ, пишлы вонѝ кóней крáсты до пáна; а у пáна симъ кóней,—усѝмъ по пáри, а одынъ лышнѝй. Кому̀ той лышнѝй, Кóнонови?“ „Да, Кóнонови“, одвитывъ панъ. Взявъ Кóнонъ трехъ кóней, продáвъ и пишовъ до дóму.

Проснувся у рáнци панъ, тай пыта лакея: „це ты минѝ казáвъ—„якъ жывъ собѝ Кóнонъ, Улáсъ та Антòнъ“. А лакей кáже: „ни“. Кынулысь, а кóней немá. Позвáвъ панъ Кóнона тай пыта: „ты, Кóнонъ, покрáвъ кóней“. А Кóнонъ кáже: „я“. „Укрáдь же у мéне ще одного коня на конюшни“, кáже панъ. „Укрáду“, отвитывъ Кóнонъ и пишовъ до дóму.

Постáвывъ панъ на ничъ биля коня, сторожывъ. Четырёмъ давъ по нозѝ, пьятому—хвистъ, шóстому—грыву, сёмому—гóлову, а восьмóму—повода̀. У ночѝ прыйшовъ Кóнонъ, подавáвъ тимъ, що держáлы ногы, по дрючку̀, тимъ, що держáлы хвистъ та грыву,—прядывá, тому̀, що держáвъ гóлову,—пенёкъ, тому̀, що держáвъ пóводы,—мотузокъ, а самъ сивъ на коня тай пойихавъ до дóму. На другый день у рáнци прызвáвъ панъ Кóнона и кáже: „укрáдь у мéне бáрыню“. „Гáрно, кáже Кóнонъ, укрáду“. Чéрезъ скилькись днивъ пойихала бáрыня въ городъ, а йихаты трéба булò лисомъ. Кóнонъ узнáвъ про це, побигъ у лисъ и почепывся на вербѝ недалёко отъ дорóгы. Побáчыла барыня и кáже кучеру: „Слáва Тобѝ Гóсподы—ужé одынъ Кóнонъ повисывся“, а Кóнонъ перебигъ та на другому сучку̀ почепывся. Бáрыня и кáже: „ужé и другый Кóнонъ зависывся. А ну, пиды̀, кучиръ, подывысь, чы и трéтій Кóнонъ повисився“. Тилько кучиръ устáвъ съ тарантáса, а Кóнонъ сивъ на его мѝсто, отвизъ бáрыню до óзера и вкынувъ ій тудá“.

2) „Чоловикъ волоче, а жыды свыни женуть. Взявъ винъ тай укравъ у ныхъ порося̀; тилько ставъ ёго ризаты, кобыла злякáлась, тай побигла до дóму. Думавъ, думавъ винъ, взявъ звя-

завъ домиста оглобли, сивъ и спуска́ецьця зъ горы. Жыды поба́чылы, що пово́зка йиде сама безъ коня, прыйшлы до ёго, тай кажуть: „скилько твоя повозка стое?“ А винъ каже: „мирку зо́лота“. Отдалы жыды мирку золота, силы на повозку и пойихалы. Повозка, якъ зьихала зъ горы, стала, а жыды, посердывшысь, пишлы, щобъ того чоловика убыты. Прыйшлы до ёго, а винъ дома лежыть на ла́вци и пры́творывся що вмеръ. Жыды подывы́лись тай кажуть: „догадався що вмеръ“. Жинка того чоловика взяла качалку, показала іи жыдамъ тай каже: „це ничого, у насъ е така качалка, що якъ ударымъ, такъ ожыве“, и тыхенько вдарыла чоловика по жывоти́, а винъ взявъ тай схватывся—неначе ожывъ. Жыды подывовалысь на качалку и началы просыты, щобъ винъ имъ продавъ. Купылы жыды и качалку за мирку золота. Черезъ скилькось время захворавъ одынъ жыдъ и вмеръ. Жыды началы быты ёго качалкою, щобъ винъ ожывъ, побылы всего, а винъ не ожыва. Тогди жыды зговорылысь утопыты того чоловика, щобъ винъ ихъ бильшь не обманювавъ. Пишлы воны до ёго, а винъ прыказавъ своій жинци, щобъ вона, якъ пидуть воны топыты его на мосту, запалы́ла йхни ха́ты. Жи́нка такъ и зробы́ла. Якъ поба́чылы жыды́, що йхни ха́ты горя̀тъ, бро́сылы ёго̀ въ мишку̀ на мосту̀, а самы́ поби́глы тушы́ты. Лежы́ть винъ въ мишку̀, а тутъ йи́де панъ и пыта̀ у ёго: „чого̀ це́ ты лежы́шь?“ А винъ ка́же: „я уси́мъ зви́рямъ и пты́цямъ хазя́инъ“. Панъ розвьяза́въ мишо́къ, а винъ взявъ, посады́въ туды́ па́на, вкынувъ ёго́ въ во́ду, сивъ на его́ ко́ней тай пойихавъ. Жыды́ поба́чылы и ста́лы ёго пыта́ты: „де це ты таки́хъ коней набра́въ?“ а винъ ка́же: „въ води́, ходи́тъ и вы набыра́йте“. Прыйшлы́ на мистъ; узявъ винъ и вкынувъ одного жыда. Вода бульчыть, а жыды пытаютъ: „що це?“—„Та то винъ ко́ней выбера́“, одви́тывъ винъ. „Ну, кида́й-же и насъ скори́йшъ“, сказа́лы жыды́. Узявъ винъ и покыда́въ уси́хъ жыди́въ въ во́ду, а самъ на те зо́лото, що у ныхъ вы́манывъ, завивъ ла́вку“.

А. А. Татарскій.

2.—Сл. Ново-Астрахань.

Прошлое поселенія.—Народный говоръ.—Шутовская пѣсня и побасенка.—Жилище, одежда и пища.—Болѣзни и заговоры.—Нравственное состояніе.—Обряды.—Народная демонологія.—Присказки и пѣсни.

Слобода расположена на низменности, прилегающей къ лѣвому берегу р. Боровой, которая, направляясь отъ сѣвера къ югу, протекаетъ въ $1^1/_2$ верстахъ отъ слободы. Среди слободы течетъ ручей, именующійся „Филевой Плотвою". Сѣверо-восточный край слободы представляетъ болѣе возвышенную поверхность. Въ слободѣ много фруктовыхъ садовъ, берестовыхъ и вербовыхъ рощъ, придающихъ слободѣ очень красивый видъ. Его можно наблюдать съ возвышеннаго праваго берега р. Боровой, откуда вся слобода видна, какъ на ладони. Отъ Старобѣльска, сл. Ново-Астрахань лежитъ на разстояніи 30 в., на такомъ же разстояніи отъ Ново-Астрахани къ югу находится станція ж. д. Лисичанскъ; Луганскій литейный заводъ отстоитъ на 80 в. отъ Ново-Астрахани.

Происхожденіе сл. Ново-Астрахани ея жители объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Лѣтъ 106 тому назадъ здѣсь, въ необитаемой тогда мѣстности, поселился запорожецъ Гузь, привезшій на себѣ свое имущество, сложенное на двухколесной ручной повозочкѣ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ число жителей этой мѣстности увеличилось, и здѣсь образовался хуторъ, прозванный, по имени перваго, поселившагося въ немъ, Гузіевкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ переименованъ въ сл. Троицкую, получившую свое названіе отъ Троицкой церкви, а, по введеніи военнаго поселенія, слобода стала называться Ново-Астраханью отъ квартировавшаго въ ней въ то время Ново-Астраханскаго кирасирскаго полка. О прежнемъ привольѣ этой мѣстности разсказываютъ слѣдующее: крестьяне косили траву возлѣ своихъ дворовъ, сѣно въ копнахъ волокли въ огороды безъ возовъ; земляники здѣсь было такое множество, что ею окрашивалась обувь ходившихъ по травѣ. Во многихъ мѣстахъ были болота, гдѣ плодилось множество разной дичи; въ настоящее же время на тѣхъ мѣстахъ трудно бываетъ достать и воды, вся эта мѣст-

ность заселена, такъ что прежнія недоступныя болота безслѣдно исчезли.

Число жителей простирается до 2600 д. м. п. и до 2900 д. ж. п. По наружности жители нѣсколько угрюмы. Хотя слобода населена малороссами, но языкъ мѣстныхъ жителей не чисто-малороссійскій, а представляетъ смѣсь малороссійскаго съ великороссійскимъ. Здѣсь сказалось вліяніе сосѣднихъ селъ и деревень, наполовину населенныхъ великороссами. Въ говорѣ жителей замѣчается слѣдующее: звуки *о*, *е* измѣняются въ *и*: мостъ—мистъ, снопъ—снипъ, попъ—пипъ, плодъ—плидъ, стогъ—стигъ, ледъ—лидъ, окно—викно, говоръ—говиръ; *е* переходитъ въ *ё*: его—ёго, синего—синёго; *ѣ* въ *и*: хлѣбъ—хлибъ, хмѣль—хмиль, мѣдь—мидь, успѣхъ—успихъ, смѣхъ—смихъ; неударяемое *о* часто переходитъ въ *а* или въ *у*: горячій—гарячій, хозяинъ—хазяинъ, въ соборѣ—у субóрі; звукъ *е* произносится твердо, напр., небо—нэбо, трэба, мэнэ, сэбэ; двери—двэри; звукъ *и* произносится тверже, чѣмъ *і*, напр.: шырóкий, велыкий, глыбóкий; звукъ *ы* произносится также твердо, какъ и въ литературно-русскомъ языкѣ: вытинъ, лыстя, пыра, (перья) вырисъ (выросъ); звукъ *г* произносится, какъ h, за небольшимъ исключеніемъ, напр., фамилія Дараганъ—произносится Дараgâнъ; сочетанія: жа, ча, ша, шу, чу, жу и под. произносятся твердо.

При словообразованіи *г* переходитъ въ *ж*: рігъ—ріждокъ, стігъ—стиждокъ; звукъ *к* переходитъ въ *ч* и *я*: лýкы—лýчне сино, улýзи; звукъ *х*—въ *ш*: орихъ—оришокъ, грихъ—гришно; звукъ *дж* слышится въ словахъ: джирилъ, аджè-жъ; встрѣчаются случаи удвоенія согласныхъ: бизділля, бизлюддя, клоччя, высилля, гилля, зилля.

Крестьяне говорятъ: Ны втайсся, кохáночко, якъ у мишкý шыло. Умыратъ—ны нá визъ клáсты. Мижъ сорóкамы—по сорóчьему, мижъ ворóнамы—по ворóньёму, а мижъ людьмы—по людьскому.

„Ни, мáмо, хоть ны кажитъ“, говоритъ дочь матери: „а якъ ны по душі кныши, такъ хочъ вы тутъ шо, такъ ны пийдý за нёго“. Для иллюстраціи народнаго говора, приводимъ шутовскую пѣсню и побасенку.

Шутовская пѣсня.

Ожынився щыголъ тай думае,
Що женився, утратився тай жинкы ны мае.
Сыдыть щыголъ на пыньку у лодони ялеще:
Напыймося, найижмося, е ще.
Попылы й пойилы, смиху наробылы.
А вороны на той часъ коровай злипылы,
Сорокы—прыданкы скачуть поверхъ лавкы;
Бидна жъ наша головонька, ымае кыбалкы (очипка).
А чайка кыгычить, на высилля клычить,
А кулычка съ кулычкомъ на высилля лячко разкомъ,
А чапелька красна на высилля ласа;
А пчолы та осы тай покусалы чаплю.
«Тутъ буду ночуваты, до дому ны втраплю».
А пырыпылыця хату вымитае,
Сыдыть сова кинци стола, скоса поглядае;
А сычъ на порози сыдыть на сторожи,
А дурний пугачъ бизъ памьяты лыжить на морози,
А комарь у лиси гостей зазывае,
Чмиль меду додае, зазовивъ ны мае.

Побасенка. „Якъ мы зъ дидомъ жылы, ще батька на свити ны було; та було у насъ дви пари волівъ чужыхъ, а третя ны наша. Пойхалы ораты мы, люды зъ волами, а мы такъ зъ дидомъ. Ну, мы наоралы, а чумакы йхалы, та нашу оранку на колеса й забралы. А я дивчина тодѝ ны вылычка була, та побигла за чумакамы оранку збыраты; назбырала ийѝ повну пелену, принысла до дида, тай роскыдалы мы ту оранку и насіялы гречкы. Пишлы у недилю, а вона уродыла густа, а посередыни пуста, а по краямъ ныма ничого. Мы зъ дидомъ и пожалы, наклалы на комини три скырты съ половыною, а бо щей дали. А у насъ була гулева худоба—быкъ—воша; та якъ побигла коло стога, якъ тырнецьця объ стигъ, тай звалыла въ помыйныцю, а мы зъ дидомъ выкыдалы, выкыдалы сопыкы, та тамъ вчынылы й замисылы, а баба напекла бублыкивъ грычаныхъ. Повызлы бублыкы въ городъ продаваты, хто купе — ны купе, а бабу по плечахъ лупе. Попродалы бублыкы, узялы й пойихалы до дому. Йидемъ до дому, баба барышы, щыта́е: „у кого барышы въ капшуци, а въ мене—мижъ плечыма“. Прыйихалы до дому, а батько тилько що народывся та ходе по хати ны облызанный. Ну що жъ тутъ ёму робыть? Треба на улыцю нысты, забавляты. Полизъ дидъ на дуба яецъ драты, батька забавляты; выдравъ двое утячыхъ, прынисъ до дому тай дума: що бъ ёго посадыты? Прыйшла въ двіръ чужа свыня и заквохтала. Мы ии посадылы, вона вылупыла двое утятъ на другый день. Мы ихъ выгналы въ череду; у вечери прыходять: одна

прынеслà глэкъ молокà, а дрýга—пидъ крылóмъ пьятакà. На дрýгый день мы надоилы пóвну хáту молокá и двéри позачинялы и почалы мáсло колотыть. Выгналы двà ополóнка вверхъ масла, а остáнне мáсло въ пóгрибъ. А дáли вже, якъ прыйдýть, такъ сыръ и мáсло самò пáда въ пóгрибъ. Кынулысь въ пóгрибъ до мáсла,—ажъ воно зацвилò; мы давáй ключкою тягты, та на тынъ вишаты просушуваты. Просушылы, на визъ склáлы и рублèмъ утяглы; запряглы чужóго кабанà и волá и повызлы въ гóродъ продавáты, а дидъ пишòвъ впередъ мúста одбырáты, де зъ мáсломъ стáты. Отъ идý я на мистòкъ, а кабàнъ та вилъ заспóрылы: той туды, а той туды тягне, тай перекынулы мáсло въ грязь. Въ гóроди во вси дзвóны по мáслови дзвóнять, а дидъ дýма: це ны дáромъ такà трывóта, колыбъ тамъ зъ мáсломъ чегò ны случилось. Прыхóде до мáсла, а ужè мáсло згáсло, пырымишáлось съ грязью. Плáкалы, плáкалы, у лодóни ляпалы. А дидъ каже: пойидымъ въ Боровéньку та кýпымо бжолý. Прийихалы въ Боровéньку, а чоловикъ зъ Варваривкы прывивъ бжолý прывязану до вóза и пыхтыръ, шо нóсе медъ до шыи привьязанный. Сторгувáлы бжолý и йидымъ до дóму. Прийихалы до дóму тай послáлы бжолý у Лозовàтый за мéдомъ. Вонà набрáла пóвынъ пыхтиръ ёго и нысè до дóму. И напáлы ии шáрою собáкы и розирвáлы, пыхтиръ порвáлы и медъ пойилы. Якъ пишлы мы на дрýгый день, ажъ лыжить пóрвана бжолà и пыхтыръ порóжній. Такъ мы тоди прыйшлы до дóму, запалылы хáту тай пóпилъ розвіялы, шобъ бáтькові нычогò ны достáлось. Ныхàй собѝ дба".

Вліяніе литературнаго языка сказывается въ появленіи новыхъ словъ: предъясныть, облокатъ, опынація, сторія, шланбовъ (предъявить, адвокатъ, аппеляція, исторія, шлагбаумъ).

Хаты жителей преимущественно деревянныя, о четырехъ окнахъ: два на улицу и два во дворъ, объ одной комнатѣ съ сѣнями, а нѣкоторыя съ чуланами, устроенными въ сѣняхъ. Избы бѣлятся снаружи и внутри бѣлою глиною или мѣломъ. Въ хатѣ около стѣнъ—двѣ лавки и „полъ", замѣняющій кровать; въ переднемъ углу помѣщаются иконы съ висящею передъ ними лампадою, въ томъ же углу передъ лавками находится столъ. Передній уголъ по бокамъ иконъ оклеиваютъ полосками „шпа-

леръ“ или „квичаютъ“, т. е. раскрашиваютъ синькою и сурикомъ. „Квичаютъ“ такъ-же нѣкоторые и комины печки, находящейся съ правой стороны при входѣ въ избу. При каждой печи устраивается лазная печь и лежанка, которыя часто замѣняютъ кровать. Въ лѣвомъ при входѣ углу помѣщается шкафъ для посуды; для той же надобности надъ дверью или вверху на стѣнѣ придѣлываютъ полку. По праздникамъ около иконъ и вообще по стѣнамъ вѣшаютъ рушники, выпитые разными узорами. Передъ хатою бываетъ палисадникъ, гдѣ разводятъ деревья и разные цвѣты.

Дворъ огораживается плетнемъ; постройки во дворѣ большею частію хворостяныя и только у болѣе зажиточныхъ—деревянные амбары для хлѣба; клуни для молотьбы хлѣба устраиваются на столбахъ. Во время военнаго поселенія, хаты строили съ фронтонами, а въ настоящее время безъ фронтоновъ, а съ подташками на столбахъ (родъ балкона). Оконныя ставни и дверные притулки окрашены красною глиною. Почти въ каждой хатѣ встрѣчаются одинъ или два крестообразно укрѣпленные подъ потолкомъ сволока.

Одежда. Еще недавно мѣстные жители не отличались изысканностью въ платьѣ, одѣвались очень просто: рубаха, запаска или дерга и свита—собственнаго издѣлія—составляли весь уборъ; въ настоящее время, не говоря уже о парняхъ и дѣвкахъ, которые, другъ передъ другомъ стараются блеснуть своими костюмами и пожилые покупаютъ для своего платья: мужчины на ченарки и шаровары, а женщины на сарафаны (юбки) и на юпки (кофты)—разныя матеріи у торговцевъ изъ лавокъ; дѣвушки почти всѣ лѣтомъ носятъ бѣлые миткалевые съ бахромою по краямъ платки, а по праздникамъ повязываются шелковыми платками, сложивши платокъ навкось въ видѣ полоски шириною въ ладонь, и на боку прикрѣпляютъ цвѣтокъ, а въ косу вплетаютъ много лентъ. Женщины въ праздничные дни носятъ на головѣ парчевые „очипки“, которые, впрочемъ, уже выходятъ изъ моды, повязываются шелковыми платками, а по буднямъ носятъ недавно вошедшіе въ моду капоры, стеганные на пеньковыхъ клочьяхъ или на ватѣ. Верхняя одежда мѣстныхъ жителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,—свиты изъ

бѣлаго сукна, у мужчинъ съ двумя усиками, т. е. сборками, сзади, съ воротникомъ, обшитымъ по краямъ плисомъ, у женщинъ съ тремя усиками и верхнею полою, вышитою черными нитками. Зимою жители носятъ бараньи тулупы, часто домашняго издѣлія; а болѣе зажиточные и молодые носятъ купленные готовыми полушубки. Лѣтомъ мужчины носятъ картузы, причемъ они у парней отличаются бо́льшимъ донышкомъ, чѣмъ у пожилыхъ; зимою носятъ шапки, „капелюхи", сдѣланныя изъ сукна и искусственнаго барашка. Обувь носятъ какъ мужчины, такъ и женщины щеголеватую, непремѣнно съ высокими подборами и на подковкахъ. У женщинъ лѣтомъ открытые башмаки. Щеголеватость въ костюмахъ мѣстными жителями занесена изъ донскихъ мѣстъ, куда они на лѣто уходятъ на заработки. Стоимость наряда, какъ мужскаго, такъ и женскаго, простирается приблизительно до 25 р.

У болѣе зажиточныхъ мѣстныхъ жителей въ скоромные дни **пищу** составляютъ—свиное сало и молоко, а осенью—баранина; у бѣдныхъ пища въ мясоѣды почти ничѣмъ не отличается отъ постной. Постная пища жителей состоитъ изъ хлѣба, картофеля, соленья и капусты. Вообще пища жителей, вслѣдствіе неурожаевъ и скотскихъ падежей,—вмѣстѣ съ оскудѣніемъ матерьяльныхъ средствъ, становится годъ отъ году все однообразнѣе и скуднѣе.

Такъ какъ сл. Ново-Астрахань занимаетъ низменную мѣстность, то изъ **болѣзней** болѣе всѣхъ здѣсь развита малярія; кромѣ того, вслѣдствіе дурнаго питанія населенія, распространено желудочно-кишечное растройство. Не смотря на то, что въ послѣднее время мѣстные жители стали гораздо довѣрчивѣе относиться къ медицинскому персоналу и почти всѣ при болѣзняхъ обращаются къ нему за помощью, многіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ мѣстнымъ народнымъ средствамъ. Такъ, при боли живота завариваютъ „со́яшныци", „скыдаютъ гле́чики", шепчутъ отъ „завийнои", пьютъ сокъ полыня и деревея, разведеннаго съ водою и солью, выливаютъ „во́лосъ" при нарывахъ, шепчутъ при испугѣ отъ „переполо́ху", а также отъ вывиха и зубной боли,—дѣтямъ отъ безсонницы, отъ укушенія змѣи; шепчутъ и отъ кровотеченія и отъ „прозо́ру" (если кого сглазятъ) и проч.

„Завариваніе сояшницъ“. — Берутъ глиняный кувшинъ, кладутъ въ него немного конопли и зажигаютъ; на животъ больного ставятъ миску съ водою, переворачиваютъ кувшинъ въ миску и ставятъ вверхъ дномъ, туда же въ миску кладутъ ложку, ножъ и веретено; въ то время, какъ вода, клокоча, поднимается въ кувшинъ, бабка беретъ изъ миски поочереди ложку, ножъ и веретено и чертитъ ими крестообразно на днѣ кувшина. Огонь въ кувшинѣ быстро гаснетъ. Бабка снимаетъ кувшинъ, прибавляетъ конопли и, зажегши, опять ставитъ кувшинъ въ миску и повторяетъ крестообразное черченіе ложкой, ножомъ и веретеномъ на его днѣ. Тоже самое дѣлается и въ третій разъ. Затѣмъ даютъ больному пить изъ миски крестообразно воду съ солью и давятъ ему животъ вынутымъ изъ кувшина и обмакнутымъ въ деготь клочьемъ. Все это лѣченіе сопровождается словами: „Со́яшныци витря́ныи и глазны́и, зъ си́рыхъ глазъ и ка́рыхъ глазъ и прози́рни, и водяны́и, и просту́дни. Ма́тери Бо́жій, Мыкола́я уго́дныка и всихъ святы́хъ просю́ пособы́ты, помогты́ новоро́жденому, крещéному (имя больного)“.

„Завійна“. — Берутъ качалку, ставятъ на столъ вертикально и закруживаютъ, какъ будто что растирая, при этомъ говорятъ: „Завійна глазна́, завійна прози́рна, завійна водяна́, завійна витря́на, завійна полуно́шна. Ма́тери Бо́жій, Цары́ци небе́снои и всихъ святы́хъ просю́ и молю́ пособы́ты новоро́жденому, крещеному, старо́му (имя)“. Послѣ этого бабка обмакиваетъ въ деготь тряпочку и, обсыпавши ее солью, прикладываетъ къ пупу больного.

Взять деревянное ведро, поставить на порогѣ вверхъ дномъ, потомъ налить на дно воды, положить „жа́ру“, (раскаленыхъ углей) пшена, соли и говорить: „Ты, завійна, витряна́, стри́жына, ззидына, прозирна“. Затѣмъ составомъ, находящимся на днѣ ведра, крестообразно напоить больного и, обмакнувъ пальцы въ эту жидкость, провести ими по животу больного.

Отъ боли живота еще пьютъ растертое свяченое пшено или чернушку съ водою и солью. Больныхъ „супроти́вникомъ“ (конвульсіи) кормятъ „дарникомъ“ (артосъ) и подкуриваютъ херувимскимъ ладаномъ.

Отъ *„переполоху“*. Прежде всего нужно посрѣзывать съ рукъ и съ ногъ ногти, потомъ постричь крестообразно волосы на лбу, на затылкѣ, съ праваго и лѣваго висковъ; тогда поставить больного у двери къ притолкѣ и въ томъ мѣстѣ, куда доходитъ голова больного, просверлить дырочку, положить въ нее, закатанные въ воскъ страстной свѣчи, срѣзанные ногти и волосы и забить осиновымъ колышкомъ со словами: „выклыка́ю и вызыва́ю изъ нарожде́ного раба̀ Бо́жого (имя)—супостата, дыя̀вола и заклина́ю“! Дѣлать это непремѣнно нужно въ субботу, когда выходятъ изъ вечерни.

„Выливанiе „переполоха“ на воскъ“. Бабка идетъ „по́-воду“ и, пришедши къ колодцу, говоритъ: „Здра́вствуй, вода̀ Улья̀на и земля̀ Тытя̀на, я прышла̀ до тебе воды набра̀ть и здоро́вья попыта̀ть“. Набираетъ воды и несетъ домой. За водой бабка идетъ до свѣта, чтобы набрать „непоча̀той“ воды. Наливаетъ въ миску воды и, растопивши воскъ, выливаетъ его въ воду со словами: „Вылыва́йся, переполо̀хъ, на доро́гы, на очерета̀, на боло́та̀, на густи́и миста̀, де лю̀ды ны хо́дятъ, чолови́чий гла̀съ ны захо́де; и батьки́вськiй и мате́ринський, денно̀й и ношно̀й, полуно́шный, диди́вський, бабивський, крылящий и трепета̀щий, до христыя̀нына ны доступыть, и кро́вы ны побушува̀ть и кости ны зломыть, пыщи ны отбыть и христыянского тила ны стрыво́жыть“. Въ началѣ и въ концѣ читается молитва: „Да воскреснетъ Богъ“.

„Выливанiе переполоха на олово“. Растопить олово, вылить въ воду, говоря: „выходы, переполо̀хъ, съ головы, съ ко́сты, съ мо́зку, съ ру́сыхъ волосъ, съ би́лого лыця, съ твоего се́рця, я тебѐ заклына́ю на очерета̀хъ и на болота̀хъ, на густы̀хъ листа̀хъ, де лю̀ды не хо́дять и чолови́чий гла̀съ не захо́де“.

„Выливанiе переполоха на яйцо“:—Взять куриное яйцо, покачать имъ по лицу, головѣ и всему тѣлу больнаго со словами: „Тутъ тоби не стояты, жо́втои ко́сты не лома́ты, чырво́нои кро́ви не пы́ты, щы́раго серця не вьялыты, би́лого ти́ла не сушы́ты, крещено́го, рожде́ного раба̀ Божого“ (имя). Затѣмъ взять стаканъ съ водою, поставить на голову больнаго и на порогѣ выпустить бѣлокъ яйца въ воду; тогда смотрѣть въ стаканъ; если больной не выздоровѣетъ, то въ стаканѣ покажется изображе-

ніе священника или могилы, а можетъ показаться и тотъ предметъ, который причинилъ испугъ.

Заговоръ при кровотеченіи. „Го́споды, поможы́ отъ кро́ви шепта́ты и молы́тву чыта́ты: Отче нашъ". Прочитавши эту молитву, бабка говоритъ: „Йихавъ дидъ старъ, пидъ нымъ кинь каръ, а ты чырво́на кровъ стань. На мо́ри два браты́ сичу́ньця, руба́ющьця, сестра̀ прыйшла̀, кровъ ны пишла̀". Эти слова проговорить 3 раза.

Отъ *„прозо́ру"* (сглазъ). Въ миску налить воды, поставить на столъ и говорить: „Го́споды, поможы́ отъ прозо́ру шепта́ты и молы́тву чита́ты: Отче нашъ". Потомъ бабка говоритъ: „Вода̀ бигу́ча, вода̀ котю́ча и вода̀ Іорда́нська берегы́ потопы́ла и лугы́ поломы́ла, нарожде́ному, молы́твяному, крещ́ному (имя) уро́кы отходы́ла, а уро́кы водяни́, витряни́ и прозирни́и. Во ви́ки виковъ. Ами́нь". Проговоривши эти слова три раза, умываютъ больному крестообразно лицо, руки, грудь, ноги, затылокъ, мочатъ голову и даютъ больному пить крестообразно изъ миски воду. „Прысвята́я Богоро́дыця, вылы́кая помо́шныця, св. Микола́й уго́дникъ, ско́рый помо́шныкъ, святы́и апо́столы, ста́ньте на по́мочи, Ки́ивськи, Охты́рськи, Пече́рськи, Святого́рськи, св. Митрофа̀нъ Воро́нижськый, велы́кый помо́шныку, Ма́терь Бо́жа двохру́чна, трехру́чна, поможи́те, благослови́те одъ уся́кои боли́зни, отъ уро́кивъ. Вы вро́кы, врочыща, вытряни́, водяни́, супроты́вни, спыты́ни, ззи́дыни, мужы́цьки, хлопья́чи й дивча́чи, тутъ вамъ ны стоя́ты, щы́рого се́рця ны тошны́ты, жо́втои ко́сты ны ломы́ты, черво́ной кро́ви ны пыты. Хрыста́мы забыва́ю, молы́твамы выклыка́ю, вызыва́ю съ твоихъ плычѐй, съ твоихъ ру̀къ, съ твоихъ ни̇тъ, съ твоихъ па̀льцивъ, съ твоихъ семы́десяты суста̀вцивъ, съ твоеи головы̀. Иди̇̀ть собѝ, вро́кы, врочи́ци, на очерета̀, на боло́та, на гны́ли коло́ды, де й ви́теръ не захо́де, дей пи́вни не спива̀ютъ, де й огни̇̀ ны горя̀ть, ла̀даны не куря̀ть, христыя̀ньский гла̀съ не захо́де. И̇ во ви́ки виковъ. Ами̇̀нь".

Какъ *„скидаютъ глечики"*.—Животъ больному смачиваютъ и натираютъ мыломъ, на то мѣсто, гдѣ должно ставить кувшинъ, кладутъ немного гущи изъ хлѣбного квасу, вырѣзываютъ кружочекъ изъ корки хлѣба, и, укрѣпивши въ мякишѣ по серединѣ небольшую восковую или сальную свѣчку, кладутъ на жи-

вотъ сверхъ гущи, зажигаютъ свѣчку и ставятъ на это мѣсто перевернутый кверху дномъ кувшинъ. При этомъ шепчутъ, какъ отъ прозору.

„*Выливаніе волоса*". Берутъ 27 ржаныхъ колосьевъ, кладутъ на нихъ больной палецъ, или вообще больную часть тѣла, льютъ сверху теплую воду и говорятъ: „Лыйся, волосъ, на колосъ, водяный, витряный, прозирный, подуманый, погаданый, пидстритынный. Тутъ тобй ны стоять и ны бувать, а жовтои косты ны ломыть, и билого тила ны сушыть, и червонои кровы ны мутыть, и суста́ва ны крутыть". Эти слова проговорить три раза.

Отъ „*коликъ*".—Взять ножъ, слегка дотрогиваться имъ до больнаго мѣста и говорить: „Колючка водяна и витряна, прозирна и подумана и погадана, пидстритына, спытына, ззидына, отъ лыха и отъ чоловика, и отъ роботы, и отъ усякои заботы. Во вики виковъ. Аминь".

Отъ нишныць (безсонницы) *у дѣтей*.—„Господы, поможы отъ нишныць шептаты, молытву читаты: Отче нашъ" и т. д. Потомъ бабка говоритъ: „Драствуй, дубе, въ тебѐ сынъ Максымко, въ мене дочъ (имя ребенка), ныспывка; возьмы собй нишныци, ныспывци, шо ны сплять денно и ношно, я ихъ изсылаю на очерета и на болота, де куры не спиваютъ и собаки не брешуть и дытячий голосъ не заходе" (3 раза).

„Чорнии куры, били куры, зозулясти куры и семенасти и сидласти, возьмите крыклывця, плаксывця, и подумани, и погадани, и помыслени, насланй, пересланй, и сонцевй, и дощевй, витрянй, тутъ тобй не стояты, щырого серця не тошныты, жовтои косты не ломыты, пиды собй де гилля недилля, де гусы не ходятъ, де людскый гласъ не заходе. Куры, курыци, возьмить отъ хрещенои, молытвянои (имя) нишныци" (3 раза).

Отъ „*бышыхи*" (рожистаго воспаленія).—„Прыйды, Господы, помогаты, отъ бышыхи шептаты. Бышыха, бышыще, болячка, болячыще, нежыть, нежытыще!—и подумана, и погадана, и помыслина, и наслана, тутъ тобй не стояты, щырого серця не тошныты, чырвонои крови не цыты, жовтои косты, не ломыты, пиды собй, де гилля ныдилля, де людьськый гласъ не заходе. Бышыха туркеня, бышыха нимкеня, бышыха пруська, бышыха

жыдо́вська и нехре́щена и немоли́твяна". Эти слова сказать 9 разъ, а потомъ еще 3 раза.

Заговоръ отъ зубной боли: „Звиръ у по́ли, ка́минь у мо́ри, а ми́сяць на́ не́би,—и пособи́ты новорожде́ному, крещ́ному, старо́му (имя). Колы́ ци тры браты́ зи́йдуцьця, тоди́ у новорожденого, крещ́ного (имя) зу́бы боли́тымуть. Новорожде́ному, крещ́ному (имя) черва́мъ роты́ замовля́ты, шобъ ны зуди́лы въ зуба́хъ".

При рожденіи мѣсяца надо выйти на дворъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ увидишь луну, остановиться и проговорить 9 разъ слѣдующее: „Молоды́че, молоды́че, чы бувъ ты въ старо́го, чы боля́ть зу́бы у ме́ртвого? Якъ у ме́ртвого ны боля́ть, то такъ и у (имя) не боли́лы и не щеми́лы, и закамьяни́лы".

Отъ *вывиха.* Направлять свихнутую руку или ногу и говорить: „ишла́ коро́ва че́резъ мистъ,—золоти́ ро́гы, золоти́ но́гы, золоти́ зу́бы, золоти́ гу́бы, золоты́й и хвистъ. Исцилы́, Го́споды, свихну́тую, зло́мленую, стрево́женую кисть" (9 разъ).

Отъ *бѣлыма.* „Йихавъ Юрій на кони́, за нымъ би́гло тры хорты́, оды́нъ си́рый, дру́гый би́лый, тре́тий чо́рный. Си́рый склыка́е, би́лый сзыва́е, а чо́рный злы́зуе, билый склыка́е, чо́рный сзыва́е, а си́рый злы́зуе, чо́рный склыка́е, си́рый сзыва́е, а би́лый злы́зуе" (9 разъ).

Отъ *„свырбячки"* (крапивной лихорадки): „Прысвята́я Богоро́дыце, велы́кая помо́щныце, поможы́, Го́споды, цю свырбя́чку зигна́ты, зисла́ты на очерета́, на болота́, де о́гни ны горя́ть, де ла́даны ны куря́ть и херуви́мский ладанъ ны захо́де" (9 разъ).

Отъ *„простуды".* Покупаютъ въ лавкахъ декохтъ, леверъ, калганъ, бѣлый инбиръ, рожки, варятъ все это въ кувшинѣ, накрытомъ деревяннымъ кружечкомъ и замазанномъ тѣстомъ. Лѣкарства этого даютъ пить въ сутки не менѣе кварты. Курсъ лѣченія 12 дней. Если же больной послѣ перваго курса не выздоравливаетъ, то лѣчится до 24-хъ дней и до 30. Раны при этомъ засыпаютъ мѣдянкой, а потомъ и прикладываютъ мазь, состоящую изъ свинаго и бараньяго сала, ладану, воску, смолы и глицериноваго мыла.

Отъ *укушенія змѣи.* Давить укушенное мѣсто пальцемъ и говоритъ: „на Есіа́нский гори́ совы́няче гниздо́, а въ тимъ гнизди́ цары́ця-совы́ця, выйма́й свои слу́ты, выйма́й свои зу́бы, си-

ри й би́ли, смугна́сти, полоса́сти, ха́тни, зага́тни, луговѝ, лисовѝ, зымлянѝ и водянѝ и жо́вти жовтя́ныци“ (9 разъ).

Въ чистый четвергъ крестьянки до свѣта прядутъ на порогѣ, причемъ веретено крутятъ не въ ту сторону, какъ обыкновенно, а наоборотъ, къ себѣ. Напряденную пряжу сматываютъ на клубокъ и сохраняютъ на случай; если у кого изъ семьи заболитъ рука или нога въ суставѣ, ею перевязываютъ больное мѣсто.

Народное лѣченіе „шептаніемъ“ имѣетъ, по всей вѣроятности, нѣкоторое сходство съ лѣченіемъ путемъ внушенія. При немъ также требуется наличность извѣстныхъ, часто субъективныхъ, свойствъ. Шептаніе только тогда приноситъ пользу, „якъ кровъ (шептухи) пидъ кровъ (больного) пидийде, або во́лосъ пидъ во́лосъ“.

Для лѣченія скота у мѣстныхъ жителей имѣются также свои средства: шепчутъ отъ перелоговъ, отъ бѣльма; заговариваютъ кровь, при „чымырѝ“ въ уши больному животному задуваютъ соль и проч.

Отъ *„перелогивъ“*.—Перевязываютъ больное животное вѣнчальнымъ поясомъ и покрываютъ рушникомъ, въ которомъ святятъ пасхи. Обводятъ вокругъ животного мужскою шапкой.

Заговоръ отъ „перелогивъ“: „Го́споды, поможы́ отъ перело́гивъ шепта́ты, моли́тву чита́ты: Отче нашъ и т. д. На мо́ри на окия́ни, на о́стровн Буя́ни тамъ стоя̀въ дубъ Хвылы́нъ, а на тимъ ду́би три́девьять гниздѐй; де не взя́лыся трыдевьять орлѐй, розгнызды́лы, розносы́лы; перело́гы чо́ртови въ ро́гы отъ ёгѐ (названіе масти больного животнаго), отъ черво́ной крови, отъ его̀ па́льцивъ три́девьять суста́вцивъ. (При этомъ надо дунуть и плюнуть, а потомъ продолжать). Водянѝ, витрянѝ, поду́мани, пога́дани, пидстритынни, во ви́ки викдвъ. Амѝнь“. *Отъ „перелогивъ“ рогатому скоту*: „Пидъ горою гру́ша стояла, пидъ гру́шою прысто́лъ стоя̀въ, на прысто́ли Сусъ Хрысто̀съ спочыва̀въ и перело́гы топта̀въ: стри́тынни, ззи́дыни, прозирнѝ, вытрянѝ, водянѝ“ (9 разъ). *Отъ перелоговъ лошадямъ*: „Поможы́ минѝ, Го́споды, и вси святѝи и св. Харла́мпій. Сыдыть Богъ и Оны́сий, Богови па́лка, а Онысиеви шапка, а чо́ртови перело́гы“. *Отъ бѣльма*: „Йи́де св. Юрій че́резъ золоты́й мистъ на би́лимъ конѝ, а за нымъ 12 хор-

тивъ, одынъ бижыть, бильмо лыжить, другый бижыть—бильмо лыжыть" и т. д., пока не скажуть 12 бѣжыть—бильмо лыжыть". Эти слова говорять три раза, подошедши къ больному животному.

„Заговариваютъ кровь" у скота слѣдующими словами: „На Есиаськый горй, на зымлй на Таньський, тамъ два брата сичуцьця, рубаюцьця, прыйшовъ до ныхъ Исусъ Христосъ и Матырь Божа: ны сичицьця, братци, ны рубайтыся, якъ будете сиктыся, рубатыся, то такъ Вамъ буде, якъ у ныдилю дрова рубаты, а жинци сорочкы выкыдаты. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминъ".

На Симона Зилота (10-го мая) рвутъ деревей, рѣзакъ, полынь, который употребляютъ отъ лихорадки, филильникъ и приэтомъ говариваютъ: „Рву деревий, ризакъ и проч. для мыра хрещена". Деревей и рѣзакъ сушатъ, варять и потомъ, посоливши, пьютъ при боли живота. Лопухъ употребляется при опухоляхъ: имъ парятъ, предварительно сваривши его. Пидбилъ (мать-мачиха) употребляется при опухоляхъ у скота, какъ и лопухъ. Корень рухъ-травы копаютъ въ день св. Руоини (2 сент.), варятъ и даютъ пить страдающему болью въ животѣ.

Набожность, соблюденіе постовъ и другихъ обрядностей и порядковъ церкви уживается съ довольно усерднымъ посѣщеніемъ общественныхъ мѣстъ винопитій и буйствомъ или драками въ компаніи и особенно въ семействѣ.

Промысловые торговые люди, изъ временно проживающихъ здѣсь, значительно развитѣе кореннаго населенья, занимающагося земледѣліемъ. Часть коренныхъ жителей ежегодно отправляется на заработки на р. Донъ; остающіеся дома занимаются извозомъ хлѣба на желѣзную дорогу въ Екатеринославскую губ., оттуда привозятъ уголь, соль, алебастръ, иногда рыбу и пр.

Вслѣдствіе нужды и погони за большими заработками, которые весьма часто не оправдываются, въ послѣднее время вошло въ обычай съ наступленіемъ весны посылать огуломъ почти всѣхъ молодыхъ парней и дѣвокъ на заработки на все лѣто и вообще на все рабочее время до Покрова Пр. Богородицы и даже нѣсколько далѣе. Этотъ обычай крайне дурно вліяетъ на нравственную сторону молодежи: таскаясь все это время внѣ дома, по разнымъ мѣстамъ, молодежь окончательно портится;

парни возвращаются разнузданными, съ дикими и грубыми привычками и пріемами, а дѣвки возвращаются домой почти сплошь развращенными, падшими созданіями. Весьма желательно, чтобы подобная отправка дѣтей, которыя едва только поднялись на ноги, и въ особенности дѣвушекъ, въ неопредѣленныя мѣста, на произволъ судьбы, была пріостановлена. Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что, по мнѣнію мѣстнаго священника, правительству надлежало-бы обратить на него самое усиленное вниманіе.

До введенія мировыхъ учрежденій, положеніе женщины въ семьѣ было крайне тяжело и унизительно; женщинъ безпощадно били всѣ, особенно такъ называемыхъ невѣстокъ, не опасаясь никакой отвѣтственности за это. Съ этого же времени семейное положеніе женщины улучшилось до весьма значительныхъ размѣровъ, и ея общественное положеніе возвысилось, не въ смыслѣ вліянія или участія въ дѣлахъ общественнаго управленія, а вообще въ томъ кругѣ дѣятельности, какой женщина занимаетъ среди народонаселенія, какъ добрая совѣтница, помощница и даже, въ иныхъ случаяхъ, распорядительница въ бытовомъ хозяйственномъ положеніи мужчинъ.

Родители со свойственною имъ любовью относятся къ дѣтямъ, заботятся о нихъ, стараются воспитать добрыхъ христіанъ и трудолюбивыхъ и полезныхъ членовъ семьи и общества. Что же касается дѣтей, то частыя отлучки ихъ на заработки, къ сожалѣнію, подрываютъ добрыя отношенія ихъ къ родителямъ. Находясь долгое время внѣ семействъ и вращаясь среди разнаго сброда, они теряютъ страхъ Божій и, забывая обязанности свои къ родителямъ, обнаруживаютъ непочтительность къ нимъ и охлажденіе къ роднымъ; на это приходится весьма часто слышать скорбныя и горькія жалобы родителей.

Перехожу къ народнымъ **обрядамъ**. Если *родится* неживой ребенокъ, то его „откликáютъ“: если мальчикъ, то кричатъ на ушко ребенку мужскія имена въ семьѣ, если же дѣвочка, то женскія. При завязываніи пуповины у родившагося, повивальная бабка говоритъ: „пупъ завьязую, а умъ розвьязую“. На третій день послѣ рожденія ребенка больная сливаетъ воду на руки бабкѣ, а бабка больной. За водой для этого ходитъ сама

бабка. Пришедши къ колодцу и набирая воду, она говоритъ: „Изъ усыхъ гиръ, изъ усыхъ джирилъ (родниковъ) вода въ колодязи прибавляецьця; у новорожденои, молитвенои (имя больной) шобъ такъ покормъ для дытяты прибавлявся“.

Когда *умретъ* человѣкъ, то въ томъ домѣ ставятъ на окно въ стаканѣ медъ, который стоитъ до 40 дней, затѣмъ дѣлаютъ коливо и поминаютъ покойника. У мѣстныхъ жителей есть обычай „причитать“ надъ покойникомъ. Если, напр., умретъ женщина, оставившая дочь сироту, то послѣдняя, хороня мать, такъ голоситъ: „Моя нэнько, моя ридненька, моя зозуленька сыве́нька, колы жъ я тебе буду въ гости дожыдаты? (Если время подходитъ къ Свѣтлому Празднику): Стежкы, дорожкы водою залыюцьця, (а къ Тройцѣ:) стежкы, дорожкы травою заростуть. Та я жъ буду ходыть, та я буду розгортать, свойи неньки стежычку шукать; а соловейка дождю, буде щебытать, а моеи жъ ненькы нымà, ни съ кымъ мини буде розмовлять. И зузуленька сыва буде кувàты, а мене моя ненька не буде пытàты: якà моя жизть невесела, горькая и тягосная безъ неньки ридненькои“.

На первый день Рожд. Хр., вечеромъ парни и дѣвки ходятъ по хатамъ и *колядуютъ*, причемъ, подошедши къ хатѣ, говорятъ: „Боже, дай вечиръ добрый! чи заколядовàты?“ Если изъ хаты отвѣтятъ, чтобъ колядники колядовали, то они поютъ: „Пàне, господарю, застылàй столы, посвиты свичи, клады калачи, буде до тебе трое гостей: первый гость у св. Рождество,—радость прынысло, другый гость у св. Васыля,—зъ Новымъ годомъ, третье Рожество—Иванъ Хрыстытель воду охрыстывъ. Дайте перигъ довгый, бизъ рукъ, бизъ нигъ, шобъ ны втикъ у снигъ. Боже, дай вечиръ добрый.“

При этомъ колядникамъ даютъ деньги, пряники, пироги и т. п.—Въ послѣднее время уже немногіе колядуютъ. Подъ Новый годъ дѣти ходятъ по хатамъ и говорятъ:

Мыланка ходе,
Васылечка просе:
Васылечку татку,
Пусты мене въ хатку,
Я жыта не жала,
Чесный хрестъ держала.
Радуйтыся, люды,
До васъ Хрыстосъ буде.
Богу свичку ставте;
А намъ пыригъ дайте.

„Щидривка“ также выходитъ изъ обычая. На Новый годъ мальчики ходятъ по хатамъ и посыпаютъ различными хлѣбными зернами со словами: „А въ поли, поли самъ Богъ ходе, а Божа Мате йисты носыла, Бога просыла: уроды, Боже, жыто, пшеныцю, всяку пашныцю. Зъ колоска жменька, а зъ снопа мирка. Здравствуйте, зъ праздникомъ, зъ Велыкымъ Василіемъ“.

Въ періодъ времени отъ всеядной недѣли до масляной, дѣвки *„водятъ козла“*: берутся за руки, и крайнія съ одного конца начинаютъ проходить подъ руками двухъ дѣвушекъ, стоящихъ на другомъ концѣ этой цѣпи, пока не пройдутъ всѣ, потомъ вывертываются и повторяютъ тоже самое. При этомъ поютъ:

„По улыци драбына, драбына,
Тамъ Тытянка ходыла, ходыла,
За собою Павлечка водыла.
«Постой, постой ты Тытянко не тикай,
Бо я тебе дожыну, дожыну
И лжъ тоби русу косу роспустю, роспустю».

«Бодай же ты, Павлечко, не диждавъ,
Шобъ ты мини русу косу роспускавъ,
Бо ты жъ мини ии не кохавъ
И що суботонькы не чысавъ,
Що—недиленьки не зряжавъ;
А я косу кохала
И що—суботонькы чесала,
А що недиленьки зряжала».

Когда *садятъ капусту*, дѣлаютъ такъ: посадивши на каждую грядку первый стебелекъ разсады, накрываютъ его ведромъ, которое остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не засадятъ всей грядки. По народному мнѣнію это значитъ: какъ велико ведро, такой величины долженъ быть каждый качанъ капусты. Въ день пр. Ильи у мѣстныхъ жителей есть обычай до свѣта идти на огородъ и, пригнувши молодые листочки капусты, говорить: „Св. Илья, завывай головья“. При этомъ чмокаютъ въ воздухѣ губами.

Существуютъ обычаи *при посѣвѣ и жатвѣ хлѣба*. Въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго поста крестьяне пекутъ изъ тѣста кресты и кладутъ ихъ въ закромъ съ пшеницею, гдѣ они сохраняются до времени посѣва. Когда сѣютъ пшеницу, то берутъ съ собою въ поле эти кресты и кладутъ ихъ по угламъ назначенной для посѣва нивы. Въ началѣ работы и по окончаніи ея кладутъ по три земные поклона и говорятъ: „Роды, Боже, жыто, пшеныцю, всяку пашныцю на всякого долю“. По окончаніи работы ѣдятъ кресты.

При жатвѣ хлѣба, первый сжатый снопъ кладутъ на возъ и везутъ домой, обмолотятъ и полученныя зерна и солому упо-

требляютъ, какъ лѣкарство, при боли въ груди и горлѣ; зерна варятъ и дѣлаютъ припарки, а наваръ соломы пьютъ. Послѣдній снопъ пшеницы, когда кончаютъ жатву, привозятъ домой, вносятъ въ хату, кладутъ на столъ и говорятъ: „на́те вамъ, та́ту, и вамъ, ма́мо, обжы́ношный винокъ". При этомъ дѣтей благодарятъ и награждаютъ подарками.

Повѣрья. По мнѣнію болѣе пожилыхъ мѣстныхъ жителей, которые еще вѣрятъ въ существованіе вѣдьмъ, упырей, вовкулакъ, водяныхъ русалокъ и пр., вѣдьма часто является въ видѣ собаки, свиньи, лошади, гуся, коины, двигающейся по улицѣ, или катящагося клубка, иногда въ видѣ палки, которая бьетъ встрѣтившагося человѣка по ногамъ, катящагося колеса, или наконецъ, женщины съ распущенными волосами.

Коровъ доитъ вѣдьма ходитъ больше собакою, а доёнку несетъ въ зубахъ; потомъ становится женщиною, сдаиваетъ корову и спѣшитъ уйти, пока запоютъ пѣтухи: вѣдьма боится, чтобы не поймали ея. Вѣдьма часто перевязываетъ дойки конскимъ волосомъ и такимъ образомъ портитъ коровъ, такъ что у нихъ не стаетъ молока.

Привожу нѣсколько разсказовъ. У одного крестьянина была испорчена корова. Пригласили знахаря, который лечитъ коровъ. Знахарь велѣлъ набрать изъ трехъ колодезей воды въ 1 ч. пополуночи. Утромъ на другой день, когда пришолъ знахарь, то потребовалъ эту воду, обмылъ ею всю корову, сбрызнулъ ее свяченою водою и, вынувъ изъ кармана найденный имъ на дорогѣ сучекъ съ дырочкой, началъ сквозь дырочку сучка доить корову. Знахарь не хотѣлъ указать вѣдьму, испортившую корову, а сказалъ, что она сама прійдетъ, какъ только сдоённое молоко поставить на сковородкѣ въ печь на жарь и при этомъ непремѣнно ворочать ворота, чтобы въ воротахъ вертѣлась пятка. Такъ и случилось: не успѣло закипѣть молоко, а мальчикъ только что началъ ворочать ворота, какъ поденщицѣ, мазавшей на лѣстницѣ домъ снаружи, сдѣлалось дурно; она, еле держась на ногахъ, вошла во флигель и стала кричать и метаться отъ боли во всѣ стороны. Хозяйка дома велѣла вынуть изъ печки молоко и перестать ворочать ворота на загородѣ, а женщинѣ дала выпить лѣкарства, и та стала здоровою и продол-

жала работу до вечера. Такъ обнаружилось, кто испортилъ корову.

Одна женщина пришла къ своей сосѣдкѣ и стала удивляться, что у сосѣдки такая хорошая сметана, жаловалась, что у нея пять коровъ, а сметаны совсѣмъ нѣтъ, и просила, чтобы та научила ее, какою травою она моетъ кувшины. Та говоритъ: „приходи вечиромъ, я тебѣ поучу". Пошла она вечеромъ опять. Сосѣдка подала на ужинъ горячихъ пироговъ со сметаною, и, когда поужинали, сѣли на лавкѣ противъ печки и разсказываютъ. Вотъ сосѣдка и говоритъ пришедшей къ ней бабѣ: „такъ ты хочешъ, шобъ у тебе постоянно була хороша смыта́на, иды сюды". Взяла ее за руку и повела къ печкѣ, вынула изъ челюстей печки черепокъ (разбитый горшочекъ) съ какимъ то составомъ и помазала имъ подъ мышками сосѣдкѣ и себѣ. Затѣмъ обѣ бабы очутились за воротами и уже въ видѣ собакъ. Баба, пришедшая къ вѣдьмѣ, не можетъ заговорить и вѣдьма тоже. Какъ вышли изъ хаты, въ двери или въ трубу, баба не помнитъ. Потомъ вѣдьма повела бабу на гору, которая была возлѣ хутора. На горѣ у вѣдьмы была заложенная дерномъ яма; къ ней подошли обѣ спутницы все таки въ видѣ собакъ. Тутъ вѣдьма сняла съ ямы дерновыя плиты, и тогда онѣ обѣ сдѣлались женщинами. Вотъ и говоритъ вѣдьма своей сосѣдкѣ: „одно о́ко заплющъ, а однымъ дывысь у яму". А женщина посмотрѣла обоими глазами; вѣдьма не спросила, что она въ ямѣ увидѣла. Потомъ вѣдьма закрыла эту яму, и, подѣлавшись собаками, онѣ пошли домой. Какъ вошли въ хату къ вѣдьмѣ, сосѣдка ея не помнитъ, въ двери, или въ трубу, но опять очутились возлѣ печки. Усѣлись на лавкѣ и разговариваютъ. Вѣдьма спрашиваетъ у бабы: „шо ты ба́чыла въ я́ми?"—„А я ба́чыла я́сный, я́сный клубо́чокъ и его́ кача́ють че́рвы товщыно́ю въ па́лыць и съ кра́сными головка́мы". „Це моя́ душа́", говоритъ вѣдьма: „якъ шо хо́чышъ, шобъ у те́бе була́ до́бра смыта́на, такъ то бу́де и твойй души". Тогда баба упала въ ноги вѣдьмѣ и говоритъ: „не хо́чу, ти́точко, не хо́чу!"—„Колы не желае́шъ", говоритъ вѣдьма: „такъ поклянысь пе́редъ ико́ною, що нико́му не скажешъ объ тимъ, що съ тобо́ю було́ цю ничь; якъ же ты кому́ не́будь ска́жышъ, по́кы я жыва́, тамъ мы вси (т. е. вѣдь-

мы) тебѐ въ клочкѝ розирвымо̀. Ти́ке шко́да, шо ты дывы́лась на обы́два о́ка въ я́му". Баба такъ перепугалась, что, пришедши домой, упала, гдѣ попало и до свѣта лежала безъ памяти. Вскорѣ послѣ этого она ослѣпла на оба глаза. Года черезъ три вѣдьма умерла. Разсказываютъ, что она передъ смертью три дня мучилась, пока старухи не надоумили старшаго сына вѣдьмы сорвать съ потолка одну доску; тогда вѣдьма скончалась. Послѣ вѣдьминой смерти, баба, желавшая научиться у вѣдьмы, какъ дѣлать хорошую сметану, разсказала семьѣ свое ночное похожденіе съ вѣдьмою.

По повѣрію мѣстныхъ жителей, есть зна́харки, которыя могутъ испортить и человѣка. Тогда обращаются къ знахарю, который наговариваетъ воду и велитъ брызгать ею въ хатѣ, пить ее и смочить ею все тѣло испорченнаго человѣка. Велитъ также выбирать закру́тки (круглые комки, сбившихся перьевъ, будто насланныхъ, чтобы повредить, знахаркой) изъ подушекъ, гдѣ оказываются и сухія мыши, ящерицы, головки сорокъ и грачей, змѣиныя шкурки, косточки съ покойниковъ, стружки съ гробовыхъ досокъ, комки земли съ могилъ и пр.

„Слу́хайты, бра́тци, шо я чувъ отъ одного̀ чолови́ка, якъ бувъ у Донщы́ни на за́робиткахъ. Пойи́халы мы, ба́чъ робо́чи, за снопа́мы, а одынъ дядько и почавъ доро́гою роска́зуваты про на́шого хозя́ина: и хоро́шій винъ, ка́же, чолови́къ, та пога́на була̀ зъ нымъ прывыде́нція. На сва́дьби, якъ винъ жены́вся, обийшлы́ я́кось одного̀ лыхо́го чолови́ка ча́ркою, а винъ и поробы́въ такъ, шо молоды́й побѝгъ зъ сва́дьбы во́вкомъ, та тры го́ды такъ и бѝгавъ мижъ вовка́мы. Оцѐ пидийде до своеи ха́ты и хо́че заговоры́ты, шобъ его̀ пусты́лы въ ха́ту, та якъ завы́е. Ба́тько вы́йде съ ха́ты, прыцькуе соба́камы, винъ и подасцьця собѝ геть. Разъ пишо̀въ винъ съ това́рыщамы на за́городу до овѐць, шобъ тамъ пожывы́цьця и вы́пала ему̀ о́чередь ли́зты въ хливъ. Отъ другѝ вовкы́ постановы́лысь одынъ на о́дного, а цей зве́рху тай полизъ, продра́вши кры́шу, до овѐць. Ти ждуть биля загороды, шо ось, якъ нывы́дно, вы́лизе това́рыщъ зъ вивцѐю, колы̀ его̀ ны чу́ты. А тутъ того̀ й гляды́, хозя́инъ вы́йде, почу́вши, шо соба́кы бре́шуть, то колы̀ бъ чого̀ пога́ного не було́, —

и подалысь, не дождавши товарыша, дали. А той, голубчикъ, прохожуецьця по хливу, та ниякъ не вылизе и дума: тутъ уже не до вивцй, а хочъ би минй проскочиты, якъ хозяинъ одчине хливъ. Та такъ не прыйшлось, якъ винъ думавъ. Тике хозяинъ одчинывъ хливъ, а вовкъ хотивъ тикаты, колы его тутъ и захваты́лы и давай бы́ты; бы́лы, бы́лы, а дали баба, мате, бачъ, того хозяина, якъ ударе его тры́чи по спынй, а шкура такъ вразъ и отскочыла, и ставъ передъ ны́ми на мисто вовка голый чоловикъ. Баба дала ему сорочку и штаны, и винъ тодй подався до своихъ, та тепѣрь, бачъ якъ, хозяину́е, слава Богу. Такъ отъ яки ще люды бувають".

По прежнему понятію мѣстныхъ жителей русалки есть ничто иное, какъ некрещеныя дѣти. Русалки и водяные по временамъ выходятъ изъ воды, играютъ, бьютъ въ ладоши и приговариваютъ: „Бала бухъ, бухъ! Нехрещеный духъ". Четвергъ послѣ Троицы называется „русальчинъ велыкъ день"; прежде въ этотъ день боялись купаться, думали, что русалки могутъ защекотать; въ настоящее же время не только исчезло подобное повѣріе, но и вообще немногіе вѣрятъ и въ русалокъ.

Существуетъ *„обереги"* отъ вѣдьмъ. Знахарь, вылѣчившій корову, совѣтовалъ непремѣнно освятить четырехгранный кусочекъ сѣры вмѣстѣ съ пасхою и окурить загороду и дворъ; „Ни одна лыха личына, по его словамъ, не прыступе до двора и до загороды". Свяченымъ макомъ обсыпаютъ перваго теленка со словами: „колы лыха личына вызбырае цей макъ, тодй вона его спорте". Чтобы вѣдьма не ходила доить коровъ, дѣлаютъ изъ „кличала", что на воротахъ (древесныя вѣтки, которыми на Троицу украшаютъ домъ и дворъ) колышки и забиваютъ ихъ по угламъ загороды, а по серединѣ ея втыкаютъ какой нибудь негодный ножъ, надъ входомъ въ загороду закладываютъ косу, остріемъ наружу. Чтобы вѣдьма не испортила коровы, просверливаютъ послѣдней въ концѣ праваго рога дырочку и кладутъ туда частицу „дарника" (артоса), благовѣщенской просфоры и херувимскаго ладону, потомъ забиваютъ осиновымъ колышкомъ изъ „кличала".

Въ заключеніи сообщу нѣсколько пѣсенъ.

„Зажурывся соколонько,
Бидна его головонька,
Шо винъ рано зъ Вырья (югъ, теплый край) вышовъ.
Ще по горамъ снигы лежать,
А по долынамъ воды стоять,
А по шляхамъ макы цвитуть.
То-жъ не макы,
То чумакы зъ Крыму идуть.
Зъ Крыму идуть и ренське везуть.
Мате сына пизнавала,
До домоньку завертала:
„Вернысь, сынку, до домоньку,
Змыю тоби головоньку“.—
Измый, мате, сама соби,
А мини змые дрибный дощикъ,
А росчешуть густы терны,
А розмають буйни витра“.

Весенняя пѣсня.

„Соловей мой, вольна пташка, перепелка!
Полыты жъ ты, вольна пташка, во зеленъ садъ“.
Сила, пала, вольна пташка на кусточку, на крайнему лысточку.
„Вы запойте, вы заграйте свою писню“.—
„Наша писня не долгая, короткая,
Начиналась наша писня объ Юрью,
А кончалась наша писня у Петровъ день, у Петровку“.

Осенняя пѣсня.

„Ой ты, дубе кучерявый,
Лыстъ на тоби широкый.
Молоденький козаченько,
Дурный розумъ у тебе.
Ты клявся, ты й божывся
Шо „не покыну я тебе“,
А теперя покыдаешъ,
Соби инчую шукаешъ.
Шукай, козаченько,
А я буду молода (невѣста),
Якъ будешъ ты женытыся,
А я йтыму отъ винця,
Покотяцьця дрибни слезы
Зъ твого било лыця,
Мишается, мишается
Въ лыцю кровь;
Скажуть люды и говорять,
Була мижъ нымы любовь.
Разлучила насъ неволя,
Чужа дальня сторона,
Якъ выйду я на гироньку
Не выдно мого батенька“.

Историческая пѣсня. „Пишеть письма воръ Салтанъ турецький къ билому царю: „О царь билый! отдай свою землю пидъ собою при славной Москви. Якъ не отдашъ, въ розоръ розорю, всю Россіюшку наскрозь пройду и въ каменну Москву стоять зайду, разставлю свое сильное войско по всий каменной Москви. А штабъ-офицеривъ разставлю по купеческимъ домамъ, а самъ стану, воръ Салтанъ, да турецкій, въ Миколаевскомъ во славномъ дворци. Стосковался Александра, ходя по Москви, просыть рэчи у сенаторовъ: „посовѣптуйтесь, братцы, вы со мною: пишить воръ Салтанъ турецкій письма, хочетъ землю отобрать при славной Москви“. Обозвався тольки графъ Паскевичъ, сидя за столомъ: „Не журыся, батюшка Императоръ, ни объ чемъ, Господь да поможетъ, не допустымъ до этого“.

Приказки.

„По огороду ходыла,
Лобидоньку ломыла (полола).
Чы я въ тебе мий мыленький
За наймычку робыла?
Колы въ тебе за наймычку,
То ты мини заплаты,
Колы въ тебе за мыленьку,
Черывычкы купы.
Бо ты жито продаешь,
А мини грошей не даешь.
Прыйшлы жыды по должокъ,
Взялы въ мене симъ ложокъ,
Ще й кочергу й помело,
Мене дома не було.

Ой ты, жыду, кадукъ ма,
Не на те жъ я пыла,
А я жъ пыла на той сыръ,
Шо мий пивень наносывъ.

Сыдыть пивень на чети,
Нанисъ лець три копы,
А я яйця продала,
Жидамъ должокъ отдала".

Однажды пришли сватать молодую дѣвку за человѣка, который нѣсколькими годами былъ старше ея (у крестьянъ существуетъ обыкновеніе женить сыновей очень молодыми, такъ что почти всегда женихъ и невѣста бываютъ ровесниками), она не согласилась и говоритъ:

„Я бо въ середу родылась,
То тожъ мини й горе,
Не пиду бо за старого,
Бородою коле,
А ляжъ пиду за такого,
Шо не мае й уса,
То винъ кивне й моргне
на мене,
А я й засмиюся".

У-ца *М. К. Стороженко.*

3.—Сл. Шулика.

Поселеніе.—Одежда.—Пища.—Занятіе.—Свадебные обряды.—Танцы и игры.—Пѣсни.

Сл. Шулика лежитъ на лѣвой сторонѣ небольшой рѣки Сухого Обитока, на низменномъ мѣстѣ, и примыкаетъ къ лугу; въ слободѣ имѣется небольшой холмикъ, на которомъ построены церковь, нѣсколько крестьянскихъ избъ, домъ священника и народное училище. Слобода, получившая свое названіе отъ перваго поселенца Шулики, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 50 вер., а отъ торговой сл. Бѣловодска въ 12 верст.

Разсказываютъ, что въ сл. Шуликиной въ старину обитали шайки разбойниковъ, скрывавшіяся въ оврагахъ („балкахъ") и стѣнкахъ", заросшихъ кустами и лѣсами, которые истреблены, были болѣе, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ. Почва мѣстности глинистая, солонцоватая; по лугамъ и огородамъ растутъ вербы, лоза и сродные имъ талы; садовъ нѣтъ, въ 7 верст. находится небольшой, молодой лѣсокъ („Саивскій" по народному), принадлежащій казнѣ. Отъ с.-з. къ с.-в. тянутся мѣловыя горы (отроги Карпатовъ: „Макортеты"). Жителямъ онѣ приносятъ огромную пользу, такъ какъ даютъ матеріалъ для изгороди, построекъ и т. п. Въ весеннее время, какъ только обсѣются, нѣкоторые изъ крестьянъ набираютъ мѣлъ цѣлыми возами и отправляютъ его въ Донскія и Приволжскія мѣста; тамъ продаютъ его, или обмѣниваютъ на хлѣбъ (зерно), горохъ, пшено, сало и т. п. Занятіе это служитъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, такъ какъ даетъ возможность крестьянину заработать 10—30 р., самому прокормиться и прокормить скотинку.

Въ сл. Шуликиной считается 1,351 д. об. п. Населеніе средняго роста, крѣпкаго сложенія; цвѣтъ кожи свѣтлый и здоровый, встрѣчаются и блѣдныя лица, вслѣдствіе малокровія отъ скудной пищи (среди бѣдныхъ), волосы на головѣ почти у всѣхъ темнорусые, рѣдко свѣтлорусые и черные.

Одежда. Въ праздничный день, въ лѣтнее время, крестьянина можно видѣть въ „капотахъ“, т. е. кафтанахъ, которые шьются изъ синяго или чернаго сукна, шерстяной и „шведской“ черной матеріи; иногда же просто въ „жулеткѣ“ (жилетка), сшитой изъ плису, сукна и шерстяной матеріи. Въ будничный день крестьянинъ надѣваетъ „куцыну“ (вродѣ короткаго капота), которая шьется изъ „шведской“ ткани, большею же частью ходитъ въ сорочкѣ, надѣвая сверху еще и жилетку. Зимою крестьяне носятъ „кожухи“, покрытые сукномъ, черкасиномъ и шведской матеріей; „тулупы“ съ большими смушковыми „видлогами“ (воротниками съ капюшонами); „свитки“ изъ самодѣланнаго бѣлаго или чернаго сукна, которыя иногда надѣваютъ на кожухи или полушубки, „юбки“ (вродѣ кожуха), сшитые изъ такого-же сукна, какъ и свитки, и отдѣланныя плисомъ на рукавахъ и воротникахъ. Кожухи, юбки, тулупы и капоты подпоясываютъ широкими, разноцвѣтными, шерстяными поясами. На головѣ носятъ лѣтомъ картузы, а зимою шапки, „капелюхи“ съ большими наушниками, которые заворачиваются наверхъ, а во время холода откачиваются внизъ на уши. Капелюхи отдѣлываютъ смушкомъ или просто барашкомъ („плетенкой“).

Въ праздничный день, крестьянки одѣваются въ разноцвѣтныя шерстяныя, атласныя, бумазейныя и ситцевыя „шарофаны“ (платья), „юбки“ (кофточки), „корсеты“ (родъ юбокъ, только безъ рукавовъ) и „теплушки“, сдѣланные изъ плису, ситцу, бумазеи и шерстяной матеріи. Въ будничный день крестьянку можно видѣть въ одномъ старомъ шарафанѣ, или дергѣ и въ теплушкѣ. Зимою женщины носятъ кожухи, „байбараки“, т. е. кожухи, крытые сукномъ или черною шведскою матеріею, съ „комирями“ (стоячими воротниками), пальто изъ самодѣльнаго бѣлаго сукна, синіе или черные суконные „халаты“, которые, по большей части, надѣваются весною, осенью и лѣтомъ. На головѣ носятъ разныхъ цвѣтовъ платки: шелковые, атласные, шерстяные, бѣлые миткалевые и шалевые, т. е. не просто гладкіе, а съ „разводками“ (цвѣтками). Большинство женщинъ надѣваетъ на голову „очипокъ“ (головной уборъ изъ золотой или серебряной парчи); по очипку завязываются платкомъ такъ, чтобы конецъ („хвостикъ“) платка висѣлъ сзади, а другіе два

конца кладутся по бокамъ такъ, чтобы они тоже висѣли. Дѣвушки также повязываются платками, но только не по очипку,—онѣ складываютъ платокъ въ ленту и обвязываются имъ вокругъ головы; сзади сплетаютъ волосы въ одну косу въ 20 или больше пасмъ, стараясь заплести пошире; въ косу вплетаютъ по нѣсколько красныхъ или голубыхъ „кисникивъ" (лентъ), а иногда просто покрываются платками. Въ настоящее время вошли въ моду холодныя кофточки изъ разноцвѣтной шерстяной матеріи и ситца, теплыя кофточки изъ бумазеи, кофточки и пальто на ватѣ, крытыя атласомъ, шерстяною матеріею и нанбукомъ, ботинки на каблукахъ и бѣлые чулки. Старинныхъ одеждъ совсѣмъ не встрѣчается, хотя сохранились у нѣкоторыхъ „дéрги", которыя ткутся изъ овечьей шерсти.

Стоимость крестьянской одежды различна: полушубокъ стоитъ 7—15 р., юбка изъ самодѣльнаго сукна 7 р., кожухъ съ воротникомъ 15 р., крытый 20 р., будничная „куцына" 2 р. и 1 р. 50 к., суконный капотъ 10—12 р., шерстяной 6 и 7 р., капелюхи, отдѣланные смушкомъ, бываютъ въ 1 р., плетенкой въ 70 к., или 60 к., картузы въ 1 р., 50 и 70 к., шапки—1 р. 50 к.—2 руб. Женская „парочка", т. е. кофточка и „шарафанъ", стоитъ 2—7 р., платки 3—6 р., а подшальнички (платочки) 1 р.—1 р. 50 к., миткалевые 30—40 к., женскіе смушковые кожухи въ 15 руб., если смушокъ изъ шкурокъ маленькихъ ягнятъ, и 7 р., если изъ старой овцы, байбарáки (кожухъ, крытый сукномъ) 20 р., пальто изъ самодѣланнаго бѣлаго сукна 3 р. 50 к., а пальто на ватѣ, крытое матеріей, 5 и 7 р., халаты—15 р. и 16 р., кофты на ватѣ 2—3 р., очипокъ 70 к., для старухъ 30 к., „кисныки" (ленты) въ 30, 45 и 50 к. за арш.

Пища. Въ нашей мѣстности крестьяне, какъ бѣдные, такъ и богатые, ѣдятъ почти одинаковую пищу, только богатые варятъ борщъ, юшку (наваръ изъ картофеля), лапшу, кулишъ, галушки съ мясомъ и саломъ, а бѣдные все это ѣдятъ только съ саломъ или безъ него. Кромѣ того, въ скоромные дни варятъ лапшевникъ, (бросаютъ лапшу въ кипящую воду, а затѣмъ запекаютъ ее съ яйцами), жарятъ баранину, голубей, варятъ молодыхъ поросятъ на холодное и ѣдятъ со сметаною. Въ постные дни бываютъ блинцы, ладики (аладьи), кисель, узваръ;

варятъ горохъ, фасоль, чечевицу, галушки и „затирку“ (растираютъ муку, смоченную водою, чтобы она превратилась въ мелкія катушки тѣста, и варятъ), квашу (льютъ теплую воду въ муку, ставятъ на печь солодѣть, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного окисло; на другой день эту жидкость варятъ вмѣстѣ съ вишнями и сливами), лемишку (кладутъ муку въ чугунокъ, ставятъ на жаръ и держатъ, пока она высохнетъ, затѣмъ вливаютъ въ нее кипяченую воду, мѣшаютъ и ставятъ въ печь; когда она будетъ готова, то мажутъ масломъ). На все это употребляется пшеничная мука. Пища крестьянъ съ нѣкотораго времени ухудшилась, благодаря постояннымъ неурожаямъ. Въ населеніи распространено чаепитіе, причемъ богатые покупаютъ чай, а бѣдные вмѣсто него употребляютъ липовый цвѣтъ, сушеную розу, мяту и полынецъ; воду для чая кипятятъ въ самоварѣ, или же въ чистенькомъ чугункѣ. Хаты свои крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами, нѣкоторые каганцемъ.

Занятіе. Кромѣ земледѣлія, лѣтъ 10, 12 тому назадъ населеніе занималось еще кустарными промыслами, но теперь эти занятія оставлены. Въ весеннее время, какъ только обсѣются, многіе изъ мужиковъ и женщинъ идутъ на покосъ въ Донскія мѣста, ѣдутъ на шахты за углемъ, чтобы на мѣстѣ купить подешевле, а затѣмъ продать его съ прибылью; большею же частью отправляются на сторону съ мѣломъ, горшками и тамъ продаютъ свой товаръ или же мѣняютъ на хлѣбъ, соль, пшено и т. п. Въ осеннее время большинство крестьянъ занимается извозомъ, т. е. берутъ хлѣбъ у купцовъ и доставляютъ его на Кантемирову или Черткову станцію.

Свадьбы у крестьянъ по большей части бываютъ осенью. Когда крестьянинъ задумаетъ посватать дѣвку, приглашаетъ себѣ въ сваты кого-нибудь изъ знакомыхъ или родичей, и съ паляницей (хлѣбомъ) они идутъ къ невѣстѣ. Подойдя къ избѣ, они не входятъ въ хату, а подходятъ къ окну и говорятъ: „Бóже, дай вéчиръ добрый! Пустíть обигрíцьця“. Имъ отвѣчаютъ: „мылосты прóсымъ, якъ шо вы дóбри люды“. Сваты входятъ; ихъ приглашаютъ садиться. Отецъ невѣсты беретъ хлѣбъ отъ сватовъ, цѣлуетъ его и кладетъ на столъ. Затѣмъ сваты говорятъ:

„Спрашивайте—чого мы до васъ прийшлы; кажуть, що у васъ дивка е, а у насъ парубокъ". На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „може й наша дивка вашому парубку не понравыцьця; ну такъ давайте жъ свого парубка". Въ это время въ хату входятъ парень и дѣвка. Невѣстинъ отецъ, обращаясь къ парубку, говоритъ: „дывысь на мою дивчину, чи понравицьця, чи ни". Онъ смотритъ на дѣвку и, если она ему понравится, говоритъ: „Нравицьця". Если-же не понравится, то незамѣтно для всѣхъ наступаютъ свату на ногу, давая ему знать, что дѣвка не нравится; сваты берутъ хлѣбъ и отправляются въ другую хату. Также спрашиваютъ у молодой, и, если ей понравится парубокъ, то она говоритъ сватамъ: „тамъ батько зна, та маты"; если же нѣтъ, то убѣгаетъ изъ хаты. Сладивши дѣло, сваты говорятъ: „ну теперъ ходимъ до дому зъ семийствомъ совитовацьця, та шобъ домашнии прибыралысь". Встаютъ съ лавокъ и отправляются домой, оставляя у невѣсты хлѣбъ. Посовѣтовавшись дома, старосты берутъ хлѣбъ и снова идутъ къ невѣстѣ; подходятъ къ окну, здороваясь, какъ и въ первый разъ; потомъ входятъ въ избу, кладутъ хлѣбъ на столъ и говорятъ: „Ну шо-жъ, добри люды, затиялы, такъ давайте-жъ, мабуть, кончать". На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „якъ шо вы согласни, такъ давайте-жъ гропшивъ 50 рублывъ, такъ будемо сватами". *) Тѣ вынимаютъ деньги, кладутъ на столъ и бьютъ другъ друга по рукамъ, какъ купцы во время продажи товаровъ, и говорятъ: „Ну теперъ давайте, мабуть, хлиба-соли порижемо, та дитей сберемо; хай дивчина иде собирать дружокъ (подругъ)". Невѣста отправляется по слободѣ собирать дружокъ и уже къ вечеру приходитъ вмѣстѣ съ ними домой. Какъ только станетъ темнѣть, въ хату начинаютъ сходиться родичи, сосѣди; зажигаютъ передъ иконами свѣчи, становятъ молодыхъ посреди хаты, приказывая ударить три земныхъ поклона, за ними молятся и всѣ гости. Затѣмъ невѣстинъ отецъ обращается къ свату, т. е. женихову отцу, говоря: „становыцьця, свату, хай диты кланяюцьця". Молодые кланяются, а онъ благословляетъ ихъ хлѣбомъ. Этою же паляницею молодые благословляются отцомъ и матерью мо-

*) Иногда соглашаются на 25, 30, 35, 40 р.

лодой и всѣми родичами. Помолившись Богу, молодой вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (товарищемъ, который во время свадьбы ухаживаетъ за нимъ больше всѣхъ) садится за столъ, за ними садятся всѣ его гости, а гости молодой разсаживаются гдѣ попало. Въ это время дружки поютъ:

„Ой гораздъ тоби, моя ненько,
Мое сватанье питы,
Та не гораздъ тоби, моя ненько,
Мое дило робиты,
Та въ печи топиты,
Тай воду носиты
И на ричку ходиты.
— Въ печи затоплю
И воды принесу,
А на ричку не пиду,—
Есть у мене периминочка,
Молодая невисточка.
Я й не знала, не видала,
Виткиль свашенька найихала,
Хорошая да списивая.
Да ще къ тому чорнобривая.
Зойди, зойди ты, Олянко, ты Васильевна,
Зъ высокого терема,
Приголубь соби хоть ясного сокила,
Ясного сокила залитнього,
Доброго молодця приезжого;
Та й Гаврилку, тай Ивановича".
— Ой, рада-бъ я приголубить ёго,
Живитъ, серце не обернецьця,
Розумъ въ головушци мишаецьця".

Молодая съ старшею дружкою становится около стола, дружка наливаетъ въ рюмку водки, ставитъ ее на тарелку, и невѣста прежде всего идетъ къ женихову отцу; онъ беретъ рюмку въ руки; молодая перевязываетъ его платкомъ и кланяется въ землю, въ это время онъ пьетъ водку и бросаетъ на тарелку деньги *). Такимъ образомъ молодая обходитъ всѣхъ по-ряду и уже въ послѣдній разъ подходитъ къ молодому и подноситъ ему водку; молодой, взявши въ руки платокъ, беретъ рюмку и выпиваетъ, а молодая въ это время даетъ старшему боярину небольшую „хустку" (платокъ), тотъ затыкаетъ ее въ жениховъ поясъ. Обойдя всѣхъ, невѣста выпрашиваетъ у свекра водки, и вся молодежь отправляется на дворъ, гдѣ она начинаетъ угощать ихъ, а гости, оставшіеся въ хатѣ, вечеряютъ. Послѣ „вечери" всѣ отправляются къ свату, т. е. къ женихову отцу, а молодежь входитъ въ хату, начинаетъ лѣпить и варить вареники и угощать другъ-друга. Молодой, наливая въ рюмку водки, говоритъ: „желаемъ добра!" Выпиваетъ самъ, потомъ на-

*) Недавно на сватаньѣ повелся новый обычай: когда молодая подойдетъ къ матери жениха и поднесетъ ей рюмку водки, то свекровь, взявъ рюмку, ставитъ ее на столъ; молодая въ это время перевязываетъ матерь платкомъ, а она ее; затѣмъ свекровь пьетъ, а молодая кланяется до земли.

ливаетъ другую и отсылаетъ ее молодой; затѣмъ пьетъ старшій бояринъ и наконецъ всѣ гости. По окончаніи угощенія, молодой встаетъ изъ-за стола, приглашая всѣхъ словами: „ну, тепѐръ ми́лосты про́сымо, на прохолòдъ!“ Всѣ встаютъ и выходятъ на дворъ. Прохолодившись, молодежь отправляется по своимъ мѣстамъ, и уже на другой день гости собираются у невѣстинаго отца, куда и молодой приходитъ похмелять всю „бесиду“ (гостей).

Черезъ нѣсколько времени, а именно въ среду, жениховъ отецъ и мать ѣдутъ къ свату съ 1/2 квартой водки на совѣтъ и тамъ выговариваютъ себѣ съ молодою по платку рубля въ 3, а невѣстина мать выговариваетъ себѣ со свата „чо́боты“ (сапоги). Посовѣтовавшись между собою, въ пятницу у жениха и невѣсты собираются родичи и знакомые, лѣпятъ „шишкѝ“, „каравай“, „ле́жинь“ и „кала́чъ“, а въ субботу молодая беретъ шишки и въ сопровожденіи дружокъ (подругъ) идетъ по слободѣ и заходитъ въ каждую знакомую хату. Войдя, она говоритъ: „прохàвъ ба́тько и ма́ты, и я просю на хлибъ, на силь, на пидви́силокъ“. Потомъ три раза кланяется въ землю, цѣлуется, отдаетъ шишку и уходитъ. Если есть родичи и въ другой слободѣ, молодая отправляется и туда. Также ходитъ со своими боярами (товарищами) и молодой. Къ вечеру молодая съ дружками идетъ къ свекру; тамъ, помолясь Богу, заводятъ молодую съ дружками за столъ и угощаютъ. Въ воскресенье, послѣ утрени или послѣ обѣдни, женихъ въ сопровожденіи старостовъ отправляется къ молодой, беретъ ее и везетъ въ церковь. Послѣ вѣнца молодой со сватами ѣдетъ домой, а молодая съ дружками идетъ къ своему отцу и обѣдаютъ тамъ. Затѣмъ молодая должна непремѣнно идти къ сосѣдямъ и быть у нихъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ за нею поѣздъ. Молодой въ это время катается по слободѣ съ боярами, свашками и „свити́лками“ (дивчатами) и уже къ вечеру пріѣзжаетъ за молодою. Когда онъ ѣдетъ, въ это время молодую гонитъ „дружкò“ и „пиддру́жій“ отъ сосѣдей. Молодая приходитъ къ своему отцу во дворъ, здоровается со всѣми, идетъ въ хату, молится Богу, и пиддружій заводитъ ее за столъ, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Старосты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Пиддружій

обращается къ сватамъ со словами: „Благословить молоду за стилъ посадыть“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословыть три́чи ра́зомъ“. Затѣмъ дружко (женатый) выходитъ изъ хаты и встрѣчаетъ поѣздъ молодого. Молодой въѣзжаетъ во дворъ, встаетъ съ тарантаса, или повозки, становится въ ряду съ свашками; теща выходитъ на встрѣчу и выноситъ ему хмель; женихъ, взявши рюмку, чрезъ руку выбрасываетъ хмель, а чрезъ лѣвое плечо бояринъ беретъ у него рюмку. Затѣмъ сваха угощаетъ жениха и весь его поѣздъ. Въ это время дружки поютъ:

„Пидъ синьыми, пидъ синьыми,
Пидъ ориховыми,
Ой тамъ тещенько
Зятенька витала,
Витала, витала,
Та всё его питала:
„Зятеньку, Гаврилку,
Чи любишъ-ли Олянку“.
— „Якъ бы я не любывъ,
Богъ бы мини ни судывъ,
А то я люблю,
Богъ мини судывъ (обѣщалъ)“.

По окончаніи угощенія, молодой входитъ въ хату, а молодая наклоняется на столъ, старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, и дружки поютъ:

„Глянь-же ты, Олянко, пидъ калачъ,
„Карыми очима заплачъ“!

Въ это самое время дружко тоже долженъ бы былъ ввести молодого за столъ, но около молодой на лавкѣ въ правомъ углу („на по́кутяхъ“) стоитъ нѣсколько дѣтей съ „кійка́ми“ (палками, на которыхъ навѣшены пучки житной соломы) и бьютъ дружка по головѣ за то, чтобы онъ даромъ не вводилъ молодого за столъ, а далъ бы имъ по копѣйкѣ и шишкѣ. Дружко, роздавъ дѣтямъ требуемое, гонитъ ихъ, говоря громкимъ голосомъ: „долой съ по́кути“! Молодой тотчасъ заходитъ за столъ; старшая дружка, снявъ съ головы молодой калачъ, подводитъ ее къ молодому, и они цѣлуются. Дружки поютъ:

„А въ саду соловейко защебетавъ,
„А Гаврилко Олянку поцилувавъ“.

Затѣмъ тесть и теща начинаютъ угощать молодыхъ и всѣхъ гостей, а сами въ свою очередь тоже остаются не безъ подарковъ: отъ свашекъ получаютъ по шишкѣ, а отъ молодого теща получаетъ выговоренные чоботы; въ это самое время невѣста даетъ боярамъ, свашка́мъ и свитилкамъ по кумачевой „стрички“ (лентѣ), а сестра ее (если только у нея есть она) беретъ шапку молодого, пришиваетъ къ ней вѣнокъ и вмѣстѣ съ подругами поетъ:

„Глянь-же ты, зятеньку, на мене,
Краще е свистонька (жена) отъ тебе,
На свистци шлычокъ-колпачокъ,
Готовъ зятеньку шосточокъ,
Якъ не буде шосточка,
Пойидешъ отъ тестя безъ шлычка (шапки),
Безъ дротяного виночка,
Безъ калыновой квиточки,
Безъ ций Оляпки дивочки.
А зять на мене дивится косо,
Що на печи просо,
Коли-бъ, Господы, утыкты,
Щобъ ни заставилы товкты".

Пришивши вѣнокъ, она отдаетъ шапку дружку, тотъ беретъ шапку, кладетъ ее на тарелку, откуда уже старшій бояринъ беретъ ее себѣ и передаетъ жениху, а на эту тарелку кладутся шишки и ставится рюмка съ водкою; затѣмъ все это угощенье подносятъ родичамъ; за что они въ свою очередь кладутъ деньги въ пользу тѣхъ, которыя пришивали къ шапкѣ вѣнокъ. Послѣ этого дружко вноситъ каравай, рѣжетъ его на куски и раздаетъ гостямъ, а сподку выноситъ на дворъ и отдаетъ дѣтямъ. Когда дружко войдетъ въ хату, свашки „покрываютъ" молодую платкомъ. Прежде покрывали не однимъ платкомъ, а надѣвали на голову очипокъ, который покрывался „серпанкомъ" (кисеею), и кругомъ головы обвязывали красною лентою, но теперь этого не дѣлаютъ. Покрывши молодую, дружко говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій; благословыть молодыхъ изъ-за столу вывести". Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословыть"! Молодые выходятъ изъ-за стола и идутъ на дворъ. Молодая садится въ тарантасъ, а молодого дружко обводитъ три раза вокругъ тарантаса. Дружки поютъ:

„Мисяць дорогу освитивъ,
Братець сестрицю выпроводивъ;
Оце тоби, сестриця, дорога,
А иць до свекра здорова,
Ой будь здорова, якъ вода,
А будь богата, якъ земля,
А будь красна, якъ весна".

Затѣмъ онъ садится и весь поѣздъ отправляется къ его родителямъ. Когда молодые въѣдутъ во дворъ, то ихъ на порогѣ встрѣчаютъ отецъ и мать. Въ это время свашки поютъ:

„Найихала та тетеречка (невѣстка)
Не вчора, а теперичка,
Ни кишкайте, ни полохайте,
Нехай наша тетеричка
Привыкае теперичка".
„Свекруха невихны (невѣстки) бажала,
До купки пиряжки складала,
До купки пиряжки, до купки
Для своий невихны, голубки".

Свекоръ подходитъ къ невѣсткѣ и беретъ у нея икону; свекруха даетъ ей хлѣбъ, а молодому даетъ хлѣбъ отецъ; послѣ

этого они всѣ входятъ въ хату и начинаютъ ужинать. По окончаніи ужина, молодые молятся Богу, кланяются родителямъ. Свашки поютъ:

„Та й кланяйся ты, Олянко,
Напередъ Господу-Богу,
Отцю, неньци въ ноги;
А матынци та низесенько,
А къ серденьку близесенько“.

Молодые уходятъ, а гости остаются гулять всю ночь.

Въ понедѣльникъ молодая, перевязавъ дружка платкомъ, ѣдетъ съ мужемъ „сни́дать“ (завтракать) къ своему отцу, а оттуда обратно къ свекру. Здѣсь молодые угощаютъ водкою своего батька, матерь, „кре́стныхъ“, т. е. крестнаго отца и мать—молодого и всѣхъ гостей. Затѣмъ молодая одаряетъ платками свекра, свекровь и крестныхъ молодого, а они ее. Послѣ этого, отецъ молодого встаетъ изъ-за стола и перевязываетъ всѣхъ гостей платками; молодая въ это время идетъ угощать водкою женщинъ, а молодой-мужчинъ, за что они „дару́ютъ ихъ“ (т. е. дарятъ) пшеницею, деньгами, полотномъ, матеріею и т. п. Поподчивавъ своихъ гостей, молодые съ дружкомъ отправляются къ тестю и вмѣстѣ съ нимъ, его родичами и гостями пріѣзжаютъ къ свату. Всѣ эти гости также обдариваютъ молодыхъ, какъ и тѣ, но сами никакихъ подарковъ не получаютъ. Во вторникъ-же молодой ѣдетъ съ дружкомъ, зоветъ къ себѣ въ гости родныхъ и знакомыхъ, разрѣзываютъ „ле́жинь“ и подчуютъ всѣхъ гостей. На этомъ и кончается крестьянская свадьба. Расходъ на свадьбу равенъ 100 или 150 руб.

Въ этой мѣстности существуютъ слѣдующіе **танцы:** раскомарскаго, казачка, польки, дудочки, барыньки и чижика; музыка почти та-же самая: польки, раскамарскаго, казачка, барыньки, дудочки, дѣдушки, сѣрые гуси, машина и чижика. Мѣстные музыкальные инструменты: гармонія, скрипица, балабайка, сопилка, или дудочка и „виграѝнъ“.

Игры.—Въ зимнее время взрослые, юноши и дѣти въ праздничный день выходятъ *на кулачный бой* и бьются каждый отдѣльно, т. е. взрослые съ взрослыми, юноши съ юношами, а дѣти съ дѣтьми. У людей среднихъ лѣтъ и постарше, кромѣ этой забавы, нѣтъ никакихъ развлеченій, у молодыхъ парней и дѣтишекъ весною и лѣтомъ бываютъ слѣдующія игры:

Въ *„скракли“*: нарѣжутъ 10 „рубончиковъ“ и раскладываютъ на двѣ кучки одна отъ другой, какъ можно подальше; становятся каждый около своей кучки и бьютъ палками по кучкамъ до тѣхъ поръ, пока на этомъ мѣстѣ не останется ни одного рубончика.

Въ *„шáра“*: дѣлаютъ круглую, деревянную свинку на подобіе мяча, одинъ мальчикъ подкидываетъ ее, а другой бьетъ „шáромъ“ (такъ называютъ длинную закругленную палку), остальные стоятъ „въ полѣ“, затѣмъ, кто стоялъ въ полѣ, идетъ бить свинку, а— кто билъ свинку, идетъ въ поле.

Въ *„перебóрца“*: на просторномъ мѣстѣ (на выгонѣ), собираются дѣвки и парни, берутъ другъ-друга за руки и составляютъ кругъ, но такъ, чтобы одна половина круга состояла изъ парней, а другая изъ дѣвокъ. Одна изъ послѣднихъ входитъ въ средину круга, когда онъ начинаетъ пѣть: „Оцѐ бýде мий бáтенько, а це бýде моя мáтинька, а ты, бáтенько, не гнивайся, змилуйся, я вчора пьянъ бувъ, промóвывся (проговорился), зять дýрень, зять нерозýмный; я молодѐць, тыхій перебóрець“. Дѣвка въ это время кланяется кругу по старшинству.

Въ *„перепéлки“*: та самая, которая стоитъ въ кругу называется перепелкой. Когда кругъ начинаетъ пѣть: „у нáшои перепéлочки, та голóвка болыть; тутъ булà перепéлочка, тутъ булà бéля зóрюшки,—въ это время „перепéлка“ берется за голову, затѣмъ за плечи, ноги и руки. Причемъ каждый разъ поется одно и то-же, но когда начинаютъ пѣть: „а у нáшои перепéлочки старъ муженѐкъ“,—она плачетъ. Кругъ поетъ: „а у нашей перепéлочки молодѐй муженѐкъ“,—она танцуетъ въ кругу. Затѣмъ въ послѣдній разъ поютъ: „а у нáшей перепéлочки крылéчки рябéньки“, она поднимаетъ руки, изображая себя летающею, и старается вылетѣть изъ круга; если ее выпустятъ, то игра кончается.

Въ *„гусы“* дѣти играютъ такъ: одинъ изъ мальчиковъ бываетъ волкомъ, другой хозяиномъ, третій пастухомъ, а остальные гусями; пастухъ гонитъ своихъ гусей пастись, говоря: „гиль, гиль!“ Волкъ стоитъ въ сторонѣ; когда прійдетъ время, идти домой, то хозяинъ кличетъ гусей: „гýсы, до дóму!“ Они отвѣчаютъ: „для чóго?“—Хозяинъ: „для вóвка!“ Гуси: „а де

вовкъ?"—Хозяинъ: „за горо́ю си́ру гу́ску скубѐ, тика́йте, а́ то й васъ поскубѐ". Гуси бѣгутъ и кричатъ: „га—га! га—га!" Въ это время волкъ ловитъ ихъ.

Въ *„чайки"* или *„мушки"*: берутъ палку и втыкаютъ ее въ землю; палку эту называютъ чайкою; съ обѣихъ сторонъ ея становятся одни дѣти (дѣды съ шапками), а другіе бросаютъ палками издали въ чайку и когда ее собьютъ, то всѣ бѣжатъ за палками, хватаютъ ихъ и несутъ на то мѣсто, откуда били.

Въ *„подпо́лзня"*: одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ на землю палку, остальные становятся недалеко отъ нея и бросаютъ подъ нее палки, чтобы подъ лежащую палку подсунуть брошенную.

Въ *„цурки"*: выкапываютъ небольшую ямку; одинъ изъ мальчиковъ становится съ палкою въ рукахъ и кладетъ на нее цурку, (маленькую палочку), подкидываетъ ее палкой и бьетъ; другіе мальчики стоятъ въ полѣ; если цурка полетитъ туда, то поднявшій ее выходитъ изъ поля и бросаетъ ее къ ямкѣ. Если цурка попадетъ въ ямку, то онъ уже идетъ бить ее.

Въ *„кре́ймахи"*: садятся въ кружокъ, берутъ 5 креймаховъ (черепяные или каменные кружки); одинъ креймахъ подкидывается, а остальные 4 хватаютъ въ руки, играютъ такъ до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ креймаха изъ руки, или не ухватитъ всей кучки, или того креймаха, что подкидывалъ.

Крестьяне пользуются для **чтенія** книгами церкви, гдѣ съ разрѣшенія священника, берутъ: „Житія Святыхъ", „Прологи", „Троицкіе листы", которые присылаются причту, „Поученія Тихона Задонскаго" и другихъ Св. Угодниковъ Божіихъ и даже „Библію" въ русскомъ переводѣ. Книги эти иногда берутся домой, большею частью въ воскресные и праздничные дни, между утренею и обѣднею, крестьяне собираются въ караулкѣ (въ церковной сторожкѣ), причемъ одинъ изъ болѣе грамотныхъ читаетъ, а остальные слушаютъ. Крестьяне еще заимствуютъ книги изъ волостнаго правленія, которое собственно для чтенія выписываетъ житія св. и др.

Сообщу одну народную загадку, нѣсколько пословицъ и пѣсенъ.

Загадка: Я иду̀, а женцы̀ жнутъ; я и здра́вствуюсь: „Богъ на по́мичь!" Они отвѣчаютъ: „Спасибо!"—„Кто ко́ситъ? Мужъ

съ женóю или братъ съ сестрóю". Женщина, которая косила съ мужикомъ, отвѣчаетъ: „Не мужъ съ женóю и не братъ съ сестрóю; а его мáтерь моей мáтери роднáя свекрýха былá. (Она, т. е. эта женщина была родною дочерью жнеца).

Пословицы: По языци ротъ. По Сáвци свúта, по стáрцеви тóрба. Якúй йúхавъ, таку встрúвъ. Якъ пыть, такъ и кобылку пропыть. Гуля́й, Мáша, колú вóля нáша; якъ зáмижъ отдадýть, тодú вóли не дадýть. Хоть по шéю у вóду, да до рúдного рóду. Есть нáшей свáсци по ковбáсци.

Туманъ.

„Туманъ яромъ, тýманъ долиною налегаетъ,
Та помежъ тыми туманами
Сизъ-голубчикъ летаетъ,
Та важко, тяжко буркатаетъ,
Та все крылушками блудить.
По—пидъ мостомъ травка ростетъ,
Водичку покрываетъ;
Та помежъ тою травичкою
Шука-рыба трае.
То й не щука и не рыба.
А зъ миленькимъ разлука.
Та разлучила насъ неволя,
Тá чýжедальняя сторона.
„Умри-жъ ты, мой миленькій, зъ вечера на зори,
А я на свиточку,
Та й поховаютъ насъ у гробочку,
У вишневому садочку".

* * *

По—надъ садомъ, садомъ шелковая травка,
Я й по той травкѣ не нахожусь,
Кого вирно люблю, то я й не насмотрюсь.
Вотъ я вижу, вижу Таничку свою,
Что ходе, гуляе у зеленомъ саду;
Щипае, ломае спилый виноградъ,
Кидае, бросае Вани на кровать;
„Кушай, кушай, Ваня, спилый виноградъ;
Какъ будешъ кушать,
Та й буду ломать".
Якъ возьму я Таничку
За билу ручку
Та й поведу, поведу Таничку
Къ батеньку своёму,
Та й посажу Таничку
За лубовый столъ".

* * *

Калина.

„Ты калинушка, ты малинушка
Ни стой на гори крутой,
Та не спускай листа.
По синему морю
Корабель плыветъ;
А въ томъ кораблю,
Три полка солдатъ,
Молодыхъ ребятъ.
Охвицеръ-маеръ Богумолицьця.
Рядовой солдатъ домой просицьця:
„Охвицеръ-маеръ, отпусти домой,
Къ отцу-мать родной".
Не доходить до воритъ,
Та й питаецьця де мий ридъ".

* * *

Садъ.

„Ой, ты садъ, ты мий садъ,
Садъ—зелененькій виноградъ,
Почому ты такъ нерано цвитешъ,
Ой цвитешъ, не цвитешъ, осыпаешся;
Ской далече, мий другъ, убираешься:

Чи у ходъ, чи въ походъ,
Чи на службицу йдешъ?
Ой, съ чужими людьми
все прощаешся,
А зо мной молодой
Все ругаешся.
Не ругайсь, не бранись,
Скажи: „милая“, простись!
Та летила пава
Черезъ три поля,
Та й вронила лава
Съ крыла перушко,
Та й не жаль мени
пера,
Жаль мени милого дружка“.

* *
*

„Ой, давно, давно я въ
неньки була,
Бесидовала, одвидовала,
Якъ бы въ мене крылечка
Стрепенула-бъ я, полы-
нула-бъ я.
Ой, де летила,—травка
шумила,
Де спочивала,—риченька
стала.
Якъ сяду, впаду у нень-
ки въ саду
Сивою зозуленкою та й
я закую;
А якъ закую,
Весь садъ разовью,
А якъ заплачу,
Неньку побачу.
„Сосидочки, голубочки,
Слушайте сюда
Шось у моёму садику
Пташка куе;
Та то-жъ и не пташка,
То-жъ моя дочка
Безсчастночка;
Якъ-же тией пташечци
На былиноньци,
Такъ мои дитыноньци
На чужинонци“.

* *
*

Любивъ, та кохавъ.
Соби дивчину мавъ,
Да не довелося взяты,
За лыхими людьми, да за ворогами
Довелося покидаты.
„Покидаешъ ты мене, серденяточко мое,
Та й на кого уручаешь?“
„Уручаю-жъ я тебе, серденяточко мое,
Та й на Единого Бога;
А самъ я пиду у Крымъ за водой,
За быстрою рикой.
Сподивайся мене, серденяточко-жъ мое,
Та й не скоро въ гости:
Сподивайся къ Пречистий,
А якъ не буде мене и къ первой
Пречистий,
Сподивайся къ Покрови;
А якъ не буде къ Покрови,
Сподивайся къ Миколи;
А якъ не буде къ Миколи,
Такъ не буде николи“.

Р. А. Коробова.

4.—Сл. Мостки.

Поселеніе и его происхожденіе.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Здоровье.—Занятіе.—Нравственное и умственное состояніе.—Положеніе женщины.—Обряды при крещеніи ребенка.—Вечерницы.—Похороны.—Обряды и пѣсни въ праздничные дни.—Игры.—Ярмарки.—Псалмы.—Повѣрья.

Сл. Мостки расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки Боровой, берущей начало изъ родниковъ за хуторами круглыми, отстоящими отъ слободы въ 15 вер. Слобода находится отъ г. Старобѣльска въ 28 вер., отъ г. Харькова въ 216 вер. Сообщеніе между Мостками и Харьковомъ ведется по—такъ называемой—большой столбовой дорогѣ, идущей отъ Харькова на сл. Бѣловодскъ Старобѣльскаго же уѣзда. На юго-западѣ отъ Мостковъ находится неглубокая балка, называемая „Большой-Боровикъ". Балка эта отъ Мостковъ отстоитъ на $12^1/_2$ верстъ, и служитъ границею между уѣздами: Старобѣльскимъ и Купянскимъ. Сл. Мостки тянется приблизительно на 8 вер. и расположена почти на ровномъ мѣстѣ, только нѣкоторыя части ея находятся у горъ незначительной величины. Близь Мостковъ на юго-западѣ лежитъ два небольшихъ лѣска; лѣтъ 12 тому назадъ здѣсь росли солидныя деревья, въ настоящее же время эти лѣски похожи скорѣе на балки, заросшія мелкою порослью. Одинъ лѣсъ, лежащій ближе къ дорогѣ въ сл. Екатеринославъ, называется „Средній", а другой, который лежитъ южнѣе Средняго,—„Крайній". Рѣка Боровая имѣетъ маленькій притокъ, который называется Баглай. Та часть слободы, которая лежитъ около этого притока, называется также Баглай; часть, которая расположилась выше рѣки, называется „Верхній планъ", ниже рѣки „Нижній планъ"; остальныя части слободы имѣютъ тоже свои названія: Старобѣльская, по названію дороги, ведущей въ г. Старобѣльскъ, Крейдянка, расположенная около мѣловой горы, Андреевка,—по фамиліи поселянъ, впервые поселившихся на этомъ мѣстѣ. Андреевы, какъ говорятъ, пересе-

лились въ Мостки изъ д. Береки, Зміевскаго у. Они были настоящіе великорусы; отъ нихъ произошли, такъ называемые перевертни, т. е. смѣсь великорусскаго народа съ малорусскимъ. Говорятъ, растягивая слова, какъ великоруссы, носятъ свиту и шапку малорусса, а рубаху великорусса, застегивая на боку и надѣвая поверхъ шароваръ; волосы разбираютъ на боку; говорятъ по великорусски, часто вставляя малороссійскія слова, напр.: „зранку" т. е. съ утра, „згадавъ"—всмомнилъ, или наоборотъ: встрѣчаешь въ школѣ мальчика, одѣтаго по малороссійски, начинаешь говорить съ нимъ, онъ отвѣчаетъ на великорусскомъ языкѣ.

Названіе Мостковъ жители объясняютъ двояко. Одни говорятъ, что основаніемъ этой деревни послужила разбойничья хата, которая была построена на болотѣ; къ этой хатѣ вели со всѣхъ сторонъ длинные, узкіе мосты, отчего это мѣсто и получило названіе Мостки. Другіе говорятъ, что мѣсто, на которомъ расположилась слобода, было до того грязно, что во многихъ мѣстахъ не было возможности не только ѣздить, но даже и ходить, а потому на такихъ мѣстахъ строили мосты, отчего слобода и получила названіе Мостковъ. Происхожденіе слободы объясняютъ такъ: сначала былъ выстроенъ одинъ разбойничій курень, потомъ хата. Много лѣтъ, говорятъ старики, стояла эта хата, бывшая притономъ разбойниковъ; вблизи не было ни огородовъ, ни селъ, кругомъ—лѣса, степь, болота, да камышъ; въ послѣдствіи нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ пошли въ монастырь каяться въ грѣхахъ, нѣкоторые ушли въ другіе лѣса, а остальные начали заниматься хлѣбопашествомъ. Къ оставшимся разбойникамъ начали присоединяться хлѣборобы, и такимъ образомъ появился поселокъ, а потомъ—деревня. Говорятъ, что мѣстность, гдѣ теперь Мостки, была монастырскою землею. Въ нашей церкви имѣется книга, на которой написано по одному слову на страницѣ очень стариннымъ почеркомъ: „Книга глаголемая прологъ, мѣсяцъ Мартъ, Апрѣль и Май. Воронежской епархіи, Бахмутскаго уѣзда, Донецкаго Успенскаго и Предтечаго монастыря, Троицкой-Свято-Духовской слободы Мостки тоже, церкви Живоначальныя Троицы". Года въ этой книгѣ нѣтъ, такъ какъ первые листы вырваны.

Численность жителей Мостковъ простирается до 3062 д. м. п. и 3043 ж. п. Жители раздѣляются на три почти равныя части, называемыя сотнями: первая, вторая и третья. Сообразно дѣленію жителей раздѣлена и земля. Наружность жителей непривлекательна: ни мужчинъ, ни женщинъ, ни даже дѣтей нѣтъ красивыхъ. Женщины въ особенности отличаются своей некрасивою наружностью. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мостковъ есть хутора, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить прехорошенькую дѣвушку, или замужнюю женщину.

Языкъ преимущественно чистый малорусскій только у стариковъ; у молодежи же встрѣчается въ говорѣ много словъ литературно-русскихъ и даже иностранныхъ, понятно, немилосердно извращенныхъ напр.: „прахтика“ (пра́ктика), „кунтузить“ (конфузить), „липортуетъ“ (рапортуетъ) въ смыслѣ скоро говоритъ. Не ударяемое *а*, въ иныхъ словахъ переходитъ въ *о*, напр.: Алексѣй—Олексій, аренда—оре́нда; *ѣ* выговаривается, какъ *и*, въ ударяемыхъ и безъ ударенія; иногда *е* въ *и*, напр.: тётка—ти́тка, лѣсъ—лисъ, слѣпой—слипый, и проч.; *е* иногда произносится, какъ *ы*, напр.: земля—зымля; *в* иногда произносится, какъ *у*; взялъ—узявъ; *у* иногда выговаривается, какъ *в*; напр.: ударилъ—вдарывъ; звукъ *в* прибавляется въ слѣд. словахъ: онъ—винъ, овса—вивса, утка—вутка, вутя. Гортанныя *г*, *к*, *х* переходятъ въ *ж*, *ч*, *ш* и въ *з*, *ц*, *с* напр.: въ рицци, въ лузи, на бе́рези, при доро́зи, въ кабаци. Родительный и дательный падежъ: мнѣ—мини, тебѣ—тоби, себѣ—соби; его, ему, мене, тебе. Послѣ звука *б* звукъ *и* выговаривается въ нѣкоторыхъ словахъ твердо, не такъ какъ въ Полтавской и Кіевской губ., напр., здѣсь говорятъ: бѣда—не бида, а „быда“; хотя въ словахъ „би́дный, би́гать“ *и* выговаривается мягко. Литературный языкъ тоже оставляетъ по себѣ слѣды. Когда малороссъ начинаетъ говорить литературнымъ языкомъ, то его можно понять только по догадкамъ; онъ говоритъ вмѣсто физіономія—„финомо́зія“; одинъ крестьянинъ, вышедшій въ купцы, говорилъ мнѣ, что онъ ѣдетъ за товаромъ въ Харьковъ „въ про́филь“ т. е. спѣшитъ ѣхать и скоро возвратится обратно; разсердившись, онъ ругаетъ „Ба́хусомъ“ человѣка не пьющаго и проч.

Народъ **читаетъ** преимущественно лубочныя изданія, между

лились въ Мостки изъ д. Береки, Зміевскаго у. Они были настоящіе великорусы; отъ нихъ произошли, такъ называемые перевертни, т. е. смѣсь великорусскаго народа съ малорусскимъ. Говорятъ, растягивая слова, какъ великоруссы, носятъ свиту и шапку малорусса, а рубаху великорусса, застегивая на боку и надѣвая поверхъ шароваръ; волосы разбираютъ на боку; говорятъ по великорусски, часто вставляя малороссійскія слова, напр.: „зра́нку“ т. е. съ утра, „згадавъ“—всмомнилъ, или наоборотъ: встрѣчаешь въ школѣ мальчика, одѣтаго по малороссійски, начинаешь говорить съ нимъ, онъ отвѣчаетъ на великорусскомъ языкѣ.

Названіе Мостковъ жители объясняютъ двояко. Одни говорятъ, что основаніемъ этой деревни послужила разбойничья хата, которая была построена на болотѣ; къ этой хатѣ вели со всѣхъ сторонъ длинные, узкіе мосты, отчего это мѣсто и получило названіе Мостки. Другіе говорятъ, что мѣсто, на которомъ расположилась слобода, было до того грязно, что во многихъ мѣстахъ не было возможности не только ѣздить, но даже и ходить, а потому на такихъ мѣстахъ строили мосты, отчего слобода и получила названіе Мостковъ. Происхожденіе слободы объясняютъ такъ: сначала былъ выстроенъ одинъ разбойничій курень, потомъ хата. Много лѣтъ, говорятъ старики, стояла эта хата, бывшая притономъ разбойниковъ; вблизи не было ни огородовъ, ни селъ, кругомъ—лѣса, степь, болота, да камышъ; въ послѣдствіи нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ пошли въ монастырь каяться въ грѣхахъ, нѣкоторые ушли въ другіе лѣса, а остальные начали заниматься хлѣбопашествомъ. Къ оставшимся разбойникамъ начали присоединяться хлѣборобы, и такимъ образомъ появился поселокъ, а потомъ—деревня. Говорятъ, что мѣстность, гдѣ теперь Мостки, была монастырскою землею. Въ нашей церкви имѣется книга, на которой написано по одному слову на страницѣ очень стариннымъ почеркомъ: „Книга глаголемая прологъ, мѣсяцъ Мартъ, Апрѣль и Май. Воронежской епархіи, Бахмутскаго уѣзда, Донецкаго Успенскаго и Предтечаго монастыря, Троицкой-Свято-Духовской слободы Мостки тоже, церкви Живоначальныя Троицы“. Года въ этой книгѣ нѣтъ, такъ какъ первые листы вырваны.

Численность жителей Мостковъ простирается до 3062 д. м. п. и 3043 ж. п. Жители раздѣляются на три почти равныя части, называемыя сотнями: первая, вторая и третья. Сообразно дѣленію жителей раздѣлена и земля. Наружность жителей непривлекательна: ни мужчинъ, ни женщинъ, ни даже дѣтей нѣтъ красивыхъ. Женщины въ особенности отличаются своей некрасивою наружностью. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мостковъ есть хутора, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить прехорошенькую дѣвушку, или замужнюю женщину.

Языкъ преимущественно чистый малорусскій только у стариковъ; у молодежи же встрѣчается въ говорѣ много словъ литературно-русскихъ и даже иностранныхъ, понятно, немилосердно извращенныхъ напр.: „прахтика" (пра́ктика), „кунтузить" (конфузить), „липортуетъ" (рапортуетъ) въ смыслѣ скоро говоритъ. Не ударяемое *а*, въ иныхъ словахъ переходитъ въ *о*, напр.: Алексѣй—Олексій, аренда—оре́нда; *ѣ* выговаривается, какъ *и*, въ ударяемыхъ и безъ ударенія; иногда *е* въ *и*, напр.: тётка—титка, лѣсъ—лисъ, слѣпой—слипый, и проч.; *е* иногда произносится, какъ *ы*, напр.: земля—зымля; *в* иногда произносится, какъ *у*; взялъ—узявъ; *у* иногда выговаривается, какъ *в*; напр.: ударилъ—вда́рывъ; звукъ *в* прибавляется въ слѣд. словахъ: опъ—винъ, овса—вивса, утка—вутка, вутя. Гортанныя *г*, *к*, *х* переходятъ въ *ж*, *ч*, *ш* и въ *з*, *ц*, *с* напр.: въ рицци, въ лузи, на бе́рези, при доро́зи, въ кабаци. Родительный и дательный падежъ: мнѣ—мини, тебѣ—тоби, себѣ—соби; его, ему, мене, тебе. Послѣ звука *б* звукъ *и* выговаривается въ нѣкоторыхъ словахъ твердо, не такъ какъ въ Полтавской и Кіевской губ., напр., здѣсь говорятъ: бѣда—не бида, а „быда", хотя въ словахъ „би́дный, би́гать" *и* выговаривается мягко. Литературный языкъ тоже оставляетъ по себѣ слѣды. Когда малороссъ начинаетъ говорить литературнымъ языкомъ, то его можно понять только по догадкамъ; онъ говоритъ вмѣсто физіономія—„финомо́зія"; одинъ крестьянинъ, вышедшій въ купцы, говорилъ мнѣ, что онъ ѣдетъ за товаромъ въ Харьковъ „въ про́филь" т. е. спѣшитъ ѣхать и скоро возвратится обратно; разсердившись, онъ ругаетъ „Ба́хусомъ" человѣка не пьющаго и проч.

Народъ **читаетъ** преимущественно лубочныя изданія, между

которыми первое мѣсто занимаютъ: Житія святыхъ, различные романы, вродѣ: Битва русскихъ съ кабардинцами, Англійскій Милордъ, Гуакъ и проч. Но главное мѣсто занимаютъ слѣдующія книги: Псалтирь, Евангеліе и даже Библія, хотя у нихъ есть повѣрье, что кто прочитаетъ всю Библію, не пропустивши ни одного слова, тотъ сойдетъ съ ума. Книги религіозныя и лубочныя покупаются и вымѣниваются у „щетинниковъ" или „котолуповъ", которые, кромѣ книгъ, носятъ и другія мелкія вещи: крестики, кольца и проч., и обмѣниваютъ ихъ на щетину отъ свиней, покупаютъ кошачьи шкурки и проч. Книгами торгуютъ, въ большинствѣ случаевъ на ярмаркахъ, еще Суздальцы, которые, кромѣ книгъ, продаютъ также и корзины. Всѣ эти книги читаютъ только крестьяне „мужики", мѣщане-же, купцы и богатые крестьяне, всѣ, кому позволяютъ средства, выписываютъ „газеты": Свѣтъ, Родину и т. п. дешевыя изданія.

Жилище.—Крестянская небольшая хата имѣетъ въ длину 8 арш., а въ ширину 7 ар., большая—въ длину 10 ар., а въ ширину 8 ар. съ сѣнями въ длину 6 ар., ширину 8 ар. Въ большой хатѣ имѣются черезъ сѣни двѣ комнаты. Входная дверь ведетъ въ большія сѣни безъ потолка, въ сѣняхъ помѣщается труба отъ печи, въ которую проходитъ дымъ, сама же печь устраивается въ хатѣ. Труба не закрывается, а затыкается тряпкой изъ сѣней; дѣлается труба изъ мелкаго хвороста и обмазывается бѣлою глиною. Если крестьянинъ бѣдно живетъ и не имѣетъ амбаровъ, то въ сѣняхъ дѣлаются закромы, куда ссыпаютъ зерновой хлѣбъ; въ сѣняхъ же ставится деревянная посуда, кадка съ водою, ссыпается тутъ же въ уголкѣ песокъ для зимы; около трубы стоитъ лѣстница, которая ведетъ на горище (чердакъ). У нѣкоторыхъ крестьянъ часть сѣней отгораживается и служитъ кладовою, она носитъ названіе „хижки". У богатыхъ сѣни дѣлаютъ тоже большія, но въ нихъ, кромѣ кадки съ водою, да лѣстницы на чердакъ, ничего нѣтъ. Крыша надъ хатою и сѣнями всегда соломенная; весь чердакъ увѣшивается различными сухими цвѣтами, травами, ягодами калины и лѣкарственными растеніями; тамъ же складывается прядиво (пенька), иногда, если нѣтъ амбаровъ, а въ сѣняхъ не оказывается мѣста, на чердакъ же ссыпается зерновой хлѣбъ. Изъ сѣней ведутъ двери

въ хату. Вблизи дверей устраивается печь, которая иногда занимаетъ 1/4 часть хаты; вдоль и поперекъ стѣнъ стоятъ ослоны, т. е. лавки, которыя сходятся подъ образами; передъ лавками стоитъ столъ, накрытый бѣлою скатертью хотя изъ толстаго, грубаго холста; на столѣ всегда долженъ лежать хлѣбъ и стоять солонка съ солью. Мѣсто за столомъ подъ образами называется „покутемъ". Это самое почетное мѣсто, гдѣ сажаютъ жениха съ невѣстою, кумовьевъ и вообще почетныхъ и желанныхъ гостей. Уголъ этотъ и почти вся стѣна противъ дверей бываетъ увѣшана иконами и самыми разнообразными картинами, иногда иконъ бываетъ до 20-ти и болѣе; послѣ иконъ идутъ раскрашенные портреты: Государя Императора, Государыни Императрицы, Великихъ Князей, генераловъ, затѣмъ изображенія воиновъ, тутъ же можно встрѣтить романсы и пѣсни въ лицахъ; кромѣ картинъ, стѣны украшаются „шпалерами", эти шпалеры (обои) прибиваютъ подъ образами,—„коло богивъ". Иконы украшаютъ рушниками (полотенцами) и цвѣтами: гвоздиками, (самые любимые цвѣты малороссовъ), васильками, калиною и крокосомъ; крокосъ иногда обмачиваютъ въ разведенный мѣлъ, для того, чтобы онъ былъ бѣлый, а не красный. Калина служитъ здѣшнимъ дѣвушкамъ украшеніемъ: ею онѣ убираютъ голову. Вся хата, стѣны и потолокъ вымазаны бѣлою глиною; печь обыкновенно аршина на 1 1/4 отъ земли вымазывается землею или „кизякомъ"; коминъ, т. е. верхняя часть печи, разукрашивается красною и желтою глиною и синькою въ видѣ какихъ то безформенныхъ пятенъ, которыя соединяютъ узенькими полосками, предполагая, что эти кляксы похожи на деревья съ листьями, и называютъ ихъ „сосенками"; крупныя кляксы изображаютъ птицъ. За печью оставляютъ пространство для кровати, „полъ", или „пилъ" (нары), представляющій нѣсколько досокъ, довольно широко намощенныхъ, гдѣ зимою спятъ. Доски эти не закрываются ничѣмъ, а оставляются голыми, на нихъ лежатъ кожухи, свитки, подушки, стоитъ „дижа" (кадушка, въ которой заквашиваютъ хлѣбъ); надъ ними привѣшивается жердь, на которой висятъ клубки, пасмы нитокъ и прочія принадлежности пряжи. Полъ („доливка") въ хатахъ всегда земляной, вымазанный поверхъ земли кизякомъ. Окна въ хатахъ бываютъ

небольшія, трехъ четвертей вышины и двухъ—ширины; они не растворяются, а всегда отодвигаются (отсуваются). Это типъ самой простой хаты; существуетъ еще другой,—болѣе сложный, встрѣчающійся у болѣе зажиточныхъ людей. Подобная хата устраивается такъ:—посрединѣ строенія находятся сѣни безъ потолка, изъ сѣней идутъ двери,—однѣ на право въ „хату", а другія влѣво въ „кимнату" или „хатыну"; „въ хатѣ" принимаютъ гостей, да обѣдаютъ, но постоянно не живутъ въ ней. На такихъ хатахъ бывается двѣ дымовыя трубы, потому что дѣлаются двѣ отдѣльныя печки. Крыша на хатѣ лежитъ не непосредственно на стѣнахъ,—она отводится отъ стѣнъ на аршинъ или полтора, упирается на вѣнцѣ, а края поддерживаются нетолстыми колоннами; эта часть называется „поддашками" и имѣетъ видъ галлереи; поддашки идутъ вокругъ трехъ стѣнъ: около „причилка" (лицевой стороны хаты),—противуположной причилку и на стѣнѣ, въ которой сдѣланы двери; четвертая сторона не имѣетъ ни оконъ, ни дверей, ни поддашекъ и называется „глухою стѣною". Хаты большею частію ставятся глухою стѣною на улицу или въ сосѣдній дворъ. („Намъ надо смотрѣть не на улицу, а въ свой дворъ, чтобы видѣть, какъ стоитъ сѣно и другой кормъ, какъ стоитъ скотъ и проч."). Оконъ бываетъ два, а въ послѣднее время и три: на лицевой сторонѣ, гдѣ дверь, дѣлаютъ число окошекъ, смотря по величинѣ хаты, одно или два, иногда дѣлаютъ одно маленькое окно и въ глухой стѣнѣ. Постройки во дворахъ ставятъ безъ особаго плана, но замѣтно, что чистенькія зданія ставятся впереди, напримѣръ амбары ставятся не только впереди, но нерѣдко и на улицѣ противъ дома; остальныя постройки: загороды (базы), хлѣвы (сараи) и проч. ставятся сзади; такимъ образомъ скрывается та грязь, которая находится во дворѣ крестьянина; постройками, кромѣ того, защищаютъ зимою скотъ отъ холоднаго вѣтра. Улицы въ Мосткахъ обстраиваются большею частью въ одинъ рядъ, а не въ два. Огородъ всегда бываетъ отгороженъ отъ двора; въ огородѣ помѣщается токъ (гумно); на току складывается сѣно и вообще всякій кормъ, приготовленный на зиму для скота. Необходимая принадлежность тока—клуня, или половникъ. Клуня строится двоякимъ образомъ: въ землю вкапываются стропила (кроквы) безъ стѣнъ, къ нимъ прибиваются латы изъ нетолстыхъ жердей, и потомъ

кладется крыша до самой земли. Болѣе совершенный видъ клуни таковъ: закапываются столбы, на которые кладутъ окладины, на окладины—балки, въ балки задѣлываютъ кроквы, между столбами заплетаютъ плетень хворостомъ и замазываютъ глиною; кроютъ клуни камышомъ или соломою.

„Одежа“ мужчинъ состоитъ изъ рубахи (сорочки) грубаго, домашняго приготовленія, холста; обплата, воротникъ и подолъ рубахи обыкновенно вышиваются красными и синими нитками, которыя пріобрѣтаются отъ „гончурниковъ“, собирающихъ „ганчирки“ (тряпки), обмѣнивая ихъ на крестики, мѣдныя кольца и заполочь (нитки). Въ послѣднее время встрѣчается много ситцевыхъ рубахъ „зъ манышками“ у молодежи. Штаны изъ набойки совсѣмъ почти исчезли, изъ холста попадаются тоже рѣдко, только на дѣтяхъ и старикахъ штаны полотняныя, а на молодежи всегда „набирани“, т. е. набранныя въ лавкѣ; цвѣта всегда чернаго или коричневаго. Сапоги огромной величины для того, чтобы можно было надѣть побольше онучей (портянокъ), обыкновенно нога обворачивается двумя портянками, полотняною и суконною; отъ тяжести на ногахъ, походка бываетъ лѣнивая, развалистая. Сапоги дѣлаются съ очень длинными голенищами; у молодежи сапоги на очень высокихъ каблукахъ съ двумя или тремя подковами, лежащими одна на другой; „эта мода вышла“, какъ здѣсь говорятъ, „зъ Дону“, т. е. тотъ типъ сапоговъ позаимствованъ отъ донскихъ козаковъ, къ которымъ они отправляются каждое лѣто на заработки, или по мѣстному выраженію „на закоски“. Верхняя одежда состоитъ изъ жилета по возможности плисоваго или суконнаго, украшеннаго металлическими пуговицами и расшитаго различныхъ цвѣтовъ нитками; поверхъ жилета надѣвается въ теплое время года „чинарка“, родъ поддѣвки. Чинарка непремѣнно должна быть подпоясана; пояса носятъ краснаго и зеленаго цвѣтовъ, шириною въ $^1/_2$ арш. а длиною 3 ар. Головной уборъ—лѣтомъ—картузъ съ большими козырькомъ и донышкомъ. Осенью одежда та же, что и лѣтомъ, только поверхъ чинарки надѣвается свитка, у мужчинъ чернаго, у женщинъ бѣлаго цвѣта; зимою надѣваются „кожухъ“, свита съ громаднымъ воротникомъ, подшитая холстомъ, „накожни“—кожанныя рукавицы и „капелюхи“,—колпакообразная съ

наушниками и надзатыльникомъ, подбитая чернымъ или сѣрымъ барашкомъ, шапка; говорятъ, будто капелюха заимствована у калмыковъ. Мужчины обуваются еще въ „черевыки“,—нѣчто сродни женскимъ башмакамъ. Нога обматывается портянкою („онуча“) до колѣна, потомъ обматывается веревкою („волоки“) или ремешкомъ, а потомъ уже надѣваются „черевыки“, привязываемые къ ногѣ тоже бичевкою. Эта обувь употребляется во время полевыхъ работъ, у пастуховъ, у бѣдныхъ взрослыхъ крестьянъ; только немногіе изъ подростковъ ходятъ въ сапогахъ, остальные носятъ „черевыки“. Одежда женщинъ въ Мосткахъ неизящна: „спидныця“ (юбка) очень короткая, почти до колѣнъ; „корсетъ“, на подобіе чинарки, только гораздо короче и съ застежкою сбоку на груди; грудь въ корсетѣ разшивается цвѣтными шнурками и кантами, зубцами и пуговицами; назади поперекъ таліи довольно густо нашиваются бѣлыя пуговицы. Корсетъ шьютъ съ рукавами и называютъ „юбкою“. Ноги обуваютъ въ грубые неуклюжіе полусапожки; туфель, т. е. башмаковъ, здѣсь уже не носятъ; носятъ толстые чулки изъ простой шерсти. Голову дѣвушки повязываютъ платкомъ такъ, что верхняя часть головы бываетъ совсѣмъ открыта, а бахрома платка опускается на шею и слегка на лобъ; поверхъ платка надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ искуственныхъ и узенькихъ лентъ. На шеѣ носятъ множество разноцвѣтныхъ монистъ, между которыми помѣщаются мѣдные, бронзовые и серебряные кресты. Косу заплетаютъ въ „дрибушки“, не въ три пасма, а пасмъ въ двадцать и болѣе, а въ конецъ косы вплетаютъ множество лентъ—„кисныки“. Какъ только начинается весна и появляются цвѣты, дѣвушки, молодыя женщины и дѣвочки подростки ходятъ въ церковь съ букетами въ рукахъ; если нѣтъ цвѣтовъ, то вмѣсто нихъ берутъ траву или зеленую вѣтку; вообще женщины считаютъ неприличнымъ ходить весною въ церковь безъ цвѣтовъ или растительности. Лѣтомъ и осенью у замужнихъ женщинъ головной уборъ бываетъ трехъ родовъ: „очипокъ“ изъ парчи съ небольшими ушками и двумя лунообразными полукругами, отчасти напоминающій собою сѣдло, отчего и называется „сидластымъ“; „капоръ“, въ видѣ шапки Павловскаго гвардейскаго полка, только передній выступъ его вдвое ниже, и „капоръ“, въ видѣ мѣщанской „наколки“,

плотно обхватывающій, съ небольшимъ помѣщеніемъ сзади для волосъ. Замужняя женщина волосъ не заплетаетъ со дня выхода замужъ, вѣря, что если она заплететъ косу, то у ней „заплететься разумъ"; незаплетенныя волосы подбираютъ и укладываютъ на головѣ въ видѣ современной прически у интеллигентныхъ женщинъ; сверху нихъ надѣвается очипокъ. „Плахта", „запаска" и сафьяновые сапоги совсѣмъ вышли изъ употребленія; запаски встрѣчаются теперь очень рѣдко и только у богатыхъ. Очень рѣдко встрѣчается „габова свита", — верхняя одежда изъ синяго сукна, длинная, имѣющая видъ большаго халата. Юбки и корсеты шьютъ преимущественно изъ матерій яркокраснаго цвѣта, рѣже желтаго и зеленаго. — Городъ отчасти оказалъ вліяніе на измѣненіе одеждъ; у женщинъ появляются юбки длиннѣе мѣстныхъ и кофта „баска", такъ что мнѣ приходилось слышать такія заявленія отъ пожилыхъ женщинъ: „теперь у насъ у слободи не взнаешь де баришня, а де проста дивка".

Пища, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ неразнообразна: у богатыхъ — борщъ, каша или вареный картофель, а въ праздники пироги, блины, орѣшки; у бѣдныхъ — борщъ безъ мяса и сала, картофель, хлѣбъ ячменный или ржаной. При хорошемъ урожаѣ проса, бѣдняки ѣдятъ кашу. Всю зиму дѣти, которые остаются ночевать въ школѣ, ѣдятъ только хлѣбъ и картофель. Мнѣ приходилось слышать въ школѣ, какъ дѣти бѣдныхъ крестьянъ говорили, что во всю зиму они не видали мяса и сала и что ѣдятъ они борщъ съ бураками да картофелемъ. Лѣтомъ у всякаго есть арбузы, дыни и огурцы, потому что каждый сѣетъ бахчу. Только въ годовые праздники бѣдные крестьяне покупаютъ баранину и варятъ съ нею борщъ, а пироги пекутъ съ неочищеннымъ картофелемъ, перемѣшаннымъ со свинымъ саломъ, утверждая, что въ пирогахъ неочищенный картофель на столько вкусенъ, что трудно узнать, что это картофель, а не одно сало. Собственно говоря, это дѣлается изъ экономіи, чтобы меньше выходило картофеля. Чай употребляется у крестьянъ фруктовый и изъ различныхъ травъ, собранныхъ весною и лѣтомъ. Его варятъ въ чугунахъ и въ горшкахъ, за неимѣніемъ самоваровъ.

Благодаря лавкамъ, крестьяне могутъ достать керосиновую дешевую лампу, чай, сахаръ, спички, а съ открытіемъ земскихъ школъ, почти во всякой хатѣ можно найти карандашъ, бумагу, перо и чернило. Раньше здѣсь освѣщались каганцами. Въ обломокъ горшка накладывали бараньяго сала — и помѣщали узкій, длинный кусочекъ полотняной тряпки, одинъ конецъ котораго клали такъ, чтобы онъ висѣлъ изъ черепка и его зажигали, а другой конецъ его оставался въ салѣ. Отъ этого освѣщенія было страшно много вони, а свѣта слишкомъ мало. Спички замѣнили „кресáло", благодаря тому, что всегда можно достать ихъ въ здѣшнихъ лавкахъ, а въ послѣднее время шведскія спички начали вытѣснять сѣрныя.

Здоровье.—Жители слободы, въ особенности дѣти, имѣютъ изнуренный видъ; изъ сотни мальчиковъ, посѣщающихъ училище, только три свѣжихъ—румяныхъ; остальные же всегда блѣдные. Это, вѣроятно, происходитъ отъ плохой пищи и спертаго воздуха въ ихъ хатахъ. Лѣтъ 6 назадъ въ сл. Мосткахъ появился дифтеритъ, и смертность была такъ велика, что во многихъ семьяхъ, гдѣ было человѣкъ 8 дѣтей, не оставалось ни одного; съ этого года дифтеритъ въ слободѣ не прекращается. Весною 1893 г., вслѣдствіе неурожая 1892 г., появилась цынга, но скоро была прекращена. Знахарей, лечащихъ травами, въ Мосткахъ нѣтъ; есть только такіе знахари, которые *заговариваютъ* болѣзнь зубовъ, отъ укушенія змѣи и проч. Около раны, гдѣ гадина впустила жало, — окружаютъ три раза правымъ мизиннымъ пальцемъ и, ведя пальцемъ, шепчутъ: „за моремъ горá, а на той горí дубъ стоитъ, а въ тимъ дуби барáново руно́, а въ тимъ руни лежитъ змия скорпия, Марья; прошу́ я вы́йди змия скорпия, погуля́й на и́нша, на болотá, на очеретá, на осéннии покóсы, на холóдныи воды; отзови́ свой лю́тый гадъ: изъ гноевъ, изъ приспъ, изъ хлибóвъ, изъ лисóвъ, изъ чéрной и би́лой, и рябой, и половóй, и си́рой, и перистой, гнидистой, зузулястой; выйми жáло-жалище, а не выймешъ ты жáло-жалище, то буду я просíть Ангела, Архангела, щобъ тебе избы́ть громомъ и молніей. А не послушаешь цегó, то бу́де тоби то, що тому чолови́ку, що въ оскрéсный день дровá рубы́въ, а не послу́шаешь цегó, то буде тоби то,

що тому чоловику, що въ оскресный день дрова́ лома́въ". Чтобы избавиться отъ лихорадки, нужно рано утромъ выкупаться и то, чѣмъ вытирали тѣло, старую рубаху или „рушныкъ", выбросить на дорогу; вѣрятъ, что болѣзнь перейдетъ на того, кто подыметъ эту рубаху или полотенце. Отъ головной боли парятъ голову хрѣномъ, любисткомъ и другими травами. Больные теперь стали рѣже обращаться къ бабкамъ. Раньше они не вѣрили въ докторовъ, а теперь, если лечитъ докторъ и болѣзнь оканчивается смертію, то не говорятъ, что докторъ не съумѣлъ вылечить, а говорятъ, что онъ не захотѣлъ дать дорогого лекарства. Когда въ 1892 г. была здѣсь холера, крестьяне не вѣрили, что ихъ не могутъ вылечить; они увѣряли, что ихъ не хотятъ лечить, а хотятъ уморить, „шобъ не голода́лы". *Изъ болѣзней скота* чаще другихъ бываетъ „ящуръ", когда, какъ здѣсь говорятъ, „скоти́на хвбра на роты". Ящуръ лечатъ дегтемъ съ солью: деготь крѣпко солятъ и натираютъ больному животному языкъ, десны и небо. Во время сильныхъ засухъ иногда скотъ начинаетъ хромать; болѣзнь эта лечится тоже дегтемъ, которымъ смазываются копыта и подошвы заболѣвшаго животнаго. Интересно лечатъ мостовчане скотъ отъ „обдуванья". Какъ только замѣтитъ хозяинъ, что у него „обдулась" корова или быкъ, то онъ старается заставить скотину бѣгать, садится на лошадь и гоняетъ больного вола, потомъ даетъ ему слабительное изъ огуречнаго разсола съ тертой солью, который, размѣшавъ его хорошенько, заливаютъ больному изъ бутылки въ ротъ; если это средство не подѣйствуетъ, то нарѣзываютъ стараго, свиного сала небольшими кусочками и вкладываютъ въ ротъ животному, заставляя его ѣсть это сало; если и это не помогаетъ, то берутъ тонкій съ острымъ концемъ ножъ, обворачиваютъ его тряпкой и съ размаху загоняютъ его въ пахъ больнаго. Газы отъ этого выходятъ и животное почти всегда выздоравливаетъ. Во время чумы, даютъ скотинѣ пить деготь, глотать тертую ржавую селедку и заговариваютъ. Заговоровъ этихъ я не могла узнать потому, что существуетъ примѣта, будто, если передать заговоръ другому, то заговоръ этотъ теряетъ свою цѣлебную силу.

Земледѣліе—главное **занятіе** жителей Мостковъ. Сѣютъ обыкновенно пшеницу, ячмень и просо, рожь сѣютъ рѣже, а овесъ

совсѣмъ рѣдко. Пчеловодство въ большомъ упадкѣ, такъ что пасѣка въ 20 ульевъ считается большой. Хорошихъ садовъ нѣтъ; очень немногіе имѣютъ садокъ, состоящій изъ вишневыхъ деревьевъ, 5—6 яблонь, 2—3 грушевыхъ дерева. Кустарныхъ промысловъ не было и нѣтъ. Народъ ходитъ на заработки на Кубань, на Донъ и на шахты. Единственный заработокъ крестьянъ зимою—возка хлѣба на вокзалъ ж. д. въ Лисичанскъ за 60 в. На вокзалъ возятъ хлѣбъ, который скупаютъ здѣсь пріѣзжіе купцы; въ Лисичанскѣ набираютъ каменный уголь для топки печей или для продажи. Года три назадъ, за неимѣніемъ дровъ, вошло въ употребленіе у нашихъ крестьянъ отапливаться углемъ. Печи для угля устраиваютъ такимъ образомъ: берутъ старый разбитый чугунъ, выбиваютъ изъ него дно и вмазываютъ его глиной около печи на кирпичахъ или камнѣ; отъ дна чугуна проводятъ трубу изъ глины или камней, обмазанныхъ глиною, въ большую вариcтую печь.

Нравственность.—Народъ въ Мосткахъ религіозный и набожный; не ходить въ церковь считается большимъ грѣхомъ. Не смотря на всю религіозность здѣшняго крестьянина, у насъ существуютъ всѣхъ сортовъ воры; обмануть самаго лучшаго пріятеля тоже ничего не стоитъ. Мостовчане, однако, народъ сострадательный: не дать куска хлѣба нищему считается дѣломъ въ высшей степени нехорошимъ; не похоронить умершаго прохожаго, не помочь погорѣльцамъ, не накормить странника—считается большимъ грѣхомъ; выбранить кума или куму, которые воспринимали ребенка, считается грѣхомъ, хотя украсть у нихъ, напр., лошадь не считаютъ грѣхомъ. Сострадательность мостовчанъ наблюдается въ дѣтяхъ. Многіе изъ учениковъ моихъ остаются ночевать въ школѣ, всю осень, зиму и во время грязи, весною, всякій день остается человѣкъ до 20-ти. Въ это время я замѣчала, какъ заботятся старшія дѣти о меньшихъ и богатыя о бѣдныхъ. Когда вечеромъ и утромъ дѣти богатыхъ родителей варятъ кашу себѣ, они всегда варятъ на долю бѣдняковъ, и, наѣвшись, богатый передаетъ ложку одному изъ бѣдняковъ, уступая ему свое мѣсто; оставшаяся отъ утра каша никогда не оставляется на вечеръ, а всегда отдается бѣднякамъ. Меня всегда удивляло, что мальчикъ, кормившій всю зиму

голодающаго, никогда не упрекнетъ своего нахлѣбника кускомъ, какъ будто онъ даже и не замѣчаетъ, что дѣлаетъ благодѣяніе. Отдѣльнаго помѣщенія для ночлега дѣтей — въ школѣ нѣтъ, а потому они ложатся подъ партами на полу; здѣсь опять видна забота старшаго о младшемъ: тѣ, у которыхъ имѣются большія свиты и шубы, ложась, укладываютъ въ средину маленькихъ и тѣхъ, которымъ нечѣмъ укрыться.

Въ слободѣ встрѣчаются пьяницы среди „мироийдовъ", людей почти всегда довольно зажиточныхъ, а потому въ обществѣ имѣющихъ голосъ. Если выбираютъ старшину, старосту, нанимаютъ сторожей, дѣлятъ лугъ,—то ставятъ „могори́чъ" т. е. покупаютъ водку и угощаютъ народъ. Эти міроѣды всегда пьютъ могорычи́, а потомъ ужъ сами на свои деньги покупаютъ водку и пьютъ нѣсколько дней. Какъ мужчины, такъ и женщины не отличаются особенно высоконравственными супружескими качествами, но проституціи профессіональной нѣтъ.

Мѣстные крестьяне развитѣе крестьянъ сосѣднихъ деревень, молодежь развитѣе стариковъ. Нѣсколько разъ мнѣ говорили, что рѣка въ Мосткахъ была очень глубокая и по ней ходили барки; теперь же эта рѣка шириной въ полсажени, а глубиной въ 1/4 ар. Я спрашивала у стариковъ: отчего это рѣка стала такъ мелка? они отвѣчали: „Богъ ёго зна, чого́ воно́ такъ! ма́будь Господь за грихи наши одибра́въ у насъ во́ду". Тутъ-же сидѣлъ парень 25 л.; дослушавъ разсказъ старика, онъ сказалъ: „Шо Богъ, то́ Богъ, а то таки и люди виноваты. Ри́чка наша стала ми́лкою видтого, що ста́лы ора́ты яры́, зъ кото́рыхъ иде весно́ю и въ дощи́ вода́, въ слободи́ вербами берега́ заса́жуютъ, луга́ повспа́хивалы, капу́стныки до са́мои воды́ копа́ютъ; отъ йийи и позамулюва́ло, а якъ би́гла вода́ по тве́рдій земли́, то мулу не було́".

Въ земской школѣ, при двухъ учительницахъ и законоучителѣ, больше ста учениковъ не бываетъ, потому что помѣщеніе мало. Дѣти охотно поступаютъ въ земскую школу; зимою всегда школа биткомъ набита учениками; въ началѣ же весны, даже въ концѣ февраля, родители нанимаютъ своихъ дѣтей въ работу и потому берутъ изъ школы; къ экзамену едва можно набрать 5—8 человѣкъ и то подъ условіями такого рода: отецъ обѣщаетъ отпускать

сына въ школу только въ праздники и въ дурную погоду, а въ будни и въ хорошую погоду заставляетъ работать дома. Почти всегда, получая извѣщеніе о томъ, когда будетъ экзаменъ, волостной старшина, по просьбѣ моей, посылаетъ сотскихъ собирать по слободѣ тѣхъ дѣтей, которыя должны держать экзаменъ. „Хорошо если выдержитъ, а какъ нѣтъ, говорятъ родители: ему и мини́ сты́дно буде, що учи́вся, учи́вся тай не здержа́въ кзаме́нта". Большихъ усилій стоитъ уговорить ихъ отпускать дѣтей на экзаменъ; не обходится и безъ расходовъ, особенно если ученикъ разъ уже не выдержалъ экзамена. Дѣвочекъ мало ходитъ въ школу, въ продолженіе 10 лѣтъ моей службы, въ этомъ училищѣ больше восьми дѣвочекъ не было никогда. Въ 189²/₃ г. открыта у насъ церковно-приходская школа, въ которой обучается 15 учениковъ. Родители сами приходятъ ко мнѣ и просятъ, чтобы я позволила ихъ дѣтямъ ночевать въ школѣ; часто бываетъ такъ, что дѣти приходятъ въ школу въ понедѣльникъ, а уходятъ только въ субботу. Учительница и школа пользуются полнымъ довѣріемъ крестьянъ. Приводя ребенка въ школу, они говорятъ: „зди́лайте мы́лость, не балу́йте его́, заставля́йте учитьця всему. Намъ хорошо́, якъ винъ чита́е въ це́ркви и до́ма, и „артыме́тыка" намъ здорово нужна. Самы мы и у церкву при́йдемъ, то якъ „Божій быкъ" стоишь ничего не розбыре́шь, а винъ розска́же, той розбыре́шь що воно́ и къ чому́. Теперъ у насъ и старшина́ свий гра́мотный, и ста́роста, и пи́сарь, и всякий со́тскій гра́мотный, а пре́жде надо було́ чужо́го брать. Теперъ наши и въ лавки поступа́ють и въ писаря́ на сторону, и въ фельдерскую школу; а слободи́ по́льза". Съ большимъ удовольствіемъ смотрятъ крестьяне, какъ дѣти парами, по возможности стройно, идутъ въ церковь. Ни одного слова грубаго я не слышала отъ крестьянъ во всю бытность мою въ Мосткахъ. Школа содержится не особенно аккуратно, вслѣдствіе неурожаевъ въ послѣдніе годы и большихъ расходовъ, которые были сдѣланы на постройки церквей.

Женщины ставятся ниже мужчинъ. Хозяйка, напр., принимая у себя гостя, не должна садиться; даже обѣдая въ своей семьѣ, она не садится, а ѣстъ стоя; если мужа нѣтъ, то она сидитъ за столомъ во время обѣда; совѣта ея не спрашиваютъ

никогда; если, при угощеніи водкой, гости вздумаютъ обратиться къ хозяйкѣ съ приглашеніемъ выпить, то она должна отказываться. Въ церкви мужчины и мальчики стоятъ впереди, а женщины и дѣвочки стоятъ въ притворѣ, или какъ онѣ говорятъ въ „бабникѣ". Старая женщина пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ, она даетъ совѣты молодежи, учитъ дѣтей молиться Богу; мужъ ея, умирая, всѣ распоряженія по хозяйству даетъ ей; она иногда и немолодаго сына можетъ побить, если находитъ его виноватымъ, —и этотъ человѣкъ полный силъ и здоровья безпрекословно исполняетъ волю матери или терпитъ побои ея, боясь даже сказать ей какую нибудь дерзость. Родители вообще обращаются строго съ своими дѣтьми; сынъ, пока онъ не женатый, не имѣетъ никакого голоса; онъ дѣлаетъ все то, что прикажутъ ему; какъ только его женили, такъ онъ начинаетъ подавать совѣты и даже высказывать неудовольствіе, хотя отецъ почти никогда не обращаетъ вниманія на его неудовольствія. Когда сынъ его проживетъ женатымъ нѣсколько лѣтъ, тогда начинаютъ совѣтоваться съ нимъ, или же, когда замѣчаютъ, что сынъ хорошій хозяинъ.

Крестины. Какъ только родился ребенокъ, отецъ идетъ приглашать кумовьевъ; новорожденнаго спѣшатъ скорѣе окрестить; не крестить ребенка нѣсколько дней считается грѣхомъ. За страшный грѣхъ считается произносить при новорожденномъ слова: чертъ, бѣсъ, дьяволъ и проч.; вѣрятъ что до крещенія въ дитя можетъ вселиться нечистый духъ. Когда приходятъ кумъ и кума, то приносятъ съ собою по хлѣбу. Баба повитуха кладетъ на землю шубу мѣхомъ наверхъ, шуба, непремѣнно должна быть съ чернымъ мѣхомъ, на шубу полагаетъ спеленатаго ребенка и, беря съ кумомъ за противуположные концы шубы, передаютъ его кумѣ, а бабка въ это время говоритъ: „отдаю младенца некрещеннаго, немолитвеннаго". Отецъ отдаетъ куму два хлѣба и деньги за крестины (за дѣвочку 15 к., а мальчика 20 к.) и отравляетъ ихъ къ священнику. Окрещенаго ребенка бабка такъ-же принимаетъ на тотъ-же разосланный кожухъ; но теперь ужъ кожухъ берутъ кумъ и кума, и, передавая ребенка бабкѣ, кума говоритъ: „у васъ брали некрещена, немолитвена, а вамъ принесли „крещеннаго и молитвеннаго", при

этомъ говоритъ имя ребенка. На другой день крестинъ собираются къ родильницѣ замужнія женщины „въ рай", какъ онѣ называютъ это собраніе гостей. Здѣсь гости садятся за столъ и ихъ угощаютъ: водкой, пирогами, „вареной", т. е. наваромъ вишенъ, подаваемымъ въ чайныхъ чашкахъ. Во время угощенія баба, повитуха выводитъ къ столу роженицу, ставитъ корыто, кладетъ въ него васильковъ, косу, топоръ; роженица должна стать въ корыто правой ногой, а повитуха сливаетъ ей воду на руки; эту воду, она должна спускать до локтей и подставляя горсть подъ локоть, собирать ее, а изъ горсти пить. Это дѣлаютъ для того, чтобы у роженицы прибавлялось молоко— „покормъ", такъ выражаются бабы, а ногою становятъ роженицу въ корыто—чтобы ея никто не могъ сглазить.

Дѣвушки начинаютъ засиживать **„вечерницы"** съ 8 сентября. Выбирается одна какая нибудь немолодая вдова, у которой собираются дѣвушки и парни, дѣвушки шьютъ или прядутъ, а парни играютъ въ карты: въ дурака, своего козыря, мельника и фильку. Въ большіе праздники дѣлается складчина, всякая дѣвушка беретъ изъ дому, что можетъ: муку, сало, яйца, украденую курицу; парни же покупаютъ водку, орѣхи, пряники, конфеты. Не принести лакомства на вечерницы считается не приличнымъ, дѣвушки засмѣютъ парня, который прійдетъ съ пустыми руками, а потому парни крадутъ у родителей пшеницу, куръ, гусей, и, продавъ это, покупаютъ лакомства. Украсть для вечерницъ не считается преступленіемъ. Родители знаютъ, что у нихъ крадутъ, но не бываютъ за это въ претензіи. На вечерницахъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„Тамъ дивчина по грыбы ходыла,
Въ зеленому гаю заблудыла,
Приблудылась къ зеленому дубу,
Ой тутъ же я ночуваты буду;
Я думала що дубъ зелененькій,
А жъ то стоитъ гайдарь молоденькій.

„Ой, гайдаре, молодый гайдаре!
Ой выведы мене съ цего гаю!
Ой далеби дорожкы не знаю."
„Ой, якъ быжъ ты дорожкы не знала,
Тобъ ты мене гайдаремъ не звала,
Тобъ ты мене серденькомъ назвала".

* *
*

Якъ выйду я на улицю, гуляю,
гуляю.

Выйде мате въ хату звать,
А я щей выляю.

Поютъ еще: „туманъ яромъ налегае" и др.

Похороны.—Когда человѣкъ сильно боленъ, то сосѣди, родственники и кумовья приходятъ къ больному, прощаются съ нимъ и передаютъ поклонъ своимъ умершимъ роднымъ и знакомымъ. Когда человѣкъ умираетъ, то кладутъ его на землю; какъ только онъ умретъ, то на окнѣ, которое находится ближе къ покутю, ставится чашка съ водой; чашка должна оставаться на окнѣ до шести недѣль, такъ какъ душа будетъ прилетать и купаться въ этой водѣ, т. е. обмываться въ ней отъ грѣховъ. Только что умершаго человѣка обмываютъ, одѣваютъ и кладутъ на лавку подъ образа головою. Читальники читаютъ надъ покойникомъ псалтырь; если умершій человѣкъ зажиточный, то приглашается священникъ и погребеніе совершается священникомъ на кладбищѣ, а если бѣдный, то его везутъ въ церковь и тамъ отправляется погребеніе священникомъ, а на кладбище везутъ безъ священника, только въ сопровожденіи крестовъ, хоругвей и фонаря; кресты перевязываются полотенцами. Существуетъ обычай отвозить покойника на кладбище на коровахъ или на волахъ, но ни въ какомъ случаѣ не на лошади. Если негдѣ занять воловъ или коровъ или дорога очень испорчена, то въ сани запрягаются мужики, а на сани ставятъ „догомыну" (гробъ) и везутъ покойника на кладбище. Надъ покойникомъ „тужатъ" родственники, т. е. поютъ и приговариваютъ. Въ этихъ пѣсняхъ высказывается сожалѣніе о томъ, что онъ покинулъ ихъ сиротами, не распорядился хозяйствомъ, не далъ совѣта, какъ жить; часто бываетъ, что умершій распорядился во всемъ, но родственники все-таки приговариваютъ тоже. Чѣмъ громче и чище у кого голосъ, чѣмъ больше кто приговариваетъ, тѣмъ больше его хвалятъ, говоря: „охъ, гáрно плáче". Бываетъ иногда, что и мужчины тужатъ. Передавая мнѣ процессію похоронъ, одинъ крестьянинъ замѣтилъ: „мáбуть и мáте такъ не затýжить, якъ я умíю тужи́ть". Покойниковъ опускаютъ въ могилу на полотнѣ; это полотно отдаютъ тѣмъ людямъ, которые копаютъ могилу. Поминовенія бываютъ въ девятый день, сороковой и въ годовщину. На помины приглашаютъ сосѣдей, знакомыхъ, родственниковъ и нищихъ; готовятъ для нихъ обѣдъ, за столомъ даютъ водку, но не много.

Праздники и пѣсни. Наканунѣ Рождества Христова бываетъ

„богатый святъ вечиръ“; послѣ ужина хозяинъ идетъ въ загороду, гдѣ находится скотъ, и смотритъ, куда корова лежитъ головой; если на востокъ, то это означаетъ, что она приведетъ теленка утромъ, на сѣверъ, — такъ въ полночь, на югъ — въ полдень, на западъ — вечеромъ. Въ этотъ же вечеръ выходятъ воръ, невѣста или женихъ съ пирогомъ слушать за глухой стѣной. Если услышутъ разговоръ, въ которомъ говорятъ „иди“, то тотъ, кто слушаетъ, смѣло можетъ надѣяться на исполненіе задуманнаго: невѣстѣ — выйти замужъ, жениху — жениться, а вору будетъ удача въ воровствѣ. Въ день Рождества Христова поютъ: „коляды“, тропарь Рождеству Христову и кондакъ тому же празднику. Подъ Новый годъ „щедруютъ“, т. е. поютъ пѣсни: На новый годъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„На рица на Ордани“.

„Мыланка ходыла, Василька просыла“.

* * *

„Во поли, поли самъ Богъ ходе,
За нымъ ходыла Божая Матерь.
Иисты носыла, Бога просыла:
Зареды, Боже, жито-пшеницю,
Всяку пашныцю.

Ходе Илля на Васыля,
Косе пашныцю жытяную;
И сюды махну, и туды махну.
Будьте здоровы, съ праздникомъ,
Та зъ Васылемъ“.

* * *

„На спасте, на здоровъе, роды Боже
Жито пшеныцю, всяку пашныцю.

Будьте здорови, съ новымъ годомъ,
Та съ праздныкомъ поздоровляю“.

На масляницѣ поютъ такъ:

„Ой за нашимъ садомъ
Три мисяця рядомъ, —
Ладомъ, ладомъ,
Три мисяця рядомъ.
Три мисяця ясныхъ,
Три молодца красныхъ —
Ладомъ, ладомъ,
Три молодца красныхъ.

Первый мисяць (имя парня),
Второй (имя) и третій (имя).
Ладомъ, ладомъ и т. д.
Ой за нашимъ садомъ
Три зирочки рядомъ, —
Ладомъ, ладомъ,

Три зирочки рядомъ,
Первая зирка (имя дѣвицы),
Вторая и третья (то же имя),
Ладомъ, ладомъ (имена дѣвицъ),
Ой ладомъ, ладомъ
Три мисяця рядомъ.

При *посѣвѣ* существуетъ единственный *обычай* у жителей Мостковъ; именно, на четвертой недѣлѣ Великаго поста въ среду пекутъ крестъ и прячутъ его въ зерновой хлѣбъ, въ закромъ; когда ѣдутъ первый разъ въ поле сѣять, то мальчикъ долженъ носить подъ рукой крестъ, а взрослый ходитъ за нимъ и разсѣваетъ зерно. 24 іюня празднуется „Ивана купала“. Въ этотъ день дѣвушки отправляются въ лѣсъ или степь и вьютъ изъ

цвѣтовъ себѣ вѣнки, а вечеромъ вмѣстѣ съ парнями собираются на гору, приносятъ соломы, разскладываютъ костры, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ огонь. Дѣвушки приходятъ въ вѣнкахъ на головѣ, и, прыгая черезъ горящій костёръ, вѣнки разрываютъ и бросаютъ въ огонь.

Игры, танцы и музыка. Проводы мясоѣда празднуются такимъ образомъ: собираются дѣвушки, парни и дѣти, берутся за руки и становятся, изображая фигуру „глаголь". Первая пара поднимаетъ руки, а остальныя, начиная съ послѣдней пары, проходятъ подъ руками первой пары. Когда пройдутъ всѣ, то пара съ поднятыми руками выворачивается, а послѣдняя пара поднимаетъ руки, всѣ же остальныя опять идутъ подъ руки, какъ и въ первый разъ; такъ проходятъ они всю слободу. Во время этой игры поютъ пѣсню:

„Скочивъ козелъ въ огородъ,
Пойивъ лукъ, чеснокъ;
Вийшла бабуся,
Взяла козла за рожокъ,
Повела козла на торжокъ,
Продала козла за рубля;
Прийшла до дому, загула,
Дешево козла продала:
Було бъ узяти три рубля,
Та выораты тры поля,
Посяты три зела:
Перве зело билыло, друге краныло,
А трете черныло.
— Чего мыленька биленька?
— Сударь, мучицю сіяла,
Свое личеньво убилила!
— Чого миленька красненка?
— Сударь, я у личи топыла,
Свое личенько спалыла!
— Чого миленька черненька?
— Сударь, сажу трусыла,
Свои бривоньвы черныла".

Дѣти играютъ въ мячъ, въ цурки, въ „довгои лозы" (въ чехарду) и въ „гусáря". Въ гусаря играютъ такъ: отмѣряется на ровной площади квадратъ шаговъ въ 20-ть; по угламъ его становятся четыре человѣка, а на плечи имъ садятся такъ-же четыре человѣка; сидящіе верхомъ бросаютъ другъ другу мячъ; если кто-нибудь изъ сидящихъ верхомъ не поймаетъ мячъ, то тѣ, на которыхъ сидятъ, сбрасываютъ своихъ всадниковъ и стараются поднять мячъ и имъ кого-нибудь ударить изъ всадниковъ. Тогда всадники преображаются въ лошадей, а лошади въ сѣдоковъ или гусаровъ, какъ ихъ называютъ. Если три раза подрядъ сѣдоки не перемѣняются, то они начинаютъ развязку игры: каждый проѣзжаетъ нѣсколько разъ верхомъ по четыреугольнику, на своемъ конѣ. Самый распространенный танецъ въ Мосткахъ—козачекъ; его танцуютъ дѣти, взрослые и старики, дѣвушки и парни; это ихъ любимый танецъ; его танцуютъ парами и по одиночкѣ. Музыкальные инструменты на свадь-

бахъ: скрипка, басъ; любимый музыкальный инструментъ мостовчанъ „сопилка“, родъ дудки или волынки. Существуютъ артисты, которые дѣйствительно артистически играютъ на сопилкѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ. На гармоніи играетъ только молодежь.

Ярмарки считаются особеннымъ праздникомъ у мостовчанъ; всякій считаетъ чуть-ли не обязанностью своею побывать на ярмаркѣ. Купить-ли что или продать нужно хозяину или хозяйкѣ, они откладываютъ до ярмарки; перемѣнить-ли нужно воловъ, лошадь или корову, крестьянинъ ждетъ ярмарки; если онъ долженъ кому-нибудь — отпрашивается до ярмарки: „переминю, говоритъ, волыкивъ, продамъ, куплю дешевше и отдамъ долгъ“; мать, уговаривая ребенка, обѣщаетъ ему купить на ярмаркѣ бубликовъ; парень дѣвушкѣ говоритъ: „выходь на ярмарку, канхвѣтивъ куплю“; всякій ярмарки ждетъ съ нетерпѣніемъ, на ярмаркѣ всякій старается чѣмъ-нибудь „заработать“; и въ рѣдкихъ случаяхъ ему не удается заработать, тѣмъ болѣе, что обмануть посторонняго человѣка не считается грѣхомъ. Вотъ разсказъ одного крестьянина, почему обмануть на ярмаркѣ можно: „Апостолъ Павелъ (а другіе говорятъ Лука) повелъ на ярмарку продавать быка, быкъ этотъ былъ старый и слѣпой; къ нему подходятъ покупатели и спрашиваютъ: „что за быка? нѣтъ-ли пороковъ какихъ?“ Апостолъ говоритъ: „старый и слѣпой мой быкъ“; покупатели отходятъ. Наконецъ нашелся покупатель, который взялъ быка за очень дешевую цѣну. Когда апостолъ вернулся, Христосъ и спрашиваетъ: „за сколько онъ продалъ быка?“ Апостолъ разсказалъ, почему такъ дешево продалъ быка. Спаситель выслушалъ и говоритъ: „глупый ты человѣкъ, нужно было хвалить быка и даже побожиться: вѣдь на то ярмарка, чтобы бѣдный человѣкъ хоть „трошки починывся“ (т. е. поправилъ свои дѣла). Откуда взята эта несообразная легенда, я не могла узнать.

Къ пѣснямъ въ Мосткахъ можно причислить такъ называемые **„псалмы“** которые поютъ всѣ: дѣвушки, парни и старики. Кѣмъ составлены эти „псальмы“, неизвѣстно, но содержаніемъ ихъ всегда является какая нибудь сцена или моментъ изъ библейской жизни. Вотъ „псальмы“, которые мнѣ удалось записать.

„Ой сижу я въ рову, тай бисидую,
Щей бисидую и совитуюсь;
Ой дай мини, Богъ, сизъ голубчика,
И литающаго, и порхающаго.
Напишу я письмо тай на крылушкахъ,
Къ отцу своему, къ отцу Якову;
Ой братья мои, братья родные,
Вы продали меня, щей запродали
Во чужую землю, во Египетскую,
Ко чужому царю, къ Фараонтію,
Къ Фараонтію, ще й заморскому“.

* *

Ісусе мий прылюбезный, серцю сладости,
Едына мини въ скорбяхъ утиха моий радости!
Есть ми азъ спасеніе гриховъ и рай вседеніе,
Мени же Тоби къ Богу благоприлепляхуся,
Отъ Тебя мылосердия надиятися.
Но ктоже мени, моимъ бидамъ, гришному, поможе
Аще не ты, о преблагый Ісусе Боже!
Хотѣніе мени единому съ Тобою быти,
Даждь ми Христа въ сердци всегда имети,
Изволь во мнѣ обитаты, благъ мини явлийся;
Мною гришнымъ, недостойнымъ не гнушайся.
Исчезе въ болизни животъ мий безъ Тебе Бога;
Ты мини крипость, здравіе, Ты слава многа,
Радуйся, азъ о Тебѣ и веселюся,
И Тобою во вся вѣки, Боже, хвалюся“.

* *

Плачь всегда душе моя,
То протекае жисть твоя;
Господы помилуй насъ,
То узывай на всякой часъ;
Будешь жить на небесахъ
У цвитущихъ древесахъ;
Будешь слышать всякой часъ
Всегда херувимской гласъ;
Тамъ Ангелы поютъ,
Благодать на всихъ ильютъ.
Буде намъ отъ Бога отрада
И вичная награда“.

Повѣрья. Послѣ праздника Троицына дня, въ четвергъ, мостовскіе жители не ходятъ въ садъ, боясь, что русалки защекочатъ ихъ. Они называютъ этотъ день: „Русальчинъ велыкдень“. Вѣдьмы бываютъ только женщины. Вѣдьма ходитъ доить коровъ, можетъ войти въ хату—испугать человѣка; другого вреда она не дѣлаетъ. Для того, чтобы ее не узнали, она обращается въ клубокъ нитокъ, въ свинью, въ собаку, или въ копну сѣна. Чтобы поймать вѣдьму и узнать, кто это, нужно схватить конецъ нитки, когда она сдѣлается клубкомъ, или за шерсть, если она собака, прибить гвоздиками къ чему нибудь, и она будетъ стоять до свѣта; когда разсвѣтетъ, она станетъ женщиной, и тутъ ее можно узнать, но слѣдуетъ отпустить, не дѣлая ей ни какого вреда, чтобы она не отомстила. Домовые живутъ въ домахъ; передъ чѣмъ нибудь дурнымъ или хорошимъ они душатъ человѣка, и, если спросить къ худу или добру, то-скажутъ. Относительно лошади существуетъ разсказъ, который объясняетъ, почему лошадь много ѣстъ. Когда Іисусъ Христосъ былъ еще маленькимъ, „жыды“ искали Его, чтобы убить; Іисусъ Христосъ спрятался

въ ясли, около которыхъ стояла лошадь; лошадь съѣла все сѣно и жиды нашли Іисуса Христа. За это Спаситель сказалъ: „Щобъ ты йила и не найилась“; и съ этихъ поръ лошадь много и постоянно ѣстъ. О папоротникѣ существуетъ такое повѣрье. Однажды у мужика пропали волы; онъ, пошелъ розыскивать ихъ и, когда шелъ черезъ лѣсъ, то за голенище его сапога упалъ цвѣтокъ папоротника. Сразу мужикъ узналъ, гдѣ его волы; идя за ними, онъ сѣлъ переобуться и, выронивъ цвѣтокъ изъ сапога, онъ сразу забылъ, гдѣ его волы и не нашелъ ихъ. Папоротникъ можно найти 24 іюня такимъ образомъ: слѣдуетъ выждать, пока черепаха выйдетъ изъ своего гнѣзда; тогда заложить входъ въ гнѣздо. Возвратившись и увидѣвши, что входъ заложенъ, черепаха отправится за папоротникомъ. Когда черепаха опять вернется, надо ее убить и взять у нея папоротникъ; потомъ, разрѣзавъ на ладони правой руки кожу, заложить туда папоротникъ, чтобы во всемъ имѣть успѣхъ. Есть въ Мосткахъ лѣсъ, который называется „Куриловъ“. На самомъ краю этого лѣса стоитъ большая груша; эту грушу никто не рубитъ, и даже плодовъ съ нея никто не ѣстъ; говорятъ, будто „еще за поселеніи“ на ней повѣсился человѣкъ, и черезъ это жители боятся ея, говоря: „она заклята“.

С. А. Хотяинцева и А. А. Усикова.

5.—Сл. Танюшевка.

Названіе слободы.—Свадебные обряды и пѣсни.

Слобода расположена въ долинѣ между невысокихъ горъ, которыя окружаютъ ее съ трехъ сторонъ: сѣверной, западной и южной, а на восточной сторонѣ ея находится лугъ, который отдѣляется отъ слободы рѣкою Айдаръ. Названіе свое слобода Танюшевка получила отъ имени жены кн. Куракина, Татьяны, въ то время, когда князь владѣлъ этою слободою, въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ наст. столѣтія. До князя Куракина Танюшевка называлась Берёзовой, по имени рѣчки, которая протекала между горъ съ юго-западной стороны и впадала въ Айдаръ; въ то время рѣчка эта была довольно глубока, а теперь остался только ручеекъ, да и тотъ во время лѣтней жары высыхаетъ. Въ настоящее время слобода эта пишется Танюшевка, а жители ея, крестьяне, и до сихъ поръ называютъ ее Берёзовой. Отъ уѣзднаго города она отстоитъ въ 60-ти вер.

Сообщу о томъ, какъ крестьяне **сватаются.** Какъ сыну исполнится 18 лѣтъ, такъ отецъ начинаетъ думать о его женитьбѣ. Въ началѣ осени крестьяне сватаются, а послѣ Покрова Пресвятыя Богородицы играютъ свадьбы, такъ какъ въ то время они покончатъ всѣ главныя работы, молотьбу и паханье подъ яровое. Обмолотивши хлѣбъ, часть его они продаютъ и запасаются деньгами для свадебныхъ расходовъ. Задумавъ женить сына, отецъ проситъ двухъ родственниковъ или хорошихъ сосѣдей быть сватами за его сына. Эти два лица называются „старостами". Старосты берутъ хлѣбъ и въ сумеркахъ отправляются къ родителямъ той дѣвушки, которую должны высватать. Подойдя къ хатѣ, они стучатъ въ окно и говорятъ: „добры вечиръ, добрый вечиръ, пустить погрицьця"! Хозяева отвѣчаютъ изъ хаты: — „Милосты просымъ". Иногда старосты застаютъ хозяевъ спящими, тогда имъ приходится нѣсколько разъ повторить свое привѣтствіе, чтобы разбудить ихъ. Невѣсты дома не бываетъ, — она или на вечерницахъ, или

у сосѣдки сидитъ съ работой. Войдя въ хату, старосты осѣняютъ себя крестомъ и говорятъ: „здорови булы, съ поныдилкомъ, будьте здоровы!“ Хлѣбъ старосты отдаютъ отцу или матери, тѣ кладутъ хлѣбъ на столъ, а старостовъ просятъ сѣсть за столъ. Сначала разговоръ идетъ посторонній, а потомъ постепенно переходятъ къ дѣлу. Старосты говорятъ за чьего парня они хотятъ сватать дѣвушку. Если родители согласны отдать свою дочь, то сейчасъ посылаютъ за нею, чтобы спросить ее — согласна-ли она. Если-же не согласны отдать, то мать прямо говоритъ: — „идить, добри люды, тай не прыходьте, бо все равно дила не буде, дочкы я не отдамъ“. Иногда въ одно время приходитъ нѣсколько паръ старостовъ, отъ трехъ или четырехъ жениховъ, и за кого изъ нихъ невѣста согласна выйти замужъ, хлѣбъ того оставляетъ, а остальнымъ отдаетъ. Послѣдніе уходятъ домой, а кому дано согласіе, тѣ остаются пить могарычъ; водку и вино на могорычъ старосты приносятъ съ собой.

На другой день эти старосты приходятъ съ отцомъ и матерью жениха, для окончательнаго рѣшенія дѣла. Въ это время посылаютъ за женихомъ и спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ жениться на этой дѣвушкѣ и, когда женихъ скажетъ свое согласіе и невѣста тоже самое объявитъ, что и она согласна, тогда послѣдняя отправляется собирать подругъ или „дружекъ“ и вмѣстѣ съ ними приходитъ домой. Идя по улицѣ, дружки поютъ:

„Та бережися, бережися
Та билая рыбка,
Хочуть тебе, та билую рыбку
Уловыты, та молодую Ядошку.
Уговорыты, та за добраго
Молодця Петрушку“.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ обыкновенно приговариваютъ имя жениха и невѣсты. Съ пѣсней дѣвушки входятъ во дворъ. Войдя въ хату, онѣ находятъ большое собраніе родныхъ, сосѣдей и пріятелей. Всѣ гости сидятъ, а женихъ стоитъ у порога. Когда невѣста съ подругами входитъ въ хату, мать ея зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ иконѣ. Женихъ съ невѣстой становятся рядомъ посреди хаты и кладутъ три земныхъ поклона, всѣ присутствующіе тоже молятся, а потомъ опять садятся по своимъ мѣстамъ, а женихъ садится на лавкѣ возлѣ порога. Мать даетъ невѣстѣ два полотенца, а невѣста

кладетъ ихъ на тарелку и подноситъ ихъ старостамъ и при этомъ кланяется до земли. Старосты берутъ „рушныки", перевязываются ими черезъ плечо и говорятъ: — „спасибо, дочко, що рано вставала та тонко пряла". Послѣ этого мать ставитъ закуску на столъ, а старосты своею водкою начинаютъ угощать сначала невѣстиныхъ отца и мать, брата и невѣстку, если есть, потомъ жениховыхъ отца и мать, за тѣмъ жениха, невѣсту и дружекъ, послѣ чего молодежь удаляется на вечерницы, а сваты, старосты и гости остаются и у нихъ продолжается угощеніе до позднихъ сумерокъ, а потомъ жениховы отецъ и мать всю эту компанію просятъ къ себѣ.

Сватанье. Въ день назначенный для сватанья, хозяева приготовляютъ лучшія угощенія, а невѣста заботится о чистотѣ и убранствѣ хаты. Къ этому дню стѣны хаты бѣлятся снаружи и внутри, земляной полъ смазывается и усыпается пескомъ, столъ покрывается чистой скатертью на которой лежитъ хлѣбъ-соль, на образахъ и возлѣ оконъ висятъ вышитыя полотенца. Въ этотъ день къ вечеру приглашаютъ родичей, крестныхъ отца и мать невѣсты и хорошихъ сосѣдей. Всѣ ожидаютъ старостовъ. Прежде всѣхъ приходитъ женихъ и старшій бояринъ, — шаферъ, съ хлѣбомъ-солью; поздоровавшись, женихъ хлѣбъ отдаетъ отцу. Отецъ благодаритъ за хлѣбъ и кладетъ его на столъ, а зятя угощаетъ водкою. Поднося рюмку съ водкою говоритъ: „милосты просю, Ивановичъ, откушать". А зять говоритъ: — „А я вашей милосты просю".—Отецъ выпиваетъ, а ему наливаетъ другую, онъ такимъ образомъ, какъ и отца, проситъ мать и всѣхъ близкихъ родныхъ невѣсты, а послѣ всѣхъ выпиваетъ самъ и уходитъ изъ хаты во дворъ къ молодежи, гдѣ между говоромъ и смѣхомъ слышны звуки гармоники, вѣрно исполняющей комаринскую. Въ скорости послѣ жениха приходятъ старосты, перевязанные черезъ плечо полотенцами, и сваты съ женатыми сыновьями и замужними дочками. Поздоровавшись, гостей просятъ сѣсть въ красный уголъ. Потомъ входятъ женихъ, невѣста и дѣвушки. Молодыхъ ставятъ рядомъ посреди хаты, зажигаютъ свѣчи у образовъ, снимаютъ икону, благословеніе невѣсты, и начинаютъ благословлять. Послѣ благословенія, женихъ съ старшимъ бояриномъ са-

дятся за столъ, а невѣста начинаетъ давать подарки свекру, свекрови, жениху и родимъ со стороны жениха. Потомъ невѣста подчуетъ всѣхъ водкой и виномъ, поднося всякій разъ тарелку съ налитыми рюмками жениху, женихъ молча кланяется и этимъ даетъ знакъ, чтобы она сначала подносила отцу, матери и роднымъ. Послѣднюю рюмку выпиваетъ женихъ. Каждый, кому подноситъ невѣста рюмку водки или вина, даритъ ее деньгами, а свекровь даритъ ей ситцу на платье. Когда невѣста начинаетъ давать подарки, дѣвушки поютъ:

„Не просватуй, мий батенько,
Свита мини молодий не завязуй.
— Не завяжу, на другу нидиленьку
тай одложу.
— Чи я тоби, мий батенько, надокучила?
— Ны ты мини надокучила,
А твои старостенькы надокучилы.
Та за ными похоляча,
Воритечки зачиняючи,
И выконци затуляючи,
И словечко промовляючи".

Или поютъ:

„Чи зумиишь, моя ненько,
Мои змовыты нитки,
Въ личи затопыть,
Водыци принесть,
На кладочку сходыть
И свекорку угодыть.
Синички мои рубленые,
Теперь вы не будете метеные,
А въ свекорка хоть заплетени,
Та будуть—що дня метены".

Послѣ жениха, невѣста угощаетъ своихъ подругъ, а потомъ ее заводятъ за столъ, садится она рядомъ съ женихомъ, а возлѣ нея подруги. Отецъ невѣсты начинаетъ угощать невѣстину родню, послѣ этого подаютъ ужинъ, состоящій изъ борща, лапши, жареной баранины и молошной каши. Ужинаютъ только старосты, сваты и родичи, а женихъ, невѣста и дѣвушки идутъ къ сосѣдкѣ и варятъ у нея вареники, сюда приходятъ паробки, которые приносятъ водки къ ужину. Послѣ ужина жениховъ отецъ всю компанію проситъ къ себѣ, гдѣ гуляютъ всю ночь.

Дружбины (вечерины).—Они бываютъ подъ день свадьбы. Въ этотъ день съ утра у жениха и невѣсты пекутъ „шишки",— маленькіе калачи. Для приготовленія шишекъ приглашаютъ женщинъ, такъ какъ ихъ пекутъ очень много. Невѣста-же идетъ звать къ себѣ подругъ, которыя должны убрать ей косу гарусомъ и лентами. Придя съ подружками домой, невѣста одѣвается въ лучшее платье, садится посреди хаты на скамьѣ, а дѣвушки на лавкахъ и мать начинаетъ чесать ей волосы. Дѣвушки поютъ:

„Ой, тыхо тыхо Дунай воду гоне,
А й ще тыхше Явдошка косу чеше.
А вона чеше, зрыдае, та на Дунай пускае.
Ой, плывы коса, плывы руса
До свекора въ двиръ просто.
Ой, слухай, послухай
Шо свекорко говоре.
А свекорко каже: „добрая годынка,
Иде до мене чужая дытынка,
Ны зобуваръ, ни зодягавъ,
Е кимъ замышляты!"
А батенько каже: „лыхая годынка,
Яжъ и зобувавъ, яжъ и зодягавъ,
Та нимъ замышляты!"—

Во все время этой пѣсни мать и дочь плачутъ. Мать разчешетъ и заплететъ косу, а дѣвушки уберутъ ее лентами, голову повяжутъ лучшимъ платкомъ, а поверхъ платка надѣнутъ вѣнокъ изъ искуственныхъ цвѣтовъ. Потомъ невѣста надѣваетъ „халатъ", а мать подвязываетъ ее вышитымъ полотенцемъ, причемъ дѣвушки поютъ:

„Маты Явдошку рослыла,
И мисяцемъ обгородыла,
Рушныкомъ пидперезала,
По дружки послала".

Послѣ этого дѣвушки уходятъ; старшая дружка, „шаферина", носитъ шишки, раздаваемыя невѣстою роднымъ и знакомымъ. Проходя по улицамъ, дѣвушки поютъ разныя пѣсни:

1) „Горохъ по горози,
Мий батько въ дорози
Винъ того не знае,
Що дочка гадае,
А дочка гадае,
Дружечекъ сбырае".
2) „Ой скоры, скоры сороки,
Низьки поклоны,
Девгенькій носокъ кулычекъ,
Чи далеко чуть дружечекъ".

Проходя по улицамъ, дѣвушки заходитъ къ роднымъ, знакомымъ, а также въ дома мѣстной интеллигенціи, подходя ко двору дружки поютъ:

„Обмытайте дворы,
Застилайте столы,—
Дружечки идутъ
Молоду ведутъ".

Невѣста съ старшей дружкой входятъ въ домъ или хату, а остальныя дѣвушки остаются за дворомъ. Входя, невѣста крестится и кладетъ три земныхъ поклона къ образамъ, потомъ кланяется хозяину и хозяйкѣ, каждому по три раза, и говоритъ:—„просывъ батько, просыла маты и я просю на дружбыны"! Даетъ каждому по шишкѣ и уходитъ. Отходя отъ двора, дѣвушки поютъ:

„Спасибо за дружку,
За вийи послужку,
За пани панечки,
За вашы дружечки".

Послѣ всѣхъ невѣста идетъ къ своей будущей свекрови; подходя къ ея двору, дѣвушки поютъ:

„Ой, матенько ютко,
Ворочайся прутко,
Сонычко низенько,
Дружечки близенько
Сонычко ще нижче,
Дружечки ще ближче“!

Свекровь угощаетъ всѣхъ водкой, даетъ по шишкѣ и затѣмъ дѣвушки уходятъ и поютъ:

„А мы у свекрухы були,
Горилочки ни чарочки ны пылы!

Уже въ сумеркахъ невѣста съ дружками идетъ домой. Къ этому времени собираются родные и сосѣди. Невѣсту заводятъ за столъ, а дѣвушки поютъ:

„Та йде Явдошка на посадъ,
Та зустрина ий Господь Богъ,
Съ долею счастливою,
Съ доброю годыною“!

И садятся возлѣ невѣсты за столомъ. Отецъ угощаетъ ихъ водкой; первой подноситъ невѣстѣ, она отказывается, отецъ выпиваетъ самъ, а потомъ вторично подноситъ невѣстѣ, она выпиваетъ и начинаетъ угощать своихъ подругъ. Такимъ же образомъ и мать подчуетъ невѣсту, а невѣста дружекъ. Дѣвушки поютъ:

„Ой рясна, красна колынонька въ лузи,
Ряснише, краснише Явдошкинъ посадъ,
Явдошкинъ посадъ дружечки красять.
По виконицямъ анголи сидять,
На дверичкахъ самъ Господь стоить,
Доленьку дае.
А передъ столомъ батенько частуе,
Счастемъ даруе.
Отгадай донько—чия доля лучшая:
Чи Божая, чи батенькова?
Божая доля—доля лучшая,
Чимъ батенькова,
Божая счаслыва,
Батенькова вроллыва“!

Если невѣста сирота, то еще поютъ:

„Явдошкина ненька стоить
На передъ Господа Бога,
На вхрестъ ручки держить.
Та спусты мене, Боже, зъ неба на землю,
Подывлюсь я на свое дитятко
Чи хороше зряжено,
Чи въ часъ-то посажено.
Та зряжено, якъ панынятко,
Сыдыть, якъ сыротятко,
Та зряжено, якъ квиточка
Сыдыть воно, якъ сиротечка“.

Возлѣ печки на дижѣ, кадкѣ съ крышкою, четыре женщины лѣпятъ „коровай“, „калачъ“ и „лежень“ и, когда дѣвушки окончатъ свои пѣсни, бабы поютъ:

„Хороши коровайныци,
Хорошо коровай лыплять,
Сыромъ накладають,
Масломъ полывають.
Горщикъ масла,
Дижка сыра,
Та все на коровай“.

Когда коровай, калачъ и лежень посадятъ въ печь, тогда коровайницы носятъ дижу и поютъ:

„Стоить пичь на сохахъ,
Носять дижу на рукахъ.
Пече дижа, пече“!

При послѣднемъ словѣ дижу подбрасываютъ вверхъ и цѣлуются. Каравайницъ угощаютъ водкой, ужинаютъ и расходятся. Такія же дружбины бываютъ и у жениха.

Свадьба. Отъ вѣнца молодые, старшій бояринъ, дружка и поручители идутъ къ невѣстѣ обѣдать. Послѣ обѣда расходятся по домамъ, а невѣста съ старшей дружкой идетъ собирать дружекъ и, собравшись, поютъ:

„Схылнлася верба сверху до корыня,
Винчалася Явдошка зъ ранку до полудня!

Пипъ винчавъ, небогато взявъ,
Пивзолотого, коня вороного,
Ще й мало!—

Погулявши, дѣвушки идутъ къ какой-нибудь родственницѣ подальше отъ своей хаты, чтобы не знали, гдѣ именно онѣ находятся. А женихъ вмѣстѣ съ боярами ѣдетъ кататься верхомъ или на тройкахъ. Верховые ѣдутъ одинъ за другимъ, одѣтые въ черныя чинарки, подпоясаны, красными купаками; у бояръ на шапкахъ съ лѣвой стороны приколоны розетки изъ красной ленты. Если на тройкахъ,— то сбруя на лошадяхъ убирается красными лентами, дуга обвивается краснымъ поясомъ. На одной тройкѣ садятся женихъ и бояре, а на другой „свитилка“ и „свашка“, кто-нибудь держитъ „гильце“—сосну, убранную цвѣтными лентами, калиной, бумажными цвѣтами. Во время катанья свашки и свитилки поютъ:

„Ийздыли бояре улицами кисными,
Вырвалы квиточку голубую,
Пилманулы Явдошку молодую“.—

Подъѣзжая къ церкви, „поѣздъ“ останавливается, женихъ и старшій бояринъ на паперти у западныхъ дверей кладутъ по три земныхъ поклона и по копѣйкѣ денегъ. Поѣздъ катается до захода солнца, а потомъ ѣдетъ ко двору невѣсты, гдѣ его не пускаютъ до тѣхъ поръ, пока бояре не угостятъ водкой, когда поѣздъ въѣдетъ во дворъ, „подружій“,—братъ невѣсты или родственникъ съ ея стороны, идетъ искать невѣсту; узнавъ это, дружки съ невѣстой начинаютъ прятаться, перебѣгая изъ хаты въ хату. Прійдя домой съ невѣстой и дружками, подружій становится на порогѣ хаты и говорятъ:—„Господы Іисусе, сыне Божій, помилуй насъ“; а старосты, сваты и гости, собравшіеся къ этому времени сидятъ въ хатѣ и кто нибудь изъ нихъ отвѣчаетъ: „аминь“. Поддружій продолжаетъ: „староста паны-

пидстароста", тѣ говорятъ:—„до кого"?—„до вашого здоровья".—„А мы ради слухать"! Поддружій говоритъ: „благословить Богу и отцю, неньки поклонищьци." Тѣ отвѣчаютъ:—„Богъ благословить и мы благословляемъ".—И въ другой разъ, и въ третій разъ, старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ". Невѣста входитъ въ хату, кланяется къ образамъ три раза, потомъ отцу, матери и близкимъ роднымъ. Дѣвушки поютъ:

„Кланяйся Ядошка
Напередъ Господу Богу,
Отцю, неньци въ ногу,
Въ нижечки низенько,
Серденько близенько,
Нижечки ще нижче,—
Дружечки ще ближче".

Когда невѣста поклонится всѣмъ роднымъ, тогда поддружій возвышаетъ голосъ и говоритъ: „Староста панышидстароста"!—„До кого?"—„До вашого здоровья,—благословить молоду княгиню за столъ завесты." Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ." Тогда поддружій подаетъ невѣстѣ конецъ носоваго платка и три хлѣба, а другой конецъ платка держитъ въ своей рукѣ и ведетъ молодую за столъ, а за нею дѣвушки, которыя поютъ:

„Та йде Ядошка на посадъ", и т. д.

Невѣста садится подъ образами, хлѣбы кладетъ на столъ, а дѣвушки садятся съ лѣвой стороны и поютъ:

„На посади систы
На суженому мисци".

Заведя невѣсту за столъ, поддружій выходитъ изъ за стола. На столѣ, накрытомъ скатерью, лежитъ коровай (большой калачъ), въ которомъ воткнуто тильце, и калачъ (меньше коровая), на немъ лежитъ двѣ деревянныхъ ложки, связанныя лентой. Калачъ украшаютъ калиной. Когда жениха угостятъ водкой передъ порогомъ хаты, то дружко, братъ его, или хорошій знакомый становится на порогѣ хаты и говоритъ: „Господи Іисусе и т. д. благословить молодого князя за столъ завесты". Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ". Въ это время невѣста наклоняетъ голову до самого стола, къ головѣ ея ставятъ калачъ и покрываютъ платкомъ, а дѣвушки поютъ:

„Глянь ты, Ядошко, кризь калачъ
Карымы очима, тай не плачь,—
Ось твій иде, размай русу косу
По червоному поясу,
По тій части трахти,
По зелений запасци".—

При концѣ пѣсни платокъ снимаютъ, а дѣвушки поютъ:

„Ой у саду соловейко защебытавъ
Петрушка Явдошку поцилувавъ“.

Въ это время женихъ и невѣста цѣлуются. Дѣвушки поютъ:

„Литилы галочки у тры рядочки,
А зозуля попереду,
Вси галочки сили у дружечкамъ,
А зозуля на калыни.
Шли дружечки рядочкомъ,
А Явдошка попереду,
Галочки закрычалы;
А дружечки заспивали,
А Явдошка заплакала;
Дружечки сили по галочкамъ,
А Явдошка на посади.
На посади систы
На суженому мисци“.

Потомъ начинаютъ пришивать къ жениховой шапкѣ, или фуражкѣ, розетку, за это подносятъ рюмку водки и шишку, а потомъ отецъ начинаетъ подчивать своихъ старостовъ и даетъ каждому по шишкѣ. Невѣстина сестра, пришивая квитку, или розетку поетъ:

„Чого зять засупротывився,
Чемъ на мене не подывисся?
Чи ты мене нышкомъ лаешь,
Що на мене не поглянешь?
Ой зятю хороши,
Готовь копу грошей
Ты жъ копою не отбудешь,
Хиба мини жупанъ купышь.
Казалы люды зять богатъ,
Та казалы люды грошей михъ,
Та дае копийку, якъ на смихъ“.

Потомъ матери невѣстиной отъ зятя даютъ въ подарокъ сапоги; получивши ихъ, она поетъ:

„Ой чоботы, чоботы вы мои,
Чемъ дила не робите вы мини!
Оце жь тии чоботы шо зять давъ,
А за тии чоботы дочку взявъ.
Повисыла чоботы на килокъ,
Сама пишла гуляты у шынокъ.
Высять мои чоботы скрыпучи,
А я иду изъ рички плачучи.
А за ту прокляту шкапыну,
Отдала я ридную дытыну“.

Дружки поютъ, обращаясь къ свашкамъ:

„Наша Явдошко душечко,
Чи писни спиваты,
Чи свашки прохаты.
Свашечко, свитыночко,
Биле лычко, заспивай намъ писеньки,
Хоть одни веселои“!

Свашкы отвѣчаютъ:

„Дружечкы, голубочки,
Ни смиемо, ни вмиемо,
Далекъ переиздъ, далека дорога;
И шо вмилы, перепилы,
И шо знаты, позабувалы,—
Спивайте самы“!

Послѣ этого дружко вноситъ на тарелкѣ очипокъ и говоритъ: „Господи Іисусе и т. д. благословить, мы по чужымъ жонамъ покрасу маемъ и собѣ желаемъ“. (Это повторяетъ онъ три раза). Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Тарелка съ очипкомъ ставится на столъ и дѣвушки поютъ:

„Шось тоби внесено,
На стилъ положено,
Якъ билъ билесеньке,
Якъ гай зеленесеньке!
Ца парчъ неленюча,
Всимъ дивчатамъ нымынуча“.

Потомъ свашки, замужнія молодыя женщины, одна со стороны жениха, другая со стороны невѣсты,—заходятъ за столъ, снимаютъ вѣнокъ съ невѣсты, расплетаютъ ей косу, а дѣвушки поютъ:

1) „Насиляла Явдошка натидокъ,
Не вродылысь натидки,
Та вродылысь полуныци,
Мынулысь твои досвитки и вечерныця“.

2) „Якъ бы мы схотилы,
Такъ мы бъ розвиртилы,
Дивкою бъ нарядилы,
Съ собою посадилы“.

Какъ расплетутъ косу, надѣнутъ парчевый очипокъ, такъ и начинаютъ покрывать, причемъ одна свашка надѣваетъ на голову шапку жениха, а другая кладетъ на голову ленты изъ косы невѣсты, берутъ кусокъ кисеи аршина $1^1/_2$ и, держа за противоположные концы, то подымаютъ, то опускаютъ надъ головами молодыхъ и поютъ:

„Покрыванка плаче,
Покрываться хоче,
Не такъ покрывацьця
Якъ намъ поцилувацьця“.

Цѣлуются и обмѣниваются шапкой и лентами три раза. Покрывши поверхъ очипка, завяжутъ невѣсту этой кисеей, причемъ невѣста плачетъ. Послѣ этого она начинаетъ подчивать своихъ подругъ въ послѣдній разъ, прощается, плачетъ, а дѣвушки поютъ:

„Прошло твое ливованье
По столу, та по ослону
Медъ вино попиваючи,
Дивованье спомынаючи!

Дѣвушки уходятъ и поютъ:
Та прощай, прощай,
Явдошко, та вже мы йдымо
За собою дивованье
Тай занесемо“!

Подойдя къ окну дѣвушки стучатъ и поютъ:

„Беры гребень, Явдошко,
Та дныще,
Та йды на вычырныци“.

А за дворомъ поютъ:

„За воритечкамы
Чырвона калына стояла,
А на тий калыни
Сыва зузуля кувала,
Вона ны кувала,
Правдоньку казала“!

Послѣ этого молодыхъ везутъ къ свекру.

М. М. Иннокова.

6.—Сл. Каменка.

Изъ прошлаго.—Разбойникъ Крупка.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Болѣзни и ихъ лѣченіе.—Занятіе.—Религіозность.—Нравственность.—Вечерницы.—Свадебные обряды и пѣсни.—Народный календарь.—Сказки и пѣсни.

Слобода наша расположена на ровномъ мѣстѣ. Съ западной и сѣверо-восточной стороны ее окружаютъ песчаныя, каменистыя и мѣловыя горы, а съ юго-восточной и южной стороны—равнина, на которой крестьяне сѣютъ хлѣбъ. Камень, добываемый изъ горъ, идетъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, церковныхъ оградъ, стѣнъ, сараевъ и т. п. Подъ горой протекаетъ рѣка—Каменка, берущая начало въ концѣ этого села изъ горы. Рѣка мелка и маловодна, почему и рыба въ ней не водится; впадаетъ она въ р. Айдаръ въ сл. Осиновой, находящейся въ 25 в. Въ давнее время на западной сторонѣ Каменки были дремучіе лѣса, въ которыхъ водились дикіе кабаны, олени и дикія козы; теперь же лѣса представляютъ незначительные кустики, которые со временемъ вовсе уничтожатся. И теперь уже вырываютъ корни оставшихся пней. Лѣса—хранители водъ, а потому рѣка была прежде многоводнѣй и въ ней водилась рыба. Каменка получила свое названіе отъ множества камня, добываемаго въ горахъ. Она находится отъ Старобѣльска въ 55 в., отъ Харькова въ 250 в., отъ торговой сл. Бѣловодска въ 50 в., отъ торговой сл. Кантеміровой въ 35 в., куда проходитъ вѣтвь желѣзной дороги и гдѣ устраивается элеваторъ. По разсказамъ нѣкоторыхъ, въ лѣсахъ было много разбойниковъ, которые не давали проходу ни конному, ни пѣшему. Цѣлые обозы они раззоряли,—людей убивали, а добро забирали себѣ. Изъ разбойниковъ особенно помнятъ Крупку. И до сихъ поръ еще есть холмы подъ названіемъ „Крупкины могилы", образовавшіеся отъ земли, насыпанной надъ землянками, въ которыхъ жилъ Крупка. Онъ жилъ въ лѣсу подъ сл. Марковкой почти самъ, а свиту свою разсылалъ по разнымъ дорогамъ. Если онъ не могъ одолѣть

самъ прохожихъ или проѣзжихъ, то свисткомъ давалъ знать другимъ, которые налетали со всѣхъ сторонъ на помощь.

Всѣ жители были кирасирами, и особенно помнятъ завѣдывавшаго ими пана Сугака, который, по разсказамъ, былъ человѣкъ злой, часто употреблялъ въ наказаніе розги, за что его называли мучителемъ.

Въ Каменкѣ было уже четыре холеры, за память одной 80-лѣтней старухи, которая мнѣ говорила объ этомъ; 60 лѣтъ назадъ былъ въ Каменкѣ „голодный годъ", когда люди ѣли полову, крейду, лупу съ проса и проч.

Жителей $3^1/_2$ тысячи. Большая часть—малороссы. Цвѣтъ кожи бѣлый, глаза по большей части сѣрые, пріятные, носъ ровный. Волосы мужчины подрѣзываютъ кругло по брови; женщины и дѣвушки носятъ длинные волосы, заплетенные въ косы. Всѣ мужчины носятъ бороду и усы. Молодые парни часто бороды брѣютъ. Есть великороссы въ маломъ количествѣ; они называютъ себя русскими, а малороссы—москалями; живутъ здѣсь также турки, —которыхъ прислали сюда послѣ Севастопольской войны на время, т. е. пока за нихъ будетъ полученъ выкупъ, но они просили оставить ихъ здѣсь навсегда, что и было исполнено. Ихъ надѣлили землей, приписали къ крестьянскому сословію. Они отличаются смуглой кожей, большимъ толстымъ носомъ, суровымъ взглядомъ и сердитымъ характеромъ. Ихъ было всего нѣсколько семей; современемъ они переродятся, такъ какъ вступаютъ въ бракъ съ туземными жителями, и теперь уже настоящаго турка не отыщешь, развѣ найдешь какую нибудь отличительную черту въ характерѣ или въ наружности. Отношенія малороссовъ и великороссовъ дружелюбныя. Изъ 164 фамилій по ревизіи 1858 года 25-го сентября обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія фамиліи: Бруховецкій, Бѣлянскій, Гужвинскій, Дворецкій, Житайло, Землянскій, Зикраневъ, Краснянскій, Каруна, Татарчуковъ, Трояновскій, Шкурапатскій.

Къ Камянской волости причислены, лѣтъ семь назадъ вновь образовавшіеся хутора: Чикирячинъ, Терновскій, Кабанскій, Поповскій и Новоглуховскій хутора. Въ нихъ были поселены безземельные солдаты, служившіе за Императора Николая I-го изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній. Въ Каменкѣ кирасир-

ская земля, отобранная въ казну, сначала отдавалась въ аренду крестьянамъ и купцамъ, теперь же на ней поселены упомянутые солдаты, которымъ надѣлили по $4^1/_2$ дес. на душу. Каменскіе крестьяне обѣднѣли потому, что у нихъ мало пахатной земли, а сѣнокосной и вовсе нѣтъ.

Языкъ малороссійскій, съ примѣсью литературнаго. Малороссійскій языкъ болѣе выражается въ грубой или дерзкой формѣ рѣчи, напр., „я тебэ якъ мазну́ по пи́ци“ (по лицу), а литературный—въ ласковой формѣ; напр., „моя дѣточка манэ̀сенька“. Вмѣсто овса говорятъ вивса, жена—жи́нка, ледъ—ли́дъ, синяго сынёго, зеленый—зэлэ̀ный, его—ёго́, въ соборѣ—въ собори, тополя—тополи, ангелъ—анголъ, одинъ—оды́нъ. Звукъ *и* почти всегда выговаривается *ы*; серьги—сэ̀ргы, сэрэ̀жкы, дѣти—ди́ты; говорятъ: хорошо—гбжо, гоже́нько, огурцы—огиркы, видѣлъ—бачивъ, Андрей—Андрій. Послѣ гортанныхъ произносится *ы*, напр. кы́слый, нехорошо-гы́дко.

Великороссій языкъ отличается вообще растяжимостью рѣчи и особымъ, не поддающимся перу, выговоромъ. Вмѣсто голова говорятъ—golова, хорошо—харашо́, огурцы—agурцы́, того—таво́, или—а́ли, идетъ—иде́ть, овесъ—аве́съ, зеленый—зялёный, медовый—мядо́вый, большущій—большушшій, дубъ—дунъ, повѣрьте—павѣрьтя, пшеница—пшани́ца, еще—ишшо, глубока—glыбако́, себѣ—са́бе́, тебѣ—табе́, его—яво, кого—каво́, того—таво́, Россія—Ра́ссе́я, пойди—пади, тамъ-то—тамъта, теперь—тепе́рича. „Те́тушка мая́, безъ Бо́жьяго дозволе́нія и во́лосъ съ golовы́ не упаде́ть“, „ня зна́ во́нъ ничаво́“. Привожу великорусскую пѣсню.

„Свѣтитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Былъ спокойный вѣтерокъ;
Вдругъ подвѣяло волной,
Принесло съ моря челнокъ.
Въ челнокѣ сидитъ малютка,
Тяжко править онъ весломъ.
Мнѣ малютку жалко стало:
Сѣлъ я въ лодку, взялъ весло.
Тонкій парусъ распустили,
Мы стрѣлою пашели,
Вдоль по рѣчушкѣ помчались.
Съ потишеньемъ быстрыхъ рѣкъ,
Приплывали къ бережочку,
Край зяленаго лужка.
Какъ по етихъ во лужечкахъ
Стоять дѣвки во кружку,
Поютъ пѣсни харашо“.

Народъ читаетъ съ удовольствіемъ сказки, нѣкоторыя повѣсти, но предпочитаетъ читать псалтирь, Евангеліе и вообще книги духовно-нравственнаго содержанія, которыя покупаетъ на

свои средства у книжныхъ разнощиковъ и на ярмаркахъ. Читаетъ также книги, которыя даются въ школѣ ученикамъ.

Избы строятся въ рядъ одна подлѣ другой, такъ что улицы выходятъ довольно ровныя и каждая изъ нихъ имѣетъ какое нибудь названіе. Ровныя улицы крестьяне называютъ „планомъ". Избы бываютъ деревянныя, мѣловыя и глиняныя; кроются соломой или камышомъ. Прежде избы дѣлались очень просто: громадныя сѣни, отъ которыхъ въ одну сторону шла одна комната, а въ другую другая, и выходило двѣ комнаты черезъ сѣни, у бѣдныхъ же одна комната и большія низкія сѣни; да и вообще избы были низкія. Теперь хаты строятся въ двѣ—три комнаты съ высокимъ досчатымъ крылечкомъ; часто большая комната дѣлится досчатой перегородкой на двѣ, въ которой дѣлается и дверь. Прежде рубилось 3—4 окна въ избѣ, а теперь 5—7 довольно большихъ, сравнительно, оконъ. Въ главной комнатѣ посрединѣ стоитъ столъ, вокругъ него лавки, у бѣдныхъ безъ спинокъ, а у богатыхъ съ рѣшетчатыми спинками, на подобіе диванчиковъ. У одной стѣнки, такъ называемый „пилъ", служащій вмѣсто кровати и устроенный очень незатѣйливо: нѣсколько кольевъ, вбитыхъ въ землю, на которые положены доски. На этомъ „полу" всегда въ углу стоитъ сундукъ, а днемъ кладется верхняя одежда, какъ то: тулупы, поддевки, платки, шапки. Въ главномъ, красномъ углу ставятся иконы, межъ которыми вѣшаютъ въ большіе праздники вышитые рушники числомъ 6—10, а въ будни 3—2. У бѣдныхъ въ праздники вѣшаютъ 3—2 рушника, а въ будни совсѣмъ не вѣшаютъ. Когда у нихъ бываетъ веселье, „рада", или же „бесѣда", то въ главный уголъ сажаютъ за столъ почетныхъ дорогихъ гостей. Печь имѣетъ особое значеніе во время свадьбы; около нея сидятъ почетныя женщины и старухи, родныя или близкія жениха и невѣсты. Дворъ обносится плетнемъ или каменной стѣной. Надворныя постройки ставятся такъ, что дворъ выходитъ четыреугольный. Близь воротъ или же въ концѣ хаты ставится сарай—„повитка", въ которомъ женщины осенью приготовляютъ коноплю для пряжи, а мужчины занимаются домашнимъ плотничествомъ; за нимъ кошара и загорода для скота. Противъ дома въ нѣкоторомъ разстояніи—амбаръ, дальше—„пашенный

хливъ" каменный или мѣловой, служащій вмѣсто кладовой, а у бѣдныхъ вмѣсто амбара; дальше погребъ подъ навѣсомъ или же выходной. Ставни раскрашиваются разной краской; печь тоже раскрашивается синькой; иногда и стѣны главнаго угла украшаются раскрашенными цвѣтами. Въ кухнѣ находится передняя часть печи, а вся печь выходитъ въ главную комнату. Рѣзьба встрѣчается очень рѣдко и только на деревянныхъ перегородкахъ въ главной комнатѣ. Надписей на сволокахъ нѣтъ никакихъ, а есть сволоки немазанные, но мытые. Можно найти хатъ пять съ мытыми стѣнами и сволоками. Курныхъ избъ нѣтъ.

Праздничная **одежда** мужчинъ состоитъ изъ такъ называемыхъ „чинарокъ" черкесиновыхъ, мельтоновыхъ, у богатыхъ—суконныхъ; молодежь сверхъ чинарокъ надѣваетъ красные, синіе, зеленые пояса. Всѣ носятъ подъ чинарками жилетки плисовыя или мельтоновыя; шаровары у всѣхъ широкіе, вбираются въ сапоги. Въ будни,—вмѣсто чинарокъ и разноцвѣтныхъ поясовъ, надѣваютъ „свытынки" изъ сукна домашней работы. Въ холодное время, сверхъ описаннаго костюма, надѣваютъ свитки, зимою полушубки; молодежь сверхъ полушубковъ—пояса. Въ теплое время всѣ на головѣ носятъ картузы, а зимою шапки, капелюхи. Женщины и дѣвицы носятъ ситцевыя, шерстяныя кофточки, юпки, а на ногахъ полусапожки, у бѣдныхъ же сапоги; а женщины сверхъ такого костюма надѣваютъ въ церковь „халаты" черкесиновые, мельтоновые и суконные, а когда станетъ холодно, то и дѣвушки надѣваютъ халаты. Въ будничные же дни носятъ запаски, шитыя, какъ юбки, со сложенными сзади складками; эти юбки шьютъ изъ сукна собственнаго издѣлія. Зимой сверхъ этихъ одеждъ надѣваютъ кожухи бѣлые или крытые черкесиномъ, сукномъ. Женщины въ праздники носятъ на головѣ очипки изъ парчи, а сверхъ очипковъ шелковые или шерстяные платки, старыя—черные платки. Дѣвки въ праздники голову повязываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ такъ, что макушка головы остается неповязанная, а сверхъ платка—вѣнки изъ разнообразныхъ цвѣтовъ, въ косѣ шелковыя ленты. Въ будничные дни цвѣтовъ и лентъ почти не носятъ. Изъ старинныхъ одеждъ остались плахты, вродѣ юбокъ, изъ шелковой, шерстяной матеріи въ клѣтку. Плахты не сшиваются, какъ

юбки, а просто берутъ кусокъ матеріи аршина въ $2^1/_2$ длины и оборачиваются имъ. Городское вліяніе сказалось въ появленіи шелковыхъ, шерстяныхъ платковъ и такихъ же юбокъ, лентъ чисто-шелковыхъ одноцвѣтныхъ, а не пестрыхъ, пальто, штиблетъ, чулокъ и т. п. Цѣна кожуха отъ 10—15 р., сапоговъ мужскихъ отъ 5—7 р., а женскихъ отъ 3—4 р., штиблеты $2^1/_2$—3 р., женскія парочки—платья отъ $2^1/_2$—4 р.; платки отъ 1—5 р., шапки отъ 50 к. до 3 р., картузы отъ 40 к. до $1^1/_2$ р.; поддевки 4—10 р.; полушубки 7—20 р.

Въ урожайный годъ **пища** бѣдныхъ въ скоромные дни состоитъ изъ хлѣба изъ ячменной или житной муки, борща съ саломъ, каши пшонной, гороха, изрѣдка фасоли; картофель постоянная пища. Въ праздничные дни добавляются пироги съ картофелемъ или прѣсные блины. Въ постные дни бываетъ такая же пища, часто безъ масла, а въ праздничные дни добавляются пироги съ горохомъ, картофелемъ и безъ масла, или же пампушки, обмоченные въ водѣ, разведенномъ разсолѣ. Въ плохой же годъ ѣдятъ одинъ хлѣбъ, и въ немъ часто ощущается недостатокъ. Осенью пища улучшается, благодаря овощамъ, въ хлѣбѣ и въ картофелѣ чувствуется меньшій недостатокъ; рѣжутъ овецъ, скотъ и варятъ борщъ съ мясомъ. Богатые ѣдятъ хлѣбъ изъ пшеничной или ржаной муки, борщъ съ курицей, съ мясомъ, иногда съ саломъ; картофель съ постнымъ или скоромнымъ масломъ, кашу съ молокомъ; въ постные дни употребляютъ ту же пищу, только на постномъ маслѣ. Въ праздничные дни добавляются блины съ масломъ, каша молочная, орѣшки съ саломъ или масломъ, или лапша съ мясомъ. Городское вліяніе замѣтно въ приготовленіи жаренаго мяса и картофеля. Освѣщаются керосиномъ.

Изъ **болѣзней** наиболѣе свойственна нашей слободѣ сибирская язва на людяхъ. Ее лѣчатъ домашними средствами такимъ образомъ: берутъ немятые листы простого табаку—махорки и варятъ съ молокомъ, а когда молоко закипитъ, берутъ эти листы и горячія прикладываютъ къ больному мѣсту. Средство это помогаетъ. Кромѣ того еще и шепчутъ. Имѣются коновалы и знахари, лечащіе скотъ. Лошадей отъ перелоговъ лечатъ шептаніемъ, а внутрь даютъ соль съ „сиривцемъ", т. е. квасомъ.

Отъ опоя знахарь пробиваетъ около копыта въ задней части ноги жилу, изъ которой вытекаетъ кровь непродолжительное время. Это средство помогаетъ, если немедленно обращаются къ знахарю. Если скотъ болѣетъ „на ротъ", то ротъ мажутъ дегтемъ, синимъ камнемъ, если „на ноги", то—дегтемъ съ синимъ камнемъ. Скотъ вообще лечатъ шептаніемъ, рѣжутъ ухо и проч. Въ эпидемическихъ болѣзняхъ обращаются къ мѣстному фельдшеру, часто къ докторамъ.

Крестьяне знаютъ много травъ и собираютъ ихъ въ маѣ вообще или на „Семена" и употребляютъ при различныхъ болѣзняхъ. Отъ рѣзи въ животѣ рвутъ луковки, которыя растутъ при корняхъ созрѣвшихъ подсолнуховъ, настаиваютъ ихъ на водкѣ и пьютъ. Щебрецъ настаиваютъ, какъ чай, и пьютъ на ночь отъ кашля. Стоголовникъ настаиваютъ и парятъ имъ голову, чтобы она не болѣла. Ранникъ, онъ-же подорожникъ, накладываютъ на раны. Холодную мяту пьютъ отъ тошноты и простуды. Отъ простуды еще употребляютъ: ромашку, шалфей, чай. Желтые цвѣты и гвоздики желтыя пьютъ отъ „желтеницъ". Отъ боли въ животѣ еще употребляютъ деревей, и отъ лихорадки настаиваютъ на чемъ нибудь полынь и пьютъ. Быныха,—сильная опухоль какой нибудь части тѣла, лѣчится шептаньемъ.

Главное **занятіе** жителей—земледѣліе; оно прежде процвѣтало, такъ какъ почва отличалась большимъ плодородіемъ, а теперь хлѣбныя растенія родятся плохо и жители часто терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Изъ прежнихъ садовъ очень мало уцѣлѣло, а новыхъ не заводятъ по безплодію почвы и вслѣдствіе того, что отъ разлива рѣки молодыя деревья вымокаютъ. Въ прежнее время многіе занимались пчеловодствомъ, а теперь это занятіе почти совсѣмъ оставлено, какъ убыточное. Въ настоящее время больше развелось ремесленниковъ: сапожниковъ, портныхъ, кожевниковъ и горшечниковъ. Сапожники и портные занимаются этимъ ремесломъ только для себя, исключая нѣкоторыхъ, профессіонально занимающихся этимъ ремесломъ и берущихъ чужую работу. Кожевники, выдѣлывающіе овчины и шьющіе тулупы, всегда занимаются своимъ ремесломъ и берутъ чужую работу.

Настроеніе народа **религіозное**. Во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ обращаются съ молитвой къ Богу, служатъ молебны, во

время болѣзней маслособоpуютъ не только взрослыхъ, но и юношей; много молятся за умершихъ и живыхъ на проскомидіяхъ и панихидахъ. Церковь всегда полна молящимся народомъ, Изъ наиболѣе чтимыхъ иконъ особенно отмѣчается образъ Варвары Великомученицы; почему такъ чтятъ этотъ образъ, никто не могъ мнѣ сказать. Въ этотъ день, 4-го Декабря, служатъ много молебновъ, бываетъ большая панихида за убіенныхъ воиновъ. Начиная съ весны и до созрѣванія хлѣба ходятъ по полямъ раза 4-5 и молятся объ урожаѣ. Во время холерной эпидеміи, нѣсколько разъ съ хоругвями ходили вокругъ деревни, молясь о прекращеніи болѣзни. Каждаго странника принимаютъ съ почетомъ, не спрашивая кто онъ и откуда, и никому не позволятъ его обидѣть.

Источникомъ мѣстнаго образованія служитъ народная земская школа, въ которой крестьяне относятся съ усердіемъ. Всѣ наперерывъ спѣшатъ приводить дѣтей въ школу, каждый заботится, чтобы ребенокъ былъ грамотный; къ учительницѣ относятся хорошо и дорожатъ ею.

Нравы ухудшаются, нѣтъ уже прежней прямоты, искренности, а развивается хитрость. Женщина въ семьѣ мать и хозяйка. Въ обществѣ она, если вдова, то можетъ присутствовать при народныхъ сходкахъ и подать свой голосъ. Иногда же за недосугомъ мужа или брата замѣняетъ собою десятника и вѣстоваго. Отношеніе родителей къ дѣтямъ хорошее, ласковое, доброе. Къ наймитамъ относятся съ довѣріемъ и часто поручаютъ имъ и дѣтей, и скотъ, и хозяйство. Къ дѣтямъ тоже питаютъ неограниченное довѣріе. Пьянство не особенно развито, и развѣ изрѣдка, въ праздникъ, увидишь пьянаго, въ будни же всѣ сидятъ дома за рукодѣльемъ, или въ полѣ. Кабаковъ четыре, содержатели кабаковъ вѣчно жалуются на плохую торговлю. Прежде пьянства было гораздо больше, вѣроятно по случаю лучшихъ урожаевъ. Проститутокъ нѣтъ.

Во время рожденія и крещенія ребенка никакихъ пѣсенъ не поютъ, считая это большимъ грѣхомъ. Говорятъ, что тутъ присутствуетъ самъ Господь или ангелы. Послѣ крещенія созываютъ родныхъ и сосѣдъ на „святый обидъ“ и дарятъ младенца, кто чѣмъ можетъ.

Вечерницы устраиваются такъ: собираются дѣвки и идутъ въ приготовленную заблаговременно хату, берутъ съ собою сала, хлѣба, пшена, яицъ, яблокъ, „кавуновъ“ и т. п., а также работу. Затѣмъ приходятъ парни, посидятъ, побесѣдуютъ, пошутятъ,—„погартуютъ“, и уходятъ, а нѣкоторые, которыхъ оставляютъ дѣвки, остаются ночевать. Никогда дѣвка не скажетъ сама тому парню, который ей нравится, чтобы онъ оставался, а передаетъ черезъ подругу. Иногда парень спрашиваетъ—для какой дѣвки его оставляютъ и если она ему не нравится, то онъ уходитъ. Большею частью, однако, парень остается, какая бы дѣвка его не приглашала,—любимая, или нѣтъ. Каждая дѣвка съ своимъ парнемъ спятъ на землѣ на простланной соломѣ всѣ вмѣстѣ, и цѣлую ночь занимаются разговорами и узнаютъ, кто кому нравится. Парни уходятъ еще рано до свѣта, а дѣвки послѣ, съ разсвѣтомъ,—встаютъ, снидаютъ и уходятъ.

Свадьбы совершаются такъ. Прежде приходятъ старосты, почетные люди, и спрашиваютъ у родителей: „чи согласны свою дочь отдать“; если родители согласны, то и отдаютъ, не смотря на то, что иногда невѣста бываетъ несогласна. Часто женятъ и парня не по согласію. Зовутъ парня и дѣвку и спрашиваютъ согласія, если кто не согласенъ, то уговариваютъ, пока согласится. Обыкновенно сватаются, если понравятся сваты, а не молодые другъ другу. Если молодые отвѣчаютъ утвердительно, то свѣтятъ свѣчи, молятся Богу, заставляютъ молодыхъ взяться за руки (послѣ этого они зарученые) и поцѣловаться три раза, рѣжутъ хлѣбъ молодого и подносятъ по рюмкѣ прежде молодымъ, которые потомъ уходятъ въ другую хату, гдѣ собирается молодежъ; старики пьютъ могорычъ. Раньше этого отецъ невѣсты договаривается, сколько они ему дадутъ за невѣсту „помочи“. Даютъ „пидстожнаго“ отъ 10 до 50 р. Если невѣста бѣдная, то даютъ и подушки, и сундукъ. А если отецъ невѣсты во время сговора отнѣкивается то однимъ, то другимъ,—однимъ словомъ сваты замѣтятъ, что онъ не хочетъ дочь отдавать замужъ, то сами сваты обѣщаются помочь и мясомъ, и деньгами, и водкой. Дня черезъ три—сватанье. Приходитъ староста отъ жениха, подноситъ невѣстѣ и ея подругамъ по рюмкѣ водки, и

невѣста съ подругами идетъ по родственникамъ и знакомымъ, кланяется въ ноги по три раза и приглашаетъ на сватанье: „мы́лосты про́симъ на сва́танья“. А въ это время женихъ, свекоръ, свекровь, крестная мать жениха и его бояринъ дожидаются у невѣсты, конечно за угощеніемъ, пока она прійдетъ домой. Потомъ ставятъ рядомъ посреди хаты жениха и невѣсту и заставляютъ кланяться сначала свекру, свекрови, потомъ родителямъ невѣсты, а затѣмъ всѣмъ остальнымъ гостямъ; послѣ сажаютъ молодого съ бояриномъ за столъ, а невѣста беретъ тарелку и подноситъ на ней жениху платокъ; бояринъ беретъ платокъ, затыкаетъ жениху за поясъ и при этомъ женихъ съ бояриномъ встаютъ, кланяются въ поясъ невѣстѣ и кладутъ на тарелку отъ 5 до 20 коп. Потомъ на тарелкѣ свекру подноситъ „рушникъ“ и кланяется одинъ разъ въ ноги. Свекоръ беретъ рушныкъ со словами: „спасы́би тобі́ до́чко, що ране́нько вставала, та тоне́нько пря́ла“ и кладетъ ей на тарелку отъ 1 до 2 р. Дальше съ земнымъ поклономъ подноситъ свекрови платокъ, а та ей даритъ на сарафанъ, или на юбку, иногда и на всю пару или платокъ рубля въ три. Потомъ крестной матери съ земнымъ поклономъ подноситъ платокъ, а та ей даритъ деньгами коп. 50 или на юбку. Старостамъ безъ поклоновъ подноситъ рушныки, и они ей ничего не дарятъ. Потомъ ставятъ на тарелку двѣ рюмки, наливаютъ водкой, выпиваютъ женихъ и невѣста и цѣлуются черезъ столъ, взявшись за руки, а подруги-дѣвки поютъ:

„Заручена Марьечка, положила билу ручку
Та на переручку.
Билесенька моя ручка у батеньки,
Чи буде така била у свекорка.
— Якъ будешъ ты, Марьечка, у свекорка повирпенька,
Буде й твоя ручка биленька“.

Во время этой пѣсни невѣста подноситъ гостямъ водку, а они ей кладутъ на тарелку отъ 1—10 коп., а дѣвки поютъ:

„Чого старосты сыдыте,
Чого до дому ны йдыте,
Уже старосты темна ничь,
Вамъ до дому на всю ничъ,

Старосты отвѣчаютъ:

„Мы жъ не боимся темнои ночи
Но й Боже вамъ на поможу“.

Дѣвки продолжаютъ:

„Пора старосты до дому,
Пойилы кони солому, пойилы кони солому
Щей гречяну полову,
А якъ будыте тутъ ночуваты,
Такъ будыте купуваты“.

Послѣ этого женихъ съ невѣстой и вся молодежь за ними идутъ на вечеринку въ другую хату, а нѣтъ другой своей, такъ въ чужую. Тутъ женихъ съ невѣстой подносятъ всѣмъ по рюмкѣ водки, потомъ сидятъ всѣ, разговариваютъ, танцуютъ подъ балалайку. Между тѣмъ старые садятся за столъ (родичи и сосѣди), имъ подаютъ пироги съ картофелемъ или мясомъ, подносятъ водку, потомъ подаютъ капусту, галушки. Послѣ угощенія свекоръ и свекровь уѣзжаютъ со всѣми гостями къ себѣ домой. А молодежь является, садится вечерять тоже самое, что и старые; женихъ съ невѣстой подносятъ водку. Потомъ молодежь уходитъ по своимъ домамъ, исключая приближенныхъ жениха и невѣсты, которыя остаются ночевать у невѣсты. Женихъ выбираетъ невѣсту, бояринъ его—старшую дружку и т. д.

На другой день женихъ приноситъ водки и угощаетъ всѣхъ, кто есть у невѣсты, его также угощаютъ, и онъ всѣхъ опять приглашаетъ къ себѣ, и всѣ ѣдутъ къ нему. У жениха бываетъ приглашеніе всѣхъ со стороны невѣсты и всѣ гурьбой ѣдутъ обратно, и все это время, какъ у жениха, такъ и у невѣсты бываетъ пиршество. Недѣли черезъ двѣ или три—свадьба. Пріѣзжаютъ свекоръ и свекровь узнать, когда будетъ свадьба. За день до свадьбы у жениха лѣпятъ шишки, каравай, лежень, а у невѣсты лѣпятъ шишки наканунѣ. Въ калачѣ бываетъ разница: у невѣсты его лѣпятъ бубликомъ, а у жениха круглый, полный, какъ хлѣбъ. Въ день свадьбы женихъ ѣдетъ на тройкѣ съ колокольчиками съ боярами къ невѣстѣ, беретъ ее и ѣдутъ вѣнчаться. Нарядъ жениха: чинарка, или полушубокъ, подпоясанный краснымъ или синимъ поясомъ, и новая шапка; а невѣста въ тулупѣ или халатѣ, подпоясана рушникомъ, коса мелко заплетена и увѣшана лентами, бантами, а если она сирота, то коса ничѣмъ не убрана; на головѣ повязанъ въ кружокъ шелковый или шерстяной платокъ, а на платкѣ приколоны шпильками съ праваго боку головы, сдѣланныя изъ лентъ красныхъ, два вѣночка съ васильками; на шеѣ много разнаго намиста. Послѣ вѣнчанія женихъ съ невѣстой, бояринъ и старшая дружка ѣдутъ къ жениху обѣдать, а потомъ невѣсту везутъ домой, гдѣ она съ дружками идетъ прятаться, а у жениха въ это время приготовляютъ поѣздъ. Запрягаютъ въ каждую

телѣгу по нѣсколько лошадей (до трехъ); гостей перевязываютъ платками, а нѣкоторымъ прикалываютъ красныя ленточки къ головѣ. Женихъ садится со своимъ товарищемъ и свашкой на первую тройку, а остальныя лошади занимаются гостями; когда всѣ посадились на лошадей, мать жениха ходитъ кругомъ поѣзда и обсыпаетъ хмѣлемъ, орѣхами и конфетами, которые подбираютъ маленькіе зрители. Это для того, чтобы у жениха всего было много. Лошадей украшаютъ лентами, кумачемъ. Послѣ обсыпанія мать беретъ переднюю тройку за поводъ и выводитъ за дворъ. На послѣдней тройкѣ везутъ сундукъ. Наканунѣ свадьбы у жениха и невѣсты устраиваютъ „пидвисилокъ", гдѣ жениха садятъ за столъ, угощаютъ водкой и украшаютъ „гильце", сдѣланное изъ сосны или вишни, вродѣ вѣтки,—калиной, разноцвѣтными бумажками и лентами; а у невѣсты: ее съ дружками посадятъ за столъ и угощаютъ водкой.

Поѣздъ съ женихомъ ѣдетъ кататься; накатавшись, отвозятъ „гильце" къ тестю и спрашиваютъ—гдѣ невѣста; иногда имъ правду скажутъ—гдѣ невѣста, а иногда нѣтъ, и они ѣдутъ искать ее. Нашедши, бояринъ загоняетъ ее и въ уплату за невѣсту даетъ дѣвкамъ шишку, чтобы отпустили невѣсту. Она идетъ со всѣми дивчатами, здоровается и цѣлуется съ женихомъ и со всѣми съ нимъ находящимися, потомъ идетъ къ себѣ домой, куда вслѣдъ пріѣзжаетъ и женихъ. Невѣста тамъ кланяется своимъ роднымъ, а потомъ ее садятъ за столъ. Женихъ съ боярами стоитъ на дворѣ у порога съ праваго его боку бояре, а съ лѣваго свашки. Выходитъ теща пугать жениха, выноситъ хмѣлю въ рюмкѣ, даетъ ему и онъ беретъ не голой рукой, а съ платочкомъ и забрасываетъ рюмку черезъ плечо такъ, чтобы хмѣль полетѣлъ, а рюмка осталась въ рукахъ жениха; ее беретъ бояринъ. Теща въ другой разъ выходитъ съ водкой, наливаетъ въ рюмку и угощаетъ жениха, а потомъ его гостей и проситъ въ хату. Дружко ведетъ жениха и надъ порогомъ въ сѣни женихъ наклоняется, а двѣ молодыя женщины, родички невѣсты, а со стороны жениха свитылка и свашка съ хлѣбомъ, цѣлуются между собою по три раза навкрестъ надъ наклоненнымъ женихомъ и перемѣняются хлѣбомъ.

Послѣ идутъ всѣ въ хату, дружко ведетъ жениха за плато-

чекъ и на порогѣ говоритъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; отвѣчаютъ: „аминь“.—„Благословите молодого князя за стилъ посадить“; отвѣчаютъ: „Богъ благословить“. Тогда дружко ведетъ молодого, а старшая дружка невѣсты поднимаетъ калачъ и велитъ ей смотрѣть сквозь него на жениха, а дѣвки поютъ:

„Глянь же ты, Марьечко, скризь калачъ
Карыми очами, та й за плачъ:
Ось идс—
Размай косу,—
Загубывъ красу,
Завязавъ святочекъ“.

Женихъ садится возлѣ невѣсты рядомъ, поднимаетъ ее отъ калача и цѣлуетъ, а дѣвки поютъ:

„Въ саду соловейко не щебытавъ,
Иванко Марьечки не цылувавъ,
Въ саду соловейко защебетавъ,
Иванко Марьечку поцилувавъ“.

Имена припѣваютъ, смотря по тому, какъ зовутъ жениха и невѣсту. Бояре садятся противъ молодыхъ на лавку, двѣ свитылки возлѣ жениха, а возлѣ нихъ свашки, у которыхъ—„торба съ шишками, теремками“. Дѣвки поютъ:

„Здвыгнулыся стины,
Якъ бояре силы,
Ще й дуще здвыгнутця,
Якъ пыва напьютця“.

„Мыръ мыромъ пыроги съ сыромъ, вареныки въ масли, бояре прекрасни.—Мыръ мыромъ пыроги съ сыромъ, пыроги въ мысци, бояре соплысты“. Бояре имъ отвѣчаютъ:

„Раки, дружечки, раки,
Брешете, якъ собаки,
А въ води раченята,
Брешете, якъ цуцынята“.
„Старшая дружечка татарятця,
Старшаго боярына торопятця,
А старшій боярынъ, якъ болванъ,
Вытрыщивъ очи, якъ баранъ“.

Мирятся бояре съ дружкамы. Поддружій со стороны невѣсты держитъ тарелку, а со стороны жениха дружко беретъ изъ торбы большія шишки, украшенныя рожечками изъ тѣста, называемыхъ „теремками“ и раздаетъ, кладя на тарелку, родственникамъ невѣсты. Послѣ надо пришить жениху къ шапкѣ вѣнокъ, который снимается съ головы невѣсты, а старшая дружка не даетъ вѣнка, его надо выкупить; ей подносятъ шишку, водки, а она велитъ подносить всѣмъ дѣвкамъ; потомъ кладутъ на тарелку вѣнокъ и шапку жениха и передаютъ на пилъ, гдѣ его пришиваютъ молодыя молодыци, и при этомъ поютъ:

„Изъ Киева швачка
По торгамъ ходыла,
Шовкы скупувала,
Винки прышывала“.

Тѣ, которыя пришиваютъ вѣнокъ, поютъ пѣсню:

„Зять на мене та й не дывытця,
Винъ на мене супротивытця;
Косо поглядае,
Винъ мене нышкомъ лае“.

За шапку надо дружку дать денегъ на очипокъ невѣстиной замужней сестрѣ, а дѣвкѣ ленту. Выкупивши шапку, три раза примѣряютъ, бояринъ ее держитъ въ рукахъ, а мать невѣсты беретъ невѣстинъ платокъ, даетъ боярину, который перевязываетъ его накрестъ другимъ платкомъ, такъ какъ родная мать его еще раньше перевязала тоже платкомъ; потомъ кладутъ каравай на крышку дижы, сверху стелятъ два рушника накрестъ, а на нихъ кладутъ очипокъ изъ парчи, въ очипкѣ серпанокъ (родъ кисеи). Одинъ рушникъ беретъ дружко, а другой поддружій и перевязываются, потомъ одна сваха со стороны жениха и родичка со стороны невѣсты лѣзутъ къ ней по лавѣ, разбираютъ голову: снимаютъ вѣнокъ, платокъ, ленты и вѣночки съ косы и расплетаютъ косу. Косу скрутятъ, надѣваютъ очипокъ и завязываютъ платкомъ кругло по очипку, а дѣвки поютъ.

„Прійихалы, моя ненька, шось за паны,
Взялы мою кисоньку пидъ жупаны,
Сталы мою кисоньку трипалы,
Стала моя матинка плакаты.
Та не плачь, матинко, по коси,
Та заплачь, матинко, по мини.
Чи лучше жъ мини у очипци,
Чимъ у тебы, моя ненько, въ квитци“.

* *
*

„Коса жъ моя руса, я жъ тебе кохала.
Шо суботыньки чесала,
Що недиленьки зряжала,
А якъ расплиталы,—порвалы,
Пидъ очипокъ клалы,—зломалы,
Такъ мою кисоньку стиралы“.

Потомъ женщины берутъ въ руки серпанокъ, махаютъ надъ головой невѣсты и поютъ:

„Ой ты, душенько,
Наша Марьечко,
Покрывалочка плаче,
Покрывацьця хоче,
Не такъ покрывацьця,
Якъ поцилуваціця“.

Въ рукахъ свахи со стороны жениха шапка съ вѣнкомъ, а въ рукахъ дружки со стороны невѣсты вѣночекъ, они между собою три раза перемѣнятся вѣнкомъ и шапкой и цѣлуются черезъ молодыхъ. Невѣсту завязываютъ сверхъ платка серпанкомъ, а вѣнокъ прикалываютъ невѣстѣ къ платку съ правой стороны. Дружко вырѣзываетъ изъ средины каравая шишку, которую оборачиваютъ концемъ серпанка на молодой и кладутъ за „пазуху“; потомъ рѣжутъ каравай на кусочки и

раздаютъ всѣмъ родичамъ. Дѣвки уходятъ изъ хаты, а молодицы садятся и поютъ пѣсни, во время которыхъ невѣста плачетъ. Дальше угощаютъ всѣхъ сначала отецъ, а потомъ мать невѣсты водкой. Отецъ беретъ икону—благословеніе а мать два хлѣба, молодые выходятъ изъ за стола, отецъ и мать сидятъ на лавкѣ, молодыя ему поклонятся и лежатъ у ногъ на полу, а онъ въ это время благословляетъ и читаетъ наставленіе; встанутъ молодые, крестятся, цѣлуютъ икону, потомъ отца,—прежде женихъ, а потомъ невѣста; потомъ икону беретъ мать и также ихъ благословляетъ, какъ и отецъ. Отдаютъ дочери икону, а жениху два хлѣба и ведутъ ихъ на дворъ, гдѣ у порога на дворѣ стоитъ „дижа", а на дижѣ „хлибына" и водятъ ихъ вокругъ дижи. Сначала идетъ дружко, за нимъ женихъ и невѣста, потомъ двѣ свашки—гуськомъ и поютъ пѣсни:

„Старый оселедько
Не стое за рѣльку,
Ны вспивъ ожиныцьця,
Стала жинка быцьця.

— А якъ буде быты,
Я буду терпиты,
Прійде темна ничка
Е съ кымъ говорыты".

Дальше невѣста садится въ тарантасъ, а дружко водитъ жениха за платочекъ кругомъ поѣзда женихъ бьетъ кнутомъ по невѣстѣ, если нелюбимая, или по свашкамъ и по тарантасу. Послѣ этого женихъ садится рядомъ съ невѣстой, обнимаетъ ее и ѣдутъ съ гостями въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ иконой, хлѣбомъ и благословляютъ. Тутъ начинается угощеніе, а молодыхъ ведутъ въ другую хату. На другой день молодые съ дружкомъ ѣдутъ въ домъ невѣсты рано утромъ снидать, потомъ ѣдутъ назадъ, тутъ ихъ дарятъ, кто чѣмъ можетъ. И продолжается веселье почти недѣлю. Водки выпивается отъ 3 до 20 ведеръ, готовится много мяса, хлѣба, такъ что свадьбы обходятся отъ 30 до 150 р.

Этнографическій календарь. *Январь.* На Новый годъ мальчики 7—15 лѣтъ, утромъ, ходятъ изъ хаты въ хату „посыпа́ть". Набравши въ торбочку зеренъ ячменя или пшеницы и вошедши въ домъ, разбрасываютъ ихъ, приговаривая: „на ща́стя, на здоро́вья, на но́вый годъ, роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку пашныцю"! — Здра́вствуйте, съ пра́здникомъ, зъ Но́вымъ го́домъ, зъ Васылемъ". При этомъ бабы застав-

ляютъ перваго посыпавшаго сѣсть на порогѣ хаты и квоктать по куриному, „щобъ цыплята въ тимъ году булы ранни". Разсыпанныя зерна хозяева собираютъ и даютъ курамъ „шобъ лучче неслысь". Посыпальникамъ за ихъ трудъ даютъ по копѣйкѣ или по бублику, пампушкѣ, пирожку; собранное они дѣлятъ поровну между собою. Соломою и соромъ, собираемымъ цѣлую недѣлю на святкахъ, на Новый годъ окуриваютъ сады, чтобъ хорошо родилы.

5-го—голодный святъ вечиръ, голодна кутя". Съ утра до освященія воды постятся. Хозяйки въ тотъ день пекутъ пироги съ фасолью, горохомъ или чечевицею; изъ сушеныхъ плодовъ варятъ „озваръ"; а изъ пшеничныхъ зеренъ варятъ „кутю". Смотря по состоянію, къ ужину приготовляютъ и горячія блюда безъ рыбы. Когда къ ужину все готово, вносятъ въ домъ немного сѣна и разстилаютъ его „на покути", въ святомъ углу. На это сѣно ставится кутья, озваръ, одинъ печеный хлѣбъ и вверху его немного соли. Здѣсь все это находится до окончанія обѣда въ день Богоявленія Господня. Кто-нибудь изъ семейства—обыкновенно старики—съ бутылкой, кувшиномъ или кубышкой идетъ за освященной водой. Этой водой старшій въ домѣ окропляетъ всѣ хозяйственныя постройки и скотъ, а также вливаетъ ее крестообразно въ колодезь, если онъ есть; затѣмъ пишетъ мѣломъ кресты не только на воротахъ, дверяхъ и окнахъ, но и на всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ. Первые кресты ставятся на горшкахъ кутьи и озвара. Затѣмъ въ домѣ предъ иконами зажигаются свѣчи или лампадка, всѣ молятся Богу и садятся на столъ. Старшій въ домѣ, обратившись лицомъ къ ближайшему окну три раза „клыче мороза вечéряты", каждый разъ приговаривая: „морóзе, морóзе! йды до насъ вечéряты! Та не морóзъ у насъ ни людыны, ни скотыны, ни хлиба, ни стрáвы"! Кто-нибудь изъ членовъ семьи, уполномоченный старшимъ прогонять мороза, выходитъ на дворъ и стучитъ три раза въ ворота, приговаривая: „морозе, морозе! йды кутю йисты! нейдéшь? нейдéшь? нейдéшь якъ ны пидышь, ны ходыжъ ты ни на гарбузы, ни на огыркы, ни на всяку городню овощь"! Послѣ этого уже молятся и садятся за столъ. Передъ ужиномъ каждый испиваетъ немного святой воды, а за-

канчивается онъ кутьею и озваромъ. Сѣно изъ подъ кутьи на покути даютъ скоту.

6-го—„Хрещення". Для водоосвященія крестьяне рубятъ на льду рѣки или пруда крестъ; пробоина въ вырубленномъ крестѣ, послѣ погруженія креста въ воду затыкается коломъ, который носитъ названіе „чопъ". Колъ этотъ стараются пріобрѣсти голубятники, кладутъ его въ голубятникъ, чтобы голуби не улетали въ чужія голубятни навсегда.

Освященную въ этотъ день воду сохраняютъ въ теченіи цѣлаго года: ей приписывается цѣлебное дѣйствіе во всѣхъ болѣзняхъ. На „Іордани" (тотчасъ послѣ освященія воды) стрѣляютъ изъ „ружжя, щобъ вовкы пугалысь", и пускаютъ голубей. Послѣ освященія воды, на крещеніе, духовенство ходитъ по нѣкоторымъ домамъ, священникъ кропитъ святой водой дома и постройки, а псаломщикъ пишетъ на дверяхъ мѣломъ шестиконечный крестъ, который, по уходѣ духовенства, немедленно затирается, чтобъ куры неслись.

7-го—„Ивана Крестителя". Въ этотъ день хозяинъ даетъ скоту по куску святковаго хлѣба, лежавшаго на покути еще со времени богатой кути и немного соли, „щобъ домивку и хозяина зналы".

8-го приступаютъ къ обыденнымъ работамъ. Женщины начинаютъ прясть. Есть поговорка на этотъ день: „тикъ и притикъ, починокъ приволикъ".

Февраль. 2-го—„Стриченя". „Зима зъ литомъ стричаеця: сонце на лито, зима на морози", „половина зимы, половина зимовки,—бережы зйиды коровки".—„Стритенська свята вода" употребляется для окропленія новорожденныхъ телятъ и другихъ животныхъ.

11-го—народъ празднуетъ. Власій считается покровителемъ скота, и ему молятся, „щобъ коровы булы ласкови". Сырная недѣля—„Масныця". Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ обыкновенно ходятъ по хатамъ и привязываютъ колодки батькамъ и матерямъ, которые не женили сыновей или не выдали замужъ дочерей. Въ воскресенье—заговѣнье на Великій постъ, ходятъ прощаться. Съ понедѣльника первой недѣли поста женщины начинаютъ ткать полотно. На первой недѣлѣ Великаго поста

никто не ѣстъ горячей пищи и рыбы; ѣдятъ больше одинъ хлѣбъ, иногда съ капустой, но безъ масла. На этой недѣлѣ нанимаютъ рабочихъ до Филипповскихъ заговѣнъ.

Мартъ. 1-го—народъ празднуетъ начало весны. „На Евдокіи курица напьецьця водицы на порози". Съ этого дня бабы начинаютъ прятать на чердакъ золу, для бученья холстовъ. 9-го.—„Сороки святыхъ". Въ этотъ день пекутъ изъ пшеничнаго тѣста жаворонковъ, такъ какъ они къ этому времени прилетаютъ—первые вѣстники весны,—и кресты, которыя ѣдятъ на нивѣ, пріѣхавши сѣять. Птица наноситъ сорокъ палочекъ въ гнѣздо. Квочекъ сажаютъ на яйца. 17-го.—„Теплый Олыксій". Народъ празднуетъ этотъ день. 25-го.—„Благовищення". Въ этотъ день, если тепло, выставляютъ пчелъ изъ зимнихъ квартиръ въ лѣтнія. Для перваго кормленія пчелъ приготовляется такая смѣсь: въ медъ вливаютъ немного водки и св. крещенской воды; всыпаютъ туда горсть, стертой въ порошокъ, благословенной просфоры, напитанной виномъ, столько же артоса и немного горькаго перцу; затѣмъ все это варятъ и кормятъ такимъ составомъ пчелъ. Нѣкоторые всыпаютъ еще порошокъ засушенной свѣжей щуки „щобъ бжола моторниша була". 26-го. „Благовистителя". Съ этого дня уже производятся весенніе посѣвы. „Якъ посиешь ячмень, та овесъ у грязь, такъ воны тебѣ нарядятъ въ жупанъ", „сий мене въ грязь, такъ будешь князь". Крестопоклонная недѣля—„Средокрестна". Въ среду на этой недѣлѣ пекутъ кресты, первый оставляютъ до времени посѣвовъ, и съѣдаютъ въ полѣ предъ посѣвомъ. Пришедшіе изъ церкви отъ заутрени въ вербное воскресенье, слегка бьютъ вѣтками освященной вербы своихъ домашнихъ, приговаривая: „верба бье, не я бью; за тыждень Велыкъ день! Ось недалечко красне яечко". Вербою прокалываютъ верхушки пасокъ или садятъ ее въ землю. Въ чистый четвергъ на страстной недѣлѣ купаются до разсвѣта для исцѣленія отъ разныхъ болѣзней. Остатокъ свѣчи, горѣвшій во время чтенія страстныхъ Евангелій, хранятъ по нѣсколько лѣтъ. На сволокѣ пламенемъ свѣчи дѣлаютъ крестъ, остающійся до дня отданія праздника Пасхи. Страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами, когда на живущихъ въ домѣ нападаетъ страхъ, напр., во время грозы и т. п., для исцѣленія отъ болѣзней. Особенно

дорожатъ свѣчею, горѣвшей въ церкви три года кряду. Первый день пасхи.—„Велыкъ день". Въ ночь подъ этотъ день, „шукають шкарбы". Какъ пропоютъ „Христосъ Воскресе", раскрывается земля и показывается кладъ. На разсвѣтѣ наблюдаютъ „якъ сонце грае". Первое яйцо, полученное въ этотъ день послѣ перваго христосованья, хранится для отвращенія всякой напасти „одъ лихого человика". Такое яйцо служитъ для прекращенія пожара. Дѣвицы употребляютъ первое яйцо при умываньи „щобъ кращими буты". Второй день Пасхи называется днемъ Богородицы, въ который обыкновенно раздаютъ милостыню нищей братіи. Великодни святки продолжаются съ перваго дня пасхи до Фомина воскресенія включительно. Въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ „поминають родычивъ,—„проводы".

Апрѣль 1-ое. Въ этотъ день бабы ничего не работаютъ, а также и во всѣ пятницы впродолженіе года не придутъ, не ткутъ, боясь, чтобы дѣти не родились калѣками. Засима и Савватій (17-го) считаются покровителями пчелъ. 23-го—„Ягорій". Считается онъ покровителемъ скота, и скотъ его стараются въ этотъ день освободить отъ работы. Народъ празднуетъ. На „праву середу" (преполовеніе пятидесятницы) освящаютъ воду въ рѣкѣ или колодцѣ. Народъ празднуетъ.

Май 1-ое. Гуляютъ въ саду, варятъ кашу, встрѣчаютъ „Мая". 9-го „Миколая". Народъ празднуетъ. Около же этого времени уходятъ на лѣтніе заработки на Донъ. Послѣ Николаева дня запрещается пастьба скота на сѣнокосныхъ лугахъ и производится стрижка овецъ. 10-го, въ день ап. Симона Зилота, народъ празднуетъ. Въ этотъ день собираютъ травы и коренья, приносящія пользу отъ многихъ болѣзней. 11-го—„Обновленіе Царяграда", народъ празднуетъ, „щобъ градъ хлиба не побывъ".

Вознесеніе Господне, „Вшестя". „До Вшестя пора обсияцьця",

Пятидесятница — день св. Троицы и Сошествія Св. Духа. „Зелена или квичальна недиля". „Зелени святки" продолжаются три дня. Въ этотъ праздникъ жилища украшаются „квичаломъ" (древесныя вѣтки) и зеленью; вѣтки осины имѣютъ особенное значеніе. Такая вѣтка прикрѣпляется на воротахъ, „щобъ видьма не ходыла въ двиръ и не портыла коровъ". Осиновая вѣтка непремѣнно ставится около конюшни, „щобъ домовой конивъ

не гонывъ". Если листья квичальной осины, поставленной въ хатѣ, засохнутъ и почернѣютъ въ теченіи трехъ дней праздника, то въ семьѣ въ томъ году будетъ покойникъ. Зелень которою украшаютъ хаты, сберегается для подстилки подъ хлѣбные стога, „щобъ мыши не плодылись и нейилы хлиба". „На зелѐнии недили не треба купацьця,—бо русалки залоскочуть: тоди бува русальчинъ велыкъ-день". „До Св. Духа не скидай кожуха".—Въ четвергъ передъ Троицею,—„русальчинъ велыкъ-день",—не ходятъ купаться, не работаютъ на огородахъ. Петровъ постъ,—„Петривка". Въ понедѣльникъ, послѣ заговѣнья „жинки глечыки полощуть": собирается нѣсколько женщинъ и, сдѣлавъ „складчину", „пьють горилку". Есть поговорка: „Петривка—голодивка, мала ничка". Втеченіе Петровки производится распашка земли для озими, и такая роспашка называется „Петривня рилля".

Іюнь. Съ первыхъ чиселъ этого мѣсяца начинается покосъ травы. 24-го—„Ивана Купала". Ночью въ 12 часовъ, по народному повѣрью, расцвѣтаетъ „папортъ" (папоротникъ); этотъ цвѣтокъ обладаетъ чудесною силою и съ помощью его можно добиться всего: богатства, почестей, любви и т. п., а также отыскивать клады. Цвѣтетъ онъ „якъ жаръ горыть". Сорвавши цвѣтокъ, надо бѣжать домой безъ оглядки, потому что „нечиста сыла" будетъ преслѣдовать сорвавшаго и стараться разными способами заставить его оглянуться; креститься при этомъ нельзя, такъ какъ цвѣтокъ теряетъ свою силу. 29-го—Петра и Павла. Народъ празднуетъ. Съ этого дня начинается „жнива" (страдная пора полевыхъ работъ). „Идуть жныва,—жинка наче не жива". 30-го, Соборъ всехвальныхъ Апостоловъ,—„Полупетра".

Іюль. 20-го „Илли Грізного, що по небу гримъ розвозыть". Пчеловоды считаютъ этотъ день послѣднимъ срокомъ для выгонки роевъ: „рои тильки до Илли". „Якъ прийде Илля, наробе гнилля",—„Писля Илли вода похолодниша". Народъ перестаетъ съ этого дня купаться. Кто окончилъ жатву, тотъ, возвращаясь съ поля, везетъ крестъ, сдѣланный изъ колосьевъ. Крестъ хранится на покути до молотьбы. Не возятъ сноповъ съ поля, „бо Илля спалыть и визъ, и хлибъ". 27-го „Палія". Въ этотъ день ничего не работаютъ, „щобъ гримъ не попа-

лывъ кипъ". Въ этомъ мѣсяцѣ производится уборка хлѣба, вывозка сноповъ съ поля и молотьба „жита на сийбу".

Августъ. 1-го „Маковія", „Спасъ на води". Ѣдятъ маковики (шулики) приготовляемые такъ: пекутъ тонкіе, посыпанные макомъ, „коржи", ломаютъ ихъ на маленькіе кусочки, бросаютъ въ воду, смѣшанную съ медомъ и макомъ, ѣдятъ прежде другой пищи. Съ этого дня по 15-е число продолжается Успенскій постъ: „Спасивка"—„ласивка". 6-го „Спасъ на гори". „Прійшовъ Спасъ, держи рукавици про запасъ". Въ этотъ день освящаются садовые плоды и медъ; до Спаса употребленіе яблокъ и грушъ считается грѣхомъ. 15-го „Перва Пречиста". Народъ празднуетъ. 16-го „Спасъ на полотни". Съ этого дня начинается сборъ „матирки"—пеньки. 18-го освящаютъ воду въ колодцахъ и окропляютъ ею лошадей, такъ какъ муч. Флора и Лавра считаются ихъ покровителями. 29-го „Головосика". Строгій постъ. Въ этотъ день ничего круглаго (арбузовъ, дынь, картофеля и особенно капусты) ни рѣжутъ на части, а все заготовляется съ вечера. Запрещается брать въ руки ножъ Нельзя убивать животныхъ.

Сентябрь. 1-го „Семена", „Семенъ день", начало осени. Въ этотъ день „засиживаютъ вечера", т. е. начинаютъ работать по вечерамъ при огнѣ. 6-го „Михайлово чудо". Въ этотъ день не работаютъ, особенно въ полѣ, боясь наказанія. 8-го „Друга Пречиста". 9-го Богоотецъ Іоакима и Анны,—народъ празднуетъ. 14-го „Здвиженья". Въ этотъ день не ходятъ въ лѣсъ, „бо въ сей день въ лиси збираюцьця гады на зиму зо всего свиту".

Октябрь 1-го „Покрова". Съ этого дня начинаются сватанья. „Прийшла Покрова, дивка заревла, якъ корова";—„посылаютъ сватив". 14-го „Перви пьятинки". Это праздникъ „Пятницы". Обыкновенно въ пятницу въ теченіи всего года женщины не прядутъ и не золятъ бѣлья, боясь, что за это „приключицьця болисть". „Мытрова суббота", — день поминовенія усопшихъ предъ 26-мъ Октября. 28-го „Други пьятинки".

Ноябрь. 1-го Косьмы и Даміана. Въ субботу предъ этимъ днемъ поминаютъ усопшихъ. 14-го „Заговины". Заговѣнье на Рождественскій постъ, — „Пылипивку". Въ этотъ день кончается срокъ найма нѣкоторымъ рабочимъ. 21-го „Введенія", 24-го

Мученицы Екатерины. Народъ празднуетъ. Въ этотъ день дѣвицы гадаютъ: срѣзываютъ вѣтку вишни и ставятъ въ глечикъ съ водою; если до Рождества вѣтка зацвѣтетъ, то загадавшая выйдетъ замужъ въ слѣдующемъ году. Въ Ноябрѣ производится рубка и вывозка хвороста.

Декабрь. 1-го Пророка Наума. Народъ празднуетъ. Начало зимы. „Пророкъ Наумъ наставляетъ на умъ". 4-го Великом. Варвары. Народъ празднуетъ. „Варвáра ночи ввирвáла". 5-го Преп. Саввы Освященнаго. Народъ празднуетъ. 6-го „Мыколая". 12-го „Свиридона солнцеворота", — „Сонце на лито, зима на морозъ". 24-го „Богатый святъ вечиръ" — „Богáта кутя". Хозяйки съ утра еще приготовляютъ кушанья для „вечери". Старики и старухи ничего не ѣдятъ до звѣзды. Передъ заходомъ солнца постилаютъ самое лучшее сѣно въ видѣ гнѣзда въ переднемъ углу; на этомъ сѣнѣ ставятся „кутя и озваръ". По заходѣ солнца всѣ молятся и садятся вечерять. „Вечеря" заканчивается кутей и озваромъ. 25-го „Ризднó". Съ этого дня до 7 Января, включительно, продолжаются „Ризднянi святки". Рано утромъ мальчики ходятъ изъ хаты въ хату „вершуваты". Вечеромъ молодежь колядуетъ. Съ этого дня до Новаго года не выносятъ сору изъ дому: „такъ годыцьця". 31-го „Меланки". Вечеромъ въ этотъ день ходятъ „по пидъ виконью" и щедруютъ парубки и дивчата. Родители послѣ ужина дарятъ своихъ дѣтей, чѣмъ могутъ (теленкомъ, овцою, поросенкомъ и т. д.).

На масляной „водятъ козла": поберутся за руки парни и дѣвки, а одинъ изъ парней, представляющій изъ себя козла, идетъ впередъ, при этомъ всѣ поютъ пѣсню: „а надъ нáшимъ сáдкомъ три мисяци рядкомъ. Пéрвый мисяцъ ясный (имя парубка изображающаго козла) хáли рóжа, пáли рóжа, хáли трáва, мáли прáва, сизомъ крыломъ, чирвóнымъ пыромъ, золотыми пырцямы". Далѣе впереди идетъ другой парень, и повторяется все въ прежнемъ порядкѣ.

На Ивана Купала (очень рѣдко) прыгаютъ черезъ огонь. Дѣлаютъ куклу „Марину", топятъ ее въ рѣкѣ и поютъ: „Купався Иванъ, та й въ воду упавъ, скривъ вода пынула, на море хвыля была, на Дунай разсыпала, тамъ дивчина потопала, на Ивана Купала".

Обыкновенныя куриныя яйца окрашиваются въ желтый, красный, синій, зеленый цвѣтъ и называютъ „крашенкой“, „краснымъ яичкомъ“. На крашенкахъ иногда пишутъ крестики, цвѣточки, вѣточки, или острой водкой пишутъ, что понравится, напр. „Христосъ Воскресе“ или же какія нибудь изображенія. Такія крашенки называютъ „писанками“. Первая писанка, полученная отъ перваго съ кѣмъ нибудь христосованья, сохраняется, такъ какъ существуетъ повѣрье, если во время пожара съ нею обойти вокругъ какого зданія, то оно останется цѣло.

Въ прежнее время гораздо больше вѣрили въ злыхъ духовъ и особенно въ вѣдьмъ. Въ колдуновъ вѣрятъ и теперь.

1) **Сказки**. „У поли надъ дорогою була́ гру́ша; пидъ гру́шею була па́толочь. Людямъ захотѝлось узна̀ть, шо воно тамъ робыцьця пидъ тие́ю гру́шею. Началѝ выбира̀ть чоловика, шобъ пишо̀въ туды̀ дозна̀ть ночьчю, и обища́лысь наградыть его̀ хли́бомъ. Согласы́вся йты̀ туды̀ ды̀нъ бидня̀къ. Пишовъ, злизъ на гру́шу и сыдѝвъ до сме́рку. Но́чьчю ба́че иду̀ть два чолови́ка; прийшлы̀ пидъ гру́шу, посида́лы на стулкы̀. Ды̀нъ выйма́е кны̀жечку и чита̀е, а дру́гий шмато̀къ хли́ба. Тодѝ ста̀лы сходы̀цьця вовкы̀,—той виттиля̀, а той виттиля̀. Ды̀нъ чоловѝкъ тро́шки прочита́, а дру́гий отло́ме кусо́чекъ хли́ба, дасть во́вку и ска̀же ему̀, де и шо въ цю ничъ брать (кому̀ вивцю̀, кому̀ быка́, кому̀ ду̀же дале́ко, кому̀ блы̀зько), и такъ розда́въ усѝмъ увѐсь хлибъ. Ды̀нъ чита́, а дру́гий роздаѐ. Вовкы̀ полу́чать ка̀ждый свий кусо́чекъ и росхо́дяцьця. Тодѝ пишлы̀ и ци два чолови́кы. У ра̀нци той чоловѝкъ уста́въ зъ гру́ши, прийшо̀въ и розсказа́въ, шо ба́чивъ, а воны его̀ награды̀лы хли́бомъ. Тодѝ воны̀ посла̀лы дру́гого провы́рыть, чи пра́вда тому̀, шо винъ ба́чивъ. Дру́гий прийшо̀въ, злизъ на грушу, ба́че иду̀ть два чолови́кы и повтори́лось то, шо и зъ пе́рвымъ. Той, шо розда́въ хлибъ (у его оста̀вся кусо́чекъ хли́бця) и пыта̀: „чи ужѐ вси получи́ли“, а той, шо чита́въ, и ка̀же: „ни, Го́споды, ще крывы̀й (вовкъ) лежѝть“; шо хлибъ дава́въ и ка̀же: „а тому̀ той, шо на гру́ши сыдѝть“. Тодѝ усѝ поросхо́дылысь, а крывы̀й вовкъ оста́вся пидъ гру́шею, а мужѝкъ на гру́ши. Якъ у ра̀нци лю́ди йи́халы на поле, та й прогна́лы во́вка, чоловѝкъ слизъ съ гру́ши и пишо̀въ до до́му и сказа́въ, шо все пра́вда. Его то́же такъ награды̀лы. По́сли

винъ дня тры дуже берийся, никуды не ходывъ, а потомъ пишовъ съ жинкою на двиръ вечеромъ; тилько выйшлы, а вовкъ его схватывъ и понисъ".

2) „Нанявъ чоловикъ чоловика собакою гавкать на цилу ничъ за мирку жита. Полягалы спать. Нанятый соби лае и въ викна и въ двери; а хозяева слухають, та й кажуть: ба, який у насъ гарный сторожъ". А винъ веливъ своимъ сынамъ приихать и набрать два воза пшеныци; ти прийихалы, набралы и поийихалы. На утро хозяева дывляцьця, шо уси комори поодчиняти, та й спрашивають у своего сторожа, (а винъ соби лежыть на соломи, та й мовчить): „шо це у насъ покража е, а ты наймався стерегты", а винъ мовчить, ничого не каже. Хозяинъ ставъ его ругать, а винъ тоди и каже: „хиба собака балака съ хозяиномъ". Тоди хозяинъ начавъ изъ нымъ судыцьця за покражу, а той и каже: „я бувъ собакою, не можу сказать, хто покравъ". И присудылы хозяина сторожу отдать мирку жита".

Пѣсни.

„И сусиды близьки,
Перелазы низьки.
А за тимъ перелазомъ
Стоить горнычка нова,
Нова выстроена,
Сругомъ выструганa.
А въ тий горнычки
Стоить столыкъ дубовой,
Ножки точеныя,
Позолоченыя.
А за тимъ столыкомъ
Сыдыть дивка съ казакомъ,
Дивка взоры вышивала,—
Дивка взорушка.
Дивка нытки потиряла,—
Дивка ныточка.
А за тии сыни нытки
Хоче маминька быты.
„Стой, маминька, не бый!
Сударыня, пожалий!
Я поутру пайду,
Сыни нытки найду".
Я поутру найшла,
Сыни нытки найшла;
Сыни нытки найшла,
И до дому прийшла".

* * *

„Тутъ и ричка, тутъ и мистъ,
Тутъ хороший переездъ.
Тутъ я свою раздушеньку
Тай на ручкахъ перенисъ.
Перенисъ парень дивчонку,
Перенисъ красавицу,
Перенисъ, перескочивъ,
Ничего я не вмочивъ.
Когда рубъ, когда два,
Когда рубля полтора,
Тольки усего й урону,
Шо башмакъ упавъ у воду.
Башмакъ батенька купывъ,
Чулокъ мылый подарывъ.
Не жалко башмачка,
Жалко мылого чулка.
На кватырушку ходывъ,
За кватырушку платывъ,—
Когда сытцю на рубашку,
Когда сала кусокъ,

Когда грывеничокъ,
Семыгрывенночокъ,
Когда сынюю бумажку,
Когда мыла брусокъ,
Когда тии безчастнои
Чечевыци мишокъ".

* * *

„Ой по мосту, по мосту
По калыновому,
По другому, по малому,
По малыновому,
Сюда йшовъ, прийшовъ купець.
Разудалый молодець;
Разудалый, та удалый,
Та головушка твоя
Не великий капыталъ.
На ёмъ голубой кафтанъ
Раздымашуецьця, полы машудьця.
А на шеюшкѣ платочекъ,
Будто аловий цвѣточекъ,
А въ карманѣ другой,—
Разноцвѣтный дорогой".

Въ прежнее время были игроки на гусляхъ, цимбалахъ и гитарѣ, а теперь подобной игры не услышишь: молодые парни и дѣти играютъ на гармоніяхъ, балалайкахъ, сопилкахъ и всевозможныхъ пищикахъ самодѣльной работы. Есть также игроки на самодѣльныхъ скрипкахъ. Играютъ нѣкоторыя пѣсни и что нибудь веселое для танцевъ во время свадебъ. Одинъ слѣпой, умершій года три назадъ, игралъ, подпѣвая, на гусляхъ нѣкоторые „псальмы". Я могла узнать только нѣсколько словъ одной „псальмы":

„Съ другомъ я вчора сидѣлъ,
Нынѣ смерти зрю предѣлъ.
О, горе мнѣ! горе великое!
Мимо царства прохожу,
Горько плачу и гляжу;
Въ пламени стою,
Огонь и смолу пью".

О. Бородавкина.

7.—Сл. Нищеретова.

Поселеніе.—Жители, жилище, одежда, пища.—Болѣзни, занятія, религіозность.—Обычаи при рожденіи.—Свадебные обычаи и пѣсни: „змовины", „сватання", „домовины", „винецъ", „пишки", „пидвисилокъ", „свадьба".—Уличныя пѣсни.

Слобода находится при р. Бѣлой, въ 14 вер. отъ г. Старобѣльска. Съ западной стороны тянется мѣловая гора по всему протяженію слободы, а со всѣхъ прочихъ сторонъ—низменная равнина, на которой и расположена сл. Нищеретова; а потому она богата рощами: вербовыми, берестовыми, тополевыми; не мало въ ней фруктовыхъ садовъ; по болотистымъ мѣстамъ ростутъ лозы черныя и бѣлыя. Названіе Нищеретовой слобода получила отъ слѣдующаго обстоятельства: мѣстность эта была въ дикомъ состояніи; камыши,—„очеретъ", по р. Бѣлой и въ другихъ мѣстахъ выростали до громадной величины. Первые поселенцы имѣли хаты гораздо ниже „очерета", отсюда и названіе, сначала хутора, а потомъ слободы, Ниже очерета, или сокращенно—„Нищеретова". Такъ гласитъ народное преданіе о названіи слободы. Первые поселенцы тоже получили прозвище Нищеретъ, и теперь существуетъ много семействъ съ такой фамиліей. Поселеніе возникло вначалѣ 18-го столѣтія. Это видно изъ того, что въ 1793 г. 17 ноября, когда въ хуторѣ было 655 д. м. п., жители получили отъ Епископа Воронежскаго Иннокентія грамоту на построеніе деревянной церкви, которая въ 1795 г. была освящена. Слобода принадлежала къ Бѣловодскому округу, Воронежской губ.

Жителей въ настоящее время 1730 д. м. п. и 1750 д. ж. п.; народъ рослый, тѣлосложенія крѣпкаго; болѣе шатены, чѣмъ блондины и брюнеты; волосы носятъ большіе, въ кружокъ подстриженые. Много красивыхъ женщинъ. Инородческихъ примѣсей очень мало. Жители — малороссы, но говорятъ нечистымъ малороссійскимъ языкомъ отъ того, что ходятъ на заработки въ Донскія мѣста, живутъ тамъ подолгу и усвоиваютъ мѣст-

ныя нарѣчія; служившіе въ военной службѣ, возвращаясь домой, смѣшиваютъ говоръ солдатскій съ малорусскимъ.

Жилище. Дубоваго или сосноваго лѣса крестьяне не имѣютъ; вербы много своей, но вербовыя хаты непрочны, а потому предпочитаютъ строить хаты изъ мѣла, добываемаго изъ горы, тянущейся вдоль всей слободы. Въ переднемъ углу хаты ставятся иконы въ металлическихъ ризахъ изъ фольги. Иконопись суздальская изгнана изъ употребленія. Уголъ, гдѣ ставятъ иконы, украшается „шпалерами", т. е. бумагой самихъ яркихъ цвѣтовъ и пестрыхъ рисунковъ; кіоты иконъ „квичáютъ квиткáми", сдѣланными ими самими изъ цвѣтной или папиросной бумаги. По сторонамъ угловъ возлѣ иконъ вѣшаютъ „рушныкы", вышитые ими самими, или покупные.

Разныя хозяйственныя постройки не имѣютъ опредѣленнаго плана, ихъ строютъ тамъ, гдѣ находится подходящее мѣсто.

Одежда. Зимою мужчины и женщины носятъ кожухи изъ овчинъ, которыя выдѣлываютъ купнеры великоруссы, пріѣзжающіе на время въ слободу. Зажиточные крестьяне покупаютъ на ярмаркахъ готовые кожухи, лучшей отдѣлки, называемые дубленками. Лѣтняя одежда мужчинъ—чинарки изъ бумажной матеріи, сукна, плиса; кромѣ стариковъ, всѣ подпоясываютъ станъ краснаго или зеленаго цвѣта поясами. Лѣтняя одежда женщинъ—свытки изъ бѣлаго толстаго сукна, которое онѣ сами ткутъ изъ нитокъ овечьей шерсти. Дѣвушки-же ходятъ весною и лѣтомъ даже въ церковь безъ свитокъ, а въ нарядныхъ „ситцевыхъ шарафанахъ или спидницяхъ", „юбкахъ" (кофты); юбки носятъ черныя шерстяныя и плисовыя, а шарафаны изъ кумача и вообще цвѣтные; волосы у женщинъ бываютъ очень хорошіе; онѣ заплетаютъ ихъ въ одну красивую косу изъ нѣсколькихъ пасмъ, или прядей волосъ. Въ косу вплетаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ „кисниковъ", т. е. лентъ, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ красныхъ купленныхъ цвѣтовъ. Иногда дѣвушки накрываются платочками шерстяными, или бѣлыми ситцевыми; это у нихъ называется—„запаняцьця", т. е. накрываться, какъ „панянки", т. е. барыни. Замужнія женщины носятъ на головѣ „очипки", или чепцы, очень некрасивые; онѣ ихъ шьютъ сами изъ дешевой парчи; надѣвая ихъ, сверху покрываютъ плат-

комъ, концы котораго обводятъ вокругъ очипка. Праздничная одежда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—въ такомъ же родѣ, но чище и изъ лучшаго матеріала. Изъ старинныхъ одеждъ остались только „дерги", которыя женщины носятъ осенью и зимою. Дерга—это жесткое толстое сукно, вытканное изъ овечьей шерсти шириною въ аршинъ, окрашенное ими-же самими въ черную краску. Берутъ этого сукна 4 ар. и, сшивая его, обертываютъ имъ станъ и талію и подпоясываютъ поясомъ. Дерга замѣняетъ имъ шарафанъ, стоитъ дешево и очень прочна. Бѣлье они шьютъ изъ полотна, котораго всякій хозяинъ и во всякое время имѣетъ по нѣсколько сотенъ аршинъ. Полотно они ткутъ сами.

Пища. Въ хорошіе урожайные годы, у богатаго крестьянина всего много: хлѣба разнаго рода, сѣмянъ конопляныхъ, льняныхъ, пшена, картофеля, молока, сметаны, масла коровьяго, а потому они пищу употребляютъ хорошую и въ достаточномъ количествѣ. Къ Рождеству Христову заготовляютъ скоромную пищу: кормятъ нѣсколько кабановъ и въ декабрѣ колятъ ихъ; сало заготовляется на цѣлый годъ, а мясо употребляется въ Рождественскій мясоѣдъ; въ осеннее время рѣжутъ куръ, „вáлховъ"; въ скоромные дни постоянно къ столу подается мясо, кромѣ мясоѣда, слѣдующаго послѣ Воскресенія Христова, когда мяса они почти не употребляютъ, но зато всегда имѣется сало, которымъ заправляются всѣ кушанья; въ это время они часто варятъ вареники, млинцы, „галушки молошни". Народъ трудится, но любитъ и хорошо покушать. Въ постные дни имѣется постное масло. Такъ ѣдятъ богатые.—У бѣднаго-же крестьянина пища бываетъ скудная; онъ считаетъ себя счастливымъ, если къ празднику заколетъ небольшого кабана и имѣетъ сало. Въ постные дни въ рѣдкихъ случаяхъ появляется въ домѣ его постное масло; онъ ѣстъ картофель, капусту, галушки, вареники съ капустой и все это безъ масла. Коровы онъ не имѣетъ, „десятокъ овечóкъ"—все его богатство.

Освѣщаютъ крестьяне хаты керасиномъ.

Болѣзни. Дифтеритъ появился съ 1873 года и съ того времени почти не прекращается; каждою осенью и весною бываетъ много жертвъ. Появляется частенько здѣсь и тифъ. Къ

врачамъ народъ обращается охотою, но къ сожалѣнію врачей мало, и народъ нерѣдко прибѣгаетъ къ знахарямъ на сторону, такъ какъ мѣстныхъ нѣтъ.

При лѣченіи больного скота употребляютъ домашнія лѣкарства: синій камень, росолъ, мыльную воду и т. д.; женщины подкуриваютъ скотъ травами, парятъ на кирпичахъ и нашептываютъ свои неизвѣстныя молитвы.

Главное **занятіе** крестьянъ—земледѣліе; въ прежнее время многіе занимались пчеловодствомъ, но, по уничтоженіи лѣсовъ, луговъ и вслѣдствіе частыхъ засухъ, занятіе это упало. Сады есть и хорошіе; кустарныхъ промысловъ не было и теперь нѣтъ.

Народъ **религіозный;** съ усердіемъ посѣщаетъ храмъ, любитъ путешествовать въ прославленные святынями монастыри, какъ напр: Кіевскій, Воронежскій, Святогорскій. Когда находится крестьянинъ въ достаткѣ, то съ любовію и другимъ благотворитъ. Сектантовъ нѣтъ.

Въ слободѣ существуетъ съ 1867-го года народная школа, грамотныхъ много; народъ относится къ школѣ и учителю съ любовію и довѣріемъ.

Женщина въ семьѣ и обществѣ пользуется любовію и уваженіемъ. Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ семейные раздѣлы стали обычнымъ явленіемъ, что вредно отзывается на благостояніи населенія. Пьянство развито.

Существуетъ обычай при **крещеніи** дѣтей. Когда несутъ крестить дитя, то кума непремѣнно беретъ съ собою кусокъ ржаного хлѣба, а по крещеніи, когда въ домѣ бываетъ угощеніе гостей, то кладутъ отцу дитяти въ рюмку водки стертаго хрѣна и мягкой соли, и это онъ долженъ выпить. Бабка повитуха, подавая дитя кумѣ на руки, когда его несутъ къ священнику крестить, говоритъ: „даю вамъ новорожденнаго, а вы принесить мини крещеннаго“, и наоборотъ,—возвращаясь, кума отдаетъ ей-же дитя и говоритъ: „брала у васъ новорожденнаго, а вамъ принесла крещеннаго.

Перехожу къ свадебнымъ обрядамъ и пѣснямъ. *„Змовины“*. Къ крестьянину, у котораго есть „дивчина“, приходятъ старосты съ хлѣбомъ, останавливаются возлѣ хаты подъ окномъ и говорятъ: „добрый вечиръ, пустить насъ погрицьпя“.—„А

що вы за люды, чии вы, видкиля идете"?—„Пустить насъ у хату мы вамъ разскажемъ".—„Войдить, люды добри". Старосты входятъ и говорятъ: „пустить насъ у гости".—„Мылосты просимъ". Одинъ крестьянинъ изъ числа сватовъ подаетъ хлѣбъ хозяину, или хозяйкѣ, называя ихъ мамою, или татою.

Кто нибудь изъ тѣхъ беретъ хлѣбъ и кладетъ на столъ. Начинается разговоръ, сваты говорятъ: „мы чулы, що у васъ е дивчина, що можно отдать, мы прійшлы свататы".

Тѣ отвѣчаютъ: „Вона таки е, та мы ще не радылись; приходьте люди добри завтра, мы порадымся", отдаютъ хлѣбъ, и они уходятъ. Приходятъ сваты на другой день утромъ, а эти уже „порадылись" (посовѣтывались) и принимаютъ гостей уже ласковѣе, хлѣбъ не отдаютъ, а оставляютъ и просятъ на вечеръ пыть могорычъ, т. е. пропывать дивку, и „змовляцьця"—на когда сватанье, согласны ли дѣти. Приходятъ сваты вечеромъ съ женихомъ, входитъ „дивчина", здоровается, и, когда ее спросятъ, „наравится-ли йи хлопецъ",—она „засоромицьця, одвернецьця до припичка", (такъ какъ всегда стоитъ она вдали отъ стола, за которымъ сидятъ старосты), и колупа припечекъ. Нѣсколько разъ обращаются къ ней съ этимъ вопросомъ, и если женихъ ей не нравится, она говоритъ: „не хочу иты за его", или совсѣмъ убѣгаетъ къ сосѣдямъ. Случается, что молода не хочетъ выходить, капризничаетъ, плачетъ, уходитъ, но батько уговариваетъ и приказываетъ. Если-же молодый, понаравився „молодой", она изъявляетъ согласіе, и батько „свите свички передъ образы". Къ каждой иконѣ прилѣпляютъ свѣчку, и молятся Богу, кладутъ земные поклоны; женихъ и невѣста „кланяются батькови, матери и сватамъ всимъ по тричи". „Садяцьця вечерять и совитуюцьця на колы сватаня".

„*Сватання*".—Сватанье бываетъ обыкновенно въ „недиленьку" (воскресенье) вечеромъ. Молода идетъ съ дивчатами, которыя въ это время зовутся „дружками", къ родичамъ и сосѣдямъ; приглашая ихъ на сватанье, говоритъ: „просывъ батько, мате и я просю на сватанье". Молода одѣта парадно. Когда идутъ по улицѣ, то всѣ поютъ, а молода идетъ впереди одна и не поетъ.

„Тай шли дружечки,
По пидъ вышневымъ садочкомъ,
Тай вырвалы квиточку зелененьку,
Тай свинчалы Марьечку молоденьку съ Василечкомъ“.

Когда молода созоветъ всѣхъ родичей, то заходитъ къ сосѣду и ожидаетъ молодого. За нею приходитъ „молодый“, зоветъ ее, и они идутъ, входятъ въ хату молодой, молятся и кладутъ три поклона, кланяются въ ноги батькови, матери и старостамъ и батькови и матери молодого; потомъ молодого и его родителей и старостовъ приглашаютъ сѣсть за столъ, молодого на первое мѣсто, т. е. въ уголъ, въ которомъ на стѣнѣ висятъ иконы; молодой даютъ тарелку, на ней рушникъ, она подаетъ его „свекрови“ т. е. отцу молодого, а онъ даритъ ей рубль - бумажку, случается и серебряный; „свикруси“ подаетъ на тарелкѣ сирпанокъ т. е. бѣлую плохую кисію или марлю, старостамъ тоже даритъ рушники, и они говорятъ: „спасибо дочка, що раненько вставала, та рушнечки довгеньки пряла“, а потомъ подаетъ молодому „хусточку“ и „чарку горилки“; онъ отдариваетъ, кладетъ на тарелку денегъ нѣсколько копеекъ. Потомъ угощаетъ всѣхъ водкой, а они дарятъ ей мелкія монеты. Дружки все это время стояли молча, теперь начинаютъ пѣть пѣсни.

„Що ты думала,
Що ты гадала
Марьечка молодая,
— Те я думала,
Те гадала,
Що ни отдасть мене
Мий батько“.

* * *

„Не вцивайся, мий батенько,
Чужу сторононьку,
Чужа сторона безъ витру шумить,
Чужій батько, чужа мате
Не бье, тай болить“.

Потомъ угощаетъ отецъ всѣхъ гостей; старики, сваты вечеряютъ, а молодые и молодежь уходятъ въ другую хату. Молодые уходятъ домой, а молодежь веселится всю ночь; поютъ, танцуютъ, парубки играютъ на гармоніяхъ и балалайкахъ. „Дивчата“ здѣсь-же варятъ вареники; ужинаютъ и расходятся. На другой день молодой зоветъ батька и матирь „у сваты“, т. е. въ гости къ нему и тамъ угощаютъ ихъ. Сватанье кончилось.

Послѣ сватанья черезъ двѣ недѣли, или черезъ недѣлю сваты идутъ до молодой на *„домовины“*, т. е. на совѣтъ, и въ это время совѣтуются, накогда свадьба и какіе кому готовить подарки. Когда уговорятся въ какой день вѣнчаться и въ какой день свадьба, то уходятъ.

Въ назначенный день для *„винца“*, молодой идетъ въ церковь съ „бо́рами“, т. е. шаферами, а молодая приходитъ отдѣльно съ „дру́жками“ и съ ними по два старосты. Послѣ вѣнца, если молодой живетъ близко, то зоветъ молодую обѣдать, а она уходитъ домой, онъ уговариваетъ ее пойти обѣдать и наконецъ беретъ ее за руки и безцеремонно тянетъ; бояры его толкаютъ дружокъ и, поцеремонясь, они отправляются къ молодому всѣ обѣдать; если же молодой живетъ далеко, то расходятся по домамъ. Послѣ вѣнца свадьба бываетъ черезъ недѣлю, или дня черезъ четыре, или недѣли черезъ двѣ, рѣдко случается, что въ одинъ день бываетъ и вѣнецъ, и свадьба.

За два дня до свадьбы, молода зоветъ дивчатъ, сосѣдъ и лѣпятъ изъ тѣста маленькія булочки, которыя состоятъ изъ узкихъ полосокъ съ вырѣзанными на концахъ зубчиками; хлѣбъ этотъ называется *„шишками“*; когда ихъ лѣпятъ, „дивчата и молодцы“, то поютъ:

„Тай Марьечина неньки (мать)
Тай по улици ходе,
Сусыдочекъ просе:
Сусидочки мои, голубочки,
Приходьте до мене,
Не до мене, до мого дитяты,
Тай калачикивъ дбаты,
А шишочекъ липыты,
А дружечекъ дарыты“.

Лѣпятъ еще „каравай“, большой хлѣбъ съ такимы-же украшеніями изъ тѣста, какъ и шишки, и еще пекутъ „калачъ“ и украшаютъ его краснымъ гарусомъ. Передъ тѣмъ, какъ сажать этотъ каравай въ печь, мужчина выметаетъ печь помеломъ, потомъ садятъ каравай въ печь, а дижу, т. е. кадку, что была съ тѣстомъ, берутъ на руки четыре женщины, носятъ по хатѣ и поютъ:

„Вермень пичь выметавъ,
А верменка поглядала,
Чи гораздъ вермень пичь вымета.
Пичь ходе на ногахъ,
Дижу носють на рукахъ,
Пычись каравай, щобъ печеный бувъ“.

Женщины, которыя носятъ его, спѣшатъ поцѣловаться на крестъ, и зато первой изъ нихъ подносится „чарка горилки“. Послѣ этого угощаютъ всѣхъ ихъ водкой; пообѣдаютъ, получатъ по шишкѣ и уходятъ. На другой день, т. е. подъ день свадьбы, вечеромъ молодая идетъ съ дружками; беретъ съ собою нѣсколько шишекъ и идутъ „по родычамъ“ и просятъ такъ: „просывъ батько, мате до хлиба, до соли на вычирины, или на пидвисилокъ“,

даетъ шишку и при этомъ въ каждой хатѣ каждому члену семьи кланяется въ ноги. Когда проходятъ по улицѣ, поютъ:

„Тай стрибная сережечка Марьечка,
Золотый обиденъ Василько,
Тай обвився коло ручки,
Коло косы, роси“.

Обойдя она своихъ родичей, то идутъ до свекрухи; войдя въ дворъ, всѣ останавливаются и поютъ:

„Обметайте дворы,
Застилайте столы,
Идуть до васъ дружечки,
Паняночки“.

Свекруха выходитъ и зоветъ ихъ; входятъ,—молодая кланяется свекрухѣ 3 раза; садятся за столъ, ихъ угощаютъ пирожками со сметаною, потомъ свекруха даетъ имъ по шишкѣ и посылаетъ молодую къ своимъ уже родычамъ, приглашать и ихъ къ ней на „*пидвисилокъ*“.

Приходитъ молодая домой позднимъ вечеромъ, приходитъ и молодой съ боярами, свашками и „свитылкою“, т. е. дѣвочкой, которая садится на „покуть“,—мѣсто за столомъ въ углу, и держитъ пучокъ „василькивъ“; въ срединѣ пучка стоятъ двѣ восковыхъ свѣчи. Молодой съ молодою стоятъ возлѣ порога, а дружко стоитъ за ними и говоритъ: „благословить молодій княгини и молодому князю гильцѐ выть тричи разомъ“. На лавкѣ сидятъ старосты и отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Послѣ этого они садятся, за столъ: на столѣ стоитъ „гильце“, т. е. небольшое сосновое дерево, украшенное карусомъ, ленточками бумажными, цвѣтами,—и молодый начинаетъ его вить, т. е. кончаетъ его украшеніе: беретъ „василькивъ“, три колоса жита, вѣтку калины и привязываетъ этотъ пучекъ на верхнюю вѣтку гильца. Такой же букетъ составляетъ молодая и привязываетъ его туда-же на гильце. Отецъ угощаетъ ихъ водкой, потомъ угощаетъ свитылку, свашокъ и всѣхъ родычей. Дружки въ это время стоятъ и поютъ:

„Летила черезъ хату гуска,
А въ хати зъ перцемъ, зъ инбер-цемъ
Кипила капуста
Зъ Марьечкинымъ щирымъ серцемъ.“

* * *

„Зйилы бояры цилого вола,—
На столи ни рисочки,
Пидъ столомъ ни кисточки.
Зйилы дружечки пивъ голубонька,—
На столи повненько,
Пидъ столомъ чистенько“.

Въ этой пѣснѣ дружки подсмѣиваются надъ боярами, что,

когда ихъ угощали водкой, они заѣдали мясомъ и много съѣли мяса. „Молоди“ и молодежь уходятъ въ хатыну, а сваты и родичи вечеряютъ и расходятся. Молодежь входитъ и веселится по своему безъ присутствія стариковъ: поютъ, танцуютъ, играютъ на балалайкѣ, гармоникахъ; потомъ молодая съ дружками варитъ капусту и вареники и всѣ ужинаютъ. Въ это время происходитъ особенная церемонія: „молодый“ беретъ въ ложку капусты, подноситъ ко рту „молодій“, а она набираетъ въ свою ложку и подаетъ ему и опять такъ-же; бояры кормятъ дружокъ, а дружки ихъ, и такъ весь вечеръ продолжается; потомъ расходятся. Если-же молодый живетъ въ другой слободѣ, то у него бываетъ „пидвисилокъ“ отдѣльно со всѣми обычаями, какъ и у молодой, а на другой уже день онъ пріѣзжаетъ за молодой.

Свадьба. На другой день послѣ „пидвисилка“ соберутся къ молодой ея родичи, а къ нему—его, происходитъ угощеніе, обѣдъ; семья жениха выпроваживаетъ жениха съ боярами, свашками и свитилкою за молодою, а молода съ своими гостями обѣдаетъ раньше, чтобы „поиздъ“ этотъ не засталъ ихъ за обѣдомъ, и тогда уходитъ съ дружками къ сосѣдамъ, а гости остаются. Когда молодый собирается ѣхать за молодою, послѣ обѣда помолятся всѣ, кто есть изъ родичей,—онъ садится въ экипажъ и мать посыпаетъ ему на голову немного хмѣля, конфектъ и мелкихъ монетъ. Дѣти спѣшатъ идти въ ту хату, гдѣ есть женихъ, зная что жениха будутъ обсыпать хмѣлемъ и пр., которое позволяется имъ подбирать. У жениха, по обычаю, бываетъ меньше причудъ, чѣмъ у невѣсты. Пріѣзжаетъ „молодый“, заѣзжаетъ къ сосѣдямъ, беретъ „молоду“ съ дружками и ѣдутъ къ церкви; останавливаются противъ западныхъ дверей, встаютъ, подходятъ къ дверямъ, кладутъ три земныхъ поклона, пожатъ шишку на порогѣ и ѣдутъ кататься. Когда пріѣдутъ ко двору молодой, всѣ встаютъ, входятъ во дворъ, подходятъ къ порогу и тутъ только молодая „здоро́вкается“ съ ними; идетъ съ „дру́жками“ и „дружко́мъ“ въ хату, на порогѣ стоитъ молода, а онъ впереди и говоритъ: „благословить молодій княгини Богу помоли́цьця и не́нци въ но́ги поклони́цьця три́чи разомъ и благословить молоду княгиню за столъ замисты“. Староеты

отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ и мы благословымъ“; и она садится за столъ. Потомъ дружко беретъ маленькій кувшинъ, наливаетъ въ него воды; кладетъ на кувшинъ пишку, уходитъ изъ хаты и говоритъ: „прощайте“. На дворѣ передъ порогомъ хаты стоитъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, и на немъ лежитъ хлѣбъ, передъ столомъ стоитъ молодый, два старосты, свашки и ожидаютъ, когда пригласятъ ихъ въ хату; наконецъ дружко подходитъ къ нимъ, здоровается съ ними и даетъ выпить изъ кувшина; тѣ выпиваютъ по глотку, онъ прощается, уходитъ, входитъ въ хату, здоровается и предлагаетъ выпить; потомъ проситъ „старостивъ“, молодой, которые за нимъ выходятъ; онъ заставляетъ этихъ старостовъ здороваться съ тѣми; тутъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и эти старосты приглашаютъ тѣхъ, говоря: „милости просимъ до нашего батька въ хату“, входятъ и садятся на лавкѣ, а дружко говоритъ: „Де наша маты?“ Старосты старостовъ зовутъ въ хату, а зятя—мать; мать беретъ въ рюмку хмѣля и меду, выходитъ къ зятю, здоровается и даетъ ему въ руки чарочку съ хмѣлемъ, а онъ отдаетъ боярину, т. е. хлопцу, который держалъ вѣнецъ; тотъ переноситъ чарку черезъ правое плечо и высыпаетъ все изъ чарки подъ правую ногу жениха, угощаетъ молодого „горилкой“ и всѣхъ членовъ обряда и приглашаетъ въ хату. Идетъ впереди молодый и останавливается на порогѣ, наклоняется, а свашки его цѣлуются на крестъ съ свашками невѣсты и мѣняются хлѣбомъ; ея свашки садятся на мѣсто, а дружко стоитъ впереди молодого и говоритъ: „благослови́ть молодого князя у сей домъ увесты, Богу поклони́цьця и не́нци три́чи ра́зомъ“. Молоды́й кланяется, цѣлуетъ молоду̀ и садится рядомъ съ нею; когда молоды́й вошелъ въ хату, молода наклоняетъ голову на столъ, а старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, украшенный гарусомъ; когда молоды́й подходитъ къ молодой цѣловать ее, дружка принимаетъ съ головы калачъ, а остальныя дружки, смѣясь, поютъ:

„Тоби дружко не дружковать,
Тоби свыни пасты,
Молодому завертаты,
Що не вмие молодои цилуваты“.

Тогда дружко молодого беретъ подарки у свашекъ и подаетъ матери чоботы, невѣсткамъ серебряныя серги, если у нея есть се-

стры, то имъ „кисники", т. е. ленты; беретъ у молодого шапку, а у молодой съ головы „квитку" и отдаетъ свашкѣ; припиваютъ эту квитку къ шапкѣ и поютъ:

„Изъ Кіева швачка,
Купеческа дочка,—
По городу ходыла,
Шовки куповала,
Квитки прышывала".

Потомъ беретъ дружко́ шапку, подаетъ боярину, а тотъ надѣваетъ на молодого, снимаетъ и т. д. до трехъ разъ. Дружко беретъ у жениховыхъ свашекъ шишки, раздаетъ всѣмъ родичамъ и спрашиваетъ: „довольны ба́тьковымъ хли́бомъ"?—тѣ отвѣчаютъ: „довольны".

Дружко говоритъ: „гото́въ, ма́те, що молодій робы́ты". Мать идетъ въ „хижку", т. е. кладовую, беретъ каравай, кладетъ на него рушники, очипокъ и серпанокъ, это все дружко кладетъ на голову, идетъ въ хату и говоритъ: „благословить молоду княгиню покрыть тричи разомъ", старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить тричи разомъ". Въ это время дружки поютъ:

„Чи не бачишь, диво,
Що несуть твое дило,
Якъ биль билесеньке,
Якъ гай зеленесеньке".

* * *

„Насяла Марьечка квиточекъ,
Не вродылись квиточки,
Тай вродылись полуныци (клубника),
Минается твое дивованье й вечерынци".

Послѣ пѣнія свашки расплетаютъ косу молодой, смачиваютъ волосы водкой, завязываютъ волосы по срединѣ головы въ одинъ пучекъ, надѣваютъ очипокъ и повязываютъ сверхъ очипка платокъ; молодая плачетъ, нѣсколько разъ снимаетъ очипокъ и бросаетъ на землю, но свашки надѣваютъ снова. Дружки въ это время поютъ:

„На гори дощыкъ иде зъ росою,
Говорила Марьечка съ косою:
Тай коса-жъ моя кохана,
Та не годъ я тебе кохала,
Що суботоньки чесала,
Що недиленьки квичала;
Якъ расплиталы,—порвалы,
Пидъ очипокъ клалы,—зломалы,
Такъ мою косоньку потеряли".

Послѣ этого, двѣ свашки берутъ за концы серпанокъ и покрываютъ головы молодыхъ серпанкомъ, сами-же поютъ:

„Ой душенько, Марьечко!
Покрыванка плаче,
Покрываць хоче,
Не такъ покрываць,
Якъ намъ поцилувацьця;
Съ кныша полныця,—
Съ дивчины молодыця".

Сейчасъ-же этимъ сершанкомъ обвязываютъ ей голову, какъ платкомъ, и говорятъ: „за цю висть чарокъ по шисть, хоть по одній, тай по повній". Ихъ угощаетъ дружко, они уходятъ на свои мѣста, а молодой даютъ водку, и она угощаетъ всѣхъ.

Послѣ этого бояре идутъ къ дружкѣ „полудновать", а мать даетъ молодымъ вечерять; послѣ ужина отецъ беретъ образъ—благословеніе, а мать палку, садятся на нѣсколько минутъ; всѣ молятся Богу, а затѣмъ молодые кланяются въ ноги родителямъ; батько говоритъ: „гляды, дочко, щобъ винъ бувъ тоби чиловікъ, а тоби, сыну, щобъ вона жинка була", мать тоже повторяетъ; бьютъ ихъ по разу палкой и говорятъ: „вставайте диты". Молодые встаютъ и цѣлуются; молода беретъ икону, а отецъ говоритъ: „Богъ благословить и я—хорошо вамъ, диты, житы". Выходятъ, садятся и ѣдутъ къ молодому; когда выѣзжаютъ изъ двора, свашки поютъ:

„Выгребай, мате, жаръ,
Колы тоби дочки жаль,
Кыдай у пичь дрова,
Оставайся здорова".

А дорогою поютъ:

„Ой вы, кони, ведмеди
Чи падиетесь вы на сылу,
Чи довезете нашу княгиню
Черезъ гороньки крути,
Черезъ риченьки быстри".

Когда пріѣзжаютъ ко двору, то поютъ:

„Свекруха нывисточки бажала,
До купки пережечки складала,
Бля своеи нывисточки, голубочки".

* * *

„Выйды, матенько, обгляды,
Що тоби бояры прывезлы".
„Воны мини нывисточку прывызлы
И скрыню нову".

Входятъ въ хату, ихъ угощаютъ, свашки поютъ:

„Треба тоби, нывисточка, три нагаячки,—
Одну щобъ раненько вставала,
Другу щобъ пизненько легала,
А третію щобъ умила со свекромъ господарете (говоритъ),
Раненько вставала,
Рушнычокъ подавала
Биле лычко утерате".

Послѣ этого расходятся.

На другой день гости сходятся къ молодому, ихъ угощаютъ, а они дарятъ молодыхъ, кто чѣмъ богатъ: кто овцу, кто теленка, кто полотна, кто денегъ. Свадьба крестьянину обходится отъ 50 р. до 150 р., смотря по состоянію. Такой расходъ вызывает-

ся угощеніемъ гостей и сватовъ водкой, конечно, считая угощеніе съ самаго начала „змовинъ". Если невѣста бѣдная, то при сватаньи отецъ невѣсты выговариваетъ себѣ „пидстожнаго", т. е. беретъ деньги со свата для расходовъ по свадьбѣ.

Въ заключеніе сообщу двѣ уличныхъ пѣсни.

„Прилитавъ соловейко,
Соловейко до вykoнычка прыпадавъ,
Жалибненько щебетавъ,
Жалю дивчяни завдававъ:
„Гуляй, гуляй, дивчино поки твоя волюшка,
Ны накрыта твоя головущка,
Ны пидобрана руса коса,
Ны завезена въ чужу сторону.
Тай распроклята сторона,
Куда мыне мате завдала,
Де я зъ роду ны була,
Цего горичка ны знала".

* *
*

„Охъ, мате, хочу йисты,
Та боюся въ погрибъ лизты,
Та боюся щобъ невпала,
Щобъ капуста ны пропала.
Жаль, мате, капусточки,
Жаль, мате, бурякивъ,
Жаль, мате, покыдате
Черноморськихъ казакивъ".

А. Шальнева.

8.—Сл. Петро-Павловка.

Свадебныя пѣсни.—Коляды.—Щедровка.—Загадки.—Прибаутки.—Сказки.—Пѣсни.

Свадебныя пѣсни.

1.

А Па́влеко у те́стенька
Пье—гу́ляе,
Попере́ду соко́ленька посыла́е.
Леты́, леты̀, соко́ленько,
До ба́тька мого̀,
Неха̀й дворы̀, частоко́лы обмита́ють,
Неха̀й столы̀ тесо́выи застыла́ють,
Неха̀й менѐ молодо́го дожида́ють.
А тепѐрь молоде́нькій
Не самъ я бу́ду,
А я собѝ Оле́нку добу́ду.

2.

Та й ужѐ жъ, не́нько,
Та нераненько
Чомъ не вчишъ менѐ,
Не́нько, не научаешъ,
Якъ свеко́ркови годы́ты?
Ой, до́ньку моя̀,
Сама̀ не мане́нька!
Будь собѝ розумне́нька,—
Встань ране́нько,
Умы́ся биле́нько,
Швыде́нько иды,
Повне́нько беры,
Щобъ вечи́реньку заста́ла;
Ти́лько вступы̀ла у си́нечки,
Бря́знулы зъ сто́лу тарилочки.
Та й не гни́вайся, чуже́ дытя̀,
Що вече́рять забу́лы оста́выть.
У све́кра вече́ря
Зъ ма́сломъ пече́на,
Та зъ дри́бными слёза́мы;
А въ ба́тька вече́ря
Съ пе́рцемъ пече́на,
Та зъ ла́сковыми слова́мы.

3.

Ой, ра́но, ра́но бора́мы
Тамъ стоя́ла калы́на ряда́мы,
Тамъ збыра́ла Га́лечка
Дружечо́къ ю́лечкамы.
Посады́ла дружечо́къ
Ряда́чками.
Сама̀ си́ла вы́ще всихъ,
Наклоны́ла голо́воньку,
Ны́жче всихъ,
Заду́мала вона̀ ду́моньку,
Би́льше всихъ.

4.

Вы́йды, ты, ма́тенко,
Про́тивъ насъ,
Глянь, ты, ма́тенко,
По всихъ насъ.
Кра́щая Га́лечка
Одо всихъ насъ.

Не вгада́ла ма́ты
Своего́ дыта́ты,
Чи за дружечка́мы,
Чи за слизочка́мы.

5.

Поплыла̀ у̀тка
Поплыла̀ си́ра,
Та й на мо́ре ночува̀ть,
Ой, ра́но, ра́но ночува̀ть.
А за не́ю плывѐ, наздогоня́е
Сы́зый се́лезень.
Та по стой утко,
Та постой, си́ра,
Зъ тобо̀й пощелко́чимъ!
Бувъ я на ставку̀
Слыха̀въ я сла́вку,
Про те́бе, си́ра у́тка.
Плыву̀ть же си́ти
И на твой ди́ты.
Хочь неха̀й плыву̀ть,
Хочь переста́нуть,
Бо воны̀ менѐ
Не впийма́ють.

6.

Ши́ють кыба́лочку
На твою̀ голо́вочку,
А у неди́лечку,
Пидъ понеди́лочокъ
Воны̀ на те́бе надинуть.
Глянь на пори́гъ, ди́во,
Несу̀ть тво̀е ди́ло:
Якъ биль, биле́сенькé,
Якъ гай, зелене́сенькé,
Воно̀ жъ тобі зеле́ну̀щее,
Воно̀ тобі немыну́щее.

7.

За тума́номъ сви́та не вы́дно,
По долы́ни писо̀къ несé,
Тамъ Васы́лько во́лыкивъ пасé,
А Дуня́шка воды́цю но́се,
А Васы́лько воды́ци про́се.
Якъ ухва́те за виде́речко:
Здоровъ, здоровъ, моè се́рдечко!
Якъ и бу́де, маты пыта́ты,
Та й не бу́ду пра́вды каза́ты.
Та й полыну́лы гу́сы изъ бро́ду.
Скаламу́тылы съ пискомъ во́ду.

———

Схваты́лы, помча́лы,
Спаси́би не сказа́лы.

8.

Кудря́вый пого́нчикъ,
Та ще кучеря́вый!
Держі̀ ужі̀ ро́вно,
Та вдарь коня̀ бо́льно,
Що бъ побі̀гъ конь бо̀дро,
Що бъ я не слыха́ла,
Якъ ба́тюшка пла́че,
Ма́менька рыда́е,
Звы́чаю не зна́е.

9.

Та нихто̀ того̀
Хоро́шого про́изда не зна́е,
Та ти́лько зна́е, тѝлько вдаѐ
Молода̀ Ма́рьечка.
Ой, ра́но, ра́но, маёръ,
Мите́лыця промыта́е.
Та по по́лю по чи́стому
Маёръ, мете́лыця промыта́е.

10.

Сва́шка не липа́шка,
Шишо̀къ не липы́ла,
Дружо̀къ не дары́ла,
Одну̀ излипы́ла
Зъ зеле́ного си́на,
Та й ту сама̀ зъи́ла.
Бре́ши́ты, дру́жкы, ра́кы,
Бре́ши́ты, якъ соба́кы.
Би́гла су́чка яромъ,
А за не́ю дружкы̀ ря́домъ,
Ду́малы, що ма́ты,
Зачалы̀ нѝ сца́ты.

11.

Свиты́лочка пы́шна,
Якъ у саду́ вы́шня.
Свиты́лочка го́рда,
Якъ у свыни мо́рда.

12.

Отдаѐшъ мене́, мо́я не́нько,
Та й отъ се́бе,
Остае́цьця ру́та—мъя́та
Вся у те́бе.
Уставай же, мо́я не́нько,
Та й ране́нько,
Полывай же ру́ту—мъя́ту
Та й часте́нько.
И ра́нними, вече́рними
Зоречка́ми,
Дрибне́нькими, горя́чими
Слизонька́мы.

13.

Перенисъ, перескокъ
Та й ничо́го не замокъ,
Ти́лько мини одна шко́да,
Що впусты́въ башмакъ у воду
Мини не жа́лко башмака́,
Жа́лко би́лого чулка́.
Башма́къ ба́тенька купывъ,
Чуло́къ мы́лый подарывъ.
А чия жъ то дивчи́нонька,
Що на угли хата?
Гарне́сенька дивчи́нонька,
Ти́лько не бога́та.
Ой, радъ я любы́ть
Тай Моро́дъ не велы́ть,
Якъ поба́чу, тай запла́чу,
Та й жыво́тыкъ заболы́ть
Та й серде́нько защемы́ть.
Ой, чия жъ то трава
Та неко́шеная
И не грома́женая?
А тии удовы
Що взялы въ солдаты сы́на.
А де два,—тамъ нема,
А де тры, ти втеклы,
А де пьять,—тамъ не брать,
Де чоты́ри,—не велять,
А въ удовы одынъ сынъ
Тай той пишовъ пидъ аршинъ.

14.

Та дае́шъ мене́,
Мий ба́тенько;
Та й самъ ба́чишъ,
Не разъ, не два
Та й за мно́ю
Та запла́чешъ.
Якъ по весни
Тай садо́чки цвисты́муть,
А дружечки вино́чки плысты́-
муть,
Мы́мо твоихъ вори́течокъ
Та й несты́муть,—
Та й не бу́дуть
До ха́ты привертаты,
Що ни́кого на у́лыцю
Выклыка́ты.

15.

Ой, зя́тю хоро́ший,
Гото́въ ку́пу гро́шей:
Ку́пою не отбу́дешъ,
Хиба мини жупанъ ку́пышъ.
Зять на ме́не та не ды́выцьця:
Винъ на ме́не супроты́выцьця,
Винъ на ме́не ко́со погляда́е,
Винъ ме́не ны́шкомъ лае.

16.

Дру́жечки, паня́ночки,
Устаньте зъ лавочкы,
Пусти́ть цего́ па́на
До ций паня́ночки.

17.

Отдаѐшъ мене́, мий ба́тенько,
Молоду́ю!
Купы, купы зозу́леньку луговую,
Прыбы́й у кимна́ти

Кры кровати
Вона буде ранесенько
Кувáты,
Менѐ молодую
Розбужáты.

18.

Та й ходыла, тай Гáлечка
По крутѝй горѝ
Зобáчила сéлезеня
На тыхий водѝ.
Плывы, плывы сéлезеню,
Тыхо по водѝ
Прыбудь, прыбудь,
Мий бáтенько, тепéра ко мни,
Ой, дай минѝ порáдоньку
Бáдний сыротѝ.
Ой, радъ бы я, дытя моѐ,
Прибуты къ тобѝ,
Насыпано сыроѝ земли
На руки мои;
Склыпылыся ясни очи
Не бáчуть тебѐ.
Нехай тебé поражáють
Дядькѝ та титкѝ
И ридни, не ридни
Сестрыци твои.
Но нихтò не дасть порáдоньки
Такóи, якъ ты.

Коляды.

1.

Ой, рясно, крáсно
Калынонька въ лузи.
Ой, дай, Бóже!
А ще красниша
У Ягóркы дочка.
Ой, дай, Бóже!
Ягóрки дочка—
Дивка Галечка;
По двору хóде,—
Якъ зóря зóйде,
Въ присиночки йде,—
Якъ мисяць изойдé,
Ой, дай Бóже!
До цéрковки йде,—
Якъ сóнечко зóйде.
Ой, дай Бóже!
Стрилкою засвистывъ,
Брáтцивъ побудывъ,
Ой, дай Бóже!
Вставайте, братци,
Кóни сидлайте.
Ой, дай Бóже!
Ой, я жъ тамъ назнавъ
Коня въ дéреви,
Дивку въ тéреми.
Ой, дай Бóже!
Ой вамъ же, братци,
Коня въ дéреви,
А мини, брáтци,
Дивка въ тéреми.
Ой, дай Бóже!

Ой, рáно, рáно
Куры запилы,
А ще ранише
Пáвлеко устáвъ,
Лучкóмъ забрящáвъ,
Ой, дай Бóже!
Паны встричáють,
Шапкы скидáють.
Ой дай Бóже!

3.

Колядъ, колядъ, колядныця,
Дóбра зъ мáкомъ паляныця,
А писная не такáя.

4.

А въ лискý, лискý,
На жóвтимъ пискý
Тамъ хóде пáва,
Пирьячко збырà,
Въ рукавà склàдà.
Ой, дай Бóже!

Щедривка.

1.

Та й сивъ Іисусъ Христосъ
Та й на викóнечку.
Щéдрый вéчиръ, дóбрый вéчиръ,
Дóбрымъ людямъ на здорóвье!
Та пришла къ Нёму,
Та Бóжая Мáтерь.
Щéдрый вéчиръ...

2.

Щéдрикъ, Пéдрыкъ,
Дáйте варéныкъ,
Грýдочку кáшки,
Кильцѐ ковбáски.
Ще й тогò мáло,
Дáйте кусòкъ сáла
Щобъ маты не знáла,
А бáтько не чувъ,—
Пидъ прízьбою заснýвъ.

3.

Мылáнка ходы́ла
Васы́лька просы́ла,
Васы́лько, мий сы́нко,
Пусты̀ менѐ въ хáтку.
Я жы́та не жáла,
Чесны́й крѐстъ держáла;
Крести́тыся, люде,
До васъ Христóсъ бýде,
Бóгу сви́чку стáвте,
А намъ калáчъ дáйте.

Загадки.

„Пришлà шалдà-балдà, взялà штри́кы-бры́кы, а мякы́ныки почýлы, та сказáлы жи́тныкамъ: сидлáйте, жи́тныки, вився́ныкивъ, наздоганя́йте шалдý-балдý, отнимáйте штры́кы-бры́ки? (Волкъ, овцы, собаки, люди, кони). Четы́ре четы́ренки, а два хведорéнки тя́гнуть рулéцю на ýлыцю? (Возъ, быки, колеса). Четы́ре четы́рки, дви ростопы́рки, а седьмòй вертýнъ? (Баранъ). Пришлà кумà до кумы̀: дай, кумà, ля́поты, поля́паты, тай иды́? (Сито). Пришлà кумà до кумы̀: дай, кумà, ши́лы-бы́лы, похитáты свой жи́лы? (Ступа). Крýгле, та не ми́сяць, зелéне, та не дибрóва, зъ хвóстыкомъ, та не мы́ша? (Кавýнъ или гарбýзъ). Однò кáже: сти́ймо, дрýге кáже: ходи́мо, а трéтье каже: давàй Бóгу молы́цьця? (Земля, вода, очерéтъ, или камы̀шъ). Два брата летя́ть, а зъ ихъ кровъ капоты̀ть? (Вёдра). Си́рый волы́ще черезъ горы́ще дры́ще? (Дымъ). Гавры́ло — замáзане ры́ло? (Лампа). Верть—верть, а въ чирыпóчку смерть? (Завертка) Бижàть кóни вороні̀, на ихъ узды порвані̀, ихъ стать перенять, воны̀ йи́сты не хотя̀ть? (Хмары или тучи). Повзýнъ повзѐ, горшки везѐ? (Ёжъ). Манéньке, рудéньке по кутóчкахъ би́га? (Вѣникъ). За би́лою горóю талалàй плéще? (Языкъ). Одынъ каже: свитàй, Бóже, дрýгый кáже: не дай, Бóже, а трéтий каже: мини все ривнò, що въ день, що въ ночѝ? (Окно, свóлокъ,

двери). У го́роди рубають, а за го́родомъ трискй лита́ють? (Письмо). Изъ трема̀ дуба̀мы, загру́зло теля̀ зъ зуба̀ми? (Соки́ра или топоръ). Се́редъ ли́са—стои́ть дижа̀ съ ти́стомъ? Ры́ля би́ле? (Дижа̀, квашня). Чо́рне наси́ньня, хто ёго вми́е, той и посие? (Читать). Си́ре сукно̀ ли́зе въ викно? (Свѣтъ). Се́редъ ли́са—ли́са висы́ть кра́сне пла́тьячко? (Калина). Въ мане́нькому горще́чку солоде́нька ю́шечка? (Орѣхъ). Игна̀ть дубина̀ть, ёго̀ при земли̇̀ не знать? (Погребъ). Кы́нувъ я не па́лку, убы́въ я не га́лку, скубу̀ не пи́рья и йимъ не мьясо? (Рыба). Онъ и чо́ренъ, та не во́ронъ, и зъ рога́ми, та не быкъ? (Жукъ). Простылю̀ рого́жку, носы́плю горо́шку, положу̀ хли́ба окра́ецъ? (Небо, звѣзды, мѣсяцъ). Се́редъ по́ля—по́ля стои́ть кра́сна комо́ря? (Солнце). Онъ зеле́ный, та не лугъ, зъ хвосто̀мъ, та не мышъ? (Кавунъ, арбу́зъ). Два у́злыки усѐ по́ле васи́ялы? (Глаза). Симъсо̀тъ поросятъ, та вси ря́домъ лежа̀ть? (Сволочки). Стоить бара̀нъ, не сти́лько вовны̀, ски́лько ранъ? (Дривытьня). Два бра́та втика̀, а два наздогоня? (Колеса). Мане́ньке, тоне́ньке, ёго̀ постоя́нно скрозь тынъ тяга́ють? (Иголка)".

Прибаутки.

„Ой, тюри, тюри, тюри,
Бакайвськи дивки ду́ры,
Решето́мъ во́ду носы́лы,
А косо́ю шу́бу шы́лы,
Долото̀мъ дрова̀ руба̀лы
Ши́ломъ жы́то косы́лы".

Дивча̀та—курча̀та, не ба́чилы за́йця?—Пусть ке́леньку пройты́, а въ ке́леньку не зайты́.—Я сама̀ балаку́ха.—Глисти́ подга́листи.—Гололо́нчикъ—бубубу́нчикъ!—Ой, моя цыга́нко, ой, моя коха́нко! беры ключи́ струбо́ви, одмыка̀й скры́ни золоти́.—Дощъ идѐ, дощъ идѐ, стрихота̀ льецьця, хозяина до́ма нема́, хозя́йка смие́цьця.—Обитре́цьця, обимне́цьця и по ста́рому пойде́цьця.—Во́роне, во́роне! що ты ро́бышъ? Пи́чку копаю. На що вона тоби́? Окри́пецъ грить, дытя́мъ о́чи залыва̀ть, щобъ не ла́зылы въ горо́ды; а яки́й въ те́бе городе́цъ?—Старша дру́жка, дай я тебѐ пересадю̀ черезъ городе́цъ.—Параско! мене́ была ма́ты.—Защо?—Щобъ на у́лыцю неходыла.—Йи́хала Хы́ма зъ Ерусалы́ма, тарата́йка терко́че, кобы́ла йи́хать не хо́че; пишла̀ Хы́ма до ха́ты, ки́я шука́ты, кобы́лу убыва́ты.—По хо́лоди, по мо́лоди пьявка зузу́лька, си́льки не ти́льки! Печу̀, печу̀ по гре́бени, та ни́куды вы́йты старо́му Петро́вичу Бычо́вычу; ни́полъ,

вы́шолъ, вонъ пошо̀лъ.—За́яць—ми́сяць, де боли́сяць, шо́ли-по́ли тра́вку—мура́вку, шты́хиль на́пель, пель-пузы́рь.—Хохо́лъ! бе-ры̀ косу̀, молото̀къ, отправля́йся въ холодо̀къ! Разъ, два, три, четы́ре, пять,—вы́шолъ за́йчикъ погуля́ть, вдругъ охо́тныкъ вы-бига́е, пря́мо въ за́йчика стриля́е: пихъ,—пахъ, о-ё-ё-ой! про-па̀въ за́йчикъ мой.

А на гори́ зво́нять, та звонять,
Ужѐ мою̀ На̀стю хоро́нять;
На гори́ дощъ, та калю̀жа,
Ужѐ мою̀ На̀стю хова́ють.

* * *

Дидъ ба́бу товчѐ, товчѐ,
Що не ско́ро блынцѝ печѐ.

* * *

Якъ у васъ, такъ и въ насъ
Моро́зъ у Питри́вку,
Ужѐ моя̀ На̀стя не зду́жа;
А на гори́ пи́вчи спива́ють,
Ужѐ мою̀ На̀стю хова́ють.

* * *

Постой, ди́ду, не бисысь,
Якъ напечу́, такъ найисысь.

* * *

Змороз́ылы на пичѝ
Па́рубка и ди́вку.

Ой, хло́пци ребья́та! де вы наслы̀ теля́та? На попо́вий мо-ги́ли.—Чи, чи, чи, чи соро́ка, а де була̀? Далёко,—у Ливо́на на току́. Что-жъ ты ди́лала? Узду̀ плыла̀. А де жъ та узда̀? На коня̀ пишла̀. А де жъ той кинь? За ворота̀ пийшо̀въ. А де жъ ти ворота̀? Вода̀ вы́несла. А де жъ та вода̀? Быкѝ вы́пылы. А де жъ ти быкѝ? На го́ру пийшлы̀. А де жъ та гора̀? Че́рвы вы́точили. А де тий чѐрвы? Гу́сы вы́клювалы. А де тий гу́сы? У попа̀ на печѝ. А де жъ тотъ попъ? По квѝтки пийшовъ. А де тий квѝтки? Ди́вки вырвали. А де ти́и ди́вки? За мужья пишлы̀. А де ихъ мужья? На войну пишлы̀. А де жъ та война̀? У козла̀ та барана̀.“

Сказки.

1. „Жывъ собѝ мужы̀къ, и було̀ въ ёго тры дочки; тому̀ му-жыку тре́ба йты на слу́жбу. Старша́я дочъ гово́ре: „я пи́ду, папа́ша, за васъ служы̀ть“. Осидла́ла коня̀ и пойѝхала; выйи-хала вона̀ за сло́боду, чу́е: стучѝть, грю́чить, хто зна й де, во-на̀ и верну́лась. Сре́дняя дочка̀ гово́ре: „я пойду̀ за васъ слу-жы̀ть“. Оди́лася и пойѝхала; идѐ, идѐ, выйѝхала за сло́боду и чу́е: стучѝть, грю́чить; вона̀ и верну́лась. А меньша́я дочка́ бу-ла́ ду́рочка и ка́же: „я пойду̀ за васъ служить“. Ба́тько и ка́-же: „ужѐ ти побоя́лысь, а тобѝ шко́да ру́шаты изъ до́му“.— „Ни, пойду̀, тай пойду̀“; напа́лась, оди́лась и пойѝхала. Выйѝ-хала за сло́боду, чу́е, десь стучѝть, грю́чить, а вона́ такѝ собѝ

йи́де, тай йи́де да́льше. Прыйизжа̀ въ лисъ, а тамъ моро́зъ зъ змиемъ бье́цьця, и кричи́ть моро́зъ: „эй! братъ, иды̀, мини̇̀ поможи̇̀“, а змий собѝ кричѝть: „иды̀, мини̇̀ поможи̇̀“. А винъ сивъ, тай ду́ма: „кому́ мини́ помогты̀? Пиду̀, ма́будь, моро́зови, поможу̀“, и пишо̀въ. Вбы́лы воны́ вдвохъ змия, а винъ бувъ зъ трёма̀ голова̀мы; воны̀ взялы̀, го́ловы попалы́лы, а попилѐць въ карма̀ны поховàлы. Йидуть воны́ вми́сти, вотъ и пыта̀ моро́зъ: „якъ тебѐ зову́ть“? Та взявъ, нарва̀въ въ ру́ку зи́льячка буркунѐць, тай каже: „будь ты Рома̀нъ молодѐць“! Рома̀нъ молодѐць йи́де на слу́жбу, попрощався зъ моро́зомъ. Вотъ винъ соби́ йи́де, йи́де и ба́че: лежы́ть на доро́зи жаръ-пты́чино перо̀, дойи́хавъ до ёго и хо́че взять собѝ те перо̀, а кинь ёму́ и ка́же: „не беры̀, Рома̀нъ молодѐць, жаръ-пты́чино перо̀, а то буде тобѝ велы́кое го́ре“. Винъ не послу́хавъ и взявъ. Йидуть и йидуть по доро́зи, дойи́халы до царя̀ и зача̀въ тамъ служы̀ть Рома̀нъ молодѐць. Конь у ёго таки́й, якъ нарысо́ванный повсегда̀ и вы́чищенный жаръ-пты́чьимъ перо̀мъ. Узна́лы ко́нюхы, що въ ёго е жаръ-пты́чино перо̀, тай взя́лы пидбреха́лы царю̀ на ёго̀; тоди́ йде Рома̀нъ - молодѐць до свого́ коня̀, тай пла́че. А конь и ка́же: „я жъ тобѝ каза̀въ: не беры̀ жаръ-пты́чого пера̀, а то бу́де тобѝ прывелы́кая бида̀“. Ко́нюхи ка́жуть: „колы̀ ты доста̀въ жаръ-пты́чино перо́, такъ, доста̀нь же изъ мо́ря иконоста̀сь“. Йи́де Рома̀нъ молодѐць до коня̀, тай упья́ть пла́че, а кинь и ка́же: „я жъ тобѝ каза̀въ—не беры̀ жаръ-пты́чого пера, а то бу́де прывелы́кая бида̀, тай ще бу́де би́льша“. Винъ зипла́кавъ и пишо̀въ. Тоди́ Рома̀нъ молодѐць взду́мавъ про моро́за, тай зача̀въ крыча̀ть: „ахъ, братъ, моро̀зъ, я тобѝ помо́гъ, иди и ты минѝ поможи̇̀“! Явы́вся моро́зъ, та якъ зачавъ моро́зыть и вы́морозывъ усе́ мо́ре, и доста̀въ иконоста́сь на сухо́му дни мо́ря. Ти́лько винъ ставъ брать иконоста́сь, а намы́стичко и посы́палось; ёму̀ упья́ть ка́жуть: „доста̀нь же и намы́стычко, колы розсы́павъ“. Йи́де Рома̀нъ-молодѐць до коня̀ и пла́че; моро́зъ ще ёму пособывъ—и намы́стичко доста́лы. Вси ко́нюхи вздывува̀лысь и ка́жуть ёму̀: „якъ що ты такы̀й, такъ вы́жены изъ мо́ря де́вьять кобылы̀ць, а десятого жеребця̀“. Конь тоди́ и ка́же: „возьмы̀, братъ, Рома̀нъ, симъ пуди́въ смолы̀ ше́вськои, та четы́ри шку́ры, облипы̀ мене́ смоло́ю, обшы̀й шку́рами

и полизу я у воду, а ты сядь на берегу; якъ буде красна вода—не дожидай мене, а якъ буде сыня, такъ буду". Винъ, якъ улизъ у воду, та якъ почавъ быцьця зъ жеребцемъ, та до того добылысь, що у коня тилько до смолы добылось, а у жеребця уже вся кожа побылась, и все таки винъ убывъ жеребця и выгнавъ девьять кобылыць такихъ, що не вздумать, не згадать, не въ сказци сказать,—и земля дрожыть. И кажуть ему: „теперъ подой ихъ", а конь и каже Роману молодцю: „ну, беры казанъ, тай иды, а я якъ заржу, такъ уси кобылыци замовчать и будуть стоять, якъ укопани". Тоди пишовъ Романъ и подоивъ усихъ кобылыць. Конюхи упьятъ кажуть ему: „колы подоивъ, такъ улизь у молоко и закыпы". Романъ молодець зачавъ плакать, а конь и каже ему: „лизь у казанокъ, а я буду пиддувать". Якъ вылизъ изъ молока, та такый сталъ красывый, що нельзя и раздывыцьця. Тоди саме той заглавный командующій и каже: полизу и я въ молоко, та якъ полизъ, а конь зачавъ дуть, та якъ дунувъ, а той и згоривъ".

2. „Бувъ соби дидъ, та баба. У дида внучка и у бабы внучка. Послалы ихъ въ лисъ ягоды рвать, дидова рве,—та въ глечичокъ, а бабына рве, та йисть. Вотъ воны йдуть; дидова нарвала, а у бабиний нема ничого; вотъ йдуть, а бабына и каже: „давай я тоби вошки побью, а глечичокъ поставъ". Вона была, была, покы дидова заснула, вона ии взяла, зарізала, выкопала ямку, тай заховала. Гоне пастухъ овечки, а на ии гроби дудочка выросла, винъ узявъ, тай зризавъ и ставъ въ ту дудочку грать, а вона и каже:

„Ой, по-малу-малу, братику, грай,
Не вразы мого серденька въ край,
Мене сестрыця згубила,
Въ серденько ножикъ встромыла.
За золотеньки пидкивки,
За сыненьки ягидки!"

Вотъ дидъ почувъ, тай каже: „отъ цытьте, цытьте, пастухъ гра", а баба каже: „а то такъ шось"; вотъ винъ догоне до двору а дидъ и каже: „давай я въ дудочку заграю". Вотъ винъ гра, а вона и каже: „Ой, по-малу-малу, дидусю, грай" и т. д. Дидъ програвъ, тай каже: „а ну ты, бабо, на, заграй",—баба гра, а дудочка каже: „Ой, по—малу—малу, бабусю, грай"... и т. д. „А ну ты, внучко, заграй!" Вона й каже:

„Ой, по-ма́лу-ма́лу, су́ко, грай,
Не вразы мо́го се́рденька въ край,
Тыжъ мене, су́ко, згубыла,
Ты мини въ се́рденько но́жикъ встромыла
За золоте́ньки пидки́вки,
За сыне́ньки я́гидки“.

Тоди уси догадàлысь, що це вонà зариза́ла; доста́лы са́мого лу́чшого коня, привьяза́лы до хвостà ба́быну вну́чку, уда́рылы коня, и винъ рознисъ ий по всему би́лому сви́ту.“

3. „Живъ соби дидъ та ба́ба и бувъ у ихъ сынòкъ Ива́шка. Винъ напàвся на ба́тька: „изроби́ть мини́ чо́вныкъ, я пойи́ду ры́бку ловы́ть“. Йи́де, а ма́ты ёму́ прика́зуе: „гляды, сынòкъ, якъ бу́де змия́ клы́кать, такъ не плывы до бе́режка, а то вонà тебѐ, зийсть. Я прыйду до те́бе, прынесу тоби штанцѝ и соро́чечку: а ры́бку заберу́“. Вотъ винъ ло́ве, ло́ве ры́бку, прышлà ма́те и ка́же, „прыплы́нь, прыплы́нь до берѐжка, я жъ тоби йи́сты-пы́ты, хоро́шенько похо́дыты“! Ива́шко прыплывъ до бе́режка, ма́ты далà ему́ штанцѝ, руба́шечку, жилѐтку, картýзыкъ, а ры́бку забрàла, и винъ пойи́хавъ упья́ть ры́бку ловы́ть. Ло́ве и ло́ве, вотъ прихо́де змия́ и крычѝть то́всто: „Ива́шко, мий сыно́чку, плывы́ до бе́режка, я тоби́ йи́сты, пы́ты и хоро́шенько ходы́ты“. Винъ слу́ха, та самъ соби́ и ка́же: „ни, це не мать“, тай неплывѐ. Вотъ вонà пишлà до коваля́, тай ка́же: „кова́лику, кова́лику, скуй минѝ голосо́къ такий, якъ у Ива́шчиний ма́тери“. Вотъ вона́ прышла, и то́нко́ спивà: „Ива́шко, мий сыно́чку, плывы́, плывы́ до бе́режка, я тоби́ йи́сты-пы́ты, хоро́шенько походы́ты“. Винъ приплывъ, вона его́ взялà и понеслà до Оле́нки и ка́же: „топы́ пи́чку жа́рко, та зжарь Ива́шка, а я пиду́ гостѐй поклы́чу“. Вонъ вонà пишлà, а Ива́шка въ по́грибъ посады́ла, а та пи́чку выто́пыла и ста́ла ёго брать въ пи́чку сажàть. Вотъ вона́ и ка́же: „клады́ голо́вку“, винъ кладѐ, а вонà ка́же: „ни, не такъ;—ну, но́гу,—не такъ, давàй я тоби покажу́“.— Ти́лько вонà си́ла, а винъ ий въ пичъ, тай зама́завъ, а самъ злизъ на дубъ. Вотъ змия́, якъ нàчалà дубъ гры́зты, щобъ его впіймàть; гры́зла, тай поламàла зу́бы. Пишлà до коваля́, тай ка́же: „скуй мини зу́бы“. А тутъ лыття́ть гу́сы, Ива́шко и ка́же:

„Гу́сы, гу́сы, гусенàта,
Возьми́ть мене́ на крылята,
Понесыть менѐ доба́тенька,
У ба́тенька йисты-пы́ты,
Хоро́ше по дво́ру походы́ты“!

„Нехай тебѐ задни возьмуть“. Лытять други, а винъ и каже: „гусы, гусы, гусенята“ и т. д. Лытять трети, взялы его, на крыла, тай понеслы до батька и до матери. Вотъ воны принеслы, тай силы на гори́щи и винъ сивъ. Вотъ маты напекла пирижѐчкивъ, тай каже: „оцѐ тоби, диду, а це мини“, а Ивашко каже: „м-и-н-и“. Баба каже: „а ну цыть, що воно такѐ“,—и опьять диле: „це тоби, а це мини“, а воно каже: „а м-и-н-и“. Вотъ пишлы его шукать и нашлы, взялы въ хату; гусямъ насыпалы проса, воны найилысь, напылысь и гарни сталы; а Ивашка тоже обмылы и винъ все розсказавъ, якъ було дило“.

4. „Якъ бувъ соби дидъ, та баба, а въ йихъ дитей нема зроду. Баба напалась: „затыши, тай затыши изъ дрючечка дытынку“. Винъ узявъ, тай затесавъ; „зробы, диду, колысочку“. Вона ту дытынку колыше и колыше, а вона стала дытынка. Воны поихалы косыть, а хлопчикъ дома остався. Прышлы до иихъ старци мылостыни просыть, далы тому хлопчику краснѐньке яблочко, а винъ то яблочко впустывъ, а воно котицьця и котицьця за тыми старцями. Хлопчикъ бижить за нымъ, та въ лисъ, а тамъ тры голубки купалысь. Така одна сама лучша, сама краща, а винъ и вкравъ платья, тай понисъ до-дому, утикъ отъ старцивъ назадъ. Та барышня, якъ вылизла, нема платья, тай бижыть за нымъ и каже: „озвицьця,—той, буде мужъ и батенько, и братець“. Винъ не озываецьця. Вона за нымъ бижить и бижить, та въ хату.—„Отдай платье“.—„Ни, не отдамъ, якъ будешь моя жинка, такъ отдамъ“. Вона сказала, що буде. Винъ узявъ платье, замкнувъ у скрыню. Прыйизжаютъ зъ поля и ныта́ющьця: „де ты взявъ, сыныку, Ивáныку, соби жинку?“—„Васъ не було дома, я й соби посватавъ“. Пойихалы вньять на поле, а воны остались у двохъ дома; вона зачала его прохать: „покажи мини хоть платье, а то я забула, якѐ воно и есть“. Винъ показавъ, а вона ужѐ давно викно отсунула, тай каже: „дай мини въ руки подержать“; винъ давъ въ руки подержать; вона взяла те платье, стала голубкой, порхнула и вылитила въ викно. Винъ выйшовъ, стоить и плаче. Идуть съ поля: „Чого ты сынку, плачешъ“? Винъ каже: „якъ мини не плакать,—була въ мене жинка, а тенѐръ нема“.—„Цыть, сынку, не плачъ: упьять ожѐнымъ“.

5. „Жи́ло шисть брати́въ и вси Кондра́ты. Пойи́халы на Риздво̀ ора́ты: на пе́рвый день ора́лы, на дру́гый—плугъ поламàлы, на тре́тий зробы́лы, на четвѐртый воли́въ загубы́лы, на пья́ты́й нашлы, на шо́стый до до́му пришлѝ. Забулы зъ до́му огню̀ взя́ты, посла́лы са́мого ста́ршого огню̀ добувàты. Пишо̀въ, не добу́въ. Прышо̀въ, сыдыть ди́дъ: „Здоро̀въ, ди́ду“— „Здоро̀въ, сы́ну“.—„Дай ди́ду огню̀“.—„Дай но́гу загну́“.—„Не вели́ла ма́ты но́гы загинàты“.—„Уми́ешь ка́зки, та при́казки, та не былы́ци каза́ты?—„Ни, не вмию“. Прышо̀въ до братив, а ты пыта́юцьця: „чого̀ не принисъ огню̀“?—„Того̀, що не дыйишо̀въ“. Послàлы са́мого ме́ньшого огню̀ добувàты. Пишо̀въ и дойшо̀въ: „Здоро̀въ, ди́ду“!—„Здоро̀въ, сы́ну“.—„Дай, ди́ду, огню̀“.—„Дай, но́гу загну́“.—„Не велила ма́ты но́ги загынàты“.—„А вми́ешъ ка́зки, при́казки, небылы́ци казàты“?—„Уми́ю“.—„Ну, кажѝ, якъ що уми́ешь“.—„Тилько гляды, ди́ду, щобъ не казавъ, брешишъ.—Ишовъ я по-надъ лисомъ, стоить чоти́ре кози на одний нози. Правда, диду“?—„Правда, сыну“.—„Ишо̀въ я, захоти́лось ме́ду, дывлю̀сь стоить дубъ дупнàтый, слу́хаю гуду̀тъ пчо́лы, я пидыбрàвъ и ни одна не вкусы́ла“.

6. „Одынъ разъ прышо̀въ Грыцько̀ до жиди́вки у ла́вку, тай ка́же: „а ну, лы́шень, подавàй минѝ това́ру свого̀“. Вонà подалà товàръ, а винъ и́ ка́же: „а сти́ке бу́де ёму цинà“? а вонà ка́же: „гривенькъ за пивъ арши́на“, а Грыцько̀ и ка́же: „а сти́ке бу́де сто́ить за те, що я оту́тъ вы́рижу кружа́лочку мои́й диты́ни на ша́почку?“ Якъ зачиркота́ла жиди́вка, тай ка́же: „цёго̀ ты сюды́ притаска́вся изъ свое́ю дытынною? иды отсю́да геть“! Грыцько̀ и пишо̀въ тоди до дёгтю, тай ка́же: „а хозя́инъ де? мини тре́ба дегтю“. А хозя́инъ каже: „купы“, а винъ его пыта: „а сти́лько буде сто́ить, якъ и изъ нога́ми ули́зу у твий шаплыкъ“?

7. „Колысь якъ ходы́лы Іисусъ Христо̀съ и Петро̀, та идуть по полю, а тамъ волы паслыся, а Петро̀ и ка́же: „шо воно̀ оцѐ такѐ, Господы? що не чолови́къ, его́ бачъ уда̀рь, такъ винъ одийде“. А Госпо́дь и ка́же: „я создàвъ ихъ, воливъ цихъ“, а вилъ и притовкну́вся до ноги́ Петро́вои, а Петро̀, якъ уда́ре по голови́ воло́вои. Тутъ бижить пасту́хъ, тай ка́же: „на що вы отбы́лы го́лову воло́ви“? та кричи́ть и кричи́ть: „пиду́, та ще ба́тькови скажу́“.

Пѣсни.

1.

„Ой, чи воля, чи неволя,
Нихто не зна мого горя.
Чи я въ поли родылася,
Чи я въ лиси хрестылася,
Чи я въ мори купалася,—
Що я въ горе попалася?
Я жъ море переплыву
И все горе переживу;
Яка була, така й буду,
Повикъ горя не забуду.
Ишла вдова долыною
Зъ маненькою дытыною,
Стала вдова спочиваты,
Мале дытя перегортаты,
Стало дытя промовляты:
„Ой, горе, ненько,
Съ маненькими диточками,
А якъ побильшаютъ,
Тай погиршае“.

2.

„Уродывся Травынъ
На свитъ билый самъ одынъ.
Та й зачавъ Травынъ
Думы думать самъ одынъ:
И якъ мини, Травыну
Жить на свити одному?
Пийшовъ же Травынъ
Въ чисте поле самъ одынъ,
Изийшовъ же Травынъ
На могылу самъ одынъ,
Тай заглядивъ Травынъ
Табунъ коней самъ одынъ.
И зачавъ Травынъ
Думы думать самъ одынъ:
И якъ мини, Травыну
Занять табунъ одному?
Повернувся Травынъ,
Занявъ коней самъ одынъ,
Та й погнавъ же Травынъ,
Та на ярмарочокъ,
Табунъ коней самъ одынъ.
И зачавъ Травынъ
Думы думать самъ одынъ:
И якъ мини, Травыну
Продать табунъ одному?
Повернувся Травынъ,
Продавъ табунъ самъ одынъ.
И немножечко узявъ
Восимъ тысячъ серебромъ.
И зачавъ Травынъ
Думы думать самъ одынъ:
И якъ мини Травыну
Прожить казну одному?
Та й узявъ пьятачокъ,
Тай пийшовъ въ кабачокъ“.

3.

„Коло рички, коло броду
Два голуба пылы воду.
Воны пылы, воркутилы,
Встрепенулысь, политилы;
Крылечками встрепенулы,
Про любовь вспомьянулы.
Вы, сестрицы, вы, подружки,
Вы не дилайте того,
Не влюбляйте одного.
Отъ любовы въ землю йдуть;
Отъ болизни люды знають.
А по стежци, по дорожци
Коляска бижала,
А въ тий коляськи
Иванько сыдыть,
На правой рученьци
Марьичку держить.
Отворю я клитку нову,
Выпустю пташку на волю,
Два словечка ий скажу:
Лети, пташко, во зеленый садъ,
Що мий мылый полывавъ“.

4.

„Я не всыдю, я не влежу,
Я роскидаю одежу.
Якъ выйду я на гору,
На гору крутую,

Чи не йде, чи не йиде,
Чи не перечую.
А винъ, мыленький, иде,
Ступае дрибненько,
Чомъ не парень, чомъ не бравый,
Дывысь, моя ненько.
Ненька виры не вняла,
Не за любого дала;
Ненька мини приказала,
Щобъ я его шанувала.
А я его шаную,
Якъ собаку рудую,
До прикорня припынала,
Зъ лоханочки напувала".

5.

„Не ходы жъ ты по-надъ моремъ,
Бо у море упадешъ;
Не сватай же богатую,
Бо убогую возьмешъ.
Богатая—горбатая,
Убогая — пышна,
Якъ у саду вышня.
Вышню маменька сады́ла,
Мини лицо зукрасыла,
А систриця полывала,
Мини лицо малювала".

6.

„Ой, мамаша, мамаша!
Купы мини жиниха,
Хочъ дорого денегъ дай,
Чорнявого выбырай.
Щобъ чорнявый, щобъ хозяинъ,
Щобъ и водочки не пывъ,
Цыгарочки не курывъ,
Табаку не нюхавъ,
Чужихъ жонокъ не любывъ,
Дураковъ не слухавъ.
Чужа-мужняя жена
Горше травы полыня,
Якъ заставыла шатацьця
По чужихъ сторонахъ,
По трахтирахъ, кабакахъ".

7.

„А зза горки, зза крутой
Ийшовъ молодець домой,
У новому сиртуци,
Балалаечка въ руци.
Балалаечка бренытъ,
До дивчонки говорытъ:
—Ты дивчонка, ты чорнявка,
Ты неправдою живешъ:
Говорила: любытъ буду,
А теперъ замужъ идешъ.
—Не сама я дивка-вольна,
Родытели въ мене есть.
Вонъ родытель, вонъ учитель,
Вонъ насыльно отдаетъ,
Вонъ на слезы не вдаряетъ,
Не за милого даетъ.
Була улыця любыма,
А теперъ я пройду мымо,
Пройду улыцю садами,
Оболью ии слезами.
Осеннии ночки темни
Все пролывныи дощъ идетъ;
А въ мылого чорни бровы,
Онъ спокою не даетъ.
Йихавъ Ванька изъ Ризанки,
Пивторасто рубливъ санки,
Шистьдесятъ рубливъ дуга,
Парень девушкы слуга".

8.

„А у поли, въ поли
Хведоты не доты!
Привьязавъ конык до доты,
А самъ пийшовъ
По-пидъ тынью рачки
До тий до Параски, швачки.
Отчины жъ ты, Паранько, синци,
Бо вжежъ мене комарыки зъилы,
—Нехай тебе хоть собаки зъидять,
Коло мене три жупаньця сидять.

Розсу́ньтеся, жупа́нци, по ла́вци,
Нехай ся́де Сызо́нько на ла́вци,
Нехай ся́де, та прису́нецьця,
Съ Пара́нькою поцилуецьця.
А хлибъ у печи́ выпика́ецьця,
А Васы́ль на пичи́ высмиха́ецьця.
А хлибъ глевки́й и Васы́ль гладки́й.
Я хлибъ на стилъ,
А Васы́ль за стилъ,
Сюды́—туды́ повернусь,
До Васы́ля засмиюсь.
Я й на ху́тори була̀,
Конопе́льки те́рла;
Не ба́чила Васыля̀,
Тай тро́шки не вме́рла".

9.

„А въ Заво́ди ри́дко зво́нять,
Мою̀ мы́лочку хоро́нять.
Ой, я пийду̀, пооби́даю,
Мы́лку свою̀ прови́даю.
И къ намъ, четырёмъ,
Приходы́ли вечеро̀мъ,
А мы имъ, четы́ри,
Гори́лочки купы́ли
И зъ ны́ми вы́пыли,
Танцюва̀ть пийшлы́.
Танцюва́лы, пи́сни гра́лы.
А насъ ма́ты руга́ла.
—Ужъ ты мать, наша мать!
Переста̀нь ты насъ руга̀ть.
А на дво́ри сы́льный дощъ,
Больши́и калю̀жи.
Якъ росе́рдылась
Та й жена̀ на му́жа,
Якъ зали́зла на пичъ,
Пла́кала не ду́же.
—Не ты менѐ колыха̀въ,
Не ты менѐ ня́нчивъ?
Колыха́ла менѐ роды́мая ма́ты,
Достала́ся дурако́ви
Ру́ки потыра́ты.
Потыра̀й, потыра̀й
Колы́ довело́ся,—
И старѐ, и малѐ
У бо́ки взяло́ся".

10.

„Ой, на гори́ ны́вка,
Скра́ю матры́нка,
Тамъ дивчи́на жи́то жа́ла,
Сама̀ чорнобрѝвка.
Тамъ дивчи́на жи́то жне,
Коза̀къ доро́гою йдѐ.
—Здра́стуй, здра́стуй,
Молода̀ дивчи́на!
—Здоро̀въ, коза̀къ серце".

11.

„Ой, чи́й жъ то си́ры волы́
По гора̀мъ ходы́лы?
Ой, це жъ того̀ коза́ченька,
Що тры ди́вчины любы́лы.
Пе́рвая полюбы́ла,
Кольцѐ ему подары́ла,
А друга́я полюбы́ла,
Любо̀въ его̀ объясны́ла,
А тре́тяя полюбы́ла,
Та й причарува̀ла.
— Ой, тепѐрь жѐ, моя́ ма́ты,
Не перейду̀ я ха́ты.
— Ой чого̀ жъ ты, мий сыно́чокъ,
Такъ ско́ро помыра́ешъ?
На кого̀ жъ, мий сыночокъ,
Це бага́цьтво вруча́ешъ?
—На що жъ мини́ це бага́цьтво,
Бу́де зъ ме́не тро́шки.
Даду̀ть мини́ са́жень земли̇̀,
Ще й чоты́ре до́ски".

12.

„Ой, десь мий мы́лый
Та дале́ко орѐ,
А я за нымъ не скуча́ю.
Якъ прийде винъ до до́му,

Я слове́чками влеща́ю.
Винъ же бо́жецьця, кляне́цьця,
Кивнѐ, моргнѐ, засмиѐцьця,
На дру́гий бикъ обверта̀е,
Одну̀ дивчо́нку пыта́е.
У ёго гу́бы пышне́сеньки,
А бри́вочки чорне́сеньки,
И слове́чка вирне́сеньки".

13.

„Ишла̀ горо́ю, ишла̀ ны́зомъ,
А въ Сохви́йки домъ зъ карны́зомъ,
И огонь горы́ть пидъ ны́зомъ.
Огонь горы́ть, свича̀ та́е;
А соба́чка у воротъ ла́е;
Ой, того̀ жъ вона̀ руга́е,
Що Сохви́чка хвора́е.
—Сохви́чка, ду́шечка!
Нѣтъ ли въ тебѐ тре́шнычка?
—Ни тре́шнычка, ни гроша̀,
То́лько сла́ва хороша̀.
Сонюрочка, а́лый цвѣтъ;
Ни копи́йкы де́негъ нѣтъ".

14.

„Я въ ли̇́си бува̀въ,
Бере́зу руба̀въ,
Бере́зу руба́въ,
Въ мете́лки вьяза́въ,
На возо́чокъ клавъ,
Сижо́нку впрягавъ,
Въ Москву̀ отправля̇въ.
Тай ди́вку, вида̀въ,—
Сыды́ть надъ викно̀мъ
Игра́е цвито̀мъ.
— Дивчо́нка моя! чи лю́бышь меня̀?
— Люблю̀ я тебя̀, пойду̀ за тебя̀".

15.

„Якъ пиду̀ я на база̀рь
Тру́бку купува́ты,—
За тру́бочку копи́ёчку,
За чувбучо̀къ гро́шыкъ.
Якъ пиду̀ жъ я до Мыки́тки
Тру́бочку кры́ты,
Винъ, су́кынъ сынъ,
Изня̀въ сы́ту,
Тай хоти̇́въ ще бы́ты.
Якъ поби̇́гъ я утика́ты
Та черѐзъ горо́ды,
Уплу́тався въ гарбу̀зъ-ды́ню,
Та й наробы̇́въ шко́ды.
Якъ поби̇́гъ я утика̀ты
Че́резъ перела́зы,
Якъ уда́рывъ дя̀дько ци́помъ
Та чоты́ри ра́зы.
Якъ поби̇́гъ я утика̀ты
Пидъ дя̀дьковы я̀сла,
Якъ уда́рывъ дя̀дько ци́помъ,
А я й засмия̀вся".

16.

„Ви́теръ ви́е, ви́теръ ви́е,
Вико́ныци шата́юцьця,
Кого̀ люблю̀, поцилу́ю,
Ажъ гу́бочки злыпа́юцьця.
Ахъ, ты жъ, Ва̀нька Коротче́ньский,
Што жъ ты бъе́шся, коло́тишся?
У воротъ побыва́ешся,
Сирото́ю называ́ешся?
Я й на хва́брикахъ бува̀въ,
Ра́зный сы́тецъ набыва̀въ,
Получа̀въ де́негъ по-мно́го,
Сотъ по во́симь рубли̇́въ въ годъ.
Рубъ на це́рковъ,
Два въ каба̀къ,
А три рубля̀ на таба̀къ.
Ой да ти́ра, ти́ра—и́ра,
Полюбы́ла старови́ра,
А ще къ тому́ тара̀—ра,
Полюбы́ла москаля̀.
Моска̀ль ла́птями торгу́е,
Ще й парча́тки продаѐ,
Калача́мы ди́вокъ ма́не,
Ще й на бу́блыки да́е.

Ой, дивчи́но, ди́вчино, чия ты?
Чи вы́йдешъ на у́лыцю гуля́ты?
Ой, хло́пчику, хло́пчику, а ты чий?
Чи вы́йдешь на у́лыцю на почи́нъ?“

17.

„Годуду̀, годуду̀,
Вроды́лася на биду̀,
Горшко̀мъ во́ду носы́ла,
Соло́мою топы́ла.
Черѐзъ гре́блю Мыкы́тыну
Веду́ть Га́пку пидты́кану.
Крычи́ть Га́па, репету́е,
Нихто̀ ии́ не ратуе;
Тре́ба Га́пи уставаты,
Би́ли ни́женьки каля́ты“.

18.

„Какъ я но́ньче, та нади́лала биды́,
Пишла̀ по́ воду, та побы́ла казаны̀.
Каза́ныки мои́ ми́дненькии,
Карамы́слицы зеле́ненькии.
Посия́ла лебеду̀, лебеду̀,
Посия́ла лебеду̀ на биду̀.
Лебе́душка ростѐ, сте́лецьця,
Ды́нъ любе, двое се́рдяцьця.
Ды́нъ ка́же: я ко́сочку отри́жу,
Дру́гий ка́же: я мама́ци скажу̀,
Тре́тий ка́же: за себя́ за́мужъ возьму̀“.

19.

„Какъ бы мини́ да хоро́шая жена,
Такъ я бъ ии не бывъ, не жу́рывъ,
А я бъ ии во коля́сочкахъ возы́въ,
А зимою да во пи́санныхъ саня́хъ,
А весною въ каюкѣ на рѣкѣ.
Вдоль по рѣчушки
Сизъ голубъ плыветъ,
Вы́шче бережка головушку несетъ.
По бережку сыротыночка идетъ,
Сыротыночка бабочка,
На бабочкѣ кумачная рубашка,
А платочокъ на ней бѣленькій,
Онъ бѣленькій, да съ обдѣлочкой.
Полюбывся парень съ дѣвочкой.
—Кабы зна́ла, не любы́ла бъ я тебе,
Моѐ се́рце не боли́ло по тоби,
А тепѐръ болы́ть, побалываетъ,
Менѐ ма́менька побра́ныва́етъ.
Не велы́ть мини́ на у́лыцю ходы̀ть,
Не велы́ть мени́ хоро́шого любы̀ть.
Не ходы́ла на у́лыцю, не пийду̀,
Не любы́ла хоро́шого, не люблю“.

20.

„Ишо̀въ коза́къ доро́гою,
Доро́гою широ́кою,
Моги́лою высо́кою.
Зийшо́въ коза̀къ на моги́лоньку,
Гля́нувъ коза̀къ у доли́ноньку;
А въ доли́ноньци
Огни́ горя́тъ, ту̀рки сыдя́ть,
Посерѐдъ турчи́ны,
Молода̀ дивчи́на,
Вона̀ сыдыть, ко́су че́ше,
Че́ше ко́су грибинкою,
Примо́чуе гори́лкою.
Кому́ жъ ты, коса̀, доста́лася?
Ой, доста́лася горькій пьяны́ци;
Горька пьяны́ця наруга́ецьця“.

21.

„Ишо̀въ Грицько̀ зъ вечерны́ци
Темне́нькои но́чи;
Сыды́ть гуся на доро́зи,
Вы́лупыла о́чи.
А я кажу̀: ги́ля, ги́ля!

А вона̀ присила,
Якъ бы въ ме́не не па́лычка,
Вона̀ бъ менѐ зъила“.

22.

„Ой, мама̀ша, мама̀ша!
Купы́ мини́ жыныха̀,
Хочъ до́рого де́негъ дай,
Красы́вого выбыра̀й.
Онъ красы́вый, онъ хоро́ший:
Роззу́ецьця, при́йде бо́сый,
Щобъ шпо́ры не гарча́лы,
Щобъ пидко́вки не бринча́лы,
Щобъ и ма́ты не зна́ла,
Съ кимъ я сю ничъ ночува́ла.
Ночува́ла одну̀ ничъ,
Тай не зна́ла, яка̀ ричъ.
Хо́де, хо́де по лёду, не прова́лыцьця.
Чи ты мене ви́рно лю́бышъ,
Чи ты чва́нышся?
—Ви́рно люблю̀, ви́рно люблю̀,
Побы́й менѐ Бо́же.
Якъ у саду̀ солове́йко,
Тай нащебета́вся;
Соловѐй щебе́че,
Зузу́ля кува́ла.
Бода̀й же ты не дожда̀въ,
Щобъ я роззува̀ла.
Наймы́ хло́пчика,
Хоть мани́сенького,
Щобъ винъ тебѐ роззува̀въ
Молоди́сенького.
Якъ бу́дешъ мий,
А я бу́ду твоя́,
Тоди́ бу́ду роззува̀ты,
Якъ нево́ленька моя“.

23.

„Алѝ, алѝ си́ры гу́сы,
Алѝ до бро́ду,
Доведе́цьця мандрува́ты
Мини́ самѝй отъ ро́ду.
Алѝ, алѝ, си́ры гу́сы,
Алѝ до воды́,
Доведе́цьця мандрува́ты
Минѝ зъ слободы̀“.

24.

„Хо́де Ива̀нъ по база́рю,
Шука́е това́ру;
Не найшо̀въ Ива̀нъ това́ру,
Найшо̀въ го́стру ко́су.
На що жъ, Ива̀нъ,
Го́стрышъ ко́су,
Бо нема̀ поко́су?
Чужу̀ тра́ву Ива̀нъ ко́се,
А своя́ со́хне, вьяне́,
Чужи́хъ Ива̀нъ баби́въ любе,
На свою̀ не гля́не.
Текла̀ ри́чка невелы́чка
Въ саду̀—выногра́ду;
Клы́кавъ па́рень дивчи́ноньку
Къ соби́ на пора́ду.
Пора̀дь, пора̀дь, дивчи́нонька,
Якъ ри́дная ма́ты“!

25.

„Намъ Проко́пивци не въ мо́ду,
Солони́вци ни-по-чомъ,
Мы полю́бымъ, мы полю́бымъ
Бакаи́вцивъ молодцо̀въ.
Бакаи́вци молодцѝ,
Воны́ хо́дять, якъ купци;
Воны̀ хо́дять ша́ромъ-ба́ромъ,
Десь ночу́ютъ пидъ забо́ромъ;
Воны̀ хо́дять по ночамъ,
Не вважа́ютъ богачамъ.
—Прода̀й, ба́тенька, коро́ву,
Вы́дай де́негъ на доро́гу,
Прода̀й, ба́тенька, вивцю̀,
Вы́дай де́негъ молодцю̀.
Прода̀й ба́тенька, кобы́лу,
Вы́дай де́негъ на маши́ну,
Прода̀й, ба́тенька, лоша̀,
Неха̀й воно̀ не миша̀“.

26.

„Выхо́дывъ пастухъ на лужо̀къ,
Та й загра̀въ же во рожо̀къ:

Выгоняйте, вы, скоты́ну,
На широ́кую долы́ну.
Го́нять ба́бы, го́нять ди́вки,
Го́нять ста́ры старыкы.
Мижъ э̀тими, мижъ дивка́ми
Одна̀ ди́вка весела̀,
Веселѝй усѝхъ була̀.
Въ карагодъ пишла̀ плясать,
Вона̀ пля́ше, руко̀й ма́ше".

27.

„Де Росто́вська, де Моско́вська,
Петербу́рьска столбова̀?
А якъ бу́дешъ, мы́лый, йи́хать,
Зайижжа̀й ко мнѣ́ на гробъ.
На гро́би че́рный хрестъ,
А на хресту̀ по́дпись есть,
Хто не знае́, прочита́,
Чи мама́ша померла̀.
Померла̀ наша Маша́ра
Померла̀ на́ша любо̀въ.
Уси лю́ды исказа́лы,
Що поги́бшая душа̀
Изъ любо́ви померла̀".

28.

„Ой, у лу́зи, лу́зи,
Лу́зи зеле́номъ,
Тамъ хо́де, гуля́е
Завда́лый моло́чикъ.
Охъ, и ле́ли, лели̇̀
Завда́лый моло́дчикъ.
Винъ хо́де, гуля́е,
Дѣ́вку выклыка́е.
Вы́йды, вы́йды, дѣ́вко,
Ко мнѣ́ за воро́та.
Съ тобо̀й, съ тобо̀й дѣ́вка,
Съ тобо̀й погово́римъ.
Дѣ́вка выходы́ла
Ре́чи говоры́ла".

29.

„Ой, на го́ри калы́на,
Пидъ горо́ю малы́на.
Ой, жаль моё, жаль моё, малы́на!
Тамъ дивчо̀нка ходы́ла,
Калы́нушку лама́ла.
Ой, жаль моё, жаль моё, лама́ла.
У пуче́чки вяза́ла,
На крова́тку склада́ла".

30.

„Якъ посию̀ овѐсъ, тай до зерна̀ увесь—
До зерна̀, до зерна̀, до зерна̀ увѐсь.
Якъ скосю̀ я овѐсъ,
Та й до зерна̀ увѐсь. (Припѣ́въ).
Якъ звьяжу̀ я ове́съ,
Та й до зерна̀ увѐсь. (Припѣ́въ).
Якъ привезу̀ я ове́съ,
Та й до зерна̀ увѐсь. (Припѣ́въ).
Якъ смолотю̀ я овѐсъ,
Та й до зерна̀ увѐсь. (Припѣ́въ)".

„Ой, грай, колы̀ гра́ешь,
Колы̀ чо́рни бро́вы ма́ешь,
Колы̀ таки̇̀, якъ у ме́не,
То и сядь би́ля ме́не."

31.

„А я вчо́ра три дни
До́ма не була̀,
Прыйшо̀въ мы́лый,
А я гу́бы надула̀:
Тонки̇̀й та высо́кынький,
Гинки̇̀й, худощо́кинький,
Та безъ ве́рхнёи гу́боньки.
Цилува́ла его̀ въ зу́боньки".

32.

„Сыды̀ть го́лубъ, та голу́бочка,
Цилу́юцьця, та мылу́юцьця,
Самы̀ собѝ дыву́юцьця.
А въ го́луба та сы́за голова̀,
А въ голу́бки та постро́ченая.
А Хвыло́нько че́резъ тынъ заглядà,
Якъ бы минѝ та Хве́клочка була̀;
Ябъ ии̇̀ цилува̀въ, мылува̀въ,

А до пе́чи кухова́рку нанявъ,
А до сто́лу прибыра́льнычку,
А до ха́ты вымита́льнычку,
До колы́ски колыха́льнычку.
Я бъ самъ по воды́цю ходывъ
И ба́рыню за ру́чку водывъ,
За ру́чечку за биле́сеньку,
За Хве́клычку молоде́сеньку".

33.

„За горо́ю, за круто́ю,
Тамъ стоялъ вокза́льный домъ,
Обшалёваный кругомъ.
Обшалёванъ, обмалёванъ
И око́шечка хруста́льни,
И зави́сочки висять,
По три ба́рышни сидять.
Одна́ Са́ша, дру́га Ма́ша,
Тре́тья ду́шенька Ната́ша.
А въ на́шей Ната́шечки
Золоты́и гла́зочки,
Чо́рни бро́вы по приро́ди,
Золоти́и глаза́ въ мо́ди".

Бигъ я че́резъ ри́чку,
Та й не умыва́вся,
Ой, дывы́ся, дивчи́нонько,
Яки́й я уда́вся".

34.

„Прогуля́ла бабе́ночка
Не то день, не то два,
Не то дня пивтора́.
Те́мна но́ченька наста́ла
Жене́ночки ну́жно ста́ло.
Се́редъ би́лого дня
Пишо́въ жо́ночку иска́ть;
Пишо́въ, жо́ночку иска́ть,
Шинка́рочку пыта́ть.
— Шинка́рочко, жидо́вочко,
Ой, дежъ моя́ жине́ночка?
— Твоя́ жена́ въ кабаци́
У зеле́номъ калпаци́,
Держи́ть ча́ру во руци́.
Изъ ча́шечки тя́не,
Въ око́шечко гля́не.
Чи не йдѐть ли нихто̀,
Не несѐть ли чого̀?
Идѐть, идѐть, мужичи́ще,
Тя́не хлуделы́ще;
Одно̀ сукова́те,
Дру́ге дрямува́те,
То жъ на мо́е ти́ло би́ле,
Та й ще малова́то.
Зача́въ жи́ночку проха́ть,
По бока̀мъ ий валять.
Чимъ я тоби́ не жона̀,
Объ чомъ не хозя́йка?
Три дни до́ма не була̀,
Три дни ха́ты не мела̀.
Завела̀ я со́ру
Пидъ са́мыи ла́вки,
Пидъ я́сни око́шкы.
Моска̀ль во́ду пывъ,
Ха́ту ла́птями зо́бывъ".

35.

„Петри́вочка—мала̀ ни́чка,
Не вы́спалась на́ша ди́вочка,
Не нагуля́лась,
Съ коза́ченькомъ не настоя́лась
Къ че́реди гна́ла, тай задрима́ла
На пеньки́ но́жки позбыва́ла".

36.

„Ой, ты, сы́вая зузу́ля,
Не куй ра́но у дибро́ви,
Не збуды́ менѐ молодо́и;
А я молоде́нька, послушне́нька.
Я вста́ну ранишъ те́бе,
Ра́нню ро́су побыва̀ть,
Капу́сточку полыва̀ть.
Петри́вочка мына́ецьця,
Сы́вая зузу́ля хова́ецьця".

37.

„Верба̀, вербы́ця,
Пора̀ тоби́ розвы́цьця,
Пора̀ тоби́, Павле́ко, ожыны́цьця.
Ой минѝ жыны́цьця ще не пора̀,
Ще жъ моя́ Луке́рька молода̀,
Неха̀й вона̀ хоть ли́течко погуля".

38.

„За ричкою Лопотою
Живуть люды слободою,
А ти жъ люды—супоста́ты,
Беру́ть Ва́ню у салда́ты,
Ни́кому Ва́ню оплака́ты.
Де не взялась ди́вка Ма́рья,
Опла́кала Ва́ню-па́рня,
Ти́лько Ва́ня за лисо̀къ,
Ди́вка Ма́рья въ голосо̀къ".

39.

„Жила̀ молода̀ вдова̀,
Двухъ ку́пчикивъ любы́ла,
У поло́ни воды́ла,
Двухъ сынивъ роды́ла,
Ива́нушку и Васы́ля.
У пеле́ночки звы́ла,
У ла́вочку ступы́ла,
Кита́ёчки купы́ла.
И на мо́ре носы́ла,
Кора́блыка просы́ла:
— Ой, ты кора́блыкъ-корабѐль,
Заберы̀ мои̇хъ дитѐй!
Ой, ты ры́ба, ты тарань,
Ты дитокъ мои̇хъ не лай!
Ой, ты ры́ба, ты сула̀,
Кормы̀ ди́токъ мои̇хъ сама̀.
Ой, ты чи́стая вода̀,
Промывай дитямъ глаза̀.
На три́дцять седьмо́му го́ду
Пишла̀ вдова̀ по во́ду;
Ста́ла во́ду набера̀ть,
Ставъ кора́блыкъ приплыва̀ть.
А на томъ корабли̇
По два мо́лодця сыдя̀ть,
Вдови̇ ре́чи говоря̀ть:
— Ой, ты вдова̀, ты вдова̀!
Чи по́йдешь за́мужъ за меня̀?
Стои̇ть козакъ на лану̀,
Тай ды́выцьця на вдову̀
Ой, ты вдова̀, ты вдова̀!
Дурна̀ въ тебе̇ голова̀
Оце̇ твои̇хъ два сына̀!"

40.

„У горо́ди бузына̀ чомъ не сте̇лецьця?
Шолуды́ва парубо́та чомъ не же̇ньцьця?
Ой, да ти́ра, ти́ра, ти́ра!
Соловѐй щебыта̀въ,
Зу́зуля кува́ла,
Бода̀й же ты не дожда́ла,
Щобъ я тебѐ роззува́ла.
Ой, да ти́ра, ти́ра, ти́ра!
На горо́ди бузына̀,
Пидъ горою ре́дька,—
Трёхъ копи́ишный кава́леръ,
Сторубле́ва ди̇вка.
Ой, ти́ра, ти́ра, ой, да тирара̀!
На тари́льци канхве́ты,
На́ши хло́пци патре́ты.
Ой, ти́ра, ти́ра, и́ра!
Вы́сыть рушны̀къ на кило́чку,
Въ е́го бро́вы на шнуро́чку.
Ой, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
У горо́ди бузына̀,
Та й не зъ шовка́мы,
Шолуды́ва парубо́та,
Гербу́е дивка́мы.
Ой, да ти́ра, ти́ра, ти́ра!
Те́рла лёнъ, те́рла лёнъ,
Та й на терны̀ци,
Та й не давъ мини̇ Богъ
Жить на ме́льници.
Ой, да ти́ра, ти́ра, ти́ра!
На тари́льци мнаты́на,
На́ши хло́пци якъ карты́на.
Ой, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
Си́рый кинь, си́рый кинь,
Си́рая кобы́ла,
Та й не давъ мини̇ Богъ,
Кого̀ я любы́ла.
Ой, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
У горо́ди бузына̀,
Чо́рне насиньня,
Шолуды́ва парубо́та
Хо́де на веси́льля.

Ой, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
Муко́ю набилю́ся
Съ те́бе, мы́лый, насмию́ся.
О, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
У горо́ди бузына̀ червоны́стая,
Шолуды́ва парубо́та наровы́стая.
Ой, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
Бро́вы са́жою нама́жу,
Тобі́, мы́лый другъ, не вва́жу.
Ой, не́нько, моя ты роды́тылька!
—А я до́нька твоя, разоры́телька.
Ой, ти́ра, ти́ра, ти́ра!
На тари́льци по ха́ти
На́ши хло́пци зуба́ти.
Ой, ти́ра, ти́ра, тирара̀"!

41.

„Сонъ мой мы́лый
Сонъ щастли́вый,
Вороти́ся сонъ наза́дъ,
Зде́лай, зде́лай
Де́вушку щасли́вой,
Хоть у жи́зни оды̀нъ разъ.
Перале́тныи куку́шечки
Ча́сто по́-полю лыта̀ть,
Дви несча́стныя подру́жки
Подъ око́шечкомъ сидя́ть.
Со слеза́мы Бо́га про́сять,
Про мыле́нькихъ говоря́ть:
— Десь мой мы́лый другъ дале́ко,
За ты́сячу дви́сти верстъ.
Ны письма̀ мини̇̀ не пы́ше,
Ны покло́на мини̇̀ не шлеть".

42.

„Тума̀нъ я́ромъ—доли́ною наляга́е,
Та по мыжъ ты́мы тума́намы
Сызъ голу́бчикъ лита́е.
Винъ лита́е, воркута́е,
Та все кры́лочкамы блудѐ;
Такъ тя́жко, такъ ва́жко,
Кого̀ ви́рно лю́бе.
Та ще тя́жче, та ще ва́жче,
Кого̀ хто покида́е.
Пидъ мо́стомъ щу́ка ры́ба гра́е,
Та то й не ры́ба щу́ка,
Тожъ намъ зъ мы́лымъ разлу́ка.
Розлуча́е насъ съ тобо́ю
Чужа̀ да́льня сторона̀".

43.

„Де мий мы́лый орѐ плу́гомъ,
Понесу̀ ему́ йи́сты,
Чи не ска́же, ди мини̇̀ си́сты.
Найи́вся, напы́вся, на бо́розну похылы́вся,
—Чого̀ лежи̇̀шъ, чого̀ не орѐшъ?
Чомъ до ме́не не гово́рышь?
— А я лежу̀, ду́маю,
Не до мы́сли жону̀ ма́ю.
Чужа̀ жи́нка воли̇̀въ гоня́е,
А свое́й до́ма не ма́е.
— Який тобі́ ди́дько вы́ненъ,
Що вроды́вся чо́рнобри́вый;
А я въ ру́су роды́лася,
Чорня́вому суды́лася.
А я въ ру́су прыберу́ся
На чорня́выхъ не дывлю́ся,
А свою̀ са́жу ма́жу.
Чорня́ву перева́жу".

44.

„Тума̀нъ я́ромъ по доли́ни,
Шыро́кый лыстъ на кали́ни,
А ще ши́рше на дубо́чку,
Зманы́въ го́лубъ та голу́бочку.
Не такъ свою̀, якъ чужу́ю,
Прыйды̀, се́рце, поцилу́ю.
На що чужу̀ цилува́ты,
Свои̇̀й жа́лю завдава́ты?
Текла̀ ри́чка рикова́я,
Вы́шла ди́вка молода́я.
Не плачъ, ди́вка, не журы́ся,
Я й самъ мо́лодець не жины́вся;
А якъ бу́ду жины́тыся,
Прыйды̀, се́рце, дывы́тыся;
А якъ бу́ду винча́тыся,
Прыйды̀, се́рце, проща́тыся;

А якъ бу́ду на поса́ди,
Прыйды́, се́рце, на доса́ди;
А якъ бу́ду сва́льбу гра́ты,
Прыйды́, серце, танцюва́ты".

45.

„Тума̀нъ по гора̀хъ,
Та й ще по долы́нахъ,
Сызъ голу́бчикъ лита́е.
Винъ лита́е, та все воркута́е,
Сы́зои голу́боньки шука́е.
Та й сустри́вся сы́зый голу́бонько
Съ бу́йными витра́ми:
— Ой, вы, ви́тры, ви́тры бу́йни!
Вы скризь побува́лы,
Мо́жеть вы выда́лы,
Або де слыха́лы
Про мою̀ голу́бку?
— Мо́жеть мы выда́лы,
Мо́жеть мы слыха́лы,
Но не зна́емъ, яка́я.
— Моя голубо́нька,
Сы́за би́локры́ла,
Лы́чкомъ, якъ калы́на;
Въ не́и ру́са коса̀ до по́яса,
Въ ру́сий коси де́нта.
— Мы жъ не выда́лы,
Мы жъ не слыха́лы
Про таку̀ голу́бку".

46.

„Не сы́течкомъ си́е
Видро̀мъ полыва́е,
Братъ сестру̀ коха́е.
Сестра̀, моя ри́дна!
Росты́ ты больша́я,
Отдамо̀ тебѐ за́мижъ,
На чужу̀ сторо́нку,
У велы́кую симью̀,
Та де бью̀цьця, дерýцьця,
Топора́мы сику́цьця".

47.

„Ой зима̀ моя̀,
Зима̀ лю̀тая!
Та не зморо̀зь менѐ
Съ похо́ду иду́чи,
Коня веду́чи, сбру́ю несу́чи.
Ты сбру́я моя, прѐдорога́я,
Ты ди́вчина моя̀, ты молода́я"!

48.

„Жы́то поспи́ло,
Та ни́кому жа́ты,
Пыта́ецьця сынъ ма́тери,
Кото́рую бра́ты?
Ой, чи ту́ю бога́тую,
Що ма́ты вели́ла?
Ой, чи ту́ю сыроты́ну,
Що се́рцемъ боли́ла?
Бога́тая богаты́ня
Все бу́де спысы́цьця,
А вбо́гая сыроты́на
Уси́мъ покоры́цьця.
За я́ромъ бра́ла ди́вка ленъ
Вона̀ бра́ла, добыра́ла,
Ще й до до́му поспиша́ла.
Та й подуй ви́теръ
Зъ глыбо́кого я́ру;
Прыбу̀дь, прылы́нь,
Мий мыле́нький,
Зъ дале́кого кра́ю".

49.

„Мальчи́шичка, бидня́жичка,
Склоны́въ свою̀ голо́вушку,
На пра́вую сторо́нушку.
На пра́вую, на ле́вую,
На грудь мою̀ на бе́лую.
Якъ я лежа̀въ, увесь дрожа̀въ,
На у́тро вставъ, прощай, сказа̀въ.
Проща̀й, прости̇, краса́вица,
Бо твоя̀ краса̀ не нра́вицьця
До и́нчои жола́ецьця.
До и́нчои, до кра́щои
Та й до кра́щои, до бага́тчои.
Якъ я любы́въ,
Щастлы́вый бы́въ;
Любы́ть не ставъ,

Рознещастный ставъ,
Въ тюрьму попавъ.
Я въ тюрьми сыжу,
Въ окно гляжу:
Чи не йдеть моя любовъ прежняя,
Не несеть она цвету алаго?
—Какъ пойду въ садокъ,
Да сорву цвѣтокъ,
Да совью винокъ
Своему дружку
На головушку.
Носи, дружокъ, не скидывай
Любы миня, не покидывай".

50.

„Ходывъ чумакъ симъ годъ по Дону
Та не случалось ему причины на вику,
Та случилась причина
На прыбытому шляху.
Похворалысь та сирыи волы,
А самъ чумакъ благый
Пидъ возомъ лежить.
Та нихто въ его не спытае,
Що въ его болыть.
Та болять ручки,
Та болять ножки,
Та болыть въ его голова,
Що роду нема.
Нема роду, ни родыны,
Ни вирнои дружины.
Товарышу, ридный брате!
Беры зъ мене сриблo, злато,
Тай поховай мене
У вышневому саду".

51.

„Якъ прыихавъ,
Та мий мылый съ поля,
Та й привязавъ коня до порога,
А самъ пийшовъ,
Чи мыла здорова,
Ой, коню, мий коню,
Коню вороненький!
Чогось моя мыла заболила.
Чи я ий по лыченьку вдарывъ?
Чи я ий здоровьячко змалывъ?
Ой, умру жъ я, мий мылый, умру,
Зробы мини ялынову труну.
Надинь мини крамную сорочку,
Сховай мене у вышневому садочку.
Будешъ мылый
По саду ходыты,
Малыхъ дитокъ
За ручку водыты.
И тоди будешъ
Мылую просыты:
Устань, мыла, устань, дорога!
Росплакалась дытына мала.
Було-бъ, мылый,
Тоди не вбывaты,
А зо мною вику доживаты".

52.

„Ой, давно, давно
Я въ неньки була;
Та вжежъ моя стежечка
Терномъ заросла.
Та терномъ, терномъ,
Ще й шипчиною,
Якъ була я въ неньки
Ще й дивчиною.
Та де я ночувала,
Крейныця стояла,
А въ тий крейныченьки
Холодна вода,
Ажъ до самого дна".

53.

„Чи я брела, чи я плыла,
Чи мене пидлыто,
Чи самъ козакъ не ставъ ходыть,
Чи его одбыто?
Ой, одбыла щука—рыба
Отъ берега ряску,

Одибра́ла дивчи́нонька
Отъ козака̀ ла́ску.
А я ту́ю дри́бну ра́ску,
Зберу̀ на запа́ску,
Такѐ жъ то́му коза́ченьку
Пидойду̀ пидъ ла́ску.
Та вжежъ ти́и дивчи́ноньки
Не на лы́хо пишло̀,
Що учо́ра изъ ве́чера
Три коза́ка прийшло̀.
Оды̀нъ стойть пидъ вико́нцемъ,
До́брый ве́черъ ка́же,
Дру́гый сыдыть кинцѝ сто́лу,
Медъ выно̀ кружа́е,
Тре́тий сыдыть съ дивчи́ною,
Пра́вдоньки пыта́е.
— Ой, ди́вчино, по́вна ро́жа,
Чи сва́таты го́жа?
— Коза́ченьку—барви́ноньку,
Сва̀тай менѐ въ неди́леньку.
— Ой, ди́вчино, по́вна ро́жа,
Въ неди́лю не го́же.
— Бода̀й же ты, коза́ченько,
Тодѝ ожены́вся,
Якъ у млы́ни, на ка́мени
Кукѝль уроды́вся.
— Бода̀й же ты, дивчи́нонько,
Тодѝ за́мижъ пишла̀,
Якъ у по́ли край доро́ги
Ру́та—мьята зийшла̀.
Дощѝ пишлы̀, мьята зийшла̀,
Ди́вка за́мижъ пишла̀;
А у млы́ни на ка́мени
Кукѝль не вроды́вся,
И той до́си коза́ченько,
Та й не ожены́вся“.

54.

„Ой, го́ре, го́ре,
Що чужа́я у́крайна,
А ще ги́рше,
Що не ви́рна дружи́на!
Ой, вона̀ менѐ изсуши́ла, скру-
ши́ла,
Ой, вона̀ жъ менѐ
Зъ би́лыхъ ни́жокъ звалы̀ла.
Ой, якъ пиду̀ я,
Тай до бро́ду по во́ду:
Чи не ввы́жу,
Свого̀ мы́лого на вро́ду?
Ой, ажъ мий мы́лый,
Та по садо́чку хо́де,
Винъ чужу̀ мы́лу
Та за ру́ченьку во́де.
Ой, чужа̀ мы́ла,
Та въ голубо̀мъ жупа́ни,
Вона̀ жъ ему
Пидийшла̀ пидъ па́ру.
Чужа̀ мы́ла
Въ черво̀нимъ намы́сти:
Ой, вона̀ жъ ему
Пидийшла̀ пидъ мы́сли“.

55.

„Ой бу́ду жъ я, бу́ду
Неди́леньки жда́ты,
Та чи не пры́йде моя не́нька,
Менѐ одвида́ты?
Неди́ля мына́е,
А не́ньки нема́е,
Тоска̀, печа̀ль на се́рденьку
Та нихто̀ не зна́е.
Прыи́хала не́нька,
Стойть у поро́зи,
А дочка̀ стойть кинцѝ сто́лу
Пролыва́е сле́зы.
Бу́де й тоби не́нько,
Дри́бни слёзы лы́ты,
Та пора̀дь менѐ,
Моя не́нько,
Якъ на сви́ти жы́ты?
Ой, чи жы́ты, жы́ты,
Ой, чи горюва́ты,
Та чи, обня́вши голо́воньку,
Тай помандрува́ты?
А хочь же я помандру́ю,
Та й наза̀дъ верну́ся,
Все на себѐ молоду́ю

Сла́вы паберу́ся,
Не такъ сла́вы, а якъ поговóру
Все жъ на ту́ю дивчи́ноньку,
Що чóрнии брóвы“.

56.

„Ой, на горѝ дощѝ льюцьця,
А жъ бу́льбашки дму́цьця!
То за мнóю, сыротóю,
Вси рóдычи бьюцьця.
Бы́йся, бы́йся, мий рóдонько,
Бы́йся, побыва́йся,
Якъ пи́йду я на Вкраи́ну,
Та й не сподива́йся.
Де я не ходы́ла, де я не бро-
ды́ла,
Не нашла̀ я ти́и не́ньки,
Що менѐ вроды́ла,
Не нашла̀ я тóго ща́стья,
Що зма́лу згубы́ла.
Ти́лько нашла̀ чи́сте пóле,
Та сы́нее мóре.
Жа́луй, жа́луй, мий родóнько,
Тепѐръ мини̇̀ гóре!
Ой, якъ тебѐ жалува́ты?
Якъ тебѐ коха́ты?
Що ты въ ща́стьи роды́лася,
А въ рóскоши зросла̀,
Леда́чему доста́лася
Гòря набра́лася“.

57.

„Изъ-за горы̀, изъ-за кру́чи
Вылета́лы гу́сы
То жъ не гу́сы, то си́ры,
Слу́ги дороги́и.
Запрягà́йте трóйку кóней,
Кóни ворони́и,
Та й пойдемъ доганя́ты
Ли́та молододи́и.
Якъ нагна́лы ли́та мой,
На дибрóвимъ мóсти.
Ой, верни́цьця, ли́та мой,
Хоть на часъ у гóсти.
Не вéрнемось, не вéрнемось,
Булó бъ шанува́ты.
Якъ вы́рву я кви́тку зъ рóжи,
Тай пустѝ на вóду
Плывы̀, плывы̀, квитка зъ рóжи
Та до могò рóду.
Плыла̀, плыла̀ зъ рóжи кви́тка,
Та й ста́ла круж́ицьця;
Вы́шла ма́ти воды̀ бра́ты,
Та й ста́ла журы́цьця.
Отчóго жъ ты, зъ рóжи кви́тка,
На водѝ завья́ла?
Отчóго жъ ты, дóнько мой,
Така̀ стара̀ ста́ла?
Ой, тымъ же я стара̀ ста́ла,
Що добра̀ не выда́ла.
Я жъ ду́мала: въ ба́тька гóре,
Въ свéкра погуля́ю,
А у свéкра, ги́рше пéкла,
Добра̀ не згада́ю“.

58.

„Ишòвъ козàкъ съ Дóну,
Изъ Дóну до дóму,
Та й сивъ надъ водóю,
Проклына́е дóлю.
Дóле мой, дóле!
Дóле нещастлы́ва,
Чомъ ты не така́я,
Якъ дóля чужа́я?
Що лю́ды не рóблять,
Та й хорóше хóдять,
Якъ я заробля́ю,
Та й въ сéбе не ма́ю.
Обизва́лась дóля
По тимъ бóци мóря.
Коза́че, бурла́че!
Дурны̀й рóзумъ ма́ешъ,
За що дóлю ла́ешь?
Не вы́нна дóля,
А вы́нна своя̀ вóля, —
Все що заробля́ешъ
Та й все пропыва́ешъ“.

59.

„Ви́теръ повива́е,

Ло́зы росхиля́е;
А ма́ты до́чку ла́е,
Гуля̀ть посыла́е.
Гуля̀й, гуля̀й, до́чко,
По́ки молоде́нька,
Гуля́ты раде́нька".

60.

„Ой, не́нько моя̀!
Та старе́нькая,
Ты пора́донько́
Вирне́нькая!
Ты не лай менѐ,
Выряжа́й менѐ,
Та въ дори́женьку дале́кую.
Та й пры́йдецьця, ма́те,
Въ степу̀ ночува́ты;
Въ степу̀ при доли́ни
На лыхи́й годы́ни.
Въ степу̀ при доро́зи
На ло́тимъ моро́зи".

61.

„Дурна̀ була̀
Нерозу́мная дивчо́нка,
Полюбы́ла коза́ченька старо́го.
Ведѐ за ру́ченьку пья́ного,
Кладѐ спа́ты на пухо́вий кра-
ва́ти,
Тай забу́ла солове́ечкамъ при-
каза́ты,
Не щебечѝть, солове́ечки,
Ра́но на зорѝ,
Не збуди́те мого̀ мы́лаго съ
посте́ли.
Ой, я жъ ду́мала,
Що мий мы́лый
Спыть не чу́е;
Винъ на ме́не
Та нага́ечку гарну́е.
Ой, я жъ ду́мала,
Що нага́ечка шу́точка,
Якъ уда́ре, розся́децьця шку́-
рочка.
Ой, я жъ ду́мала,
Що нага́ечка чо́рный дритъ
Якъ уда́ре—заболы́ть се́рце,
Щей живѝтъ".

62.

„Ду́бе зелене́нький,
На нѝръ похылы́вся,
Молоды́й коза́че,
Чого̀ зажуры́вся?
Чи волы̀ приста́лы,
Чи зъ доро́гы збы́вся?
Волы̀ не прыста́лы,
Зъ доро́гы не збы́вся,
Того̀ зажуры̀вся,
Що безъ до́ли вроды́вся.
Якъ пийду̀ я въ по́ле,
Пошука̀ю до́ли.
Не найшо̀въ я до́ли,
Найшо̀въ рыболо́вливъ,
Ой, вы роболо́вци.
Раздо́бри моло́дци!
Вы заки́ньте си́тку;
Че́резъ бы́стру ри́чку
Та впи́йматы до́лю
Па́рню молодо́му.
Не впийма́лы до́ли,
Та впийма́лы щу́ку
Па́рню на разлу́ку".

63.

„Не сама̀ я, не сама̀ я
Пшены́ченьку жа́ла;
Прихо́жу я до до́моньку,
Нема̀ мого̀ па́на.
Нема̀ па́на до́ма,
Що жъ бу́демъ робы́ты?
Постѝль би́ла, стина̀ нима̀,
Ни зъ кимъ говоры́ты.
И постѝль биле́нька,
И стина̀ ниме́нька,
Сжа́лься, сжа́лься,
Мужъ, на́до мно̀ю,
Що я молоде́нька"!

64.

„Ой, я вы́йду, вы́йду

На го́ру крутую!
Гля́ну, гля́ну, посмотрю я
На ри́чку быструю.
Щу́ка-ры́ба грає,
Собѝ па́ру ма́е,
Ти́лько жъ минѝ молодо́му
Та й па́ры не ма́е.
Ти́лько минѝ па́ры,
Що о́чици ка́ри,
Ти́лько до любо́ви,
Що чо́рнии бро́вы.
Чо́рни бро́вы ма́ють,
Тай не оженю́ся,
Якъ пийду́ я до ри́ченьки,
Та й зъ жа́лю втоплю́ся.
Не топы́сь, коза́че,
Бо ду́шу загу́бышъ,
Ходѝмъ, се́рце, звинча́ймося,
Колы́ ви́рно лю́бышъ".

65.

„Ой, у ли́си подъ ку́щикомъ
Сыды́ть ди́вка изъ ку́пчикомъ,
Изъ ку́пчикомъ, зъ голу́бчикомъ.
Купѐць ди́вку вговоря́е:
Ты, дивы́ця, краса́виця,
Ты пре́жняя полюбо́вныця.
Якъ мы съ тобою любы́лыся,
Сухѝ дубы́ розвы́лыся,
А какъ мы съ тобо́й переста́лы,
Сырѝ дубы́ посыха̀ть ста́лы".

66.

„Га́лочка моя́,
Га́лочка чорне́нькая!
Скажѝ, га́лочка,
Де моя́ мыле́нькая?
Твоя́ мы́лая
У лу́зи надъ водо́ю,
Умыва́ецьця горя́чею слёзо́ю,
Утыра́ецьця ру́союо косо́ю".

67.

„Ой, не́нько моя́,
А я до́нька твоя́,
Тодѝ було̀-бъ бы́ты-вчы́ты,
Якъ мане́нькою була̀.
А тепѐрь я велы́ка,
Тре́ба минѝ чолови́ка,
Не старо́го, не мало́го,
Коза́ченька молодо́го.
Ой, не бы́йте менѐ
И не ла́йте менѐ,
Колы́-жъ я вамъ наскучила,
Такъ отда́йте менѐ.
Ой отда́йте менѐ
За Воло́шина,
Щобъ була̀ я чорня́вая,
Та хоро́шая.
Те́рла ленъ, те́рла ленъ,
Та й ще конопе́льки;
Не вдала́ся на робо́ту
Та й на вытребеньки".

68.

„Ой, забра́лы та никру́тикивъ
Въ неди́ленку въ ра́нци.
Гей, гей, въ неди́ленку въ ра́нци!
Та́й погна́лы некру́тикивъ
Круты́ми тора́ми,
Оста́лыся дивча́точка,
Съ чо́рными брова́ми.
Ой, га́лочки та чуба́рочки,
Круту̀ го́ру кры́лы,
Молоди́и некру́тыки,
Жа́лю наробы́лы;
Ой, га́лочки, та чуба́рочки,
Пиднимицьця въ го́ру!
Молоди́и некру́тыки,
Верни́цьця до до́му.
Ой, ра́ды-бъ мы пиднятыся,
Тума̀нъ наляга́е,
Ой, ра́ды-бъ мы верну́тыся,
Насъ панъ не пуска́е.
Полыва́йте дори́женьку,
Щобъ не кры́лася,
Розважа́йте молоду̀ дивчи́ну,
Щобъ не жры́лася.
Полыва́лы дори́женьку,

Все-жъ курыцьця ку́рно.
Розважа́лы молоду̀ дивчи́ну,
Все-жъ жу́рыцьця жу́рно".

69.

„Голубы́ни глаза̀
На свитъ би́лый не гляда̀ть,
Про любо́вы говоря́ть,
Якъ любы́ла одного̀
И стражда́ла одного̀.
И стражда́ла, помыра́ла,
Сли́зно пла́кала за нымъ,
Що онъ, по́длый, позабы́лъ,
Знать другу́ю, полюби́лъ;
Знать другу́ю, разу́мную,
Катю́шечку-ду́шечку.
Чого̀-сь Ка́тька приуны́ла,
На при́горкахъ стоя́че.
Ро́вно въ саду̀ соловѐй,
Соловью́шка ма́ленький,
Курча́вый, рябе́нький.
И защебечѝ ты минѝ,
Що я въ чужи́й сторонѝ,
Нема̀ ро́ду при минѝ:
Ни ма́тушки, ни отца̀,
Ни Ива́нюши молодца̀".

70.

„Ахъ ты жъ, во́ля моя̀ дорога́я,
Дѣ́вка молода́я!
По садо́чку дѣ́вушка гуля́ла,
Цвиты̀ сорыва́ла.
Охъ, все-жъ цвито́чки
Дѣ́вка сорыва́ла.
Винокъ завыва́ла.
Охъ, все вино́чки
Дѣ́вка завыва́ла.
Плато́чокъ укра́ла.
Охъ, и все плато́чокъ
Дѣ́вушка укра́ла.
Въ острожо́къ попа́ла.
Охъ, и въ острожо́чку
Дѣ́вушка сыди́ла,
Въ око́шко гляди́ла.
Ми́мо того̀ острожо́чка,
Доро́жка лежа́ла.
Охъ, и доро́жка лежа́ла,
По тий доро́жки коля̀ска бижа́ла".

71.

„Ожыны́ла ма́ты̀ сы́на Васы́ля,
Нелю́бу невисточку собѝ взя́ла,
Не би́лое лы́чико, не чо́рнии бро́вы.
Посыла́е сы́на у Крымъ доро́женьку,
Нелю́бу неви́сточку у по́ле ле́ну бра́ть.
— Не вы́берышь ле́ну, неходы̀ до до́му, —
Стань же ты у по́ли хоть былыно́ю.
Та прыйи́хавъ сынко̀ изъ доро́женьки,
Пыта́ецьця не́ньки: де-жъ моя̀ мы́ла?
Ой, сядь, моя̀ не́нько,
Ко́ло ме́не блызе́нько,
Роспыта̀й менѐ.
И щожъ то у по́ли за былы́нонька?
Що ви́теръ не вие, — колыха́ецьця,
Отъ я́сного со́нычка сокрушаецьця?
— Ой, возьмыжъ ты, сы́нку,
Го́струю сокы́рку,
Та пойи́дьмо, сы́нку,
Зруба́емъ ту былы́нку.
Якъ пе́рвый разъ кынувъ,
Тай не докы́нувъ;
Дру́гый разъ кы́нувъ,
Перекы́нувъ;
Тре́тий разъ кы́нувъ,
Ти́лько загула́;
А четве́ртый разъ кы́нувъ, —
Заговоры́ла.
— Ой, я жъ не былы́на,

Я твоя́ мы́ла;
Це жъ твоя́ не́нька,
Такъ наробы́ла,
Що насъ зъ тобо́ю розлучи́ла,
Мане́нькихъ диточо̀къ,
Та й посыроты́ла".

72.

„Бе́регомъ, бе́регомъ,
Бережи́ною
Найшо̀въ крышта̀ль
Пидъ ожы́ною.
Крышта̀ль по шнуро́чку
Посува́ецьця,
Яго̀рко дочко́ю
Выхваля́ецьця.
— Ой, возьмы̀, возьмы̀,
Андри́йко, дочку̀,
Ди́вку Га́лочку;
Дамъ бандра̀къ,
Се́меро соба̀къ,
И то́рбу, и мишо̀къ,
И па́ру кишо̀къ,
И ту́ю козу̀,
Що грызѐ лозу̀,
И ту́ю коро́ву
Круторо́гу,
И ту Га́лочку
Чорнобро́ву.
Поже́ны, Га́лечку,
На го́ры гу́сы,
Поцилу̀й Андри́йка
Въ золоти́и у́сы".

73.

„Ой, ты зи́мушка,
Зима̀ расхолодная!
Просю̀ я тебѐ,
Не зморо̀зь менѐ,
Съ похо́ду и́дучи,
Коня веду́чи,
Сбру́ю несу̀чи.
На ко́ню сбру́я
Роспрекра́сная,
До́ленька моя́
Рознеща́стная.
Взяла̀ бъ но́жикъ,
Та й зари́зала,
Понесла̀ въ садъ,
Та й пови́сыла.
Якъ прийшла домо̀й,
Та й си́ла за столъ,
Та й пы́ше перо̀мъ:
Ой, го́ре, го́ре
Зъ такы̀мъ му́жомъ жы́ть!
А ще гирки́ше,
Безъ тако́го бы́ть.
Якъ пиду̀ я въ садъ,
Отчеплю̀ наза̀дъ.
Уставай, мы́лой,
Уже́ на свитъ би́лой!
Та вжежъ ты, мы́лой,
Та й належа́вся,
Ра́нних птáшечокъ
Наслу̀хався,
Сла́дкихъ я́блочокъ
Наку́шався".

74.

„Ой, ди́вчина по грибы̀ ходы́ла,
Въ зеле́ному га́ю заблуды́ла,
Къ зеле́ному ду́бу прыблуды́ла.
Ду́мала, що дубъ зелене́нький,
А то ко́нькъ вороне́нький,
На ко́ныку коза̀къ молоде́нький.
Ой, коза́че молоды̀й, гайта́ре,
Ой, вы́веды зъ зеле́ного га́ю.
Ой, якъ бы ты доро́гы не зна́ла,
То й ты бъ менѐ гайта́ромъ не зва́ла,
Та ты бъ менѐ серде́нькомъ назва́ла.
Помолю́ся я свято́му Бо́гу,
Чи не вы́йду я сама на доро́гу;
Помолю́ся я святѝй Пречи́стий,
Неха̀й хо́дять по грибы̀ нечи́сти".

75.

„Два кулыка̀ ча́ечку любы́лы,
Зеле́ную ле́нту купы́лы;
Оцѐ жъ тоби̇̀, ча́ечка, пла́та,
Що на тоби̇̀ голо́вка чуба́та,
Оцѐ тоби̇, ча́ечко, за тѐе,
Що на тоби̇̀ пи́рьячко рябе́е“.

76.

„Якъ пийду̀ я въ садъ-выногра̀дъ,
Та й зорву̀ я зъ ро́жи кви́тку
И пусту̀ на во́ду.
Плывы̀, плывы̀, зъ ро́жи квитка,
Та до мо́го ро́ду;
Де по́вна крыйны́ця.
Вы́шла ма́ты воды̀ бра́ты,
Та ста́ла журы́цьця:
Чого̀, чого̀ зъ ро́жи кви́тка
На води̇̀ завья́ла?
Ты де жъ, моя̇̀ дыты́нонька,
Тры годы лежа́ла?
Не лежа́ла, моя̇̀ ма́ты,
Ны дня, ны годы́ны,
Та й попа́лася, моя̇̀ не́нько,
Неви́рний дружы́ни.
Та винъ менѐ не бье, не ла́е,
Та винъ мене́, моя̇̀ не́нько,
Слова́мы дойма́е“.

77.

„Со́колъ зъ во́рономъ злитаюцьця,
Со́колъ во́рона пыта́ецьця:
Ой, чимъ по́ле окрашаецьця?
Цвито́чками, васи́лечками,
Все цвито́чкамы билозо́вымы,
Бугра́мы и долы́намы
И высо́кымы могы́ламы.
Серѐдъ поля кустъ рака̇̀товъ,
Подъ тымъ подъ кустòмъ,
Младъ сы̀зой орѐлъ;
А въ кигтя̇̀хъ держи̇̀ть
Чо́рного во́рона,
Бра́та ро́дного.
Онъ не бьетъ и не клюётъ,
А все распра́шиваетъ:
Де жъ ты бувъ—пробува̀въ?
Ой я бувъ—пробува̀въ
У ды̀кыхъ степа̀хъ,
У те́мныхъ лиса̀хъ.
Ой, я ба́чивъ,—мла́децъ,
Все дыко́вынку:
Пидъ кустòмъ лежы̀ть
Ти́ло би́лое,
И нихтò жъ къ тому̀ ти́лу
Не прыве́рнецьця.
Прылити́лы къ ти́лу,
Та тры ла́стушки:
Пе́рвая ла́стушка—
Ро́дная ма́тушка,
Дру́гая ла́стушка—
Се́стра ро́дная,
Тре́тяя ла́стушка—
Жена̀ молодѐхонька“.

78.

„Ой, ты пету̀хъ, петушòкъ,
Ой, ты мы̀ленькій дружòкъ!
Що ты ра́но встаѐшъ
Мы̀лой спать не даѐшъ?
Ты тогда̀ менѐ збуды̀,
Когда̀ со́лнышко взойдѐтъ,
Роса̀ на зѐмлю падѐтъ“.

79.

„Якъ бы мини̇̀ кры̀лушка,
Голубы̀нии глаза̀,
Полыну́ла бъ я млада̀ туда̀,
Де драгу́ньскый сла́вный
Полкъ стоя̇̀въ,
Тамъ мой мы̀лый убы̀тый лежа́въ.
Я жъ его̀ ко́сточки собра́ла,
Въ сыру̀ зе́млю схова́ла.
Заросты, мы̀лой,
Полевòй травòй“.

80.

„Хо́де сова̀ по ко́мнати,
У воко́шечко гля́не,

Чи вси жъ, чи вси жъ, дивчáточка,
Чи вси нарумёни?
Однà, однà та Явдóшка,
Однà нарумёна.
Вонà нарумёна, вонà набилёна,
А за нéю той Алéко,
Винъ за нéю хóде.
Винъ за нéю хóде
Кушинъ воды нóсе,
Брусъ мыла пидно́се.
Ой, умыйся, та Явдóшка,
Бýдешъ помылѣе,
Бýдешъ бадёрнѣе".

81.

„Ой, мыла-плáтья мыла,
А я любовáвся,
Ой, мыла вóду брáла,
А я й засмиявся".

82.

„Сывый кинь, сывая кобыла,
Та й не давъ мини Богъ
Когò я любыла.
Тéрла ленъ, тéрла ленъ,
Та й на терлыци,
Ой, не давъ мини Богъ
Жыть на мéльныци.
Тéрла ленъ, тéрла ленъ,
Та й не цокотила,
Та й не давъ мини, Богъ
Когò я хотила".

83.

„Ты кудà летышь, кукýшечка,
Кукý, кукý, кукýшечка!
Я тудà лечý, кудà схочý,
Кукý, кукý, кукýшечка.
А въ томъ лисý соловьй поють
Кукý, кукý, кукýшечка"!

84.

„Птáшки, канарéйки
Вси жáлобно поють,
И намъ съ тобой, мой мылой,
Разлýку продають.
Разлýка, разлýка,
Чужáя сторонà!
Нихтò насъ не розлýче,
Ны мисяць, ны лунà,
Розлýче насъ однà
Сырà земля".

85.

„Колы хóдышь чéрезъ двиръ,
Не кыдай каблýчку,
Не свáтаешь менè,
Свáтай мою сýчку.
А я свáтаты не бýду,
Та й напьялю халабýду;
А зъ запáски зрóбымъ двéри,
Що бъ ходылы ковалéры,
А зъ пóяса зрóбымъ ключъ,
Любы, сéрце, хочъ замýчъ".

86.

„Бувъ соби Лáзарь,
Попидъ тынью лáзывъ.
Та вылазывъ свытку
Сиру сирéсеньку,
Билу билéсеньку.
Дивчáта вкрáлы,
На кýклы порвáлы,
Кýклы поробылы
И Лáзаря вбылы".

87.

„По тимъ бóци Дунáю,
Недалéко отъ крáю,
Чабáнъ вивци карнáе,
У дýдочку игрáе,
На мóлодцивъ моргáе.
Ой, вы хлóпци, молóдци,
Накажите дивóньци,
Нехай вонà менè не жде,
Нехай вонà зáмижъ идè,
Дощъ идè, дощъ идè,
Стрихотà льéцьця,
Хозяина дóма нѣтъ,
Хозяйка смиецьця".

88.

„Че́резъ лисъ, че́резъ по́ле,
Че́резъ си́нее мо́ре,
Тамъ лежа́ла до́сточка,
До́сточка дубо́вая,
Переходъ сосно́венький.
Шовъ-перешо́въ той Ива́нко,
Винъ перевивъ ту Ма́рьечку,
Луки́рю Ива́новну.
Винъ перевивъ, ще й пыта́е,
Ще й ду́шкою называ́е.
— Ду́шка моя ты, Ма́рьечка,
Се́рце моє, Ива́новна!
Чи ты вми́ешъ гостей зва́ты?
Чи уми́ешъ привита́ты?
—Я й не вми́ю гостей зва́ты,
Я й не вми́ю привита́ты,
Ти́лько вми́ю би́лою вмыва́цьця,
Та зъ Ива́номъ цилува́цьця,
Ти́лько вми́ю пости́ль сла́ты,
Та зъ Ива́номъ спать ляга́ты“.

89.

„И бры́чка зеле́на,
Па́ра ко́ней, ще й Оле́на;
И на бры́чки стояла,
Па́ру ко́ней продава́ла.
Изъ кры́тычка умыва́лась,
Полоте́нечкомъ утыра́лась.
Що суботоньки,
Та й чобо́тоньки,
Що неди́леньки—чи́рвычки“.

90.

„Умѐръ ,умѐръ нашъ хозя́инъ
Изъ похо́ду иду́чи,
Остае́цьця хозя́ющка,
Зъ мане́нькими ди́тьмы.
Похова́лы хозя́ина
Во зеле́ному саду́,
Посия́ла чере́мушку
На его́ гробу́.
Рость, рость, чере́мушка,
Тонка́, высо́ка,
На лыстъ шыро́ка“.

91.

„Чомъ гармо́нька не игра́ешъ?
Или въ тебѐ то́ну нѣтъ?
Чомъ дивчо́нка не выхо́дышъ,
Али тебя́ до́ма нѣтъ?
Али тебя́ до́ма нѣтъ,
Залити́ла на той свѣтъ.
Ната́шичка, худа́ жизнь,
Потихо́ничку ложи́сь“.

92.

„Жы́то, жы́то, не пшены́ця,
Чомъ дивчи́ну не любы́ть:
Вона́ чипуры́цьця.
Жы́то, ма́те, жы́то, ма́те,
Жы́то не поло́ва,
Чомъ дивчи́ну не любы́ть:
Вона́ чорнобро́ва?
По тимъ бо́ци, по толо́ци,
Тамъ дивчата́, хло́пци;
Менѐ ма́те не пуска́,
Що въ чо́рний со́рочци“.

93.

„Ду́мушку я ду́мавъ,
Та все тяжело́,
Знать, вре́мья хоро́шее,
До́брое прошло́.
Что жъ ты за соло́вьюшка,
Пѣсни не поешъ?
Звѣсилъ ты голо́вушку,
Зерна́ не клюешъ?
Спива́въ бы я пѣсеньку,
Та го́лосу нѣтъ,
Клёва́въ бы я зе́рнышко,
Да во́люшки нѣтъ.
Зелёная вѣточка
Менѐ веселы́ть,
Золота́я клѣточка
Померѐть велы́ть.
Сковàнъ, ско́ванъ
По бѣлыхъ рукàхъ,
По бѣлыхъ ногàхъ,
Ва́жкии желёзочки
Брязчàть на ногàхъ“.

94.

„Ой, Бо́же, Бо́же!
Колы̀ той ве́чиръ бу́де?
Колы̀ про ме́не
Наговóряцьця лю́ды?
Ой, Бо́же, Бо́же!
Що не ри́дная ма́ты,
Не вычéряла, та такъ лягáю спáты.
Не вечéряла, не бу́ду й оби́дать,
Пусты̀, мылéнький,
До рóду отви́дать,
А у ме́не рóду
Та два брáтики зрóду.
Въ ты̀хому брóду
Кóнивъ напувáють,
Воны̀ про ме́не розмовля́ють:
Десь у насъ сестрà,
Та хорóшого рóду,
Та впáла вонà,
Якъ ры̀бонька въ вóду“.

95.

„Ой, тамъ сиди́ла пáра голуби̇̀въ,
Цилувáлыся, мылувáлыся,
Своёму̀ житью̀ дывувáлыся.
Де не взя́вся стрилѐць—молодець,
Гóлуба убы̀въ, голу́бку вловы̀въ,
Прыни̇̀сь до дóму,
Пусты̀въ до дóлу,
Насы̀павъ пшены̀ци
Пóвни свитлы̀ци,
Налы̀въ воды̀ци
Пóвни склянны̀ци.
А голу́бка гу́дѐ,
Воды̀ци не пье,
Зернà не клюѐ.
Та чогòжъ ты гудѐшъ?
Воды̀ци не пьешь,
Зернà не клюѐшь,
Та все жу́рышся?
На мойй головѝ
Чоты̀ри журбы̀:
Пéрвая журбà—гóлуба немà,
Дру́гая журбà—самà молодà,
Трéтья журбà—дитѐй капéлля,
Четвéрта журбà—ди́тямъ хли́ба нема.
Ой, леты̀ жъ ты, голу́бко,
Ой, тамъ на дубу̀
Сыды̀ть симьсотъ голуби̇̀въ.
Постòй, полытю̀,
На ихъ посмотрю̀.
Не такѐ кры̀льячко,
Не такѐ пи́рьячко,
Не такы̀й носóчокъ,
Не такы̀й чубóчокъ,
Не такы̀й голосóчокъ“.

96.

„Ой, ты табàкъ, табачòкъ
Весéлая трáвка!
Безъ тебя̀ мнѣ, табачòкъ,
Вели́кая ску̀ка.
Скóлько разъ я зарикáвся
По той у́лыци ходы̀ть,
По той у́лыци ходы̀ть
Одну̀ пóдлую любы̀ть,
Я не могъ ее забы̀ть“.

97.

„Сыды̀ть дѣвка, сыды̀ть крáсна
Кóло я́сного викнà,
Вонà ши́ла, вышивáла
Тонки̇̀, бѣлы рукавà.
Вонà ждáла, дожидáла
Си́бѣ дружкà на покòй.
Не моглà дружкà дождаться,
Потуши́ла, спать лягла̀.
Стучѝть, грючѝть о пивнóчи,
Дóбрый мóлодецъ идѐтъ.
— Ой, де шля́вся, волочи́вся,
Що й до ме́не опизны̀вся?
— Въ насъ зъ закóнною жонòю
Въ насъ побрáнницѐ былò“.

98.

„Охъ, ты жъ, воля, моя воля!
До чóго жъ ты довелà?

Довела̀ во́ля до го́ря,
До позо́ру, до стыда̀.
Шахте́ръ пья́ный повсегда̀,
Шахте́ръ пья́ный, шахте́ръ пьетъ,
Шахте́ръ на ба́ндеръ сади́тся,
Съ го́ря пи́сеньку по́етъ,
Ажъ у го́ру луна̀ йдѐтъ".

99.

„На приго́рку кабачо̀къ,
Молоде́нький чумачо̀къ!
Дава̀й, Ва́нька, зайдёмъ,
На́боръ во́дки наберѐмъ.
На́боръ во́дки наберѐмъ
Кра́сныхъ дѣ́вокъ напое́мъ.
Кра́сны дѣ́вушки напью́тся,
Поля̀жутся усѝ спать,
А мы зъ Ва́нею гуля̀ть.
Догуля́лысь до зорѝ,
Спать ложи́лысь на дворѝ,
Жиле́точки въ головы́;
Жиле́точки въ голова̀хъ,
Гармо́нии во рука̀хъ.
А въ гармо́нии тонкѝй басъ,
Приходѝ, мылый, до насъ.
Ты не сва́тайся ночьмѝ,
Распросы́ся ты ричьмѝ;
Ты не сва́тайся у день,
Роспыта́йся ты людѐй".

100.

„Я ишо̀въ въ Москву̀ станы́цю,
Та й зайшо̀въ же въ городо̀къ,
Тамъ прекра́сная дивчо̀нка
Продаѐтъ сла́дкий медо̀къ.
Я спроси́лъ въ неѐ напытьця,
Вона̀, сте́рво, не даѐть,
Я спросѝлъ съ не́ю пройтытьця,
Вона̀ съ ра́достью идѐть".

101.

„Не на что я не вдаря́ла,
Какъ на э̀тотъ большо̀й домъ,
Не по комъ я не страждала,
Какъ по мы́ломъ по своёмъ.
Милъ уѣ́халъ, меня́ бро́силъ,
Ще й малю́тку на рука̀хъ;
Однесу̀ сестрѣ́ малю́тку,
Сама̀ вы́йду на крыльцо̀,
Простужу̀ своѐ бѣ́лое лицо̀.
Посмотрю́ я по уличкѣ,
Гдѣ́ ми́лый другъ идѐтъ.
— Ты жъ не зви меня́ дружо́чкомъ,
Я тепе́рича не твой,
Ожыны́вся на другѐй.
Ожыны́вся, перемины́вся,
Не по соби́ жену̀ взявъ,
Не пидъ мы́сли, не по се́рцу своему̀".

102.

„Ты калы́нушка, ты малы́нушка,
Ты не стой, не стой
На гори крутѐй;
Про́тивъ со́нечка,
Про́тивъ я̀снаго,
Не пуска̀й ли́стья по си́немъ мо́рю.
Корабѐль плывѐть,
Ажъ вода̀ ревѐть,
А на томъ корабли
Тры полка̀ солда̀тъ,
Молоды̀хъ ребья̀тъ;
Охвицѐръ, маёръ
Бо́гу мо́лыцьця
Рядовѐй солда̀тъ
Бо́гу мо́лыцьця,
Домо́й про́сыцьця:
Къ ма́минькѣ роднѐй,
Женѣ̀ молодѐй,
Къ ма́лымъ дѣ́точкамъ—
Соловья́точкамъ!"

103.

„Душа̀ Ма́ша!
Не вздыха̀й такъ тяжело̀;
Ну, коне́чно, дружка̀ жа́лко,

На́до его̀ забува̀ть.
— Ни, тогда̀ дружка̀ забу́ду,
Когда̀ сме́ртнымъ сномъ засну̀.
Ру́чки, но́жки одойму́тся,
Ротъ завья́не, якъ трава̀.
— Напыши̇, мы́ла, запы́ску
Своѐй пра́вою рукѐй,
Прочита̀й, мы́ла, запы́ску
Своѐй го́рькою слезѐй.
—Я чита́ла, говоры́ла
Не пийду̀ я въ садъ гуля̀ть:
Въ Алекса́ндровскомъ садо́чку
Шляхъ убы́тый, столбовѐй,
Въ Алекса́ндровскомъ садо́чку
Ростѐтъ бѣленькій лёнѐкъ".

104.

„Понапра́сну, ма́льчикъ, хо́дешь
Понапра́сну но́жки бьешь,
Ничего̀-жъ ты не полу́чишь,
Дураковъ домѐй пойдѐшь.
Нанавѣ́рно про то зна́ю,
Що не лю́бе винъ меня̀,
Онъ не лю́бе, злой мальчишка,
А мнѣ̀ ёго бо́льно жаль.
Наступа́ла си́ня хма́ра,
Якъ уда̀ре сы́льный дощъ;
Ты, дѣви́ца-краса́вица,
А я ма́льчикъ взро́слыхъ лѣтъ.
Лу́чше, лу́чше соловью̀ на вѣ́ткѣ,
Чимъ у клѣ́точки новѐй.
Лу́чше, лу́чше у ба́тька жи́ть
Чимъ солда́ткой молодѐй.
Ростара́йся, канаре́йка,
Хоть черны́льнаго пера̀,
Ростара́йся, канаре́йка,
Хотя бума́жечки клочо́къ,
Ростара́йся, канаре́йка,
Хоть воро́ного коня̀.
Ростара́йся, канаре́йка,
Хоть черке́скаго сидла̀".

105.

„Ходы́ла дѣ́вушка по база́рю,
Купы́ла се́лезня кра́сного,
Та прынысла̀ его̀ до до́му;
Та поста́вила до до́лу,
Та насы́пала пшены́ци,
Та поста́вила воды́ци.
Ку́шай, ку́шай, селезе́нько,
Та чуба́тый, волоха́тый.
Роспусты̇въ воло́са,
Зъ музуме́нту ко́са.
Чо́рну ко́су заплита̀,
На дѣ́вушекъ погляда̀.
Що жъ то, ма́те, за гуля́нье:
За воро́та, та й верта́нье"?

А. И. Ткаченкова.

9.—Сл. Богдановка.

Поселеніе.— Малороссы и великороссы.— Заговоры.

Сл. Богдановка лежитъ отъ Старобѣльска на юго-востокъ на разстояніи 50 вер. Рѣки въ ней нѣтъ, но почти въ каждомъ дворѣ имѣется колодезь, а подлѣ каждой хаты—садикъ. Въ окрестностяхъ ея есть нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, по мѣстному названію „балокъ". Старики разсказываютъ, что, когда населялась Богдановка, то эти лѣса были настолько велики, что ихъ рубили на постройку хатъ, амбаровъ и т. п. И теперь еще есть амбары, рубленные изъ дубовъ, вывезенныхъ изъ этихъ лѣсовъ. Въ одномъ изъ лѣсовъ были даже медвѣди, отъ чего за одной балкой и теперь осталось названіе „медвѣжьяго" лѣса. Названіе свое Богдановка получила по фамиліи перваго поселившагося малоросса Богдана.

Народонаселеніе Богдановки состоитъ изъ малороссовъ и великороссовъ. Первыми начали селиться малороссы; потомъ уже, когда Богдановка была хуторомъ, хатъ въ тридцать, изъ Московской губ. пришли великороссы. Церковью и поперечною улицею Богдановка раздѣляется на двѣ части; на сѣверъ отъ церкви живутъ малороссы, на югъ—великороссы. Великороссы и малороссы, хотя уже взаимно женятъ и отдаютъ замужъ своихъ дѣтей, все таки не хотятъ вполнѣ сблизиться. Такъ, у нихъ два сельскихъ старосты (малороссъ и великороссъ), общественныя дѣла рѣшаются у нихъ отдѣльно; даже въ церкви они становятся не вмѣстѣ, а какъ расположены ихъ хаты,—на сѣверной сторонѣ церкви становятся малороссы, на южной великороссы.

Въ Богдановкѣ есть земская школа, три мелочныхъ лавочки и двѣ винныхъ. Въ школу дѣтей своихъ они посылаютъ охотно, но, какъ только дѣло коснется траты денегъ на школу, какъ то: на ремонтъ, топку и т. п., то высказываютъ неудовольствіе. Къ учителю большая часть изъ нихъ относится хорошо.

Мѣстность въ Богдановкѣ здоровая, но жители небрежно относятся къ своему здоровью, часто простуживаются. Лѣчатся они сами, скотъ свой лѣчатъ большею частію у знахарей. Къ врачамъ обращаются рѣдко и то съ недовѣріемъ, при чемъ лѣкарство, данное врачемъ, послѣ одного пріема оставляется безъ вниманія, на томъ основаніи, что не помогло отъ одного раза. Въ знахарей же они вѣрятъ; съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ относятся къ нимъ.

Знахари **лѣчатъ** заговорами.

Отъ *„бышыхи“* (рожи): „Пе́рвымъ ра́зомъ йи́хавъ чоловѝкъ на пусту̀ ны́ву, пусты̀мъ конѐмъ, пусту̀ пшены́цю си́ять. Пусты̀й чоловѝкъ, пуста̀ ны́ва, пуста̀ пшены́ця, пусты̀й ки́нь, — и породы́ло пустѐ коры́ньня. Тутъ тобѝ не стоя̀ть, жо́втои ко́сты не ломы̀ть, черво́нои кро́вы не смокта̀ть (имя больнаго)“. Это говорятъ три раза и при томъ по больному мѣсту крестообразно давятъ пальцемъ. Потомъ говорятъ: „Инчимъ ча́сомъ, четве́ртымъ ра́зомъ пособѝ, Ма́терь Бо́жа. Пойхавъ чоловѝкъ на бѝлу ны́ву, бѝлымъ конѐмъ, бѝлои пшены́ци си́яты. Бѝлый чоловѝкъ, бѝлый кѝнь, бѝлый вѝзъ, бѝла борона́, бѝла ны́ва, бѝла пшены́ця (имя больнаго). Тутъ тобѝ не стоя̀ть, жо́втои ко́сты не ломы̀ть, черво́нои кро́вы не смокта̀ть! Я тебѐ высыла́ю, я тебѐ вышѝптую; тутъ тобѝ не стоя̀ть, жо́втои ко́сты не ломы̀ть, черво́нои кро́вы не смокта̀ть“! И ду̀ютъ крестообразно на больное мѣсто.

Остановить кровь послѣ ушиба или разрѣза: „Го́споди Іису́се Хрыстѐ, Бо́же мий, Пресвята́я Дѣ́во, Ма́ты Бо́жая, благословы̀ минѝ сию̀ кровъ замо́выть. Йи́хавъ ги́сть че́резъ калы́нивъ мистъ погане́нькою кобы́лкою, кобы́ла ста́ла и кровъ ста́ла, а не ста́нешъ, то бу́де тобѝ те, що тому̀ чоловѝкови, шо въ пья̀тныцю спива̀, а въ неди́лю нёгти зри́зуе изъ жилъ, изъ сустовивъ (имя больнаго)“.

Отъ зубной боли. 1) „Ми́сяцъ у не́би, ры́ба у мо́ри, во̀вкъ у по́ли. Колы̀ ци браты̀ зойду̀цьця, тодѝ у ме́не зу́бы бу́дуть болѝть. Ангелъ мий изъ ева́нгелія съ главы̀, по́мощь моя̀ отъ Ангела“. При этомъ больное мѣсто крестообразно давятъ рукою, дуютъ и плюютъ въ сторону.

2) „Михайлъ Арха́нгелъ, поможы̀ минѝ гри́шний рабѝ своѝй,

я́ко изба́ви мя́ отъ тру́са, пото́па, отъ напрасныя сме́рты, отъ вся́кого зла, отъ врага̀ льсты́вого, отъ бу́ри носи́мыя, отъ лука́вого изба́вы, велы́кій Михаи̇̀лъ Арха́нгелъ, сида́ніе Госпо́дне, во ви́кы ви́ковъ, ами̇̀нь".

Отъ „*вывиха*". 1) „На мо́ри—мо́ри, на окия́ни сыды̀ть ди́вка на ка́мени, шо́вкомъ шы́е, вышыва́е, кровъ разгоня́е". Три раза безъ передышки прочесть.

2) „Йи́хавъ Госпо̀дь на осля́ти, а св. Петро̀ на лоша́ти, а Юрыкъ (Георгій побѣдоносецъ) на ко́ныку, на пу́зыку. Ко́ныкъ звыхну́вся, а звы́шекъ мыну́вся". Три раза безъ передышки.

Отъ „*сояшныцъ*". 3) (Спазмы въ желудкѣ). На животъ больнаго ставится миска съ водою, туда кладутся веретено, ножъ и ложка, потомъ говорится слѣдующее: „Со́яшныци нудни̇̀, со́яшныци тошни̇̀, со́яшныци витрови̇̀ и водяни! Тутъ вамъ не стоя́ть, жо́втои ко́сты не ломы̀ть, черво́нои кро́вы не вья́лыть. Иди̇̀ть въ очерета̀, въ болота̀, де лю́ды не хо́дять, куды̀ хрыстыя́ньский гласъ не захо́де!" Послѣ этого на ладонь больного ставится веретено и ложкою изъ миски льется на него вода; больной долженъ выпить эту воду съ руки. Тоже самое продѣлывается и съ ножемъ.

„*Съ глазъ*". Надъ больнымъ говорится слѣдующее: „Пе́рвымъ ра́зомъ, Госпо́днимъ ча́сомъ, не я пособля́ла, Ма́тырь Бо́жу на по́мощь прызыва́ла. Ури́ки—ури́чица, поду́мани, пога́дани, нагово́рени, витряни̇̀, водяни̇̀, встри́чни, хто (имя больнаго) вре́че, той за собою поволо́че".

Отъ „*икоты*". Берутъ кружку воды, крестятъ ее и говорятъ: Хы́ковка, хы́ковка, пиды̀ до воды̀, кого̀ не́будь напады̀, хоть вола̀, хоть коро́ву, хоть ди́вчыну чорнобро́ву". Потомъ навкрестъ пьютъ изъ кружки воду.

Если грудной ребенокъ не спитъ, то его несутъ въ тотъ сарай, гдѣ ночуютъ куры и говорятъ: „Добры́ ве́чиръ вамъ, куры! Здоро́во! Чы вы спытѐ?—Спымо̀. Чорни, рябѝ, попи́льна́сти, би́ли, возмить у насъ крыкли́вци и плаксы́вци, а намъ да́йте сонлы́вцивъ, дрымлы́вцивъ, новорожденому, хрещѐному, молытвьяно́му (имя ребенка)."

„*Перелогамы*" крестьяне называютъ боль въ желудкѣ у лошадей, когда лошади не ѣдятъ корму, падаютъ на землю и ка-

чаются. Шепчуть: 1) „На мóри, окия́ни, на óстрови Буя́ни, тамъ стоѝть дýбъ, на тимъ дýби двана́дцять гиль, на ка́жний ги́льци по двана́дцять гниздъ, и прылытѝть по двана́дцять орлѝвъ; вонѝ ци перелóги роскы́дають и розгрыбýть, по камышàмъ, по болотàмъ, по нецéхлямъ. Тутъ вамъ не стоѝть, жóвтои кóсты не ломѝть, червóнои крóвы не пыть изъ жылъ, изъ суста́вивъ, изъ пожѝлъ (названіе скотины по шерсти)“.

2) „Йшовъ пипъ, за попòмъ дьяконъ, за дьякономъ дьяволъ; пипъ найшòвъ кунѝцю, дьяконъ рукавѝцю, а дья́волъ перелóги, тай встромѝвъ чóртови въ рóгы“.

Отъ *„укушенія змѣи“*. 1) „Розлылòсь сѝнее мóре. На сѝнимъ мóри стоѝть дубъ; пидъ тымъ дýбомъ лыжѝть змия неусыпýщая. Загадàй ты своѝмъ панàмъ, десятнѝкамъ и звелѝ усѝмъ своѝмъ нѝщымъ, нехàй прыйдýть возьмýть зýбы и стыповѝмъ, и луговѝмъ, и кýцымъ, и сáмымъ злючымъ, нехàй прыйдуть, возьмýть зýбы отъ шéрсты (названіе скотины по шерсти)“.

А. М. Иннокова.

10.—С. Никольское.

Гл. 1-я.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Что читаетъ народъ.—Жилище и связанныя съ нимъ примѣты и поговорки.—Одежда (бѣлье, верхнее платье и обувь), примѣты и поговорки.—Пища, примѣты и поговорки.—Народная медицина, постоянныя, временныя, весеннія и случайныя болѣзни и ихъ лѣченіе.—Заговоры (молитвы).—Народная ветеринарія.—Поговорки о болѣзняхъ.—Земледѣліе, пчеловодство и др. занятія.—Религіозность, пословицы, народныя молитвы, разсказъ.—Школа и ея исторія, поговорки о грамотѣ.—Нравственное состояніе (положеніе женщины, отношеніе родителей къ дѣтямъ, проституція, преступность прежде и теперь), поговорки.—Беременность, обряды при рожденіи дѣтей и повѣрья.—Вечерницы.—Свадебные обряды: обрядъ сватовства, обрядъ „пидвисилка“, обрядъ свадьбы; свадебные расходы; пословицы.—Похоронные обряды, причитанья и поминки.

Село расположено по вершинѣ р. Камышной, съ обѣихъ сторонъ ея, и по ярамъ,—съ лѣвой, т. е. восточной стороны,—Лѣсковомъ, Долгомъ и Глиняномъ, а съ правой—по Парневомъ, Нехаевомъ и Липовомъ. На Нехаевомъ яру находится х. Нехаевъ, съ которымъ село въ послѣднее время соединилось своими постройками. Ближайшіе къ селу города: Старобѣльскъ—100 в., Богучаръ—70 в. и Павловскъ—120 в.

О происхожденіи вышеупомянутыхъ селеній народъ говоритъ, что х. Нехаевъ старѣе села Никольскаго и что первый его поселенецъ былъ выходецъ изъ Марковки и назывался „Нехай“, отъ котораго и хуторъ получилъ свое названіе. Названіе же села одни изъ жителей объясняютъ какимъ-то „Мыколою“, поселившимся здѣсь раньше другихъ, а другіе—именемъ храма, освященнаго въ честь святителя Николая въ 1782 г. Послѣднее объясненіе гораздо вѣроятнѣе, такъ какъ до построенія церкви селеніе называлось „хуторомъ Великоцкимъ“, по имени первыхъ поселенцевъ Великоцкихъ, съ фамиліей которыхъ и теперь много въ слободѣ. Выселившись отсюда, они же образовали теперешнюю сл. Великоцкую Стрѣльцовской волости.

Вообще, на основаніи мѣстныхъ преданій и нѣкоторыхъ записей, сохранившихся въ церкви, нужно заключить, что заселеніе здѣшняго края началось съ первой половины прошлаго вѣка. Первые поселенцы, состоявшіе изъ казаковъ (въ церковныхъ запискахъ сказано, что первые поселенцы были „черкасы"), бѣглыхъ людей и разныхъ бродягъ, занимались воровствомъ, грабежами и разбоями. Мѣстные старожилы разсказываютъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ было много вольной, первобытной, нетронутой степи, много лѣсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые теперь совершенно исчезли; была рѣка, заросшая камышами и никогда не пересыхавшая и множество озеръ, тоже поросшихъ камышами, осокою и другими водяными растеніями. Теперь все измѣнилось: степи распаханы, лѣса уменьшились, рѣка уничтожилась и самое русло ея занесено землей; озеръ и камышей не осталось, и только кое-гдѣ по бывшему теченію рѣки можно видѣть жалкіе остатки единичныхъ камышей.

Число **жителей** въ слоб. Никольской по провѣркѣ, сдѣланной 1 іюня 1891 г., равнялось 4,957 д. об. п., въ т. ч. 2,531 муж. и 2,426 жен., дворовъ 624. Въ х. Нехаевѣ было 755 жителей,— 382 м. и 373 ж., дворовъ 70. Всѣ коренные жители по происхожденію и по наружности принадлежатъ къ малороссійскому населенію. Ростъ они имѣютъ средній или даже выше средняго, худощавы, глаза по большей части сѣрые и карые, носъ правильный и умѣренный, волосы свѣтлорусые и темнорусые. Въ наружности замѣтнаго вліянія инородческихъ примѣсей не обнаруживается. Всѣ мѣстные жители какъ слободы, такъ и хутора говорятъ на малорусскомъ **языкѣ**, хотя сравнительно съ другими мѣстами Старобѣльскаго уѣзда, довольно нечисто. Впрочемъ, особенностей мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ можно найти не мало. Часто народъ выговариваетъ слова съ такими звуками, для изображенія которыхъ въ русской азбукѣ не существуетъ и знаковъ. Вотъ, напримѣръ нѣсколько словъ, въ которыхъ „г" выговаривается какъ латынское „g", а „дз и дж" выговаривается особенными свойственными народу звуками „дзвинъ"—колоколъ, „дзвидъ"—очепъ у колодца, которымъ тянутъ воду, „дзыга"—дѣтская игрушка „гыдза"—наростъ на тѣлѣ, „дзеркало"—зеркало, „ґудзыкъ"—пуго-

вица;„гыла“—мѣра палкой при игрѣ въ скракли, „гулый“—однорогій (волъ), „герлыга“—палка пастуха („вивчаря“), „гугля“—наростъ на тѣлѣ, „гаджуетъ“—бьетъ, „бджолы“—пчелы, „адже“?—такъ ли? „аджебá—такъ, такъ, да—да. Много у крестьянъ и своихъ мѣстныхъ словъ и выраженій, напримѣръ: „нидбо“—неправда, „гожо“—хорошо, „чухно“, „мняло“—лѣнтяй, неподвижный, „жодный“—каждый, „мерщій“—скорѣй, „катрáга“—шатеръ, балаганъ, „шутый“—безумный, „шуркатый“—когда роги сходятся вмѣсто одинъ къ другому, „кончатый“—когда одинъ рогъ зашелъ за другой (о волахъ), „контуйтесь, прозволяйтесь“—кушайте, ѣшьте, „не вживаю“—не употребляю, „перебаранчáетъ“—перебиваетъ, мѣшаетъ, „порадыцьця“—посовѣтоваться, „пробуютъ“—требуютъ, „виковуша“—старая дѣвушка, „байстрючка“—одиночка, женщина безъ мужа, „клымата завжде така“—климатъ всегда такой. Много въ народномъ языкѣ извращенныхъ литературныхъ словъ, напримѣръ: „верменъ, вермешка“—армянинъ, „окиндатъ“—кандидатъ, „облокатъ“—адвокатъ, „заментъ“—экзаменъ, „шпехторъ“—инспекторъ, „левизоръ“—ревизоръ, „фитфебельщикъ“—фельдфебель, „пидвальщикъ“—подвальный, „ныкодемія“—академія, „гивназія“—гимназія, „притенденція“—претензія, „кулушубокъ“—полушубокъ, „застелка, застела“—подстилка, „канпузыты“—канфузить, „вчытель“—учитель и др. Привожу нѣсколько поговорокъ: „хрестъ хрестомъ та ще й зашморгомъ“ (такъ нѣкоторыя божатся), „мотаецця якъ воръ по ярмарку“, „набравсь малый, якъ май грушъ“ (говорятъ о пьяномъ или отягоченномъ ношею), „це було литомъ,—не зимою, якъ упалы ящыкы зъ неба зъ водою“, „ны Кулына й голосъ ны йийи“, „такъ зумие и чередныкова Хымка“, „брехня колы не стрине, такъ дожене“, „казало лыхо що не буде добра,“ „съ чужого возу хочъ середъ калу“ (грязи), „кому, а тоби змелетця“, „выртытця якъ швайка“.

Въ заключеніе нужно сказать, что старые люди гораздо лучше говорятъ по малороссійски и глаголы неопредѣленнаго наклоненія выговариваютъ на „ты“; молодое же поколѣніе утрачиваетъ чистоту малорусскаго языка и приближается по своему выговору нѣсколько къ языку литературному, всегда оканчивая вышеупомянутую форму глагола на „тъ“ и проч.

Народъ читаетъ въ зимнее время разныя книги, какія только можно гдѣ-либо достать. На первомъ планѣ у него книги религіознаго содержанія: Евангеліе, дѣяніе св. апостоловъ, псалтирь, житіе св. Алексія, человѣка Божія, Николая Чудотворца, Варвары великомученицы и т. д. Затѣмъ крестьяне любятъ читать книги историческаго содержанія, въ которыхъ выражается геройство и твердость русскаго народа, напр.: о Владимірѣ Равноапостольномъ, Ярославѣ, Владимірѣ Мономахѣ, Александрѣ Невскомъ, Димитріи Донскомъ, Мининѣ и Пожарскомъ, Петрѣ Великомъ, Суворовѣ, Кутузовѣ и мн. др. Съ большою охотою читаютъ они книги сельско-хозяйственнаго содержанія, но къ сожалѣнію таковыя книги рѣдко приходится имъ доставать. Самое же низшее и послѣднее мѣсто въ народѣ занимаютъ книги, въ которыхъ помѣщаются сказки, повѣсти, анекдоты и проч., называя ихъ „брехеньками". Отрадно смотрѣть, когда зимою, проходя по улицѣ, увидишь какъ за столомъ сидитъ грамотный членъ семьи, по большей части ученикъ, и читаетъ любимую народомъ книгу; остальное же семейство усядется вокругъ него и со вниманіемъ слушаетъ.—Нѣкоторыя книги для своего чтенія народъ получаетъ изъ училища; но такъ какъ при нашихъ училищахъ библіотекъ не существуетъ, то онъ по большей части покупаетъ ихъ на ярмаркахъ и базарахъ и разныхъ книгоношъ и въ большинствѣ случаевъ переплачиваетъ за книгу противъ ея стоимости вдвое и даже втрое. При этомъ замѣчено, что крестьяне по своей неграмотности и неопытности покупаютъ иногда никуда негодную или даже вредную для дѣтей книгу,—какую нибудь повѣсть или романъ дешеваго изданія. Въ такихъ книгахъ, которыя мнѣ приходилось просматривать, не имѣется не только чего-нибудь интереснаго для народа, но даже нѣтъ смысла, кромѣ разной любовной галиматьи. Газетъ и журналовъ никто изъ народа не читаетъ и на чтеніе ихъ не изъявляетъ охоты.

Жилище крестьянъ состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ деревянной просторной хаты, расположенной своею длиною съ улицы во дворъ и имѣющей два или три окна на улицу, два во дворъ и одно или два на глухую стѣну, въ чужой дворъ. Въ прежнее время, когда здѣсь было много крупнаго лѣса,

хаты всегда строились дубовыя, теперь-же рѣдко строятся изъ дуба, больше изъ вербы, которой здѣсь не мало растетъ въ огородахъ, изъ глины и кое-гдѣ изъ саману. Крыши на всѣхъ хатахъ соломенныя. Большинство хатъ по своему устройству раздѣляется на двѣ половины: первую половину, отъ улицы, занимаетъ главная большая комната съ четырьмя или пятью окнами, въ которой помѣщается все семейство, а другую половину занимаютъ: небольшая комната—кухня, съ однимъ или двумя окнами, и съ поломъ (кроватью), чуланъ („хыжка"), въ которомъ помѣщается нѣкоторая одежда, съѣстные продукты и проч. мелочь, и сѣни, нерѣдко загроможденныя разнымъ домашнимъ скарбомъ: мѣшками, коробками, лопатами и т. п.

Въ главной комнатѣ „на покутти" (въ переднемъ углу) и около него по обѣимъ стѣнамъ разставлены иконы, число которыхъ бываетъ различно, отъ 5 до 20 и болѣе; предъ ними виситъ 1 или 2 лампады. Въ другомъ, „причилковомъ", углу, устроенъ досчатый „пилъ" (кровать), на которомъ спятъ; рядомъ съ нимъ въ третьемъ углу стоитъ большая печь, а въ четвертомъ—„мысникъ", т. е. шкафикъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ, и дверь, ведущая въ сѣни. По двумъ стѣнамъ стоятъ лавки (скамейки) для сидѣнія, сходящіяся вмѣстѣ на покути, гдѣ передъ ними стоитъ единственный въ комнатѣ столъ. Изрѣдка попадаются на стѣнахъ дешевыя картины, но чаще тамъ ничего нѣтъ, кромѣ одной или двухъ „полицъ" (полокъ) для складыванія хлѣба и проч. Въ большіе праздники около иконъ вѣшаютъ „рушныкы".

Передній уголъ въ хатѣ имѣетъ религіозное и почетное значеніе: въ немъ стоятъ иконы, виситъ лампадка, хранятся просфоры, артосъ, книги и проч.; здѣсь ставятъ пасху и кутью, сажаютъ дорогаго и почетнаго гостя, а во время свадьбы, „свитылку и стороживъ" (мальчиковъ съ палками, обмотанными соломой и репяхами)—отсюда, вѣроятно, и поговорка произошла: „на покути—колы не кутя, такъ дуракъ безъ путьтя".

Дворы у крестьянъ болѣе или менѣе окружены со всѣхъ сторонъ разными хозяйственными постройками: амбарами и хлѣвами для ссыпки хлѣба, хлѣвами для храненія дровъ, навоза, земледѣльческихъ орудій и т. п., конюшнями, птичниками, ко-

морами и повѣтками для рогатаго скота. У большинства хозяевъ амбары для хлѣба („комори") и токи устраиваются вдали отъ дворовыхъ построекъ—на выгонѣ, если можно, или на противоположномъ концѣ усадьбы, если обѣ стороны улицы застроены хатами. Старыхъ неперестроенныхъ хатъ нигдѣ не сохранилось, но говорятъ, что онѣ имѣли одну комнату, съ однимъ окномъ на улицу и однимъ или двумя во дворъ, а въ большихъ семействахъ—двѣ подобныхъ комнаты, раздѣленныхъ сѣнями, которыя имѣли двое сквозныхъ дверей, одну во дворъ, а другую на глухую стѣну. Потолки въ такихъ хатахъ дѣлались изъ досокъ и мылись. Труба въ старыхъ хатахъ дѣлалась изъ дерева (хвороста) и обмазывалась глиной, а закрывалась (затыкалась) изъ сѣней пучкомъ тряпокъ („заткаломъ"). Въ настоящее время такія трубы почти перевелись и замѣнились кирпичными, правильно устроенными. Хаты теперь начинаютъ строить на подобіе городскихъ домиковъ: длиною по направленію улицы, куда выходитъ отъ трехъ до пяти оконъ, устраивается корридорчикъ со стекломъ или крыльцо съ красивыми колонками и со „сходцами" (лѣстницей). Крыша бываетъ красиво подмалевана, ставни и окна растворчатыя. На подмалевкѣ, ставняхъ и оконныхъ заличкахъ часто дѣлается красивая рѣзьба, которая иногда бываетъ и на дверяхъ. Во многихъ хатахъ подъ лавками (скамейками) и на стѣнкахъ, гдѣ полъ (кровать), высотою въ одинъ аршинъ бываетъ помазано желтою глиною, сверхъ которой проводятъ вершковую полоску (шнурокъ) красною глиной. На верхнемъ карнизѣ камина проводятъ красную полоску, подъ ней желтую, все же поле камина (въ нѣкоторыхъ хатахъ и всѣ стѣны) раскрашивается разноцвѣтными пятнами и зубчиками, для чего употребляютъ, кромѣ глины, синьку, сурикъ и фуксинъ. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ бываютъ полы въ хатахъ деревянные, а стѣны, сволоки и два или три сволочка около иконъ хорошо выглажены, вычищены и вымыты водой. Надписей на сволокахъ не бываетъ.

Съ печью въ народѣ связано множество повѣрій, примѣтъ и поговорокъ. Во время кладки печи стараются задобрить и угостить печниковъ. Иначе они могутъ такъ сложить печь, что

она никуда не будетъ годиться, или вмажутъ въ нее живого серебра (ртути), отчего во время топки будетъ сильно гудѣть.

Въ первый разъ топятъ въ новой печкѣ житною соломою, положивъ туда нѣсколько прутиковъ свяченой вербы. Въ печи во всякое время находится одно или нѣсколько полѣнъ дровъ и вода: „огонь пыть хоче". Если въ печкѣ сбѣжитъ молоко, то это мѣсто посыпаютъ солью, „щобъ дійки у коровы не репалысь„ (не трескались). Когда дѣвочка учится прясть, то первую свою работу она должна бросить въ печь, чтобы быть хорошею пряхою. Если человѣкъ или скотъ заблудится, или долго не возвращается домой, кричатъ въ трубу или коминъ, чтобы скорѣе возвратился.—Беременной женщинѣ не слѣдуетъ мазать печи: ребенокъ будетъ удушливый. Подъ припечкомъ, говорятъ, прячутъ клады. Если во время топки печи выскочитъ искра,—будетъ гость. „Жиноцька ричь коло прыпичка". „Старій баби и на печи ухабы". „На мини тилко пичъ та ступа не була". „Дивчиною — повна вулыця, а жинкою — повна пичъ". „Чоловика 20 годивъ гриетъ кровъ, 20—кожухъ, а дальше вже, якъ не пичъ, такъ нихто не нагире". „Якъ Богъ не годыть, такъ и огонь не горыть". „Чужыми руками тилко жаръ загрибать". „Силь тоби въ зубы та пычына, та болячка мызъ очыма" (говорятъ тому, кто завидуетъ).

На порогѣ грѣхъ садиться и становиться, а въ особенности „распынацьця" (стать на порогъ и руками взяться за притолки). Черезъ порогъ не слѣдуетъ ничего подавать и соръ („смиття") мести изъ хаты, а беременной женщинѣ лить воду: дитя будетъ страдать рвотами. Торговцы прибиваютъ на порогѣ найденную подкову, чтобы больше привлечь покупателей. Въ окно не плюютъ, не выпускаютъ и не впускаютъ кошки, и не подаютъ милостыни. Вечеромъ и ночью не слѣдуетъ растворять оконъ, „ато ввійде нечыстъ". По заходѣ солнца не слѣдуетъ смотрѣть въ окно: „диты не будуть спать". Въ праздники и въ особенности въ номинальные дни, вынувши изъ печи хлѣбъ, разламываютъ одну паляницу на куски и кладутъ ихъ на окна и столъ, чтобы души умершихъ питались тѣмъ паромъ, который идетъ изъ горячаго хлѣба. Говорятъ, что одна женщина, засыпанная глиной, была въ глинищѣ цѣлый годъ,

и, когда ее нечаянно откопали, разсказала, что она питалась все время этимъ паромъ съ хлѣба. Вообще на ночь слѣдуетъ крестить двери, печь и окна, чтобы злой духъ и „всяка лыха лычына“ не могла ночью проникнуть сквозь нихъ въ хату и причинить вредъ спящимъ людямъ.

Повѣрья, пословицы и поговорки. На столъ „не годыцьця класты“ ключей; ссора будетъ. „Стилъ—пристолъ, а дижа—чаша. Своя хатка — ридна матка. Чужа хата — хуже ката. Своя хата — покрышка. Абы була хата крыта, та душа сыта. Въ чужій загороди скотыны не разведешъ. Якъ побалакаешъ, такъ якъ у скрыню положышъ. Отъ чужыхъ воротъ есть поворотъ. „Винъ въ сторони, а я въ борони“.

Для болѣе удобнаго описанія **одежды** нашихъ никольскихъ крестьянъ, раздѣляю ее на три разряда: бѣлье, верхнее платье и обувь.

Бѣлье. Мужчины носятъ бѣлыя льняныя сорочки, которыя у молодыхъ бываютъ съ вышитымъ стоячимъ воротникомъ, и „матирни (пеньковые) штаны“, приготовленные самими хозяйками изъ своего матеріала. Такая сорочка стоитъ отъ 50 до 70 коп., штаны—отъ 30 до 40 к., число первыхъ у каждаго бываетъ отъ 4 до 10, а вторыхъ—отъ 3 до 8. Молодые мужчины имѣютъ для праздниковъ одну или двѣ сорочки „крамныхъ“ ,сдѣланныхъ изъ кумача или ситцу, стоимостью отъ 80 к. до 1 р., и „крамни“ штаны темнаго цвѣта, которые стоятъ отъ 80 к. до 1 р. 50 к. Мальчики до 5—6 лѣтъ носятъ одну длинную сорочку, стоящую отъ 20 до 40 к., а старшіе—носятъ сорочку и штаны, стоящіе вмѣстѣ отъ 50 до 70 коп., если они сдѣланы изъ домашняго матеріала, и отъ 60 к. до 1 р., если изъ купленнаго. Бѣлье женщинъ состоитъ изъ длинной сорочки, верхняя часть которой („станокъ“) дѣлается изъ льняного полотна или „мыткалю“, а нижняя („пидтычка“)—изъ пеньковаго. Для большихъ праздниковъ, а также и къ смерти, готовятъ одну или двѣ сорочки „додильныхъ“, т. е. цѣльныхъ до самаго низа, сдѣланныхъ изъ тонкаго льняного полотна. Каждая сорочка бываетъ вышита красною, черною или синею „заполочью“ (нитками) на „вуставкахъ“ (вставки въ рукава, около плечъ) и „въ полихъ“ (въ подолѣ). Обыкновенныя женскія со-

рочки стоятъ отъ 80 к. до 1 р., а „додильни“ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Число сорочекъ у женщинъ бываетъ различно, смотря по достатку, отъ 5 до 15 и болѣе. Дѣвочкамъ до 8—9 лѣтъ дѣлаютъ цѣльныя сорочки, а старухамъ съ подшивками (пидтычками); стоимость ихъ отъ 40 до 60 коп.

Верхнее платье. Верхнее лѣтнее платье мужчинъ состоитъ изъ праздничнаго „капота“ (длинной одежды, чинарки), „куртыны“ (короткой поддѣвки), пиджака и „жулетки“ (жилета). Капотъ для взрослаго человѣка стоитъ отъ 4 до 10 р., куртына—отъ 3 р. до 3 р. 50 к., пиджакъ отъ 3 до 4 руб., а жилетъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Для осени и весны богатые дѣлаютъ на „бавини“ (ватѣ) капоты, стоящіе отъ 8 до до 9 р., и „байковыя“ (бобриковыя) пальто съ отложнымъ воротникомъ (вродѣ свиты), стоящія отъ 10 до 12 р., а бѣдные носятъ „юпки“, т. е. свитки изъ домашняго сукна, со сборками сзади, которыя стоятъ отъ 4 р. до 5 р. 50 к. Зимою мужчины носятъ полушубки, свиты и кожухи съ высокими „комирями“ (воротниками). Вся эта одежда приготовляется изъ шерсти и овчинъ своихъ овецъ. Полушубки бываютъ нагольные (бѣлые) и крытые сукномъ и другой матеріей; первый стоитъ отъ 7 р. до 8 р. 50 к., а второй—отъ 8 до 15 р.; свита съ высокимъ „комиремъ“ стоитъ отъ 5 до 7 р., а кожухъ съ такимъ же „комиремъ“—отъ 15 до 20 р. Послѣдній кожухъ бываетъ только въ зажиточныхъ семействахъ и то не въ каждомъ. Мальчики носятъ такой же формы платье, какъ и взрослые. Въ достаточныхъ семействахъ бываетъ вышеупомянутыхъ платьевъ по двое и болѣе. Всѣ мужчины, начиная отъ мальчика и до старика, лѣтомъ носятъ картузъ, а зимою шапку и „капелюху“; картузъ стоитъ отъ 30 к. до 1 р., шапка отъ 40 к. до 2 р. и болѣе, а „капелюха“ отъ 80 к. до 1 р. 50 к. Кромѣ того молодежь носитъ пояса и шарфы; первые стоятъ отъ 50 к. до $1^1/_2$ р., а вторые—отъ 30 до 50 коп. Женскія лѣтнія платья: кофта „холодайка“, кофта на ватѣ, юбка съ „брыжамы (со сборами сзади), „шарафанъ“, „дерга“ и „зависка“ (фартукъ). Кофты бываютъ намбуковыя, которыя стоятъ отъ 2 до 3 р. и ситцевыя, съ подкладкою отъ 1 р. до 2., а теплыя, на ватѣ, смотря по матеріалу, отъ 2 р. до 3 р. 50 к.; „юпка“ со сборами стоитъ

отъ 1 р. до 1 р. 50 к., „шарафанъ“ ситцевый столько же, кашемировый—отъ 2 до 3 р.; „дерга“, которую носятъ только въ будни, стоитъ отъ 60 к. до 1 р., а „зависка“ отъ 40 до 60 к. „Юпки“ со сборами вышли изъ моды, и ихъ можно видѣть только на старухахъ. Теплыя женскія платья состоятъ изъ бѣлой суконной свиты съ „видлогою“ (небольшимъ воротникомъ), вродѣ халата, намбуковаго пальто на ватѣ такой же формы, какъ и бѣлая свита, смушковаго длиннаго и широкаго кожуха съ низенькимъ стоячимъ воротникомъ, покрытаго сукномъ или другою матеріею и домашняго нагольнаго кожуха для работы. Бѣлая свита стоитъ отъ 4 до 5 р., ватное намбуковое пальто—отъ 9 до 12 р., крытый сукномъ кожухъ, обложенный котикомъ,—отъ 18 до 25 р., будничный для работы—отъ 5 до 8 р., а такой же покрытый—отъ 10 до 15 р. Дѣвочки въ холодное время до 15 лѣтъ ходятъ въ недорогихъ кожухахъ, свиткахъ и пальто (отъ 3 до 5 р.), лѣтомъ носятъ такую же одежду, какъ и взрослыя, только гораздо дешевле стоящую. Лѣтомъ въ будничные дни женщины покрываютъ голову ситцевыми платками, которые стоятъ отъ 15 до 25 к., а въ праздничные большинство изъ нихъ надѣваетъ шерстяные и шелковые, стоимостью отъ 1 до 3 р.; зимою же носятъ теплые платки, стоящіе отъ 1 до 4 р. У каждой женщины бываютъ украшенія: крестики, „намисто“ и серги, а у дѣвушекъ и кольца. Крестики, кольца и серги бываютъ мѣдные и „стрибни“ (серебрянные), а „намисто“ по большей части дутое, цвѣтомъ бѣлое, золотистое и зеленое.

Обувь. Всѣ мужчины носятъ „чоботы“, сдѣланные по заказу мѣстными сапожниками, стоимостью, для взрослыхъ, отъ 2 до 4 р., а для мальчиковъ—отъ 1 до 2 р. Почти у каждаго бываетъ двѣ пары сапогъ, новые для праздника, а старые для будня. Женская обувь состоитъ изъ сапогъ, которые бываютъ съ черными, красными или желтыми „холявами“ (голенищами) и съ каблуками, подбитыми стальными или мѣдными подковками, изъ полусапожекъ, ботинокъ и мелкихъ „черевикъ“ (башмаковъ). Сапоги женскіе тѣ и другіе стоятъ отъ 2 до 3 руб.; полусапожки—отъ 1 до 2 р., ботинки—отъ 3 до 4 р., а черевики—отъ 80 к. до 1 р. Ботинки съ резинками и сапоги съ цвѣтными голенищами носятъ въ праздникъ франтихи,—бога-

тыя дѣвушки и солдатки; полусапожки и черные сапоги большинство носитъ въ праздники и будни, а черевики—носятъ старухи. Изъ старинной одежды, кромѣ дерги, сохранился „капуръ“ (чепчикъ), носимый пожилыми женщинами и теперь подъ платками, и „очипокъ“, котораго почти никто не носитъ; плахты исчезли. Мужчины же прежде носили „черевыкы зъ волоками“ и широкіе „шаровары“, но теперь никто не носитъ. Почти всѣ вышеописанныя лѣтнія и зимнія платья и обувь, какъ мужскія, такъ и женскія, новыми надѣваются въ праздники, а старыми въ будни. Мужчины лѣтомъ во время домашней и полевой работы большею частью не носятъ верхняго платья, а ходятъ въ одной сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ. Небогатая молодежь („парубки и дивчата“) покупаетъ для себя наряды на деньги, которыя она сама заработала на Донщинѣ или въ своей мѣстности, работая у хозяина поденно и помѣсячно.

Никольскіе жители, одѣваются довольно порядочно и опрятно, на подобіе городскихъ мастеровыхъ и мѣщанъ. Здѣсь проявила свое вліяніе область Войска Донскаго, куда весною отправляется на заработки множество народа, принося оттуда разныя привычки и моды; этому же способствовала, вѣроятно, и близость желѣзной дороги (К. В. Р.), окружающей слободу почти съ трехъ сторонъ.

Примѣты, повѣрья, пословицы и поговорки. Когда золятъ (бучатъ) бѣлье, кладутъ въ жлукто на золу нѣсколько зеренъ пшена и немного соли, чтобы оно было бѣлое. Когда родится дитя, то въ тотъ день не слѣдуетъ ничего полотнянаго рвать, „а то дытына буде здорово рвать сорочкы“. „Дергою и шарафаномъ не вкрывай дытыны: челядь (молодежь) не любытыме“.— Дѣвочкѣ, въ теченіе перваго года жизни, не надѣваютъ намиста, нападеніе будетъ отъ дѣтей. Въ понедѣльникъ не надѣваютъ бѣлой сорочки и штановъ: отъ этого приходится напраслину переносить. Настольникомъ „не годыцьця“ вытирать рукъ: кожица около ногтей будетъ задираться, что можетъ пройти, когда нарѣжешь крестики на ногтяхъ. Кто въ первый разъ надѣнетъ новое платье, тому въ карманъ бросаютъ монету, „шобъ гроши водылысь“, и щипаютъ его, „шобъ довше одежына носылась“. Чтобы никто не сглазилъ, нужно носить въ

платьѣ иглу вверхъ жаломъ. Замужняя женщина не должна ходить безъ платка, въ особенности въ сѣни: „домовой за волосся потягне на горище“. Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу, которую можно предотвратить, завязавъ узелокъ въ платкѣ. „Шапку не годыцьця класты на стилъ и вертиты въ рукахъ: голова болитыме“, „дивчатамъ не годыцьця шапку надиваты,—коса не ростыме, а хлопцямъ очипка и намыста: кобыла голову откусе“, „новый чобитъ не годыцьця въ первый разъ надиваты безъ онучи и вустилкы: холодный буде“, „праву ногу треба впередъ вбуваты, шобъ чоботы не крывылысь“.— „Къ Риздву хочъ сырову, та абы нову (сорочку), а къ Великодню хочъ стареньку, та абы биленьку. Своя сорочка блыжче къ тилу. Сыроти тоди й недилля, якъ сорочка била. Якъ кожухъ та свыта, такъ и душа сыта. Купуй хату крыту, а шубу шыту. По Савци свыта сшыта. По Савци свыткa, а по Кулыни колпакъ. Капотъ наробывъ хлопотъ. Казавъ панъ, дамъ жупанъ, ёго й слово тепле. На чужой ротокъ не накинешь платокъ. Надивай штаны шаровары, шобъ дивчата шанувалы. Хто праздныка пыта, той штаны лата. Холодно одившысь у одно, а въ двое та въ худое, такъ усе равно. Тонко прясты,— довго ждаты“.

Пища мѣстныхъ крестьянъ, вообще говоря, самая простая и довольно незавидная по своему качеству. Впрочемъ, богатые и достаточные люди никогда не голодаютъ, имѣя возможность по своему состоянію разнообразить пищу; зато бѣдные голодаютъ и въ праздники, и въ будни, и въ скоромные, и въ постные дни. Они только тогда наѣдятся, когда работаютъ у богатаго, нескупого хозяина. Пищу крестьянъ составляютъ слѣдующія кушанья: борщъ, квасокъ, каша, „кулишъ“, „юмка“ (супъ), „галушкы рванци и галушкы крышени“ (лапша), „затирка“, „кваша“, „путря“, „кутя“, „озваръ“, „лемишка“ и „вареныкы“; варятъ также горохъ, фасоль и чечевицу, кушая ихъ въ видѣ похлебки и въ пирогахъ; ѣдятъ вареный и печеный картофель и употребляютъ его въ пироги и вареники. Мною по возможности перечислены всѣ кушанья, какія готовятся крестьянами въ продолженіи года. Квасокъ, состоящій изъ кваса и мяса съ приправами, готовится рѣдко,—въ большіе праздники и на заго-

вѣны; узваръ, кутья, путря, каша и лемишка употребляются въ пищу по большей части въ посты; галушкы, „затирка“, кулишъ и супъ готовятся на завтракъ или на ужинъ, когда отъ обѣда мало остается кушанья. Борщъ же, каша и картофель служатъ ежедневной пищей крестьянина. Въ праздничные скоромные дни у богатыхъ бываетъ борщъ съ мясомъ, каша съ масломъ или молочная („молошни галушкы“) и какое нибудь третье изъ вышеупомянутыхъ кушаній, въ будничные—борщъ и каша съ саломъ, а въ степи—одна каша (иногда варятъ и двѣ каши,—„круту и ридку“). Въ постные же дни готовятъ тѣ же самыя кушанья съ масломъ или безъ масла („оліи“), прибавляя къ нимъ селедку, капусту, огурцы, арбузы и проч., а въ степи, если нѣтъ каши, ѣдятъ сухари съ водой и солью. У достаточныхъ крестьянъ хлѣбъ бываетъ или чисто пшеничный, или пшеничный съ примѣсью ячменя и жита, а у бѣдныхъ—житный или ячменный; борщъ же и каша у нихъ почти всегда готовится безъ сала и масла, а мясо они ѣдятъ весьма рѣдко, только въ большіе праздники. Пища крестьянская съ каждымъ годомъ ухудшается, что происходитъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій, происходящихъ отъ неурожаевъ и недородовъ хлѣба, а часто и огородныхъ овощей, и отъ уменьшенія скота и птицы. Никакого посторонняго вліянія относительно пищи не замѣчается.

Лавокъ въ слободѣ имѣется четыре: двѣ большихъ съ мануфактурнымъ товаромъ и всякою мелочью, употребляемою крестьянами, и двѣ малыхъ съ бакалейными и мелочными товарами. Торгуютъ довольно порядочно, въ особенности мануфактурнымъ товаромъ, который сбывается не только мѣстнымъ жителямъ, но и пріѣзжимъ изъ другихъ окрестныхъ селеній. Всякіе товары, потребные въ крестьянскомъ быту, имѣются въ мѣстныхъ лавкахъ; но къ сожалѣнію продаются въ большинствѣ случаевъ по весьма дорогимъ цѣнамъ, отбирающимъ у крестьянина послѣдніе достатки.

Почти всѣ дома освѣщаются керосиномъ, который наливается въ небольшія лампы со стекломъ („пузыремъ“); но нѣкоторые бѣдняки, не имѣющіе на керосинъ денегъ, освѣщаютъ свои хаты овечьимъ, говяжьимъ и свинымъ саломъ, наливаемымъ въ „ка-

ганци" (плошки). Керосиновое освѣщеніе стало появляться здѣсь около 20 лѣтъ тому назадъ, а прежде всѣ „свитылы каганцямы", употребляя, кромѣ вышеупомянутыхъ матеріаловъ, ежевое сало, для чего нѣкоторые хозяева ходили по лѣсамъ и ловили множество ёжей.

Повѣрья, примѣты, пословицы и поговорки. Нѣкоторые крестьяне вѣрятъ, что теперь дни стали короче, чѣмъ были встарину, въ доказательство чего они говорятъ: „Встарину люды снидалы, подобидувалы, обидалы, полуднувалы, пидвечиркувалы и вечерялы, та все кашу круту и ридку съ саломъ або оліею, а теперъ тилко тры раза за день йидять: снидають, обидають и вечеряють,—та й то одну ридку кашу безъ сала и оліи; або сухари зъ водою и силлю".—„Въ понедилокъ и въ четвергъ не годытыця уваривать сиривцю (квасу), а то туда влизе яка-небудь гадына: жаба, мыша, тараканъ". Одна женщина расказывала: „Уварыла я въ четверъ сиривець и поставыла ёго въ синяхъ, а сама лягла спать. Слухаю,—ажъ ночу прыйшовъ четверъ, улизъ у сиривець и давай булькотить; и такъ пробулькотивъ цилисиньку ничъ. Вранци встала я, подывылась на сиривець,—колы винъ увесь осугою покрывся; такъ я взяла та й вылыла ёго геть". Разбрасывать хлѣбъ и въ особенности топтать ногами—великій грѣхъ. „Кваша у того удаецця, у кого пьяты довги". Когда разсыпятъ соль,—нужно смѣяться, чтобы не было ссоры. „За хлибъ, та за силь, та за пшынышни мукыци булы помишныци", такъ говорятъ о той хозяйкѣ, у которой работаютъ чужія. „Хлибъ та силь!—йиимо та свій, а ты у порога постій". „Не про те тоби говорять, шо помного йидять, а про те—де мыкрушкы (куски) дивають". Йдешъ на день, а харчей (пищи) беры на недилю. Кваша—маты наша. На чужый коровай очей не порывай, а соби дбай (пріобрѣтай). Хлибъ та вода—молодецька йида. Лучше у писокъ умочыть кусокъ, та въ тыхомырстви ззйиты. Не плачъ—мате спече калачъ. Сербай, Мартыне, маты ще пидкине. Пирогы—обиду ворогы. Поганому жывоту и пирогы въ досади. Тымъ козакъ и гладокъ, шо найивсь-напывсь та й на-бокъ. Хто не заляже (послѣ пищи), тому Богъ сала не завьяже. Товкны у губу, та й кыдатымышъ якъ у трубу. Шо за быда, шо пьецьця

вода,—я ззйивъ пивбыды, та й напывся воды. Чай пыть—не дрова рубыть. Налупывсь (наѣлся),—ажъ свитъ помутывсь. Оглядилась якъ найилась. Умна жона, якъ бочка пшона, а щебъ була умниша, якъ бы—повниша.

Всѣ **болѣзни,** свойственныя слободѣ Никольской, можно подраздѣлить на четыре группы: 1) Болѣзни постоянныя, т. е. такія, которыя всегда бываютъ въ слободѣ, къ нимъ принадлежатъ: ревматизмы, катаральное состояніе желудка и сифилисъ; 2) болѣзни временныя, къ которымъ принадлежатъ: тифъ, дифтеритъ, скарлатина, корь, оспа и глазныя болѣзни; 3) весеннія болѣзни, между которыми чаще другихъ свирѣпствуютъ лихорадки, заушница (свинка, паратитъ), жаба, цынга и куриная слѣпота и 4) случайныя болѣзни, бывающія у дѣтей и взрослыхъ; ихъ весьма много и называются онѣ различно, чаще народными именами, какъ напримѣръ: „переполохъ", „нишныци", „сплишныкъ", „сухоты" и др.

Болѣзни постоянныя. Ревматизмы, называемые вообще „ломотою", лѣчатъ ваннами и настоями, приготовленными изъ разныхъ травъ, которыхъ рвутъ на Симона Зилота, и мазями изъ оподельдока.

Отъ болей желудка, называемыхъ „сояшныцями" и „завійною", существуетъ у народа множество средствъ, главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Насыпаютъ соли въ пупъ и на колѣно, съ котораго стараются слизать ее языкомъ; 2) берутъ сухой коровій навозъ, растираютъ его, разводятъ водой и эту жидкость проливаютъ въ ту „дирку війя, куды закладаетця прытыка", и даютъ пить больному; 3) завариваютъ „сояшници": зажигаютъ „клочча" и кладутъ его въ „глечыкъ", который перевертываютъ вверхъ дномъ въ чашку съ водою, отчего происходитъ „клыкотанье", въ продолженіи котораво лѣкарка ножемъ и веретеномъ или ложкою проводитъ на днѣ кувшина крестообразные знаки. Этою водою мочатъ и напаиваютъ больного. Кромѣ того, наговариваютъ воду, шепчутъ отъ сибирки, „скыдаютъ" (ставятъ) на живитъ глечыкы" (народныя банки), даютъ пить больному сильно пересоленный медъ. Если же у дитяти (мальчика) рѣжетъ въ желудкѣ, то собираютъ около мельницы клинчики и тридевять соломинокъ, кладутъ ихъ въ ванну, въ которой и купаютъ ребенка.

Сифилисъ („нечыста болисть, нечисть") лѣчатъ слѣд. образомъ: 1) „Сажають на зилля", т. е. дѣлаютъ „гниздо", изъ разныхъ травъ, настоянныхъ на водкѣ, которое и даютъ пить больному; 2) покупаютъ декохтъ, селитру, „ярь" (мѣд. окись), синій камень и сулему,—все это кипятятъ и пьютъ, а также парятся травами 12 дней, въ продолженіи которыхъ ѣдятъ одинъ прѣсный, несоленый коржъ.

Временныя болѣзни. Тифъ лѣчатъ пареньемъ, ваннами и шептаньемъ отъ сибирки.

Горловыя болѣзни, къ которымъ принадлежитъ жаба, „заушница" и дифтеритъ, называемый народомъ „давіемъ и дигтяріемъ", лѣчатся безъ различія рода болѣзни, одними и тѣми же средствами: 1) давятъ „глотку" большимъ и безымяннымъ пальцами правой руки тѣ изъ людей, кто задавилъ этими пальцами „зиньске щеня" (крота); 2) давятъ глотку утромъ и вечеромъ три раза о край стола, о припечокъ и объ „воритныцю", а также въ продолженіи трехъ зорь поднимаютъ теменемъ „ключину" въ хлѣвѣ; 3) мажутъ глотку снаружи и внутри керосиномъ и раздавливаютъ въ ней пузыри (налеты при дифтеритѣ).

Скарлатины, кори, оспы и „гвиздкивъ" (болѣзнь, при которой все тѣло покрывается острыми прыщиками) ничѣмъ не лѣчатъ, но стараются не застудить больного.

При глазныхъ болѣзняхъ умываются въ скотскомъ корытѣ, мочатъ глаза водкой и каплями воды, вытянутой на зарѣ изъ колодезя ключомъ безъ ведра, а также мажутъ глаза взбитымъ яичнымъ бѣлкомъ, смѣшаннымъ съ галуномъ (квасцами).

Весеннія болѣзни. Отъ куриной слѣпоты („куряча слипота") ѣдятъ печенку со всякаго животнаго, а въ особенности съ черной курицы, и парятся надъ ея горячимъ паромъ; смотрятъ въ „мазныцю" и на солнце, когда оно восходитъ, стараясь не мигать глазами.

Отъ цынги лѣтомъ рвутъ траву „бабки", засушиваютъ ее, завариваютъ, когда нужно, и пьютъ какъ чай и полощутъ во рту.

Отъ лихорадки („лыхоманка, поганка и пропасныця") есть много способовъ лѣченія, а именно: 1) надѣваютъ на мизинецъ правой руки кожицу съ того яйца, изъ котораго вывелся цыпленокъ; 2) когда весною въ первый разъ услышатъ крикъ ку-

кушки, берутъ изъ подъ правой ноги немного земли, кладутъ за „пазуху“; потомъ завязываютъ ее въ платочекъ и привѣшиваютъ на шею больному, къ крестику; 3) отсчитываютъ 77 зеренъ пшена по числу существующихъ лихорадокъ, идутъ къ какой-нибудь водотокѣ (ручейку) и бросаютъ ихъ туда черезъ голову, говоря: „Васъ симдесятъ-симъ, нате вамъ по пшаныни всимъ“; 4) „знезнимкы“ (неожиданно) обливаютъ больного холодною водою, „шобъ винъ злякався“; 5) обмываютъ „гнитъ“ и эту воду даютъ пить натощакъ и передъ пищей (отъ „гнитухи“); 6) носятъ на шеѣ шкурку съ гадюки; 7) пугаютъ живою жабою; 8) велятъ во время параксизма ходить до изнеможенія; 9) даютъ пить настой изъ полыни, спичекъ, горчицы съ водкой, ржаваго желѣза съ старой подошвой и кусковъ дегтя, упавшихъ съ колесъ на дорогѣ; 10) подкуриваются собачьимъ каломъ; 11) пьютъ стружки изъ церковнаго колокола; 12) наговариваютъ воду для питья и смачиванія и шепчутъ народныя „молитвы“.

Случайныя болѣзни. При „переполохѣ“ (испугѣ): 1) надѣваютъ сорочку назадъ пазухою; 2) измѣряютъ высоту больного заполочью (ниткою), которою отмѣряютъ такую же высоту на дверной притолкѣ, гдѣ просверливаютъ дырку, куда затыкаютъ упомянутую заполочь, срѣзанные на рукахъ и ногахъ ногти и волосы съ головы больного, на крестъ срѣзанные,—все это забиваютъ „осыковымъ килкомъ“. Когда больное дитя переростетъ этотъ колышекъ, тогда пройдетъ испугъ. 3) Берутъ свяченой и непочатой воды, херувимскаго ладону, по тридевять зеренъ чернушки и пшеницы „соборнои“ (той, которая употребляется при соборованіи),—все это смѣшиваютъ и ставятъ на девять дней, послѣ чего эту смѣсь пьютъ и смачиваются ею. 4) Если испугъ произошелъ отъ собаки, то одни вѣрятъ, что онъ самъ собою пройдетъ—„собака выбрыше“, а другіе лѣчатъ шептаніемъ:

„Бигла сучка черезъ мистъ,
Несла чотыри ноги, пьятый хвистъ,
Шо́ста голова.
Нехай тоби Богъ помога!“

Отъ „нишныцъ“ (безсонницы): 1) Носятъ или водятъ „пидъ куры“, т. е. туда, гдѣ онѣ ночуютъ; причемъ не только маленькихъ водятъ, но и взрослыхъ и пожилыхъ. При этомъ трижды

говорятъ слѣдующія слова: „куры́ци, куры́ци! нате вамъ нишныци, а рабу (имя) дайте сонныци“, потомъ, выводятъ изъ хлѣва и, увидя гдѣ-нибудь огонь или дымъ, говорятъ трижды: „огныци, огныци! (или дымны́ци, дымны́ци!) нате вамъ нишныци“ и т. д. Затѣмъ входятъ опять въ хлѣвъ и еще трижди говорятъ, обращаясь къ курамъ, какъ и въ первый разъ. Если это средство не поможетъ, тогда берутъ старую „мазныцю“, вбрасываютъ въ нее что-нибудь зажженное, заставляютъ смотрѣть туда страдающаго безсонницей и говорятъ трижды: „мазныце, мазныце! возьмы соби у раба (имя) нишныци, а ёму дай сонныци“. 2) Мать ребенка или кто другой обходитъ три раза вокругъ хаты и каждый разъ говорытъ въ „предпичне викно“: „Помогайби!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ кто-нибудь изъ хаты.—„Чы дома ваши нишныци?“—„Пишлы на вечерныци“.—„Нехай же маленьки диты сплять!“

Отъ „сплишныка“ (болѣзнь при которой корчится дитя, деретъ назадъ голову и лежитъ больше на головѣ и ногахъ): 1) вынимаютъ изъ печи паляницу, раньше другихъ туда посаженную, сыроватой, поднимаютъ верхнюю корочку, берутъ оттуда горячее тѣсто, скатываютъ изъ него „трычи по девять“ комочковъ и катаютъ ими по спинѣ больного дитяти; 2) готовятъ въ ночвахъ купель для ребенка, разстилаютъ чистенькую пеленку, просѣваютъ на нее „попилу“ (золы) чрезъ сито, которое держатъ руками съ вывороченными въ стороны ладонями, заворачиваютъ эту золу въ пеленку, на которой и купаютъ больное дитя.

При „сухотахъ“ (сухость, чахлость ребенка: 1) какъ только увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, обливаютъ больного ребенка водой на томъ же мѣстѣ и бросаютъ его рубашечку тутъ же; 2) идутъ въ лѣсъ, разщепляютъ деревцо, протягиваютъ больного туда и обратно три раза такъ, чтобы въ послѣдній разъ, протянувъ ребенка, оставить его сорочку въ деревѣ, въ которое вкладываютъ шапочку и поясокъ дитяти, сами же уходятъ оттуда, не оглядываясь и не здороваясь ни съ кѣмъ. 3) На мѣстѣ, гдѣ лежитъ „дрыветня“ (колодка, на которой рубятъ дрова), копаютъ ямку, въ которую кладутъ больного, поливаютъ его тепленькимъ кулишомъ, снимаютъ съ него платье, оставляютъ его тутъ, засыпаютъ землей и сверху опять кладутъ

дрыветню". 4) „До схидъ сонця" баба кладетъ или сажаетъ больное дитя въ печь, а на припечкѣ разводитъ огонекъ; затѣмъ мать больного или приглашенная вдовушка говоритъ съ бабой въ трубу: „Помогай-би тоби!"—„Здоровъ!" отвѣчаетъ баба.—„Шо ты робышъ?"—„Дытыну гнытю".—„А хто въ свити выдавъ, шобъ дытыну гнитылы"?—„А хто въ свити выдавъ, шобъ дытыну сухоты нападалы?" Такъ онѣ говорятъ три раза, послѣ чего вынимаютъ изъ печи больного ребенка.

При „плиснивки" (болѣзнь языка): 1) натощакъ крестообразно лижетъ языкомъ „коминъ" и волосами трутъ языкъ, 2) дуютъ больному въ ротъ и шепчутъ: „Вацю, свыни, до корыта, жабы до болота, а плиснивка зъ рота", или: „дымъ угору, череда додому, а плиснивка додолу". „Плиснивка буваетъ отъ того, шо грыбишокъ беруть у ротъ".

Отъ „урокивъ" („зглазъ") поятъ, умываютъ и смачиваютъ разными водами: свяченой, наговоренной, непочатой и полученной отъ обмыванія особенно чтимой иконы, а также шепчутъ молитвы.

При зубныхъ болѣзняхъ заговариваютъ зубы, читаютъ молитву Господню на молодыкѣ, парятся надъ кипяченымъ дурманомъ, кладутъ на больной зубъ ладонъ, а также срываютъ „трыдевять" стебельковъ молочая, варятъ ихъ въ горшкѣ три раза въ продолженіи трехъ дней; затѣмъ переливаютъ отваръ въ кувшинъ, парятся надъ нимъ и во рту полощатъ, стараясь при этомъ не пролить ни одной капли отвара. Когда напарятъ и выполощутъ ротъ, выливаютъ эту молочайную воду туда, гдѣ сходятся три плетня вмѣсто.

При болѣзняхъ груди и простудѣ: 1) идутъ натощакъ въ хлѣвъ или повитку и давятъ грудью объ соху, 2) пьютъ, какъ чай, настой липоваго цвѣта, бузины и травы „буквици".

Отъ поноса—рвутъ деревей, толкутъ его, настаиваютъ и пьютъ; ѣдятъ сухари и груши, а дѣтямъ перевязываютъ мизинецъ правой руки заполочью съ свадебнаго калача.

Отъ золотухи—шепчутъ и моютъ голову отваромъ ивы („ывыны").

„Огныкъ "(сыпь на лицѣ) засыпаютъ золою изъ пережженнаго помела, крешутъ кресаломъ противъ лица черезъ порогъ или

черезъ ручеекъ, гдѣ есть вода, и скатываютъ „тридевять комочковъ изъ клочча“, катаютъ ими по лицу и потомъ бросаютъ въ печь.

При ломотѣ спины (боль поясницы, „свихъ“), срываютъ мышку, давятъ „поперéкъ“ (поясницу), стряхиваютъ, пьютъ мѣдныя стружки изъ старыхъ монетъ и поднимаютъ телѣгу или плетень, когда весною услышатъ въ первый разъ громъ.

Порѣзы закладываютъ паутиной и цвѣточками „петроваго батога“, а зимой смачиваютъ раны отваромъ изъ него.

Обжоги мочатъ гущей и кислымъ молокомъ.

Отъ „бышыхи“ (рожи) подкуриваютъ вощиной отъ мертвыхъ пчелъ, „свяченою лушпыною“ (скорлупою) изъ яйца и ладаномъ, а также шепчутъ, говоря: „Ставъ дидъ Клымъ шептаты, стало лыхо всыхаты“.

Больныя ноги мажутъ керосиномъ.

Заговоры. Мѣстными знахарями, относительно лѣченія, заговариванія зубовъ и наговариванія воды для людей и скота, чаще бываютъ женщины, пользующіяся большимъ довѣріемъ народа. Свои знанія онѣ держатъ въ секретѣ, а лѣкарственныя „молитвы“—всякіе заговоры и слова, произносимыя во время лѣченія, называются у нихъ молитвами—шепчутъ про себя, начиная всегда словами „Господы поможы“ и „дай, Боже, часъ добрый“, и сопровождая затѣмъ крестными знаменіями и земными поклонами.

При заговариваніи зубовъ, берутъ слегка за щеки больного и говорятъ слѣдующую „молитву“: „Мисяце Адаме! бувъ ты на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Шо въ ихъ зубы болять?—Не болять.—Такъ шобъ и въ раба (имя) не болилы, не щимилы, а якъ у камини стрымили—судъ судомъ, викъ викомъ. Цёму слову аминь. Поможы, святый Антоній“.

При заговариваніи крови („кровъ замовыть“,—остановить) людямъ и скоту: 1) Сначала читаютъ молитву Господню, а потомъ говорятъ слѣдующія слова: „Ишла Пречыста Маты черезъ мистъ, поставила трость; трость стала, а кровъ перестала“; 2) Говорятъ трижды или девять разъ: „на гори на Осіянски, тамъ стояла скырта соломы. Кровъ червона! Стой кровъ, не йды! Буде тоби, крове, те, шо тій души, шо въ нидиллю

рано йисть та пье. Не соби замовляю, а рабу Божому" (имя). 3) „Ишло дви сестри по Божій пути, несли два ножи,—цюкающьця, рубающьця и кровъ не йде". Эта молитва говорится много разъ безъ передышки.

Если кто перепугается или кого „пидвие витромъ або выхремъ", того берутъ за голову руками и лѣчатъ, говоря: „Спасы, Господы, и помылуй одъ витру и выхрю, одъ огню и пужарю, одъ воды и потопу, одъ лыхого лыходия, одъ злого чоловика, и одъ скорби и болизни, и одъ велыкои напасты". Эту молитву „одъ выхрю и витру" читаютъ, кромѣ лѣченія, утромъ и вечеромъ, когда Богу молятся.

Народъ вѣритъ, что многіе люди страдаютъ болѣзнями головы и костей „одъ закрутокъ", насылаемыхъ мстительными знахарками „по злоби". Вотъ одинъ разсказъ нехаевской крестьянки, записанный мною со словъ ея, въ которомъ сообщается исторія болѣзни и ея лѣченіе. „Одна жинка женыла сына. Писля свайбы вона захворала: болыть та й болыть у неи поперекъ, якъ цуркую круте. Стала вона людимъ хвалыцьця. Люды посовитувалы позвать ворожку-знахурку. Позвалы. Та подывылась, сказала, що це закруткы и велила распороть подушкы. Распоролы, подывылись, ажъ тамъ накручено: и обрывочкы, и солома, и ганчыркы, и чого тамъ нема вмисти съ пирьемъ! Знахурка выбрала ци закруткы, забрала ихъ въ платокъ та й каже: „Та вжежъ и сукына дочь! Мабудь годивъ на два закрутыла. Прынесыть мини соломкы изъ свынячаго барлога;—я оци закруткы съ тиею соломкою возьму додому и тамъ спалю ихъ, воно Богъ дасть и полегша тоби".

„Непочата вода" добывается при слѣдующихъ условіяхъ. Женщина знахарка надѣваетъ на себя все чистое, какъ въ праздникъ, и ночью, когда не слышно людского говора и шума, идетъ въ сопровожденіи кого-нибудь брать воду изъ трехъ колодезей. Предъ каждымъ колодцемъ кладетъ она три земные поклона и говоритъ: „Господы Исусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ, аминь. Здоровъ, земля Тытяно, а вода Оляно! Благословы мини, Господы, водыци набраты рабу Божому (имя,—а если воду берутъ для скота, то говорятъ: жывотній рыжый или черній скотыныни) для помочи,—тыхой й смырнои—изъ гиръ,

изъ яривъ, изъ Дону, изъ моря. Создай же Ты, Господы, мылость Божу на насъ гришныхъ, обрадуй насъ праздычкомъ святымъ, краснымъ яечкомъ. Пошлы жъ Ты, Господы, рабу Божому (имя) чого винъ у Бога просе". Если воду берутъ для скота, тогда послѣ словъ „изъ Дону, изъ моря", говорятъ такъ: „Пошлы жъ Ты, Господы, Божую росыцю ций животній скотыныни бля хозяена, хто йийи пое й корме. Просю я Тебе, Господы, пошлы жъ Ты бля маленькихъ дитей и бля старыхъ людей, бля прыбувающыхъ и бля прыхожающихъ, бля ныщы братіи и бля всихъ православныхъ христіянъ". Набравши воды, говорятъ трижды: „слава Тоби, Господы, слава Тоби"; потомъ идутъ домой, не оглядываясь и не разговаривая ни съ кѣмъ, и всю дорогу читаютъ молитву Господню и другія молитвы и крестятъ воду. Прійдя домой, ставятъ воду на столъ, зажигаютъ восковую свѣчу, проводятъ ею крестообразно надъ кувшиномъ съ этой водой, и потомъ ставятъ свѣчу къ иконамъ. Начинаетъ знахарка класть поклоны и читать всякія молитвы, какія она знаетъ, а въ заключеніе читаетъ слѣдующую „молытву сглазъ": „Божа Маты на престоли стояла, молытву чытала, по всему свиту разсылала и всимъ православнымъ христіянамъ для помощи посылала. Спасы, Господы, и помылуй отъ урокивъ нишныхъ и полунишныхъ, отъ вечирнихъ, денныхъ и полуденныхъ. Хрестомъ охрещаюся, хрестомъ ограждаюся, хрестомъ це горе проганяю. Оступыся ты, горе, нерадывое, отъ чотырехъ головъ храменныхъ... Тутъ есть домъ Божій. Тебе, горе, заклынаты жывымъ Богомъ, ниякои пакосты не сдилаты рабу Божому (имя);—на ёму Духъ Святъ спочывае, Тройця Святая просвищае. Во имя Отца и Сына, аминь. Царыця преблаженная, надежна Богородыця, пріятелище скорбящіи радосте, поможы, яко немощна накормы, яко странна бида иса разлушы; яко жывольше, нема мини помочи ни отъ кого, якъ одъ Бога, Матери Спасытеля небеснаго. Яко Господь мылосердный сокрыетъ и покрыетъ насъ гришныхъ. Господы, Боже милосердный! создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ гришныхъ; возрадуй Ты насъ, Господы, празныччкомъ святымъ, краснымъ яечкомъ, годовымъ празныччкомъ; порадуй Ты, Господы, раба Божого или рабу Божу (имя) здоровьемъ, аминь".

Прочитавши эту молитву, обмываютъ „наговоренною водою“ святую икону, послѣ чего вода становится годною къ употребленію людямъ и скоту отъ болѣзней. Такою водою поятъ, смачиваютъ и окропляютъ людей (и скотъ), страдающихъ „уроками, переполохомъ, супротывнымкомъ“ и другими болѣзнями. Если больной („спорченный“) скотъ дѣлается злымъ, реветъ и не допускаетъ къ себѣ лѣкарки съ водою, то она для укрощенія его нѣсколько разъ читаетъ: „Помьяны, Господы, царя Давыда и кротость его“.

Къ врачамъ народъ относится неособенно довѣрчиво и обращается къ нимъ только при опасныхъ болѣзняхъ и операціяхъ или когда, испробовавъ всѣ лѣченія мѣстныхъ знахарей и знахорокъ, ничто не помогаетъ.

Народная ветеринарія.—Почти отъ всякихъ болѣзней скотъ подкуриваютъ чѣмъ нибудь „свяченымъ“ и окропляютъ святой водой, а также шепчутъ молитвы и наговариваютъ воду. Отъ чумы заливаютъ въ ротъ скоту бураковый квасъ съ солью и разныя слабительныя масла и проч. Отъ жабы накалываютъ языкъ иглой и затаптываютъ солью.

„Перелоги“ лѣчатся молитвами и прикладываніемъ на крестъ дѣтской шапки между рогами, ногами и вокругъ всего тѣла, бьютъ по бокамъ животнаго пустымъ мѣшкомъ. Если быкъ истощаетъ и ничего не ѣстъ („нападае кровъ“), то отрѣзываютъ ему наискось ухо, бьютъ по немъ палочкой и выпускаютъ кровь. Отъ вздутія живота мажутъ бока дегтемъ, гоняютъ скотъ, заливаютъ квасомъ съ солью и насыпаютъ соли въ уши. „Курдюкъ“ (ящуръ) засыпаютъ пережженными конскими костями и пережженнымъ пшеномъ. Когда скотъ болѣетъ „на ротъ и ноги“, тогда мажутъ таковые дегтемъ и квасомъ съ галуномъ. Больныя копыта у рогатаго скота мажутъ свинымъ саломъ, распускаемымъ на горячей полосѣ желѣза, поставленной между больными копытами. „Скала“ (трещина и загниваніе на нижней сторонѣ копыта) вырѣзывается ножемъ и „зашкваривается“ саломъ, послѣ чего больныя ноги подковываются. Опухоль у рогатаго скота давится зубами найденной конской челюсти, послѣ этого челюсть кладется на старое мѣсто такъ, какъ лежала прежде. Раны скота заливаютъ скипидаромъ, дегтемъ и купо-

роснымъ масломъ, а также затаптываютъ известью („вапною"), синимъ камнемъ и порошкомъ изъ перетертыхъ и просѣянныхъ травъ „раннику́, фели́льнику и гирчаку́". Запоръ лѣчатъ наговариваніемъ воды и молитвами, а также заливаютъ мыломъ и „олывою", роспущенными въ водѣ. Поносъ лѣчатъ питьемъ изъ сваренного деревея, а теленкамъ перевязываютъ хвостъ заполочью изъ свадебнаго калача и затягиваютъ въ ухо шелковую ниточку. Стертую у бычка шею („прыпоръ") мажутъ ежевымъ саломъ. Отъ укуса гадюки лѣчатъ молитвами, травами и деревяннымъ масломъ, настояннымъ паукомъ (тарантуломъ). Бѣльмо у рогатаго скота и у лошадей задуваютъ сахаромъ и солью. Если лошадь падаетъ на землю, качается, бьется и водитъ головою въ разныя стороны („бьеть шутъ или грець"), то ее напаиваютъ бураковымъ квасомъ съ солью, а также шепчутъ молитвы. „Лопотуха" (омертвеніе) лѣчится прикладываніемъ раскаленнаго желѣза къ пухлымъ мѣстамъ.

Свиней лѣчатъ отъ рвоты и тошноты питьемъ, свареннымъ изъ травы „свинячаго плыстняка" и настоемъ изъ стараго ржаваго желѣза, которое бросаютъ въ помои.

Пословицы и поговорки о болѣзняхъ. — Хвороба не сморы́ть, а зноровыть. Хворать хворае, а хлибъ безъ памьяты йисть. Хвороба никого не краси́ть. Личиннымъ конемъ недовго йиздытымышъ. Болять ручки и ножки и въ животи трошкы. Хворому хохлу́ помажь губы саломъ, а козаку кыслымъ молокомъ, такъ воны и одужають. Чоловикъ жинку любе здорову, а братъ сестру богату. Зажыве якъ на собаци (порѣзы, уколы). Чуже лыхо за сахарь. Чужу быду руками разведу, а своий ума не прыложу. Глухый не дочуе, та прыбычуе (прибавитъ).

Занятіе никольскихъ жителей главное и почти исключительное — *земледѣліе*, чему способствуетъ здѣсь весьма жирная, черноземная почва, на которой произростаютъ всякія хлѣбныя растенія. Посѣва у каждаго крестьянина бываетъ различное количество,—отъ 3 или 5 до 50 десятинъ и болѣе, смотря по количеству рабочихъ рукъ и по достатку; въ среднемъ хозяйствѣ сѣется отъ 10 до 20 десятинъ разнаго хлѣба. Изъ хлѣбныхъ злаковъ первое мѣсто по количеству посѣва занимаетъ пшеница гарновка, идущая въ продажу и для пищи; ячмень,

жито, просо и овесъ сѣются каждымъ крестьяниномъ въ небольшомъ количествѣ для своихъ домашнихъ потребностей; остатки нерѣдко продаются. Озимой пшеницы и красной (гирки) здѣсь почти не сѣютъ, а гречихой, кукурузой, свекловицей, рапсомъ, рыжеемъ и посѣвными травами вовсе не занимаются. Изъ маслянистыхъ растеній понемного сѣютъ для себя и для продажи ленъ, коноплю и подсолнухъ. Что же касается гороха, фасоли, чечевицы, бакшъ и огородныхъ овощей, то онѣ сѣются и садятся исключительно для своихъ домашнихъ потребностей.

Пчеловодствомъ въ прежнее время занимались многіе, но теперь оно, вслѣдствіе неблагопріятныхъ годовъ, упало; въ 1893 г. пасѣки опять нѣсколько возросли. Старинныхъ пасѣчниковъ въ слободѣ и хуторѣ насчитывается не болѣе 20 человѣкъ. Изъ нихъ два имѣютъ болѣе, чѣмъ по 100 колодокъ-дуплянокъ, три—отъ 50 до 100, семь—отъ 25 до 50, а остальные имѣютъ менѣе, чѣмъ по 25 семействъ. Пчеловодство у всѣхъ пасѣчниковъ самое простое, первобытное, безъ всякихъ измѣненій и усовершенствованій. Пчелиныя семейства помѣщаются въ дуплянкахъ, о рамочныхъ же ульяхъ пасѣчники и понятія не имѣютъ. Зимою пчелы сохраняются въ омшанникахъ (погребахъ), построенныхъ на возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ. Около Благовѣщенья ихъ вынимаютъ оттуда, ставятъ въ саду или огородѣ и закармливаютъ сытой, въ которую одни изъ пасѣчниковъ подмѣшиваютъ водку или вино, коричку и гвоздичку, а другіе „ларныкъ" (артосъ), благовѣщенскую просфору и другіе освященные предметы. Въ апрѣлѣ или маѣ, когда отцвѣтутъ сады, вывозятъ пчелъ въ лѣса на лѣтній взятокъ, гдѣ онѣ и роятся. При уборкѣ роевъ употребляютъ святую воду, окропляя ею улей, въ который сажаютъ рой, и мѣсто, гдѣ его ставятъ. Тутъ же и перегоняютъ пчелъ,—т. е. выгоняютъ ихъ въ пустой улей, куда онѣ должны на зиму наносить себѣ корму, а съ прежняго улья выбирается весь медъ для продажи. По прекращеніи взятка привозятъ пчелъ домой и ставятъ на старыя мѣста. Въ первой половинѣ октября, въ хорошую погоду, пчелъ кладутъ въ зимнія помѣщенія. Нѣкоторые изъ пасѣчниковъ

считаюся знахарями, могущими произвольно послать своихъ пчелъ на чужую пасѣку для ограбленія и т. п. Относительно пчелъ говорятъ: „бджолы—Боже создання, ихъ грихъ быть и душить“; „якъ бджолы прысняцьця, такъ къ умерущому“; на бджолу грихъ казать „пропала або здохла“, а треба казать „умерла“, якъ чоловикъ; „захотивъ кануну зъ мертвыхъ бджилъ“.

Садоводствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать кое у кого маленькихъ домашнихъ садиковъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только здѣшній волостной писарь (попечитель училища), который самъ развелъ прекрасный садъ со всякими плодовыми деревьями. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ, существуетъ небольшая торговля скотомъ, птицей и яйцами, собираемыми пріѣзжими и своими торговцами (часто крестьянами) по окрестности и отправляемыми для продажи въ Москву, Ростовъ и другія мѣста, а также мелкая торговля керосиномъ, дегтемъ, постнымъ масломъ, спичками, ремнемъ, сапогами и проч. Отхожіе же промыслы на Донъ и Кубань существуютъ ежегодно въ большомъ количествѣ: туда чаще отправляется молодежь послѣ весенняго Николая и нанимается въ большинствѣ случаевъ до Покрова.

Религіозное настроеніе народа наглядно выражается частымъ посѣщеніемъ храма Божія, который въ зимнее время по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ едва вмѣщаетъ молящихся. Молится народъ и дома, но старые неграмотные люди по своей простотѣ и невѣдѣнію сильно извращаютъ церковныя молитвы и выдумываютъ свои. Вѣру отцевъ своихъ народъ хранитъ крѣпко и ни въ какой расколъ не совращается. Здѣсь нѣтъ сектантовъ, кромѣ трехъ семействъ старовѣровъ-торговцевъ, переселившихся сюда изъ Стародуба (Черниговской губ.) и принадлежащихъ къ поповцамъ австрійскаго толка.

Особенно чтимыхъ или замѣчательныхъ своею древностію иконъ, церквей и монастырей не имѣется; старыя же книги прошлаго вѣка есть въ церкви, а именно: 1) Ирмолосій, напечатанный въ Москвѣ 1767 г., 2) Требникъ, напечатанный

тамъ же въ 1771 г. и 3) Минея мѣсячная, служебная, напечатанная тоже въ Москвѣ въ 1781 г.

Крестьянская благотворительность выражается въ пріемѣ къ себѣ сиротъ, въ подачѣ милостыни нищему, въ разной помощи во время нужды, несчастія и т. п.

Пословицы и поговорки: „Эй Богу и да́лыби, хрестъ на́ лоби, хрестъ хрестомъ, та ще й зашморгомъ (божба). Завсегда́ годыцьця Богу молыцьця. На Бога полагайсь—не погыбшый будешъ. Богъ не безъ мылосты,—козакъ не безъ щастя. Богъ богатый, та й намъ дасть. Хто сы́ритъ питае, того Богъ не забувае. Якъ Богъ дасть, такъ и въ викно подасть. Винъ жывый до Бога лизе. Сыдыть и Богъ баче. Шо Богъ то Богъ, та й самъ не будь плохъ. Не хвалысь богатствомъ,—не взявъ Бога за бороду. Богъ не Мыкытка,—зъ Нымъ не шуты. Богъ не теля,—Винъ баче видтиля. Зъ голого, якъ съ святого. Святъ, святъ—горшкы летять. У ёго ангельскій голосокъ, та чертова думка. Душа христіяньска, та совистъ цыганьска. До церквы блызько та слызько, а до кабака далеко та легко. Якый пипъ, таке й благословення“.

Молитвы.—Молитва утренняя и вечерняя: „На гори на Осіянски, тамъ стояло капарысне дерево; пидъ тымъ деревомъ прыстолъ, пидъ тымъ прыстоломъ Божа Маты спала-спочивала. Прийшовъ до неи Кий и Самъ Сусъ Хрыстосъ. Маты жъ моя, Диво Марие, чы Ты спышъ, чы такъ лежышъ? —Сыну мий и Боже жъ мий, я не спала, страсть во сни выдала, якъ жыды Суса Хрыста на муку бралы, на дереви руци й нози роспыналы, гво́здемъ руци й нози прыбывалы, терновый винецъ на главу накладалы, копьемъ ребра пробывалы, кровъ испускалы. Ангелы зъ небесъ излиталы, слизно плакалы-рыдалы, золоти кубо́чкы пидставлялы, восточнои кро́ви до земли не допускалы.—Не есть же це, Маты, сонъ,—есть же це ыстына правда“.—„Хто буде цю молытву рано й вечеръ чытаты, буде ёго Господь зоберегаты одъ огню и одъ воды, и одъ всякои быды, одъ наглои смерты. Намъ на вики викомъ, аминь“.

Молитва вечерняя: „Ходыла Божа Маты, Марія, по Божому городи, лягла на прыстоли, немного спочывала, во сни

выдала; прыйшлы тры Кии и трое жыдовятъ, взялы Исуса Христа та пидъ билы рукы, повелы на дерево, сталы роспынаты, руци й нози гвоздямы прыбываты; сталы ангелы зъ небесъ злитаты; золотіи кубкы пидъ Хрыстову кровъ пидставлялы, Хрыстовои крови до земли не допускалы.—Збережы, Боже, наши души до пивночи, изъ пивночи до свита, одъ свита Самъ, Исусъ Хрыстосъ, до вику. Аминь".

Молитва на сонъ грядущій: „Хрыстомъ охрыщаюсь, хрыстомъ спаты лягаю, хрестъ пры мини, пры моему сни. Прычыста въ головахъ, ангелы по бокахъ. Сторожи Божи, сторожи добри! Стережить души до пивночи, а съ пивночи до свита, а одъ свита до нéни, а одъ нéни до вика викомъ, аминь".

Привожу одинъ характерный разсказъ: „Якъ Богъ зъ св. Петромъ ходывъ по земли, такъ тоди Петръ побачывъ погану собаку и сказавъ: „Господы! онъ скажена собака". На це Господь одвичавъ: „Ничего, св. Петре, сотвори воскресну молитву и вона насъ не зачепе". Пишлы воны дальше. Побачывъ Петръ пьяного чоловика и каже: „Господы! пьяный чоловикъ иде". Господь сказавъ: „Эге, св. Петре, давай обыйдымъ: „пьяный чоловикъ хуже скаженои собакы". Петръ удывывся цымъ словамъ Господа. Упросылысь воны ночувать въ однимъ доми. Хозяинъ цего дома бувъ пьяный и начавъ быты свою жинку. Св. Петро сказавъ: „Господы! якый же дурный пьяный чоловикъ, шо такъ здорово бьецьця. Шо якъ бы, Господы, жинка була старше, вона бъ такъ не былась". Господь и каже Петру: „Та жинка булабъ дурниша отъ цего чоловика. Ну, нехай на время буде старша жинка". Петръ обрадовавсь и пишлы воны своею дорогою. Сталы воны у однимъ доми просыцьця ночувать, а хозяинъ и каже: „Та я бъ васъ, добри люды, пустывъ, та боюсь жинки: вона въ кабаци и якъ прыйде, то шобъ не была мене й васъ". Господь и Петръ упросылысь такы и ляглы спать на полу (кровати): Богъ лигъ пидъ стинку, а Петръ скраю. Ночьчу прыходыть изъ кабака жинка, стучыть, грючыть и крычыть: „Одчыняй! та давай мени вечеряты!" Чоловикъ одчынывъ, засвитывъ свитло, а вона сила на лави и крычыть: „Давай мени вечерять! Сыпъ борщъ, клады кашу, подай воды, ходы сюды, стий тутъ"! Замотався бидный чоло-

викъ и не знае, шо ему робыть. Схватылась жинка, та въ высокъ его, та въ другый, та за волосься, та по хати, и ну волочыть; была, была,—вморылась и пустыла его. Дывытьця, ажъ на полу чужи люды; якъ закрычыть вона: „Хто въ тебе ото такый?“—„Та то, каже, чужи люды впросылысь ночувать“. —„Кого жъ ты пытавъ?“—„Та я не дуже ихъ и пускавъ, та воны намоглысь“.—„А! такъ воны самопыхомъ увийшлы, такъ яжъ до ихъ доберусь!“—Якъ схвате вона св. Петра за волосься, та по хати;—была, была и пустыла его, а сама сила отдыхнуть. Св. Петро полизъ на пилъ, попросывъ Бога лягты скраю, а самъ лигъ пидъ стинку и лежить. Жинка отдыхнула и каже: „Цего вже была шо скраю, а ну ще того, шо пидъ стинкою!“ Схватыла опьять св. Петра и ну ему поволочкы давать. Набылась и лягла спать. Вранци Господь и св. Петро всталы и пишлы. Дорогою Петръ начавъ просыть Бога: „Господы! нехай чоловикъ впьять буде старше, якъ раньше було, а жинка вже тоди старшою буде, якъ сорока побилие“. Господь согласывсь исполнить Петрову прозьбу“.

Для **обученія** народа въ слободѣ имѣется два училища,—земское и церковно-приходское, открытое въ 1888 г., въ которыхъ ежегодно обучается дѣтей обоего пола отъ 130 до 180. Между стариками и пожилыми людьми весьма мало грамотныхъ, не смотря на то, что первое изъ упомянутыхъ училищъ существуетъ непрерывно съ 1861 года, да еще и раньше существовало училище 10 лѣтъ, съ 1843 г. по 1853 годъ. Въ первый періодъ существованія училища (1843—1853) народъ боялся, какъ нѣкоторые говорятъ, учить своихъ дѣтей, потому что тогда лучшихъ изъ учениковъ назначали писарями, а въ этой должности по большей части человѣкъ начиналъ пьянствовать, за что начальство строго наказывало. Въ началѣ же второго періода существованія школы, хотя и учились дѣти, но мало пріобрѣтали знаній и скоро ихъ забывали. Здѣшній народъ „бывалый“, чему теперь способствуетъ близость желѣз. дороги, а въ прежнее время этому способствовали чумацкія дороги, одна изъ которыхъ проходила чрезъ самое село Никольское изъ Воронежской губ. (Ольховатка, Константиновка) въ землю Донскаго Войска (Колодези, Мил-

лерово, Дьячкино) и называлось „Чумацкою дорогою“; другая лежала на сѣверной сторонѣ, въ 20 в. отъ слободы; она шла тоже изъ Воронеж. губ. чрезъ сл. Смаглѣевку и Донскую Область на Волгу, почему и называлась „Волжанскимъ шляхомъ“. Староб. у. эта дорога не захватила. Третья же дорога, лежавшая въ 15 в. на востокъ отъ слободы, носила названіе „Большой дороги“. Она, говорятъ, шла чрезъ Богучаръ, около слоб. Ребриковой и Никольской межи на х. Бакаевъ, Маньковы-Калитву и Каменскую станицу, гдѣ соединялась съ Чумацкой дорогой и направлялась на Ростовъ, Таганрогъ и другія мѣста. Благодаря близости упомянутыхъ дорогъ, большинство здѣшнихъ жителей занималось чумачествомъ и бывало не только въ Ростовѣ и Таганрогѣ, но даже и въ Москвѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей имѣли для этого по 10 и болѣе паръ воловъ и проводили всю свою жизнь въ поѣздкахъ.

Къ школѣ и учителю въ настоящее время крестьяне относятся довольно сочувственно и довѣрчиво. Это народное сочувствіе выразилось въ 1885 году постройкою красиваго и помѣстительнаго зданія для училища, стоимостью около 3000 р., безпрекословнымъ отведеніемъ земли подъ училищный садъ и огородъ, а также ежегоднымъ наймомъ сторожа, ремонтировкой училища, достаточнымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прочими училищными принадлежностями.

Чтобы сказанное о народномъ образованіи пополнить и подкрѣпить, привожу нѣкоторыя выписки изъ архива Никольскаго волостнаго правленія и изъ училищныхъ бумагъ и журналовъ, которые вполнѣ сохранились въ школѣ только съ $18^{79}/_{80}$ учеб. года. Школа, въ исторіи своего существованія, можетъ быть подраздѣлена на три періода: 1) отъ основанія до закрытія (1843—1853 г.), 2) отъ вторичнаго открытія до передачи на земское содержаніе (1861—1868 г.) и 3) отъ начала земскаго содержанія и до настоящаго времени. Въ первый періодъ школа называлась „сельское приходское училище“, и содержалось на средства сельскаго общества; завѣдывали же ею Бѣловодскіе окружные начальники. Кто это училище открывалъ и какіе въ немъ были

наставники—не сохранилось свѣдѣній въ архивахъ. Мѣстный же священникъ такъ говоритъ объ этомъ: „Бѣловодскому Окружному начальнику, Солецкому, одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ былъ долженъ 200 р., которыхъ по бѣдности не могъ уплатить. Тогда Солецкій взялъ у него за долгъ домъ, перевезъ въ Никольское и сдѣлалъ изъ него училище. Первымъ наставникомъ въ училищѣ былъ протоіерей Арсеній Ѳедоровъ, а вторымъ не долгое время—семинаристъ Полтавцевъ". На содержаніе училища, что видно изъ общественнаго приговора (1851 г.), отпускалось 140 руб. въ годъ; наставнику 85 р., сторожу 17 р. 50 к., на учебныя пособія 27 р. 50 к. и на отопленіе и освѣщеніе 10 руб. Сколько въ этомъ училищѣ было учащихся и какія были успѣхи—неизвѣстно, только извѣстно, что оно въ 1853 г. закрыто начальствомъ по причинѣ малаго количества учащихся.

Во второй періодъ училище, открытое по предписанію Палаты Госуд. Им., называлось „первоначальной школой". На первое предписаніе Палаты (также и на предписаніе ея объ открытіи женскаго училища) общество отвѣтило, что у нихъ нѣтъ желающихъ учиться; на второе же предписаніе оно изъявило свое согласіе, результатомъ чего и было открытіе 14 декабря 1861 г. „первоначальной школы". Въ этомъ періодѣ жалованья наставникамъ никто не платилъ и на содержаніе училища никакихъ ассигновокъ не было. Наставниками за это время были: діаконъ Поповъ (въ 1867 г. перешелъ въ г. Волчанскъ), свящ. о. Х. Ѳедоровъ (1861—1867 г.), діаконъ І. Чиркинъ (съ 1 янв. 1868 г. до 1870 г.), при которомъ земство назначило 130 р. на содержаніе училища: наставнику 100 р., на содержаніе училища 20 р. и на учебныя пособія 10 руб. Учениковъ въ этомъ періодѣ было: въ $186^1/_2$ уч. году—13 мал. и 1 д., въ $186^2/_3$—17 м., въ $186^3/_4$—22 м., въ $186^4/_5$—19 м., въ $186^5/_6$—15 м. и 1 д., въ $186^6/_7$—15 м. Ревизію въ училищѣ въ это время производилъ штатный смотритель Староб. уѣзднаго училища.

Въ третій періодъ, во время котораго земство постепенно улучшало матеріальныя средства учителей и училищъ, были учителями слѣдующія лица: 1) семинаристъ

Г. Х. Ѳедоровъ (1870—1872 г.), 2) діаконъ Н. А. Яблоновскій (1872—1877 г.), 3) К. Ѳ. Ермаковъ (1877—1879 г.), 4) С. Костиковъ (1879—1881 г.), 5) Г. И. Платонова (1881—1883 г.) и 6) Г. А. Калашниковъ съ 1883 г. по 1885 г., а съ 28 окт. 1885 г. съ помощницей учителя, А. М. Калашниковой. Въ этотъ періодъ времени учащихся по годамъ было: въ $186^{8}/_{9}$ учеб. году—19 м., въ $18^{69}/_{70}$—28 м., съ $18^{70}/_{71}$ до $18^{78}/_{79}$ учебн. года бывало отъ 25 до 40 душъ, въ $18^{79}/_{80}$—было 37 м. и 10 д., въ $18^{80}/_{81}$—32 м. и 11 д., въ $188^{1}/_{2}$—34 м. и 3 д., въ $188^{2}/_{3}$—47 м. и 7 д., въ $188^{3}/_{4}$—49 м. и 10 д., въ $188^{4}/_{5}$—64 м. и 8 д., въ $188^{5}/_{6}$—90 м. и 13 д., въ $188^{6}/_{7}$—123 м. и 17 д., въ $188^{7}/_{8}$—117 м. и 17 д., въ $188^{8}/_{9}$—131 м. и 13 д., въ $18^{89}/_{90}$—111 м. и 9 д., въ $18^{90}/_{91}$—80 м. и 6 д., въ $189^{1}/_{2}$—108 м. и 15 д., въ $189^{2}/_{3}$—106 м. и 13 д.

Неизвѣстно еще, оканчивалъ ли кто-нибудь курсъ ученія въ Никольскомъ училищѣ до 1880 года; начиная же съ этого года, получено свидѣтельствъ на льготу по 4-му разряду — 72, свидѣтельствъ объ окончаніи курса — 9 и похвальныхъ листовъ—24.

Пословицы и поговорки. „Викъ жывы, викъ учысь, а дуракомъ умрешъ. Чому навчышся, того съ собою не носыть. Много чытать—зачытаешся (т. е., помѣшаешься). Богато будешъ знать, — скоро состаришся. Шо напысано перомъ, того не вырубаешъ тупоромъ. Ученого учыть — тилько портыть. Незнайка лежыть, а знайка бижыть. Знаеть винъ, якъ йидять, та ёму не дають. Въ умилого рукы не болять. Умъ хорошо, а два лучче. У ёго ума палата. По одежи встричають, — по уму провожають. Хто богатый, той и умный. Братъ мий, а розумъ у ёго свий. Нужда учыть розуму. Мужыкъ мужыкомъ (говорятъ „дуракъ дуракомъ") во викы викомъ. Малъ золотныкъ та дорогъ, а велыка фыгура (фидура) та дура. Высокій до неба, а дурный якъ треба. Дурный якъ пробка. Молодчына! Дать ёму два чына—дуракъ и дурачына. Пошлы дурного, а за нымъ другого. У богатого мужыка не взнаешъ сына дурака".

Въ нравственномъ отношеніи здѣшнихъ жителей можно подраздѣлить на двѣ категоріи, рѣзко отличающихся одна отъ другой. Къ первой принадлежатъ хозяйственные люди, почти

всегда живущіе дома и не странствующіе по чужимъ сторонамъ. Они отличаются хорошею нравственностью и набожностью. Ко второй категоріи относятся тѣ изъ людей, которые почти ежегодно шатаются по бѣлу свѣту, нанимаясь въ работники на Дону и на Кубани, гдѣ нерѣдко и обкрадываютъ своихъ хозяевъ, что видно изъ архивныхъ дѣлъ Никольскаго правленія. Въ большинствѣ случаевъ эти люди бываютъ нравственно испорчены и развращены: не уважаютъ родителей, бросаютъ своихъ супруговъ, бродяжничаютъ и т. п.

Положеніе женщины въ семьѣ вполнѣ зависимое отъ мужчины. Безъ согласія мужа, нерѣдко деспотичнаго и грубаго, она ничѣмъ не можетъ распорядиться въ домѣ, даже не можетъ продать на свои надобности десятка яицъ или курицу. Въ обществѣ тѣмъ болѣе женщина не имѣетъ никакой силы и ни малѣйшаго значенія. О женщинѣ говорятъ даже, „что жинка не чоловикъ, а баба и бабскій у неи разумъ". Пожилая женщина имѣетъ только силу и власть надъ меньшими членами семейства: дѣтьми, невѣстками и внуками. Но въ этомъ случаѣ мать часто начинаетъ злоупотреблять своею властью и поэтому служитъ первой причиной семейнаго раздора.

Дѣтей своихъ родители любятъ и стараются научить ихъ чему нибудь хорошему и полезному; но опять таки по своему невѣдѣнію и грубости нравовъ часто развращаютъ ихъ, говоря въ присутствіи ихъ нескромныя слова и дѣлая непотребныя дѣла. Кромѣ того нѣкоторые родители весьма грубо и безсердечно обращаются съ дѣтьми: бьютъ и наказываютъ ихъ за всякіе пустяки. Послѣ этого неудивительно, что подобныя дѣти, сдѣлавшись взрослыми, начинаютъ сами точно также поступать, оскорбляютъ своихъ родителей и доводятъ ихъ до слезъ, за что послѣдніе проклинаютъ дѣтей и всячески осуждаютъ.

Къ работникамъ хозяева относятся вполнѣ по семейному, требуя отъ нихъ только послушанія, старательности и умѣлости въ дѣлахъ. Хозяинъ и работникъ всегда за однимъ столомъ обѣдаютъ и вмѣстѣ работаютъ. Всякое упущеніе со стороны работника наказывается однимъ выговоромъ хозяина

или, въ крайнемъ случаѣ, вычетомъ изъ жалованья; крупныхъ же карательныхъ мѣръ хозяева не употребляютъ: тогда никто изъ работниковъ не будетъ у нихъ жить.

Кабаки, т. е. винныя лавки, въ слободѣ и хуторѣ уже два года закрыты по общественному приговору; но, не смотря на это, водка и вино все время продаются тайнымъ образомъ, что и было причиной уничтоженія общественнаго приговора по этому это дѣлу. Впрочемъ, за послѣднее десятилѣтіе на слободу и хуторъ не бывало болѣе 4 или 5 кабаковъ, производившихъ самую умѣренную торговлю, изъ чего и можно заключить, что между здѣшними жителями сравнительно большого пьянства не бываетъ.

Проституціи, въ смыслѣ обращенія разврата въ ремесло, въ нашемъ краѣ не имѣется, а секретная проституція частенько встрѣчается. Этими позорными дѣлами между мужчинами занимаются парубки, вдовцы и нерѣдко женатые развратники, по большей части „дончаки“; между женскимъ поломъ—солдатки, дѣвки, вдовы и иногда замужнія. Молодежь („челядь“) болѣе всего развращается изстари заведеннымъ обычаемъ ходить ночью на „вулыцю и вечерныци“, гдѣ „парубки и дивчата“ держатъ себя вполнѣ свободно и безконтрольно, позволяя между собою не только шутить, говорить и ругаться непристойно, но и ночевать вмѣстѣ. Женатыхъ мужчинъ помогаетъ развращать старинный обычай ходить вечерами куда-нибудь „на посыденькы“ (посидѣть и поговорить отъ нечего дѣлать), а иногда и прямо на вечерници къ женщинамъ плохого поведенія, что нѣкоторыми и родителями не воспрещается; но къ счастію послѣдній обычай теперь выводится. Не смотря на такія вольности и происходящій по причинѣ ихъ развратъ, незаконнорожденныхъ дѣтей бываетъ совсѣмъ не много: среднимъ числомъ такихъ рожденій отъ дѣвицъ и солдатокъ ежегодно по одному. Такое малое количество незаконныхъ рожденій объясняется мѣстными жителями тѣмъ, что многія развратныя женщины пьютъ порохъ и сулему, чтобы не забеременѣть.

Сказавъ о теперешнемъ состояніи нравственности, нельзя не прибавить, что въ прежнее время между здѣшними степ-

няками она стояла еще гораздо ниже, и что тогда совершались такія преступленія, о которыхъ въ настоящее время никто и не говоритъ, что подтверждается разсказами старожиловъ и справками изъ штрафныхъ книгъ и дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ Никольскаго волостнаго правленія, гдѣ ежегодно встрѣчаются дѣла о прелюбодѣяніи, изнасилованіи, распутствѣ, бродяжничествѣ, кражахъ и т. п. Въ подтвержденіе сказаннаго привожу нѣсколько выписокъ изъ упомянутаго архива по разнымъ родамъ преступленія. 1823 года никольскій крест. А. Великоцкій по указу Воронежской Палаты былъ наказанъ 20 ударами розогъ за кражу 7 лошадей. 1836 г. дѣвка слоб. Никольской Ульяна за рожденіе ребенка и брошеніе его въ воду была наказана 15 ударами плетей. За 1837 г. привожу цѣликомъ всѣ 7 наказаній: 1) 9 февраля Нехаев. кр. Е. Косенко и В. Пшеняникъ были наказаны за воровство лошадей плетями по 30 ударовъ; 2) 14 марта Ник. кр. А. Ландарь за подачу прошенія Мин. Финансовъ наказанъ 30 ударовъ палокъ; 3) 27 марта Ник. кр. Е. Косенко и Ник. кр. Кучерь наказаны: 1-й за кражу овчиннаго полушубка 20 уд. батожья, а 2-й за воровство 2 фун. мыла 15 уд. розогъ; 4) 27 марта Ник. кр. Кучеренко и Іолесниковъ за самовольную отлучку безъ письменныхъ видовъ наказаны по 25 ударовъ; 5) 28 апрѣля Ник. солдатка Е. Мартыненкова наказана за прелюбодѣяніе 20 уд. плетей; 6) 18 мая Ник. кр. С. Дегтяревъ за подачу прошенія Мин. Финансовъ и ложное названіе себя выборнымъ наказанъ 25 уд. плетей и 7) тогда же семь Ник. кр. за такое же дѣло посажены въ тюрьму на 10 дней. Въ 1845 г. 1) Ник. кр. М. Масликъ за покушеніе на растлѣніе 4-лѣтней дѣвочки оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, а за разнообразныя показанія наказанъ 20 уд. розогъ и отданъ подъ строгій надзоръ полиціи; 2) крест. Прищепенко за „побѣгъ изъ жительства" и пріобрѣтеніе фальшиваго билета наказанъ 55 уд. розогъ и арест. ротами на $1^1/_2$ года. за 1849 г. есть дѣло о воровствѣ Ник. кр. у казака —хозяина 180 р. денегъ и другихъ вещей. Въ 1852 г. Ник. кр. С. Лимарь за 10-лѣтнее пьянство, буйство, безчинство, непристойное ругательство и нехозяйство наказанъ 60 уд. розогъ

и записанъ въ штрафную книгу. За 1853 г. есть дѣло объ изнасилованіи 17-лѣтней дѣвки, окончившееся миромъ. Въ 1854 г. дѣвка Ткачева, 17 лѣтъ, за 2 лѣтнее безпаспортное бродяжничество, во время котораго она оказалась беременною, посажена на 3 дня подъ арестъ. Въ 1855 г. Нех. кр. Родченкова оштрафована на 100 р. за передержку бродяги Синицына. Въ 1856 г. два лѣсника за продажу казеннаго лѣса осуждены къ ссылкѣ въ Сибирь. Въ 1856 г., при лѣсничемъ Аврамовѣ, было самовольныхъ порубокъ дерева въ казенныхъ и казенно-крестьянскихъ лѣсахъ Бѣловодскаго лѣсничества на 5,449 р. 15¼ коп. До 60 годовъ преступленія, подобныя приведеннымъ здѣсь, встрѣчаются ежегодно.

Пословицы и поговорки. „Шо городъ то й норовъ, шо голова то й разумъ. Шукай соби добра, а другому не жалай зла. Не копай пидъ людей ямы, бо самъ попадешъ. Смилый въ турми, здоровый въ земли, а хто жыветъ просто́, той прожыветъ годивъ сто. Жаль тебе, та не такъ якъ себе. Ходимъ на нызъ, шобъ ныхто головы не грызъ. Сама себе раба бье, шо нечысто жне. Спыть сова та й куры баче. Казало лыхо, шо не буде добра. Своя воля доведе до горя. Винъ мнягко стеле, та твирдо спать. Скажешъ гопъ, якъ выскочышъ. По правди говоры, по правди й очи вылизуть. Брехать не ципомъ махать. Языкъ безъ костей, шо хоче те й лопоче. Хто бреше, тому легше, а хто виры нейме, того въ десятеро зогне. У ёго на недили симъ пьятныць. Йижъ пиригъ съ крупами, та держы языкъ за зубамы. Хлибъ-силь йижъ, а правду рижъ. Якъ нема, такъ купывъ бы, а якъ е, такъ убывъ бы. Любыть якъ душу, а трясеть якъ грушу. Хвалько поке нахвалыцьця, а батько набьецьця. Це не драка, а смертоубыйство. Два бьецьця,— третій не мишайсь. Въ дракѣ волосся не жалиють. Бьють, та й плакать не дають. За наше жыто, та насъ и быто. Воны такъ жывутъ, якъ собака съ кишкою. У бабы волосъ довгый, та умъ короткый. У дорози и батько за товарыша. Гуртомъ можно й батька быть. Не вжалиешъ батька въ наймахъ, колы найнявсь такъ ныхай служе. Нанявсь—якъ продавсь. У кого ненька ридненька, у того й головка гладенька. Здумала баба диверя, шо

добрый бувъ, та й давай плакать. Всякъ баче, якъ сырота скаче, а нихто не баче, якъ сырота плаче. Пянство до добра не доведе. Пыть до дна,—не выдать добра. Пьяный, якъ сапожныкъ. У ёго золоти рукы, та дырявый ротъ. Водку пый та ума не пропый. Водочку пый, а въ новій шуби бабака (опушки) не оббый. Пьяный свичкы не поставе, а все звале. Пьяный проспыцьця, а дуракъ никогда. Не хвалы въ тры дни, а похвалы въ тры годы (о невѣсткѣ). Гуляй, дивко, та дильце помлы. Пый, дивко, винцо, та помлы дильцо".

Обряды при рожденіи дѣтей. Солдатки и дѣвушки, въ предупрежденіе беременности, боясь позора, пьютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ порохъ и сулему, а также пьютъ эти вещества, когда замѣтятъ свою беременность, за что платятся иногда не только плодомъ своей любви и здоровьемъ, но и жизнію своей. Беременная женщина не должна бить собаки и кошки ногою: отъ этого родившійся ребенокъ будетъ болѣть „сплишныкомъ". Беременной женщинѣ не слѣдуетъ переступать черезъ коромысло и топтать ногами помело: трудные будутъ роды. Разсказываютъ, что одна неопытная женщина всегда затаптывала помело ногами. Ей говорили знающія бабы: „ты бъ, молодыце, не топтала его ногамы: негодыцьця, грихъ!" На такія слова она всегда отвѣчала: „Таке! хто замича, той и одвича". Наконецъ, настало время родить ей, но роды ея были такіе трудные, что не смотря на всѣ средства помощи, никто не могъ освободить ее отъ мученій. Тогда баба сказала ей: „мабудь ты, дочко, топтала помело"! И когда получила утвердительный отвѣтъ, велѣла ей кланятся помелу и Богу. Родильница исполнила приказаніе и потомъ разрѣшилась отъ бремени. Если беременная женщина лицомъ худая и блѣдная, то у нея родится сынъ, а если полная и красная,—будетъ дочь. Нѣкоторыя женщины передъ родами говѣютъ и, почувствовавъ симптомы родовъ, прощаются со всѣмъ семействомъ и родными. При началѣ родовъ, родильница снимаетъ съ себя кольца и серги, развязываетъ поясъ и всякія ленты, растегиваетъ все, что на ней застегнуто, а также отпираетъ всѣ замки и растворяетъ сундуки, двери, шкафы и все, что

въ домѣ затворено, — все это дѣлается ею (или мужемъ и бабою, если она не въ состояніи) „шобъ роды лéгчи булы". Если же роды бываютъ трудные, тогда для ускоренія ихъ заставляютъ родильницу кланяться „батькови и матери"; обводятъ ее три раза вокругъ стола, причемъ она должна переступать черезъ пустой мѣшокъ, положенный на „доливку", зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи и молятся Богу, а также идутъ къ священнику, прося его отворить Царскія двери и помолиться за освобожденіе отъ мученій.

При родахъ крестьяне не приглашаютъ медиковъ и акушерокъ, а всю помощь „породили" (родильницѣ) возлагаютъ на бабу „пупоризку", которая служитъ акушеркой и прислугой при родахъ. Какъ только родится ребенокъ, даютъ „породили" для подкрѣпленія рюмку водки. Если родится мальчикъ, то ему баба отрѣзаетъ „пупъ до сокиры, шобъ майстеръ бувъ", а если дѣвочка, — „до гребинки, шобъ пряха була". Дѣтское мѣсто обмываютъ, посыпаютъ житомъ и закапываютъ въ землю тамъ, гдѣ родился ребенокъ, причемъ кладется оно пуповиной вверхъ, „шобъ ще диты булы", а если баба закопаетъ его пуповиной внизъ, то у родившей не будетъ уже больше дѣтей.—Въ тотъ домъ, гдѣ произошли родины, не пускаютъ дѣтей, говоря имъ: „не ходить туды, ато баба зниме поясъ и шарафанъ, або порве поясъ и очкуръ". Если младенецъ, родившись, умираетъ, баба нарекаетъ ему имя и хоронитъ его, или въ хатѣ подъ столомъ, гдѣ онъ „охрещаецьця", когда батюшка молитву даетъ, или на „поду" (мѣсто стога), гдѣ онъ „охрещаетьця", когда первые снопы кладутъ „навхрестъ". Если же роды и ребенокъ благополучны, тогда отецъ новорожденнаго приглашаетъ воспріемниковъ съ себѣ въ домъ, гдѣ баба отдаетъ новорожденнаго куму и говоритъ: „нате вамъ новорождéнне, а намъ принесить молытвенне и хрещене". Воспріемникъ беретъ у нея дитя и передаетъ кумѣ, а самъ получаетъ отъ хозяина два хлѣба, или, по бѣдности, одинъ, и идутъ къ священнику. По возвращеніи отъ священника, воспріемникъ беретъ у кумы дитя и передаетъ его бабѣ со словами: „Бралы у васъ новорожденнаго, а вамъ прынесли молитвеннаго и хрещенаго" (говорится имя). Баба беретъ у кума

младенца и кладетъ его на приготовленное для него мѣсто или относитъ къ матери. Въ это время собираются на крестины гости — женатые и замужнія, приходящіе попарно, причемъ мужъ несетъ хозяину цѣлый хлѣбъ, который принимаетъ баба, а жена — кусокъ хлѣба, пирожокъ или „дробдокъ“ (кусочекъ, грудочку) соли и отдаетъ „породили“, которая принимаетъ, засушиваетъ все это и грызетъ на „тщѐсерце“ (натощакъ), „шобъ лучшій бувъ пòкормъ дытыни“. Когда соберутся гости, зажигаютъ лампаду и свѣчи, распускаютъ ладонъ, молятся Богу и садятся за столъ. При этомъ кумъ и кума сидятъ рядомъ на первомъ мѣстѣ, на „покути“. Хозяева начинаютъ угощать гостей закусками, водкой и обѣдомъ. Гости берутъ въ руку рюмку, желаютъ новорожденному счастья, а „породили“ поскорѣе выздоровѣть, выпиваютъ водку, а оставшуюся выплескиваютъ на потолокъ, „шобъ новорождене пидскакувало“. „Породили“ кума даетъ первой всякаго кушанья и напитковъ, „шобъ пòкормъ для дытыны увелычывся“. Когда кумъ и кума подносятъ по рюмкѣ, тогда они и гости дарятъ новорожденнаго нѣсколькими копѣйками, а, когда передъ узваромъ, называемымъ „опеньками“, подноситъ по рюмкѣ баба, тогда дарятъ и ее за труды, у кого же нѣтъ денегъ, тотъ говоритъ бабѣ: „я вамъ, бабусю, прыйду завтра цыбулю полоть“. Обычай дарить новорожденнаго и бабу въ послѣдніе годы сталъ выводиться; бабу благодарятъ теперь сами родители новорожденнаго, давая ей за труды хлѣбъ, полотно и иногда деньги.

На второй или третій день послѣ родовъ собираются однѣ женщины на „злывкы“ (или иначе въ „рай“), состоящія въ томъ, что баба изъ кувшина льетъ „породили“ на ладонь „непочатỳ воду“, смѣшанную съ хмѣлемъ и коноплянным сѣменемъ, а та, стоя правою ногою на вѣникѣ, положенномъ на „сокыру“ (топоръ), подхватываетъ другою рукою съ локтя эту воду и пьетъ ее; это дѣлается на обѣихъ рукахъ три раза (2 раза на правой и 1 разъ на лѣвой), послѣ чего „породиля“ можетъ безбоязненно вставать съ постели, гулять съ бабами и работать, если только въ состояніи. Во время „злывокъ“ на столѣ лежитъ хлѣбъ съ кусочкомъ соли сверху. Хлѣбъ этотъ беретъ себѣ баба по окончаніи „злывокъ“, а соль — „породиля“, которая за-

вязываетъ ее въ пазуху сорочки и грызетъ на „тщéсерце“, „шобъ прибавылось молока“. Во время „злывокъ“, баба смачиваетъ „породили“ водой изъ кувшина лицо и руки, „шобъ нихто не зглазывъ“, а грудь, „шобъ бувъ лучшій пòкормъ“.

Послѣ родовъ „породиля“ втыкаетъ себѣ въ пазуху вверхъ жаломъ иголку, „шобъ нихто не зглазывъ“; выходя же ночью на дворъ, она беретъ съ собою чаплійку, рогачъ или кочергу, „шобъ не случылось якого зла, або шобъ витромъ не пидвияло“.

Въ шесть недѣль родильница, сходивши въ церковь за молитвою, провѣдываетъ куму и бабу; къ послѣдней ходитъ она съ дѣтьми и гостинцами и на Богородицу (2-й день святокъ); въ это время баба старается угостить своихъ внучатъ.

Говорятъ, что женщинъ иногда портятъ, давая имъ что-то въ пищѣ или питьѣ, (отравляютъ или насылаютъ на нихъ), отчего у нихъ могутъ завестись въ животѣ, который сильно ростетъ, мыши, жабы, черепахи и гадюки, иногда откликающіяся оттуда своимъ голосомъ.

Дѣти, родившіяся „въ сорочкахъ“, считаются счастливыми. Сорочку эту берегутъ и, когда выростетъ ребенокъ, зашиваютъ ее въ поясъ или одежду его, которую онъ носитъ изрѣдка, по праздникамъ, и надѣваетъ въ особенно важныхъ и нужныхъ случаяхъ въ жизни, чтобы была удача и счастье въ предпринятомъ дѣлѣ. Иногда бабы или женщины крадутъ у неопытныхъ родильницъ эту „сорочку“, и даютъ ее носить своимъ дѣтямъ, вѣря, что къ нимъ перейдетъ то счастье, которое принадлежало родившемуся „въ сорочкѣ“.

Пуповину, которая отпадаетъ у ребенка съ завязанной коноплей, тоже берегутъ и даютъ развязать ее дитяти тогда, когда оно уже сдѣлается смышленымъ; дѣлается это почти всегда передъ началомъ какого нибудь важнаго дѣла дитяти, „шобъ ёму було щастя въ цимъ дили и въ другыхъ дилахъ“. Въ самый день рожденія младенца (также и скота) ничего изъ дома не даютъ и не продаютъ, — „шобъ дытына домивку знала“. Вообще не слѣдуетъ купать дитя въ тотъ день, въ какой оно родилось: утонетъ рано или поздно. По захожденіи солнца не слѣдуетъ поднимать дѣтей выше головы: не будутъ спать. Не

слѣдуетъ смѣшить дѣтей, „ато нападуть крыклывци". Когда ребенку исполнится годъ, стригутъ его на кожухѣ, разостланомъ вверхъ шерстью, и остриженные волосы втыкаютъ въ плетень, „шобъ кучерявый бувъ", или въ коровій навозъ, „шобъ чорнявый бувъ". Для того, чтобы были у человѣка крѣпкіе и долговѣчные зубы, онъ долженъ въ дѣтствѣ выпавшіе молочные зубы бросать въ сѣняхъ черезъ голову на чердакъ и говорить такъ: „Мышка, мышка! на́ тоби костяный зубъ, а мини дай зализный". Жениться на кумѣ нельзя: будетъ жизнь несчастлива или кто нибудь изъ женившихся умретъ, или сдѣлается калѣкой, или дѣти будутъ калѣки и пр.

Вечерницы въ настоящее время почти перевелись, и рѣдкіе родители отпускаютъ на нихъ своихъ дочерей. Вмѣсто же вечерницъ дѣвушки, съ согласія родителей, ходятъ зимою въ семейные дома, гдѣ есть подруги, и тамъ работаютъ въ присутствіи всего семейства; иногда же, въ особенности по праздникамъ, „парубки" и „дивчата" вечерами собираются на такъ называемую „вулыцю" (собраніе), гдѣ вмѣстѣ и проводятъ время до полуночи, занимаясь пѣснями, шутками, игрой на гармоникѣ и т. п.

О сохранившихся же до сего времени вечерницахъ скажу слѣдующее. Дѣвушки избираютъ у кого-нибудь изъ малосемейныхъ хату, куда и собираются вечеромъ прясть и шить. Сюда вечеромъ сходятся и парубки, разговариваютъ съ дѣвушками, шутятъ, поютъ, играютъ и танцуютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, у которыхъ есть любимыя дѣвушки, остаются здѣсь и ночевать. Парубки уходятъ домой раньше, а дѣвушки—позже, иногда и позавтракавъ здѣсь, если принесутъ для этого чего-нибудь изъ дому; но во всякомъ случаѣ, какъ тѣ, такъ и другія, стараются уйти домой до свѣта, чтобы люди не видѣли. Опоздавшую дѣвушку пожилые люди осуждаютъ, а молодежь можетъ проводить свистками и „улюлюканьями". Если какой парубокъ, не имѣющій сочувствующей ему дѣвушки, самовольно останется ночевать на вечерницахъ, то „дивчата" для смѣха нашиваютъ ему на спинѣ разныхъ лоскутковъ, съ которыми онъ и домой идетъ, или насыпятъ въ шапку его сажи, толченаго мѣлу и т. п.

Лѣтъ 20 или 30 тому назадъ здѣсь вечерницы, разсказываютъ, были не такія. Тогда „дивчата" тянули изъ дому на

вечерницы все, что возможно было: муку, пшено, сало, яйца, курей и т. п., а „парубкы“ для вечерницъ покупали водку и нерѣдко, говорятъ, занимались для этого воровствомъ. Парубкамъ, пришедшимъ на вечерницы съ чужой улицы, рвали „очкуры“ (веревочки, которыя затягивались въ поясъ штановъ для поддерживанія таковыхъ на тѣлѣ; теперь ихъ не носятъ) и часто били ихъ, да и вообще драки въ то время между молодежью были частыя. Стѣны же тѣхъ хатъ, въ которыхъ собирались вечерницы, почти каждую ночь парубки обмазывали дегтемъ и „расколу́пывали“ (ковыряли) вилами и кольями, что „дивчата“ старались замазать до свѣта. Въ дворахъ родителей, у которыхъ были дѣвушки, они часто ставили вѣхи, вѣшали люльки (порочной дѣвушкѣ) и уносили ворота, изъ которыхъ дѣлали на улицѣ загороду, куда загоняли скотъ, клали ему солому и т. п. Въ настоящее время о такихъ продѣлкахъ молодежи нигдѣ не слышно.

Свадебные обряды. *Обрядъ сватовства.* Когда сыну исполнится 18 лѣтъ, отецъ приглашаетъ двухъ родственниковъ или сосѣдей, называемыхъ въ этомъ случаѣ „старостамы“, и посылаетъ ихъ къ отцу намѣченной невѣсты сватать своего сына. Тѣ приходятъ подъ окно и говорятъ: „добры́-вечиръ! пустить погрицьця!“ Имъ отвѣчаютъ: „мылосты просымъ, люды до́бри!“ „Старосты“ съ палками и хлѣбомъ подъ рукою входятъ въ хату и привѣтствуютъ хозяина такъ: „здоровы днювалы, Боже поможы вамъ!“ Тотъ отвѣчаетъ: „спасыби, Боже й вамъ поможы“. Хлѣбъ старосты отдаютъ хозяину, который кладетъ его на столъ, а ихъ приглашаетъ садиться на лавку. Они садятся, держа палки въ рукахъ, и говорятъ: „пытай, насъ, свату, чого́ мы до тебе прыйшлы? Хочъ сватъ—не сватъ, а такъ добрый чоловикъ“. „Ска́жете, а я и буду знать“, отвѣчаетъ хозяинъ. „Мы чулы, шо у васъ есть дивчына, а у насъ хлопецъ, такъ чы не будемъ мы сватамы?“ „Та чого́жъ! якъ дило пидходя́ще, то й посватаемся. Тилко мы не знаемъ, чи понара́выцьця наша дивчына вашому хло́пцеви, ёго батькови и матери, а нашій дивчыни вашъ хлопецъ?“ Старосты при этомъ увѣряютъ, что „дивчына“ нравится „хлопцеви“ и его родителямъ, въ доказательство чего и посылаютъ за ними. Тѣ приходятъ и на воп-

росъ, предложенный имъ, отвѣчаютъ: „якъ бы ваша дивчына намъ не нара́вылась, такъ мы бъ и старостивъ не прысылалы. Мы согласни зъ вамы посвата́цьця, тилко треба спытать согласія дитей.“ Въ это время женихъ сидитъ на лавкѣ, переминая въ рукахъ шапку, а невѣста стоитъ около печки и обязательно ковыряетъ пальцами глину въ стѣнѣ комина. Прежде спросятъ жениха, а потомъ невѣсту, которая, если ей женихъ нравится, отвѣчаетъ: „якъ батько й мате скаже, такъ и я“; если же ей женихъ не нравится, она убѣгаетъ изъ дому, прячется и плачетъ. Ее ищутъ и, нашедши, велятъ идти домой, но она со слезами говоритъ, что не пойдетъ туда. Получивъ согласіе молодыхъ людей, родители начинаютъ уговариваться о свадебныхъ подаркахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Условившись относительно подарковъ, свѣтятъ лампаду и свѣчи, молятся Богу, рѣжутъ принесенный старостами хлѣбъ (иногда этотъ хлѣбъ рѣжетъ сама невѣста или другіе съ ея позволенія, что означаетъ ея согласіе), ставятъ женихову водку, начинаютъ пить „могорычъ“ и даютъ „рушныкы“ или платки, т. е. подарки старостамъ, а если разомъ бываетъ и „сватанье“, то даютъ подарки жениху и родителямъ его. Если же родителямъ невѣсты нужно расспроситься, то они оставляютъ хлѣбъ, отпускаютъ „старостивъ“ и приглашаютъ ихъ приходить въ другой разъ; затѣмъ въ 3-й, 4-й и т. д., пока порѣшатъ дѣло или совсѣмъ откажутъ. Запивши въ домѣ невѣсты „могорычъ“, родители жениха просятъ къ себѣ сватовъ и другихъ присутствующихъ на „разглядыны“, что здѣсь въ насмѣшку называется „грызты пичъ“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ „могорыча“ и „разглядынъ“, гуляютъ „сватання“, начинающееся тѣмъ, что родители посылаютъ невѣсту собирать „дружо́къ“ (подругъ), съ которыми она ходитъ къ своимъ „родычамъ“ и знакомымъ и говоритъ имъ такъ: „просывъ батько й мате и я просю до насъ на сватання“. Возвратившись съ „дружками“ домой, гдѣ уже собрались гости, невѣста здоровается съ будущимъ свекромъ и свекровьею земнымъ поклономъ, а съ остальными поясным. Затѣмъ мать даетъ невѣстѣ тарелку съ подарками, которые та подноситъ свекру и свекрови, кланяется имъ въ ноги и перевязываетъ ихъ. Тѣ

благодарятъ за подарки и взаимно дарятъ ее: свекоръ кладетъ на тарелку 1 р. или нѣсколько коп., а свекровь перевязываетъ будущую невѣстку платкомъ. Потомъ невѣста подноситъ платокъ „старшему боярыну“ (шаферу), который беретъ его и вѣшаетъ „молодому князю“ (жениху) за поясъ, за что онъ тоже кладетъ на тарелку нѣсколько коп. Послѣ этого невѣста даетъ подарки „боярыну“ и близкымъ „родычамъ“, которые также бросаютъ ей по нѣсколько коп., что называется „подаркомъ на винóчкы“.

Обдаривши кого слѣдуетъ, невѣста начинаетъ всѣхъ „частувать“ (угощать, подносить) рюмкою водки, которую наливаетъ „старшая дружка“ (шаферица). „Дружкы“ же въ это время стоятъ среди хаты и поютъ:

„Зарýчена Марьéчка, зарýчена
Положыла билу ручку на зарýчку.
Ручка моя билéсенька у батéнька,
Чы буде же така била и въ свекорка?
Якъ будешъ ты, Марьéчко, покирнéнька,
Буде жъ твоя та рученька все билéнька.
Панóчокъ Иванко, панóчокъ
Изнявъ зъ Марьечкы та винóчокъ,
Пославъ до батéнька гостынóчокъ.
Полынулы голубóнькы въ поле годýчы,
Марьечкыно дивування та нысýчы,
А за нымы Марьéчка та й плáчучы,
Ридненького батéнька та й просячы:
— Переймай же, мій батеньку, тіи голубы,
Воны жъ мое дивування съ собою взялы.
— Высоко, дытя мое, полынýлы,
Пидъ крылéчко дивування пидгорнýлы.
Полынулы, дóнько моя, на тыхій Дунай;
Теперъ же, дытя мое, хочъ не переймай“.

Когда всѣмъ поднесутъ нѣсколько разъ по рюмкѣ и закусятъ, тогда отецъ жениха приглашаетъ сватовъ и гостей къ себѣ, а вся молодежь остается у невѣсты „вареныкы йисты“. Старшая дружка начинаетъ мѣсить тѣсто на вареники, всѣ остальныя лѣпятъ, варятъ и подаютъ ихъ на столъ. Сначала подаютъ немного варениковъ, которые начинаютъ ѣсть женихъ и невѣста, за ними же вся остальная молодежь быстро расхватываетъ вареники и расходится по домамъ. Остаются съ „молодыми“ только три или четыре „дружки“ и столько же парубковъ, въ числѣ

которыхъ „боярынъ“; садятся „дружкы“ и парубки за столъ, ставятъ всѣ вареники и начинаютъ ѣсть, а женихъ и невѣста стоятъ передъ столомъ и „частуютъ“ ихъ водкой. Въ это время „боярынъ“ говоритъ: „гирко!“ и „молодые“ цѣлуются, а послѣ нихъ и всѣ начинаютъ цѣловаться. Поужинавши, всѣ уходятъ на вечерницы и спятъ парами.

Обрядъ пидвесилка (дѣвичника). За день передъ свадьбой у невѣсты и жениха пекутъ шишки, коровай, лежень и калачъ. Послѣ обѣда дружки убираютъ невѣстѣ косу, что дѣлается такъ: „старшая дружка“ зажигаетъ восковую свѣчу и держитъ ее около невѣстиной головы, а вторая дружка заплетаетъ косу и убираетъ ее разноцвѣтными лентами, висящими вдоль спины, гарусомъ, заполочью и цвѣтной бумагой, нарѣзанной полосками, на средину головы крестообразно кладетъ красную ленту и повязываетъ платкомъ, который украшаетъ разноцвѣтными булавками и цвѣтами, а съ правой стороны прикалываютъ двѣ „квиточкы-виночкы“, сдѣланныя круглымъ бантомъ изъ узкой красной ленты. Невѣста въ это время плачетъ а дружкы поютъ:

„Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
А ще тыше Марьéчка косу чеше;
Шо вычеше, на тыхый Дунай знесе.
— Плывы жъ ты, косо,
Пидъ свéкоркынъ двиръ просто!
Стань же, косо, послухай,
Шо свéкорко говоре?
Свекорко каже: „добрая годынонько,
Шо йде до мене чужая дытынонька.
Не зобувавъ, не зодягавъ,
Буду замышляты,
Не поивъ, не кормывъ,
Та й буду посылаты“.

Убравши невѣстѣ голову, старшая дружка „пидперизуе“ (подвязываетъ) ей верхнее платье „рушныкомъ“ (полотенцемъ), послѣ чего она кланяется въ ноги отцу и матери, которые говорятъ ей: „Боже, поможы тоби, наша дытыно, иды, зовы людей на пидвесилокъ!“ Невѣста идетъ съ дружками къ роднымъ и знакомымъ, кланяется имъ въ ноги, даетъ шишки и проситъ на „пидвесилокъ“ также, какъ и на сватанье. Затѣмъ она идетъ къ родителямъ жениха, которые встрѣчаютъ ее въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью, кланяется имъ въ ноги и цѣлуетъ ихъ, а они говорятъ: „мылосты просымъ, наша дытыно, въ отецкій домъ!“ Невѣста съ дружками входитъ въ хату, крестится и даетъ двѣ шишки родителямъ

жениха, которые благодарятъ, даютъ ей взамѣнъ пару своихъ шишокъ, сажаютъ ее съ дружками за столъ и угощаютъ водкой и пирогами, послѣ чего она уходитъ домой съ дружками, которыя поютъ:

„Мы въ свекру́хы булы,
Перижéчкы йилы,
Медъ-выно пылы́
Солодéсенько та добрéсеньке,
Ще й зъ медкомъ“.

Отецъ и мать встрѣчаютъ невѣсту въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью, она имъ кланяется и цѣлуетъ. Затѣмъ „пиддружый“ (у невѣсты „пиддружый“, а у жениха „дружко“—это по большей части родственники, опытные и знающіе люди, приглашенные хозяевами для распоряженія на свадьбѣ) беретъ полсть и говоритъ въ сѣняхъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“ Ему изъ хаты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Потомъ онъ продолжаетъ: „староста, пани—пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашого здоровья;—благословитъ въ сей чéстный и важный домъ съ пóвстю ввійты!“ Ему отвѣчаютъ старосты: „Богъ благословыть и мы благословымъ!“ „Пиддружый“ вноситъ полсть и разстилаетъ ее на „посадѣ“, т. е. на „причилковой“ лавкѣ за столомъ, гдѣ молодые будутъ сидѣть (это дѣлается будто бы для богатства). Послѣ этого „пиддружый“ беретъ пучокъ житной соломы, которая въ этомъ случаѣ называется „покрасою“, становится у дверей и проситъ у „старостивъ“ благословенія (какъ и при входѣ съ полстью) войти въ домъ съ „покрасою“. Получивъ благословеніе, онъ входитъ въ хату, вѣшаетъ солому на гвоздяхъ около иконъ, затыкаетъ ею бутылку водки или узварной юшки и ставитъ на столъ, гдѣ уже лежатъ три хлѣба: коровай, лежень и калачъ, украшенный калиною и заполочью; на немъ лежитъ пара ложекъ, связанныхъ краснымъ гарусомъ. Въ „лежень“ втыкаютъ „рясне“—терновое или вишневое деревцо, украшенное разноцвѣтной бумагой, гарусомъ, заполочью и соломой. Управившись съ „покрасой“, „поддружый“ идетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ невѣста съ дружками, беретъ ее за платочекъ, держимый ею въ рукахъ и говоритъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“ Старосты, сидящіе около стола, отвѣчаютъ: „Аминь!“ „Пиддружый“ продолжаетъ: „спасеть Богъ за аминь, за родытельску молитву. Ста-

роста, пани—пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашого здоровья;—благословить въ сей чесный и важный домъ молоду княгиню за стилъ завесты, и въ другый разъ, и въ третій разъ!"— „Богъ благословыть и мы благословымъ трычи разомъ!", отвѣчаютъ старосты. Получивъ благословеніе, „пиддружый" ведетъ „молоду" въ хату и сажаетъ на „посадъ", гдѣ съ лѣвой стороны садятся и „дружкы". Отецъ и мать „частуютъ" гостей водкой, поднося каждую рюмку невѣстѣ, которая стоитъ и кланяется съ старшею дружкою, пока родители выпьютъ и обнесутъ всѣмъ гостямъ. Поподчивавъ всѣхъ гостей, подносятъ невѣстѣ, которая беретъ рюмку платочкомъ, выпиваетъ, сколько можетъ, отдаетъ обратно и садится; тогда подносятъ дружкамъ. Послѣ этого хозяева „отклоняются" (извиняются), а „пиддружый", испросивъ благословеніе, выводитъ „молоду" изъ-за стола и провожаетъ ее съ дружками на вечерницы. Хозяева, по уходѣ невѣсты, „частуютъ" опять гостей, даютъ имъ ужинать и „отклоняются", послѣ чего они расходятся по домамъ. Женихъ, у котораго подъ руководствомъ „дружка" дѣлается все то, что у невѣсты, приходитъ съ „боярами" на вечерницы къ своей невѣстѣ. Здѣсь они пьютъ по рюмкѣ, бесѣдуютъ, ужинаютъ и ложатся спать также, какъ послѣ сватанья.

Обрядъ свадьбы. Если во время вѣнчанія, которое у крестьянъ чаще всего бываетъ въ день свадьбы (въ воскресенье), у кого изъ новобрачныхъ потухнетъ свѣча или больше сгоритъ, тотъ скорѣе умретъ. Кто изъ новобрачныхъ при вѣнчаньѣ раньше станетъ на „рушныкъ" или платокъ, тотъ будетъ старшинствовать въ домѣ.

Нѣкоторые бѣдняки не гуляютъ свадьбы, а послѣ вѣнца зовутъ къ себѣ невѣсту и ея родителей, выпиваютъ, закусываютъ, дарятъ и привозятъ невѣстино приданное, а на другой день похмѣляются, чѣмъ и кончается подобная свадьба. При такихъ условіяхъ невѣста, выходя изъ церкви старается незамѣтно уйти домой; чтобы этого не случилось, женихъ долженъ не зѣвать и беречь ее, а иначе ему или боярину придется порядочно нагрѣть чубъ, догоняя невѣсту, бѣгущую по улицѣ. Если вѣнчаются за нѣсколько дней до свадьбы, то новобрачные послѣ вѣнца отправляются обѣдать къ тѣмъ родителямъ, какіе жи-

вутъ ближе къ церкви, а если—въ день свадьбы, тогда женихъ съ боярами, а невѣста съ дружками расходятся по своимъ домамъ и обѣдаютъ. Послѣ обѣда снаряжаютъ жениха съ „поиздомъ“: заводятъ его за столъ, готовятъ „мичъ“ (мечъ), украшаютъ лошадей, берутъ подарки и шишки и пришиваютъ „боярамъ“, „свашкамъ“ и „свитылкѣ“ съ правой стороны шапки и платка ленточки съ крестиками, и перевязываютъ рушникомъ дружка, а иногда и бояръ платками. Какъ женихъ, такъ и всѣ „бояры“, число которыхъ всегда бываетъ четное, отъ 4 до 12 и болѣе („молодый“ долженъ быть безъ пары, потому что его пара, за которой онъ ѣдетъ, у себя дома), садятся верхомъ на лошадей, а свашки (родственницы жениха), дружко, „свитылка“ (сестра жениха, дѣвушка) и другіе родственники садятся на тарантасы, запряженные тройками и парами лошадей, украшенныхъ кумачемъ. Мать жениха изъ фартуха три раза обсыпаетъ поѣздъ хмѣлемъ, орѣхами, рожками и старыми мѣдными деньгами, что молодежью, собравшеюся посмотрѣть, сейчасъ же и подбирается. Затѣмъ она беретъ лошадь жениха полою за поводъ и выводитъ за дворъ; за женихомъ ѣдутъ бояре и свашки съ „свитылкою“, которая въ рукахъ держитъ „мичъ“ (пучокъ васильковъ и другихъ сухихъ цвѣтовъ, въ средину которыхъ воткнуто изображеніе лошадиной головы, гдѣ прилѣплено двѣ восковыя свѣчи). Прежде всего поѣздъ ѣдетъ къ церкви, объѣхавъ которую три раза, останавливается противъ южныхъ дверей, гдѣ женихъ съ старшимъ бояриномъ слазитъ съ лошади, идетъ къ дверямъ, кланяется три раза и кладетъ около нихъ или на замокъ шапку, послѣ чего уѣзжаетъ на ту улицу, гдѣ живетъ невѣста. Послѣдняя въ это время ходитъ вблизи дома по улицамъ съ дружками, которыя поютъ:

„Киснии вулицы, киснии,
Та йихалы бояры пышнии;
Пидъ нымы конычѐньки воронии,
А на ихъ бояры молодии.
Та везли каровай, якъ бугай,
А на тому каравай малева́ння,
Нашои Марьѐчки дивува́ння“.

Встрѣча поѣзда съ невѣстой бываетъ три раза; въ послѣдній разъ женихъ съ нею цѣлуется. Затѣмъ „пиддружый“ беретъ невѣсту и ведетъ домой, по пословицѣ: „не сама я йду,—ведутъ мене молоду“, вводитъ въ хату и сажаетъ съ друж-

ками за столъ при такомъ порядкѣ, какъ и на „пидвесилку“. Въ это время женихъ съ поѣздомъ, желая въѣхать во дворъ, останавливается около затворенныхъ воротъ, гдѣ стоятъ люди и не пускаютъ поѣзда безъ выкупа; тогда дружко достаетъ бутылку, подноситъ привратникамъ по рюмкѣ и даетъ имъ шишку, послѣ чего ворота растворяются и весь поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ. Женихъ и бояре, не слѣзая съ лошадей, останавливаются рядомъ, лицомъ ко входнымъ дверямъ, передъ которыми стоитъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Выходитъ теща и подноситъ жениху рюмку водки или воды съ хмѣлемъ, которую тотъ беретъ платочкомъ, выливаетъ содержимое черезъ шею лошади на землю и отдаетъ рюмку боярину, а тотъ матери нѣвѣсты, которая теперь, начиная съ жениха, подноситъ всѣмъ боярамъ и свашкамъ по рюмкѣ водки. Въ это время по угламъ упомянутаго стола становятся старосты, дружко и пиддружый, цѣлуются черезъ столъ, мѣняются хлѣбомъ и пьютъ брагу или водку изъ „перепійця“ (поливяный кувшинъ, держимый семействомъ собственно для этого случая и считающійся какою-то святынею, надъ которою грѣхъ шутить или насмѣхаться), который передается отъ одного къ другому накрестъ черезъ столъ. Послѣ этого они моютъ руки и ихъ перевязываютъ „рядняными рушниками“. Выпивши по рюмкѣ, женихъ и бояре слазятъ съ лошадей и стоятъ, а братъ невѣсты сейчасъ же садится на женихову лошадь и катается, пока дружко выкупитъ ее, давъ мальчику плату, условленную на могоричѣ (50 к.—1 р.), шишку и рюмку водки. Дружко ведетъ молодого за платочекъ въ сѣни, гдѣ останавливается и говоритъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“—„Аминь!“ отвѣчаютъ старосты. „Спасеть Богъ за аминь, за родытельску молытву. Староста пани-пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашого здоровья,—благословить въ сей чесный и важный домъ молодого князя за стилъ завесты,—и въ другый разъ, и въ третій разъ!“—„Богъ благословыть и мы благословымъ трычи разомъ“. Послѣ этого дружко ведетъ жениха къ столу, гдѣ на „покутти“ стоятъ „сторожи“ (мальчики—братья невѣсты), охраняющіе невѣсту и имѣющіе въ рукахъ палки, обмотанныя соломою и репяхами. Этими палками они намѣряются на дружка, а иногда и бьютъ

его по головѣ, не допуская жениха до невѣсты; но дружко начинаетъ чѣмъ-нибудь угрожать мальчикамъ и спрашиваетъ ихъ: „Чого вамъ, хлопци, треба!“—„Грошей, водкы и шишку!“ отвѣчаютъ сторожи. Въ это время дружки поютъ:

„Братику! не лякайся;
Братику! постарайся:
Не продавай сестры,
За рубъ—за чотыри,
Просы золотого
Зъ зятя молодого,
Одъ пóизду ёго“.

„Дружко даетъ дѣтямъ по 3—5 коп., по шишкѣ и по рюмкѣ; они уходятъ, а дружки поютъ:

„Татарынъ братикъ, татарынъ,—
Ппродавъ сестрыцю за даромъ,
Та взявъ за сестру стрилочку,
За йи русую кисочку“.

По уходѣ сторожей дружко заводитъ молодого за столъ и сажаетъ на „посадъ“ съ правой стороны невѣсты, которая въ „это время плачетъ, нагнувшись надъ калачемъ. Женихъ поднимаетъ голову невѣсты и цѣлуетъ ее, свашка, зажегши свѣчи, обводитъ „мичемъ“ надъ головами молодыхъ три раза, а дружки поютъ:

„Въ саду соловейко защебетавъ,
Ивáнко Марьéчку тá й поцилувавъ“.

Около жениха съ правой стороны (на покутти) садятся „свитылка“ и „свашки“, а „бояре“ на скамьѣ, передъ столомъ; послѣднимъ дружки поютъ:

„А въ саду соловейко гниздо вье,
Чы всимъ боярамъмисто е?
А которому немае,—
Нехай самъ соби шукае,
Старшои дружéчкы пытае;
Якъ не буде пытаты,
Буде въ порога стояты,
Золоти пидковкы ломаты,
Пидъ рукою шапочку держаты“.

Какъ только посадятся всѣ на мѣста, отецъ невѣсты начинаетъ подчивать. Женихъ и невѣста все время стоятъ и кланяются, а дружки поютъ:

„Рясна-красна калыонька въ лузи;
Гяснишый-красниший Марьечкынъ посадъ.
По виконычкамъ янголы сыдять,
Передъ столомъ батéнько частуе,
Щастемъ даруе,
Щастемъ—здоровьемъ
И умомъ добрымъ,
И викомъ довгымъ.
Угадай, Марьечко,
Чыя доля луччáя:

Чы Божая, чы батéнькова?
Божая щаслыва,
Батенькова вродлыва;
Божая та вишня,
Батенькова до часу".

* * *

„Крыкнулы лебéдушкы на води,
Заплáкала Марьечка въ теремú:
Жаль мини, мий батеньку, на тебе,
Шо оддаешъ мене молоду одъ себе;
Зостаѐцьця зеленый садъ у тебе.
Уставай же, мий батеньку, ранéнько,
Та полывай зеленый садъ частéнько:
Раньнимы и пизьнимы зорямы
И своимы дрибненькымы слезамы".

Пропѣвши нѣсколько пѣсенъ, дружки слѣдующей пѣсней напоминаютъ пріѣзжимъ „свашкамъ" и „свитылкѣ", чтобы тѣ тоже спѣли:

„Та ты душенько,
Наша Марьечко,
Чы писни спиваты,
Чы сванéчкы прохаты?
Сванечко, билое лычко,
Заспивай намъ хочъ однии
Прыйизжои весéлои писéнькы".

Если свашка и свитылка веселыя и умѣютъ пѣть то отвѣчаютъ пѣснію:

„Благословúте пáнови-сватови
Писенькы заспиваты.
У нáшого у сваточка у двори
Стояла яблуня лыбóнь дви:
На одний яблуни соловей,
На другий зузуля;
Та то жъ не соловей—Иванко,
То жъ не зузуля—Марьечка".

Если же онѣ не умѣютъ пѣть, то одна хоть на словахъ говоритъ: „Дружéчкы, мои голубóчкы! чужа сторона,—не давайты сарома (стыда): мы не вмиемъ и не смиемъ,—спивайте сами". Такихъ „свашекъ" дружки не безпокоютъ; если же свашки не бывалыя или чего-нибудь надутыя,—молчатъ и притомъ недали дружкамъ шишки, то послѣднія поютъ:

„Свашка-не липашка,
Шышокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла;
Одну злипыла
Съ зеленаго сина,
Та й ту сама ззйила".

А свитылки поютъ:

„Свитылка-шпылька при стини,
Та на ний сорочка не йи.
Прыйшла сусида, торкае:
Скыдай сорочку,—смеркае.
—Постой, сусидо, побуду,
Покы веселля отбуду".

Подобными пѣснями неопытныхъ свашекъ и свитылку друж-

ки вводятъ въ стыдъ; бываютъ же и зубастыя, оскорбившись, онѣ поютъ въ отвѣтъ:

„Щукы, дружечкы, щукы,
Брешети якъ ти сукы,
Е на мори ракы,
Брешете, якъ собакы“.

Если дружкы, сидящія рядомъ съ невѣстой за столомъ, не поютъ, стыдясь бояръ, то тѣ дружки, которыя стоятъ передъ столомъ, поютъ на ихъ счетъ:

„Дружкы муку йилы,
Тымъ и понимилы;
Ой, дайты имъ йисты
За доброи висты,
Ой, дайте имъ пыты,
Шобъ умилы говорыты“.

Тѣ, если не струсятъ, отвѣчаютъ:

„Лозы, бояре, лозы!
Рубайты занозы:
Дружокъ запрягаты
На ленóкъ ораты“.

Подобныя пѣсенныя перебранки продолжаются иногда до тѣхъ поръ, пока хозяева или старики начнутъ унимать и стыдить дружокъ, которыя тогда поютъ:

„Мыромъ мыромъ,
Перижечкы съ сыромъ,
Вареничкы въ масли,
Бояры прекрасни,—помырúмся“.

Когда отецъ, а за нимъ мать поднесутъ по рюмкѣ, тогда старшая дружка разряжаетъ невѣстѣ голову, снимая всѣ ленты, кромѣ платка и „виночка“, а другой „виночекъ“ подаетъ свашкѣ, стоящей на лежанкѣ (сестра невѣсты), которая пришиваетъ его къ жениховой шапкѣ и поетъ:

„Зятю хорошый,
Готовъ копу (15 коп.) грошей,
Та копою не одбудешъ,
Хиба мини жупанъ купышъ“.

Затѣмъ подаютъ шапку на тарелкѣ „боярину“, который три раза надѣваетъ ее на голову жениха и снимаетъ; дружко же даетъ невѣстиной сестрѣ условленныя деньги (1—2 руб. или нѣсколько коп.), шишку и „чарку горилкы“. Получивши плату, она поетъ:

„Казалы бояры,—
Зять богатый,
Та казалы бояры,—
Грошей михъ,
А винъ положывъ полушку,
Якъ на смихъ“.

Послѣ этого дружко, начинаетъ давать роднымъ невѣсты подаркы“, выговоренные на могорычѣ: матери чоботы (3 р.), сестрамъ по 3 арш. хорошей ленты (90 к.), бабѣ платокъ (1 р.), братьямъ, которые еще не получали, по 1 руб. денегъ и проч.

Получивъ отъ зятя подарки, родители невѣсты взаимно дарятъ сватовъ, что дѣлается такъ: дружко держитъ палку, а мать невѣсты вѣшаетъ на нее „подаркы“ (платки и рушники), которыя подаются на палкѣ—сначала жениху (платокъ), котораго перевязываетъ боярынъ, потомъ дружку, старостамъ, свашкамъ, свитылкѣ и въ заключеніе боярамъ—коротенькія красныя ленточки. Въ это время дружки поютъ:

„Не подывуйте боярочкы,
Шо коротенькы подарочкы:
Конопелькы маленькы,
Подарочкы коротеньки.

Повна була скрыня,
Теперъ половына:
Надибрала мате
Бояръ дарувате“.

Сваты, принимая подарки, говорятъ: „Спасыби сватови, сваси и молодий княгыни, шо рано вставала, та подаркы пряла, и насъ дарувала“. Затѣмъ женихова свашка вынимаетъ изъ мѣшка, привезеннаго отъ родителей молодого, по парѣ шишекъ, кладетъ на тарелку и подаетъ дружку, а этотъ послѣдній—свату и свахѣ, крестнымъ отцу и матери и всѣмъ ихъ роднымъ и близкимъ, и наконецъ дружкамъ; если же имъ не дадутъ, то онѣ опять поютъ, „свашка не липашка“ и проч. Потомъ дружко начинаетъ рѣзать коровай, куски котораго кладетъ на тарелку и подаетъ молодому и молодой, свату и свахѣ, крестнымъ, всѣмъ родственникамъ, старостамъ, свашкамъ, свитылкѣ и „запорожцямъ“, т. е. чужимъ, пришедшимъ посмотрѣть на свадьбу и стоящимъ за порогомъ, въ сѣняхъ; сподку, оставшуюся отъ коровая, даютъ „визныци“, т. е. ямщику, который повезетъ невѣсту. Когда дружко рѣжетъ коровай, бояре хватаютъ куски, прячутъ себѣ, даютъ дружкамъ, которыя поютъ:

„Чы не бачышъ ты, дружко,
Шо бояре коровай крадуть,
Та въ михъ, та въ кышеню—

Батьковина вечерю,
Та въ михъ, та въ рукавыци—
Дивчатамъ на вечерныци“.

Дружко продолжаетъ рѣзать, бояре же, не переставая хватаютъ, почему онъ говоритъ: „Тикайты, хлопци, рукы порижу! Прыймайты рукы,—порижу!“ Дружки продолжаютъ пѣть:

„А казалы дружко старъ, старъ,
А винъ молодесенькый,
Якъ гай зеленесенькый;
А на ему каптанъ, каптанъ

Соломою напханъ, напханъ;
Очи въ клоччи,
А зубы въ ремени,
Носъ въ попери,

Мочу́лою борода сшыта,
Обручамы голова збыта;
Лычкомъ пидперызався,
Къ короваю прыбрався".

Управившись съ короваемъ, начинаютъ опять выпивать и закусывать; и если дружко не спѣшитъ и замѣшкается, то дружки поютъ:

У синечкахъ голубонько гуде,
А въ свитлоньку голосокъ иде,
То жъ не голубонько гуде,
То жъ Иванко съ тестемъ говоре:
Ты тесте́ньку, ты мий бате́ньку,
Давай же намъ та вече́ряты:
Теперъ ничка та темне́нькая,
А доро́женька та дале́кая;
Шобъ зъ дороженькы та не зблудыты,
А Марьечки та не загубыты.
Не бийсь, затю, темнои ночи,
Даю тоби провидныче́нька,
Вороного та коныче́нька
И шабельку для охотонькы,
И Марьечку для размо́вонькы".

Потомъ дружки встаютъ изъ-за стола и старшая изъ нихъ тянетъ за собою невѣсту, которую женихъ придерживаетъ; невѣста въ это время плачетъ, а дружки поютъ:

„Прощай прощай,
Марьечко, сестро наша;
Мы не твои друже́чкы, а ты не наша;
Уже жъ мы идемо,
Мы жъ твое дивування соби беремо,
Молодого та Иванка тоби дарымо".

Идя изъ хаты, они поютъ слѣдующія пѣсни:

„Брала Марьечка ленъ, ленъ,
Выгоняла дружечекъ вонъ, вонъ;
На щобъ було браты,
Якъ насъ выгоняты
Зъ рубленои хаты?"

* * *

„Серде́нько, мыленько!
Прысунься блызенько,—
Будемъ говорыты,
Якъ на свити жыты".

* * *

„Жаль же намъ, Марьечко, тебе,
Шо зазвала насъ до себе,
А теперъ же намъ розлука зъ тобою,
Якъ зъ ридною сестрою".

* * *

„Пишло жъ твое дивуваннячко
По столамъ та й по ослонамъ,
Медъ-выно выпываючы,
Дивування вспомынаючы".

Во дворѣ онѣ поютъ:

„Сидай, Марьéчко, на возы,
Кыдай бáтьковы нарови:
Перви́ нарови—вулыця,
Други нарови—вечерницы,
А трéти нарови—куды йшла
Батькову худобу рознесла“.

Вышедши за дворъ, поютъ послѣднюю пѣсню:

„Загрибай, маты, жаръ, жаръ,
Колы тоби дочкы жаль, жаль;
Кыдай у пичъ дрóва,
Оставайсь сама здорóва“.

Разомъ съ дружками уходятъ бояре и свитылка, а около плачущей невѣсты садятся женщины-свашки и поютъ:

„О, уже жъ, ненько,
Уже не раненько;
Чомъ ты не вчышъ, ненько?
Чомъ мене не вчышъ,
Чомъ не научаешъ,
Якъ свéкорку годыты?
—Доненько моя! сама неманенька,
А будь соби розумнéнька:
Годы, доненько моя, старому и малому,
И Иванкови молодому“.

Затѣмъ подаютъ ужинъ, послѣ котораго двѣ свашки становятся на лавку и начинаютъ „покрывать молоду (этотъ обрядъ выводится): снимаютъ съ нея платокъ, смачиваютъ водкою волосы, подбираютъ ихъ по женски, надѣваютъ „очипокъ“, берутъ въ руки за концы снятый съ нея платокъ (раньше брали серпанокъ), кладутъ себѣ на голову—одна женихову шапку съ „виночкомъ“, а другая снятый съ невѣстинаго платка „виночекъ“, начинаютъ махать надъ головою невѣсты платкомъ и поютъ:

„Покрыванка плаче,
Покрывацьця хоче,
Не такъ покрывацьця,
Якъ поцилувацьця“.

Въ это время свашки цѣлуются, перемѣняются шапкой и вѣночкомъ и опять также продолжаютъ до трехъ разъ; послѣ чего этотъ платокъ сворачиваютъ, какъ нужно обвязываютъ имъ „очипокъ“ на головѣ невѣсты, которая все время плачетъ, съ съ правой стороны прикалываютъ виночекъ и говорятъ:

„Мы такъ зробылы,
Якъ самы схотилы:
Съ кныша паляныцю,
Зъ дивчыны молодыцю.
За цю висть
Чарокъ шисть,
А съ шесты
Хочъ по одній пиднесты“.

По окончаніи „покрывання“ дружко проситъ у старостивъ благословенія „вывесты дитей изъ за стола, Богу помолыцьця, отцю—нéньци въ ногы поклоныцьця“, и, получивъ таковое, выводитъ молодыхъ и ставитъ среди хаты. Около стола становятся отецъ съ иконой Божіей Матери и мать съ хлѣбомъ;

молодые кланяются три раза отцу, цѣлуютъ икону и его, потомъ—матери, получившей икону, также кланяются и цѣлуютъ. Затѣмъ отецъ, отдавъ дочери икону, а зятю два хлѣба, говоритъ: „Наты, диты, хлибъ—силь, дбайты и майты, до цёго хлиба прыбавляйты. Слухайты батька й матери, и добрыхъ людей; другъ друга любить и почытайты". Выслушавъ наставленіе, молодые, въ сопровожденіи пріѣхавшихъ сестры или родственницы невѣсты, называемой „прыданкою", выходятъ изъ хаты и садятся въ тарантасы и на лошадей, а бояре выносятъ невѣстино приданое: сундукъ, одежу, двѣ подушки и проч. Невѣста, слѣзши на тарантасъ, крестится на всѣ четыре стороны и стоитъ съ иконой, а около нея садятся свашки и „свитылка". Дружко же, взявъ за поводъ коня, обводитъ жениха вокругъ тарантаса три раза; женихъ каждый разъ бьетъ свою невѣсту плетью, причемъ достается иногда свашкамъ и свитылкѣ; послѣ третьяго раза невѣста крестится и садится въ срединѣ между свашками. Женихъ и бояре, сидя верхомъ на лошадяхъ, обнажаютъ головы, крестятся и такъ выѣзжаютъ на улицу, гдѣ опять крестятся, надѣваютъ шапки и ѣдутъ впередъ, а за ними невѣста и свашки, которыя поютъ:

„Кони, кони—ведмéди,
Чы надиетесь на сылу,
Чы довызете княгыню
Черезъ тýю гирочку крутую,
Та въ тую свитлóньку новую?
А въ тий свитлóнци медъ-выно пьють,
Тамъ тебе, Марьечко, давно ждуть".

* * *

„Помалу, бояры, помалу!
Та не выломить тернины,
Та не выпустить звирыны.
Мы свои коныченькы пото-мылы,
Покы цю звирыну уловылы".

Проводивъ поѣздъ, родители невѣсты и оставшіеся гости входятъ въ хату. Мать невѣсты плачетъ, старыя бабы поютъ:

„Пожалуйте вы мене, мои сусидочкы,
Шо нема у мене теперъ дочкы:
Та никому мини хаты топыты
И воды носыты, и на ричку ходыты".

Послѣ этой пѣсни пьютъ водку, ужинаютъ и расходятся по домамъ, получивъ приглашеніе хозяина приходить на другой день. Въ это время (ночью) поѣздъ ѣдетъ къ церкви, объѣзжаетъ ее одинъ разъ (всѣ поѣзжане крестятся на всѣхъ четырехъ

сторонахъ церкви) и ѣдетъ домой. Подъ ѣзжая къ двору жениха, свашки поютъ:

„Одчыняй, батéньку, новый двиръ,
Йиде до тебе сынокъ твий
Изъ молодою жонóю,
Буде тоби до вику слугою;
Буде тоби до вику служыты,
Шобъ у тебе чéстоньки зажыты“.

Заслышавши приближеніе поѣзда, гости разводятъ на воротахъ огонь, будто бы очищающій отъ всякихъ чаръ и заговоровъ; поѣздъ переѣзжаетъ черезъ него и останавливается около порога, гдѣ собравшіяся „дивчата“ поютъ:

„Десь нерада маты,
Шо не выйде съ хаты
Оглядúть дытяты.
Выйды жъ ты, матинко, огляды,
Шось тоби бояры прывезлы.
Прывезлы скрыню, пырыну
И молодую княгыню“.

Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ на дворѣ съ хлѣбомъ-солью и вводятъ ихъ въ хату. Женихъ кладетъ привезенный хлѣбъ на столъ, а невѣста отдаетъ „благословення“ (икону), обернутое рушникомъ, свекру, который беретъ, цѣлуетъ и ставитъ на „покути“. Заводятъ молодыхъ за столъ, даютъ по рюмкѣ, и закусываютъ пирожками; послѣ чего дружко и свашки ведутъ молодыхъ къ сосѣдямъ спать, гдѣ невѣста по обычаю должна раззуть жениха. Гости еще нѣсколько выпьютъ и закусятъ, а потомъ расходятся по домамъ до слѣдующаго дня. Ночью дружко извѣщаетъ родителей невѣсты о ея цѣломудріи, которые весьма радуются этому. На другой день (въ понедѣльникъ) гости начинаютъ собираться чуть свѣтъ и говорятъ: „Спасыби за вчерашне, а сегодня дайты“, и начинаютъ похмѣляться. Собираясь и здороваясь, они обязательно цѣлуются. Собравшіяся женщины поютъ „свекруси“:

„Невúсточка-перемúночка,
Перемины мое дúлечко:
Хату топы, воду носы
И на ричку ходы“.

Невѣста, вставши въ этотъ день, вѣшаетъ къ иконамъ свои „рушники“, застилаетъ столъ своею скатертью, даетъ утиральникъ и проч. Когда всѣ гости порядочно подгуляютъ и закусятъ медомъ и другими кушаньями, тогда они берутъ красный флагъ на шестѣ, „водку, закуски, большую шишку отцу невѣсты, украшенную калиной, и съ музыкой ведутъ новобрачныхъ „снидать“ (завтракать) къ родителямъ невѣсты. Пришедши сюда, они выпиваютъ, рѣжутъ „леженъ“, ѣдятъ его

съ медомъ и затѣмъ просятъ родителей и всѣхъ ихъ гостей къ себѣ, говоря: „Мылосты просымъ въ отецкій домъ,—не выбборно, а всихъ покорно". Это называется „перезвою". Затѣмъ новобрачные съ гостями возвращаются домой раньше, а тесть и теща съ своими гостями приходятъ послѣ. Какъ только возвратятся молодые, мать жениха начинаетъ давать „подарки" (платки и платочки), вѣшая ихъ на палку дружкову, который подаетъ и кричитъ—такому-то! Обдаривши всѣхъ подарками, начинаютъ подчивать водкой, наливая по двѣ рюмки и подноcя попарно—сначала родителямъ, потомъ крестнымъ жениха, близкимъ роднымъ и гостямъ. Новобрачные всѣмъ кланяются въ ноги, прося ихъ выпить; тѣ пробуютъ напитокъ, поднося его къ губамъ, и говорятъ: „гирко", чѣмъ заставляютъ молодыхъ цѣловаться. Отецъ жениха, даря дѣтей, говоритъ: „Дарую васъ, диты, щастемъ—здоровьемъ, умомъ добрымъ и викомъ довгымъ. Шо въ мене е, то й ваше. Не забувайты батька й матери; почытайте недилли, празныкы, посныи дни и старыхъ людей". Мать же говоритъ такъ: „Дарую я васъ, диты, щастемъ—здоровьемъ, а тоби, дочко, рогачъ та кочергу". Когда свои обдарятъ, приходятъ родители невѣсты съ гостями, начинаютъ и тѣ дарить; родители дарятъ новобрачнымъ пару воловъ, корову или телицу, а гости, какъ тѣ, такъ и другіе, дарятъ: мужчины—овцу, ягненка, мѣшокъ пшеницы или по 1 р. денегъ, а женщины—полотна или ситцу на сорочку или на рукава, причемъ всѣ мужчины и женщины кладутъ на тарелку по мѣдной монетѣ, говоря: „Дарую васъ щастемъ—здоровьемъ и червонцемъ". По окончаніи „даровъ" пьютъ, ѣдятъ, поютъ, танцуютъ, бьютъ горшки и другую посуду, послѣ чего расходятся по домамъ. Во вторникъ приходятъ „похмыляцьця", купаютъ свекруху и выводятъ ее на улицу, чтобы потанцевала. Купаютъ такъ: кладутъ ее въ рядно, выносятъ во дворъ, обливаютъ водою и надѣваютъ на нее невѣстино платье и все ея украшеніе. Въ среду дѣлаютъ „складку", что называется „съ носа по грошу" и производятъ „зазовыны", т. е. ходятъ по приглашенію къ сватамъ, дружку, свашкамъ и другимъ; это продолжается и въ четвергъ, а кое-гдѣ и въ пятницу, чѣмъ и кончается свадьба.

Подсчитаемъ теперь **свадебные расходы,** начнемъ съ расходовъ со стороны жениха. На могоричѣ во время сватовства пьютъ женихову водку и еще выговариваютъ съ него за невѣсту: 1—2 ведра водки (10 р.), мѣшокъ пшеничной муки (3 р.) и деньгами, смотря по состоянію сватающихся, отъ 5 до 100 р.; кромѣ того выговариваютъ подарки, которые даются на свадьбѣ: матери красные „чоботы“ или деньгами 3 р., братьямъ деньгами, что называется „на коня“, отъ 50 коп. до 1 руб. каждому, сестрамъ, смотря по ихъ возрасту, по 3 арш. хорошей ленты, по платку или деньгами, отъ 50 к. до 2 р. каждой и тремъ „сторожамъ“ по 5 к. каждому. Въ понедѣльникъ во время „даровъ“ родственникамъ своимъ даютъ рублевые платки и дороже, а гостямъ — платочки по 15 или 20 коп. Водки и вина, смотря по богатству хозяина и количеству гостей, выходитъ: на могоричѣ и сватаньѣ отъ 1 до 5 вед., а на „пидвесилку“ и свадьбѣ до конца ея—отъ 3 до 15 и болѣе ведеръ. Муки пшеничной расходуется за всѣ свадебныя гулянья отъ 5 до 15 пуд.; изъ мясного рѣжутъ на богатой свадьбѣ до 5 шт. овецъ, кабана и разной домашней птицы до 20 шт. Музыкантамъ платятъ за свадьбу отъ 5 до 10 р., но они не на всякой свадьбѣ бываютъ. Лошади на свадьбѣ бываютъ свои, т. е. собранныя у родственниковъ, на кормъ которыхъ выходитъ хозяйскаго сѣна руб. на 10; одна же тройка нанимается подъ „молоду“ за 3 руб. Подводя общій выводъ расходовъ на свадьбѣ средняго достатка, включивъ сюда и тѣ расходы, о которыхъ выше не было сказано, получимъ:

1) За вѣнчаніе, вѣнцы и свѣчи и т. п. . . . . 15 р.
2) Средняя плата родителямъ за невѣсту . . . . . 20 „
3) Свадебныхъ подарковъ родителямъ и родственникамъ невѣсты . . . . . 8 „
4) Разнаго хлѣба за всю свадьбу . . . . . 10 „
5) Разнаго мясного, сала, масла и т. п. . . . . 20 „
6) Водки, вина, браги, меду и проч. . . . . 50 „
7) Подарковъ, даваемыхъ въ понедѣльникъ родственникамъ и гостямъ . . . . . 10 „
8) Музыкантамъ, за лошадей и на сѣно сборнымъ лошадямъ . . . . . 17 „

Всего 150 руб. Этотъ расходъ средней крестьянской свадьбы кажется большимъ; но онъ уменьшается тѣмъ, что въ понедѣльникъ гости всегда возвращаютъ половину расходовъ сдариваніемъ хлѣба, овецъ, ягнятъ, телятъ, денегъ и проч.

Свадебные расходы со стороны невѣсты гораздо меньше расходовъ жениха, если не считать ея приданаго, состоящаго, какъ уже сказано изъ сундука (4 р.), двухъ подушекъ (6 р.), трехъ кожуховъ (25 р.), двухъ свитъ (8 р.), пальто (10 р.), двухъ паръ „чобитъ" (5 р.) и прочей мелочи (около 20 р.), а также коровы (20 р.), которую въ понедѣльникъ даритъ отецъ своей дочкѣ. Вотъ общій приблизительный выводъ расходовъ на свадьбѣ невѣсты тоже средняго достатка:

1) Разныхъ подарковъ во время могорича, сватанья и свадьбы . . . . . 6 р.
2) Разнаго хлѣба за сватанье, подвесилокъ и свадьбу. 6 „
3) Разнаго мясного, сала, масла и проч. . . . . 15 „
4) Водки, вина, браги, меду и проч. . . . . 20 „
5) Сѣна на кормъ лошадямъ за все время сватовства и свадьбы . . . . . 7 „

Всего 54 р. Итого съ обѣихъ сторонъ 204 руб.

Пословицы и поговорки, относящіяся къ свадьбѣ и женитьбѣ: „Свайба сорочку найде. Женыцьця не напасть, та якъ бы, ожынывшысь, не пропасть. Хто рано женыцьця,—николы не каецьця. Винъ тоди буде женыцьця, якъ бугаи начнуть телыцьця. Суженого конемъ не объидешъ. Якый йихавъ, таку й встривъ. Есть каятьтя́, та нема воротьтя́. Невиста безъ миста, а женыхъ безъ ума. Зъ Богомъ, Параско, колы люды тра́пылысь (нашлысь). Хочъ за старця, абы не остацьця. Де не ходывъ, а чарочку заробывъ".

Похоронные обряды, причитанія и поминки. Когда человѣкъ умираетъ, то съ нимъ прощаются всѣ члены семейства; если умираютъ родители, дѣти просятъ у нихъ благословенія себѣ на самостоятельную жизнь, а если кто изъ дѣтей умираетъ, то родители снимаютъ со стѣнки икону, проводятъ ею крестообразно надъ кончающимся и говорятъ: „Господь тоби, дытя, благословыть и я благословлю на вишне жытія". Такъ какъ, по народной вѣрѣ, на постели и въ особенности на „по-

душкахъ“ трудно умирать, то кончающагося снимаютъ съ постели и кладутъ на „доливку“ (земляной полъ), подостлавъ подъ него „рядно“ или что нибудь изъ платья, а въ руки даютъ „страшну свичку“. Какъ только скончается человѣкъ, зовутъ сосѣдей и съ помощью ихъ обмываютъ умершаго, расчесываютъ, надѣваютъ на него чистое платье, крестикъ на шею и слабенько подвязываютъ ленточкой изъ какой нибудь матеріи, а на ноги надѣваютъ чулки. Затѣмъ взрослыхъ кладутъ на „лавѣ“ (скамейкѣ), а малыхъ на столѣ; складываютъ имъ руки, связываютъ ноги, чтобы не расходились, закрываютъ глаза и ротъ, для чего нерѣдко подвязываютъ подбородокъ платочкомъ. Съ правой стороны, подъ поясъ, покойнику „пидтыкаютъ хустку“, въ которую увязываютъ мѣдную монету (1, 2 или 3 к.), „шобъ було чымъ откупыцьця на тимъ свити, якъ ходытыме душа по мытарствамъ“; все тѣло до рукъ покрывается „серпанкомъ“ (кисеею); въ лѣвую руку даютъ восковой крестикъ, а правая, лежащая на лѣвой, остается свободной, потому „шо нею прыйдецьця хрестыцьця“; на голову же надѣваютъ вѣнчикъ, въ который цѣлуютъ родственники и знакомые, приходящіе проститься съ умершимъ и приносящіе при этомъ въ даръ ему ладонъ, хлѣбъ, деньги и полотно. Кромѣ вышесказаннаго убранства, женщинамъ надѣваютъ на голову „очипокъ“, а если его нѣтъ, обвязываютъ голову платкомъ, сверхъ которыхъ повязываютъ вѣнчальнымъ (если онъ есть) или купленнымъ для этого „серпанкомъ“; дѣвушкамъ же повязываютъ голову шелковымъ или другимъ хорошимъ платкомъ, убираютъ ее вѣнками изъ разныхъ ленточекъ и „пидпиризуютъ рушникомъ“ безрукавую юпку или обыкновенную кофту; ихъ надѣваютъ и на умершихъ женщинъ. Послѣ этого, если есть въ домѣ зеркало, оборачиваютъ его стекломъ къ стѣнѣ, или закрываютъ его чѣмъ-нибудь; вѣшаютъ на стѣнѣ, около иконъ, одинъ рушникъ, на которомъ душа умершаго въ продолженіи шести недѣль садится, когда прилетаетъ въ свой домъ, и ставятъ въ головахъ покойника чашечку съ медомъ, къ которой лѣпятъ зажженную свѣчу. Эта чашечка стоитъ на окнѣ или около иконъ 6 недѣль; утромъ и вечеромъ зажигается около нея свѣча, потому что въ это время душа умершаго прилетаетъ и „йисть медокъ изъ неи“.

Убравши покойника, распускаютъ ладонъ, зажигаютъ лампаду и свѣчи около иконъ и молятся всѣ, находящіеся здѣсь, за упокой новопреставленной души. Затѣмъ извѣщаютъ о смерти священника, который назначаетъ время погребенія, и церковнаго сторожа, чтобы онъ прозвонилъ по умершему; приглашаютъ „чернычку", а въ рѣдкихъ случаяхъ псаломщика, читать по покойнику псалтирь, что къ сожалѣнію не всегда дѣлается, и зовутъ сосѣдей дѣлать „доломыну" (гробъ) и рыть „яму" (могилу).

Во время пищи въ домѣ, закрываютъ лицо покойника „серпанкомъ". Если умершій „дывыцьця однымъ окомъ", то въ этомъ семействѣ будетъ еще одинъ покойникъ, если обоими,—будетъ два, а если, кромѣ этого, все тѣло мертвеца мягкое, руки расходятся и не держатся на своемъ мѣстѣ, то въ этомъ домѣ многіе поумираютъ.

До погребенія надъ покойникомъ читаютъ псалтирь, если есть кому читать, плачутъ и тужатъ родственники, а также поютъ бабы слѣдующую „псальму":

„Господи Боже мий, Царю!
Прыймы одъ мене писнь сию:
Взойду-жъ я на гору высокую,
Та гляну въ долыну глыбокую;
Тамъ увыжу я свий вышний гробъ.
Гробе мий, гробе, предвышній доме!
Шо стины,—то сусиды мои,
А червія,—то друзья мои,
А сыпучий писокъ,—то постеля моя,
А сыра земля,—то маты моя.
Прыймы-жъ мене, яко чадо Твое,
На вышне жытія".

Когда сдѣлаютъ „доломыну", кладутъ въ нее, гдѣ будетъ лежать голова покойника, древесныя стружки, васильки (они негніющіе) и подушечку съ нашитыми по угламъ и посрединѣ крестиками, набитую тоже васильками. Затѣмъ окропляютъ „доломыну" святой водой, накуриваютъ ладономъ и застилаютъ полотномъ; послѣ чего кладутъ туда умершаго, покрываютъ его „покрывцемъ" (холстомъ) и закрываютъ крышкой, на которую кладутъ для духовныхъ три „покрывця", два „правиднычкы" (свѣчи) съ платочками и еще одинъ платокъ подъ евангеліе. По бѣдности можно ограничиться и однимъ „покрывцемъ", положеннымъ на „доломыну", но вовсе безъ нихъ нельзя хоронить. Одна женщина, когда хоронила своихъ дѣтей, по скупости не

положила „покрывцивъ“, говоря: „це все лышне: выдумалы духовни бля своеи нажывы“. И что же? Каждую ночь стало ей сниться, что приходятъ къ ней умершія дѣти и говорятъ подъ окно: „Мамо, мамо! чомъ ты не дала, чого намъ треба“? Дошло до того, что женщина не могла уже и спать, и только тогда прекратились сновидѣнія, когда она, по совѣту людей, наняла читать по своемъ дѣтямъ псалтирь и раздала „покрывци“ на погребеніе чужихъ дѣтей.

Какъ только покойника вынесутъ изъ хаты, сейчасъ же кто нибудь сыпетъ жито (и теренъ) на столъ и на лавки, „шобъ жывымъ гожо (хорошо) жылось“, а когда вынесутъ изъ двора, то затворяютъ ворота и завязываютъ ихъ поясомъ, „шобъ хвороба не вернулась и мертвець не ходывъ“.—Хозяева, мимо которыхъ несутъ покойника, тоже „зачыняютъ ворота и хвиртку (калитку), шобъ хвороба не ввалылась“. Черезъ дворъ, огородъ и садъ хозяева не позволяютъ нести умершаго, потому что отъ этого „садокъ омертвіе и не буде родыты: тоди хочъ вырубай ёго“.—Если „молодій княгынѣ“ (невѣстѣ) перейдутъ дорогу съ покойникомъ, то „не буде ий щастя и доли въ замужестви“.

Провожая на вѣчное житіе своихъ родителей, мужчины всегда плачутъ тихо, а женщины по большей части громко тужатъ и причитываютъ такъ: „Моя ненько, моя жъ ридненько! Моя зузуленька сывесенька, моя правдонька вирнесенька! Та зузуленька въ саду та раненько куе, а моя жъ ненька въ доми та порядки дае“.—„Мій таточку, мій риднесенькій! Мій соловейко сывесенькій! Соловейко въ саду та раненько встае, а батенько въ доми та порядки дае“. — „Хто жъ насъ буде въ гостоньки ждаты, та хто жъ насъ буде встричаты, хто-жъ намъ буде вориточки одчиняты, та хто-жъ насъ буде витаты (угощать, привѣтать), хто-жъ насъ буде провожаты, та хто-жъ намъ буде правдоньку казаты? Мы-жъ съ тобою, моя ненько, якъ побалакаемъ, такъ якъ у скрыню положымъ. Та теперь же, моя ненько, позаростають стежкы и дорожкы, куды мы въ гостонькы ходылы, та куды мы правдоньку носылы. Та будемъ мы ту травку прогортаты, та будемъ, моя ненько, слидочка твого шукаты, та будемъ зузуленькы пытаты: ты

зузуленько рябесенька, чы не бачыла, де-жъ моя нéнька ридненька? Та ты-жъ далеко литаешь, та ты-жъ багато дыва выдаешь, та чы не бачыла моей ненькы ридненькы?—Та якый же далекый и край! Та видтиль и поклóны нейдуть и письмá не шлють. Мий братику (или: „моя сестрыця“, если кто изъ нихъ отсутствуетъ), мий риднесенькый! та мий голубчыку сывесенькый! Та прылынь же ты та сывымъ голубомъ, та выпроводымъ свою неньку ридненьку, та въ далеку стороньку!“ Говорятъ, что „якъ хто дуже убываецьця и туже за мертвымъ, такъ треба взять земли зъ ёго ямы и положыть ему за комирь: отъ цёго, якъ рукамы зниме, перестане плакать и убываецьця“. За дѣтьми говорятъ грѣхъ плакать. „Якъ мате плаче за дитьмы, такъ ныначе корова реве́, а якъ диты плачуть, такъ ныначе зузуленька куе“. Перваго умершаго ребенка мать не должна провожать на кладбище, а также не слѣдуетъ ей обмывать и убирать своихъ дѣтей, а отцу нельзя дѣлать „доломыну“ и копать „яму“, „шобъ диты не мерлы“.

Возвратившись съ кладбища, начинаютъ поминать новопреставленнаго раба Божія, говоря при этомъ его имя. Сначала поминаютъ „кануномъ“, который берутъ ложкой три раза, а затѣмъ ѣдятъ пироги, лапшу, борщъ и узваръ или горохъ. Передъ пирогами подносятъ по рюмкѣ водки, а въ достаточныхъ домахъ и по двѣ. Рабочимъ даютъ за труды по платочку или по кусочку полотна, а если стараго человѣка опускаютъ въ яму на полотнѣ, то они получаютъ это полотно себѣ за трудъ. Этимъ и заканчиваются первыя поминки умершаго, за которыми у богатыхъ и набожныхъ людей слѣдуютъ подобныя въ 3, 9, 20 и 40 день, а также въ полгода и въ годъ смерти покойника. Нѣкоторые нанимаютъ сорокоусты служить въ церкви и читать псалтирь 40 дней. Бѣдняки же въ упомянутые дни или вовсе не поминаютъ, или поминаютъ только тѣмъ, что раздаютъ нѣсколько кусковъ хлѣба нищей братіи и служатъ въ 40 дней панихиду.

Пословицы и поговорки: „Нехай умыраютъ, та й насъ дожидаютъ. Нехай мруть, та й намъ дорожку труть; а мы сухарыкивъ насушымъ, та й соби туды рушымъ. Мертвого одъ гроба не несуть. Мертвый живого заставыть. Одъ смерти и въ пичи не замажышься. Говорыла покойныця до самои смерты. Якъ не

хворала, а хорошо вмерла. Сюды-туды верть,—въ черыпочку смерть. Якъ козынячый кужухъ та осыкови дрова, такъ неначе й смерть готова. Шо то за похороны, шо не плачуть, и шо то за свайба, шо не спивають? Писля смерты нема покаяння. Его тилько за смертю посылать".

Гл. 2-я.

Этнографическій календарь.—Постоянные праздники и соединенные съ ними повѣрья, обряды и пѣсни.—Масляница, великій постъ, пасха.—Дни недѣли.—Примѣты о погодѣ.—Писанки.—Земледѣльческіе обряды, пословицы, пѣсни и разсказы.—Хлѣбъ.—Игры малолѣтнихъ и взрослыхъ.—Музыка.—Народныя бѣдствія: холера, падежъ скота, пожаръ и др.—Торговые обычаи и примѣты.—Народная демонологія: вѣдьма, вѣдьмичъ, вовкулака, колдунъ, доля, русалка, домовой, злой духъ и разсказы про нихъ.—Народная зоологія: животные, птицы, гады и насѣкомыя,—пословицы и загадки.—Народная ботаника: деревья, хлѣбныя и огороднія растенія, травы и цвѣты.—Народная поэзія: сказки, пѣсни, поговорки, загадки.—Причарованіе.—Малороссы, великороссы и цыгане.

Этнографическій календарь. — *Январь.* 1-го „Новый годъ, пра́зныкъ Васы́лія". Подъ этотъ день молодежь гадаетъ. Парубокъ или дѣвка беретъ подъ мышку пирогъ или паляницу, выходитъ на дворъ, становится около передняго угла и слушаетъ: въ какой сторонѣ впервые услышитъ лай собаки, крикъ, разговоръ или другой какой звукъ, оттуда придется взять жену или выйти туда замужъ. Выходятъ на дорогу, снимаютъ сапогъ или башмакъ и бросаютъ черезъ голову: куда онъ упадетъ носкомъ, въ той сторонѣ живетъ будущая жена или мужъ. Считаютъ тридевять кольевъ въ плетнѣ: если послѣдній колъ припадетъ съ корою, будетъ жизнь богата, а если безъ коры—бѣдна. Берутъ съ „си́дала" курицу, какая попадется, вносятъ въ хату, гдѣ ставятъ воду и сыпятъ зерно. Если курица начнетъ пить воду,—будетъ мужъ пьяница, а если будетъ клевать зерно,—будетъ „хлиборо́бъ". Ложась спать, кладутъ въ одинъ сапогъ кусокъ хлѣба, а въ другой кусокъ „печы́ны". Если на другой день, во время обуванія, первымъ попадется сапогъ съ хлѣбомъ, то обладателю его долго жить, а если съ „печы́ною", то онъ умретъ въ томъ-же году. Въ день Новаго года стараются пораньше встать и пойти въ церковь, „шобъ увесь годъ рано вставать и ходыть до це́рквы". Народъ вѣритъ,—чѣмъ займешься въ этотъ день, тѣмъ будешь заниматься и цѣлый годъ.

Постели подъ этотъ день не стелятъ, „шобъ не прывыкать мя́ко спать“. Утромъ мальчики ходятъ посыпать, желая урожая въ новомъ году. Набираютъ въ торбочку или въ рукавицу разнаго зерна (пшеницы, ячменя, жита, гороху, проса и проч.), входятъ въ хату, останавливаются около порога, бросаютъ зерно въ передній уголъ и говорятъ: „На щастя, на здоровья, роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю! Съ праздникомъ будьте здорови, зъ Новы́мъ годомъ, та зъ Васы́ллямъ“. При этомъ нѣкоторые хозяева заставляютъ посыпальника садиться на лавкѣ или на порогѣ и „квоктать“, „шобъ булы курчата ранни“, а другіе просятъ посы́пать садъ, „шобъ плоды уродылысь“; молодежь же спрашиваетъ перваго посыпальника, какъ его имя, вѣря, что это имя будетъ именемъ будущаго супруга. Есть такіе хозяева, которые во время посыпанья садятся на покути и держатъ руки вверхъ ладонями: сколько зеренъ жита попадется на ладони, столько лѣтъ жить загадывающему. За посыпанье мальчики получаютъ отъ хозяевъ деньги, пряники, конфекты, пирожки или хлѣбъ. Зерна, оставшіяся послѣ посыпальниковъ, собираютъ и даютъ домашней птицѣ, „шобъ раньше начала нестысь. Нѣкоторыя хозяйки въ продолженіи святокъ собираютъ „смиття“ (соръ) подъ припечекъ, а на Новый годъ подкуриваютъ этимъ соромъ деревья въ саду „шобъ черва́ не завбдылась. Женскому полу рано на Новый годъ „не годыцьця“ ходыть въ чужіе дома: къ кому въ этотъ день впервые придетъ женщина (а не мужчина), у того будетъ несчастье въ новомъ году. На Новый годъ въ продолженіи обѣда молодымъ людямъ нельзя выпускать изъ рукъ ложки, т. е. класть ее на столъ, „ато черезъ це пастухъ литомъ потиряе палку, чоловикъ—вылы, а жинка грабли“.

5-го „Голодный святъ-вечиръ“, „голодна кутя“. Въ этотъ день строго воспрещается кому бы то ни было ѣсть до освященія воды. Хозяйки съ утра приготовляютъ кушанья: „кутю“ изъ пшеничныхъ зеренъ, „озваръ“ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, вишенъ и терну, „густу́ капусту зъ оліею“ (масломъ) и пироги съ горохомъ, фасолью или чечевицей. „Кутя и озваръ“ ставятся на „по́кути“, на сѣно, которое не прибирается со времени „богатой кути“. Изъ этого сѣна дѣлаются крестики, которые

ставятся въ узваръ и втыкаются въ кутью. Кто-нибудь изъ хозяевъ идетъ въ церковь, затѣмъ на водосвятіе, откуда приноситъ въ ведрѣ или въ кувшинѣ освященную воду, которую прежде всего („непочатую") наливаютъ въ бутылки для храненія на цѣлый годъ, употребляя ее отъ разныхъ болѣзней, затѣмъ пьютъ освященную воду, наливаютъ въ миску или тарелку, берутъ кропило изъ васильковъ и начинаютъ окроплять и домъ, и дворъ, и скотъ, и всѣ хозяйственныя принадлежности. Въ это же время кто-нибудь съ пирогомъ въ рукахъ пишетъ кресты на всѣхъ домашнихъ предметахъ, начиная съ „кути"; причемъ онъ кусаетъ пирогъ, по пословицѣ: „хрестъ пысну́ и пирúгъ кусну́". Мѣлъ, которымъ пишутъ кресты, хранятъ и употребляютъ отъ „за́гы" (изжоги). Написавъ кресты и все окропивъ св. водою, зажигаютъ лампаду и свѣчи предъ иконами, молятся Богу и садятся за столъ. Главный хозяинъ беретъ паляницу, обращается къ окну и три раза „клыче мороза вечерять", говоря: „Морозе, морозе! иды до насъ вечерять, та не поморозь намъ ни людей, ни скотыны, ни хлиба, ни травы, ни овощи"! Послѣ этого начинаютъ вечерять, кушая сначала пироги, потомъ капусту, кутью съ медомъ и узваръ. Кутьи и узвара понемногу оставляютъ на другой день. Въ миску, гдѣ была кутья, кладутъ ложки всѣхъ вечерявшихъ вверхъ выпуклостью, накрываютъ цѣлымъ хлѣбомъ и оставляютъ на ночь на „по́кути" или на столѣ. Чья ложка окажется на другой день перевернувшеюся, тотъ скорѣе умретъ. По окончаніи вечери старики говорятъ молодежи: „а ну, хлопци, беритъ макогóны, та прогоняйте кутю". Мальчики берутъ „качалки, кійки" или палки, идутъ къ воротамъ и, ударяя въ нихъ по нѣсколько разъ, говорятъ: „геть, кутя, съ покутя, а озваръ на базаръ!" — Послѣ вечери не позволяется „чма́кать ро́томъ", т. е. что-либо ѣсть и даже брать въ ротъ, „шобъ ниш̆о погане не зайшло въ двиръ". Въ этотъ же „святъ-вечиръ" снимаютъ съ кути пригорѣвшій вершокъ и на Крещеніе, какъ только освятятъ воду и выстрѣлятъ изъ ружья, спѣшатъ сыпать его курамъ, „шобъ скоришъ неслысь".

6-го „Хреще́ння". Въ сл. Никольской, за неимѣніемъ рѣки и озеръ, освящаютъ воду въ колодезѣ. Во время погруженія

въ воду креста, кто нибудь выпускаетъ изъ рукъ принесеннаго голубя, и стрѣляютъ изъ ружей, „шобъ вовкы не бигалы гуртамы". Богатые люди стараются пріобрѣсти часть той палочки, которая лежала на кадушкѣ, подъ крестомъ. Они втыкаютъ ее гдѣ нибудь въ „стриху хлива, шобъ воры боялысь"; вѣрятъ, что, кто это сдѣлаетъ, того воры не могутъ обокрасть, такъ какъ на нихъ нападаетъ великій страхъ; пасѣчники же дѣлаютъ изъ нея „бигунци́", т. е. лавочки въ ульяхъ, „шобъ бджо́лы не втикалы изъ пасики". Въ этотъ день также берутъ освященную воду, окропляютъ ею домъ и прочія постройки, пьютъ натощакъ и затѣмъ молятся Богу и садятся обѣдать. Обѣдъ начинается кутьей и узваромъ, послѣ чего ѣдятъ скоромную пищу. Сѣно, бывшее подъ кутьею и узваромъ, даютъ скоту, а часть его оставляютъ и кладутъ въ гнѣздо подъ птицу, „шобъ лучче сыдила и щобъ яйця не портылысь". Въ этотъ день катается молодежь, а въ особенности засватанные женихъ и невѣста. Духовные ходятъ съ крестомъ по домамъ, причемъ пишутъ мѣломъ на дверяхъ „Орданскій хрестъ", который по уходѣ ихъ сейчасъ же затирается, „шобъ птыця неслась".

7-го „Ивана Хрыстытеля". Этотъ послѣдній день святокъ празднуется народомъ.

8-го „Ризвяный день". Этотъ день большинство празднуетъ, заканчивая святки, а нѣкоторые работаютъ; женщины начинаютъ прясть, почему и сложилась поговорка: „Тикъ и прыти́къ и почы́нокъ прыволикъ".

30-го „Трехъ святы́теливъ". Въ этотъ день не работаютъ.

Февраль. Январь считается народомъ за отца, а февраль за сына, который говоритъ: „Якъ-бы́ у мене була така сыла, якъ у батька, такъ я бъ быку-третяку ригъ ссады́въ".

2-го „Стричення". „Зима зъ литомъ стричаецьця.—На Стричення пивень коло порога якъ напьецьця, такъ на Явдошку (1 марта) и вилъ на дорози напьецьця. На стричення дорогу якъ перемете, такъ до Велыкодня колякы замете".—Ночью подъ Стрѣтеніе старшій изъ мужчинъ беретъ посуду и молча идетъ къ колодцу за „стри́ченской водой". Пришедши туда, онъ говоритъ: „Здоровъ, колодязь Романе, и вода Оля́но и ты, земля Тытяно! Дай мини, Романе, воды одъ уся́кои быды".

Набравъ воды, онъ, не оглядываясь, идетъ домой, гдѣ его должна на обоихъ порогахъ встрѣчать женщина, съ иконой и кружкой, въ которую набираетъ воды и говоритъ: „Господы Исусе Хрысте, Сыне Божый. Господы, благословы"; приэтомъ она принесшаго воду слегка бьетъ по головѣ иконой и затѣмъ накрываетъ ею сосудъ. Изъ кружки выливаютъ воду въ бутылки, хранятъ въ продолженіи года и употребляютъ отъ разныхъ болѣзней, а въ особенности лѣчатъ ею людей и скотъ „зглазъ". Утромъ оставшуюся воду даютъ птицѣ и скоту, „шобъ лучче плодылысь".

11-го Власія. Святый Власій считается покровителемъ рогатого скота, почему въ этотъ день большинство не работаетъ, а женщины не прядутъ и молятся св. Власію „шобъ коровы булы ласка́ви, шобъ телята не булы ласи (до молока), шобъ благополучно телылысь и шобъ черва не заводылась у скотыны". Нѣкоторыя женщины въ этотъ день гуляютъ и пьютъ водку.

29-го Касьяна, „Высокосъ-годъ". Народъ раздѣляетъ высокосные годы на „простые высокосные" и „настоящій высокосъ-годъ", который бываетъ черезъ 15 лѣтъ на 16-й. Въ настоящій высокосъ-годъ Касьянъ передъ своимъ праздникомъ лежитъ ничкомъ; въ праздникъ же, приподнявшись, смотритъ, и что ему первое придется увидѣть, на то въ этомъ году будетъ несчастье: если увидитъ человѣка,—будетъ болѣзнь и моръ на людей, если—скотину, будетъ падежъ на скотъ, если—поля, то будетъ неурожай и т. п.

Мартъ. 1-го „Явдошкы" или „Вдокіи", „первый весняный празныкъ".—„Якъ на Вдокію пивень напьецьця коло порога, такъ буде тепло и рання весна, а якъ будутъ переметы, такъ будетъ пизня весна и уродыцьця гречка и просо". Если на Евдокію будетъ свѣтлый день, то и весь годъ будетъ солнечный, ясный.

9-го Сорокъ святыхъ, „дру́гый весняны́й праздныкъ". Въ этотъ день пекутъ изъ кислаго тѣста сорокъ „жайворонкивъ" (подобіе птички, съ крыльями, носомъ, хвостомъ и крестикомъ сверху), размачиваютъ ихъ въ разсолѣ и ѣдятъ. Народъ вѣритъ, что въ этотъ праздникъ птица рано встаетъ и приноситъ въ гнѣздо 40 палочекъ, и что къ этому времени прилетаетъ „изъ вы́рія (съ юга) 40 жайворонкивъ".

17-го „Теплый Олексій, Алешка“, „третій весняный праздникъ“.—„Якъ повие витеръ на Алешку зъ востокъ, такъ вывозь ззидкы на мистокъ (урожай), а якъ повие москаль, то усе въ кучку таскай“ (неурожай). Если весна ранняя, такъ въ этотъ день служатъ на площади молебенъ и освящаютъ зерно къ предстоящему посѣву.

25-го „Благовѝщення“, „четвéртый весняный празникъ“. Этотъ праздникъ такъ великъ, что даже птица, по народной вѣрѣ, не вьетъ гнѣзда; люди не пекутъ хлѣба и не чешутъ волосъ, „шобъ куры не разгрибалы грядóкъ“. „Яка погода буде на Благовѝщення, така и на Велыкдень“. „Якъ на Благовѝщення уранци сóяшно буде, такъ ранній хлибъ луччый уродыцьця, якъ опивднѝ—средній, а якъ вечеромъ—пизній“. „Нужно до Благовѝщення свыню годувать, а писля Благовищення хочъ на лубку вывезы йи въ степъ, або въ лисъ, такъ не пропаде“. „До Благовищення не годыцьця спать на двóри, ато нападе хвороба“. На Благовѣщеніе воры стараются что нибудь украсть, чтобы цѣлый годъ красть, не попадаясь.

26-го „Благовистыеля, празныкъ Гаврылéя“ (Гавріила). Этотъ день народъ празднуетъ.

Апрѣль. 8-го ап. Руфа. „На Руфа все изъ земли рупыцьця: и трава и всяка зелень, и все шо посияно и посажено въ цей день, пиде росты; всяка гадына полизе зъ земли, а птыця полетыть изъ вырія“. Не ходятъ въ лѣсъ, чтобы гадъ не укусилъ.

11-го „Мученыка Антыпія“. Этому святому молятся и служатъ молебны, прося его исцѣленія во время зубной боли; молятся ему и тогда, когда что-нибудь потеряютъ, вѣря, что онъ помогаетъ отыскать утерянное.

17-го Св. Зосимы. Зосима и Савватій считаются покровителями пчелъ; поэтому иконы этихъ святыхъ обязательно имѣются у каждаго пасѣчника и ставятся среди пасѣки, на видномъ мѣстѣ.

23-го „Святого Ягорія или Юрія“. „До Юрья бьють у жыти дурня, а пислы Юрья и розумного.—На Юрія якъ буде роса, такъ сий просá“. Этотъ день празднуется народомъ и считается пастушьимъ праздникомъ. Нѣкоторые пастухи ходятъ въ церковь, ставятъ св. Георгію свѣчу, молятся ему и постятся, „шобъ

вовкы скотыны не трогалы". Въ особенности постятся „вивчари" и, выгоняя овецъ, молятся такъ: „Ставлю я, Господы, скотынку на лукы; вручаю Тоби, Господы, на рукы. Святый Спасъ! шобъ Ты мыни скотынку спасъ. Пресвятый Ягорій! сохраны ихъ (овецъ) одъ ябедныкивъ, одъ ябедныць; и засунь ихъ, Господы, чугунною лавою!" По народной вѣрѣ, безъ позволенія св. Георгія никакой звѣрь не можетъ причинить вреда скоту или съѣсть его. Выгоняя свой скотъ на пастбище, народъ окропляетъ его святой водой и читаетъ еще слѣдующую молитву: „Гоню я, Господы, скотынку на лукы; вручаю я, Господы, Тоби на рукы. Святый Отче Спасъ! шобъ Ты мою скотынку пасъ; св. Мыколай! додому навертай, св. отче Ягорій! собакъ прыпынай и лыхыхъ лыходиивъ, шобъ воны быстрымы очамы не всмотрялы и лыхыхъ словъ не вымовлялы. Завяжы имъ, Господы, ротъ на ввесь годъ билымъ холстомъ. Дай, Господы, часъ добрый на всякый часъ, на всяке времья. Аминь".

Май. 8-го „Ивана". Въ этотъ день, празднуемый народомъ, многіе ходятъ въ степь рвать „гарашкы" (кудрявые грибы), употребляемые въ пищу въ борщѣ или въ видѣ жаркого.

9-го „Весняный Мыколай". Храмовой праздникъ съ небольшою храмовою ярмаркою. Въ этотъ день въ каждомъ домѣ собираются родственники и знакомые, по большей части пріѣзжіе изъ окрестныхъ селеній, которые, отслушавъ богослуженіе, обѣдаютъ и пьютъ водку у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, что иногда продолжается до вечера и даже до другого дня.

10-го „Семеново зело". Большая часть народа празднуетъ Симона Зилота; бабы же стараются до восхода солнца насобирать разныхъ травъ и кореньевъ, которые засушиваются ими и употребляются отъ всякихъ болѣзней: дѣлаютъ ванны, настои для питья, жуютъ корни и листья и т. п. Когда рвутъ траву, то говорятъ такъ: „Травка, травыця, красна дивыця! не я тебе садыла, не я й полывала: Господь тебе садывъ, Господь и полывавъ, всякому христіяныну на помичъ дававъ".

Въ этотъ день (а также въ среду подъ Вознесеніе) „не годыцьця выстелать полотна: выхоръ пидниме и закруте", послѣ чего нельзя ни продать, ни употребить на домашнія надобности, а можно только отдать на церковь или раздать людямъ,

да и то такъ, чтобы они не знали, какое оно есть. У одной женщины было два куска полотна поднято вихремъ и закручено около яблони. Сняли полотно, побрызгали св. водою и подкурили ладономъ; послѣ этого женщина, по своей скупости, одинъ кусокъ продала, а другой употребила на подушки своей дочери. Какъ только дочь легла въ первый разъ на эти подушки, такъ сейчасъ же и заболѣла, слѣдствіемъ чего было то, что она осталась „крывовьязою калíкою“ на всю жизнь.

11-го „Царагря́да“. Этотъ день большинствомъ народа празднуется, „шобъ грядъ (градъ) хлиба не побывъ“.

Іюнь. Въ первой половинѣ этого мѣсяца начинаютъ косить траву. Выпроводивъ первый разъ на степь косарей, пожилыя бабы, оставшіяся дома, собираются у кого нибудь въ домѣ и начинаютъ „гладыть покосы“, т. е. устраиваютъ пирушку, во время которой пьютъ водку, поютъ пѣсни, ѣдятъ яичницу, узваръ и проч.

24-го „Ивана Купала“. „Въ цей день до схидъ сонця косять траву и не́ю загодовують скотыну, якъ ставлять на загороду, шобъ вона не худала“. Вечеромъ подъ этотъ день дѣвушки плетутъ вѣнки изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, а парубки и подростки несутъ изъ дому солому, разстилаютъ ее на выгонѣ, поджигаютъ и начинаютъ перепрыгивать черезъ горящіе костры, „шобъ дивчата и хлопци любылысь“. Если парубокъ, разогнавшись, побоится перепрыгнуть черезъ усилившійся огонь, то это означаетъ, что онъ не можетъ жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, и поэтому долженъ искать другую; а если у дѣвушки во время прыганья спадетъ съ головы вѣнокъ, то это для нея самый плохой признакъ: любимый ею и любящій ее парубокъ обязательно долженъ разлюбить ее, хотя и станетъ ея мужемъ. При этомъ могутъ присутствовать и женатые и замужнія, но они не должны прыгать черезъ огонь. Ночью, около 12 час., говорятъ, ходятъ добывать цвѣтъ „папороти“ (папоротника), имѣющій чудодѣйственную силу.

28-го „Троеручицы иконы Божіей Матери“. Съ этой иконой связано слѣдующее народное повѣрье: „Якъ хто заблуды въ степи, або въ лиси, такъ ему слíдуеть згада́ть, у ко́го есть образъ Троеру́чныци, и тоди винъ найде дорогу и ве́рнецьця благополучно до дому“.

29-го Петра и Павла. „Зузуля куе тилько до Пе́тра, а якъ писля Петра ще недиллю покрычыть, такъ це означае, шо осинь тепла буде“. Съ этого времени начинаются „жныва́“,—косятъ жито. Подъ этотъ праздникъ, ѣдучи съ поля, говорятъ тѣмъ, кто коситъ: „Буде вже вамъ косыть, оставте Петрови на бороду“.

30-го „Полу́петра“. Этотъ день празднуютъ, но не всѣ.

Іюль. 8-го „Прокипья“. Около этого дня, празднуемаго всѣми, начинаютъ выбирать „плоскинь“, перегонятъ пчелъ и коситъ ячмень, почему сложилась и поговорка: „Якъ прыйде Прокипья,—не буде бизъ кипья.

15-го „Влады́мыря“. Всѣ празднуютъ.

19-го „Мокрыны“. Хотя этого дня народъ не празднуетъ, но примѣчаетъ, что если на Мокрины и на слѣдующій день (20) будетъ хорошая, ясная погода, то ждать сухой осени, а если дождь,—мокрой.

20-го „Пророка Илли“. Всѣ празднуютъ и вѣрятъ, что „прыйде Илля,—наробы гнылля“. Съ Иліи, говорятъ, вода сдѣлается холодною, начнетъ прибавляться—„наверхъ иты“, и купаться послѣ этого дня не слѣдуетъ: „голова болитымы“. Народъ вѣритъ, что пророкъ Илія завѣдуетъ громомъ, „йизды по небу на о́гненій колесныци, розвозе кала́чыкы (траву) и пускае въ лука́выхъ (бѣсовъ) стрилы“, которыя выходятъ изъ земли черезъ 7 лѣтъ и употребляются людьми для прикалыванія „колючкы“ и опухоли. Во время грозы слѣдуетъ креститься, „шобъ лукавый не заховався пидъ чолови́ка“, и чтобы чрезъ это Илья не убилъ и человѣка, пуская стрѣлы въ злого духа; если же громъ убьетъ человѣка, то онъ считается святымъ, какъ и женщина умершая отъ родовъ. Во время сильной грозы, а въ особенности „горобыной ночи“, которая бываетъ въ спасовку, въ семь лѣтъ одинъ разъ, зажигаютъ передъ иконами страстныя свѣчи и молятся Богу.

24-го „Хли́бо-Боры́са“. Такъ какъ около этого времени бываетъ самая горячая, рабочая пора, то большинство народа не празднуетъ и говоритъ объ этомъ днѣ такъ: „Прыйде Хлибо-Борыса—за хлибъ берыся“.

27-го „Пантелы́мона или Палія“. Этотъ день люди празднуютъ и молятся св. Пантелеймону, чтобы онъ не допустилъ по-

жара, такъ какъ, по народной вѣрѣ, этотъ святой наказываетъ имъ тѣхъ изъ людей, кто работаетъ въ этотъ день.

30-го Ивана Воина. Хотя народъ этого дня и не празднуетъ, но молится Ив. Воину и служитъ молебны, чтобы онъ помогъ отыскать украденное.

Августъ. 1-го „Маковія, первый Спасъ". Празднуя этотъ день, ѣдятъ „шулыкы", т. е. тонкіе прѣсные коржи изъ пшеничной муки, разломанные на мелкіе кусочки и положенные въ „сыту" (медъ съ водою), куда примѣшиваютъ макъ. Съ 1 по 15 продолжается постъ—„Спасивка", въ продолженіи которой начинаютъ молотить и сѣять жито.

6-го „Другый Спасъ". „Прыйшовъ Спасъ,—держы рукавычкы про запасъ". Въ этотъ день освящаютъ медъ и яблоки. Старые люди и тѣ, у кого умирали дѣти, до Спаса не ѣдятъ яблокъ, вѣря, что въ этотъ день на томъ свѣтѣ собираютъ всѣхъ дѣтей вмѣстѣ и раздаютъ имъ яблоки; не даютъ только тѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ ѣли до Спаса, почему они неутѣшно и сильно плачутъ.

13-го „Тыхона Задоньскаго". Всѣ празднуютъ.

15-го „Перва Прычыста". Разговѣвшись въ этотъ день, хозяйки стараются дать свиньямъ варениковъ или другой скоромной пищи „шобъ воны́ гладки́ булы́".

16-го „Рукотворе́ннаго Образа". Кто этотъ день празднуетъ, у того не будетъ на тѣлѣ и въ особенности на рукахъ и пальцахъ нарывовъ.

29-го „Писны́й Иванъ, Головоси́ка". Въ этотъ праздникъ соблюдается строгій постъ; не варятъ борща и не рѣжутъ капусты и другихъ круглыхъ предметовъ, похожихъ на голову.

Сентябрь. 1-го „Се́мена". Если на Симеона будетъ сѣверный вѣтеръ, слѣдуетъ ожидать холодной зимы. Послѣ этого дня люди начинаютъ вставать и работать „вдосвита"; рабочимъ же не даютъ полудновать.

6-го „Мыхайлово чудо". Въ этотъ день не работаютъ, боясь наказанія, „бо цей празныкъ часто караетъ". Въ особенности боятся на „Мыхайлово чудо" сѣять и волочить (боронить). Разсказываютъ, что одинъ человѣкъ ѣхалъ сѣять, а другой, повстрѣчавшись съ нимъ, спросилъ: „Куда ты йидышъ"?—„Сиять",

отвѣчалъ первый.—„Та сёгодни Мыхаилово чудо“!—„Чудно буде, якъ посию жыто“. Пріѣхалъ онъ на свою ниву, разсѣялъ жито и началъ волочить; затѣмъ взялъ онъ на плечи борону и такъ проходилъ до самаго вечера, не будучи въ состояніи снять ее съ плечъ. О происхожденіи этого праздника нѣкоторые крестьяне разсказываютъ слѣдующее: Ѣхалъ „гончарь“ съ горшками на парѣ лошадей, одна изъ которыхъ была бѣлая, а другая—черная. Остановился онъ около лѣса, выпрягъ лошадей и пустилъ пастись, а самъ легъ подъ возомъ отдохнуть. Въ это время выскочилъ изъ лѣса волкъ, поотрывалъ лошадямъ головы и опять скрылся. Стоитъ „гончарь“ около коней и плачетъ. Приходитъ къ нему незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ: „Чого ты добрый чоловиче, плачешъ“?—„Та якъ же мини не плакать? Тилко и худобы було, шо двое коней, та й тыхъ вовкъ подушывъ“!—„Не плачъ;—беры головы и прыставляй до туловища: воны ожывуть“. Гончарь схватилъ второпяхъ голову бѣлой лошади и приставилъ къ туловищу черной, а голову черной—къ туловищу бѣлой. Головы сейчасъ же приросли, лошади ожили и встали. Послѣ этого незнакомецъ сказалъ „гончарю“: „Теперъ йидь, добрый чоловиче, и роскажы всимъ людямъ про це чудо, шобъ воны кажный годъ празнувалы сёгоднишній день и называли ёго Мыхайловымъ чудомъ, потому шо я архангелъ Мыхаилъ“. Сказавши эти слова, архангелъ скрылся, а „гончарь“ началъ разсказывать всѣмъ людямъ о чудѣ, явные слѣды котораго остались на лошадяхъ. Съ этого времени и стали праздновать „Мыхайлово чудо“.

8-го „Друга Прычыста“. Съ этого времени начинаютъ свататься, почему сложилась и поговорка: „Прыйшла Прычыста, прынесла старостивъ нечыста“. Разсказываютъ, что въ этотъ день одна бѣдная женщина, собирая сына и невѣстку на Донщину, дѣлала щелокъ и стирала имъ на дорогу бѣлье. Выстиравши, что было нужно, она помолилась Богу и сѣла около стола отдохнуть. Сидитъ она и видитъ незнакомую дѣвушку, идущую къ ней въ хату мимо оконъ. Заскрипѣла дверь въ сѣняхъ, заскрипѣла и другая дверь, ведущая въ комнату, гдѣ сидѣла женщина, а никого не видно. Потомъ она увидѣла, какъ кто-то махнулъ три раза передъ ея глазами бѣлымъ платкомъ и больше ничего и никогда не видѣла: она ослѣпла.

14-го „Вздвы́женя“. Строго соблюдается постъ. Съ этого дня все начинаетъ „двыгацьця: пты́щи летя́ть у вы́рій (теплыя страны), гадюкы ховаюцьця въ землю“ и проч. На этотъ праздникъ не ходятъ въ лѣсъ за грушами, „бо тамъ збыраецьця всяка га́дына, и не тя́гнуть конопе́ль: гадюка вкусе“. Разсказываютъ, что „на Вздвыженя одна дивка ходыла за грушамы, провалылась въ ли́си въ яку-то яму, и тамъ зъ гадюкамы зимувалась и зъ нымы лызала камиць замисто пыщи, а на Руфы (8 апр.) выйшла видтиля́, та жовта якъ вискъ“.

26-го „Покровского Ивана“. Этотъ день всѣ празднуютъ.

Октябрь. 1-го „Покрова“.—„Прыйшла Покрова, зарывла дивка якъ корова“. Въ этотъ день „збыраютъ старостивъ на пора́ду,—куда йты сватацьця“.—Откуда вѣтеръ дуетъ на Покровъ, оттуда будетъ дуть и всю зиму. „До Покро́вы ненужно топыть въ грубкахъ, а то зимою хо́лодно буде, а на Покрову тре́ба вытопыть до свита. Хто до Покровы вымажыть хату, у того зимою тепло и сухо буде“.

22-го „Казаньска Божа Маты“. Этотъ день всѣ празднуютъ.

26-го „Дмы́тра“. „До Дымытра ди́вка хы́тра, а писля Дымытра,—сякы́й-такы́й, абы бувъ, та шобъ хлиба роздобувъ“. Передъ Димитріемъ бываетъ первая поминальная суббота, которая называется „Дмытровою суботою“. Подъ поминальныя субботы „не годыцьця брать глыны, ато бувають нещастя зъ людымы“. Въ одномъ семействѣ братъ и сестра не вѣрили этому и, несмотря на предостереженіе матери, поѣхали за глиной. Только что начали они брать ее, вдругъ обвалилось глинище и засыпало ихъ. Сбѣжались люди, откопали ихъ и нашли сестру совсѣмъ мертвою, а брата живымъ, но только искалѣченнымъ. Мать этихъ дѣтей разсказывала, что „пивень“, предвѣщая несчастіе, все время, когда они поѣхали за глиной, кричалъ безпрестанно подъ окнами.

Ноябрь. 1-го „Кузьмы́ и Демьяна“. Передъ Косьмою и Даміаномъ бываетъ вторая поминальная суббота, называемая „Кузьмыною суботою“.

8-го „Мыхаила“. Передъ этимъ днемъ, празднуемымъ почти всѣми, бываетъ третья поминальная суббота, которую называютъ „Мыхайловою суботою“. Въ каждую изъ трехъ вышеупо-

мянутыхъ субботъ народъ служитъ въ церкви панихиды и поминаетъ своихъ усопшихъ родственниковъ. Около праздника Михаила заканчивается пастьба овецъ и дѣлается разсчетъ съ пастухами.

13-го „Ивана Златоуста". Всѣ люди празднуютъ.

14-го „Пылыпа". „Заговины на пылыпивскій пистъ". Такъ какъ большинство работниковъ нанимаются въ срокъ до заговѣнъ, то они въ этотъ день получаютъ разсчетъ отъ своихъ хозяевъ.

21-го „Введення".

23-го „Мытрофана Воронежскаго". Святителя Митрофана всѣ празднуютъ, какъ великаго чудотворца.

24-го „Катерыны" („Катри"). Меньшинство празднуетъ.

30-го Андрея Первозваннаго,—„Андроса".

Декабрь. 4-го Варвары. Большинство празднуетъ этотъ день и говоритъ о немъ такъ: „Варвара ночи ввирвала, дня доточыла".

5-го Саввы. Праздникъ препод. Саввы считается бо́льшимъ, чѣмъ праздникъ Варвары, но, не смотря на это, нѣкоторые работаютъ и о празднующихъ говорятъ такъ: „Було бъ тоби не са́выте, не варварыте и не андросыте, та на сорочку кундосыте" (прясть).

6-го „Зимній Мыколай". Этотъ храмовой праздникъ съ храмовою ярмаркой также проводится, какъ и весенній.

12-го „Свырыдона". Хотя Спиридона не празднуютъ, но говорятъ, что съ этого времени „возвратъ сонця на лито: сонце на лито, зима на морозъ". Почему-то существуетъ еще такая поговорка: „Свырыдонъ повизъ сорочкы на Донъ". Этотъ праздникъ считается послѣднимъ передъ Рождествомъ Христовымъ.

24-го „Богатый святъ-вечиръ, богата куття". Въ этотъ день не соблюдаютъ поста, почему онъ и называется „богатою куттею". Хозяйки утромъ готовятъ тѣ же самыя кушанья, какія готовятся на „голодный святъ вечиръ". Кутья и узваръ варятся обязательно въ новыхъ горшкахъ. Если сварившаяся кутья выйдетъ съ верхомъ, то будетъ урожай,—„верхо́вати стогы", а если безъ верха,—неурожай. Передъ вечеромъ кто-нибудь изъ дѣтей семейства несетъ въ хату чистенькое сѣно, кладетъ его на „покутти" и при этомъ „квокчетъ"—(кво, кво, кво) „шобъ куры квокта́лы и курча́та водылысь". Затѣмъ хозяйка беретъ кутью,

несетъ ее и ставитъ на „покуття“, приговаривая: „собъ, куття, на покуття, а озваръ на базарь“. Нѣкоторыя женщины, неся кутью на „покуття“, дергаютъ дѣтей за волосы спереди, сзади и сбоковъ, приговаривая: „шобъ булы (курчата) чубáти, шобъ булы хвостáти, шобъ булы вухати“. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ передъ иконами лампаду и свѣчи, молятся Богу и садятся вечерять; все это начинаетъ старшій въ домѣ, а за нимъ и всѣ прочіе члены семейства. Вечеря въ достаточномъ семействѣ состоитъ изъ пироговъ, помазанныхъ медомъ или постнымъ масломъ, густой капусты съ масломъ, жидкой похлебки изъ размятаго гороха, чечевицы или „квасоли“, кутьи и узвара. Во время вечери не пьютъ воды, „шобъ лѣтомъ въ поли не було жажды“. (Для этого же не пьютъ воды на „голодный святъ-вечиръ“, на Рождест. Христово и на Пасху). Если кто изъ дѣтей чхнетъ за вечерею, тотъ будетъ счастливымъ и его дарятъ чѣмъ нибудь.—Въ мискахъ оставляютъ понемногу кутьи и узвара для „доли“ (счастья), „атó може вона голодна, цилый годъ не йила“. По окончаніи вечерней пищи дѣти „носятъ вечерю“ крестнымъ, родственникамъ и сосѣдямъ. Принесши въ мискѣ, накрытой паляницей и обвязанной полотенцемъ, кутью съ медомъ, дѣти подаютъ ее въ руки, напримѣръ, крестному отцу и говорятъ: „Прыславъ батько й маты съ хлибомъ и силью, нате вамъ, тату, вечерю“! Тотъ принимаетъ, благодаритъ, отвѣдываетъ вечери, подсыпаетъ кутьи и меду, перемѣняетъ хлѣбъ, даетъ деньги (2, 3 или 5 коп.), гостинцы и отпускаетъ. Говорятъ, что прежде ходили и ѣздили съ вечерей не только дѣти, но и взрослые. При этомъ они пили водку, брали съ собою и того хозяина, къ которому являлись съ вечерей и такъ продолжали гурьбою странствовать изъ хаты въ хату всю ночь, до утренняго благовѣста.

25-го „Риздвó“. Съ этого дня и до 8 января продолжаются „Риздвяни святкы“, въ продолженіи которыхъ многіе ничего не работаютъ, говоря: „Покы вода не освятыцьця нельзя и сокыры въ рукы брать“. Съ Рождества люди, сознавая, что половина зимы уже прошла, начинаютъ говорить такъ: „Хочъ дуй, хочъ не дуй,—не къ Риздву (йде), а къ Велыкодню,—цыганъ уже и кожухъ продавъ“.

Утромъ мальчики ходятъ по хатамъ Христа славить, „вершувать“, за что получаютъ деньги, пряники, конфекты и хлѣбъ. Ходя по домамъ, они читаютъ тропарь праздника и поздравляютъ съ Рождествомъ Христовымъ, а нѣкоторые говорятъ слѣдующую виршу:

„Малéнький хлопчыкъ
Родывся въ вивторчыкъ,
А въ середу рано
Въ школу оддáно.
Винъ чытáе, читáе,—
Ничóго не знае,
Тилькы азъ та букы...
Пожалуйты пьятачóкъ у рукы“!

Вечеромъ „парубкы, дивчата и молодыци“ ходятъ по дворамъ и „колядуютъ“ подъ окнами, за что получаютъ деньги, сало, хлѣбъ и проч. Прежде всего спрашиваютъ позволенія: „Дай, Боже, вечиръ добрый! Чы заколядуваты вамъ“? И когда получатъ согласіе хозяевъ, начинаютъ большею частію слѣдующія колядки:

1) „Ишла Дива Марія лужкомъ бережкомъ,
Та й зострила трое жыдовьятъ:
— Чы вы, жыдовьята, Суса Хрыста мучылы?
— Не мы мучылы Хрыста, а наши диды.
На крутий гори кряжи́ кряжу́ютъ, церквы́ будуютъ;
А въ тыхъ церквáхъ тры грóбы лежать:
Въ первомъ гроби Сусъ Хрыстосъ лежить,
А въ другимъ гроби Иванъ Хрестытель,
Въ третемъ гроби Дива Марія.
Надъ Сусомъ Хрыстомъ та кныгы чытають,
Надъ Иваномъ Хрыстытелемъ свичи палáють,
Надъ Дивою Маріею рожа процвитае.
А съ тии рожи та й вылетивъ птахъ,
Тай полетивъ по пидъ небысамы.
Юси́ небеса ростворылыся,
Юси́ святи́ поклонылыся“.

Послѣ каждаго стиха припѣвается „алылуя“ трижды. Одна изъ колядующихъ заканчиваетъ всякую колядку слѣдующими громко произнесенными словами: „Дай, Боже, вечиръ добрый! та вынесить перигъ довгый, та не ламайте, а цилéнькій давайте: зъ рукамы, зъ ногамы, шобъ гнався за намы; безъ рукъ, безъ нигъ, шобъ не загрузъ у снитъ“!

2) „На гори на Осиянски,
На земли на Брытаньски (на Прыпотящи).
Тамъ Божая Маты походыла,
Тамъ шовкóва трава уродыла,
Тамъ Сусъ Хрыстосъ прыпочывае.
Збыралося все жыдовья,
Хочуть Хрыста уловыты,
Уловыты, умертвыты;

На древо пидиймалы,
Гвоздямы руци й нози прыбывалы,
Копьемъ ребра пробывалы,
Терновый винець накладалы.
Ангелы зъ небесъ злитáлы,
Золотии чаши пидставлялы,
Крóви на землю не пускалы.
Прыйшла Дива Марія, Божая Маты.
— Ой, Сынку Ты жъ мий возлюбленный!
За шо, Сынку, страсть прыймаешъ?
— Яжъ тоби, Моя Маты, отповидáю:
Не на вики, Маты, помыраю,
На тры́ денéчкы въ гробъ лягаю:
На третій день воскресýся,
На небеса вознесýся.
Принявъ Хрыстосъ муку и стрáсты,
Избавыть насъ одъ напáсты,
Одъ велы́кои пропáсты.
Слава Тоби, Боже нашъ,
И помылуй насъ".

При этомъ говорятъ; „Дай, Боже вечиръ добрый, та вынеситъ перигъ довгый" и проч.

31-го „Мылáнкы". Если въ этотъ день будетъ иней, то это хорошій признакъ,—къ урожаю. У кого есть садъ, тѣ хозяева ходятъ въ этотъ день (а нѣкоторые на Новый годъ во время трезвона къ обѣднѣ) „лякать яблуню, шобъ лучче родыла": беретъ мужчина топоръ, идетъ въ садъ и, ударяя слегка топоромъ по яблонѣ, говоритъ: „Будешъ, яблунька, рожаты,—не буду рубаты; а якъ не будешъ рожаты,—буду рубаты". Кто къ Рождеству кололъ свинью, тѣ въ этотъ день начиняютъ и жарятъ свиныя кишки и желудокъ, который народъ называетъ „богомъ": кишки начиняются кашею, а желудокъ свининою и саломъ. Какъ кишки, такъ и желудокъ ѣдятъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и при этомъ считается обязательнымъ приглашать для этого кушанья родственниковъ, знакомыхъ и сосѣдей: „такъ годыцьця".

Вечеромъ на „Мыланкы" молодежь ходитъ подъ окнами „щедрувать", получая за это хлѣбъ, сало, колбасу, деньги и проч., что относится ею на вечерницы. Подойдя подъ окно, одно лицо изъ щедрующихъ говоритъ: „Дай, Боже, вечи́ръ добрый! Чы защедруваты вамъ?" Если хозяева позволятъ то молодежь начинаетъ чаще всего слѣдующую „щедривку":

1) „Ой, на рицци та й на Ярдани,
Тамъ Пречыста та рызы прала,
Вона прала, прала та вымахáла,
На ялы́ну та вывишáла.

Та десь юзалося тры янголы,
Та взялы рызы на крылята,
Та й понеслы по пидъ небесамы,
Юси небеса растворылыся,
Юси святи поклонылыся.
Де не взялася щебетушечка,
Та й въ свитылоньку поглядае:
Ще свитылонька та й не метена,
А Оксанка (имя дѣвки хозяина)
не чесана, не заплетена;
А батенько та сукно крае:
Старши сестры укоротылы,
А менши сестры остановылы —
Обризочкы на поясочкы,
А гаплычкы на черевычкы".

Послѣ каждаго стиха припѣваютъ: Щедрый вечиръ, добрый вечиръ, добрымъ людямъ на здоровья"!

Всякую щедровку, какъ и колядку, заканчиваетъ одно лицо словами: „Дай, Боже, вечиръ добрый" и проч., а нѣкоторые прибавляютъ къ этому: „Дайте ковбасу,—я додому понесу, дайте кышку,—я ззимъ у затышку"!

2) „Мыланка ходыла,
Васылька просыла:
Васыльку, мий батьку!
Пусты мене въ хатку;
Я жыта не жала,
Чесный хрестъ держала;
Золотую кадыльныцю.
Радуйтеся (кадитеся) люды:
До васъ Хрыстосъ буде;
Богу свичу ставше,
А намъ перигъ дайте,—
Зъ рукамы, зъ ногамы,
Шобъ бигъ за намы,
Бизъ рукъ, бизъ нигъ,
Шобъ не загрузъ у снигъ".

Переходящіе праздники. Масляница. Приготовительныя къ посту недѣли народъ называетъ такъ: „всейидна, ряба и масныця". „Примичають, шо якъ на всейидний недили будуть на стриси и на викнахъ сопляки (ледяныя сосульки), такъ уродыцьця ленъ". Послѣдній день „рябой" недѣли называется „нижковыми заговинамы", потому что къ этому дню готовятъ „холодци" изъ свиныхъ ножекъ. Въ этотъ день послѣ обѣда, зятья съ своими женами отправляются въ гости къ тестю, обязательно съ хлѣбомъ-солью, гдѣ проводятъ время до вечера или до другого дня. Всякое кушанье, приготовленное для заговѣнъ, стараются закончить въ этотъ день; если за ужиномъ не поѣдятъ, то относятъ его неимущимъ, бѣднымъ сосѣдямъ, или сами встаютъ ночью и доѣдаютъ, говоря: „Хочъ пузо роздайсь, а Божій даръ не останьсь". Въ продолженіи масляницы народъ лакомится „вареныкамы" съ соленымъ сыромъ и „млынцямы" (блинами) изъ пшеничной и пшенной муки съ масломъ, почему сложилась и пословица: „Вареныкы доведуть, шо й хлиба не дадуть". Если на масля-

ницѣ будетъ снѣгъ или дождь, то уродится, говорятъ, хорошее просо. Женщины во всю масляницу не прядутъ, „шобъ червы не завóдылысь у масли и шобъ телята булы ласкáви“. Въ первый день масляницы ходятъ по домамъ и вяжутъ „колодкы“ вдовцамъ и родителямъ, имѣющимъ взрослыхъ холостыхъ дѣтей. Тѣ откупаются, угощая пришедшихъ водкой, и даютъ имъ понемногу пшеницы, муки, картофеля, денегъ или чего другого. Собранные матеріалы продаются, а вырученныя деньги пропиваются. Еще на масляницѣ ходятъ „цыганкы“, т. е. женщины, одѣтыя по-цыгански: съ распущенными волосами, съ выпущенной пазухой, низко подпоясанныя и т. п. Ходятъ онѣ по домамъ, ворожатъ, смотря на ладонь руки, просятъ сыра, масла и муки на вареники и кричатъ: „Масныця, масныця! яка ты мала, якъ бы тебе симъ недúль, а пóсту одна“.

Въ продолженіи трехъ недѣль, начиная со всеѣдной, молодежь вечерами „водыть козла“. Такъ называется игра съ пѣніемъ, состоящая въ томъ, что дѣвушки становятся въ рядъ или въ кругъ, берутся за руки, идутъ по улицѣ или стоятъ на мѣстѣ и поютъ: „Та вскóчывъ козéлъ у горóдъ, у горóдъ, та пойивъ козелъ лукъ-часнокъ, лукъ-часнокъ“. Иногда при этомъ одни изъ нихъ поднимаютъ руки, а другія проходятъ у нихъ подъ руками. Кромѣ упомянутой пѣсни, продолженія которой не пришлось узнать, дѣвушки поютъ много другихъ, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія:

„Якъ пиду я у козла,
А за мною тры посла:
Первый посéлъ—нагайка,
Другый поселъ—шáбелька
Третій поселъ—самъ иде,
Соби дивчыну веде.
Я нагáечку спалю,
А шабельку изломлю,
Постиль билу постелю,
Сама у козла пиду“.

* * *

„Камышáньки парубкы
Пойихалы на ловы
У зелени дибровы
Рудыхъ лысыцъ ловыты.
Не вловылы лысыци,
Та вловылы комаря,
Велыкого сподаря;
Та й повезлы до пана,
Сталы суды судыты,—
Комáрыка дилыты:
Усимъ, братци, по стегнý,
А намъ, братци, по ребру;
А одному голова,—
Шо винъ парень бизъ ума,
А другому ошыекъ,—
Винъ здоровый нешвыдокъ,

А третему плычыци,—
Въ ёго кари очыци,
Четвертому нижечкы,—
Въ его чорни бривочкы,
А пьятому печинка,—
Шо винъ упавъ съ прычилка,
А шостому лопата,—
Буде жинка горбата,
Я семому хвостыще,—
Куды не йде все свыще,
А восьмому ратычкы,—
Шобъ любылы дивочкы,
Девьятому весь окистъ,—
Буде грызты цилый пистъ.
Коло млына калына,
На калыни соловья,
А на гори дивчата,
Пидъ горою хлопьята.
Де не взявся та Иванъ,
Усыхъ дивчатъ розогнавъ,
А соби Марьечку взявъ
И зъ вулыци побижавъ".

Эта пѣсня появилась въ послѣднее время и поется со многими варіяціями; вмѣсто же словъ „одному, другому" дѣвки говорятъ имена парубковъ.

* * *

Ой, крокосе, крокосе!
Ты развыйся хороше.
Ой, люли та люли,
Ты развыйся хороше.
Я на наший юлыци
Все купецки молодци.
Ой, люли та люли,
Все купецки молодци.
Нема купнишаго купця
Надъ Ивана (имя).
Ой, люли та люли,
Надъ Ивана молодця.
Не одну стежку втопче,
Черезъ тещынъ двиръ ходяче.
Ой, люли та люли,
Черезъ тещынъ двиръ ходяче.
Шобъ и теща хвалыла
И Марьечка любыла.
Ой, люли та люли,
И Марьечка любыла.
Шобъ Марьечка любыла,
Золотый перестень дарыла.
Ой, люли та люли,
Золотой перстень дарыла".

* * *

„Вулыця моя нешырокая,
Рано—нерано, нешырокая.
Хто тебе, вулыця, все топче?
Рано—нерано все топче.
Стопталы мене парубочкы,
Рано—нерано парубочкы.
Парубочкы чобиточкамы,
Рано—нерано чобиточкамы.
А дивочкы черевычкамы,
Рано—нерано, черевычками".

* * *

„Рябына, рябына!
Рябына кудрява,
Та ще й кучерява.
А на тий рябыни
Чотыри цвиточкы,—
Чотыри парубочкы.
Та первый цвиточекъ
Тымошка (имя) молодчыкъ.
Та Тымошка каже:
— „Я Орыну люблю,
Та й за себе возьму,
Та й очипокъ куплю,—
Въ ныдиленьку зрядю,
И въ гостонькы пошлю.
Иды жъ ты, Орыно,
Иды, не барыся,
Шобъ я молоденькый
Та й не зажурывся".

* * *

„Молодая молодычко!
Выйды до насъ, выйды до насъ.
— Рада бъ я, мои подружкы,
Выйты до васъ, выйты до васъ,
Та въ пичи, мои подружкы,
Огонь горыть, огонь горыть,
А на прыпичку, подружкы,
Борщыкъ кыпыть, борщыкъ кыпыть,
Въ колысци, мои подружкы,
Дытя крычыть, дытя крычыть.
На пичи, мои подружкы,
Свекоръ ворчыть, свекоръ ворчыть".

* * *

„Ой, вы, тусы-лебеди,
Прывыкайты на води.
Ой, люли та люли,—
Прывыкайты на води.
Якъ мы булы молодымы,
Та й прывыкувалы.
Ой, люли та люли,—
Та й прывыкувалы.
Я свекрови угодю:
Въ головоньци поглядю,
Ой, люли, та люли,—
Въ головоньци поглядю.
Я свекруси угодю:
Билу постель постелю.
Ой, люли та люли,—
Билу постель постелю.
Я диверю угодю:
Рано коня напою.
Ой, люли та люли,
Рано коня напою.
Рано коня напою
И синечка пидложу.
Ой, люли та люли,
И синечка пидложу.
Я золовци угодю:
Дрибно косу заплету.
Ой, люли та люли,
Дрибно косу, заплету.
Росты, коса, до пояса,
До чырвоныхъ чобитокъ.
Ой, люли та люли,
До чырвоныхъ чобитокъ.
До чырвоныхъ чобитокъ,
До золотыхъ пидковокъ.
Ой, люли та люли,
До золотыхъ пидковокъ."

„Заговины на пистъ". Вечеромъ въ этотъ день молодежь „закопуеть козла". Берутъ дѣвушки какое нибудь полѣно, несутъ его на выгонъ, закапываютъ его въ снѣгъ и поютъ:

„Пора козла брать за хвистъ,
Шобъ не водыть увесь пистъ:
Въ пистъ не будемо спивать,
Будемъ козла забувать.
Теперъ козла закопалы
И вулецю розигналы".

Послѣ этого онѣ прощаются и расходятся по домамъ. Прощаясь въ этотъ день, люди кланяются въ ноги одинъ другому (въ домахъ по три раза, а на улицѣ по одному разу) и говорятъ при этомъ: „Просты мене! и въ другый разъ, и въ третій разъ".—„Богъ простыть и я прощаю. Просты и мене!" Послѣ ужина полощутъ ротъ водою, „шобъ винъ очыстывся одъ скоромнаго".

„Великій пистъ". „Не все коту масныця,—прыйде и велыкій пистъ". Въ первый день Великаго поста, который называется „жылявымъ по недилкомъ", женщины пекутъ „жы́ляныкы" — житные коржи, которые и ѣдятъ въ этотъ день съ хрѣномъ и рѣдькою. Нѣкоторые изъ людей ничего не ѣдятъ въ продолженіи цѣлаго дня, отчего у нихъ тянетъ жилы и почему и день этотъ называется „жылявымъ". Мужчины, которые были на заговѣны пьяными, въ понедѣльникъ полощутъ ротъ водкой, иногда напиваясь допьяна. Женщины въ этотъ день не должны ходить по чужимъ домамъ, такъ какъ онѣ, по народному повѣрью, разносятъ въ это время „всяку хворобу". Въ продолженіи первой недѣли рѣдко кто употребляетъ вареную пищу; всѣ же питаются хлѣбомъ, хрѣномъ, рѣдькою, капустою, огурцами, арбузами и картофелемъ безъ масла. Почему и говорятъ: „У пистъ рѣдьки хвистъ". Со вторника нѣкоторые начинаютъ ходить въ церковь; большинство же начинаетъ говѣть съ среды и четверга, въ который идти къ вечернѣ считается обязательнымъ. Въ пятницу каждый говѣющій, идя исповѣдываться, что здѣсь называется „возы́ть попа", прощается со всѣми взрослыми членами семейства. При этомъ онъ кланяется старшимъ по три раза въ ноги, а младшимъ въ поясъ и говоритъ: „Прости́ть мене, та̀ту! и въ дру́гый разъ, и въ третій разъ". Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ простыть, и я прощаю". Послѣ исповѣди священникъ не долженъ ничего ѣсть и пить, потому что „винъ бере́ на се́бе грихы всихъ сповида́вшыхся у ёго людей".

Въ субботу, послѣ причащенія св. Таинствъ, выходятъ изъ церкви; но потомъ каждый спѣшитъ поспѣть на молитву и затѣмъ, выходя изъ церкви, „познаменовацьця", т. е. поцѣловать крестъ или икону, потому что „хто бизъ благословення и не познаменовавшись пиде, того молытва не прыймецьця и не запышецьця на не́би, все одно́ якъ винъ и въ церкви не бувъ". Въ этотъ день „спасе́нныкамъ" разрѣшается выпить дома три стакана водки; плевать же имъ нельзя одинъ или три дня,— „грихъ, прыча́стя выплюешъ", и спать въ этотъ день не слѣдуетъ: „ангелы прыча́стя вкраду́ть". Всякій говѣвшій обязательно долженъ пойти къ вечернѣ, что называется „однесты́ пры-

ча́стя". Если же кто не пойдетъ, о томъ говорятъ, „шо винъ укравъ прычастя".

Четвертая недѣля поста называется „средохре́сною". Въ среду на этой недѣлѣ сѣютъ макъ, „шобъ нечервы́вый бувъ", и пекутъ „хресты" (крестообразный хлѣбецъ, въ видѣ калача), одинъ изъ которыхъ засушиваютъ и хранятъ до посѣва, а остальные поѣдаются семействомъ. Вечеромъ этого дня, во время „поклоне́нія" (Андреево стояніе), никто изъ остающихся дома не долженъ работать; часто случаются несчастія съ работающими людьми.

Пятая недѣля называется „похвальною" и признается самою теплою изъ всѣхъ постовыхъ недѣль. Шестая же называется „вербною" и считается холодною, почему о ней и говорятъ: „Якъ прыйде вербычъ, такъ кожухъ и свыту налычъ (надѣнь)". Въ Воскресенье этой недѣли, пришедши изъ церкви и принесши вербу, крупную освященную вербу, годную для посадки, оставляютъ на дворѣ, „шобъ лучче прыйнялась, якъ посадятъ", а съ мелкою идутъ въ хату и бьютъ ею, шутя, кого-нибудь приговаривая: „Верба бье, не я бью, за ты́ждень-Велы́кдень. Ось недалечко красне яечко!" Небольшія вѣточки вербы оставляютъ для прикалыванія шишекъ на пасхахъ, для „загничеванія" ихъ и для лѣкарства отъ головной боли (варятъ ее и отваромъ мочатъ голову), а остальную сожигаютъ въ печкѣ, считая большимъ грѣхомъ бросать ее и потомъ топтать ногами.—Гдѣ въ вербное воскресенье загремитъ громъ, тамъ будетъ урожай.

„Страшна недилля". Въ эту недѣлю также строго постятся, какъ и въ первую недѣлю поста. Въ четвергъ, который называется „чыстымъ", всѣ по возможности стараются обмыться къ празднику, а больные, „не́честю" купаются ночью, „поки́ воронъ дитей не купа", чтобы очиститься отъ болѣзни; затѣмъ изъ чанка (перерѣза), въ которомъ они купались, набираютъ ведро воды, выносятъ на „перехре́сну" дорогу и выливаютъ, „шобъ тамъ все лыхо осталось". Вслѣдствіе этого утромъ осторожные люди боятся выходить или выѣзжать изъ дому, „шобъ не напа́сты на хворобу", которая можетъ перейти на нихъ. Въ этотъ же день, на разсвѣтѣ, женщина садится

на порогѣ и прядетъ нитку, суча ее „навнакы", т. е. крутитъ веретено пальцами отъ себя, не такъ, какъ слѣдуетъ. Такую нитку хранятъ и перевязываютъ ею руку или ногу, когда таковыя „разовьюцьця", т. е. заболятъ въ суставѣ. Если въ этотъ четвергъ золятъ бѣлье, то „позилкы" (золу) прячутъ и засыпаютъ ими лишаи людямъ и скоту. Нѣкоторыя неопытныя хозяйки скопляютъ на послѣдніе дни много работы и поэтому не управляются съ дѣлами; о такихъ хозяйкахъ, говорятъ: „шыты, билыты,—завтра Велыкдень".

Вечеромъ этого дня, идя изъ церкви послѣ страстей, стараются горящую свѣчу донести домой, чтобы она не потухла. Если пламенемъ такой свѣчи прижечь крестъ на воротахъ, то въ этотъ дворъ не забѣжитъ „поганая" (бѣшеная) собака. Во всѣхъ хатахъ обязательно пламенемъ свѣчи прижигаютъ на сволокахъ кресты, остающіеся до мазанья комнатъ. Если нападетъ кого лихорадка, соскабливаютъ глину съ этихъ крестовъ и даютъ пить больному. „Страшну свичку" хранятъ изъ года въ годъ, зажигаютъ ее во время сильной грозы и во время лѣченія людей и скота, и даютъ въ руки умирающему.

Въ пятницу и субботу пекутъ „паски" (пасхи), жарятъ поросенка и красятъ яйца. Какъ только пасхи посажаютъ въ печь и „загнетятъ" ихъ св. вербою, сейчасъ же хозяйки идутъ и сѣютъ розсаду, „шобъ капуста була здорова, якъ паска". Пасхи въ печи накрываются платочкомъ, который хранится и употребляется для подкуриванія отъ „бышыхы" (рожи). Если верхъ пасхи западетъ или окажется она пустою въ срединѣ, то это означаетъ несчастье,—кто-нибудь изъ семейства умретъ въ томъ году.

„Велыкдень" (Пасха). Ночью подъ первый день Св. Пасхи ищутъ клады, на которыхъ, говорятъ, подъ великіе праздники горитъ свѣча. Многіе ходятъ на ночь въ церковь слушать дѣянія св. апостоловъ, но большинство до благовѣста находится дома, гдѣ въ каждой хатѣ во всю ночь горитъ огонь. Спать ложатся въ этотъ вечеръ какъ попало, не стеля постели. Идя въ церковь, каждый человѣкъ беретъ съ собою нѣсколько крашеныхъ яицъ, которыя отдаетъ при христосованьи духовнымъ или кому другому. Когда несутъ освящать пасху, то вмѣстѣ съ нею берутъ для освященія: сало, яйца, поросенка съ кус-

комъ хрѣна во рту, макъ, ладонъ, галунъ (квасцы), соль, пшено, мѣдный крестикъ и иголку. Освященный хрѣнъ грызутъ отъ тошноты и глистовъ, иглой лѣчатъ отъ куриной слѣпоты, для чего нужно смотрѣть сквозь ея ушко на восходящее солнце, крестикомъ прикалываютъ „колючку", ладономъ подкуриваютъ отъ „бышыхы", галунъ пьютъ со святой водой отъ болей живота („завійны"), а пшено и соль беретъ больной лихорадкой, несетъ на „перехрéсну" дорогу или въ садъ, бросаетъ черезъ голову и говоритъ: „Васъ, тёткы, симдесятъ сúмъ, такъ нáте вамъ хлиба—сóлы всúмъ"!

Въ этотъ день до свѣта ходятъ на кладбище просить прощенія у отца или матери тѣ изъ людей, которыхъ прокляли покойные родители. Пришедши на могилу, эти люди христосуются съ умершими родителями, а потомъ просятъ прощенія. Если въ это время загудитъ въ землѣ, то это означаетъ, что отецъ или мать простили свое дитя, и поэтому ихъ приняла земля,—которая раньше не принимала за грѣхъ проклятія; если же на могилѣ покажется свѣча, это означаетъ, что душа ихъ пошла въ рай. Еще говорятъ, что если на Пасху пойти на кладбище и похристосоваться съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ въ то время, когда въ церкви въ первый разъ скажутъ: „Христосъ воскресъ"! то изъ могилы можно услышать отвѣтъ: „Воистину воскресъ".

Какъ только прійдутъ изъ церкви и принесутъ пасху, сейчасъ же мажутъ натощакъ св. саломъ губы, носъ и все лицо „шобъ воны лúтомъ не болúлы и не трúскалысь одъ вúтру и сóньця". Въ это же время присматриваются къ пасхѣ, чтобы замѣтить, какія на ней есть шерстинки (волосики): если замѣтятъ бѣлыя, значитъ бѣлый скотъ будетъ идти по двору, если черныя,—черный и т. д. Затѣмъ молятся Богу и рѣжутъ пасху, отломивъ предварительно шишку съ нея и отдавъ ее хозяйкѣ, которая несетъ коровѣ или прячетъ и отдаетъ ей тогда, когда она „отéлыцьця", „шобъ видьма не спортыла". Когда на Пасху разговѣешься и выйдешь на дворъ,—то, что прежде всего увидишь, тѣмъ и промышляй, т. е. занимайся,—удача будетъ. Если въ этотъ день будетъ дождь или небо хмарно, то къ урожаю. На „Великдень" врата въ царство небесное открыты; по-

этому, кто въ продолженіи трехъ дней умретъ, того душа идетъ прямо въ рай. Ребенокъ же, родившійся въ эти дни, считается несчастнымъ. Отъ Св. праздника и до Вознесенія Христосъ ходитъ по землѣ; поэтому, если увидишь человѣка издали даже, то слѣдуетъ ему поклониться, потому что „може то Самъ Сусъ Хрыстосъ". На Пасху, говорятъ, „сонце грае, якъ сходе". Кости, скорлупы и другіе остатки свяченаго, за исключеніемъ оставленнаго для разныхъ домашнихъ потребъ, относятся на воду, чтобы не топтать ихъ ногами, что считается великимъ грѣхомъ. Послѣ обѣда ходятъ на кладбище, христосуются съ умершими и кладутъ на могилы яйца, которыя подбираются собравшимися здѣсь дѣтьми. Утромъ ходятъ мальчики по домамъ и христуютъ такъ:

„Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ (3 раза).
Сонце святыцьця,
Исусъ Хрыстосъ на свитъ родыцьця.
Божа Маты на камени стояла,
Кровави слезы пролывала.
Пылаты, Пылаты!
Якъ намъ Хрыстово тило зняты,
На престолъ положыты,
Плащеныцею укрыты?
Тамъ пташкы литалы,
Весело спивалы,
Исуса Хрыста звеселялы;
И мы будемъ спиваты,
Исуса Хрыста звеселяты.
Тамъ громы гремилы,
Додолу упалы.
Пидыть, диты, пиднимите,
Краснымъ яечкомъ обдарите.
Покы новый свитъ настане,
Земля потрясецьця,
Каминь роспадецьця.
Каминь роспавсь,
До гроба не мавсь.
Хрыстосъ воскресъ изъ мертвыхъ (3 раза)".

Второй день Пасхи называется „Богородыця". Въ этотъ день раздаютъ нищимъ милостыню,—пасху, яйца и проч. Когда въ первый день дѣлятъ яйца поровну всѣмъ членамъ семейства, тогда оставляютъ часть мертвымъ, которую и раздаютъ на 2-й день.

Третій день называется „Тройця", а слѣдующіе дни—„велыкоднымы святкамы", продолжающимися до проводъ (понедѣльника), когда большинство тоже не работаетъ, поминаетъ родныхъ, пьетъ водку и нерѣдко гуляетъ до самаго вечера (женщины и мужчины). Кто на проводы работаетъ, съ тѣмъ случаются несчастья, а кто сѣетъ, у того посѣянная въ этотъ день нива „не вроды". Въ продолженіи святокъ во время обѣ-

да кладутъ на столъ лишнюю ложку, „шобъ було чимъ обидать Исусу Христу“.

Съ 4-го дня святокъ „челядь“ (молодежь) начинаетъ дѣлать „складки“, заключающіяся въ томъ, что дѣвушки приносятъ изъ дому муку, яйца, масло и сало, изъ этихъ продуктовъ пекутъ крендели, орѣшки, жарятъ яичницу и проч., а парубки просятъ у родителей денегъ и покупаютъ водку, вино, пряники и орѣхи. Здѣсь они пьютъ, закусываютъ, поютъ пѣсни, танцуютъ и т. д.

„Пра́ва середа“ (Преполовеніе). Такъ какъ въ этотъ день бываетъ въ церкви служеніе и святятъ воду, то крестьяне до обѣда празднуютъ всѣ, а послѣ обѣда большинство работаетъ, хотя и говорятъ, что, кто не празднуетъ этого дня, тому будутъ убытки и неудачи. Съ Преполовенія можно купаться, и, поэтому, если нѣтъ дождя, народъ начинаетъ обливаться водою, будто бы вызывая этимъ появленіе дождя.

Около этого времени бываютъ крестные ходы по полямъ, въ сопровожденіи многихъ людей, выходящихъ изъ дома натощакъ. Обойдя поля и помолясь Богу, останавливаются въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ готовится обществомъ обѣдъ и куда многіе хозяева привозятъ изъ дому закуски и кушанья съ цѣлью поминовенія усопшихъ. Во время обѣда, на которомъ присутствуютъ всѣ духовныя лица, пьютъ по нѣсколько рюмокъ водки и вина, закусываютъ пирогами со сметаной и ѣдятъ борщъ, лапшу, молочную кашу и проч. Послѣ обѣда, въ жаркое время, обливаются водой и вѣрятъ, что послѣ этого Господь пошлетъ дождь, если только есть между обливающимися „хочъ одна душа благочестыва“.

„Вше́стя“ (Вознесеніе). Въ среду подъ этотъ праздникъ до обѣда работаютъ, а послѣ обѣда не работаютъ, потому что „настае́ Вше́стя“. „Не прыходыцьця въ середу Вше́стя, а въ четверъ“. Отъ праздника Пасхи и до Вознесенія Богъ ходитъ по землѣ, вслѣдствіе чего въ продолженіи этого времени по вечерамъ ничего не работаютъ,—„святи́ вечира́“.

„Тройця, Клечальна или Свята Неди́ля“. Въ субботу подъ этотъ день „до схидъ сонця“ рвутъ „любыстокъ“ и полынь, а послѣ обѣда „щебрець“ и другую зелень для посыпанія по хатѣ. Святковую зелень, которая лежитъ въ хатѣ три дня,

хранятъ, какъ лѣкарство: настой изъ полыни употребляютъ отъ „сояшныць", щебрецъ нюхаютъ тѣ, у кого испортилось обоняніе, а другія травы употребляютъ для мытья больной головы и для купанья новорожденныхъ дѣтей и родильницъ. Къ Троицѣ крестьяне украшаютъ свои хаты и постройки „клечаннемъ" (древесными вѣтками), которое рубятъ въ саду и въ лѣсу. Вѣтки осины, воткнутыя въ ворота и углы загороды, охраняютъ дворъ и скотъ отъ вѣдьмы. Если листья „клеча́ла", поставленнаго въ хатѣ, почернѣютъ въ теченіе трехъ дней, то въ этомъ году въ домѣ будетъ покойникъ, т. е. кто-нибудь изъ хозяевъ умретъ. Ложась спать подъ этотъ день, нѣкоторыя хозяйки постели не стелятъ. Если ночью подъ Троицу (и подъ другіе большіе праздники) произойдетъ въ домѣ необъяснимый стукъ или шумъ, или упадетъ икона, лампада, то это говорятъ, передъ „прычыною" или смертью. Утромъ стараются пораньше встать, „шобъ недримлывымъ буть". Кто на Троицу и вообще въ большіе праздники, стоя въ церкви, не приклоняетъ головы во время большаго выхода съ Св. Чашею, тотъ „уриклывый буде". Эти святки, называемыя „Троецькымы", празднуютъ три дня, по прошествіи которыхъ хатній соръ собирается, выносится въ садъ и подсыпается подъ плодовыя деревья, „шобъ черва́ на ныхъ не завбдылась". Въ четвергъ на этой недѣлѣ бываетъ „русальчынъ велыкдень", когда боятся ходить въ лѣсъ, садъ и даже огородъ, „шобъ русалка не залоскотала". Въ продолженіи всей этой недѣли не подсыпаютъ „квочекъ", „а то не выведуцьця курчата, а яке́ й вылупыцьця, такъ буде каликою". Во всю недѣлю вечерами не работаютъ, потому что „грихъ",—„святи вечира".

„Десята пьятныця" (послѣ Пасхи). Этотъ день всѣ празднуютъ, разсказываютъ много несчастныхъ случаевъ съ тѣми, кто работаетъ въ этотъ день,—„кара́е свята́ Пьятинка".

„Петри́вка, петривськiй пистъ".—„Петривочка—мала ничка". Въ петровку производится покосъ сѣна и поэтому весь сильный людъ находится въ степи; дома же остаются старыя бабы и дѣти, справляющія домашнія работы: бабы доятъ коровъ, собираютъ масло и сыръ, полятъ огороды и т. п., а дѣти помогаютъ имъ, выгоняютъ скотъ въ череду, пригоняютъ его и т. д. Вотъ и пѣсня о такой помощницѣ:

„Мале́нька ничка—петривочка,
Не выспалась наша дивочка,
И якъ къ че́реди гнала,—
Задримала,
На пенькы ногы позбывала,
На шпычкы очи повыймала“

Дни недѣли. Въ „недилю“ (воскресенье) ничего не работа́ютъ, „ато чымъ не́будь, а покара́ свята Неди́ленька“. Разсказываютъ, что одинъ человѣкъ въ этотъ день рубилъ дрова, вслѣдствіе чего у нихъ вывелись „вси гуся́та съ перерубанными головка́мы“.

„Понедилокъ—самый важкый день“, въ который не начинаютъ никакого важнаго дѣла. Есть люди (въ особенности женщины), которые въ этотъ день „понеди́лкують“, т. е. постятся и не ѣдятъ скоромной пищи.—„Вивторокъ, четверъ и субота“ признаются легкими днями, въ которые можно начинать всякія дѣла, если только воспоминаемый въ нихъ святой не мученикъ.

Подъ пятницу и въ пятницу не прядутъ, льну не бьютъ и не золятъ (бучатъ) бѣлья. Кто въ пятницу золитъ, „того на тимъ свити будуть по́зилкамы (золою) годувать“, а чтобы этого не случилось, женщина должна выпить 3 ложки жидкой золы. Разсказываютъ, что одна женщина золила подъ пятницу, и вотъ ночью, когда она уже спала, „жлукто“ само собою падало три раза съ страшною силою. Это такъ напугало ее, что она съ этого дня перестала золить въ пятницу. Другая женщина пряла подъ пятницу: „Отъ одынъ разъ сыды́ть вона́ и пряде́. Открыва́ецьця викно, кыдаеть ий хто-то кучу верете́нъ и ка́же: „Ты щыра прясты,—напряды жъ за ничъ уси веретена!“ Жинка узяла йихъ и давай прясты и намотувать: на те́ нытку, на те́ дви, а на те́ тры; пообмо́тувала вси веретена и выкынула за викно. Вранци вона выйшла съ хаты, подывылась, ажъ ничо́го нема биля виконъ“. Говорятъ, что если бы эта женщина не догадалась такъ поступить, то ее „покара́ла бы свята Пьятныця“, которая представляется народомъ въ видѣ молодой дѣвушки.

Въ пятницу и среду женщинамъ не полагается чесаться: зубы будутъ болѣть. Женщина, вѣнчавшаяся въ среду, останется вдовою, а мужчина, повѣнчанный въ пятницу, останется

вдовцомъ. Такъ какъ въ субботу приходится раньше обыкновеннаго заканчивать свои дѣла, то поэтому народъ и говоритъ: „субота—не робота“.

Примѣты относительно погоды. Передъ дождемъ: свиньи хрюкаютъ и бѣгутъ домой, кошки и собаки спятъ, лошади фыркаютъ; ласточки летаютъ низко, воронъ кричитъ, воробьи купаются въ пыли, цыплята пищатъ, пчелы гуляютъ безъ времени, блохи кусаются, дремается, въ ушахъ чешется, поясница болитъ, спину ломитъ и вообще болятъ поврежденные члены, солнце садится за тучи, дымъ стелется по землѣ, небо желтовато-зеленаго цвѣта, соль мокрѣетъ. Передъ вѣтромъ: вечерняя заря горитъ, мѣсяцъ въ кругу, небо желто, въ трубѣ гудитъ, грачи и галки кружатся по воздуху, шумя крыльями. Передъ морозомъ и холодомъ: кошка прячется въ теплое мѣсто и свертывается, солома, перегорѣвшая въ печкѣ или трубкѣ, свертывается въ комки-клубки, снѣгъ подъ ногами скрипитъ, около солнца появляются столбы или кругъ. Передъ мятелью: собаки качаются по снѣгу, грачи и галки кричатъ и летаютъ, шумя и нечасто махая крыльями, волы бѣгаютъ и брыкаютъ. Передъ тепломъ: кошки лежатъ на полу, вытянувшись во весь ростъ.

Если зима будетъ теплая и тихая, то и лѣто будетъ теплое и тихое, а если холодная и вѣтреная,—и лѣто будетъ холодное и вѣтреное. Если въ филипповку будутъ сильные морозы, то во время жатвы будутъ сильные жары. Чѣмъ больше зимою будетъ падать инея, тѣмъ лучшій будетъ урожай. Въ какой сторонѣ загремитъ первый громъ, тамъ будетъ урожай. Если на зимняго Николая (6 дек.) напьется пѣтухъ около порога, то будетъ хорошій урожай. Если 9 марта будетъ морозъ, то отойдетъ, говорятъ, 40 морозовъ, а 40 еще останется; если же не будетъ, то останутся всѣ 80 морозовъ и поэтому весною долго будетъ продолжаться холодъ.

Къ свѣтлому празднику готовятъ **писанки и крашенки.** Писанки, приготовляемыя въ нѣкоторыхъ домахъ съ помощью воска, съ рисунками въ видѣ крестика, сосенки, полосокъ, пятенъ, кривулекъ и т. п., дѣлаются для дѣтской забавы и не имѣютъ въ народной жизни никакого значенія; крашеныя же яица имѣютъ нѣкоторое значеніе и съ ними связано нѣсколько

повѣрій, обрядовъ, поговорокъ и проч. Крашенки готовятся въ субботу, потому что яица, окрашенныя въ пятницу, скоро портятся, а окрашенныя въ субботу сохраняются въ теченіе всѣхъ святокъ.

Красятъ ихъ въ красный, желтый, зеленовато-синій и золотистый цвѣта: для краснаго цвѣта берутъ въ лавкахъ красную краску и фуксинъ, для желтаго употребляютъ траву „свéрбель“ и яблоновую кору, для зеленовато-синяго рвутъ и варятъ пролѣски, а для золотистаго покупаютъ порошки, спеціально для этого приготовленные. Но такъ какъ для пріобрѣтенія краски и фуксина требуются деньги и кромѣ этого для окраски яицъ нужны еще квасцы и водка, то бѣдные крестьяне въ большинствѣ случаевъ употребляютъ для этого домашнія матеріалы, между которыми, кромѣ упомянутыхъ, извѣстны: бузиновыя ягоды, окрашивающія яйца въ сизо-пепельный цвѣтъ, „цыбулыння“ (кожица съ лука), придающее имъ желто-красный цвѣтъ и просяная и гречневая полова, отъ которой они получаютъ желтоватый цвѣтъ съ бѣловатыми пятнами. Яйца, окрашенныя вышеупомянутыми домашними матеріалами, хотя не такъ красивы, но за то не требуютъ никакого расхода. Яйцо, выкрашенное и вынутое изъ краски первымъ, хранятъ для подкуриванія имъ отъ лихорадки. Красить яйца въ черный цвѣтъ „не годыцьця“: это напоминаетъ кровь лукаваго (злаго духа); окрашенныя же въ красный цвѣтъ напоминаютъ кровь Спасителя.

Существуетъ повѣрье, что когда-то Іисусъ Христосъ на зеленой травкѣ раздавалъ дѣтямъ крашеныя яйца, чему они весьма радовались. Съ этого времени и люди стали готовить къ празднику крашенки. Давая дѣтямъ по крашенкѣ, родители разсказываютъ имъ это преданіе и прибавляютъ: „Прыйде Хрыстосъ, дасть и вамъ по красному яéчку“!

Если подъ „Велыкдень“ выстоишь въ церкви всю ночь съ крашенкой въ карманѣ и выслушаешь, не дремая, утреню и обѣдню, такъ тогда смѣло держи это яйцо въ продолженіи многихъ лѣтъ: оно не испортится; а если съ однимъ и тѣмъ же яйцемъ выстоишь въ церкви подрядъ 20 лѣтъ, тогда увидишь всѣхъ вѣдьмъ, которыя будутъ приставать къ тебѣ, чтобы получить это яичко. Если же уйдешь изъ церкви домой, не вы-

слушавъ дѣяній, „покы дочытаюцьця до Хрыста“, и положишь яйцо, бывшее въ карманѣ, на столъ, то оно послѣ обѣдни окажется другого цвѣта, напр., изъ краснаго превратится въ желтое и наоборотъ: значитъ вѣдьма перемѣнила твое яйцо на другое. Когда ночью на „Велыкдень“ встаютъ, то кладутъ въ миску съ водою, которою умываются, красное яйцо и мѣдную монету; это дѣлается для того, чтобы красивымъ быть. Кто позже всѣхъ встанетъ и умоется, тому достанется яйцо и монета.

Яицъ въ каждомъ семействѣ освящаютъ на Пасху 13, по числу 12 апостоловъ и Спасителя. Пришедши изъ церкви, одно яйцо откладываютъ отдѣльно, и потомъ, какъ только разговѣются, беретъ его хозяинъ, идетъ въ загороду и, проводя имъ крестообразно по спинѣ каждаго животнаго, говоритъ: „Христосъ воскресъ“! Затѣмъ одни изъ хозяевъ возвращаются въ хату, очищаютъ это яйцо отъ скорлупы, крошатъ его на мелкія части, смѣшиваютъ съ отрубями и даютъ поѣсть скоту, а другіе привѣшиваютъ его цѣленькимъ „пидъ повиткою“, т. е. подъ сараемъ. И то, и другое дѣлается съ тою цѣлью, „шобъ скотына була̀ благополушна и здорова“. Свяченыя яйца нѣкоторые люди сохраняютъ изъ года въ годъ, и, если случится пожаръ, перебрасываютъ ихъ черезъ огонь, вѣря, что онъ отъ этого можетъ потухнуть. Употребляютъ ихъ и отъ разныхъ болѣзней: кладутъ скорлупки свяченаго яйца на огонь, и дымомъ ихъ подкуриваются отъ лихорадки, отъ куриной слѣпоты и отъ зубной боли, а также зашиваютъ яйцо въ платочекъ, вѣшаютъ на шею и носятъ его до тѣхъ поръ, пока лихорадка броситъ.

Яйцо, полученное на Пасху при первомъ христосованьи, можетъ пролежать много лѣтъ, не подвергаясь порчѣ. Разсказываютъ, что одна дѣвушка пошла на „Велыкдень“ въ хлѣвъ и забрала въ ведро снесенныя курами яйца. Возвращаясь съ ведромъ яицъ въ хату, она повстрѣчала около дверей странника и сказала ему: „Христосъ Воскресъ“!—„А хиба сегодни Велыкдень, шо ты хрыстóскаешься“? спросилъ странникъ.—„Велыкдень“, отвѣчала дѣвушка.—„Не повирю! хиба отѝ яйца, шо ты несешь, пороблянцьця краснымы, тоди повирю“, сказалъ странникъ. Смотрятъ,—дѣйствительно всѣ яйца въ ведрѣ превратились изъ бѣлыхъ въ красныя. Тогда странникъ отвѣтилъ дѣвушкѣ: „Воистину воскресъ!“ И пошли оба въ хату.

Шутя съ дѣтьми и равными себѣ, говорятъ: „поцилюй мене въ лобъ и лысенку,—дамъ тоби яйце и пысанку". Крашенными яйцами дорожатъ гораздо болѣе, чѣмъ бѣлыми. „Дороге яйце якъ крашене, а биле и въ пистъ бачылы, та ще й у петривку побачымъ". Во время какой либо игры за красное яйцо даютъ два бѣлыхъ. Игры же на крашенки продолжаются всѣ святки. Играетъ не только молодежь, но и взрослые женатые мужчины. Играютъ чаще „навбытка" и въ „котка". Игра „навбытка" состоитъ въ томъ, что одинъ держитъ въ рукѣ яйцо, носкомъ вверхъ, а другой бьетъ носкомъ своего яйца; затѣмъ бьетъ другой по обратной сторонѣ: чье яйцо разобьется съ обѣихъ сторонъ, тотъ и проигрываетъ его. Игра же въ „котка" заключается въ томъ, что по наклонному мѣсту съ преградой внизу катаютъ яйца, одно за другимъ, по очереди, попадая своимъ въ чужое: кто чаще попадаетъ, тотъ больше выиграетъ. Кладутъ нѣсколько шапокъ, подъ одной изъ которыхъ находится крашенка: кто угадаетъ подъ какой шапкой яйцо, тотъ выигрываетъ его. Еще кладутъ на извѣстномъ мѣстѣ яйцо, въ десяти шагахъ отъ котораго стоитъ играющій человѣкъ; затѣмъ завязываютъ ему глаза, и онъ такимъ образомъ отмѣряетъ ногами 10 шаговъ, оставливается, развязываетъ повязку и, не сходя съ мѣста, достаетъ положенную писанку, если это возможно; если же нельзя ее достать, значитъ онъ проигралъ и долженъ отдать свою. Играютъ также на святкахъ въ „орла", т. е. подбрасываютъ монету и угадываютъ, какою стороною къ верху упадетъ она: если угадаетъ,—получитъ яйцо, а не угадаетъ,—отдаетъ свое. Наконецъ играютъ еще въ „кыдка". Игра эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ кладетъ двѣ крашенки на такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы между ними не могло прокатиться яйцо; другой же становится въ саженномъ разстояніи отъ нихъ и бросаетъ туда свою крашенку: если попадетъ разомъ въ оба яйца, то выигрываетъ ихъ себѣ, а если попадетъ въ одно или вовсе промахнется, то отдаетъ свои двѣ крашенки.

Земледѣльческіе обряды, пословицы, пѣсни и разсказы. Когда въ первый разъ собираются ѣхать орать, то зажигаютъ свѣчу передъ иконами и все семейство молится Богу; затѣмъ

окропляютъ воловъ св. водою, „щобъ воны благополу́шни булы́“, и уѣзжаютъ, не забывъ побольше захватить харчей, согласно пословицѣ: „йидышъ на день, а харчей беры на недиллю“.

Привожу два разсказа, въ которыхъ выражается народная надежда на помощь Божію. 1) Одинъ человѣкъ очень старательно пахалъ добрую землю. Идетъ Господь со св. Петромъ и говоритъ ему: „Здравствуй! Боже тоби поможы́“. — „Та тутъ така го́жа земля, що и бизъ Бога вроде“, отвѣчалъ человѣкъ. Господь пошелъ дальше, увидѣлъ другого человѣка, кое-какъ пашущаго плохую землю, поздоровался съ нимъ и спрашиваетъ: „Що ты, чоловиче, такъ плохо орешъ? — „Та земелька плоха, такъ я йи и орю, кой-якъ! Може Богъ дасть хочъ зе́рнечко ве́рнецьця“. Въ послѣдствіи оказалось, что у перваго не уродился хлѣбъ, кромѣ полоски, гдѣ Господь съ св. Петромъ прошелъ, а у второго былъ прекрасный урожай. 2) Св. Петръ увидѣлъ пашущаго человѣка и сказалъ ему: „Боже поможы!“ — „Мини́ вже́ Богъ помога́въ, я самъ соби ду́жче поможу́!“ отвѣчалъ грубый человѣкъ. Св. Петръ ушелъ, а у человѣка сейчасъ же издохъ волъ.

Когда доорются до дороги, нѣкоторые „орачи“ почему-то имѣютъ обыкновеніе говорить такія слова: „Оравъ я въ чыстому поли, та доорався до дорогы, найшовъ шапку й палку и попо́вы рызы. Буды мини въ поли ораты, — пиду я въ Полтавъ городъ молытвы даваты. Зайшовъ я въ перву хату, — дають мини кусокъ сала, ще й поляныцю, и копу грошей, за те що я пипъ хорошій“.

„Мои мали́ пого́нычи
Пойихалы орать;
Воны не вмилы панять,
Та не вмилы и крычать.
Воливъ плуга́тырь патуры́въ,
Погонычивъ погубывъ.
Ставъ мий плугатырь орать, —
Никому воливъ панять;
Начавъ плугатырь серчацьця,
А погонычи збигацьця, —
Панялы и тука́лы,
Покы плугъ поламалы“.

* * *

„Въ понеди́локъ пойихалы,
А въ вивторо́къ прыйихалы;
Вранци въ середу оралы,
Въ четверъ вже плугъ поламалы,
Въ пьятныцю воливъ погубылы,
Въ суботу воливъ найшлы
И до дому пишлы.
Тутъ прыйшовъ и пипъ,
Шобъ до церквы йты.
Иды, пипъ, колоты́,
А я лапти доплету,
Тоди й до церквы пиду“.

Привожу народный разсказъ о томъ, какъ орали птицы.

„Одынъ разъ оралы—перепелыця, курипка(куропатка), деркачъ (коростель) и прыпутень (дикій голубь): перепелыця вела переднихъ воливъ, курипка—пидпередныхъ, деркачъ—колишенныхъ, а прыпутень за плугомъ ишовъ. Перепельця веде та посвыстуеть, курипка веде и крычыть: „туры зъ горы! туры зъ горы! Деркачъ крычыть: „тпру! тпру! тпру! А прыпутень за плугомъ репетуе: „припены! рипены, прыпены"! Перепелъ прыйшовъ подывыцьця,—иде ззади и говоре: „такъ оратъ, плугы ломатъ, дни терятъ! тутъ, тутъ, тутъ!"

Весною, какъ только сойдетъ снѣгъ съ земли, крестьяне въ первое воскресенье или праздникъ приглашаютъ послѣ обѣдни священника и служатъ на площади молебенъ съ освященіемъ къ предстоящему посѣву хлѣбныхъ зеренъ. Когда же подсохнетъ, мужчины собираются ѣхать сѣять и надѣваютъ на себя тѣ сорочки, въ которыхъ они причащались, когда говѣли (сорочки эти они снимаютъ по приходѣ изъ церкви и хранятъ до времени посѣва). Дѣлается это для того, „шобъ не було будякивъ и бурьяну мизъ хлибомъ". Затѣмъ все семейство молится Богу; берутъ съ собою мужчины „хрестъ", испеченный на средокрестной недѣлѣ, и уѣзжаютъ. Упомянутый „хрестъ" долженъ храниться до этого времени въ амбарѣ или закромѣ между хлѣбными зернами. Если до него доберутся мыши и погрызутъ, то это означаетъ, что въ наступившемъ году будетъ много мышей. Пріѣхавши на мѣсто посѣва, берутъ „хрестъ", кладутъ его на „зворотахъ" въ борозду той нивы, которую будутъ сѣять, и начинаютъ работать. Сѣяльщикъ становится на востокъ лицомъ, читаетъ „Отче нашъ", беретъ мѣшокъ съ зерномъ и начинаетъ свою работу. Во время посѣва онъ одинъ разъ бросаетъ зерно „навхрестъ" и говоритъ: „Уроды, Боже, и на чужу долю!" По окончаніи посѣва начинаютъ волочить и, обошедши одинъ разъ ниву, останавливаются около „хреста", берутъ его, перекрестившись, размачиваютъ водою и ѣдятъ всѣ участники посѣва.

Засѣвать первую ниву слѣдуетъ натощакъ, чтобы лучшій хлѣбъ уродился. Кто сѣетъ съ молитвою, тому Богъ посылаетъ хорошій и чистый хлѣбъ; кто же ругается, а не молится, у

того бываетъ плохой хлѣбъ, съ большимъ количествомъ будяковъ и бурьяну, которые сѣетъ діаволъ, ходя вслѣдъ за ругающимся, человѣкомъ. Если земля рыхлая и хорошо обрабатывается значитъ будетъ урожай. Кто чиститъ сажу и потомъ ѣдетъ сѣять, у того заводится и въ хлѣбныхъ колосьяхъ сажа, т. е. „зона". Кто хочетъ пріобрѣсть хорошаго пшеничнаго зерна для посѣва, тотъ срываетъ на добрыхъ нивахъ тѣ колоски, которые наклонились на югъ и съ нихъ собираетъ зерно для завода. Есть повѣрье, что изъ плохого всхода выходитъ лучшій хлѣбъ, чѣмъ изъ хорошаго, потому что послѣдній „урикáють люды, зозихáя на ёго".

Пословицы и поговорки о посѣвѣ: „Сий овесъ та ячмúнь у калъ (грязь), такъ винъ тебе нарядé у жупанъ. Сий мене хочъ въ золу, та въ пору (о ячменѣ). Уроды, Боже, добрый овесъ на мий хрестъ. Уроды, Боже, съ сивкá тры мишкá: мирочку попóви, коробочку дякóви, а кившыкъ питухóви, за те ёму, шо винъ пúсеньку спивае, хозяена урожаемъ розвеселя́е".

Если между выросшимъ хлѣбомъ попадаются двойные колосья то говорятъ, что онъ выйдетъ добрый на зерно. Хлѣбные колосья грѣхъ срывать, „а то якъ зóрвешъ и повие витеръ на соломыну бизъ головы, такъ вона буде крычать: „прыдáй, прыдáй смéрты! прыдáй, прыдáй смéрты"! Во время жатвы и вообще при уборкѣ хлѣба по колосьямъ и по зерну могутъ ходить только тѣ, кто убираетъ его; остальнымъ же, неработающимъ, ходить и топтаться по немъ „не годыцьця,—грихъ". Если во время жатвы (и въ другое время) придется переходить или переѣзжать „перехресну дорогу", то слѣдуетъ говорить такъ: „Господы Исусе Хрысте! Перехресна дорога! Дай, Боже, здоровья въ ручкы, въ ножкы и въ жывúтъ трóшкы" или: „Помьянú, Господы, въ царстви небесномъ нехрещéныхъ дитей"!

Когда на нивѣ окончатъ работу, молятся Богу и говорятъ: „Нывко, нывко! верны мою сылку"! Въ доказательство того, что, работая, всегда нужно надѣятся на помощь Божію, разсказываютъ слѣдующее: „Одна дивка дожынала до обидъ свою ныву. Идетъ Богъ и св. Петро и кажуть ий: „Здоровъ, дúвчыно"!—„Здрастуйты"! „Боже тоби поможы"!—„Та въ мене вже тутъ трошкы осталось, я й бизь Бога дожнý", одвичала вона. Богъ и св. Петро пишлы,

а йи заразъ же схваты́лы со́яшныци, и вона въ цей день не дожала своеи полосы, а оставалось всёго не билшъ, якъ на два́ сно́пы". Если уродится хорошій хлѣбъ, тогда говорятъ: „Самъ Богъ походывъ по ныви"; а если плохой, то говорятъ, что „роботныка посылавъ."—Хлѣбныхъ растеній, оставшихся въ полѣ нескошенными, грѣхъ, говорятъ, сожигать, потому что тамъ Господь отдыхаетъ.

Пѣсни, пословицы и проч. о косовыцѣ и жатвѣ: „Косывъ батько, косывъ я, та выкосывъ соловья, здорового—якъ и я. Косыть косы, а йисты не просы. Наско́чыла коса на каминь. Пишла ґанжа́ жыто жаты, та забула серпа взяты. Пройшла косовы́ця и жныводы́ця, стала жинка красовы́ця".

„Ко́сари косять,
Витеръ повивае,
Десь моя мыла
Зъ и́нчымъ размовляе.
Якъ пиду я яромъ,
Яромъ долыно́ю
До зру́блынои крыйны́ци
Брать холоднои водыци,
А тамъ беруть воду
Чужи молодыци".

Передъ завтракомъ поютъ дѣвки:

„Заскрыпилы вори́течка,
Лыбо́нь на морозъ;
Зашумилы густи лозы,
Лыбонь буде дощъ.
Не дай, Боже, морозоньку,
Та дай, Боже, дощъ,—
Сино прымочыть,
Грыбцямъ отпочыть;
На па́нове сино,
Шобъ тамъ воно сило,
На панивъ овесъ,
Шобъ тамъ сивъ увесь.
Та вже во́ронъ литае,
Винъ снидаты шукае:
Ой, дай, пане, дай
Та снидаты намъ,
А якъ не дасы,—
Робыть не просы;
Ой, дай, дай, пано́чку,
Намъ хочъ по шмато́чку,
А ты, паненя,
Дай (хочъ) пивъ сухаря".

Позавтракавши, поютъ такъ:

„Ой, спасыби хозяену
За хлибъ и за силь,
И за водопий,
Шо нагодувавъ
И понапувавъ,
А отдыхнуть не давъ.
А въ на́шого прыка́жчыка
Нема штанивъ ни клаптыка:
Сама очкурня;
А въ нашого прыка́жчыка
Кобыла ряба,
Прыва́лу нема".

* * *

„Брала дивка ленъ, ленъ,
Та ще й конопе́лькы,
Не вывчылась на роботу,—
Та на вытрыбе́нькы;

Брала дивка ленъ, ленъ,
Брала чечевыци,—
Та не вчылась на роботу,
Та на вечерныци".

Въ достаточныхъ семействахъ жатва и перевозка хлѣба съ поля на токъ идутъ почти одновременно. Когда въ первый разъ везешь хлѣбъ съ поля и обломаешься или перекинешься, то это плохой признакъ: „будешъ всю возовыцю облáмувацьця и перекыдáцьця". Если къ такому человѣку, который ругается во время „возовыцы", прилетитъ птичка, сядетъ на возъ и защебечетъ (ее Богъ посылаетъ), то это значитъ, что онъ непремѣнно обломается дорогою. Кто ругается дома, скидая снопы, у того мыши поѣдятъ хлѣбъ. Если изъ колосьевъ сыплется зерно и остается на возу, когда скидаютъ снопы, то это считается вѣрной примѣтой хорошаго и обильнаго умолота. Хрѣнъ, освященный вмѣстѣ съ пасхой, и косточки съ освященнаго поросенка, хранятъ до урожая и кладутъ ихъ на „пидъ", подъ первый стогъ хлѣба, „шобъ мыши ёго не йилы". Привезши въ первый разъ хлѣбъ, берутъ одинъ или нѣсколько сноповъ, обмолачиваютъ ихъ пораньше утромъ, чтобы никто не видѣлъ, и затѣмъ вымолоченное зерно понемногу разсыпаютъ во всѣ закромá и амбары, „шобъ менше було мышей".—„Бизъ мыши хлиба не ззйисы, а бизъ жабы воды не напьешся". Впрочемъ, есть такіе знахари, у которыхъ мыши не ѣдятъ хлѣба въ стогахъ, но за это, говорятъ,—великій грѣхъ. Одинъ такой человѣкъ повезъ два воза хлѣба въ даръ монастырю и говоритъ монаху: „Я прывизъ вамъ такои пшеныци, шо й мыши йи не йилы". Монахъ отвѣчалъ: „Если её не ѣли мыши, то она не годна и людямъ", и не принялъ подарка. Если въ праздники мелятъ муку, то въ ней заведутся „шашели" (червечки). О спѣшной работѣ говорятъ такъ: „оры, мелы,—йижъ".

Хлѣбъ.—Когда сѣютъ муку, то передъ началомъ всегда крестятся, а по окончаніи проводятъ на ней пальцемъ правой руки крестообразный знакъ и накрываютъ чѣмъ-нибудь, если не сейчасъ готовить тѣсто; накрываютъ для того, чтобы кошка не понюхала, „ато нéжень нападé". Когда же сажаютъ хлѣбъ въ печь, тогда на первой паляницѣ сверху проводятъ опять такой же крестъ, что обязательно дѣлается всякою опытною хозяйкою. Вынимая изъ печи хлѣбъ и пробуя, выпекся онъ или

нѣтъ, не слѣдуетъ стучать „по спи́дци, ато ёму бо́льно“, а нужно стучать по верхушкѣ. Народъ вѣритъ, что „хлибъ жывый, покы ёго покосять, повозять, помолотять и помелють, а якъ спечуть, такъ тоди вже винъ мертвый“. Вынувши изъ печи ржаной хлѣбъ, верхушку его мочатъ водой, „шобъ помына́лысь гришни родычи на тимъ свити и шобъ Богъ давъ имъ хлиба и воды“. Вообще вѣрятъ, что души умершихъ питаются и поминаются паромъ вынутаго изъ печки хлѣба, и въ особенности разломаннаго и разложеннаго по окнамъ. Кто будетъ ѣсть цвѣлой и поджаренный хлѣбъ, тотъ будетъ умѣть хорошо плавать, а кто въ хлѣбѣ съѣстъ песчинку, тотъ утонетъ. Нѣкоторые, смотря и указывая на паляницу, говорятъ шутя: „Я оцю ззимъ, та ще симъ; гляну на сволокъ, та ще сорокъ; гляну на полыцю, та ще паляныцю; гляну на жертку, та ще чвертку“ (четверть). Если найдешь хлѣбъ,—будетъ счастье и удача, а если желѣзо,—несчастье и неудача. Найденный сухарь сохраняютъ и подкуриваются имъ отъ лихорадки и ѣдятъ его, когда болитъ животъ. „Добрый хлибъ удався,—пидъ шкурынку хочъ заховайся“! Разсказываютъ, что одинъ „вивчарь“ былъ два раза женатъ. При первой женѣ онъ привыкъ, выгнавши овецъ въ степь, класть хлѣбъ въ воду ставка, гдѣ таковой зарыналъ, раскисалъ и былъ всегда готовымъ, когда бы онъ не вздумалъ его ѣсть. Умерла эта жена, и „вивчарь“ женился въ другой разъ. Напекла хлѣба другая жена. „Вивчарь“ погналъ овецъ, положилъ по привычкѣ хлѣбъ въ ставокъ и пошелъ съ овцами дальше. Напасши овецъ, онъ возвратился къ ставку, чтобы пообѣдать. Сюда-туда,—нѣтъ хлѣба: онъ всплылъ и былъ поклеванъ воронами. Такъ „вивчарь“ и остался голоднымъ, за что наказалъ свою жену, когда возвратился домой, доказывая ей, что она не умѣетъ хлѣба печь такъ, какъ покойница пекла.

Между народными **играми и забавами** имѣютъ нѣкоторый интересъ игры дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ. Чѣмъ старше этого возраста дѣти, тѣмъ игры ихъ дѣлаются блѣднѣе и постепенно теряютъ свой интересъ. Самое благопріятное время для игръ—весна, начиная съ праздника Пасхи и кончая Троицею; затѣмъ, по благопріятности, идутъ лѣто, осень и зима. Зимою рѣдко можно видѣть дѣтей, играющихъ во что нибудь;

вся игра ихъ въ это время заключается въ играньи въ „свы́нкы“, въ куклы, въ жмурки (въ „ку́зьмиркы“) „въ пана́са“, если у кого есть свободная комната, и въ катаньѣ съ горъ въ салазкахъ.

„Свынку“ (деревянный шаръ) гоняютъ по улицамъ „кійка́мы“ (палками съ головкой) и „ковы́зкамы“ (палками, загнутыми въ видѣ трубки), не только мальчики, но и взрослые мужчины. Игра въ „жмурки“ производится на току и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ жму́рится, т. е. становится около соломы или сѣна, закрывъ лицо руками, пока его товарищи попрячутся, и затѣмъ идетъ изъ своего мѣста, называемаго „городомъ“; отыскивать попрятавшихся дѣтей, которыя въ это время стараются прибѣжать обратно въ городъ. Если жмурившійся никого не словитъ, то онъ опять жмурится, а если словитъ, тогда жмурится пойманный и т. д. Игра въ „панаса“ заключается въ томъ, что одному изъ дѣтей завязываютъ въ комнатѣ глаза, ставятъ его около порога и говорятъ: „Панасъ, Панасъ! не ловы насъ. На тоби коробочку грушъ, та мене не ворушъ“. Послѣ этого дѣти тихонько ходятъ по комнатѣ, а Панасъ, разставивъ руки, ходитъ по хатѣ и старается словить кого нибудь. Кого онъ словитъ, тому и Панасомъ быть. Въ жмурки и въ панаса играютъ мальчики и дѣвочки.

Теперь опишу нѣсколько главнѣйшихъ дѣтскихъ игръ, производимыхъ большею частію весною. Игра „въ гусей“ или „гу́сочки“. Этой игрой забавляются мальчики и дѣвочки; причемъ одинъ мальчикъ бываетъ волкомъ, одна дѣвочка хозяйкой, а другая, ея дочь, пастушкой, всѣ же остальныя дѣти гусями. Волкъ отходитъ и ложится гдѣ-нибудь въ ямкѣ или за бугоркомъ, а мать говоритъ пастушкѣ: „Гоны, гоны, дочко, гусей на́ поле!“ Та гонитъ, говоря: „Гы́ля, гы́ля“! Дѣти отойдутъ и начнутъ щипать траву руками, а пастушка садится недалеко отъ нихъ. Хозяйка кричитъ: „Гусы, додому“! Одна дѣвочка (гуска) отвѣчаетъ: „Не смию“! „Бля чо́го“? „Бля вовка“! „А де вовкъ“? „За горою“! „Шо винъ робе“? „Гуску скубе“! „Чыю та чыю“? „Попову та дякову“! „Гусы додому“! Дѣти бѣгутъ къ хозяйкѣ, а волкъ въ это время выскакиваетъ, хватаетъ одного или двухъ изъ нихъ, ведетъ къ себѣ и ложится на своемъ мѣстѣ. Хозяй-

ка снова посылаетъ пастушку гусей пасти, и опять повторяется, тоже самое пока волкъ выловитъ всѣхъ гусей. Послѣ этого пастушка приходитъ и говоритъ: „Мамо! нема гусей". „А де жъ воны"? „Хто́ и зна, не бачыла. Ихъ мабудь вовкъ похватавъ"! „А ну ходимъ пошукаемъ"! Идутъ обѣ къ волку и хозяйка говоритъ ему: „Здоровъ во́вчыку"! „Здоровъ"! отвѣчаетъ волкъ. „Чы не бачывъ ты моихъ гусятокъ"? „А яки твои гуся́та"? „Биле́ньки, сире́ньки и загры́венькы" (пестрые, съ бѣлой шеей). „Пишлы биле́нькою, сиренькою и загрывенькою дорожкою". Хозяйка съ пастушкой поворачивается и идетъ отъ волка, а дѣти въ это время хлопаютъ въ ладоши. Она опять возвращается и говоритъ волку: „Нена́че гусы захлопалы крыламы"? „Ни, нема"! „А що то у тебе билие"? говоритъ хозяйка, указывая на дѣтей. „То паньски прачкы сорочкы тру́тъ". Хозяйка, не вѣря волку, идетъ туда, узнаетъ своихъ гусей и, хватая каждаго ребенка за ухо, говоритъ: „И це́ мое! и це́ мое"! „А ну, ну! давай спорыть. Воны й мои е"! говоритъ волкъ. Въ это время дѣти закладываютъ пальцы за пальцы, ладонь къ ладони и сидятъ, а хозяйка беретъ каждаго изъ нихъ за руки и начинаетъ разнимать. Какое дитя поддается разнять руки, то принадлежитъ ей, а какое не поддается, то волку. Затѣмъ проводятъ на землѣ черту (межу), находятъ палку, за которую хозяйка и волкъ берутся обѣими руками, а за нихъ сзади берутся одно за другое ихъ гуси, и, стоя волкъ на одной сторонѣ черты, а хозяйка на другой, начинаютъ перетягиваться. Если хозяйка съ своими гусями перетянетъ волка за черту, то всѣ будутъ въ раю, а если волкъ съ своими гусями перетянетъ ее за черту, то всѣ будутъ въ пеклѣ.—Игра въ „хронона", или въ „хро́на" (хрѣна).—При этой игрѣ одна дѣвочка—мать садится на землю, протянувъ ноги, на которыя ложится другая, а около нея садятся остальныя, кромѣ одной, которая идетъ вокругъ нихъ и поетъ: „Хрононы, хрононы! хто жъ тебе посадывъ?—Посадывъ мене Иванъ, Харіёнъ полывавъ, Харіёнова жона́ абса́жувала и обря́жувала; вона на дорожци жыла, трое дитокъ прывыла́... Нема попа, ни дяка, ни серебрянныка. Продай, бабо, хронъ"! Затѣмъ, поющая дѣвочка беретъ съ собою другую, сидящую съ краю, и вдвоемъ обходятъ вокругъ съ

этой же пѣснію; дальше третью и опять обходятъ и поютъ, и т. д., пока она заберетъ всѣхъ дѣтей, чѣмъ и кончается игра.

Игра „въ перепе́лкы“.—Берутся дѣвочки за руки, становятся кружкомъ, въ которомъ находится одна ихъ подруга, представляющая собою „перепелку“, и поютъ: „Я въ перепелкы та головка болыть. Тутъ була, тутъ була перепе́лыця; тутъ була, тутъ була, билозо́рюшка. Я въ перепелкы та очы́ци болять; я въ перепелкы та плечы́ци болять; я въ перепелкы та ручы́ци болять; я въ перепелкы пидпоя́ска болыть; я въ перепелкы та старый чоловикъ; я въ перепелкы молодый чоловикъ; я въ перепелкы нижкы коротеньки“. Послѣ каждаго предложенія поется: „тутъ була, тутъ була“ и т. д. Сообразно словамъ пѣсни „перепелка“ берется за голову, глаза, плечи, руки и поясницу, а когда поютъ „старый чоловикъ“, она закрываетъ лицо руками и плачетъ; когда же „молодый чоловикъ“ и „нижкы коротенькы“, тогда она смѣется и танцуетъ.

Игра „въ заюшкы“.—При этой игрѣ дѣти становятся также, какъ и при игрѣ „въ перепелкы“ и поютъ: „Заюшка, чы не ба́тюшка, по пужарыку ходывъ, били ножечкы томывъ. Оце тоби, заюшка, тры дороженькы, куды схочъ, туды скочъ, возьмы соби дивочку, та за билу ручку, поведы въ коми́рку, постелы́ пости́льку, та й уложи спаты, а самъ тикай съ хаты. Заюшка молодый по го́роду ходывъ, били ножкы томывъ, то въ той городокъ, то въ той городокъ. А у насъ городы все турецкии, а у насъ замкы́ все нимецькии. Та ни́куды заюшкы та ны вы́скочыты, та ни́куды заюшкы та ны выплыгнуты. А ну, зайка, поскачы, а ну, зайка, попляшы; а ну, зайка, скокомъ-бокомъ передъ майымъ карымъ окомъ, а ну, зайка, оберныся, зъ дивчонкою обнимыся“. Въ это время заюшка обнимается съ какой-нибудь дѣвочкой, которая послѣ этого становится въ кругъ и играетъ за зайчика.

Игра „въ бакше́вныка“.—Во время этой игры одинъ мальчикъ, считающійся волкомъ, садится гдѣ-нибудь за бугоркомъ или въ ямкѣ, а остальныя дѣти начинаютъ рвать руками траву и говорятъ: „Ирву́, ирву ори́шечкы, не боюсь вовка ни три́шечкы: вовкъ за горою, а я за друго́ю; вовкъ у жупани, а я въ шарафани“! Послѣ этого дѣти бѣжатъ, а волкъ гонится, ло-

витъ, кого успѣетъ и снимаетъ платокъ, шапку и т. п. Когда волкъ переловитъ всѣхъ дѣтей, тогда они начинаютъ выкупать свои вещи, давая въ уплату за нихъ волку палочку, черепочекъ, бумажечку и проч.

Игра „въ краскы". — При этой игрѣ одинъ мальчикъ бываетъ „ангеломъ", другой „цáпомъ", а одна дѣвочка „маткой", которая всѣмъ остальнымъ дѣтямъ даетъ по секрету названія красокъ. Ангелъ, стоя вдали, говоритъ: „Дзинь, дзинь"! Матка спрашиваетъ: „Хто йде"? „Ангелъ". „Зачымъ"? „За краскою". „За якóю"? Онъ говоритъ цвѣтъ краскы. Если угадаетъ, то къ нему идетъ дитя, съ названіемъ этой краски. Послѣ него говоритъ „цапъ": „Бóвъ, бовъ"! „Хто йде"? „Цапъ зъ бородою". „Зачымъ"? „За краскою". „За якóю"? „Цапъ" называетъ краску, послѣ чего къ нему идетъ отгаданное дитя. Когда ангелъ и „цапъ" отгадаютъ названія всѣхъ дѣтей, и они перейдутъ къ нимъ, тогда матка съ ангеломъ берутся рука за руку и поднимаютъ ихъ, а другими руками бьютъ „цапа" и его дѣтей по спинѣ, когда тѣ проходятъ у нихъ подъ руками. Иногда, при игрѣ въ краски, одно изъ дѣтей бываетъ торговцемъ, а другое монахомъ, который и говоритъ: „Дзинь, дзинь"! „Хто йде"? „Монахъ". „Въ чому"? „Въ билыхъ штанахъ". „Чого"? „За краскою". „А якои тоби краскы"? Монахъ говоритъ, какой краски и т. д.

Игра „въ котá и мышкы". — Играя „въ кота и мышкы", дѣти становятся въ кругъ, берутся за руки и стоятъ на своихъ мѣстахъ. Одно изъ дѣтей, представляющее изъ себя „мышку", бѣгаетъ подъ руками то въ кругѣ, то изъ круга, а другое, называемое „котомъ", гоняется за мышкой, пока не словитъ ее, послѣ чего она становится котомъ.

Игра „въ тыкача". — При этой игрѣ одно изъ дѣтей бываетъ „тыкачемъ", другое „свынаремъ", а остальныя, сидящія рядкомъ, — дѣтьми. При началѣ игры „свынарь" стоитъ, отвернувшись, въ сторонѣ, а „тыкачъ" каждому играющему „тычéтъ" въ руку палочку, которую и отдаетъ кому нибудь такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Послѣ этого приходитъ „свинарь" и, указывая на каждаго сидящаго, говоритъ: „Рай, рай!" а тому, у кого онъ предполагаетъ найти палочку, говоритъ: „а ты отдай!" Если не угадаетъ, то онъ идетъ пасти свиней и опять тоже

самое повторяется; а если угадаетъ, тогда отходитъ съ „тыкачемъ“ въ сторону и совѣтуется съ нимъ, какого выбрать жениха или невѣсту тому лицу, у кого была палочка. Затѣмъ возвратившись къ дѣтямъ, „тыкачъ“ говоритъ: „Кумушка, кумушка! я всю ночку не спавъ, та сыночка женывъ“ (или „дочку оддававъ“). Тѣ спрашиваютъ: „Якымъ порядкомъ?“ Онъ указываетъ въ ту сторону, гдѣ живетъ выбранная въ супруги пара. Всѣ дѣти начинаютъ отгадывать, и кто отгадаетъ, тотъ изъ нихъ становится въ повторяемой игрѣ „свинаремъ“, бывшій свинарь превращается въ „тыкача“, а тыкачъ—въ простого играющаго и садится рядомъ съ дѣтьми.

Игра „въ нещасный ополо́ныкъ“.—Игрой этой забавляются малыя дѣвочки и взрослыя дѣвушки. Она состоитъ въ томъ, что всѣ онѣ становятся рядомъ и берутся за руки, а одна стоитъ передъ ними и спрашиваетъ крайнюю, начиная съ правой стороны: „Здоровъ, кума! Чы ты ложкы мыла?“—„Мыла“. —„А ополоныкъ?“—„Забула“.—„Такъ не забувай, ку́мочка, не забувай“! При этомъ хозяйка бьетъ ее палочкой, а она, бросивъ руку подруги, бѣжитъ по подъ руками другихъ подругъ и останавливается на лѣвомъ концѣ. Послѣ этого дѣлается тоже самое со второй дѣвушкой, съ третьей и т. д.

Игра въ „во́рона“.—Въ эту игру играютъ не только малыя, но и взрослыя дѣвки, одна изъ которыхъ бываетъ „матерью“, другая „вороно́мъ“, а остальныя—дѣтьми, берущимися сзади за мать одно за другое. Воронъ беретъ палочку и роется ею въ землѣ. Мать спрашиваетъ его: „Вороны, вороны! шо ты робышъ“? „Пичку копаю“. „На шо“? „Окрипець гриты“. „На шо“? „Твоимъ диткамъ очи заливать“. „За шо“? „Шобъ не лазылы въ городокъ“. „А якы́й твий городокъ“? „Отакый! ажъ пидъ саме небо“, говоритъ воронъ, поднимая руки вверхъ. Мать же, опуская руку къ землѣ, говоритъ: „А въ мого батюшкы отаки́синькій, та й то не лазять. А ты загороды ёго ще выще“. „Чымъ?“ „Су́слычкамы та бублычкамы“. „А! воны заберуть йихъ та й пойидя́ть, а въ городокъ улизуть“. „Хиба́ ты вбо́гый на суслычкы та на бублычкы? По́кы ты йихъ найився“? „О по́кы“! отвѣчаетъ воронъ, проводя рукою по груди. „А напывся по́кы“? „О по́кы! говоритъ онъ и проводитъ ру-

кою по шеѣ. „А окружався покы“? „О покы“! отвѣчаетъ воронъ, проводя рукою по лбу и вокругъ головы. Затѣмъ мать говоритъ: „Вороны, вороны! шо за тобою“? „Рогачъ“. „А за мною красна дивка, тилко не плачъ! Вороны, вороны! що за тобою“? „Макýшка“, „А за мною дивка душка. Вороны, вороны! шо за тобою“? „Макогúнъ“. „Пожынысь за моею дивкою—красáвыцею навздогúнъ“! Въ это время воронъ бросается ловить дѣтей, а мать, разставивъ руки, старается не допустить его; но онъ все таки успѣетъ словить одну или двухъ дѣвушекъ. Дальше опять тоже самое повторяется, пока воронъ переловитъ всѣхъ дѣтей и уведетъ къ себѣ. Послѣ этого онъ ловитъ мать и, словивъ ее, начинаютъ они другъ другу „турчать“ въ уши, что дѣлаютъ и дѣти, турча въ уши матери, за то, что она не берегла ихъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ дѣтскихъ игръ, въ которыя иногда играютъ и взрослыя дѣвки, дѣти забавляются еще слѣдующими играми: „въ сúткы“, „въ дитя́ты“, „въ скаженаго порося́ты“, „въ рожи“, „въ зайця“, „въ блохы́“, „въ помóста“, „въ дрибушечкы“, въ мяча (въ мяча играютъ: „въ земляного“, „въ дучковóго“, „въ круговóго“, „въ литовóго—простого“), а также забавляются строеніемъ и копаніемъ хатокъ; но такъ какъ эти игры ничего не представляютъ интереснаго, то я ихъ объяснять и не буду.

Что же касается игръ чисто мужскихъ, то ихъ немного и особеннаго интереса онѣ не представляютъ. Скажу о нѣсколькихъ играхъ, въ которыя забавляются не только—дѣти и юноши, но нерѣдко даже и взрослые, женатые мужчины.

Игра „въ скракли“.—Приготовятъ 10 штукъ круглыхъ, длиною въ 6—8 вершковъ, деревянныхъ отрубковъ, называемыхъ „скракля́ми“, отмѣряютъ разстояніе, напр., въ 10 саж., на концахъ котораго и ставятъ эти отрубки рядомъ или въ шахматномъ порядкѣ по 5 штукъ. Средина разстоянія между поставленными „скракля́ми“ называется „масломъ“. Поставивъ, какъ слѣдуетъ, „скракли“, играющіе берутъ палки, и сначала одинъ бросаетъ свою черезъ все разстояніе, а потомъ, если собьетъ хоть одного, бросаетъ уже отъ „масла“, стараясь побольше сбить скраклей. Кто больше сбиваетъ ихъ,

тотъ и выигриваетъ, за что катается, сидя верхомъ на спинѣ своего противника.

Игра въ „довгои лозы“.—Всѣ играющіе становятся одинъ за другимъ, лицомъ въ затылокъ, въ разстояніи сажени или болѣе другъ отъ друга, наклоняютъ спину и голову и стоятъ. Одинъ, сзади стоящій, разгоняется, перепрыгиваетъ черезъ каждого и впереди всѣхъ становится и самъ также, какъ и всѣ играющіе товарищи; за нимъ тоже самое дѣлаетъ другой, задній, потомъ третій и т. д. Такъ какъ при этой игрѣ всѣ играющіе безпрестанно движутся впередъ, то, чтобы не зайти далеко, они поворачиваются передомъ въ другую сторону и продолжаютъ играть.

Игра „въ жута́“.—Эта игра состоитъ въ томъ, что забиваютъ колъ на ровномъ мѣстѣ, на который надѣваютъ петлями двѣ веревки, имѣющія и на другихъ концахъ петли, которыя надѣваются двумъ играющимъ черезъ плечо и подъ рукой. Послѣ этого обоимъ играющимъ завязываютъ глаза и одному изъ нихъ даютъ въ руки „тыркало́“ (трещетку), а другому „жутъ“, т. е. скрученный поясъ или другой предметъ. Первый бѣгаетъ кругомъ столба и „тырчи́тъ“, а второй, прислушиваясь, гдѣ онъ есть, старается догнать его и ударить жгутомъ. Если ударитъ, тогда они мѣняются своими ролями.

Игра „въ перепелы́ци“.—Эта игра, производимая исключительно пастухами въ степи, заключается въ томъ, что одинъ изъ играющихъ бросаетъ свою палку вверхъ, а всѣ остальные своими палками стараются на лету попасть въ нее. Кто попадетъ, тому и бросать первому и т. д.

Игры взрослыхъ и пожилыхъ людей совсѣмъ незатѣйливы, неинтересны и немногочислены. Ихъ игра—карты и шашки. Въ карты они играютъ: въ короля, въ дурака, въ своего козыря, въ фальки (въ фильку), въ вѣдьмы, въ носка, въ мельника и на деньги въ три листика. Чаще же всего пожилые мужчины играютъ въ шашки („въ да́мкы“), весь приборъ для которыхъ дѣлается самими играющими изъ палочокъ и досточки съ помощью ножа, угля и мѣла.

Танцевъ въ слободѣ Никольской, можно сказать, нѣтъ никакихъ. По крайней мѣрѣ мнѣ за 11 лѣтнюю службу не

пришлось здѣсь видѣть ни одного танцующаго крестьянина, если не считать какой нибудь пьяной личности, топающей ногами на одномъ мѣстѣ. Музыка, какъ инструментальная, такъ и вокальная, тоже весьма плохо развита. Здѣсь за рѣдкость приходится услышать поющихъ мужчинъ — молодыхъ и пожилыхъ. Если же кто поддерживаетъ пѣніе, такъ это именно дѣвушки, которыхъ, хотя и не часто, но всетаки можно слышать поющими. О музыкѣ инструментальной приходится, къ сожалѣнію, сказать почти тоже, что и о танцахъ. Если бы кому потребовалась музыка, то въ нашей слободѣ нельзя найти музыкантовъ,—ихъ почти нѣтъ, а нѣтъ потому, что они не требуются: здѣсь и свадьбы въ большинствѣ случаевъ гуляютъ безъ музыки. Доказательствомъ сказаннаго мною будетъ то, что на всю слободу и хуторъ имѣется два „баса" (віолончели), изъ которыхъ одинъ уже давно не годится, и 5 скрипокъ, самыхъ дешевыхъ и плохихъ, съ простыми струнами и самодѣлковыми или поломанными смычками. Кромѣ упомянутыхъ музыкальныхъ инструментовъ можно найти нѣсколько „балабáекъ, сопилокъ" и одни „цымбалы". Чаще другихъ встрѣчается гармонія, на которой парубки играютъ разныя простенькія пѣсенки. Мнѣ пришлось видѣть въ слободѣ „басъ" (віолончель), принадлежавшій человѣку не нашего села, сдѣланный изъ листоваго желѣза.

Пословицы: „Пой пи́сни, хочъ три́сны, а йисть не просы. У дурного соловья дурна й писня. Трусъ въ карты не граетъ".

Народныя бѣдствія, какъ напр. людской моръ, падежъ скота, пожары, неурожаи, наводненія, градъ и проч., люди всегда объясняютъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи; но не смотря на это,—они все-таки возлагаютъ нѣкоторую надежду и на свои знанія. Разсказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ былъ сильный „миръ" (моръ) на людей, отъ котораго ничѣмъ нельзя было избавиться и вылѣчиться. Кто заболѣвалъ въ это время, тотъ, пролежавъ недѣли три, обязательно умиралъ, послѣ чего тѣло его дѣлалось чернымъ, какъ уголь, и даже чернѣлъ гробъ, въ которомъ лежало тѣло такого покойника. Тогда умершихъ клали въ гробъ не руками, а крючками, причемъ старались стоять за вѣтромъ, а кто становился противъ вѣтра, у того

сейчасъ же чернѣла палка (крючекъ), по которой болѣзнь переходила на руки и затѣмъ на все тѣло. Даже носилки, на которыхъ несли мертвеца къ могилѣ, чернѣли за дорогу и дѣлались заразительными. Эта болѣзнь, о которой разсказываетъ 40-лѣтній крестьянинъ, въ настоящее время не появляется. Вмѣсто же нея явилась, говорятъ, холера, занесенная изъ Турціи, тоже неизлѣчимая. Многіе же вѣрятъ, что холеру можно излѣчить и даже предупредить ея появленіе,—для чего употребляются средства, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано.

Холера—женщина, которая ѣздитъ на черной коровѣ. Она боится, чтобы не повстрѣчаться самой съ другой холерой, и поэтому ее можно испугать, вымазавъ грудь и мѣста подъ руками дегтемъ и надѣвъ на себя черный кожухъ, вывернутый вверхъ шерстью. Тотъ же человѣкъ, котораго уже напала холера, долженъ сверхъ вышесказаннаго взять въ руки палку, ходить по хатѣ и махать ею, чтобы испугать холеру, послѣ чего она бросаетъ человѣка и уходитъ. Холера и другія болѣзни боятся дегтя и сажи, и поэтому, кто внутри хаты обмажетъ этими веществами „одвиркы“ на окнахъ и дверяхъ, въ томъ семействѣ никто не заболѣетъ ею и даже домъ этотъ она будетъ далеко обходить. Если въ какомъ семействѣ появится холера, то больные и всѣ здоровые должны пить „добрый“, т. е. чистый деготь: первые для того, чтобы излѣчиться, а вторые, „шобъ на ныхъ не перейшла халера“. Въ каждомъ домѣ и во всякое время держатъ за образами или въ другомъ мѣстѣ „нехворощу“, „шобъ вси булы здорови и шобъ не нападала болизнь“. Въ холерное же время для этой цѣли носятъ „нехворощу“ въ карманахъ и забиваютъ ее въ просверленную въ хатнихъ дверяхъ дырочку. Еще для лѣченія холернаго берутъ ржавое желѣзо, кладутъ его въ воду, обмываютъ и оскабливаютъ, и этою ржавою водою обмываютъ все тѣло больного. Кто ѣстъ „часныкъ, цыбулю и стрючковатый перецъ“, пьетъ водку и куритъ „цыгарку“, тотъ не заболѣетъ холерою.

Если весною не пронесетъ льда и примулитъ его, то въ этомъ году будутъ болѣзни и моръ на людей, который бываетъ въ спасовку. Если на Евдокію повѣетъ вѣтеръ съ юга, такъ

будетъ нездоровое на людей лѣто. Когда спишь весною, во время посѣва, и сквозь сонъ услышишь, что тебя называетъ кто-то по имени, такъ не откликайся, „ато захвораешь: то хвороба тебе́ зве“. Если спишь весною на соломѣ и къ тебѣ прійдетъ какое нибудь животное, напр. пѣтухъ, свинья и проч., такъ не прогоняй его и ничего не говори, „ато пога́нка нападе́“. Больной человѣкъ, услышавшій во снѣ плачъ, умретъ, потому что „то́ за нымъ плаче его доля“, а услышавшій пѣніе, выздоровѣетъ, то „доля“ поетъ и радуется его выздоровленію. Кто на ночь подмететъ хату, а утромъ увидитъ на полу какія нибудь хлѣбныя зерна, тотъ не долженъ подметать ее до захода солнца, а если подмететъ, то захвораетъ: тѣ зерна разбрасываетъ вѣдьма, чтобы похворались. Если больному приснится, что онъ ѣздитъ на лошадяхъ, заѣдетъ въ кручу и тамъ ихъ броситъ, а самъ вылѣзетъ, то это означаетъ, что его броситъ болѣзнь и онъ выздоровѣетъ. Когда здоровому человѣку приснится, что онъ лѣзетъ въ окно, то это къ его хворобѣ, а если приснится, что развалится хата или погребъ, а также окно выпадетъ, значитъ умретъ старшій въ домѣ; если же приснится, что зубъ выпалъ, умретъ дитя.

О скотскомъ падежѣ слѣдуетъ сказать, что народъ раздѣляетъ его на „падежъ“ и на „чуму“. Вотъ что говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ крестьянинъ: „пади́жъ и чума не все одно, це ра́зныця: одъ падижа хочъ и болие скотына, та не вся, и хво́ра не вся пропада́е, а одъ чумы, кото́ра занесена зъ Лыніи (Кавказа), вся подохне, яка заболие, и вся заразыцьця одъ одни́й хво́рои. Колысь давно хворала у насъ скоты́на жывотомъ, но Богъ мылувавъ — не па́дала. Такъ тоди кой-яки люды ба́чылы шо ця болизнь ходыла по слободи и була похожа на людыну; и якъ влизе було вона но́чъю въ загороду до ко́го, такъ вся скотына перехвора́ецьця. Ще часто хвора́е скотына на роты́, такъ це така роса па́дае на траву. И якъ скотына пойистъ цие́и боли́зни ва́рютъ чыстый деготь съ сынимъ каминемъ и мажутъ въ роти, — проходе“. Скотъ, у котораго большая, длинная шерсть и между рогами нѣтъ углубленія, или ямочки, не подвергается заболѣванію заразительными болѣзнями и не

пропадаетъ. Когда появится въ слободѣ падежъ или чума, тогда говорятъ, слѣдуетъ пораньше утромъ, чтобы никто не видѣлъ, выгнать скотину на степь и тамъ ее оставить до прекращенія падежа. Если такъ сдѣлаешь, то она останется жива и здорова, и даже зараженная и больная „выходыцыця". Если лѣтомъ по утрамъ замѣтитъ хозяинъ на какомъ-нибудь скотѣ большую росу и поднятую, взъерошенную шерсть, то такой скотъ нейдетъ ему въ руку, не по двору ему; за то этотъ же самый скотъ во время падежа остается живымъ и тогда, если весь остальной пропадетъ. Если на чернаго вола сядетъ сорока и будетъ на немъ стрекотать, то онъ обязательно издохнетъ.

Пожары, по своимъ причинамъ появленія, раздѣляются на три рода: отъ неосторожности, отъ грозы и отъ неизвѣстной причины; но всѣ они считаются наказаніемъ Божіимъ за грѣхи. Какъ только увидишь гдѣ-нибудь пожаръ, сейчасъ же слѣдуетъ положить три поклона и сказать: „Господы! помылуй насъ гришныхъ и всихъ православныхъ христіянъ одъ нещáсного случáя". Затѣмъ слѣдуетъ бросить дѣла свои и бѣжать избавлять людей отъ несчастья. Кто стоитъ на пожарѣ и не тушитъ, тому,—говорятъ, большой грѣхъ. Чтобы уменьшить пламя пожара и не дать ему распространяться дальше, берутъ икону Божіей Матери, называемую „Неопалимая Купина", или икону великомученика Пантелеймона, и спѣшатъ поскорѣе обойти съ иконою вокругъ пожара; а нѣкоторые берутъ кувшинъ молока, полученнаго отъ черной коровы и называемаго „Божьей росы́цей", и съ нимъ тоже три раза обходятъ вокругъ пожара, читая трижды, молитву: „Да воскреснетъ Богъ", и затѣмъ выливаютъ молоко на огонь, вѣря, что онъ отъ этого можетъ постепенно ослабѣвать. Если кто на пожарѣ прочитаетъ три раза назадъ „Отче нашъ", начавъ со слова „лукаваго" и окончивъ словомъ „Отче", то пожаръ прекратится. Кто подъ „Велыкдень" съ крашенкой въ карманѣ выстоитъ въ церкви, не дремая, дѣянія, утреню и обѣдню, тотъ долженъ хранить эту крашенку и бросать ее во время пожара въ огонь, отчего онъ долженъ вскорѣ прекратиться. Говорятъ, что если при сильномъ пожарѣ собрать трехъ священниковъ (число трехъ лицъ Божества) и служить въ церкви молебны, такъ пожаръ самъ

собою утихаетъ. Во время пожара въ сосѣднихъ домахъ затапливаютъ печи для того, чтобы хаты не загорѣлись. Украсть на пожарѣ какую-нибудь вещь считается большимъ грѣхомъ; поэтому, взявшему, рано или поздно не миновать бѣды,—пожара; если не погоритъ самъ укравшій, то его дѣти или внуки погорятъ.

Пожара, происшедшаго отъ грозы, не тушатъ,—нельзя; грѣхъ, да его и не затушишь; это Богъ запалилъ. Во время такого пожара, говорятъ, сгоритъ только то, что запалено, а дальше горѣть не будетъ.

Пожаръ, происшедшій отъ неизвѣстной причины, народъ объясняетъ такъ: кто собираетъ по воскресеньямъ и праздникамъ топливо, какъ напримѣръ „кизяки", палочки и т. п. и складываетъ ихъ въ кучку въ продолженіе 6 недѣль, у того собранное топливо на 7-й недѣлѣ обязательно загорится само собою, безъ поджиганія; это значитъ, что собранное и пріобрѣтенное въ праздникъ „некорысно", не пойдетъ въ прокъ. Напротивъ даже, за него Богъ наказываетъ пожаромъ, отнимая и трудомъ пріобрѣтенное.

Замѣчено людьми, что человѣкъ, пострадавшій отъ пожара, начинаетъ скоро богатѣть.

Если пѣтухъ бьется въ окно и кричитъ, значитъ быть пожару,—хата сгоритъ, а если кричитъ въ хлѣвѣ и тамъ роется носомъ,—хлѣвъ сгоритъ. Когда приснится, что сидитъ на хатѣ красный пѣтухъ, то будетъ пожаръ, а если приснится пожаръ,—будетъ въ домѣ ссора и драка.

Относительно неурожайныхъ и голодныхъ годовъ есть повѣрье, что Господь посылаетъ таковые людямъ за то, что они хоронятъ на кладбищѣ самоубійцъ. Существованіе этого повѣрья можно подкрѣпить тѣмъ, что въ 1891 г. нѣкоторыя крестьянки собирались было вырыть изъ могилы и перенести за черту кладбища одного человѣка, по имени „Салыфона", повѣсившагося лѣтъ 12 назадъ и отличавшагося безнравственной жизнью. (Онъ былъ похороненъ внѣ кладбища, но потомъ оказался въ немъ, когда послѣднее пришлось расширять).

Во время разныхъ несчастій, кражъ, убійствъ, нападенія разбойниковъ и проч., читаютъ 90 псаломъ,—„Живый въ по-

мощи Вышняго", отъ чтенія этого псалма люди, совершающіе упомянутыя преступленія, слѣпнутъ на время и не видятъ нападаемаго человѣка. Восьмой псаломъ, — „Господи, Господь нашъ", читаютъ для того, чтобы скотъ былъ смирный и не бился, а 50 псаломъ читаютъ, чтобы избавиться отъ безсонницы.

Базаръ въ сл. Никольской открытъ въ 1865 г., а ярмарка въ 1893 г. Но какъ тотъ, такъ и другая находятся въ зачаточномъ состояніи, вслѣдствіе чего обычаи и повѣрья относительно ихъ мало развиты. Для того, чтобы была большая ярмарка и базаръ, слѣдуетъ на мѣстахъ, гдѣ они собираются, закопать бычачью и лошадиную голову. Свиней торговцы называютъ „рыльскими купцами", и вѣрятъ, что если таковая зайдетъ въ строющійся балаганъ или почешется о колесо воза, на которомъ пріѣхали на базаръ или ярмарку, то будетъ хорошая торговля и барыши. Во время ярмарки всѣ торговцы шапками и картузами открываютъ свою торговлю разомъ, когда соберется народъ, раньше же полнаго сбора ярмарки никто изъ нихъ не торгуетъ. Если кто ѣдетъ на ярмарку или на базаръ, и въ это время перейдетъ дорогу кошка или человѣкъ съ пустыми ведрами, то ему хоть возвращаться назадъ: не будетъ удачи ни въ чемъ. Если лошадь, передъ веденіемъ ея на ярмарочную продажу, покачается и перекинется черезъ спину, то это хорошій признакъ,—къ прибыли. Купленную же лошадь, приведши домой, пускаютъ вольно по двору, гдѣ она покачается, тамъ слѣдуетъ строить конюшню: „щаслыве мисто".

Купивши крупный скотъ, воловъ или лошадей, покупатель принимаетъ ихъ отъ продавца „съ полы", и затѣмъ беретъ рукою землю, растираетъ ее на спинѣ купленнаго животнаго и говоритъ: „Будь сытъ, якъ земля водою, и здоровъ, якъ вода землею". Ведя съ ярмарки домой купленныхъ воловъ, нѣкоторые хозяева кладутъ въ своихъ воротахъ топоръ остріемъ вверхъ и на него поясъ, и черезъ нихъ переводятъ воловъ, а послѣ этого подъ воротами закапываютъ подкову. И то, и другое дѣлается для того, „шобъ куплена скотына була здорова, прынесла пользу хозяину и шобъ ии не врыклы люды, якъ будуть дывыцьця и зазихать на неи". Если купленные волы и кони уходятъ къ старому хозяину, то, чтобы этого не было,

нужно спалить тотъ поводокъ, съ которымъ они куплены. Если будешь на ярмаркѣ покупать корову и увидишь, что хозяйка этой коровы сидитъ на возу и не встаетъ съ него, то не покупай такой коровы, „вона́ вже спо́рчена, оди́брано у неи молоко". Для того же, чтобы у покупаемой коровы хозяева не отобрали молока, слѣдуетъ при разсчетѣ, сверхъ стоимости коровы, дать хозяину копѣйку или двѣ и сказать: „То я заплатывъ за корову, а це на́ тоби за молоко".

Нѣкоторые люди говорятъ, что иногда ярмарочный шумъ и гамъ стихаетъ на мгновеніе, т. е. настаетъ безусловная тишина, которая считается ими несчастнымъ временемъ.

Пословицы и поговорки: „Труслы́вому торгашу ни убытку, ни барышу. Не хоче коза на торгъ иты, та йи ведуть. Пропавъ, якъ собака въ я́рмарци. Базарь ци́ну на́йде. Своеи цины́ не вставышъ. За спання не купышъ коня. Купывъ бы село, та денегъ голо. Торгонувъ, якъ баба на Велыкдень горохомъ".

Народная демонологія. *Вѣдьмой* называется женщина, обладающая способностью оставлять ночью свое тѣло, а духомъ летать въ разныя стороны, доить и портить чужихъ коровъ и дѣлать людямъ разныя непріятности и пакости. Днемъ она занимается лѣченіемъ людей и скота, а ночью, отправляясь на промыселъ, можетъ принять на себя по своему желанію видъ собаки, кошки, свиньи, копны сѣна, клубка, иглы и т. п. Женщины вѣдьмы имѣютъ большой ростъ, блѣдное, морщинистое и некрасивое лицо, длинныя растрепанные волосы и большіе глаза, которыми онѣ могутъ смотрѣть на солнце, не закрывая вѣкъ. Въ церкви вѣдьмы не могутъ стоять во время пѣнія „Херувимской пѣсни и Достойно есть": у нихъ въ это время болитъ голова, кружится свѣтъ, и кажется имъ, что церковь горитъ или валится. Если подъ воскресенье пойти къ жилищу вѣдьмы, стать спиной къ глухой стѣнѣ, повернуть назадъ голову, подуть, плюнуть три раза и дать туда дулю, то это такъ скверно на нее подѣйствуетъ, что она обязательно придетъ утромъ ругать тебя и скажетъ: „на шо ты мини дули дававъ"?

Вѣдьмы бываютъ двухъ родовъ: „роды́ми и нау́чени". Первыя имѣютъ небольшой черный хвостикъ, считаются выше вторыхъ и больше ихъ знаютъ, но вреда людямъ онѣ дѣлаютъ меньше

Чтобы сдѣлаться вѣдьмой, для этого слѣдуетъ поставить на улицѣ ножъ вверхъ носкомъ и перекинуться черезъ него три раза, произнося при этомъ какія-то тайныя слова и читая назадъ молитву Господню, начавъ со словъ „лукаваго отъ“ и т. д. При этомъ должна присутствовать старая вѣдьма и наставлять свою ученицу, объясняя ей таинственныя слова и дѣйствія. Уходя за молокомъ, вѣдьма превращается въ собаку или кошку и старается идти въ тѣни, подъ плетнями и постройками; когда она придетъ въ загороду, то дѣлается изъ животнаго (у котораго всегда бабье лицо) опять бабой и начинаетъ доить корову. Выдоивъ корову, она опять превращается изъ женщины въ животное, беретъ кувшинъ съ молокомъ за „матузочку“ (веревочку) въ зубы, несетъ домой и ставитъ это молоко „пидъ верхъ“, (подъ старинную трубу, или „бовдуръ“) или „пидъ коминъ“, гдѣ оно сейчасъ же окисаетъ и превращается въ сметану. Идя въ чужую загороду доить коровъ, вѣдьма всегда беретъ съ собою маленькую „паляныичку“ (хлѣбецъ), которую она отдаетъ хозяину или хозяйкѣ, если эти послѣдніе захватятъ ее въ загородѣ. Человѣкъ, получившій отъ вѣдьмы „паляныичку“, оцѣпенѣваетъ и не можетъ сойти съ мѣста, пока вѣдьма уйдетъ изъ загороды. Подъ нѣкоторые праздники вѣдьмы летаютъ въ Кіевъ, для чего онѣ „гриють окрипъ“ (кипятокъ), дѣлаютъ какую-то мазь и смазываютъ ею подъ плечами, что видѣлъ солдатъ, ночевавшій въ домѣ „родымои видьмы“, къ которой собирались всѣ вѣдьмы, чтобы вмѣстѣ летѣть въ Кіевъ. Когда вѣдьмы намазали подъ руками и улетѣли въ трубу, тогда сдѣлалъ то же самое и солдатъ, вылетѣлъ въ трубу и догналъ ихъ на дорогѣ. Увидѣвши солдата, вѣдьмы закричали: „Де ты взявся! Чого тоби треба“?! Затѣмъ они дали ему липовую палочку и приказали на ней возвратиться на квартиру, что солдатъ и исполнилъ. Вѣдьмы мстительны: онѣ, за оскорбленіе, ночью сбиваютъ съ ногъ людей, портятъ коровъ и т. п. Корова, испорченная вѣдьмой, даетъ красное молоко, да и то въ маломъ количествѣ. Излѣчить ее можетъ только другая вѣдьма, или „видьмынъ“. Кромѣ коровъ вѣдьмы доятъ еще кобылъ, козъ, собакъ, кошекъ и проч. Если подъ пятницу и подъ середу говорить о вѣдьмахъ, то имъ все извѣстно будетъ. Когда найдешь на дорогѣ или на выгонѣ

иглу, то не бери ее, „ато вона прыросте до пальця: то видьма“. Вѣдьмы, говорятъ, жарятъ и ѣдятъ лягушекъ, но стараются это дѣлать такъ, чтобы никто изъ домашнихъ не зналъ. Одинъ человѣкъ сталъ замѣчать, что его жена „видьму́е“. Разъ ночью онъ прислушался,—жена не дышетъ, взялъ и повернулъ ея тѣло туда головою, куда оно лежало ногами. Въ полночь, когда прокричали пѣтухи, прилетѣла золотистая мушка и стала жужжать и кружиться около ногъ. Эта мушка (душа вѣдьмы) летала возлѣ ногъ до тѣхъ поръ, пока мужъ повернулъ тѣло своей жены такъ, какъ оно лежало прежде; тогда мушка влетѣла въ ротъ и жена сейчасъ же ожила. Послѣ этого, говорятъ, мужъ сильно побилъ жену-вѣдьму, и она бросила „видьмувать“. Еще говорятъ, что если подоить испорченную корову, налить этого молока на сковороду, перекипятить его и потомъ вылить подъ порогъ, то въ это время придетъ вѣдьма, испортившая корову, и скажетъ: „на що вы мучыте скотыну“?

Вѣдьму называютъ „волоцюгой“, за то что она волочится или таскается по ночамъ. Ее можно ударить только „навидли“, т. е. наотмашъ или назадъ рукой. Причиняютъ вѣдьмѣ нѣкоторый вредъ и тогда, когда въ лунную ночь бьютъ ея тѣнь осиновымъ коломъ. Если нападетъ вѣдьма, то отъ нея можно отбиться исключительно палкой, сдѣланной изъ „клечальной осыкы“, которой слѣдуетъ махать вокругъ себя. Такъ какъ вѣдьмы умираютъ долго и страшно страдаютъ, то, чтобы избавить ихъ отъ мученій и ускорить смерть, вертятъ буравчикомъ сволокъ, сволочекъ или притолокъ въ хатѣ и забиваютъ туда „осыку“. Чтобы вѣдьмы послѣ смерти не ходили безпокоить живыхъ людей, что онѣ часто дѣлаютъ, забиваютъ въ гробъ и могилу осиновые колья.

Вѣдьма часто бываетъ неосторожна и безпомощна, что видно изъ слѣдующихъ небольшихъ народныхъ разсказовъ. Катится клубокъ по дорогѣ, а парубки увидѣли и начали его бить кольями, но онъ все катится. Тогда одинъ парубокъ взялъ его, принесъ домой и прибилъ гвоздями къ стѣнкѣ. Утромъ всталъ, посмотрѣлъ, на стѣнкѣ виситъ женщина-вѣдьма, у которой прибиты гвоздями руки къ стѣнѣ; она начала проситься, и парубокъ вынулъ гвозди, снялъ ее и отпустилъ.—Гуляютъ парубки

и видятъ, что по дорогѣ катится клубокъ; взяли они его, поперерѣзывали „пасма“ и бросили. Утромъ оказалось, что у матери одного изъ парубковъ всѣ пальцы на рукахъ порѣзаны.— Разъ ѣхали съ поля люди, смотрятъ,—катится за ними „китвыця“ (колесо безъ обода); взяли они ее, протянули въ колодку веревочку, привязали къ возу, привезли въ слободу и привязали черезъ улицу, концами веревки къ плетнямъ. На другой день посмотрѣли, а тамъ стоитъ привязанная женщина, съ протянутою въ уши веревкою.—Идутъ парубки, повстрѣчали собаку, словили ее, отрѣзали ей ухо и носъ и пустили, а сами разошлись по домамъ. На другой день мать одного парубка оказалась безъ уха и безъ носа.—Идетъ солдатъ съ топоромъ, повстрѣчалъ свинью, вспрыгнулъ на нее верхомъ и началъ рубить ее между ушами. Свинья превратилась въ „чурбакъ“ (полѣно); солдатъ не испугался этого и продолжалъ рубить его. Затѣмъ бросилъ и ушелъ домой. На другой день приходитъ къ нему женщина съ порубанною и обвязанною головою и говоритъ: „На шо ты мене поколотывъ“?—„А када я тебе калатилъ“?—„А, ты й не знаешъ, якъ ты мене сикирою, сикирою“!—Одинъ человѣкъ увидѣлъ свинью съ кувшинчикомъ, словилъ ее, надѣлъ ей на шею „матузку“ кувшинчика и пустилъ. Утромъ всталъ онъ, смотритъ,—женщина съ кувшиномъ завязла въ воротахъ, не могши пролѣзть сквозь нихъ.—„Гуляли парубкы на вулыци, дивлюцьця,—собака йде, воны вловылы ии, поодризувалы ий передни лапы и бросылы. Уранци вставъ одынъ парубокъ, колы маты его лежыть на печи бизъ рукъ“.—„Идутъ парубкы, побачилы кобылу зъ лошамъ, уловылы ихъ и лоша зануздалы, а кобылу повелы до кузни, пидкувалы ии на вси ногы и пустылы. На другый день узналы, шо маты одного парубка лежыть на полу занузданою, а маты другого—пидкованною на рукы и на ногы“.—„Умерла одна жинка—видьма, и стала вона ноччю ходыть додому, та мыть дитей и сорочкы имъ били давать, отчого диты сталы жовти, якъ вискъ и звелысь на сухарь. Узнала про це сусидка, кума умершои, надила на себе билу сорочку, збрызнула ии свяченою водою, набрала симня (конопляныхъ сѣмянъ), пишла до дитей, сила на синному порози и йисть симня. Опивночи явылась

умерша, остановылась коло порога и каже: „Геть, ато сорочку зниму“!—„Попробуй, попробуй!—у мене сорочка трудова́“! каже кума.—„Шо ты йисы“!—„Во́ши“, отвичала кума. Писля цего́ умерша начала впьять прогонять куму и лякать ии, шо сорочку зни́ме, но пидойты до неи боялась: свячена вода не пускала и страшыла ии. Такъ воны спорылы до петухивъ, а якъ тико петухы проспивалы, заразъ же видьма счезла и билшъ вже не являлась“.

Упыри въ здѣшней мѣстности называются „*видьмычамы*“. Они также, какъ и вѣдьмы, бываютъ „родыми“ и „научени“, и обладаютъ всѣми свѣдѣніями и свойствами вѣдьмы, только гораздо въ большей степени. „Видьмычъ“ отличается отъ вѣдьмы тѣмъ, что онъ гораздо добрѣе ея, меньше дѣлаетъ зла людямъ и не ходитъ доить чужихъ коровъ. Корову, которую испортила злая вѣдьма и которую никакая женщина не можетъ излѣчить, одинъ только „видьмычъ“ въ состояніи исправить. Вѣдьмы боятся вѣдьмичей, и поэтому никогда не оскорбляютъ ихъ и всячески стараются угодить имъ.

„*Вовкулакы*“ дѣлаются изъ людей, мужчинъ и женщинъ. Людей превращаютъ въ „вовкулакивъ“ колдуны (а въ рѣдкихъ случаяхъ и „видьмычи“), по большой части послѣ вѣнчанья, когда молодые выходятъ изъ церкви и во время свадьбы, когда „молоду“ везутъ въ домъ жениха. Разсказываютъ, что лѣтъ 40 или болѣе тому назадъ въ сл. Никольской весь поѣздъ, съ женихомъ и невѣстой, былъ превращенъ въ „вовкулакивъ“. Одни изъ нихъ въ скорости опять подѣлались людьми, другіе—черезъ годъ или два, третьи совсѣмъ погибли безъ вѣсти, а одинъ черезъ 5 лѣтъ забрался въ кошару къ овцамъ, перепугалъ ихъ и, когда на шумъ выскочилъ хозяинъ съ палкой, хотѣлъ было перескочить черезъ плетень; но въ это время на немъ лопнулъ поясъ, осыпалась шерсть, и онъ сдѣлался человѣкомъ въ убранствѣ жениха,—„съ квиткою на шапкѣ“ (это и былъ женихъ). Хозяинъ поднялъ было палку и намѣревался бить волка, но этотъ, сдѣлавшись человѣкомъ, закричалъ: „Постой! не бый: я такый же чоловикъ, якъ и ты“! Хозяинъ опустилъ палку, ввелъ бывшаго „вовкулаку“ въ хату и началъ его распрашивать о томъ, что съ нимъ было. Тогда злосчастный женихъ разска-

залъ слѣдующее: „Якъ женывся я и йихавъ съ пойиздомъ, такъ тоди поробывъ намъ колдунъ такъ, шо мы вси подилалысь вовкамы и разбиглысь, шобъ насъ люды не добылы. Я побигъ въ лисъ и тамъ все время жывъ зъ вовкамы, но пыщи ихъ не йивъ: вона мини протывна була. Пытався жъ я въ лиси зеленню и кориннямы, а якъ колы прыходылось забигты въ жылля, такъ йивъ вмисти съ свынямы те, шо люды имъ выносылы, або старався шо небудь украсты изъ людской пыщи. Я все знавъ и понимавъ, тилко не могъ говорыть. Така жизнь мини обрыдла за 5 годивъ, и я пишовъ въ слободу и зализъ въ кошару, тилко не за вивцямы,—я ихъ николы не трогавъ, —а для того, шобъ мене або вбывъ хто, абощо: такъ надоила мини жысть. Якъ же ты, добрый чоловиче, выйшовъ съ палкою, такъ мини моторошно стало и я начавъ утикать".

Когда человѣкъ дѣлается „вовкулакой", то на немъ моментально выростаетъ волчья кожа съ шерстью. Эта кожа держится на человѣкѣ какимъ то волшебнымъ поясомъ, насылаемымъ на него знахаремъ. Обратить вовкулаку въ человѣка можетъ только колдунъ, вѣдьмичъ или „родыма видьма". Если же таковыхъ не найдется, тогда человѣкъ будетъ вовкулакой до тѣхъ поръ, пока на немъ порвется самъ собою упомянутый поясъ, что рано или поздно, но всегда бываетъ, если только никто не убьетъ вовкулаку.

„Колдуны"—это люди знающіеся съ нечистою силою, которая помогаетъ имъ въ ихъ страшныхъ и нечистыхъ дѣлахъ, даетъ имъ деньги и открываетъ будущее и тайное. Теперь колдуновъ, говорятъ, мало, а въ прежнее время они часто встрѣчались. Колдуны также, какъ вѣдьмы и вѣдьмичи, бываютъ „родыми" и „научыни". Когда родится дитя колдунъ, такъ оно сейчасъ же начинаетъ лазить. Чтобы сдѣлаться колдуномъ, нужно, говорятъ, вызвать „нечыстаго", заключить съ нимъ условіе, которое подписывается кровью, полученною изъ мизинца будущаго колдуна, и состоящее въ томъ, что колдунъ обязывается, по прошествіи условленнаго числа лѣтъ, отдать свою душу нечистому. Вслѣдствіе такихъ страшныхъ обязательствъ, колдуны, умирая, сильно мучатся и страдаютъ. Крышку на гробѣ умершаго колдуна прибиваютъ „осыковымы килкамы", а

на его могилѣ забиваютъ большой осиновый колъ, что дѣлается для того, „шобъ умершый колдунъ не ходывъ ноччю до жывыхъ людей“.

Разсказываютъ, что жилъ здѣсь колдунъ, который былъ мастеръ на всякую пакость. Разъ шелъ онъ навеселѣ изъ кабака, нагналъ его другой человѣкъ и они пошли вмѣстѣ. Смотрятъ, поднялся большой вихрь и несется прямо на нихъ. Колдунъ снялъ съ себя поясъ и положилъ на дорогѣ; затѣмъ выпросилъ у своего спутника крестикъ и ножъ и положилъ ихъ „навхрестъ“ на поясъ, а самъ отошелъ въ сторону и смотритъ. Прошелъ вихрь. Колдунъ взялъ ножъ, показалъ на немъ кровь своему товарищу и сказалъ: „Це я око выколовъ нечыстому духу“. Тотъ испугался, увидѣвши кровь на ножѣ, и убѣжалъ домой. Колдунъ, пришедши домой, пообѣдалъ и погналъ воловъ пасти на „Сухой яръ“. Въ самую полночь пришелъ къ нему злой духъ и началъ требовать выколотый глазъ. Мучился, мучился колдунъ и воротился съ волами домой. Послѣ этого онъ погналъ пасти воловъ въ „Дибривный лисъ“, но злой духъ и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ: явился къ колдуну въ полночь и выдавилъ ему одинъ глазъ. Этотъ самый колдунъ, говорятъ, ходилъ по слободѣ, нюхалъ землю, предсказалъ „черный годъ“, сказалъ, что „тутъ буде плохо жыть, потому шо землю будуть дилыть такъ, якъ четвертямы“, собралъ свои пожитки и уѣхалъ съ однимъ глазомъ куда-то на жительство, откуда уже и не возвращался.

Еще разсказываютъ, что одинъ человѣкъ, натерпѣвшись нужды и голода отъ бѣдности, рѣшился пойти въ „Данылычынъ лисъ“ и попросить у „нечистого“ чего-нибудь изъ трехъ: „колдовства, грошей, або добраго чоловика, шобъ найнявъ его въ роботныкы“. Пришелъ онъ въ лѣсъ и ждетъ. Смотритъ,—идетъ къ нему поспѣшно какой-то человѣкъ, подошелъ, поздоровался и говорытъ: „Хрыстысь! ты бачышъ, шо ото таке стоить?“ Онъ ему указалъ на „нечыстаго“, но тотъ не увидѣлъ злого духа, сколько не пялилъ глазъ. Затѣмъ пришедшій нанялъ искателя приключеній въ работники и этимъ спасъ его душу отъ вѣрной гибели.

Доля есть у каждаго человѣка,—это его счастье или не-

счастье. Доля заботится о человѣкѣ, помогаетъ ему и жалѣетъ его; но только не доля человѣка ищетъ, а человѣкъ долженъ искать свою долю. Кто найдетъ свою долю, тому во всемъ удача и онъ богатѣетъ, а кто не найдетъ, „той бьецьця якъ рыба объ лидъ", и все-таки ничего не пріобрѣтетъ и не разбогатѣетъ. Если больной человѣкъ передъ выздоровленіемъ услышитъ ночью, что его кто-то подъ окномъ называетъ по имени, это значитъ, что къ нему „доля прыйшла и здоровья прынесла́". Былъ здѣсь, разсказываютъ, большой лѣсъ, въ которомъ жилъ страшный разбойникъ. Когда онъ шелъ однажды на разбой, вдругъ выскочилъ изъ дуплистаго дерева человѣкъ, весь въ шерсти, съ длинными костлявыми ногами и съ кошачьимъ носомъ и говоритъ: „Покайся, брате, ато Богъ мене проклына за твои беззаконія"! Явленіе это исчезло, а разбойникъ не послушался и сдѣлалъ опять преступленіе, послѣ чего легъ спать. Во снѣ ему вторично явилось то же самое видѣніе, повторило прежнія слова и велѣло креститься, что онъ и исполнилъ. Послѣ крещенія разбойникъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ—христіаниномъ. Это, говорятъ, доля ему являлась, чтобы спасти его отъ погибели. „Косы́ло два чоловика: одынъ, шо ско́се, то й складе́, а дру́гый,—якъ скосе, заразъ и спаты ляже, а доля ёго прыйде и складе въ ко́пы. Первый замитывъ це, пидси́въ, уловывъ долю и пытае ии: „Де моя доля?—скажы"!—„Твоя доля въ кабаци".—„Въ якому".—Доля сказала въ якому го́роди и въ якому кабаци. Тоди винъ пишовъ въ городъ, найшовъ той кабакъ, сивъ тамъ торгувать и разбогативъ".

„*Русалки*"—дѣти, умершія до крещенія. Живутъ онѣ въ водѣ и въ лѣсахъ, гдѣ ихъ можно и теперь видѣть. Русалки-мальчики имѣютъ короткіе, рыжіе и курчавые волоса, а русалки-дѣвочки—ровные бѣлые волоса, въ видѣ льняныхъ волоконъ, и длинные до самой земли. Русалокъ видятъ въ лѣсахъ, въ видѣ маленькихъ дѣтей, которыя часто кричатъ такъ: „Дайты хрестыкъ! дайты хрестыкъ"! и затѣмъ скрываются. Родителямъ, у которыхъ умирали некрещеныя дѣти, грѣхъ за это, а чтобы простилъ Богъ этотъ грѣхъ, нужно въ субботу подъ Троицу и на „троецькыхъ святка́хъ" поминать некрещеныхъ дѣтей, а также дать на этихъ святкахъ богомольцамъ руб. 3—5

на монастырь и вообще на церковь, за что тоже прощаетъ Господь родителей. Кто же поминаетъ въ эти дни русалокъ, тотъ можетъ „выхрестыть ихъ и ввесты въ царство“, а въ особенности для крещенія русалокъ полезно купить матери, имѣющей умершихъ некрещеныхъ дѣтей, 12 крестиковъ, по числу 12 апостоловъ, и раздать ихъ на Троицу чужимъ дѣтямъ. Вслѣдствіе этого 12 дѣтей будетъ выкрещено по молитвамъ апостоловъ. Въ четвергъ послѣ Троицы бываетъ „русальчынъ велыкдень“. Въ этотъ день нельзя купаться и ходить въ лѣса, сады и огороды, „ато русалка залоскоче“. Въ особенности онѣ стараются щекотать тѣхъ своихъ родственниковъ, которые не поминаютъ ихъ. Если же кому необходимо нужно пойти, то онъ, чтобы предохранить себя отъ русалки, долженъ идти въ лѣсъ не иначе, какъ взявъ съ собою той полыни, которую на Троицу разбрасываютъ по хатѣ и подъ столомъ. Одна женщина, еще и теперь живая, разсказываетъ, что она въ дѣтствѣ своими глазами видѣла въ Данильчиномъ лѣсу, въ озерѣ (теперь высохшемъ), русалокъ-дѣтей, купавшихся тамъ и смѣявшихся. Она подошла ближе и увидала голыхъ женщинъ, съ распущенными волосами, сидѣвшихъ на берегу, кормившихъ грудью малыхъ дѣтей, смѣявшихся и звавшихъ и ее къ себѣ. Женщина, не помня себя, убѣжала домой. Другая женщина разсказываетъ, что она въ дѣтствѣ, съ мальчиками и дѣвочками, пасла овецъ около лѣса, гдѣ близко никого не было. Вдругъ на опушкѣ лѣса неизвѣстно откуда явился голый мальчикъ и, прокричавъ: „Молицьця Богу! молицьця Богу“! незамѣтно скрылся.

Домовой—злой духъ, живущій на „горищи“ (на чердакѣ) въ каждомъ домѣ, который онъ оберегаетъ отъ несчастныхъ случаевъ. Домовой живетъ „на горищи“ не въ одномъ мѣстѣ, а каждый годъ переходитъ изъ одного угла въ другой по порядку. По наружному виду онъ похожъ на животное или на человѣка, только безъ головы. Если ночью застучитъ кто-то или назоветъ тебя по имени, не откликайся до трехъ разъ; въ третій же разъ, когда отзовешься, такъ слушай, какой звукъ издаетъ домовой: если онъ скажетъ звукъ „д“, то это къ добру, а если звукъ „х“, то къ худу. Когда построишь новую хату и въ ней домовой закричитъ или заплачетъ, значитъ будетъ въ

новой хатѣ несчастье, а если онъ засмѣется,—будетъ счастье и веселье. Ложки и всю посуду на ночь слѣдуетъ перемывать или накрывать; „ато ихъ домовый буде вылызувать". Говорятъ, что если въ четвергъ, послѣ страстей, полѣзешь на чердакъ съ непотухшею изъ церкви свѣчей, такъ увидишь лежащаго домового: если онъ будетъ весь въ шерсти,—хозяинъ дома будетъ богатъ, если одна только сторона въ шерсти,—будетъ имѣть средній достатокъ, а если совсѣмъ голый,—значитъ хозяинъ будетъ бѣденъ. Слазить съ „горища" слѣдуетъ задомъ, чтобы смотрѣть на домового, а если полѣзешь передомъ, „такъ винъ такъ тебе въ спыну перне́, шо й дуба дасышъ", что въ Николаевкѣ и случилось съ однимъ человѣкомъ. Убить домового нельзя, а можно только испугать его крестнымъ знаменіемъ. „Голи́чырва" (вверхъ лицомъ) нельзя спать, „ато домовый буде душыть", что онъ частенько дѣлаетъ съ людьми. Когда онъ душитъ, слѣдуетъ читать молитву и креститься; но бѣда въ томъ, что въ это время человѣкъ не можетъ ни повернуться, ни рукъ поднять.

Кричитъ домовой ночью—къ смерти, плачетъ—къ веселью, а давитъ спящаго хозяина—къ продажѣ скота. Домовые часто дѣлаются изъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ степи на западъ головою нельзя ложиться спать, „ато прыйде домовый, шо съ чоловика зробывся, нальлетъ въ вухо якои-то жыдкосты и превратытъ въ домового".—„Ишлы степомъ дви дивкы, и захотилось имъ воды, дывляцьця, колы сыдыть надъ кру́чою дидъ коло крыйныци. Воны попросылы у ёго воды, напылысь прямо съ крыйныци и поробылысь домовымы".—„Ишовъ солдатъ со службы до дому, зострѝвъ чоловика, та такого здорового, и поздоровкався зъ нымъ, а той, не здоровкаясь, схватывъ ёго ззади, прыдавывъ, застогнавъ и счезъ. Прыйшовъ солдатъ додому, а жинка хво́ра лежыть, а по́тимъ и вмерла". Это, говорятъ, солдатъ повстрѣчался съ домовымъ, который предвѣщалъ ему несчастіе, ожидающее его дома. Если домовой не взлюбитъ лошади, т. е. шерсть ея не понравится ему, то онъ будетъ на ней кататься каждую ночь, отчего лошадь будетъ мокрая; а если ему не понравится шерсть другого скота, то таковой будетъ изводиться и пропадать.

„*Злые духи*“, по народной вѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ являются пьянымъ, чтобы ихъ завести въ какую нибудь пропасть и погубить, и тѣмъ, кто ходитъ подъ 24 іюня за цвѣткомъ „папороти“, чтобы испугать ихъ и не допустить до обладанія драгоцѣннымъ цвѣткомъ. Имѣютъ злые духи и особенно излюбленныя для нихъ мѣста, гдѣ часто являются людямъ и строятъ съ ними какія нибудь причуды. Такихъ мѣстъ въ особенности боится народъ ночью и рѣдко ходитъ туда. Оберегать себя отъ „нечы́стои сы́лы“ ничѣмъ нельзя, кромѣ крестнаго знаменія, молитвы вообще и въ особенности „воскре́снои молы́твы“, которую слѣдуетъ читать при всякой опасности и появленіи злого духа. Ночуя въ степи съ волами или другимъ скотомъ, молятся передъ сномъ такъ: „Во имня́ Оця и Сына, и Святого Духа, не допусты, Господы, до мене злого духа“. Существуетъ здѣсь между нѣкоторыми людьми легенда, что желѣзную дорогу выдумалъ при помощи злого духа какой-то безнравственный человѣкъ, острожникъ. Онъ будто-бы провалился на какой то горѣ въ землю, увидѣлъ тамъ машину (паровозъ), разсмотрѣлъ ее хорошенько и потомъ, когда вылѣзъ оттуда, сдѣлалъ и себѣ точно такую же. На первыхъ порахъ, когда строили желѣзную дорогу, люди, по условію съ нечистою силою, клали подъ шпалы живыхъ дѣтей, „шобъ машына лучче и скоришъ ходыла“. Многіе въ то время говорили: „Я бачывъ на машыни чорта! Винъ чорный якъ ву́гиль, ти́ко очи та зубы блестять“!

Никольскіе знахари, говорятъ, мѣшали машинѣ чѣмъ могли: заколдовывали ее и останавливали, и этими дѣйствіями принуждали желѣзнодорожниковъ приходить въ слободу, отыскивать знахарей и, кланяясь имъ въ ноги, просить, чтобы они „отколдувалы“ — пустили въ ходъ машину и проч. Говорятъ, что если въ полночь подъ Ивана Купала накосить травы, держа косу „навпакы́“, сложить въ кучку въ сохранное мѣсто, чтобы ее никто не тронулъ, и на Крещеніе, когда выстрѣлять первый разъ изъ ружья, разрыть эту кучку, то подъ нею соберуться всѣ черти, которые будутъ просить хозяина травы, чтобы онъ не разрывалъ ее, за что и дадутъ ему денегъ и всего, чего онъ только у нихъ попроситъ.

Цвѣтокъ „папороти“ добываютъ ночью въ 12 часовъ. Злой

духъ, не допуская человѣка овладѣть цвѣткомъ, начинаетъ кричать, свистѣть, шумѣть, „гавкать", бросать камни и огонь, трясти землю и т. п.; но человѣкъ долженъ все это перенести и, когда сорветъ цвѣтокъ, идти домой, креститься, читать молитвы, не оглядываться и ни съ кѣмъ не говорить.

Одинъ крестьянинъ говоритъ, что его отецъ, лѣсникъ казенныхъ лѣсовъ, добывъ цвѣтокъ „папороти" и возвращаясь домой повстрѣчалъ своего пана, лѣсничаго, который закричалъ: „Гдѣ это ты былъ?!" Лѣсникъ сильно испугался и выпустилъ цвѣтокъ, послѣ чего панъ лѣсничій исчезъ, и тѣмъ дѣло кончилось.—Одному мальчику, отыскивавшему въ лѣсу утерянныхъ воловъ, упалъ самъ собою цвѣтокъ папороти въ „черевыкъ", послѣ чего онъ сейчасъ же узналъ, гдѣ его волы, пошелъ и занялъ ихъ. Смотритъ,—ѣдетъ на тройкѣ панъ, который остановился и говоритъ: „Промѣняй мнѣ, мальчикъ, свои черевыки на моихъ лошадей!" Мальчикъ согласился, снялъ черевыки, отдалъ, а себѣ получилъ тройку коней; сѣлъ въ тарантасъ, взялъ возжи въ руки, думалъ ѣхать, когда смотритъ а у него въ рукахъ лыко, привязано къ тремъ палочкамъ и больше ничего и никого нѣтъ.—Заснулъ около кабака пьяный человѣкъ, приходитъ къ нему ночью его братъ и говоритъ: „Ходимъ, брате, зо мною!" Пошли. Приходятъ въ чей то хорошій домъ, отворяется дверь въ прекрасную комнату, гдѣ сидятъ и гуляютъ люди: человѣкъ по обыкновенію перекрестился, смотритъ: нѣтъ никакого дома, и самъ онъ стоитъ надъ страшною пропастью.—Шолъ ночью пьяный никольскій мужикъ изъ слободы Морозовки домой. На дорогѣ около Кисличкина яра нагоняетъ его какой-то господинъ въ шляпѣ, въ тарантасѣ, запряженномъ парой добрыхъ лошадей. Пригласилъ господинъ мужика сѣсть съ нимъ; тотъ сѣлъ и поѣхали. Незнакомецъ, погоняя лошадей, называетъ ихъ человѣческими именами, и потомъ говоритъ мужичку: „Знаешь ты оцыхъ кóней?—Корины́къ це Солыфонъ, а прыстяжна—це такая-то!" (Назвалъ онъ лошадей по имени двухъ повѣсившихся). Мужикъ, услышавши это, перекрестился. И что же? Оказалось, что онъ сидѣлъ на трубѣ какой то хаты? Началъ онъ кричать. вышли люди и сняли его съ трубы.

Пословицы и поговорки: „Товчецця, якъ Марко по пеклу

Богу молысь, та й черта не гнивы. Боицця, якъ чортъ ладону. Чортъ плаче, шо моды не настаче. Показавъ чортъ моду, тай заховався въ воду".

Народная зоологія. *1) Четвероногія животныя. Лошадь.* „Киньске мнясо не годыцця въ пыщу: Богъ проклявъ ёго за те, шо Винъ якъ ховався одъ жыдивъ и зализъ въ ясла, такъ тоди кинь своею мордою все сино выкыдавъ изъ ныхъ и открывъ Спасытеля". Въ конюшнѣ на порогѣ прибиваютъ подкову или гвоздь, чтобы воры не могли украсть лошади. Черезъ то мѣсто, гдѣ качалась лошадь не слѣдуетъ переходить: „лышай нападе", а если прійдется кому перейти, такъ онъ долженъ три раза сплюнуть и сказать: „Нехай тоди мене лышай нападе, якъ кинь лоша прыведе". Если „домовой" заплетаетъ лошади гриву, значитъ она идетъ ко двору, а если нѣтъ, —неидетъ. У одного человѣка была хорошая карая лошадь, но онъ ее каждое утро находилъ мокрою, тощею и съ взъерошенною шерстью. За эту лошадь онъ вымѣнялъ себѣ пѣгаго коня; привелъ домой, поставилъ на ночь въ конюшню, а самъ сѣлъ въ уголокъ и спрятался. Лошадь сейчасъ же начала ѣсть сѣно, а домовой пришелъ и сталъ ее гладить, „ажъ шелестыть", потомъ говоритъ: „отъ такъ-такъ! це шерсть по мини". Лошадь замѣтно стала поправляться.

Корова. Ихъ мясо благословенно на пищу за то, что онѣ съ помощью своей морды и роговъ прикрыли „синьцемъ" Іисуса Христа отъ жидовъ. Если у коровы испортится молоко, сдѣлается краснымъ, нужно ее выдоить и вылить это молоко на этомъ же самомъ мѣстѣ; затѣмъ подкурить ее чѣмъ-нибудь свяченымъ и пройдетъ, если только не будешь никому разсказывать. Если же этого не сдѣлать, тогда корова будетъ ходить испорченною до весны. Весною же слѣдуетъ взять палку изъ „клечальной осыкы", вырубленной первою въ субботу подъ Троицу и ею выгнать корову первый разъ въ череду. Въ этомъ случаѣ можно узнать и ту вѣдьму, которая испортила корову: „вона прыйде и буде просыть осыкову палочку". Послѣ этого порча коровы проходитъ. Подъ новый годъ ходятъ въ загороду и смотрятъ, какъ корова лежитъ, если на востокъ головою, то она отелится утромъ, если на югъ,—въ полдень, на западъ,—

вечеромъ, а на сѣверъ,—ночью. Если у нея правый бокъ кидается, то будетъ быкъ, а если лѣвый,—будетъ телка. Когда отелится корова, даютъ ей съѣсть пасхальную шишку, „шобъ смырна була", а такъ же вертятъ ей рогъ, насыпаютъ туда свяченаго маку и забиваютъ „осыковымъ килочкомъ, шобъ добра на молоко була и шобъ видьма не портыла". „Коромысломъ нетреба быть воливъ, ато воны будуть ревты и бигать". Не слѣдуетъ палкою проводить креста на землѣ, а также не „годыцця" заступомъ и „сапачкою", или „тяпкою" „дзёбать" (бить, рубить) земли, „ато якъ скотына уступе туда, такъ буды хроматы". Если утерянныхъ воловъ, а также и другого скота „нихто не нагляне", т. е. не увидитъ, такъ они могутъ прожить въ степи или въ лѣсу нѣсколько дней невредимыми, т. е. ихъ не тронетъ ни волкъ, ни что нибудь другое.

Овцы. Овецъ Господь благословилъ на пищу людямъ за то, что онѣ кормомъ и своей шерстью прикрыли Его, когда онъ прятался отъ жидовъ. Если отъ овецъ рождается больше валашковъ, то пшеница въ этомъ году будетъ съ бурьяномъ, но добрая, а если больше ягницъ, то будетъ она чистая, но плохая.

Козы. Козу сотворилъ не Богъ, а чортъ, но не могъ онъ дать ей жизни. Когда же Богъ далъ козѣ жизнь и коза побѣжала, тогда чортъ, желая разсмотрѣть ее, схватилъ козу за хвостъ и оторвалъ его. Такъ коза и осталась до теперешняго времени съ короткимъ хвостомъ. Козла называютъ „цапомъ" и держатъ его при лошадяхъ для того, чтобы домовой игралъ съ нимъ, а не съ лошадями.

Свинья. Свиней Богъ благословилъ на пищу за то, что онѣ своимъ рыломъ загорнули и спрятали Спасителя отъ жидовъ. За это же ихъ сало и поросятъ святятъ на Великдень. „Шобъ свыни не бракувалы кормомъ, такъ ихъ треба загодовувать на сало тоди, якъ побачышъ на степи копы въ первый разъ". Тогда пріѣзжаютъ домой, насыпаютъ на „вико (крышку) дижи" разнаго зерна и потомъ относятъ его той свиньѣ, которую предполагаютъ кормить на сало. Закармливать свинью слѣдуетъ тому, кто самъ ѣстъ много, а ухаживать за нею въ продолженіи кормежки долженъ одинъ человѣкъ. И то и другое дѣлается для того, чтобы свинья скорѣе и сильнѣе жирѣла. Най-

денную подкову варятъ и эту воду даютъ свиньямъ съ помоями для того, чтобы скорѣе жирѣли; а нѣкоторые хозяева такую подкову задалбливаютъ въ корыто, чтобы собаки и свиньи не бѣсились. Есть еще такія знахарки, которыя наговариваютъ на хлѣбѣ и даютъ его съѣсть свиньѣ, чтобы она хорошо ѣла, за опредѣленное время ожирѣла и годилась колоть на сало. Разсказываютъ, что одна женщина наговорила такъ на кускѣ хлѣба, положила его на столъ и собиралась дать кабану, чтобы онъ черезъ два мѣсяца годился для колки на сало. Мальчикъ, сынъ этой знахарки, схватилъ упомянутый кусокъ и съѣлъ; послѣ чего онъ сталъ такъ сильно ѣсть и жирѣть, что черезъ два мѣсяца, когда пришло назначенное для убоя кабана время, онъ умеръ отъ жира.

Собака. Собака, родившаяся первою, называется „ярчукомъ". Она страшно злая, имѣетъ волчій зубъ, бсретъ волка и даже мѣшаетъ вѣдьмамъ ходить въ чужую загороду; поэтому онѣ всячески стараются истребить ярчука еще маленькимъ. Собаку не слѣдуетъ бить изъ ружья: оно испортится и не будетъ годиться для охоты. Если собака воетъ, поднявши голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ,—къ покойнику. Когда забѣжитъ собака, такъ слѣдуетъ трижды крикнуть въ трубу: „цюцю, на!" и она возвратится. Если приблудится собака,—къ богатству и къ благополучію. Кто обдеретъ собаку, тому цѣлый годъ нельзя ходить въ церковь, „грихъ". Если кого укуситъ собака, то ее стригутъ и пережженною ея шерстью засыпаютъ рану. Отъ бѣшенства даютъ собакамъ майки.

Кошка. Какой шерсти уживается въ домѣ кошка, такой масти и скотъ слѣдуетъ держать: „домовый заразъ же задуше кишку, якъ що ему не полюбыцьця ии шерсть". „Якъ кишка перебижыть кому дорогу, такъ тому буде неудача, або кинь здохне; а шобъ цёго не случылось, такъ тре́ба кынуть палку такъ, шобъ вона перелетила навхрестъ черезъ слидъ кишкы. Хто спыть съ кишкою або напьецьця тии воды, що вона пыла, того нежень нападе. Якъ куды йидешъ, такъ не беры съ собою кишкы, ато шка́па (лошадь) прыста́не. До ко́го прыблудыцьця кишка, той чоловикъ обидние". Если кошка умывается

и имѣетъ при этомъ горячую лапу,—будетъ родной или дорогой гость, а если холодную,—чужой.

Волкъ. Когда является много волковъ,—будетъ голодъ; если же волкъ перебѣжалъ дорогу, то это къ счастью.

Заяцъ. „Якъ за́ець кому перебижыть дорогу, такъ буде ёму быда, або невдача въ тимъ дили, за якымъ йиде“.

Кроликъ. У кого есть кролики, у того не будетъ разводиться (плодиться) скотъ.

Мыши. Если зимой много мышей,—на слѣдующій годъ будетъ урожай; если они чаще грызутъ верхнюю часть печенаго хлѣба, то тоже къ урожаю, а если нижнюю,—къ неурожаю. Чтобы мыши не истребляли хлѣба, нужно на „Маковія“ (1-го августа) принести освященной въ этотъ день воды, пойти съ нею въ хлѣбное помѣщеніе, окроплять его и говорить: „Мыши! не ходить въ комо́рю: васъ не пусте сюда маковийска вода“. „Якъ уловышъ мы́шу, треба ии прысмалыть и тоди пустыть, такъ воны скочують; а якъ пидкуривать мышей табашнымъ дымомъ, такъ воны будуть пропадать“.

Медвѣдь. „Видьмидь—изъ чоловика“. „Разъ прыйшовъ въ одну хату прохаты́рь, той шо просе на церкву, а хозяенъ, шобъ злякать цего прохатыря́, взявъ та й заховався на покутти, за образамы; за це его Богъ и обратывъ въ видьмидя. Того видьмидь и рвецця завсегда на покуття, якъ его прыведуть у хату“. „Якъ видьмидь потопче спыну, такъ вона николы не болитыме“.

Байбакъ. На зиму „баба́къ“ засыпаетъ, на Срѣтеніе перевертывается на другой бокъ, а на Евдокію (1-го марта) свиснетъ въ первый разъ и опять заснетъ, если холодная погода; если же теплая, то онъ встаетъ и начинаетъ прохаживаться.

Ежъ. Сало „йижака“ идетъ на лѣкарство для скотскихъ ранъ, въ которыхъ заводится черви, и на освѣщеніе. Послѣ Покрова онъ залегаетъ въ берлогу, по отверстію и по мѣсту которой предугадываютъ силу зимы и зимнюю погоду. Если логовище ежа съ краю лѣса,—будетъ теплая зима, а если въ срединѣ,—холодная. Вѣтеръ и снѣгъ зимою должны быть съ противоположной стороны отверстію берлоги.

Слѣпышъ. „Не трогай зиньского щеняты, ато въ вичи плег-

не́: воно сердыте. Якъ бы у ёго булы здорови очи, такъ вонобъ и людей йило. Зиньске щеня просыло у Бога такыхъ очей, якъ у вола, такъ Богъ сказавъ ему: „Нарый стилко кучо́къ, якъ на неби зирочо́къ, такъ тоди дамъ". Съ того времени оно и старается побольше нарыть кучекъ, чтобы получить большіе глаза.

Летучая мышь. „Кожаны" дѣлаются изъ мышей: если не обвязывать и не беречь пасхи и другихъ освященныхъ предметовъ, то ихъ могутъ ѣсть мыши, которыя отъ этого будутъ превращаться въ „кожановъ". Около церкви потому много „кожановъ", что тамъ во время посвященія всегда остаются кусочки пасхи, съѣдаемые обыкновенными мышами, и превращающимися въ летучихъ мышей. „Кожана" засушиваютъ и носятъ на шеѣ отъ лихорадки. Если скотъ, предназначенный въ продажу, закормить сушенымъ „кожаномъ", то онъ скоро и сильно жирѣетъ; но за это великій грѣхъ: такой скотъ скоро погибаетъ. Человѣкъ, котораго укуситъ кожанъ, умираетъ.

2) Птицы. Куры. Когда Спаситель прятался отъ жидовъ, тогда куры выгребли Его своими ногами. За это курей не святятъ на Пасху и не ѣдятъ ихъ ногъ,—онѣ прокляты Господомъ; сама же курица благословенна за яйца, которыя она несетъ и которое святятся вмѣстѣ съ пасхой. Яйцо, снесенное курицей на Благовѣщеніе и на Пасху, не кладется подъ насѣдку: изъ него выйдетъ калѣчка. Чтобы курица раньше „заквоктала" и сѣла на яйца, для этого нужно ее „пидъ Риздво звалыть съ сидала помеломъ". „Якъ сыдыть курка, або друга птыця на яйцяхъ, такъ нельзя сажи трусыть: яйця почорниють и спортяцця, и нельзя тоди пекты яе́ць и бросать лушпы́ну въ огонь, ато зародыши запечу́цьця и не вылупляцьця.—Якъ спива́е ку́рка, такъ це вона вищуе нещасте,—треба ии заризаты, або взять ии и змирять одъ стола до порога: якъ прыйдецця головою, такъ голову отрубать, а якъ прыйдецця хвостомъ, такъ хвостъ". Съ какой стороны дома поетъ пѣтухъ, съ той стороны будетъ гость. Ему приговариваютъ въ это время: „Якъ дорогый гость,—нехай тоби золотый хвостъ, а якъ плохый гость, такъ нехай отпаде и той хвостъ". Если пѣтухъ поетъ вечеромъ,—веселая и теплая будетъ ночь, если ночью,—ничего не бойся, утромъ и

днемъ,—будетъ хорошая погода, на покутти и на порогѣ,—будутъ гости, а если часто поетъ около окна,—къ несчастью или кто нибудь умретъ. Отъ соленаго куры болѣютъ и погибаютъ; спасти ихъ можно гущей изъ кваса.—Вечеромъ „кудахчутъ“ куры—къ несчастью, а утромъ—къ благополучію.

Гуси и утки. „Ця птыця благословенна на пыщу за те, шо вона Спасытеля прыкрыла соломкою, якъ Винъ ховався одъ жыдивъ. Гусей бля завода треба купувáть зъ вершыны, за водою, такъ воны лучче плодытымуцьця“. Купленныхъ для завода гусей и утокъ (а также всякую птицу и мелкій скотъ) долженъ довить покупатель, а не продавецъ. Когда выведутся гусята, прижигаютъ имъ страстною свѣчею пушекъ на головкахъ, „шобъ шулíка не хватала“. „Якъ у гусака вырвать изъ крылъ навхрестъ по три пирьйыны, такъ винъ пропаде“. Играя весною, дѣти поютъ слѣдующую пѣсенку объ уткѣ: „Селезéнь, селезéнь! догоняй ютку.—Пойды, ютыця, домой, пойды, сызая, домой; въ тебе сéмеро дитей, а восьмой селезéнь, девьятая ютка, десята Анютка“.

Индьыки. „Ындюшка сáма ýтла и врúклыва птыца. Шобъ вона не пропадала, такъ треба ии загодувать свяченымъ и брызкать свяченою водою, а вылупывшымся ындюшатамъ нужно прыпалювать пушокъ на потылыци страшною свичкою“.

Голуби. „Голубьячои головы не йидять: вона проклята Богомъ за те, що голубъ розсмыкавъ ту солому, де ховався Хрыстосъ одъ жыдивъ. Шобъ завесты голубивъ, треба въ стриху хлива, де воны будуть, заткнуть кусочекъ тии палочкы, шо лежить пидъ хрестомъ, якъ святять воду; купыть пару голубивъ, и якъ пошнуть воны плодыцьця, такъ первыхъ голубьятъ оставыть для заводу, а дрýгыхъ заризать и головкы повстромлять въ стриху хлива; а также якъ найдешъ на дорози чоку, возьмы ии, несы додому не оглядаючысь, и встромы въ стриху голубьячого хлива: не будуть залитать голубы, а все до себе будуть прыманювать. А якъ зробышъ изъ клечальнои осыкы хрестъ, та встромышъ его въ гниздо свойыхъ голубивъ, а пóтимъ найдышъ квачъ зъ мазныци, та встромышъ его въ стриху чужого хлива, де голубы плодяцьця, такъ тоди до тебе перелетять изъ того двора вси голубы, тилко не разомъ, а по пари каж-

ный мисяць. Голубьяче пирья не годытьця класты въ подушкы: голова болитыме. У кого плодяцьця голубы, у того не буде пужарю".

Павлинъ. Иногда дѣвушки перьями павлина украшаютъ иконы, но опытные люди воспрещаютъ дѣлать это, говоря: „На шо вы оце робыте? Павычъ погана птыця,—ёго мняса и собакы не йидять".

Воронъ. Воронъ проклятъ за то, что онъ вырылъ изъ копны Іисуса Христа, когда Онъ прятался отъ евреевъ. Еще говорятъ, что воронъ когда-то взялъ своихъ дѣтей, понесъ къ рѣкѣ и посадилъ одного на берегу, а съ другимъ поднялся надъ рѣкой, и спрашиваетъ его: „Будешъ мене хлибомъ годувать? Якъ будешъ—перенесу"!—„Буду, та свойыхъ дитей", отвѣчало то. Воронъ бросилъ его въ воду, а другое, сидѣвшее на берегу, само утонуло.

Орелъ. Если найдешь гнѣздо орла и разоришь его, такъ тамъ можно найти деньги или другія цѣнныя вещи.

Сова. Совъ бываетъ два рода: одна бѣлая, весенняя, которая называется „иржу́нъ, вона ирже́ якъ кинь", и плодится въ бурьянахъ, а другая сѣрая, которая выводитъ своихъ дѣтей на дубѣ, въ гнѣздахъ.

Коршунъ. Коршунъ въ здѣшней мѣстности называется „шуликой". „Шули́ка ззйила чоловика".

Копчикъ. Когда дѣти увидятъ летящаго копчика, тогда они, желая, чтобы онъ остановился на воздухѣ высматривать добычу, что здѣсь называется „плетеніемъ лаптей", кричатъ ему нараспѣвъ: „Кобчыку, кобчыку! сплеты мини лапти,—не велыки, не мали, шобъ булы одъ неба до земли".

Сычъ. „Якъ сычъ крычыть на хати, або въ двори, такъ це передъ нещастемъ: умре хто-небудь, або захворае, або пужарь буде".

Удодъ. „Якъ разорышъ гниздо додыка, такъ винъ полетыть въ степъ, украдеть у кашова́ривъ огня, прынесеть его и положыть на хату, шобъ згорила. У ко́го сядыть на хати додыкъ або буде стукать у двори, тамъ хто не́будь умре, або дру́ге нещастя случы́цьця".

Кукушка. Когда весною въ первый разъ услышишь крикъ

кукушки и будутъ у тебя въ карманѣ деньги, такъ будешь цѣлый годъ при деньгахъ и не будешь нуждаться въ нихъ. Дѣти, увидѣвши кукушку, кричатъ: „Зузу́ле, зузуле! скажы,—скилко мини годъ жыть“? и потомъ считаютъ: сколько разъ она крикнетъ, столько лѣтъ жить спрашивавшему дитяти. Иногда одно изъ ссорящихся говоритъ, вмѣсто бранныхъ словъ: „шобъ ты зузу́ли не почувъ“! а другое въ такомъ случаѣ говоритъ въ отвѣтъ: „та мини й додыкъ закуе́“.

Грачи и галки. Говорятъ, что у „гракивъ“ и галокъ есть общественный судъ: иногда они всѣ гуртомъ убиваютъ одного изъ своихъ членовъ.

Воробей. Когда Христа распяли, тогда на крестъ сѣло два воробья,—красный и сѣрый: первый кричалъ: „по́меръ, по́меръ“! а второй кричалъ: „жывъ, жывъ“! тогда одинъ воинъ ударилъ Спасителя копьемъ въ бокъ. За это Господь проклялъ воробьевъ, не благословилъ въ пищу и спуталъ ихъ, „шобъ воны не ходылы по земли, а плыга́лы“. Нѣкоторые люди все таки ѣдятъ ихъ. „Якъ бьецьця горобець у викно, такъ буде письмо“.

Ласточка. „Якъ ла́стивка змо́сте пидъ хатою гниздо, такъ це щастя буде тому домови, и разорять его не годыцьця. Хто разорыть ластивку и забере ячка, того нападе ластивьяче рябо-тыння, або пролетыть ця ластивка пидъ коровою трычи, а вона й спортыцьця,—покрасние молоко и мало ёго буде, такъ шо й телятко пропаде; а то такъ ластивка прынесе́ съ поля огню и спалыть хату тому, хто побье ластивьятокъ. Хто убье ластивку, у того другѝ ластивкы по серцяхъ будуть доить (сосать) и портыть коровъ. Якъ весною побачешъ въ первый разъ ластивку, возьмы изъ подъ правои ногы земли и подывысь: якого цвиту въ земли попадется шерсть, такои масты и скотыну держы; умыйся ще въ це время молокомъ, шобъ буть билолыцему, та ще утрысь тымъ рушныкомъ, въ якому паску носылы святыть, такъ пройде ластивьяче рябо-тыння“.

Жаворонокъ. „Якъ жайворонкы не прылетять на сорокъ святыхъ (9 марта), такъ тоди за ныхъ спивають посмитьтюхы; за це жайворонкы, якъ уроде хлибъ, должни дать посмитьтюхамъ мирку пшеныци“.

Соловей. Съ лѣнивой хозяйки, не соткавшей до появленія со-

ловья полотна, смѣются не только люди, но и соловьи, поющіе такъ: „Выстелы, выстелы полотенце!“

Синица. Крестьяне, услышавъ раннею весною пѣніе синицы, похожее на слова: „покынь саны, возьми визъ!“ говорятъ: „Пора бросать саны та справлять возы: уже и сыныця про це спивáе“.

3) Гады. Гадюка. Гадюка—твореніе лукаваго, что видно по ея зубамъ. Если гадюки никто не увидитъ въ продолженіи 12 лѣтъ, тогда у нея выростетъ 12 головъ, а если не увидитъ 20 лѣтъ, тогда она выростетъ величиною, „якъ кобыла“. У гадюки подъ шкурою есть маленькія ноги: кто ихъ увидитъ, тотъ сейчасъ же умретъ. Есть гадюки съ красными рожками, которыя называются „царыця голыця“. Линовище гадюки люди носятъ на шеѣ, пока потеряютъ, а также подкуриваются имъ отъ лихорадки. Кто убьетъ гадюку, тому Богъ проститъ 40 грѣховъ. Когда гадюка укуситъ человѣка, нужно ее тотчасъ же убить, оторвать голову и прикладывать ее къ ранкѣ, чтобы прошла болѣзнь; а если не убьешь, тогда она поползетъ къ водѣ и напьется; послѣ чего, когда вторично этого человѣка укуситъ какая-нибудь гадюка, онъ не перенесетъ и умретъ. Человѣкъ, укушенный гадюкою, долженъ для своего излѣченія трижды прочитать назадъ „Отчѐ нашъ“. Если къ ранкѣ, образовавшейся отъ укушенія гадюки, приложить ясеновую палочку и потомъ хранить ее, тогда не будешь страдать отъ напраслины. Гадюку, укусившую человѣка, не принимаетъ земля, и потому она лазитъ до поздней осени и ожидаетъ, чтобы ее кто-нибудь убилъ. Разсказываютъ, что одна мать часто ходила провѣдывать свою замужнюю дочь, чѣмъ и надоѣла послѣдней. Одинъ разъ дочь спала, когда пришла мать, разсердилась, наругала ее и сказала: „Чого вона тутъ шляецьця!“ Мать ушла со слезами, а дочь заснула, и приснилось ей, что кто-то говоритъ: „Пиды въ садóкъ и возьмы тамъ два куска полотна“. Она проснулась, пошла въ садъ, увидѣла тамъ на яву два куска полотна, взяла ихъ, повѣсила на плечи и понесла; но изъ кусковъ образовалось двѣ гадюки, которыя впились ей въ грудь и приросли, такъ что ничѣмъ ихъ нельзя было оторвать. Такъ эта женщина и умерла съ гадюками, не нашедши лѣкарства отъ своего несчастія.

Ее, говорятъ, могъ бы избавить отъ гадюкъ только такой человѣкъ, который во всю жизнь не ѣлъ мяса въ понедѣльникъ или во вторникъ.

Ужъ. Когда Ной былъ въ ковчегѣ, тогда дьяволъ пробуравилъ въ немъ дырку, чтобы погубить людей; но „вужáка“ заткнулъ эту дырку своею головою и не пустилъ воды. За спасеніе людей Богъ далъ ему красную голову и сказалъ, что кто его убьетъ, тому запишется 40 грѣховъ. Ужъ, поселившійся въ домѣ или дворѣ, приноситъ счастье и богатство этимъ людямъ. Онъ любитъ молоко и доитъ коровъ, у которыхъ оно отъ этого не уменьшается, а напротивъ даже прибавляется. Если же убить ужа, то за нимъ скучаетъ корова, какъ за теленкомъ; другіе же „вужáкы“ начнутъ сосать корову и испортятъ ее. „Якъ вужáка кусаецьця зъ жабою, такъ слѣдуетъ ихъ розвесты палочкой и хранытъ ии: вона буде спасать чоловика одъ наказанія во время суда“.

Ящерица. Ящерицъ два рода,—одна сѣрая, которая считается „хлопьячою“, а другая зеленая и называется „дивчáчою“: первая кусаетъ „дивчатъ“, а вторая „хлопцивъ“. Когда весною увидятъ въ первый разъ „ящерку“, отбиваютъ у нея хвостъ, хранятъ его и вѣшаютъ на шею отъ лихорадки. Если на отбитый у ящерицы хвостъ не наступишь ногою, пока онъ захолонетъ, такъ изъ него выростетъ гадюка. Ящерицу брать въ руки грѣшно, а если кто возьметъ, тотъ долженъ мыть водою руки до тѣхъ поръ, пока кровь пойдетъ.—Ѣхалъ панъ съ кучеромъ. Остановились они ночевать; кучеръ началъ варить кашу, а панъ легъ на возу. Бѣжитъ ящерица; кучеръ кричитъ: „Вотъ веретёлка“!—„Перепелка“? говоритъ панъ: „кидай ее въ кашу“! Кипитъ каша; ползетъ лягушка; кучеръ кричитъ: „Вотъ и луговая“!—„Другая? кидай ее въ кашу“! говоритъ хозяинъ. Скипѣла каша; сѣли ѣсть; панъ и спрашиваетъ: „Гдѣ жъ перепелка“?—„Вотъ веретёлка, вотъ и луговая“, говоритъ кучеръ, вытягивая изъ каши ящерицу и лягушку. Сильно разгнѣвался панъ и такъ наказалъ кучера розгами, что тотъ и умеръ отъ побоевъ.

Жабы. „Якъ хто йисть въ погриби або надъ колодцемъ, такъ отъ цего тамъ жабы заводяцьця. Шобъ ихъ перевесты въ ног-

риби, нужно тамъ розвесты́ огонь и положыть на ёго скрючковатого перцю.—Жабы начинають крюкать, якъ загремыть первый гримъ. Не беры́ рукамы жабы, ато вона пры́сне на тёбе та й нападуть бородавкы́. Одна жинка узяла жабу въ рукы, а вона й пры́снула на лытцё, такъ у неи и выросла борода". Укушеніе зеленой жабы иногда гоняющейся за людьмы, считается неизлѣчимымъ. Говорятъ, что жабы (также и мыши) чувствуютъ будущій неурожай, и съ этой мѣстности „перекочовуютъ" въ другую, гдѣ будетъ много влаги и хорошій урожай. Однажды множество жабъ перекочевывало въ другую мѣстность. Увидѣлъ это одинъ человѣкъ, схватилъ палку и ударилъ переднюю жабу, называемую „маткой". Матка прыгнула на человѣка и впилась ему въ щеку, откуда никто ее не могъ оторвать: такъ человѣкъ этотъ умеръ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ жабой.

4) Насѣкомыя и черви. Муравьи. Муравьевъ, называемыхъ здѣсь „комашками" два рода: красные,—„дивчачи", а черные—„хлопьячи": первые кусаютъ „хлощивъ", а вторые „дивчатъ". „Комашокъ" грихъ убывать: воны нико́му шко́ды не роблять. Якъ разорышъ мурав йы́ще, такъ буде здоровый витеръ. На мисти муравьйы́ща не строй хаты: хвороба и смертность буде, а загороду строй: прыбы́токъ скоты́ны буде. Якъ побачышъ первый разъ комашокъ, беры ихъ и тры себе́ по лытцю,—не будешь зъ воламы въ шко́ды попадацьця". Дѣти, увидѣвъ муравейникъ, берутъ палочку, слюнятъ ее и туда втыкаютъ со словами: „Кома́шка, кома́шка! на тоби медку, а мини́ дай сири́вчику!" Палочка, вынутая изъ муравейника, покрывается кислою жидкостью, которую дѣти лижутъ языкомъ. Нѣкоторые крестьяне варятъ муравьевъ въ кипяткѣ и этимъ отваромъ парятся отъ ломоты и парятъ воламъ больныя шеи.

Жукъ. „Якъ жукъ гуде, такъ буде тепло або дощъ".

Коровка. Такъ называется небольшой красноватый жучокъ, съ темными пятнами на верхней части тѣла. Его называютъ „Божьей коровкой" и не позволяютъ душить, считая это грѣхомъ, по слѣдующей причинѣ. Въ старыя отдаленныя времена жили, говорятъ, большіе люди (великаны), называвшіеся „королямы". Затѣмъ Господь создалъ малаго человѣка, такого, какъ

мы. Выѣхалъ малый человѣкъ съ „погонычами въ степь и началъ орать на четырехъ парахъ воловъ. Пришелъ великій человѣкъ, „король“, забралъ людей и воловъ съ плугомъ въ карманъ, пошелъ до Бога и спросилъ: „Шо це, Господы, за коровкы таки!“ Господь отвѣчалъ: „Не трогай ихъ,—це таки люды будуть, а вамъ заразъ смерть настáне“.

„Сонычко“. Сонычкомъ называется маленькій желто-красный жучекъ, съ двумя черными точками на надкрыльяхъ. Дѣти берутъ его въ руки, кладутъ на ладонь и говорятъ: „Сонычко, сонычко! одсунь виконычко, та скажы мини, куды замижъ иты? (или—„де я буду женыцьця?“). Куда, расправивъ крылья, улетитъ жучекъ, въ той сторонѣ живетъ будущій супругъ.

Сверчекъ. „Цвиркýнъ цвириньчыть на непогоду, а якъ у хати крычыть, такъ це, кажуть, на богацьство“.

Тараканы. Чернаго таракана ѣдятъ отъ бѣшенства, когда заразятся этою страшною болѣзнью. Кто поздно вечеромъ подъ воскресные и праздничные дни прибираетъ въ хатахъ, у того „заводыцьця всяка погань: тараканы, стонóгы, рогаткы, мокрушкы“ и проч. Тараканы заводятся еще оттого, что вѣникомъ припечекъ подметаютъ. Гдѣ въ домѣ заведутся тараканы, тамъ будетъ несчастье. Въ одномъ семействѣ, гдѣ было много таракановъ, вечеромъ невѣстка принесла два ведра воды и поставила на ночь на „виднычкý“ (полочка въ углу сѣней). Ночью слышали, что на чердакѣ что-то стучало. Утромъ встала невѣстка и пошла брать воду; смотритъ,—ведра оба пустыя, вездѣ сухо, и никто воды не бралъ. Разсказали о случившемся людямъ, и тѣ объяснили, что это передъ „прычыною“ (несчастьемъ). И дѣйствительно: черезъ недѣлю свекровь этой женщины утонула въ копанкѣ, а мужъ пошелъ на Донщину, и тамъ его мельница задушила; все же остальное семейство тоже перевелось. Чтобы уничтожить таракановъ, нужно найти старый лапоть или „черевыкъ“, привязать къ нему двѣ нитки, посадить туда нѣсколько таракановъ и, взявшись вдвоемъ за нитки, вытянуть лапоть на перекрестную дорогу и тамъ бросить. При этомъ долженъ кто-нибудь сопровождать таракановъ и, шутя, тужить за ними. Или дѣлаютъ еще такъ: привязываютъ таракана ниткой, за которую берется все семейство и тя-

нетъ его съ трудомъ, надуваясь и не смѣясь, на перекрестную дорогу, гдѣ и бросаютъ. Говорятъ, что послѣ этихъ способовъ тараканы сами „скочуютъ“ изъ хаты.

Саранча. Саранча считается Божіимъ наказаніемъ; поэтому ее невозможно истребить, и чѣмъ больше будешь убивать и гнать ее, тѣмъ она больше принесетъ вреда. Избавиться же отъ нея можно только молитвою.

Блохи. „Блохы плодяцця оттого, шо на Риздво и на Велыкдень, якъ умываюцця, розлываютъ воду по хати“.

Воши. „Воши заводяцця изъ тила чоловика одъ журбы, одъ заботы и одъ плохои воды. Сорочкы треба золыть натощакъ, шобъ воши не заводылысь и не кусалы. Ихъ на столи и на викни грихъ быть: столъ-прыстолъ, а въ викно ангелы литаютъ“.

Пьявка. „Де есть пьявкы, въ ту воду слидуетъ зайты чоловику зъ больнымы ногамы и стоять, покы пьявкы впнуцця, напьюцця и самы отпадуть. Воны здоровои крови и здороваго чоловика не трогаютъ, а пьютъ тилко спорчену кровъ“.

Черви. Слѣдуетъ накопать въ загородѣ подъ яслями червей, положить ихъ въ черепочекъ, куда налить немного воды, и поставить въ печь, чтобы они растопились. Если этою жидкостью смазывать бѣльмо на глазахъ, то оно въ скоромъ времени пройдетъ.

Пословицы и поговорки: „Не по коню, а по оглобли. Конного не вворожышъ. Покирне телятко дви маткы сце, а грубе и однии не попаде. Забылось серце, якъ телячий хвистъ. Быть бычку на обрывочку. Паршыве теля и въ петривку мерзне. Одна паршыва вивця все стадо перепагане. Куды одынъ баранъ, туды и все стадо. Вона тоди буде прясты, якъ собакы дрочытымуцьця. Прывыкне собака за возомъ бигты, та й за саньмы не втерпе. Якъ доспышъ до обидъ, такъ прысныцьця и видьмидь. Сыныцю посады хочъ на пшеныцю, такъ вона усе сыныця. Мижъ воронамы жывешъ, по воронячому и кракай. На чужій сторонци поклонышся и воронци. Не давъ Богъ жаби хвоста, шобъ травы не толочыла. Муха не спорте брюха, а вычыстыть.

Загадки: „Бижать кони булани; на ныхъ вузды порвани. Радъ бы я прыпынуть, та ничымъ ихъ покормыть“. (Хмары-

тучи). „Стоять кони на прыпони, не пьютъ—не йидятъ, а сыти стоять". (Кавуны или арбузы). „Сирый вилъ усихъ людей извивъ". (Утро). „Лысый вилъ кризъ ворота дывыцьця". (Мѣсяцъ). „Корова лежыть, а шкура до воды бижыть". (Подушка). „Сира корова всихъ людей поборола". (Ночь). „Крыкнувъ вилъ на сто городивъ,—збиглыся диткы не однии маткы". (Колоколъ и люди). „Иде свыня одъ тытаря та вся вона потыкана". (Наперстокъ). „Симсотъ поросятъ одну матку сцуть". (Сволочки). „Середъ лиса-лиса старци шкуру мнутъ". (Поросята, сосущіе свинью). „Костянъ деревьянъ черезъ гору свыней гнавъ". (Гребешекъ). „Баранъ у хливи, а рогы на двори". (Буракъ). „Жовта курыця пидъ тынъ кублыцьця". (Дыня). „Середъ лиса-лиса, лежыть шматокъ зализа,—ни взять, ни пиднять, ни на визъ положыть". (Гадюка). „Повзунъ повзе, голкы везе". (Ежъ).

Скороговорки: „Посмитьтюха съ посмитьтюшенятами. Перепелычка мала-невелычка трычи по трычи та не выпидподюмкаецця. Гракъ гнылоносый. Ряба курка крупы клюе. Летивъ горобець черезъ верхверхний хливець, нисъ пудъ гороху и намъ давъ по-троху. Летивъ шпакъ черезъ попивъ макъ, нисъ мирку гороху бизъ червоточыны, бизъ надчервоточыны".

Народная ботаника. ***1) Деревья простыя, плодовыя и кусты.*** Всѣ деревья, какъ простыя, такъ и плодовыя, сажалъ и сѣялъ Господь. Если зимою на деревьяхъ будутъ большія и твердыя „брунькы" (почки), такъ это къ хорошему цвѣтенію и урожаю плодовъ, а если онѣ будутъ малыя и мягкія, значитъ не будутъ цвѣсти деревья. Когда дерево сильно цвѣтетъ,—не жди хорошаго урожая плодовъ: его „зглазять люды", а когда цвѣтетъ умѣренно, тогда больше плодовъ будетъ. „Якъ гримъ загремыть на голый лисъ, такъ буде на все неурожай".

Верба. „Якъ вербу посадышъ на молодыци, такъ молодныкъ здорово ростыме, но дерево не крипке буде, а якъ посадышъ на старому мисяци, такъ молодныкъ не скоро ростыме, за то дерево буде крипке. Вербу треба рубать на тощакъ въ жылявый понедилокъ, шобъ вона прочна була для постройкы. Якъ у кого болять зубы, такъ треба выризать корочку, або серце, съ свяченои вербы, яка росте у городи, и прикладать до боль-

ного зуба, а пóтимъ того однесты цю корочку и вставыть на прежне мисто, въ вербу, шобъ вона тамъ и прыросла".

Ива. „Ивыну вáрють и мыють голову одъ боля́чкы" (золотухи).

Тополь. („Тупóля"). Листья и вѣтви „тупóли" варять и этимъ отваромъ моють лицо, „шобъ зийшлы вугры́" (прищики, чирья на лицѣ).

Пирамидальная *тополь* здѣсь называется „райы́на" или „рай дерево", а черная тополь, осокорь,—„сокиръ".

Осина. „Якъ Спасытель ховався одъ жыдивъ, такъ тоди Винъ пи́шовъ та й сивъ пидъ осыкою, а вона якъ зашелестыть, та й злякала Спасытеля. За це Винъ проклявъ ии и сказавъ: „Бодай же ты шелестила и зъ витромъ, и бизъ витру". Поэтому листья осины и безъ вѣтру трепещутся и шелестятъ. Осины не кладутъ при постройкахъ въ стѣны домовъ, „ато вся симья дрожатыме день и ничь одъ хворобы, такъ якъ дрожыть осыка". „Осыкы боицьця всяка нечыстъ: видьмы́, колдуны, злый духъ" и проч. Если въ плетень загороды повтыкають осиновыя вѣточки, то въ такую загороду не можетъ зайти вѣдьма, и не можетъ она испортить коровы.

Кленъ и пáкленъ. „Пáклена похожа на клыны́ну, тилко мня́кче ии и хуже на хозя́йственни подилкы, та серце у неи чóрне и лыстя шы́рше, чымъ у клыныны".

Черемуха. Черемухи въ здѣшней мѣстности довольно много. „Якъ нападуть скотыну воши, такъ тоди рубають молоду черéмуху, парять ии, скручують обручемъ и вишають на шыю тий скотыны́ни".

Липа. „Лы́пеною не годыцьця быть скотыну, а то здохне. Лыповый цвитъ пьють одъ простуды".

Берестъ и вязъ. „Берестокъ и вязокъ" употребляются на колеса, возы, сани, бóроны и оси, въ стѣны же домовъ при постройкахъ ихъ не кладутъ: „не годыцьця,—грихъ".

Дубъ. Въ листьяхъ, которые зимуются на дубѣ, парятъ больныя ноги отъ ломоты. „Якъ у кого заболять зубы, такъ шобъ пересталы болить, винъ долженъ найты молодого дубка, стать передъ нымъ и трычы сказать: „дубе, дубе! я тебе ззи́имъ зъ ги́ллямъ, съ кори́ннямъ, съ паги́ннямъ („паганци"—молодые побѣ-

ги): гамъ! гамъ! гамъ!!"—Если на дубѣ уродится много желудей, будетъ урожай на жито.

Ясень. Когда волы, съѣвшіе паука или вредную траву съ росой, обдуются, тогда берутъ ясеновую палочку и бьютъ ею три раза „навхрестъ по ливой здухвини", отчего болѣзнь проходитъ. Ясень — крѣпкое дерево, употребляемое на столярныя издѣлія. Съ нимъ связанъ слѣдующій разсказъ: „Вывизъ мужыкъ на новимъ вози, съ ясыновыми пидтокамы, продавать кабана. На базари обступылы его ворягы, та одынъ изъ ныхъ и пытае мужыка: „Зъ чого це у тебе пидтоки?"—„Покоштуй тай знатымышъ съ чого", каже мужыкъ. „Давай я ихъ перегрызу". „Перегрызы". „А шо ты мини дасы?". „Та шожъ? кабана оддамъ". „Ну, дывысь же сюды, шобъ посли не казавъ, шо я ихъ перериза́въ!" сказавъ воръ, и начавъ грызты пидтокы, а мужыкъ дывицьця на его, якъ винъ грызе. Вориви товариши узялы кабана и понеслы. Мужыкъ все дывыцьця, а воръ грызъ, грызъ, и плюнувъ та й каже: „Пху! яке дерево крипке: ясёнъ, не ясёнъ, кабанъ унесёнъ. „Прощай!" И пишовъ за свойимы товарышамы, яки укралы кабана".

Яблоня. „Шобъ завесты гожыхъ яблунь, такъ треба посиять яблушни зерна и, якъ воны зийдуть и поростуть одно лито, тоди выкопать ихъ, и поставыть на зиму въ погрибъ, а весною выньнять и впять посадыть. Писля цего воны гожо пидуть росты и годивъ черезъ тры уродять".

Груша. Грушевые плоды ѣдятъ отъ поноса, а также перепаливаютъ ихъ и пьютъ съ водою отъ той же болѣзни.

Вишня. Вышни слѣдуетъ выкапывать и пересаживать натощакъ, „шобъ хорошо прыйнялысь и рослы", а на Новый годъ нужно зерна, разбросанныя посыпальниками, собрать и разбросать между ними, „шобъ тамъ черва не заводылась".

Сливы и теренъ. „Слывъ" въ здѣшней мѣстности немного, „теренъ" же распространенъ вездѣ.

Черноклень, или „чорноклына". Это маленькое деревцо употребляется на „пужална" для кнутовъ.

Орѣшникъ, или „лищына". Съ орѣшника крестьяне приготовляютъ хорошія „граблыща и цыпылна", т. е. рукоятки для грабель и для цѣпа.

Жостиръ. Плодами жостира настаиваютъ водку и пьютъ ее отъ грудныхъ болѣзней, а также дѣвушки моютъ голову, „шобъ вона не болила и шобъ волосся чорняве було", и натираютъ лицо, „шобъ пройшло ластивьяче ряботы́ння". Его же ягодами женщины красятъ въ черный цвѣтъ свои „дерги".

Калина, или „калы́на". Ея ягоды завариваютъ кипяткомъ и пьютъ, какъ чай, отъ простуды.

„*Шепшыну*" (шиповникъ) и „*глидъ*" (боярышникъ) сотворылъ лукавый, „шобъ люды лаялысь и гришылы, якъ уколяцьця ны́мы".

„*Брусльна*" раньше употреблялась сапожниками для сапожныхъ гвоздей.

Бузы́на. Бузиновый цвѣтъ завариваютъ и пьютъ отъ простуды.

„*Пори́шкы*" или „заячи ори́шкы". Такъ называется низкій кустарничекъ, на которомъ ростутъ продолговатые, плосковатые и мохнатые орѣшки, употребляемые дѣтьми въ пищу. Нѣкоторые же называютъ „поришкамы" и смородину, которая мало распространена въ здѣшней мѣстности.

Крыжовникъ, называемый „кряжовныкомъ", мало распространенъ.

Малина, или „малы́на" встрѣчается еще рѣже крыжовника.

Ежевика. „Ожыны" здѣсь въ лѣсахъ и „въ вербахъ" весьма много.

2) Хлѣбныя и огородныя растенія. *Пшеница*. Когда еще не было хлѣбныхъ растеній, тогда люди питались липовыми листьями и липовой корой, да „по́трохомъ" изъ деревьевъ, т. е. тѣмъ, что сыплется изъ древесныхъ червоточинъ. Затѣмъ Господь далъ пшеницу, только не человѣку Онъ далъ, а собакѣ. „Вона завыла одъ голоду, а Богъ зъ неба и кынувъ ий колосокъ пшеныци прямо въ ротъ, но чоловикъ выхватывъ у собакы зъ рота цей колосокъ, ставъ сиять и развивъ пшеныцю. Значыть намъ грихъ убывать собаку,—мы йимо йи долю".

Рожь. Если послѣ посѣва „жита" въ скоромъ времени пойдетъ дождь, а потомъ морозъ ударитъ, то оно можетъ погибнуть,—у него примерзнутъ молодые корешки,—„па́ганчыкы".

Просо. Если набрать въ „хустыну" (платочекъ) проса и обсыпать имъ три раза вокругъ того мѣста, гдѣ собирается на улицу молодежь, тогда парубки и дѣвки будутъ ругаться и даже биться. Для прекращенія же этихъ безпорядковъ, должны

дѣвушки взять „витушку“, которою разматываютъ нитки съ мотка на клубки, поставить ее на мѣстѣ собранія улицы, и одной изъ нихъ лазить подъ „витушкой“, а остальнымъ бить ее „деркачемъ“ (старымъ вѣникомъ) по спинѣ. Когда варятъ кашу и при этомъ плохо огонь горитъ, тогда нѣкоторые приговариваютъ: „Горы, горы ясно, прыйиде Ивашко: самъ на кобыли, жона на корови, диты на телятахъ, слугы на собакахъ; прыведе винъ Варьку, дасть намъ по подарку; прыйиде винъ зъ Машкою, мы ихъ нагодуемъ кашкою; прыйиде ще зъ Гапкою, мы ихъ выбьемъ палкою“. Засыпая въ кашу пшено, говорятъ: „Оце на вола, шобъ добра була, оце на корову, шобъ дулася вгору, оце на быка, шобъ була така, оце ще на старця, шобъ одъ людей не остацьця“. Если крутая каша выйдетъ полная, съ верхомъ, тогда говорятъ, что въ слѣдующемъ году будетъ хорошій урожай.

Ленъ. Когда сѣютъ ленъ, то ѣдятъ яйца, „шобъ волокно биле було“, а чтобы онъ чистый уродился и не былъ перевитъ „прывытыцею“ (повелицею), такъ его долженъ мужчина сѣять въ одной сорочкѣ. Ленъ бываетъ „скакунъ“ и „москаль“ (иначе „ростунъ“). „Скакунъ“, считающійся лучшимъ на волокно, выбираютъ надзелень, чтобы зерно изъ него не выскочило, и ставятъ въ „шипы“ (пирамидки), головками вверхъ, послѣ же на свободѣ, вытряхиваютъ изъ него сѣмена и тогда уже вяжутъ въ снопы; „ростунъ“ же вяжутъ въ снопы сейчасъ, когда выберутъ, и кладутъ въ копны.

Всякія огородныя овощи слѣдуетъ сажать и сѣять тогда, „якъ народыцьця молодый мисяць, а шо посадышъ на ущерби,—все плохе буде“.

Капуста. Когда посѣютъ разсаду, ставятъ въ чемъ нибудь около нея воду, чтобы морозъ не повредилъ. „Якъ посадять капусту, такъ хозяйка до схидъ сонця бере свячену воду, яку святять на Праву середу, и кропыть кропыльцемъ кажну кубашку, шобъ на капусту не нападала папильнуха и червы“. Если же на нее нападутъ черви, тогда подъ каждый посаженный кустикъ слѣдуетъ подсыпать пасхальной золы. Капусту нужно вырывать съ корнемъ, „ато на другый годъ на цимъ мисти заведуцьця черьвякы“.

Картофель. Тѣхъ „яблучокъ“ (плодовъ), которыя выростаютъ на картофельной ботвѣ, нельзя обрывать, „ато картошка плоха буде“.

Лукъ и чеснокъ. „Цыбулю садять якъ ще жабы не квакають. —Часныкъ изъ зубивъ бабы волшебныци. Ця баба вмерла и заховалы ии, а якъ тамъ у неи зубы повыпадалы, такъ зъ ныхъ и вырисъ часныкъ,—того грихъ его й йисты. Хто найисцьця часныку, тому 12 днивъ нильзя ходыть въ церкву: винъ не Богу буде молыцьця, а лукавому, и отъ цёго чоловика одступаецьця ангелъ на 12 днивъ, а хто найисцьця цыбули, одъ того на 10 днивъ“.

Перецъ. „Хто буде йисты стрючковатый перецъ, той не буде бояцьця морозу и хворобы, и на лытци буде красный, якъ перецъ“.

Макъ слѣдуетъ сѣять на средокрестной недѣлѣ, въ среду пораньше. Его употребляютъ при купаньѣ дѣтей, „шобъ лучче спалы“.

Подсолнухъ. Когда увидишь лѣтомъ въ первый разъ цвѣтущій „сбяшныкъ“, сорви его, спрячь и употребляй отъ „сояшныць“.

Рѣпа (земляная груша). Мѣстная рѣпа похожа на подсолнухъ, только не имѣетъ она цвѣтущей головки, а плоды ея, похожія на клубень картофеля, находятся на корневищахъ, въ землѣ. Она, говорятъ, цвѣтетъ подъ Ивана Купала. Цвѣтъ ея, сорванный въ этотъ день ночью, имѣетъ такую чудесную силу, какъ и цвѣтъ „папороти“.

Хрѣнъ, или „хронъ“. Хрѣнъ до Рождества Христова былъ страшно ядовитъ. Жиды вздумали было отравить Христа, приготовили хрѣна и „залили“ Спасителя, но Онъ благословилъ его, уничтожилъ ядовитость и велѣлъ христіанамъ безбоязненно ѣсть его. Поэтому то люди въ постъ и употребляютъ хрѣнъ въ пищу, а особенно они „йидять ёго въ жылявый понедилокъ, шобъ на ввесь пистъ закрементувацьця“, (закрѣпиться).

Мята. „Холодну мняту варють и пьють одъ кашлю, а кучеряву (простую) держуть для запаху“.

Любыстокъ, канупиръ, мнята и *щебрѐць* употребляются для купанья и для мытья головы: „гóжо пáхне“.

Табакъ „выдумавъ лукавый, шобъ люды курылы ёго и гришылы“.

Арбузы, дыни и огурцы. „Бакшу треба сиять въ понедилокъ, шобъ кавуны, дыни и огиркы завьязувалысь изъ первого цвиту. Якъ посиешъ огиркы на Праву середу (Преполовеніе), такъ воны правй (т. е. прямые) будуть росты. На вербний недили не годыцьця сиять огиркивъ, а на клечальний—полоть, ато воны будуть гиркы“.

Васильки. Огородные васильки бываютъ двухъ родовъ: одинъ родъ съ бѣлыми цвѣтами „для мертвыхъ“,—они и пахнутъ мертвецемъ, а другой,—съ синеватыми цвѣтами „для живыхъ“: этотъ родъ употребляется для украшенія иконъ и проч. Если новый столъ надушить васильками, тогда онъ крѣпкій будетъ и долго просуществуетъ.

3) Травы, цвѣты и проч. Хлѣбныя и огородныя растенія, а также полезныя травы и цвѣты садилъ Господь, а „колючкы, будякы, репьяхы, бурьянъ и вси гиркй и вонючи травы и цвиткы садывъ лукавый, шобъ люды кололысь нымы, чхалы одъ ныхъ, лаялысь и гришылы.

Папоротникъ. Цвѣтъ „папороти“, доставаемый ночью 23 іюня, имѣетъ чудодѣйственную силу: кто имъ обладаетъ, для того нѣтъ ничего невозможнаго и тайнаго. Онъ будетъ знать, гдѣ находятся клады и доставать ихъ безъ труда; ему будутъ отпираться замки безъ ключа, при одномъ его прикосновеніи; онъ можетъ влюбить въ себя всякую дѣвушку и проч. Говорятъ, что на „папороти“ бываютъ такіе маленькіе цвѣточки, какъ на крапивѣ, и горятъ они какъ огонь. „Папоротъ“ есть въ Бабиномъ лѣсу и въ Третьей стѣнкѣ (казенный лѣсокъ), гдѣ ее можно найти весною и лѣтомъ во всякое время. Папоротникомъ лѣчатъ (купаютъ) людей отъ всякихъ болѣзней и овецъ отъ оспы.

„Разрывъ трава“, заложенная въ разрѣзъ ладони, заростая тамъ, имѣетъ такую же силу, какъ и папороть.

„Простриль трава“, простреленная громомъ и поэтому имѣющая въ корнѣ дырочку, въ которую въ то время проскочила гадюка, употребляется, какъ лѣкарство, отъ разныхъ болѣзней и въ особенности отъ „порухы“.

Лопухъ. Лопухомъ парятся отъ ломоты и пьютъ настой его на водкѣ.

„Собачье мыло“. Такъ называется трава бѣлаго цвѣта. Ее рветъ молодежь, растираетъ въ рукахъ и, полученною отъ этого бѣлою массою, умывается, какъ мыломъ, „шобъ буть билолыцёму“.

Лебеда и щерыца. „Якъ волы найидяцьця молодои, солодкои лободы и щерыци, такъ заразъ же ихъ нападе тошнота и воны пообдуваюцьця“.

Перей. „Перий йидять собакы, шобъ не сказыцьця“.

Забудькы (чернобыльникъ). Ихъ варятъ въ борщѣ, но говорятъ, что „хто йисть забудькы, той буде забувать про свои дила“.

Крапива. „Молоду крапиву крышать въ борщъ, хочь и кажуть, шо йи сиявъ лукавый и шо вона проклята Богомъ“.

Болиголова. Дѣти ѣдятъ молодые корни „булыголовы“.

Польнь. Ее сѣялъ лукавый: „якъ хто возьме полынь у рукы, такъ стане гирко и въ роти, и скризь, и нашнеть винъ кашлять, чхать, и лаяцьця“.

Щавель. „Щовей бувáеть: кыслый, горобьячый, кóсый и кúньский. Кыслый и горобьячый йидять сырымъ, косый—варенымъ въ борщи, а киньского нельзя йисты, а то ногти выростуть здорови“.

Молочай, ростущій на каждомъ выгони, употребляется отъ лишая и отъ сильнаго запора.

Рожа. Она бываетъ двухъ родовъ: бѣлая, называемая собачьею, и красная, лепестки которой употребляются въ пищу.

„Копытци“—желтые цвѣточки, круглые листья которыхъ находятся не на одномъ стеблѣ съ ними, и по формѣ похожи на лошадиное копыто. Эти листья употребляются для борща.

„Сонъ“—красно-синіе цвѣточки, всегда поворачивающіе свои вѣнчики къ солнцу и закрывающіе ихъ, когда спрячется оно.

„Пивныкы и курочкы“—цвѣты одного рода, съ сладкой луковичкой, употребляемой дѣтьми въ пищу и съ продольными темными полосками на нижней сторонѣ лепестковъ, которые у первыхъ бываютъ фіолетово-бѣловатаго цвѣта, а у вторыхъ почти бѣлаго. Они цвѣтутъ почти въ одно время съ „проли-

камы“ (подснѣжниками), немного раньше другого рода „пи́вныкивъ“, желтаго цвѣта, называемыхъ „гала́цвиткамы“.

„Цмиль или цмильча́къ“, (иммортель) пережигаютъ и золою затоптываютъ „о́гныкъ“.

Существуютъ еще: „Ряска“, „я́тлыця“, употребляемая для борща, „соба́ча гречка“, любимая травка для собакъ, „куряча слипота“, отъ которой заболѣваютъ этой болѣзнью люди и животныя, „соба́чи кавуны́“, которые ѣдятъ собаки отъ бѣшенства, „гуся́чый молочай“, отъ котораго гуси жирѣютъ, „гадючій лукъ“, которымъ зимою питаются гадюки, „смокту́нъ“ (чистецъ) и „варе́нечкы“—медоносные цвѣты, „лопу́цькы“, употребляемые для ѣды въ сыромъ видѣ, „бабкы́“, „маркивны́къ (церковныкъ)“, „сверипа“, „козе́лькы“, „борщивныкъ“, или „хрестати лопуцькы“, „гры́цыкы“ и „молочай“,—послѣднія два растенія горькія, если не потереть ихъ въ рукахъ.

Изъ грибовъ, которыхъ здѣсь не мало ростетъ, употребляютъ въ пищу: „печеры́ци“ (шампиньоны), „опе́нькы“ (опёнки) и „гарашкы“.

Пословицы и поговорки. „У ёго на верби груши ростуть, а на осыци—кыслыци. Скоро садъ садя́ть, та не скоро плоды йидять. Симъ годъ макъ не родывъ, та голоду не робывъ“.

Загадки. „Сыдыть дидъ надъ водою, трусы бородою“. (Камышъ). „Сыдыть дидъ надъ кущемъ, захлебався борщемъ“. (Квачъ и деготь). „Ходе баба по току, въ зеленому колпаку“. (Метла). „Шатаецьця, мотаецьця, пидъ прыпичокъ ховаецьця“. (Вѣникъ). „За лисомъ, за лисомъ стоить дижа съ кистомъ“. (Криница). „Середъ двора, двора стоить золота стрила, а въ тий стрили симсотъ и дви“. (Макъ).

Юридическіе обычаи. Передъ совершеніемъ брака, „на могоричѣ“, родители жениха и невѣсты въ присутствіи постороннихъ людей, свидѣтелей, заключаютъ словесное условіе, въ которомъ обусловливаются—какая сторона, кому и сколько обязывается уплатить денегъ и дать подарковъ и приданаго. По окончаніи сговора даютъ старостамъ подарки, т. е. рушники или платки, а „на сватаньѣ“ даютъ подобные же подарки жениху и его родителямъ. Запивши могоричъ и давши старостамъ

упомянутые подарки, свадебный договоръ считаютъ оконченнымъ. Если въ это время женихъ или невѣста станутъ отказываться отъ вступленія въ бракъ, то виновная сторона должна возвратить полученные подарки и уплатить всѣ расходы, произведенные на могоричѣ и на сватаньѣ. Если отъ совершенія брака откажется невѣста, то ея родители или заступающіе мѣсто родителей уплачиваютъ родителямъ жениха всѣ расходы и тѣмъ заканчивается дѣло. Если же откажется женихъ, тогда родители его или заступающіе мѣсто ихъ, возвративъ подарки и всѣ расходы, уплачиваютъ еще родителямъ невѣсты за „безчестье" ея, если будетъ доказано свидѣтелями, что она согласна была выходить замужъ. Согласіе же невѣсты доказывается ея присутствіемъ на „могоричѣ", ея словами: „Якъ батько й маты скаже, такъ и я", и тѣмъ, рѣзала ли она принесенный старостами хлѣбъ или нѣтъ? Если рѣзала, значитъ она была вполнѣ согласна, если просила родителей порѣзать,—тоже была согласна, а если молчала или удалилась изъ хаты,—тогда она не согласна была выходить.

Въ крестьянскихъ семействахъ почти не бываетъ случаевъ формальнаго, законнаго развода, что видно изъ того, что въ продолженіи 30 лѣтъ былъ одинъ только случай такого развода по причинѣ неспособности къ супружеской жизни. Вслѣдствіе же споровъ, ссоръ и дракъ бываютъ случаи, что супруги расходятся, чтобы вести жизнь раздѣльно. Въ этихъ случаяхъ дѣти, если они есть, остаются жить при томъ изъ родителей, который ведетъ болѣе нравственную жизнь. При такихъ разводахъ каждый изъ супруговъ пользуется тѣмъ имуществомъ, которое лично ему принадлежитъ.

Если дѣти и ихъ отецъ пожелаютъ раздѣлиться при жизни послѣдняго, то все имущество дѣлится между сыновьями и отцемъ на равныя части; причемъ отецъ и мать остаются жить на старомъ мѣстѣ съ меньшимъ своимъ сыномъ, а остальнымъ сыновьямъ строятъ хаты отдѣльно. Непочтительнаго, непослушнаго и грубаго сына отецъ имѣетъ право выгнать изъ дома, не давъ ему ничего.

По смерти отца, если дѣти не пожелаютъ жить вмѣстѣ, имущество дѣлится поровну между сыновьями и матерью, также

какъ и при жизни отца. Незамужнія дочери, при выходѣ въ замужество, получаютъ небольшія доли отъ родителей и братьевъ, замужнія же ничего при раздѣлѣ и послѣ него не получаютъ.

Наслѣдство, оставшееся послѣ смерти родителей и бездѣтныхъ родственниковъ и воспитателей, получаютъ братья и дѣлятъ поровну между собою; сестрамъ же они, по своему усмотрѣнію, выдѣляютъ только незначительныя доли. Солдаты, ихъ жены и вдовы съ дѣтьми обоего пола принимаютъ въ наслѣдствѣ равное участіе съ братьями.

Незаконнорожденныя дѣти, соблюдающія къ своимъ родителямъ всѣ обязанности родныхъ, получаютъ наслѣдство наравнѣ со всѣми дѣтьми.

Единокровныя дѣти въ наслѣдствѣ родителя имѣютъ равное участіе со всѣми дѣтьми, а единоутробныя и сводныя получаютъ часть своихъ прежнихъ родителей.

Пріемыши и сироты участвуютъ въ наслѣдствѣ воспитателей тогда только, когда у послѣднихъ не осталось своихъ дѣтей; если же у нихъ остались родныя дѣти, тогда воспитанники получаютъ то, что имъ отказали воспитатели при жизни, или же то, что добровольно дадутъ родныя дѣти.

Вдова наслѣдуетъ долю мужа послѣ его смерти.

Имущество жены, у которой не осталось послѣ смерти дѣтей, переходитъ во владѣніе ея мужа, а за смертію послѣдняго, во владѣніе ея родителей или ихъ родственниковъ.

Вообще послѣ смерти бездѣтныхъ людей, имущество ихъ переходитъ къ боковымъ родственникамъ, въ порядокъ ближайшей родственной линіи.

При наймѣ рабочихъ заключаются въ присутствіи свидѣтелей словесные и письменные договоры, въ которыхъ срокъ найма опредѣляется мѣсяцами, годомъ и праздниками, указывается, когда и сколько слѣдуетъ уплатить работнику денегъ въ счетъ наемной платы и опредѣляются отношенія договаривающихся между собою. По понятіямъ народа договоры личнаго найма считаются обязательными для договаривающихся сторонъ и обязываютъ нанимающагося исполнять только то, что обусловлено при наймѣ. Работникъ, взявшій плату и неотслужившій ее, обязанъ возвратить таковую хозяину.

Относительно преступленій противъ собственности, народъ держится стариннаго обычая или самосуда, по которому виновный въ кражѣ долженъ подвергаться при допросахъ народной пыткѣ. Поймавъ вора, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ и, не спрашивая виноватъ онъ или нѣтъ, начиналъ его бить всевозможными способами, обрывать ему волосы на головѣ и бородѣ, крутить голову „цу́ркою“ (бичевкою и палочкою) и вѣшать вверхъ ногами, по подошвамъ которыхъ бить палками и веревками. Вслѣдствіе такихъ истязаній и бичеваній, нѣкоторые ложно признавали себя воромъ, чтобы избавиться отъ мученій, а другіе надолго оставались въ постели недвижимы. Кромѣ физическихъ истязаній, воръ, признававшійся въ кражѣ, отвѣчалъ за похищенную вещь платою, въ нѣсколько разъ превышавшею украденный предметъ, и могоричемъ для всей присутствующей „громады“. Женщинъ же, пойманныхъ въ воровствѣ, водили съ украденными и привѣшенными на нихъ вещами по улицамъ, смѣялись надъ ними и всячески тормошили.—Этими наказаніями заканчивалось дѣло и до свѣдѣнія начальства и суда не доводилось.—Со введеніемъ же новыхъ судебныхъ учрежденій, такія расправы и самосуды постепенно начали уменьшаться, хотя народъ и теперь, поймавъ вора, сильно стремится „проучить“ его.

За личное оскорбленіе словами или дѣйствіемъ рѣдко кто изъ потерпѣвшихъ обращается съ жалобой въ судъ, чаще же всего онъ предъ народомъ подвергаетъ своего оскорбителя такому же, если не большему оскорбленію. Затѣмъ у нихъ идетъ мировая, платежъ за побои и обоюдный могорычъ. За оскорбленіе женской чести виновный прежде всего беретъ назадъ свои слова, затѣмъ проситъ прощенія у оскорбленной особы, причемъ нерѣдко кланяется ей и, если нанесено большое оскорбленіе, платитъ деньги „за безчестье“; въ заключеніе же слѣдуетъ могорычъ.

Относительно нравственности, слѣдуетъ сказать, что эти преступленія мужчинамъ сходятъ болѣе безнаказанно, нежели женщинамъ. Мужчина, живущій безнравственно и измѣняющій супружеской вѣрности, не подвергается презрѣнію и насмѣшкамъ народа. Если же онъ попадется на мѣстѣ преступленія,

то все наказаніе для него состоитъ въ могоричѣ, деньгахъ или побояхъ. Женщина же безнравственнаго поведенія подвергается насмѣшкамъ и презрѣнію народа гораздо болѣе. Если она попадалась въ руки смѣлыхъ людей, то ее въ прежнее время для посрамленія водили чуть ли не голую по улицамъ, разсказывали всѣмъ о ея проступкѣ, осыпали золою, грязью и перьями, вымазанными дегтемъ и т. п.

Что же касается приличій, то онѣ соблюдаются только относительно родителей и старшихъ, и почти совершенно отсутствуютъ между болѣе или менѣе равными по возрасту людьми. И въ полѣ, и на общественной работѣ, и на улицѣ, и на всѣхъ народныхъ собраніяхъ можно наблюдать безцеремонность и полную свободу разговоровъ, шутокъ, прибаутокъ, пѣсенъ и обращеній обоихъ половъ вмѣстѣ. И все это не считается неприличнымъ и неестественнымъ. Если же кому изъ старыхъ надоѣстъ что нибудь подобное, то онъ тогда начинаетъ стыдить и усовѣщевать меньшихъ, чѣмъ и кончается все наказаніе.

Пословицы и поговорки: „Гуща дитей не розгóны. Тамъ гарно де насъ нема. Одынъ съ сошкой, а семеро зъ ложкой! Я въ цему дили ни грачъ, ни помагачъ. Плохо не клады,—вора въ грихъ не вводы. Воръ у вора дубынку вкравъ. Скилко вору не воровать, а петли не мыновать. Украдышъ лычко, а ремишкомъ не одбудешъ. Воръ краде не бля прыбыли, а бля гыбели. Неправдою можно свитъ пройты, та назадъ не вернешся. Чуже добро въ прокъ не йде. За чысте прызнання, буваетъ помылованя. Дило по диламъ, а судъ по форми. Хто ручыцьця, той мучыцьця. Якъ не баче—душа мре, а якъ побаче—зъ души пре. Правдою не задражнешъ. Чуже взять, нужно й свое показать. Якый змалку, такый и до останку. Горбатого до стины не прытулышъ".

Народная поэзія. *Сказки.* 1) „У одного пана жывъ роботныкъ, звалы его Фанасомъ, и бувъ винъ здорово быдовый на всяки штуки. Отъ панъ и каже ёму: „Слухай, Фанасъ, якъ шо зумиешъ ты украсте у мене самаго луччого барана, такъ дамъ тоби 20 рубливъ, а якъ не вкрадышъ,—голову зниму!" Пишовъ Фанасъ на степъ, де дидъ та баба паслы овецъ, зайшовъ напередъ, роззувъ одну ногу и бросывъ чобитъ, а самъ заховав-

ся, та й дывыцьця. Найшла баба чобитъ, узяла его и каже дидови: „Старый! я чобитъ найшла“.—„Та брось ёго, стара, може винъ на коросту брошеный!“ Вона бросыла. Гонять овець дальше, Фанасъ узявъ той чобитъ, зайшовъ напередъ и впять положывъ ёго, а самъ заховався. На цей разъ дидъ найшовъ чобитъ, узявъ та й каже: „Стара! я найшовъ дру́гый чобитъ, отъ було-бъ того не бросать!“—Ходимъ, диду, та найдемъ ёго!“ сказала баба. Воны пишлы шукать, а Фанасъ налыга́въ барана́ и повивъ додо́му. Узнавъ панъ, подарывъ Фанасу 20 руб. и каже: „Теперъ, Фанасъ, украдь у мене самаго луччого вола, такъ дамъ висимдесятъ рубливъ, а якъ не вкрадышъ,—голову зниму!“ Фанасъ уловывъ ынды́чку, понисъ у лисъ, де оралы па́новы робо́чи, оскубъ йи всю, кромы одного хвоста, и пустывъ изъ лиса. Орачи побачылы ынды́чку, бросылы воливъ и погналысь за нею въ лисъ. Фанасъ узявъ вола и повивъ додому. Панъ похвалывъ ёго, давъ 80 руб. и каже: „Якъ украдышъ, Фанасъ, са́мого любымого мого́ коня, дамъ тоби за це двисти рубливъ, а якъ не зумиешъ украсты, такъ голову зниму!“ Теперъ панъ прыказавъ тремъ работныка́мъ день и ничъ берегты коня; одынъ сивъ на коня верхомъ, дру́гый сивъ въ яслахъ и взявъ ёго за вузду́, а третій державъ коня за хвистъ. Фанасъ купывъ видро водкы, вылывъ йи въ боклагъ, пишо́въ до сторожи́въ и каже: „Хлопци! може вамъ воды треба? На́те,—ось я прынисъ“! Оддавъ боклагъ, а самъ пишовъ одъ ныхъ. Сторожи попробувалы,—водка въ бо́клази, началы йи пыть и понапывалысь. Ноччу прыйшовъ Фанасъ, знявъ пьяного сторожа съ коня и посадывъ на перево́дыну („ба́нтыну“ балку) верхомъ; тому шо державъ вузду́, давъ въ рукы кусокъ лыка, а державшому за хвистъ давъ пучокъ конопе́ль. Самъ же взявъ коня и повивъ додому. Вдосвита сторожи прочумалысь, та одынъ и пытае: „Ты сыдышъ на кони!“ — Сыдю!—„А ты держышъ за хвистъ?“—Держу!—„А я держу за вузду“. Колы дальше кынулысь, ажъ лыхо,—нема коня! И одынъ сыдыть на переводыни, а два держуть въ рукахъ лыко и конопли. Узнавъ панъ, похвалывъ Фанаса за удалость и оддавъ ёму оби́щани 200 руб., а сторожывъ наказавъ ризка́мы“.

2) Жилъ у жида работникъ, христіанинъ, по имени Иванъ.

И сталъ онъ замѣчать, что когда похвалишь жидовскій родъ и хозяйское семейство, то это хозяевамъ весьма нравится, за что они всегда даютъ ему рюмку водки. Вотъ онъ одинъ разъ и говоритъ хозяину: „Иду я зарéю по гори; заря зорыть, а надъ вашимъ батюшкой ставныкъ горытъ, та такый здоровый“! Жидъ сейчасъ же поднесъ ему за это большой стаканъ водки; затѣмъ позвалъ свою жену и говоритъ ей: „Спрашивай, что Иванъ видѣлъ“. Она спросила, и Иванъ разсказалъ ей то же самое, что и хозяину, за что получилъ и отъ нея стаканъ водки. На другой день хозяинъ созвалъ всѣхъ своихъ родичей и знакомыхъ жидовъ и велѣлъ Ивану разсказывать, что онъ видѣлъ. Иванъ всѣмъ разсказывалъ, за что и получилъ угощеніе. Когда же онъ подпилъ и разсказывать ему одно и то же надоѣло, тогда онъ на новыя просьбы жидовъ, сказалъ имъ: „Иду я зорéю по гори, смотрю,—зоря зóрится, а надъ вашимъ батюшкой свинья роется“! Всѣ жиды начали плевать и ругать Ивана, а потомъ выгнали его вонъ изъ хаты. Иванъ вышелъ и думаетъ: „постой же ты, жидовська харя, я тоби оддячу“! Въ скоромъ времени пришлось Ивану ѣхать съ хозяиномъ за товаромъ. Дѣло было ночью. Подъѣхали они къ лѣсу. Жидъ и спрашиваетъ Ивана: „Иванъ! тутъ есть разбойники?“—„Есть“, отвѣчалъ Иванъ.—„Какъ бы жъ мнѣ заховаться, шобъ они грошей не взяли“?—„А отъ якъ: лизь въ чувалъ, а я завяжу его и скажу разбойныкамъ, шо скло везу“. Жидъ влѣзъ въ мѣшокъ, а Иванъ завязалъ его и поѣхалъ. Подъѣзжая къ дубку, Иванъ измѣнилъ свой голосъ и говоритъ: „Тпру! стой“! Затѣмъ остановилъ онъ лошадей, слѣзъ съ повозки и началъ такъ говорить измѣненнымъ и своимъ голосомъ: „Куды йидешъ? давай гроши“!—„Та въ мене грошей нема“.—„А ото шо въ тебе въ мишку“?—„Та то я скло везу“.—„А ну-ну, якé скло! Давай ему скло побьемъ“!—„Давай“! говоритъ будто бы товарищъ разбойника. И началъ Иванъ пороть жида нагайкой, а тотъ лежитъ въ мѣшку и пищитъ: „дзинь! дзинь! дзинь“! Затѣмъ Иванъ началъ просить: „Буде вже вамъ, братци, пожалуста буде“! Когда Иванъ, отъѣхавши, развязалъ мѣшокъ и выпустилъ жида, то сей послѣдній поблагодарилъ Ивана и сказалъ: „Ну, Иванъ, хоть мнѣ и горько приходилось, но я все на стéкла переводилъ“!

3) „Якъ найнявся я въ роботныкы до дядька овець па́сты, якъ погнавъ я па́сты штырю—бырю ще й симсотъ и четыри; якъ лигъ я спаты, та спавъ тры дни ще й четыри ночи. Якъ прокы́нувся я,—нема моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри. Якъ пишовъ я шукать, йиде дядько вола́мы. Здоровъ, дядьку!—Здоровъ, племи́нныку.—Чы не бачывъ моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? — Не бачывъ, плими́нныку. — Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долыну, чы не видно моеи ватажыны? Шось засири́ло, шось забили́ло: я жъ думавъ,—то ватажына, а воно гречка. Бодай же тоби, дядьку, тяжко важко оцю гречку йисты, якъ мени на круту гору ли́зты ватажыны своеи шукаты. Вы́рю, вы́рю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долыну, чы не выдно моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засири́ло, шось забили́ло: я жъ думавъ, то моя ватажына, ато прачкы сорочкы перуть. Бодай же вамъ тяжко важко оци сорочкы прать, якъ мини свою штырю-бырю ще й симсотъ и четыри шукать! Вы́рю, вырю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долы́ну, — чы не выдно моеи ватажыны? Шось засирило, шось забили́ло; я жъ думавъ то моя ватажына, ато осыковы пене́чкы. Бодай же вы одъ сонця погорилы, а одъ витру почорнилы, якъ вы мене молодо́го сюды́ заманылы. Вырю, вырю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ шырокую долыну, чы не выдно моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забилило: то жъ моя ватажына? Су́чечка-поручечка пидгоня́е, а лысычка-сестричка збоку управляе, а вовчо́къ-быручо́къ отста́ли пидбырае. Якъ прыйшовъ я додому, батько бье, маты лае, жи́нка зъ дому прогоняе“! (Этотъ народный разсказъ передается крестьянами не иначе, какъ нараспѣвъ, на подобіе того, какъ тужатъ за покойникомъ).

Разсказы о кладахъ. Въ сл. Никольской много существуетъ правдоподобныхъ и ложныхъ разсказовъ о кладоискателяхъ и мѣстахъ, гдѣ находятся клады. Въ окрестностяхъ слободы есть двѣ могилы: „Чугунна“ и „Погана“, въ которыхъ были раскопки, но только тамъ ничего не нашли, кромѣ угля. Въ широкомъ лѣсу, говорятъ, есть много денегъ, но ихъ нельзя брать. Одинъ

крестьянинъ выкопалъ тамъ кладъ и сошелъ съ ума. Одинъ человѣкъ нашелъ кладъ въ Разсыпномъ лѣсу, другой въ Бабиномъ, третій въ Парневомъ и т. д.; но рѣдко кому удалось попользоваться найденными деньгами: кто ихъ тратилъ, тотъ или заболѣвалъ, или терпѣлъ убытокъ и потерю въ хозяйствѣ. Есть еще клады въ слѣдующихъ лѣсахъ: „Пятомъ", „Дибривномъ" и „Данильченомъ". Въ послѣднемъ ниже криницы, въ болотистой землѣ, есть чугунные столбы, на которыхъ лежатъ такія же балки, а на балкахъ висятъ на цѣпахъ 10 боченковъ золота. Въ другомъ же мѣстѣ этого лѣса есть въ землѣ разбойничья хата, въ которой находится крестъ, Евангеліе и деньги, положенныя разбойниками.

1) „Въ Бабыньченому лиси есть кладъ. Узналы про це два чоловика и пишлы его рыть. Рылы, рылы, и якъ сталы дорывацьця до клада, десь узявся чоловикъ, та й крычыть имъ: „Тикайты!—Ось круча пада!" Не пройшло и мынуты, якъ зъ неба началы падать каминня. Воны злякалысь и побиглы додому. На другый день пишлы подывыцьця на те мисто, ажъ тии ямы, шо воны копалы, уже нема,—одни тилко чырыпкы зъ блюдокъ валяюцьця тамъ".

2) „Жывъ чоловикъ бидный-пребидный, и було у его пьятеро дитей, а жинка ёго умерла. Чоловикови цёму ни въ чому щастя й доли не було. Отъ винъ и надумавъ перейты на друге жытыльство, и перейшовъ на таке щаслыве мисто: та хата, де винъ жывъ, стояла на могыли, а въ тий могыли булы гроши закляти. Якъ выйшовъ грошимъ зрокъ, воны выйшлы отакымъ случаемъ: выйшла здорова, здорова собака, така, шо страстъ и сказать! тай каже ця собака чоловичымъ голосомъ удовцю: „Добрый чоловиче! дай мини кусочокъ хлибця". Винъ ий кынувъ кусокъ, та й попавъ прямо въ неи; а вона тилко —брязь! та й розсыпалась въ золоти гроши".

3) „Разсказують, шо колысь у Дибривномъ лиси пидъ кислыцею, бувъ кладъ. Тамъ пидъ велыкы празныкы горила свичка. Найшлысь охотныкы, забралы лопаты и пишлы пидъ Велыкдень рыть цей кладъ. Воны трошкы не дойшлы до тиеи кыслыци, дывлюцьця,—два вовкы бижать по дорози; взялы воны и силы въ трави, а вовкы, якъ тико поровнялысь зъ нымы, такъ и

началы грацьця и стрыбать одынъ черезъ одного́; стрыбають и стрыбають, а самы все менши и менши становляцьця, и до того дострыбалысь, шо изъ обоихъ вовкивъ покотылысь клубкы. Посля цего воны побачылы двохъ дидивъ въ билыхъ шырокыхъ шароварахъ: одынъ вивъ сирыхъ воливъ, а другый спереду ишовъ, и балакають мижъ собою: „Чы воно мы не заблудылысь?“ пытае одынъ.—„Та поспытайся отыхъ людей, шо сыдять въ трави“, сказавъ другый. Ци якъ схватяцьця, якъ выскочуть геть изъ трави, та втикать, а дидъ якъ крыкны: „Ловы!“ Воны по́ лису, а дидъ въ слидъ за нымы усе крычыть: „Ловы! ловы!“... Добиглы воны до поля́выны. Де не взявсь туманъ, та такый, шо й свита Божого и дорогы не выдно. Посидалы воны у кущи и слухають, а воно усе крычыть: „Ловы! ловы! ловы! Воны тутъ десь посидалы“. Ци якъ схватюцьця, та бигты, та бигты, насылу, Богъ давъ добратысь до хутора (теперь этого хутора не существуетъ). Посли ходывъ туды ще одынъ чоловикъ зъ роботныкомъ грошей копать. Выкопалы воны здоровенну ямуру и найшлы тамъ кисткы́ чоловически, бросылы копать и загорнулы яму“.

4) „Жыла вдова, и було у неи трое дитей. Ставъ до неи ко́жну ничъ ходыть золотый вилъ. Недалеко одъ неи жывъ ии кумъ и кума. Пишла вона до ихъ, та й просы кума и его жинку: „ходить, кумъ, и вы, кума, до насъ, ато́ у мене все опивно́чи выходе золотый вилъ, а я его́ боюсь“! Пишлы. Сыдять жинкы та шыпоть, а кумъ шывцю́е (сапожничаетъ). Наступыла пи́вночь; вдова углядила того вола та й торкае кума. Кумъ схватывся та золотого вола молоточкомъ по́ голови стукъ! а вилъ тико брязь! и разсыпався въ гроши. Тоди кумъ та кума подилылы гроши и сталы таки богати, шо страсть“!

5) „Жыла симья: батько, маты и сынъ. Ожынылы родытели сына, взялы невистку; но вона имъ не полюбылась, началы воны быть ии и мало хлиба давать, а невистка веселылась та не журылась. Наставъ Велыкдень. Пишлы уси до церквы, а ии оставылы дома. Прыйшовъ до неи дидъ старый-престарый и каже: „Утры мене, молодычко (у его изъ рота пина текла). Вона узяла рушныкъ и утерла его, а винъ тико—брязь! и разсыпався въ гроши. Засвитыла вона свичку, помолылась Богу, собрала гроши и положыла ихъ въ скрыню; по́тимъ узялась за

свое дило. Прыйшлы изъ церквы, а вона и каже: „Тату! и вы, мамо, ходить до моеи скрыни“. Пишлы, подывылысь та й кажуть ий: „Де ты взяла такого добра“? Вона имъ росказала усе, якъ було. Съ тии поры началы воны жыть богато и дружно“.

Народныя пѣсни.

„Ой по гори, по гори
Тамъ ходылы журавли.
Пытаецьця журавель
Та журавочкы своей:
— Скажы, скажы, журавка,
Яка луччая земелька?
Чы ранняя, чы пизьняя?—
— Рання лучша, пи́зьня хужа:
На ранній та пшеныця,
А на пизьній та митлыця;
Раннюю та женьци жнуть,
Пизьню скотыною бьють;
Раннюю та женьцямы,
А пизьнюю—вивцямы.
— Скажы жъ мини, журавка,
Яка луччая хозяйка?
Чы первая, чы другая?—
— Перва лучча, друга хужа:
Съ первою та нажывся,
А зъ другою та набывся;
Съ первою та дитокъ мавъ,
А зъ другою розигнавъ.
Склычу дитокъ додому:
Ти́ке диты на поригъ,
А мачуха за бати́гъ:
Идить, диты, у наймы,—
Гирко жыты изъ вамы.
Одынъ каже: я наймусь,
Другый каже: я втоплюсь,
Третій каже: пиду въ лисъ,
Нехай мене звиръ иззйисть.
Ходе батько по двору,
Обнявъ свою голову,
Клыче дитей додому:
— Идить, диты, додому,—
Гирко жыты самому.
Тике диты на поригъ,
А мачуха за батигъ.
— Жывы жъ, тату, теперъ самъ,
Колы гарну жинку взявъ,
А мы пидемъ у наймы,—
Будемъ гроши зароблять,
Свою неньку помынать;
Будемъ въ годахъ служыты
Та по неньци тужыты“.

* * *

„Ой, ты, судьба, превелыкая судьба!
Нащо, судьба, насъ на цей свитъ создала?
А создавши, щастья й доли не дала;
Щастья й доли, ни одрады никакои.
Вы, сусиды, вы сусидочкы мои!
Перестаньте вы про мене говорыть:
Скажыть мини, якъ на свити одной жить?
Горко жыты бизъ матушкы, бизъ отця,
А ще горше бизъ мы́лого, бизъ дружка.
День настане, — я въ печали прохожу;
Ничъ настане, — такъ я въ слезахъ пролежу.
Якъ устану я ранéнько поютру́,
Та й пиду я до сусидочкы огню.
А въ сусидочкы мий мыленький сыдыть,

Сусидочкы ручку билою держыть;
Съ сусидочкой тайни речи говорыть.
Годи жъ тоби худи речи говорыть:
Пора, мылый, та додому иты жыть.
Не пиду я, моя мыла, не пиду,
Бо про тебе худу славу говорять.
Зберы, мылый, сусидочокъ до себе,
Нехай скажуть худу славу на мене,—
Худу славу, мий мыленький, або ричъ,
Тоди знимышъ головоньку мою съ пличъ".

* * *

„Навидала кубелечко,
Де вутка несецьця;
Перечула черезъ люды,—
Ледащо смиецьця.
Смийся, смийся же, ледаще,
За смихъ тоби буде:
Хворатымышъ, лежатымышъ,
Смерти бажатымышъ,
Йисты й пыты бажатымышъ,—
Никому податы.
Чы ты чула, ненько моя,
Якъ у тебе я була;
Якъ сидила край виконця,—
Якъ голубка гула.
— Якъ бы жъ я, донечко моя,
Твий голосокъ зачула,
Одсунула-бъ кватырочку,
А ты бъ и влынула.—
Ой, на гори дощикъ иде,
Ажъ водыця льецьця.
А за мною молодою
Вся родына бьецьця.
Быйся, быйся, мій родоньку,
Быйся, побывайся;
Якъ пиду я на Вкрайыну,
Та й не сподивайся.
На Вкрайыни чужи люде,
Правдонькы не буде".

* * *

„Пишовъ чумакъ, пишовъ бурлакъ
Доленькы шукаты.
Та не найшовъ щастя-доли,—
Найшовъ сыне море,
Та й ставъ потопаты.
Чумаченько потопае,
Хустыною мае.
Пишла его стара ненька
По надъ берегамы;
Та зострила рыбалочокъ
Съ трема неводамы.
— Рыбалочкы молодии
Ввольнить мою волю:
Роскыньты вы тонкый неводъ
По сынёму морю.
Рыбалочкы молодии
Воленьку ввольнылы,—
Роскынулы тонкый неводъ
По сынему морю:
Сыночка вловылы.
Тягнуть, тягнуть до бережка,—
Вода зъ рота льлецьця;
Его ненька старенькая,
Якъ орлыця бьецьця.
— Та наты вамъ, рыбалочкы,
Горилкы напыцьця,
Шо вытяглы мого сыночка,
Та хочъ подывыцьця;
Та наты вамъ, рыбалочкы,
Всего золотого,
Шо вытяглы мого сынка

Та хочъ нежывого;
Та нате вамъ, рыбалочкы,
Сарпы́ньску сорочку:
Поховайте мого сыночка
Въ вышневимъ садочку".

* * *

„Та вже весна, та вже красна,—
Изъ стрихъ вода капа;
Та вже на́шымъ чумаченькамъ
Дороженька пахне.
Пишлы наши чумаченькы
По возахъ лежаты.
Посылае маты Галю
Пшеныченькы жаты:
„Та йды, доню, та йды, Галю,
Пшеныченькы жаты;
А тамъ чумакъ волы пасе,—
Буде жартуваты".
Жартуй, жартуй, чумаченько,
Цей вечеръ зо мною,—
Якъ пойидешъ у дорогу,—
Буду плакать за тобою.
Ты думаешъ, моя ненька,
Шо я не журюся?—
Якъ выйду я за ворота,—
Одъ ви́тру валюся.
Изсушылась, изкрушылась,
Якъ шпылька тоненька;
Симъ-аршинный поясочокъ
Обийшовсь разочокъ".

* * *

„По горо́ду я ходыла.—
Нема того шо любыла;
Нема его та й не буде,—
Десь одбылы его люды;
И одбылы й одсудылы,
Шобъ парочкой не ходылы,—
И другъ друга не любылы.
Якъ пиду я до ставочка,
Чы поросла рутка мнятка?
Не поросла рутка мнятка,—
Тамъ плавають вутыня́тка:
Одно вутя пиринае,
А другое вырынае,
А третее догоняе,
Соби парочкы шукае.
Не давъ мини Господь пары,
А давъ тилько очи кари.
Очи кари, бровы чорни,—
Нема дружка по любови".

* * *

„Чогось мини нелегко,—
Десь мий мылый далеко:
За крутымы горамы,
Та за густымы лозамы,
Умываецьця слёзамы;
За кущыкомъ вышнякомъ
Втыраецьця рушныкомъ.
Хылитеся густи вербы—
Видкиль витеръ вие,
Дывитеся кари очи—
Видкиль мылый йиде.
Хылылыся густи вербы,
Та вже й пересталы;
Дывылыся кари очи,
Та й плакаты сталы".

* * *

„Уродыла мене маты
На викъ горюваты;
Дала мини гирку долю,—
По викъ не забуду.
Повезу я гирку долю
На торгъ продаваты.
Стояла де́нь, стояла два,—
Ни хто не пытае!

Повезу я гирку долю
Та й назадъ додому;
Та й бросю я гирку долю
Изъ воза додолу.

Прывыкай же гирка доля,
У моёму доми;
Не ходы жъ ты, гирка доля,
Изъ моего дому".

* * *

„За лисомъ, лисомъ темнесенькымъ
Брала дивка ленъ дрибнесенький,
Вона брала, выбырала,
Къ сырій земли прыпадала:
— Ой, ты земля, ты земелька!
Прыйняла ты отця-неньку,

Прыймы й мене молоденьку,
Шобъ по людихъ не ходыла,
Чуже дило не робыла:
Якъ прыйде субота,—
Чужая робота;
Якъ прыйде недиля,—
Сорочка не била".

* * *

„Не ходы у хвирту,
Не грай у сопилку:
Сопилочка грае,
Мене маты лае,
На вулыцю гуляты
Вона не пускае:
— Сыды, дочко, дома,
Носы въ грубу дрова.
Я дровъ наносыла,
Гулять маты не пустыла.

— Сыри дрова не горять,
Пусты жъ мене, моя мать,
На вулыцю погулять.
— Иды жъ, донько, не барыся
За ворота, та й вернысь.
— Ой шо жъ то за гуляння,
За ворота та й вертання?
Ото жъ, мамо, гуляньнячко.
Шо зъ вечера до раночку".

* * *

„Ой, за лисомъ, за зеленымъ
Тамъ травы ростуть.
Ой, тамъ наши ребьятушкы
Гурты стережуть.
Попереду самъ хозяенъ
Расхажываеть;
Били ручкы у карманы
Закладываеть.
Та винъ своимъ ребьятушкамъ
Прыказываеть:
Выгоняйты сирый товаръ
Та гонить въ Москву,
Вы продайты оцей товаръ
По такій цини".

Колыбельныя пѣсни.

„Кото́чокъ мий, коточокъ
Заховався въ куточокъ,
Тилько выдно хвосто́чокъ.
Взяла я за хвосточка,
Та вытягла съ куточка.

— Котку, котку сиренький!
Ты не ходы по хати.
Не буды дитяты:
Ты не будешъ колыхать,
А дытя́тко хоче спать".

* * *

„Коту, коту, котусю!

Займы мою телусю

На поповы толокы:
Тамъ травычкы по бокы.
Кинь бижыть, трава шумыть;
Пидъ тымъ конемъ козакъ лежыть:
Поцюканый, порубаный,
Осокóю поризаный;
Одъ сонычка погоривъ,
Одъ витроньку почорнивъ.
Бижы, коню, до хатки,
До дивчыны Гапкы.
А дивчына Гапка
Сыдыть край виконьця,
Пряде волоконця:
Сюды-туды нытку,
Та на лито свытку;
Сюды-туды пивтора,
Та на лито рукава.
А въ дивчыны Гапкы
Смолянии лавкы,—
На ныхъ якъ сивъ, прыкыпивъ,
Вечеряты не схотивъ.
Люлю́, люлю́, люля́шечко!
Спы, спы, мое дытяшечко!
Люли́, люли́ люлешычкы,
Шовковии вервешычкы;
Малевани бы́льця
Пишлы до Кырыльця;
А въ Кырыльца пышуть,
Ивана (имя дитяти) колышуть".

* * *

„Ходимъ, ходимъ, братци,
У лисъ изо мною,
Вырубаемъ дуба,
Дуба изъ корою;
Та будемо, диты,
Горохъ молотыты.
Нуты, диты, нуты
Горохъ молотыты!
А ворóны, стари́ жóны,
Пишлы танцюваты,
А сорокы билобоки
Побралыся въ бокы".

Забавляя дѣтей, чтобы не плакали, имъ разсказываютъ слѣдующія „казкы".

1) „Зайчыку, зайчыку! де ты бувавъ?—У млыни.—Шо ты выдавъ?—Симъ мишкивъ оришкивъ.—Чомъ ты не вкравъ?—Тамъ булы кравчыкы, порубалы пальчыкы, а я втикъ черезъ попивъ тикъ, й ножкы попикъ; та въ конопелькы, пужать горобейкы. Шугай! шугай!! на бабынъ садочокъ йисты ягидочокъ, а на дидивъ—бражкы пыты".

2) „Сорока летыть, хвостыкомъ вертыть; за нею дыркачъ: сороко, не плачъ. Ввирвала пасмó, напряла краснó; съ краснымъ носыцьця, въ хату просыцьця: зятеньку-батеньку! пусты мене въ хатоньку. Кузьмына дочка-перепечаёчка перепекла перижéчокъ зъ мачкомъ, шобъ ты не лазывъ до дивчатъ рачкомъ".

3) „Сыдыть видьмидь на колодци,—рукавычкы крае; колодочка схытнулася,—колодочку лае: „бодай тоби, колодочко, лыхая годына, якъ ты мини на старости плечыци побыла".

4) „Летивъ шпакъ черезъ попивъ макъ, та й сивъ на воро-

тихъ, у червонихъ чоботихъ. Воротечка — скрыпъ, скрыпъ, воротечка впалы, телятокъ прыбылы. Телятка ревнулы, а люды почулы, попови сказалы, а пипъ зза стола, погубывъ постола; дячкы изъ хыжкы, погубылы кныжкы, а дяконъ изъ полу выбывъ соби ногу, а попадя съ печи, та выбыла плечи, а дяконыха изъ грубы, та выбыла зубы".

Еще забавляя маленькаго ребенка, наплевываютъ ему въ руку, тыкаютъ туда пальцемъ и говорятъ „сорокы": „Сорока, ворона на прыпечку сыдила, дитка́мъ кашку варыла. Пидить, диты, по водыцю"! Затѣмъ берутъ за каждый палецъ, начиная съ мизинца, и говорятъ: „И цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, а цему (большому) не дамъ: це боцманъ, —винъ дровъ не рубавъ, въ хату не носывъ, пе́чи не топывъ, воды не носывъ, дижи не мисывъ, каши не варывъ, хлиба не липывъ, въ пичъ не сажавъ, кашу доидавъ".

Когда дитя качаютъ, и оно начнетъ икать, то говорятъ: „Хыковка, хыковка! бижы до воды, кого стринешъ тамъ, того й напады: хочъ коня, хочъ кобылу, хочъ дивчыну чорнобрыву".

Пословицы и поговорки. „Шо Богъ не робе, все къ лучшому. Не хвастай,—есть на намы и надъ вамы. Йимъ ротато,—теперъ несвято (не праздникъ). Дорога ложка до обидъ, а писля обидъ хочъ закынь йи. Хлибъ-силь на столи,—а въ гостя рукы свои. На столи хлибъ и нижъ,—урижъ та й йижъ. На ласый кусокъ найдецьця кутокъ. Якъ бы я бувъ паномъ, та все бъ йивъ сало съ саломъ. Не говивши паску ззйивъ. Кыпыть, та никому пыть. Кыпыть кыпьятокъ попарыть жывитокъ. Негрите зализо не зогне́шъ. Пишки—нема замишкы. Не таке гирке́ чумакованя, якъ бычуваня. Не родысь вродлывый, а родысь щаслывый. У скупого и середъ зимы леду не выпросышь. Я не сонычко,—всихъ не обогрию. Не по души кныши. Дырявого мишка не наповнышъ. Своя рука владыка. Зъ мыру по нытоцци, а голому сорочка. Не тилко свита шо въ викни, за викномъ ще бильше. Куды не кынь, такъ клынъ. Пишла кума по масло, и въ пичи погасло. Въ пустый слидъ хочъ тупыцею. Девьять разъ одмирь, а десятый—одрижъ. Своя семеряжка не важка. Горыть ясно, щобъ воно погасло. Мы съ тобою, якъ рыба зъ водою. Взявся за гужъ,—не кажы шо не дужъ.

Загадки. „Злизъ дидъ напомистъ, ухватывъ порося за хвистъ, а воно й плаче". (Колоколъ). „Невыдима сыла чоловику голову съ плечъ спустыла". (Смерть). „Середъ моря-моря стоитъ золота коморя". (Небо и солнце). „Чотыри сестры одна одну крыве". (Колеса). „Маты товстючка, дочка красючка, а сынъ кучырявчыкъ". (Труба, огонь, дымъ). „Лизу, лизу, по зализу, на дереви сяду". (Человѣкъ и сѣдло). „Верть, верть,—въ черепочку смерть". (Завертка у дверей). „Черезъ море стоитъ дужка". (Ведро). „Сыдыть баба за подушкамы, заляпана галушкамы". (Помойница).

Скороговорки. „Ишло тры паны та вси Прокопы, та й зговорылысь про Прокопа. По биля Прокопа паляныци пеклы".

„Причарованіе". Въ сл. Никольской есть женщина среднихъ лѣтъ, занимающаяся лѣченіемъ людей, а также причарованіемъ и отчарованіемъ. Она, какъ я слышалъ, вѣритъ въ свое знаніе; и къ ней за помощью обращаются не только простые люди, но привеллигированные и даже получившіе образованіе. Знаніе свое она держитъ въ секретѣ; но мнѣ чрезъ посредство нѣкоторыхъ людей удалось, хотя отрывочно, узнать кое-какіе способы причарованія, которыхъ не мало имѣется у знахарей. Вообще причаровываютъ и наговариваютъ на кушаньяхъ, напиткахъ, на новой сорочкѣ, которую даютъ носить причаровываемой личности, на волосахъ, которые на крестъ обрѣзываютъ или откусываютъ у нея во время сна и частью вмазываютъ ихъ въ челюсти печи, а частью измельчаютъ на кусочки и даютъ причаровываемой особѣ выпить съ напиткомъ или съѣсть съ кушаньемъ. Берутъ еще у причаровываемой личности землю изъ подъ правой ноги и вмазываютъ её въ челюсти печи. Во время же печенія хлѣба одну изъ паляницъ качаютъ, сажаютъ въ печь и вынимаютъ оттуда раньше другихъ. Вынувши изъ печи, ее обмываютъ водой, которою затѣмъ обмываютъ икону, молясь при этомъ Богу. Этой водой слѣдуетъ умываться, чтобы понравиться мужчинѣ или женщинѣ, если одно изъ таковыхъ не любитъ причаровывающей личности. Чтобы причаровать дѣвушку къ парубку и обратно, нужно взять новый горшокъ, пробить гвоздемъ въ бокахъ его маленькія дырочки, посадить туда двѣ жабы,—самца и самку, пойти въ лѣсъ, найти

муравейникъ, поставить туда горшокъ съ жабами, накрыть его плотно досточкой и обмазать грязью, оставивъ боковыя отверстія, чтобы сквозь нихъ могли проникнуть туда муравьи. Сдѣлавъ это, идутъ домой, не оглядываясь назадъ, хотя оттуда и будетъ слышаться крикъ жабъ и другой шумъ. Черезъ три дня идутъ въ лѣсъ, откапываютъ горшокъ и выбираютъ между костями жабъ, съѣденныхъ муравьями, „вылочку" самки и „крючечекъ" самца. Если этимъ крючкомъ зацѣпить за платье дѣвушки (или парубка), то она такъ привяжется къ зацѣпившему и такъ его полюбитъ, что съ нею иначе и не развяжешься, если не оттолкнешь той вилочкой, которая добыта изъ жабы самки.

Надъ пищей и питьемъ причоровываемому читаютъ слѣдующее „причарованіе": „Зоря матушка, зирныця, красная дивыця! возьмы ты хлудыну—хлыщину, а третю тырныну. Бый, хлыщы рабу или раба (имя) въ буйную голову, колы йи до серця, не давай ий ни спать, ни лежать,—ни въ ночи, ни въ пивночи, ни въ дни, ни въ пивдни, ни въ часъ, ни въ пивчасъ, ни въ мынуту, ни въ пивмынуты; шобъ я казався зъ мылыхъ мылъ, съ хорошыхъ—хорошъ,—статью, ричью, поговоркой своей; шобъ кыдалась и бросалась раба (имя) до раба (имя). Леты жъ ты, моя тоска, черезъ скотскый ревъ, черезъ собачый брехъ, черезъ пень-колоду, черезъ зеленый лугъ; найды жъ ты, тоска, на неи, де йи встринешъ: въ доми или въ поли, или въ шырокимъ раздоли, шобъ вона не пыла, не йила, а все объ мини думала".

Малороссы, великороссы и цыгане. Сл. Никольская имѣетъ чистое малорусское населеніе. Здѣсь нѣтъ ни одного коренного двора, семейство котораго состояло бы изъ великорусскаго, цыганскаго, еврейскаго и т. п. племени. Но такъ какъ здѣшняя мѣстность находится на пути въ землю Донскаго Войска и чрезъ нее проходитъ желѣзная дорога, то поэтому великоруссы не чужды мѣстному населенію и частенько таки заходятъ въ Никольское; мастеровой же народъ иногда проживаетъ здѣсь мѣсяцы и годы.—Цыгане въ слободѣ бываютъ только наѣздомъ, а евреевъ нѣтъ и никогда не бываетъ.

Мѣстные крестьяне называютъ великороссовъ „москалямы" и „лапотныкамы" и относятся къ нимъ недовѣрчиво и боязливо: они считаютъ ихъ хитрыми, лукавыми, лѣнивыми, злыми и

мстительными. Нашъ крестьянинъ избѣгаетъ имѣть какое-нибудь дѣло съ москалемъ, а тѣмъ болѣе нанимать его къ себѣ въ услуженіе: „москаль обма́не, або прыйдецьця посёрыцьця зъ нымъ за ёго́ линь и лукавство; такъ тоди винъ наробы тоби такого, шо ци́лый викъ будешъ раска́ювацьця“! Москалей вообще считаютъ знахарями, говоря о нихъ: „У москаля шось въ носи е; винъ и ходе не такъ, якъ мы ходымъ,—кучою, а одынъ за дру́гымъ, шобъ легше було: переднему важче всихъ иты, такъ винъ якъ умо́рыцця, такъ тоди дру́гый выхо́де напере́дъ“ и т. д.

Малороссъ называетъ великоросса́: „каца́помъ“:—„у ёго довга клына́та борода, якъ у ца́па (козла)“; „кыслопу́зымъ и вонючымъ москале́мъ“:—„винъ усе квасъ та сириве́цъ йисть, такъ шо й пузо у его прокысло“, и „хамьскою и деревья́нною душо́ю“:—„таке́ ме́ння далы москалямъ за те, шо воны часто биля зали́знои дороги обижають пастухи́въ и отнимають у ныхъ хлибъ и сало“. Воны хытри и осторожни: „москаль знае дорогу, та ще й пыта́“. „У москаля душа, якъ повстя́нка: винъ и Бога не боицьця“. Вслѣдствіе этого у малороссовъ сложилась и поговорка: „Боже мий, Боже мий! а мы твои, а чыи жъ то москали“?

Великоруссы же вообще называютъ малоросса „хохло́мъ“, а въ насмѣшку—„мазепой“, „индюкомъ“, „чертовой головой“, „мазни́цей“, и считаютъ его грубымъ, упрямымъ и глуповатымъ. Москали всегда стараются обмануть хохла, выпросить у него что-нибудь и вообще поживиться на его счетъ, за что послѣ смѣются надъ нимъ и называютъ глупой „хохлацкой харей и хохломъ-мазницей“. Москали, сойдясь съ хохломъ, говорятъ иногда: „Хахолъ-мазница! давай съ тобой дразниться“!—Тѣ отвѣчаютъ: „Давай! москва кру́гла—на чотыри ву́гла“!—Великороссы называютъ малороссовъ „чертовой головой“ потому, что когда-то, говорятъ они, хохолъ дрался съ чертомъ и въ дракѣ, ухватясь другъ другу за волосы, поотрывали они себѣ головы. Идетъ Спаситель съ св. Петромъ, увидѣлъ это и велѣлъ апостолу исцѣлить обоихъ. Св. Петръ заторопился и приставилъ чертову голову на хохла, а хохлову на черта. Отъ этого то человѣка съ чертовой головой и размножились хохлы“. „Мазепой“ малороссовъ называютъ въ насмѣшку потому, что когда

начальникъ Мазепа измѣнилъ своему Царю, его словили и казнили „галушка́мы“, которыя онъ страшно любилъ. Приготовили ему 12 галушекъ: 11 по пяти пудовъ, 12-ю въ семь. Поставили Мазепу на площади, на возвышеніи, и начали подавать ему эти галушки на большихъ желѣзныхъ вилахъ прямо въ ротъ. Съѣлъ онъ 11 галушекъ; когда же послѣднюю, самую большую, подали ему, то онъ, не могши ее проглотить, подавился и сказалъ: „не треба“! и умеръ.

Много лѣтъ тому назадъ одинъ баринъ имѣлъ двухъ крѣпостныхъ крестьянъ,—москаля и хохла. Москаль былъ лѣнивый и хитрый человѣкъ, а хохолъ—трудолюбивъ и простъ, но сильно грубъ. Вотъ барину и вздумалось выварить изъ своихъ слугъ упомянутые недостатки. Сдѣлалъ онъ большой котелъ, положилъ туда москаля и хохла и велѣлъ повару варить ихъ цѣлый годъ. По прошествіи года, пришелъ баринъ и спрашиваетъ повара; „Ну что, готовы мои крестьяне“? — „А вотъ сейчасъ подмѣшаю и спрошу“, отвѣчалъ тотъ. Взялъ веселку, помѣшалъ въ котлѣ и говоритъ: „Москаль“!—„Ась“? отвѣчалъ тотъ.— „Вылазь!—Готовъ“, сказалъ поваръ. Затѣмъ онъ еще помѣшалъ въ котлѣ и спросилъ: „Хохолъ“!—„Шо“?—„Варись ещё!—Не готовъ“.

Относительно цыганъ народъ того мнѣнія, что всѣ они „дурысвиты“, т. е. обманщики; и воры, но не смотря на это, крестьяне не такъ чуждаются цыганъ, какъ москалей, и ведутъ съ ними нѣкоторыя дѣла, хотя и неохотно, потому что „съ цыганомъ якъ не говоры, а за пазухой камень держы“. Цыгана крестьяне не считаютъ умнымъ и вѣрятъ, что его можно обмануть и провести, если только быть съ нимъ осторожнымъ, не слушать его клятвъ и входить съ нимъ въ такія дѣла, которыя ему невполнѣ извѣстны. О человѣкѣ, непонимающемъ какого-нибудь дѣла, говорятъ: „Винъ такъ понимае, якъ цыганъ въ вивця́хъ“. „Одынъ чоловикъ найнявъ цыгана молотыть на день за мишокъ сала и прыготовывъ ёму ципъ изъ оси и люшни. Молотывъ, молотывъ цыганъ, уморывся та й каже хозяину: „Дядьку! надтыши кыва́йло“.—„Надклады сала, такъ надтышу“, сказавъ хозяенъ. Цыганъ надложывъ сала изъ мишка, а хозяенъ надтысавъ ципъ. Помолотывся цыганъ ще трош-

кы и впьять прóсе: „Дядьку! надтышы ще кывайло“. Мужыкъ надтысавъ, а цыгана впьять заставывъ надложыть сала. Такъ воны продолжалы дилать, покы у цыгана не осталось сала въ мишку“.

Говорятъ, что цыганамъ не грѣхъ божиться: имъ самъ Богъ разрѣшилъ это дѣлать по слѣдующему случаю. Когда жиды распинали Іисуса Христа и заказали для этого цыгану-кузнецу сдѣлать пять гвоздей, чтобы забить ихъ въ руки, ноги и въ сердце Спасителя, тогда цыганъ, приготовивши заказъ, принесъ и забилъ только четыре,—въ руки и ноги, а пятый гвоздь спряталъ въ свои кýчеры (волосы); такъ онъ сдѣлалъ для того, чтобы воскресъ Іисусъ Христосъ, чему онъ вѣрилъ. Жиды замѣтили обманъ цыгана и начали его допрашивать, но онъ началъ клясться и божиться, что забилъ и пятый гвоздь. Въ это время на грудь Спасителя сѣла пчела, на которую цыганъ указалъ жидамъ и сказалъ: „Онъ гвиздóкъ, той шо я забывъ! а вы й не вирыте мини. Ий жы ты Богу, забывъ! Шобъ я почорнивъ якъ земля, якъ шо неправду я кажу“! Вслѣдствіе вышесказаннаго, Господь воспретилъ убивать пчелу („грихъ“): цыганамъ же разрѣшилъ безнаказанно божиться и обманывать людей; а за ложную клятву Господь все-таки наказалъ цыгана тѣмъ, что всѣ они почернѣли, какъ земля. Цыганъ на работу неспособенъ, что видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Однажды овчарь пасъ овецъ въ лѣсу. Идетъ цыганъ, увидѣлъ его и думаетъ: „Шобъ воно було, якъ бы оцей чоловикъ найнявъ мене овець пасты? Чы я бъ его обдурывъ“? Подошелъ онъ къ овчарю и говоритъ: „Наймы мене овець пасты“!—„Наймысь“, говоритъ овчарь.—„А яку цúну будешъ даваты“?—„Та яку жъ тоби цину?—Жывы за харчи“!—„Чы такъ, то й такъ“, сказалъ цыганъ: „тико гляды, щобъ кашу изо-дня варывъ“!—„А то жъ якъ! Хиба ты думаешъ, шо я тебе обдурю? Я обдурювать не люблю“, сказалъ овчарь.—„Я й самъ не люблю“, сказалъ цыганъ: „колысь и я обдурювавъ людей та теперъ покаявся“. Начали варить кашу. Овчарь и говоритъ цыгану: „вы́глянь на овець, ато шобъ воны не пишлы куда-нéбудь“. Цыганъ пошелъ, посмотрѣлъ, вернулся назадъ и говоритъ: „Бачывъ овець. Отамъ воны пасуцьця“! Скипѣла каша; овчарь снялъ ее и говоритъ

цыгану: „Пиды ще на овець подывыся“! Тотъ пошелъ, взошелъ на бугоръ и кричытъ: „Эй, бра́ты, уже вивци тике хвостамы замахалы“! Овчарь схватилъ „gerлыgy“ и побѣжалъ; цыганъ же за нимъ, а потомъ, какъ закричитъ: „Ой, бра́ты, нога болыть! Нехай тоби ти й вивци поздыхаютъ“. Воротился цыганъ назадъ, поѣлъ всю кашу и легъ спать. Пришелъ овчарь, схватилъ соннаго цыгана за волосы и давай таскать. Цыганъ вырвался съ голою головою, побѣжалъ и, ударяя себя по животу, закричалъ: „Хочъ голова гу-гу-гу, такъ живи́тъ бу-бу-бу“!—Повстрѣчалъ человѣкъ избитаго цыгана и спрашиваетъ его: „Цыганъ! неначе тебе хтось бывъ“?—„Та тамъ такъ и бывъ,—тике увесь дви́ръ зволочывъ! Та тамъ такы́й и двиръ,—тутъ кру́те, а тутъ и ве́рне“!—„Та тебе, кажуть, и черезъ тынъ кыдалы“?—„Та тамъ такый и тынъ, — не вспие за волосся взя́ты, та вже й перекынувъ“!

Г. А. и А. М. Калашниковы.

11.—Сл. Александровка.

Поселеніе и населеніе. — Народная медицина. — Обряды при рожденіи и свадебныя пѣсни.

Александровка лежитъ въ сѣверной части Старобѣльскаго уѣзда, по правому берегу р. Лозной, въ 70 вер. отъ уѣзднаго города, недалеко отъ границы Острогожскаго у. Воронежской губ. Раньше къ востоку, въ 3 вер. отъ занимаемаго въ настоящее время слободой мѣста, была расположена слоб. Лозная съ церковью; послѣ чумы въ 1718 г. жители Лозной, считая это мѣсто несчастнымъ, разошлись въ разныя стороны, а оставленную церковь перенесли къ себѣ жители Липеговъ, Валуйскаго уѣз. Въ 1758 г. кн. Куракинъ, вновь заселивъ эту мѣстность, построилъ церковь въ честь преп. Александра-Свирскаго, откуда и названіе Александровки. Въ слободѣ жителей не очень много, но къ ней принадлежитъ много хуторовъ, по большей части расположенныхъ также по р. Лозной. Слобода и большинство хуторовъ заселены малороссами, языкъ которыхъ потерялъ свою первобытность, что надо приписать вліянію большой экономіи кн. М. А. Мещерской, такъ какъ въ этой экономіи бываетъ очень много рабочихъ изъ другихъ мѣстъ. Роста люди небольшого; чтеніемъ любятъ заниматься, но за неимѣніемъ, гдѣ пріобрѣтать книги, пользуются продаваемыми книгами на ярмаркахъ у коробейниковъ, псалтырью, сказками. Жилище крестьянъ убранствомъ не отличается, по большей части его составляютъ: „сѝны“, и „ха̀та“, новыя зданія состоятъ обыкновенно изъ трехъ помѣщеній: „хатѝны“, гдѣ устраивается печь, „ха̀ты парадно̀и“ и „кимна̀ты“. Украшаютъ свои комнаты картинами различнаго вида, передній же уголъ бываетъ весь установленъ иконами („образа̀ми“) и украшенъ „рушниками“. Дворъ, за недостаткомъ земли, отличается скученностью, у зажиточныхъ крестьянъ въ немъ находятся амбаръ („комо̀ря“), сараи

(„повитка“, „хливъ“) и „клуня“. Одежда мужская: кожухъ, свыта, чунарка, поддевка; женская: кожушина, халатъ, юбка, шарафанъ.

Народная медицина. Здоровьемъ населеніе не пользуется, вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій, въ слободѣ имѣются земскій пріемный покой, врачъ и два фельдшера, къ которымъ крестьяне привыкли и вѣрятъ имъ. Лечатся и собственными средствами, такъ, отъ грыжи у дѣтей: вбиваютъ осиновый гвоздь съ обрѣзанными ногтями больного, укатанными въ воскъ, въ притолокъ дверей на высоту роста дитяти; отъ „переполоха“: обливаютъ дитя на порогѣ водою или сажаютъ его подъ припечекъ и чрезъ него сажаютъ въ печку хлѣбъ и тѣмъ хлѣбомъ послѣ кормятъ больного; отъ „сухотъ“: купаютъ больного съ кошкой или собакой для передачи имъ, или привязываютъ дитя къ лопатѣ, сажаютъ въ теплую печку; отъ „плеснявки“: мать наматываетъ свой волосъ на палецъ и третъ имъ языкъ больного; отъ „соишницъ“: поставивъ „мыску“ съ водой на животъ больного, въ кувшинъ кладутъ конопли, зажигаютъ и переворачиваютъ кувшинъ въ воду, по краямъ миски кладутъ крестомъ ложку, ножъ, веретено и свѣчу, въ это время знахарка дѣлаетъ наговоры, затѣмъ веретено обмакиваютъ въ воду, бѣгущую съ него воду собираютъ въ ложку, даютъ пить больному и мочатъ ею тѣло.

Обычаи при рожденіи ребенка и свадьбѣ. При *рожденіи* ребенка выполняется слѣдующій обрядъ: неся младенца крестить, баба кладетъ его на кожухъ, кумъ съ головы, а кума съ ногъ берутъ его, при этомъ баба говоритъ: „вотъ вамъ новорожденне, а намъ приносить молитвенне и крещене“, послѣ крещенія, кумы опять кладутъ на кожухъ и съ кужухомъ кумъ и кума поднимаютъ и даютъ бабкѣ, говоря: „брали у васъ новорожденне, а принесли молитвенне и крещене“. При угощеніи говорятъ: „дай Богъ, чтобы Богъ далъ дождать кумамъ на славу, а батькови да матери на послугу“. На другой день послѣ крещенія роженицѣ баба сливаетъ воду съ коноплянымъ зерномъ на руку, причемъ роженица другой рукой задерживаетъ воду и задержавшееся зерно ѣстъ, чтобы было молоко.

Когда *сватаются*, входятъ „старосты“ во дворъ невѣсты, стучатъ въ окно, говоря: „здоровъ, хозяинъ, пусты погрицьця“; хо-

зяинъ проситъ войти въ хату; женихъ остается во дворѣ, невѣста также не появляется къ старостамъ; когда же пойдетъ на согласіе, зовутъ и ихъ. На сватаньи поютъ:

„Ты, пропою, ты, пропоючку,
Ты пропывъ, батько, дочку
На солодкимъ медочку,
На золотому кубку,
Якъ сыву голубку“.

* * *

„Вчора звечера пороша пала,
Та по тий пороши куночка походыла,
А къ билому свиту охотныки на слидъ спалыся,
Тай куночку пиймалы;
Вчора звечера порошенька впала,
Та по тий пороши Паранька походыла,
А къ билому свиту старосты на слидъ спалысь,
Тай Параньку выслидовалы“.

Свадьбу гуляютъ почти всегда въ воскресенье; подъ воскресенье устраивается вечеръ („дружбины“), какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Сначала вводятъ молодого въ хату съ боярами, причемъ женихъ кланяется въ ноги роднымъ, при этомъ поютъ:

„Кланяйся, Иванъ,
Тай напередъ Богу,
Отцю, ненци въ ногу,
Кланяйся низенько,
Къ серденьку близенько“.

Когда сажаютъ жениха съ боярами за столъ, поютъ:

„Иде Иванька на посадъ,
Встричае его самъ Гóспыдъ,
Ой, изъ долею щастлывою, съ доброю годыною.
Ой, рясна, красна калынонька въ лузы,
Рясниший, красниший Иванькинъ посадъ:
По выкóнычкамъ ангелы сидятъ,
Посадъ высылятъ,
А на дверичкахъ самъ Гóспыдъ стоитъ,
Самъ Гóспыдъ стоитъ,
Дóлыньку дае,
Щастьемъ даруе.
Тай вгодай, Иванько,
Чия доля луччая?
Лучча — Божія, чимъ батенькова,
Бáткова вродлыва,
А Божія щастлыва“.

Если сирота, то поютъ:

„Ой, вышенька, чиришенька,
Та й ягидъ нема,
Кланяйся, Иванька,
Хоть батька нема.
Ой, выликий двиръ
Та маленький сбиръ,
Чомъ не вся родынька?
Ой, тымъ же не вся родынька,
Шо нема батéнька,
Батька немае
И ридъ не знае,
Тымъ порядка немае.

Пошлю я соловья
Та й маленьково
По ба́тенька рыдне́нька,
А зузуленьку на Вкраиноньку;
Ны соловья зъ саду,
Ны батька зъ раю:
Ны родыни зъ Украины".

На дружбинахъ лѣпятъ „коровай", причемъ соблюдается слѣдующій порядокъ: дружко говоритъ: „Господы, Исусе, Сыне Божій, помилуй насъ", старосты: „аминь". — „Старосты, пане пидстаросты, кто до кого, я до Бога и до вашего здоровья". — „А мы рады слухаты". — „Благословите коровай замысыть". — „Богъ благословить". — „И въ другій разъ и въ третій разъ". — „Богъ благословитъ тричи разомъ". Дружко на дижу сыплетъ муки и дѣлаетъ ямку въ ней, вливаетъ квасу и сыплетъ овса, потомъ зовутъ мальчика и заставляютъ мизинцемъ замѣшать тѣсто, и потомъ облизать палецъ; въ благодарность ему даютъ чарку водки и шишку. Когда замѣсятъ тѣсто, четыре человѣка, два мужчины и двѣ женщины, растягиваютъ его на четыре стороны, прилѣпливаютъ „вареныки" съ макомъ и изъ сыромъ, поверхъ покрываютъ коржомъ, обводятъ обручемъ изъ тѣста и украшаютъ шишками изъ тѣста, прикрѣпляя ихъ житной соломой. При дѣланіи коровая поютъ:

„Сйижайся родыньку
До Иваньки въ суботыньку,
Поряжаты его батынька,
Шо винъ мене первого жене,
Тай порядкивъ незнае
И куночкивъ несполняе,
И своихъ гостей тай не привитае".

* * *

„Съ суботыньки на недилю годына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы мишокъ муки та на коровай;
Съ суботыньки на недилю годына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы та дижку сыра на коровай,
Хвалыты Бога, сырякъ буде нашъ коровай;
Съ суботыньки на недилю годына,
Та сйизжаецця родына,
Тай привезлы горшокъ масла на коровай,
Та хвалыты Бога, маслянъ буде коровай".

* * *

Дружко испрашиваетъ у „старостивъ" благословеніе вышеупомянутымъ порядкомъ печь выметать и сажать коровай. При выметаніи печи поютъ три раза:

Видьмидь пичь выметае,
„Видьмидыця въ пичь заглядае,
Чи хороше те мисто,
Шо короваю систы“.

При сажаніи коровая въ печь поютъ:

„До бору, бояре, до бору;
Рубайте сосну до долу,
Тышите сосну на трискй,
Гнитыть коровай и шишкй,
Шобъ нашъ коровай гниченъ бувъ,
Шобъ нашъ друженько весѐлъ бувъ“.

Послѣ поднимаютъ дижу вверхъ опять же съ благословенія, и каждая противоположная сторона цѣлуется, при этомъ поютъ:

„Пичь ходе на ногахъ,
Дижу носятъ на рукахъ“.

Когда невѣста, собираетъ дружокъ, поютъ:

„Казавъ соловейко, сяду не впаду,
Казала Паранька, замужъ не пиду,
Сю осеньку погуляю,
Русою косою помаю;
Май коса да до пояса
Съ квитками, ногитками,
Съ червоною калыною по плечахъ;
Коса моя да до пояса,
Краса моя да до вечера“.

По окончаніи дѣланія коровая, бабы говорятъ:

„Что вы желали,
То мы зробылы,
За цю висть,
Чарокъ по шисть,
Хочь по одний,
Та по повний,
А хочь по половинци
Та всий родынци“.

Старосты подчиваютъ.

Передъ вѣнцомъ невѣстѣ перебираютъ косу гарусомъ и поютъ:

„Ой, тыхо, тыхо Дунай водыньку несе,
А ище тыше Паранька косу чеше;
Чеше, зрывае,
Та на Дунай пускае.
— Поплывы, коса, пидъ батенькивъ двиръ просто,
Тай послухай, коса, шо батынька говоре,
А батынька говоре:
— Не добра годынонька,
Шо йде одъ мене моя ридна дытынонька,
Шо зобувавъ, зодивавъ,
Та никимъ замышлять.
Ой, плывы коса, до свекрова двора,
Послухай, коса, шо свекоръ каже.
— Добрая годынонька,
Прийде до мене чужа дытынонька,
Ни зобувавъ, ни зодивавъ,
Та буде кимъ замышлять“.

Послѣ вѣнца, когда изъ церкви идутъ, поютъ:

„Схилылась верба
Съ верха до корыння,
Вынчалась Паранька
Съ ранку до полудня.
Пипъ винчавъ,
Не богато взявъ,
Пивъ золотого,
Коня вороного,
Ще мало“.

* * *

Когда молодая за столомъ, поютъ:

„Закувала зузуленька
Въ саду за дворомъ,
Заплакала Паранька
У батька за столомъ.
— Спродай, мий батыньку,
Увесь вышневый садъ,
Исправъ, исправъ, мий батыньку,
Увесь паньский нарядъ,
Жемчужне намысточко на шиечку
И козловы черивички на нижечкы,
А чрезлатный поясочекъ на станочекъ.
— Якъ буде твий милый та ревнывый,
Козловы черивичкы пыломъ припадуть,
А жемчужне намысто золыци обирвуть“.

* * *

„Плачьте подружкы по мини,
Десь мои братыки на войни,
Десь мои сестрици на сторони,
Никому плакаты по мини“.

* * *

„Найихалы, моя ненько, шось, за паны,
Взялы мою кисоньку пидъ жупаны,
Сталы мою кисоньку трипаты,
Стала моя матынька плакаты,
Не плачь, моя матынько, по мини,
Заплачь, моя матынько, по коси;
Чи лучче коси въ фартуси,
Чи лучче дивци въ винци,
Нижъ у тебе, неньку, въ стрицци,
Тай по улыци ходыты,
Тай по квитци носыты,
Отецькихъ сынивъ маныты“.

А. Д. Стефанова.

12.—Сл. Бѣло-Куракино.

Гл. 1-я.

Видъ мѣстности, курганы и почва.—Преданіе о Петрѣ Великомъ и основаніе поселенія.—Кн. А. Б. Куракинъ.

Сл. Бѣло-Куракино составляетъ часть дачи прежняго ея владѣльца кн. Александра Борисовича Куракина, расположенной между двумя холмами, проходящими параллельно съ сѣвера на югъ по р. Бѣлой, получающей свое начало въ вершинѣ на сѣверъ по долинѣ изъ родниковъ въ х. Шиловомъ Александровской вол. и впадающей въ р. Айдаръ подъ г. Старобѣльскомъ. Извиваясь кривой линіей и постепенно мѣняясь въ своихъ живописныхъ очертаніяхъ, протекаетъ эта рѣка, то между вербой, лознякомъ, камышемъ, то лугомъ и мѣстами въ совершенно голыхъ обрывистыхъ кручахъ. Вся эта мѣстность сплошь усѣяна горными возвышеніями, украшенными курганами, „майданами", изрѣдка остатками кирпичныхъ печищъ, служащихъ памятникомъ древняго жилья и котловинами всевозможныхъ построеній. Существующіе курганы весьма разнообразны, какъ по формѣ, такъ равно и по своему расположенію; одни изъ кургановъ довольно значительныхъ размѣровъ имѣютъ видъ конусообразный (татарскіе), другіе овальный съ вытянутымъ концомъ въ остріе,—на нѣкоторыхъ курганахъ овальнаго построенія замѣтны уступы террасами съ совершенно гладкою вверху площадью (скиѳскіе). Всѣ курганы неодинаковыхъ объемовъ,—самые большіе расположены рядомъ на одной площади съ самыми малыми, переходящими наконецъ по виду въ могильныя насыпи. Расположеніе кургановъ также разнообразно: большинство изъ выдающихся по объему лежатъ въ одну прямую линія съ С. на Ю. и съ В. на З., всѣ же меньшіе курганы расположены или вѣрнѣе разбросаны въ разныя стороны, изображая собой всевозможныя геометрическія построенія—то четыреугольникъ, то треугольникъ, то слиты въ одну сплошную мас-

су; нѣкоторыя изъ нихъ запали вглубь и образуютъ котловины. Многіе курганы состоятъ не изъ одной земляной насыпи, но имѣютъ внутри себя огромные бѣлые камни и массу мелкихъ внутри и на поверхности. „Майданами“ населеніе называетъ развалины прежнихъ жилищъ полудикаго народа; они, по ихъ мнѣнію, имѣли видъ саклей, какія имѣются въ Черкесскихъ аулахъ. Неподалеку отъ такихъ „майданъ“, а иногда и далеко,—совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ кургановъ, попадаются четыреугольныя глубокія ямы, выложенныя кирпичемъ или съ голыми илистыми стѣнами.

Почва описываемой мѣстности черноземная и была когда-то покрыта массой дремучихъ, „темныхъ“, вѣковыхъ лѣсовъ. Холмы изобилуютъ въ себѣ мѣлъ, бѣлую, желтую и красную глину („чирвони каминьцй“), различныхъ цвѣтовъ песокъ, внутри и на поверхности камень различнаго цвѣта и качества, годный для мельничныхъ жернововъ и многихъ хозяйственныхъ подѣлокъ, и составляютъ продолженіе Донецкаго кряжа. Нѣкоторые также отыскивали, говорятъ, на незначительной глубинѣ каменный уголь и утверждаютъ о залежахъ земляной соли. Наружный видъ мѣстности совершенно напоминаетъ окрестность грушевскихъ на Дону угольныхъ копей; попадаются нерѣдко вымываемыя водой изъ „Комлицького“ яру небольшія глыбы желѣзной руды или остатковъ ея отъ плавки (шлаки); но все это изъ боязни, возникнувшей почему то, что съ открытіемъ минералловъ земля отъ нихъ отберется и перейдетъ въ казну,—остается пока мертвымъ богатствомъ. Судя по преданіямъ, утверждающимъ о существованіи здѣсь нѣкогда различныхъ иновѣрцевъ—татаръ, калмыковъ и др. съ ихъ жилищами, огромнѣйшими печами въ видѣ горновъ и другихъ построеній, о существующихъ и понынѣ богатѣйшихъ кладахъ, а также въ виду имѣвшагося завода, съ чеканкой золотыхъ и серебряныхъ монетъ, который находился въ 12—15 в. отъ границъ имѣнія кн. Куракина (нынѣ находятся слѣды его въ лѣсу, именуемомъ „Медвѣжій“ Осиновской вол.), невольно приходится подумать мѣстному населенію о томъ, какъ много неисчерпаемыхъ драгоцѣнностей заключено въ нѣдрахъ описываемой мною мѣстности.

Разстояніе слободы отъ уѣзднаго города 30 в., отъ губернскаго 210 в., отъ Купянска 70 в., отъ быв. уѣзд. г. Бѣловодска 90 в., отъ быв. зашт. г. Ново-Екатеринославля или Сватовой Лучки 40 в., отъ Валуекъ 90 в., отъ Уразовой 80 в.; отъ торговыхъ слободъ: Осиновой—25 в., Ново-Астрахани или Троецкаго 40 в. и отъ мало-торговыхъ слободъ: Мостковъ—25 в. Бѣлолуцкаго—25 в. и Павловки—7 в. Происхожденіе села народъ объясняетъ такъ: однажды въ 1700 г. Петръ I, вскорѣ по возвращеніи съ похода на Азовъ, былъ извѣщенъ о какомъ то важномъ политическомъ замыслѣ, сопровождавшемся ужасными бунтами, которые успѣли охватить всю Украину до береговъ Азовскаго моря. Царь снова предпринялъ походъ и лично явился для усмиренія. Возстановивъ нарушенное спокойствіе, онъ, въ сопровожденіи кн. Бориса Степановича Куракина, пожелалъ осмотрѣть необозримую, малолюдную, дикую степь, которая широко раскинулась во всѣ стороны отъ прилегающей границы Азова. Во время путешествія Петра I по Украинѣ, ему чуть не пришлось было попасть въ плѣнъ къ какимъ-то разбойникамъ-иновѣрцамъ. Уставъ отъ долгаго похода, онъ оставилъ свой полкъ драгунъ на отдыхъ на лѣвомъ берегу рѣки Козинки (послѣ отдыха имъ было приказано положить мостъ чрезъ эту рѣку), а самъ съ небольшимъ отрядомъ, перейдя вплавь рѣку, отправился на в. къ Осиновымъ лѣсамъ, которые издали скорѣе походили на туманъ или спустившуюся съ высоты небесныхъ сводовъ огромнѣйшую тучу, занявшую собой необозримую даль долины, мимо роскошно раскинувшейся рѣки Айдари; эта живописная картина природы такъ очаровала царя, что онъ забылъ объ угрожающей ему опасности и незамѣтно столкнулся съ хорошо вооруженной шайкой злодѣевъ, сила которой въ нѣсколько разъ превосходила царскій отрядъ. Видя свою малочисленность, Петръ I послалъ къ гвардіи гонца, а самъ вступилъ въ неравный бой, послѣ котораго пришлось отступать къ Айдари на югъ и наконецъ быть аттакованнымъ со всѣхъ сторонъ. Драгуны, заслышавъ издали сигналъ тревоги, опрометью бросились чрезъ Козинку и Тавыжный яръ, и едва лишь успѣли домчаться къ Осиновымъ лѣсамъ, какъ увидѣли, что царь, уходя отъ преслѣдованій, вынужденъ былъ броситься

вплавь на лошади черезъ р. Айдарь. Если бы не подоспѣлъ во время полкъ, а также сторожевая казачья лодка, на которую былъ взятъ царь, ему бы не минуть бѣды. Не смотря на всѣ встрѣчавшіяся тогда значительныя препятствія со стороны татарскихъ князей, охранявшихъ себя силою оружія и занимавшихся разбоемъ и грабежами, Петръ I побѣдоносно бороздилъ степь во всѣ концы, проходя „вздовшъ" и „поперекъ" Московскій, Воронежскій и Гатманскій шляхи и рѣки Евсугъ, Ковсугъ, Старую-Бѣлую (при впаденіи въ Айдарь) и степи, принадлежащія къ Войсковой землѣ, а впослѣдствіи, гдѣ нынѣ Нищеретова,—земли кн. Шереметьевыхъ, держалъ путь низомъ на Валуйскій шляхъ чрезъ Тарабановскій мостъ мимо Васильковыхъ лѣсовъ. Расположившись на отдыхъ на лѣвомъ берегу р. Бѣлой, Петръ I и въ особенности кн. Куракинъ восхищалися этой очаровательной окрестностью и рѣкой съ ея обрывистыми берегами, еще издавна носившей названіе по своей чистотѣ и бѣлой мѣловой подошвы русла—„Бѣлая". (Старое русло р. Бѣлой проходило подъ мѣловой горой, настоящее новое—прошло частью по дорогѣ). Объ этомъ-то князь и сообщилъ царю такъ: „Ахъ, какъ мнѣ нравится эта живописная мѣстность долины, расположенной по обѣимъ сторонамъ такой прекрасной рѣки!" Петръ I былъ необыкновенно доброй души, и кн. Куракину онъ никогда ни въ чемъ не отказывалъ, почему и сказалъ: „Возьми, дарю тебѣ, какъ свояку, и сыну твоему Александру, моему крестнику, всю эту мѣстность, для которой послѣ ты самъ опредѣлишь границы". Первоначальныя границы имѣнія кн. Б. С. Куракина простирались въ длину съ С. на Ю.—отъ имѣнія Тарабанова по долинѣ къ войсковой землѣ (до земель кн. Шереметьевыхъ нынѣ Нищеретовой) разстояніемъ въ 15 в., въ ширину съ В. на З. или другими словами—отъ имѣнія Тевяшовыхъ („Телышовыхъ") по эту лишь сторону лѣваго берега р. Бѣлой, разстояніемъ въ 10 в. На другой сторонѣ рѣки подъ Бѣлой горой и яру, именуемому „Колмыцькый" кочевали калмыки, находя уютище въ землянкахъ, крытыхъ „чаканомъ"—(плетенкой изъ „рогозу"). Со временемъ мало-по-малу полудикій сбродъ со всевозможными организованными шайками разбойниковъ царскимъ приказомъ были вытѣсняемы съ этимъ

мѣстъ. Съ отходомъ ихъ, имѣніе кн. Куракина все болѣе и болѣе увеличивалось. Но князь мало заботился о заселеніи своей дачи—чему препятствовали также кочевники и разношерстный бродячій людъ, которые заурядъ чинили переселенцамъ насилія, грабежи и убійства. Другого былъ взгляда сынъ его Александръ Борисовичъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ послѣ смерти своего отца къ дарованной дачѣ по р. Бѣлой, а послѣ и по р. Козинкѣ и далѣе, онъ всѣми мѣрами стремился къ заселенію этого богатаго края, для чего первымъ долгомъ пріобрѣлъ себѣ изъ болѣе бѣдовыхъ—„шельмоватыхъ" малороссовъ—агитаторовъ, которыхъ разсылалъ гонцами во всѣ концы къ помѣщичьимъ крестьянамъ дѣлать кличъ, объявляя: „если кому худо живется у своихъ пановъ, поповъ или въ монастыряхъ, то пусть свободно уходятъ ко мнѣ на вольныя степи, что за Тарабановой", тѣ, конечно, расходились къ разнымъ помѣщикамъ, поступали къ нимъ въ рабственную запись и, пользуясь этимъ, втихомолку возмущали крестьянъ и уводили ихъ по ночамъ къ кн. Куракину. При такомъ передвиженіи народа приходилось прятаться въ дорогѣ на весь день, пересиживая гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ чащахъ до ночи. Когда молва распространилась объ этомъ благодѣтельномъ дѣйствіи князя съ присовокупленіемъ еще того, что онъ, при какихъ бы ни было застигнутыхъ въ пути арестахъ или другихъ какихъ бѣдствіяхъ, беретъ, молъ, подъ свое покровительство,—народъ началъ сходиться къ нему со всѣхъ сторонъ отъ помѣщиковъ Кіевской, Полтавской, Черниговской, Воронежской и другихъ мѣстъ и губерній; не брезгалъ также князь и всевозможными экземплярами бродячаго люда—людей непомнящихъ родства и т. п. Если кто изъ переселенцевъ бѣглецовъ былъ преслѣдуемъ своимъ паномъ, то ему вмѣнялось въ обязанность перемѣнять иногда не только фамилію, но даже имя и отчество. Народъ свой князь раздѣлялъ по названію:—на черкассъ и малороссовъ, а по службамъ—на дворовыхъ и хлѣбопашцевъ; самъ же народъ дѣлилъ себя на клички: „москаль", „кацапъ", „мужикъ", „хохолъ", „мазепа".—Князь очень любилъ малороссовъ, почему всѣ дворовые его состояли исключительно изъ нихъ. Особо-отличительная черта ихъ передъ прочими была та, что это люди были высокаго роста, мужественны, красивы и, главное,

БИБЛИОТЕКА

неглупы и грамотны. О школѣ въ то время не было еще рѣшительно никакого понятія; всѣ дворовые обучались грамотѣ или въ с. Надеждинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ. (это любимое имѣніе князя), по тогдашнему времени самое благоустроенное, гдѣ онъ больше и проживалъ), или же въ Петербургѣ. Всѣ остальные—не дворовые выучивались грамотѣ одинъ у другого; но больше всего занимались преподаваніемъ „черныци", которымъ даже священники отдавали своихъ дѣтей въ начальную науку. Народъ увидѣлъ у себя училище лишь съ того времени, когда всѣ школы находились въ вѣдѣніи Государственныхъ Имуществъ; оно именовалось: „Общее приходское училище Старобѣльскаго округа".

Преданіе хорошо сохранилось относительно того, что первоначально слобода состояла изъ 20 хатъ, расположенныхъ возлѣ Макортета (—такъ именуется и теперь не весьма обширныхъ объемовъ природная котловина, открытая къ рѣкѣ съ 3 стороны и находящаяся въ полуверстномъ разстояніи отъ церкви), а въ 7—8 в., гдѣ теперь Павловка, жила уже „барыня Тарабанша" въ порядочномъ поселеніи, именуемомъ „Тарабанова". Люди, переселявшіеся на вольныя степи Куракина, держали путь съ Валуйскаго шляха на Тарабанинъ мостъ — на Тарабанову, такъ какъ мѣстность эта давнымъ давно была уже извѣстна подъ этимъ названіемъ. Тарабановъ и Тевяшовъ происходили говорятъ изъ потомковъ татарскихъ князей, и участокъ, дарованный Петромъ I-мъ кн. Куракину не былъ свободнымъ, а принадлежалъ уже прежде по какимъ то наслѣдственнымъ документамъ Оттоманскаго („Бусурманьського") царства съ одной стороны Тарабанову, а съ другой Тевяшову. О Тарабановѣ преданіе говоритъ, что онъ неизвѣстно гдѣ дѣвался, оставивъ послѣ себя бездѣтную жену Тарабаншу, которая имѣла у себя крестьянъ изъ великоруссовъ. Еще съ первыхъ годовъ владѣнія этой дачей, кн. Куракинъ „покумывся" съ Тарабаншей и часто посылалъ къ ней своего управляющаго нѣмца, да и самъ нерѣдко раздѣлялъ съ нею время въ пиршествѣ и пьянствѣ. Во время одного свиданія князь напоилъ Тарабаншу пьяной и въ такомъ видѣ завелъ рѣчь: „Скажите, пожалуйста, по какимъ документамъ владѣете вы крестьянами и имѣніемъ"?

Та, не подозрѣвая въ кумѣ ничего дурного, достала документъ и вручила ему просмотрѣть свои права; князь, просмотрѣвъ ея данную, своротилъ и спряталъ ее себѣ въ карманъ, а кумѣ передалъ такой же величины свертокъ бѣлой бумаги, на который барыня не обратила тогда никакого вниманія и снова положила его на прежнее мѣсто. Не удовольствовавшись данной, вскорѣ, того же дня, управляющій князя отправился съ Тарабаншей въ лѣсъ погулять, гдѣ она такъ усладилась „безумной радости", что спала мертвецкимъ сномъ до самого утра. Управляющій, воспользовавшись ея слабостью, снялъ съ ея руки перстень, украшенный драгоцѣнными камнями и явился съ нимъ къ ея ключницѣ съ приказомъ отъ барини отпереть какіе-то ящики и вручить ему хранящуюся тамъ связку бумагъ. Ключницѣ не разъ приходилось выполнять различныя распоряженія по извѣстному перстню, почему она нисколько не задумалась выдать нѣмцу всѣ хранящіяся въ ящикѣ бумаги. На другой день, къ неожиданному удивленію кумы, князь велѣлъ объявить ея крестьянамъ такъ: „если кто пожелаетъ присоединиться къ нему, то пусть тотъ выброситъ къ своимъ воротамъ вѣху изъ соломы или чего нибудь другого, а если кто не укажетъ никакого знака, то домъ того со всѣмъ его имуществомъ будетъ разоренъ и самъ онъ строго будетъ наказанъ". Теперь лишь сообразила Тарабанша о той подкладкѣ, которую имѣли дружескія отношенія ея кума. Народъ сдался, кромѣ дворовыхъ Тарабанши, которые вмѣстѣ съ нею насильно были выселены изъ родового ея имѣнія на Валуйскій шляхъ, и, дабы навсегда изгладить память о ней, приказано было домъ со всѣми пожитками сжечь до основанія. Завладѣвъ такимъ образомъ имѣніемъ Тарабанши, князь не замедлилъ заселить ее любимыми малороссами, переведенными изъ какой то Петровеньки отъ отмершихъ помѣщиковъ (нынѣ Петровеньчане именуются Петро-Павловкой, Павловской волости и Курячанами и Ѳоменчанами по фамиліи перешедшихъ первыхъ семей). Они не применули дать прозвище прежнимъ владѣтельнымъ крестьянамъ Тарабанши—„москали", а заселенное ими мѣсто—„Москаливка"; въ ту же очередь получили отъ нихъ—„хохлы", „мазепы". — Съ семействомъ Тевяшевыхъ князь былъ въ очень хо-

рошихъ отношеніяхъ и учинилъ съ нимъ какую то сдѣлку, по которой все имѣніе, состоящее еще и понынѣ въ управленіи его потомковъ должно было достаться Тевяшову, якобы отъ кн. Куракина въ подарокъ его крестному сыну. Говорятъ, что этотъ сынъ былъ прижитъ Тевяшовой съ княземъ. Самъ Тевяшовъ состоялъ на службѣ у князя въ качествѣ полкового доктора, онъ же завѣдывалъ ремонтами и былъ поставщикомъ лошадей изъ княжескаго коннаго завода. Отъ прежнихъ границъ Тевяшова къ кн. Куракину отошли яръ съ р. Козиной и землями расположенныхъ на немъ хуторовъ. Въ то время князь считался собственникомъ земли въ слѣдующихъ границахъ: ему принадлежали двѣ слободы—Бѣло-Куракинская и Павловская съ двадцатью двумя хуторами; затѣмъ—Танюшевка, Березова, Шаровка до Ровенекъ и Александровка. Изъ этого владѣнія княземъ проданы Бѣло-Куракинцамъ земли, находящіяся въ слободѣ Бѣло-Куракиной, Павловкѣ и хуторахъ Лизиномъ, Бѣденомъ, Кризскомъ, Шапарскомъ, Ереминомъ, Цѣлуйкиномъ, Паньковкѣ-Свѣтличной, Алексѣевкѣ, Заикиномъ, Лубьянкѣ, Гриценковомъ, Бучужномъ, Кисилевкѣ, Лавровкѣ, Шолкуновѣ, Рудовѣ, Курочкиномъ, Фоменковѣ на р. Бѣлой, Фоменковѣ на р. Козинкѣ, Заводянскѣ, Морозовѣ и Стативкиномъ. Танюшевка не вошла въ категорію выкупа, потому что она досталася родному брату князя—Алексѣю Борисовичу; Березова—по случаю какой то незаконной сдѣлки одного помѣщика (Веревкина) съ священникомъ Ивановымъ, Шаровка и Александровка были отняты у князя послѣ его смерти. Всей земли отошло въ собственность крестьянъ около 60 тысячъ дес., цѣной за 1.100,000 руб. асс.

Кн. А. Б. Куракинъ не переставалъ заселять своей дачи разными пришлыми людьми до самой смерти или, вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока не уѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ посланника, по какимъ-то важнымъ государственнымъ дѣламъ. Предъ выѣздомъ князь простился съ народомъ и сказалъ: „Я уѣзжаю въ Парижъ, по возвращеніи оттуда, обѣщаю всѣхъ отпустить на волю; молите Бога о моемъ благополучномъ возвращеніи! Когда получите вольную, храните ее крѣпко у себя, не довѣряйте ни попамъ, ни панамъ, а то они могутъ ее уничтожить и повернуть васъ къ себѣ въ крестьяне“.

Присоединенное княземъ имѣніе Тарабановой, съ теченіемъ времени мало по малу стало рѣже упоминаться въ названіи „Тарабанова“ и, наконецъ, совсѣмъ забыто и замѣнено общимъ названіемъ: „На рѣкѣ Бѣлой вольныя села кн. Куракина“, „село на Бѣлой—Куракина“ и въ послѣднее время: „Бѣло-Куракина“.—Бывшая Тарабанова носитъ теперь названіе „Павловка“. Переименована она въ это названіе полагаютъ съ того времени, какъ перенесена была туда деревянная церковь изъ Куракиной, посвященная во имя св. Петра и Павла. Перенесенная церковь была выстроена еще кн. Б. С. Куракинымъ; на мѣстѣ ея престола аккуратно сохраняется каменный памятникъ—„камплычка“, какъ разъ напротивъ бывшаго княжескаго дома.

Церковь была перенесена въ с. Тарабаново не потому, чтобы оказалась она ветхой или невмѣстительной, но въ силу такихъ причинъ: на нее, по преданію, были весьма часты набѣги разбойниковъ, которые ее безбожно опустошали; затѣмъ однажды набѣжалъ на нее сильный ураганъ (буря), такъ что сорвалъ кровлю и отбросилъ ее въ сторону; такое происшествіе вселило въ народѣ страшную панику. Объяснили все это тѣмъ, что церковь поставлена не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ подъ нею находилось „басурманское“ кладбище; самъ же князь думалъ, что это наказаніе Божіе за то, что по неосторожности сожгли и церковь въ Тарабановой, почему и велѣно было перенести ее въ мѣсто сожженной.

Существуетъ также преданіе въ народѣ, что Тарабанова, еще далеко до появленія кн. Куракина, имѣла у себя церковь, носившую названіе въ народѣ: „церковь Тарабанша“, три вѣтряныхъ мельницы и одну водяную. На томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь, стоитъ теперь каменная кампличка, поддерживаемая мѣстнымъ населеніемъ, какъ памятникъ доставшагося имъ преданія прежней владѣтельницѣ, рядомъ съ нею стоитъ другая тоже каменная кампличка, знаменующая мѣсто той деревянной церкви, которая перенесена была туда изъ Бѣло-Куракиной и со временемъ, лѣтъ тому около 80, за ветхостью употреблена была на постройку или починку хлѣбныхъ магазиновъ и колодцевъ.

Во время путешествія Петра I по Украинѣ, ему пригляну-

лась мѣстность при „Билий кийныци“ (Бѣловодскѣ), вблизи которой онъ пожелалъ положить основаніе царскимъ коннымъ заводамъ. Кн. Куракинъ былъ „всѣмъ царямъ крещеный батько“. Земли, принадлежащія Нищеретовой были когда-то подарены Екатериной Великой кн. Шереметьеву. Екатерина Великая дарила земли съ условіемъ на 100 лѣтъ. Таково народное преданіе.

Кн. Куракинъ не имѣлъ постояннаго жилища въ своей дачѣ на р. Бѣлой, но и не оставлялъ ее безъ посѣщеній; онъ пріѣзжалъ въ годъ одинъ разъ и оставался на мѣсяцъ и больше. О пріѣздѣ князя народъ извѣщался заблаговременно, почему и приготовлялся къ его встрѣчѣ. Въѣздъ князя въ слободу всегда сопровождался торжествомъ. Узнавъ о приближеніи князя, народъ одѣвался по праздничному, и старъ и малъ выходили къ нему навстрѣчу въ сопровожденіи священника и управляющаго нѣмца. Молодежь въ особенности радовалась этому событію,—рѣзвилась и спѣшила занимать мѣста, расположась шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги такъ, чтобы экипажъ князя могъ проходить между ними; все это приготовленіе сопровождалось пѣснями, музыкой и танцами дѣвокъ—„танцюръ“. За молодежью собирались старики, составляя второй рядъ сзади своихъ дѣтей, а совсѣмъ дряхлые стояли по одиночкѣ или кучками по-надъ выбѣленными своими хатами, которыя были тогда съ фронтонами—двухскатной крышей, и разсуждали о житьѣ бытьѣ и о той обѣщанной княземъ волѣ, въ виду которой они оставили прежнихъ своихъ помѣщиковъ и свои жилища и какъ муравьи послазились со всѣхъ концовъ. Княжескій экипажъ шагомъ проходилъ мимо разодѣтой крестьянской молодежи, а князь, здороваясь на обѣ стороны, выбрасывалъ въ толпу суконные свитки изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, тяжовые халаты, сандальные платки, сапоги, штаны зъ „кгудзыками“ и „бурулькою“, юпки и т. под. Позади княжескаго экипажа шелъ грузъ съ разными вещами; все это въ суетѣ разбиралось тѣми, кто былъ посильнѣй, да поувертливѣй. Князь, говорятъ, очень забавлялся, глядя на эту бойкую сцену разнокалиберной пестрой толпы, которая, принявъ видъ церемоніальнаго шествія, сопровождала его съ музыкой, пѣснями, танцами и всевозможными криками до самого дома. Послѣ этого начинался пиръ,—

гулянье: съ княжескаго погреба выкачивали за дворъ бочку или двѣ съ водкой и охотники лакомились ею, услаждая себя пріятной бесѣдой, а во дворѣ княжескомъ оставалась одна лишь молодежь, для которой, вмѣстѣ съ закупленными княземъ по селу „очипками", „капорами", шапками, разными женскими уборами и т. под., заготовлялись билетики съ указаніемъ, кому, что дѣлать; такъ напримѣръ: „танцуй", „пой", „смѣйся", „плавай", „поцѣлуй кого-нибудь"... и т. д. Билетики эти прикалывались къ вещамъ и бросались въ толпу, при чемъ каждый, взявшій вещь, безпрекословно долженъ былъ въ точности исполнить все то, что было указано въ билетѣ. Вещь бросалась въ толпу чѣмъ-нибудь обернутая; одинъ передъ другимъ желалъ отличиться и рвался въ толпу достать вещь; если при этой „кутерьмѣ" кто-нибудь крикнетъ: „мала куча"! то остальные падаютъ на выброшенную вещь и образуютъ большую кучу. Свертокъ съ билетомъ поднимается и кто-нибудь читаетъ: „такая-то вещь требуетъ танцовать" и если доставались, примѣрно, какой-нибудь дѣвкѣ штаны съ подобнымъ требованіемъ, то она тутъ-же, на глазахъ товарищей и зрителей, переряжалась: надѣвала штаны, а для большаго смѣха изъ толпы кто-нибудь надѣвалъ ей бумажную шапку въ видѣ колпака или привязывали къ концамъ „очкура" колокольчики и бубенчики, и въ такомъ украшеніи подъ музыку исполняла она свою обязанность. Доставшіяся вещи, были уже собственностью того, кто удостоился ихъ получить. Такое общее гульбище тянулось въ продолженіи всей ночи, въ заключеніе давались вино и закуска—„медяныкы", а нѣкоторыхъ удостаивали даже и подаркомъ: давались кольца, намисто, серёжки, нѣчто въ видѣ медальона изъ „сердолика" въ золотой и „компаковой" отдѣлкѣ и др. украшенія. Князь въ особенности любилъ женскій полъ („онъ не былъ женатъ до смерти") и, раздавая подарки, старался отдать имъ предпочтеніе предъ парнями. Во все время своего пребыванія на дачѣ, князь почти ежедневно проводилъ время въ гуляньяхъ; но эти ежедневныя гулянья уже не служили праздникомъ всему мѣстному населенію,—это было постоянное удовольствіе князя и его дворни. Это гульбище и составляло исключительную цѣль пріѣзда князя. Народъ говорилъ, что князь пріѣхалъ, пріѣзжалъ или

пріѣдетъ къ нему „погулять“. Къ этому времени наѣзжали „москали“—коробейники и „лавошныки“ съ разными „фыgамы“, „мыgамы“. Для княжескихъ вечеровъ выбирались изъ всего села красивыя дѣвки и записывались въ танцовщицы—„танцюры“, на неспособныхъ почему-либо къ такому искусству возлагались другія какія-нибудь обязанности: онѣ пѣли, прислуживали или просто упражнялись въ „яствіи“, „питіи“ и „веселіи“. Для всѣхъ красавицъ, раздѣлявшихся по службѣ на разныя категоріи, имѣлся списокъ, и никто изъ нихъ, подъ строгой отвѣтственностью не смѣлъ отказываться явиться по требованію для выполненія своихъ обязанностей; никто изъ родителей не смѣлъ также противиться этому. Между избранными „кралями“—красавицами было нѣсколько особо уважаемыхъ княземъ, съ которыми онъ проводилъ цѣлыя ночи въ свойственныхъ тому времени оригинальныхъ гуляньяхъ. Оказавшіяся изъ „танцюръ“ съ явными признаками беременности, были выписываемы на время изъ увеселительнаго журнала и, нисколько не стѣсняясь и не скрываясь отъ родителей и совѣсти людской (всякому было извѣстно, чья вина), свободно разрѣшались „прибылью“, которая, спустя 2—3 недѣли, по желанію родильницы, передавалась для выкармливанія лицамъ особо завѣдующимъ по этой профессіи; впрочемъ—желаніе испрашивалось лишь къ малюткамъ женскаго пола, съ дѣтьми же мужескаго пола всегда поступали и противъ всякаго материнскаго желанія. Завѣдывающей выкармливаніемъ дѣтей мужескаго пола была въ послѣднее время жена княжескаго камердинера А. Заики. Относительно участи этихъ сыновъ вольницы и довольства извѣстно, что рѣдко какой изъ нихъ выращивался; большинство ихъ уходило, какъ выражается народъ „въ землянскую станицу“. Въ двухверстномъ разстояніи къ селу Шапорскому есть яръ именуемый и по сей день „Диточынъ“—это, говорятъ, и есть то мѣсто, которое именуется „Землянской станицей“,—тамъ хоронились незаконнорожденные дѣти дѣвушекъ и вдовъ. Князь очень любилъ маленькихъ дѣтей, которые могли уже говорить и бѣгать; часто любовался ими, а нѣкоторыхъ, которые особенно почему то полюбились ему, бралъ съ собою и отдавалъ на воспитаніе въ Петербургъ въ какое то „Екатерининское училище“

(такая участь постигала дѣтей мужескаго пола). Въ число такихъ счастливцевъ попалъ и мой родной дѣдушка, взятый семи лѣтъ собственными руками князя отъ матери его, находившейся въ замужествѣ за запорожцемъ Иваномъ Кравченкомъ непомнящимъ родства; онъ былъ главнымъ агитаторомъ князя по населенію его дачи на р. Бѣлой. Говорятъ про него, что онъ въ теченіе одного года принялъ пять законныхъ браковъ съ дѣвушками разныхъ помѣщиковъ и оставлялъ ихъ въ силу творившихся тогда побѣговъ. Тѣ изъ дѣтей мужескаго пола, которыя не обращали на себя княжескаго вниманія, были отдаваемы въ сыновья бездѣтнымъ или подбрасывались („пидкидиши"). По достиженіи ими 18—20 лѣтъ, ихъ женили и давали имъ какую нибудь фамилію по назначенію отъ князя, управляющаго или народа. Потомки одного такого субъекта (отъ „танцюры") существуютъ и понынѣ съ даннымъ прозвищемъ отъ народа „Княженко", такъ и теперь пишутся они въ х. Лубянкѣ „Княженками".—Гулянья были устраиваемы княземъ еще и другого рода въ его зарѣчномъ саду, среди котораго былъ усыпанъ большой курганъ съ поднимающимися кверху террасами, усѣянными всевозможныхъ сортовъ цвѣтами и устроенной площадкой; на той площадкѣ устраивалась палатка съ застекленными отверстіями. Это и было то мѣсто, гдѣ пировалъ князь съ своими пріѣзжими гостями. Кругомъ этой могилы былъ проведенъ искусственный каналъ, выходившій однимъ концомъ въ рѣку, а другимъ въ сажалку (прудъ, ставокъ). Челядь также участвовала здѣсь своими танцами, пѣніемъ и переряжаніемъ, выбрасывала подъ музыку, для потѣхи гостей, разные артистическіе артикулы, указанные въ доставшихся имъ билетикахъ. Здѣсь выбрасывались билетики „барынямы"—„панямы" изъ окна палатки вмѣстѣ съ пряниками и конфектами. Въ саду, говоритъ народъ по преданію, было при князѣ, какъ въ раю: всевозможныя породы деревьевъ посажены были по группамъ, аллеями, отдѣлявшими одинъ паркъ отъ другого, роскошными бесѣдками съ цвѣтниками и съ небольшой посрединѣ ихъ возвышенностью земляной насыпи, гдѣ княжеская музыка неусыпно усердствовала по цѣлымъ ночамъ; садъ-же въ пяти-верстномъ своемъ объемѣ подъ вечеръ былъ иллюминованъ плошка-

ми, („каганцями") гдѣ горѣлъ лий (баранье сало) и деготь,— кострами и зажженными смоляными бочками. На всемъ протяженіи сада, весь правый берегъ рѣки и паромъ щедро разукрашивались огнями и пестрыми флагами. За отсутствіемъ князя были тоже устраиваемы гулянья его безконтрольнымъ управляющимъ нѣмцемъ, который, какъ говорятъ, вводилъ все на „нимецькый штыль", но только не съ такымъ уже торжествомъ и блескомъ.—Тогдашняго времени помѣщики—„панство" и „попы" страшно возненавидѣли князя Александра Борисовича за ту прославленную имъ „волю", которая дала ему возможность пріобрѣсти и закрѣпостить безплатно сотни семей, въ силу различныхъ причинъ уходившихъ украдкой отъ своихъ прежнихъ пановъ, и еще болѣе озлоблены были на него за то, что онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и слылъ любимцемъ государя Павла Петровича, который, говорятъ, не рѣшался самъ исполнить ни одного дѣла безъ совѣта кн. Куракина. Предвидя враждующую сторону, князь всегда охранялъ себя во время поѣздки сотней драгунъ, которые находились при немъ и во все время пребыванія его на дачѣ.—У потомковъ княжескихъ камердинеровъ сохранилось въ памяти такое происшествіе. Однажды кн. А. Б. Куракинъ вмѣстѣ съ государемъ Павломъ Петровичемъ обсуждали вопросъ о положеніи крестьянъ, находящихся въ зависимости отъ помѣщиковъ и о принятіи мѣръ къ заселенію южной части Россіи къ берегамъ Чернаго моря; нѣсколько разъ обсуждали они вдвоемъ этотъ важный вопросъ, но въ этотъ разъ, вѣроятно онъ былъ оконченъ, ибо совѣтъ продолжался до двѣнадцати часовъ ночи, послѣ котораго у обоихъ явилась мысль сняться. Желаніе это было исполнено; былъ приглашенъ какой то художникъ и снялъ ихъ въ такомъ положеніи, какъ они обсуждали вопросъ, послѣ этого князь пріѣхалъ изъ дворца ровно въ 1 часъ, и только что успѣли раздѣть и уложить его на постель, какъ вдругъ раздался звонокъ, а затѣмъ вслѣдъ — отчаянный стукъ въ дверь съ отрывистой рѣчью: „изъ дворца, отвори! Скорѣй—къ князю надо"! и тутъ же поручили извѣстить князю, чтобы онъ скорѣе поспѣшилъ во дворецъ: царь умираетъ! Обо всемъ этомъ было доложено князю, который съ яростью вскричалъ: „Какъ умираетъ? Что

это? я сейчасъ отъ него и онъ былъ здоровъ,—нѣтъ“... Одѣваясь на скоро, князь въ досадѣ ломалъ себѣ руки и, кусая ногти, бѣгалъ по спальнѣ: „Ахъ, Боже—мой! Ахъ, злодѣи!.. Убитъ.. Убитъ“!.. Явился въ дворецъ князь вмѣстѣ съ своими камердинерами и засталъ царя, лежавшимъ въ постели, закрытымъ подушками. Смерть царя князь отнесъ не къ естественной, а къ насильственной, чѣмъ сразу вызвалъ весьма многія возраженія. Доказывали, что царь давно страдалъ головной болью; другіе говорили, что онъ любилъ драться на шпагѣ, и какъ не былъ ловокъ въ этомъ искусствѣ, случайностью былъ пораженъ. До самого свѣта продолжался объ этомъ довольно бурный споръ, вотъ—вотъ доходившій было до боевой схватки; но князю все таки удалось доказать, что царь сначала былъ удушенъ въ постели, а послѣ уже нанесена была ему кинжаломъ рана.

Въ первые годы царствованія Александра 1-го, кн. Куракинъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ предался разгульной жизни: окружилъ себя интимными связями сразу съ нѣсколькими особами, между которыми была дочь одного какого-то довольно знатнаго французскаго вельможи. Послѣдняя имѣла большее другихъ право на князя, но, не смотря на заискиванія съ ея стороны и наконецъ предложеніе жениться на ней, въ виду двухъ дѣтей, князь всячески уклонялся отъ этого, щедро оддаривая ее подарками и золотыми. Не долго продолжалась такая любовь,—князь, противъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ въ этой женщинѣ весьма устойчиваго противника. Однажды князь былъ приглашенъ на балъ, гдѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, пришлось проводить ему время въ карточной игрѣ на деньги; никогда не случалось князю такъ проигрываться, какъ теперь,—вмѣсто денегъ кн. обратился къ письменнымъ обязательствамъ, а послѣ,—видя совершенную свою неудачу, оставилъ игру, хотя и вызвалъ тѣмъ нѣкоторыхъ на пререканіе. Послѣ такого неожиданнаго проигрыша, француженка не промедлила воспользоваться случаемъ—заявить ему въ лицѣ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ сановныхъ особъ, что она, въ силу своего знатнаго происхожденія, не позволитъ больше торговать собой и тутъ же потребовала отъ него дать подписку въ томъ, чтобы

онъ, прежде чѣмъ женился на ней, обезпечилъ ее и двухъ дѣтей половиннымъ своимъ состояніемъ въ суммѣ одного милліона и ста тысячъ. Чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи и видя, что все это окружающее его собраніе было приготовлено для него съ заранѣ обдуманной цѣлью, князь рѣшилъ—что можетъ быть наказанъ за противорѣчіе не такъ закономъ, какъ кулачной расправой и согласился на все то, что отъ него требовали. Лишнихъ денегъ у себя князь не имѣлъ, такъ какъ крестьянскихъ оброковъ едва хватало ему на кутежи и карточную игру. Понадобившійся капиталъ въ суммѣ 1.100,000 р. заимообразно былъ взятъ княземъ въ Петербургскомъ государственномъ золотомъ банкѣ; пришлось вспомнить про дарованную Петромъ I-мъ дачу и заложить ее въ банкъ. Князь не забывалъ крестьянъ своей украинской дачи и, чтобы оставить о себѣ добрую память, предложилъ чрезъ управляющаго: „если народъ согласенъ будетъ внести состоящій за нимъ долгъ въ государственномъ банкѣ къ извѣстному сроку (чрезъ Воронежскую палату), то тогда лишь только могутъ получить отъ него вѣчную свободу и землю съ званіемъ вольныхъ или свободныхъ хлѣбопашцевъ". Бывшіе тогда съ княземъ, въ Парижѣ, его камердинеры начали замѣчать усиливающееся критическое положеніе князя и предались грустной думѣ, находя что незавидная ихъ рабская жизнь не можетъ улучшиться, между тѣмъ какъ для хлѣбопашцевъ—ихъ однокашниковъ, отцовъ и братьевъ уже былъ назначенъ выкудъ. На вольный отпускъ они ужъ не надѣялись и, подстрекаемые проститутками, задумали устроить бунтъ. Они самовольно оставили князя и отправились съ дѣвками гулять по Парижу, предаваясь пьянству и другимъ вольностямъ. Возмущеніе камердинеровъ такъ подѣйствовало на князя, что онъ три дня проболѣлъ и ничего не рѣшался принимать себѣ въ пищу. Нѣкоторые камердинеры съ челобитною возвратились къ князю, остальнымъ—невозвратившимся, князь обѣщалъ прощеніе и всякія милости, желая тѣмъ вызвать къ себѣ преданность и возстановить прежнія отношенія. „Нѣтъ, батюшка, изъ лѣса въ лѣсъ не ходятъ по дрова"—отвѣчали прежніе крѣпаки и готовы были поднести князю переполненную чару съ ядомъ за его „милости" къ своему мнимо-свободному разно-

шерстому наброду.—Князю пришлось одновременно испытывать на себѣ ревность и месть.—Однажды, разсказываютъ потомки одного изъ камердинеровъ, князь былъ въ театрѣ, который условлено было поджечь; пользуясь суетой, предполагали подвергнуть всесожженію и князя. Замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе, князь, сильно обожженный, вынужденъ былъ возвратиться на родину.

Нѣкоторые говорятъ, что театромъ называли камердинеры мѣсто особаго рода княжескаго гулянья въ обществѣ двухъ, трехъ дамъ или нѣсколькихъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ, въ полуадамовскіе костюмы, гдѣ пили, ѣли и веселись до упада. Во время происшествія, никакого театральнаго представленія собственно не было, и случилось все это въ частномъ домѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: поступки князя такъ возмутительны были по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ нажилъ себѣ очень много враговъ и одна партія недоброжелателей прежде всего задумала возмутить противъ князя его камердинеровъ, что и удалось достичь имъ безъ особаго труда; за исключеніемъ немногихъ, камердинеры оставили князя, угрожая ему всевозможной местью. Спустя двѣ-три недѣли послѣ заговора-бунта камердинеровъ, къ князю пріѣхали двѣ дамы изъ вельможныхъ, съ которыми онъ очень часто уѣзжалъ, возвращаясь на разсвѣтѣ, и убѣдительно просили его поѣхать съ ними вмѣстѣ въ приготовленный ими театръ. Сначала князь почему-то отказался, но потомъ далъ слово пріѣхать одинъ черезъ 2—3 часа, если будутъ за нимъ присланы лошади. Въ назначенное время лошади были доставлены, и князь уѣхалъ въ закрытомъ экипажѣ, а къ разсвѣту привезли его полумертвымъ, говоря, что русскій посланникъ гдѣ-то на пожарѣ обжогся изъ желанія кого-то спасти. На самомъ дѣлѣ—впослѣдствіи выяснилось, что роль форейтора, лакея и кучера исполняли замаскированные его бывшіе камердинеры, которые, схвативъ жертву, мчались съ нею на край города, гдѣ приготовленъ былъ для него „театръ мести". У крыльца двѣ дамы взяли его подъ руки и скрылись. Спустя нѣсколько времени, когда уже князь лежалъ, отдыхая въ опьяненіи, домъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ; двери и окна были забиты. Замыселъ злодѣевъ удался бы, если бы

во время не подоспѣла пожарная команда. Князь отбилъ окно и выпрыгнулъ, получивъ значительные ушибы и ожоги, требовавшіе немедленнаго его возвращенія на родину. По возвращеніи на родину князю не долго пришлось лѣчиться, пользуясь въ Петербургѣ и на теплыхъ водахъ; онъ скоро почувствовалъ приближеніе смерти и заблаговременно написалъ о томъ, какъ должны распорядиться послѣ его смерти имѣніемъ, находящимся въ с. Надеждинѣ Сердобскаго у. Это духовное завѣщаніе князя было напечатано отдѣльной книжкой съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ писемъ, свидѣтельствующихъ о заботѣ князя о ближнихъ. Гораздо позже, уже послѣ смерти князя, Бѣло-Куракинская община получила отъ управляющаго за подписью нѣсколькихъ лицъ владѣтельный актъ и планъ земельныхъ угодій на р. Бѣлой и Козинкѣ. Князь оставилъ крестьянамъ въ подарокъ зарѣчный садъ и домъ съ флигелемъ и подваломъ; кромѣ этого 10 вѣтряныхъ мельницъ и двѣ водяныхъ: одну на р. Бѣлой, а другую на р. Козинкѣ, питейный каменный домъ и три небольшіе домика.

Кое-что изъ прошлаго будетъ сообщено еще въ разсказахъ о разбойникахъ, а теперь сообщу—почему такъ или иначе названы нѣкоторыя поселенія, образовавшіяся на земляхъ князя Куракина.

Заводянна, Павловской волости, получила названіе, говоритъ народъ, отъ того, что тамъ были княжескіе заводы—конный и водочный. Лошадей объѣзжали князю калмыки. Пугачивна, тоже Павл. волости, получила свое названіе отъ поселившихся тамъ выходцевъ по фамиліи „Пугачи“. Пугачане отличались разбойничествомъ и воровствомъ. Танюшевка получила свое названіе отъ того, что тамъ первой была поселена княземъ его танцюра „Танька“. Лизинъ имѣетъ названіе отъ выселившейся туда танцюры „Лизки“. Говорятъ также, что тамъ первыми были поселены Черниговскіе казаки „Лизенки“. Лубянка получила свое названіе по слѣдующему обстоятельству: стояла тамъ княжеская вѣтряная мельница, покрытая сверху и обитая по бокамъ лубьями. Отправляясь молоть спрашивали: „Куда везти, до лубяной или водяной“?—„До лубянки!“

Гл. 2-я.

Населеніе и говоръ.—Пословицы.—Загадки и скороговорки.

Число жителей въ слободѣ состоитъ, по справкѣ въ волостномъ правленіи, изъ 3,186—м. п. и 3,210—ж. п. Наружный видъ жители имѣютъ слѣдующій: ростъ высокій, изрѣдка переходящій въ средній; волосы темные и русые; глаза сѣрые, свѣтло-карые и очень рѣдко карые; носъ длинный прямой съ небольшимъ процентомъ горбоносыхъ; лицо въ перемежку круглое съ продолговатымъ; въ корпусѣ плотны, костисты, статны и въ общемъ—собой не дурны. Отчасти обнаруживаются въ средѣ ихъ слѣды вліянія инородческой примѣси,—такъ, напр., здѣсь можно отыскать типъ татарина; съ выдавшимися скулами и кривыми ногами калмыка, башкирца и другой помѣси. Женщины съ черными бровями, имѣютъ большое во всемъ сходство съ мужчинами. Какъ мужчины, также и въ особенности женщины обладаютъ пріятнымъ звонкимъ голосомъ; любители пѣнія, музыки и всякаго рода веселія. Въ области физическаго труда и мысли отличаются изрядной лѣнью и косностію; жизнь свою проводятъ безпечно и больше въ домосѣдствѣ, питая себя надеждами на будущее: „Нэхай, мòвъ, що Богъ дàсть, тò й бýдэ“: „Що булò, бàчылы, що бýдэ, побàчымо“. „Більшъ копы лыха не бýдэ“.—Говорятъ всѣ твердымъ малороссійскимъ языкомъ; но замѣтны и слѣды вліянія литературнаго языка у лицъ, говоръ которыхъ представляетъ, по мѣстному выраженію, ни то, ни сё—„пéревертней“. Къ особенностямъ такого мѣстнаго говора можно отнести то, что онъ ведется ими отрывисто, съ растяжкой—„пòвагомъ“, мѣняясь часто въ словообразованіи, употребляя вмѣсто: е—ы; а—о и наоборотъ: о—а, напр.,—„гарàчый“, „гарячэ̀“ и „горячэ̀“, „хазяйеінъ“ и „хозяйеінъ“; вмѣсто о—у: „въ субóрі“, „въ сумырі“ и „въ сомырі“, „тупóля“ и „топóля“ и проч. Прилагаемые при семъ мѣстныя слова, реченія, поговорки и загадки весьма могутъ дать матеріалъ и основаніе для характеристики языка мѣстныхъ жителей съ его словообразованіемъ и произношеніемъ словъ.

Пословицы. Въ торгý два дýрня: одинъ продаé, другій купýе. Якъ не живѐшъ, а дýрнемъ помрѐшъ. Мéртви усй хорóши,—

гáрни. Стúлько (скúлко) не живѝ, а умерáть трéба. Не почу̀хавши й прыщъ не нарядыцьця. До биды̀ ще трѝ дни. Пийшло̀сь сиромáси (бидáзи, бидолáзи) крýто ỳзломъ до ỳзла. Сѝмъ бѝдъ, одынъ одвѝтъ. Не нагрúвши мисьця, не всúдышъ. Не на те козáкъ пьѐ, що въ кишéни йе, а на те, що бýде. Шúла (у) въ мишкý не втайнѝшъ. Хто бѝльшъ мовчѝтъ, той двохъ навчѝтъ. Мѐньшъ балáкай, та бúльше хлúба йижъ. Горà зъ горóю не схóдыцьця, а чоловúкъ зъ чоловúкомъ повсигдà. Чѝй вѝнъ, а нашъ сёрицьця. Пóки сóнце зúйде, то росà й óчи вúйисть. Грóши не свѝй брàтъ. У когò грóши той и хорóший. Свáтана дúвка скрѝзь гáрна. Чужѝ рýки безъ пригля̀дку (дóглядку) мýки. За хорò̀шимъ чоловúкомъ и свы̀нка господы̀нка, а за лыхѝмъ и лéбидь кàзна-що. Свúй своéму по невóли брàтъ. Свúй своéму óка не вы̀коле. Свúй своéму черѐзъ ты̀нъ не плюне. Рукà рýку мы̀е, щòбъ бúла булà. Де нáше не пропадáло. Винъ такѝй стáвъ, шò й чéрезъ гýбу не плюне. Якъ мáешъ шо втайнти, мовчѝ жѝньци. Шо жúньци сказáвъ, почитàй, шо й всёмý селý. Хто жúнкý слýха, та прáвду йий кáже, той недóбрый человѝкъ. Сердѝта жúнка страшнúша чòрта. Якъ мáешъ кутòкъ, живѝ потыхéньку, та йижъ мóвчки кусòкъ. Де пàнъ, тамъ и пидпáнки. Не тàкъ паны̀, якъ паненàта. Не то вòръ, шо крàде, я то, шо приймáе. Моя̀ хáта зъ крáю, ничóго ни знáю. Нá тобѝ, небóже, шо минѝ негòже. Однà головà не биднà. Ожинывсь тай зажурывсь. Хто не жинывся, той й не журúвся. Хто зъ мóлоду не дурѝвъ, той на стáристь дóйде. Ожинывсь, якъ знòвъ на свѝтъ народывсь. При злы̀дьняхъ та щѐй зъ пéрцемъ. Хто новúнки не видáвъ, той и вéтоши радъ. Вилы̀ка хвигýра, та дýра. На злóдию шáпка горы̀ть. На прóшеного гóстя багáто кóшту. Горы̀ть, якъ мéртвый дúвицьця. Паны̀ бьюцьця, а въ мужыкѝвъ (пидчинéнныхъ) чубы̀ булàть. Чужúми рукáми тúко жáръ загрыбáты. Крутысь, ни крутысь, якъ бéзъ чòго нылъзя̀, такъ нылъзя̀ обийтысь. Хочъ тàкъ,—крýть, хòчъ тàкъ,—вѐрть. Хòчъ крýть—вѐрть, хòчъ вѐрть—крýть. Це всѐ равнò, шо въ лòбъ, що пó лобу. Два бьéцьця, трéтий не мишàй. Крýте—й—вéрте, а трéба вмéрты. Яръ не долы̀на, чужà—не своя̀ диты̀на. У гуртѝ й кàша лýчче йисьцьця. Въ гуртѝ широкий, а на самотѝ нищó. У двòхъ й бáтька гáрно бы̀-

ты. На ли́чиний шкапи́ни (коныни, лошады́ни) ни ди́вго йи́здитимешъ. Чужи́й ки́нь не о̀хне, поганя̀й, не здо́хне. Чужѐ ли́хо за са́харъ. Га̀рно (мня́ко) й стѐле, та му̀льно спа̀ть. Коро̀ва чи бу̀де тели̇̀цьця, а винъ стойи̇̀ть ужѐ зъ до̀вбнэю. Тиля̀ чи бу̀де, а винъ зъ до̀вбнэю. По́ки Хома̀ зберѐцьця, буя̀ре й медъ попью̀ть. Якѐ кори́ньня, такѐ й наси́ньня. Вы́дно Кули́ну, шо пыроги̇̀ пекла̀, й воро́та въ ки́сьти. Умна жона̀, якъ бо́чка пшона̀, а дви са́ла, то й дура̀къ такъ ка́ши нава́ре, а якъ же пшоно̀ въ узли̇̀, то й умъ ззади̇̀. Симъ го̀дъ ма́къ не роды̀въ, та й го̀лоду не робы̀въ. Ни було̀бъ сни̇̀жу, ни було̀бъ й сли́ду. Бра̀тъ тви̇̀й, а ра́зумъ сви̇̀й. Не було́ на молоци̇̀, не бу́де й на сиро́вацьци. Ви̇̀нъ зо мно̀ю, якъ ры́ба зъ водо́ю: ры́ба на дно̀, а ви́нъ въ добро̀. Гусь свыни̇̀ не това́рищъ. Якъ не коваль, то й клищѐй не пога̀нь. Мота́ецьця, якъ ше́йма на бичо́вци. Хома̀ купи̇̀въ, Хома̀ й пьѐ. За́ що купи̇̀въ, за те́ й продаю̀. Ора̀въ чо̀ртъ во́вкомъ, та йи́въ хли̇̀бъ. Не одна̀ соба̀ка блыньци̇̀ пекла̀. Яръ не кру́ча, дило̀въ не ку́ча. Пу̀зо не дзе́ркало, чи́мъ ни напхны̀, ни ви́дно: хочъ кло́ча, та во́вна, а бы кы́шка по́вна. Оры̀, мелы̀ й йи́жъ. Ши́ты й били́ты, й за̀втра вели̇̀кдень. Не святи̇̀ горшки̇̀ ли́плять. Шо вби̇̀въ, то й въи́хавъ. Дыря́вого мишка̀ не напо̀внишъ. Диви̇̀сь въ о́ба, шобъ не ви́лизлы зъ ло̀ба. Не тоди̇̀ соба̀къ году̀ють, якъ на охо́ту йду̀ть. По̀ки сва́льба ско́йицьця, а воно̀ й заго́ицьця. На́йде (зна́йде) сва́льба соро́чку. Що̀тъ дру̀жбы не тиря́е. Для̀ (бля̀) ми́лого дружка̀ й сере́жка зъ ушка̀. Прийшло̀сь чирвяку̀ разъ на вику̀, та й то не та̀къ, якъ тре́ба. Чого наду́вся, якъ мы́ша на крупу̀. Скрывы́вся, якъ середа̀ на пья́тныцю. Пови́сывъ мо́рду, якъ свыня̀ ры́ло. Неха̀й (ха̀й) кобы́ла ду́ма: у не́и здоро́ва голова̀. На́вчить ли́хо коржи̇̀ зъ са́ломъ йи́сты. Тоди̇̀ ска́жешъ: го̀пъ (го̀цъ), якъ вы́скочишъ. Воны̀ обо́йи ряб́ойи. Хочъ ру́чка въ гнойку̀, та̀къ ду́шка въ лойку̀. Ме́ртваго зъ гро́бу не верта́ють. Скачи̇̀, вра́же, якъ па̀нъ ка́же: на те ви̇̀нъ бага́тый. Найшо̀въ (знайшовъ) де риминьця̀ рожжи́цьця, де соба̀ки й лы́ка пойи́ли (ли́ко ззи́ли). Пли̇̀тьтю не перешибѐшъ обу́ха. На дога̀дъ бурякивъ, шобъ дали̇̀ капу́сты. Ду́мають ти̇̀льки (ти́ки) одни̇̀ индыки, та лю̀ды ди́ки. И га́рни̇ й книши̇̀ та мини̇̀ не по души̇̀. Молодѐць промі̇̀жъ овѐць, а на молодця̀—й са̀мъ вивця̀. Засмия́лась ве́рша зъ боло́та, ажъ ди́вицьця: й сама̀ въ боло́ти. Мовчи̇̀, глуха̀, ме́ньче гриха̀.

Хлѝбъ—сѝль вмѝсьти, а табачо̀къ вро̀зь. Бо́гу молы́сь, тай чо́рта не гнивы̀. Не то̀ че́рви, шо мы йимо̀, а то, шо насъ бу́дуть йи́сты. Ху́до безъ добра̀ не живѐ. Мовчѝ—та дѝшъ, то й бу́де кны̀шъ. Моѝмъ са̀ломъ, та по́ моѝхъ же й губа̀хъ. Договоры̀вся, якъ домолоты̀вся. Догово́рецъ—бра́тецъ. Шо коту̀, то й попу̀. Беру̀ть римишка́мы, а оддаю̀ть лы̀чкомъ. Не пидпалы̀ й не бу́де й гори́ты. И ка́мень на огнѝ три́скаецьця. Запы̀въ все равно̀, якъ воро́та забы̀въ. Во́зьмешъ ли́чкомъ, а оддаѐшъ реминцѐмъ. Ни ко́жи, ни ро́жи—якъ пи́пъ въ рого́жи. Промѝжъ ди́ломъ, не бѐзъ бездѝльля. Ду́ма то́лкомъ, а вы́е во̀вкомъ. Выля̀, якъ лисѝчий хвѝстъ. Выля̀й, не выля̀й, а по́дати дай. Було̀ ди́ло,—помина̀й, якъ зва́ли. Сѝмъ бѝдъ одѝнъ одвѝтъ. Була̀ не була̀,—повида́лася. Чия̀ бъ каза́ла, а твоя̀ бъ й мовча́ла. Мелѝ та не проме́люйся. Ло́ве во̀вкъ, та й вовка̀ якъ пийма́ють... Ни на що̀ й щу́ка въ мо́ри, щобъ кара̀сь не дрима̀въ. Хто на мо́ри не бува̀въ, той и го́ря не выда̀въ. Хто на мо́ри не бува̀въ, той не вмѝе й Бо́гу молы́цьця—(ба́тька й ма́тирь не зга̀давъ). Скрѝзь зо́лото слёзы льлю̀цьця. Скѝлько (стѝки) вовка̀ не году̀й, а вѝнъ все въ лѝсъ ды̀выцьця (зазира̀е). Робы̀ добро̀, добро̀ й бу́де. Не зива̀й: на те я́рмарка. Одина́дьцята за́повидь:—не зива́й. Чужа̀ ха̀та—ху̀же ка̀та. Бирѐ на glу̀зы, мовъ, въ ти рѐту̀зы; якъ во́зьме й въ шо̀ры,—кинѐць во́ли. Примостѝвся, якъ соро́ка на терны́ни. Хто вкра́въ, тому́ Богъ да́въ (того́ Бо́гъ унѝсъ). Во́рови одна̀ доро́га, а тобѝ чоты́ри. Ни дале́ко й я̀блучко откоты̀лося одъ я́блуньки. Якѝ са́ми, такѝ й са̀ни. По Хомѝ й ша́пка. Вѝдно й по кулю̀, що че́твертъ. Гро̀ши ди́ло наживнѐ. Не триво̀жъ (не ру̀шъ) соба́къ, то й не бу́дуть га́вкаты. Не вору̀шъ г...а, воно̀ й не вуня̀тыме. Попадѐ пра́вду, тай брѐше. На головѝ блисты̀ть, а въ головѝ свисты̀ть. Пома́зали, якъ ме́домъ по губа̀хъ. Въ однѝмъ карма́ни во̀шъ на арка́ни, въ дру́гимъ,—блоха̀ на цепѝ. Бува̀ло—зрыва̀ло, тепѐръ переста̀ло. Якъ Бо́гъ да́сьть, та́къ и въ викно̀ пода̀сьть. Не ти́ко свѝту, що въ викни: за викно́мъ ще бѝльше. Що Богъ не ди́ла, то все къ лу́ччому. Всѧ̀къ Яремѝй про сѐбе розумѝй. Жа́дна вывця̀ за свою̀ но́гу вѝсе. Жа́дный кулы̀къ свое́ боло́то хва́ле. Кулѝкъ кулика̀ ба́че здалека̀. Скрѝзь га́рно, де насъ нема̀. Мелы̀ Мы̀ля: твоя̀ недѝля. Въ симьѝ не бѐзъ вѝродку. Мѝра—вѝра, мишо̀къ—дура́къ. Одна̀ сме́рть усѝхъ ривня̀. Бу́въ кѝнь та зъѝз-

дывсь. Баба багата, якъ сорочокъ багала. Наша горныця зъ Богомъ не спорныця. Якъ прийыде май, то хлиба дбай, бо прийде юнь,—хочъ плюнь. Прывыкла собака за возомъ бигаты, та й за саньми не втерпе. Якъ ручка зробе, такъ тильце й знось. Терпи душа: въ раю будешъ. Изъ хама не буде пана. У кружку не бизъ душку. Дай, Боже, нашому теляти вовка въ зубы пийматы. Тонко прясты, довго ждати. Воду вари, вода й буде,—а вкинь пшона, каша буде. Були бъ свини, а корыто буде. Були бъ побрязкати, а послухати будуть. На заговыны й у горобця пыво. Було бъ сино, козы будуть. Не давъ Богъ жаби хвоста, шобъ травы не толочила. За дурною головою, тай ногамъ нема спокою. Поки хвалько нахвалыцьця, такъ нашъ бутько набутыцьця. Де бъ ворони не литаты, йий одно клюваты. Чужа воша не зализе, и своя не заплодыцьця. Катрени голубци выведуть у кущи. Чужий двиръ не свий,—обрушивъ тай въ другий. Языченько во мени, лыхо робе мини. Полюбила Харя Марю, шо й на улицю стыдно. Гудили попа, а пипъ, якъ ягода. Видно попа й у жупани. Пило бъ и ледаще, якъ бы було за що. Хто не бувъ малимъ, той не бувъ и дурнимъ. И чортъ въ болоти пласе, що моды не настаче. Не родысь вродливый, а родысь щасливый. У кого одна, та доли нема, а въ кого симъ, тай щасьтя всимъ. Здоровый дубъ, та дупнастый. Смишки зъ чужои кишки, а якъ своя здохне, то й заплачешъ. Де що загубышъ, тамъ опьять и шукай. Одъ чого захворавъ, тимъ и личись. Якъ въ двадьцять литъ умана нитъ, то й викъ его не буде. Не годуй мене тимъ, чого я не йимъ. И сучка свойихъ дитей не кусае. За царыци йили полянынцы, а за царя не достанецьця й сухаря. Лиха искра поле запале и сама згине. Цей викъ якъ макывъ цвитъ; та не такъ цему вику, якъ цвиту. Не вирь чужимъ ричамъ, а вирь свойимъ очамъ. Якъ сирота плаче, то й нихто и не баче, а якъ поскаче, то й всякъ побаче. Були ныви, стады яры, та облоги; булы колысь, друзи приятели, теперъ стады враги, та ворогы. На ласый кусокъ найдецьця кутокъ. Не бойицьця вовкъ козы, та зги ии. Своя воля пуще неволи. Богатому й въ пекли почесть воздають. Дорога и денежка во времня скудносты. Очкурня голопупенку ридня. Не буде Галя, буде другая. Зкуштувала баба путри, що ажъ сама напутрилась. Хватывъ горячого до слизъ. Хочъ плюнь, та й свысни. Оже-

ны́цьця не напа́сьть, такъ якъ бы, оженёмше, не пропа́сть. Кому̀сь сняцьця кисли́ци, та не зна перѐдъ чи̇̀мъ. Пе́рвого купця не цура̀йсь. Не попуска́й зъ мо́лоду ви́жокъ жи́ньци, то й небу́де на ста́рисьть брика́цьця. Матузкомъ (мату́зкою) хлибъ ри́же, а па́нство наблюда́е (а по паньско́му чха́е). Кругòмъ го́ре, хочъ у буты́лку лѝзь. Хочъ во́вкъ, траву́ йижъ. Те́мно, якъ у цы́гана пидъ мы́шкою. Переступы́ бьють и недоступы́ бьють. За вку̀съ не беру̀сь, а горячѐ (гараздъ) состря́паю. Соба́ка бре́ше тай бре́ше, а барынъ все йиде собѝ та́й йи́де. Винъ бы пойи́хавъ, такъ тпру́ка ме́ку ззъ́ила. Не йи̇̀жъ менѐ, си́рий вовче. Хочъ ра̀къ-ры́ба, то дура̀къ-канды́ба, хочъ ры́ба-ра̀къ, то канды́ба дура̀къ. Пишло̀ ди́ло, якъ ви́зъ пидъ вагóю. Эй, це на́шъ бра́тъ Са́вка. Оды́нъ тому̀ часъ, шо ма́ты въ пла́хти. Гори́лку пы́й, та бережѝ, ума̀ не пропы́й. Пы́ть-пы́й, а ди́льце по́мны. Не ра́ды пы́ва, а ра́ды ды́ва. Зробы́въ дя́дя, на се́бе гля́дя. Завьязàвъ сви́тъ собѝ и́ лю̀дямъ. Усѝмъ ни зпомо́жемъ, а себѐ розо́рышъ. Колы̀ заложѝвъ ши́ю въ ярмò, такъ везы̀ на ривнѝ зъ бороз́еньнимъ. Менчу́е, якъ цы́ганъ ки́ньмы. Богъ велы̀ть пополáмъ дилы̀ть. Сёго́дня Миту́та—ни до́ма, ни ту́та. Побрѐзкъ на выду́, якъ каба́цький уто́пленыкъ. Валы̀ на си́рого, си́рый повезѐ. Валы̀ на ви́нного ко́штъ. У гори́льци сма́ку (цма́ку), якъ у ма́кивци маку. Ну, що ма́будь, схваты̀въ пече́ного гарбузà?— Дай же, Боже, щобъ во здра́вии йилòсь, пылòсь, та до́бре на сви́ти жилòсь, та по двóри хоз́яйство велòсь. Здра́стуйте й вы, колы̀ кра́щихъ нема́. Ни тѐ, ни сѐ и ни кà-знà щò. Пыша́ецьця, якъ попи́вна на кресты́нахъ. Живѐтъ,—ни сла́вы, ни па́мьяты. Ле́гче все́го осуды́ты чолови́ка. Хва́лять ти́ло одны̀хъ мертвыхъ. По нуждѝ и въ водѝ якъ по сухóму. Нужда̀ му́че, нужда̀ и у́че. Нужда̀ й закòнъ зминя́е. На свѝй аршѝнъ не ми́ряй. Хто не ста́не па́номъ, той не бу́де да́ромъ. На звича̀й не потура̀й, а мирщѝй въ кише́ню дбай. Пройшлы̀ ти времина̀, шо Богъ мижъ лю̀дьмы̀. Була̀ пра́вда, та вме́рла. Начны̀ пра́вду коха́ты, скуся́ть трекля́ти. Бе́зъ ума́ зробы̀, бе́зъ ума̀ й бу́де. На всѐ тре́ба суми́ру, та ума въ ми́ру. Ни тико го́ре жу́ре людѐй, а би́льше и́ лю̀де самѝ себѐ жу́рять. Вре́мня такѐ, якъ и було́, та лю̀де соба́ки. Тепе́ръ такѝ лю̀де наста́ли, що зъ ны́ми не проживѐшъ;—та ни, воно̀ той мо́жно, та вже не та́къ, якъ тре́ба.

Ничи́мъ свынѝ вго́ру не дывыцьця: у не́йи ры́ло зама́зане. Землѝ терпыть, по́ки спы́ть, якъ проснецьця, кому́сь учхне́цьця. Сего́дня всякъ бля се́бе, а бля те́бе опо́сли. На те вонò и лы́хо, шо нийдѐ ты́хо. Винъ и въ кулàкъ собѝ не ше́пче (ду́е). Винъ собѝ тепѐръ зъ по́душкою не ду́ма. Тепѐръ яйця ста́рше й курѐй. Ва́жче всёго на́ свити Богу молы́цьця, та старо́го ба́тька зъ ма́тирью годува́ты. При лыхи́й годы́ни прийшлòсь и́ батька зъ ма́тирью згада́ты. Ты жи́дови плюй у ви́чи, а винъ ка́же: роса́ Бо́жа. У старину́ пшеныцю продава́ли та плугѝ купува́лы, а тепѐръ плугѝ продаю̀ть та пшеныцю купу́ють. На би́дного Мака́ра все лыхо обру́шилось. Якъ пи́йдешъ широ́кою доро́гою,—а́ду не мынѐшъ, а пи́йдешъ тисно́ю,—ца́рство зна́йдешъ. Перерóбишь, ди́ду, хливѐць тай доста́нешъ дривѐць. Хотила ба́ба вы́рви, та насы́лу й сама вы́рвалась. Пусты́, вы́рвусь. Ви́нъ самъ семерёхъ посла́въ, та й до́си не вертаюцьця. Катю̀зи по заслу́зи. Не пола́дылы за ма́сляни вы́шкварки. Дурака̀ и въ це́ркви бью̀ть. Ту́тъ було̀ верти́лося, та не зна́ю, де ди́лося. Тепѐръ не петри́вка, по дви́чи не ка́жуть. Бы́цьця негоды́цьця, ла́яцьця гри́хъ,—а куса́цьця мо́жно. Эге, вонò, бачь, па́ньського ро́ду, та занеха́яне. Залѝзъ у чайныкъ, тай пье самуваръ. Я за ва́мы, а ты тутъ, забра́лыся, та й сыдѝшъ. Де не ступи́ла, тамъ и согриши́ла. Хиба̀ я́къ, хиба̀ що, хиба̀ гри́хъ, чи що́? Це на ёго ру́ку ови́нька. Товче́цьця, якъ Ма́рко въ пе́кли. У Бо́га все тото́во. Всякому своѐ. Не бу́де,—ба́тько добу́де, не ста́не, ма́ты доста́не. Бо́гъ терпѝвъ, та й намъ велѝвъ. Часы̀ панàмъ, шо жывѝтъ даѐ нàмъ. Ни клады̀ заздале́гидь ёму̀ па́льцивъ у ро́тъ, або поодку́сюе. Ни ба́читы свинѝ не́ба, хочъ ко́й колы̀ й тре́ба. Пи́пъ—золотѝй сни́пъ. Мищанынъ—запасны́й дворянынъ: якъ переведу́цьця вси́ дворя́не, то̀ йихъ ми́сце за́ймуть мища́не. Ему̀ добра̀ жела́йешъ, въ тюрьму́ пха́ешъ (зъ кру́чы пха́ешъ), а винъ ще й спеньча́ецьця (супроты́выцьця). Ты ёго̀ хрысты̀, а ви́нъ—пусты̀. Не вы́сосавъ же я цёго́ зъ па́льця. Доси́явся, доора́всь, по́ки у мища́не попа́всь. Мища́не, цыга́не, та жиды̀, якъ деся́тый гри́хъ на душѝ. До на́шого бе́рега ни що до́бре й не приплывѐ: колѝ ни кизàкъ, тàкъ ще́пка. Зъ е́го вы́йшовъ ни шве́ць, ни мне́ць. Зверчàвъ рябо́йи кобы́лы сонъ. Орё, пидслу́хала,—пидѝть, лы́шень, продзвонѝть. Не вздри́ти ёму̀ наме́не, гляди́ты,

якъ свинѝ на нéбо. Скажѝ ляповци, скрѝзь разля́па. Зъ я́ру, та въ крýчу. Ни втѝкъ, ни догнàвъ. Ни въ ты́нъ, ни въ ворóта. Емý тáкъ дóбре, якъ у Бóга за пáзухою (якъ у Бога за дверьмы́). Булò дѝло, за рѝжого Бóга, на пирѝстихъ людей. Було дѝло за царя́ Панькá, якъ булá земля́ тонкà, шо шѝльцемъ ткнéшъ, тай воды́ достáнешъ. За царя́ горóха булò людѐй трóхи. Вѝнъ дýма, шо цé вже попàвъ Бóга за бóроду. Вы́минявъ котà у мишкý. Молодчѝна, дáть тобѝ двà чѝна—дурàкъ и дурачѝна, щей трéтёго половѝна. Якъ багáтий вмрѐ, тàкъ все селò за ны́мъ идѐ, а якъ бѝдный вмрѐ, тàкъ тѝко пѝпъ та дàкъ идѐ. Свѝй бáтько побьѐ й пожалѝе. Зарикáлась свыня́ кáлу йѝсты до сáмойи смéрты. Бáба зъ нéхотя й порося́ ззѝйла. Попàвъ туды́, де козàмъ рóгы прáвлять. Пропàвъ ни за понюху табакý. Ганя́ють, якъ солóного зáйця. Гóль хитрà, гóль мудрà, гóль на вы́думкахъ зрослà. Казàвъ слипѝй: побáчимо. Слипóму не свѝтять. Вонò такѐ нýжне, якъ слипóму дзéркало. Не Кулы́на й гóлосъ не йийѝ. Мы й сáми зъ вусáми, тѝко нисъ не обрѝсъ. Билолы́ця, якъ мазны́ця; чорнобрóва, якъ сметáна. Молодá, якъ у спáсивку я́глыця (я́года). Не журы́сь, шо вмéрла жѝнка: ще въ стади хóде двѝ. Не вся́кому, якъ Якову. (Не вся́ково-я́ково). Пья́ныци й кáпля дорогà. Немà сáла, самà кѝстка. Не бийсь тиéи собáки, що гáвка, а—що зъ поты́ху хватà. Бýде й квáрты. Булѝ бъ то мы хорóши, тó й бýдуть грóши. Згадáла бáба дѝвиря, що дóбрый бýвъ. Громáда—велѝкий чоловѝкъ. Чоловѝкъ и не собáка, а брéше. Всé бъ ничóго, та киньцѝ зъ киньця́мы не схóдяцьця. Дурàкъ дуракòмъ о вѝки викòмъ. Зъ чѝмъ у колы́ску зъ тѝмъ и въ мугы́лку. Копáецьця, якъ жýкъ въ г...ѝ. Зъ ѐго такѝй судьдя́, якъ зъ г...à пýля. Нагадàвъ козѝ смéрть, а вонà хóде тай шóсь тай шóсь. Спы́ть совà, а кýрей бáче. Гáрный, якъ свиня́ въ дòщъ. Сѝмъ гòдъ не видàлысь, повстричáлысь и говоры́ть нѝчого. Заплáчъ, Матьвѝйку, дàмъ копѝйку. Позеленѝвъ, якъ жáба въ петрѝвку. Оттакѐ лы́хо,—хочъ таньцюй. Казáло лы́хо:—не бýде добрà. Якъ встрѝнишъ сыроты́ну, такъ заховàй пѝдъ ты́номъ. Кýме, кýме, дурноýме, за сѝмъ мы́ль пы́ва пы́ты. Що зъ вóзу впáло,—крычѝ: пропáло. Богъ не бéзъ мы́лости, козакъ не безъ щáсьтя. Зъ пѝсьни слóва не выкидáють. На двà кускà польсты́сься, ни óдного не ззисы́. Купѝвъ дя́дя, на сéбе гля́дя.

Во́лю зробы́въ, тай себѐ погубы́въ. Своя̀ во́ля ху́же невòли. Стрильба̀ бе́зъ ды́му не живѐ. За сирото́ю й Бòгъ зъ калыто́ю. Суды̀ до добра̀ не призведу̀ть. Судо́мъ дотяга́всь, по́ки очку̀ръ порва́всь. Моска̀ль ски́лько не йи́зде, а все доро́гу пыта̀. Мы́мо ро́та ло́жки не пронесѐ. Колы̀ не па́нъ, то й не ча́нься. Ча́нецьця, якъ су́чка въ човни̇̀. Бо́гъ ше́льму ми́те. Дай, Бо́же, щобъ усѐ було̀ го́же, а що него́же, то не да́й, Бо́же. Га́пка свы́ни пасе, и ви́дтыль ви́теръ несѐ. Кыва̀ голово́ю, якъ кобы́ла въ спа́сивку. Набра̀всь, якъ май гру̀шъ. Ты нака́жешъ, шо́ й на верби̇̀ гру́ши росту̀ть. Боицьця, якъ чо́ртъ ла́дану. Вы́пьемъ, щобъ дома́шни не журы́лысь. Хочъ пы̀ть—умера̀ть, хочъ не пы̀ть умера̀ть. Пы̀й на ци̇̀мъ сви́ти, бо на тимъ не даду̀ть. Таки́й мирзе́ний, шо й соплякòмъ (выскрякòмъ) убы́ты мо́жно. И де́нежки есть, та не про ва́шу че́сть. Пропа́ло ди́дово трипа́ло. У мого́ сва́та ще въ кише́ни тилипа́ецьця. Пойхавъ сто цилко́выхъ на полты́ну миня̀ти. (Охотникъ—коня на зайця). Пивтора̀ неща́сьтя. Бля до́брого ди́ла не гри́хъ и вкра́сты. Прили̇̀шъ, та й бье́цьця, якъ соба́чий ко́втунъ. У гу́бы цилу́е, а въ па́зуси каминю̀ку де́рже. Тепѐрь лю́ды таки̇̀, шо й на́шимъ й ва́шимъ. Якъ лыто́вський ци́пъ. Обчухра́лась мы́чка, шо й лы́чка не сто́е. Дурни̇̀хъ ни сию̀ть, ни орю̀ть,—воны̀ сами́ ро́дяцьця. Живе́, якъ былы́на въ по́ли. Насу́пило ёго̀ чо́рною хма́рою. Коли́сь заробля̀ли, та въ ку́чки склада́ли, а теперъ заробля̀ють, та ди́токъ квича́ють. Не йижъ менѐ, си́рий во́вче. Проща́й, душа́, пото́пъ иде́! (Тостъ передъ выпивкой). Не живе́шъ, а доживаешъ—по́пусту свий викъ колота́ешъ. Хто чи́мъ соби дба̀: купѐцъ—то́ргомъ, пи́пъ—го́рломъ, а мужикъ—го́рбомъ. Выля́е, якъ ку́цый быкъ по за́городи. Гро́ши вси́мъ ди́ломъ пра́влять. Роста́вивъ ру́ки, якъ шули́ка кры́ла. Зъ до́вгыми рука́мы пидъ це́ркву. Разхрю̀кався, якъ свиня̀ въ до̀щъ. Вигляда̀, якъ сирко̀ зъ кубла̀. Дожида̀, якъ ви̇̀лъ обу́ха. Це ди́ло свитовѐ. Ни то́ грихъ, шовъ уста̀, а то, шо зъ у̀стъ. Мы са́мы семеры̀хъ посла́лы та й до́си не верта́юцьця. Своя̀ таки брехня̀ давно̀ зъ проце́нтивъ хо́де. Безъ ножа̀ ри́же. Телѐнь, телѐнь—три́ копийки. По́ки зно́ву си́ччикъ на кило́чку. Диви́на, якъ нова копийка. Вся̀къ своѐ соби̇̀ на уми̇̀. Вирни̇̀шъ попо́вои души̇̀. Пи́сля скобля тупорòмъ. Таки́й зйиди́мый, якъ гарбузя́ча огу́дына. Таки́й ну́жный, якъ пьяте колесо до воза. Чу́въ я це́ ще́ въ лиху се́реду. Пишòвъ скри̇̀зь сви̇̀тъ за

очи́ма. Рябо́и (билои) кобы́лы сонъ. Набала́кавъ си́мъ мишки̇̀въ грича́нои во́вны. Якъ нема кебѐты, то́ й низъ пле́щешъ. Якъ нема хи́сту, то й не вкра́дешъ. Ти́ко о́чи несыти. Но́сыцьця, якъ ду́рень зъ сту́пою. Его̀ й въ сту́пи не пиймаешъ. Затилисува́всь, куда й голова не ли́зе. Ну, якъ бы вамъ, прими́ромъ, сказа́ты:— воно то та́къ,-то й та́къ, та й не та́къ, вихо́де ы́ньякъ. Воно́ ще й та́къ, що до чо̀го тра́пецьця. Гро́ши не Богъ, а мы́лують— пособля́ють. До Мико́ли ни сияты гре́чки, ни стри́гты ове́чки (весняны̀й Мико́ла). Буть бычку́ на обры́вочку, а телы́чки на лы́чку,—тра́хъ полови́ночку;—а що?! Бу́дьте здоро́ви, якъ си́ри коро́вы. А то́ таки̇̀ та́ки—та́ки, а то́ таки̇̀ та́къ—таки̇̀. Го́сти мои̇̀ мы́ли, го́сти мои̇̀ лю́би, яки̇̀-жъ бо вы̇ й пьяни, що мини̇̀ жъ васъ и не ви́дно. Ти́ко й роду, шо Хи́мка. Жи́ть бы та Бо́га хвалы́ть. Си́мъ литъ не пила̀ ба́ба, а похмиля́лась до самои смѐрты. Прийдецьця у сирка̀ очѐй позича́ты. Дя́къ тя́гне за хви́стъ хва́лу Бо́жу. Артю́ха на по́снимъ ма́сли. Чужи́й симьи̇̀ не миша́й, а своѐй поря́докъ да́й. Кобы́лу ра́зъ, а жи́нку дви́чи. На сели̇̀ мищаны̀нъ, що въ Петербу́рси дворяны̀нъ. Мища́не—симъ де́нь въ горшку́ пыща́лы. Мищаны̀нъ безъ земли̇̀, що цы́ганъ въ шатри̇̀. Запали́ й не три́сне. Мища́не одъ Сы́ма, мужики̇̀ одъ Ха́ма, а попы̀ одъ Ахве́та. Бу́въ ки́нь, та зи́ездывся. Пий пьявко, напьѐсься, при́йде пора́—схаменѐсься. Ну, ще ми́лости просимъ, по одни̇̀й: одъ попа̀ зъ цѐркви, а одъ попади̇̀ зъ ха́ты (Та́къ припро́хують при вы́пивци). Про́зьба ми́сце ма́е. „Съ волчьимъ белетомъ куда угодно зимой и лѣтомъ“. Своя́ ха́та—я́ма. Своя́ ха́та—по́крышка. По робо́ти й де́нежки въ рощѐтъ. На рябо́му хли̇̀бъ си́ють. Ему̀ сми́шки, а ту̀тъ пла́кать хо́чецьця. Тоди̇̀ дока́жешъ, якъ у ме́не на ладо́ни вы́росте во́лосъ. Що́ кому̀ наравицьця: кому пипъ, кому попадя, а кому й паня́ночка. Воно̀, бачъ, людьми̇̀ дие́цьця. Ни все́ зъ ма́комъ, до́бре й та́къ (добре й зъ такомъ). Дорога̀ своя голова̀. Всѝ бога́ти—рога́ти. Дай, Бо́же, шо́бъ усѐ було̀ го́же. Да́й, Бо́же, багати́ты, та зпе́реди горбати́ты. До́бре й пы́ты, якъ ма́ешъ годы́ты. Ни ти́лько все́ те́ пи́шуть, шо е. Одъ дирявыхъ вори̇̀тъ круго́мъ поворѝтъ. Очи завису́щы, руки загрибу́щи. Стари́й ви́лъ борозны̀ не спо́рте. Хо́чъ го́лий, та во́лный. Каза̀въ слипы̀й: поба́чимо. Своя ха́та не во́рогъ. Хто вми́е охо́тыцьця, такъ до то́го й самъ дцвиръ бижѝть. (На охо́тника й дзви̇̀ръ бижѝть). Не вдругъ

на го́ру. По тро́шки та зъ па́пкою. Хто вы́нный за до́лю, колы̀ вона̀ не та́къ ви̇дъ Бо́га, я́къ одъ до́брыхъ людѐй. Ему̀ шо̀сь не пере́ливки. Пови́сылы замо̀къ нагу́бу. Хо̀чъ въя̀лова тели́сь. При злы́дьняхъ, та ще й зъ пе́рцемъ. Ви̇нъ у таки̇мъ ди́ли, якъ за копи́йку пидстолѐтъ. Зъ е́го дилѐць, якъ зъ г...а̀ пу́ля. Якъ балаба́йка бе́зъ стру̀нъ, той балабайныкъ д.....ъ. Показа̀въ ви̇нъ ёму̀ вжѐ давно̀ ду́лю зъ карма́на (зъ кише́ни). Перемына̀, якъ не свои́мы. У ции́ раху́бы не вси до́ма, ще е й на́ по́ли. Цы́гану, якъ не вкра́сты, то й зъ го́лоду мо́жно пропа́сты. Зъ гри́шмы—купе́ць, безъ гро́шей мищаны̀нъ. Приймѝть и менѐ зъ сы́нимъ ва́ломъ; чи не бажали сы́нёго ва́лу. (Это говоритъ тотъ, кто сильно прозябъ на морозѣ). Моска́ль на сле́зи не ви́ре. За сви̇й гро̀шъ скри̇зь хоро̀шъ. Пы́шуть мусу́ють,—зъ лю́дей ґлузу́ють. Не лизь туды, куда голова не ли́зе. Оды́нъ гро́шъ, та й то́й ста́въ ру́ба. Сова́ знесла́, ынды́къ вы́лупывъ, та й мужика̀ вы́плодывъ. Безгла́сна, якъ ры́ба. Балаба́йку запуска̀, а хли́ба не пуска́ (ни куска́). Ґару́е, якъ ду́рень за ба̀тька. (Ґару́е — гальму́е; ґару́е—пидверта̀. Гальму́е—волоче́цьця). Сви̇й бра́тъ—погоно́бе, погоно́бе, тай спенньчи́цьця. Своя̀ жи́нка, я́къ не га́рна, а все на чужу̀ позиха́ишъ. То́ й не кума́, що пидъ ку́момъ не була́. Ча́сомъ—зъ ква́сомъ (сирывцѐмъ), поро́ю—зъ водо́ю, абы зъ бородо́ю. Якъ че́сно ди́ло поведе́шъ, то й зъ го́лоду пропадѐшъ. Було́бъ на ци́мъ сви́ти гора́здъ, а на ти́мъ неха̀й хо́чъ ты̀нъ душо́ю пидпыра́ють. Добра́вся, якъ свиня̀ до ка́лу. Купи́въ бе село́, та гро́шей голо́. Воно́ й купи́въ бе, такъ купи́ло притупи́ло. Подары̀ жъ пойихавъ у Пари́жъ, а на́мъ оста̀вивъ—„купы̀жъ". Не то гро́ши, шо въ ба́бушки, а то гро́ши, шо въ па́зушки. Ловѝ тоди́, якъ на у́дку йде́. Ловы́ и ма́лу и велы́ку. Хто живѐ, а хто му́чицьця. Хто у́чицьця, а хто й му́чицьця. Хто не зива́е, той собѝ добро̀ ра́е. Не зива̀й, та дба́й, отто̀ и бу́де тобѝ ра́й. Сова̀ не вы́веде сокола́. Бага́тому живе́цьця, а въ би́дного слеза̀ льлецьця. Маха̀й на́шимъ, неха̀й ко́сять. Ви́нъ ии́сть, а въ мене слы́нка ко́тыцьця (а то́й слы́нку ковта̀). Шко́да го́ди: у на́съ своя̀ брехня̀ зъ проце́нтивъ хо́де. Прийшло̀сь, пано́че,—надива̀й дру́ги о́чи. Алле́ (але́) тоби́: хвалы̀ ру́ку, това́ръ вы́денъ. Ухваты́ло, якъ бага́того за живѝтъ. У те́бе бъ то душа̀, а въ ме́не балабайка. Тоди́ жъ то лучи́цьця, якъ ра́къ сви́сне. Пишо̀вь бе́зъ дво̀хъ за со́рокъ. Колы̀

пра́вду ро́бышъ, то въ пра́вди й коха́йся. И чоловѝкъ, якъ чоловѝкъ, та су́чка мижъ нога́мы проско́чила. По́ки су́дъ та ди́ло, — телѧ̀ коро́ву зи́ло. Зна́ла кобы́ла, на́ що̀ огло́бли бы́ла. Хто ло́ве, тому́ й ло́выцьця. Соба́ка му́се, якъ уку́се. Хто чи́мъ занима́ецьця те ёму й ввыжа́ецьця. Хто за ди́ломъ слидыть, вонò само̀ до то́го бижѝть. На до́брий ка́минь що не ски́нь, та́къ гора́здъ (до́бре) бу́де. Язикомъ мелы̀, ски́лько (сти́лько) хо́чъ, ви́нъ не зи́трецьця. Ди́ло не ди́ло, а бе́зъ ди́ла не би́гай. Старшо́му на́першъ пе́рва дуби́на. Хо́чъ Ма́ть Бо́жу по́й. Не вели́ка й напа́сьть, та спа́ты не да́сьть. По наря́ду зустрича́ють, а по гро́шахъ провожа́ють. Де гро́ши та́мъ и у́мъ. Що въ го́лову за́йде, та́къ и на печѝ зна́йде. Си́но до шка́пы ни хо́де. Держи́сь, якъ во́шъ кожу́ха. Не да́въ Бо́гъ ты́сячи: девьятсо́тъ не гро́ши. Что́бъ то й ги́рёвай жури́лась. Ни́чого лы́сымы ки́ньмы й си́ни трово́ты. Це та горя́чка, що безъ па́мьяты (па́мняти) хлибъ йи́сть. Ба́тько брехунъ свои́мъ ди́тямъ. (Ему̀ вси́хъ одна́ково жа́ль). Сви́й ба́тько побье́ й пожали́е. Якъ такъ пыть, то ничого бъ козамы й си́на травы́ть. До ёго й на кози́ не пидийдешъ. Пишлы̀ на́ши въ го́ру—по симъ на бичо́вку. Ла́сый до са́ла, а мьяса не хо́чешь? Неха́й покушту́е жи́жи, що́бъ зна́въ, одъ чо́го бува́ють штаны́ ры́жи. Неха́й думають ти, что гра́моти вча́цьця. Бага́тому чорты̀ дите́й ти́шуть. Твѐрдо-онъ-то́—вихо́де: запе́рто́. Згаду́й макъ, тай йи́жъ такъ. Мойи́мъ же са́ломъ та по мойи́й же й шку́ри. Дви ба́бы — база́рь, а три́ — я́рмарокъ. Во́льному—во́ля, спасе́ному—ра́й, а гори́лки да́й. Нильзя̀ ти́ко на не́бо зли́зты. Найшла̀сь (знайшла̀сь) робо́та и для (бля́) ро́та. (Коли́ хто бре́ше). Ты ёму̀:—стры́жена, а ви́нъ:—ко́шена; ты ёго̀—кре́сты, а ви́нъ:—пусты̀. Святы̀ отцѝ (оцьцѝ) карбо́ваньци. Хто́ не бу́де па́номъ, то́й не бу́де й да́ромъ. Купу́й ха́ту кры́ту, шу́бу ши́ту. Чо́рного кобеля̀ не вы́мыйишъ до била̀. На лема́нъ Гры́цикивъ дуры́ты. Чи знатьтё, що въ кумѝ буде пытьтё, то й дитѐй бе забра́ла. Не робыть старьцѧ̀мъ па́косты. Панѝ пьѝють, а у мужикѝвъ зъ похми́лли го́лови буля̀ть. Вонò ти́ко на во́вка помо́вка, а за́яць кобы́лу ззи́въ. Хочъ бичо́мъ, та́къ йе по чо́мъ. Соба́ци й соба́ча чесьть. Живѝ, по́ки живе́цьця: помрецьця,—все мынецьця. Гори́лочко—ма́тиночко, не пиха́йся, а ты̀, дура́че, не напыва́йся. У ко́го гро́шей бага́цько,—купу́й мли́нъ, а у ко́го хли́ба въ доста́нку—купу́й сви́ней.

Що годо́къ, то́ й роёкъ. Долгъ во́зьмешъ зъ ме́не на тѝмъ сви́ти вугилька́ми. Всѝ москалѝ однѝмъ мы́ромъ ма́зани. Ва́ше блогоро́дие! свы́ни въ вогоро́ди,—прика́жите вы́гнать, чи би́льше нагна́ть. Кинець и Богу слава, царю корона, а на́мъ жа́рена (пече́на) ворона. Якъ бы я царе́мъ бу́въ, такъ са́ло бъ зъ са́ломъ бы йивъ, та на соло́ми спа́въ. Га́рни коржѝ у на́шои ти́тки. Бала́ка, якъ ме́ртвый ды́ше. А що́бъ ты живый бу́въ до са́мои сме́рти. Ахъ, ты́ ма́заный пирижо́къ. Зло́ мно́жицьця умысьци зъ людьми. Пови́сывъ мо́рду, якъ свыня́ ры́ло. Зпылы́ кро́въ та̀къ и мнясце́ жъ ззижте. Не́хай—недо́брый чоловѝкъ. Безъ жинки, якъ безъ кишкы. Живѐмъ не горю́емъ, хлиба не купу́емъ. Набы́въ на пьятьсо̀тъ, а помырють на ку́рыцю. Сюды́, Бо́же, патла́того, щобъ було̀ за́ що̀ бра́ты. Бля пага́ного вы́ду нема̀ й сты́ду. Есьть каятьтѝ, та нема̀ воротьтѝ. Я тобѝ ни гра̀чъ, ни помога̀чъ. Щобъ до́вго не волово́дыцьця одри́жъ зра́зу: и зна̀ть не зна́ю, й вы́дать не ви́даю. А Хи́мци по полови́ньци *). Дурны́й а́жъ кру́тецьця. Тря́сьця тобѝ въ пу́пъ. Шо̀бъ тоби́ ну́дно. Що̀бъ тебе́ ку́рыця брыкну́ла. А, що́бъ тоби́ во́ша въ поты́лыцю. А хри́нъ твоёму ба́тькови. Ма́тери твоий кови́нька. А хочъ бе вамъ заци́пыло. Ску́рвий си́ну (бе́сурчь)".

Загадки. „На татарському по́ли попу́тани кони́ (Кавуни). Симсо̀тъ свисты́ть, а чоти́ри́ лопоты́ть, два̀ слу́ха, а два нюха, а два ды́выцьця (Хвистъ, но́ги, ву́ха, о́чи,—кинь). Лижи́ть ба́риня на доли́ни у жовтенький жупаны́ни, охо́тнычки наижджа́ли ии въ ж...у загляда́ли (Диня, або лысы́ця). Скру́чено зве́рчено, на колъ поса́жено, а по́ дворѝ пля̀ше (Митла). Бы́ле ры́льля̀, чо́рне наси́ньня, хто́ его́ вми́е, то́й и разуми́е, хто ёго́, зна́е той и позбера́е (Грамота и грамотный-письменный). Мы́ля, мы́ля, мылюшокъ, мы́ля въ зе́млю пайшо́въ (пишовъ), мы́ля ша́почку знайшовъ, мы́ля красненькую, мы́ля збо́рщастеньку (Ма́кивка). Якъ пойиду я на мистъ, й ухватю̀ вола́ за хви́стъ, ста́ну тягты́—ста́не й ревты́ (Дзвѝнъ). Стоятъ ко́ни на припо́ни, не пьють, ни йидя̀ть, а гла-

*) Ця поговорка, якъ шо не бре́шуть до́бри люде, то скла́лась такъ: Було́ соби дви ятро́вкы; въ одни́еи старшо́и було̀ чима̀ло дитѐй, а въ другои ме́ньшои однымъ-одно. Отъ воны було̀ що недильци пеклы зъ ма́комъ пирижки, ме́ньча ятро́вка и начнѐ йихъ дилыты: оце тоби́, Пана́се, оце тоби, Орисю, оце тоби, Ива́сю, оце тоби, Га́лю, а мои дитки, Химци, да́йте по полови́ньци. Ти дитки и дають, и такъ на куме́дию и выко́хали ии гурто̀мъ Химку. Недурна̀ була̀ ма́буть (ма́ть) й Химка!..

де́ньки стоя̀ть (Стина́). Чоти́ри чоти́рнички, а пья́та пидста́вочка, а шо́ста паня̀ночка (Вы́мья, дыйны́ця и та, ко́тра до́е). Симсотъ тупори́въ, симсотъ козакѝвъ ро́блять ха́ту бизъ угли̇̀въ (Комашня, муравейникъ). Оди́нъ чотвирто́къ на сто два́дьцять диро́къ (Бедзвинъ). Зари́въ вилъ на сто ги́нъ, на ты́сячу городи́въ (Гри́мъ). Стоитъ верба́ середъ двора, распусты́ла ги́лья до жа́дного (ка́жного) двора́ (Зъ це́ркви люды йду́ть додо́му). Стоитъ пляшка середъ ха́ты, уси́ ся́и ся́ють (Пи́сля гори́лки). Не йисьтъ й не пье́, а крупами с...е (Сверделецъ). Стоитъ стрила́ середъ двора̀, а въ тий стрилѝ симсо̀тъ и двѝ (Ма́кивка). Сывый се́лезень попидъ земле́ю пла́ва (Лемишъ). Мане́ньке, гостре́ньке (биле́ньке) скризь ты́нъ кишечкѝ тя́гне (Го́лка). Оку́талось ши́ло у чорне́ньке ти́ло, та по-пидъ небеса́ми й ходы́ло (Ла́стивка). Кри́ламы маха̀, а литѝть не мо́же (Ме́льниця). Мане́нький горбате́нький все по́ле проскака̀въ, а до до́му прийи́хавъ, цилый го̀дъ пролежавъ (Серпъ). Ѝ нѝгъ бага́то, та сама̀ зъ по́ля не хо́де (Борона̀). Зу́бы й ци́ли́, та сама̀ не куса̀ (Борона̀). Коза̀ въ хли́вы, а ро́ги на дворѝ (Бурѧ̀къ). Ни кузнѐцъ, ни столя̀ръ, ни маля̀ръ, ни пло́тникъ, а са̀мый пе́рвый на селѝ рабо́тныкъ (Кѝнь, вѝлъ). Мале́нькій Мака̀рчикъ у си́мъ лю́дямъ пидря́дчикъ (Соки́ра). Пийшла̀ кума̀ до кумы̀—да́й, кума̀, ляпоты, поля̀паты та́й питы̀ (Си́та). Чотири чотире́ньки, пья̀те мане́нке, а шо́сте про́сте (Викна, сво́локъ, две́ри). Якъ бы̀ ни́ дидова товхачка, то заросла́ бъ ба́бина мо́хначка (Ви́никъ, сту́па). Серѐдъ мо́ря—мо́ря, стои́ть золота̀ кумо́ря (Со́нце). Ба́ба—яга̀, вы́ламы нога̀, увѐсь сви́тъ ко́рмыть, а сама̀ голо́дна (Плугъ). Якъ-бы не ди́дово утютюха, не бабина лахва, по поясъ заросла (Ножницы). Крывы̀й лисъ на бабу злизъ (Коромысло). Шуты̀въ, муты̀въ по лавочки, нашовъ соби кудрявочки, шурхъ тай пишовъ (Рукавицы). Мане́ньке, руде́ньке хочъ яко́го па́на та́къ зъ коня̀ зса́де (Якъ захо́чецьця на дви́ръ—просе́бе). Стоя̀ть ко́ни на припо́ни, ни пьють, ни йидя̀ть, а по́вни стоя̀ть (лежать) (Кавунѝ). Су́чка си́рка де не вхва́те, та́мъ и ди́рка (Соки́ра). Сы́рый волы́ще, чере́зъ гори́ще сви́ще (Дымъ). Лы́сый бы́къ скрѝзь плетѝнь ды́выцьця (Мисяць). Сы́ва кобы́ла все по́ле сходы́ла (У ко́пахъ пшены́ця). Поросятко (ж)зализне, а хво́стикъ прядивьяный (Голка й ни́тка). Моя̀ ма́ты й твоя̀ ма́ты, бы́лы бурла́ку въ с...у (За́ткально). Жо́вта ку́-

рыця пидъ ты́номъ ку́блыцьця (Ды́ня). Кобы́ла на вирби́ гниздо̀ змосты́ла, навела̀ поросѧ̀тъ, воны̀ вго́ру глядять, полети́ты хотѧ̀ть (Лысьтя). У ли́си дубки́ руба́ють, а зъ не́ба трески́ лита́ють (Снигъ). Ко́ло ву́ха завирю́ха, а у г...и я́рмарка (Ву́лий). Чорна коро́ва всихъ людѐй зборо́ла, си́ры́й ви̇лъ всѝхъ людѐй звѝвъ (пидвѝвъ) (День и ничъ). Костѧ̀нъ, деревьѧ̀нъ че́резъ го́ру свинѐй го́не (Грибинѐць). Шата́ецьця, мота́ецьця, по-пидъ при́печкомъ ховае́цьця (Ви́никъ). Мане́ньке бари́льце бе́зъ ди́рочки й безъ диньцѧ̀, въ ёму по́вно выньцѧ̀ (Яйцѐ). Ши́ло-мотови́ло по-пидъ не́бомъ ходи́ло, по нiméцькому говори́ло (Соро́ка). Загада́ю за́гадки на чоти́ри гра́мотки, всимъ трёмъ за викно́мъ (За́тулки). Два кабаны̀ усе по́ле заляглы̀ (Тума́нъ). Въ на́шои молодки загори́лося въ сере́дки, у пашого молодцѧ̀ капа зъ концѧ̀ (Самоваръ). Кру́ть-верть у черепо́чку смѐртъ (Замо̀къ). Скрѝзь бика̀ й барана̀ свинѧ̀ лёнъ воло́че (Дра́тва). Самъ дубовый, поясь вьязо́вый, а нисъ ли́повий. Чоти́ри ззади дидусѧ̀ додивлѧ̀лысь зъ бородо́ю пигасѧ̀ (Копы́та). Сыды́ть дидъ на́дъ кру́чою, заткну́въ ди́рку ону́чою (Ве́рхъ). Чоты́ри козы̀ на одний нозѝ (Вытушка). Маненька соба́чка звернулася, лежи́ть, ни куса́е, ни гарчѝть, и ввыйтѝ въ хату не велы̀ть (Замо̀къ). И по земли й ходе, а не́ба не ба́че (Свынѧ̀). Ме́ртве живо́го тѧ́гне (Грибинѐць-во́ши). Безъ кры́лъ летыть, безъ ни́гъ, а бижѝть (Хма́ра). Два поросе́нка чоты́ри пидхвостёнка (Черевы́ки зъ воло́камы). Ши́йка тоне́нька, зза́ди западе́нька (Плѧ̀шка). Одно́ ка́же: „полежимъ“, дру́ге ка́же:—„побижѝмъ“, а тре́тье.—„давѧ̀й Богу помо́лымся“ (Землѧ̀, водà, очерѐтъ). За билою дерезо́ю лежѝть Тилилѐйко (Язы́къ). Простелю̀ рого́жку, пасы́плю горо́шку, положу̀ окра́йчикъ, бу́де би́гать за́йчикъ (Не́бо, зиркѝ и молоды̀къ). Безъ кры́лъ и́ бе́зъ ни́гъ, а бижѝть, якъ летыть; прийде жъ порà, воно̀ слёзы втерà (Ту́ча й до́щъ). Хлиба по́вна пи́чъ, а посереды́ни ще и йёкра́иць (Звизды́ й ми́сяць-билолыцый). Пидъ хворосто̀мъ лежѝть зъ хвосто̀мъ (Огурѐць). Ба́ба и бага́та, й соро́чокъ бага́то, а якъ ви́теръ поду́е, то й хо́лодъ почу́е (Ку́рыця). Де двѝ доро́ги умисьти зийшлы́ся (Холо́ши у шта́няхъ). Вы́йму облыжку̀-облыжу̀, та́й ёпьѧ̀ть положу̀ (Ло́жка). Чоты́ри бра́та-Киндра́та ве́сь викъ оди́нъ за другѝмъ бижать и е́дынъ дру́гого не здого́нять (Ко́лесо). Хто двичи на свѝтъ ро́дыцьця? (Хто зъ яйцѧ̀, ку̀рыця). Ши́ло мотовы́ло по нiméцькому говоры́ло, спе́реди ши́ль-

це, ззади́—вы́льце, зве́рху суке́ньце, а ззи́споди полоте́ньце. Лежи̇̀ть ми̇̀сть въ добрий ристъ, на киньци̇̀ цвитъ, на весь билый сви́тъ (Велы̇̀кдень). Двонадьцять орли̇̀въ, пятьдесѧ̀тъ дви ґа́лки и тры́ста пиздесѧ̀тъ пи̇̀сть шакивъ—въ одно̀ яйцѐ зализлы (Годъ). Якъ роски́ну ре́дзу́лю, тай заду́ю товстяка̀ (Збира́ецьця запрягáти конѧ̀). Чо́рной ко́тъ Ма́рхву трётъ, Ма́рхва поко́че та́й йще́ хо́че (Сковори́дку ма́жуть са́ломъ, вона̀ шкварчи̇̀ть—ище́ хо́че). Йи́ду—йи́ду, нема́ ни коли̇̀съ, ни сли́ду (Ло́тка). По за ли́сомъ ли́сомъ стои̇̀ть дижа̀ зъ ки́стомъ (Уликъ зъ бджо́ламы). Ба́быно ремесло̀ кругòмъ обросло̀ (Це той кру́гъ, що ба́бы пря́дыво на ёго мота́ють). Пийшлы́ три̇̀ браты̇̀ ки́зъ копа́ты, тай выкопалы чоты́ри козы̇̀ на одни̇̀й нози́ (Выту́шка). Йшòвъ чернѐць че́резъ Динѐць, нагна́въ ди́вку, тай шу́рхъ въ ди́рку (Клю̇̀чъ и замо́къ). Кра́сна ба́рыня за склòмъ сыды̇̀ть и люде́й собо́ю потиша́еть (Огонь у ла́мпи). Бо́чка, а на бо́чци бо́чка, а зве́рху бо́чки—митлы́чка, а хто́ й ка́же лыси́чка (Очере́тъ). Мале́нький бара́нчикъ всі́мъ с...ъ пидгля́дчикъ (Пори̇̀гъ). Ни нате я тебѐ бра̀въ, щобъ зъ тобо́ю спа́ты, а на те́ я тебе́ бра́въ, щобъ у твою̀ ди́рку свое́ ти́ло пха́ты (Чобитъ). У бору̀ на яру̀ стои̇̀ть старычòкъ кра́сный ковпачо́къ (Грибъ). Ни́дъ черепòчкомъ лежы̇̀ть чо́ртъ зъ молото́чкомъ (Часы̇̀). Одна̀ вивця̀ до си́на, а дру́га одъ си́на. Вылеты̇̀ть, вылеты̇̀нь, выще цѐрквы плити̇̀нь (Хма́ра). Сыдыть сыжу́ха въ сёми̇̀ кожу́хахъ, тай та зме́рзла, а хто на нѐйи погля́не—очи́ма вья́не (Цыбу́ля). Повзу̀нъ повзѐ, симсòтъ голокъ везѐ (Ижа̀къ). Лежы̇̀ть коро́ва, а у коро́вы ди́рка гото́ва, прыйшòвъ бы̇̀къ та въ ту̀ ди́рку—штры̇̀къ (Замокъ). Пу́зъ ли́са—ли́са чо́рне, (кра́сне) сукнò ма́е (Те́ренъ, вы́шня). Ли́зу—ли́зу по зали́зу й на ре́мени ся́ду (Сидло́). Сере́дъ огоро́да—горо́да лежи̇̀ть коло́да, вона̀ не гниѐ й не высыха́е (Язы̇̀къ). Собо́ю не пты̇̀ця и спива̀ть не спива̀, а хто въ хви́ртки идѐ, хозя́ину зна̀ть даѐ (Соба́ка). Прийшла Покро́ва, а въ е́му ди́рочка гото́ва, прилити̇̀въ Святи́й Ду́хъ, та въ ди́рочку шу́рхъ (Уликъ и бджола̀). Бе́зъ рукъ, безъ ни́гъ, а на пови́тку зби́гъ (Хми́ль). Зийшшла̀ ди́вка на ги́рку тай дыву́ецьця на свою̀..., де́бъ мини̇̀ тебѐ ди́ты, чи тебе́бъ, ... на ... нади́ты (Обидѐць). Ли́зе сухѐ, а вы́лиза мо́кре (Перо́). Сыдыть ди́дъ на́дъ яркòмъ, заткну̀въ с...у огиркòмъ (Якъ йде просе́бе). Сыдыть пи́вень на столи́, спусти̇̀въ кры́ла до земли̇̀ (Ста́рець). Сыдыть билый пи́вень на вербі̇̀, распусты̇̀въ кры́ла до земли̇̀

(Ска́тертъ). Тра́хъ—та плахъ по́ полю ска́че (Борона). Сы́ви кабани́ по пи́дъ земле́ю гулы́ (Плу́гъ). Прийхалы го́сьти, ста́лы на помости, распусты́лы лошадѐй безъ вуздъ, безъ петѐль (Бджо́ли). Якъ би́гъ биглѐць, тай вы́трыщивъ кинѐць, здогна́въ ди́вку, та́й штры́къ въ ди́рку (Коло́дязь зъ зводомъ). Зкру́ченый (пидсмы́каный), звя̀заный (пидты́каный), а по ха́ти пля́ше (Виныкъ). На́шъ мане́нький капита́нъ усѝхъ людѐй пропыта̀въ, а са́мъ догоры́ дно̀мъ ста̀въ (Горщо́къ). Мохна́те зъ мохна́тимъ зклада́ецьця, го́ле ти́ло въ сере́дыну хова́ецьця (Рукавы́ця). У бабыний хаты́ни, высы́ть хли́ба крайна, собаки га́вкають (бре́шуть), не мо́жуть достать (Ми́сяць). Два стои́ть, два лежи́ть, пьятый хо́де, шо́стый во́де, сёмый пи́сеньку заво́де (Два одви́рка, пори́гъ и верхня̀къ, две́ри, за́вертка и зависы́). Два ву́злика усе по́ле заси́ють (Очѝ). Шо е въ ха́ти не те́сане? (Павуты́на). Ся́и ся́ють—уси́ во́ли пре́дъ тобо́ю (Якъ напье́цьця хто́, то й ла́ецьця). Симсо̀тъ козакѝвъ, бля ихъ двона́дьцять ликаѝвъ (Старшѝ мы́ши). Вѝдъ огня̀ ко́ицьця, вѝдъ огня̀ й пропада̀ (Ву́гольля). Не ца́рського й ро́ду, а хо́де въ коро́ни (Пи́вень). Симсо̀тъ порося̀ть, ти́ко ни́жкы выся̀ть (Сволочкѝ). У ли́си руба́лося, у кобы́лы коха́лося и на рука̀хъ колыха́лося (Сы́то). Хто́ слобо́денъ одъ гостѐй? (Старьцѝ). Бе́зъ ма́тери роды́вся, бе́зъ попа̀ христы́вся, бе́зъ сме́рты вмѐръ (Горщо̀къ) Вдягла́сь ба́ба въ ши́сьть кожу́хивъ, хто́ нѝ роздяга́е, то́й и сле́зы пролыва́е (Цыбу́ля). Ми́жъ двома дуба́мы кла́ца теля̀ зуба́мы (дви́ ба́би бьюцьця торба́ми) (Т́рныця, що пря́дыво на не́и типа́ють). Видьма у хли́ви, цыцькѝ на дво́ри (Сво́локъ поцяцько́ваный—помере́женый). Ни пе́чу́ть, ни жую́ть, ни глыта́ють, а хо̀чъ воно̀ й вуня̀, зъ-охо́ткою ёго̀ бажа́ють.—Крю́къ чипля̀, а голова̀ пидсобля̀ (управля) (Бе́дзвинъ). Ки́ну я на па́лець, рву я не пирья, йимъ я не мня́со (Ры́ба). Въ во́дѝ ростѐ, въ водѝ коха́ецьця, прыйде до воды̀—злякáецьця (Си́ль). Ни въ ва́съ, ни въ насъ поросе́нокъ завья̀зъ, крычѝть, пыщѝть та ни́кому вы́тащить (Ви́теръ). Мане́нький куколе́чокъ скака̀ зъ долѝвки у куто́чокъ (Ви́никъ). Сыдыть ба́ба на но́чивкахъ с..е (Жлу́кто). Кра́сна дивы̀ця сыдыть у темны́ци, а коса на дворѝ (Бурѝкъ). Леты́ть соро́ка, а за сне́ю со́рокъ,—стилько всихъ? (Дво́е; со́рокъ —самѐць). Сычѝть, шкварчѝть, соко́че, пидъ ла́вку (ла́ву) нѐ хо́че (Сковори́дка). Дво́е выкида̀, а пьятеро пидтяга̀ (Якъ со́пли ся́-

кають). У ли́си на кущи́ гавья́дына вы́се (Грыбъ). Чорне́ць—молоде́ць—по по́ясъ у огни́ (Чагу́нъ,—чау́нъ,—чаву́нъ). Би́ле якъ сніігъ, дме́цьця якъ міхъ, а въ води́ ги́не (Пи́на). Шо зъ тиєю козо́ю бу́де, якъ си́мъ го́дъ наста́не; тий козі ста́нецьця, якъ си́мъ ли́тъ ко́ньчицьця? (Во́сьмый (пи́де) насту́пе). Хто ба́чивъ це́ркву зъ очере́ту? (Ввийдь въ очерѐтъ, та́й поба́чишъ). Ла́та на ла́ти, ще й го́лкою не зши́та (Капу́ста). Що́ хахлы на дви́ръ викида́ють, то паны у кише́ню (кеше́ню) соби́ хова́ють (Выскряки́,—со́пли). Бе́зъ души́ й бе́зъ ти́ла, а соро́чка би́ла (По́душка). Би́лый чоловікъ, а соро́чка въ па́зуси (Сви́чка). Ба́ба кру́те, а воно́ гуде (Пря́дка). Летыть—летыть, ще й хвістъ вертыть (Горобѐць). Однò рядно́ сто ба́бъ тягло́ (За́вертка). Родыцьця й не роды́вся, а вме́рты вмѐръ (Ада́мъ). Що не зъ земли робы́лося, а въ землю превраты́лося (Ева). У лиси рослò, на кущи́ повыросло, по рукàхъ покоты́лося й на зубàхъ очуты́лося (Орі́хъ). Безъ ру́къ, безъ нигъ, не ба́че й не чу́е, а ха́ту бережѐ (Замо́къ). Пла́хта—ра́хта по́ полю ска́че, уве́сь ко́ринь ба́че (Борона̀). Чотыри бра́ти пидъ о́дынъ ку́стъ хо́дятъ спа́ты (Коро́вьяче вымья). Биле сыто, нымъ свитъ лю́дей покры́то, й юзли́ зна́ть, та нельзя́ розьяза́ть (Не́бо й ёблака̀). Лежі́ть пе́рстъ на симъ ве́рстъ (Дорога)".

Скороговорки. „На́шъ полко́вныкъ полковныкова̀въ по́ки выполковныкова́вся. Ишòвъ Даныло гнылоно́гий по розмокропого́дивший пого́ди. Ра́зъ дрова̀, два̀ дрова̀, трі дрова̀. Надину вузду́, пойиду въ избу́. Рыжъ быкъ, рыжа́бры́ста кро̀въ. Зши́въ колпа̀къ не поколпако́вськи. Я прынесу́ рядно̀, а ты занесы́ рядно̀. Бу́дь ты хлопчи́шка, по хва́ртыкуль тя́пнешъ. „Што́хъ у я́ми. Чо́рна ове́чка спы́ть зъ дочко́ю".

Врехе́нки. „А що́ ты, до́ню, ши́ишъ? Ши́ю, маму́сю, ши́тки. А колы́-жъ поро́тымешъ? Якъ доши́ю ны́тки.—Се́стрычки до́брички! чи пойхавъ? До́ма нема̀... Запрі́гъ... Симъ мишкі́въ повізъ... Би́лу кобы́лу до млына̀.—Здоро̀въ була̀! Кутю́ товкла̀. На свого̀ ба́тька!.. На пу́трю. (Пу́тря це такѐ ку́шаньня,—ка́ша).—Здоро̀въ бувъ! Кобы́лу веду́. Та́къ, Бо́же, поможі́ (помога́й Би)! У я́рмарокъ на Бутырлы́мову. Бода́й вона̀ тоби́ здо́хла! Спасы́би.—Здоро̀въ бувъ! У яру́ бу́въ. Тю, чи ты дурны́й! Те́рну й ря́сно, та зеле́ный и терпкый.—На́ що̀ це ты ро́бишъ? На пты́, що́бъ дывува́лись на цѐ вси́ такі́ розу́мни, якъ ты́".

Гл. 3-я.

Народные разсказы и легенды.—Разсказы о разбойникахъ.

1. *„О тимъ, ви́дкиль взялыся мыройи́ды.* Якъ Богъ змитивъ, що Ёго́ са́мый старшій Янголь заду́мавъ Его̀ змисты́ты, щобъ у свойи̇ ру́ки ви́жки взя́ты, то Винъ на́першъ всёго очухра̀въ ёму̀ изъ крилъ пи́рья, забра̀въ свою всю оде́жу и зробы̀въ ёго̀ всёго̀ въ шерсты, уквича̀въ рога́мы, щѐ и зза́ди и хвистъ ёму̀ прычипы̀въ, та такъ и турну̀въ ёго̀ изъ не́ба въ пе́кло. Такъ винъ, якъ коты̀вся туды̀ (доро́га, мать, була̀ не ри́вна), а хвистъ одпа̀въ и впавъ на зе́млю та́й породы̀въ видъ сѐбе миройидыѵъ“.

2. *„О тимъ, якъ пьяныця попа̀въ у рай.* Умеръ пья́ныця, тай блука̀ по тому сви́ти, шука́е ра́ю. Ди̇ло це було̀ ношно̀йи добы̀. Ды̀выцьця—две́ри, й дава́й стукоти́ты.—„Хто тамъ (та̀мычки), оклыка́ецьця Святы̀й Петро̀“?—„Це я—пья́ныця, промо́вывъ той“. „Зачи̇мъ ты сюда̀, хиба̀ ты̀ ни зна́йешъ, що пья́ныци ни насли́дують ца́рства Бо́жого“?—„А хиба̀ ты̀ тоди̇ бу̀въ пья́ный, якъ одъ Хрыста̀ одри́кся“?..... Вы̀слухавъ це Святы̀й Петро̀, почеса̀въ соби̇ поты̀лицю, тай хи́ли назадки̇, а ду́мка бъ то все така̀, щобъ спыны̀ты цёго неокая́нного гри́шныка; й посла̀въ винъ—за ми́стъ се́бе Свято̀го Па́вла; иды̀, мовъ, ка̀же, ты: мо̀же, спы̀нышъ цюю не́чистъ“. А пья́ныця знай стучи̇ть... „Хто стучи̇ть, гукну̀въ Святы̀й Павло̀“?—„Пья́ныця“.—„За чи̇мъ“?—„Зви́сно,—ра́ю шука́ю“.—„Чи ты зъ глу́зду, бува̀, зо́всимъ ни зъихавъ: хиба̀ жъ ты не зна́ешъ, що пья́ныци да ни вунасли́дують Ца̀рствія Бо̀жого“?—„А ты хиба̀ забу́въ, якъ каза̀въ, тай и въ Вантели̇и йе, шо—„не суды̀ й не судѐнъ бу̀дешъ“.—Св. Павло̀ мирыщи̇й до Ва́нгелийя, ось, мо̀въ, дока̀жу; нача̀въ розго́ртуваты, шука̀ты, а пья́ныця ти̇мъ ча́сомъ—шми̇гъ побля̀ ёго, та въ са-

ми́сенький рай.—Св. Павлò й ба́йду́же собѝ, все шука̀, а той давнò вже у раю̀. Оттакъ то пьяныця попа̀въ у рай".

3. *„О тимъ, що тра́пылось Давыду, якъ допысувавъ псавтырь. (Хто ко́нчивъ псавтырь).* Царь Давы̀дъ до́вго мусува̀въ, якъ бы лу́чче закòнчиты свий псавты̀рь; а жа́бы, якъ на злò, розкрыча̀лысь напрòтывъ ёгò ха́ты у о́зери и зо́всимъ миша́лы ёму̀: ни я́къ серця́га не прыду́ма, чимъ розквыта́цьця, поповныты та закра́сыты на киньцѝ свий псавты̀рь; й нача̀въ зъ доса́ды, та зло́сти, що ни йе, зъ усийе́йи сы́лы проклына̀ты цю̀ю поми́ху—га́спидьськихъ жа̀бъ, ужѐ вѝнъ: й шобъ на васъ лыха̀ годы́на, й шобъ вы пропа́лы, й тря́сьця вамъ, а да́ли й одумався: та на́ що жъ це я йихъ ла́ю?—ить и воно жъ животы́на, ёгò Богъ созда̀въ, и вся̀кое живòтное дыха́ние тожъ хва́лыть Го́спода. Якъ сказа̀въ це Давы̀дъ, та́къ и спыдхваты́вся зъ стильця̀, зра́дивъ: „стой, ка́же, це самъ Богъ навѝвъ менѐ на ци мы́сли, тепѐрь зна́ю, шо робы́ты",—та взявъ тодѝ тай зако́нчивъ свий псавты̀рь ты́мы слова́мы, що зпоку́товавъ свий грихъ за проклятьтя жабъ: „Вся̀кое дыха́ние да хва́лыть Го́спода"—И такъ, якъ бы ни лучи́сь на цю по́ру жа́бы, ни за́що бъ Давы́дъ не ко́нчивъ бы свий псавты̀рь; зна́чить, ко́нчилы псавты̀рь жа́бы".

4. *„О тимъ, якъ хотилось Св. Петру наградыты биднаго.* Одынъ разъ йшовъ Іису̀съ Христòсъ зъ Св. Петрòмъ, и зайшлы̀ ночува́ты до одного̀ вбо́гого чоловы́ка,—мо́жно бачъ бы й до багача̀, такъ разсови́тувалысь: би́дный, ка́жуть, лу́чче—усе́рднишъ пры́йме. Прыйшлы̀; той бувъ такѝй радъ, шо не знавъ, де йихъ и посады́ты й чимъ погосты́ты; приня̀въ, зви́сно, похристыя́ньському. Отъ переночува́лы воны́, вы́йшлы одъ би́дного и йду̀ть че́резъ мистъ, а Св. Петрò й ка́же: „Го́споды! дава̀й поста́вымо оту̀тъ на цимъ мисткỳ глѐчичокъ золоты́хъ оцемỳ бидола́зи, де мы ночува́лы, ёму никуды бильшъ вы́йты зъ дво́рỳ, якъ не на цей мистъ, и отò винъ йты̀ме й во́зьме ёго собѝ за

ёго̀ до́бру до насъ ла́ску". (Ба́чъ, нельзя̀ бъ-то, ска́жемъ, було̀ йимъ тодѝ самы̀мъ да́ты, чи може забу́лы).—„Хиба̀ жъ воно̀ воны ёму̀ й доста́нуцьця, хочъ-бы й поста́выты оцѐ и́ихъ тутъ? Скорѝшъ во́зьме онъ той багà̀чъ, шо чоты̀ри па́ры волѝвъ ма́е".— „Ни такѝ, каже Св. Петро̀, поста́вымо та́й поста́вымо, може такѝ во́зьме",—и зъ тымъ насто́йивъ награды̀ты би́дного.—„Ну ходѝмъ же, сказà̀въ Іису̀съ, геть ви́дциль, ста́немъ о́даль та бу́демъ дывы̀цьця, чи вы̀йде пра́вда".—Наложи́лы повне́нький куши́нчикъ золоты̀хъ й поста́вылы на мистку̀, а самы̀ заси́лы у бе́рези й зарѝть, шо зъ цёго вы̀йде. Ды̀вляцьця,—йдѐ би́дный по гре́бли черезъ мистъ; дохо́де до мо́сту, подывы̀всь кругòмъ се́бе, знявъ ша́пку й ка́же: „Бо́же мы̀лостывий! якъ воно̀ отò слипѝ хо́дять че́резъ цей мистъ, колы̀ воно̀ тутъ ѝ выдю́чому стра́шно:—куды̀ не глянь, сама̀ вода̀ та такъ и буру́е; дай и соби́ зажму́рю о́чи, спро́бую, може такъ—невыдю́чему не такъ стра́шно бу́де". Заплю́щивъ о́чи и пишòвъ соби́ че́резъ мистъ, мовъ слипы̀й бачъ, тай пройшòвъ куши́нчикъ зъ гри́шьмы. Оттакѐ,—дывыцьця Св. Петро̀ на цю куме́дию й почисà̀въ поты̀лыцю. Це зго́домъ тро́хи, якъ со́нце ста́ло о пивднѝ, йи́де багà̀чъ зъ плу́гомъ, запря̀женымъ чотырмьѝ па́рамы волѝвъ и тожъ соби́ на мистъ, кричѝть: „со́бъ, собѐ! гей, гей"! й ти́ки зъйи́хавъ на ми́стъ, ды̀выцьця блищѝть куши́нчикъ золоты̀й; „тпру"! спынывъ мирьщѝй волѝвъ, до ёго, а въ ёму повни́синько золоты̀хъ. Нахилы̀вся й взявъ багà̀чъ тигро́ши й не перехристывся, ще й попиня̀въ: „бачъ, ка́же, не зумѝвъ хтось яко́го добра̀ берегты̀"!.. Зъ тыхъ пиръ пишòвъ багà̀чъ ще й ду́жче багати́ты, а бидный бидни́ты.—„А що, ка́же тодѝ Іису̀съ Св. Петру̀,—не я казà̀въ"? Таке́-то"!

5. „*Гонэные на Хрыста̀*. Було̀ я̀кось разъ гонэные на Хрыста одъ хварысе́йивъ; отъ воны шо уско́чуть у одынъ двиръ, а Христòсъ ужѐ у дру́гому,—воны̀ у дру́гий, а Хрыстòсъ у тре́тий и ось-òсь ужѐ за малы̀мъ оста́лось йимъ спийма́ты,—да́ли ды̀влюцьця, а Винъ вже пишòвъ у по́ле й ставъ ко́ло того̀ чоловѝка, шо розсива̀ соби́ ны̀ву. Прыйшòвъ Христòсъ й начà̀въ просы̀тысь, шобъ той чоловѝкъ сховà̀въ бы ёго̀ де-не́будь одъ врагѝвъ, бо ось вже, ка́же, недале́чко за мно́ю йдуть хварысе́йи, во́зьмуть менѐ ѝ бу́дуть истяза́ты на свою̀ поти́ху.—„Боюсь,

одвича̀ той, ни́где въ ме́не Тоби̇̀ захова́тысь, а зна́йдуть й мені̇̀ на медъ бу́де“.—„Ну, та̀къ зъ тымъ проща̀й, а якъ пры́йдуть до во́зу, такъ ты йихъ забала́кай, щобъ да́ли мини̇̀ одъ йихъ одийты̇̀“.—Пишо̀въ соби̇̀ да́ли Хрысто̀съ, а мужи̇̀къ, ко́нчивъ розсива́ты й зато́го кончàвъ волочи́ты, колы̇̀ такъ—идѐ ци́ла ю́рма хварысе́йивъ та такъ пря́мо до во́зу й гребу́цьця: „чи не ба́чивъ ты, мовъ, ди́ду, де Хрысто̀съ дива́вся, куды̇̀ видъ те́бе винъ пишо̀въ“?—„Неда́внично, одвича̀, бувъ тутъ хтось ко́ло ме́не, просы̇̀вся схова́тысь, й нияк̀ъ давно̀, ка́же: тоді̇̀, якъ я цю ны̇̀ву збера́вся коньча́ты си́яты“. Ти зиркъ на ны̇̀ву, а вона̀ вже зелени́е й зато́го збера́ецьця колосься викида́ты; колы̇̀жъ це воно̀ тутъ було̀ те ди́ло, ду́мають? Тай пишлы̇̀ назадъ, обизна́лысь бачъ бы то, мо́же й зблуды̇̀лы.—А дидъ стойі̇̀ть тоді̇̀ надъ своє́ю ны̇̀вою й самъ не свий одъ тако́го чу́да“.

6. „*О тимъ, зъ чого̀ взялысь ведме́ди.* Йшо̀въ разъ Госпо̀дь зъ Св. Петро̀мъ че́резъ мистъ, а зъ-пидъ мо́сту вы̇̀бигъ чолові̇̀къ у вы̇̀вернутому кожу́си,—винъ за здалегі̇̀дь йще захова̀вся тамъ, и ду́мка бъ то була̀ въ ёго зляка́ты Іису́са и Петра̀,—та якъ кри́кне: „ве“!.. а Госпо̀дь одверну̀всь одъ ёго, плю̀нувъ й сказа̀въ: „ну, такъ иды̇̀ жъ тепѐръ соби̇̀ у ци̇̀ шку́ри на всі̇̀ крайі̇̀ сви́та, лякà̀й людей, а лю́ды тебѐ“. Пишо̀въ тоді̇̀ той чолові̇̀къ ведме́демъ, а зъ ёго й намно́жився вже й по всёму̀ сви́ту ведме́жий ри́дъ. Отъ тымъ то ведмі̇̀дь й похо́жий на люды̇̀ну“.

7. „*Ви́дкиль взялысь гадюки.* Гадю́чки тожъ взялы̇̀сь одъ то́го, шо одні̇̀й жи́ньци хоти́лось чи зляка́ты бъ то, чи́, мо́же, пошутко́ва́ты зъ Христо̀мъ и св. Петро̀мъ. Ийдуть бачъ воны̇̀ пи́сля то́го, якъ чолові̇̀къ хотивъ йихъ зляка́ты, а вона̀ й повзѐ ра́чки и го́ла, та йимъ пидъ но́ги и почала̀ сычи́ты: вы̇̀солопыла языкъ й ну—„с... с.. с“!—Госпо̀дь проклявъ йиі̇̀й й сказа̀въ: „зъ сёго́ ча́су, ты бу́дешъ новы̇̀нною на земли̇̀, ци́лый викъ тоби̇̀ по́взаты на пу́зи й безъ оде́жи“. Жи́нка поли́зла га́дыною й расплоды̇̀ла йихъ одъ се́бе по всёму̀ сви́ти“.

8. „*О тимъ, якъ хоти́лы Хрыста̀ згубыты.* Иродово ви́йсько заздри́ло, шо Йо́сыхвъ зъ Бо́жою Ма́тирью неслы̇̀ кудысь младе́ньця Ісу́са, й пусты̇̀лысь за ны̇̀мы наздогі̇̀нъ, щобъ стребы̇̀ть младе́ньця. Йо́сыфъ зъ Маріёю зми́тылы погóню, прыбы̇̀лысь у одно̀ жильля̀ та мирьці̇̀й въ ха́ту, а тамъ сиды̇̀ть хозя́йка надъ

колыскою й кача̀ своѐ дитынча̀; воны̀ ото̀ до́вго незаба́рёмъ, взялы̀ ёго̀ зъ лю́льки собѝ на ру́ки, а свого̀ положи́лы на по́мисть й упросы́лы ту жи́нку чужѐ назва́ты свойѝмъ, а своѐ чужѝмъ. Вона̀ такъ и зробы́ла. Насты́глы гоны́тели взялы̀ зъ рукъ Бо́жойи Ма́тери младе́ньця, распалы́лы у пичи, й бро́сылы ёго̀ туда̀. А Спасы́тель такъ спасься. Зъ тыхъ пиръ прынычто́жилось гонэные на Христа̀".

9. „*О Велыкодню.* На що мы такъ ка́жемъ: „Велы́кдень?"— Велы́кдень называ́ецьця потому̀, що въ те время, якъ Хрысто̀съ роды́вся, свиты́ло со́нце и стоя̀въ одынъ такѝй день, шо тепе́ришнихъ тре́ба ци́лыхъ симъ днивъ зложи́ты до ку́пы. Дни ци поме́ньчалы зъ тыхъ пиръ, якъ жиды̀ роспья̀лы Христа̀; тодѝ, це ба́чъ було̀ на препосли́докъ, якъ ззийшло̀ со́нце у неди́льлю въ ра́ньци, та зайшло̀ ажъ у суббо́ту у ве́чери, а по́тимъ то́го тодѝ и тепѐръ дни поме́ньчалы и ти́лко у це́рквы ца́рьски врата̀ такъ стоя̀ть на́встяжъ симъ су́токъ, якъ зпершъ колы̀сь стоя̀въ день и свиты́ло со́нце. Такъ ось чого̀ винъ такъ зове́цьця,—винъ тепѐръ въ году̀ одынъ, якъ колы̀сь, до Хрысто́вого роспья̀тья воны̀ булы̀ що дня".

10. „*Утреня, оби́дня и вече́рня.* Якъ у́тренний моро̀зъ прыбьѐ на ду́би лыстъ, а со́нце гля́не и лыстъ опадѐ, такъ все равно̀ у́треня и оби́дня: у ву́триню ты прыно́сышъ вси свойѝ грихѝ, шо за ты̀ждень наробы̀въ, и це́рква йихъ охва́чуе, якъ той моро́зомъ лыстъ, а оби́дня, та вже, бачъ, зовсѝмъ проща̀ твойѝ грихѝ, якъ те со́нце, шо пи́сля ёго отпада́ецьця побы́тый моро́зомъ лыстъ. Вече́рня слу́же за-для то́го, шобъ въ не́и зга́дуваты дневнѝ свойѝ грихѝ".

11. „*Шо есть быблия.* У бы́блии и ввесь свитъ завья́заный и звья́заный; йийи ния̀къ немо́жно прочита́ты, бо й хто по нату́жицьця, захо́че бачъ бы то все узна́ты, шо въ ний йе́, такъ той хочъ неха̀й шо, такъ ззума̀ ззи́йде. Гра́мотнимъ людямъ особлы́во тре́ба берегты̀сь, бы́блии, бо тамъ йе́ такѝ слова̀, щой мо́жно такѝ чита́ты, а промѝжъ ны́мы то йе́ й такѝ, шо ния̀къ не годы̀цьця йихъ каза́ты".

12. „*Кимъ напо́вныцьця пе́кло.* Пе́кло напо́вныцьця попа́мы, пана́мы, непра́веднымы судия́мы и коваля́мы, бо й ци посли́дни ра́я не насли́дують,—воны̀ кува́лы жида̀мъ гво́зьди прыбыва́ты Хры-

ста̀.—Про каба́ччика й миро́шныка ще й на тимъ сви́ти не додумалысь, куды̀ йихъ помисты̀ты,—бо каба́ччикъ недосыпа̀въ, а миро́шныкъ такъ бравъ, шо ажъ че́резъ верхъ сы̀палось“...

13. „*Про Анцыхрыста.* Анцы̀хрыстъ наро́дыцьця изъ правосла́вныхъ. Отò може взами́ты вамъ, шо колы̀сь булò усè не́бо черво́не, такъ отò тодѝ са́ме оды̀нъ анцы̀хрыстъ народы̀вся. Воны̀ ро́дяцьця ча́сто, та тилко йимъ все невдае́цьця вла́ствуваты мы̀ромъ,—якъ якѝй оцè наро́дыцьця анцы̀хрыстъ, то й начина́е боро́цьця зъ Бо́гомъ, и якъ одоли́е колы̀, якѝй зъ йихъ не́будь, Бо́га,—ото й начне́цьця стра́шный судъ;—такъ Богъ, бачъ вамъ недоказа̀въ, такъ уда́рывъ того̀ анцы̀хрыста, шо вми́сьти зъ черво́нымъ не́бомъ роды̀вся, шо ажъ земля̀ затрусы̀лась и три́снула й ёго̀ (анцы̀хрыста) у три́щину втяглò“.

14. „*Видьмы.* У на́съ у Кура́ковий одъ здоро́вого мо́сту и до са́мои Ти́хоньскои це́ркви двона́дьцять видёмъ. Зибра́лысь разъ мужикѝ на ву́лыци для̀ (би́ля) Бабае́вои кумо́ри, совсѝмъ вже на смерка́ньи, ба́чуть: де не взяла̀сь пири́ста кобы̀ла, въ боты̀нкахъ на ногахъ, тай снуè хале́ра на у́зьбичи поверхний пирии, мо́въ glазу́э, мы схопы̀лысь та мирыцѝй до не́и, й гайну́ли въ сли́дъ за не́ю, а вона̀ хи́ли, та въ пу́стку у викнò и щезла; тре́ба бъ булò отò и собѝ туды̀ дойты̀ бъ такѝ ди́ла,—та̀къ побоя̀лысь“.

„У однѝй станы̀ци цей годъ вымерлы̀ коза́ки, сотъ до чотырёхъ, та самѝ пайковѝ, пря́мо мижéньни, а дощу̀ цей годъ, за всю ве́сну и ли́то, тамъ ния̀къ ёгò не булò, и цè все прычи́ною цёму̀ всёму̀ одна̀ ге́монова ви́дьма; вона̀, чортѝвъ би е́йи ку́ча, такъ поробы̀ла. Ну, тай не безъ до́брихъ же й людѝй, найшлы̀сь такѝ, що дойшлы̀ й до цёго; найшлы̀, шо робы̀ты, якъ го́рю пособы̀ты. Ка́жуть, хтось пронюхавъ тай проказа́въ про не́и, що вона̀, якъ зачу́ла свою̀ смерть, шо́сь вже наблыжа́ецьця, та̀й ста́ла скрѝзь ходы̀ты та̀ роска́зуваты, а ме́ньчимъ се́бе прика̀зъ дава́ты: „мыну́лось моè царствува́ньня, видьми́вська поти́ха, о-сё-сь ззо мно́ю смерть лучи́цьця, я й ба́чу ийй, якъ вона̀ зъ косо́ю за плечи́ма въ ме́не хо́де, такъ вы тодѝ, якъ бу́де ва́ша ла́ска, кажи́тъ лю̀дямъ, шо робы̀ты одъ неврожа́ю: неха̀й вонѝ перило́влють всѝхъ пивнѝвъ по всий станы̀ци, повырыва́ютъ до ка́нцура йимъ зъ хвостѝвъ пи́рья, щобъ булы̀

ку́ци, и по́тимъ тре́ба ззибра́ты те пи̇рья, питы̇ у яки̇й не́будь глыбо́кий яръ и повстромля́ты ёго̀ тамъ,—й квитъ—все бу́де и́ньякъ, гора̀здъ".—Такъ воны̇, братъ ты мий, якъ зробы̇лы та́кечки, такъ-такъ и пишо̀въ дощъ; а це вже ди́ло пидхо́дыло до о́сыни; й ну тоди̇ роскошува̀ть".

15. „*О тимъ, якъ ви́дьму пийма́ты.* Якъ ти́лко взна́ешъ, зами́тышъ, шо ви́дьма здойла вже въ те́бе коро́ву, а взнае́цьця це такъ: я́къ пи́де молоды̇ця дойты, а воно̀ було̀ молоко̀, та нема̀; зоста́нецьця, якъ китъ напла́кавъ, тай те нена́че зъ кро́вью переми́шане. Ото̀ йды̇ мирьщи̇й и ди̇й сти̇ко надо́ишъ; тоди̇ зато́плюй у пичи̇, або̀ на пры̇пичку, колы̇бъ це ни случи́лось тамъ: у ра́ньци, у ве́чери чи сыры̇дъ но́чи, лы̇й ёго̀ на сковори̇дку и пряжи̇; по́тимъ, якъ зпряже́цьця, беры̇ нижъ тай рижъ нымъ по сковороди̇ крестъ и ты̇кай ёго̀ тымъ же ножѐмъ,—и такъ пыши̇ ножѐмъ крестъ и ты̇кай, пыпы̇ и ты̇кай, якъ бу́дешъ це ди́латы, вона̀ небизпрыми́нно до те́бе при́йде.—Ну, й дыко́вынка, чу́ете, я це са̀мъ робы̇въ и що жъ?—Дывлюсь, а воно зъ другóи пирий прыбига̀ до ме́не да́льня суси́дка и ныкъ, ныкъ по ха́ти все, якъ бу́тто чого̀ вызыра́ла; та й та̀къ, ничо́го ни сказа́вше, й майну́ла махиндра́ла. Я въ сли̇дъ до не́и: „ти́тко, ти́тко, чого̀ вамъ, скажи̇тъ, чого̀, чого̀ прыхо́дылы"?! А воно̀ вже й сли̇дъ ти́тчинъ захоло́нувъ, й такъ зъ тымъ ничо́го й не допыта̀всь; влепетну́ла; ма́бутъ, и въ не́и на души̇ такъ зашква́рчало, якъ тее молоко̀ на сковороди̇, ну, зъ тихъ же й пиръ, якъ но́гу вломы̇ла, и тепѐръ, до слу́чного ча́су, всѐ благополу́шно".

16. „*О тимъ, якъ пидглядивъ ви́дьму.* Колы̇сь було̀, роска́зують ще на́ши батьки̇, оця вся̇ поды̇на, де оттепѐръ база̀рь, булы̇ княжи̇ лу́ки. Стоги̇въ-стоги̇въ ту̀тъ перебуло̀. Скоты̇на ходы̇ла у пры̇пускъ, а коро́вы хиба̀ таки̇, ма́бутъ, булы̇ я́къ тепѐръ?—Эге, ма́бутъ,—ригъ було̀ не доста́нишъ.—Одынъ разъ уна́дылась ви́дьма до Зиньця̇ дойты коро̀въ, хо́де тай хо́де, отъ винъ возьмы̇ тай зася̇дь, ду́мка бъ то така̀ була̀, щобъ пийма́ты; ды̇выцьця, а вона̀ копы̇цею пидсу́нулась и до́е, чу́ты, цюрчи̇ть. А Зи́нець мий, сыды̇ть, притулы̇вся до плитня̇ и зъ ми́сьця не зворухне́цьця одъ зля́ку. Ви́дьма впра́вылась, вы̇гнала теля̇ зъ за́городы, прычины̇ла хви́рточку та тоди̇ вы̇тягла зъ бороны̇ зу́бокъ, насу́нулась на Зи́ньця и всады̇ла ёго̀ ёму̀ въ задъ. Прый-

шòвъ тодѝ винъ у ха́ту чуть живы́й тай расказа̀въ, якъ було̀. Зубо̀къ той вы́тяглы ёму̀ увесь у крови̇ и хочъ вы́тягты й вы́тяглы, та недо́вго винъ, сердя́га, пи́сля то́го пожи̇̀въ,—умѐръ. Ка́жуть, ба̀чъ, не тре́ба ви́дьмы стерегты̀.—А булы̀ й таки̇̀ лю́ди, ось, прыми́ромъ, Ко́втунъ; такъ той ды́вицьця,—ко́тыцьця по доро́зи ви́дьма клубко̀мъ, ви̇̀нъ взя̀въ ёго̀, прыни̇̀съ до се́бе у ха́ту та до ла́вы де́сь и вруба̀въ,—а на дру́гий день пока́зувавъ вже лю́дямъ ту ви́дьму,—ба́бу безъ но́су".

17. „*О ти́мъ, якъ ви́дьму поба́читы.* У пе́рвый понеди́локъ на ма́сныцю заста̀въ ба́бу пекты̀ млыньці̇̀ и пе́рвый той млынѐць, шо вона̀ зпечѐ, возьмы̀, згорны̀ ёго̀, якъ слидъ, положи̇̀ зве́рху на ко́минъ, и ото̀ хай винъ тамъ лежи̇̀ть, не вору̀шъ ёго̀ до са́мого „Велы́кодня". На Велы́кдень же, якъ уда̀рють, слу́хай, у пе́рвый дзвѝнъ, беры̀ его̀ въ кише́ню й смалы̀ мирьщі̇̀й у це́ркву, стий зъ нымъ тамъ ци́лу ву́триню; а, прыйшо́вше додо́му, сховà̀й де не́будь, у скры́ни, або́що. Тоди̇̀ ти́ко дывы̀сь, та прымича̀й: жа́дна ви́дьма, одна̀ ззперѐдъ о́днои бу́де спиши́ты до те́бе хочъ подержа́цьця за замо̀къ".

18. „*Ме́ртва ви́дьма зъ непокутанымъ грихомъ.* У одного̀ чолови́ка та вме́рла жи́нка ви́дьма; отъ винъ взявъ тай захова̀въ ии̇̀ ны́шкомъ. Ма́лось-бы то попа́ позва́ты, такъ винъ, спасы́би ёму, такѐ загарува̀въ, шо й на го́лову не нади́нешъ: „твоя́ жи́нка, ка (ка́же), ви́дьма и несповѝдана вме́рла"; воно бъ це все й ничо́го, хто бъ ёго̀ й знавъ про те́е; оцѐ жъ я й чоловѝкъ ии̇̀, а не скажи̇̀ мини́ цёго̀ пипъ, й дале́бибъ ни знавъ сёго̀, а пипъ, та бувъ самъ видьма̀къ роды́мый,—опыря́ка. Ну шо̀ жъ тутъ?—поду́мавъ—поду́мавъ, хочъ и грихъ скотыня́кою хова́ты, бо й воно́ жъ таки̇̀й чоловѝкъ, якъ й мы грѝшни,—христьяны̀нъ, та нужда̀ зако̀нъ зминя̀. Зпра́вывся ото винъ зъ жи́нкою, а самъ пойи́хавъ куды̀сь и ии̇̀здывъ до сами́синькои но́чи, ды́выцьця,—а на зу́стричъ ёго бижи̇̀ть розпа́тлана й въ одни̇̀й соро́цьци ёго̀ жи́нка, та такъ и грибе́цьця пря́мо до петелёкъ; винъ одъ нѐи, а вона̀ за нымъ, и та́къ гна́лась до са́мого дво́ру. Чоловѝкъ баче що ди́ло пага́не, та скорѝшъ бату́рою по шка́пи, уи́хавъ у двѝръ, вы́пригъ на́скоро коня̀, пусты̀въ пидъ повѝтку, а самъ мирьщі̇̀й у ха́ту; засу́нувся и лигъ спа́ты; воно̀ й спаньня̀ тамъ, ма́буть, було̀ вже такѐ; це слу́ха: кругòмъ хаты шумѝть

гудѐ бу́рею. Оттакѐ, ду́ма, несвитовѐ згра́пылось, це жъ моѝ жи́нка зъ непоку́товаными грихамы, не лежи́цьця ий сердѝзи у доломы́ни (домовы́ни), пруть ий видно̀ вы́дтыль грихѝ; та такъ наляка́вся, шо и не гасы́въ каганьцѝ цилу ничъ.—Ду́мки ёму̀ наляглы́, зви́сно, и́ньчи, а мо́же й свитъ въ оча́хъ одъ злѝку круго̀мъ пишо̀въ,-помуты́вся и винъ на выду̀ зовсимъ змарнѝвъ бидола́га; ди́ты ёго̀ тожъ зъ дня на-день, ска̀зано, мое не́нько, ча́хнуть та хири́ють: жу́ряцьця, мо́въ, кри́пко ди́ты за ма́мкою, ма́буть. Ду́мки вся́ковы. Бо (Богъ) зна̀.—А суси́ды, имъ то виднишъ, пидми́тыли, шо воно̀ творы́цьця, та возьмы́ й скажѝ ёму̀: „Отслужѝ, го́лубъ сы́вый, заклятны́й мале́бинь, бо по ноча̀хъ, якъ тебѐ нема̀ до́ма, прихо́де до те́бе твоя поки́йна жи́нка зъ кла́довыща, гри́е окры́пъ,—мы́тель, та мы́е твоѝмъ ди́тямъ го́ловы й до то́го ихъ ва́ре, шо воны, якъ ме́ртви, выхо́дять зъ ку́пылю; тодѝ ще во́зьмы, грибинѐць та й во́ши повычи́суе; такъ ось чого̀ воны́ въ те́бе чи́риють“.—Ёго̀ жъ свята̀ во́ля, шо бу́де!—На и́ншу ничъ не свиты́въ каганьцѝ, лигъ, притайнѝвъ духъ, та й прислуха́йицьця; ажъ це, бува́йте здоро́ви, якъ йе о пи́вночи, прийшла̀ жи́нка й прыняла̀сь за свою̀ робо́ту, тошни́сенько, якъ суси́ды каза́лы. Вона̀ мо́же й при сви́тлови ходы́ла, та сонъ такѝй одолыва̀въ, шо не до примыча́ньня. Зъ цего̀ жъ ра́зу жи́нка ста́ла являцьця жа́дну нѝчъ, и сви́тло не миша́ло ий; та такъ до тихъ пиръ навища́ла, по́ки не пораялы ёму̀ до́бри люде устромы́ты ий у я́му осы́ковый клы́нъ, такъ ажъ тодѝ ти́лько вже переста́ла вона̀ навища́ты ёго̀. И ди́ты зъ тыхъ пиръ ста́лы, якъ диты, та й самъ оду́жавъ“.

19. „*Видьмы зъ цидылка́мы на голови́.* Разѝвъ сти́ки прыхо́дилось моёму ба́тькови чумакува́ты вми́сьци зъ одны́мъ опыря́кою. Прыйи́халы воны́ разъ до кабака̀ вра́ньци, до череды́ ще, а вупыря́ка й ка́же: „хо́чешь, насъ угосьтѝть ту́тычки бабы́ во́дкою, ори́шкамы, смета̀ною й чѝмъ хо́чешь?“—„Го́споды Су́се“! крестю̀ ёго̀“, ка́же.—„Отъ тобѝ й „Су́се“, а хто̀ му́се, той выпье и заку́се“. Повыпрята́ла волѝвъ та̀ й жду̀ть. Че́реду начина́ють бабы зго́ныты; ба́тько й ду́ма мий, що цѐ жъ воно́ самѝ бабы́; ажъ воно̀ выхо̀де ди́ло: мѝжъ ны́мы йе й видьмы́ зъ цидылка́мы на головѝ; винь сёго̀ не ба́че, а опыря́ци то вы́дно, и ви́нъ це все ба́чить. Одигна́лы ото̀ воны́ къ че́реды; колы́ такъ: пидхо́-

дять пря́мо до кабака̀ и̇ дава̀й гуля́ть; окружи́лы опыря́ку трындычуть, таньцю́ють кругòмъ ёго, та пòштують одна̀ зъ пѐредъ о́днои, а зъ нымъ въ одну че́ргу й могò ба́тька. Дòбре погуля́лы.—Ба́чъ, вонò колы́сь яки̇̀ булы̀ лю́ды! Эгѐ"!

20. „*Видьма клубкòмъ*. Йшòвъ оды̀нъ чоловѝкъ зъ по́ля додо́му, та я́кось нечáянно (ныча́янно) й огля́нувся, а за нымъ ко́тыцьця клубòкъ зъ ва́лу; винъ идѐ собѝ байду́же, а клубòкъ ко́тыцьця тай ко́тыцьця. Шо зъ нымъ робы̀ты? й наду́мавъ: возьму̀ я ёгò та прибью̀ до стовба̀ гвиздкòмъ, мо́же, це ви́дьма. Отъ прыйшòвъ, узя̀въ та̀й прыбы̀въ до стовба̀ у се́бе въ ха́ти, а самъ лигъ спа́ты. Гля̀дь, на зорѝ вже, ажъ вонò вми́сто клубка̀ стойть прыбы̀та жи́нка за ны̀жню гу́бу, тай жа́либно про́сыцьця, шобъ йийѝ отпусты̀лы. Ни, постривà̀й: поклы̀кавъ сусѝдъ, прыложи́лы ра́ду й положи́лы йий каю̀къ; розпеклы̀ жали́зни шво́рни и̇ дава̀й йийѝ пыкты̀ ны̀мы, й до то́го допеклы̀ йийѝ, по́ки здо́хла; тодѝ, якъ ны жаль ёму̀ булò ха́ты, а все́таки пи́сля тако́йи сквернóты, не хоти́лы въ ний жи́ты, взялы̀ й спалы̀лы".

21. „*Ме́ртвый опыряка и зна́харь*. Оды̀нъ я́кось ра́зъ лучи́лось зна́харю заздри́ты, якъ опыря́ка вы̀йшовъ изъ домовы̀ны, та взявъ тай залѝзъ у не́и самъ; лигъ та̀ й лежѝть, пиджидà, шо зъ цёго вы̀йде. Це слу́ха, пидхо́де опыря́ка до свое́и я́мы; ходы̀въ, ходы̀въ, та й ка́же: „та чи ты вы̀лизешъ видцѝль?"—„Ни, ка́же ёму̀ зна́харь,—скажѝ першъ, де ты бувъ та шо ди́явъ, тодѝ вы̀йду!"—„Бу́въ я, видвича̀ опыря́ка, на сва́льби".—„Шожъ ты тамъ ба́чивъ, та ди́явъ?"—„Та пори́завъ та́мъ всихъ людѐй".—„Та на́ щожъ це ты такъ зди́лавъ?"—„На те́, що воны̀ тамъ вси ла́ялысь и не хресты̀лись; ти́ко й зоста́вывъ одну жи́нку, та йийѝ чоловѝка, бо вона̀, якъ лягáла спа́ты, такъ перехресты̀лась; вона̀ то й перехресты̀лась тамъ такъ—на́биръ, та й чоловѝка свогѝ пьяного перехрысты̀ла".—Вы̀слухавъ це зна́харь, тай пишòвъ, а опыря́ка тодѝ зно́ву лигъ".

22. „*Сердыта жи́нка-ви́дьма*. Одна̀ жи́нка була̀ така̀ серды̀та, шо чоловѝкъ взявъ йийѝ я́кось,—ска́зано, пишлò вже ди́ло на одча̀й Бо́жий: найи́ла ёму̀ печинкѝ, тай шпурну̀въ у той ривъ, де чорты̀ во́дяцьця. Воны̀ зради́лы, позбига́лысь до не́йи, такъ вона й тамъ всихъ чортѝвъ порозрыва́ла й сама̀ зробы̀лась старшòю".

23. „*Привыдѐньция прохо́жому у ви́дьмы.* Зайшо̀въ одынъ чолови̇̀къ до ба́бы й упросы́вся ночува̀ть. До́бре. Поляга́лы, тай заду́лы хропака̀. Чу́е прохо́жий, а воно̀ шось у ко́мини, якъ йе серѐдъ но́чи, ти́ко: „дж...ж..., дж... ж...“.—„Шо́ воно за привыде́ньня? Тьху! про́пасть тебѐ возьмы̀“. Погля́нувъ на ба́бу—спыть; винъ туды̀ й сюды̀,—у ко́мини зна́й бушу́е. Винъ ду́жче ставъ до ба́бы доглядацьця, а вона̀ враго́ва лежи̇̀ть, якъ коло́да, й неворушицьця; пола́павъ, пощу́павъ, полоскота́въ йийи̇̀,—все тежъ. „Ну, постòй же“, а видъ людѐй винъ та чувъ про̀ кой яки̇̀ ка́верзы; у но́си зна́ты булò. Ба́ба лежи̇̀ть; це, ду́мае, до ви́дьмы зателесова́вся. Э! ну, стрива̀й же, бесурме́нова, стрива̀й!—та взя̀въ йийи̇̀ за но́ги й за го́лову, тай здвы́нувъ на другѐ ми́сце зъ того̀, де спа́ла. Лежи̇̀ жъ тепѐръ, тря́сьця бъ тоби̇̀!—Чу́е,—ужѐ й пивни̇̀ спива́ють, а воно̀ знай соби̇̀ въ ко́мини: „дж... ж... дж... ж“, и ба́ба спыть; уже и свита,—спыть. Ну, шожъ ёго̀ тепѐръ зъ не́ю зробы́ты?—Ду́мавъ-ду́мавъ (ма́буть, не поро́жний бувъ), та тоди взявъ тай положи̇̀въ йийи̇̀ ти́ло зновъ на те́е ми́сьце, якъ и зпе́ршу лежа́ло; и ти́ко положи̇̀въ, а воно̀ зъ ко́мипу, такѐ вби́льшки, якъ му́ха, тико: „дж...“, та йий въ ни́здрю такъ и шурхну́ло—влити́ло; тоди̇̀ пидняла̀сь ба́ба тай тера́е о́чи: „ху, ка́же, якъ я й кри́пко—здо́рово засну́ла, шо ажъ проспа́ла“!—А той соби̇̀ на уми̇̀: проспа́ла бъ ты, вра́гова.—О такъ винъ йийи̇̀ прошко́лывъ“.

24. „*Ви́дьмына мазь.* Одна̀ ви́дьма пома́зала соби̇̀ чимсь пидъ мы́шками и пырхъ у ди́рку, та въ ко́мынъ. Поба́чивъ це чолови̇̀къ, шо въ не́и ночува̀въ, та взявъ тай соби̇̀ жъ тимъ добро̀мъ нама́завъ, и тимъ же сли́домъ въ ко́минъ пы́рхъ, тай попа́въ до йихъ на видми́вське збо́рыще, а тамъ йихъ, бра́тти ми́й, десь зъ усёго сви́ту, позлита́лысь, хто ёго̀ зна й ски́лько. Якъ прылити̇̀въ, ставъ мижъ ны́мы, та такъ и отумани̇̀въ; а та ше́льма зиркъ, та́й схамыну́лась, шо зоста́вила, заве́шталась, бачъ, тоди̇̀, тай забу́ла де небу́дь спру́дыты свий каганьчикъ зъ пры́мхами, та до ёго: „охъ, ли̇̀шечко“.—Зоставацьця бъ ёму̀ повикъ зъ видьми̇̀вськимы кры́лами видьмако̀мъ, такъ та вже ба́ба, ёго знако́ма, зробыла ёму̀ шось такъ, шо винъ назадъ полети̇̀въ одъ йихъ и ста́въ зновъ таки̇̀мъ же челови́комъ, якъ тре́ба. Вона̀ була́, мать (ма́буть), роды́ма, а роды́ма ви́дьма

ка́жуть замышля́е всима видьма́мы й прыка́зы йимъ даѐ.—Такъ такѐ то. Вона̀, бачъ, зъ ду́ру хочъ у кру́чу, а якъ то не тяму́ишь, лу́чче й неберы́сь.—Онъ що"!.

25. „*Прывыде́ньция зъ видьмою.* Разъ йшлы мий дидусь за пидтыта́рнымъ зъ ка́минного кабака̀: воны̀ тодѝ булы̀ цирко́внымъ ста́ростою. Вотъ воны̀ йду̀ть—тай йду̀ть; вже дойшлы̀ якъ йе до вугла̀ огра́ды, а вонò, де не возьмы́сь, мане́нька го́рнишина соба́чка, та ди́дови мижъ но́ги. Винъ и впавъ. По́тимъ у дру́ге, йи въ тре́тье. Шо за нечиста ма́тирь?.. А пидтыта́рный Канды́ба, оци́хъ хло́пцивъ, Йва́на то́що-ди́дъ, та вы ёго̀ зна́эте, ма́ть, та тямува̀въ ко́й цо одъ цёго. Зми́тывъ, шо то була̀ ви́дьма, тай ка́же: „ну, оста̀въ, оста̀въ, оста̀въ! Го́ди вже тобѝ, надсмия́лась тро́хи, ну й шкода̀,—бу́де тобѝ"!.. Непослу́халась, ока́янна, Канды́бы и ще разѝвъ ззо два пидбы́ла пидъ но́ги, то клубко̀мъ, то свыне́ю и тодѝ поби́гла. Разѝвъ зъ пьять вона̀ ёго̀ смалёну́ла ошква́рила по́ки винъ до дво́ру дийшо̀въ, а пидтыта̀рого й ни тро́нула; ви́дно, чимсь була̀ оби́жина, а́бо давни́шъ за що була̀ злоба̀.

А то я́кось йду́ть воны̀, бра́тыць мий, все тежъ зъ того̀ жъ такы̀ ка́минного обчеськóго кабачка̀, ды́влюцьця,—а спе́реди ихъ стойть на доро́зи копы́ця си́на. Шо за су́кинъ сынъ, де вона̀ взяла́ся? Ни тыжъ ёго пече́не лы́хо! а да́ли, тро́шки зго́домъ й ду́мають: цежъ опья̀ть, ма́буть, та злодю́га ви́дьма; шожъ ёго̀ тутъ робы́ты йий? Хреста вона не бойицьця,—взя́въ, зверну̀въ ге́ть у би́къ, тай че́ше навманьня̀, яка̀ бу́де,—а вона̀, трясьця бъ йий, за ны́мы,—за ны́мы; воны̀ вже й—то туды̀, то сюды̀,—умли́лы, ажъ па́ра йде, й вона̀ за ны́мы ле́мча. Та такъ, скажѝть, гна́лась до са́мого дво́ру. Воны̀, ди́душка, якъ приби́глы до дверѐй, такъ-та̀къ и згаряча вы́былы зъ крючкѝвъ сине́шни две́ри, та шви́дче у ха́ту. Мы вси попереля́кувалысь,—зви́сно, було̀ це ношно̀и добы̀, тай ще й зъ просо́ну,—та до ихъ, а воны̀ тру́сяцьця и сло́ва не вы́мовлять. Онъ що зтра́пылось:—Чуть-чуть, за малы̀мъ було̀, ка́жуть, не здогна́ла ока́янна. Шобъ вона̀ вже й робы́ла бъ?—Десь задавы́ла бъ, бедлю́га, тай ти́ко. Такъ воны̀ пи́сля це́го три неди́льли прохвора́лы, тро́хи й не вме́рлы; тай квитъ, зъ тыхъ пиръ зака́ялысь, зариклы̀сь самы̀ ходы̀ты.

А отò, мóже вы знáете Гордíйку Вакýлыху, такъ йийй чоловúкъ, забувъ йий Бóгу, якъ ёгò звáлы, винъ, булò кáжуть, якъ молодый бувъ, такъ охóчивъ бувъ зъ чужúмы жинкáмы балясы точúты, а прыйде додóму, всé летыть, шкарéбиртъ, та на пóпа; годúвъ зъ двадьцять тому назàдъ, винъ берùгъ лàвокъ,— такъ той знавъ усè одъ видёмъ, кýевдывъ, та верховóдывъ нымы, якъ хотúвъ, ничóго не буявся. Разъ кóтыцьця клубòкъ, винъ взявъ ёгò, прынùсъ у хáту, провертùвъ чоповымъ свéрдломъ у лáви дúрку, пóтимъ оддилывъ одъ клубкà пáсмо,—дéсять чúсныць, запхнýвъ йихъ у ту дúрку та й забывъ осыковымъ килкòмъ; а ýтромъ, то бáчъ булò дúло вéчеромъ, зызвàвъ до сéбе всихъ свойùхъ сосùдъ, и мой бáтя ходылы туды, такъ свойùмы очúма бáчилы, шо стойùть баба, нагнýлась до лáвы й ныжня губà прыбыта у нéйи осыковымъ килкòмъ.—Онъ-то вонò що"!

26. *„Про вовкулáку.* Вовкýлаки, бачъ, кáжуть, йе. Торùкъ ось, чувъ я, балáкавъ одынъ мужùкъ зъ Колмыкúвки, шо тамъ, позáторикъ це булò, йúде вúнъ зъ пóля у свий хýтыръ, а вонò шалáецьця шось по ишиныцяхъ: жныбáмы бъ це то булò, пóтимъ выбигло вúтты (выттыль) такè ззувбúлшки, якъ мидьвùдь и въ ширстù, тай йде до мéне, а въ мéне й духъ похолóнувъ, перелякáвся такъ; та дýмаю, дýмаю, нияк не второпаю, шо вонò за злыдень, чогò ёмý видъ мéне трéба? а дáли страхъ трóхи одвалывъ, я й здýмавъ, шо це жъ той, мать (мáбуть), вовкулáка, що, кáжуть, проявывся у насъ. Ну цежъ трéба якъ нéбудь одкорáськацьця видъ ёго, и тúко це подýмавъ, а винъ шкúдло скикъ до мéне на повóзку, та й сивъ пузъ мéне рядомъ упéрьсь очúма,—та тáкъ нымы пильно прядè (дывыцьця) минù въ вúчи, вылупывъ (вытрищивъ) йúхъ, якъ барабáнъ, чи пакъ той бýбынъ, а балàкаты ничóго не балáка, белькóче шось, потяка, по свóёму, ничóго ны поймùшъ. Сивъ ото й сидыть винъ чиннéнько, ни якойи шкóды не робе, тúлько все бъ то порывáецьця шось промóвыть. Йúдемъ собù й йúдемъ; це чýты гáвкають собáки, хýтиръ недалéко, й начáлы выдьнúцьця хáты; хýра моя заздрúла, шо блызько вже жильлè, схопывся зъ вóзу тай бувъ такый, давъ тягу на зáдни й юпьять побùгъ, скúко выдно, у поле. Чи винъ бы то выдно чось (чогòсь), абó пы-

тàвъ, або просы̀въ у ме́не, злы̀день же ёгò знà, а ти́ко бувъ бачъ тодѝ мырны̀й. Хиба тымъ, сказать, шо днёмъ? Но́ччу жъ оце, якъ совсѝмъ горàздъ вже сме́ркне, и лю́де обисну́цьця тро́хи, то отò, бачъ, не винъ вже й бу́де, щобъ не залѝзъ де въ ха́ту, й не повытяга́въ бы видьты̀ хлибъ — стѝко йе, са́ло, смыта́ну, ма́сло, молокò, а якъ шо йе, шо не пойидыне у пичѝ, то й все зъ пе́чи берѐ й нисѐ зъ собою.—Пиддирà бачъ винъ до́бре.—Соба́ка на ёго не га́вка и дзвиръ ния̀кий не бирѐ; про́бувалы ёго вже́ й сти́ко разѝвъ засида́ты,—карав́улылы, ничо́го й ния̀къ не мо́жно таку̀ сы̀лу зпийма́ты.—На облы̀чча винъ всимъ такѝй якъ и чоловѝкъ; и но́ги, и ру́ки, и мо́рда, и все такѐ, та ти́ко ввесь въ шырсты̀, и вонà стойть на ёму штыремъ.

На однѝй сва́льби у понеди́локъ, пи́сля то́го, якъ обдары̀лы молоды̀хъ, у ба́тька молодо́го и молодойи; такъ воны̀ якъ йи́халы вже до до́му, до молодо́го, такъ якъ йе насерѐдъ доро́ги познима́лысь (позла́зылы) зъ по́йизду, йихъ булò симъ чоловѝкъ: молоды̀й, молодà, дружкò, пиддру́жий и тры сва́шки, тай пишлы̀ въ сви́тъ за очи́ма на симъ рàзныхъ киньцѝвъ сви́та. Ка́жуть, це йимъ зди́лано такъ на симъ годѝвъ, а по́тимъ опя̀ть ззи́йдуцьця".

27. „*Колдунъ и вовкула́ка.* Литъ зъ пьять тому̀ назàдъ и въ нàсъ молвà пройшлà, тай тепе́ръ такѝ балака́ють, шо би́галы вовкула́ки по на́шому степу̀. Куме́дный цей дзвыръ „вовкула́ка"!. Вовкула́ки йе такѝ й такѝ, шо йзъ ро́ду ны̀мы ро́дяцьця, а ще, шо на́ бильшъ, йе такихъ, що йихъ ро́блять колдуны та знахарѝ зъ такихъ-же людей, якъ бы оце й мы̀ гри́шни. Всѐ цѐ пиче́не лы̀хо бильшъ всёго востаѐ на свальба́хъ зъ за-дружкѝвъ и тра́пыцьця жъ вонò на йихъ, та на пиддру́жихъ. Зря̀дъ бувà, то втовкма́чицьця якѝй у ци причинда́лы, берецьця за ди́ло, а кибе́ты нема̀, й у но́си не хвата́, а тутъ гляды̀, на ту лиху̀ годы̀ну й проя̀выцьця такы̀й, шо й зъ пе́кла вы̀скоче,—ну й го́ре: ото зàйде злобà, та гнивъ, о тимъ, шо е́го зплюздрова́лы —не попросы̀лы-бъ то, бачъ, або не нанялы̀ дружкува́ты и вѝдъ цие́и па́косты, дывы̀сь, жды, мучи́цьця мо́же такѐ, шо й ввесь нарòдъ на сва́льбахъ по́ртять. А хто отò вже; другѝ такъ ди́лають: якъ зами́те, шо приле́мзавъ на сва́льбу якѝй не́будь

одирвыголова, ни въ чимъ не перéчуть ёмỳ й наровлять все пóштуваты, та всимъ годы́ты,—а винъ перѐдъ всёю кагалóю чубýныцьця, велычáецьця: я, молъ, не я; и Бóже упасѝ питы́ на перекѝръ прóты шéрсты, тодѝ квытъ,—хочъ заздолéгидь крычѝ каравỳлъ... Ни вже, о тимъ—шкодà!—годы́ вже, бачъ, тодѝ, тай годы́. А бýдышь нéдовукъ, абò вóвси нéукъ у цёму дѝли, та зъ пóиздомъ зъ молоды́мы будишъ йѝхаты, то когó бъ ты ни заздрѝвъ, чи зустрѝвъ бы то, здиймàй мирыщѝй шáпку, клáняйсь у пòясъ и пиднòсь горѝлки й закýски. Вы́пье не вы́пье, закýсе не закýсе,—немà тобѝ до тóго дѝла; будь бы вонò булà видъ тéбе честь прилóжена, бо вся́ки прычѝны видъ людѐй бувáють, и ёго худóго ни зà що невзнáешъ мижъ дóбрымъ.

Одногò чоловѝка отàкъ зробывъ колысь колдỳнъ вовкулáкою. Бувъ дружкòмъ, чи щобъ то, та й поспóрылы; ну, винъ ёмỳ й вдружѝвъ:—нарóду на свáльби хмáра, а винъ бидáга побѝгъ тай побѝгъ собѝ видъ ёго вовкулáкою, скѝко вы́дно у пóле на чотырёхъ; останóвыцьця оцѐ, поды́выцьця та й упьять. И щей то, скажѝтъ на мы́лость, що все чýе й розмышлà, та не балáка и зрáзу ставъ увѐсь у шерсты́, й облы́ччамъ той же вовкъ. Чоловѝкъ винъ не стары́й й малѝ дѝтки йе; плáчуть вси тодѝ по ёму, сумýють. Журбà напáла и сосѝдъ. Отъ оды́нъ якѝйсь ёго знакóмый видъ всёго дóбре тямувàвъ, тай прочỳвъ я́кось про це лы́хо, жжáлився надъ нымъ й намѝрывсь одвалáты,—обирнýты назàдъ въ чоловѝка; бо вонò, кáже, йе такѝ, що тѝко згубы́ты мóжуть, а напрáвыты „ба“, хочъ би й захотѝвъ це зробы́ты; а йе такѝ, то й те й другѐ тямýють. Зибрáвся й пишòвъ ёго шукáты скризь по пóлю; шукàвъ, шукàвъ, а винъ десь далéко забѝгъ, та ажъ на трéтий день на слидъ натрáпывъ й знайшòвъ: „чогò ты, кáже, тутъ шалáйисься? ходѝмъ до дóму“!—А той вы́солопывъ óчи тай ни мéкне. Отъ винъ покачàвъ, покачàвъ головóю, та взявъ та й перевернỳвъ ёгò у чоловѝка, якъ й изспéршу нымъ бувъ, а тодѝ й кáже: „иды́ жъ ты на своѐ селò и въ рáньци, дожидàй быля́ колóдизя, туды́ прийде однà бáба, такъ ты возьмы́ йийи сзáды за плéчи, злякàй (скажѝ: „тюй!“) и промóвышъ: „нà зъ мéне цю́ю (оцю́) мою шкýру и носы йийе стѝко, скѝко я носы́въ“, а шобъ ты скорѝшъ це зробы́въ, бо йты далéко, бижà вовкулакою“.

Той возьмы̀ та такъ и зробы̀, и ба́ба ста́ла вовкула́комъ, а винъ—чолови́комъ.

28. „*Шка́рбы.* Шка́рбы—це заклятни гро́ши; кла́дени воны̀ вся́кими людьмы крещ́ёнымы й не́христамы; хова́лы йихъ у зе́млю. де не́будь была̀ яко́йи нѐбудь прими́ты, або́ й описля̀ кла́лы яки̇̀ не́будь свойи̇̀ вже приме́ты: кущъ дерезы̀, бузыны̀, калы̀ны, лы̀пы и чого̀ ти́ки,—нахо́дяцьця шкарбы й беля̀ мугі̇̀лъ; то ба́чъ давні̇̀шъ хтось клавъ. Шука́ты йихъ тру́дно, йе вся́ково: йе лю́ды таки̇̀ шо на те врожде́ни, вже та й знахарки̇̀ кой-колы̀ попада́ють у ры̀хву.—Бильшъ сови́тують такъ, особлы̀во де стари̇̀ шка́рбы одъ не́христивъ: тре́ба ста́ты пузъ (по́ручъ) зъ прыме́тою й дожида́ты, по́ки со́нце зи́йде у ростъ чолови́чий, и тоди̇̀ й дывы̀сь, куды впадѐ тинь съ твое́йи головы̀, и рый,—якъ шо нема̀ ничо́го, такъ тоди̇̀ прымі̇̀ть ту тинь, яка̀ ля́же зъ прыме́ты; узнаю̀ть, чи пакъ прымича́ю̀ть це одна́ково й по за́ходь со́ньця. Пры киньци̇̀ сви́та вси, де ни йе, шка́рбы бу́дуть явля́цьця вси́мъ лю́дямъ безъ розбо́ру, такъ ти́ко йихъ тоди̇̀ не тре́ба бу́де: не до йихъ.. У нашъ викъ, якъ шо выхо̀де срокъ заклятны̀мъ гро́шамъ, йихъ заклына́ють на сто годи̇̀въ йе й на ви́ки; ти́ки-ти, шо на ви́ки, такъ лежа̀ть пидъ таки́мъ ками̇̀ннямъ якъ горы завби́льшки; та́къ воны̀ явля́юцьця тоди̇̀ лю́дямъ,-не абы̀ яки̇̀мъ, а ти́мъ, яки̇̀мъ назна́че Бо̀гъ,-або козля̀мъ, або кото̀мъ, пи́внемъ, сви́чкою горя̀ть. або сопл̀ывымъ стары̀мъ ди́домъ и ждуть ото̀, щобъ йихъ хто вда́рывъ, и воны̀ тоди́ й розсы̀плюцьця яки́ми не́будь гри́шмы. Ще й не гро́ши, головни̇̀-то ба́чъ, таки̇̀, шо за йи̇̀хъ й не зу́здришъ, якъ запла́тишь свое́ю, або̀ жъ зъ симьйи̇̀ чие́ю голово́ю, а, бачъ, небезпрымі̇̀нно така̀ за ихъ пла́та“.

29. „*Дидъ и вдова̀.* Ады̀нъ разъ, ка́жуть, прыйшо̀въ до одни̇̀ жи́нки ста́рый преста́рый сопл̀ывый дидъ, а йийи̇̀ то чолови́ка та якъ на те не було̀ дома; отъ винъ и ка́же ейи́: „у̀тры̀ мене̇̀ старе́нького, утры̀ сы̀во голу́бочко!“ А со́пли такъ-такъ зъ-обохъ ны̀зьдерь й шлякотя̀ть.—„Цуръ тоби̇̀, стары̀й ди́ду, хай тоби̇̀ абыщо, геть соби́ бижи̇̀ мирщи̇̀й, а то ось-о̀сь незаба́рёмъ якъ прыйде мий чолови̇̀къ додо́му, то винъ тебѐ утрѐ нагаёю“! И пишо̀въ дидусь, изигну̀вся и ле́две но́ги со́ва; а тамъ недале́чко, звернуть ти́ко у прову́локъ, жила̀ би́дна удова̀. Ди́дъ до не́йи: „здоро́ва була̀! Утри̇̀ мини̇̀, молоды̀чко, старе́нькому, со́пли“! Вдо-

ва̀ зъ слиньця̀ исхопы́лась, стягла̀ зъ мы́сника ганьчи̇̀рку тай утéрла выськрякѝ; успи́ла ти́ко тря̀пку одхваты́ты, а вонò— „брязь! брязь!“ й розсы́пався перѐдъ бидною вдовóю стары̀й, сопли́вый та гидкѝй на врóду ди́дъ самы́мы чирвóньцямы. Стáла тодѝ вдова̀ жи́ты, багати́ты, та Бóга хвалы́ты“.

30. „*Старый дидъ и ди́вка.* Зъ вечерны̀ць йшла̀ ди́вка пóлемъ; це у ли́тку булò ди́ло; кругòмъ степъ, сама̀ трава̀-перекоты́ пóле й ты́рса зъ ковылóю. Зи́ркъ на у̀зьбичъ до лискѝвъ, вы́йшло шось изъ ли́су, стáло тá й стойть. Стéжка йшла̀ побля̀ лискѝвъ й пу̀зъ тогò, шо вы́йшовъ ви́дты. Ди́вка йдѐ собѝ байду̀же,—чогò полоши́цьця? Пидхóде блы́жче. Стойѝть побля̀ стéжки, пидпѐрсь палюгóю стары̀й, стары̀й дидуга̀, у пóясъ би́ла борода̀ и выскря̀къ зъ низдри́ повы́съ, чуть-чу̀ть трóшки не додóлу; заздрѝвъ ди́вку й кáже: „иды̀ лы́шинь сюды̀, дóчко, та втры менѐ хусты́ною!“ Ди́вка була̀, куды̀ хóчъ й не зъ трусли́вого деся̀тку, крéстыкъ бу̀въ на ши́йи тóжъ, а зъ нымъ куды̀ хóчишъ, та й такъ такѝ-була̀ небрезгли́ва, пидийшла̀ собѝ швыдéнько та й утéрла хусты́ною сопля̀къ диду̀севи, а винъ, дидуся, узявъ та й розсы́пався у нóги до ди́вки, й стáлы зъ ёгò самѝ стри́бни грóши. Ну, зви́сно жъ, вона̀ йихъ ззибрáла й понесла̀ зъ собóю“.

31. „*Ди́ты и козыня.* Одна̀ бáба пóраецьця, тá й пóраецьця собѝ кóло пéчи, а ди́ткамъ свойѝмъ, шобъ не пустувáлы та не пошкóдылы чогò, насы́пала у мы́ску молока̀ й посады́ла йихъ посерѐдъ хáты на доли́вци йи́сты. Сама̀ жъ зновъ одвыхну̀лася, за ди́ло взялáся та й байдужé,—не ды́вицьця до дитѐй. А вонò, чу̀ете, де не взя̀лось зъ пидпóкутя й вы́бижи манéньке козыня̀тко, та до дитòкъ, до молока̀,—й ну давà̀й зъ ны́ми хлебтáты; ди́тки попускáлы ложкы̀ на рядéньце та до мáтери: „мáмо, а козыня̀тко молокò йѝсть“.—„А гóди тáмъ вáмъ, де вонò, кáже, вóзьмецьця“? Сказáла, одвѝтъ, бáчъ, отò дала̀, та знà̀й такѝ собѝ пóраецьця. Колѝ це, трóхи згóдомъ, опья̀ть вже ду̀жче крычà̀ть ди́ты: „мá-мо, ма-мò! Та що це вонò за козыня̀ приве́рзало до насъ? прогоны̀ ёгò одъ мы́ски, атò вонò скóро усé молокò у нáсъ пойѝсть“.—„Що за абы́що? ду̀мае собѝ мáты,—хибà и справди лучи́лась ди́ткамъ яка̀ прывыдéньция“?—а вона̀ то та чу̀ла,

вы́днò, про такѝ прычи́ны, ну та не ду́же йимъ ви́рила, и такъ не́хотя, скризь зу́бы проточи́ла: „бы́йте жъ ёгò, ди́ты, ложка́мы, не би́йтесь ничо́го“! Ди́тки якъ уда́рылы по е́му, а воно̀ такъ и розсы́палось самы́мы стри́бнымы гри́шмы. Ажъ тодѝ такѝ й вона̀ поняла̀ цёму̀ ви́ры. Гро̀шей ку́ча“!

32. *„Китъ и ди́ты.* Гра́лысь ди́ты на ву́лыци, якъ ба́чуть— идѐ до ныхъ жо́втый китъ, тай ка́же йимъ: „бы́йте менѐ, бы́йте менѐ!“ Ну, а воны́ обнакове́нно, бачъ, началы́ ёго̀ ла́щыты и гра́тыся зъ нымъ... Прыхо́дють до до́му та́й хва́люцьця свойѝ ма́тери: „ма́мо, ма́мо! Слу́хай, шо тамъ воно̀ такѐ:—мы гра́лысь на доро́зи, а до насъ прыбѝгъ чийсь жо́втый ки́тъ, начàвъ зъ на́мы модрува́цьця и все наровы́ть ми́жъ на́мы бу́ты у сере́дыни, а по́тимъ и́ роспотя́кався, нача́въ ра́зни вы́тивки вы́тива́ты: то дзы́кою покру́тыцьця, то геть одъ насъ схова́йицьця, хотѝвъ, мать, винъ шось намъ зробы́ты, та такъ ничо́го й не зору́довавъ и все ка́же: „бы́йте менѐ, бы́йте менѐ! А мы й не бы́ли ёго̀, пожали́лы, бо винъ такѝй бу́въ га́рный та ласка́вый; и шерсть на ёму грала, якъ со́нце ся́йе й полашто́вана гладе́нько; такъ та́кечки—погра́лысь собѝ тро́хи и винъ незаба́рёмъ й пишо̀въ олъ насъ, шо мы й не зу́здрились“.—Ма́ты вы́слухала це, тай ка́же: „ну, гляди́ть же, ди́тки, якъ пи́дете ще гра́цьця и пры́йде зно́ву, ки́тъ до ва́съ, та́къ вы ёго̀ хочъ поманю́синьку уда́рьте тамъ кулако̀мъ або́що, тодѝ куплю̀ я вамъ по́венъ бургю́гъ медяныки́въ, фрондзо̀лъ и гале́тивъ“.—Отъ воны́ пишлы́ опья̀ть гра́тысь, гра́лысь, гра́лысь—ды́влюцьця и китъ упья̀ть идѐ и те́жъ стро́йе, и нявчи́ть: „бы́йте менѐ!“ А мижъ ны́ми та бувъ тепѐръ такѝй зари́чиный хло́пець, незляка́вся, пидийшо̀въ до ёго блы́жче та якъ уче́ше—три́сне ёго̀ по́ лоби, а винъ чикбрѝкъ зъ усѝхъ чотырехъ й росы́пався золоты́ми гри́шмы. Було́ жъ тодѝ йимъ невпо́йистъ ра́зныхъ ла́сощивъ“.

33. *„Пастухи и козинята.* У ве́чери разъ пастухѝ гна́лы волѝвъ зъ по́ля до до́му, було̀ ди́ло пидъ яки́йсь велы́кий пра́зныкъ; це ды́влюцьця—поперѐдъ йихъ, гинъ, мо́же, зъ двое бижа̀ть якъ бы назу́стричъ йимъ двое козыня̀тъ, та оцѐ—розго́нюцьця одынъ зъ-пе́редъ одного̀, та та́къ лоба́мы й уда́рюцьця и всѐ, и всѐ якъ бу́дьто бъ то наблыжа́юцьця и наровля̀ть пере́бигты доро́гу пастуха̀мъ. Пастухѝ дывы́лысь, дывы́лысь и ду́-

малы и ниякъ въ толкъ соби не вхоныли, що то воно такè за дыкóвина:—вивци давно вже прогнáлы зъ толóки, а дежъ взялáся ця худóба? А одынъ и кáже: „постривáймо, подывымось, що воно за бисъ“,—„то, мать, чортынята грáюцьця, сказàвъ другий“! Якъ же це винъ, брáте мий, сказавъ, такъ такъ скáзано, въ выду йихнёму, хто зна, де й дилося. Звисно дурни тоди булы; якъ бе тепéръ, отò бъ мирьщіи трéба булò бъ крестыцьця, та Бóгу молытысь и отò Богъ бы давъ шкарбъ, що называйицьця, небезпрыминно бувъ бы у йихъ рукàхъ“.

34. *„Заклятый кладъ.* Одынъ знáхарь знавъ все своè знàхурство и росказàвъ моёму брáту, де йе позахóвани грóши и навчивъ молытвы такóйи, що винъ мóже, де вгóдно, грóши знайты, тильки бизъ урéмья (бизъ врéмья) не мóже взяты. Отàмъ, кáже, де колóдезь былà Зайцивъ на репьяхивци, такъ такъ цилий чувàлъ зарытый зъ гришьми, а въ зрýби, що пидъ Бунчукивкою, такъ тамъ пидъ лыповымъ кущèмъ, де невилыкий ярóчокъ вытявся до Курáковойи, симъ зризывъ зарыто изъ золотымы, тилько, звисно, воны заклятни; винъ и ходывъ туды, такъ отамъ дидъ сидыйсидый йе, що зна вси твойи мысли, що ты й дýмайишъ, винъ то й кáже моемý брáту: „що зъ тóго, що ты вóзьмешъ? Йимъ зрокъ ще не выйшовъ, и ты ными не подживèшъ, а отàмъ сказàвъ вже той дидъ ёмý, чи мóже й знахарь, де велыкий мистъ, перекинутый чиризъ ричку у Курáковий, такъ тамъ, якъ на сáжень одступыты и на аршинъ вырыты, йе казандкъ зъ гришьмы, тильки цимъ зрокъ чéрезъ пьять годивъ, а якъ выйде, тоди и вóзьмешъ“ (и винъ же це, отъ изыстыно прáвду й казàвъ, потомý що, якъ йдèшъ булò на сюношну пидъ Велыкдень, такъ на тимъ мисьти повсигдà горыть свичка). Отъ мий братъ дóвго крипывся, а дáли не вытерпивъ и пишòвъ туды у ночи, откопàвъ, знайшовъ тамъ ти грóши, тоди скинувъ зъ сéбе чóбитъ, шшивъ торбинкою онýчу и набрàвъ туды грóшей, скилько влизло. Прийшòвъ ото винъ додóму й положивъ йихъ пидъ скрынею, а самъ такъ и одубивъ зрáзу, й рéчи однялò, й ничимъ ни володà. Мы жъ, звисно, про це нихтò ничóго не знавъ й не гадàвъ, налякáлысь й пожуралысь дóбре, а дáли—мáте и кáже: „давáйте абò малéбинь одслýжимъ, абò що“. Взялы зибрáлыся и одслужылы. Ему полéгшало,—рéчи одпустыло, стáвъ балáкаты и ворóчацьця,

а ходы́ты не мо́же. Винъ и ка́же тодѝ: „Го́споды! якъ бы минѝ пиднятысь, такъ я бъ си гро́ши за́разъ бы й однѝсъ туды́ жъ на те ми́сто, де и взя́въ“. Колы́ такъ,—на дру́гий день пиднявся, дожда́вся но́чи: взявъ ти гро́ши и однѝсъ; ни ти́ко жъ зъ ёго и добра̀ жъ не було̀,—такъ винъ дожи́въ до Велыкодня и вмеръ“.

35. „*Головни гроши.* Ли́томъ я́кось би́галы ди́тки сте́жкою въ садо̀къ на травы́чку гра́цьця и знайшлы́ тамъ откры́ту скры́ню, зви́сно, изъ землѝ вы́йшла, а въ ний булы́ самѝ золотѝ гро́ши; воны́ жъ, бачъ, ото̀, ска́зано жъ ще дурнѝ—ди́ты, обра́дилы цёму̀ ды́ву й начали промѝжъ собо́ю лементова́цьця: „дывы́сь, ка́же, оё-ё-о̀й у скры́ни якѝхъ цяцёкъ напы́чкано“! Нахилы́лыся у скры́ню й понабера́лы собѝ тихъ цяцёкъ,—хто въ кише́ню, хто въ па́зуху, хто въ пе́лену (дито̀къ було̀ чимале́нько) й поби́глы зъ ны́ми вси у ха́ту гра́тысь. Гра́лысь, гра́лысь й удра́лы въ дру́ге; принеслы́, вы́сыпалы у ку́чку, та́й въ тре́те поби́глы—прынеслы́. Посида́лы на доли́вци й началы́ ворошкѝ насыпа́ты та въ кре́ймушки гра̀ты. Шо не пидки́нуть ця́цьку, вона̀ впаде́ на дру́гу та ти́ко: „дзе́нь...дзе́-е-нь“ й го́лосъ протя́гне; ди́тки здывува́лысь, шо цяцькѝ спива́ють, та до ма́мки: „Ма́мо, ма́мо! йды дывы́сь, яку мы ця́цьку знайшлы́“.—„А го́ди тамъ вамъ, ску́рви ди́ты, зъ ва́шимы цяцька́мы“,—а сама̀ й не огляда́ецьця!—Ди́тки погра́лысь, погра́лысь та впьять такѝ корты́ть похвалы́цьця: „та ма́мо, такѝ! ось подывы́сь такѝ, якѝхъ цяцёкъ прыдба́лы“! Ма́ты не́хотя зиркну́ла й взна́ла черво́ньци, та такъ зъ ми́ста й пидско́чила: „дежъ це вы, мойѝ ди́точки, цю́ю ця́цичку взялы́“?—А ди́тки одно̀ зъ-пе́редъ о́дного: „ось ходѝмъ ма́мо, онъ, ота́мечки; пострива̀й, стрива̀й, мы пока́жемо“. Ну й до́бре. Пишлы́ и поби́глы. А одно̀ дитынча̀, та було̀ бъ то́би, га́спидьске, шу́стре, такъ и снуѐ туды́ й сю̀ды, й кру́тыцьця, якъ дзы́ga на лёду, вси йду̀ть потихе́ньку, а воно̀ жъ, якъ нена́че чу́е на се́бе лиху̀ годы́ну: поби́гло, тай поби́гло упередъ. Ма́ты зиркъ у бикъ—стойить по́дли сте́жки скры́ня роскры́та, и хло́пчикъ йийѝ добига̀ вже до не́йи, а да́ли—перехилы́вся ка́торжный у скры́ню й не дожда́вся ма́тери, хотѝвъ бы то пе́рвый скорѝшъ доста́ты зъ скры́ни ця́цьку, та ти́ко го́лову туда̀, а воно̀ кры́шка ти́ки—„ба́ць“! Хло́пнула, закры́лась й одруба́ла диты-

ни го́лову и такъ зъ нею й увишла̀ опья̀ть наза̀дъ у зе́млю. По́ки дойшла̀ ма̀ты до то́го ми́сьця, ажъ вонò й зе́млю заривня́ло, нена́че й ничо́го не булò, ти́ко лежи̇̀ть тамъ однò ту́ловыще зъ йийи̇̀ диты́ны.—„Оттакѐ, ка́же вона̀ тоди̇̀, не ты жъ ёгò, ску́рва диты́на, ба́чъ, чогò сама̀ собѝ наробы́ла“! У ма́тери ду́мка бъ то така̀ була̀, якъ бы вона̀ вми́сти зъ ди́тьмы до скры́ни пидийшла̀, то и ва́ды бъ го́ря бъ ния́кого не булò; та ти́ко ни, ма́буть, це шкарбъ такѝй, шо за ёго небизпрыми́нно одвича́ты тре́ба кому̀ не́будь свое́ю голово́ю: не дитя́ча, такъ йийи̇̀ бъ голова̀ пийшла̀ бъ у зе́млю зъ скры́нею.—Оттакѐ то вонò: будь дово́лынъ чимъ не́будь одны̇̀мъ: або гри́шмы, черво́ньцямы, або голово́ю“.

36. „*О тимъ, якъ ди́вка пошуткува́ла.* Ишлы̀ дивкѝ на ву́лыцю до дивча̀тъ гуля́ты, й тре́ба булò въ одни̇̀мъ ми́сьци ярòкъ помына́ты; то була̀ глуха̀ мисцы́на, степъ не степъ, боло́то тай го́ди. Ну й поби́глы дивча́точка скризь по тий доро́зи, ось изсо́всимъ переби́глы, ужѐ й вы́дно ха́ты. Одний изъ ныхъ схоти́лося про се́бе прыси́сты, зоста́лася пидъ кущѐмъ, а ти знай поби́глы. Пидняла́ся й ста́ла тоди̇̀ по́другъ догоня́ты; бижѝть сама̀ по доро́зи, а булò темне́нько, зиркъ на бикъ—схова́лася въ ковелѝ сиды́ть яка̀сь ди́вка. Бачъ, ду́мае собѝ вона̀, ще й си́ла лякáты; якъ доби́гла, та хипъ платòкъ зъ не́йи й хи́ли по доро́зи. Доганя̀ свойи̇̀хъ дивча̀тъ тай пыта́йицьця: „прызнава́тесь, чий платòкъ, го́ди шуткува́ты“!—„Це не мий, це не мий и це не мий“,—усѝ такъ сказа́лы. „Та що за нечи́ста? та ко́тра жъ то зоставáлась менѐ изляка́ты?“—„Мы ту́тички ось усѝ:—Га́пка, Сте́ха, Мыла́шка, Тыття́на... всихъ переличи́лы“.—Такъ и йе! Здвыгну́лыся вси плечи́ма, здывува́лысь сий прычи́ни й наляка́лысь до́бре, тай подà̀й Богъ но́ги, побра́лыся вси за ру́ки й лата́ты вже мо́вчки. Вечерны̇̀ци не вдалы́ся: сумны̇̀хъ була̀ би́льша половы́на. Хло́пци зпе́ршу розвага́лы, у скры́пки и балаба́йки витрибе́ньки гра́лы; по́тимъ ла́ялись зъ доса́ды, крыча́ли и зъ тимъ розийшлы́ся. Пишлы̀ дивкѝ на доми́вку, а хло́пци за ны̇̀ми. Прийшла̀ ди́вка у хи́жину й принесла̀ хусты́ну зо́всимъ ищѐ нове́сеньку, зъ поря́дку шовко́выхъ, й положи́ла на полы̇̀цю, сама́ жъ лягла̀ спа́ты. Бувъ, чи не бувъ той сонъ у не́йи, а бачъ же лежа́ла, й усѝ въ хи́жци спа́лы, про диво́чу хусты̇̀ноньку ничо́го не зналы. Це якъ йе вже о пивъ но́чи, прихо́де

шось до хижины й стукотыть и грюкотыть, ажъ быча́чи пузыри́ поло́палысь у викни́, и знай коло́шка та крычи́ть: „верны́ моѐ мини́ назадъ! верны́, верны́, оддай моѐ“! Побуды́ло вра́же лы́хо й наверну́ло ду́мокъ, ажъ у о́чахъ зъ переля́ку мете́лики гра́ють.—„Хто́ ты, шо тоби́ видъ ме́не, убо́гого, тре́ба“? насторо́чивъ ву́хо й слу́ха, що ёму промо́ве, а воно́ й уты́хло, ничо́го не чу́ты. Поляга́лы зно́ву. Ти́ко звелы́ о́чи, слу́хають—стучи́ть: „верны́ моѐ мини́ назадъ! верны́, верны́, оддай моѐ“! та такъ й заскрыго́че. Схопы́лыся, засвиты́лы страшну́ сви́чку й лыпа́дку до Спа́са, тай началы́ творы́ты молы́тву. Помолылись, якъ зъуми́лы, й началы́ промижъ собо́ю пыта́тысь, то́лку пидбира́ты, къ то́му,—шо то, бачъ, йимъ за нечи́ста въ викно́ стугони́ла й вели́ла верну́ты шось такѐ йийи́. Ди́вка до́вго крипы́лася, взяла́ й росказа́ла про те́, якъ йшла́ зъ дивчата́мы, йшла́, тай и зоста́лась,—по́тимъ доганя́ла, й якъ нича́янно въ воши́бку съ ко́гось на доро́зи хусты́ну увирва́ла. Росказа́ла й протягла́ на поли́цю ру́ку: „Дыви́теся, ось вона́“. Розверну́ла на столи́ пере́дъ образамы й залыла́ся, бидола́га, дри́бнымы слёза́ми... Затымъ пидхо́де дру́га ничъ. Зъ пивъ—но́чи тежъ творы́цьця. На тре́тю, якъ прыйшло, взялы́ воны́ й шпурну́лы ху́стку у викно́. Лежи́ть на пры́зьби та хусты́на, а въ хи́жини одъ сту́ку, ажъ хо́доромъ все хо́де. На у́три зновъ взялы́ хусты́ну й пишлы́ изъ не́ю до попа́—ра́ды попыта́ты. Прыхо́дють, пита́ють: „що робы́ты тутъ намъ, по́пе,—ота́къ й ота́къ намъ тра́пылось“, й росказа́лы, якъ було́ одъ нача́ла до киньця́. Попеня́въ йихъ тро́хи пипъ, а що на́бильшъ—ди́вку: „не сли́дъ було́ бъ, ка́же, бра́ты, не зна́ючи одний пустува́ты“! Тай пора́явъ ще разъ, або́ й мо́же й дви́чи, вы́кинуты ту хусты́ну за викно́, якъ пры́йде. Поклоны́лыся попу́ тай пишлы́ до до́му; ждуть, сидя́ть й очѐй не змыка́ють. Чу́ють зъ жа́днымъ ра́зомъ би́льше стервены́цьця, кричить одно́: „оддай моѐ“,—тай ба́ста! Ки́нулы, такъ ни, й дале́ко не ридня́. Ну, що жъ тутъ дожида́ты,—зробы́лы й ще разъ такъ ёму́, такъ лу́чче хочъ й облы́шъ,—й пишлы́ опья́ть до попа́, що робы́ть, пита́ты.—„Не бере́, вырла́тый злы́день, ка́жуть воны́ попу́, затвердывъ соби́ одно́, тюпу́нъ ёму́ бъ на язы́къ: „верны́ моѐ мини́ назадъ“! щожъ тутъ зъ нымъ робы́ты? пря́мо нема́ жи́сты, прыйшло́ во́вкомъ вы́ты“.—„Теперъ зоста́ецьця,—

давàй сюды̀ ди́вку, поку́ту наки́ну тай запричасьтю̀; тодѝ нехàй берѐ платòкъ й несѐ тому̀, хто до не́и пры́йде, бо самà ёгò зняла̀, самà жъ нехàй й завья́же". Наступыла ничъ, а за не́ю незаба́рёмъ налити́ла пи́вничъ жартува́ты зъ дивчи́ною за шовко́ву ху́стку. Сту́къ, сту́къ, сту́къ—затрусы́лась ха́та; пишла̀ ди́вка изъ платкòмъ тай би́льшъ не верта́лась. Жда́ть пожда́ть, ажъ ось и у́тро, а йийѝ нема́е; та такъ якъ нема̀, й нема̀ й нема̀. Пишлы̀ тодѝ зъ усимъ селòмъ ту ди́вку шука́ты й найшлы̀ въ яру̀ однѝ кисткѝ та шматка́мы мья́со, зна́ты зъ не́йи познущàвсь нечи́стый, поне́хтувавъ, розирва́въ й роскида́въ скризь по я́ру.—Такѐ то, чу́ете, колы̀сь зъ ди́вкою лучи́лось"!

37. *„О тимъ, якъ ба́ба бабува́ла у чортывъ.* Но́ччу прийи́хала коля́ска до ба́бынойи ха́ты; а вонà то булà така́, шо скризь бабу́е, це ди́ло вже за не́ю; якъ же безъ не́йи то й не те. Вонà якъ ти́ко булò черѐзъ порѝгъ,—й ось тобѝ й Богъ посыла́е... Ну, такъ коля́ска бъ то прийи́хала й въ ний сиди́ло два купцѝ такѝ гладкѝ та здоро́ви, та наря́жени, у всёму̀ ново́му, що такъ же й блисты̀ть и блисты̀ть й брязкоты̀ть на йихъ. Та й виклыка́ють на двиръ ба́бу: „выходы̀, ка́жуть, пожа́луста, сюды"! Ба́ба выхо́де, бо ду́же докуча́лысь. Воны̀, якъ ти́ко вздри́лы, й ка́жуть йей: „Пидхòдь та ти́лки не хресты̀сь". Ба́ба такъ и обомли́ла—йий и во сни нико́лы не вздрива́лось ба́читы тако́го вбра́нства на купцàхъ, такѝхъ ко́ней и каля́ски, а прыка̀зъ йихъ, щóбъ то не хресты́лась, все ривнò, якъ катъ по спынѝ оперезàвъ тебѐ ки́шкою.—„Не бийсь! мы прыйи́халы за тобо́ю, щобъ ты вми́сьти зъ на́мы пойи́хала, та до́брое бъ ди́ло намъ зробы́ла, сидàй зъ на́мы та й пойи́дьмо"!—Си́ла ба́ба и ни сло́ва. Коля́ска поби́гла. Ба́ба не вспивà примича́ты, куды̀ йийѝ тарахта́рять. Завезлы̀ ба́бу у боло́то, у густѝ прегустѝ очерета̀, та й и остановы́лысь. Уво́дять у ха́ту, а дитынчà ужѐ роды́лось й роды́льня хо́де по ха́ти, взяла́ся рука́мы за живѝтъ—сто́гне й про́се ба́бу скупа́ты дити́ну. Ба́ба взялàсь за ди́ло, а вонà хо́де по ха́ти та вка́зуе, якъ купа́ты; що це такѐ, ду́ма ба́ба, ажъ росе́рдылась, скризь булò годю̀, нихтò ще не вчивъ, а це бачъ прыйшлòсь знайтѝ одну̀ таку̀, шо не по йийѝ,—каза́ты жъ йий про це́—бойицьця. Купа́е собѝ та й купа́е; ды́выцьця,—а въ ды-ты́ны зза́ди высить ки́шка зъ до́брый соба́чий хвистъ, та такъ

й отхитнулася назадъ. Хотила перехрестыцьця, молытву створыты, зиркъ, ажъ тамъ нигдѐ нема и одниеи выконы. Догадалась баба, тай мовчить тодѝ вже. Старшій пославъ одного збераты гуляньня, клыкать на родыны, а другому прыказавъ: „пиды ты, у того-то йе нехрищеныхъ три горшки зъ масломъ, а у того-то медъ такій, а у того—те и те... беры усѐ й несы ёго сюды". На досвитку позлиталысь гости:—хто у двери, хто у викно, а хто й летивъ зъ печи.—Стойить баба не жива, не мертва. Позлиталысь й началы гуляты: таньцюють, перекидаюцьця та въ ладоши плещуть; одынъ скакнувъ на стилъ та по столи й ну гарьцювацьця, та самъ себѐ супьятками объ задныцю быты. Баче баба горе й мовчить, шобъ не двое; зибралася зъ духомъ, повернулась до старшого й каже: „одвезить тепѐръ додому, я вамъ не подоба, що зумила,—поробыла, бильшъ робыты ничого; бувайте здоровы".—Звеливъ старшій коней запрягаты. Запряглы. Стоять кони якъ орлы; шерсть на ныхъ такъ и сяйе, копытами землю рыють, а очи блыщать, якъ каганьці.—„На жъ тобі, каже, за труды, иды сюды до кадиба та наставляй свою пелену".—Пидняла баба пелену й утрунку все, мать, похолонуло, а винъ здоровый та прямый, якъ дубына (не глызёвый бувъ), та такъ все gогосомъ, gогосомъ коло нейи,—набравъ зъ кадоба зъ мирку вугильля та такъ й шурхнувъ баби за труда. Пойихала баба мовчки. Кони не бижать, а летать й земли пидъ собою не чують. Забула й подякуваты,—прийихала додому, розвернула пелену,—дывыцьця,—ажъ не вугильля, а повнисинька пелена одныхъ золотыхъ. Одъ радосты бабу у питъ бросыло, й вона захворала... Оттакъ ходыты бабувaты до незнакомыхъ, та ще й у глуху ничъ. Грихъ за це немынучий: це все равно душу свою продаты за гроши. Зъ тыхъ пиръ пропала въ баби й зависьть бабуваньня".

38. „*Еретныкі—охотныки и ключъ-трава*. (*Еретныцька охота*). Ключъ-трава подобна тымъ тико, хто зорыть за воривствомъ. Цыгане—шо набильшъ обзаводяцьця нею. Колысь було частенько такі проявлялысь такі о цимъ балясы, а тепѐръ, дывысь, хиба тико одъ старои людыны де-ни-де почуешъ про ци разни прымусии, та й то вже сталы кой що забувaты, та й цыганъ такі тепѐръ такихъ нема. То бувъ народъ соби мыжённый,

чо́рный, ажъ засмальцёваный на выдỳ; а цыга́нка, булò, якъ гля́не тобѝ въ ви́чи ти́ки, такъ такъ, якъ въ во́ко вли́пе: все роскри́е, шо булò, та ще й за́годи узна̀, шо бу́де.—Такъ отъ, еретныкѝ, охо́тныкѝ—„воря́ги“, першъ всёго, щобъ бу́ты пройды́-свитомъ, шука́ють, де несе́цьця черепа́ха, и якъ зуздря̀ть, бачъ, де (зна́йдуть гниздò), такъ отò й почита̀й вже, що доста̀въ цю́ю еретны́цьку ключъ-траву̀; тре́ба ти́ко тодѝ карав̀улыты, дывы́цьця, колѝ вона̀ са́ме поповзѐ у во́ду па́стысь, и тодѝ возьмы́, та й обгороды́ кругòмъ ёго кило́чкамы; при ний же цёгò низя̀ зди́латы, бо такъ у ти́ло и впне́цьця. (Несе́цьця вона̀ на су́ши де не (будь) у травѝ, а па́стысь ла́зе у во́ду, на дно ри́чки, або мо́ря). Вона̀ то при́йде, поба́че цю кри́посьть, огоро́жу, та тодѝ й туды́-й-сюды́ до гнизда̀,—не ввийде и поли́зе собѝ зновъ у во́ду, та такъ разѝвъ зъ три оснуѐ шука́ты тогò зи́льля, що вся́ку вся́чину рве. Прыли́зе, бува̀, разъ—не та трава̀; у дру́ге—ни, ничо́го, бачъ, не поди́е нѐю; а въ тре́ттье, якъ поли́зе шука́ты и хочъ до́вго не бу́де, за то ве́рнецьця зъ настоя̀щою, прыло́же до огоро́жи, вона̀ за́разъ же й отпадѐ вся. Трава̀ йий ця тепѐръ не ну́жна, и ты йийѝ не беры́; по́ки (по́ты) вона̀ засо́хне, а засо́хне, жды́ тогò ча́су, якъ поли́зе черепа́ха у во́ду; тодѝ прорѝжъ на па́льци (на па́льцеви) шку́рку и заложѝ пидъ не́йи ту траву̀. Тепѐръ знай: якъ це все загóийцьця, до яко́го бъ ты зали́за ни дотро́нувся,—воно̀ роспаде́цьця, не вы́держе; до любо́го замка̀, або̀ якѝхъ такѝхъ запо́ривъ, ти́ко прытулы́сь руко́ю, й воно̀ й розлити́цьця“.

39. *„Два чабаны.* Йшлы́ дви ота́ри, че́ризъ мистъ о́ди супроты́ друго́и, тай стри́лыся на гре́бли. Гре́бля була̀ вузе́нька; якъ ёгò булò пройты́,—кому̀ зверну́ты въ бикъ, або̀ верну́цьця наза́дки? Отъ, одынъ чаба̀нъ и ка́же друго́му: „стий, стрива̀й“!—тодѝ збывъ свойхъ овѐць тро́хи, пидвёрну̀въ пидъ бикъ и ти́ко жъ взявъ винъ та поста́вывъ мижъ ны́мы, одъ своѐи й чужòи ота́ры, свыдъ gарли́gу (здоро́ва па́лыця) и—„трошъ! трошъ“!—такѣ провѝвъ свою̀ худо́бу промѝжъ чужѝхъ ове́ць, що якъ пусты́въ, такъ хочъ бы однò де вивця̀, коза̀ або̀ бара̀нъ замиша́лысь помѝжъ тымы́.—Зди́лай же тепѐръ такъ,—атò жъ!—Та що й каза́ты, булò ди́ло“.

40. *„Наскóчила коса̀ на ка́мнинь. („Два дружка̀ gолдуна̀“).* По-

встрича́лысь два́ по́йизды, тай ста́лы одынъ супроты́ друго́го; по́тимъ схопы́лысь зъ гори́лкою у рука̀хъ дружкы́ й начали́ угоща̀цьця та хва́стацьця промі̀жъ собо́ю,—хто, бачъ, зъ йихъ лу́чче тяму́е, шо зробы́ты. Отъ одынъ налыва̀ чарчи́ну тай дає̀: „на, пый“!—Той вы́пывъ, а зу́бы зъ ро́ту ти́ко пуць ёму́ у жме́ню; вы́солопывъ тоді̀ винъ о́чи, та й лу́па ны́мы, мовъ, не свои́мы, а да́ли й пыта̀: „це то ты зумі̀ты зумі̀въ зробы́ты, та чи вми́йешъ же ты, лы́шень, зновъ йихъ повставля́ты“?—„Ни, цёго̀ вже не мо́жу, выбача́йте“.—„Ну, такъ дыв́ся жъ, якъ це ро́быцьця“, взявъ та й кы́нувъ собі̀ свойі̀ зу́бы у ротъ, и воны́ такъ и посида́лы, якъ булы́, на свойі̀хъ гни́здахъ,—ось якъ це ди́ецьця! А ты, ба́чу, ти́ко зпо́ртыты, згубы́ты, ззи́сты уми́ешъ, а одвала́ты наза̀дъ неха̀й, мовъ, лю́ды, бу́дуть, зна́йдуцьця, мовъ, такі̀! Отъ за це той не гара̀здъ,—ты такъ: посми́йся, посми́йся тро́хы, та й облы́шъ. На жъ, тепѐръ вы́пый моёи запека́нки, моя̀ бу́де тро́хи смашни́ша: ось на̀ бо, на̀, попро́буй цма́ку“, пидно́се. Той пьѐ и зу́бы ёго̀ до жо́дного зостаю̀цьця у ча́рци, а о́чи такъ та̀къ и повыверта́лысь зъ ло́бу. Посьмия́вся такѝ той до́бре зъ ёго, та взявъ та й отпусты́въ.—„Иды́ жъ собі̀, ка́же, сидà̀й на визъ та везы́ молоді̀хъ, куды́ слидъ, та й не glузу́й билышъ зъ людѐй“!—Вся́ки лю́де йе“.

41. *„Купѐць и гуртъ ёго̀ скоты́ны.* Гнавъ купѐць шля́хомъ гуртъ скоты́ны по поми́щицький землѝ, а воно̀ то, шляхъ той, та бувъ въ одно́му ми́сьци ззо́ранный, зоста́влена була̀ одна̀ ти́ко вузе́нька доро́га, за малы́мъ хиба̀, трохі̀ не сте́жка. Круго̀мъ рослы́ пшиницѝ у ристѣ чоловѝчий. Скоты́ны, зви́сно гуртъ, було̀ чима́ло и йшла мо́(же) ко̀й де по хли́бови, безъ то́го вже жъ незя̀. Поми́щикъ узна̀въ объ цимъ одъ свойхъ обйе́ждчикивъ й остановы́въ той гуртъ, зариштова̀въ. Купе́ць просы́цьця,—просы́всь, просы́всь, а по́тимъ ба́че, шо ди́ло не выхо́де, клы́кнувъ погонщикивъ до се́бе, на ко́ней—тай пойи́халы у блы́жнюю слоби́дку, а гуртъ зоста́вся самъ. Якъ ти́ко гуртъ, братъ ты мий, зоста́всь одынъ, ду́хомъ почу́въ не те, хвосты́ задра̀въ вго́ру, та якъ шпурну̀въ ёму̀ винъ по хлиба̀хъ, воны́ спыня́ты,—спыня́лы, спыня́лы, куды́ жъ тутъ? ничо́го немо́жутъ зъ нимъ зробы́ты, и не ти́ко пи́ши,—й верховѝ. Ны́вы потоло́чилысь и зробы́лись чо́рни, якъ рыльля̀,—така̀ невсти́лыва скоты́на поробы́лась. Дой-

шло до того, шо пора вже й помищику наздоганяты та просыты купця, щобъ геть займавъ свою худобу; и незабарёмъ таки майнулы увздогинку.. До купця, а винъ не тиеи: „нехай, мовъ, трохи побисуе —поморду́йицьця“. Потимъ, тришки згодомъ, прыйшлы гоньци того гурта,—москали, и якъ гукнулы, такъ такъ вся скотына до одниеи й пырнула,—одна другу зъ пшеныць на шляхъ туре й шляхомъ скризь, гей-гей, скико выдно, на домивку. Тико й бачилы.—Оттакъ доказавъ купцю за потраву“.

42. „*Прывыденьция слобидьцизъ табуромъ.* Йшовъ табуръ чумакивъ, та й ставъ на почивокъ при якийсь слобидьци. Пидвернулась ничъ, сталы ночувваты, а пастухи погналы дали въ степъ худобу попасты. Паша добра, волы сталы та й кинулысь пастысь. Мабуть, ничого було. Хлопци-пастушата тожъ намаялысь въ дорози, пидтоптались, звисно, схилылыся пидъ кустамы й байдуже—заснулы. Худоба сыта; трава прыйилась, воны й майнулы по хлибахъ. Лучивсь, якъ йе на ту лыху годыну, объеждчикъ зъ якоись окономии, ставъ поле оглядаты, та й натрапывъ на волывъ чумацькихъ. Хлопци зиркъ,—нема волывъ, й до табура хили. А объеждчикъ йихъ давно до себе погнавъ.—Пишлы хлопци всимъ табуромъ волывъ викупаты,—торбувались, зпыньчалыся, землю йилы, шо шкода негадана; ни що не въ угоду,—тузывъ добре бесуривъ объеждчикъ й узявъ изъ йихъ по сыненький одъ жаднои пары. Заплакало чумачиство, нищо не подийешъ; повпрягалы волывъ въ ярма та й въ путь у дорижку за сильлю у Крымъ. Тико сталы запрягаты, заноозы стромляты, хто пидтыку поправлявъ, зъ люшнею возывся, хто вагу чиплявъ пидъ визъ, а хто ище важивъ та колеса мазавъ,—подывилысь на слобидку, ажъ лелечко—лыхо: ззусиеи слобидки, въ дроковыцю наче, бижать въ поле на хлиба волы, и коровы, а за нымы—сли́домъ кони, вивци, свыни и все, шо ни йе яка худоба, птыця—гусы, куры и индыки, та все въ водно мисце: на помищицки хлиба... „А що, вражий сыну? слезы даромъ не пропалы, потишайся жъ намы“!.. У поли наслана худоба пройшла по хлибу й такъ зробыла, якъ у хати на доливци“.

43. „*О тимъ, якъ Ромахъ ходывъ на бакшу кавунивъ красты.* Нанявъ собы Ромахъ косаря—москаля тай пойихавъ зъ нымъ

на ныву, ярыну вбыраты. Прийихалы ще за-видна, наварылы кулишу (кандёру) й крутойи капи, попойилы всёго добре,— одийшла вечеря, й полягалы спаты. Недалечко, чуйешъ, въ бикъ, зъ поляывыны вгору, ростяглася въ поручъ зъ лисомъ бакша зъ кавунамы. А Ромахъ цей бувъ такий, шо не втерпе зроду красты, й особлыво, якъ заздрыть кавунъ, або дыню; це вже дзудзки, не винъ буде, шобъ чого не вхибыть. Про це й люды добре знали та й береглы бакши. Спавъ чи не спавъ ото винъ тамъ, уставъ нышкомъ та й поплився промочиты душу; тай чужому чоловику—косарю тожъ въ пригоди бъ статы. Якъ добрався Ромахъ до бакши чужои, навыбыравъ кавуныкивъ чималый мишечокъ, тай звалывъ соби на плечи, иты вже зибрався; подывывся кругомъ себе, ажъ скризь огорожа. Блука Ромахъ въ вогудыни, мовъ, спутаный путомъ, та й зъ досады полосуе огиркы въ кишеню... Нема ходу, куды не кинь, самы плетни, крутыцьця сердешный. Уже й скоро свитатыме, и зирка вранишня ось-ось. Заря загорилась. Проснувсь косарь, глядь поглядь, Ромаха катъ-мае; уже тутъ винъ туды й сюды на вси думы думавъ. Догадався, мать (мабуть), москаль, шо шось йе недобре,—мирыщий выбигъ, ставъ на бугрыкъ, дывыцьця пидъ зорю, ажъ вонò тамъ шось мирие, тонцюецьця въ бакшахъ. Винъ до ёго: „що це ты тутъ робышъ"?—„Нарвавъ, бачъ, тутъ кавуныкивъ та нияк не выйду: скризь горожа, стоять плетни, нема мини ходу". А винъ уже налякався, та и мишокъ геть бросывъ.—„Беры скоришъ мишокъ зъ добромъ та шамиль за мною". Схватывъ мишокъ, бижать у двохъ й плетни ти де дилысь, та до возу—й сталы.—„Ну, братыще, косарь каже, бильшъ ты такъ не дилай: безъ разбору не лизь въ воду, або окунесься". Винъ и дума: „сторожъ тяме, а цей, мать, ще дужче",—та й съ тихъ пиръ и ни ногою,—квытъ, шабашъ вже красты".

44. „*Чумакъ Галяпа.* Разъ мий дядько у дорози побратався зъ Галяпою тай пойихалы у Крымъ, медъ туды возылы й сыри кожи а колы й пшиныцю; а виттыль вже воны бралы силь та деготь нехту, а що набильшъ — бралы рыбу. Вся́ка була рыба. Було дило, (за тыждень до Вшестя), затиялы у дорогу, тай зибралы чималенький табуръ, зийшло дружне чумачество, вирне товарыство. Не згадаю, де самечки у якому мисьци но-

чува́лы всимъ та́буромъ, везлы́, зна́ю, ры́бу; повстава́лы воны́ въ ра́ньци та й гулькъ до худо́бы: волы́ хо́дять по трави́ де́-не-де́ заздри́ешъ; па́ща до́бра, ну й пасу́цьця мо́вчки, а ко́яки вже напа́слысь, поляга́лы й котуля́ють ро́томъ. Зиркъ до ко́ней, ажъ йихъ нема́,—шо́жъ ёго робы́ты? Ко́ни булы́ до́бри. Якъ узна́лы и... стрево́жилы таки́й ле́минтъ, суматоха зпра́вди; хто поби́гъ зъ кийко́мъ шука́ты, хто жу́рыцьця, хто нудьгу́е, а хто стои́ть, пла́че: пропа́въ, каже, заробитокъ, що бу́ду робы́ты? Товары́ство не пови́ре: ска́же, де самъ спру́дывъ, або́ во́вси ска́же:—ты жъ самъ карав у́лывъ, твоя́ була́ че́рга, ну й дава́й волы́ за ко́ни; оттако́и вы́пывъ!—Вси́ торбу́юцьця, хлопо́чуть; хо́дять ю́рмамы, шука́ють, а Галя́па пидни́ме зны́шка свою́ пы́ку, очи́ма блы́мне скризь на шляхъ, тай зновъ до во́за,—ла́де визъ, якъ бу́тто винъ би́ды не чуе; ёму и байдуже про то,—неха́й, молъ, хло́пци молоди́, неха́й тамъ тро́хи погорю́ють, а самъ бо то, нина́че й вспра́жки, якъ бу́дто ла́годыцьця зъ во́зомъ: люшпю́ то зди́йме, то наде́не, пидъ визъ пидли́зе, пидто́ки лашту́е. Ти верну́лысь. Нема́ ди́ла, ти́ко ду́рно, но́ги бы́ли; мать, чима́ло одчухра́лы, що ажъ чубы́ мо́кри й по пы́ци потёки. Спыта́въ Галя́па, чи всижъ то тамъ верну́лыся, тай замовча́въ, го́лову пону́рывъ; а про ко́ней й ни гу́гу́.—Напусты́лось на Галя́ту усё товары́ство: „що́жъ щобъ то такъ чи що“? й началы́ вприка́ты: „це не ди́ло, а бизди́льля, иды́ и ты шука́ты“!.. „Пострива́йте тро́хи, й ко́ни бу́дуть до́ма; той, хто вкравъ, не пи́де да́ли ви́тты (витьтылъ), де сидыть тепѐръ винъ ве́рхи на прыто́ни. Случа́лось такъ не разъ мини́, всёго на сви́ти переживъ; куса́ла насъ така́“! Товары́ство вы́слухало й у́хи повпуска́ло. „Що це ка́же нашъ Галя́па, чи мо́же жъ це ста́цьця? Не здури́въ бо винъ у насъ,—мо́же зъ переля́ку? Скори́шъ Йва́нъ, перекресты́ бра́та, дай напы́тыся воды́ци, тай на пы́ку бры́зны; творы́ скори́шъ кре́сную молы́тву“! Заходы́лыся гурто́мъ й поличи́лы ди́ка, тутъ знайшо́вся ще й таки́й, шо й кро́въ бро́сыть вми́е.—Бо́листь була́ не ма́ла; одвала́лы ко́якъ. А Галя́па насу́пывся ти́ко блы́ма очи́ма, ниякъ не второ́па, що надъ нымъ лучи́лось. Тро́хы зго́домъ ски́нувъ брыль тай перехрёсты́вся. (Тоди́ вси́ въ брыля́хъ ходы́лы ти шо чумаки́ бъ то).—„А ну, лы́шинь, ки́шъ изъ ми́сьця; полосу́й за мно́ю, ти́ко спе́ршу договорь:—цу́ръ не

бы́цьця та слу́хацьця“.—„До́бре ди́ду, до́бре“! Распра́вылы хло́пци ку́льши (кле́шни), погреблы́ сли́домъ. Йду̀ть та му́сять, що вы́йде изъ сёго. Пройшлы чи мале́нько. „Тпру̀! стрива́йте; сти́йте тутъ, прогука́въ Галя́па, я пиду̀ до тихъ майда̀нъ, тамъ щось копоши́цьця“, тай пишо̀въ. А майда́ни одъ насъ всёго не бильшъ го́ну. Ми́сьця ды́вляцьця, маха́е, настромы̀въ на па́лку брыль всихъ йихъ зозыва́е. Поплелы́ся да́ли. Пидхо́дымъ уми́сьци. „Онъ де, ка́же, й ко́ни“,—хло́пци й обомли́лы.—А вонò, моськóвське лы́хо, на ри́вний поля́ни кру́тыцьця изъ ки́ньмы; та все въ воднѝмъ ми́сьци, а да́ли не йи́де; бороды́ще до по́яса, й на выду̀ черво́ный а у пле́чихъ миръ хочъ не ду́же й ро́слый. „Здоро́въ бу́въ, Галя́па ка́же! Чи то па́къ добры́день! куды йи́дешъ, ры́жа ха́ря“?—„Ду́мка була̀ на Оксà́й, та изъ шля́ху збы́вся; кругòмъ ме́не де й взялы́ся го́ри та байра́ки, а це ста́ла кругòмъ сти́нка, хо́чъ ту́тычка й пропада́й“.—„Ко́ни до́бри, де ты взà́въ йхъ“?—„Оцю̀ (шка́пу) купы̀въ у я́рмарьци въ Батю̀рыний, а це въ ме́не ще изъ ро́ду,—зъ Бутурлы́мивки я ро́домъ“.—„До́бре бре́шешъ“.—„Ни, диду́сю, не брешу̀, мо́же вы́ведешъ видциль, горà́здъ я не ба́чу“?.—„Сюды хло́пци“. Хло́пци ду́малы, що бы́ты, та такъ й окружи́лы.—„Стрива̀й, бы́тыся не тре́ба! Бери́ть мирщѝй въ ёго ко́ни, та́ йи́дьте у та́буръ“. Хло́пци ра́ды, беру̀ть ко́ни, й у́ха въ йихъ рего́чуцьця. „А ну, дя́дьку, облы̀шъ тро́хи, неха̀й винъ пойи́зде,—погоня̀й, чого́ стойишъ? дава̀й намъ доро́гу, а ви́нъ кру́тыцьця изъ ны́ми, мовъ, моло́те на току̀“; шкилю̀ють изъ ёго,—„у ёго, ка́жуть, полу́да въ ви́чи заступы́ла и свитъ ёму помарнѝвъ“, та па́льцемъ пи́рь ёму̀ у ви́чи. Галя́па самъ зсады̀въ ёго зъ коня̀ й давъ хли́ба на доро́гу: „иды̀ соби́, ёму винъ ка́же, та бильшъ, гляды̀, не крадь“. Погоно́бывъ, погоно́бывъ й отпусты̀въ небы́тымъ. Галя́па ко́ней не кува̀въ (не зако́вувавъ у пу́то) й не возы̀въ зали́зного пу́та, а все прядывья́не, и ёго̀ коне́ви зро́ду й ва́ды не бува́ло. Везу́ть ры́бу чумаки́ й дойижджа́ють до горы́, гора̀ була̀ высоче́нька (по́крутковата), а ге́моньська его̀ шка́па взяла̀ тай прыста́ла. Тутъ бы ти́ко чи́ризъ го́ру перевалы́въ й почита́й, шо до́ма. Шка́па стойи́ть, а со́нце за то́го захо́де,—не стоя́ты жъ тутъ.—„Чу́ешъ, братъ, Галя́па ка́же, выпрягáй, мать, ты цю шка́пу та лизь у вогло́бли,—бу́ду попыха́ты; мо́же якъ не́будь у двохъ вы́веземъ на го́ру“.—„А на во́зи то було̀

ваги̂ пуди̂въ зъ тры́дцять. Узялы́ся потыхе́ньку: той все ти́ко направля́е, а цей пха́е, тай вы́везлы безъ биды̀, ще й не станови́лысь, оддиха́лы ра́зомъ. Якъ зибра́лыся на го́ру, забажа́лы йи́сты; тай худо́ба пидбы́лася, неха́й оддихне̂. „Гри́йте, хло́пци, ли́тепло, бу́демъ вары̀ть ка́шу“.—Ди́ло закипи́ло. Лаштува́лысь ночува́ты, а Галя́па лигъ на зе́млю тай ды́выцьця въ не́бо, а не́бо на ёго;—це слу́хае: штовха́е шось—„встава́й, дя́дьку, встава́й, ди́ду! розбо́йныки о́зь де, ры́бы, ма́буть, захоти́лы“.—„Такъ згото̀въ запы́ты... Такъ и йе; пиду̀ я самъ попе́реду та спыта́ю, що йимъ одъ насъ тре́ба, а вы бу́дьте на сторо́жи про слу́чай чого̀“,—и попли́вся йимъ на зустри́чъ зъ ко́стуромъ въ руцѝ. „Здоро́вы булы̀, хло́пци! та кажы̀ть, зъ яко́ю вы ви́сьтью“?—Вы́йшовъ оды́нъ попе́реду й ка́же мини̂, а ти вси зоста́лысь, дожида́ють ра́ды: „Щобъ до́вго̀ тутъ баля́съ не точи́ты, дава́йте намъ гро́ши“!—„Гро́шей?! бачъ воно̀, чого̀ вамъ тре́ба,—ка́ зна чого̀ й забажа̀въ! а я ду́мавъ, вы зблуды́лы та йдете̂ пыта́ты шля́ху. Такъ стромля́й же першъ цю шту́ку (пы́ку) надъ голово́ю у коня̂, ось сюды̀“,—тыкну́въ винъ па́льцемъ. Той встромы́въ; тоди̂ не зъ ми́сьця кинь и винъ, и̂ ти, шо зъ за́ду дожида́лы гро́шей, стоя́ть усѝ, мовъ побы́ты. А Галя́па ти́ко блы́мае по йихъ здорове́нными очи́ма: „до́бре хло́пци му́штру тя́млють, отта́къ все й вчи́цьця, ле́гше всёго—дава́й гро́ши! А тодѝ? тодѝ: прынесы̀ лышъ йимъ, Ива́не, тие́и ка́ши, шо ты гри́йешъ, воны̀ йи́сты хо́чуть; тре́ба жъ першъ нагодува́ты, бо грихъ гостѐй такъ пуска́ты, не накормы́вши хли́бомъ-си́лью“.—Ты́ре Йва̀нъ каза̀нъ зъ водо́ю, ли́тепломъ гаря̂чимъ, набира́е ополо́ныкъ й дае̂ вистово́му: „прызволя́йтесь, ку́шайте, ни соро́мтесь, ну бо ще“.—Той пье.—„Чи мо́же ще“?—Мовчѝть.—„Чомъ мовчи́шъ? хиба̀ ще“?—Мовчѝть.—„Це винъ гро́ши ли́че, ниякъ не дасьть то́лку“,—ка́же товары́ство.—„А що це, не гро́ши? гро́ши личѝть ле́гче? Пиды̀, Ива́не, попо́штуй й тыхъ! що воны̀ дрима́ють, хиба̀ спа́ты сюды̀ прыйшлы̀? воны̀ тутъ по ди́лу“!—Пишо̀въ Ива̀нъ; чу́ты, ти́ко чмо́кають. Угосты̀въ йихъ, чимъ Богъ посла̀въ, тай ка́же Галя́па: „Гляди́ть, якъ пры́йдецьця вамъ ще цёго̀ добра̀ (гро́шей) де попыта́ты, такъ вы попе́реду дывы́цьця: яка̀ де ку́чка чумакѝвъ, та й якъ де бу́дуть воны̀ йи́сты: де два това́рыща йидя̂ть та кисткѝ кладу̀ть у ку́пку, то

туды не лизь; а де йистымуть два ку́ма такъ, шо той туды, а той туды броса́ты бу́дуть кисточки, то туды вамъ ти́ко й можно, отò вже й бу́дуть верхи ва́ши. Поверта́йте жъ тепѐръ ко́ни, та йидьте назàдъ й не гни́вайтесь за вгоще́ньня,—я не выновàтъ".—Пойихалы розбо́йныки, въ ру́ки пы́ки взя́вши; й довело́ся пойихаты нега́данно й нежда́но, й не со́лоно хлёба́вши".

45. „Ди́ло було̀ у са́мий розгàръ я́рмарки. Лю́ды скризь ве́шталысь та шныря́лы и ди́ло кипи́ло, якъ у ку́чци комашня́. Прийихавъ на я́рмарокъ й Хома̀ Вырвы́хвистъ зъ свойимъ сы́номъ купы́ты ба́би очи́покъ, та тяжи́ны на халàтъ; ззийшо́вся зъ товары́ствомъ, ко́—якою риднёю и хлёско—че́пурно вы́пылы. Отъ пидхо́де до ёго сынòкъ, годкивъ зъ пьятна́дьцять, тай ка́же: „Та-ту, та-ту́! дай мини́ гры́вню (три копийки) гро́шей",—а та́то, якъ натѐ, й нечу́е;—отъ винъ, вдру́ге: „та́-то, та дай бо мини́ три копи́йки"! Розсе́рдывся ба́тько на сы́на, (винъ вже, бачъ, пидпы́въ тро́хи и все да́ли би́льшъ роскура́жовався) та зъ горячà й ка́же:—„ну, нà жъ тоби́, разсу́кинъ сынъ, ци гро́ши, та гляды жъ ты мини́, щобъ ты купы́въ соби́ на йихъ такѐ, шобъ й найився й напы́вся, й на го́лову бъ надивъ".—„До́бре, та́ту, до́бре"! Взя́въ сыно́къ гро́шы тай хо́де по я́рмарьци, мусу́е, розгля́дуе, щобъ вонò було̀ пидхо́же пидъ ба́тькову мо́ву; ходы́въ, ходы́въ тай купы́въ кавунъ. Батько давнò вже жде сы́на назадъ зъ гри́шмы, а сынъ зри́завъ зъ кавунà верху́шку, вы́довбавъ зъ сере́дыны мьякить, пойивъ, по́тимъ поскрома́дывъ—й ю́шки напы́вся, и тоди́ ще взя́въ тай надивъ на го́лову, якъ ба́тько казàвъ, и йде до свогѝ во́зу, пузь торго́вцивъ черѐзъ увесь я́рморокъ; дохо́де до во́зу; ба́тько зиркъ: идѐ ёго сынъ, й на голови́ шось блесты́ть; до ёго, ажъ то зъ кавунà шкарлу́па. Ни якъ не нади́явся про це ба́тько на сы́на и такъ зради́въ, що й хми́ль одско́чивъ.—„Отъ тоби́, та́ту, ка́же, оцѐ я найи́вся, й напы́вся, й на го́лову надивъ".—„Тьху, ску́рвый сы́ну! Нажъ тепѐръ тоби́ за це пьятакà".

46. „Оды́нъ поми́щикъ та такъ вже й немылосты́во прикисьня́въ свойихъ людѐй, що да́ли й ни́куды; пря́мо дойшло̀ до то́го,—хочъ зъ мо́сту та въ во́ду. Отъ одынъ разъ ёго дворо́ва ба́ба, Кулына, зибра́ла коло се́бе таки́хъ же, якъ и самà, та й ка́же: „Бо́же жъ ты мий ми́лостывый, Бо́же жъ ты мий пра́ведный, якъ

вонò на свити билому склалося? И це все, во всий ций вынѝ, Ева. Вонà це все надилала намъ; не соблазнысь вонà, мы бъ вси жилы бъ на свободи й не мучилысь бы мы, такъ якъ муче тепéръ насъ оцéй анцыхрыстъ; ну; ни зá-щобъ я, здаéцьця, будь на йийи мисьци, не пиддалася тому соблазну;—бачъ, не бачила яблука, зрàдила, я бъ сáмый пéрвый щильныкъ пидъ ногы бъ шпурнула".—Пидслухавъ це помищикъ тай кáже йимъ всимъ: „ну, постривайте жъ; горáздъ це все, узнáю жъ я, чи й справди жъ то нáша Кулына розумна такà, хрáбра та терпляча, якъ оцè йе. Вызвавъ до сéбе Кулыну й давàй йий спершъ всёго навáрюваты, щобъ умъ кучки держáвся, та не куёвдыла; а тодѝ взявъ мыску, перевернувъ йийѝ на столѝ й кáже: „Глядѝ жъ, не додывляйся, шо тамъ йе; а то, якъ узнáю, шо подывысся, такъ ще гирше тобѝ буде; а якъ шо жъ вытерпышъ, не соблазнысься, такъ дамъ вóльну слобóду на вси чотыри стóроны, и ты де схóчешъ тамъ й заведèшъ свий рай".—„Ни, ни це вже не сумливайтесь, ни за що цёгò не бýде".—Помищикъ десь пойихавъ, и Кулына зостáлась пекты пирижкѝ. Сýмно чогóсь стало Кулыни, а якъ подывылась на стилъ, ввесь страхъ такъ и одѝйшовъ, и вонà началá свойѝ мысли пидбырáты, та добырáцьця до того, шо „щобъ вонò вже такè й за задёрне винъ и положивъ тамъ пидъ тýю мыску, непримиинно пирижкѝ, мáбуть, думка бъ то соблазныты, якъ Ева соблазнылась, та ни, я не вонá; та й якъ же ще то винъ и взна, якъ я потыхéньку пидныму йийѝ кинцèмъ ножà, подывлюсь, тай зновъ опусьтю? Такè й вытие,—кá зна що". Оскóма брáла спрóбуваты пáньски вытивки; „дай, кáже, пидиймý,—хибá що"? Взялàсь за мыску и тилько хиппýла за краёкъ, а мыша видьтиль зъ пидъ нейѝ тильки порьсь, та й булà такà. Охъ, лышечко, що жъ це я наробыла. Й такъ зажурылась, що трóхи зъ журбы не околила. Прийихавъ панъ тай кáже: „Й зóвсимъ Кулына бъ то, та гóлосъ не йийѝ"; и ставъ пися цёго ще дýжче морыть людéй робóтою, та гóлодомъ".

47. „*Огненный змѣй.* Огненные змѣи живутъ на тѣхъ пустынныхъ и невѣдомыхъ островахъ, куда разные „знахуры, знàхуркы, колдуны и колдýньи" ссылаютъ своими заклинательными молитвами всякій людской недугъ, людскую нечистоту, словомъ—все

то, что можетъ приносить людямъ вредъ. Тѣ изъ звѣздъ, которыя при паденіи какъ бы оставляютъ по себѣ слѣдъ въ видѣ хвоста, говорятъ, есть предзнаменованіе переселенія умершей души человѣческой, оставляющей мірскую суетную жизнь и удаляющейся въ необъяснимую вѣчность; говорятъ также, что какой нибудь святой въ это время несетъ её (звѣзду) посвѣтить Богу; между тѣмъ такіе звѣзды—ничто иное, какъ „огненные змѣи", но только въ меньшемъ видѣ. Огненные змѣи также указываютъ, гдѣ есть „шкарбы". Жилъ напр., одинъ человѣкъ около выгона, а противъ его двора, саженъ въ 5—10, росъ кустъ дерезы, куда каждый годъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, падалъ огненный змѣй и при паденіи разсыпался „жаромъ"; самое же паденіе жара сопровождалось оглушительнымъ шумомъ; такое обстоятельство можно лишь объяснить тѣмъ, что подъ кустомъ этой дерезы, непримѣнно сохраняется заклинательный шкарбъ. Огненные змѣи не могутъ подыматься вверхъ, а всегда падаютъ на низъ.—Огненные змѣи всегда или чаще всего падаютъ въ низменныхъ мѣстахъ; частое ихъ паденіе означаетъ обильный урожай.—Когда змѣй падаетъ и разсыпается въ жиломъ дворѣ, то часто предвѣщаетъ или же большое счастье, или такое же несчастье.—Иногда змѣи летаютъ къ къ какой нибудь молодайкѣ и въ качествѣ жениха или любовника. Одна женщина жила съ мужемъ на старомъ дворищѣ, рѣдко какой годъ не леталъ къ нимъ огненный змѣй и каждый разъ падалъ все на одномъ и томъ-же мѣстѣ—въ саду. Женщина въ то время постоянно болѣла, но только перешла она съ мужемъ на другое мѣсто, то стала поправляться. Сосѣди и она сама объясняли пережитую болѣзнь посѣщеніемъ огненнаго змѣя".

48. „*Змий любо́вныкъ*. Въ Нищиро́товий до одниейи замужнейи жи́нки лита̀въ у ночи̇ змий и вона̀ я́вно чуе, якъ винъ ви́хремъ спуска́ецьця на ха̀тьнюю кры́шу, а въ ха̀ту вже йдѐ такымъ па́номъ, або купце́мъ молодымъ, красы́вымъ та наря́женнымъ и вона̀ жъ то й ба́че ёго̀, риго́чицьця й пусту̀е зъ нымъ,—змий обни̇ме й поцилу̀е й до се́бе приго́рне, якъ ма́лу дыты̀ну, а чолови̇къ цёго̀ ничо́го не ба́че й не зна́е,—ска́зано нечи́стый. Оцѐ сте́лыцьця лягà̀ть зъ чолови̇комъ, й поляга̀ють вми́сьти и змий лягà̀ по бля нейи̇ изъ ы̇ншого бо́ку. По пе́реду

жъ за мижъ и́грашки було̀ йийи зъ нечи́стымъ ду́хомъ, ради́ла зъ нымъ, ублага́ла, а чолови́ку случа́лося й чу́пру до́бре мня́ла, нечи́стый й тутъ йий помога̀въ, бо чоловѝкъ дале́ко бувъ здорови́ший одъ не́йи, а по́тимъ не тие́йи заспива́ла—пора̀ вже на ку́тьни: раньше въ ты́ждѐнь разъ лита̀въ, а по́сьли й що но́чи; тай зробы́въ винъ—така̀ ста́ла, ска́зано, якъ ще́пка. Мовчѝть тодѝ, жу́рыцьця та й го́ди; шо вже вона̀ й не робы́ла й чого̀ ти́ко не ду́мала, шобъ одъ ёго, супоста́та, одкара́ськацьця-бъ такѝ,—такъ що жъ? ничо́го не подѝе, хочъ жива̀ у гробъ лягà й. Долита́вся змий до не́йи, по́ки двохъ дитѐй прыжѝвъ, тай не бро́сывъ,—зновъ прыня̀всь лита́ты; пря́мо безперѐчъ. А ди́тки, ка́же, моѐ не́нько, не бильшъ у два̀дьцять днивъ усѐ рожа́лысь; та ще—ажъ о́страшно каза́ты: хрыстыя́ньського на ёму ти́ла одъ головы́ по пу́пыкъ—по по́ясъ, якъ йе половы́на, а зъ друго́йи половы́ни усѐ у шерсты́; вби́льшки жъ було̀ меньчъ, чимъ пивъ арши́на; наро́дыцьця оцѐ, зихнѐ ро́томъ тры́чи тай вмрѐ не хреще́не. Чи мале́нько годѝвъ пройшло̀, и все такъ бува́ло. Оцѐ жъ воно̀ на те й вы́йшло, потя́кують лю́ды: „полюбы́ла ха́ря ма́рю, тай жи́сты не ма́ю“. Не замà й чужѝхъ людѐй й хло́пцивъ молоде́нькихъ, то й тебѐ нихто̀ не за́йме, кому̀ й зда̀лось на що, ато̀, бачъ, леда́ще! И такъ ищѐ—й не судыты ня́ково: слу́чай бува̀ уся́ковый; бува̀ такѝ, шо й самъ вы́нный, а шо на́бильшъ одъ людѐй—изъ за́высты й зло́го ду́ха насыла́ты мо́жуть. Й побули́ла жъ серде́шная душы́ю и ти́ломъ! Була̀ вона̀ скризь зъ цимъ лы́хомъ й прочу́ла про Gала́пыху-зна́хурьку, мать (ма́буть), пора́явъ хто такѝй, що бувъ зъ такѝмъ лы́хомъ. Якъ прыйшла̀ жъ, та росказа́ла вона̀ своѐ лы́хо, такъ та̀къ слёзы й наверну́лысь; жа́лко ста́ло молоды́цю, шо ни за́що ги́не.—„Пидожды́ жъ, до́ню, ка́же зна́хурька:—постривà й, облы́шъ, слу́хай мою ра́ду: на жъ ось тобѝ цёго̀ зи́льля, й якъ пры́йдешъ до до́му, прыставъ у пичъ свижойи воды́ци й звары́ ёго̀ въ чагу́нчику, у горще́чку, або̀ у кухля́ти; ти́ко дывы́сь, якъ закипы́ть, шо въ ключъ бы́тысь ста́не, й мирыщѝй одставля̀й, тай такъ зди́лай, шобъ ажъ тры́чи вода̀ закипѝла; тодѝ жъ возьмы́, моя̀ до́ню, тие́ю водо̀ю, де вары́лось зи́льля, окропы́ всю ха́ту и две́ри, и ви́кна, и те усѐ, шо ты ма́йешъ у се́бе у ха́ти, вы́йды на двиръ та й двиръ покропы́шъ. И пишла̀ жъ вона̀. А це, чу́ешъ, яв-

ля́ецьця до зна́хурьки, та—бухъ въ но́ги: „спасы́би, бабу́сю! письля̀ то́го вже було̀, якъ летѣ́ть до ха́ты, такъ та́къ и́скры у дворѝ й россы́пе, та гудѐ,—якъ не три́сне ха́та,—а въ ха́ту не вхо́де; побису́е, побису́е ко́ло не́йи, тай зъ тымъ и втыхомы́рыцьця“. Й молоды́цямъ письля̀ цёго нака̀зувать ста́ла, шобъ не тро́гаты чужи́хъ и не ду́малы-бъ объ йихъ, бо лука́вый ду́му взна́е,—це вже неха̀й шо; й пидко́тыцьця винъ до те́бе, шо не зу́здрышъ й якъ, й въ чолови́ка, луча́йицьця, прытворы́цьця мо́же,—берегты́ся тре́ба“.

49. *Божчиха еретныця.* Божчи́ха була̀ еретны́ця; за свий викъ чима́лый грихъ собѝ на ду́шу ухоти́ла. Жила̀ вона̀ до со́тни зъ лы́шкомъ литъ; такѝ жъ то лю́де, якъ вона̀, усе й по сти́ко, ка́жуть, й живу̀ть. Вона̀ була̀ двохжи́льна, того̀ и въ ста́рисьть молоды́ла й на выдъ була̀ зовсѝмъ ще молода̀.—Закруткѝ було̀ шука́ты пе́рве йийѝ ди́ло, незабарѐмъ вона̀ вамъ зна́йде у по́душци збы́тый ко́мотъ пу́ху, або̀ ко́мотъ пи́рья, розбира́е по пуши́ни й чого̀ ти́ко тамъ не зна́йде; все ви́дьты (тиль) повытяга̀. Тамъ де й во́зьме вся́ку ше́рсть: ры́жу, би́лу й чо́рну,—моту́зку изъ ва́лу, або̀ изъ соло́мы, або̀ зъ чо́го не́будь шо небу̀дь такѐ. Вся́чина бува́е; на вся́чини й мо́жно всёго накруты́ты, й ото̀ й кру́тють такѝ лю́де, якъ бы й ця Божчи́ха, та прыка́зують, щобъ отѐ жъ то лучи́лося й даю̀ть тодѝ нечи́стому,—ки́не геть, тай ска́же: „на“! Той одно́се, куды̀ ка́жуть й упиха̀ ми́жъ пи́рья. Якъ заведе́цьця въ ко́го, такѐ пече́не лы́хо, то бижѝ швы́дьче до Божчи́хи, вона̀ вамъ помо́же. Хто до не́йи пры́йде, вона̀ зра́зу ска̀же, на яку̀ прычи́ну за́крутка завы́та: на хозя́йина, чи двиръ, чи на йихъ худо́бу, й одь того̀ вже й наго́вор́юе воды̀ вамъ пы́ты; дасть воды̀ напы́тысь й закруты̀ попа́ле. Писля̀ нейи́ якъ рука́мы здийме́цьця все лы́хо. Хочъ лю́дямъ, бачъ, способля́ла, та й лы́хо жъ йимъ не малѐ чины́ла,—це вже годы̀ тай годы̀ йий, шобъ хука̀ не вки́нула,—усѝ люды, якъ огня̀ буя́лысь Божчи́хи. За то й смерть йий, храны̀ Бо́же, вся́кого хреще́ного, не такъ, якъ людямъ: заходы́лася вмера́ты, й тры́чи умера́ла; шо вже йий не вытива̀лы, шобъ скорѝшъ уме́рла, такъ ни,—му́чицьця тай го́ди: выправля́е й въ дугу̀ гнѐ, о́чи на двиръ ли́зуть, ажъ стра́шно дывы́цьця, сама̀ ревѐ, якъ скоты́на, на все го́рло не

свойимъ матомъ.—„Пече, рижуть мене". Скризь хомутъ йийи тяглы, й на землю вже зъ полу клалы, а дали, що бачъ йий на умъ прыйшло: „дерить мирьщи надо мною крышу наскризь й потолокъ, а то, бачу, безъ цёго я не буду вмераты до сконча́нья ви́ку". Взялы тай продралы, а зъ нейи тоди жъ зразу духъ клубкомъ й повалывъ на горыще въ дырку. Ажъ тоди тыки вона трохи вгомонылась. Прыйшовъ пипъ покуту здийматы, нахилывся тай пыта́е, впайиты не можно, взяла усе й росказала, шо воно й яка була, а винъ мирьщи за палыцю та зъ хаты: „такъ Богъ тобй судыи! й читаты не буду; чого раньче зъ цимъ мовчала й незповистылась? Остовайтеся жъ вы зъ Богомъ"!—Оттаке, одрикся й пипъ; выдно, була штука.... Божчиха вмерла й поховалы на кладовыщи, такъ йий й тамъ зпокою не було,—шось зъ годъ ходыло рыты йий мугилу. Оце, шо загорнуть, прыйдуть вдруге, опьять такъ. Не слидъ було бы йийи тамъ класты, а де небудь де на ярокъ, отамъ бы й мисце одвесты еретницькимъ всимъ тиламъ".

50. „До одниейи молодыци вчащавъ йийи любезный. А чоловикъ давно це прымичавъ й пойихавъ разъ десь далечéнько, сынка зоставывъ литъ шосты. Прыйиздыть въ ночи додому, першъ поздоровкався зъ симьею, а потимъ до сынка: ну, здоровъ бувъ и ты синашу"!—„Здоровеньки булы, тату". А жинка коло йихъ, якъ дзыка на лёду. „Ну, скажи жъ теперъ, Панасыку, зъ кимъ вы ночувалы"? Маты хвата сына за голову та въ ухо й шепче: „хиба зъ кимъ, кажи, синокъ, шо зъ Богомъ".—„Зъ Богомъ, тату". Сказавъ Панасъ й одумався. „А хиба ото винъ, мамко, шо у сынихъ штаняхъ?.—„Добре, Панасъ, правду кажешъ, знаю того Бога, винъ до матирныхъ молытвъ, а не до твойихъ".

51. „Ийшовъ москаль зъ заробиткивъ тай зайшовъ до одного мужика пообидаты; дома була сама баба. Отъ подала вона ёму заразъ мыску борщу, потимъ галушокъ, мьяса, каши й на—при послидку юшки зо звару; пойивъ москаль й пыта,—„чи нема, каже, ще чого"? Пишла баба у выхидъ, взяла капусты, огиркивъ й яблучокъ мочеными; пойивъ и це москаль, та й зновъ опьять пыта́е, щобъ чимъ поласувaты. „Выбачай, москалю, й грошей твойихъ не хочу, каже баба"!—Москаль хамиль до сво-

сйи поклáжи, вытягъ видьты бутылку зъ горилкою, налывъ кирчикъ; выпывъ й спаскби не сказавъ, пишовъ. Приходе чоловикъ бабинъ додому; вона ёму й звистыла про це,—що такъ, молъ, й такъ мини було, трохи бесуривъ москаль и мене не ззивъ.—„Оцѐ лыхо! чи можно жъ такъ йисты? винъ пропадѐ; отъ же ты Богу пропадѐ! Ось давай змиряйемъ, стико винъ пойивъ, й подывымся, шо воно, якъ буде клыкотиты у ёго въ пузи“. Началы злывáты все до купы, стико пойивъ, й назлывáлы цилу помыйныцю, а воно такъ и пидходе въ ний; ну, тыперъ давай ще й горилки. Якъ влылы горилки, такъ, братъ ты мий, все й стушувáлось.—Такъ, бачъ, чомъ винъ такъ йивъ“.

52. „Одному мальчику, пастуху, случайно попалъ цвѣтокъ расцвѣтшаго папоротника въ „черевыкъ“. Онъ ходилъ въ то время по лѣсу искать воловъ и, благодаря этой случайности, отыскалъ воловъ и сталъ все знать, что есть худого и добраго на всемъ свѣтѣ. Много предвидѣлось или предназначалось ему указать полезныхъ вещей, прозрѣть, пріобрѣсти возможность отвратить мірское зло; но „врагъ“ людской, ненавидя добро, превращается въ купца и предлагаетъ мальчику продáть ему свои „черевыки“; мальчикъ кáкъ не прельщался блескомъ золота и всетаки, изъ боязни родителей, не согласился самовольно пойти на эту сдѣлку. Демонъ, ничуть не сокрушаясь, мигомъ измѣняетъ свой планъ: мальчикъ подходитъ по пути къ рѣчкѣ и видитъ своихъ товарищей; одни изъ нихъ купались, а другіе, издали завидя его, поджидали и предложили поплавать. Но чего-жъ не такъ? Мальчикъ наскоро размоталъ свои „волóки“, сбросилъ въ сторону „черевыки“ и хотѣлъ уже лѣзть въ воду, какъ вдругъ увидѣлъ себя одного безъ товарищей. Порядкомъ перетрусивъ, онъ снова одѣлся и пошелъ, но только онъ уже потерялъ свою прежнюю чудодѣйственную силу, такъ какъ цвѣтъ папоротника былъ уже унесенъ его мнимыми товарищами“.

Сообщимъ нѣсколько народныхъ историческихъ разсказовъ.

53. *Разбойникъ „Василько“*. Въ народѣ очень много сохранено преданій о разбойникахъ и ихъ шайкахъ. Въ нашихъ мѣстахъ, подъ х. Рудовимъ, былъ разбойникъ Василій Трофимовичъ, явившійся къ намъ изъ подъ Волуекъ; онъ, говорятъ, былъ единственный сынъ у своего родителя и еще въ молодыхъ лѣ-

тахъ оставилъ своего отца и удалился на разбойничій промыселъ. Это былъ человѣкъ невысокаго, немного даже ниже средняго роста, тощъ, но костистъ; волосы носилъ постоянно подрѣзанные въ кружокъ и отрощенную рыжеватую бородку, вытянутую въ остріе; часто, какъ котъ, прижималъ свои небольшіе глаза; въ разговорѣ такъ лавировалъ своею рѣчью, что говоръ его походилъ не то на великороссійскій, не то на малорусскій. Мѣстомъ своего расположенія „Василько" избралъ вѣковые дремучіе лѣса, покрывавшіе собою цѣлинныя степи, прилегающіе къ Волуйскому шляху. Недовольствуясь приведенной своей шайкой, состоящей изъ 40 человѣкъ, онъ усердно принялся пополнять ее разнымъ бродячимъ людомъ. Составивъ новую шайку разбойниковъ, онъ добывалъ для нея путемъ разбоя и грабежа оружіе и разселялъ ихъ поотдаль себя, въ другіе смежные лѣса, для наблюденія какой нибудь выгодной добычи. У него было много вѣстовщиковъ—сторожей, которые располагались по курганамъ и слѣдили съ нихъ за движеніемъ народа. У каждаго вѣстовщика—сторожа была подзорная труба, при помощи которой имъ легко было видѣться одинъ съ другимъ и вести разговоръ на пантомимахъ о томъ—предстоитъ ли гдѣ добыча или нѣтъ, или—если нужно было имъ всѣмъ съѣхаться къ „Васильку" за приказомъ. При всѣхъ грабежахъ „Василько" строго на строго приказывалъ избѣгать убійствъ и истязаній; случайно приходилось нарываться одинъ на одинъ или два на два и тѣ, которые по доброй волѣ не хотѣли сдаться, были убиваемы,—да и за тѣми „Василько" сожалѣлъ: онъ велѣлъ рыть ямы въ лѣсу (гробы же—„доломыны" были всегда на всякій случай готовы), иногда даже „Василько" самъ клалъ въ гробъ, и, при чтеніи молитвы, покойника опускали и предавали землѣ; дѣлали большой дубовый крестъ и ставили его въ яму такъ, чтобы онъ весь былъ скрытъ въ могилѣ безъ всякихъ признаковъ на поверхности. Василько строго слѣдилъ за тѣми, которые безъ всякихъ правъ, неизвѣстно откуда, пріѣзжали селиться въ Украину и всячески старался препятствовать ихъ осѣдлой жизни. Разгуливая съ своей шайкой вдоль и поперекъ Волуйскаго шляха, „Василько" не пропускалъ ни одного случая, гдѣ предстояла бы какая нибудь нажива. Набѣги свои

онъ производилъ такъ: подъѣзжалъ къ мѣсту предполагаемаго грабежа, останавливалъ свою команду поотдаль, самъ же зажигалъ восковую свѣчу и съ нею объѣзжалъ сначала мѣстность и, возвращаясь снова къ партіи, становилъ свѣчу въ землю, и тогда всѣ уже отправлялись на промыселъ. Однажды „Василько", разгуливая съ своей шайкой, вооруженной кремневыми ружьями, въ окрестностяхъ Волуйскаго шлаха, грабилъ, убивалъ на пути проѣзжающихъ, наводя своими разбойничьими поступками ужасъ на мирные семьи осѣдлаго народа, былъ вдругъ извѣщенъ сторожевыми о шедшемъ невдалекѣ отъ шляха военномъ транспортѣ, который шелъ подъ охраной нѣсколькихъ солдатъ, направляя путь къ югу по шляху. Вѣстью этой Василько и его товарищи были страшно обрадованы: не теряя времени, вскочили на лошадей и лихо помчались въ отаку. Извѣстіе было вѣрно. Догнавъ и окруживъ со всѣхъ сторонъ свою жертву, охотники бросались въ драку, которая, за превосходившей силой и храбростью разбойниковъ, продолжалась недолго и осталась на ихъ сторонѣ. Транспортная охрана была вся перебита, и шайкѣ, предводительствуемой Васильком, счастливо—безъ урону удалось завладѣть транспортнымъ добромъ, которое состояло изъ нѣсколькихъ боченковъ (въ какихъ продаютъ медъ), наполненныхъ золотомъ и серебромъ. Доставивъ добычу къ мѣсту своего пристанища, „Василько" обратился къ своимъ вѣрнымъ друзьямъ съ слѣдующей рѣчью: „съ настоящей добычей разбой я покидаю и вы будьте вольны, помышляя каждый о себѣ, или какъ хотите. Прежними добычами я всегда дѣлилъ васъ своею рукою, а теперь, братцы, берите себѣ, кто сколько сможетъ сохранить. Послѣ этого послѣдняго боя, я предчувствую себѣ бѣду неминучую и потому распускаю васъ на всѣ четыре стороны, вполнѣ надѣясь, что никто изъ васъ не скажетъ, что былъ, молъ, когда обиженъ службой или дѣлежемъ". Доставшееся золото и серебро дѣлили казанкомъ и, наполнивъ котлы, скрыли ихъ въ землѣ, положивъ „клятьбу", что никто самъ и всѣ безъ одного не могутъ коснуться до этой суммы,—а также и указать кому это мѣсто.

Главнымъ мѣстомъ „Васильковаго" скиталища былъ „Водяной лѣсъ", въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ невдалекѣ отъ него проходитъ

Валуйскій шляхъ, развѣтвляясь на три части, направляющіеся: одна—кряжемъ, другая—низовьемъ и третья—немного выше, мимо Тарасовки къ р. Красной. Всѣ лѣса: „Водяный", „Плоскій" и др., находясь въ районѣ „Васильковаго" обиталища и по настоящее время носятъ общее названіе „Васильковы лѣса". Не всегда „Василько" и его шайкѣ могли предстоять разбойничьи промыслы, почему, въ свободное время, они занимались бондарствомъ и кузнечествомъ, находя сбытъ своему производству на украинскихъ ярмаркахъ. Въ „Водяномъ" у нихъ были устроены хаты—полуземлянки, конюшни, бондарни и кузня. Землянка Василька, выложенная срубомъ, также какъ и подвалъ, была отыскана при рубкѣ лѣса случайно провалившимся въ нее быкомъ. Срубъ землянки взятъ уже однимъ Павловскимъ мужикомъ, который во время ея перевозки нашелъ въ землянкѣ съ хорошую горсть мѣдныхъ денегъ. Въ землянку свою „Василько" никого не впускалъ, вотъ потому даже товарищи его не знали о скрытномъ подвалѣ; тамъ, говорятъ сохраняются и по настоящее время всѣ богатства награбленныя у помѣщиковъ, поповъ и церквей; въ этомъ же подземельѣ находится и казна ограбленнаго транспорта, состоящая изъ золота и серебра. Распустивъ свою шайку, „Василько" остался въ своемъ гнѣздѣ самъ; онъ зналъ, что сѣти уже давно раскинуты на него и что ему бѣды не миновать. О всякомъ происшествіи, замыслѣ или предпріятіи „Василько" былъ всегда извѣщаемъ кѣмъ-то за три дня. Узнавъ, что къ нему жалуютъ солдаты, онъ забилъ двери своей землянки, сровнялъ землю и поставилъ на то мѣсто ясла и попривязывалъ къ нимъ лошадей, а самъ сѣлъ съ паляницей возлѣ входа общей землянки и поджидалъ своихъ гостей (*). Наконецъ онъ видитъ, направленный уже на его гнѣздо, полкъ солдатъ, который подходилъ все ближе и бли-

*) По другому варіанту, главную свою землянку велѣлъ онъ заложить хворостомъ въ сажень толщиною, покрыть толстымъ слоемъ земли и насадить на немъ разныхъ кустовъ: бузины, шиповника и др. Боченки съ золотомъ и серебромъ, большею частью были спрятаны по лѣсамъ. Всѣ похоронки производились такъ: выкапывалась яма, по вмѣстимости боченка, помѣщался въ нее боченокъ, и яма набивалась землей, а сверху ея накладывали, вырѣзанные съ землей и корнями кусты дерезы и разныхъ деревьевъ, такъ что мѣстность среди, напр., голой кругомъ степи, казалась съ давнихъ поръ рощеннымъ „пайкомъ".

же, и слышитъ команду. Передняя часть войска, окружившаго лѣсъ со всѣхъ сторонъ, была выстроена въ боевой порядокъ, залпомъ выстрѣлили въ разбойника, который, какъ ни въ чемъ небывало, сидѣлъ на ослонѣ съ паляницей, да отряхивалъ отъ себя картечь. Нѣсколько разъ такъ послѣдовали въ него выстрѣлы, и „Василько" ни слова; потомъ, когда они повыбросили свои заряды, онъ поднялся и сказалъ: „Ну, теперь позволь мнѣ, пане, этими галушками угостить твоихъ молодцевъ, они я вижу поустали"! Взялъ горсть накиданной ими дроби и бросилъ въ передній рядъ, и солдаты повалились какъ снопы; потомъ снова говоритъ: „Вы стрѣляли не въ меня, а въ св. хлѣбъ, съ которымъ я вышелъ встрѣтить васъ и вотъ теперь прошу васъ, обращается къ начальнику, принять отъ меня прежде приготовленную вамъ хлѣбъ-соль, а вмѣстѣ съ нимъ потомъ и меня берите на судъ предъ царя". „Василько" былъ взятъ и повезенъ въ коляскѣ на судъ, а всѣ награбленные его сокровища остались на своемъ мѣстѣ, хотя солдаты и искали тайника, но имъ и въ мысль немогло тогда придти, что на слѣдахъ его три дня уже стоятъ ясли съ привязанными къ нимъ лошадьми. „Василько" былъ посаженъ въ темницу и подверженъ мучительнымъ пыткамъ, несмотря на это онъ отказался указать мѣсто, гдѣ скрыта была царская казна. Послѣдній приговоръ былъ прочитанъ ему сенаторомъ о снятіи его головы; когда было приготовлено мѣсто казни, вывели „Василька"; палачъ взмахнухъ топоромъ и увидѣлъ, что вмѣсто головы „Василька" лежала на плахѣ его паляница, а самъ онъ кричалъ изъ толпы, собравшейся на диво: „если можете вы мою хлѣбъ-соль сгубить, тогда лишь и меня вольно вамъ будетъ убить. Ваше Царское Величество! не велите меня преслѣдовать—я Вамъ одинъ обѣщаю услужить за всѣхъ". Послѣ всего этого, царь далъ „Васильку" вольную и отпустилъ его на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго.—Первой заботой теперь у „Василька" было раскаяніе: онъ, заковавъ себя въ желѣзо, на четверенькахъ лезъ въ Кіевъ каяться о своихъ грѣхахъ; потомъ, сбросивъ желѣзо, ежегодно ходилъ по монастырямъ и св. мѣстамъ. Три раза, чрезъ каждые три года, „Василько" ходилъ въ Св. горы и каждый разъ заходилъ на свое прежнее разбойничье

пристанище. Въ послѣдній разъ, идя съ Св. горъ, онъ упросился переночевать въ хуторѣ Грицаевомъ къ вдовѣ Грицюшчихѣ, которая приняла странника, какъ долгъ велитъ, — а сынъ ея взялъ тряпку „ганчирку“ и отеръ ему „постолы“. Василько остался очень доволенъ пріемомъ Грицюшчихи, и въ разсказахъ о своемъ путешествіи сказалъ ей, кто онъ, потомъ, взявъ за голову ея сына, сотворилъ молитву и сказалъ: „пусть будешь ты счастливецъ, я укажу тебѣ свои собственныя богатства, которые утаивалъ отъ шайки, для этого я пойду впередъ на то мѣсто, посвязываю концы лѣсинъ и положу эту тряпку, что ты отиралъ мнѣ мои ходаки“. Обѣщаніе свое Василько исполнилъ, но только Грицющиха не могла воспользоваться имъ: она пріѣхала съ однимъ своимъ родственникомъ въ лѣсъ, и, ничего не говоря о своемъ предпріятіи, нашла положенные знаки; но, чтобы самой лишь съ сыномъ объ этомъ знать, тотъ же часъ уничтожила примѣты и положила свои. Черезъ нѣсколько времени она сколько разъ не ходила, но отыскать того мѣста не могла, а на сына положиться въ томъ совсѣмъ надежда была плоха, такъ какъ онъ оказался „мѣшкомъ прибитый изъ за угла“. Въ настоящее время изъ за легкой наживы, основанной по преданіяхъ, „Водяный“ очень усердно изрытъ, но ни одна лопата не коснулась еще, говорятъ, къ тому мѣсту, гдѣ находится потайной погребъ „Василька“, устроенный въ видѣ пещеръ.

Василько былъ золъ до невѣроятія къ тѣмъ, которые убѣгали отъ знакомства съ нимъ, и, напротивъ, былъ милостивъ и неопасенъ для раздѣлявшихъ и поддерживавшихъ его пиршества. Такія дружественныя знакомства заводилъ онъ со многими.— Вдругъ, среди ночи, раздавалась стукотня, грюкотня,—это налетали разбойники, люди прячутся въ тайникъ—въ подземелье, ходъ котораго направлялся въ кошару, выворачиваютъ на себя овечьи кожухи и такъ до разсвѣта лежатъ вмѣстѣ съ овцами; деньги мѣдныя сохранялись въ мѣшкахъ, а серебро и червонцы въ „чаунахъ“ и большихъ мѣдныхъ „глекахъ“; все это скрывалось то въ кошарѣ, то въ загородѣ, то такъ еще гдѣ нибудь. Постоянный же ихъ „спрятъ“ находился въ запечкѣ, устроенномъ въ видѣ лежанки, и въ немъ, какъ въ сундукѣ, сохранялось все богат-

ство. Иногда, во время разбойничьихъ набѣговъ оставались въ хатѣ одни дѣти, но ихъ разбойники не обижали.

Идетъ разъ шляхомъ на заработки парень, повстрѣчался съ однимъ изъ сорока разбойниковъ, поздоровался и присѣлъ къ нему отдохнуть. „Куда ты идешь"?—спрашиваетъ тотъ прохожаго.—„На заработки".—„Пойдемъ, мой батька тебя найметъ къ себѣ".—„А гдѣ онъ"?—„Онъ, указываетъ, въ лѣсу".—Пошли. „Василько", разспросивъ его хорошенько, кто онъ и откуда идетъ, сказалъ: „Оставайся служить мнѣ, я тебя не обижу—награжу, чѣмъ Богъ послалъ". „Бурлáка" согласился и получилъ изъ рукъ „Василька" лысого коня и сѣдло съ приказомъ: „смотри за нимъ и ухаживай; въ этомъ лишь будетъ заключаться вся твоя работа". „Привяжи коня и иди, я теперь посмотрю на тебя вмѣстѣ съ своими хлопцями", и заставилъ ихъ поочередно бороться съ нимъ. Это дѣлалъ „Василько" для того, чтобы опредѣлить силу новобранца. „Бурлакѣ" сначала были поставлены силачи и онъ какого не хватитъ такъ и броситъ и броситъ; потомъ смекнулъ, что отъ этого ему можетъ быть плохо (они могутъ его возненавидѣть и убить) и, дабы не нажитъ враговъ, подъ конецъ началъ поддаваться. Но „Василько" все это понималъ, обнялъ „бурлаку" послѣ единоборства и назвалъ своимъ меньшимъ братомъ. „Бурлаку" также звали „Василькомъ".

Любимымъ мѣстопребываніемъ атамана „Василька" въ лѣтнее время служилъ развѣтвистый, огромнѣйшихъ размѣровъ дубъ, на вершинѣ котораго онъ устраивалъ себѣ палатку въ видѣ гнѣзда и тамъ проводилъ свои досуги днемъ и ночью. Съ своего гнѣзда ему видно было всю мѣстную окрестную даль; но его гнѣзда никакъ нельзя было принять за человѣческое вмѣстилище. Съ высоты этой палатки онъ дѣлалъ разныя распоряженія и занимался оттуда съ своей братіей обученіемъ стрѣльбы въ цѣль. Для этого чертилъ онъ мѣломъ на своемъ дубѣ цѣль и слѣдилъ съ гнѣзда за выстрѣлами; отчего дубъ этотъ подъ самое гнѣздо былъ весь набитъ дробью. „Василько" слылъ за „знахура", „колдуна", „чародѣя" и „заговорщика".—Онъ могъ заговаривать ружья, подъ выстрѣлами которыхъ изображалъ изъ себя мишень и свегда оставался цѣлъ и невредимъ. „Сѣдлай, Васько, коней, гово-

ритъ однажды атаманъ, да поѣдемъ съ тобой къ одному помѣщику барину—милліонеру, поразживемся себѣ деньжатъ". Ни противъ кого такъ не былъ обозленъ атаманъ, какъ противъ помѣщиковъ пановъ. Лошади поданы и они вдвоемъ поѣхали. Въ пути застигаетъ ночь. Въѣзжаютъ они въ какое то село и подвернули къ двору одного пана, со всѣхъ сторонъ огороженному точно крѣпостью. Атаманъ первый слѣзъ съ коня, взялся рукой за замокъ у воротъ и онъ только „дзень", ворота отворились и они въѣхали; затѣмъ подошелъ къ замку амбара и, совершивъ такое же чудо, приказалъ давать лошадямъ сѣно и овесъ. У „Василька"-атамана были ключи въ рукѣ: вся чудесная сила его получалась отъ цвѣтка папоротника, который былъ у него врощенъ подъ кожицей правой руки. Подходитъ ататанъ далѣе къ дверямъ дома, берется за замокъ, который издаетъ тотъ же звукъ, и такъ пробрался во внутренніе покои неизвѣстнаго пана. Панъ спитъ мертвецкимъ сномъ. Атаманъ подходитъ къ нему и говоритъ: „Вставай! Заснулъ, что ли"?—„Да, заснулъ",—отвѣчаетъ панъ, а потомъ, „розбуркавсь", смотритъ,—что то не ладное. „Вставай, вставай",—повторяетъ разбойникъ,—некогда ждать, „одѣвайся мирщи, да самъ станови намъ самоваръ". Напившись чаю, нежданные гости предложили пану подѣлится съ нимъ его нажитыми деньгами.—„Какими"?—спрашиваетъ хозяинъ дома.—„Тѣми, что у тебя есть, давай и шубы и все что поцѣннѣй". Набравъ себѣ, что хотѣлъ, „Василько"-атаманъ приказалъ пану не будить дворни, собакъ и не посылать за нимъ погони, „если хочешь избавиться отъ кинжала",—показалъ онъ пальцемъ на рукоятку. Сѣли на коней и были таковы. Помѣщикъ не стерпѣлъ, далъ тревогу и послалъ погоню. Названный братъ атамана, замѣтивъ погоню, сказалъ о томъ атаману, который обернулся назадъ, взмахнулъ по воздуху кинжаломъ „навхрестъ" и продолжалъ путь не спѣша. Вотъ вотъ уже догоняютъ и, наконецъ, поровнявшись съ ними, говорятъ: „Гдѣ жъ разбойники? Это „кущи".—„Онъ, онъ"! кричалъ панъ. Имъ показывались верховые, а, когда приближались къ нимъ, снова видѣли предъ собой кусты. Вотъ такимъ то невидимкой могъ быть „Василько"-атаманъ.

Неизвѣстно, былъ ли самъ „Василько"-атаманъ грамотный, но у себя держалъ онъ нѣсколько человѣкъ, которые исключительно занимались письмоводствомъ. Единственнымъ скрѣпленіемъ въ братской любви, царившей въ шайкѣ во всѣхъ ея дѣлахъ, служилъ крестъ и присяга—„клятьба". Разъ положенная въ чемъ нибудь, „клятьба" оставалась ненарушимой и тогда, если бы пришлось за уговоръ разстаться даже и съ жизнью.

54. *Разбойники „Буза" и „Гетманецъ"*. Не одинъ Василько прошолъ грозой по Украйнѣ; здѣсь подобные ему проходили цѣлыми отрядами. Тутъ были разбойники Мазепы, остатки которыхъ поселились въ Ханенновомъ, въ Рудовѣ и частью въ Павловскѣ; Пугачи, образовавшіе хуторъ Пугачивка; Бервены—Берневенку и Шандры—Шандривку,—послѣдніе и теперь живутъ, какъ звѣри. Въ послѣднее время въ Бѣлокуракиной были разбойники Вошуры (потомокъ ихъ и теперь есть), они скрывались въ лѣсу „Вошурина стѣнка", что на большомъ шляхѣ изъ Куракиной на Лизинъ;—Булавинцы, Тишковцы, Макортетенцы, притономъ которыхъ служили „Брянскіе лѣса" Песчанской волости. Невдалекѣ отъ Ново-Павловки есть большой курганъ, именуемой Бузовой могилой. Изстари ходитъ о ней преданіе такого содержанія: былъ здѣсь когда-то разбойникъ „Буза", который, подобно разбойнику „Васильку", все имъ награбленное скрывалъ въ землю. Предчувствуя послѣдніе дни своего промысла, „Буза" скрылъ золото и серебро, а также и разныя свои письменности, закупоренные въ бутылки чернаго стекла, неподалеку отъ „могилы", съ которой онъ наблюдалъ сигнальные костры съ другихъ кургановъ, извѣщавшіе его или объ угрожающей опасности, или объ имѣющемся въ виду предстоящемъ скоро грабежѣ. Вся эта мѣстность была покрыта дремучими и обширнѣйшими лѣсами. Въ лѣсахъ водилось многое множество дикихъ козъ и другого звѣря. Жизнь нашихъ предмѣстниковъ этого края, говорятъ, проводилась въ „скиталищахъ" подземныхъ ходовъ, почему и ждуть, современемъ, случайнаго ихъ открытія. Съ того времени, какъ разбойникъ „Василько" распустилъ свою шайку, каждый изъ нихъ сталъ заводить отдѣльно свои разбойничьи берлоги. 12 братьевъ этой шайки, „Гатманьцй", находились подъ руководствомъ атамана „Гатманца". Мѣстомъ пребыванія ихъ былъ

лѣсъ и яръ, сохраняющій и теперь названіе у великороссіянъ-Конопляновцевъ—„Гатманцовъ лѣсъ". Лѣсъ этотъ находится недалеко отъ Валуйскаго шляха. Другая шайка избрала себѣ атаманомъ „Мотяша",—тоже скрывалась въ лѣсу, именуемомъ Коноплянами „Мотяшовъ лѣсъ". Про разбойника „Гатманца" существуетъ молва,—когда онъ одинъ былъ оставленъ своими братьями въ лѣсу, то срубилъ дубъ, вышиной равнявшійся ширинѣ шляха; стянулъ его, безъ помощи другихъ, на шляхъ и перегородилъ имъ дорогу, въ видѣ заставы. Проходившіе чумаки должны были останавливаться и платить пропускъ. Гатманецъ, кромѣ денегъ, бралъ съ нихъ сало, пшено и хлѣбъ. Получивъ эту дань, онъ бралъ самъ за одинъ конецъ дуба и давалъ пропускъ. Шелъ разъ одинъ чумакъ тѣмъ шляхомъ съ шестью возами, видитъ заставу и приказываетъ ее снести и дать ему свободный проѣздъ безъ платы. „Гатманецъ" сопротивлялся такой неожиданности, схватился съ нимъ бороться и, наконецъ, биться. Силенъ былъ „Гатманецъ", но чумакъ оказался еще сильнѣе его. Связавъ разбойника по рукамъ и ногамъ, онъ сдѣлалъ скальпъ; нагнулъ вершину дуба и, привязавъ къ ней его волосы, пустилъ потомъ ее къ верху со скальпомъ, а самъ поѣхалъ. Чтобы загладить этотъ знакъ и уничтожить мучительную боль, „Гатманецъ" принялся рвать въ лѣсу лопухъ, который варилъ и мочилъ имъ голову. Демьяновцы, говорятъ, видѣли „Гатманца" въ Донскихъ мѣстахъ, во время заработковъ,—уже дряхлымъ старикомъ. Всѣ разбойники, находившіе уютище въ здѣшнихъ мѣстахъ, направлялись въ область войска Донского, гдѣ и оставались жить осѣдло.

55. *Разбойникъ „Засеринъ"*. Въ лѣсахъ по р. Козынѣ и далѣе по Айдари, къ Булавиновкѣ, свирѣпствовалъ разбойникъ, гроза дворянства—„Засеринъ" съ своей шайкой. Въ основахъ его разбойничьяго промысла достигались тѣ же результаты, которые имѣлъ въ виду и „Василько", но въ предназначеніи награбленнаго онъ былъ совсѣмъ другого свойства. Все добытое добро Василькомъ дѣлилось и закапывалось въ землю; „Засеринъ", напротивъ, все добытое имъ, или его шайкой, немедленно раздавалъ бѣднякамъ, сиротамъ, вдовамъ и т. п.; никогда онъ не имѣлъ у себя излишка, отдавая все на добрыя дѣла, и зачастую

оставался самъ безъ копейки съ своей шайкой. Ѣхалъ однажды изъ какой то небогатой экономіи управляющій и попался навстрѣчу „Засерину“. „Засерину“ еще заблаговременно была извѣстна цѣль поѣздки, почему онъ приказалъ ему встать и отдать деньги. Денегъ было что то очень много и тотъ, повинуясь, вручилъ разбойнику всѣ деньги. „Засеринъ“, принявъ къ себѣ казну, отсчиталъ, сколько по зарѣзъ ему было нужно, и положилъ въ карманъ, а остальныя возвратилъ обратно управляющему, говоря: „возьми, это мнѣ ненужно, да скажи своей барынѣ, что часть ея денегъ я беру себѣ въ займы, которыя при удобномъ случаѣ уплачу“. Управляющій былъ просто внѣ себя отъ такого исхода. Воспользовавшись этимъ случаемъ, управляющій задумалъ утаить себѣ другую оставшуюся часть денегъ, и, по пріѣздѣ домой, въ страшномъ горѣ заявилъ своей барынѣ, что вотъ, молъ, на дорогѣ попался разбойнику „Засерѣ“, который совершенно обобралъ его. Много времени горевала барыня, но дѣлать было нечего. „Засеринъ“, какъ „колдунъ“, предвидѣлъ, что произойдетъ между барыней и ея управляющимъ. Спустя нѣсколько времени, вдругъ подъѣзжаетъ къ крыльцу барыни въ новомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой бойкихъ лошадей, какой то генералъ и, не успѣлъ онъ, какъ говорится, переступить черезъ порогъ, хозяйка къ нему съ жалобой, что „вотъ, молъ, проклятый разбойникъ „Засеринъ“ не такъ давно обобралъ на дорогѣ моего управляющаго, который ѣхалъ съ большой суммой денегъ, и вотъ теперь хоть пропадай“!—„Слыхалъ, слыхалъ я, матушка, объ этомъ, да только мнѣ что то не вѣрится: ужъ больно вы на разбойниковъ возстаете, а они вовсе не таковы, какими вы ихъ представляете: „Засеринъ“ этого не сдѣлаетъ“.—Хозяйка-барыня и слушать объ этомъ не хотѣла.—„Да какъ же? всѣ то, говорите, и забралъ“?—„Всѣ, всѣ, родимый“,—старушка сквозь слезы лепетала. „Позвать управляющаго!—Ну, разскажи, какъ съ тобою поступилъ разбойникъ“,—спрашиваетъ генералъ.—„О-охъ, ваше благородіе! азіатъ то онъ какой,—всѣ по копейку забралъ, да еще насмѣялся: „скажи барынѣ, пусть ожидаетъ, завезу ей обратно“,—да вотъ и вправду завезъ—ни слуху, ни духу“...—„Козаки, плетей“!—вскричалъ генералъ. Козаки—дюжіе два парня, схватили управляющаго и—ну его пороть:

побили на немъ всю одежду и тѣло до крови. Послѣ этого генералъ сердито вскричалъ на него: „врешь ты, мерзавецъ! я взялъ у тебя лишь часть только денегъ, а остальныя возвратилъ со словами: „скажи барынѣ, что это я дѣлаю заемъ“, и вотъ теперь привезъ, получите ихъ отъ меня, матушка, а управляющему подбавьте“.—Выложивъ деньги на столъ, генералъ уѣхалъ. Засеринъ особенно отличался тѣмъ, что могъ являться въ различныхъ видахъ при особой для каждаго случая осанкѣ. Жилъ мужикъ очень бѣдно въ низенькой ветхой хатенкѣ, расположенной между Осиновой и Закамянкой, что на р. Айдарѣ. Бѣднота-бы еще не порокъ, да предался, бездѣльникъ, пьянству и пакостнымъ дѣламъ, и въ концѣ концовъ, подъ видомъ заработковъ, взялъ да и бросилъ жену совсѣмъ съ пятью дѣтками. Живи, молъ, какъ хочешь! „Засеринъ“, узнавъ о ея бѣдственномъ положеніи, задумалъ помочь ея горю. Возвращаясь однажды съ своего охотничьяго промысла, „Засеринъ“ повернулъ лошадь къ ея домику. Ночь была лунная, женщина сразу узнала разбойника въ окно и въ страхѣ заперлась и притаила духъ, такъ что на всѣ его просьбы не отвѣтила ни словомъ. Разгнѣванный разбойникъ взялъ мѣлъ и написалъ имъ на двери: „для разбойника запоры твои не страшны, пожалѣешъ сама на себя: я хотѣлъ осчастливить тебя и дѣтей твоихъ сотней червонцевъ“. Ѣдетъ однажды на встрѣчу „Засерѣ“ гончаръ съ горшками. Разбойникъ спрашиваетъ; „что везешъ“?—„Звисно горшки“.—„Что они тебѣ стоятъ“?—„Стоють усёго пьять карбованцивъ“.—„Снимай оглоблю съ колеса да бей ихъ до одного“, приказываетъ „Засеринъ“. Мужикъ побилъ исправно весь свой товаръ. „А лошадь что стоитъ“?—„20 руб.“ отвѣчаетъ тотъ.—„Бей лошадь, да получи съ меня 25 р. Да незабудь разсказать, что „Засера“ не для себя разбойничаетъ, а для мужиковъ“. Пріѣхалъ „Засеринъ“ на одинъ постоялый дворъ самъ третей, сѣлъ за столъ и подперъ обѣими руками свою голову; спалъ ли онъ или обдумывалъ, но только говорятъ, такъ онъ дѣлалъ очень часто. Это было во время ярмарки. Вѣсть о пріѣздѣ „Засерина“ быстро пронеслась по всей станицѣ и, многіе жаждали увидѣть его. Спустя нѣсколько времени, явился туда какой то начальникъ, и завязался между

ними разговоръ: „кто ты, обратился начальникъ къ „Засерѣ“?— „Я тебя не спрашивалъ, былъ отвѣтъ, хотя нѣсколько разъ имѣлъ для этого удобный случай и тебѣ до меня нѣтъ дѣла“! Начальникъ все больше и больше началъ приставать,—„присиковицьця“ къ нему, такъ что тотъ поднялся изъ за стола и сказалъ: „Если ты слыхалъ когда про разбойника „Засерина“, то это я“. Начальникъ сначала оробѣлъ отъ такого смѣлаго отвѣта, а потомъ крикнулъ: „вяжите его“! Народъ все сходился и набралось, что и не счесть. Власть оказалась безсильной на этотъ разъ,—ужъ потому, что чернь давнымъ давно наслышана была о „Засерѣ“, какъ о защитникѣ слабыхъ противъ сильныхъ и каждый старался какъ бы лучше разсмотрѣть и запечатлѣть черты его лица.—„Засеринъ“ былъ костистъ, широкоплечъ, ростомъ выше средняго, лицомъ смуглъ и имѣлъ большую голову съ черными курчавыми волосами. Говорятъ, что онъ, во время нашествія французовъ на Москву ѣздилъ къ Наполеону представляться и былъ нимъ принятъ. Во время бесѣды, Наполеонъ спросилъ его.—„Что это у васъ на Дону за казакъ Платовъ? Скажите мнѣ пожалуйста объ этомъ храбрецѣ, какъ рисуетъ его народная молва“? „Смотри Императоръ на меня, сказалъ „Засеринъ“ каковъ я, таковъ былъ козакъ Платовъ“. По пріѣздѣ изъ Москвы, Засёринъ-Платовъ находился на Украинѣ, гдѣ составилась пѣсня:

„Хранцу́зъ у́мна голова̀
Невспозна́ла Платова̀“..

До появленія русскихъ разбойниковъ жизнь украинскихъ мужиковъ была не весьма завидна отъ разбойничьихъ татарскихъ набѣговъ. Однажды, говорятъ, былъ такой случай: спасаясь отъ преслѣдованія татаръ, три довольно дюжіе мужика братья слѣзли на „горище“ и спрятались тамъ въ ожиданіи незванныхъ гостей. Вдругъ дворъ наполняется крикомъ. Появились татары, шныряютъ по всѣмъ куткамъ и закуткамъ двора, не находятъ никого изъ людей и врываются въ хату, гдѣ также видятъ однѣ лишь голыя стѣны. Поворотивъ назадъ носы, выходятъ къ порогу, одинъ татаринъ остался въ сѣняхъ пить воду, черпаетъ большимъ деревянымъ ополоникомъ воду изъ кадки и пьетъ. Одинъ изъ спрятавшихся на „горищѣ“ украдкой

все высматривалъ гостя, а потомъ снялъ шапку, кланяется и говоритъ: „здоровъ пывъ“!—„А, братецъ, ты тутъ, слѣзай-ка сюда“! И голова свалилась съ плечъ его. Жаль стало брата остальнымъ двумъ; вотъ одинъ изъ нихъ и началъ: „Дурный, тай годи! Бачъ, тре́ба бъ то ёму озыва́цьця—мовча̀въ бы такъ, якъ я мовчу“. Татаринъ слышитъ еще чей то голосъ: „А ну, на еще и ты. Да тамъ еще васъ много“?—подаетъ голосъ татаринъ.—„Ну, це вже ма́буть дзу́зкы, бува́йте здоро́ви,—хочъ и йе, такъ не озову̀сь“, рявкнулъ третій и также угодилъ татарину на капусту.

56. *Про Аркачеева.* Старые люди раньше не умѣли ругаться; все это теперешнее сквернословіе явилось съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Аркачеевъ обрѣзалъ дороги и вводилъ постриженцевъ. Много въ то время претерпѣлъ народъ. Аркачеевъ обрѣзывалъ дороги, проходя на югъ сплошь до самой крестовой горы, гдѣ Петръ I-й поставилъ крестъ. Про Аркачеева сложилась пѣсня:

„Аркачеевъ всю Россію перерылъ,
Солдатъ голодомъ морилъ“!

Куда бы генералъ ни отправлялся, всегда бралъ съ собой жену. Она, говорили, была у него страшная колдунья. Рядовой солдатъ былъ такъ озленъ на генерала, что во время одного ученья зарядилъ свое ружье пулею съ цѣлью запустить ее Аркачееву въ лобъ. Выстроивъ ряды, генералъ дѣлаетъ приказъ: „Въ такомъ то взводѣ, такой то выходи“! солдатъ выходитъ. „Подымай ружье дуломъ вверхъ и, по общей командѣ, стрѣляй и ты“. Выстрѣлъ послѣдовалъ залпомъ изъ холостыхъ ружей и въ воздухѣ взвилась лишь одна пуля замѣченнаго солдата, который тутъ-же и былъ казненъ. О замыслѣ солдата заранѣе, конечно, предупредила генерала его жена. Послѣ этой неудачной попытки, солдаты рѣшили истребить прежде всего колдунью. Въ отсутствіе генерала лакей взмахнулъ свой тесакъ надъ головой барыни и пошелъ на встрѣчу Аркачееву, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Жену вашу я зарубилъ“.—„Ну, чтожъ, зачѣмъ остановка? Руби и меня“.—Со смертію жены Аркачеевъ совсѣмъ перемѣнился.

Гл. 4-я.

Заговоры и лѣкарства отъ болѣзней.—Привороты.—Народная мудрость: примѣты на всякія случаи жизни.—Колыбельныя пѣсни и дѣтскія игры.

Ключъ ликивъ. Пра́выло: шобъ тобѝ непрыйшлòсь личи́ты такъ и знай собѝ, що попе́реду всёго тре́ба молы́цьця Бо́гу, якъ зна́йишъ—вми́йишъ, абò такъ: „Богоро́дыця Диво, ра́дуйся; осла́бы—оста́вы, й на препосли́дку—Го́споды, поможѝ“.

Одъ перело́гивъ. 1) „На горѝ Окия́ни (Осия́ни), на о́строви Буя́ни стояла ха́та; въ тий ха́ти—пе́рвый вы́тъ, дру́гий буймы́тръ (буймы́стыръ), а тре́тий лука́вый. Вы́томъ—поля̀ размиря̀ть, буймы́стромъ судъ судыть, лука́вымъ перело́ги згоня̀ть изъ цийе́йи молы́твенной, рожде́нной, кра́сной (яко́йи, бачъ, бу́де тамъ ше́рсты) скоты́ны“.—Оберны́сь на схидъ со́ньця й чита̀й цю́ю молы́тву тры́чи безъ о́ддыху, а по́тимъ возьмы̀ ду́бчикъ, абò соломы́нку, травы́нку, абы̀ воно̀ було̀ бъ одноли́токъ, и тымъ уда́рь тры́чи хво́ру скоты́ну по ло́би, три́чи по за́ду, по́тимъ—зъ тийе́йи й дру́гойи стороны̀, по зду́хахъ; да́ли—зберà̀й тры́чи жме́нею шку́ру одъ головы̀ й до хвоста̀ скризь по спы́ни и тодѝ поламà̀й той ду́бчикъ, чи чимъ ты тамъ бывъ, на мане́ньки кусо́чки, тай брось йихъ на спы́ну скоты́ни и сплюнь при цёму тры́чи на зе́млю.—Якъ ля́же, та го́лову прыхи́ле до живота̀, то хай хочъ шо, такъ уста́не и бу́де здоро́вый, а якъ же лежа́тыме, не прыго́рне головы̀ й не двы́гатемецьця—ди́лай у дру́ге, и до трёхъ разъ такъ мо́жно робы́ты.—Мо́жно й за ви́чи одъ перело̀гивъ личи́ты, тико замѝть абò вѐзнай, яка̀ шерсть бу́де.

2) „Го́споды поможѝ!—Було̀ собѝ тры браты̀ за сы́нимъ мо́ремъ; одынъ дрова̀ руба̀, дру́гий во́ду спеня̀, тре́тий перело́ги замовля̀, водяни́йи, витряни́йи й зглазни́йи: вамъ, перело́гамъ, тутъ не бува́ты, у черво́нойи (чи у яко́йи тамъ не йе) скоты́ны жо́втойи ко́сты не ломы́ты, черво́нойи кро́вы не пы́ты, и вамъ, перело́гамъ, тря́сьця всимъ“!—Якъ прока́жешъ, той сплюнь за́разъ, а по́тимъ погла̀дь руко́ю по спы́ни тры́чи, одъ головы̀ й до хвоста̀, й за жа́днымъ ра́зомъ сплёвуй.

3) „На Осия́ньский горѝ, на Берта́ньський земли̇ ишòвъ Петрò и Па́велъ, тре́тий зъ ны́мы дья́волъ; зийшлы̀ на перехре́сну доро́гу, ста́лы ду́маты, гада́ты—кому̀ перело́ги да́ты:—Петру̀ ру-

кавы́чки, Павлу̀ нагалы́чки, а ва́съ, перело́ги, су́пьятку (супоста́ту) пидъ но́ги".—Прока́зуй тры́чи безъ о́ддыху и сплёвуй.

4) „Йшо̀въ Св. Петро̀ и Макаре́нко Мытро̀; Св. Петро̀ положи̇̀въ рукавы́чки немыги́чки на престо́ли, а Макаре́нко Митро̀ взявъ перело́ги на свойи̇̀ ро́ги".—Прокажи̇̀ й згладь мишко̀мъ по спыни̇̀.

5) „Ишо̀въ пипъ, ишо̀въ и дякъ, ишо̀въ и чортъ; найшо̀въ пипъ рукавы́ци, а дякъ ка́пыцю, а чортъ перело́ги взя́въ на свойи̇̀ ро́ги,—зъ ригъ на спы́ну, зъ спы́ны на хвистъ, зъ хво̀сту до до́лу (на доли́вку)". Пи́сля цёго беры̀ осы́кове поли́но, бый и прычи́туй: „яки̇̀й тутъ йесьть, така̀ ёму̀ й честь". Тры́чи дунь и сплюнь пи́сля цёго и дывы̀сь, шо пе́редъ тобо́ю бу́де лежа́ты (хворосты́на, ду̀бчикъ, чи соломы́на), тимъ беры̀ и бы́й по зду̀хахъ.

6) „Ийшо̀въ Петро̀ и Павло̀, за ны́мы ийшо̀въ тре́тий дъя́волъ; зийшлы̀ воны̀ на три шляхи̇̀, й найшлы̀ на трёхъ шляха̀хъ Павлу̀ рукавы̀ци, Петру̀ ножены́ци, а дыя́волу перело́ги мижъ ро́ги. Понесы̀ йихъ, дъя́воле рога́тый, верла́тый, на жо́втии пи́ски й нагоду̀й свойи̇̀хъ дитѐй".

Одъ кровы (*якъ кровъ замовыты*). 1) „Во йи́мья... й сла́ва Воцу̀... а по́тимъ: „На мо́ри на Окия́ни, на о́стровй на Одия́ни, тамъ стойи̇̀ть кинь каръ, кровъ не кань; тамъ стойи̇̀ть кинь рыжъ, кровъ не брижъ; тамъ стойи̇̀ть кинь гнидъ, кро́вы нитъ... Тамъ пря́ла ди́вка шо́вку ны́тку; ны́тка ввирвы́ся, кро́вь увиймыся въ тако́го-то раба̀ Бо́жого". Здавы̀ те ми́сце й цьмо́кны губа́мы.

2) „Ка́менна коро́ва й ка́менна гора̀; на тий горй̇̀ сыды̀ть во́ронъ. А во́ронъ не ка́ркнеть, и кровъ не ка́пнеть. По тий горй̇̀ ходы̀ла Ма́ты Мари́я, ро́зу сады̀ла; ро́за не прыняла́ся, а кро́въ уняла́ся". Прока́зуй тры́чи безъ о́ддыху.

3) „Йшла̀ Ди́ва Мари́я че́резъ золоты̀й мистъ, ийшла̀ кровъ—не йшла̀. Стань, кровъ ка́менемъ".—Прока́зуй тры́чи по тры раза безъ о́ддыху.

4) „Теклы̀ ри́ки крова́выйи; одна̀ рика̀ ри́ки спеня̀, дру́га рика̀ ко́сьты сциля̀, а тре́тяя рика̀ ри́къ кровь тако́го то замовля̀".

5) „На ка́меньний горй̇̀ ка́менна коро́ва, ка́менна дийны́ця и ка́менна й дойи́льныця; колы̀ бу́де зъ тийе́и ка́меннои коро́вы

молоко̀ текты̀, тоди̇̀ й бу́де зъ тако́го то раба̀ Бо́жого й кровъ йиты̀. Не до́лжно бу́ты, щобъ зъ ка́менной́и коро́вы молоко̀ теклò, не мо́жно й то̀, що́бъ зъ тако́го то раба̀ Бо́жого кро́вы ийты̀—о ви́ки вико́въ ами̇̀нь". Шобъ такъ все й зака́мьяни́ло.

6) „На мо́ри на Окия́ни, на о́строви на Буя́ни сыдя́ть тры сестры́ци, ши́ють ширы́ньки ра́зными шовка́ми... Заговоры̀ть бы руду̀ рожде́нному, крещéнному й молы́твянному (ме́ньня)".— Прока́зуй тры́чи.

7) „Кровъ кровы́ще, руда̀ руды́ще! Бу́де тоби̇̀ ийты̀ть, а то бу́деть тоби̇̀, що тому̀ чолови́ку, яки̇̀й въ неди́льлю заготовля̀ дро́ва на понеди́локъ".

8) „Сто́й, не йды, черво́ная кровъ! Я тебè замовля́ю й заговоря́ю, и заклынаю, якъ того̀ чолови́ка, шо у неди́льлю ро́быть— дро́ва руба̀йе".

Одъ бильмà ни óци. 1) Помолы́сь Бо́гу й кажы̀: „Го́споды, поможи̇̀!—Бижи̇̀ть тры псы—би́лый за би́лымъ, си́рый за си́рымъ, чо́рный за чо́рнымъ, и бижи̇̀тъ вы и злыжи̇̀тъ вы у Луки̇̀ бильмò зъ о́ка".—Якъ прока́жешъ разъ, такъ тре́ба пры цёму дыхну́ты на ёго (хво́рого) й сплю́нуты на зе́млю, и такъ ди́лай до трёхъ разъ,—прока́зуй и плюй,—а на прыпосли́дку, у тре́тье кажы̀: „пропады̀ якъ ця слы́на", и плюнь ёму̀ въ ви́чи.—Бу́дешъ прока́зуваты у дру́ге,—кажы̀: „Го́споды, поможи̇̀! дру́гимъ ра́зомъ, ы́ньчимъ (ы́ньшимъ) ча́сомъ", а въ тре́тье то жъ—„Го́споды поможы̀! Тре́тьимъ ра́зомъ, ы́ньшимъ ча́сомъ", и дывы́сь за жа́днымъ ра́зомъ въ ви́чи на бильмò. Мо́жно каза́ты: „ы́ньшимъ ча́сомъ" и—„лу́ччимъ ча́сомъ"; тико до ме́ньня тре́ба дока́зуваты, шо „молы́твянный и хреще́ный".

2) „На Осия́ньський горѝ, на Берта́ньський земли̇̀ ыйшлы̀ два псы, оды̀нъ си́рый, дру́гий би́лый; си́рый бильмò збыва́йе, би́лый слёзу̀ спыва́йе тако́му то молы́твянному й хреще́ному, рабу̀ Бо́жому N". Чита́йицьця тры́чи, безъ о́ддыху, й сплёвуйи́цьця за жа́днымъ ра́зомъ.

3) „Стойи̇̀ть тры хорты̀ на Осия́ньський горѝ; оды̀нъ чо́рный, дру́гий си́рый, а тре́тий би́лый. Злыжи̇̀тъ бильмò тако́му то молы́твяному, хреще́ному рабу̀ Бо́жому". Тры́чи безъ о́ддыху.

4) „Ийшла̀ свята̀ Покро́ва че́резъ живы̀й мистъ, за не́ю ийшло тры хорты̀ („псы"); оды̀нъ сы́вый, дру́гий чо́рный и тре́тий би́-

лый. Сы́вый ийшо̀въ кровы̀ замовля́ты, а чо́рный—перело́ги здийма́ты, а би́лый ийшо́въ би́льма збира́ты, злыза́ты и щища́ты молы́твянному, хреще́ному рабу̀ Бо́жому (ме́ньня), й на по́мищъ составля́ты, и дай ёму̀, Го́споды, здре́ныйе и очище́ныйе и виде́ныйе".

Одъ зубѝвъ. 1) „Пыта́йицьця стары́й молодо́го: „чи не була́ть зу́бы у ме́ртвого"?—„У ме́ртвого не була́ть, у ме́ртвого й не щимла́ть; такъ и въ раба̀ Бо́жого (ме́ньня) новорожде́нного, молы́твянного, хреще́ного, якъ изъ ро́ду не боли́лы, та́кже й не щими́лы, шобъ воны̀ у раба̀ Бо́жого (ме́ньня) до сме́рты занимѝлы и закамьяни́лы, якъ ка́минь у водѝ".

2) „Оче нашъ, и́жо... Ми́сяць на не́би, ка́минь у мо́ри, вовкъ у по́ли; колы̀ вси ци ве́щи изи́йдуцьця вече́рять уми́сьти, тодѝ у молы́твянного й хреще́ного раба̀ Бо́жого хай зу́бы забуля́ть".—Прока́зуй тры́чи и за го́днымъ ра́зомъ сплёвуй.

3) „Ослобоны̀, Го́споды, раба̀ Бо́жого (тако́го-то) одъ сысту́шки и кальве́рка; успокòй, Го́споды, егò, раба̀ Бо́жого (ме́ньня)". Проговоры̀ть тры́чи безъ о́ддыху.—Можно й такъ: оддеры̀ бума́жки, сти́ко мо́жно оберну́ты на мизы̀нець (кругòмъ мизы̀ньця) й напышѝ на ний ци слова̀—„молы́тву", и по́тимъ зложѝ йийй и положѝ на боля́щій зубъ, або̀ оддай положѝты, ти́ко шобъ не розго́ртуваты, и ото̀ зъ тымъ такъ и засны̀ зъ молы́твою; якъ уста́нешъ, переспы̀шъ и бо́листь пропадѐ.

Одъ черѐй. 1) „Го́споды, поможѝ!—Було̀ собѝ двона́дьцять брати́въ, изъ двона́дьцяты—оды́надьцять, изъ оды́надьцяти—де́сять, изъ десяты̀—де́вьять, изъ девьяты̀—ви́симъ, изъ висмы̀—симъ, изъ сёмы̀—шисьть, изъ шосты̀—пьять, изъ пьяты̀—чоты́ри, изъ чотырёхъ—три, изъ трёхъ—два, изъ двохъ—оды̀нъ, изъ одного̀—ни го́дного. Тху! (плюнь й скажѝ) пропадѝтъ"!—Одъ цёго тодѝ посòбыцьця, якъ не бу́дешъ йихъ ворушѝты.

2) Изщи́туй одъ девьяты̀ до послѝдьнёго, и за жа́днымъ ра́зомъ тре́ба вырыва́ты ше́рсты и забы́ты де не́будь у сукъ, або̀ проверти́ты и забы́ты по́тимъ ди́рку хочъ земле́ю.

Одъ га́дыни. 1) „На горѝ Окиянѝ, на òстрови Буя́ни: тамъ змия̀ коропия́. Выймàй свий гадъ степовы̀й и луговы̀й, а не будешъ своро̀ га̀ду выйма́ты, побьѐть тебѐ Госпòдь Богъ хрыстòмъ и Бо́гомъ".—Три ра́зы сплюнь и рукòю по уку́шенному

мысьцю подавы и обведы кругомъ тымъ пальцемъ, шо зиньске щеня давывъ, шобъ опухъ далы не йшовъ; а якъ шо йе крестатый стрибный рубъ, то нымъ годыцьця подавыты пухлятыну и обвесты кругомъ нейи за мисьць пальця.

2) „Богородыця... Ослабы—оставы... Господы, поможи“!—„На мори, на востоци стойитъ золотый дубъ, золотокорычный, на тимъ дуби гниздо золоте, золотокорычне; ийще тамъ стойить лыповый кущъ, въ тому кущи яряче рунце, тамъ его вся осаульня. Крыкнувъ царь, крыкнула царыця, крыкнувъ и царевычъ на всю свою осаульню: пиды ты, Хивря (старша гадюка), по Поляху, по Домаху, по Марыну, по Горпыну, по Тытяну, по Оляну и за всимъ злымъ, пралютымъ гадамъ; цей зубъ буде мини маты, опуху непускаты, жовтойи косты не ломыты, червонойи кровы не пыты“.—Одъ его тожъ такъ, якъ и одъ нейи, тико замины слова, змисто: „на мори, на востоци“, кажы: „на мори на окияни“; вмисто: „цей зубъ буде мини маты“, кажы сей зубъ будемъ выйматы“.—Якъ винъ укусе, такъ на тимъ мисци репне; винъ бильшъ куса на нози, а вона на боци або на спыни. Вона товста, а винъ тонёнький та злый.

Одъ уроківъ. „Батькови вроки, и материни вроки, и дидови вроки, и бабыни вроки, хлопьячи вроки, дивчачи вроки (й кажы меньня того, хто вричиный) Панасови вроки-одъ его Панасовыхъ очей, одъ его плечей, одъ его пальцивъ, одъ его семыдесяты суставцивъ.—И пидитъ вы уроки въ уроччище—на пущи („пустыньны мисти“,—у „пустку“), на нетры („буйный витеръ“), де пивни не спиваютъ, де соньце не сходыть, де хрыстыяньський гласъ не заходытъ,—на очерета и на болота, купьямы трясцыте, осоку изийидайте й тамъ собй спочивокъ майте“.

Одъ вывыху. „Бигла сучка черезъ мистъ й чотыри нози, пьятый хвистъ, шоста голова,—нехай тоби Богъ помога“. Сплюнь трычи и хресты те мисце.

Одъ вовкивъ. „Святый Юрий и Ягорий! Выйдитъ на Юросолымьску гору, крыкнитъ свойимъ гласомъ, склычте свойи хорты, позатыкайте йимъ роты. О вики аминь“.—Той, хто заговорюйе одъ дзвиру, долженъ на Юрия цилый день постыцьця, ходыты въ церкву и молыцьця Богу.—Не слидъ безъ дила

й йихъ голоднымы зоставлятъ, бо й воны йисты хотять и не самы жъ воны выбыраються собѝ, що ззисты, а те, шо йимъ назначе Богъ.—Одна баба такъ все сорокъ литъ не попускала вовкамъ ничого йисты й довела йихъ до того, шо въ ныхъ зосталысь одни шкуры, та кисткѝ,—отъ и пожалилысь, признеслы жалобу на нейи Юрию; такъ ажъ тодѝ Юрий благословывъ йимъ попереду ту саму бабу ззисти. Ну, й пишлы тодѝ вовкѝ опьять житы.

Защита одъ розбойныкивъ. „Одъ яритныка й ёдъ яретныцы, й одъ golдуна, й одъ golдуныци мисяцемъ защитюсь, каменемъ загородюсь, одъ всякого врага супостата и разбойныкивъ защитюся“.

Одъ ворывъ. „Прыподобный оче, святый Смеркачу и Замыкачу! Замыкайишь ты церквы й городы, и замкны одъ рожденного, молитвянного раба Божого N всякойе горе й вороги.— На Осияньский горѝ строги дорогийи, замки золотийи, замыкайишь ты всимъ ворамъ и ворогамъ и наведы на йихъ, Господы, страши одъ мого чада, одъ мого стада, одъ мого двора й одъ мого пера й ёдъ всёго мого помышленыя, попеченыя.— Одъ воривъ годыцьця ще хочъ разъ въ годъ самому читаты, а хочъ выслуховаты у другихъ симнадьцятую кахвисьму изъ псавтыря. Щобъ збавыцьця одъ ворывъ и розбийныкивъ, читай рано и вечеръ сальму: „Живый въ помощи вышняго“...

Наговоръ воды одъ казу. Налий у мыску воды и кинь туды ладону, який йе. Кажна ладанына кидайецьця на шо небудь, такъ, примиромъ сказать: одна кидайецьця на симью, потимъ другa на худобу й такъ дали; кому зробылась прычина, на тий ладаныни будуть пузырчики;—узнаецьця тожъ по цёму, колы й одъ чого сталось: одъ чоловика, дзвира, скотыны рогатойи, овецъ, свынеѝ и собакъ всякойи шерсты; якъ станецьця, або сталось у начали мисяця, то покажецьця молодыкъ, а въ киньцѝ, то выйде мисяць на сповни.—Якъ же не покажицьця на ладоныни пузырьчикивъ, то въ симнѝ горяздъ буде, все— благополушно. Вода наговорюйецьця й даецьця пыты тико тодѝ якъ окажецьця на чому небудь прычина (казь) (пузырѝ на ладону). Собаки билышъ казюцьця на молодыку и менчъ на сповни.

На молодыкàхъ одлычáйецьця то, на якóму зъ ныхъ бýде на шо нéбудь казъ; той молодыкъ, шо значѝть казъ, нарóжуйецьця прямувáтымъ зъ gýлими (тупы́мы) киньця́мы и бувà мýтный.— Якъ явы́цьця де ушкрябнýте ми́сце ки́гтямы, шо пи́на туды́ ще не зáйшла, такъ найты́ трéба на горѝщи павуты́ны й забы́ты нéю рáну и пы́ты пóтимъ наговóрену вóду. Казъ мóже явы́цьця въ симъ часѝвъ, въ симъ сýтокъ, въ симъ недѝль, въ симъ ми́сяцивъ и въ симъ годи́въ, (абòжъ въ 9 чáсивъ,—9 сýтокъ, 9 нéдиль, 9 ми́сяцивъ и 9 гóдивъ).

Молы́тва: „Оченàшъ..... Святы́й Мытрохвáний, Св. Улáсий и Св. Ильля̀ прорòкъ-пророчи́тели лыхóго кáзу, поможи́ть и заступы́ть одъ лыхóго кáзу, одъ би́шенства, одъ би́шенойи собáки: одъ би́лойи, одъ си́ройи, одъ мýройи, одъ рябóйи, одъ ры́жойи, одъ чòрнойи и одъ усѧ̀койи разношéрстнойи.—На осия́ньський горѝ, на олѐний землѝ, тамъ Мáты Бóжа спáла— привопочивáла, й приснѝвся йий сонъ нивыды́мый, херевы́мый. Мáты Бóжа сына спороды́ла, святóю ры́зою прыкры́ла, у я́сли положѝла. Якà на дрéви корà, такà чи́ста святáя водà. На дрéви на кабыры́зи Сýса Хрыстà роспынáлы, рýци и нóзи гвоздѐмъ прыбывáлы. Мáты Бóжа увы́дила: „Сынъ мой, Бóже мой! чи ты на викъ помырáйешъ, чи ты за кóго мýку прынымáйешъ"?—„Нитъ, мáти моя̀, я не на ви́къ помирáю, я за ввесь миръ хрысьтыя́ньський мýку прынымáю,—бýду въ цéркви на престóли лежáты, и бýде менѐ весь миръ хрысьтыя́ньський рáно й вéчеръ помынáты". Якà дýшечка рáно й вéчеръ цю̀ю молы́тву бýде читáты, та душà не буде въ водѝ потопáты, ту дýшу не буде гадъ кусáты, ту дýшу не бýде дзвиръ пойидáты, ту душу самъ янголъ бýде сповидáты, а самъ Господь бýде прыобщáты (прычащáты). Одъ пýли мырськóйи, одъ велы́койи зарáзы Бóгу небѐсному помолю̀сь, Сýсу Хрыстý прыклоню̀сь; всѧ̀ку дрянь подобáю и ввесь лыхѝй казъ. Амѝнь".

Якъ ти́ко змѝтыцьця казъ, то небары́сь,—зовы́ того̀ хто ли́че; винъ звáре зи́льля пы́ты й почи́сте у рóти, и якъ вскорàхъ, то нехàй хочъ якѝй лыхѝй казъ, такъ пропадѐ. Травà ця́я рóецьця въ ничъ пидъ десѧ̀те мая (пидъ Сы́мона Зы́лота). Трéба питы́ нóччу въ лисъ,—дорóгою, ни туды́ йдучи́, ни ви́дьты, не слидъ оглядáцьця й смия́цьця,—знайты́ йийѝ,—

вона̀ сама̀ одкры́йецьця и вы́рваты хочъ небага́цько, а на дру́гий день мо́жно вже й косы́ты йийи̇, сти̇ко хочъ. Трава̀ бува̀ ра́зна: така̀ якъ лёнъ, якъ пыри̇й, якъ пы́вныки, одува́нчики й зове́цьця ра́зно: а́нбуль, кра́нбуль и несмия̀нъ. Зъ пе́рвого го́ду трава̀ не годы́цьця на ли́ки, а ва́рять траву̀ третёго литню; и вары́ты тре́ба йийи̇ тры́чи, шобъ на цви́тъ була̀ чирво́на, ажъ бу́ра, и на уку́съ—терпка̀ и въязка̀, пы́ты жъ тре́ба по ковтку̀ тры́чи й чоты́ри ра́зы въ день. На буты́лку кладе́цьця травы̀ пу́чка, а на велы́кій казъ дви и би́льше и, якъ вы́пье, то або̀ жъ оду́жа, або̀ немучитымецьця до́вго:—часи̇въ зъ два—три й умрѐ. Травы̀ нава́рють чоты́ри буты́лки (пля́жки), пля́жка на ты́жденъ. Са́ма сыльниша трава: якъ пры́йдецьця траву̀ рва́ты, то, шобъ одкры́лась, тре́ба цю моли́тву творы́ты:—„Траву порыва́ю и врага̀ побижда́ю; трава̀ кра́нбуль, озвы́сь и ослухны́сь; на по́мощь Бо́жу тебѐ зрыва́ю“!

Одъ безсо́ння дытыни. Но́сять пидъ ку́ры и прыка́зують: „Ку́ры би́ли, чо́рни, си́ри, рябы́, ры́жи и вся́койи ма́сты! Понеси̇тъ безсо́ньня тако́го то на вечерны́ци, де дивки̇п ля́шуть, хло́пци ска́чуть, а намъ да́йте сонъ ззъ усихъ сторо̀нъ“.—Тры́чи.

Одъ бильма̀ скотыни. На якимъ о́ци бильмо̀, зъ то́го бо́ку взять и протягты̀ въ ву́хо шо́вкову ны́тку въ цыга́ньський го́льци и тоди̇ го́лку вы́тягты, а ны́тку зоста́выть тамъ—и бильмо̀ ззи̇йде.

Средство отъ таракановъ. 1) Чтобы выслать таракановъ, надо встать подрядъ три утреннихъ зари, до восхода солнца, и за каждымъ разомъ брать цѣлый хлѣбъ, потомъ отрѣзать отъ него краюшку, присыпать солью и, ставъ съ нею надъ какимъ-нибудь растворенным окномъ, читать три раза, безъ отдыха, слѣдующую молитву: „Слава Богу, слава Богу, слава Богу! Я хозяйка (хозяинъ или человѣкъ, женщина,—по просьбѣ хозяина) сему дому, и моя хлѣбъ-соль остаётся навсегда со мною до скончанія вѣка, а вы, клопы, тараканы и всякая нечистота,—даю вамъ хлѣбъ-соль на дорогу,—идите, идите, идите изъ моего дому:—я васъ выгоняю и высылаю изъ моего дому“.—По прочтеніи, отъ присоленной краюшки хлѣба отрѣзывается маленькій ломтикъ и оставляется у себя, а остальное выбрасывается за окно. Надо при этомъ стараться, чтобы никто мимо оконъ не проходилъ или издали не могъ бы кто видѣть надъ раскры-

тымъ окномъ. Главный секретъ при этомъ тотъ, говорятъ, что не слѣдуетъ никому хвалиться, что „вотъ, молъ, выгонялъ, и теперь нѣтъ“; надо постараться забыть и никому объ этомъ не говорить. Даже если вздумаешь травить чѣмъ таракановъ, мышей и т. п., то стоитъ лишь разсказать про задуманное, чтобы предпріятіе твое никогда не увѣнчалось успѣхомъ. Таракановъ можно выгнать лишь до Покрова; они такъ, какъ квартиранты: противъ зимы не выходятъ.

2) На Свѣтлый Праздникъ идетъ одинъ кто-нибудь изъ дому къ заутренѣ, а другой остается дома, возлѣ предпечнаго окна, поджидая къ себѣ, пока тотъ прійдетъ изъ церкви къ затворенному окну. Тотъ долженъ выйти изъ церкви первымъ, тогда, когда священники начнутъ въ алтарѣ христосоваться между собою, и спѣшить къ окну прежде, чѣмъ кто нибудь пришелъ бы въ комнату, и говорить: „Христосъ воскресъ Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ“!—„Воистину воскресъ,—долженъ откликаться другой.—„Чимъ вы будете розгивляцьця“?—„Паскою та ковбасою“.—„А ти, шо за стиною“? —„А ти, шо за стиною,—самы соббою“.—Послѣ этихъ переговоровъ, первый входитъ ранѣе другихъ въ комнату, обнимается съ тѣмъ, кто оставался, и начинаютъ христосоваться. Тараканы съ этого времени должны будутъ поѣсть одинъ другого и больше не водиться. Хорошо, если никто не замѣтитъ и не подслушаетъ.

3) Когда умретъ кто въ томъ домѣ, гдѣ есть тараканы, то надо ту воду, которою будутъ омывать покойника, приберечь, а когда отойдутъ похороны, одинъ изъ членовъ семьи долженъ въ 12 час. ночи снять съ себя верхнее платье и бѣлье и въ природномъ костюмѣ побрызгать (покропить) тою водою всѣ стѣны, углы, потолокъ и полъ,—и тараканы сойдутъ.

4. Въ чистый (страстной) четвергъ сметаютъ вѣникомъ со стѣнъ, угловъ, потолка, пола, изъ-подъ столовъ, кроватей и т. п. и этотъ соръ потомъ, вмѣстѣ съ тараканами (въ 12 час. ночи), выносятъ на перекрестную дорогу.

5) Найденную на дорогѣ чеку кладутъ отъ таракановъ подъ „прыпичокъ“.

6) Поймать и связать вмѣстѣ двухъ таракановъ, какъ свиваютъ младенца, и отнести ихъ или въ переулокъ, или бросыть кому-нибудь на возъ, говоря: „возьмите и насъ собою въ гости“!—Тотъ, конечно, ничего въ этомъ не будетъ подразумѣвать, изъявитъ полнѣйшее желаніе и повезетъ съ собою незамѣтно положенныхъ гостей—таракановъ.

Таракановъ насылаютъ въ чистый четвертокъ; ихъ приносятъ въ новомъ горшкѣ, незамѣтно выбрасываютъ и тѣмъ себя отъ нихъ избавляютъ. Приносятъ таракановъ и на новоселье, если кто позоветъ; на новоселье легче всего выходятъ тараканы.

— —

Случа́йецьця, шо супроты́вныкъ пидки́нецьця у голо́ву, такъ одъ цёго супроты́вныка тре́ба пидку́рюваты херувы́мськимъ ла́даномъ, и винъ вы́йде.—Якъ зу́здрышъ нечи́стого, або̀ дру́ги стра́ши,—чита́й: „Да воскре́снетъ Богъ“.

Одъ живота̀ зава́рюють со́яшныци, вибыра́ють у животи̇̀ и стру́жуть стары́ньни ми́дни гро́ши и йидя̀ть зъ хли́бомъ мидь; ка́жуть, одъ „пору́хи“.

Хи́каецьця тому̀, кого̀ зга́дують, а бува̀, шо̀ й напада́ецьця одъ то́го, якъ зива́ешъ та не кре́стышъ ро́ту, то тоди̇̀ тре́ба каза́ты: „Хи́кавка, хи́кавка, пиды̀ до воды̀, кого схочъ, того̀ и напады̀—хочъ коня̀, хочъ кобы́лу, хочъ цыга́ньську дыты́ну“! Й пьють зъ кирьця̀ во́ду на́вкрестъ тры́чи. Одъ запоро́ши прычи́тують: „Ди́дку, ди́дку, поли́зь на драбы́нку, та вы́ймы запороши́нку“. Поро́шу вытяга́ютъ йе бабы̀ языко̀мъ, а ди́тямъ беру̀ть за ви́ю, отття́гують и ка́жуть: „Поро́шко, поро́шко, вы́йды на доро́жку, дамъ тоби̇̀ горо́шку“!

Шобъ не напа́ла лыхора́дка, не тре́ба йи́сты яець на Велы́кдень; колы йисы̀ я́йця, товчи̇̀ шкарлу́пу, а то жа́ба вли́зе.—Потимъ ще сре́дство: напыши на бума́зьци (бума́гу вперѐдъ зва́ли „попе́ро“): „Въ нача́лѣ бѣ̀ сло́во, и сло́во бѣ̀ къ Бо́гу, и Богъ бѣ̀ сло́во“, запы́сочку цю спалы̀, а попилѐць вы́пый зъ свято́ю водо́ю. Ще й такъ ро́блять: пы́шуть крейды́ною скризь по две́ряхъ и пры́тулкахъ—„тако́го-то (ме́ньня) до́ма нема̀“. Ще одъ пропа́сныци: мну́ть шкарлу́пы зъ ра́кивъ и йидя̀ть; рощиня́ють щу́ку й нахо́дять у ний рыбы́нку, тоди̇̀ сушутъ и йидя̀ть.

Одъ поно́су и блюва́ньня пьють сю́рышъ й зава́рюють со́яшныци.

Одъ переля́ку малу̀ дыты́ну (таку́, шо ще рости́ме) стано́влять до одви́рка, одри́зують но́жныцями на́вхрестъ по пу́чци воло́сься зъ головы̀ и ноготки̇̀ зъ па́льцивъ, тоди прови́рчують ди́рку у водви́рку, вривни̇̀ зъ голово́ю, запыха́ють туды̀ те воло́сься и зали́плюють во́скомъ изъ страшно́йи сви́чки. Дыты́на перерости̇̀, й ля́ки понесѐ. Вывирчують переполо̀хъ и стары̀мъ (шо вго́ру не росту̀ть); такъ тыхъ ста́вляють до осы́ки и вывирчують йимъ, обри́зани ногитки̇̀ и воло́сья ука̀чують у во́скъ и запыха́ють у ди́рку, и ото̀, якъ осы́ка пидрости̇̀, то й зъ ро́стомъ и ля́ки понесѐ.

Якъ болы̀ть поясны́ця, тре́ба тры́чи до поро́га одруба́ты соки́рою нефорощаный ви́нykъ й посо́быцьця.

Одъ переполо́ху вылыва́ють на голови̇̀ олы̀вомъ або̀ во́скомъ: росто́плюють и льють у во́ду.

Одъ жовтяны̀ци йидѝть во́ши зъ хли́бомъ.

Одъ золоту́хи ли́чуть малы̀хъ дитѐй такъ: достаю̀ть кла́птыкъ за́ячого сму́шка нама́зують ёго̀ смета́ною и прыклада́ють до боля́чки; одъ цёго, бу́де мьяки́нуты и вытика́ты.

Одъ ра́ка прыклада̀й свижихъ лыстки̇̀въ капу́сьтяныхъ зъ смета́ною и не дава̀й йимъ ззигрива́цьця, переминя̀й. Одъ ранъ це жъ сре́дствые.

Червото́чиною, шо бува̀ въ дере́вни (у де́реви) на осе́ли у вербы̀ и ду́бови, такъ йийи̇̀ дерѝть (вона̀, якъ мука̀) и засыпа́ють ди́тамъ, шобъ не при́ло.

Шобъ росла̀ коса̀, ва́рють бере́зку и мы̀ють не́ю го́лову шо ты̀ждня.

Одъ чирки̇̀въ тре́ба у ве́чери, шобъ нихто̀ не ба́чивъ, поста́выты на хви́ртци обру̀чъ зъ ка́доба и тры̀чи проли́зты скризь ёго, тоди взя́ты, обкрутну́цьця зъ нымъ и заки́нуты, и ото̀, хто ёго̀ во́зьме, на̀ то́му и окоши́цьця.

Наде́жны ли́ки одъ лыхора́дки, прыпа́дкивъ, гемоpо́я и въ ра́зныхъ ко́лькахъ: тре́ба прынима̀ть по чарчи́ни за часъ пе́редъ йидо́ю (тре́ба бу́ты на́дыголодь що дня) насто́йки, насто́йнойи на штоху̀ гори́лки зъ прыпра́вою (прыпра́ву першъ тре́ба ззимья́ты въ муки̇̀цю, тоди̇̀ налыва́ты): 7 золотныки̇̀въ сабу́ру, 1 зол. теряку̀, 1 зол. лы̀ствинойи губы̀, 1 зол. горячо́вки, 1 зол. цыцво́рного ко́рню, 1 зол. шахра́ну, 1 зол. ревеню, 3 зол. сирного цви́ту.

Свынéй загодóвують волячимъ — „товарячимъ“ (пометомъ) шобъ не дохлы; загодóвують и голушкáмы зъ саломъ. Курдюкъ у волá личуть свицьнимъ (пометомъ); прывьязують свижогó на ганьчирочку.

Якъ зличить засику?—Найды йийи й прыложи житного хлиба зъ дёгтемъ и камфорóю и, якъ одмякне, прополы, а пóтимъ клады сырий кóржикъ зъ житнойи муки, камфоры, дёгтю и сулимы, й загóйицьця.

Тому, хто схóче личиты одъ пиднебéньня, попéреду трéба задавыты двомá пáльцямы зиньське щеня (крота) и пóтимъ тымы вже пáльцямы (пáльци яки нéбудь) пиднимáють пиднебéньня, пиднимáють, якъ опадé язычокъ; дáвлють пýхле гóрло одъ всякойи бóлисти й роздáвлюють, якъ йе у гóрли пузыри; одъ всякойи такóйи прычины пáльци ци сáми вирны лики.

Щобъ избáвыцьця одъ запóю, трéба въ тий бóчци, де дéржуть горилку, знайты билыхъ червьячкивъ, высушиты й ростéрты йихъ, а пóтимъ давáты на води, а хочъ на чóму нéбудь, тому, хто пье горилку, й пьяныця зъ тихъ пиръ не мóже тоди й нóсомъ зачýты, де кабáкъ.

Одъ зáйидъ: мáжуть йихъ сиркою изъ ýхивъ. Мáжуть пшоняною пиною изъ кáши.—Шобъ пропáла плиснявка, трéба добрéнько переварыты медку й брóсыты туды иржáве зализо и тоди, якъ настóйицьця трóхы, мазаты нымъ у ротку хвóройи дыты́ны.—Огникъ, це звисно вже, одъ чóго бувá, а шобъ ёго стребыты, затопы въ грýби сырымы дровáмы и, якъ покáжецьця зъ йихъ на киньцяхъ пина, то тиéю пиною беры й мажъ. Затóптують óгныкъ й тряпкою зъ помелá; а у кýзни вихтемъ мóчуть (гартýють); у маляра мáжуть билыломъ (хýзомъ).—Одъ лышай онъ шо рóблять: берýть у рáньци зъ шибокъ ту рóсу, шо по йихъ слызыть, й мáжуть лышай. Лышай натырáють силью й мáжуть згáрямы изъ трýбки.—Веретéномъ выпáлюють гýзку, бородáвку.

Травá бýквыця одъ кáшлю.—Коровьякъ одъ порýхи, якъ животы выхóдять.—Полынь и изъ сóяшныкивъ лыстóчки (жóвтый цвитъ) одъ лыхорáдки.—Деревий—одъ живота. Одъ живота: умóчать цибулыну у силь и мáжуть нéю ныжче пýпа.—Борщевныкъ одъ живота.—Кóрнемъ киньського щавля мáжуть

лышай.—Берёзка одъ урубу.—Раннькъ одъ чирякивъ.—Лысьтя бликоты прытуляють до боляччки.—Шиптуны и шиптухи—„ликари“ могорычуть дячка, шобъ дававъ йимъ васылечкивъ зъ пидъ креста на Здвыженьня; у йихъ купають недужающихъ дитей—й одъ усёго. Ту жъ траву й любыстокъ, шо на клычальний недильли кладуть батюшци на стильчикъ пидъ кныжку, то жъ на росхватъ спишатъ розбираты.

Одъ вразу (матка),—вразъ, бачъ, каже, не на мисьти—й паросьты попускавъ—одна баба выбырала у животи й такъ, мое ненько, помьяла, шо на другий день живитъ зробывсь, якъ колода, й тронуцьця незьзя, а потимъ ще зробыла клади йий пыты. Ця людына пье таки лики и каже, що йий легшае: шкалыкъ спырту, шкалыкъ олывы, тры четвёрки меду (3/4 ф.) и пучку якогось зильля; все це змишуецьця, и йде вытягаты ти паросты, шо вразъ йийи роспустывъ.

Когда купаютъ дитя, то распарившееся его темя притягиваютъ къ себѣ ртомъ, полагая, что, вмѣстѣ съ поднятіемъ кверху кожицы темени, одновременно будетъ подниматься и опавшее поднебенье (нёбо).

Когда дитя часто кричитъ, то значитъ, что оно „свыхнуто“; чтобы этому горю помочь, надо во время купанья смѣрять его три раза навкрестъ такъ, чтобы локоть правой руки младенца сходился бы съ колѣномъ лѣвой ноги и потомъ локоть лѣвой руки—съ колѣномъ правой ноги.—Когда дитя часто слюнитъ, то значитъ, что его безпокоятъ паразиты (купаютъ и чешутъ).

Молодайки, очень часто случается, застуживаютъ свою грудь, отчего бываетъ нестерпимая боль, и къ ихъ услугамъ мчится какая-нибудь „бабуся“ горю пособить: раздобываетъ, если у самой нѣтъ, скорлупу съ освященнаго яйца, подсаживается къ больной (чаще это дѣлается подъ образами) и ну ее подкуривать. Въ заключеніе дастъ пить святую воду, или сама наговариваетъ, и наконецъ начинаетъ „развагати й вмисьци съ цимъ жалю завдавать: це, бачъ, у васъ, ненько, нежидынь, десь не спопашилысь, ухваты́лы; винъ таки́й завбильшки, якъ горошина, и ото вберецьця (въ груди) тай росходыцьця тамъ. Оце гаразд, шо я лучилась ускори, ато бъ була вамъ халепа“.

Якъ би́шена соба́ка покача̀ здоро́ву, такъ ото̀ не ве́штайсь:— возьмы̀, вы́просы у трёхъ вдовъ по окра́йцю одъ ци́лыхъ хлибы́нъ, та й дай йихъ ззи́сты соба́ци хочъ и безъ маёкъ, и вона̀ вы́ходыцьця и не збисыцьця.

Лубьяну́ха—це така̀ бо́листь, шо по всему ти́лу выступа́ють прыщи̇̀, пидъ кинѐць ше́рхнуть и сверблять. Ли́ки одъ ци́еи хворо́бы таки̇̀: тре́ба найты̀ де не́будь на доро́зи кусо̀къ лубка̀ зъ ме́льныци (ны́мы кры́ла обшива́ють), вары́ты ёго, тай купа́ты хво́рого у тимъ ли́типли тры́чи.

Одъ сухо́ты купа́ють у наговóрюваний води̇̀, и по́тимъ ту во́ду вылыва́ють въ те ми́сто, де два плетни̇̀ доку́пы сплелы́ся.

Огныкъ, якъ бу́дешъ личи́ты, такъ запалы́ зъ ганьчи́рки помело̀ и подку́рюй нымъ, по́тимъ умочи̇̀ ёго̀ зъ огнѐмъ у помы́йныцю й обво̀дь тры́чи круго́мъ ёго̀, шобъ да́ли нейшо́въ, а тоди̇̀ й помочи̇̀ са́мый о́гныкъ на́вкре́стъ тры́чи.

У скотыны бува̀ на языци̇̀ бо́листь,—„жа́ба". Якъ вилъ скрыго́че зуба́мы, то такъ и знай, шо въ ёго жа́ба; прими́та ще й така̀: пидъ языко̀мъ бу́де жи́локъ ззо́дви цви́томъ сы́ни, такъ здае́цьця, шо ажъ бу́тто бъ то набубня́вылы. Ли́чуть йийи такъ: беру̀ть въ ру́ку го́лку, рознима́ють волу̀ ритъ и ско́люють не́ю по жи́льци; якъ кровь зи́йде й вилъ одлы́га.

Якъ обду́ецьця скоты̀на, такъ тре́ба мирьци̇̀й пуска́ты зъ ни́здри кровъ.—Одъ хромоты̀ тожъ зъ ноги̇̀ пуска́ють кровъ.

Якъ убью̀ть годо́ваного кабана̀ на са́ло, такъ пе́рвый кусо̀къ выри́зують у ёго зъ ло́бу, ви́шають, не солы́вши, на мату́зочку и бережуть одъ вся́койи прычи́ны за-для скоты́ны. Пры вся́ки̇̀й боли́сти мо́жно дава́ты ёго йи́сты и мазаты.—Пе́рвый кусо̀къ са́ла зъ ло́бу нико́лы не завуня́ецьця й черва̀ у ёго не ки́нецьця.—Роси̇̀лъ зъ молодо́го са́ла дають скоты̀ни пы́ты, якъ облу́ецьця, одъ запо́ру и такъ, якъ чого̀ не́будь бу́де чихриты.

Одъ чихо́тки: 1-го ма́я нарвы̀ зъ пря́дыва (коно́пли) зеле́ныхъ верху́шокъ и вы́суши; по́тимъ, пидъ 1-го сентября̀, пиды̀, наберы̀ полуно́шнёйи воды̀ и, не огляда́ючись, прынесы̀ додо́му й бережи̇̀ до 1-го октября̀; по́тимъ такъ же й пидъ Покро́ву тре́ба прынесты̀ полуно́шёйи воды̀, и тоди̇̀ вже змиша̀ть ту й дру́гу во́ду доку́пы и вары́ты въ ний ту зе́лень, верхивья̀ зъ

пря́дыва, шо ты нарвàвъ. Якъ устóйицьця навàръ, тодѝ пый натощàкъ, що день по стакáну.

Одъ пропáсныци трéба вловы́ты кажанà, убы́ты и зсушúты ёго; пóтимъ стéрты въ попилéць, завьязáты у вýзлыкъ, надúты собѝ на шúю й ходы́ты зъ нымъ безперѐчь.

Кажанóмъ загодóвують кóней, на мúсяць абò на годъ, шобъ сы́ти булы́ й шобъ швы́дко бúгалы, а якъ вы́йде зрокъ заговóру, то воны́ здыхáють.

Якъ хóдять молодѝ зъ пры́даннымъ (бесéда) по хáтахъ (по госьтя́хъ), то берýть у жáднымъ дворѝ по мы́чци, абò по пивъ мы́чци пря́дыва й дають ёгò молодѝй, а та зъ свашкáмы йдеть дорóгою, чéшить й на веретéно пряде, а, прыйшóвши до молодóго, дають ёго бáтькови й мáтери, (то, бачъ, шо напря́ла), а винъ йимъ за це—горúлки; такъ отъ, оцѐ жъ то, то пря́дыво и пря́жа, называ́ецьця „придáняче", ёго бережýть, дéржуть у спрятý, и отò, якъ захромà вилъ, абò шо такъ прыключúцьця, то нымъ, бачъ, тодѝ перевья́зують. Рукà розúйдецьця, перевья́зуютъ прыдáнячимъ вáломъ, або пря́дывомъ, гáрусомъ зъ гильцà, и ныткою зъ бабьячого пóяса, видъ цёго жъ такѝ вья́жуть. Крáсна стрúчка, по бýя́рамъ до шапòкъ чипля́ютъ,— згидлы́ва; вонà одъ урѝкъ держúцьця.

Перелóги бувáютъ вся́ки: одъ воды́, вѝтру и зъ глазъ. Якъ нападýть перелóги коня́ абò що, то становы́сь мирыщѝй на всхидъ сóньця й прокáзуй вводы́нъ духъ тры́чи „óччинашý", тодѝ мишкòмъ абò шáпкою протягны́ тры́чи по пидъ брю́хомъ, смыкны́ тры́чи за чýба и тры́чи за хвистъ, а пóтимъ ще й шлёпны ёгò ладóнею по зáдний ля́шци тры́чи,—и кинь пúде; тúко вмисто „одъ лукавого" кажы́ „одъ перелогивъ". Одъ перелóгивъ поведы́ коня́ на клáдовыще и перекресты́ ёгò тры́чи тúéю дугóю, шо ёгò запрягáешъ, й кинь бýде здорóвый.

Якъ заведýцьця де въ скоты́ны чéрвы, такъ возьмы́ на дорóзи жмéню пы́лу и засы́пъ нымъ. Одъ цёго ще й вúшають на шию якѝй нéбудь шкуратòкъ зъ чóбота абò що; ёгò за для цёгò нарóшне шукáють на дорóзи, хочъ дóма й йе. Шкуратки́ ще й вúшають одъ тóго, щобъ у дроковы́цю не плыгáла бъ скоты́на на скоты́ну.

Одъ зубúвъ: якъ побáчишъ молоды́къ, то прочитáй тры́чи

безъ óддыху „оччинáшу“, тико вмисто „одъ лукáвого“, кажѝ — „избáвы одъ зубѝвъ“.—Одъ зубѝвъ трéба нарыть корѝньня изъ ожѝны й зварыть ёгò, абò настóять на спыртý й полоскáты тымъ болящи зýбы. Пѝсля цёгò не трéба бýде вже йѝсты ничóго солóдкого.

Якъ укýсе гадюка абò павýкъ тарантýла, такъ трёба впийматы цéго тарантýлу, брóсыть ý бутылку й налыть ёму олывы; винъ отò тамъ пропадè, выпусте зъ сéбе увèсь свий ядъ, и тодѝ тымъ мóжно мáзаты те мѝсто, де бýде укýшено.

Одъ свынячого дóху йе такà трава, якъ бурьякъ, называецьця „кирмèкъ“, кóринь йийй (винъ жовтувáтый) варють й напувáють.

Борóдавки бувáють одъ тóго, що жáба на тѝло шось. Личуть бородáвки такъ: йихъ вывьязують:—возьмы якý нéбудь нытку, обведы нею кругòмъ борóдавки, якъ завьязують, й завьяжѝ на нытци ýзлыкъ такъ, щобъ винъ прыйшóвся на бородáвци, й такъ повывьязуй йихъ вси на ýзлыки скѝко ни йе, тодѝ вырый у гноёвому мѝсьци ямочку й загорны туды тую нытку зъ узлáмы—нытка згнийè, а зъ нею й бородáвки пропадýть.

Прыворотъ *). Приводимые заговоры читаются утренними и вечерними зорями. 1) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей дверями, изъ воротъ—воротами подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну Господнюю, къ тому синему морю Окіану. У того синяго моря лежитъ бѣлъ алатырь-камень, подъ тѣмъ бѣлымъ алатырёмъ-камнемъ лежитъ три доски, а подъ тѣми досками три тоски тоскучія, три рѣзы рѣзучія; подойду я близёхонько, поклонюсь я низёхонько: „вставайте, вы, матушки, три тоски тоскучія, три рыды рыдучія и берите своё огненное пламья; разжигайте рабу (имя дѣвушки), разжигайте её во дни печени и полупечени,—при утренней зарѣ, а при вечерней садитесь, васъ, матушки, три тоски, въ сретивое сердце, въ печень, въ лёгкія, въ мысли, въ думы, въ бѣлое лицо, въ ясныя очи, дабы рабъ Божій N показался бы ей лучше свѣта

*) Крестьянинъ с. Шапарскаго, находясь въ военной службѣ, досталъ отъ какого то солдата помѣщаемые „заговоры“ и, списавъ ихъ себѣ въ книжечку, принесъ на родину.

бѣлаго, пуще солнца краснаго, пуще луны Господней; ѣдой бы не заѣдала, питіёмъ бы не запивала, гульбой бы не загуливала, при пирѣ она или при бесѣдѣ, въ полѣ она или въ домѣ,—не сходилъ бы N съ ея ума—съ разума. Будьте, всѣ мои слова, чрезъ три часа! (ѣдой бы не заѣдала, питьёмъ бы не запивала, въ гульбы бы не загуливала и во снѣ бы не засыпала) крѣпки и липки, крѣпче камня и булата; замыкаю я васъ тридевятью ключами, и этимъ моимъ словамъ переговора и недоговора не измѣнить ихъ никому,—ни хитрецу, ни мудрецу".

2) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей воротами въ чистое поле подъ востокъ, въ подвосточную сторону. Навстрѣчу мнѣ вышло семь братьевъ и семь сестръ буйныхъ.—„Идёте куда"?—„Пошли мы въ чистое поле, въ широкое раздолье сушить травы подкошенныя, лѣса подрубленные, земли вспаханныя". Пойдите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и съ малыхъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите красной дѣвицѣ N въ ретивое сердце, прибейте ихъ тамъ булатнымъ топоромъ, посадите въ неё тоску тоскучую, сухоту сухоточную въ ея кровь горячую, въ печень, въ суставы, семдесятъ семь суставовъ и подсуставовъ и одинъ суставъ, 77 жилъ и единую жилу становую, чтобы красная дѣвица N тосковала бы и горевала по мнѣ, N, во всѣ сутки и въ 24 часа, ѣдой бы не заѣдала, питьёмъ бы не запивала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы она не засыпала, въ теплой парушѣ калиновымъ щёлокомъ не смывала, шелковымъ вѣникомъ не спаривала бы; пошла бы слеза, плакала бъ и казался бы я ей милѣе отца и матери, милѣе всего роду и племени, милѣе подлунной Господней, скатскаго жемчуга, платья цвѣтнова и золотой казны. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата. Ключъ моимъ словамъ не достать и замокъ—въ морской глубинѣ на рыбѣ китъ, и никому эту китъ рыбу не достати и замокъ не отпереть, кромѣ меня, N; а кто эту китъ рыбу добудетъ и замокъ мой отопрётъ, то онъ будетъ, яко древо, и пошлю я молнію".

3) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье,

къ синему морю Окіяну. У того синяго моря Окіана лежитъ огненный змій; сряжается и наряжается онъ зажигать горы и долы, и быстрыя рѣки,—болотныя воды со ржавчиною, орлицу со орлятами, скопу съ скопятами, травы подкошенныя, лѣса подсѣченные. Пойду я поближе, поклонюсь пониже: „Гой еси, ты, огненный змѣй! Не зажигай ты ни горы, ни долы, ни быстрыя рѣки, ни болотныя воды со ржавчиною, ни орлицу со орлятами, ни скопу со скопятами, зажги ты красну дѣвицу N въ семьдесятъ семь суставовъ, въ семьдесятъ семь жилъ и въ единую жилку становую, во всю ея плоть, чтобъ ей мыслилось и хотѣлось... брало бы её днёмъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ, чтобы она тосковала и горевала по мнѣ N,—спаньемъ бы она не засыпывала, ѣдой бы не заѣдала. Какъ бѣлая щука рыба не можетъ быть безъ проточной воды и безъ пробѣжки, такъ бы и красная дѣвица N не могла бы безъ меня N ни жить, ни быть. Будьте, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата, востраго ножа и Берзаюнюкова копія,—а ключъ мой къ словамъ на утвержденіе, и крѣпость крѣпкая и сила сильная—въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ“.

4) „Встану я, N, и пойду изъ дверей во двери, а съ тѣхъ дверей въ ворота и въ чистое поле; тамъ будетъ мнѣ навстрѣчу огонь и пламья и буйный вѣтеръ. Встану я, поклонюсь имъ низёхонько и скажу такъ: „Гой, еси огонь и пламья и вѣтеръ буйный! не палите зелёныхъ луговъ, а ты, буйный вѣтеръ, не раздувай пламья и сослужи службу вѣрную: выгони изъ меня, N, тоску тоскучую, сухоту плакучую и понесите её черезъ боры и не потеряйте, чрезъ моря и рѣки и не утопите, а вложите её въ рабу Божію N, въ бѣлую грудь, въ ретивое сердце, въ лёгкія, въ печень, чтобы она обо мнѣ, рабѣ Божіемъ, N, тосковала и горевала денную, ночную и полуночную пору,—во всякихъ бы яствахъ не заѣдала, въ меду-пивѣ и винѣ не запивала бы. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки отнынѣ и до вѣка, заключаю крѣпкимъ замкомъ, и ключъ въ воду“.

5) „Встану я, рабъ Божій, N, на утренней зарѣ, на солнечномъ всходѣ краснаго солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота—на восточную сторону, въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ гуляетъ буенъ вѣтеръ. Подойду поближе,

поклонюсь пониже и скажу: „Гой, еси ты, буенъ вѣтеръ! Пособи и помоги мнѣ, N, законъ получить отъ того то дому и взять, кого я хочу, и чтобъ у того бы человѣка N умъ и разумъ отступился на всѣ четыре стороны, а обо мнѣ бы приступился ей умъ и разумъ до точной судьбы нашей,—къ тому, кого я хочу получить,—перевалились бы, потопились бы ко мнѣ, N, всѣ мысли и охоты, и забавы, и её бъ съ ними въ насъ по водѣ унесло, и они бъ меня, N, приняли. Ключъ въ морѣ, языкъ—въ ротѣ, тому слову не будь края и конца, и отъ злого человѣка ни вреда, ни бѣды, ни напасти, а если бы кто на меня и на неё что подумалъ,—не доброе есть замыслилъ, то у того бы человѣка ничего-бы не послѣдовало, и заперло бы ключами и замками и восковыми бы печатями было запечатано отъ сушпа (Sic)".

6) „Лягу, не помоляся, встану, не перекрестяся, и пойду, не благословясь изъ дверей во дворъ, въ двери растворенныя, въ двери скрипучія, пойду на востокъ солнца, на восточную сторону. На восточной сторонѣ лежитъ три дороги, по евтимъ трёмъ дорогамъ идутъ три хитреца и мудрые мудреца, и три красныя дѣвицы, и три молодыя молодицы, и идутъ они зажигать окіянъ море. „Ахъ, вы дѣвицы! скажу я имъ, не зажигайте окіянъ моря, а зажгите N, зажгите вы её не сами, а прикажите вы семидесяти семи чертямъ, семидесяти семи получертямъ, семидесяти семи дьяволамъ, семидесяти семи полудьяволамъ и слѣпому бѣсу и самому сатанѣ. Самъ сатана вставалъ бы съ своего царскова престола и зажегъ бы N ретивое сердце, горящую руку и алую кровь, могучую плоть, чтобы N тосковала и горевала обо мнѣ, N, и плакала бы и рыдала, какъ тоскуетъ кобыла объ жеребьёнкѣ, корова о телёнкѣ, овца о ягненкѣ, ещё бы тошнея то востосковала обо мнѣ, N. Я, я и я пойду за замками двумя желѣзными, замкну мѣдными и ключъ брошу въ окіянъ море, подъ алатырь камень. Никому мой ключъ не вытащить, никому моего замка не отпереть, и моихъ воротъ не отворяти, и моего заговора не отворачивать, и моихъ приворотъ ни отворачивати никому: ни дьячку, ни черту, ни дьяволу, ни полубѣсу, ни самому сатанѣ. Мой заговоръ или приворотъ,—крѣпче камня алатыря..Крѣпко—на—

крѣпко и туго—на—туго, еще быти нельзя всего свѣту вольнова. Одной быти (имя), за мной тосковати".

Отворотъ. „Встану я, N, и пойду изъи збы въ двери, изъ дверей въ ворота на быструю рѣку (названіе рѣки) и стану я, N, по три краты мытися и полоскатися, три раза утренней и по три зори вечернія и приговаривати: „Гой, еси ты рѣка быстрая! Прохожу я по тебѣ по три зори утреннія и по три зори вечернія съ тоской тоскучею, съ сухотой плакучею мыти и полоскати лице бѣлое, чтобы сошла она съ моего лица бѣлаго эта сухота плакучая и изъ ретиваго сердца—тоска тоскучая, и понеси ты, быстрая рѣченька (имя рѣки), своею быстротою струга и затопи ты ея въ своихъ валахъ глубокихъ, чтобы она никогда по мнѣ, N, не приходила. И всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ, и ключъ въ воду".

Какъ приворожить жениха. Когда будешь подавать чай тому молодому человѣку, который можетъ быть любимъ тобою, то положи себѣ сначала подъ мышку (подъ плечо руки) кусочекъ сахару и жди, какъ онъ надопьетъ немного, тогда возьми да и брось ему его незамѣтно въ стаканъ.—Кусочекъ сахара будетъ пропитанъ потомъ отъ твоего желанія, и когда онъ растворится въ чаю и будетъ испитъ, то вѣрь—что тотъ молодой человѣкъ, какъ незамѣтно принялъ чрезъ посредство кусочка сахара твои мысли и желанія, такъ точно незамѣтно, даже иногда противъ вольной своей воли, будетъ исполненъ однихъ мыслей и желаній съ твоими.

Какъ взять ту дѣвушку, которую любишь. 1) Для этого надо поймать „кожана" (летучую мышь), отнести его и положить на „комашню" (муравейникъ) и накрыть горшкомъ съ проверченнымъ вверху дномъ. Такъ онъ долженъ пролежать тамъ трое сутокъ; потомъ въ 12 часовъ ночи, надо прійти и взять изъ подъ горшка остатки съѣденнаго комашками (муравьями) кожана: вилочку и ключечку. Нести надо, не оглядываясь. Когда принесешь, держи у себя, и вилочкой будешь незамѣтно отталкивать, а ключечкой притягивать къ себѣ, кто понравиться, и цѣль будетъ достигнута.

2) Можно засушить и жабу, только на солнцѣ, и затѣмъ вынуть изъ нея вилочку и ключечку.

3) Написать или наговорить на конфектѣ: „На морѣ-окіянѣ, на бертанскомъ диванѣ, стоитъ пень пнемъ, тридевять чертей, тридевять колдуновъ и тридевять колдуній. Кто возьметъ эту ветушку и поднесетъ ее къ красной дѣвицѣ, тотъ чтобъ былъ ею любимъ и никто бы не могъ быть ей милъ, кромѣ какъ я только одинъ". Наговоренную канфекту, или что другое, дается ей скушать.

Шобъ выйты дивци замижъ, треба вырваты того зильля, що де на хати росте, й приказаты: „шобъ же й я така дивна була всимъ хлопцямъ (або одному якому), якъ ця трава"! и потимъ внести въ хату й положиты мижъ иконы—образи".

Какъ „доказать" своему врагу. Чтобы „доказать" (отмстить) своему врагу, возьми песку или земли изъ подъ бѣшеной собаки и, задумавъ при этомъ что нибудь („пропади", „онѣмѣй"), брось ему въ глаза, и задуманное скоро-не-скоро, но непремѣнно съ нимъ должно будетъ исполниться.

Какъ сдѣлаться незамѣтнымъ въ присутствіи другихъ. Отрыть могилу и взять черепъ, затѣмъ положить въ него 9—12 фасолинъ и, закопавъ въ яму, поливать. Когда эта фасоль вырастетъ и дастъ плодъ, то тогда стоитъ лишь вложить одну фасолину въ ротъ и держать за щекой, чтобъ можно было тебѣ все дѣлать и быть незамѣченнымъ въ присутствіи другихъ.

Чтобы заставить поѣздъ съ молодымъ не выѣхать или въѣхать во дворъ, надо намазать ворота волчьимъ жиромъ и бросать на лошадей той земли, которую нарылъ кротъ, приговаривая: „Какъ эта земля изъ норы кротомъ выкидалась, такъ чтобы и вы возили молодыхъ".

Неразмѣнный рубль. Чтобы достать неразмѣнный рубль, надо взять одноцвѣтную кошку или пѣтуха и пойти съ нимъ на середокрестную дорогу въ 12 часовъ ночи, когда дойдешь, то говорить: „принесъ вамъ N, купите, дайте лишь за него рубль неразмѣнный!" Нечистый тутъ, какъ тутъ, возьметъ у тебя изъ рукъ принесенное, а тебѣ дастъ желанный рубль. Что бы ты, гдѣ на этотъ рубль ни купилъ, онъ послѣ всегда будетъ оказываться у тебя неразмѣннымъ, цѣлымъ. Только знай при этомъ, когда будешь идти за нимъ и обратно, то долженъ не оглядываться.

Народная мудрость. „Якъ набижѝть въ дорóзи гримъ и мóния, такъ тодѝ нетрéба по ний йихаты, а звернýты й йихаты поблѧ дорóги, бо въ те сáме врéмья по ний бижѝть врагъ, а за нымъ гóныцьця св. Ильлѧ зъ грúмомъ истребляты нечúсту сылу; такъ врагъ отò й крýтыцьця вы́хрємъ по дорóзи, шобъ когò наздогнáты й удáрыцьця объ ёго, и якъ трáпыцьця ёму це зробы́ты тодѝ, винъ остáєцьця живы́й, а, вмúсто ёго, нечúстого, грóмъ убывáє тогò, хто ишóвъ, абò йихавъ по дорóзи.

Хто кýре, та не плюйѐ, тому̀ грихà нема̀; а хто жъ кýре и плюйѐ, тому̀ пéкла немынáты, бо земля̀ всимъ намъ мáты,—мы вси зъ землѝ, зъ землѝ й живѐмъ и знóвъ у зéмлю пúйдемъ,— а тогò й земля̀ не пры́йме, хто на нéйи плюйѐ. Хто нюха та невтырáецьця, и тому̀ тóжъ грихà нема̀, одъ тóго, шо зъ ёго люды смиюцьця, осуждáють и тымъ берýть на сéбе зъ ёго грихъ. Наши батькѝ кýры́лы зпéршу зъ очереты́ны, а цóтимъ явы́лысь вы́вертки, а цыгарòкъ крýты́ты навчúлысь одъ кантаны́стивъ, а купырóсы (купырóсыцьця) змудрувáлы нúмци. Нюхалы зъ рóгу, носы́лы й въ вýзлыку, а тепѐръ зъ табаты́рьки.

Якъ шо хóчишъ, щобъ новорождéнный хлóпчикъ бувъ плóтныкомъ, такъ трéба ёму̀ кúшку одъ пýпыка одрубáты сокúрою до порóга; а якъ одпадѐ пупыкъ, такъ сховáй ёгò й держѝ пóки вы́росте, тодѝ дай развьязáты, й якъ розвьѧ́же, тодѝ ёму̀ скризь буде свúтъ самъ розвьѧ́зувацьця.

Шобъ диты́на скорѝшъ ходы́ла, трéба йийѝ постáвыты нижкáмы на зéмлю й перерѝзаты ножѐмъ мижъ ногáмы зéмлю,— це-бъ то означà то, шо перерѝзалы пýто;—не зрóбышъ цёго, тáкъ дóвго бýде лáзыты, а нáчне ходы́ты, часто бýде спотыкàцьця.

Стрúчнымы кýмомъ и кумóю называ́юцьця ти, хто першъ на óчи стрúвся. Стрúчныхъ кумѝвъ беруть по причúни: бувà, шо дúтки й частéнько такѝ рóдяцьця, та, Богъ зна чогò, не растýть, такъ отò, якъ вóзьмёшъ стрúчныхъ кумѝвъ, и дúты бýдуть росты. Стрúчныхъ кумѝвъ самъ Богъ навóде.

Шобъ бúльшъ дитѐй не воды́ты, скажѝ тúко объ цимъ тий бáби, шо бабувáтыме у тéбе, то вонà тúко сокúрою перерубà мúсто нáвкрестъ, (те въ чимъ диты́на), й гуляй тодѝ, дúво, смúло!

Шобъ вы́клыкать бродя́гу изъ забрóду, трéба напысàть ёгò

ме́ньня на просвыри за упокой и подать йийи у це́ркви на проскоме́дию; такъ тре́ба зробыть трычи, або й зра́зу це мо́жно зробы́ты тамъ де йе тры це́рквы. Чимъ частишъ будешъ помына́ты живо́го уме́ршимъ, ти́мъ би́льше бу́де его нудьга йи́сты й корти́тыме до до́му.

Якъ ро́дыцьця дитына нежива, такъ тре́ба йийи оклыка́ты на ра́зни ме́ньня, и вона на чийе не́будь й озове́цьця, и ото тымъ же ме́ньнемъ тре́ба и крестыты.—Якъ ро́де яка родыльня, то за́разъ же сте́лють на по́кути кожухъ во́вною вго́ру, заво́дять и садовлять йийи за стилъ на той кожухъ, шобъ була бага́та.—Родыльни неслидъ пе́рвый разъ безъ ничо́го въ люди являцьця, а тре́ба бра́ты зъ собо́ю нижъ и держа́ты его пидъ пеленою, бо вся́ки о́чи йе. Ко́-яки бабы ро́блять такъ: якъ нанадива́ють у тыждень разъ би́лу соро́чку, такъ першъ все́го протя́гують скризь не́йи киньча́стый нижъ, шобъ не прыста́лы нияки худи наго́воры.

Першъ то́го, шобъ зробыть ха́ту, тре́ба найты на не́йи ми́сто, а це ро́быцьця такъ: положи на чотырёхъ углахъ по каменюци и побля жо́дной тийе́й каменюки насыпъ по ку́чци жи́та, по́тимъ черезъ ничъ подывысь у ра́нци, якъ не буде ни кимъ вору́шене, то ми́сце подо́бне, а якъ шо жъ поворушене, то ха́ти, бачь, тамъ бу́ты не на ми́сьти, и ото посуваись да́ли, ато въ жи́сты нико́лы не бу́де тамъ ня́кого добра.—Якъ стяга́ють на ха́ту сво́локъ, такъ прывьязують до его кожухъ, або платокъ, а плотныкивъ перевьязують полотномъ и стяга́ють тоди его такъ, щобъ не тилипа́лось те, шо бу́де прывьязане до сво́лока, а ти, шо стя́гують, шобъ не кректа́лы, и тоди ти́ко въ тий ха́ти жисть бу́де безъ печа́ли и воздыха́ныя. Те, чимъ перевьязани пло́тныки, буде йихнимъ.—Прыйшо́вши зъ страсти́въ, прыно́сять сви́чку до до́му, засви́чену ще у це́ркви, и пышуть, напа́люють не́ю на сво́лоци чо́рный крестъ—страшный, шобъ ха́тню симью мына́лы вся́ки стра́сти. — На сво́лоци прыбыва́ють и деревьянный крестъ, шобъ не пыса́цьця шо го́ду,—такъ ти́ко тоди, якъ ро́блять ха́ту, це тре́ба за-бля того, шобъ вмисьти зъ ха́тою посвяты́вся бъ и крестъ на сво́лоци.—Якъ стро́ютъ ха́ту, то пидъ сво́локъ кладу́ть яки не́будь гро́ши, шобъ була ха́та грошовыта.—Сволоци въ старыну цяцькува́лы,—

выри́зувалы кружа́лки и ко-якѝ цвитòчки; тепѐръ це перево́дыцьця. Кружалкѝ означа́юцьця, шобъ жисть на́ша такъ ийшла̀, якъ на осѝ ко́лесо, а наповня́юцьця вонѝ у середѝни кружечка́мы, серпа́мы, якъ молодѝкъ,—шобъ жисть була̀ не пу́ста.

Шобъ кра́сты и не попада́цьця, такъ настоя́щи во́ры добува́ють собѝ чолови́чого жи́ру, то́плять зъ ёго сви́чки и зъ нѝмы тодѝ куды̀ хочъ: свитѝ й шарь смилы́во.—Можно запастѝсь ки́сткою зъ рукѝ мертвецѝ, и не́ю якъ окре́стышъ ви́кна, две́ри и двиръ якѝй, такъ все спа́тыме, якъ у моги́ли мертвецѝ, до тихъ пиръ, по́ки назадъ не одкре́стышъ.—Ще й такъ: пе́рвому во́ру, шо ти́ко начина́йеть кра́сты, тре́ба першъ укра́сты шо не́будь пидъ страсты, або̀ пидъ Велы́кдень, або̀ пидъ Риздво̀, та пря́мо такѝ пидъ якѝй не́будь здоро́вый пра́зныкъ,—й не попа̀стысь, тодѝ крадь смилы́во,—не попаде́сься!

Якъ оддаю̀ть ди́вку за́мижъ, кладу́ть у скрѝню по куткамъ старѝньни гро́ши, щобъ плодѝлысь—нажива́лысь гро́ши.

Въ чи́стый четвѐръ сида́ють пря́хи на порѝгъ и пряду̀ть-кру́тють нѝтку навпакѝ; нѝткѝ ци пряду́цьця за-бля то́го, якъ розѝйдецьця рука̀, такъ нѝмы перевья́зуютѣ, шобъ не булѝла.

Поко́йныку кладу̀ть въ домовѝну, або̀ въ кише́ню гро́шей зъ грѝвню (3 коп.) и пря́нычкивъ, за-бля то́го, шобъ було̀ чимъ одкупѝтысь на тимъ свѝти одъ грихѝвъ, й ото̀ гро́ши ти винъ дасьть Ке́сарю, а пря́нычки—Це́зарю, шобъ пустѝвъ у рай.—Поко́йныку колѝсь становѝлы у го́лови й штофъ (штовхъ, штохъ) горѝлки,—гробачѝ нахо́дылы,—то бъ то, ка́жуть, бачъ, не на́ши булѝ похо́вани, а цыга́не.

Шобъ чого̀ не забу́ты, такъ завья́зуютъ на ху́стоцьци ву́злыкъ.

Шобъ дитѐй не було̀, тре́ба спалѝты ми́сто.

Кра́ски—ми́сяшне у жино̀къ бу́ває безперѐчъ йду̀ть одъ то́го, шо йихъ хтось напоййвъ нѝмы, або̀ самѝ де вступлять ного́ю на чужу̀ кра̀ску.

Важкѝй ба́би, якъ ще половѝны нема̀, не слидъ ходѝты дывѝцьця на ме́ртвыхъ, ато̀ неживѐ на́йдецьця (ро́дыцьця).

Якъ зля́кайисься пужарю̀ и вòзьмесься по́тимъ за шо, то у дитѝны, шо ро́дыцьця, на тимъ ми́сци бу́де кра́сне пьятно̀.

Но́гти цвиту̀ть пе́редъ дараны́цею, або̀ обно́вкою; задыра́ецьця

шкýра на нóгтяхъ не самà, то нечи́стый йихъ задырà за тымъ, шо въ неди́льлю рóблять.

Якъ мéртвый прысны́цьця, хочъ бы й чужи̇̀й, то ёгò трéба помынáты. Причитуваньня мертвому:

„Ой тужу̀ жъ я, тужу̀,
По чужóму мýжу,
Тай таки̇̀ й не дýрно,
За чорнéньке рýно“.

Возы̀ у тáбури якъ шо лущáть, такъ це вже чумàкъ зна, що шось, якàсь ёму̀ прычи́на та бýде: абò жъ стри́ча зъ розбóйныкамы, абò жъ зъ воря́гамы.

Щобъ робóчи мáло йи́лы и найи́лысь бы, такъ кой хто за-бля цёго стромля̀ — въ зéмлю нижъ, стéлеть звéрху на ёму рядéнце й станóве тоди̇̀ стрáву и хлибъ-силь. Ски́ко ни йе, усѝ найидя́цьця (накóрмляцьця — нагодýюцьця) и ще й зостáнецьця писля̀ йихъ сти́ко объйи́дьдя, шо хвáте й на другѝй день. — Хто цю хозя́йску пры̀мху розшолóпа, возьмы̀ и выймы нижъ зъ пидъ рядéньця щобъ нихтò не вздривъ, и держѝ у сéбе, такъ тоди̇̀ хозя́йина тогò такъ хвáте сóяшныця та зъ прозóру, шо винъ знáтыме свогò бáтька.

Шáпки нè слидъ клáсты на столѝ, бо не обберéсься людьськóйи напáсты. Шáпку мóжно тоди̇̀ на стилъ клáсты, якъ шо йе въ въ кишéни сто кéрбуливъ, абò буде въ шáпци устрóмлена гóлка зъ ныткою.

Шобъ бýты на пы̀ци (на выдý) чи́стому, такъ, якъ бýдешъ у ты̀жденьь сорóчку надивáты, поверны̀сь на зáхидъ сóньця й утры̀сь спы̀нкою сорóчки и вся нéчисть, якъ шо й хочъ и нè пропадè, такъ зи́йде вся на спы̀ну.

Шобъ скоты̀на велàсь и благополýшна булà, то трéба у зáгороди за стри́хою держáты викóнку святóго Влáсия. — Шобъ ди̇̀ты булы̀ умнéньки й учи́лысь грáмоти бóйко, то трéба одвóдыты йихъ у шкóлу на святóго Наýма (1 декабря).

Шобъ завесты̀ плодючихъ утя̀тъ, треба берегты̀сь, шобъ не купы̀ты у тогò, шо бýде жи́ты одъ тéбе прóты воды̀, а у тóго, якѝй за водóю, щобъ вýтка самà бачъ плывлà бъ до тéбе. — Утя́та мóжуть дóбре розвесты̀сь и одъ тóго, якъ кýпышь, бувà, на зарѝзъ, та якъ нéбудь и облы̀шишъ, то ци бъ то вутя́та (тай всéтаки таке) зъ-пидъ ножà плодючи бувáють, и у рýку пи́дуть.

Шобъ взнать, де шукáты втóпленныка, пускàють на воду

ча́шку деревья́ну зъ о́гнэмъ; и на яко́му ми́сьци начнѐ вона̀ круты́цьця, тамъ духа̀ (скоро) й зна́йдешъ ме́ртве ти́ло.

Свинѐй тре́ба ри́заты у чи́стый читвѐръ, шобъ не заво́дылысь че́рвы у са́лови,—шобъ то чи́сте са́ло було̀.

У би́шенойи скоты́ны пидъ языко̀мъ заво́дыцьця червья́къ; винъ невелы́чкий й увѐсь въ шерсты́. Одному̀ чоловѝкови (хотѝвъ, бачъ, розгляди́ты) такъ упья́вся у ладо́ню, шо й не вытяглы,—прыйшло̀сь дро́томъ выпа́люваты.

Журба̀ прыключа́йецьця одъ несомы́ру й одъ то́го, шо нема̀ ни гро́шей, ни хли́ба, а о́дъ журбы́ вже й все лы́хо востайѐ.

Чимъ мо́жно побиды́ты ви́дьму? Зами́тышъ ви́дьму у викнѝ,—воны́, ба́чу, ча́сто хо́дять ла́зыты по ви́кнахъ людѐй ляка́ты,—такъ ти́ко зтулы йий ду́лю й дай, ото̀ й все. Бу́дешъ де прохо́дыты мижъ баба́мы, стулы́ дви ду́ли й заложѝ йихъ въ кишѐню, и ото̀, якъ шо йе мижъ ны́мы яка̀ ви́дьма, то вона̀ ни за́що не змо́вче,—чимъ не́будь, а зачѐпе.

Со́нце—Бо́же вико́нце.—На ми́сяци Ка́виль Ва́выля убы́въ; тай на вы́ла настромы́въ.—На молоды́къ грихъ па́льцемъ ты́каты, бо почорни́йе.—На молоды́ку̀ заговорюють зу́бы; тай такъ годы́цьця,—якъ уздрѝшъ, такъ перехрестысь на всхидъ со́нцья, щобъ увѐсь ми́сяць прожи́ты безъ биды́.—На вспо́вни ми́сяця до́бре вся́ку вся́чину солы́ты, шобъ повне́нька удала̀сь (кавуньцѝ, огиркѝ).—Якъ ми́сяць наро́дыцьця зъ го́стрымы киньця́мы, такъ то бу́де увѐсь ми́сяць сухѝй,—а якъ зъ тупы́мы, шо нена́че, якъ бу́дто гу́бы одква́се, то бу́ты ёму̀ мо́крому и витря́ному.—Мле́чный путь—доро́га зъ Ки́ёва у Юрусалы́мъ,—по ний св. Ильля̀ во́зе свий гримъ.—Юрусалы́мъ—пупъ землѝ.

Якъ пе́рвый гримъ загрымы́ть, такъ тре́ба шо не́будь спы́ною подавы́ты, шобъ не були́ла; це, що на́бильшъ ро́блять бабы́, шобъ у жныва̀ не були́лы йи́хни спы́ны.—Страшна̀ сви́чка бережѐцьця одъ вся́кихъ прычинъ (вона̀ зги́длива).—Шо громъ запа́ле, того̀ туши́ты трихъ, бо то такъ уго́дно Бо́гу, а бу́дешъ туши́ты, бу́де бильшъ гори́ты и вода̀ нипочо̀мъ, хиба̀ молоко̀ йе, такъ нымъ ти́ко̀ й мо́жно утуши́ты.—Громъ не па́ле, винъ ти́ко гуркотѝть, а па́ле стрила̀; вона̀ ви́дьты летѝть й скризь зе́млю прохо́де, якъ йе на дру́гий свитъ; йийи незьзя̀ чого́ не́будь не запалы́ты, бо вона̀ огнѐмъ себѐ очища̀.—Громъ

гремы̀ть—св. Ильля̀ на колесны̀ци зъ Бо́гомъ розйиджа̀;—св. Ильля̀ горшкѝ во́зе.—Богъ гри́ма сва́рыцьця на людѐй, шобъ не гриши́лы, та хресты́лысь.

Гра́домъ мы̀ють о́чи, шобъ не були́лы.

По́ки ра́йдуга на не́би бу́де, то й пото́пу не бу́де, бо вона̀ спыня̀ во́ду, не дайѐ йий хо́ду: якъ чима́ло набере́цьця, ото̀ вона̀ за́разъ одны̀мъ киньцѐмъ спуска́йецьця у во́ду, а дру́гимъ подайѐ на ту́чи и зновъ ту во́ду розсива̀.

До Ильлѝ ту́чи хо́дять про́ты ви́тру, а зъ Ильлѝ—за ви́тромъ.

На́ша земля̀—ма́ты Тыття́на. Земля̀ де́ржицьця на китъ-ры́би.

Якъ бу́де жи́то перѐдъ поко́сомъ лежа́ты на всхидъ со́ньця, то жды зи́му глыбо́ку. Якъ со́нце зи́йде на Вдо́кию (Явдо́кию) у хма́ри, а зъ пивъ дня вы́ясныцьця, такъ урожай пизни́шого поси́ва бу́де лу́чче одъ ра́ньнёго; ну, а все-такѝ це бува̀ ти́ки у врожа́йни го́ды.

Замѝть отъ Сперыдо́на й до Риздва̀, ци двона́дьцять днивъ и знай, якѝй колы̀ бу́де день, такѝй и бу́де ввесь той ми́сяць, шо на ёго̀ прыпадѐ.—Зиркѝ па́дають у осенѝ, пе́редъ го́лодомъ и мо́ромъ. Ми́тлы являю́цьця на не́би пе́редъ яко́ю не́будь котюрьмо́ю, бу́чою, войно́ю.

Домовѝ йе. Воны̀ ду̀шуть, налягаю́ть на людѐй у ночѝ, якъ воны̀ поснуть (обиснуть). По йихъ мо́жно взна́ты свойѐ ща́сьтя: возьмы̀ ти́ко й спыта̀й або̀ поду́май: „чи на ху́до, чи на добро́“? то винъ й одви́те: „ху“! або̀—„до“! (ху́до, добро̀). Мо́жно ще й пола́паты ёго̀, якъ шо бу́де винъ въ шерсты̀, то къ бога́ству, а го́лый—къ убо́жеству. Домовѝ пѐредъ яко́ю не́будь причи́ною пуска́ють во́ду изъ сте́ли на доли́вку, на стилъ, а луча́лось, шо йидять, а винъ пря́ме у мы̀ску такъ й попу́сте.—Цапѝвъ де́ржуть у конюшни за-бля то́го, шобъ у ночѝ йи́здылы на йи́хъ домовѝ.—Якъ шо домовѝ бу́дуть заплита́ты гры́ву шка́ны, то та шерсть йде по́-двору.

Кинь у вы́хиръ нижъ, або̀ скля́нку, бу́де въ кровѝ; ото̀, бачъ, нечи́стого тамъ уразы̀шъ.

Пидъ голо́дный святве́чиръ (Крещѐньня) пы̀шуть скризь по ви́кнахъ крейды́ною хресты̀, й по дверяхъ, по горшка̀хъ, коне́ргахъ и скризь по подве́рью: по кумо́ряхъ, закрома́хъ, воза̀хъ, са́няхъ и такъ да́ли. Ци кресты̀ йе стыра́ють на тре́тій день, шобъ ку́ры булы̀ несу́щи.

Въ опи́вночи пи́дъ Крещéньня вода̀ бурýйе въ Йёрда́ньському кресті̀; ту во́ду берýть тоді̀ ти, шо ли́чуть одъ урі̀къ.

Пи́дъ чи́стый четвѐръ серѐдъ но́чи и въ са́мый четвѐръ вра́ньци до схидъ со́ньця хво́ри боля́чкамы, не чисто́тамы купа́юцьця у ри́цьци; зба́вляюцьця жъ одъ всякойи тако́йи скверноты ти́ко ти, хто пе́рвый вла́зе въ во́ду.—Купа́юцьця одъ такі̀хъ же прычі̀нъ й тоді̀, якъ свя́тыцьця вода̀ у ри́цьци.

На Крещéньня въ Йёрда́ньський крестъ убива́ють у то́ловы коля́ку за-бля то́го, шобъ бджо́лы кла́лы ме́дъ собі̀ у вýликахъ до головы̀, а якъ хто опо́сли ту коля́ку вы̀тягне самъ свойи́ми рука́мы, тому̀ бýдуть ийты̀ бджо́лы.

Кыта̀й пидни́мецьця пе́редъ стра́шнымъ судо̀мъ, — пе́редъ кончі̀ною.

Вьюна̀ незьзя̀ йи́сты, винъ гадю́чойи поро́ди.—Голуби́въ грихъ йисты, въ йихъ вселя́вся Духъ Святы̀й, а хто йисть, такъ не ри́жуть, а одрыва́ють йимъ го́ловы.

Пи́сля Ильлі̀ негоды́цьця купа́цьця, буде боли́ты голова̀ (туды̀ Льля (Ильля̀) напýсте шось).

На по́кути ста́вляють на си́ни озва̀ръ и кутю̀ пидъ Ризд̀вѐ — бога́тый святве́чиръ й на голо́дный святве́чиръ; кутя̀ означа̀ ти́ло Хрысто́ве, озва̀ръ — кровъ, а си́но а̀сли, де роды́вся Госпо̀дь.

Страшні̀ кресты̀ стыра́ють зъ сволокі̀въ на середокре́сний неди́льли.

Горобѐць—про́клятый; винъ, якъ роспына́лы жиды̀ Христа̀, такъ крычавъ: „живъ, живъ“! разбо́йныки верну́лысь й вбы́лы Ёму̀ зализный гвоздь у са́ме се́рце.—Зали́знымъ гво́здьямъ й Бо́же якъ грихъ збыва́ты гробы̀, ико́ны и склёпуваты, крипы́ты иконоста́сь.

Йнды́чу го́лову негоды́цьця йисты; во̀на̀ дурна̀ и схо́жа на гадю́чу. Индыка са́ма ури́члыва птыця.

Гýсы купа́юцьця,—до́щъ бýде, а про̀тивъ хо́лоду носы̀ пидъ кры́ла хова́ють.

Пі̀вень на поро́зи кричі̀ть —гостей сподива́йецьця.

Пе́редъ умерýщимъ соба́ка рые ямкі̀, а пе́редъ пужарѐмъ вы́йе.

Кýрыця спива̀ пи́внемъ пе́редъ прычи́ною, а шобъ мынýты йийи̇̀, возьмы̀ впийма́й, змі̀рь йийи̇̀ одъ стола̀ и до поро́га, и чимъ пры̀йдецьця до поро́га, те й одруба́й. Пры̀йдецьця голово́ю, одруба́й и заки̇̀нь, а зъ не́йи борщу̀ навары̀, та йийи̇̀ помьяны̀,—

а якъ шо хвостомъ, одрубай и пусты, вона буде хазяйка, несуха й сыжуха.—Курыця—Божа птыця; вона, якъ родывся Сусъ, такъ кигтямы загортала Его, шобъ не знайшовъ який Иродъ.

Дорогу перебижить, перейде пипъ, собака, кишка, зъ порожнимы ведрами, зъ сметьтямъ—добра не жди.—Зъ повнымъ чимъ переходе, або перейижджа,—буты щастю.

Сычъ буде крычаты де на осели: „сплю! сплю"!—передъ умерущимъ, а якъ буде тико: „гавъ! гавъ"!—то це передъ якимъ звисьтямъ.

Кишка умываецьця—передъ госьтямы; куды головою, видьты й ожидай.—Кишка шкряботыть вигтямы по стыни, буде яка небудь хуга; на пичи спыть, або у грубу влизе—передъ морозомъ, середъ хаты розвернецьця—на тепло.

На Здвыженьня вси гады злизаюцьця до купы въ одну яму,—та тико ти, бачъ, шо ни людей, ни скоты не кусалы,—й лыжуть тамъ каменный стовбъ и тымъ зимують до весны.—На Здвыженьня незьзя у лисъ ходыты, бо провалысся до гадюкъ у яму. Разъ пишовъ такъ одынъчоловикъ и попавъ мижъ ныхъ, то воны такъ и сунулысь було кусаты, а старша якъ засычить воны й назадки: началы лызаты каменный стовбъ и йёго пхнуть туды жъ; полызавъ й ставъ по йихнёму понимать,—та такъ проживъ зъ ныимы до самойи весны; вылизты жъ самому нияко було незьзя:—така тлыбока яма.

Хто ротомъ зива-позиха, тому треба ёго перекрестыты.

За столомъ грихъ ногамы махаты, бо тымъ чортивъ колышешъ.

Свыдове жито називаецьця те, шо на дзелень косыцьця, воно й на цвитъ буде прозеленкувате, на висъ важче, й на утрунокъ здоровише.

Огныкъ бува у дитей одъ того, шо воны плюють на огонь.

Не беры у ротъ грибиньця, а то плысьнявка нападе.

Якъ выпаде у малойи дыты́ны зубъ, такъ йийи учать закинуты ёго на горыще й казаты: „мышка, мышка! на тобе костяный зубъ, а мини дай зализный"!

На Головосика (Усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи) не варють борщу й не крышуть головокъ капусты и ничого не ризуть такого круглого, шобъ було похоже на голову,—це бачъ за-бля того, шобъ не вризаты й собе головы Претедчиной и не дилаты цёго примиру, бо особлыво капуста,—вона врубуйецьця.

Старѝ бабы̀ понеди́лкують: або̀ жъ ничо́го не йидя̀ть, або̀ жъ йидя̀ть, та писне́. Йе й таки̇, що пьятынку́ють: йидя̀ть воны̀ разъ у день и то у ве́чери.

Пе́рвый дзвинъ — чорта̀мъ на розгѝнъ; дру́гий — на збирѣ̀ ангеливъ, а тре́тий — людямъ на поклѝкъ; отъ то́го и не кре́сьтюцьця тодѝ, якъ бо́вкуть ти́ко разъ.

Якъ у́зна̀ты, колы̀ коро́ва оте́лыцьця? На Мыла́нки тре́ба спекты̀ зъ сы́ромъ пирижо̀къ и питы̀ зъ нымъ у за́городу пе̇ре̇дъ вече́рею и дывы́цьця, — куды̀ бу́де коро́ва лежа́ты голово́ю; якъ шо на всхидъ со́ньця, — у ра́ньци бу́де, на вьюгъ — о пивъ дни, на си́вирьске — у по́лудень, на за́хидъ со́ньця (западны̀й) — но́ччу. — Скоты́на понима̀ лу́чче чолови́ка, та ти́ко не бала́ка; во́на то й бала́ка, та ти́ко у ночѝ пидъ Риздво̀ и Велы̀кдень.

Цига́не на облы́чьча таки̇, яки́мы Богъ созда̀въ пе́рвыхъ людѐй; воны̀ й тепѐръ такъ живу̀ть, якъ жилы̀ лю́де знача́лу сви́та.

На́ша жисть — вы́тивки.

Осы́ка про́клята за те, шо на ний пови́сывсь Юда. — Осы́ка зги́длыва и для ли́кивъ подо́ба. — На Сы́мона Зы́лота хо́дять у лисъ за траво́ю ти бабкѝ, що бабу́ють и ли́чуть одъ вся́койи вся́чины людѐй и скоты́ну; трава̀ та то жъ зги́длыва, й одъ вся́койи бо́листи пособля̀.

Якъ ти́ко пе́рвистка оте́лыцьця, проверны̀ йий пра́вый ригъ, насы̀пь туды̀ свято́го ма́ку, шобъ моло́шна, бачъ, була̀, потимъ херувы́мського ладанцю̀, шобъ ниякий нечи́стый не пидчипи́вся, и кинѐцъ толки жало̀мъ у го́ру, шобъ ви́дьму коло́ла, и тодѝ-ще возьмы̀ и забы̀й осы́ковымъ килко̀мъ изъ клича́ньня, шобъ це жъ було̀ до са́мойи йийи̇ сме́рты никѝмъ ненаруши́ме.

Шобъ плоды́лысь инды́ки, — хо́дять пидъ Стры́тыньня на ри́чку, або̀ до коло́дизя; ну, зви́сно жъ, опи́вночи, и де́ржуть ту во́ду, шобъ кропы́ты не́ю иньдюша̀тъ одъ уро́кивъ. — Тре́ба звяза́ты новы̀й нехвороща́ный ви́нькъ и вы́месты нымъ тры́чи у го́дъ: на Риздво̀, на Благови́щаньня и на Велы́кдень; а тодѝ схова́ты и держа́ты за-бля тако́йи прыго́ды: якъ вы́луплюцьця инды́ки, або̀ гусы̀, такъ ото̀ умочѝ ёго̀ у помы́йныцю и покропы̀ йихъ нымъ, тодѝ, бачъ, нихто̀ вже не згла́зе, а якъ бу́дешъ выганя́ты зъ дво́ру на вы́гинъ па́сты, та̀къ тымъ же ви́нькомъ опьа̀ть и проганя̀й йихъ и все бу́де гора̀здъ — благополу́шно. — Шобъ

плоды́лысь ку́ры, тре́ба вы́миняты у ста́рьця деся́токъ яйѐць и пидсы́паты ны́мы кво́чку.—Луча́йецьця, шо ту́ска, або̀ ку́рыця зъ яйцѐмъ, а ния̀къ не знесе́цьця ци́лый день, два̀ й три и мо́же зъ то́го пропа́сты; то тре́ба протягты̀ йийи̇̀ тры́чи кругòмъ скрѝзь штаны̀ (у холо́шу й вытяга́ты), и вона̀ тоди̇̀ знесе́цьця. Це лы́хо що на́бильшъ тра́пыцьця зъ уся̀кою пты̀цёю одъ то́го, якъ йийи̇̀ глядѐть (чи зъ яйцѐмъ), та невзнача̀й, бува̀, пове́рнешъ догоры̀ нога́мы, або̀ пу́зомъ уго́ру.—Ку́рка хвостòмъ кру́те пе́редъ бу́рею, або̀ жъ мити́льлю.—Горобци цвириньча̀ть на дощъ. Гуса̀къ стойть на одни̇̀й нози̇̀ и нисъ хова̀ у пи́рья, зна́чицьця бу́ты и̇ньший пого́ди.—Удодъ на осе́ли де бу́де довба́ты но́сомъ и крыча́тыме, то тамъ (у тимъ дворѝ) шось недо́бре бу́де („Ху́до тутъ! ху́до тутъ!").

Черѐзъ порѝгъ не тре́ба руки̇̀ дава́ты, якъ проща́есься, ато̀ пола́етесь.—Силь нывзнача̀й просы́пешъ на столѝ, то зна́чить, пола́есься зъ ки́мсь.—На вы́воротъ соро́чку, або̀ шо не́будь нади́нешъ, то́же бу́ты якѝй не́будь на́пасты.—Чо́битъ не на ту но́гу вбу́ешъ,—бу́ты невдачи.—Якъ перелякáецьця чого̀ дыты́на, такъ тре́ба ски́нуты зъ не́йи соро́чку и нади́ты йийи̇̀ наза̀дъ па́зухою.—Якъ кри́нко забье́цьця объ шо дыты́на, такъ тре́ба на те ми́сце, объ шо бачъ вда́рылось, лыну́ты холо́дной водыцѝ, шобъ зля̀ки не напа́лы, а до боля̀чого ми́сьця тре́ба прытулы́ты ми́дный яки̇̀й не́будь грошъ.—Якъ яка зла соба́ка тебѐ вку́се, такъ ты ввырвы̀ або̀ вы́стрыжи (хочъ и лю́ды це неха̀й зро́блють) зъ не́йи ще́рсты, спалы̀ йийи̇̀ и прысыпа̀й уку́шене ми́сто.—Шобъ не буя̀цьця мертвецѝ и у ночѝ видъ ёго не жаха́цьця, не забу̀дь (тре́ба), якъ пры̀йдешъ зъ кла́довыща, такъ першъ всёго за́разъ за ко́минъ руко́ю вся̀цьця.—Якъ пьешъ горѝлку, такъ не оставля̀й на дни ничо́го, допыва̀й вси сто́чки, шобъ булы̀ сыны̀ и до́чки.—Шобъ не було̀ дитѐй, такъ достаютъ до́брого намы́ста (кора́ллы), трутъ и йидѐть.—На середокре́сну доро́гу якъ зъйидешъ, або̀ зъйи̇̀дешъ, такъ тре́ба хресты̀цьця, бо тамъ збига́ецьця туда̀ вся не́чистъ.—У ха́ти якъ шо три́сне, або̀ лу́сне, такъ бу́ты якѝйсь прычи́ни, зви́стию, або̀ пере́дъ умеру́щимъ.

Пе́рвый понеди́локъ у велы̀кій пистъ зове́цьця „жи́ловый",—тоди̇̀ йидѐть ре́дьку.—Якъ йидѐть кутю̀, такъ стриля̀ють, це на бага́тый святве́чиръ, а якъ провожа́ють йийи̇̀ на голо́дный святве́чиръ, такъ бьють дрю̀комъ объ у́гилъ глухо́йи стины̀.

Якъ велы́кий морòзъ, то тре́ба нащита́ты пивсо́тни лы́сыхъ дидѝвъ.—Якъ жа́ба впне́цьця чолови́ку въ ти́ло, такъ йийѝ тре́ба одрыва́ты ничѝмъ другѝмъ, якъ кова́льськими кли́щамы.—На 40 му́чинькивъ печу́ть со́рокъ жа́йворонкивъ.—Малы́хъ дитѐй зову́ть жа́йвороночкамы, голубья́ткомъ й зсзу́лькою.

Де ла́ствивка гниздò змо́сте, въ тому̀ двори́ ща́сьтя, а якъ розо́рышъ ёгò, то вона̀ мо́же й спалы́ты.

Якъ скоты́на обдыма́йецьця, такъ пы́шуть йий на здуха̀хъ хресты̀ дёгтемъ, даю̀ть са́ла, сиривцю̀ зъ нашатырѐмъ, дёгтемъ у ро́ти ма́жуть и, якъ шо одъ цёго не помо́жецьця, пробыва́ють зду́хи ножѐмъ, и отò духъ вы́йде, й пишòвъ тодѝ жи́ты.

Волы̀ закида́ють собѝ хвосты̀ на спы́ну—бу́ты дощу̀.—Воро́ны й галкѝ выграю̀ть на ви́теръ.—Дымъ на зе́млю зъ трубы̀ сте́лецьця на сыру̀ пого́ду.

Шобъ торги́влю одбы́ты одъ дру́гихъ, прывьяжѝ до замка̀ тры диркача̀ зъ ви́нька.

Йе такѝ лю́де и скоты́на, шо не даю̀ть одъ се́бе пло́ду; такъ шобъ дава́лы,—бу́лы̀ бъ то плодю́чи, тре́ба вкра́сты очку̀ръ зъ тыхъ штанѝвъ, шо ски́не хто пидъ неди́льлю, й нави́сыты ёгò собѝ на ши́ю, та такъ и ходы̀; пи́сля цёго пова́жчайешъ.—Одъ цёго жъ такѝ зберáють те пшонò, шо кашова́ры просыпа́ють на́поли, або̀ де не́будь на доро́зи, ва́рють ёгò й йидя̀ть.

Той, кому̀ йи́хаты си́яты, надива̀ на страсты̀ нову̀ соро́чку, а, прыйшо́вши до до́му, скида̀; по́тимъ надива̀ опья̀ть цю́ю соро́чку, якъ йдѐ на плащаны́цю, и, прыйшо́вши до до́му, зновъ скида̀; тепѐръ въ тре́тьте вже, надива̀ йийѝ тодѝ, якъ пры́йдецьця йи́хаты на ны́ву си́яты. Якъ шо зро́бышъ такъ, то й пшены́ця бу́де чи́ста, безъ будякѝвъ.

На середохре́сний неды́льли, у се́реду, бабы̀ учиня́ють ки́сто, у четвѐръ изъ ки́ста ли́плять хресты̀ и, въ пе́рвый зли́плиный хрестъ, кладу̀ть якѝй не́будь грошъ; вы́печеный цей пе́рвый хрестъ одно́сять и кладу̀ть у ту пшены́цю, шо будуть розсива́ты, а якъ наста́не пора̀ си́яты, то до схидъ со́ньця, вмѝсьти зъ пшены́цёю, выво́зять на ны́ву й хрестъ; по́тимъ, прийи́хавши, стано́влюцьця, кладу̀ть хрестъ на зе́млю на рильлѝ, хре́стюцьця, й, пройшо́вши сивòкъ, винъ отò лежѝть, тодѝ мо́ляцьця Бо́гу, беру̀ть той хрестъ, лама́ють й йидя̀ть, а оста́ньни хресты̀ тожъ

йидѧть до́ма дома́шни ужѐ тодѝ, якъ прийиду̀ть зъ ны́вы и прывезу̀ть вми́сто хреста̀ грошъ. Грошъ достае́цьця тому̀ пого́ныч еви—хло́пцю, або̀ ди́вчини, хто не проспы̀ть.—Печу̀ть хресты̀ зъ гри́шмы й на ща́сьтя: напечу̀ть, и берѐ соби́ жа́дный по старшинству̀, кому̀ попаде́цьця ща́сьтя.

Мьнѧсо уку́сне бува̀ писля̀ то́го, у ко́го рука̀ ле́гка̀; узнае́цьця це такъ, якъ шо пидкида́ецьця зари́зана ку́рка, або̀ бара̀нъ, отѐ й до́бре! а якъ же ни,—то бу́де неуку́сне, хо̀чъ геть вы́шпурны.—Важка̀ рука̀ ди́лаецьця одто́го, шо шо не́будь убыва́ють, а особлы́во скаженю̀ку.

Якъ би́шину соба́ку, або̀ шо не́будь убьють, такъ те пали́чча або̀ чимъ ты бывъ, броса́ють на тимъ ми́сьти, шобъ вона̀ не вста́ла; а якъ шо хо́чешъ взѧ́ты, такъ тре́ба попе́реду ви́симъ разъ скризь ого̀нь йийи̇ провесты̀, шобъ очи́стылось.—Якъ убы́ту соба́ку переволочѐшъ на дру́ге ми́сце, такъ мо́же ожи́ты.

Якъ у мало́го дытѧ́ты нема̀ на о́чахъ мьясьцѧ, шо чи́сти, бачъ, бу̀дуть, то то означа̀, шо дыты́на не вы́росте, а вмре.—Якъ бу́де дыты́на собо́ю глы́зёва (сыра̀, важка̀), то тожъ умрѐ.—Якъ начну̀ть у дыты́ны вперѐдъ у горѝ росты̀ зу́бы, тожъ вмре.—Якъ хто вмре й ды́выцьця одны̀мъ о́комъ, то въ тий симьѝ ще хтось вмре.

Шобъ не текло̀ зъ ви́конъ, тре́ба вставлѧ́ты йихъ на писно́го Йва́на (Головоси́ка).

Яки̇й день бува̀ на Благови́щеньня, такѝ бу́де й на Велы́кдень.—На Благови́щеньня и Велы́кдень со́нце гра́йе—ра́дуецьця.

Шобъ удала̀сь бакша̀, сий у ту пьѧ́тныцю, шо писля Велы́кодня (колы́бъ вона̀ не була̀).

Градъ чи ма́лу шко́ду ро́бе, а шобъ ёго̀ спыны́ты, такъ якъ рози́йдецьця винъ, то бабы̀ мирыщѝ нехѧ̀й выкида́ютъ зъ ха́ты на дви́ръ помело̀, лопа́ту (шо хлибъ сажа́ютъ), кочергу̀, чапли́йку й рогачѝ, и градъ уви́йме́цьця.

Тре́ба запаса́цьця страшно́ю сви́чкою, шобъ вона̀ була̀ зъ двона́дьцяты годи́въ (12 разъ шобъ була̀ на стра́сты); у кого̀ йе така̀ сви́чка, такъ той, де схо́че, тамъ и поста́ве собѝ ха́ту, й всѧ́ке хозѧ́йство ёму бу́де йты, й не прыста́не до ёго нѧ́ка не́чисть; тре́ба ти́ко, бачъ, ту страшну̀ сви́чку расто́плюваты у кага́нчику и обку́рюваты не́ю вси пожи́тки.

На ди́тяхъ не годы́цьця ничо́го зашива́ты, а то умъ пришье́цьця.—Якъ жи́нка у тя́гости, та бу́де на соби шо зашива́ты, такъ дыты́на бу́де коли́ка.

На Спыридо́на (12 декабря) тре́ба трусы́ты я́блуни, гру́ши, ду́ли (бармо́ты), вы́шни (я́годы) й те́рень, шобъ уроды́лысь.

Шобъ булы́ плодю́чи ку́ры, такъ загодо́вують на Но́вый годъ куте́ю, на Хреще́ньне тожъ году́ють не́ю й ще й кро́плять свято́ю водо́ю.—Шобъ ку́ры плоды́лысь: на Но́вый годъ, якъ при́йдуть пе́рви посыпа́льныки, такъ ты йи́хъ посады́ на ла́вци, а самъ пиды́ зъ кочерго́ю на си́дало, де куры сида́ють, й попужай йихъ; тоди́ прыйды́ въ ха́ту й дай ты́мъ хло́пцямъ, посыпа́лькамъ, що Богъ посла́въ (гро́шикъ, або́ ла́сощивъ—пря́ныкъ, канхве́тъ).

Якъ пры́йдуть зъ вече́рни на голо́дный свя́твечиръ, такъ беру́ть соки́ру, йдуть зъ не́ю у садо́къ лякáты я́блуки и все те, шо йе; пиди́йде оцѐ зъ соки́рою до я́блуни й нами́рыцьця, якъ бу́дто руба́ты хо́че, и прыка́зуе:—„якъ бу́дешъ рожа́ты, не бу́ду й руба́ты; не бу́дешъ рожа́ты,—бу́ду руба́ты“, та тамъ и цо́кне по ний тры́чи—примі́ръ зро́бе, тоди́ йде́ да́ли.

Ти палычки́, ко́три лежа́ть на каду́шци зъ водо́ю, що на йихъ кладу́ть попы хрестъ, якъ свя́тять во́ду, такъ на йи́хъ позиха́ жа́дный й коло́тяцьця за ныхъ (колотне́ча бува́ не мала́), шобъ тому́ й тому́ взя́ты, бо якъ ти палочки́ бу́дешъ ми́ты (ими́ты), такъ бджо́лы йты́муть.—Шобъ бджо́лы воды́лысь, вбыва́ють и вынима́ють по́тимъ коля́ку зъ голо́вы Иёрда́ньскаго хреста́.

Якъ шо до́хле дерýть ноже́мъ, такъ но упра́вци слидъ очища́ты той ни́жъ одъ скверно́ты: ёго́ тры́чы стромля́ють у зе́млю; тре́тий разъ якъ устро́млять, такъ не выйма́ють тры часа́, шобъ очища́вся одъ вся́койи по́гани; ато́, бачъ, якъ не зробы́ты цёго́, то й незьзя́ нымъ бу́де ри́заты ны мня́са, ны хли́ба.

Шобъ вся худо́ба була́ здоро́ва, такъ роспуска́ють ла́данъ й кроплять йийи свято́ю водо́ю тоди́, якъ вона́ освяща́ецьця.

Чо́рного пи́вня ня́къ не слидъ держа́ты у дворѝ, бо тамъ, де винъ йе, нико́лы не живу́ть въ сомы́ри чолови́къ зъ жи́нкою, а все межъ ны́ми распря.—Шобъ ны́шкомъ зробы́ты въ якѝй симнѝ бу́чу мижъ чолови́комъ и жи́нкою, тре́ба понестѝ йимъ ударо́ванну чо́рну ку́рыцю.—На новоси́льля, якъ хто добро́ му́се, хо́-

дятъ зъ хлибомъ—сильлю, а якъ хто ни, то зъ прымхамы: дарують грибинець и чарку на тарильци; грыбинець означа не сомырну жисть, чарка—пьянство, а тарилка—нову жисть.

Шо найдешъ на дорози, здря не беры, а першъ перехресты его.

Дыты́на ро́дыцьця у соро́цьци (зъ ми́стомъ),—означа, шо буде вона багата,—а зъ зубамы,—зла; съ косою ззади—буты красывий, або духовного порядку.—Якъ ро́дыцьця дыты́на, такъ йе назначають (перве слово), чимъ буты: паномъ, хлиборобомъ, купцемъ.

Якъ посадють хлибъ у ничъ, такъ не треба дверьмы стукаты, ато паляныци невдали выйдуть,—осядуть.—Якъ печуть паски, такъ примичають: гарни вдадуцьця, гарна й цилый годъ буде жисть, а ни,—буты плохий.—Паски осидають або бувають порожни передъ умерущимъ.

Не тийею ногою (не правою, бачъ) на поригъ або черезъ поригъ ступышъ—буты бучи.

Тройицькимы святкамы ти баби, у якихъ йе коровы, вывертають на себе кожухъ, йдуть у загороду до коровы и лякають йийи за-бля того, шобъ и вона лякала такъ видьму, якъ прыйде йийи дойиты.

Голу голку зъ рукъ незьзя такъ браты, а треба попереду уколоты нею.

За обидомъ положишъ лышню ложку на стилъ—буты голодному гостью.—Хто за кутею, якъ йистыметь, чхне, такъ буде во всимъ щаслывый и багатый.

Якъ спустыцьця надъ тобою маненький павучокъ, ти его задавышъ,—буде гость, а якъ же ни,—буде письмо, або якe звистие.

На Стритеньня зима зъ литомъ стриваецьця.

На Анныно Зачатьтя (9 декабря) вовки зачинають бигаты тичкамы, а на Хрещеньня бросають.—Якъ сука изъ тички не кинецьця, то й вовки—ни одынъ й не подывыцьця на того, хто по-бля йихъ пройжджа, або проходе.—Скико недиль Ризд-вьяного мьясойиду, стико й вовкивъ самцивъ буде за вовчихою бигаты.—Жадка вовчиха за всю свою жисть одынъ тики разъ прыводе (выпложуе) вовченятъ, а бильшъ уже—ни, це якъ бы вона що году йихъ водыла бъ, то йихъ бы було стико, якъ теперъ у насъ собакъ.

Гадюка якъ наведѐ гадючинятъ, то вóзьме й обивьéцьця зъ нымы на суцѝ (сукỳ) й начнѐ йихъ йисты и отò, кóтре впадѐ, втичѐ, тѐ тѝко й зостаéцьця жи́ты, а то, якъ бы вонà цѐтò не робы́ла, хибà бъ йихъ сти́ко бỳло бъ?

Все це такъ Богъ давъ, а пры́йдуть временà, шо всѐгò намнóжицьця,—й дзви́рỳ, и людѐй,—и дзвиръ дзви́ра бỳде йисты, а лю́ды людѐй".

Пѣсни. Приспи́ва ди́тямъ бля колы́ски:

„Ой, ну-ну, скỳрва ки́цю,
Шкодà ходы́ть по воды́цю.
Шкодà ходы́ть по воды́цю,
Бо юпадѐшъ у крейны́цю.

Ийшлà ки́ця по воды́цю
Та й юпáла у крейны́цю,
Крычѝть тодѝ репетỳе,
Й нихтò йийѝ не ратỳе.

Зачỳвъ кóтыкъ, вы́бигъ зъ хáты,
Пишòвъ ки́цю вытягáты.
Пишòвъ ки́цю вытягáты
Та й вы́тягъ за вỳши.

Ой, вы́тягъ за вỳши (за вỳхо),
Постàвывъ на сỳши (на сỳхо).
Обтрусы́лась зъ воды́ ки́ця
Та й стáла весéла.

Сушѝсь, сушѝсь, моя ки́ця,
Я пидỳ изъ сéла.
Пидỳ я скризь долы́ною,
Ззорю́ ны́ву терны́ною.

Ззорю́ ны́ву терны́ною,
Мáтирку поси́ю.
Мáлось бỳты бъ матти́роцьци
Й уродывсь лисóчокъ,

Й уродывсь лисóчекъ,
Порѝсь лопушóчокъ;
А я пидỳ й ю лисòкъ (-сóчокъ)
Та й вы́рижу лопушокъ (-шóчокъ)

Та й вы́рижу лопушòкъ (-шóчокъ)
Та й пошию кожушòкъ (-шóчокъ)
Та й надину на ки́цинькỳ,
А зъ ки́циньки зня́ты.

А зъ ки́циньки зня́ты
Та (Марỳси) даты.
Бỳдемъ, дóню, укривàть (-áты).
Шобъ тепле́нько булò спать (-аты).

А (Марỳся) мане́сенька,
Вонà спáтки радéсенька,
Вонà бỳде мóвчки спать
Та й не бỳде плáкать.

Бодàй спáла й не плáкала,
Бодàй росла й не хворáла.
Бодàй росла й не хворáла,
Симьѝ щáсьтя сподобáла.

Лыцѐмъ би́ла, сéрдцемъ щи́ра
Йий ки́сточки у ри́сточки.....
Костры́ грáють, выгравàють,
Нéньку зъ хаты выгáняють.

Пишлà нéнька, тыня́ючи,
Пидъ ви́конью пытáючи,
Тамъ, де хáтка йе тепле́нька,
Де дыты́на йе манéнька".

* *

„Э... э... люлéчки,
Шовкóвыйи вервéчки,
Малёвани (золотыйи) бы́льця
Пишлы́ до Кирыльця.

Шо Кирыльць робе?
Винъ пи́сьмонька пы́ше.
Винъ пи́сьмонька пы́ше,
Дыты́ну колы́ше".

* *

* * *

„Э... э... Тыле́шику,
Звары̀ мини̇̀ куле́шику
Зъ ручи́цямы, зъ ножи́цямы,
Изъ би́лымы плечи́цямы,
Изъ ка́рымы очи́цямы“.

* * *

„Ко́ту си́рый, ко́ту би́лый
Не ходы̀ по ха́ти,
Не цокоты̀ чобитка́мы
Й незбуды̀ дытя́ты.
Вонò ищѐ мане́сеньке
И спа́тоньки раде́сеньке“.

* * *

„Э... э... люли̇̀ коту́сю,
Займы̀ на́шу телу́сю
Ой, вы, хло́пци, хлопья́та,
Де вы па́слы теля́та?
На попо́вий толо́ци,
А тамъ травы̀ по бо́ци.
Кинь бижи̇̀ть, трава̀ шумы̀ть,
Пидъ тымъ конѐмъ козàкъ лежи̇̀ть
Пору́баный, поцю́каный
Ще й дро́тыкомъ поштри̇̀канный (2 раза).
И писо́чкомъ прысы̀панный.
Одъ со́нечка погори̇̀въ,
Одъ ви́троньку почорнивъ“.

* * *

„Э... э... коту̀, ко́тку,
Не лизь на коло́дку,
Не лизь на коло́дку,
Рози́бьешъ голо́вку.
Голо́вка бу́де боли̇̀ть,
Ни̇̀чимъ йийи̇̀ завертѝть.
Одна̀ була̀ хусты̀на,
Та й ту вкра́ла дивчи́на.
На̀ куклы̀ подра́ла
Куко̀лъ наробы̀ла, (2 раза)
Кота̀ ожены̀ла,
Дивча̀тъ подражны̀ла.
Въ печи̇̀ затопы̀ла, (2 раза)
Ку́клы попалы̀ла,
А кото́ви-воркото́ви
Го́лову набы̀ла“.

* * *

„О—ой ко́ту, кото́чокъ,
Украва̀въ ко́тыкъ клубо́чокъ
Та й пишо̀въ до Га́ли,
Положи̇̀въ на ла́ви.
Ста́ла Га́ля бы̀ты,
Ста́ла кота̀ вчи́ты:
Не вчись, ко́ту, кра́сты,
Цура̀йсь одъ напа́сты.
Та вчи́ся робы̀ты,
Черевы̀чки ши́ты—
Й чу́лочки (пончо́хи) зъ мачу́лочки
Й черевы̀чки зъ бабачка̀
Якъ выйду я въ ныхъ на ву́лыцю
(Шобъ пишла̀ я на ву́лыцю),
Та й уда́рю трепачка̀.
(Та й вда́рыла бъ трепачка̀).
Хло́пци бу́дуть въ скрыбки̇̀ гра́ты,
(Балаба́йнымъ бу́де гра́ты),
Вытребе́ньки вытива́ты“.

* * *

„Ба́ю, ба́ю, люли,
А ко́тыку ду́ли,
А (Пана́су) калачи̇̀,
Шобъ спавъ у день и въ ночи̇̀.

А въ въ ночѝ—на печѝ,
А въ ра́ньци—на ла́вци.
Вра́ньци—на ла́вци,
А въ день—уко́лѝсьци.

А въ ве́чери—у синя̀хъ,
На пухо́выхъ подушка̀хъ.
Ма́ты бу́де сповыва́ты,
(Пана́сыка) году̀ваты".

* * *

„Колы́сочка хить,—хить
А (Пана́сыкъ) спыть—спыть
Колы́сочка хитну́лася,
(Пана́сыку) хикну́лося.

Ворѝточка скрыпъ-скрыпъ,
А (Пана́сыкъ) спыть-спыть.
Ворѝточка вклякну́лыся,
(Пана́сыки) просну́лысѧ".

* * *

„Э... э... ма́мко,
Пошѝй (Йва́ньцю) лю́льку.
Йзъ бѝлого шо́вку;
А я пиду̀ на войну̀.
Посва́таю попѝвну,
А попѝвна нѝжна,
Черѐзъ тынòкъ лѝзла;
Тынъ (плетѝнь) повалы́ла,
Теля́тко прыбы́ла.
Теля́тко ревну́ло,
Соба́ки брехну́лы,
А лю́ды почу́лы.

Попо́ви сказа́лы,
А пипъ зъ пе́чи
Й вы́бывъ собѝ пле́чи,
А попадѧ̀ зъ гру́бы
Та й вы́была гру́ды,
А дячòкъ зъ хѝжки
Та й розгубы́въ кны́жки,
Пономàрь зъ полы́ци
Покрàвъ поляны́ци,
А на́ймычка зъ подушòкъ
Й навары́ла галушòкъ".

* * *

„Лю́ли, лю́ли, лю́ли,
Налы́нулы гу́ли
Та й си́лы на лю́ли.
Цы́тьте, гу́ли, не гудѝтъ,
Малыхъ дѝтокъ не будѝтъ.
Малы́хъ дитей не будѝтъ
Та й по ха́ти не ходѝтъ,
Бурко́тыки не бурчѝтъ.
Бу́де, гу́ли, вамъ гудѝть,

Возьмѝтъ собѝ й пометѝть
Возмѝтъ собѝ й полетѝть,
Нишны́ць (Йва́ньци) принесѝть,
А (Ванёчокъ) мане́сенький
Й винъ спа́тки раде́сенький.
Э... э... гу́ли, гу́ли
Не ходѝтф по ха́ти,
Не збудѝтъ дытя́ты."

* * *

„Эй, ту́ры, ту́ры, ту́ры,
Пишлы́ ку́ры на шабту́ры

Воробе́йко по́мёръ,
Ёму̀ вѝчный покòй".

* * *

„Летѝвъ шпакъ че́резъ макъ
Темне́нькойи но́чи,
Умори́вся, тай прысѝвъ
И заплю̀щивъ о́чи.

А за нымъ-соро́ка
Та ще й билобо́ка
И летѝть, скрекотѝть
Й цоко́че, скрыко́че;

Вона̀ ди́токъ зовѐ
Й иймъ йи́стки несѐ.
Скро-ко-ко̀, скро-ко-ко̀!
Несу ди́ткамъ молоко̀.

Злита́йтеся, мои̇̀ ди́тки,
По́рхайте зъ калы́ни.
Несу̀ я вамъ у куве́льце
Яе́чокъ ряде́нце".

Когда дитя начинаетъ узнавать свою маму, то она, утѣшаясь имъ, кладетъ его на подушку и водитъ рукой—„ладо́нею" сверху внизъ, отъ груди, и кончаетъ ступнями ногъ. При этомъ массажѣ она не то поётъ, не то приговариваетъ:

„Потягу́си, потягу́си,
На (Га́лю) росту́си,
Шобъ (Га́лочка) ро́сла,
Росла̀—выроста́ла,
Шобъ (Га́лочка) свойи̇̀й ма́мци

Скори̇̀йшъ въ по́мичъ ста́ла.
(Въ по́мичъ ма́мци ста́ла).
У по́мочи ста́ла,
Дито̀къ колыха́ла
Й ха́ту доглядала".

* * *

„Потягу́си, потягу́си,
На (Ты́шу) росту́си,
Щобъ (Ты́шичка) рисъ-пори̇̀съ,
Кохàвсь на свобо́ди,—
Мижъ коня́ми, табуна́мы
На степу̀ широ́кимъ,

Бувъ бы до́брымъ козако̀мъ
Й воя́кою сми́лымъ.
Щобъ (Ты́шечка) не лякàвсь
Ни людѐй, ни дзви́ру.
Й не оддавъ бе на войни̇̀
Ту́ркамъ свою̀ ви́ру"

Якъ чуки́кають, прика́зують:

Ой, чу́къ, до́чко,
Моя̀ па́нночка,
Безприда́нночка:
Не за Са́вку дочку̀,

Не за Ма́рка дочку̀,
Ни за ко́го дочку̀
Свою̀ па́нночку,
Безприда́нночку.

* * *

„Ой чукъ, чукъ, чукъ!
Наловы̀въ дидъ щу̀къ,
А бабу́ся плиточо̀къ
Годува́ты диточо́къ,

А бабу́ся кара́сикивъ
Годуваты Тара́сыкивъ,
А бабу́ся скуньци̇̀въ
Годува́ты молодьци̇̀въ".

* * *

„Ой чукъ, хло́пци,
(Ой такъ, хло́пци),
Малы̀ (мойи̇̀) запоро́жци!
Наси́яли жи́та въ коро́бци,
Поста́вылы въ ко́пки
Та й вда́рылы въ го́пки.
Ой гопъ,—гопàка!
Полюбы́ла казакà!...
Ой го́пъ,—гопàкъ!

Любы̀въ ди́вку козàкъ;
Любы̀въ йийи, шанувàвъ,
Подару̀ночки давàвъ.
. . . . . .
Ой чу́къ, черевы̀къ,
Тай набо́куватый,
Ой, набо́куватый,
Прыторо́куватый!"

* * *

„Ой чукъ—чука́лочки,
Йи́де Сы́диръ на па́лочки,
А Оме́лько на скрапля́хъ
У червоныхъ чобитка̀хъ,
А Мару́ся на тили́жки
Що́вка́е ори́шки“.

* * *

„Чукъ, чукъ—чука́лочки!
Попивъ батько жупа́ночки.
И пошивъ и надивъ,
И на до́цю поглядивъ“.

* * *

„Ой такъ, на́ши
Наварылы ква́ши (ка́ши)
У во парнимъ горшку̀
Та й на до́нычку“.

* * *

„Ой чукѝ, чукѝ, чукѝ,
Побы́лыся барчукѝ.
За яку́ю прычи́ну?
За ди́вчину красы́ву.
За яку́ю за би́ду?
За ди́вочку (дивчи́ну) молоду̀“.

Первые дѣтскіе уроки. Мать, глядя въ глазки дитяти, скоро на́скоро ворочаетъ своею головой слѣва направо, приговаривая:

„Ту́ри, ту́рки, ту́рки“!

Дитя очень скоро воспринимаетъ этотъ первый урокъ и при словѣ „ту́рки“, начинаетъ мотать головой.—Дитя капризничаетъ, мать прибѣгаетъ къ „туркамъ“, и оно, забывъ свое настроеніе, утираетъ слёзы кулакомъ и исполняетъ это подъ машинальный выговоръ ма́тери: „ту́рки, турки“...

Ударяя ладо́нь о ладо́нь, приговариваютъ:

„Ла́дки, ла́дки (ла́ду́шки, ла́душ-[ки),
А де булы̀?
— „Въ бабки“. (Въ ба́бушки).
А шо йи́лы?
— „Ка́шку“.
А шо пылы̀?
— „Бра́жку“.
Ка́шку пойи́лы,
Бра́жку по пы́лы,
Самы̀ полети́лы
Тай гуль, гуль, гуль, гуль
На голо́вку си́лы.—

При этомъ на голову накладываются руки.

„А ну, якъ ба́бу морозъ да́ве“? На этотъ вопросъ дитя сжимаетъ оба кулачка и давитъ ихъ изо всей силы, причемъ и самъ трясётся.

На лѣвую руку плюютъ, а потомъ приговариваютъ, указывая на ладонь указательнымъ пальцемъ правой руки:

„Соро́ка, воро́на
На пры́пичку сыди́ла,
Ди́ткамъ ка́шку вари́ла“?

Затѣмъ, перебирая пальци на лѣвой рукѣ отъ мизинца, говорятъ:

„Цёму̀ дамъ, цёму дамъ,
Цёму дамъ, цёму дамъ.

Дойдя же до большого, присказываютъ:

„А цёму̀ не дамъ:
Цей быцма̀нъ,
Винъ болва̀нъ:
Дровъ (дривѐць) не руба̀въ,
Воды̀ не носи̇̀въ,
Въ печи̇̀ не топы̇̀въ,
Ка́ши не вары̇̀въ,
Ди́токъ не корми̇̀въ,—
Цуръ ёму̀,—пекъ“!

Ударяя кулакомъ о пятку ноги, приговариваютъ:

1) „Ковалѐкъ, ковалѐкъ,
Пидку̀й чобитѐкъ!
—Дава̀й, па́не, гро́ши“.
2) „Ковалѐкъ, ковалѐкъ,
Пидку̀й чобитѐкъ,
А я тоби̇̀, ковалѐкъ,
Дамъ за те́йе пьятачѐкъ.
—Я не хо́чу кува̀ть:
Въ ме́не ру́чки буля̀ть“.

Взявъ дитя за уши, слегка въ тактъ пѣсенки поворачиваютъ его голову то направо, то налѣво, присказывая:

„За́йчику, за́йчику,
Де ты бува̀въ?
—„У млыни̇̀, у млыни̇̀“.
Що жъ ты выда̀въ?
—„Симъ мишки̇̀въ ори́шкивъ“.
Чому̀ жъ ты не вкравъ?
—„Позбига́лысь ма́льчики,
Та й побы́лы па́льчики...
Бы́лы менѐ й кра́вчики,
Золоти́йи па́льчики.
А (такъ) я взявъ та й ути̇̀къ,
Та че́резъ попи̇̀въ тикъ,
Та й пья́тки попи̇̀къ,
Та че́резъ коло́ду
Й шувбо́вхъ (шувбо́вхнувъ)
у во́ду“.

Мать садится на „ла́ву“, ставитъ дитя на ноги и, то подымая вверхъ, то подымая внизъ, качаетъ подъ тактъ пѣсенки:

„Хи́ти, хи́ти,
А ко́ныки въ жи́ти,
Та й ни́кому вы́гнаты,
Ти́ко Мыки́ты“.

Мать, желая выучить свое дитя прыгать на одной ногѣ, употребляетъ слѣдующее:

Дитя: „Ма́ма, дай хли́ба“!
Мать: „А поскачи̇̀ ди́да“.

Мальчикъ становится на одну ногу, прыгаетъ и поётъ:

„Скачу̀, скачу̀ ди́да
За ски́бочку хли́ба.
Я не ду́рно скачу̀,
А я йи́сты хочу̀“.

Мать полна довольства, рѣжетъ „окра́йчикъ“ хлѣба и даётъ.

„Ма́мо, дай воды̀!
—„Пиды̀ до вербы̀“.
А верба̀ де?
—„Тамъ, де вода̀“.
А вода̀ де?
—„Тамъ, де верба̀“.

Мать или отецъ, развивая свое дитя, учитъ его понимать и

разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно.—„Говоры, сынòкъ, за мнóю: „и я",—шо бъ я ни сказàвъ".

„Я пойи́ду въ лисъ.
—„И я".
Вы́рубаю дýба.
—„И я".
Вы́довбаю чóвень.
—„И я".
Накладý я пóвень.
—„И я".
Свы́ни бýдуть йи́сты.
—„И я".

Послѣ этого раздается смѣхъ, и мальчикъ или дѣвочка до тѣхъ поръ упражняется въ этомъ, пока пойметъ, что здѣсь приводится сравненіе съ свиньей.

Дѣти, радуясь первому майскому дождю, приговариваютъ:

„Дóщику, дóщику,
Прыпусты́, прыпусты́
Та на нáши капусты́!..
Видрòмъ, цебрòмъ, видéрцемъ цебéрцемъ"!

Когда дѣти замѣтятъ, что ихъ родители предвидятъ въ частыхъ дождяхъ вредъ для травъ, хлѣба и овощей, то поютъ:

„Дóщику, дóщику,
Перестàнь, перестàнь,
Мы пойи́демъ у Ёрдàнь,—
У Ёрдàнь, у Ёрдàнь
Бóгу помолы́цьця,
Хрысту́ поклоны́цьця".

Народная поэзія.

„Казàвъ панъ: козу́ дамъ,
Та ще й зъ чóрнымъ козынямъ;
Пишла́ кóзку дойи́ты,
Круту́ кáшу вары́ты.
Ни то кáша, ни кулѝшъ...
Прыйды́, сéрце, Тыми́шъ!
Й дождáлыся Тымишà.
Прынѝсъ Тымѝшъ хлибъ та книшъ, (2 раза).
Та й побылысь за кулѝшъ".

* * *

„Ишòвъ пастýхъ долы́ною
За своéю скоты́ною.
Скáче ви́нъ—поскáче:
Шось бля шля́ху бáче:
Хóдять свы́ни по долы́ни
У серéбряний щетáни,
А за ны́мы стары́й дидъ,
Тому́ ди́ду сóрокъ литъ".

* * *

„Тра-та-тà, тра-та-тà.
Си́ла бáба на котà,
Пойихала до попá;
А попóви дóчки
Ши́ють чобитóчки.
Одна кóса, дрýга бóса,
Трéтья безъ сорóчки.
Ши́ють воны́ пошивáють,
На кóтыка примирѧ́ють.
А кóтикъ не хòче
Йзъ горы́ шурхàты.
Стий, кóту, не бижѝ,
Скажу́ тобѝ ремéзы́".

* * *

„Су-ду-дỳ, су-ду-дỳ! (О-ду-ду!)
Сыдыть го́лубъ (во́ронъ) на дубỳ,
Выграва́йе у трубỳ;
Труба̀ ёго̀ точо́ная,
Позоло́ченная.
Прылити́ло тры сыны́ци
То жъ мойи сестри́ци.
На помо́сти жилы́,

* * *

„Ой, та́ту нашъ, та́ту,
Сидай на лопа́ту,
Понесѐмъ за ха́ту:
Тамъ нашъ панъ-Деревьянъ

* * *

„Ла́поть хо́де, кисиль то́пче.
Ти, кисилю, кисилю,
Прысува́йся блы́жче,

* * *

„Гулькъ! шось въ ли́си гука́.
То сынъ ба́тька шука̀.
„Ой, та́ту, мий та́ту!
Гуля̀ до́ма ма́ты,
Ше й зъ тымы козака́мы,
Що въ йихъ ша́пки бока́мы.
Ходимъ, та́ту, додо́му:

* * *

„Бижи́, бижи́, ко́ню,
Поту́пай ного́ю,
Поту́пай ного́ю
До ти́тки до Ва́рьки,

* * *

„А въ на́шойи На́сти
Черевы́чки кра́сни,
А въ на́шойи Марусы́ны
По чоты́ри подуши́ны,

* * *

„Оттворя́йте ворота̀,
Йи́де панъ сырота̀
Безъ соро́чки, безъ штанивъ,
По́вна то́рба сухариви̇̀ъ.
Безъ воло́сься, безъ зуби̇̀въ

Трехъ сыни̇̀въ прывелы̀
Й Стыцька̀ и Грыцька̀,
Тре́тий сынъ бувъ Максы̀мъ.
Ти сыни́ пидрослы̀,
Та й на Динъ пишлы̀.
Це́беръ ме́ду купува́лы,
За чубъ ба́тька воды́лы“.

* * *

Коле́са дубо́ви,
Су́чка рябе́нька,
Свиня̀ молоде́нька“.

* * *

Бу́демъ тебе йисты
На гаря́чимъ ми́сьти“.

* * *

Пропьѐ ма́ты худо́бу:
Су́чку рябе́ньку,
Й свыню̀ молоде́ньку,
Й куро́чку рябе́сеньку,
Й пи̇̀вныка спивака̀,
Й колесо̀ нове́сеньке
Й (ще й) ко́ныка тупака̀“.

* * *

А у ти́тки въ Ва́рьки
Прысма́лены ла́пки:
Я якъ сивъ и прыкипи̇̀въ
Й вече́рять не схоти̇̀въ“.

* * *

Ще й пьята мане́нька,
Й сама̀ молоде́нька,
А шо́сте ряде́нце
Прикры̀ть моѐ се́рце“.

* * *

И на пы́ци невда́лый.
Що ни ска́же то й свысты̀ть,
Що ни пи́де, то й репы̀ть,
А очи́ма такъ и ся́е,
Якъ жа́ба у ма́и“.

* * *

„Го́споды, помы́луй!
Дидъ ба́бу поки́нувъ,
Соло́мкою пры́трусы́въ
Щобъ кома́рыкъ не вкусы́въ“.

* * *

„Бонда́рыку, бонда́рыку,
Набы́й мини̂ бо́чку,
А я тоби̂, бонда́рыку,
Поши́ю соро́чку.
Соро́чечку нове́сеньку
Сама̀ бу́ду ши́ты.
Вди́ну й стри́чечку красне́ньку
Шобъ тоби̂ вгоды́ты.
Сыды́ть моска̀ль, кру́те вусы́,
Та шось собі̂ му́се,
Сыды́ть собі̂ у куто́чку,
Пидты́кавъ соро́чку“.

* * *

„Бовъ—дзеле́нь, Са́вка вмеръ,
Прыйшо̀въ пипъ—Са́вка втикъ“.

* * *

„Бовъ—дзеле́нь, Са́вка вмеръ,
Положи́лы Са́вку
На дубо́ву ла́вку.
Ла́вка трищи̂ть, гне́цьця,
А Са́вка смие́цьця.
По́ки зря́хався пипъ,
Са́вка зъ ха́ты ути̂къ“.

* * *

„Запряжу̀ я свыню̀ въ дро́жки
Та й пойи́ду до Явдо́шки,
А Явдо́шка до́бра бу́де,—
Гори́лочки роздобу́де.
Запряжу̀ я свыню̀ въ визъ
Та й пойи́ду по рогі̂зъ,
И рого́зу не набра́ла,
Й свыня̀ визъ полама́ла.
Ой, посі̂явъ Семѐнъ гречку
На дубу̀—звершѐчку.
Де не взяла́сь шту́ря—бу́ря
Й Семе́нову гре́чку зду́ла“.

* * *

„Йи́де Семе́нъ на козі̂
(Хляпо́тка йи́де на козі̂)
У си́нёму картузі̂,
Й нема̀ па́льцивъ на нозі̂.
Ёго̀ коза̀ поносы́ла,
Повозчи́ну разтрусы́ла,
Та й посли́дни (ёму̀) па́льци
На нога̀хъ побы́ла“.

* * *

„Са́вка-була́вка
Злизъ на ла́вку,
Покоты́въ бу́лку
Та й вбывъ ку́рку.
Поби́гъ на тикъ
И йийи̂ поволи̂къ.
Волочи̂въ-волочи̂въ
Та й у борщъ умочи̂въ“.

* * *

„Чомъ я па́рень не хорошъ?
Чи я ро́стомъ не доро̀съ?
Чи не ру́блена ха́та?
Чи не лю́блять дивча́та?
—А ты ры́жий, якъ соба́ка,
Но́ги въ те́бе, якъ у ра́ка,
Станъ у те́бе, якъ у ба́бы,
Й о́чи въ те́бе, якъ у жа́бы“.

* * *

„Моско́вка ряба̀
Пойи́хала по дрова̀
Й зустри́ла попа̀.
Ой, мий ба́тюшка!...
Та й не доказа́ла.
Зачепы́лась за пенёкъ
Й просто́яла весь денёкъ.
Напра́вила все на ладъ
Й ста́ла йи́хаты назадъ;
А пидто́ки обвалы́лысь,
И коле́са скрыпля̀ть,—
А соба́ки то зачу́лы
Й позбига̀лысь изъ дворі̀въ,
Бижа̀ть сли́домъ, скавуча̀ть:
Ду́мки—везу̀ть поросѧ̀тъ“.

Игры. Дѣти при игрѣ въ жмурки—„ку́зьмарки“ выдѣляютъ изъ среды своей одного, который бы „жмури́вся“, такъ: одинъ изъ нихъ, указывая пальцемъ по порядку на каждого, декламируетъ какіе нибудь сложенныя для этого немудрые стишки такъ, какъ они дѣлятся по плавности и размѣру стиха, причемъ, если придется на кого послѣднѣе такое дѣленіе, то тотъ и „жму́рится“, а остальные прячутся—„хова́юцьця“.

Писни за-бля що́ту у „ку́зьмарки“:

* * *

„Коты́лася то́рба
Зъ высо́кого го́рба,
А въ тѝй то́рби
Кны́шъ, паляны́ця.
Кому́ прыпаде́цьця
Той бу́де жмуры́цьця“.

* * *

„Коты́лося я́блочко,
Въ огоро̀дъ, въ огоро̀дъ.
Хто взявъ яблучко?
—Войиво́дъ, войиво́дъ.
Войиво́дова жена̀
Породы́ла тры сына̀—
Й попа̀, и дя́ка,
Й сере́бренныка.
Дзе́нь-бря́зь,
Вы́йшовъ князь“!

* * *

„Та́ня, ба́ня,
Шо пидъ на́мы?
Сту́льчикъ, ма́льчикъ,
Самъ коро́льчикъ.
Дзень-брязь,
Вы́йшовъ князь“.

* * *

„Ты, ку́колка, ты мане́нька,
Почому̀ ты не була̀?
—Буя́лася воркуна̀.
Воркуно́вы ди́ты
Хоти́лы лети́ты...
Що́ткы рибьётки,
Но́жници хлопъ“.

* * *

„Йишла̀ ба́ня изъ-за да́ня,
Ру́су-ко́су держа́ла
Й на Бо́га прохо́ла...
А нашъ панъ копыта̀нъ
Симъ ко́ней попу́тавъ
Серебро̀мъ и зло́томъ,
Па́ньскимъ дро́томъ
Ты не ви́ньчана
Не ходы̀ по замка̀мъ,
Ки́сточку-ли́сточку кинь“!

* * *

„Одынчики первынчики
По сороку̀ струнокъ.
Струнка лепётка,
Такова̀—солóмка.
Тикъ токóвый!...

Бóже, убый
Й Ярéму небирéму,
Чувбу̀къ, башма̀къ;
Райдывóно, выйды вонъ“.

* * *

„Акинъ бáкинъ
Самъ вершу̀нъ.
Грыкынь быкинъ

Петербу̀ргъ.
Арбунъ хирынь
Вóронъ дашъ“!

* * *

„Эньки бéньки
Бейкасѝ.
Лёшкѝ плёшкѝ

Тайрасѝ.
Шóйинъ-вóйинъ
Прóчи ру̀ссъ“!

* * *

„Адомъ-пáдомъ
Самъ маршу̀нъ
Ушкинъ вышинъ

Петербу̀ргъ.
Арынъ мырынъ,
Вóронъ дашъ“.

* * *

„Катерына квóчка
На мóре впàла, (2 раза)
Цéрква стáла.
А въ тий цéркви

Сынъ Мыкóла
Грáмоты пышѐ,
Вáжко дыше.
Адóмъ-пáдомъ-дыхъ“!

* * *

„Пьявко-зозу̀лька,
Щебéче голу̀бка.
Катерына матерына

Не виньчáйецьця.
Кистонька прáвдонька лынь“!

* * *

„Однóко-подвóко,
По трéте-рыпéте,
По пьяте—щокáте.

Щóконъ вóронъ
Два рублѝ й хрестàтый
грòшъ“.

Кладется дóска на колоду (отрубокъ отъ дерева) и на ея двухъ противоположныхъ концахъ садятся по мальчику, перевѣшиваютъ одинъ другого и поютъ:

„Перевáги, вáги!
Дай, дѝду, брáги,
А мы тобѝ калачѝ,
Ще й посáдышъ на печѝ.

А не дасы, расхитáйемъ
Й вси кисточкѝ поламáйемъ,
Бу̀дешъ чы тодѝ сыдѝты
На увѐсь двиръ сыротѝты“.

Двое изъ дѣтей, взявшись за руки, выбиваютъ ногами тактъ подъ такую „склáдку“:

„Дрибу̀, дрибу̀, дрибу́шечки,—
Найилися галу́шечки.
Гей, гей до воды̀,—
Найи́лися лободы̀.
Гей, гей въ очерѐтъ—
Ту́та й бу́демъ вече́рять.
Хто насъ ста́не повиря̀ть (-ты)?
До смерку̀ бу́демъ гуля̀ть (-ля̀ты)“!

Игра въ „робака̀“ или „хре́щика“ (въ горѣлки).—Выходятъ двое на одного на условленномъ разстояніи и спрашиваютъ:

„Роба́ку, роба̀ку,
Чи вло́вышъ изга̀ку?
—„Побижѝшъ та й вза́йишъ“.

Или такъ:

„Блоха̀, блоха̀, чи ты дуже лыха̀?
—„Якъ укусю̀, такъ зна́ты-мешъ“!

* * *

Для игры въ „гу́сочки“ избираются одна „ма́тка“ (дѣвушка), два „вовка̀“ (мальчики) и пастухъ или пастушка съ гусятами. Гуси садятся на землю или лазятъ, щиплютъ руками траву и поютъ (поётъ это и одна пастушка):

„Ирву̀, ирву̀ ори́шички,
Не боюсь во́вка и (ни) три́шечки.
А вовкъ за горо́ю,
А я (мы) за другóю.
Той вовкъ въ кожу̀хъ-па́ни,
А я (мы) въ шарахва́ни“.

Матка, выслушавъ пѣсню, говоритъ: „Гу́сы додо́му!“—„Чого̀“? „Вовкъ за горо̀ю“!—„Шо винъ тамъ ро́бе“?—„Гу́ску скубѐ“.—„Чию̀ та чию̀“?—„Попо́ву та дяко́ву,—гу́сы додо́му“!...

Гуси бѣгутъ по направленію къ „ма́ткѣ“; волки ловятъ, или одинъ изъ нихъ ловитъ, а другой какъ бы гдѣ за горою „скубѐ гу́ску попо́ву та дяко́ву“; матка же старается въ это время охранять. Гуси отправляются „маткою“ пастись до тѣхъ поръ, пока волкъ переловитъ ихъ всѣхъ. Тогда „матка“, обходя волчью берлогу вмѣстѣ съ пастушкою, спрашиваетъ: „Здоро́въ“!—„Здоро́въ“ (волки стоятъ одинъ впереди, а другой, который меньше наловилъ, сзади его).—„Чи не ба́чилы вы тутъ на́шихъ гусѐй“?—„А якѝ ва́ши гу́сы“?—„Сире́ньки, биле́ньки, муре́ньки“ (гуси стоятъ въ это время, наклоня голову книзу, и прислушиваются).—„Ни, не ба́чилы. Сире́ньки побиглы по сире́нький доро́зи, биле́ньки—по биле́нький, а муре́ньки—по муре́нький“.—Матка, пропрыгавъ немного на одной ногѣ въ одну, другую и третью сторону, возвращается и начинаетъ обходить кругомъ волчьяго городка; волкъ злится: „вернись, кума̀“! (въ это время гуси

даютъ знать о своемъ присутствіи: стучатъ ногами и кричатъ: „gилъ, gилъ“.—„А це шо у васъ за гусы“?—„Це наши“.—„Ни, мойи.“—„Ни, наши“.—„Ни, мойи“.—Волкъ, какъ бы въ доказательство, беретъ горсть земли и сыплетъ её, какъ сыплютъ гусямъ кормъ. Гуси, въ виду матки и пастушки, начинаютъ плевать на него: „тьху! тьху“!—Беретъ потомъ горсть земли матка и продѣлываетъ также. Гуси подымаютъ вверхъ головы, узнаютъ свою „матку“ и кричатъ: „нямъ! нямъ! нямъ“! Посрамленный волкъ убѣгаетъ, а матка съ пастушкою уводятъ съ собою гусей.

Игра въ „горобця“.—Играющіе, побравшись за руки, составляютъ кругъ и поютъ („горобѣць“ въ это время ходитъ кругомъ города):

„Царю, сыну, горобѣць,
Кругомъ города ходывъ.
Царю, сыну, горобѣць,
Та й городъ уступывъ“.

„Горобѣць“ входитъ въ городъ.

„Царю, сыну, горобѣць,
Поклонысь низенько“.

„Горобѣць“ кланяется.

„Царю, сыну, горобѣць,
Поцилуйсь зъ мыленькою (зъ мылымъ)“.

„Горобѣць“ цѣлуетъ кого нибудь изъ играющихъ.

Затѣмъ поцѣлованный „горобцѣмъ“ выполняетъ игру „горобця“, а тотъ замѣняетъ его мѣсто.

Игра въ „ворона“.—Въ этой игрѣ одинъ изъ играющихъ мальчикъ беретъ палочку, садится и начинаетъ рыть яму; это и будетъ „воронъ“; дѣвочка изображаетъ изъ себя „матку“, которая, поставивъ сзади себя гуськомъ по росту дѣтей, подходитъ съ ними къ „ворону“ и спрашиваетъ:

— Шо ты робышъ?— „Яму копаю“.
— На шо (на вищо)?—„Пичку зроблю“.
— На що?—„Окрипецъ буду грити“.
— На що?—„Твойимъ дитямъ очи залываты“.
— На що?—„Щобъ у городець не лазылы“.
— А який у тебе огородець?—„Отакий,

(поднимаетъ руку вверхъ) до неба“!...—„А у мене оттакисенькій (наклоняется къ землѣ и показываетъ вышину въ четверть аршина), обгороженный тернынною й шипчыною, то й то не ла-

зють". Воронъ, засматривая съ той и другой стороны матки на конецъ протянувшихся лентою дѣтей, говоритъ:—„Кинѐць, йисты хо́чу!—„Пиды собй погры́зы на ду́бови ко́ру".—„Су́чий хвистъ, кобы́ляча голова́"! При этомъ восклицаніи воронъ старается оторвать себѣ крайняго съ конца, а матка, не допуская до этого, наровитъ стоять предъ нимъ сама.—Игра оканчивается, когда всѣ дѣти будутъ забраны вороном.

Игра въ „кра́сочки".—Для этой игры выбираются: ангелъ,—какой нибудь красивенькій мальчикъ, чортъ—какой нибудь „неуклюга", спорливый, сварливый мальчикъ, и распорядитель, или матка.—Распорядитель разсаживаетъ въ одну линію дѣтей; затѣмъ, вызывая къ себѣ въ сторону по одному, даетъ имъ названія цвѣтовъ: (синій, красный, голубой, „поднебе́сный").—Дѣти получивъ себѣ отъ распорядителя новое названіе, усаживаются на свои мѣста и ожидаютъ „бовъ-бовъ" и „дзень-дзень" (чорта и ангела). Къ сидящимъ подходитъ ангелъ и говоритъ: „Бовъ-бовъ"! Распорядитель, стоя спрашиваетъ: „Хто йдёть"?—„Ангелъ".—, „Зачимъ"?—„За кра́скою".—„За яко́ю"?—„За кра́сною".—Если съ такою краскою окажется сидящимъ въ ряду мальчикъ, то онъ моментально схвачивается съ своего мѣста и идетъ къ ангелу; если же не окажется такого цвѣта, то не полагается больше требовать другой до слѣдующаго раза.—„Дзень-дзень"! —Хто йдёть?—„Чортъ съ колоту́шкою".—Зачимъ?—„За кра́скою". —За яко́ю?—„За пиднебе́сною".—У каждаго изъ играющихъ является желаніе попасть къ ангелу. Когда всѣ мальчики разберутся, то они берутся за палку и начинаютъ перетягиваться, узнавая такимъ способомъ, кто изъ нихъ сильнѣе или ловче. Распорядитель присоединяется къ большинству или по условію. На этомъ и оканчивается игра.

Игра въ „пыжа̀". Игра въ „пыжа̀" состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ разсаживаетъ передъ собою мальчиковъ или дѣвочекъ, велитъ имъ наклониться къ себѣ на колѣни и, когда это будетъ исполнено, кидаетъ какую нибудь вещь чрезъ головы играющихъ, говоря: „Пишо̀въ пыжъ въ по́ле". Играющіе поднимаются и ищутъ брошенную вещь; тотъ, кто найдетъ, становится распорядителемъ, и т. д.

Игра въ „зóлота“.—Эта игра состоитъ въ томъ, чтобы отыскать „захóвану“,—спрятанную однимъ изъ играющихъ вещь; для чего играющіе садятся въ одну линію со сложенными межъ ногами (впереди) руками. Тотъ, кто будетъ прятать вещь, проходя съ края въ край, суетъ каждому свою руку и говоритъ: „Я зóлото хороню, хороню | „У бáтюшки въ теремý, теремý!

Въ это время кому нибудь бросаетъ вещь, иногда даже не замѣтно отъ другихъ.

Другой затѣмъ подходитъ и съ первого разу долженъ указать, у кого находится спрятанная вещь. Проходя по ряду, говоритъ: „и ты рай, и ты рай, а ты оддáй“. Если „вгадáетъ“, то садится на мѣсто того, у кого была вещь, а тотъ встаетъ и исполняетъ его обязанности, если же три раза подъ-рядъ явится отыскивать вещь и не найдетъ, то его женятъ. Прятавшій отводитъ его въ сторону и назначаетъ ему невѣсту; играющіе интересуются выборомъ, узнаютъ и, посмѣявшись вдоволь, продолжаютъ игру.

Игра въ „присьцà“.—Игра состоитъ въ томъ, что дѣти, взявшись за руки, строятся въ одну линію, держа руки горизонтально. Одинъ изъ играющихъ „мáтка“ беретъ въ руки „дубчикъ“ и прогоняетъ крайняго винтомъ межъ руками съ одного конца въ другой, такъ что каждый послѣдній становится первымъ. Тотъ ловокъ изъ играющихъ, кто, пробѣгая между руками, ускользнетъ отъ удара мáтки.

Игра у „скраклѝ“.—Въ эту игру играютъ двое, хотя можно и по-двое, по трое и т. д. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: отмѣриваютъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого два городка; по срединѣ между этимъ разстояніемъ выкапывается ямочка. Для каждаго городка полагается пять „скраклѐй“—небольшихъ отрубковъ, палочекъ; для играющаго же по двѣ хорошія палки—„битка“. „Скраклѝ“ укладываются такъ: сначала кладется поперегъ одинъ, затѣмъ на него три и наконецъ на эти три кладется пятый (горизонтально) параллельно первому поперечному. Играющій долженъ начинать сбивать „скракли“ въ чужомъ городкѣ отъ своего городка; если одинъ собьетъ три раза, тогда какъ другой—ни разу, или разъ—два, то игра начинается снова; причемъ второй—плохой игрокъ, везетъ на себѣ

верхомъ перваго къ другому противуположному городку. Прилегающая своимъ краемъ къ границѣ „скракля“ называется „попкомъ“. Онъ втыкается однимъ концомъ въ землю и такимъ образомъ, по отношенію къ площади, принимаетъ вертикальное положеніе; въ другой разъ онъ и сбивается въ такомъ же положеніи. Отъ колодца начинаетъ бить тотъ, кто собьетъ съ города хоть одинъ „скракóль“.

Игра въ „набòръ“.—Два, желающіе набрать себѣ войско, усаживаютъ играющихъ, и одному изъ нихъ должны доставаться тѣ, которые во время игры смѣялись, а другому напротивъ. Для этого заводится такой разговоръ съ каждымъ отдѣльно: показывая палочкой вверхъ спрашивается:—Шо тамъ такѐ?—„Нéбо“.—А це шо? (указываетъ на землю)—„Земля“.—А въ землѝ шо?—„Погрибѐць“.—А въ погрибцѝ шо?—„Кабанѐць“.—А въ кабаньци шо?—„Бубунѐць“.—А въ бубуньцѝ шо?—„Панъ та пáня“.—Шо воны рóблять?—„Пьють та гуля́ють, та по драбы́ни лáзють“.—Йишóвъ чоловѝкъ черѐзъ мистъ?—„Йишòвъ“.—Шо винъ нисъ? „Михъ“.—А въ михỳ шо?—„Смихъ“.—Подѣленная такимъ образомъ партія перетягивается на палкѣ.

Стоитъ крикнуть кому нибудь изъ играющихъ: „малà кýча“! мигомъ свáливается одинъ, а на него наваливаются и всѣ.

Игра въ „цýрки“ состоитъ въ искусствѣ такъ ударять „цурку“ по оконечности, чтобы она подпрыгивала вверхъ, а затѣмъ, ударяя её палкой на лету, посылать дальше.

Игра въ „мячъ“.—При этой игрѣ то мѣсто, гдѣ бьютъ мячъ, называется „гóродъ“; то, куда бѣгаютъ—„стýпка“; состязающіяся партіи одна, слѣдовательно, въ городѣ, другая уходитъ въ „запóле“, и одинъ изъ нихъ въ городѣ „гѝле“,—подаетъ мячъ; пáлка, которою бьютъ, называется „пы́лка“.

Когда дитя плачетъ, мать не то утѣшаетъ, не то дразнитъ его, вымѣщая на томъ свою досаду:

„Цыть, цыть (дóню), не плачъ!
Мáты спечѐ калàчъ,
Медкòмъ помáже,
Й тобѝ покáже.
Пóтимъ тóго сама й ззисьть,
А тобѝ—дýлю пидъ нисъ“.

Когда дитя сдѣлаетъ какую нибудь „шко́ду“, то мать или кто нибудь беретъ его за чубъ, ухо и, выдирая, въ тактъ припѣваетъ: *)

„Кара́сю, кара́сю,
Чого̀ ты дожда́вся?
Чи лы́сого горобця̀,
Чи пойи́хавъ по дровця̀,
Чи хринъ, чи кача̀нъ,
Чи пшоно̀-ришино,
Чи рубѐль, чи кача́лка“?

Чтобы начать снова, присказываютъ: „кача̀въ, кача̀въ, та впьять нача̀въ“... Дитя сначала думаетъ, что съ нимъ играютъ; когда же видитъ, что эта „и́грашка“ безъ конца и становится больно, начинаетъ плакать.

Дѣти, расходясь съ какой нибудь игры, стараются кого-нибудь ударить—„дать ла́тку“; при этомъ одною рукою придерживаетъ, а другою бьетъ и присказываетъ:

„Ла́тка-бы́тка,
Шо́вкова ны́тка!
На тобѝ во́ши,
А минѝ—гро́ши,
А якъ не оддасы̀,
За́втра въ борщѝ
изйисы̀“.

Получившій „ла́тку“, въ свою очередь, старается хоть разъ ударить.

Образцы народнаго каламбура, первоначальныхъ дѣтскихъ сказокъ и народныхъ молитвъ:

„Товчу̀, товчу̀ макъ,
За сту́пою—дякъ.
Чого̀, дя́че, пла́чешъ?
—„Спекла̀ ма́ты
кнышъ“.
Дежъ той кнышъ?
—„Изйи́ла мышъ“.
Дежъ той мышъ?
—„Побѝгъ пидъ пры́
пичокъ“.
Дежъ той пры́пичокъ?
—„Мо́ре залыло̀“.
Дежъ те мо́ре?
—„Быкѝ попылы̀“.
Дежъ ти быкѝ?
—„Коло́да побы́ла“.
Дежъ та коло́да?
—„Че́рвы поточи́лы“.
Дежъ ти че́рвы?
—„Ку́ры пойи́лы“.
Дежъ ти ку́ры?
—„Шули́ки похва-
та́лы“.
Дежъ ти шули́ки?
—„У лисъ полети́лы“.
Дежъ той лисъ?
—„Цвитка́мы за-
рѝсъ“.
Дежъ ти цвиткѝ?
—„Порва́лы дивкѝ“.
Дежъ ти дивкѝ?
—„Женыхѝ побра́-
лы“.
А дежъ ти женыхѝ?
—„На войну̀ пиш-
лы̀“.

* * *

„Здоро́въ бувъ!
—„Хливъ городю̀“.
Та Бо́же поможѝ!
—„На свы́ни“.
А, шобъ воны̀ тобѝ подо́хлы̀!
—„Спасы́би“.

* * *

„Здоро́въ бувъ!
—„На я́рмарку бувъ“.

*) Чаще упражняются въ этомъ сами между собою пастухи.

Та Бо́же тобѝ поможѝ!
—„Эге, купы̀въ кобы̀лу та во́жжи“.

Бода́й вонò тобѝ распропа́лò!
—„Спасы̀би, такъ же й васъ“.

* *

„Охъ, мойѐ не́нько,
Уже й сме́ркло—нераненько!
(Чоловѝкъ берѝгъ ти́льну коро́ву)
Свиты̀ мирыцѝй, Га́лько.
Намъ Богъ давъ теля̀тко!

А подывы̀сь, лышъ, Денысе,
Чи вонò, суча̀й, не лысе!?.
—„Лы̀се, жи́нко, лысе“!..
(А Деныс̀ъ та въ ха́ту жи́ньци
Не теля̀,—соба́ку ны̀се..)

* *

„Ка́зка зака́зка
Зали́зла за ла́вку,

Хво́сты задра́ла,
Ни́жки (тро́щци) показа́ла“.

* *

Бувъ собѝ чоловѝкъ Са́шка,
Въ е́го була̀ сы̀ня семерѝжка,

На головѝ повстя̀на̀ ша́почка
А на штаньця̀хъ красне́нька латочка.

„Чи хоро́ша моя ка́зочка“?—Выслушавшій это говоритъ: „хоро́ша“, або „пога́на“, а расказчикъ начинаетъ вновь, прибавляя: „ты ка́жешъ: хоро́ша, абò пога́на, и я кажу̀: хоро́ша—пога́на“, и т. д.

Заботливая мать, укладывая дитя спать, читаетъ такую молитву:

„Хрестъ постелю̀,
Хрестòмъ укры̀юсь.
Самъ Богъ у головàхъ,
Святѝйи у ногàхъ,
А я̀нголы по бокàхъ.

Янголы храны̀тели!
Храны̀тъ мою̀ (Йва́ньчину) ду́шу
Изъ ве́чера до пи́вночи,
А зъ пивночи до ра́нку,
А зъ ра́нку й до би́лого дня“!

П. М. Шинкаревъ.

13.—Сл. Курячевка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Заговоры.—Занятіе.—Религіозность, умственное состояніе.—Положеніе женщины.—Свадебные обряды и пѣсни.—Родины и похороны.

Курячевка, находящаяся на разстояніи 60 верстъ отъ Старобѣльска, расположена по обѣимъ сторонамъ р. Деркулъ. Когда именно осѣли здѣсь первые поселенцы, точно опредѣлить нельзя, хотя, впрочемъ, преданіе относитъ первое поселеніе къ концу царствованія Петра Великаго или къ началу царствованія Екатерины I-й. Первымъ поселенцемъ, гласитъ преданіе, былъ выходецъ изъ сл. Терновъ Харьк. губ. малоросъ-земледѣлецъ Даміанъ Курячій съ тремя сыновьями, отъ прозвища котораго и произошло названіе Курячевка. Рѣка Деркулъ, на которой расположена Курячевка, не такъ давно, какъ помнятъ старожилы, отличалась необыкновенною глубиною и чрезвычайнымъ изобиліемъ рыбы. Теперь же отъ этой славной рѣки остался жалкій ручеекъ, который въ сухое лѣто высыхаетъ окончательно. Мѣстность, по направленію отъ сл. Курячевки къ сѣверу и западу, была богата лѣсами, жалкіе остатки которыхъ существуютъ еще и теперь. Въ одномъ изъ этихъ лѣсовъ водились массами звѣрьки, по описанію очень похожіе на бѣлокъ. По ярамъ росло очень много терну, который въ доброе старое время тщательно оберегался крестьянами и рвался не иначе, какъ цѣлымъ обществомъ, такъ что въ зиму на долю каждой семьи доставалось его по нѣсколько мѣшковъ. Теперь отъ этихъ терновъ остались лишь жалкіе слѣды, лишь изрѣдка торчатъ небольшіе и совершенно безплодные кусты этого растенія.

Жителей въ Курячевкѣ до 3,500 д. об. п.; инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жилище. Хаты въ послѣднее время, по случаю безлѣсья и дороговизны строительнаго лѣснаго матеріала, по большей части строятся „лампаговыя“ (глиняный кирпичъ). Даже люди зажи-

точные и богатые, которыхъ нужда заставляетъ строитъ себѣ жилище, и тѣ строятъ его изъ лампага. Помѣстительность крестьянскихъ хатъ бываетъ различна, смотря и по достатку хозяина, и по количеству семьи. По большей части строятся двѣ хаты рядомъ: одна большая, собственно хата, другая маленькая—„хатына"; но у нѣкоторыхъ богатыхъ случается три и даже четыре комнаты, и, хотя очень рѣдко, встрѣчаются хаты съ полами. Если хата деревянная, то у мало-мальски зажиточнаго хозяина стѣны въ одной изъ комнатъ непремѣнно мытыя. Въ переднемъ углу помѣщаются иконы, по большей части самой простой Суздальской работы въ фольговыхъ ризахъ, у богатыхъ встрѣчаются иконы въ серебрянныхъ ризахъ. Крестьянинъ падокъ на численность иконъ, мало обращая вниманія на живопись и украшенія, такъ что у нѣкоторыхъ крестьянъ иконами занятъ не только передній уголъ или „пóкутъ", но и вся передняя стѣнка и до половины прилегающія къ ней боковыя. Иконы, особенно въ праздничные дни, обязательно бываютъ убраны рушниками домашняго приготовленія съ вышивками, а кто побогаче, у того купленными. Столъ, стоящій около передняго угла, рѣдко застилается скатертью, только лишь у бѣдняковъ и мало-зажиточныхъ, а по большей части суконнымъ тканымъ ковромъ, на пóлѣ котораго расположены рядами небольшіе, вытканные же кресты; ковры эти очень напоминаютъ собою старинную малороссійскую плахту, только лучшей и болѣе чистой работы.

Передній уголъ,—это самое почетное мѣсто въ крестьянской хатѣ, тогда какъ порогъ считается самымъ послѣднимъ, и постоять въ чужой хатѣ у порога крестьянинъ считаетъ для себя унизительнымъ. Около порога непремѣнно помѣщается большая печь, раскрашенная синькою въ видѣ звѣздочекъ. Дворовыя крестьянскія постройки обыкновенно располагаются такимъ образомъ: отъ дома идетъ небольшой плетень или заборъ, отдѣляющій дворъ отъ улицы, далѣе ворота, за воротами рядомъ слѣдуетъ или амбаръ, если таковой не вынесенъ куда-нибудь на токъ, что встрѣчается чаще,—или же сарай изъ „саману", въ которомъ крестьянинъ помѣщаетъ мягкій хлѣбъ (ячмень, овесъ), а также запасную одежду и проч.; далѣе, въ видѣ гла-

голя, у мало-мальски зажиточнаго хозяина располагаются сараи, для помѣщенія повозокъ, саней, плуговъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ принадлежностей. Внутренняя сторона двора, отдѣляющая его отъ крестьянскаго тока, почти всегда застроена помѣщеніями для домашняго скота.

Крестьянская будничная **одежда** мужчинъ состоитъ изъ полотнянной сорочки и такихъ же штановъ,—хотя крестьянина болѣе зажиточнаго никогда не увидишь въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ, а всегда въ черныхъ, купленныхъ,—капота, черкесиноваго или какой нибудь дешевой матеріи, и самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна свиты, сшитой капотомъ, а зимою бѣлаго нагольнаго или дубленаго кожуха; тогда какъ въ праздничные дни крестьяне бываютъ одѣты, особенно молодые парни, въ ситцевую или бѣлую вышитую сорочку, черные штаны, которыя носятъ на выпускъ, и сапоги, вычищенные ваксой, суконный пиджакъ или капотъ въ теплое время, а въ холодное — стеганный на ватѣ; въ зимнее же время — полушубокъ, крытый сукномъ, или какой нибудь другой матеріей. Крестьянскія бабы въ будничные дни бываютъ одѣты въ круглую широкую кофту и юбку безъ оборки, широкое пальто бѣлаго самодѣльнаго сукна, или стеганную кофту; голова повязывается маленькимъ платочкомъ. Въ праздничные же дни женщины бываютъ одѣты въ шерстяные или суконные кофты и юбки, на ногахъ красные сапоги, а лѣтомъ башмаки или ботинки съ резинами, ситцевыя или миткалевыя рубашки, стеганное пальто или кофты, покрытыя „амбукомъ“ и отдѣланныя плисомъ, а зимою—крытые сукномъ кожухи. Дѣвки и бабы покрываются кашемировыми и шелковыми платками, а повязокъ почти не носятъ,—лишь изрѣдка можно увидѣть дѣвку въ повязкѣ, а бабу въ очипкѣ; молодыя же бабы носятъ, вмѣсто повязокъ, ситцевые или бѣлые миткалевые чепчики.

Крестьянская **пища,** особенно въ послѣднее время, по случаю мѣстныхъ неурожаевъ, отличается большою скудностью и однообразіемъ. Тѣ же борщъ, каша, галушки и картофель служатъ постоянною пищею какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ семействъ; различіе состоитъ только въ томъ, что богатый ѣстъ все это съ саломъ или масломъ, а по праздникамъ даже

съ мясомъ и рыбой, а бѣднякъ или даже и средній крестьянинъ ѣстъ большую часть года пищу совершенно постную, т. е. безъ сала, масла и рыбы. Вліяніе городское, какъ и вездѣ, замѣчается среди крестьянъ и въ этомъ отношеніи: человѣкъ богатый имѣетъ непремѣнно самоваръ, нѣсколько тарелокъ, вилокъ и ножей; послѣдніе, впрочемъ, онъ рѣдко пускаетъ въ употребленіе и самъ вилкою никогда не ѣстъ, развѣ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ семьяхъ побѣднѣе около порога на полкѣ непремѣнно красуется двѣ—три чашки, чайничекъ и, замѣняющій собою самоваръ, большой чайникъ для нагрѣванія воды. Свои помѣщенія крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Къ врачамъ и фельдшерамъ, относятся благосклонно, особенно въ эти послѣдніе годы крестьяне начали вѣрить въ медицину, но нерѣдко обращаются за помощью къ знахарямъ, ворожеямъ и бабкамъ. Если заболѣваетъ ребенокъ или взрослый—безсонницей, то его несутъ или ведутъ къ бабкѣ. Бабка беретъ больного, несетъ или ведетъ его въ тотъ сарай, гдѣ на ночлегъ садятся куры и читаетъ слѣдующую молитву: „Куры, курицы, адамовы дочкы, крылати, орлати, дайте намъ сонлывци, а соби возмыть ношныци, и понысить ихъ на очерета, па болота, де витеръ не вие, сонечко не грие и, хрыстиянскій голосъ не заходе, зъ хрыщеннаго, новорожденнаго, молытвяннаго (называютъ—по имени) младенця или раба Божого". Дѣтей лечатъ отъ безсонницы еще такимъ образомъ: беретъ бабка ребенка на руки на вечерней и утренней зарѣ, поворачивается на востокъ и читаетъ молитву: „Во имя Оця и Сына, и Святаго Духа, аминь. Не я помогаю, самъ Господь помогае. Заря зарниця, красна дивыця; заря раня, заря пизня, возьмы мои крыклывци и несонлывци, понесы у чисте поле, у темни лиса. Тамъ вамъ гуляты и роскошуваты, новорожденному, хрыщенному и молытвянному младенцю (имя) спаты".

Если ребенка или взрослаго кто „сглазитъ", бабки лечатъ отъ „урокивъ"и читаютъ сначала „Во имя Отца", а потомъ слѣдующую молитву: „Не я помогаю, самъ Господь Сусъ Хрыстосъ. Уроки урочыци, прозоры прозорыци, витряни и водяни, испытани, изйидени, подумани и погадани, парубоцки и дивоцькы,

мужыцьки и жиноцьки. Выклыкаю, вызываю и вышыптую; тутъ вамъ не стояты, кости не ломыты и щирого серця не тошныты. Зийдыть соби на очерета, та на болота, де витеръ не вие и сонечко не грие, хрыстиянский голосъ не заходе, съ хрыщеннаго и молытвянаго раба Божого (имя)". Если у кого на глазу бѣльмо, то бабки читаютъ молитву: „Йихавъ пáнъ Билыньскій, изъ билои горки, на билому кони, у билому плати, и зъ билымъ копьемъ, и зъ билымъ хортомъ; копьемъ тебе сколе; хортомъ тебе строе, отъ жовтои кости до червонои крови. Я съ словами, а самъ Господь Сусъ Хрыстосъ съ помичью. Новорожденнаго, хрыщенаго и молытьвянаго раба (или рабу) Божого (имя)". Если у кого болитъ голова или болятъ глаза, то говорятъ: „це налягла кровъ", а потому идутъ къ бабкѣ лечиться отъ крови, и бабка лечитъ, читая слѣдующую молитву: „Во имя Отця, и Сына, и Св. Духа. Поможи мини, Господы, отъ кровы шептаты. Кровъ витряна, водяна и вихряна; выкликаю, вызываю и вышиптую,—розийдыся, кровъ, по шкури, яко вода по рики, такъ и кровъ по шкури, по всихъ жилахъ и по суставахъ; тутъ тоби не стояты, кости не ломыты, и зайды соби на очерета, де витеръ не вие, сонечко не грие, и христыянский голосъ не заходе, съ хрыщеннаго, новорожденнаго и молытвянаго раба Божого (имя)". Если у кого болятъ зубы, то бабка выводитъ его на дворъ, ставитъ напротивъ молодого мѣсяца и заговариваетъ такъ: „Младъ мисяцъ на неби, а дубъ у лиси, коринь у земли, а каминь у води; якъ ци чотыри брата умисти посидять, тоди у раба Божого, новорожденнаго, хрыщеннаго и молытвянаго (имя) зубы заболять".

Главное **занятіе** жителей сл. Курячевки составляетъ земледѣліе, но въ послѣднее время, благодаря неурожайнымъ годамъ, крестьяне, не оставляя земледѣлія, ищутъ подспорья для своего хозяйства въ мелкой торговлѣ и отхожихъ промыслахъ. Весною народъ, по преимуществу молодежь обоего пола, отправляется на заработки въ Донскія мѣста, на Кавказъ и Волгу. Очень многіе въ лѣтнее же время отправляются на торговлю, извѣстную по мѣстной терминологіи подъ именемъ „ниточництва". Занимающійся этимъ промысломъ покупаетъ у

оптоваго торговца различную мелочь—мыло, нитки, пуговицы, кружева, ленты, снурки и т. п., и потомъ отправляется по деревнямъ и преимущественно по хуторамъ обширной Донской области, гдѣ и сбываетъ свой товаръ за очень хорошія цѣны. Этотъ промыселъ очень выгоденъ, что видно уже изъ одного того, что хозяева—ниточники платятъ своимъ работницамъ—продавщицамъ по 70, 100 и 150 руб. въ лѣто. Другіе же изъ жителей занимаются собираніемъ яицъ и различной домашней птицы, а потомъ все это сбываютъ въ центральные сборные пункты, находящіеся въ Донскихъ мѣстахъ. Пчеловодствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать двухъ, трехъ хозяевъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ болѣе тридцати ульевъ пчелъ.

Религіозность. Православная вѣра, исповѣдуемая здѣшнимъ народомъ, выражается многими сторонами ихъ жизни: правилами, порядками и завѣтными обычаями, придавшими ихъ жизни отпечатокъ христіанской церковности; они ко всякому дѣлу приступаютъ съ крестнымъ знаменіемъ и призываніемъ имени Божія, Христова. Утромъ и вечеромъ они обязательно молятся Богу; съ молитвой приступаютъ къ постройкѣ дома; освятивъ построенный домъ церковной молитвой, начинаютъ жить въ немъ. Въ домѣ первое украшеніе—это св. иконы. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда принято за неизмѣнное правило помолиться Богу.

Въ особыхъ случаяхъ семейнаго быта радостныхъ и скорбныхъ служатъ молебны, напримѣръ: предъ совершеніемъ браковъ, во время болѣзни, падежа скота, долгой засухи, пропажи, утери чего-либо. Въ воскресные и праздничные дни, оставивъ свои житейскія дѣла, посѣщаютъ церковныя службы, особенно утреню и литургію, ежегодно бываютъ у исповѣди и св. Причастія, приготовляясь къ этимъ таинствамъ говѣньемъ и примиреніемъ съ ближними, особенно съ кѣмъ были въ ссорѣ, и, прося прощенія, кланяются въ поясъ, а старѣйшему годами кланяются въ землю до трехъ разъ. Посты блюдутъ строго въ отношеніи пищи.

Нѣкоторые дни, важные въ христіанской церкви отмѣчаются особыми обычаями и обрядами, напримѣръ: въ повечерія Рож-

дества и Крещенія Господня приготовляются на вечерю кутья и взваръ изъ плодовъ и ставятся въ переднемъ углу подъ образами на сѣнѣ. На Крещеніе—заготовляется освященная вода и хранится для больныхъ. Изъ утрени великаго четверга, т. е. со „страстей", возвращаются съ заженными свѣчами, которыми выжигаются кресты на матицѣ или сволокѣ дома, и долго не стираются. Къ празднику Пасхи пекутся куличи (пасхи) и заготовляются крашеныя яйца, которыми, между прочимъ, обмѣниваются при христосованіи. На Пятидесятницу (Троицу) дома украшаются зеленью, древесными зелеными вѣтками; цвѣтами и травой выстилается полъ въ домѣ. Знаютъ они дни поминовенья усопшихъ (родительскія субботы). Не всегда, не ежегодно, но случается—отправляются на богомолье въ монастыри, къ мощамъ угодниковъ: въ Воронежъ, Задонскъ, Кіевъ, Св. горы. Ради Христа подается милостыня нищимъ; при скудности средствъ,—хоть ломоть хлѣба, а иногда ковшъ зерна, муки, аршинъ-два холста; подаютъ голодающимъ, пострадавшимъ отъ пожара, калѣкамъ, разнымъ прохожимъ, словомъ всѣмъ просящимъ; даже, случалось, и обманщикамъ. Въ послѣдніе годы много являлось восточныхъ людей, подъ именемъ грековъ изъ Іерусалима, и получали обильное подаяніе. Когда былъ набожнѣе народъ,—теперь или въ прежнее время,—свидѣтельствовать трудно. Слышны похвалы старому времени, старымъ прежнимъ людямъ, что они къ старшимъ были почтительнѣе, при отдачѣ долговъ честнѣе; тогда росписокъ, векселей не знали и вѣрно отдавали ссуженное въ долгъ, а теперь нѣтъ прежняго довѣрія.

Умственное состояніе народа нельзя назвать удовлетворительнымъ. Народъ, повидимому, смышленный, бывалый, бойкій, много хорошаго видѣвшій,—въ своемъ же житейскомъ быту мало сдѣлалъ улучшеній:—полеводство, огородничество, скотоводство ведутся по стародавнему, какъ было у предковъ; въ хлѣбопашествѣ—тѣ же орудія для обработки земли: тяжелыя и неудобныя; удобренія земли не знаютъ, травосѣянія тоже, хотя хлѣбопашество есть исключительное занятіе жителей. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ; здѣсь до послѣдняго

времени были и есть сторонніе бондари, сапожники, кузнецы, скорняки; нѣтъ никого знающаго садоводство, чтобы умѣть хотя привить плодовое дерево, и нѣтъ охоты къ садоводству; не въ ходу и пчеловодство: нѣтъ ни одной хорошей пасѣки. Однакожъ не должно умолчать, что замѣчается какъ бы поворотъ къ улучшенію веденія хозяйства: заводятся желѣзные плуги, есть въ слободѣ вѣялки, были попытки заводить конныя молотилки; появились мѣстные сапожники, портные, столяры— для нуждъ населенія; стали возводить „саманныя" постройки; есть даже небольшое заведеніе для выдѣлки кожъ для сапожнаго товара. Нужда улучшить свое хозяйство есть, но вводится лучшее слабо, медленно; по привычкѣ ли къ прежнимъ порядкамъ, нерѣшительности выступить новаторомъ, или по недостаточности средствъ, но только лучшее вводится недружно, только немногими.

Учебнымъ заведеніемъ для просвѣщенія народа служитъ начальное народное училище, существующее съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ немъ всегда было довольно учащихся мальчиковъ, а въ послѣдніе годы оно переполнено ими, и въ числѣ учащихся стали появляться дѣвочки. Грамотныхъ, научившихся въ этомъ училищѣ читать, писать, считать, уже много въ слободѣ; найдется мало семействъ, въ которыхъ нѣтъ грамотнаго. Чтеніемъ для грамотныхъ служатъ преимущественно книги религіозно-нравственнаго содержанія: Четьи-Минеи, Псалтырь, Новый завѣтъ, Указаніе пути въ царство небесное митрополита Иннокентія, Исторія ветхаго и новаго завѣта. Въ народномъ обращеніи свѣтскаго содержанія книгъ весьма мало: „Соломонъ", оракулы, нѣкоторыя сказки. Первыя передаются по наслѣдству отъ предковъ и выносятся изъ монастырей, изъ Кіева, при паломничествѣ туда; послѣднія книжки, брошюры покупаются у офеней—разныхъ коробейниковъ. Къ ученію грамотѣ расположеніе и охота увеличиваются съ каждымъ годомъ, но только по житейскимъ нуждамъ не всегда учащіеся своевременно поступаютъ въ училище; рано весной, для услугъ въ домѣ, хозяйствѣ, ученики оставляютъ училище, и отъ этого изъ числа учащихся мало держатъ выпускной экзаменъ, который бываетъ въ концѣ мая, когда полевыя работы въ полномъ ходу.

Отношенія малороссовъ къ великороссамъ вообще враждебныя. Хотя у насъ нѣтъ осѣдлыхъ великороссовъ, но при встрѣчѣ малоросса съ великороссомъ на какой нибудь работѣ, сейчасъ можно замѣтить ихъ обоюдное враждебное отношеніе. Часто приходится слышать, какъ ссорятся малороссы съ великороссами, если приходится имъ работать вмѣстѣ. Особенно любитъ малороссъ поддразнить великоросса, называя его „кацапомъ“ и „лапотникомъ“, а великороссъ въ свою очередь дразнитъ малоросса „мазепомъ“. Если приходится косить тѣмъ и другимъ вмѣстѣ траву или хлѣбъ, то великороссъ находитъ, что онъ лучше и скорѣе коситъ, и всегда самодовольно говоритъ: „ты, мазепъ, моимъ махомъ хлѣбъ ѣшь“. Враждебно также относятся малороссы и къ цыганамъ. Особенно не любитъ онъ цыгана за то, что тотъ часто божится, разсказывая правду или неправду, и не имѣетъ къ нему никакого довѣрія, а потому говоритъ: „цы́гане, я тобі́ не ві́рю: твий Богъ у свыны́ньци на терны́ньци“. Разсказываютъ крестьяне также, что цыганамъ не грѣхъ божиться, потому что они спрятали Спасителя въ будку, когда его хотѣли убить жиды за то, что онъ изгналъ изъ храма торжниковъ. Когда его искали жиды и спрашивали у цыганъ, то цыгане божились, что его не видѣли и у нихъ въ будкѣ нѣтъ. „Вамъ божиться не грѣхъ, за то, что вы меня спасли“, сказалъ имъ Спаситель. Между малороссами даже вошли въ пословицу слѣдующія слова: „не бреши́, якъ цы́ганъ“, или „та бре́шешъ, якъ цы́ганъ“, если онъ не вѣритъ что нибудь разсказчику.

Положеніе женщины въ семьѣ вообще рабское. По выходѣ замужъ она находится въ самомъ угнетенномъ состояніи, какъ то: работаетъ самыя тяжелыя работы и все, что ей прикажутъ, она должна выполнить исправно. Не спросившись старшихъ, она не должна никуда не отлучаться и не начинать никакого дѣла. Первые годы своего замужества она должна подавать завтракъ, обѣдъ и ужинъ на столъ, а сама ѣстъ стоя, не садясь за столъ, а набравши въ ложку щей или каши, каждый разъ отходитъ къ порогу, выѣдаетъ изъ ложки и опять подходитъ къ столу набирать. Въ права хозяйки женщина входитъ тогда, когда остается старшей въ семьѣ; тогда только она дѣлается всѣми уважаемой и ей отдаютъ особое предпочтеніе.

Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ—зависитъ отъ этихъ послѣднихъ. Если дѣти почитаютъ родителей и бываютъ послушны, то родители ихъ любятъ и стараются пріобрѣтать для нихъ все необходимое; если же дѣти непослушны, то родители, несмотря на то, что ихъ сынъ, напримѣръ, человѣкъ семейный, гонятъ его со двора, не давши ему ничего. Иные хозяева со своими наймитами, обращаются хорошо, какъ со своими дѣтьми, другіе обращаются безчеловѣчно, притѣсняя то тѣмъ, то другимъ, и заставляютъ исполнять самыя тяжелыя работы.—Пьянство въ народѣ не особенно развито, кабаки посѣщаютъ рѣдко.

Сватовство между крестьянами происходитъ слѣдующимъ образомъ: когда сынъ достигаетъ совершеннолѣтія, отецъ приглашаетъ двухъ человѣкъ сосѣдей или хорошихъ знакомыхъ въ старосты и проситъ ихъ пойти сватать за его сына дѣвку, по желанію жениха, т. е. гдѣ жениху понравится невѣста. Отецъ даетъ старостамъ хлѣбъ и тѣ идутъ или ѣдутъ вмѣстѣ съ женихомъ сватать невѣсту; причемъ женихъ одѣтый въ суконной капотъ, или крытый сукномъ кожухъ садится обязательно на козлахъ. Войдя или пріѣхавши во дворъ невѣсты, они не входятъ въ хату, а прежде всего одинъ изъ старостовъ подходитъ къ окну со двора, и говоритъ: „добрый день", если днемъ, а если вечеромъ то: „дай, Боже, вечеръ добрый", имъ хозяинъ отвѣчаетъ: „здраствуйты"; „пускайты на хватырю" (квартиру) продолжаютъ старосты; „мылосты просымъ", отвѣчаютъ хозяева, тогда старосты входятъ въ избу. По входѣ въ избу, крестятся и даютъ въ руки хозяину принесенный хлѣбъ, а сами по приглашенію хозяевъ садятся на лавку у стола. Поговоривъ немного о постороннемъ, старосты приступаютъ къ дѣлу, начиная такъ: „пытайты добри люды, чого мы до васъ пришлы",—имъ отвѣчаютъ: „скажыте".—„А ось чого мы прийшлы у васъ йе дивка, а у насъ парубокъ, такъ оце мы прийшлы свататы за его вашу дивку". Поговоривъ нѣсколько на эту тему, въ избу вводятъ дѣвку, чтобы она посмотрѣла на жениха, а женихъ на нее. Если жениху понравится невѣста, то старосты приходятъ нѣсколько разъ, пока не посватаютъ, или не получатъ отказъ и имъ возвратятъ хлѣбъ, ими принесенный.

Когда посватаютъ дѣвку, она идетъ собирать на „змо́вины“ дружекъ—(подругъ), собравши, вводитъ ихъ въ избу. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ восковыя свѣчи, прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ, и всѣ начинаютъ молиться Богу. Помолившись Богу, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери невѣстинному и жениховому, а потомъ и прочимъ роднымъ; при этомъ дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

„Ой, пропо́ю пропо́ю!
Та пропывъ ба́тько до́чку,
Въ вышне́вымъ садо́чку,
На соло́дкому медо́чку,
На зеле́ному гильи,—
Та не жаль дочки мини.
На кого ты, тай Ма́рьечка, упова́ла,
Що ты соби тай Ива́на спо-добала,
Чи на его худо́боньку, чи на гро́ши,
Чи на его уро́доньку, що винъ хоро́ший“.

Послѣ того, какъ поклонятся, молодая беретъ тарелку, кладетъ платокъ на тарелку и сама перевязываетъ старостовъ; въ это время дружки выходятъ изъ хаты, а въ хатѣ остаются старики. Сватъ подноситъ всѣмъ гостямъ водку и проситъ на „оглядыны“. Послѣ этого старики ѣдутъ къ жениховому отцу и гуляютъ, а женихъ остается у невѣсты, и вся молодежь гуляетъ всю ночь. На разсвѣтѣ старики пріѣзжаютъ домой, а женихъ остается у невѣсты; утромъ его угощаютъ: даютъ ему позавтракать и съ хлѣбомъ провожаютъ домой. Черезъ недѣлю послѣ „змо́вынъ“ бываетъ „сва́танье“. На сватанье пріѣзжаютъ сваты; ихъ угощаютъ пирожками, жаркимъ, и сватъ подноситъ по рюмкѣ водки; затѣмъ приходитъ невѣста и цѣлуется со всѣми; потомъ невѣсту посылаютъ за дружками. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ; невѣста съ женихомъ молятся, положивши по 3 поклона, кланяются въ ноги отцу, матери и всѣмъ роднымъ по 3 раза, а ихъ благословляютъ—иконою и хлѣбомъ. Послѣ благословенія садятся сваты и женихъ съ боярами за столъ, мать приноситъ платки и отдаетъ невѣстѣ, а невѣста даетъ ихъ жениху и боярамъ, потомъ перевязываетъ отца, мать и всѣхъ родныхъ; при этомъ каждый отдариваетъ деньгами, кладя ихъ на тарелку. Когда невѣста окончитъ даренье, свекоръ беретъ графинъ и даетъ невѣстѣ, а невѣста дружкѣ; дружка беретъ графинъ, а невѣста тарелку

съ рюмками, дружка наливаетъ, а невѣста подноситъ жениху первому и сама беретъ рюмку, и пьютъ, а потомъ отцу, свекру; свекоръ отсылаетъ къ невѣстиному отцу и матери. Когда невѣстины отецъ и мать выпьютъ, тогда пьютъ свекоръ и свекровь, а затѣмъ и всѣ родные; притомъ каждый за водку кладетъ на тарелку невѣстѣ въ подарокъ деньги. Въ это время дѣвки поютъ пѣсни:

„Ой! не зна́ла, тай не выда́ла,
Колы сва́шинька найи́хала,
Ой, го́рдая, тай спысы́вая,
Та ще къ тому тай вродлы́вая.
Ты Ма́рьечка, ты Степа́новна,
Зайды, зайды зъ высоко́го те́рэма,
Прыголу́бъ ты я́сного со́кола,
Ясного со́кола тай зажи́тьняго,
До́брогомо́лодця тай прыйизжаго,
А Ива́нка тай Его́ровыча“.

Когда молодая обноситъ, тогда дружекъ провожаютъ изъ хаты, а сватамъ даютъ обѣдать. Пообѣдавши, свекоръ подноситъ по рюмкѣ и проситъ къ себѣ всѣхъ гостей. Гости всѣ уходятъ или уѣзжаютъ къ свекру гулять, а женихъ остается съ боярами у невѣсты, и вотъ невѣста съ подругами начинаютъ варить вареники и угощаютъ всѣхъ, кто бы ни былъ въ хатѣ. Поѣвши вареники, всѣ зрители уходятъ, а въ хатѣ остаются нѣсколько дѣвокъ, женихъ и бояринъ; тутъ начинаютъ ужинать, пьютъ водку и садятся за столъ парубки съ дѣвками парами. Послѣ ужина ложатся спать.

Свадьба по большей части назначается на воскресенье, а въ пятницу и субботу невѣста ходитъ просить сосѣдей и знакомыхъ лѣпить шишки. Собираются женщины и начинаютъ лѣпить „шишки“, „лежень“ и „каравай“. „Каравай“ лѣпятъ такъ: въ „дижу“ сыплютъ муки, льютъ воды, зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ дижѣ. Тѣсто мѣситъ мужчина указательнымъ пальцемъ, и когда заколотитъ тѣсто, тогда мать невѣсты подноситъ по рюмкѣ водки, и, по выпивкѣ водки, женщины начинаютъ лѣпить каравай, при этомъ поютъ пѣсню:

„Тро́йця по це́ркви ходы́ла,
Спа́са за ру́чку воды́ла.
Ой, ходимъ, Спасъ, до насъ:
У насъ усѐ горàздъ:
Хоро́ший карава́йныци.
Хоро́шенько каравай баютъ,
Ве́село спива́ютъ“.

Въ субботу подъ воскресенье бываетъ „подвиси́локъ“. Къ „подвиси́лку“ убираютъ столъ такимъ образомъ: ставятъ два стола въ длину, покрываютъ ихъ скатертями, по всѣмъ угламъ кладутъ

шесть хлѣбовъ, а посрединѣ кладутъ „ле́жень“ (длинный большой хлѣбъ, убранный шишками и калиною). Въ „ле́жень“ втыкаютъ „ги́льце“ (вишневая вѣтка, убранная бумажными цвѣтами, калиною, лентами и конфектами). На тарелкѣ передъ невѣстою ставятъ калачъ, убранный калиною, лентами съ красными нитками, а на него кладутъ двѣ ложки, связанныя красною лентою. Пока убираютъ столъ, невѣста ходитъ, сзываетъ дружокъ и, собравши ихъ, приводитъ въ первую избу. Тутъ начинаетъ невѣста молиться Богу; затѣмъ ведутъ ее въ сѣни и тамъ ее благословляютъ отецъ съ матерью, при чемъ она кланяется имъ въ ноги. Послѣ благословенія невѣсту беретъ поддружій за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и сажаетъ ее за столъ. Въ это время невѣста бываетъ одѣта въ шерстяную кофту, юбку и фартухъ,—широкое ватное пальто, подпоясана сверхъ пальто расшитымъ „рушникомъ“, на шеѣ имѣетъ „намы́сто“, на ногахъ красные сапоги, вся спина бываетъ покрыта лентами, которыя привязываются къ „намы́стамъ“ и вплетаются въ косу, заплетенную широко въ „дрибушки“, лежащую на спинѣ, убранную лентами и цвѣтами, а голова повязана шелковымъ платкомъ; къ повязкѣ прикалываютъ цвѣты. Посадивши невѣсту за столъ, начинаютъ подносить всѣмъ водку, а невѣста, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ въ отдѣльности, кто пьетъ водку; въ это время дѣвки поютъ:

„А въ оця̀ Мыко́лы
Уда́рыли у дзво́ны,
А Ма́рьечкинъ ба́тько
По дво́ру хо́де,
По дво́ру хо́де,
Зъ Бо́гомъ гово́ре:
„Ой, ма́ю я, Го́споды,
Дочку́ видда́ты,
Прыйды, огляды
И до́лею одары̀“.
„Я Самъ не пийду̀.
Янгуливъ пошлю̀:
Янгулы оглядя̀ть
И до́лею одря̀ть“.

* * *

„Полыну́ли голу́боньки
У по́ле, гуду́чи,
Ма́рьечкино дивуванье
Тай нысу́чи,
А за ными, тай Марьечка,
Тай плачу́чи,
Ридне́нького тай ба́тенька,
Тай прося́чи:
„Ой, переймà̀й, мий ба́тенько,
Ти́и го́лубы:
Воны̀ моѐ дивува́нье
Зъ собо́ю узялы̀“!
„Ой, вы́соко, дытя̀ моѐ,
Полыну́лы,
Пидъ кры́лечка дивува́нье
Пидгорну́лы“.

Угостивши всѣхъ водкой, садятся за столъ и начинаютъ вечерять. Вечеря состоитъ изъ пироговъ, вареной капусты, лапши и мяса. Послѣ ужина старики расходятся по домамъ, невѣста же съ женихомъ, дружками и боярами собираются куда нибудь въ избу и гуляютъ всю ночь.

Къ жениху въ воскресенье, по приглашенію сходятся „бояре", свашки и свитилки". „Дружко" беретъ жениха за платокъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, вводитъ его въ сѣни и черезъ порогъ говоритъ: „Старосты, паны-пидстаросты, хто до кого, а мы до Бога, та до вашого здоровья,—благословыть, старосты, молодого князя за стилъ завысты". Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословытъ". Тогда дружко беретъ жениха, заводитъ его застолъ, и возлѣ него садятся бояре, свашки и свитилки. Старшая свитилка держитъ „мечъ", который связываетъ изъ васильковъ, крокоса и гвоздикъ; въ „мечъ" воткнуты два деревянныхъ копья, и къ нимъ приклеиваютъ горящую свѣчу. Когда посадятся за столъ, имъ подаютъ обѣдать. Послѣ обѣда поднесутъ по рюмкѣ или двѣ водки, и мать жениха начинаетъ „даритъ". Сначала перевязываетъ жениха, потомъ подастъ платочекъ на мечъ, свашкамъ и свитилкамъ по платочку, а боярамъ пришиваютъ къ картузамъ красныя ленточки. Одаривъ такимъ образомъ гостей, молятся Богу и выходятъ изъ-за стола. Свитилка, одна съ мечомъ, другая съ „гильцемъ", затѣмъ свашки, бояры и музыканты садятся на повозки, запряженныя убранными лентами, цвѣтами и кумачемъ лошадьми. Женихъ стоитъ безъ шапки среди двора; тутъ выходитъ мать жениха и въ фартухѣ держитъ—хмѣль, овесъ, сѣмечки изъ „гарбузовъ", орѣхи, рожки и конфекты. Дружко беретъ ее за платочекъ, который она держитъ въ рукѣ, обводитъ ее три раза вокругъ „пойизда", и она обсыпаетъ поѣздъ всѣмъ тѣмъ, что у нея въ фартухѣ. Затѣмъ мать беретъ платочкомъ подъ уздцы лошадей, на которыхъ садится женихъ, и выводитъ ихъ за ворота. Тутъ уже женихъ крестится, садится въ повозку, надѣваетъ шапку, и всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ.

Утромъ въ воскресенье невѣсту одѣваютъ, и она съ подругами идетъ въ церковъ. По приходѣ изъ церкви въ скорости пріѣзжаетъ поѣздъ съ женихомъ, боярами, свашками и музыкан-

тами, берутъ невѣсту и катаютъ почти до вечера. Покатавъ невѣсту, подвозятъ ее къ двору; она встаетъ и стоитъ, пока женихъ, проѣхавши раза два по улицѣ, въѣдетъ во дворъ. Во дворѣ встаютъ свашки и свитилки и становятся передъ крыльцомъ, возлѣ заранѣе поставленнаго стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ кусокъ соли; самъ же женихъ опять ѣдетъ. Тутъ къ нимъ подходитъ невѣста, кланяется три раза въ поясъ, цѣлуетъ всѣхъ свашекъ и свитилокъ и идетъ въ сѣни. Здѣсь беретъ ее поддружій за платокъ, держитъ его въ одной рукѣ, а въ другой рукѣ два хлѣба и говоритъ: „Старосты, паны-пидстáросты, хто до кóго, а мы до Бóга, та до вáшого здорóвья, благословыть, старосты, молоду за стилъ завысты". Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословыть". Тогда поддружій сажаетъ ее за столъ, возлѣ нея садятся дружки, а подлѣ иконъ, на покути, стоятъ маленькіе мальчики съ палками, на концахъ которыхъ навязано по пучку соломы. Тѣмъ временемъ подъѣзжаетъ поѣздъ ко двору; дружко вводитъ во дворъ подъ уздцы лошадей; тутъ женихъ встаетъ и становится возлѣ свашекъ. Увидѣвъ, что пріѣхалъ женихъ, выходитъ теща, выноситъ стаканъ, наполненный хмѣлемъ, цѣлуетъ жениха, отдаетъ этотъ хмѣль старшему боярину, а бояринъ сыплетъ этотъ хмѣль между лошадей; потомъ теща здоровается съ боярами, свашками и свитилками и проситъ ихъ въ хату. Когда выйдутъ всѣ въ сѣни, дружко беретъ жениха за платокъ и говоритъ: „Старосты, паны-пидстáросты, хто до кóго, а мы до Бóга, та до вáшего здорóвья, благословыть старосты, молодóго князя за стилъ завесты". Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословыть". Получивъ разрѣшеніе войти въ хату, дружко подводитъ ихъ къ столу, чтобы посадить жениха за столъ; но тутъ является препятствіе: мальчики, стоящіе на покути съ соломенными „кийкáми", не пускаютъ жениха за столъ и начинаютъ безъ церемоніи бить впереди стоящаго дружка, прося выкупъ за косу невѣсты. Дружко подноситъ имъ по рюмкѣ водкѣ, которую они выпиваютъ до дна, даетъ имъ копѣйки по двѣ или по три денегъ и по шишкѣ, которыхъ свашка держитъ полную большую сумку; тогда только мальчики встаютъ, а женихъ залѣзаетъ за столъ, цѣлуетъ невѣсту и садится возлѣ нея, возлѣ него — всѣ сви-

тилки и свашки, а напротивъ бояре. Въ это время дружки поютъ слѣдующую пѣсню: „А въ саду соловейко защебетавъ, молодый Иванко Марьечку поцилувавъ". Когда усядутся всѣ за столъ, подходитъ къ столу отецъ невѣсты и подноситъ всѣмъ гостямъ водки, а потомъ подноситъ мать; въ это время женихъ и невѣста кланяются всѣмъ, кто пьетъ, выражая этимъ то, что они просятъ выпить.

Когда всѣхъ угостятъ водкою, тутъ молодыя бабы изъ родни, стоящія на полу (кровати), берутъ у жениха шапку, пришиваютъ къ ней вѣнокъ, который берутъ у невѣсты, и поютъ пѣсни:

„Изъ Киева швачки, | Шовка скуповалы,
Мищанскии дочки, | Винокъ прышивалы".

Пришивъ вѣнокъ, сестра невѣсты кладетъ шапку съ вѣнкомъ на голову, и поютъ пѣсни:

„Зять на мене | Зять на мене
Тай не дывыцьця; | Косо поглядае:
Винъ на мене | Винъ на мене
Нышкомъ крывыцьця; | Нышкомъ лае".

* * *

„Ой, зяте хороший, | Ще копою не одбудешъ,
Выймы копу грошей, | Хиба мини жупанъ купышъ".

* * *

„Не дывысь, зять, на мене, | Заглянь у кишеню,
По-за плечима, не лупай очима; | Выймы грошей жменю".

* * *

„Зять на пичъ поглядае скоса, | Колы-бъ швыдче утекты,
Чи нема на печи проса, | Щобъ не заставылы товкты".

Тутъ ей за пришитый вѣнокъ подаютъ рюмку водки на тарелкѣ, копѣекъ 5—10 денегъ и шишку; она выпиваетъ водку, беретъ деньги, кладетъ на тарелку шапку и отсылаетъ ее боярину, а сама поетъ.

„Славылы бояры, | А винъ положивъ
Що зять багатый и грошей михъ, | Полушку, якъ на смихъ".

Бояринъ беретъ шапку и черезъ столъ надѣваетъ ее на жениха три раза, то надѣвая, то снимая, а потомъ беретъ и держитъ ее у себя. Въ это время дружки поютъ свашкамъ:

„Ой, ты, дружечко, | Чи писни спиваты,
Наша Марьечко; | Чи свашку прохаты:

Сва́нечко, сва́нечко,
Свиты́лочко, барвы́ночко,
Заспива̀й намъ хоть одни̇й,
Весе́лои, прыйи́зжои пи́сеньки".

А свашки поютъ:

„Ой, благословы, па́ну сва́те,
Пи́сеньки намъ заспива́ты.
У на́шого па́на сва́та во дворѝ,
Стоя́ла я́блунька, либо̀нь дви.
На тий я́блуньци соловѐй,
А на другий зузу́ла.
Найи́халы подоля́ны съ подо́ли.
Тай прывезлы̀ съ собо̀ю ы́гры,
Началы ы́гры гра́ты,
А ста́роста зъ сва́нычкою ска-
ка́ты".

Дружки боярамъ поютъ:

„Руба́йте вы, дружкѝ ло́зы,
Руба́йте зано́зы,
Боя́ръ запрягà̀ть,
На таба̀къ ора̀ть.
Не сыдѝть, боя́ры, до но́чи,
Бо вы́клюе сова̀ о́чи".

Пришивъ вѣнокъ, требуютъ подарковъ которые выговариваютъ еще до свадьбы. Тутъ начинаются дары: матери подаютъ сапоги, сестрѣ „кисныкъ" (ленту), невѣсткамъ по пяти копѣекъ денегъ, а остальнымъ родичамъ по шишкѣ. Остальныя шишки свашка раздаетъ дружкамъ, а если не дастъ дружкамъ по шишкѣ, то они начинаютъ ей пѣть пѣсню:

„Сва́шка не липа́шка,
Шишо̀къ не липы́ла.
Дружо̀къ не дары́ла;
Одну̀ излипы́ла,
Та й ту сама̀ ззи́ла,
А що не дойи́ла,
До стола̀ прилипы́ла,
А боя́ре оголода́лы,
Зу́бы полома́лы".

Получивъ подарки, начинаетъ дарить мать невѣсты. Сначала подаетъ платокъ жениху, потомъ платочекъ на мечъ, свашкамъ, свитилкамъ и боярамъ по платочку или по ленточкѣ. Въ это время дружки поютъ:

„Була̀ повна̀ скры́ня,
Ста́ла половы́на;
Ма́те надбира́ла,
Боя̀ръ дарува́ла;
А боя́ры дары̀ забра́лы
Й спасы̀би не сказа́лы".

Беря подарки, свашки и свитилки благодарятъ, выражая благодарность въ такихъ словахъ: „спасы́би сва́тови, сва́си и молоды́й княги́ни, що ране́нько встава́ла, та пода́рочки пря́ла". Когда окончатъ даренье, подходитъ къ столу дружко, беретъ ножъ, начинаетъ рѣзать на куски каравай и подаетъ сначала по куску на тарелкѣ жениху и невѣстѣ, а потомъ и всѣмъ роднымъ. Дружки въ это время поютъ:

„А казáлы, дружкò старъ, старъ,
Ажъ винъ молодéсенький,
Якъ гай зеленéсенький;
А на ёму кафтàнъ, кафтàнъ,
Солóмою напхàнъ, напхàнъ.
Обручáмы головà сбыта,
Мочáлою бородà сшита,
Лычкомъ пидперезáвся,
Къ каравáю прыбрáвся“.

* * *

„А дружкò каравàй крáе,
Сéмеро дитей мáе,
Та й вси съ торбынкáми;
Увѐсь каравàй забрáлы“.

* * *

„Чы не бáчишъ, ты дружкò,
Що бояры каравàй крáдуть;
Хто въ михъ, хто въ кишéню—
Бáтькови на вечéрю,
Хто въ михъ, хто въ рукавыци—
Дивкамъ на вечерныци“.

Послѣ этого дѣвки выходятъ изъ за-стола, цѣлуютъ невѣсту черезъ столъ и уходятъ, а на ихъ мѣсто садятся молодыя бабы. Дѣвки, когда уходятъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

„Прощàй, прощàй, сестрà нáша,
Мы не твои подрýженьки, ты не нáша.
Прощàй, прощàй, сестрà нáша, мы вже идымò,
Мы твое дивувáньє съ собóю беремò“.

Тѣ-же бабы, которыя садятся возлѣ невѣсты, поютъ:

„Чомъ ты, Мáрьечко. досыжуешъ
Чомъ ты бáтенькà не дякуешъ
За твоѐ кохáньнячко.
Ужѐ кóныки позапряжени
И колясочки позавéртани;
Тильки систы, та й пойихаты.
„Я велю кóнькамъ вивсà дать,
А визныченькамъ постоять,
Покиль прыйде мий бáтенько изъ сáду—выногрáду“.
Та до мене на порáду.
Тилько бáтенько на поригъ,
Клáняйся, Мáрьечко, нызéнько до нигъ.
„Спасыби тоби, ты мий бáтенько,
За твоѐ кохáньнячко,
Що я въ тебѐ жилà
Важкóго дила не знáла:
Тилько знáла ранéнько встáты,
Киску счисáты,
Та сплисты винóчокъ,
Питы до дивóчекъ,
Тай погуляты.
А тепѐрь пидý, поскáчу.
Важкѐ дилонько побáчу“.

Послѣ этого выводятъ жениха изъ-за стола, они кланяются отцу и матери въ ноги; отецъ даетъ жениху икону, а женихъ невѣстѣ, потомъ даютъ обоимъ по хлѣбу и говорятъ: „А до цёго ще прыробляйте“. Послѣ этого невѣста выходитъ изъ хаты и становится на тарантасъ, а дружко обводитъ жениха три раза

кругомъ „поѣзда“ и каждый разъ женихъ бьетъ невѣсту плетью, а она ему кланяется, стоя на тарантасѣ, потомъ садятся и ѣдутъ къ свекру.

У свекра встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью отецъ и мать и говорятъ: „мы́лосты про́сымъ въ отцо́вський домъ“; потомъ сажаютъ ихъ за столъ, подносятъ по рюмкѣ, тѣмъ свадьба и оканчивается. На другой день невѣста ѣдетъ съ женихомъ, дружкомъ, поддружимъ и свашками къ родному отцу завтракать.

Гуляютъ крестьяне почти цѣлую недѣлю, зазывая „бесѣду“ (гостей) одинъ къ другому. Богатому человѣку свадьба обходится не меньше 200 руб., а бѣдному не меньше 70 рублей, крупный расходъ большею частью падаетъ на водку, которой выходитъ очень много. За невѣсту женихъ даетъ обязательно деньги отъ 10 до 100 руб., хлѣба отъ 4 мѣръ до 3—4 четвертей, смотря, на чемъ поладятъ, а также ведро или 2 водки.

Родины. Когда родится ребенокъ его сейчасъ обмываютъ, бабка беретъ на руки ребенка и отдаетъ его куму со словами: „На́те вамъ новорожде́ного, нехрыще́ного, а намъ прынысы́ть хрыще́нагo и молы́тьвяного“. Кумъ беретъ ребенка, отдаетъ его кумѣ, и они идутъ къ священнику. Когда придутъ отъ священника, кума отдаетъ ребенка бабкѣ и поздравляетъ всѣхъ родныхъ съ новорожденнымъ, а бабка кладетъ ребенка на печь. На крестины зовутъ родныхъ и сосѣдей и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать. За обѣдомъ кума подноситъ гостямъ водку, и гости дарятъ роженицу, а потомъ подноситъ бабка, дарятъ бабку, кладя на тарелку деньги. На третій день бабка сливаетъ на руки роженицѣ воду, которую беретъ въ колодцѣ, и читаетъ молитву „Господнюю“, „Пресвятой Богородицѣ“ и слѣдующую молитву, какъ они называютъ: „Дай, Бо́же, ве́чиръ до́брый, земля́ Тыта́на, вода́ Оля́на, дай мини́ воды́ отъ уся́кои нужды́ и биды́. Омыва́ешъ ты лугы́ и берегы́ и все чи́сте по́ле, омы́й ты хрыще́ну, порожде́ну“ (имя роженицы). Сливъ на руки воду роженицѣ, бабка стелетъ за столомъ на лавѣ кожухъ, на кожухъ сажаютъ роженицу и подаютъ обѣдать. Роженица подноситъ водку бабкѣ и гостямъ (которыхъ все это время бываетъ 2—3 человѣка); вся эта церемонія у нихъ называется посадить роженицу и гостей „въ рай“.

Послѣ обѣда роженица кладетъ на столъ три хлѣба бабкѣ и на хлѣбъ-соль, а также за труды какой нибудь подарокъ: полотна или ситцу. Бабка беретъ хлѣбъ, съѣдаетъ кусочекъ, потомъ подаетъ роженицѣ кусочекъ хлѣба и кусочекъ соли. Хлѣбъ роженица съѣдаетъ, а соль завязываетъ въ рубашку, и должна ѣсть эту соль каждое утро натощакъ, чтобы скорѣе выздоровѣть. Послѣ этого бабкѣ отдаютъ все приготовленное, какъ то: хлѣбъ, подарки, и провожаютъ домой. Роженица не должна выходить въ первый разъ послѣ болѣзни, не взявъ чего нибудь желѣзнаго въ руки: гвоздя или ножа: иначе ее сглазятъ, и она долго будетъ болѣть. Роженицы, особенно здоровыя, по большей части начинаютъ подыматься и работать съ перваго дня.

Похороны. Когда умретъ у крестьянъ кто нибудь въ домѣ, то въ хату вносятъ солому, постилаютъ ее на землю, покрываютъ сверху рядномъ и кладутъ на нее покойника, гдѣ его и обмываютъ.

Обмывъ покойника, одѣваютъ его въ чистое бѣлье и подпоясываютъ пояскомъ, завязывая узелъ въ петлю такъ, чтобы ему легко было развязать этотъ узелъ на томъ свѣтѣ; на лавѣ въ это время стелютъ полотно и кладутъ его на немъ. Въ маленькій платочекъ завязываютъ копѣйку или двѣ денегъ и затыкаютъ его за поясъ покойника, чтобы ему было, чѣмъ на томъ свѣтѣ утираться и было за что откупить мѣсто. На ночь собираются мѣстныя черницы (монашки) и поютъ молитвы и псалмы, а богатые люди, или если умретъ человѣкъ старый, нанимаютъ читать надъ покойникомъ псалтырь; у нѣкоторыхъ онъ читается до шести недѣль, а также и во все это время на окнѣ возлѣ иконъ стоитъ стаканъ, наполненный медомъ. На ночь возлѣ стакана съ медомъ кладутъ чистое полотенце. Крестьяне дѣлаютъ это для того, чтобы душѣ было, что поѣсть и чѣмъ утереться, такъ какъ душа покойника приходитъ каждую ночь домой. Когда покойника выносятъ изъ хаты, хозяева берутъ жито и сыплютъ вслѣдъ покойнику по всей хатѣ, сѣнямъ и на крыльцѣ, чтобы онъ не унесъ съ собою семейнаго счастья, и чтобы жить безъ него было хорошо.

Вынося покойника изъ хаты, выносятъ вслѣдъ за нимъ и его постель, на которой онъ лежалъ, а также всѣ родные и кто есть въ хатѣ выходятъ не только изъ хаты, но за ворота и

затворяютъ ворота, пока унесутъ покойника, вѣря въ то, что, если кто останется въ хатѣ или во дворѣ, то съ нимъ останется и смерть. Суевѣріе это такъ сильно у нихъ, что бывали случаи, когда изъ хаты выносили покойника, а въ той же хатѣ оставался сильно больной, такъ, чтобы не оставалась съ нимъ смерть, его выносили за ворота изъ постели.

Д. Шинкарева.

14.—Сл. Пантюхино.

Поселеніе и населеніе.—Говоръ.—Хаты, одежда и пища.—Народное лѣченіе.—Куриный промыселъ.—Религіозность и развитіе.—Вечерницы.—Свадебные пѣсни и обряды.—Праздничныя пѣсни.—Игры.—Повѣрья и пословицы.

Слобода находится на возвышенномъ мѣстѣ и расположена глаголемъ, т. е. на подобіе буквы Г; разстояніе ея отъ уѣзднаго города 75 вер., отъ сл. Марковки, въ которой производится хлѣбная торговля тысячъ на 100 руб., въ 25 вер. и въ 25 вер. отъ сл. Константиновки, Богучарскаго у., Воронежской губ., чрезъ которую проходитъ линія Козлово-В.-Р. ж. д., и гдѣ находится станція Кантемировка съ элеваторомъ. Сл. Пантюхино находится на границѣ съ Воронежскою губ., именно: теперешняя сл. Бондарева Воронежской губ. и Пантюхино были одною деревнею, и, какъ г. Старобѣльскъ принадлежалъ къ Воронежской губ., такъ и Пантюхино была тоже Воронежской губ.; по новому же раздѣленію губерній, сл. Пантюхино раздѣлили пополамъ: сѣверная часть Пантюхина отошла къ Воронежской губ. и была названа сл. Бондаревою, а южная осталась Пантюхино, и жители сл. Бондаревой называютъ теперешнюю сл. Пантюхино Верхотой—потому что она расположена выше ихъ деревни. Крестьяне сами себя называютъ „пантюшанами", а другіе называютъ ихъ „верхотянами".

Мѣстные крестьяне были не помѣщичьими, а, какъ и теперь, государственными, и, съ большимъ удовольствіемъ вспоминая о прежней роскошной для нихъ жизни, передаютъ, что у нихъ было всего вдоволь: земли, лѣсовъ, скота рогатаго, лошадей, свиней, хлѣба; хлѣбъ сѣяли только для себя, а не для продажи; ситцевъ и матерій не покупали, а носили бѣлье изъ своего холста, обувь и платье тоже своей работы; деньги нужны были только для самыхъ необходимыхъ потребностей: на соль, деготь, на подушное и только. Нѣкоторые передаютъ, что первымъ поселившимся здѣсь былъ крестьянинъ Пантелеймонъ, или по мѣстному „Панько"; отъ этого Пантюха—впослѣдствіи Пантюхино.

Въ деревнѣ этой нѣтъ ни рѣки, ни пруда, но воды въ колодцахъ много. Замѣчается, — гдѣ вода, повидимому, должна быть близко, тамъ далеко, и наоборотъ.

Всѣ жители подходятъ болѣе къ великорусскому типу, языкъ же малороссійскій; особенностей говора замѣчается мало, кромѣ немногихъ словъ, напримѣръ: „чи пакъ забу̀въ“ — я и забылъ, „маяче“ — кое-гдѣ есть, виднѣется, „суро́мыцьця“ — стыдится, „пидмы̀тъ“ — мѣсто для посѣва конопли, „мирщий“ — скорѣе.

Говоръ. Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*: рокъ — рикъ, жена — жи́нка, ледъ — лидъ, печь — пичъ, бокъ — бикъ, свой — свий, попъ — пипъ, песокъ — писо̀къ, соль — силь, столъ — стилъ, кошка — ки́шка, котъ — китъ, громъ — гримъ, подкова — пидко́ва, горькій — гиркы̀й, колодезь — коло́дизь, слесарь — сли́сарь; примѣры перехода *е* въ *ё*: его — ёго̀, чернило — чёрны́ло, пчела — пчёла̀, бджола̀; переходъ *о* въ *ё*: Осипъ — Ёсыпъ; переходъ *ё* въ *е*: твёрдый — тверды̀й, зелёный — зеле́ный, козёлъ — козѐлъ, варёный — варе́ный, орёлъ — орѐлъ; переходъ *ѣ* въ *и*: вѣра — ви́ра, мѣсяцъ — ми́сяць, бѣлый — би́лый, снѣгъ — снигъ, дѣло — ди́ло, рѣзать — ри́зать, орѣхъ — орѝхъ, и т. д.

Измѣненія неударяемаго *о*: горячій — гаря́чий, хозяинъ — хазя́енъ, въ соборѣ — въ субо́ри, хорошо — харашо̀, Харьковъ — Ха́рькивъ, самоваръ — самува̀ръ, солдатъ — салда̀тъ, топоръ — тупо̀ръ, яблоко — я́блуко.

Звукъ *и* произносится тверже, чѣмъ въ литературномъ говорѣ, почти какъ *ы*: синица — сыны́ця, жито — жы́то, Филиппъ — Фылы́ппъ, учитель — учы́тель, умирать — умыра̀ть; *ы* произносится вообще твердо и иногда измѣняется въ *у*: былъ — бувъ и пр.; *е* = *ы*: стекло — стыкло̀, палецъ — па́лыць, семья — сымья̀, сестра — сыстра̀, нельзя — ныльзя̀; *г* (*g* или *h*) произносится, какъ литературное *г* (*г* и *gh*); сочетанія жа, ча, ша, шу, гу, жу и проч.: сижу — сыдю̀, щука — щю́ка, шучу — шутю̀ и др. Измѣненья *з*, *ц* — *с*: звѣрь — звиръ и дзвиръ, сговориться — зговоры́цьця, съ горы — зъ горы̀, звонъ — звинъ и дзвинъ, огурцы — огиркы̀, доска — до́шка.

Измѣненія губныхъ *б*, *п* и *в*: юбка — ю́пка, пчела — бжола̀, бджола̀, внукъ — о́нукъ и унукъ; измѣненія зубныхъ *д* и *т*: календарь — калантырь, хоть — хочъ, записаться — запыса́цьця. Звукъ *дж* рѣдко слышенъ. Измѣненія *л*: шелкъ — шовкъ,

волкъ—вовкъ, гналъ—гнавъ; измѣненія звука *ф*: форточка—хвирточка, фонарь—хвынарь, фунтъ—хвунтъ; случаевъ удвоенія согласныхъ не замѣчено. Случаи придыханія: овёсъ, овса—говёсъ, вивса, овца—вивця, арбузъ—гарбузъ, утка—вутка, вдова—удова, окно—викно, ось—вись. Измѣненія *щ* и *ч*: имущество—имучество, что—шо.

Народъ читаетъ преимущественно псалтырь, часословъ, Евангеліе, житія Св. и сказки про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и др., пріобрѣтая ихъ отъ книгоношъ и на ярмаркахъ.

Хаты крестьянъ строятся по большей части деревянныя и изрѣдка изъ „самана", т. е. необожженнаго глинянаго въ смѣси съ соломою кирпича, въ четверть или 5 в. ширины и 8 или 9 вер. длины; крыты соломой; строятся въ 2 и 3 комнаты; устройство ихъ однообразно. Хату лицомъ (причилкомъ) ставятъ на югъ или на востокъ, или, если входная дверь съ юга, лицомъ на западъ; это общепринятый способъ,—не смотря на улицу. Хата въ 2 комнаты: одна изъ нихъ „хата" для гостей и хозяевъ, „хатына"—кухня и, если—въ 3 комнаты, то 3 называется „кимната"—спальня; отдѣляется она такъ: отъ „хатыны" печью, а отъ хаты—досками; почему она самая теплая изъ комнатъ. Это новѣйшее устройство; старинное же было въ 1 комнату и въ 3 окна, теперешняя хата имѣетъ отъ 4 до 8 оконъ, мѣстные жители не придаютъ, повидимому, никакихъ значеній, ни угламъ, ни печамъ, ни порогамъ. Амбары стоятъ почти у всѣхъ жителей на улицу; за домомъ помѣщается маленькій амбарчикъ, вродѣ кладовой; дальше загоны (кошары) для скота; противъ оконъ на югъ сарай и конюшня; позади двора токъ (гумно) и клуня (рига); за токомъ огородъ для овощей, далѣе роща.

Дворъ расположенъ квадратомъ и устраивается такъ, что изъ оконъ хаты видно все, что дѣлается на дворѣ. Если семейство велико, то крестьяне не дѣлаютъ пристроекъ къ дому, а строютъ другой, считая, что рано или поздно прійдется дѣлиться, т. е. не жить вмѣстѣ. Украшеній въ хатахъ нѣтъ никакихъ; сволоковъ съ надписями нѣтъ.

Одежда мужчинъ зимняя праздничная: тулупъ съ воротникомъ,—не у всѣхъ, 30 р. кужухъ, крытый сукномъ, или на-

гольный, отъ 10 до 20 р., свита съ воротникомъ 6 р., капелюхъ 1 р., шапка отъ 55 к. до 3 р.; весенняя свита изъ чернаго сукна 5 р., чумарка отъ 4 р. до 15 р., пиджаки, жилетъ и брюки отъ 5 р. до 15 р., картузъ отъ 50 к. до 2 р.,—по большей части суконныя или триковыя пары, кушакъ 1 р. 50 к. и шарфъ отъ 30 к. до 60 к. Будничное тоже самое, только старое. У женщинъ зимняя одежда: „кожухъ" отъ 10 р. до 20 р. платки до 4 р., „очипокъ" очень рѣдко, почти вышелъ изъ моды, отъ 1 р. 50 к. до 10 р., „юпка" и „шарафанъ" бумазейныя. Весеннія: юбки разныхъ рисунковъ, халаты и свиты изъ бѣлаго сукна 5 р., платки покупаютъ дѣвушкамъ даже шелковые до 4 р. Городское вліяніе оказалось въ появленіи пиджака, брюкъ и „жилетки" суконныхъ или триковыхъ. Обувь—валенки отъ 1 р. до 1 р. 50 к., сапоги отъ 3 до 5 руб., штиблеты отъ 2 до 4 р. Крестьяне ходятъ чисто и любятъ щеголять. Остатковъ старинныхъ одеждъ нѣтъ.

Пища: борщъ, мясо, капуста, квасъ, блины и пироги—у богатыхъ и у бѣдныхъ, различія нѣтъ. Пища улучшается, каждый безъ исключенія крестьянинъ пьетъ чай; если самовара нѣтъ, то изъ горшка, и мало употребляютъ „фруктовый", а все требуютъ: „В. И. Попова". Относительно чая говорятъ: „Панъ пье,—умъ йе; купѐцъ пье,—грóши йе; мужыкъ пье,—пóкы воды йе".

Мѣстныя лавченки не оказываютъ никакого вліянія; подъ ними собирается молодежь въ воскресные и праздничные дни, поетъ пѣсни и грызетъ сѣмечки. Освѣщеніе вездѣ керосиновое.

Народное лѣченіе. Есть бабки и дѣды-шептуны, которые шепчутъ отъ лишая, ячменя на глазу, отъ зубовъ и др. Отношеніе къ врачамъ недовѣрчивое, въ особенности къ фельдшерамъ. Скотъ лѣчатъ мѣстные дѣды-шептуны: „желѣзнякъ"—скалываютъ шиломъ, „курдюкъ"—натираютъ чеснокомъ, отъ запора—растеніе „калáчики" (Malva rotundifolia, Malva borealis), съ корнями, съ прибавкою „жóстера" (крушина); вскипятивши, заливаютъ черезъ ротъ; отъ „перелóговъ"—дѣдъ-шептунъ шапкою или картузомъ обводитъ вокругъ быка или коровы съ головы до зада, кругомъ спины, шепча таинственныя слова.

Занятіе. Ни садоводства, ни пчеловодства, ни кустарныхъ

промысловъ нѣтъ; главное занятіе—земледѣліе, подспорьемъ въ хозяйствѣ является куриный промыселъ. Только 15 дворовъ не занимаются этимъ промысломъ, остальные отправляются съ 15 мая до Великаго поста по Старобѣльскому, Купянскому и Изюмскому у. собирать куръ, утокъ, индюшекъ; набравши дней за семь повозку куръ, которыя возятся въ „садкахъ", клѣткахъ, для того устроенныхъ, возвращаются домой,—изъ дому ѣдутъ „сдавать" купцамъ, которые живутъ въ сл. Бондаревой — въ 1 верстѣ, въ сл. Куликовкѣ—въ 12 в., въ сл. Бѣлой—въ 12 вер., въ сл. Константиновкѣ—въ 25 вер.; все это Воронежской губ. и Богучарскаго у. Зарабатываютъ они на одну повозку чистаго барыша отъ 5 до 20 р. и болѣе. Съ 15 мая наступаетъ сборъ цыплятъ, отъ 20 до 40 к. за пару, сдаютъ ихъ купцамъ отъ 40 до 60 к. за пару; куръ и цыплятъ побольше сбираютъ послѣ жатвы хлѣба, отъ 38 до 70 к. за пару. Купцы, покупая лѣтомъ птицу, кормятъ ее 2 или 3 дня и отправляютъ живою въ Москву или Петербургъ, а птица, собранная осенью, кормится дней 12 и, ее убитою отправляютъ туда же. Съ марта до Филипповки крестьяне, человѣкъ 40, собираютъ яица и сдаютъ ихъ тѣмъ же хозяевамъ; яица покупаютъ отъ 8 до 12 к. за десятокъ, а сдаютъ отъ 12 до 20 коп. Тѣ крестьяне, которые занимаются куринымъ промысломъ, зарабатываютъ отъ 70 до 150 р., а тѣ, которые и яичнымъ вмѣстѣ,—отъ 100 до 200 р. Иногда купцы сами впередъ предлагаютъ крестьянамъ деньги, безъ росписокъ, отъ 70 до 150 р.

Религіозность и развитіе. Народъ религіознаго настроенія; сектантовъ нѣтъ. Крестьяне чтутъ особенно св. Митрофанія, престолъ во имя его и икону св. Варвары великомученицы; послѣднюю чтутъ съ недавняго времени по слѣдующему обстоятельству: одинъ крестьянинъ отправился зимою въ Харьковъ пѣшкомъ и на обратномъ пути долженъ былъ переходить рѣку уже передъ разливомъ рѣкъ; вдругъ онъ провалился и сталъ тонуть, и пришло ему на мысль, что въ этотъ день церковь празднуетъ память св. Варвары великомученицы; онъ сталъ просить ея покровительства, и въ то самое время ему представилось, что какая то женщина протягиваетъ ему свою руку и вытаскиваетъ его. Пришедши домой, онъ разсказалъ своимъ

односельчанамъ о случившемся, почему они и выписали изъ Аѳона икону св. Великомученицы и благоговѣйно чтутъ день празднованія ея памяти.

Народъ развитъ; образованіе даетъ одна школа; большинство молодаго поколѣнія грамотно. Крестьяне желаютъ, чтобы ихъ дѣти учились, но небрежно относятся къ ремонтировкѣ школы и вообще къ денежнымъ затратамъ на школу, къ учителю относятся довѣрчиво. Нравы народа мало испорчены, народъ почтителенъ и добръ. Женщина считается полною хозяйкою дома, но въ обществѣ не имѣетъ никакого значенія. Родители мало обращаютъ вниманія на нравственное состояніе дѣтей и смотрятъ на нихъ только, какъ на помощниковъ въ хозяйствѣ, хотя и желаютъ, чтобы они были грамотны. Хозяева обращаются со своими работниками и работающими, какъ съ членами своей семьи,—вмѣстѣ работаютъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ 1891 г. по 1894 г. кабаки были закрыты: крестьяне сознали, что кабаки причиняютъ большой вредъ.

Каждый богатый хозяинъ имѣетъ запасъ водки. Пьянство теперь мало развито;—но замѣчательно, что крестьяне ничего не въ состояніи сдѣлать безъ могорыча: купить, продать—обязательно могорычъ,—хотя бы продажа или покупка была даже на нѣсколько копѣекъ, говорятъ: „хиба те ди́ло, шо безъ магарыча̀“. Проституціи нѣтъ.

При рожденіи пѣсенъ не поютъ. Сейчасъ послѣ родовъ призываютъ ку́ма и куму̀ и несутъ ребенка крестить; если священника нѣтъ дома, то везутъ въ сосѣднюю деревню, не дожидаясь его. Мать дитяти послѣ родовъ купаютъ въ ваннѣ. Въ этотъ день въ домѣ, гдѣ родился ребенокъ,—ничего не займутъ и не продадутъ, даже самой пустячной вещи.

Вечерницы начинаются съ 1 октября и продолжаются до великаго поста, дѣвушки прядутъ пряжу, а молодые ребята сидятъ и забавляютъ ихъ игрою на гармоніяхъ или балалайкахъ; пѣсни поютъ вмѣстѣ дѣвицы и хлопцы. Приведемъ нѣкоторыя:

„Си́ю ри́дьку (2 раза),
Си́ю, полыва́ю.
Та родысь ри́дька,
Чепурне́нька,
На зи́му схова́ю.

Та ще ри́дьки не ку́шавъ:
Ка́жуть—вона̀ гирька̀,
А ще мы́лои не слу́шавъ:
Ка́жуть—вона̀ бойка̀“.

* * *

„Плывѐ Донъ (2 раза).
Ты́хою стрило́ю,
Та зустры́нь, мы́ла, любе́зного
За быстро́ю рико́ю!
Ой застона́ла, не узна́ла,
Гуля́ть заказа́ла.
Та ходы́, ма́ты,
Ко́ло ха́ты,
А я бу́ду спа́ты (2 раза),
Тай кача́лочки въ голово́чци,
Праничкы пидъ бочкы;
Ля́гай, не́нька,—
Тутъ мьяке́нько;
Бода̀й ты не вста́ла,
Шобъ ты моѐй голово́ньки
Та не клопота́ла“!

Свадебные пѣсни и обряды. Крестьяне сватаются большею частію въ своей деревнѣ; если же нѣтъ подходящихъ, тогда ѣздятъ на сторону. „Якъ заду́мають жены́ты па́рня, тодѝ прыглаша́ють двохъ чоловѝкъ, або зъ ро́дычивъ, або зъ сусѝдъ блѝзькихъ (та тыхъ, якѝ балаку́чи), кото́ри называ́юцьця старости́ами;—иду́ть воны̀ до ди́вкы, яку̀ наду́малы сва́ты; а якъ не въ своѝй слободѝ, то запряга́ють па́ру ко́ней;—дойшо́вши, або̀ дойѝхавшы до сусѝдъ ди́вкы, роспро́шують про сыме́йство: чи чи́сте воно̀, чи не чи́сте; та яка̀ вона̀ нау́даль, чи сырды́та, чи смы́рна, чи робитны́ця—(шобъ вы́йты на ны́ву нестыдно було̀), якы̀й ба́тько, яка̀ ма́ты, та ще вся и ридня̀ ихъ, —и якы̀хъ воны̀ роды̀въ. (Хо́дять старосты̀ вра́нци, або̀ вве́чери). Пидишо́вши до викна̀, старосты̀, съ паляны́цею въ плато́чку пидъ руко́ю, ка́жуть: „здоро̀въ, хозя́инъ, пусты̀ обогрицьця.“—Ба́тько ди́вкы, або старшы̀й каже: „про́сымъ мы́лосты,—въ ба́тькивьский курѝнь“. Ди́вка жъ, якъ у ха́ти,—за́разъ шмыгъ изъ ха́ты на ву́лыцю, або̀ до сусѝдъ. Старосты̀, вийхо́вшы въ ха́ту, скыда́ютъ шапкы̀ и мо́ляцьця Бо́гу—„здра́ствуйте, „съ середо́ю“, чи якъ и́нше, „та бу́дьте здоро́ви“; отдаю̀ть паляны́цю ба́тькови, або старшо́му; той, поцилува́вши йийѝ, кладѐ на стилъ и прыглашà сидà̀ть ихъ. Сыдя̀ть воны̀, не роздяга́ючись, съ па́лкамы въ рукàхъ, ковыря́ютъ и́мы зе́млю, а́бо чо́боты обтыра́ють, спра́шують: „чи на отда́нни ди́вчина, и якъ шо на отда́нни, такъ кажи́ть ди́ломъ, а то мы бу́демъ шука́ты собѝ ще сватѝвъ; ди́ло ва́ше! цей хло́пець вамъ зви́сный, та й ба́тька ёго̀ зна́ете, та ще зна́ете и ба́тькового ба́тька и ма́тиръ, воны̀ лю́ды ло́вки и га́рныхъ роды̀въ“. „За цёго хло́пця мо́жно було̀-бъ отда̀ть на́шу ди́вчину, та у насъ недоста́токъ: на сва́йбу у не́и нымà и скры́ни, и сы̀ткы празны́шнои, и

кожуха̀, и чоби̇тъ, и сорочо̀къ нымà, и рушныки̇въ перевья-зà̀ть старости̇въ нымà, та ще тре́ба купы̇ты очи̇покъ рубли̇въ за три (отъ 2 до 10 р.), (и якъ шо ду́мають отда́ты, то ка́-жуть:) якъ вы посо̀быте мини̇ цилко́выхъ пьятна́дцять, такъ, мо́же, бу́демъ и свата́мы". Торгу́юцьця.

Старостàмъ прихо́дыцьця разы̇въ зъ де́сять ходы̇ты, по́кы не вы́сватають: изъ одно́го ра́за ди́ла нико́лы не бувà; писля̇ согла́скы старосты̇ зъ ба́тькомъ прызыва́ють ди́вку, и ба́тько ка́же ди́вци: „тре́ба подывы̇цьця ще й на хло́пця, хочъ мы и ба́чылы и зна́емо". Прыхо́де хло́пець.—Стано́влять ихъ ко́ло поро́га и спра́шують, чи воны̇ согла́сни? Ди́вка: „якъ ба́тько та ма́ты ска́жуть",—зна́чить, вонà согла́сна. Ри́жуть тоди̇ ту паляпы̇цю, шо прынеслы̇ старосты̇, вынима́ють зъ—за па́-зухы, або карманà во́дку и пьють „могорычъ". Якъ оцѐ ди́ло вра́нци, або̀ пе́редъ ве́черомъ, такъ молодà достаѐ рушныкы̇ и и́мы перевья́зують старости̇въ, а якъ въ ночи̇, то дожыда́ють ра́нка (у́тра),—бо не полага́ецьця.

Вы́пьють во́дку старосты̇ и иду̀ть до женыхо́вого ба́тька и объясня́ють, въ чомъ ди́ло, а жены̇хъ оста́ецьця у молодо́и ночува́ты и хо́де ка́жду ничъ ночува́ты, а вра́ньци сни́да (завтра-каетъ) тамъ у не́и. Сваты̇ зи́йдуцьця колы̇ не́будь або̀ на дру́-гий день и бала́кають, на колы̇ гуля̇ть сва́таньня; сва́таньня бувà ско́ро по́сли то́го, якъ пола́дять, и тутъ ла́дять, кому̀ яки̇ пода́ркы давать.

На яки̇й день пола́дылы сваты̇ гуля̇ть сва́таньня, молодà хо́де съ дружка́мы (дивки̇ ра́зныхъ во́зрастивъ) съ дворà на двиръ и зовѐ на сва́таньня. Молодà идѐ поза́ди дружо́къ; дружкы̇ спива́ють одну̀ пи́сьню усѐ вре́мья: „Не просва́туй менѐ, ба́тенько, сви́та мини̇ не завья́зуй, молодо́и". Припѣ́въ: „Да́ра, да́ра, да́ра; горо̀хъ, горо̀хъ по доро́зи, а ба́тько у доро́зи".

Якъ прышлà молодà до-до́му (молоды̇й ужѐ прыйшо̀въ сюды̇ съ ба́тькомъ, ма́тирью и блы̇зькимы ро́дычамы), молодо́го сажа́ють за стилъ зъ старши̇мъ боя́рыномъ (шаферъ), а молодà съ ста́р-шею дру́жкою (шаферина), кладѐ на тари́лку плато̀къ и о̀тдаѐ молодо́му, тоди̇ старшо́му боя́рыну ху́стку, тоди̇ све́крови, свек-ру́си, хреще́ному ба́тькови и ма́тыри, а остальнымъ даѐ по̀ ча́рци гори́лки; за ци пода́ркы молоды̇й даѐ оды̇нъ рубль, бо-

я́рынъ то́же, све́коръ то́же, свекру́ха на па́рочку, а остальны́и одъ двадцяты́ копи́ёкъ до одного̀ рубля̀. Молода̀ якъ пидно́се во́дку, молоды́й все вре́мья стои́ть за столо̀мъ и кла́няецьця. Всимъ пидно́сять, и малы́мъ, а гла́вное—по поря́дку (по чи́ну): ба́тькови, ма́тери, дядька̀мъ, титка̀мъ, двоюродному бра́ту, сыстри̇̀, а то зъ-за цёго ссо́ры буває́ть".

Прежде, чѣмъ молодого (жениха) заведутъ за столъ, молодой и молодая становятся парою и по порядку кланяются каждому изъ присутствующихъ по 3 раза и цѣлуются.

„Писля̀ пидно́скы во́дкы, молодѐжъ съ молодо̀ю и молоды́мъ иду̀ть въ суси́дьську ха́ту, ва́рять варе́ныкы, а молоды́й угоща̀ во́дкою. Стари̇̀ остаю̀цьця тутъ у ха́ти, сида́ють за стилъ,—хреще́ныи ба́тько и ма́ты на по́кути,—подаю̀ть оби́дать (вече́рять) капу́сту, галушки̇̀, бара́ныну; ба́тько и ма́ты пидно́сять по рю̀мци. По́сли цёго оби́да жныхи̇̀въ ба́тько зве до се́бе всю бэсе́ду; тутъ ужѐ во́дкы вдо́воль, ори́шкы, пырожкы́, гу́ска жа́рына, капу́ста, лапша̀; якъ подаю̀ть дру́гу пырыми́ну, пидно́сятъ по-ря́ду по ча́рци. (Стоитъ это отъ 30 до 50 р.). Писля̀ цёго винча́ють, а писля̀ винця̀ вечеры́ны.

На якы́й день вечеры́ны, тоди̇̀ хо́де молода̀ опья̀ть зъ дружка́мы, хо́де вона̀ зъ двора̀ на двиръ, кла́няецьця ка́ждому по тры́чи и цилу́е,—наря́жена хорошо̀: коса̀ у́брана кисныка́мы (лентами), голова̀ цвита́мы. Молоды́й хо́де зъ старшимъ боя́рыномъ то́же зъ двора на двиръ и зовѐ, (но не кла́няецьця); прыйшо́вши до те́стя, про́се: „мы́лосты про́сымъ до на́шого ба́тька въ го́сти"; а молода̀ пишла̀ до свекру́хы, тутъ йийи̇̀ сажа́ють за стилъ, даю̀ть по ча́рци, по пирожку̀ и по шы́шци, хто зъ не́ю прыйшо̀въ. Така̀ честь и молодо́му.

Прыйшо́вшы, молоды́й, додо́му, спра́шуе дружка̀ (роспоряды́теля сва́дьбы); дружко̀ благословы́ть: „иды̀ ты до суси́ды, возьмы̀ свий тырымо̀къ (продолговатая шишка), ста́рший боя́рынъ неха̀й пори́же, та розда̀сть всимъ". Ти пишлы̀ и зди́лалы, шо прика́зано. Тро́шки опосля̀ идѐ за молоды̀мъ дружко̀ въ суси́дьську ха́ту, ка́же: „ходи̇̀мъ въ ба́тькивъ кури̇̀нь начына̀ть ди́ло робыть", прыви́вшы ёго въ ха́ту до се́бе (додо́му), сви́те сви́чки̇̀; „а пода́йте лы̀шень плато̀къ просла́ты пидъ но́гы". Молоды́й, помолы́вшысь Бо́гу, кла́няецьця ба́тькови, ма́тери и всий

роднѝ и знакомымъ и цилуе. Тодѝ дружкò, одошедши до дверей, съ молодымъ позады, ставши лыцэмъ въ хату, крычѝть: „Господы Исусе Хрыстѐ, Сынъ Божий, помылуй насъ“.—Батько женыхà: „Амѝнь, Богъ благословыть“, и идуть прямо за стилъ вси бояре; дружкò, завѝвши молодого за стилъ, сидà былѧ старостѝвъ и здоровкаецьця: „здраствуйте“,—„здраствуйте“.—„Боже, поможѝ“, дружко каже: „за цю висть, якъ бы чарокъ шисть, а хочъ и по одний, та по повний“. Поподчують дружкà, винъ и вылазе виттылѧ, и сажае свитылокъ (у рукàхъ у ныхъ васылькѝ, а въ васылькахъ деревьяный мечъ и кинь) и свашòкъ. Пидступà батько до столà, берѐ пляшку,—дружка крычѝть: „встань, пиднымысь“. Молодый встаѐ, батько пидносе молодому,—винъ откланюецьця (и водкы не пье и въ рукы не берѐ); батько пье самъ, даѐ матери и по чину всимъ родычамъ. Якъ усѝмъ пиднесуть, тодѝ пье и самъ молодый, боярынамъ (ихъ много), свашкàмъ (женщины) а свитылкамъ (дивкѝ). Пидступà маты,—пиднòсе такъ, якъ и батько, а молодый съ бояръномъ стоять и при кàждомъ пиднòси и откланюецьця. Пиднòсять (якъ у багàтыхъ), такъ почты уся ридня за столòмъ, якъ посидàлы, такъ отò ужѐ не выпустять никого. Дивчàта въ це времья спивàють пѝсню:

„Ломыте роженьку,
Стелыте дороженьку,
Шобъ мнягко ступàты,
Та на двиръ, та на подвирьячко,
Та на ясне сонэчко“.

А якъ отдаютъ сыроту, то спивàють:

„Плывы, плывы, сѝра вутыця,
Тыхо й по водѝ,
Прыбудь, прыбудь, моя ненько,
Ой, дай минѝ, порàдоньки,
Бѝдний сыротѝ.
Та нехàй тобѝ поряжàють
Ти, шо й оддаютъ“.

Пòсли цёго пòтчуваньня, родычивъ сажàють вечерять, пòтимъ того росхòдяцьця, а молодый, не дожидàясь вечери, берѐ бояръ и берѐ дви хлибыни и кусòкъ сàла, и пивквàрты водки, идѐ до тестя; тамъ зъ молодòю и дружкамы вечеряють.

Та же самà исторія идѐ и у молодòи;—точно такъ, безъ всякихъ изминэний.

Передъ свàдьбой дня за два пычуть шишкы, лежень (продолговатый хлѣбъ), коровàй (круглый); якъ той, такъ и дру-

гий—укра́шиный. Колы́ сажа́ють корова̀й, то стара́юцьця попа́сты хло́пця, и шобъ винъ вы́мывъ пи́чку и посады́въ хлибъ; за це ёму̀ даю̀ть ча́рку гори́лки. Посады́вши корова̀й въ пичъ, чоты́ри молоды́и ба́бы беру̀ть дижу̀ и обно́сять йийи̇ тры́чи кругòмъ; при цёму спива́ють: „Ди́жку но́сять на рука̀хъ, а пичъ хо́де на нога̀хъ“. Проспива́вши, наперерывъ одна̀ па́ра пе́редъ дру́гою, цилу́юцьця, стано́влять дижу̀ на зе́млю, накрыва̀ють скатерты́ною, стано́влять пивъ-буты́лкы во́дки и кладу̀ть шишки̇, пьють и заку́сюють.

Сбыра́ють пойи̇здъ у молодо́го. Схо́дяцьця боя̀ре, зво́дять ко́ни, запрята́ють, заплита́ють кисныч́кы, ко́ни накрыва́ють кумачѐмъ, дзво́ныкы прывья̀зують до дуги̇ и обмо́тують кумачѐмъ. (Дзвоныкы про́сять у свои̇хъ крестьянъ, и за це по́венъ дзво́ныкъ во́дкы). Якъ усѐ оцѐ гото́во, дружкò вво́де молодо́го въ ха́ту и всихъ боя̀ръ зъ надво́ру, и въ ха́ти мо́ляцьця Бо́гу, крычи̇ть дружкò: „пода́йте платòкъ просла̀ть, де быть покло́ны“; поклоны́вшись ба́тькови, ма́тери и всимъ ро́дычамъ, тоди̇ заво́де молодо́го за стилъ. Дружкò даѐ ёму̀ дви хлибы́ны пидъ пра́ву ру́ку и, перехрысты́вшись, ведѐ кругòмъ стола̀ и садовы̀ть на по́кути; молоды̀й кладѐ по хлибы́ни по угла̀хъ; дови́вши молодо́го до по́кути, самъ сида̀, здра́ствуецьця съ старости́мы (кото́ри тутъ же сыдя̀ть); дружкò: „здра́ствуйте вамъ“, „здра́ствуйте“, — старосты̀ одвича́ють; „Бо́же, поможи̇“,—„спасы́би за до́бре сло́во“.—Дружкò: „за цю висть якъ бы ча́рокъ ши̇сть, а хоть и по о́дний та по по́вний“. Пье дружкò, пидно́се старостѝмъ; посли вы́пывки дружкò встае,—сажа́е свиты́локъ и свашòкъ. Свашки̇ стано́влять тарилки̇ и крыча̀ть на боя̀ръ: „подава́йте свои̇ шапки̇: мы бу́демъ прышива́ты стежки̇“; прышива́ють старостѝмъ и ви́зныкамъ;—старосты̀въ и ви́зныкивъ ще й перевья̀зують рушныка́мы. И ка́женъ за свою̀ ша́пку кида́е копи́йку въ по́возку свашòкъ. Пидступа̀ ба́тько до молодо́го и часту́е ёго̀; винъ откла́нюецьця; пидно́сять усимъ,—тоди̇ молодо́му съ боя̀рамы и свашка́мы; тоди̇ пидступа̀ по́тчуваты ма́ты,—така̀ же цырымо́ния. Попо́чтувавши гостѐй,—дружкò сида̀ за стилъ, а свашки̇ и свитылки̇ вылиза́ють. Дружкò опья̀ть здра́ствуецьця съ старости́мы; тоди̇ выво́де молодо́го изъ-за стола̀ и даѐ опья̀ть ти дви хлибы́ни, що булы̀ поло́жени на кра́яхъ.

Убыра́юцьця до молодо́и: кладу̀ть у то́рбу той хлибъ, и шишо̀къ кладу̀ть у то́рбу, та ще й прыба̀влять дви хлибы́ни: всихъ чоты́ри; выхо́дять зъ ха́ты, сида́ють на тарантасы; сады́цьця молоды̀й и, вставши на но́ги, хры́стыцьця на вси чоты́ри сто́роны; зъ нымъ сида̀, старшѝй боя́рынъ;—дру́га пово́зка зъ свашка́мы и свити́лкамы, тре́тя, пово́зка зъ боя́рамы, четве́рта зъ старостамы, (старосты ще не сида́ють: дожида́ють вре́мья).

Ма́ты бере́ хми́лю, вивса̀, ори́хивъ, копиёкъ и стары̀хъ грошѝвъ въ по́лы, держа̀ по́лы съ платко̀мъ;—дружко берѐ за ху́стку (плато̀къ) и обво́де круго̀мъ по́йизду, куды̀ со́нычко идѐ; ды̀нъ разъ, вто́рый разъ, дови́вши до пере́днихъ ко́ней, де молоды̀й сыдѝть, и кыда́еть на́вхрестъ; наро̀дъ такъ и па́да на землю: ду́ма схваты̀ть копи́йку, и крычѝть: „кыда̀й, ма́мо, сюда̀“; якѝй остаецьця хмиль въ за́поли, ма́ты опьѧ̀ть захо́де наперѐдъ ко́ней и сы̀пе имъ пидъ но́ги и тодѝ берѐ поло́ю за по́воды або̀ за ви́жки, а дружко̀ берѐ ма́тыръ за по́лу и выво́дыть до двора̀ потыхе́ньку,—тодѝ отска́куе на бикъ;—молоды̀й, якъ ти́лько ма́ты вы̀веде зъ дружко̀мъ за воро́та ко́ней, то сейча̀съ съ пра́вои рукѝ кы̀да гро́ши на оби́дви сто́роны.

По́йиздъ пойи́хавъ. Дружко зъ свои́мы старостамы зовѐ лю́дей у ха́ту—доро́гу гла́дыть; даду̀ть по стака́ну и иду̀ть до молодо́и въ двиръ. Да́вши наро́ду по стака́ну и по шы̀шци, про́сять на ве́черъ, якъ молоду̀ прывезу̀ть.

По́йиздъ дойи́хавъ до це́рквы, тры̀чи оббижить круго̀мъ не́и; тодѝ встаѐ молоды̀й съ старшѝмъ боя́рыномъ, иду̀ть на схи́дци це́рквы и, взийшо́вши на рунду̀къ (паперть), мо́ляцьця Бо́гу,—иду̀ть и сида́ють на тарантасъ, ката́юцьця по слободѝ. Молода̀, якъ бы дожыда̀ молодо́го, хо́де съ дружка́мы по у́лыци, а, поба́чивши по́йиздъ, хова́ецьця въ ха́ту; якъ по́йиздъ добижѝть до ти́и ха́ты и ста́не пыта́ты,—де вона̀, пиддру́жинъ, (со стороны невѣсты, то, что со стороны жениха дружко̀) ска́же молоды̀й, шо йийѝ ждуть; вона̀ вы̀йде зъ хаты на у́лыцю съ дивча́тамы, по́йиздъ оббига̀ круго̀мъ йихъ, и тодѝ молода̀ пидхо́де съ старшо́ю дру́жкою до молодо́го, здоро́вкаюцьця и цилу́юцьця со всимы̀, хто на по́йизди, за шо имъ пидно́сыть по рю́мци моло-

дый. Пойихалы ще катацьця. А старосты ужѐ давнò прыйихалы до свáта; не дойизджáя до свáтового двора̀, ихъ зáразъ зустричáють и не пускáють у двиръ; а дружкò идѐ самъ у хáту до свáта и достаѐ изъ кармáна дви шишки: „здрáствуйте вамъ, сватòкъ и свáха, Бóже, поможи̇! вамъ клáняюцьця сватъ—свáтови, а свáха свáси, князь—княги́ни, а вамъ, свáтушка, ще й хлибъ—силь отъ свáта и отъ свáхи“, даѐ ти дви шишки, и тоди̇ дружкò погля́дуе въ глухи̇й край (де стоя̀ть рогачи̇), чи немà тамъ колдýныци; якъ шо йе, такъ винъ даѐ йи́й шишку (шобъ не колдовáла), и дружкò выбигà тоди̇ зъ хáты безъ шáпки до ворѝтъ, де старосты дожидáють, и кáже винъ старостàмъ: „попóштуйте людѐй, и воны вас пропýстять на постоя̀льный двиръ“, старосты пиднóсять по рю̇мци, и ихъ пропускають у двиръ.

Дружкò кывà на пóйиздъ, шобъ йи́хавъ, берѐ кóней за пóводы и въизжà у двиръ,—встаю̀ть боя́ры зъ повóзки, убырáють кóней, кладýть си́на, и дружкò идѐ въ хáту и посылà за молодóю пиддрýжого.

Пéредъ порóгомъ стои́ть стилъ, накры́тый скатыртыною, хлибъ и силь; пéредъ столòмъ становля́цьця старосты, дáльше молоды̇й зъ боя́рамы (вси стоя̀ть безъ шáпокъ). Дружкò молодóго ухóде въ хáту и говóрыть: „клáнялась свáха—свáтови, а сватъ—свáси, а боя́ры—дружечкàмъ, а князь княги́ни—на хлибъ—на силь“.—Кладѐ дви шишки на стилъ;—сыдя̀ть ря́домъ собрáвшиися срóдственыки и срóдственыци княги́ни и говóрять дружкóви:—„здрáствуй, дружкò“!—„А я и забýвъ зъ вáмы, свáхи, пóздорóвкацьця“ (вáжно), и начинáе зъ свáхи (титки молоди̇й) и свáта, мáтеры́ну сестрý; дрýгимъ любопы́тно, кáжуть: „поцилýй и насъ, свáту, ну, да пидря̀дъ усихъ„—„ну, извени́те“, „та не такъ тéичкы (только), ты цымъ не одбýвъ, то поцилувàвъ, а хóчецьця намъ ще и свáтовои по рю̇мочци вы́пыты“.—„Та хто ёгò знáе, свáшеньку: я за ди́ломъ прийихавъ, мини̇ нýжно о томъ смотрѝть, на менѐ дорýчено (поручено) ци́лое собрáные хазя́йства бракосочетáныя. да, мáбудь, ужѐ пиднесты, моглò быть, шо вы якъ на ди́йствии, то и за мнóю застýпытесь“. Вынимáеть зъ-за пáзухи, абò зъ кармáна полушýбка, чи свы́ткы, илы̀ же тóчыть изъ бочéнка, котóрый бать-

комъ на продово́льствие по́йизда да́нный, и то́чить, вынима́еть зъ-за па́зухи рю́мку пидно́сыть ба́тькови (княгы́ни), той отсыла́еть; „ну, бу́дьты, здоро́ви“, хре́стыцьця; „дай же, Го́споды, сиѐ ди́ло до́бре началы̀, такъ съ Бо́жию по́мощию и ко́ньчить, дай, Богъ, сватòкъ, поме́ршимъ ца́рство небе́сное, а за во́дочкой, живы́мъ леге́нько погада́ецьця, ва́шимъ, сваточкѝ, на́шимъ и всимъ знако́мымъ“,—„куша́йты, куша́йты, сватòкъ, ну, бу́дьты здоро́ви“! Выпыва́еть стака́ньчикъ до полови́ны,—„сватòкъ, це ты намъ ны радъ, бу́дьты наско́лько до́бри“,—„я радъ бы вы́пыть: да мни ди́ла то мно́го предстои́ть“—„хочъ, тро́шки прыба́вте ищѐ“—„бу́дьты здоро́ви, сваты̀ и сванютки“—допыва́е стака́нчикъ.

Налыва́еть и даѐть ба́тькови, та ще кому̀ не́будь: „вре́мья не ждэть, намъ ну́жно, о чомъ насъ ба́тько послàвъ, о томъ должнѝ мы и забо́тыцьця. Якъ же то такъ, свато́къ, бу́дьты здоро́вы“. Вы́пывъ ба́тько, даѐ ма́тыри, ма́ты одсыла́е дружко́ви: „сватòкъ, изво́льты собѝ“. „Сванютка, я южъ и такъ вы́пывъ: отъ свата̀ и отъ се́бе, а це васъ прошу̀ поко́рнийше, сванютка, ку́шайты“.—„Ну, сватòкъ, дай же, Го́споды, шобъ счасли́во и благополу́чно оцѐ ди́ло начàть и ко́ньчить“.—Начына́е дружкò поря́ду пидно́сыты по рю́мочци, и ти́и выпыва́ють по сы́ли возмо́жносты, поря́ду. „Дово́льни-ли вы, сваты̀ и сванютки“?—„Дово́льни“.— Дружкò ка́же: „нылызà ли изъ васъ тамъ, сватòкъ, вы́гадаты по рю́мочци“?—„Ну, сватòкъ, якъ до́брый ты чоловѝкъ, попо́тчую“,—берѐть во́дку, налыва́еть у рю́мочку:—„сватòкъ, изво́льтысь“.—„Изво́льтысь собѝ, сватòкъ“,—налыва́еть другу̀:—„изво́льтысь“.—„Ныхàй сва́тынька вы́пьеть“. Сва́ха (на глазахъ со слезами): „дай же Богъ, сватòкъ, шобъ все благополу́чно булò“ (напомына́ецьця ма́тырына утро́ба, роды́вшая дытѐ—и отдаѐть у стра́нни ру́кы, и чи́рызъ то у не́и открыва́юцьця слёзы)—„бу́дьты здоро́вы“!—„Ку́шайты, сванютко, Богъ дасть сча́стья и здоро́вья,—жи́ты бу́дуть“. Выпыва́еть сванютка, и сле́зы на глазàхъ; ба́тько то́же утырà глазà, вдоба́вокъ гово́рыть, кывъ на свою̀ хазя́йку: „ку́шай, ку́шай, старà“!—Вы́пыла. Тепѐръ налыва́еть дружко́ви, отсылà винъ блы́зькимъ ро́дычамъ, а якъ ныма̀, ка́же: „ку́шай, сватòкъ, вре́мья ны ждэть, поскори́й, дружкò“.—„Ну, сватòкъ, дай же Богъ, шобъ

благополу́чно",—берѐ тутъ у ру́ки рю́мку и хре́стыцьця:—„поме́ршимъ ца́рство небе́сное, за хли́бомъ-со́лью—бу́дьты здоро́вы". Вы́пывъ. „Ну, сватъ, у васъ усѐ гото́ве?"—„Та, сватòкъ, усѐ". „Ну, посыла́йте,—де у васъ пиддру́жий,—посыла́йте за ди́тьмы, а ты, ма́мо, е́сли у те́бе все гото́во,—пода́рки,—якѝ тамъ у васъ съ сва́томъ на догово́ри булы́: свашка̀мъ, свитылка̀мъ, боя́рамъ".—„Та усѐ, усѐ, сватъ, гото́во"!—Дружкò това́рыщу: „Та й ты, това́рыщъ, ма́будь, вы́пьешъ"?—„Та я тогò и дожида́юсь"!—Пидно́се ёму̀; той отсыла́еть ёму̀. „Ну, будь здоровъ, якъ шо такъ",—налыва̀ другу̀ и даѐ ёму̀:—„мо́же, ще кому̀"?—„Нитъ, тутъ ничо́го, а неме́дленно-поскорѝй".—„Ну, будь здоровъ, бра́тыць",—пье:—тепѐръ, мо́же, ще дру́гу пидба́выты,—налы̀ть"?—„Нитъ, дово́льно". — „Иды̀ жъ, сватòкъ, поскори́е, отыська̀й дитѐй"! Ухо́де и ско́ро вво́де молоду̀ въ домъ; сви́тять свичкы̀, мо́ляцьця Бо́гу и пиддру́жий про́сыть платòкъ; молодѝ кла́няюцьця; ба́тько йийѝ берѐ хлибы́ну и стойть, а дочка̀ тры́чи кла́няецьця и цилу́е ба́тька. Пиддру́жий передаѐ цю хлибы́ну ма́тери, ди́ду, ба́би, ди́дькови, ти́тци, старостàмъ молодо́го.—„Та ще кому̀"?—„Та бильшъ нема̀ нико́му". — „Ну, кла́няйся минѝ" (пиддру́жому).—Поклоны́лась и поцилува́ла по—тры́чи. Тодѝ пиддру́жый берѐ дви хлибы́ни пидъ пра́ву ру́ку, даѐ молодѝй оды̀нъ край ху́стки, а самъ бере́цьця за дру́гий.—„Го́споды, благословы̀",—и заво́де за столъ; за не́ю идѐ старша̀ дру́жка, обхо́дять кругòмъ стола̀, и садовы́цьця молода̀ на по́кути, а пиддру́жий на прычи́лковий ла́ви; тутъ же и старосты̀ пидсува́юцьця, и пиддру́жий здоро́вкаецьця съ старостáмы: „за цю висть—ча́рокъ шисть, а хочъ по о́дний, та по по́вний",—и пиддру́жий берѐ зо стола̀ во́дку, налыва́еть и пидно́сыть ста́рости; ста́роста ёму̀ отсыла̀.—„Ну, бу́дьте здоро́вы, дай, Го́споды", и т. д. Потòмъ выпыва́е ста́роста и дру́гий, и тодѝ пиддру́жий идѐ, куды̀ зна́е. По́сли цѐго ба́тько берѐ во́дку, або̀ части́йшъ варе́ный медъ, кото́рий стойть на столѝ, заткну́тый коло́сьямы изъ жита; молода̀ встаѐ зъ старшо́ю дру́жкою на но́ги, ба́тько пидно́се йийѝ; вона̀ одка́зуецьця; пье самъ; тодѝ ма́тери, по чи́ну по́сли ста́ршихъ пье молода̀ зъ свои́мы дружка́мы; тодѝ пидно́се ма́ты. Дружкò: „Сватъ, у те́бе старосты̀ есть, хай выхо́дять туды̀ до стола̀; а ти, шо пе́редъ поро́гомъ

стоя̀ть безъ ша̀покъ, зъ хли̇бомъ и со̀лью, по̀ки дружко̀ роспоря̀дыцья“, вышлы воны̀. „Здра̀ствуйте, сваты̀“.—„Здра̀ствуйте, сва̀тыки“,—„шо вы за лю̀ды“?—„Та пришлы̀ до васъ погри̇цьця“. —„Мы жъ ны зна̀емъ, шо вы за лю̀ды“.—„Та мы лю̀ды до̀бри“ (вокру̀гъ наро̀дъ стоѝть и хохо̀четь изъ ныхъ; хто нѐбудь и крычѝть: „по̀лно вамъ моро̀зыть“).—„Если (колы̀) такъ, такъ и такъ,—дава̀йты здоро̀вкацьця“. Начина̀ють три ра̀за цилува̀цьця чѐрезъ стилъ на̀вхрестъ. За̀разъ же выхо̀де ма̀ты изъ ха̀ты и даѐ по ча̀рци молодо̀му зъ боя̀рамы мѐду съ хми̇лёмъ; воны̀ не пьють, а вылыва̀ють за спы̀ну, и тодѝ вво̀дять ихъ въ ха̀ту“.

Праздничныя пѣсни. На Р. Хр. дѣти ходятъ съ поздравленіемъ до разсвѣта и поютъ:

„На вылы̀кий плачъ Охлиѐмъ,
Когда̀ Ыродъ народы̀вся,
На Хрыста̀ возмуты̀вся.
Повелѝвъ Хрыста̀ ськать,
Молоды̀хъ дитѐй быть побы-
ва̀ть,
На ко̀пьяхъ пиднима̀ть,
Безбо̀жна царя̀ проклына̀ть.
Ыроде, Ыроде, сквѐрный сынъ,
Шо̀ ты сочины̀въ,
Чоты̀рнадцять ты̀сячъ
Невы̀нныхъ младѐньцивъ
погубы̀въ.
За ца̀рствомъ-бага̀цьтвомъ
погна̀вся,
Самъ въ ви̇чную му̀ку по-
па̀вся“.

„Си̇имъ, поздравля̀емъ, та бу̀дьте здоро̀ви съ пра̀зднымъ“.

Съ понедѣльника на маслянной начинаютъ варить „варѐныкы“ и печь „блины“. Дѣвки и хлопцы поютъ пѣсни,—что называется „козла водить“.

На новый годъ говорятъ:

„Роды̀, Бо̀же, жи̇то и пшены̀цю, всяку̀ пашны̀цю, та бу̀дьте здоро̀ви. Съ пра̀зднымъ, та зъ но̀вымъ го̀домъ, та зъ Васы̀лёмъ“.

31 Декабря на Меланію дѣвки, собравшись гурьбою, поютъ подъ окнами.

„Мыланка ходы̀ла,
Васы̀ля просы̀ла:
Васы̀ло, мий ба̀тю,
Пусты̀ менѐ въ ха̀ту,
Я жи̇та не жа̀ла,
Чесны̀й хрестъ держа̀ла.
Кады̀цьця (ка̀йтеся) лю̀ды:
До васъ Ису̀съ Хрысто̀съ бу̀де,
Бо̀гу свичу̀ ста̀вте,
А намъ пирѝгъ да̀йте,
Зъ рука̀мы, зъ нога̀мы,
Шобъ бигъ за на̀мы;
Безъ рукъ, безъ нигъ,
Шобъ не впавъ въ снигъ“.

* * *

„Чи до́ма дя́дько?
Чи до́ма ти́тка?
Чи вары́лы ка́шку?
Да́йте мини̂ галу́шку,
Якъ не дасте̂, такъ са̂мы
зйисте̂“ (веч. поздно).

На Свѣтлый Праздникъ дѣти поютъ:

„Хрысто̀съ Спасы́тель,
Гдѣ былъ на крестъ прыбы́тый,
Тогда̀ былъ страхъ велы́кий,
Земля̀ тряслàсь,
Ка́минь роспада́вся,
Іису́сова Мать
Подъ хресто̀мъ стоя́ла,
Свого̀ Сы́на прыглядàла.
„Мой Сынъ прекра́сный,
Чого̀ помыра́ешъ,
Въ гробъ плащаны́цю прыни-
ма́ешъ?
Христо̀съ Воскре́съ (3 раза)“.

На Троицу крестьяне только украшаютъ свои дома зеленью.

Въ „чы́стый четвѐргъ“ до разсвѣта моются и купаются почти всѣ, чтобы не было накожныхъ болѣзней, и бьютъ свиней; говорятъ, что въ салѣ этихъ свиней никогда не заведется ничего ни противнаго, ни вреднаго.

Въ первый понедѣльникъ послѣ Св. Хр. Воскресенья служатъ панихиды на гробахъ; послѣ служенія—преимущественно бабы—устраиваютъ попойки.

Дѣтскія **игры:**—„панàсъ“ (кузмы́рка“), лѣтомъ мячъ, зимою и осенью—„свы́нка“ (отрубокъ изъ крѣпкаго дерева, который одна сторона отбиваетъ у другой). Дѣти, юноши и взрослые преданы картамъ,—юноши и взрослые играютъ на деньги, въ три-листика, а дѣти на спички.

Танцуютъ „кама́рынский“ и „чо́боты“, подъ игру на балалайкѣ, гармоникѣ, скрипкѣ и „цымба́лахъ“ (родъ цитры).

Повѣрья. Люди вѣрятъ, что, когда разорить гнѣздо ласточки при дворѣ, то она испортитъ корову, которая не будетъ молока давать, а хотя и будетъ, то съ кровью и невкусное, почему уважаютъ и не трогаютъ этихъ птичекъ.

Если зимою большіе морозы, то нужно насчитать 40 лысыхъ, и морозъ перестанетъ. Вѣрятъ, что, когда загремитъ 1-й громъ, то нужно сейчасъ же бѣжать и опрокинуть какой нибудь возъ (телѣгу), тогда опрокинувшій цѣлый годъ не будетъ болѣть. Послѣ перваго дождя—купаются—(хотя и рѣки нѣтъ).

Пословицы: „Прывы́кла соба́ка за во́зомъ би́гаты, такъ и за саньмы̀ не вте́рпе.—Ныха̀й кобы́ла за ди́ломъ, а лоша̀ во́все безъ ди́ла.—Якѐ кори́ньня, такѐ и наси́ньня.—Хочъ не по кобы́ли, такъ по огло́бли.—Въ гуртѝ и ка́ша йи́сьцьця; гуртòмъ и ба́тька ло́вко быть.—Тимъ са́ломъ, та по тий же и шку́ри.—Або̀ вы́ла въ бикъ, або̀ си́на клокъ.—Була̀ ны була̀—побува́ла.—Уси́ кизякѝ перевернѝвъ, та все ва́шойи мы́лосты шука́ю, а вы о́зьдечки собѝ разбандёрылысь.—Поба́чивъ и я сма́леного во́вка.—Низзя̀ ти́ко на не́бо зли́зты, а то дывы́сь, яка онъ высо́ка дзвины́ця, й на не́йи жъ бачъ ла́зють.—Ви́нъ про́ты тори́шнёго хочъ и чо́ртъ, та ди́ла не бу́де: въ е́го во́вча ду́мка; сказа̀въ, а̀къ завьяза̀въ.—Амѝнь пирижка̀мъ.—Хто бу̀де, той самъ ра́но встайѐ.—Горѐ жъ минѝ та беда̀, шо вы́йшла за́мижъ молода̀.—Гро́ши—че́рвы, а лю́ды безъ йихъ—че́рти.—Тоди поле́гша, якъ ракъ свы́сне.—Богъ не теля̀, ба́че ѝ видтыля̀.—Була̀ пра́вда̀, та заржа́вила.—Й тому добрѐ не бу́де, хто ска́же, шо вонò колы̀ бу́де.—До́лженъ, не спо́рю, одда́мъ неско́ро, зна́чить, пидожды̀.—Такѝй ну́жный, якъ свынѝ архирѐй.—Изпылы̀ кровъ, такъ и мьясцѐ ззи́йжте.—На́ша При́ська все три́ска, и бу́блыки лу́пе якъ хто ку́пе, а не ку́пе обийде́цьця, вонò и такъ мыне́цьця.—И пы́во—медъ пье, якъ хто даѐ, а не ма́е, то ѝ такъ перекотуля́е“.

И. Н. Шухминъ.

15.—Сл. Райгородка.

Поселеніе.—Населеніе и языкъ.—Одежда и пища.—Болѣзни.—Занятіе.—Религіозность.—Свадебные обычаи и пѣсни.—Похороны.—Примѣты о погодѣ и этнографическій календарь.—Писанки.—Посѣвъ и косовица.—Игры.—Демонологія и повѣрья.—Сказки и пѣсни.

Слобода расположена на правой сторонѣ р. Айдаря, большею частью на отлогомъ мѣстѣ, а меньшею по склону холмовъ. Почва этой мѣстности почти вся супесчаная; растительность встрѣчается по низовьямъ очень хорошая, имѣется много садовъ, въ которыхъ растутъ различныя фруктовыя деревья, а по склону холмовъ сады съ каждымъ годомъ высыхаютъ. Слобода находится въ 50 в. отъ уѣзднаго города Славяносербска (Екатер. губ.) и въ 35 в. отъ Луганска (Екатер. губ.). Окрестности Ра́йгородки въ старинное время были покрыты непроходимыми лѣсами, въ которыхъ обитали шайки разбойниковъ, занимавшіяся грабежомъ. До сихъ поръ сохранились здѣсь курганы и пещеры, какъ ихъ памятники. Эти разбойники находили себѣ пріютъ и у перваго поселенца Яндилова. Отъ имени этого поселенца сл. Ра́йгородка сначала именовалась „Яндиловой". Съ 1759 года часть однодворцевъ сл. Райгородки (Изюм. уѣзда) была переселена въ Яндиловку, по просьбѣ полковаго начальника, и отъ имени новыхъ поселенцевъ сл. Яндиловка стала называться Ра́йгородкой. Народъ объясняетъ названіе своей слободы еще и такимъ образомъ: во время казачества всѣ поселенія, занимавшіяся ими, назывались городками. И вотъ, осматривая войска, одинъ начальникъ пришелъ въ восторгъ отъ этой красивой мѣстности и ея жителей и далъ поселенію названіе Ра́йгородки.

Населеніе и языкъ. Въ слободѣ считается до 2,172 д. жителей, изъ этого количества на мужской полъ приходится 1,073 души, а на женскій 1,099. Здѣшніе мужчины по большей части средняго роста, а женщины высокаго. Волосы больше чернаго цвѣта и гладкіе. По наружности населеніе не отличается кра-

сотою, хотя въ старинное время могли гордиться ею. Причина, вліяющая на перерожденіе красивыхъ, есть болѣзнь, свирѣпствующая здѣсь въ сильной степени.

Эту мѣстность населяютъ великоросы, пришедшіе частію изъ Орловской губ., частію изъ Калужской, Тульской и Воронежской. Въ ихъ говорѣ часто встрѣчаются слѣдующія неправильности: звукъ *о* неударяемый подвергается измѣненію въ *а*, напр., галава̀ (голова), харашо̀ (хорошо), агурцы̀ (огурцы); неправильное употребленія *а* послѣ горт. *к*, напр., Ва́нькя (Ва́нька), Ду́нькя (Дунька); послѣ свистящихъ и шипящихъ также встрѣчаются неправильности: ча́пля (цапля), че́почка (цѣпочка), шшо́тка (щетка), шшака̀ (щека), тьвѣты̀ (цвѣты), тьвѣту̀тъ (цвѣтутъ); мѣстоимѣнія: кого, того, себѣ, тебѣ выговариваются: тавò, кавò, сабѣ ,табѣ; въ глаголахъ наст. времени 3 лица, звукъ *ё* произносится за *е*, напр., зальéтся (зальётся), озовéтся (озовётся); вмѣсто глагола наст. вр., 3 лица, употр. дѣепр. съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр., хо́дя (ходитъ), и́дя (идетъ), пи́ша (пишетъ).

Изъ мѣстныхъ словъ интересны слѣдующія: закута́ется (затворяется), око́нчены (ставни), пу́нькя (хлѣвъ), анадысь (дня 2 назадъ) да́веча (нѣсколько часовъ назадъ); ласкательныя слова: ради́менькая мая̀, ягоды́ночка мая̀, зо́лото, зе́рнышко.

Народъ въ этой мѣстности по большей части читаетъ—Евангеліе, Псалтирь, житія святыхъ, о страшномъ судѣ Господнемъ, поминовеніи усопшихъ, церковномъ Богослуженіи, а также читаетъ сказки и нѣкоторые отрывки изъ русской исторіи, объ Иванѣ Царевичѣ и о сѣромъ волкѣ, Конекъ Горбунокъ, Приключеніе Робинзона Крузе, Донъ Кихотъ, Крещеніе Руси, Убіеніе царевича Димитрія, Александръ Невскій, нашествіе французовъ. Между крестьянами болѣе распространяются книги духовно-нравственнаго содержанія, доставаемыя въ церкви, въ мѣстномъ народномъ училищѣ, или покупаемыя ими на ярмаркахъ.

Одежда. Въ праздничные дни лѣтомъ одежда мужчинъ состоитъ изъ „чумарки“ дорогого сукна, шерстяной или ситцевой рубахи, жилетки, шароваръ изъ черной или синей китайки и картуза. Костюмъ женщины—изъ кумачеваго сарафана, или

шерстяного, цвѣта: синяго, зеленаго, бордо, отдѣланнаго кружевами, лентами и шнурками, самодѣльнаго сарафана (прядутъ шерсть изъ овецъ, ткутъ ее, синятъ, шьютъ изъ нея этотъ костюмъ и отдѣлываютъ его краснымъ ситцемъ, лентами, сѣтками или позументами и пуговицами), рубахъ съ прошвами изъ миткаля, кумача и заграничнаго (т. е. краснаго съ рисунками) ситца, короткихъ люстриновыхъ или нанбуковыхъ кофтъ. Кромѣ этого, молодыя замужнія женщины, а также и нѣкоторыя среднихъ лѣтъ носятъ „коко́шники“ изъ бархата и шелка. Первые называются „ба́рхатниками“, а вторые „што́фами“. Къ кокошникамъ надѣваютъ „подзаты́льни“ изъ бѣлаго миткаля, вышитые серебряной канителью и украшенные разноцвѣтными „монистами“. Молодыя дѣвушки носятъ перевязки изъ шелковыхъ платковъ, украшенныя перьями и „ло́пастники“, т. е. ленты, привязанныя къ янтаркамъ, бусамъ и разноцвѣтнымъ „монистамъ“. Пожилыя женщины носятъ шерстяные и гарусные платки.

Въ будничные дни вся одежда мужчинъ холщевая; рубахи обыкновенно шьютъ съ красными „ла́стовками“, а „жере́лки“ (воротники) вышиваютъ красною бумагою. Женщины носятъ всѣ свои старые костюмы.

Въ зимнее время одежда мужчинъ и женщинъ почти та же самая, разница только въ верхней одеждѣ: женщины вмѣсто своихъ осеннихъ и весеннихъ халатовъ и сѣрыхъ зипуновъ, носятъ бѣлыя шубы, отдѣланныя сафьяномъ, шнурками и опушенныя „курпе́комъ“ изъ смухъ, синія и черныя, крытыя нанбукомъ и китайкою, опушенныя бѣлкою. Мужчины носятъ дубленые полушубки, полушубки изъ смухъ, отдѣланные сафьяномъ и шнурками. Шапки „курпе́чатыя“, плюшевые и „каплеу́хи“ малороссійскіе.

Къ старинной одеждѣ этой мѣстности принадлежатъ сарафаны, кокошники, перевязки,—которые въ настоящее время мало-по-малу исчезаютъ и замѣняются городскими ситцами, бумазеей и всевозможными платками. Такая перемѣна, какъ объясняетъ народъ, происходитъ отъ того, что старинная одежда очень дорого стоитъ, а послѣдняя дешевле.

Пища. Богатые и бѣдные крестьяне этой мѣстности ѣдятъ почти одинаково; разница состоитъ въ томъ, что богатые въ скоромный день ѣдятъ борщъ съ мясомъ или саломъ, а бѣдные постный. Остальныя кушанья, какъ то: „драчéвникъ", „саламàтъ", „лапшéвникъ", блинцы, лапшу ѣдятъ всѣ. „Драчéвникъ" дѣлаютъ такъ: берутъ муку, разводятъ водою, бьютъ яйца и, когда испекутъ, ѣдятъ съ масломъ; „саламàтъ": кипятятъ воду, насыпаютъ въ нее муки, варятъ и ѣдятъ съ жиромъ; „лапшéвникъ": бросаютъ лапшу въ кипяченую воду, варятъ а затѣмъ пекутъ съ яйцами.

Въ постные дни ѣдятъ—горохъ, похлебку (изъ картофеля), чечевицу, кулѣшъ, затерку (взбрызгиваютъ муку водою, растираютъ ее руками, чтобы превратилась въ мелкую крупу и варятъ), „солодýху" (льютъ теплой воды въ муку, ставятъ на печь „солодѣтъ", а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного скисло, на другой день варятъ съ вишнями или сливами), „вишникъ" или взваръ, „лáдушки"—оладьи.

Вообще пища крестьянъ ухудшается, благодаря почти 3-хъ лѣтнему неурожаю. Городскихъ кушаньевъ здѣсь не встрѣчается, позаимствовано только чаепитіе: даже бѣдные и тѣ пьютъ хотя вмѣсто чая липовый цвѣтъ. Въ этой мѣстности крестьяне освѣщаютъ свои хаты „газéлками", керосиновыми лампочками, а нѣкоторые наливаютъ въ черепокъ жиру или постнаго масла, вставляютъ фитиль и зажигаютъ его.

Болѣзни. По большей части въ этой мѣстности умираютъ младенцы отъ такъ называемаго въ народѣ „младенческаго". Дѣти лѣтъ 5-ти, 6-ти, 7-ти, 8-ти, до 15-ти, умираютъ отъ дифтерита, а взрослые—отъ тифа. Развитію послѣдней болѣзни способствуетъ низкое и болотистое мѣсто. Изъ лекарствъ во время болѣзней употребляютъ слѣдующія: липовый цвѣтъ (отъ кашля), „колючки" (отъ колики), „рагàль" (отъ лихорадки), „кучелéбу" (отъ болѣзни зубовъ), „злую воду" (для промывки ранъ), церковное вино съ синимъ камнемъ и корицей (отъ болѣзни десенъ).

Большею частью здѣсь лечатся наговорною водою и заговариваютъ болѣзни. Наговорною водою лечатся отъ „бѣшúхи", лихорадки, укушенія собакъ, отъ переполоха (испуга). Заговари-

ваютъ зубную боль, лихорадку, „сблошницу“ (боль въ животѣ).

Къ врачамъ относятся недовѣрчиво,—немногіе обращаются къ нимъ за совѣтами: не находятъ, чтобы доктора могли оказать помощь,—не вѣрятъ въ ихъ лекарства. Болѣзни скота слѣдующія: обдуванье, перелоги, кровь и т. д. Обдуванье происходитъ тогда, когда скотина обопьется; лечатъ такъ: обливаютъ водою и надрѣзываютъ конецъ уха (т. е. пускаютъ кровь). Если же скотина объѣстся, то ее подкуриваютъ тѣмъ зерномъ, которымъ она объѣлась. Перелоги (скотина ничего не ѣстъ, не пьетъ и не можетъ встать) заговариваютъ. Иногда на скотину „нападаетъ кровь“: она стоитъ, понуря голову, не ѣстъ, не пьетъ, и если её оставить безъ вниманія, то она пропадетъ, а поэтому ей пускаютъ кровь (надрѣзываютъ ухо и бьютъ по немъ палкой).

Заговоры. Отъ зубной боли:

1) „Мѣсяцъ навскось,
Дай мнѣ здравіе въ кость.
Атъ панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Рабы Божіей Маріи (имя)“.

2) „Мѣсяцъ на небѣ,
Медвѣдь въ лѣсу,
Камень въ морѣ.
Кагда эти три брата сайдутца,
Тагда у рабы Божіей (имя),
Панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Зубы забалятъ“.

Отъ ломотъ:

„Тутъ табѣ не стаять,
Чорнай крови не пить,
Жолтыхъ кастей не ламить,
Рабы Божіей не сушить,
Ступай въ крутыя горы,
Въ гнилыя калóды“.

Отъ переполоха (испуга):

Атъ деннова, атъ нашнова,
Атъ полуденнова, атъ глазнова,
Тутъ табѣ не быть,
Кастей не ламить,
Чорнай крови не пить,
Отъ панашенной, паражденной
и т. д.

Занятія. Въ прежнее время главнымъ занятіемъ здѣшняго населенія было пчеловодство, такъ какъ этому занятію способствовали громадные лѣса. Въ настоящее время лѣса почти всѣ вырублены—и пчеловодство пришло въ упадокъ. Занимаются преимущественно земледѣліемъ, а также разводятъ фруктовые сады. Крестьяне развозятъ фрукты по ближайшимъ мѣстностямъ и продаютъ ихъ. Существуютъ также и отхожіе промыслы. Вес-

ною нѣкоторые крестьяне отправляются на лѣтнія работы въ дальнія мѣста и возвращаются большею частью всѣ къ Покрову. Зимою идутъ на шахты, находящіяся въ 45 в., и тамъ нанимаются, а нѣкоторые ѣздятъ за каменнымъ углемъ; купивъ его, везутъ на базаръ въ города. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Религіозность. Народъ этой мѣстности очень религіозенъ, часто посѣщаютъ храмъ Божій и дѣлаютъ много жертвъ. На ихъ религіозныя убѣжденія однако вліяютъ раскольники (безпоповцы).

Здѣшнія женщины по большей части жертвуютъ полотномъ, а мужчины деньгами на священныя одежды и другія принадлежности; оказываютъ тайную помощь, напр., ставятъ мѣшокъ или мѣрку хлѣба неимущему, но такъ, чтобы послѣдній не зналъ, отъ кого. Въ каждую поминальную субботу и въ праздники женщины приносятъ въ церковь буханцы, пироги, брусачки, пампушки и раздаютъ нищимъ.

Послѣ рожденія ребенка, бабка идетъ къ священнику за молитвою и именемъ, а на другой день приглашаются кумовья, которые принимаютъ ребенка не отъ матери, а отъ бабки. Бабка кладетъ новорожденнаго на тулупъ передъ святыми иконами, чтобы ребенокъ былъ счастливъ въ жизни, а кумовья берутъ его съ тулупа и несутъ крестить. Послѣ крещенія устраивается обѣдъ. Ку́ма и куму́ сажаютъ на почетное мѣсто, т. е. въ святой уголъ. Бабка во время обѣда угощаетъ гостей водкою, а ей за это бросаютъ деньги. Когда она угостила всѣхъ гостей, то начинаютъ подносить водку кумовья, и деньги, собранныя ими, отдаютъ матери новорожденнаго. Пѣсенъ при рожденіи и крещеніи никакихъ не поютъ.

Свадебные обычаи и пѣсни. Свадьба начинается обыкновенно „сго́воромъ". Приходятъ отъ жениха „бояре" и говорятъ: „у насъ есть парень, а у васъ дѣвка, давайте сватами сходитьца". Если невѣстиной роднѣ не нравится женихова родня, то они говорятъ: „не ходите, не ходите и слѣду не кладите"; а если согласны, то приглашаютъ на другой день съ хлѣбомъ-солью, водкою и „выговоромъ". Здѣсь беретъ не женихова сторона, а невѣстина, 10—15 р. или меньше, но за то выгова-

ривають хлѣбомъ и водкою. На другой день собирается вся невѣстина и женихова родня къ невѣстѣ. Невѣстина родня садится за столъ и начинаетъ угощать женихову, которая въ это время стоитъ. Когда невѣстина родня обнесетъ женихову по 3 рюмки, то спрашиваетъ: „съ чѣмъ вы къ намъ пришли, и за что пьемъ, покажите свой товаръ". Тѣ приводятъ жениха въ хату, и они начинаютъ осматривать его и спрашиваютъ: „не косой ли онъ, не хромой ли"? Затѣмъ, чтобы всѣмъ убѣдиться, ставятъ посреди хаты табуретку, а на нее жениха и осматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого поворачиваютъ его къ двери и даютъ въ руки подносъ съ рюмкою вина. Въ это время дѣвки начинаютъ „играть" (пѣть) пѣсню:

„Сме́нъ сакòлъ вылетàлъ,
Чече́тушку выкликàлъ:
„Чече́тушка, вы́йди къ намъ!
Сме́нная вы́пархни"!

* * *

„Ива́нушка (имя) пріѣзжàлъ,
Ма́рьюшку выкликàлъ.
Ма́рьюшка, падарѝ
Ше́лкамъ ши́ту шири́нку,
Ива́нушкѣ атдарѝ,
Три червóнца палажѝ".

Послѣ этой пѣсни выходитъ невѣста съ „шири́нкой", т. е. съ вышитымъ полотенцемъ, и даетъ ее жениху, а онъ ей бросаетъ три серебрянныхъ монеты на тарелку. Затѣмъ женихъ подноситъ невѣстѣ водку; выпивъ немного, она отдаетъ жениху, тотъ выпиваетъ остальное, цѣлуется, становится съ невѣстою и оба кланяются роднѣ. Потомъ невѣста раздаетъ дары жениховой роднѣ, а дѣвки „дру́жки" поютъ пѣсню:

„Ва са́дику кали́нушка,
Ва зеле́номъ раствѣлà.
Ве́чоръ на́ша Ма́рьюшка
Съ Ива́номъ стая́ла,
Рѣчь гавари́ла:
Увида́ли падру́женьки,
Жури́ли—брани́ли:
—Дабрò—дабрò Ма́рьюшка,
Мы ба́тенькѣ ска́жемъ!
—Дѣвушки-падру́женьки,
Хоть вы не кажи́те:
Пра то дѣло, сагла́сіе,
Самъ ба́тюшка зна́е
За кавò атдава́е,
За младóво Ива́нушку
Гóлаву заключа́е,
Съ кѣмъ стаю, на кавò гляжу́,
Съ тѣмъ рѣчь гаварю́!
—Живѝ, живѝ, Ма́рьюшка!
Живѝ, не печа́лься,
Ва таску́ не вдава́йся.
Изъ той таскѝ, са кручи́ны
Вы́йду за варóта,—
Трава ва балóтѣ,
Вы́йду за новы́я,—
Луга зелены́е,

Гля́ну въ чи́сто по́ле,—
Иванъ—свѣтъ гуля́е,
Падъ нимъ во́ранъ конь игра́е,
Что со́калъ лета́е,
На не́мъ шу́ба галуба́я,
Что макъ разцвѣта́е.
Ма́рьюшка во́ду несетъ,
Карамы́слицы гнутца,
Съ ве́деръ вада́ льётца;
Ива́нушка въ акно́ гля́не,
Слезо́ю зальётца.
Пачто́ же вы, каро́мыслицы,
Давно́ не обла́ми́лись,
Пачто́ же вы, дубо́выя
Ве́дра, не паби́лись?
Пачто́ же вы, Ива́нушка,
Дасо́лѣ не жени́лись?
—Радъ-бы я жени́тьца,
Не́гдѣ было взяти.
Прашо́лъ же я, Ма́рьюшка,
Три у́лицы въ рядъ,
Не нашо́лъ, Ива́новна,
Тваво́ лица́ чи́ще.
Лицо́ тваё бѣ́лое,
Бро́ви чо́рныя, развесёлые
глаза́".

Когда невѣста одаритъ всѣхъ, то садится съ женихомъ за столъ, и остается одна молодежь, а всѣ пожилые уходятъ къ жениху и тамъ гуляютъ. На другой день невѣста кроитъ рубахи и разноситъ подругамъ шить, за то, что онѣ гуляли сговоры. По прошествіи нѣсколькихъ дней начинается свадьба, передъ которою какъ у жениха, такъ и у невѣсты лѣпятъ шишки, кромѣ этого, у невѣсты дѣлаютъ „пла́касникъ", т. е. пирогъ, надъ которымъ невѣста „голо́ситъ" (плачетъ), когда на нее надѣваютъ кокошникъ,—а у жениха лѣпятъ витой хлѣбъ, или коровай. Мужики и парни въ эту ночь гуляютъ до самаго утра. Утромъ дружки провожаютъ невѣсту къ вѣнцу; передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, невѣста проситъ благословенія у своихъ родителей такъ: „прости меня, батюшка, прости меня, мамушка, и благословите къ Божьему суду и къ вѣнчанію". Послѣ вѣнца невѣста идетъ къ себѣ домой, а женихъ къ себѣ. Пообѣдавъ, женихъ идетъ съ парнями къ невѣстѣ, она въ это время сидитъ въ чуланѣ и „голо́ситъ", а дружки поютъ:

„Пойди́-ка, дружи́ло,
Пойди́-ка, дружи́ло,
Давно́ тебя́ жда́ли,
Жда́ли—поджида́ли,
Ковра́ми дворъ устила́ли,
Че́рными сабаля́ми".

Дружко выкупаетъ мѣсто у дѣвокъ (дружекъ), заводятъ за столъ невѣсту, продаютъ ея косу, затѣмъ ее „правляютъ", т. е. надѣваютъ кокошникъ. Послѣ этого женихъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ невѣстою; пообѣдавъ, ихъ провожаютъ къ жениху.

Похоронные обряды. Покойниковъ хоронятъ въ этой мѣстности такъ: надѣваютъ чистую одежду; но, чтобы она была не

нарядна; за поясъ кладутъ платочекъ (существуетъ повѣрье, что на томъ свѣтѣ покойникъ будетъ въ него прятать тѣ частицы, которыя вынимались въ воспоминаніе его), кладутъ на лавку, головою къ образамъ; на столѣ ставятъ стаканъ съ медомъ и восковою свѣчею, хлѣбъ и псалтырь. Когда сдѣлаютъ гробъ, кладутъ въ него покойника и, если онъ взрослый, вносятъ въ церковь; маленькихъ по большей части не вносятъ, а служатъ панихиду и печатаютъ гробики дома. При этомъ по отцу „причи́тываютъ" такъ:

„Ради́менькій, мой ба́тюшка!
Карми́лецъ, мой ба́тюшка!
Что-жъ вы, мой ба́тюшка,
Ка мнѣ не озыва́етесь?
Чи я жъ вамъ тепе́рь нежа́лкая и нену́жная?!
Вы жъ, мой ба́тюшка, жела́нный о мнѣ бы́ли!
А сей-часъ же мнѣ не къ ка́му голо́вушки-жь прихили́ти".

По „матери" причитываютъ:

„Ради́менькая, мая̀ ма́мушка!
На го́ре, мая̀ ма́мушка,
Вы меня̀ поради́ли!
Худо́ю же до́лею надѣли́ли!
Я жъ за ва́ми, ма́мушка,
Ничево̀ не зна́ла,
Вы жъ меня̀ угща́ли,
Вы жъ меня̀ привѣча́ли!
А сей-часъ какъ прійду̀, ма́мушка,
Никто̀ ка мнѣ не озове́тся;
Не нашла̀ жъ я сабѣ тако́ва дружка̀,
Какъ родна́я ма́мушка".

Схоронивши умершаго, устраиваютъ обѣдъ, кромѣ того, поминаютъ въ 3, 4, 40 день. Каждую поминальную субботу крестьяне служатъ панихиды, подаютъ милостыню и просфоры на проскомидію.

Этнографическій календарь. На праздникъ Георгія Побѣдоносца всѣ крестьяне ходятъ рано утромъ собирать росу; существуетъ повѣрье, что эта роса помогаетъ при болѣзни глазъ. На Благовѣщенье пекутъ просфоры по числу семьи, причемъ въ одну изъ нихъ кладутъ денежку, и, кому достанется просфора съ деньгою, тотъ будетъ счастливъ. Подъ Вознесеніе Господне пекутъ лѣстницы, ставятъ ихъ подъ святой уголъ, чтобы Іисусъ Христосъ взошелъ по нимъ. На крестопоклонной, т. е. на 4, недѣлѣ Великаго поста пекутъ кресты и кладутъ ихъ въ тѣ мѣшки, зерна въ которыхъ предназначены для посѣва. На Свѣтлый Праздникъ, когда обносятъ плащаницу, если

кто возьмется за замокъ церкви, того считаютъ вѣдьмою. На послѣдній день масляницы, т. е. въ воскресенье, всѣ ходятъ прощаться другъ съ другомъ, такъ какъ вѣрятъ, что въ этотъ день долженъ быть страшный судъ.

Молодыя дѣвушки этой мѣстности всю Филиповку, а также и Рождественскіе праздники водятъ „корогóды“ (хороводы) и при этомъ поютъ пѣсню:

„Черéмуха, зелéный кустъ,
Далекò въ пóлѣ лелѣется,
Лелѣется—зеленѣется.
Кто-жъ у насъ
Па сáдику ходѝлъ?
Кто-жъ у насъ
Па зелéнаму гулѝлъ?
У насъ па сáдику
Ивáнушка ходѝлъ,
Па зелéнаму
Ивáновичъ гулѝлъ;
А онъ вóдя
Сваво̀ вóрана каня̀,
А на встрѣчу Ива̀нушкѣ
Идя крáсная дѣвушка,
Крáсная дѣвушка, Мáрьюшка.
—А Мáрьюшка—Ивáновна,
А, Мáрьюшка, переймѝ маво̀ каня̀,
Ивáновна, каня̀ вóранова.
За тѣ за шелкóвы павада̀,
За жемчýжные махра̀“.

Подъ Новый годъ гадаютъ: бросаютъ за ворота башмаки, выливаютъ воскъ въ чистую воду, считаютъ колья и т. д.

Кромѣ этого, „шедруютъ“.

„Шéдеръ-вéдеръ,
Дóбрый вéчеръ,
Дóбрымъ людямъ
На здарóвье.
Хозяинъ дóбрый,
Вынасѝ пирòгъ дóлгій,
Кагда̀ мáло,
Кусóкъ сáла,
Калѝ трóшки,
Хоть картóшки,
Кóнчикъ калбáски,
Глýдачку кáшки.
Вынасѝте,
Не крашѝте,
А ламáйте,
Намъ давáйте“.

Маленькія дѣти и парни ходятъ на Новый годъ и „обсыпаютъ“ пшеницей, житомъ, просомъ, горохомъ и т. д., и при этомъ маленькія дѣти поютъ:

„Пасѣй, Бóже,
Зарадѝ, Бóже,
Жѝто, пшенѝцу,
Всякую пошенѝцу!
Поздравля́емъ васъ
Съ нóвымъ гóдамъ,
Съ нóвымъ счáстьемъ,
Съ Василéвымъ днёмъ“!

Взрослые поютъ слѣдующую пѣсню:

„Пóля поля̀,
Самъ Богъ ходя̀,
Дѣва Марія̀
Истину насила̀,
Бóга прасила̀.
Хóдя Илья̀

На веселья,
Нося пугу жительную;
Я туда махну,—
Тамъ жито растетъ;
Я туда махну,—
Пшеница твѣтетъ".

„Здравствуйте, хазяинъ съ хазяюшкой, съ праздникомъ поздравляемъ, съ Василевымъ днёмъ"!

На масляницу вся молодежь катается и, приэтомъ, поютъ пѣсню:

„Па улицѣ, улицѣ,
Па широкай,
Па широкай, навой,
Тамъ шёлъ прашёлъ
Парень маладой,
На дѣтинушкѣ шляпачка
Съ павлинымъ перомъ.
Увидала дѣвушка
Съ высокава терема,
Съ высокава терема,
Съ хрустальнава акошечка,
Съ яснава стеколушка,—
Васклинула дѣвушка
Сваимъ громкимъ голасамъ:
—Вернись, вернись, моладецъ,
Парень маладой!
Пасиди хоть трошечки ты са мной.
—Баюсь, баюсь, дѣвушка,
Опасаюсь я вашей семьи!
—Не бось, не бось, моладецъ,
Не опасайся,—
Нашей семьи дома нѣту-ти".

На праздники Свѣтлаго Христова Воскресенья, Вознесенья, на Георгія Побѣдоносца не поется отдѣльныхъ пѣсенъ, а поются уличныя, какъ-то: „Брасай, няня, всю работу рабатать", „Вы, сады, мои зелёные", „Въ полѣ три берёзы стаяли" и проч.

Крашенки. Подъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья здѣшніе крестьяне красятъ яйца; большею частью красятъ красною краскою, въ напоминаніе крови Іисуса Христа. Красныя яички зовутся „крашенками". Нѣкоторые красятъ серпіемъ, берутъ сухую прошлогоднюю травку (серпій) варятъ ее, а затѣмъ бросаютъ въ наваръ яица, они получаютъ желтый цвѣтъ. Яица красятъ ради Великаго праздника; существуетъ между крестьянами поговорка: „дорого яичко къ Велику дню". Скорлупу святыхъ яичекъ крестьяне бережно сохраняютъ; существуетъ повѣрье, что если ими подкуритъся во время лихорадки, то она оставитъ,—ими же подкуриваютъ и скотину. Крестьяне вѣрятъ, что въ святомъ яйцѣ находятся 40 милостынь и въ немъ пребываетъ Духъ Святый.

Кромѣ крашенокъ и желтыхъ яичекъ, здѣсь дѣлаютъ еще писанки такъ: облѣпливаютъ яица воскомъ, а затѣмъ обмаки-

ваютъ въ краски и сушатъ. На писанкахъ изъ воска бываютъ разные рисунки. Писанки здѣсь дѣлаются для украшеній.

Посѣвъ и косовица. Передъ тѣмъ, какъ начинать сѣять хлѣбъ, крестьяне молятся и говорятъ слѣдующія слова: „зароди, Боже, жито, пшеницу, всякую овощь, и на видущихъ, и на невидущихъ, и на вдовъ, и на сиротъ и на насъ на грѣшныхъ. Зароди, Боже". Затѣмъ берутъ зерна и сѣютъ. Когда поспѣетъ хлѣбъ, то его начинаютъ косить и первый скошенный снопикъ затыкаютъ за поясъ, что-бы не болѣла спина. Скосивъ хлѣбъ, оставляютъ небольшой кустикъ „Ильѣ на бороду", подъ этотъ кустикъ ставятъ хлѣбъ съ солью, а затѣмъ крестятся и три раза катаются по нивѣ, причемъ говорятъ: „нивка—нивка, отдай мою силку" и т. д. Во время косовицы дѣвки поютъ слѣдующія пѣсни:

„Внизъ па матушкѣ, па Волгѣ,
Па широкаму раздолью,
Падымалась съ моря пагода,
Пагодушка небольшая, волновая.
Ничаво въ волнахъ не видно,
Не видно, не слышно,
Только лодачки краснѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ.
Гребцы, май маладые,
Гребитесь, не лѣнитесь,
Пригребайте вы къ бережочку,
Къ Танюшеному ко дварочку.
Выхадила Таня за варотья
Въ однойтоненькой рубашкѣ".

* * *

„Касилъ Ваня травушку
Зеленькую,
Любилъ парень дѣвушку
Чернявенькую,
Любилъ да и покинулъ,
Скора бросилъ, позабылъ.
Съ вастоочной стараны
Пріятный воздухъ несетъ.
Гдѣ мая размилая,
Душа Сашенька, живетъ?
Живетъ-проживаетъ она
Въ новамъ крашенамъ даму,
И ходя и гуляе
Ана па зеленому саду,
Щипляе, ламае
Спѣлый-дрѣлый винаградъ,
Кидае, бросае
Миламу въ кравать".

При свозкѣ хлѣба, никакихъ пѣсенъ не поютъ, такъ какъ крестьяне его возятъ въ разное время и не вмѣстѣ.

При печеніи новаго хлѣба вспоминаются всѣ умершіе родственники.

Игры. Въ зимнюю пору всѣ взрослые юноши и дѣти большею частію въ праздники выходятъ „на кулачки" и бьются,— взрослые и юноши между собою, а дѣти съ дѣтьми. Кромѣ этой забавы, какъ у взрослыхъ юношей, такъ и у дѣтей су-

ществуютъ игры: въ „скраклй“ и въ „ладышки“. Для первой игры выкапываютъ на снѣгу 2 клѣтки такъ, что-бы одна отъ другой были на довольно большомъ разстояніи; кладутъ по 5 деревяшекъ на каждую, вооружаются палками, становятся около клѣтокъ и бьютъ по деревяшкамъ—то тѣ, то другіе—до тѣхъ поръ, пока чья нибудь сторона не собьетъ въ клѣткѣ всѣхъ деревяшекъ; тогда сбитая партія носитъ на плечахъ остальныхъ. Въ ладышки играютъ такъ: берутъ „свиняшки“, „барашки“ и „волошки“, т. е. кости изъ ногъ свиней, овецъ и коровъ, одинъ изъ играющихъ ставитъ ихъ въ рядъ, а остальные сбиваютъ ихъ своими ладышками. Вечеромъ юноши и взрослые собираются по хатамъ играть въ карты; обыкновенно играютъ на деньги. Кромѣ этихъ игръ, крестьяне зимою больше ничѣмъ не забавляются, а съ наступленіемъ весны вся молодежь и дѣти играютъ въ „дука“,—вырываютъ по числу играющихъ ямки, въ срединѣ ихъ одну большую, затѣмъ всѣ играющіе становятся около ямокъ съ палками, одинъ беретъ цурку (т. е. деревянный шарикъ) и подбрасываетъ вверхъ; когда цурка упадаетъ на землю, то онъ гонитъ ее въ кругъ (или въ „дукъ“), въ это время остальные играющіе отгоняютъ цурку палками и, если цурка попадаетъ въ чью нибудь ямку, то тотъ играющій уступаетъ свое мѣсто, а самъ идетъ подбрасывать цурку. Въ „пыжа“: берутъ небольшую деревянную палочку и вручаютъ 2-мъ играющимъ, которые называются „бабками“, всѣ остальные ложатся бабкамъ въ ноги и, когда бабки крикнутъ: „пыжъ за пыжомъ, за горячимъ ножемъ“, и бросятъ палочку въ сторону, то играющіе вскакиваютъ и отыскиваютъ пыжъ, кто найдетъ его, кричитъ: „горитъ пыжъ“; за послѣднимъ начинаютъ гонятъся и, если его уловятъ, то дерутъ за волосы и кричатъ: „покинь пыжъ“, до тѣхъ поръ, пока онъ не броситъ, кто его найдетъ, несетъ въ бабку. Такъ играютъ до 3-хъ разъ и на тѣхъ, кто въ промежутокъ этого времени ни разу не отдавалъ бабкѣ пыжа, катаются верхомъ. На праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья всѣ, исключая стариковъ, играютъ въ мяча и яица. Игра въ яица двухъ родовъ: „на—вбитка“ и „на—вкатка“. Первая состоитъ въ томъ, что одинъ бьетъ своимъ яйцомъ яйцо другого, и, чье окажется разбитымъ, тотъ отдаетъ яйцо.

При второй—дѣлается городокъ, въ которомъ одинъ наставляетъ внизъ яйца, а другой ка́титъ сверху, и, если его яйцо сойдется съ нижнимъ, беретъ яйцо, а первый опять наставляетъ.

Въ лѣтнее время всѣ крестьяне ничѣмъ не забавляются, такъ какъ отъ мала до велика заняты работами. Въ этой мѣстности существуютъ слѣдующіе танцы: третьяка̀, черезъ но́жку, задка̀, по улицѣ мостово̀й, навприсядку.

Музыка: разса́душка, журавля̀, че́боты, казачка̀, ба́рыня.

Здѣсь по большей части играютъ на гармоніи, дудкѣ, пищикѣ, балалайкѣ, на музы́кѣ (скрипкѣ) и бьютъ въ бубны.

Демонологія. Среди мѣстнаго населеніямъ распространены повѣрья относительно существованія вѣдьмъ, колдуновъ, домовыхъ и русалокъ. Вѣдьмъ крестьяне представляютъ въ образѣ женщинъ, съ распущенными волосами, въ бѣломъ одѣяніи и съ хвостомъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, выдаиваютъ молоко, онѣ обращаются въ клубки съ иголками, въ собакъ, въ свиней и съ т. д., нападаютъ на человѣка и катаютъ его до тѣхъ поръ, пока послѣдній не выбьется изъ силъ. Большею частью вѣдьмы нападаютъ на человѣка или подъ среду, или подъ пятницу; колдуны же, по словамъ крестьянъ, портятъ людей, дѣлаютъ закрутки въ хлѣбѣ, въ подушкахъ, разводятъ мужа съ женою, или даютъ такого зелья, что человѣкъ начинаетъ постоянно болѣть. Домовые душатъ людей и, если въ это время спросить: „къ добру̀ или къ ху́ду“ и домово̀й отвѣтитъ „къ добру̀“, то ожидать благополучія, „къ ху́ду“—ожидать несчастья. Русалки—дѣвушки съ распущенными волосами и нагія; онѣ, по словамъ крестьянъ, выходятъ изъ воды и отправляются въ сады, и здѣсь, если имъ попадется человѣкъ, онѣ могутъ его защекотать до смерти. Чтобы избавиться отъ вѣдьмъ и уберечь коровъ, крестьяне читаютъ слѣдующую „молитву“:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ аминь. Іисуса Христа рука, около моего двора огненная рѣка, каменная стѣна, желѣзный плетень отъ неба и до земли; помилуй моихъ рябыхъ коровокъ отъ еретника, отъ еретницы, отъ простоволосой дѣвицы“.

Кромѣ этого, посыпаютъ вокругъ двора пшеномъ, которое святится на Свѣтлый Праздникъ.

Примѣты и повѣрья. У здѣшнихъ крестьянъ существуютъ слѣдующія примѣты: съ какой стороны подуетъ вѣтеръ на Покровъ, съ той стороны будетъ дуть цѣлую зиму. На Крещенье, когда выйдутъ со святостями, съ какой стороны будутъ хмары (тучи), съ той стороны—урожай. Если на Срѣтеніе хорошая погода, то и весна будетъ хорошая. Какой день на Благовѣщенье, такой и на Свѣтлый праздникъ. Если на Георгія Побѣдоносца ворона спрячется въ житѣ, то, значитъ, будетъ урожай на него. Если на Илью дождь, будутъ желуди червивые. Заря горитъ—къ вѣтру. Солнце заходитъ за тучи—къ дождю. Воробьи купаются въ пыли—къ дождю, а сильно кричатъ—къ мятели.

Если собака воетъ и при этомъ держитъ голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ — къ покойнику; если кошка умывается—къ гостямъ, а лѣзетъ на печь—къ морозу; когда волки стаями ходятъ по деревнѣ и воютъ—къ голоду, а когда лошадь, стоя на мѣстѣ, фыркаетъ—къ дождю. Съ Рождества Христова и до Новаго года крестьяне обыкновенно метутъ соръ къ святому углу, а на Новый годъ несутъ его до зари въ сады и тамъ разбрасываютъ кучками около деревьевъ; затѣмъ этотъ соръ поджигаютъ, и курево распространяется по дереву; это они дѣлаютъ для того, чтобы весною не было червей на деревьяхъ. Кромѣ этого, подъ Крещенье выходятъ рано утромъ въ сады и стряхиваютъ снѣгъ съ вишенъ для того, чтобы ихъ больше уродило. На Спиридона (12 дек.) рѣжутъ вѣточку, ставятъ ее въ бутыль подъ святой уголъ,—если она зацвѣтетъ рясно на Новый годъ, то значитъ—хорошій цвѣтъ будетъ на деревьяхъ. Когда цвѣтетъ рожь, то дѣвки срываютъ ее черезъ голову и моютъ рожью голову, чтобы росли волосы.

Сказка. *Лисица и волкъ.* „Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ пошелъ за рыбкою, а баба испекла пирожокъ съ начинкою, положила на окошечко, а сама пошла къ обѣднѣ. Какъ только баба ушла, прибѣжала лисичка-сестричка къ окну, схватила пирожокъ, наложила половы и ушла съ нимъ. Приходитъ къ пастушкамъ и говоритъ: „пастушки, промѣняйте мнѣ пирожокъ на бычка, а когда я зайду за ту горку, вы его разломите“.—Пастухи согласились, отдали лисичкѣ бычка, лисичка зашла за горку, нашла тамъ саночки, впрягла бычка и поѣхала. Вотъ

ѣдетъ, а на встрѣчу ей волкъ.—„Здравствуй, кумушка“.—„Здравствуй, куманекъ“,—отвѣчаетъ лиса.—„Дозволь мнѣ, кумушка, хоть лапочку положить на саночки“. Лисичка позволила, и поѣхали. Ѣдутъ-ѣдутъ, а саночки—хрусть, а лисичка и говоритъ: „слѣзай скорѣй, а то саночки ломаются“. Волкъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, кумушка, это у меня былъ орѣшекъ, я его слуснулъ“. Ѣдутъ, а саночки—хрусть, лисичка и говоритъ: „слѣзай, а то саночки ломаются“.—„Нѣтъ, кумушка, это у меня былъ другой орѣшекъ, я его и слуснулъ“. Поѣхали, а саночки опять хрусть и разломались. Лисичка-сестричка послала куманька въ лѣсъ за полозьями. Волкъ ходилъ-ходилъ по лѣсу и нашелъ большое сучковатое дерево. Лисичка опять послала волка, чтобы онъ выбралъ поглаже. Волчекъ и во второй разъ принесъ такое же. Тогда лисичка оставила волка, а сама пошла въ лѣсъ. Волкъ выбралъ всю внутренность у бычка, набилъ его соломою, а самъ ушелъ. Лисичка приходитъ, видитъ, что волкъ обманулъ ее,—захотѣла наказать его: порѣзала мясо бычка, пожарила, достала капканъ и пошла просить волка въ гости. Волкъ пришелъ, только сталъ ѣсть мясо, а капканъ и прихватилъ его; а лисичка-сестричка бѣгаетъ вокругъ него да и приговариваетъ: „кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ; кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ“.

Пѣсни.

„Брасай, няня, всю работу рабатать,
Пайдѐмъ, няня, у альхо́вае гуля̀ть!
У альхо́вамъ мно́га дѣвакъ,
мно́га бабъ!
А ба́бачки карагодами стаятъ,
А дѣвачки на кало́дачкахъ сидятъ,
Пра Луга́нскую станицу гаварятъ,
А въ Луга́нѣ весе́лыя ве́рбочки.
На Пристѣнкѣ тамъ ребята дураки̇,—
Падбива́ли кра́сныхъ дѣвакъ казаки̇“.

* * *

„Вы, сады̀, май зеле́ные!
Вы зеле́ные, развесе́лые!
Вы пачто̀, сады̀, апа́ли,
Пазавя́ли, пазасо́хли.
Въ саду̀ пта́шки вылета́ли,
То не пта́шки—салаве́йки.
То́шно—го́рько жить на свѣтѣ,
А ташнѣй таво̀ не бу́дя,
Что мужъ жену̀ не лю́бя“.

* * *

Въ по́лѣ три бере́зы стоя́ли,
Хадѝлъ каза̀къ да дѣвче́нки поздно.
—Не хадѝ жъ ты, казачѐкъ, до меня̀
Бу́дя сла́ва пра тебя̀, пра меня̀
Шо пра тваво̀ каня̀ варано́ва,
Що пра тебя̀, па́рня маладо́ва.
—А я сла́вы не баю́ся,
Съ кѣмъ люблю́ся, не нагаварю́ся,
Пойду̀ въ шино̀къ гарѣ́лки на-пью́ся,
А у шинка́рки ума̀ набе́ру́ся.
Шинка́рка бѣ́ла пла́тье ши́ла,
А вдо́вка сваю̀ до́чку би́ла.
—Гдѣ жъ ты вѣно̀къ загуби́ла,
Чи ты прапи́ла, чи прагуля́ла?
—Сро́ду—сро́ду я въ ка́рты не гра́ла".

Е. А. Коробова.

16.—Сл. Боровское.

Поселеніе.—Пища и одежда.—Занятія.—Школа.—Пьянство.—Свадьба.—Свадебныя, весеннія, лѣтнія и осенія пѣсни.

Боровское расположено на песчаномъ грунтѣ близь рѣки С. Донца на лѣвомъ его берегу и въ 10 верст. отъ г. Лисичанска (Екатер. губ.). Названіе свое оно получило или отъ слова „Боровъ“ (кабанъ) или отъ фамиліи Боровской: лѣтъ за 200 до нашего времени мѣстность эта была покрыта сплошными дремучими лѣсами, въ которыхъ водилось множество дикихъ свиней. Нѣкоторые же изъ стариковъ говорятъ, что близь р. Донца поселился нѣкто Боровской, получившій это названіе за борьбу съ татарами, жившими по лѣвую сторону Донца, который потомъ перешелъ въ сл. Смольянинову, а затѣмъ въ Спѣваковку, гдѣ поколѣніе его живетъ и понынѣ. Жители сл. Боровской, какъ видно изъ исторіи нѣмецкаго писателя Михаила Ранфта, изданной имъ въ 1767 г., назывались еще въ 1717 г. однодворцами и составляли кордонъ, или охранную, сторожевую линію отъ татарскихъ набѣговъ, и, кромѣ того, какъ видно изъ лѣтописи церковной, жители назывались казаками Ново-Донцами и призывались по положенію Донскихъ казаковъ. Что касается племеннаго состава жителей, то на это фактическихъ данныхъ нѣтъ, но можно предположить, что въ составъ населенія сл. Боровской вошли тѣ же племенные элементы, изъ которыхъ составлялись казаки, т. е., могли быть поляки, русскіе и пр., что подтверждается самимъ нарѣчіемъ, нечисто русскимъ, а въ особенности акцентомъ, въ родѣ казацкаго выговора. Къ числу замѣчательныхъ лицъ сл. Боровской относится Дмитрій Труновъ, который послѣ взятія Измаила получилъ рѣдкую въ то время награду: золотой крестъ съ надписью на одной сторонѣ: „Измаилъ, Декабря 11-го 1790 года“, а на другой—„за отличную храбрость“. Одновременно онъ получилъ и званіе сот-

ника, т. е., личнаго дворянина. Крестъ этотъ червоннаго золота (7 золот.) хранится въ церкви. Теперь остались его внуки, дѣти младшихъ сыновей Трунова. Селеніе сначала было расположено вблизи Донца. Донецъ въ то время имѣлъ другое направленіе и былъ не широкою рѣкою, а когда сталъ увеличиваться и, измѣнивъ русло, заливать жилища, то жители перешли дальше отъ рѣки, къ востоку версты на двѣ, куда въ 1730 г. была перенесена и церковь. Это видно изъ лѣтописи, имѣющейся при Боровской Николаевской церкви. Одновременно съ переселеніемъ слободы образовались три хутора къ сѣверу: Вороновъ, Сиротинъ и Метелкинъ, которые получили названіе по фамиліи лицъ, поселившихся тамъ. Поселеніе находится отъ Старобѣльска въ 60 в., отъ Бахмута (Екатер. губ.) тоже въ 60 в.; сосѣднія слободы съ южной стороны: Муратова въ 18 в., съ западной селеніе Верхнее въ 5 в. (3-я рота за Донцомъ), съ сѣверной—хутора Вороновъ въ 3-хъ в., Сиротинъ—7 вер., Метелкинъ 9 в. и Боровенька въ 25 в., съ восточной стороны Смолянинова въ 18 в.

Жители имѣютъ продолговатое лице и рыжеватый цвѣтъ волосъ, говорятъ русскимъ языкомъ съ примѣсью казацкаго и малороссійскаго, численностью ихъ 4,469 д. об. п. (2,297 м. и 2,172 ж.). Жилища ихъ состоятъ изъ деревянныхъ хатъ, крытыхъ соломою, объ одной и двухъ комнатахъ,—смотря по семействамъ и зажиточности. Надворныя постройки состоятъ изъ сараевъ какъ для мастерства, такъ и для скота и амбара, послѣдній имѣется у людей болѣе зажиточныхъ.

Пища ихъ состоитъ въ будничный день лѣтомъ изъ борща съ саломъ и рыбою (женщины ежедневно ходятъ на озеро съ бреднями и ловятъ рыбу и раки) и каши съ молокомъ или коровьимъ масломъ, а въ постный день съ постнымъ масломъ; если же таковаго нѣтъ, то съ борщемъ, а когда поспѣютъ арбузы, то или добавляются арбузы или просто борщъ да „арбузъ"; въ праздники пекутъ пироги съ картофелемъ, горохомъ, чечевицею, мясомъ, сыромъ капустою, смотря, въ какое время года и въ постный или скромный день,—послѣ пироговъ борщъ, мясо изъ борща, которое иногда прижаривается и составляетъ какъ бы отдѣльное блюдо, лапша молочная или

съ масломъ; взваръ, который приготовляется осенью и въ постные дни. Зимою приготовляютъ студень или холодецъ, куда наливаютъ квасу и тертаго хрѣну, борщъ, мясо, по большей части свинину, картофель жареный, лапшу и взваръ; въ постъ —борщъ съ сѣченою капустою, кашу и взваръ.

Одежда мужчинъ лѣтомъ состоитъ изъ полотняной рубахи, доходящей почти до колѣнъ и подпоясанной поясомъ, штановъ изъ такой же матеріи, сапогъ и картуза, а въ праздничный день сверхъ бѣлья надѣваются бѣдняками зипуны, шитые изъ сѣраго сукна, и подпоясываются зелеными поясами; кто побогаче, надѣваютъ чинарку чернаго или синяго сукна, или сюртукъ, жилетъ и подъ жилетомъ ситцевую или кумачевую рубаху на выпускъ. Зимою бѣдняки надѣваютъ или зипуны или овчинные полушубки, а побогаче чинарки на ватѣ или полушубки, крытые сукномъ. Женщины въ будень, поверхъ рубахи, надѣваютъ сарафаны, голову обматываютъ платкомъ, на подобіе круглаго калача, и лѣтомъ не носятъ обуви; въ праздники та же одежда, но только поновѣе и поизящнѣе; такъ, рубахи сдѣланы въ верхней части стана ситцевыя или кумачевыя, а остальное изъ простого холста, сарафаны обшиты, какъ на груди, такъ и кругомъ, мишурною тесьмою, смотря по богатству,—лучшаго или худшаго достоинства, на головѣ повязаны платки, на ноги надѣваютъ суконные чулки и полуоткрытые башмаки; дѣвушки носятъ платки, которые завязываются также, но средина головы не закрывается, такъ что волосы видны. Волосы заплетаютъ въ видѣ сѣти, къ концу косы привязываютъ бисерный „махорчикъ", сдѣланный на подобіе сердечка, и въ него вдѣваютъ ленты разныхъ цвѣтовъ, широкія и аршина въ два длины. Зимою надѣваютъ—кто побѣднѣе, зипуны, не подпоясанные поясомъ, а побогаче—шубы, крытыя сукномъ, или нагольныя или же такъ называемые халаты, длинные изъ чернаго или синяго сукна.

Болѣзни. Такъ какъ Боровское расположено на низменности и со всѣхъ сторонъ окружено лѣсами, то и болѣзни бываютъ—лихорадка, горячка, корь, оспа, дифтеритъ и др. Лѣчатся по большей части у фельдшера; если же бываетъ врачъ, то обращаются и къ врачу; что касается знахарей, то эти послѣдніе стали имѣть мало значенія въ глазахъ народа, что

объясняется городскимъ вліяніемъ, такъ какъ они, по своимъ лѣснымъ дѣламъ, бываютъ въ разныхъ городахъ и станицахъ казачьихъ.

Главныя **занятія** жителей—земледѣліе и лѣсопромышленность. Земледѣліемъ они занимаются по большей части за Донцомъ, арендуютъ землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, платя за десятину по 6—7 и 8 р.; на своемъ-же полѣ сѣютъ жито, но очень мало, такъ какъ земли удобной очень немного, по $^3/_4$ десятины на душу. Лѣсопромышленность состоитъ въ приготовленіи колесъ, дрогъ, выпалкѣ угля и т. п. Весною, во время разлитія Донца, дѣлаютъ большія лодки, которыя нагружаютъ колесами, спицами, оглоблями, подушками для дрогъ, ободьями, колодками для колесъ, углемъ и друг. матеріалами и отправляютъ внизъ по теченію рѣки на Донъ. Лѣтомъ приготовляютъ колеса, дроги и уголь и отправляютъ на фурахъ на югъ Россіи. Зимою же заготовляютъ и матеріалъ для упомянутыхъ подѣлокъ.

Школа началась съ декабря 1881 г. на средства, пожертвованныя церковнымъ старостою, а затѣмъ, когда средства эти истощились, то школа считалась только на бумагѣ до 1888 г.; въ 1888 году открыта школа земствомъ въ отдѣльномъ прекрасномъ домѣ, построенномъ обществомъ. До этого школа была въ церковной караулкѣ, а въ 1889 г. открыта вновь церковно-приходская школа, на средства церкви и причта, и приглашена учительница, окончившая курсъ въ епархіальномъ училищѣ. Дѣтей своихъ крестьяне посылаютъ въ школу весьма охотно. Въ церковной оградѣ крестьяне построили для церковно-приходской школы прекрасный каменный домъ.

На женщину крестьяне смотрятъ дома, какъ на младшаго члена и какъ на рабу, а въ обществѣ оба пола почти равноправны.

Пьянство здѣсь слишкомъ развито, что объясняется занятіемъ населенія. Продавая на ярмаркѣ или на дому колеса или дроги, они выговариваютъ могорычъ; пріѣхавши съ ярмарки, пріятели сходятся къ винной лавкѣ, и начинается попойка. Въ годъ выпиваютъ до 1,500 ведеръ, на сумму 9,000 р. Недоимки въ податяхъ, однако нѣтъ, имѣется въ кассѣ общества запасной капиталъ, образующійся отъ арендныхъ денегъ за озера, которыхъ въ Боровскомъ очень много, а также и отъ общественныхъ заработковъ.

Свадьба крестьянину обходится весьма дорого, такъ какъ нужно много подарковъ для родственниковъ и другихъ приглашенныхъ лицъ; какъ тѣхъ, такъ и другихъ, бываетъ весьма много, и на долю каждаго приходится подарка по три. Подарки состоятъ изъ платковъ различной стоимости, отъ 15 к. до 3 руб.; кромѣ этого, покупаютъ ведеръ до 5 водки, стоющей 25 р.; такъ что свадьба обходится среднему крестьянину до 50 р., не считая съѣстныхъ припасовъ. Свадьба раздѣляется на три части: сватанье, сговоры и самая свадьба. Каждый изъ этихъ отдѣловъ ничего не имѣетъ особаго, а заключается въ пляскахъ, пѣніи пѣсенъ и угощеніи. Сватанье отправляется сей-часъ, какъ только родители дали свое обоюдное согласіе на вступленіе ихъ дѣтей въ бракъ; сговоръ—есть вечеръ, устраиваемый для молодыхъ людей подъ день свадьбы, и устраивается онъ преимущественно въ домѣ невѣсты. Молодые люди занимаются плясками и пѣніемъ, а родители, родственники и знакомые—угощеніемъ; причемъ угощеніе происходитъ въ домѣ невѣсты; при этомъ, приглашенные со стороны невѣсты сидятъ, а со стороны жениха стоятъ, угощеніе же, т. е. водка, вино и закуска, приносится родными жениха. Въ концѣ вечера родные невѣсты раздаютъ подарки всѣмъ безъ исключенія и за это получаютъ обратно деньгами по желанію каждаго. Въ день свадьбы молодыхъ одѣваютъ подруги и товарищи въ одежду, предназначенную раньше, которую окропляютъ святою водою, затѣмъ они ведутъ ихъ къ вѣнцу и при этомъ поютъ пѣсни, послѣ же вѣнца молодыхъ отводятъ въ дома родителей. Молодая, по приходѣ домой, угощаетъ своихъ подругъ, а сама между тѣмъ ничего не ѣстъ. Угощеніе продолжается до прихода молодого, а когда онъ прійдетъ, то становится у порога и дожидается, пока дружко откупитъ ему мѣсто у подругъ невѣсты, и затѣмъ уже садится возлѣ молодой. Послѣ этого молодой расплетаютъ косу на двое, надѣваютъ на голову кокошникъ и сверху закрываютъ ее кисеею, такъ что и все лицо закрывается. Женщины въ это время поютъ пѣсни всѣмъ боярамъ, каждому отдѣльно, а также дружку, свату и свахѣ, это называется „обыгрываньемъ“ (слово пѣть они замѣняютъ словомъ играть). Затѣмъ молодыхъ выводятъ изъ—за стола и даютъ ему въ руки хлѣбъ, а ей икону,

благословляютъ и отправляютъ ихъ въ домъ родителей жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ у фортки двора. У фортки или у воротъ настилается солома, которую зажигаютъ и черезъ огонь проводятъ молодыхъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы очистить отъ заговоровъ недобрыхъ людей, которые могли бы принести вредъ новобрачнымъ. У порога молодыхъ встрѣчаютъ родители съ иконами и, благословивши, сажаютъ ихъ за столъ, даютъ имъ обѣдать, а затѣмъ, отправляютъ ихъ на покой; приглашенные же продолжаютъ веселиться.

Свадебныя пѣсни. На сватаньи поютъ („играютъ") слѣдующія пѣсни:

1.

„Чей это конь пробѣжалъ?
Лёли-лёшеньки, пробѣжалъ!
То Павловъ конь по улицѣ пробѣжалъ,
Лёли-лешеньки, пробѣжалъ!
Онъ вырвался къ Аннушкѣ въ огородъ.
(Припѣвъ послѣ каждаго стиха).
Онъ вытопталъ руту-мяту, васильки.
То ему Аннушка смолчала,
Не смолчала Аннина матушка.
Она выломила ракитовую вѣточку,
Постебала ворона коня по бедру,
Захватила Павлушу по лицу.
Пріѣзжаетъ Павлуша ко двору,
Сострѣваетъ Павлушу матушка:
„Чего ты, мое дитятко, бѣлъ-румянъ,
Чего въ тебѣ черныя брови колесомъ"?
—„Охъ, былъ я, моя матушка, у тестя,
Охъ, пилъ я, моя родная, медъ давно,—
Стало мое лицо румяно,
Съ того мои брови колесомъ".

2.

„Ой, колесо, колесо покатилось,
Ой, лёли-лешеньки покатилось!
По дорожкѣ далеко,
Покатилось далеко;
Прикатилось къ огороду,
А въ огородѣ столъ стоитъ,
А за столомъ бояре,
Промежъ бояръ
Младъ дружко
Водитъ коня въ рукахъ,
Гладитъ коня по бедру:
—„Ой, коне, коне мой вороной,
Товарищъ мой милой!
Послужишь, послужишь
Мнѣ ты вѣрно,
Поѣдешь, поѣдешь ты со мною
Въ славную Боровскую слободу
Съ дѣвками и бабами судъ судитъ".
Онъ высудилъ дѣвушку,
Онъ красную похвальную Аннушку".

3.

„Золотая метелочка, позолочена ручка,
Лёли-лешеньки, позолеченая ручка!

Чистый теремъ выметала
Изъ кута до порога.
На крылечко выходила,
Подумала, погадала,
Три словечка сказала:
—Государь ты мой, батюшка,
Государь ты мой, родимый,
Ты на что дрова рубишь,
Ты вырубливаешь?
Государыня, матушка,
На что дрова носишь,
Ты вознашиваешь?
На что хату топишь,
Ты востапливаешь?
На что обѣдъ варишь,
Ты возвариваешь?
—Ты, дитя мое, дитя милое!
Къ намъ нынче дорогой гостинька буде,
Что милый то Павлуша, молодой Ивановичъ,
Со князьями, со боярами,
Со молодыми поѣзжанами".

4.

„Пьяница да пропойница
Аннинъ батюшка,
Пропилъ Аннушку
На меду да на патокѣ,
На винной чарочкѣ".

На сговорахъ поютъ:

5.

„Ой, горы, горы крутыя,
Ой, рано-рано, крутыя!
А дороженька торная,
Ой, рано-рано, торная!
Кто тыя дороженьку протопталъ,
Ой, рано-рано, протопталъ!
Протопталъ дороженьку младъ Павло,
Ой, рано-рано, младъ Павло!
Къ тестю въ гости ѣздючи,
Дорогія подарки возючи.
Первый подарокъ изюмецъ,
Второй подарокъ сахарецъ,
Третій подарокъ—самъ на дворъ
Къ Сергѣевнѣ въ высокъ теремъ".

6.

„Объ мартѣ мѣсяцѣ выпадала пороша,
Не малая, не великая,—
Коню по черево, воробью по колѣно.
То Павловы братцы охотники были,
Куницъ да лисицъ били:
То Аннѣ на шубу
Съ долгими полами,
Съ широкими рукавами.
Аннины братцы
Ни умны, ни разумны,—
Не вздумали пригадать,
Какъ шубушку сшить
Съ долгими полами,
Съ широкими рукавами".

7.

„Ой, на Донку, на крутомъ бережку,
Лежала тонка-гибка досточка,
На досточкѣ тонки-бѣлы рубашечки
Обмывала Марьюшка.
По бережку ходилъ Гордѣюшка,
Винтовочки справлялъ,
Хоче стрѣлять на бѣлаго лебедя.
Лебедь-лебядушка подъ крыльцомъ,
У Гордѣюшки Марьюшка подъ бочкомъ,
Гордѣюшка до Марьюшки зирая:
—Въ кого жъ ты, Марьюшка, удалася хороша?
—Я удалася въ роднаго батюшку,
А пригожа въ родимую матушку,

А по поясу золотомъ вилась,
А по плечу въ чистый серебъ".

8.

„Чистымъ полемъ при дорогѣ
Ячмень уродился,—
Онъ жать пригодился.
Марьюшка ячмень жала
По одномъ колоску
Золотымъ серпочкомъ.
Мимо ѣде Гордѣюшка:
—Богъ помочь, Марьюшка!
У ту пору Марьюшка
Кушать захотѣла:
—Чи мочешь, Гордѣюшка,
Ко торгу поѣхать,
Да изюму купить,
Меня накормить?
—Могу, Марьюшка,
Ко торгу поѣхать,
Тебѣ изюму купить,
Тебя накормить"!

9.

„Марьюшка по водицу шла,
Коромыслице гнется,
Гордѣюшко въ окно глядитъ,
Самъ слезою льется.
А што жъ ты, коромыслице,
Давно не обломилось?
Что жъ ты, Гордѣюшка,
Давно не женился?
—Радъ бы жениться,
Да не кого брати,
Марьюшка подростала,
А я поджидалъ"!

10.

„Обливалася шелкова трава
росою,
Да хвалилася Марьюшка
косою,
А у меня коса до шелкова
пояса,
Ай у кóсушки серебряный
косничекъ.
А я выплету изъ кóсушки
косничекъ,
Да сдѣлаю плетничекъ,
Чтобъ ворона коня чѣмъ по-
гонять,
Чтобъ Марьюшку было чѣмъ
пробуждать.
Ай у Марьюшки дѣла много:
Дары шить, чтобы было чѣмъ
Лютого свекра дарить
И лихую свекровью".

11.

„Я на улицу спѣшу,
Я ни играть, ни плясать—
Жениха выбирать:
Со права со крыльца
Гордѣюшку молодца.
Гордѣюшка молодецъ:
Онъ и бѣлъ, и румянъ,
Чернобровъ и черноглазъ,
Говорить со мной гораздъ".

12.

„Мимо терема высокаго
Ясенъ соколъ пролетае
У гáлушекъ спрашивае:
—Вы, гáлушки черныя,
Нѣтъ ли моей сокóлушки?
Ему гáлушки отказали:
—Нѣтъ твоей сокóлушки.
А сокóлушка озвáлася:
—Соколикъ мой, я тутъ же-жъ,
Въ темномъ лѣсѣ
Гнѣздышко вью
Съ разныхъ перьевъ;
Ко мнѣ галушки слетались
По перушку сносились".

13.

„Около колодочки—опеночки,
Только нѣту бѣлаго груздочка;

Со дождику противъ солнышка
Груздокъ выростае.
Около Марьюшки
Всѣ дѣвушки молодушки,
Только нѣтути
Молодаго Гордѣюшки.
Со вечера, со полуночи
Гордѣюшка къ намъ буде
Со князьями, со боярами,
Съ молодыми поѣзжанами".

14.

„Ольха, ты, ольха зеленая,
Шкора золотая!
По той по ольхѣ
Марья ходила,
Шкору колупала,
На чары ковала,
Медомъ накладала,
Бояръ частовала:
—Вы пейте, бояре,
Вы кушайте, молодые,
Вы медъ, вино пейте,
Да мене не берите,
Не берите красную Марьюшку".

15.

„Черезъ нашъ высокъ теремъ
Пролеталъ ясенъ соколъ.
Уронился за перо,
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
Марьина матушка
Въ окошко глядитъ,
Марьюшкѣ говоритъ:
—Марьюшка, дитятко,
Николаевна, милая,
Подымыся за крыло
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
—Охъ, матушка, не могу,—
По новымъ сѣнямъ хожу,
Дробный жемчугъ беру,
На низочку нижу,
На шелку кладу,
Въ зеркальце гляжу—
Чи хорошо подъ лицо,
Чи хорошо подъ бѣлое"!

Въ день свадьбы молодымъ къ вѣнцу поютъ:

16.

„Да не пчелушки гудутъ
Къ зеленому лугу,
А невѣста идетъ
Къ Божьему суду,
Христовому престолу.
А у насъ ныньче рано
Сине море грае,
Посередъ синяго моря
Волною сбивае,—
Дѣвка потопае:
„А, кто меня выне,
За того замужъ пойду"?
Да кидался—бросался
Старый бородатый,
Сроду не женатый,
Ой, я тебя выну".

Жениху поютъ:

17.

„Горошекъ ты мой,
Хорошо тебя сѣять
При пути, при дорогѣ,
При доброй годинѣ!
Ой! младенькій Иванъ,
Хорошо тебя женить
При роду, при племени.
Чьи то кони на Дунай,
На Дунай рѣку пить пошли.
Пьютъ не пьютъ,
Копытами бьютъ,
Стремена рвутъ,
Дороженьку чуютъ".

Пѣсня молодой, когда ее ведутъ къ свекру:

18.

„Съ дубравы зеленой [дыхъ,
Выѣзжали 700 бояръ и 4 моло-

Они рано выѣзжали,
Вывозили молодую.
Молодая слезно плаче, взрыдае:
„Не плачь, не плачь,
Мы тебя веземъ,
Съ неволюшки да въ волюшку“.

19.

„По горенкѣ голубокъ ходя,
По терему голосокъ водя,
Иванъ тестю говоря:
А тестюшка, мой батюшка,
А ты меня не задерживай,
Да дороженька моя дальняя,
Кони мои притомились,
А бояре мои пьяные, похмѣльные“.

Къ вѣнцу молодой сиротѣ поютъ:

20.

„Зеленая дубрава,
Зеленая да невгодная,
Да и одинъ дубъ зеленый
Да и той безъ верхушки,
И того буря сломила
Съ корня до верхушки.
Одна была матушка,
Да и та на томъ свѣтѣ.
Навкрестъ ручки держе,
Анна въ рукахъ держе ширинoчку,
На лицѣ слезиночку,
Слезой умывается,
Ширинoчкой утирается“.

Когда молодой идетъ съ молодою домой, имъ поютъ:

21.

„Сострѣнь, сострѣнь, матушка,
Вотъ самъ соколъ ѣдетъ,
Соколушку везетъ,
Перемѣну себѣ:
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ куховницу
Гостямъ привѣтницу,
Молодому совѣтницу“.

Когда привозятъ имущество молодой въ домъ жениха, то поютъ:

22.

„Выйди, матушка, погляди,
Что тебе бояре привезли:
Скрыни (сундуки), перины
И молодую княгиню“.

23.

„Рай, рай разцвѣтае,
Красно—мурово,
Зелено—лазорево
Что красно—Гордѣюшка,
Что зелено—Марьюшка“.

Весеннія пѣсни.

„Ой, на полѣ, на полянѣ,
На высокомъ курганѣ,
Посѣялъ мужикъ проса много.
Некому просо ижать,
И полоть, и толочь, и молоть!
Поѣхалъ мужикъ у Бѣлъ-городъ
Рыбы купить
И работницу-куховницу нанять.
Я день ждала,
Другой ждала,
На третій день
Мой мужъ ѣде,
Рыбу везе
И работницу куховницу.
Куховница уся въ золотѣ-серебрѣ,
На ней рубашка,—
Что кленовъ листъ,
Покромочка чирчатая,
Намиста бузовыя,
На ней вѣнчикъ, что лугъ сѣя (сіяетъ).
Пошлю рабу туды-сюды,—
И жать, и полоть,
И толочь, и молоть

„Сама не панья,
Пойди туды-сюды
И жни, и поли“!
Я жъ думала,—работница,
А жъ ну наша разлучница,
Разлучила съ милымъ другомъ,
Съ надеждою великою“.

25.

„Пошли дѣвки по чеснокъ,
За нами ребята,
Боровскіе ребята,
Краснянскіе мужики.
Поихали на луга,
Раскинули тенета,
Поймали комаря.
Посъѣжалися судьи,
Стали судить:
Какъ комаря дѣлить?
Кому потрушокъ?
Ивану потрушокъ,—
Онъ хорошій женишокъ?
Кому голову?
Павлу голову,—
Онъ великъ безъ ума!
Кому печенки?
Петру печенки,—
Чтобы любили его дѣвченки“.

26.

„А въ городѣ диво:
Наварилъ чернецъ пива.
Чернецкое пиво
Разумчиво было,
Въ голову ступило.
Пришли молоду звати,
У пиръ пировати.
А вотъ я трухнуся,
А вотъ я ворохнуся.
Сиди ты, мужъ, дома,
Стели, мужъ, постелю,
Стели пуховую.
Пришла со галюшекъ,
Постеля послата,
Въ изголовье наклато.
Вдарила мужа въ щеку,
Ударила въ другую:
Всѣмъ стало диво:
Что жена мужа била,—
На худа не вчила:
Не красть она его посылала,
Работать заставляла—
Постелюшку слать“.

27.

„Какъ бы былъ я голубецъ,
Я бъ узвился высоко,
Полетѣлъ бы далеко,
Полетѣлъ бы у торжокъ.
Что у торжку дешево?
Дешевы молодцы.
Что у торгу дорого?
Дорога у торгу дѣвушка.
Что за дѣвушку сто рублей,
А за красную тысячу,
А за удалаго,
Смѣты нѣтъ“.

28.

„Я тишкомъ лужкомъ
Съ милымъ дружкомъ,
Вечеринкой, со лучинкой
Я пришла ко двору,—
Бѣло разсвѣло,
Изба топится,
Обѣдъ варится.
Свекоръ-батюшка
На полу лежитъ,
Свекровья на приступицѣ,
Постылъ мужъ
За столомъ сидитъ,
Шелковая плеть
На столѣ лежитъ.
И какъ сталъ меня
Младу бить:
Шкуру до пятокъ спустилъ.
Хоть двѣ спусти,
Да грать пусти!

И подъ себя постели,
Да грать пусти!
И шкура волочится,
Да грать хочется!
Слезы катятся,—
Плясать хочется!"

29.

„Охъ, Таня, Танюшка,
Подружка моя!
Скажи, Таня, Татьянушка,
Кто ленту тебѣ купилъ?
Алую повитую
Батюшка купилъ,
А другую голубую
Милый подарилъ!
А третью-разнотретью
Сама отъ себѣ".

30.

„Ведутъ красную дѣвушку
Съ крыльца до вѣнца:
Одинъ ведетъ за рученьку,
Другой за рукавъ,
А третій стоитъ,—
Животъ болитъ:
Любилъ да не взялъ,
Досталася красная дѣвка
Иному—не мнѣ,
Иному, не чужому,
Брату моему".

31.

„По стежкѣ, по дорожкѣ
Козаченокъ малекъ идетъ,
На козаченкѣ рубашечка тонка,
Тонка—тонка льняная,
Что кленовъ листокъ.
Да не матушка ему шила,
Не сестра дарила,
Ему шила—вышивала
Купеческая дочка.
А мать сыну говорила,
Углаза бранила:
—„Полно-полно, сынъ, гулять,
Полно,—увоймися,
Съ дѣвками не водися.
Велю, велю, сынъ, поймати,
Велю приковати".
—„Не куй, не куй меня, мати,
Къ каменной кровати
А прикуй меня, мати,
Къ дѣвичей кровати.
Дѣвки граютъ, дѣвки пляшутъ,
Молодца забавляютъ.
Я со горя, со кручины
Пойду потанцую,
Со великой печали
Дѣвку поцалую!"

32.

„Вы, комарики, комарики мои,
Вы, комарики, безсовѣстные,
Завелись во зеленомъ саду,
Что не дали красной дѣвкѣ спать,
А у дѣвушки головушка болитъ,
А отъ головушки бѣло лицо
А отъ бѣла лица [горитъ,
И совсѣмъ дѣвка больна.
Пойду въ садъ разгуляюсь,
Съ донскимъ-морскимъ повидаюсь;
Донской-морской, то Григорьюшка дружокъ,
За собой ведетъ дѣвокъ корогодъ,
Всѣ дѣвки хороши, пригожи,—
Моя Мотрюшка лучше всѣхъ,
Что получше всѣхъ, повѣжливѣй.
Какъ взялъ Мотрю за правую руку,
За кисейную рубашеночку,
Какъ повелъ Мотрю въ новый кабакъ,
Напоилъ Мотрю пьяною,

Положилъ Мотрю за бочку спать,
Что за бочку, за сѣточку,
За желѣзную рѣшеточку.
Самъ по сѣничкамъ похаживая,
Мальчикамъ приказывая:
Вы, чумачики мои, донскіе козаки,
Не будите мою Мотрюшку,
Коли встане, похмѣлите ее,
Похмѣливше, проводите,
Да не смѣйтеся съ нея".

Лѣтнія и осеннія пѣсни.

33.

„Ой, садъ мой, виноградъ,
Ой, что жъ ты, мой садикъ,
Да не бѣло цвѣтешь?
На мнѣ, на садику,
Морозъ побывалъ,
Морозъ побывалъ,
Листья обдувалъ.
Молодчикъ молоденькій,
Чтожъ ты, молодчикъ,
Да не веселъ стоишь?
Ой, какъ мнѣ, молодцу,
Веселому быть,
А вечеръ я—молодецъ
Съ дѣвицею стоялъ,
Съ дѣвицею стоялъ,
Я рѣчь говорилъ!
Сулилась дѣвица:
Люблю я тебя,
Пойду замужъ за тебя.
Поутру дѣвица просватана,
Сговорена замужъ далеко,
Кабы далеко, животъ не болѣлъ,
Сердце не шумѣло,
А то красна дѣвка живетъ
Дворъ со дворомъ,
И теремъ съ теремомъ,
Окошко съ окномъ.
Она по двору идетъ,
Чо пава плыветъ,
А меня, добраго молодца,
Кручина беретъ,
Великая печаль,
Что любилъ, да не взялъ".

34.

„Охъ, вы дѣвки—молодки,
Сходите съ терема
Вы любите молодца,—
Одинъ сынъ у отца!
Одинъ сынъ у отца, да у матери,
Добрый молодецъ
Повадился на охотушку,
Онъ на охотушку ходить,
Бѣлыхъ заюшекъ ловить,
Лисью шубушку шить.
Красна дѣвица душа
Уродилась хороша,
Много счастлива, талантлива,
И лицомъ бѣла,
И бровями черна,
Рѣчью вѣжлива".

35.

„Ай, у матери да три дочери.
Они просятся на Дунай гулять,
Селезневъ смотрѣть.
„Суки, дочери, то не селезни, не косатые,
Да три молодца не женатые.
Первый молодецъ да Стефанушка,
Другой молодецъ—Никитушка,
Третій молодецъ—Андріянушка,
А Стефанушка косить гораздъ,
А Никитушка читать гораздъ,
А Андріянушка стрѣлять гораздъ
За куницами, за лисицами,
За красными, за дѣвицами".

36.

„Звонкое дерево у раю поставлено,
Не сильно—добре цвѣло,
Немножко вродило:

Всего три ягодки,
Всего три вышеньки.
Ягодка Марьюшка,
А вышенька Варварушка.
Сестрицы—подруженьки,
Что у васъ за ягодка?
Не въ саду выросла,—
Не въ зеленомъ я выцвѣла.
Выросла я у батюшки,—
Выцвѣла у матушки;
У батюшки на новыхъ сѣняхъ,
У матушки на бѣлыхъ рукахъ".

37.

„По надъ озеромъ молодецъ ходитъ,
Двухъ коней водитъ,
Да двухъ вороныхъ не ручныхъ.
Купайтеся, мои два коня!
Мнѣ да на тѣхъ коняхъ
У поѣздъ ѣхать,
Да за дѣвкою, за молодкою.
Та мнѣ дѣвушка не подобилася
Не въ совѣтъ пришла посовѣтовать". (Поютъ 2 раза).

38.

„Что ты, сѣръ гусикѣ,
Одинъ на водѣ!
Право, я не одинъ,
И ей-ей не одинъ!
Много со мной гусей-лебедей,
Только нѣту гусыни моей.
Травушка шумитъ,
Гусыня летитъ,
Шелкова шумитъ,
Сѣрая летитъ". (2 раза).

39.

„Какъ пойду млада по воду,—
Точеное коромысло,
Да сосновое ведерце,
Шелковы подцѣпки.
Навстрѣчу мнѣ, дѣвушкѣ,
Да дѣтинушка молодой,
Неженатый—холостой.
А я молода съ нимъ стояла,
Стояла, говорила.
Поколь Донъ стоялъ,
Желтый песокъ ожидалъ.
Увидалъ батюшка
Съ высокаго терема:
А чего жъ ты, дитятко,
Мѣшкало долго?"

На праздникахъ Рожественскихъ поютъ:

40.

„У насъ на улицѣ, на широкой,
У насъ на муравѣ на зеленомъ
Какъ кто-то у насъ ревнивый и шутливый?
Ревнивая Марьюшка,
Шутливая Антоновна,
Взяла платокъ, пошла въ танокъ,
Разыгралася, расшутилася.
Князья бояре!
Станьте въ стороны и по отдали:—
Батюшка ѣдя,
Всѣхъ васъ придаре и пожалуе
Вороными конями
Невталеными подкалеными;
Мнѣ подаре колью шубу соболеву".

41.

„У воротъ виноградъ,
У воротъ зеленый!
По томъ виноградѣ,
Удалый молодецъ ходя;
Онъ ходя, гуляе,
Ускрипку грае,
Короля забавляе,
Короля молодого,
Молодца удалого.
Вы, дѣвки, молодки,
Сходите съ терема"!

В. Лютовъ.

17.—Сл. Бахмутовка.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Болѣзни. Занятія и нравственное состояніе.—Свадьба и пѣсни.—Похороны.—Праздничные и др. обряды.—Игры.—Народная демонологія.—Сказка.

Слобода расположена на низменномъ мѣстѣ; съ одной стороны окружена невысокими возвышенностями, у подошвъ и по скатамъ которыхъ многіе изъ крестьянъ развели сады, изобилующіе плодовыми деревьями, а съ другой стороны этой слободы протекаетъ рѣка Айдаръ, притокъ Донца, которая отдѣляетъ эту слободу отъ хутора, принадлежащаго къ ней и названнаго Бахмутовскимъ. Слобода находится отъ уѣзднаго города въ разстояніи 47 в., отъ Луганска—въ 45 в., отъ Славяносербска—въ 20 в. и отъ Бахмута—въ 50 в. По разсказамъ крестьянъ, эта слобода была основана переселенцами изъ г. Бахмута, которые и дали ей названіе Бахмутовки; когда это произошло,—въ точности неизвѣстно; но народъ говоритъ, что переселенцы стали приходить на эти мѣста тогда, когда крымская соль стала замѣняться бахмутовскою; впослѣдствіи сюда былъ большой наплывъ переселенцевъ изъ среднихъ губерній Россіи, особенно изъ Курской, а также изъ Воронежской. У народа существуетъ преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ расположилась теперь слобода, нѣкогда были дремучіе лѣса, въ которыхъ укрывались разбойники. Это было въ то время, когда Донецъ былъ еще границею, и происходило завоеваніе юга Россіи. Остатки прежнихъ лѣсовъ сохранились, такъ что въ настоящее время около Бахмутовки встрѣчаются довольно большіе лѣса.

Жителей въ сл. Бахмутовкѣ насчитываютъ 2,037 д., въ т. ч. 1,030 м. и 1,007 ж. п. Въ общемъ всѣ они худощавы, средняго роста, привлекательны, а между женщинами встрѣчаются нерѣдко и довольно красивыя. Мужчины всѣ непремѣнно носятъ бороду, такъ какъ брить ее считается большимъ грѣхомъ, на томъ

основаніи, что Іисусъ Христосъ былъ съ бородою. Въ наружности жителей вліяніе инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жители великороссы; говорятъ московскимъ нарѣчіемъ; звуки *о* и *е* въ словахъ выговариваютъ за *а*, такъ, напримѣръ: вада, агурецъ, авёсъ, галова, сабѣ, табѣ; *е* и *ѣ* неударяемые они выговариваютъ за *я*, такъ въ словахъ: тьвяты (цвѣты), земля, мядовый, жана, пшаница; въ окончаніяхъ второго лица единственнаго числа и 3-го лица *ё* произносятъ за *е*, напр.: нясешь, пячешь, нясетъ, вядетъ и т. д. У жителей Бахмутовки употребляется странное выраженіе привѣтствія; такъ, приходя къ кому нибудь въ хату, или-же встрѣтясь на улицѣ, они говорятъ: „здорово, днявали“, — „работали“, — „Боже, памажи“. Старовѣровъ они называютъ — „первертни“, малоросовъ — „хохлунди“. Сосѣди называютъ жителей этой слободы москалями, а ихъ женщинъ московками.

Грамотность въ слободѣ очень мало распространена; только немногіе изъ крестьянъ умѣютъ читать и писать. Наиболѣе распространенными книгами въ народѣ являются: Евангеліе, Псалтырь, Часословъ, житія Святыхъ и такія, какъ крещеніе Руси, о нашествіи французовъ, о подвигѣ Ивана Сусанина, объ Ильѣ Муромцѣ, о Робинзонѣ Крузе и нѣкоторыя другія. Эти книги они достаютъ частью въ церкви, или-же въ школѣ, а нѣкоторыя покупаются ими на ярмаркахъ въ городѣ.

Жилища крестьянъ составляютъ хаты. Сначала идутъ сѣнцы, за ними такъ называемая большая хата, а у болѣе зажиточныхъ крестьянъ за большою хатою устраивается еще „хатенка„ такъ называется небольшая комнатка, въ которой находится русская печь для приготовленія обѣда. При сѣнцахъ находится чуланъ, гдѣ хранятся сундуки. Убранство хатъ составляютъ—столъ, лавки и полъ, сдѣланный изъ досокъ,—гдѣ спятъ крестьяне; главнымъ-же убранствомъ хатъ служатъ иконы, и въ какой хатѣ ихъ больше, та и признается за лучшую. Иконы помѣщаются всегда въ переднемъ углу, который почитается самымъ главнымъ въ хатѣ и называется у нихъ „святнымъ“. Для украшенія на стѣнѣ вѣшаютъ еще шкафъ, который у нихъ называется „мисникомъ“, а полки въ немъ „палицею“. Входя въ хату, они останавливаются на порогѣ и начинаютъ креститься, вѣря, что ихъ на порогѣ встрѣчаетъ ангелъ, а потомъ

уже переходятъ порогъ и здороваются съ хозяиномъ. Существуетъ повѣрье, будто-бы душа ребенка, родившагося неживымъ, остается на порогѣ хаты, или-же въ трубѣ; поэтому, крестясь на порогѣ, или-же при открываніи и закрытіи трубы, они какъ-бы крестятъ некрещеннаго младенца. Дворъ при хатахъ большой, огораживается обыкновенно плетнемъ изъ хвороста, „шали" и раздѣляется на двѣ части: на собственно дворъ и огородъ. Дворъ застроенъ слѣдующими постройками: амбаромъ для ссыпки хлѣба, около него сараемъ, гдѣ складываютъ топливо, въ сторонѣ устраивается „закута" для свиней и помѣщеніе для овецъ, которое у нихъ извѣстно подъ именемъ „кашары". На огородѣ помѣщается „половень", гдѣ складываютъ кормъ для скота, и токъ. У бѣдныхъ только сарай и помѣщеніе для скота. Хаты здѣсь не раскрашиваются, рѣзьбы также не имѣютъ, и только ставни во всѣхъ хатахъ окрашиваются красною глиною.

Одежда мужчинъ лѣтомъ—„зипунъ", чумарка, рубахи бѣлая и красная заграничная, а на зиму—еще присоединяется полушубокъ. Въ будни носятъ бѣлую рубаху и бѣлые „портки"; выходя изъ дому, надѣваютъ сверху „зипунъ"; въ праздникъ же надѣваютъ красную рубаху, покупные штаны, сверху чумарку изъ сукна и разноцвѣтный поясъ. Лѣтнюю и зимнюю одежду женщинъ составляютъ „сарафаны", гарусные и шелковые платки, „салопы", выдѣланные изъ овечьей шерсти и синенные, или же изъ синяго сукна, шуба изъ овчинъ, обшитая гарусомъ. Будничная одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи, вышитой на плечахъ, изъ синеннаго сарафана, сотканнаго изъ овечьей шерсти, и изъ ситцеваго или же изъ стараго гаруснаго платка. Въ праздникъ онѣ надѣваютъ новый синенный сарафанъ, внизу кругомъ обшитый полосою краснаго ситца; спереди, начиная сверху, идутъ два ряда парчи, называемые „плятёнкой"; между полосами парчи нашиты пучки изъ синихъ и красныхъ лентъ, красную заграничную рубаху, къ рукавамъ которой пришиваются оборочки изъ синяго шелка,—у бѣдныхъ изъ ситца,—которыя носятъ названіе „манжетъ"; кругомъ таліи обвязываютъ разноцвѣтный суконный поясъ, такъ что концы висятъ на боку. Поверхъ этого нѣкоторыя надѣваютъ еще кофты, обложенныя гарусомъ. Самымъ сложнымъ уборомъ молодыхъ

женщинъ является головной, а именно: сначала онѣ надѣваютъ „подзатылень", сдѣланный изъ бархата или же просто изъ полотна, весь зашитый золотомъ и убранный бисеромъ, далѣе— „кичку" изъ холстины, въ родѣ невысокаго кокошника, потомъ „бархатникъ" изъ краснаго бархата, убранный полосками парчи и имѣющій видъ шапочки, наконецъ повязываютъ шелковый платокъ, такъ что „подзатылень" и передъ бархатника остаются открытыми. Дѣвушки заплетаютъ косу „въ расплетъ", вплетаютъ разнаго цвѣта ленты и потомъ вокругъ головы дѣлаютъ перевязку изъ широкой ленты, или сложеннаго небольшого платка, называемаго „подшальникомъ"; сбоку къ такой перевязкѣ прикалываютъ булавками бантики изъ красныхъ лентъ и называютъ ихъ „тьвятками". Зимою убора не надѣваютъ, а прямо повязываются шерстянымъ или гаруснымъ платкомъ. Старинныхъ одеждъ здѣсь нѣтъ. Хорошіе сарафаны женщинъ обходятся въ 5—6 р., бархатникъ отъ 4 р. до 7 руб., „подзатылень" въ 1 р., кичка стоитъ 15 к., „зипунъ" 5 р. Сарафаны синятъ особою синею краскою, которую называютъ „колья".

Пища какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, одинакова. Въ скоромные дни почти у всѣхъ крестьянъ приготовляютъ очень часто мясо, что нибудь молочное, яица, а въ постные дни обыкновенною пищею служатъ борщъ и квасъ съ картофелемъ. Очень распространенная здѣсь пища—кисель изъ грушъ и терка, узваръ изъ вишенъ и солодуха съ пшеномъ. Въ послѣднее время пища стала ухудшаться по причинѣ неурожаевъ хлѣба; бывало, прежде и продадутъ хлѣбъ, и еще остается до новаго урожая, а теперь и хлѣба не достаетъ, и скотъ приходится продавать, такъ какъ нечѣмъ кормить его. Здѣшнія лавочки не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ сюда очень часто изъ другихъ селъ и даже изъ городовъ пріѣзжаютъ торгаши, у которыхъ жители забираютъ и покупаютъ все необходимое, да и лавочка здѣсь только одна. Освѣщаются керосиновыми лампами; керосинъ извѣстенъ подъ именемъ „газа".

Болѣзни. Самыя распространенныя въ слободѣ болѣзни,— дифтеритъ, называемый „давушкой", и оспа. Лѣкарствами по большей части служатъ настои изъ различныхъ травъ, которыя собираются бабами—знахарками въ маѣ мѣсяцѣ. Если кто

нибудь заболѣетъ, сейчасъ-же посылаютъ за знахаркою, которая приноситъ настой травы, наговариваетъ воду и даетъ ихъ пить больному; самымъ-же важнымъ средствомъ считается шептаніе надъ больнымъ. Заговариваютъ отъ колотья, отъ рожи или „бяшихи", отъ глазъ; заговариваютъ также кровь, отъ „криксовъ" дѣтей и отъ всякой простуды. Чтобы заговорить воду, читаютъ три раза „Отче нашъ", только безъ отдыха, и обмываютъ въ ней ложку, ножикъ или веретено. Чтобы вылѣчить ребенка отъ „криксовъ", знахарка носитъ его подъ курей и шепчетъ: „кача́ты, пивны, возьмите криксы—плаксы отъ поражёной, отъ малитвенной и отъ хрящёной". Отъ колотья знахарка беретъ чеку, непремѣнно ту, которую найдетъ, а то иначе не поможетъ, или же ножъ, или пучочекъ палочекъ по девяти три раза, сначала бросаетъ ихъ назадъ, потомъ поднимаетъ и тогда уже накалываетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ болитъ. Крестьяне безусловно вѣрятъ силѣ такихъ заговоровъ и шептаній; къ врачамъ-же народъ относится недовѣрчиво, даже враждебно, называя ихъ отравителями. При заболѣваніяхъ только въ крайнемъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи врача, а, между тѣмъ, что бы ни случилось,—сейчасъ-же обращаются къ знахаркѣ. Больную скотину также лѣчатъ различными травами, дегтемъ съ солью, квасцами и шепчутъ надъ нею.

Траву „чистякъ" варятъ и употребляютъ отъ сыпи и золотухи на тѣлѣ; существуетъ повѣрье, что больной, выкупанный въ кореньяхъ „чернобыльника", на третій день непремѣнно выздоровѣетъ; если же не поднимется черезъ три дня, то это значитъ,—умретъ непремѣнно. Извѣстенъ здѣсь „подбѣлъ" съ широкими бѣловатыми листьями, который употребляютъ отъ болѣзни головы; здѣсь особенно много по горамъ барбариса, который извѣстенъ подъ именемъ „кислицы". Крестьяне употребляютъ довольно часто коренья „кислицы" отъ судорогъ. Многія мѣстныя травы они ѣдятъ, какъ, напр.: козельцы, щавель кислый, коровки, купырья, окуга, пустоселъ и мн. др. Если хотятъ, чтобы травы помогали отъ болѣзней, то ихъ надо собирать непремѣнно на Симона Зилота. Существуетъ повѣрье о папортникѣ, что, кто сорветъ его цвѣтокъ, который расцвѣтаетъ

только подъ Ивана-Купала въ полночь, тотъ будетъ знать, гдѣ зарыты клады, и понимать говоръ животныхъ и растеній.

Существуетъ много **заговоровъ**, напр., отъ колотья: „не колитя, не болитя, со всѣхъ суставовъ выходитя, со всѣхъ костей, со всѣхъ мощей; тутъ вамъ не житъ, тутъ вамъ костей не ломить; идитя на буйные вятры, на быстрыя рѣки отъ черныхъ глазъ, отъ жолтыхъ глазъ, отъ сѣрыхъ, ото всѣхъ ляхихъ людей, отъ пораженой, отъ молитвеной, отъ хрященой, отъ рабы Божіей и не разъ, и не два, и не три“, такъ до девяти. Этотъ заговоръ произносятъ три раза. Заговоръ крови: „ишли три брата по шарокой вулицѣ, рожу ламали, рожу сажали; рожа не взошла, кровь съ пальца не пошла“. И еще такъ: „на Сіёнской горѣ стоитъ столикъ, надъ столикомъ стульце, а въ стульцѣ сядитъ красная дявица, сядитъ у пяльцахъ вышывая краснымъ шолкомъ, а шелкъ пярярвется, руда (кровь) увоймется“.

Занятіемъ жителей слободы служатъ преимущественно земледѣліе и садоводство; сѣютъ преимущественно пшеницу, рожь и ячмень; садовъ очень много, по большей части въ нихъ произрастаютъ вишни и черешни,—яблонь мало. На огородахъ сѣютъ арбузы, капусту, ленъ, дынь мало и очень много конопли. Изъ льна и конопли прядутъ нитки и ткутъ холстъ. Прежде здѣсь было очень распространено пчеловодство, но теперь никто не имѣетъ пчелъ. Въ послѣднее время, когда урожаи стали плохи и земледѣліе не можетъ обезпечить жителей, главнымъ занятіемъ явилось „паленье углей“, которые развозятся и сбываются въ сосѣднихъ городахъ; кромѣ этого, идутъ на заработки въ Ростовъ, въ Ново-Черкасскъ, поступаютъ въ шахты для добыванія каменнаго угля, затѣмъ покупаютъ тамъ уголь и продаютъ.

Крестьяне сл. Бахмутовки—народъ очень религіозный; даже въ самые небольшіе праздники стараются пойти въ церковь. Очень почитаютъ монастыри и, говоря: „надо потрудиться“, цѣлыми толпами идутъ на богомолье; много дѣлаютъ пожертвованій. Когда изъ монастыря пріѣзжаютъ собирать пожертвованія, то они даютъ деньги, холстину, кто что имѣетъ, и никогда не отказываютъ. Богатые стараются по возможности помочь бѣднымъ,

Между крестьянами порядочно старовѣровъ, которые имѣютъ молельни въ ближайшей сл. Рай-городкѣ (въ 3 вер.) и своихъ поповъ.

Народъ здѣсь почти совсѣмъ неграмотенъ, но довольно понятливъ, смышленъ и неглупъ. Для образованія здѣсь открыта школа, куда многіе изъ крестьянъ посылаютъ своихъ дѣтей; когда-же школы здѣсь не было, то крестьяне посылали своихъ дѣтей учиться къ тѣмъ изъ нихъ, кто хотя немного умѣлъ читать. Къ школѣ и къ учителю почти всѣ относятся съ уваженіемъ, хотя есть и такіе, которые не хотятъ понять пользы ученія и относятся къ нему индиферентно.

Народъ очень добрый, миролюбивый и въ высшей степени суевѣрный. Женщины пользуются уваженіемъ, и семейная жизнь крестьянъ сравнительно очень спокойна. Родители съ дѣтьми обращаются кротко, и только въ очень немногихъ семьяхъ дѣти переносятъ побои и брань.

Хозяева съ наймитами обходятся очень хорошо, обуваютъ ихъ, одѣваютъ, кормятъ и вообще обращаются съ ними лучше даже, чѣмъ со своими. Кабаки есть; одинъ въ слободѣ, а другой на хуторѣ, и жители любятъ выпить; когда здѣсь не было открытаго кабака, то почти каждая изъ крестьянокъ старалась держать у себя водку и продавали на дому.

При рожденіи ребенка, ему сейчасъ-же даютъ имя и несутъ крестить; послѣ крещенія, кумъ и кума непремѣнно должны прійти обѣдать къ тѣмъ, у кого крестятъ; пѣсенъ не соблюдается. Вечерницъ въ Бахмутовкѣ не бываетъ; изрѣдка зимою дѣвушки собираются вмѣстѣ прясть.

Свадьба. Просватавъ дѣвушку, начинаютъ пить водку, или, какъ говорятъ, „пропиваютъ“ ее. На другой день послѣ этого въ домѣ невѣсты собираются три—четыре дѣвушки, которымъ невѣста раздаетъ шить ей „дары“. Если-же работы очень много, то эти дѣвушки разносятъ другимъ дѣвушкамъ, и на свадьбѣ могутъ-быть только тѣ, которыя принимаютъ участіе въ шитьѣ этого приданнаго. Здѣсь существуетъ обычай, по которому невѣста до свадьбы должна „голосить“ два раза въ день, утромъ на зарѣ и вечеромъ на зарѣ. Въ первые дни по просватаніи, невѣста голоситъ, говоря: „радименькая моя мамушка, заклю-

чили вы мою буйнаю галовушку, и запячалили мое рятивое сярдечушко, и уняли вы мою дѣвичью волюшку". И такъ еще: „милыя мои подружаньки, что-жъ вашла моя воля во зялёнаю дуброву, осыпались всѣ мои лазорявые тьвяточки и позавяли всѣ ганусовыя васялёчки; любаи мои подружаньки, хадите вы по зялёному садочку, собярите эти тьвяточки, раздялите промежъ сами сабѣ и красуйтеся и любуйтеся съ своими лазорявыми тьвяточками и съ моею дѣвячьею красою". Въ послѣдній день передъ свадьбою она голоситъ такъ: „родимай мой батюшка, поѣзжайте вы во чистое поле, во зялёнаю дуброву и срубите бѣлаю бярёзу, перяпните моимъ боярамъ дорогу, чтобъ они до мяне не дошли, не доѣхали, чтобъ моей дѣвячьей воли не уймали и мою красоту не тяряли". Передъ самою свадьбою бываютъ „сговоры"; тогда въ хату невѣсты собираются дѣвушки и парни, и невѣста съ подругами уходитъ въ сосѣднюю хату; женихъ-же, пришедши къ невѣстѣ, долженъ остаться на дворѣ. Въ это время въ хатѣ невѣстина родня угощаетъ женихову, и, когда выпьютъ, то зовутъ жениха, даютъ ему въ руки подносъ, на который ставятъ стаканъ водки, потомъ зовутъ дѣвушекъ, которыя начинаютъ вызывать невѣсту такъ: „Лукерьюшка (имя), выступай, выступай, Ивановна, подари яго шаринкою (полотенцемъ)", и потомъ, обращаясь къ жениху, говорятъ: „Сямёновичъ, отдари, три чарвонца золотыхъ положи". Вслѣдъ за этимъ входитъ въ хату невѣста съ тремя старшими дружками, при этомъ дружки идутъ впереди, а невѣста за ними; потомъ дружки кланяются на три стороны и садятся за столъ, невѣста-же подходитъ къ жениху и, взявъ у него съ подноса стаканъ водки, отпиваетъ немного, а потомъ сама беретъ подносъ, а женихъ отпиваетъ изъ этого же стакана немного водки, и такъ повторяютъ до трехъ разъ. Затѣмъ невѣста ставитъ на подносъ два стакана водки и подноситъ роднымъ, сидящимъ за столомъ; когда тѣ выпьютъ, она отдаетъ подносъ дружкѣ, а сама цѣлуется съ женихомъ, потомъ кланяются другъ другу и цѣлуются съ тѣми, кто пилъ водку, и невѣста подноситъ водку всѣмъ, кто бываетъ въ хатѣ, не исключая даже маленькихъ. Затѣмъ родные невѣсты уходятъ къ жениху ужинать, а дѣвушки занимаютъ ихъ мѣста за столомъ; дружко жениха начинаетъ

откупать эти мѣста, даетъ за нихъ дѣвушкамъ деньги и водку, и онѣ выходятъ изъ-за стола, а женихъ и невѣста садятся за столъ. Дѣвушки тогда начинаютъ „обыгривать“ жениха; три старшія изъ дружекъ невѣсты берутъ деревянную чашечку, ставятъ въ нее стаканъ съ водкою, и всѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

„Мальчикъ Тимохѳеюшка, кудрявая галовушка,
Кто табѣ пародилъ, молодца?
—Пародила родна матушка,
Вспоилъ—вскормилъ сударь-батюшка,
Возлялѣялъ на чужу старонушку,
Завила кудри сударушка моя,
Завивала, приговаривала:
Создай, Боже, эти кудярци
Разудалому добру молодцу,
Тимохѳеюшки Ивановичу“.

Далѣе продолжаютъ:

„Подари, Тимохѳеюшка,
Подари, Ивановичъ,
Не рублёмъ съ палтиною,
Залотою гривною.
Али у табѣ денегъ нѣту-ти,
Займи у сваго друга милаго,
Отъ сердца рятиваго,
Обярнися къ намъ лицомъ,
Выпей чарочку съ вянцомъ“.

Женихъ беретъ стаканъ съ водкою и, выпивая, кладетъ дѣвушкамъ деньги; потомъ онѣ также „обыгриваютъ“ почти всѣхъ парней, которые за это, въ свою очередь, даютъ имъ деньги, изъ этихъ денегъ старшія дружки невѣсты берутъ большую часть, а остальныя дѣлятся между прочими дѣвушками. Обыгравъ жениха, дѣвушки и парни ужинаютъ у невѣсты и расходятся по домамъ. Дорогою они поютъ:

„Заря, моя зорюшка,
Ранняя, вячерняя,
Усхожае солнышко.
Ой, лелюшки, лелюшки,
Усхожае солнышко!“
Солнышко не рано всхадило,
Даляко святило:
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синяе море.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Тамъ ляжала сасновая дасточка,
Перекладъ вярбовай,
Ой, лелюшки, лелюшки!..
По той дасточкѣ
Никто не хаживалъ,
Никто не хаживалъ,
Никого жъ не важивалъ.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Только шёлъ маладой Тимохѳеюшка,
Онъ вёлъ—перявелъ Лукерьюшку (имя невѣсты).
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Онъ велъ, журилъ, бранилъ,
Перяведши, пожалавалъ,
По галовкѣ поглаживалъ.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
—Другъ ты, моя Лукерьюшка,
Животъ-сердце, Яковлевна!
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Чи ты горазда домомъ жить,
Чи ты горазда домъ дяржать?
Ой, лелюшки, лелюшки!..
—Я не горазда домъ дяржать,

Только горазда на ручкахъ сядѣть,
А на правянькой ручкѣ спать
Ой, лелюшки, лелюшки"!..

На слѣдующій день ведутъ невѣсту вѣнчать. Ей надѣваютъ обшитый парчею сарафанъ, бѣлую полотняную рубаху, заплетаютъ одну косу, дѣлаютъ „перевязку" на голову; дружки сидятъ за столомъ; невѣста начинаетъ прощаться съ ними, потомъ отецъ и мать благословляютъ ее, а она голоситъ: „благослови меня, батюшка, къ Божьему суду идти, къ вянчанію; не прошу я у табѣ, батюшка, ни злата, ни серебра, а благословенія". Послѣ этого дѣвушки выходятъ изъ хаты, а кто нибудь изъ родныхъ невѣсты набрасываетъ ей на плечи „покрывалень",— длинную кисею, и въ руки даютъ „ширинку". Когда невѣсту ведутъ въ церковь, то дорогою поютъ:

„По рѣчушки быстрой
Рой плыветъ,
По вулицѣ шарокой
Дѣвки идутъ.
Они кличутъ Лукерьюшку:
—Хади, хади съ нами, Яковлевна,
Рой лавить.
—Идите вы, дѣвушки красныя,
Я сабѣ уже уловила".

Если невѣста-сирота, тогда поютъ такъ:

„Бѣлая бярёзушка,
Зялёная дубровушка,
Чаму табѣ сучья много
Сушаго, да нерушаго,
Ни ядинаго тросточка.
Только одинъ дубъ дуплистый,
И тотъ безъ макушки,
Безъ зяленой вярхушки.
Красная Лукерьюшка,
Чаму табѣ роду много,
Родного, да не одного,
Ни родимой матушки.
—Хотя есть у мине матушка,
Да на томъ свѣтѣ
У Бога-Христа для прястола.
Навхрястѣ руки держа,
Она Бога умоляла:
Испусти мине, Боже,
Съ небесъ на землю,
Чтобы я сваю чаду
Поглядѣла, и какъ оно
Снаряжено, на посадъ посажено.
Она плача, рыдая,
Снаряжана, какъ горькая сиротинка,
Какъ у поля одна былинка".

Когда же подходятъ къ церкви, то поютъ:

„Попе, попе, батюшка нашъ,
Раствори церковъ противъ насъ,
Перевянчай маладыхъ у добрый часъ".

Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ впереди, а за ними сестра невѣсты, или кто нибудь изъ родныхъ, за женихомъ дядька, и держатъ вѣнцы надъ головами; далѣе стоятъ свашки; женихова свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ

двѣ свѣчи, гребень, хмѣль и ложка съ масломъ. Свѣчи даютъ жениху и невѣстѣ во время вѣнчанія, масломъ послѣ вѣнчанія мажутъ жениху волосы, а гребнемъ расчесываютъ, хмѣль посыпаютъ уже на молодыхъ. Невѣстина свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ „оправа“ (бархатникъ, подзатылень и кичка) и двѣ ложки. Когда окончится обрядъ вѣнчанія, то голову невѣсты покрываютъ кисеею, или покрывальнемъ, который у нея былъ надѣтъ на плечахъ, и женихъ съ невѣстою идутъ изъ церкви, взявшись не за руки, а за ширинку. Выйдя изъ церкви, женихъ идетъ къ себѣ домой, а невѣста къ себѣ, и дружки дорогою поютъ;

„У Бога были
И Богу молились,
И всѣмъ вышнимъ и нижнимъ
Да всѣмъ чудотворамъ“.

Пришедши домой, невѣста снимаетъ съ себя покрывалень и угощаетъ дружекъ, а къ жениху ѣдетъ „поѣздъ“, состоящій изъ родныхъ невѣсты и званныхъ на свадьбу; они обѣдаютъ у жениха, а онъ съ парнями катается по деревнѣ. Пообѣдавъ, поѣзжане берутъ съ собою жениха и ѣдутъ „оправлять“ невѣсту, т. е. снимаютъ у нея съ головы дѣвичью „перевязку“, развязываютъ въ косѣ ленту, расчесываютъ волосы и заплетаютъ уже двѣ косы, далѣе надѣваютъ на голову подзатылень, кичку, бархатникъ и закрываютъ покрывальнемъ; невѣста не даетъ надѣвать на себя уборъ женщинъ, сбрасываетъ его нѣсколько разъ, и долго приходится возиться съ нею, пока она не покорится и спокойно дастъ „оправить“ себя; послѣ этого жениха и невѣсту садятъ обѣдать. По окончаніи обѣда они цѣлуютъ „благословеніе“, прощаются съ отцомъ, съ матерью и со всѣми родными невѣсты, потомъ садятся въ телѣгу, кланяются на всѣ четыре стороны и ѣдутъ въ домъ жениха. Когда пріѣзжаетъ молодая, то ее встрѣчаютъ свекоръ и свекровь, она имъ кланяется, а они цѣлуютъ ее. На другой день свадьбы, бабы ходятъ по слободѣ, пляшутъ и поютъ:

„Кумушки пьютъ
И голубушки пьютъ,
Мяне малоду съ собою завуть,
За рукавъ волокуть.
И звать не назвали,
И рукавъ оторвали
Совсѣмъ съ паляками
И съ долгами рукавами.

Я молода богата пряшла,
Много съ сабой принясла.
Девять сандуковъ,
Десятый лозбень,
Хоть объ земь разбей.
Во томъ лозбяню
Дудачки ляжать
И балабаечка.
Во тѣ дудочки не вялятъ
играть,
Заказываютъ и загаваривають;
А я хоть украдуся,
Да награюся.
Я тишкомъ,—тишкомъ
Со милымъ дружкомъ,
Со Тимошею подъ грушаю".

Свадьба стоитъ не всегда одинаково, кто побогаче, тотъ лучше справляетъ ее и расходуетъ очень много, а бѣдный меньше и тратитъ.

Похороны. Когда человѣкъ умираетъ, ему даютъ въ руки свѣчу и, если кто умѣетъ читать, то читаетъ отходную; когда умретъ, его обмываютъ, кладутъ на лавку и за поясъ затыкаютъ платокъ, говоря, что на томъ свѣтѣ этимъ платкомъ будутъ утирать, и накрываютъ мертваго кисеей,—„сярпинкою". Когда несутъ на кладбище, то по обычаю непремѣнно голосятъ; если умираютъ родители, то голосятъ такъ:

„На горе ты мяне, мая мамушка, породила, и на каво-жъ ты мяне покинула, и съ кѣмъ я буду совѣтушки совѣщать. И раступися, мать—сыра земля, и раскалися, дубова доска, и расгорнижъ ты, мамушка, свои бѣлыя ручушки, и распячатывай свои ясные глазушки, и пригорнижь ты мяне горькаю и безчастнаю къ сабѣ, и чтобъ я добрымъ людямъ не докучала, и буду-жъ я чужая надокучница, и съ малаго и до большаго всё въ люди идти".

Поминаютъ послѣ смерти до шести недѣль, бѣдные поминаютъ рѣдко.

Праздничные и другіе обряды. Наканунѣ праздника Рождества Христова всѣ варятъ кутью, которую ѣдятъ съ меломъ, и взваръ изъ сушеныхъ яблокъ и вишенъ. Въ каждой хатѣ въ „святомъ" углу кладутъ солому и ставятъ на нее кутью и „узваръ" въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ. Послѣ обѣда, когда начинаетъ темнѣть, идутъ колядовать, подходятъ подъ окна; за это имъ кладутъ въ мѣшки пшено, пироги, а, если хотятъ посмѣяться, то нальютъ въ протянутый мѣшокъ воды. На самый праздникъ ходятъ на

улицу, собираются въ кружокъ и водятъ хороводы, очень часто поютъ слѣдующую пѣсню:

„Воробушка-воробей,
Ты рахмальная пташечка,
Даляко-жъ ты отляталъ?
Ой, лели да лели,
Даляко-жъ ты отляталъ?
—Ой, отъ саду до саду,
До зялёнаго вишенья,
До краснаго орѣшанья!
Ой, лели да лели.....
Ой, младенькій-младъ,
Да Василь, да далеко-жъ
Ты отъязжалъ?
Ой лели да лели....
—Ой, отъ двора до двора,
Да до тестяго подворья,
Да до тещаго терема,
Да до Лукерьянаго полога!
Ой лели да лели“...

Съ самаго перваго дня Рождества Христова сора изъ хатъ не выбрасываютъ, а оставляютъ его гдѣ-нибудь въ углу до дня Новаго года, а на Новый годъ этимъ соромъ подкуриваютъ сады, чтобы родились плоды.

На масляной здѣсь заведено катанье съ горы: въ концѣ слободы устраивается гора изъ снѣгу; и большіе, и маленькіе катаются съ горы. На праздникъ Пасхи всѣ идутъ въ церковь, освящаютъ пасху и красныя яйца. При наступленіи дня, парни и дѣвушки собираются и идутъ качаться на качели; иныя дѣвушки поютъ пѣсни, которыхъ содержаніе разнообразно. На Вознесеніе пекутъ изъ тѣста „подхресники“ и „лѣсенки“ и все это вмѣстѣ съ красными яйцами кладутъ на столъ. „Подхресники“ и „лѣсенки“ дѣлаютъ въ знакъ того, что провожаютъ Спасителя на небо. Если на Ильинъ день пойдетъ дождь, то у нихъ существуетъ повѣрье, будто-бы арбузы будутъ прѣть и не будетъ желудей: всѣ они осыплются. На Егорьевъ день выгоняютъ скотину на поле, служатъ молебны, и есть повѣрье, что, если рано утромъ въ этотъ день собрать росу, то ею всегда можно вылѣчить болѣзнь глазъ; подъ Ивана Купала ходятъ ночью въ лѣсъ искать папортникъ, который, говорятъ, цвѣтетъ только въ эту ночь. Въ пятницу они никогда не прядутъ по тому повѣрью, что на томъ свѣтѣ Божія Матерь насыплетъ въ черепъ кострики ото льна, или конопли.

Яйца на Пасху красятъ красною краскою, говоря, что Пасха называется красною, потому и яйца надо красить красною краскою. Яйца красятъ они просто для украшенія и для дѣтей; кромѣ красной краски, иногда употребляютъ для окрашиванія

яицъ травы черноклень и пролѣски, т. е. подснѣжники. Писанокъ съ рисунками не дѣлаютъ.

Передъ посѣвомъ хлѣба накрываютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, потомъ молятся и ѣдутъ въ поле; пріѣхавъ туда, опять молятся, говоря: „зароди, Господи, на хромыхъ, слѣпыхъ и на всю нищію братію", и начинаютъ сѣять. Когда ѣдутъ жать, то молятся Козьмѣ и Демьяну и пророку Ильѣ; при жатвѣ по большей части поютъ: „вы туманы мои, туманы темные, ничяго не было видно въ этихъ туманахъ; только была видна зялёная дубровушка", но больше работаютъ молча. Когда начинаютъ свозить хлѣбъ въ клуни, то съ молитвою, посереди одонка кладутъ камень чтобы мыши не трогали хлѣба. При печеніи хлѣба изъ новины, чтобы хлѣбъ вышелъ хорошимъ первую хлѣбину перекрещиваютъ крестъ на крестъ.

Игры. Весною и лѣтомъ дѣвушки водятъ хороводы, называя ихъ „карагодами"; водя хороводы, дѣвушки поютъ:

„Хмѣль моя, хмѣлюшко,
Хмѣлиное пёрышко.
Лебядиное крылушко.
Поляти, нашъ хмѣлюшко,
На нашу старонушку:
На нашей старонушкѣ
Пряволье шарокое,
Раздолье вяликое.
По той по раздольюшки
Семь лябедей плавая
Съ бѣлами лябёдками".

Послѣ пѣнія начинаютъ величать тѣхъ, которыя бываютъ въ хороводахъ, такъ:

„Ходя, дремя по палицамъ,
Заглядая по дѣвицамъ.
Семъ усѣ бяленьки,
Усѣ румяненьки;
Одна наша Алёнушка,
Она ня бялѣя, не румянѣя;
За ней ходя Тимохѳеюшка,
За ней ходя Митрофаначъ,
Брусъ мыла нося,
Кувшины поднося;
—Мойся, мойся, Алёнушка,
Сабѣ побялѣя, яму помялѣя,
Поцалуваться, помялуваться,
Кто не скажеть спасибо,
Тому совъ да сова,
Совиная галова.
Девять кадушакъ
Салёнахъ лягушакъ,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ".

Дѣти играютъ въ игру, которую называютъ „скаракли"; для этого берутъ 12 круглыхъ палочекъ, шесть изъ нихъ ставятъ на одной сторонѣ, а шесть съ другой; потомъ вблизи этихъ палочекъ проводятъ межи, и четыре мальчика мѣряются на палкѣ,

и, кому достанется верхъ, тотъ первый начинаетъ сбивать палочки,—если сразу собьетъ всѣ шесть, то, значитъ, онъ съигралъ „конъ“; если-же какая—нибудь палочка упадетъ не за межу, а до межи, то говорятъ, что это одинъ „чухъ“, и сбиваютъ ее уже лежащею.

Очень часто, особенно взрослые, играютъ въ мяча; дѣти играютъ еще въ цурки, въ пушки. Между парнями особенно распространено биться на кулачки, и это очень часто оканчивается весьма плачевно. Танцы состоятъ въ томъ, что пляшутъ русскую, мятелицу; мѣстными музыкальными инструментами служатъ—дудка, балалайка, бубенъ и гармоника.

Народная демонологія. Между женщинами здѣсь сильно распространено вѣрованіе въ вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ; мужчины же уже перестаютъ вѣрить. Говорятъ, что русалокъ особенно много бываетъ на Троицу и преимущественно тамъ, гдѣ много осинъ, на которыхъ онѣ качаются; почему женщины и дѣвушки не рѣшаются въ эти дни ходить купаться и на лугъ, говоря, что онѣ утащатъ ихъ въ рѣку, или закачаютъ до смерти. Существующія будто-бы вѣдьмы ходятъ ночью доить чужихъ коровъ и портятъ людей. Начинаютъ-ли происходить несогласія и вражда въ семьѣ,—говорятъ, что „испортили“; заболѣетъ-ли кто либо чахоткою, тоже испортили, и особенно вѣрятъ, что портятъ молодыхъ на свадьбѣ. Говорятъ, что стоитъ только вѣдьмѣ „перелить“ порогъ, и перешедшій черезъ этотъ порогъ становится порченнымъ, кричитъ на разные голоса, и, дѣйствительно, здѣсь много „кликушъ“. Чтобы узнать вѣдьму, нѣкоторыя изъ женщинъ въ великій постъ бросаютъ черезъ себя на горищѣ (чердакъ) палку; это дѣлаютъ непремѣнно по понедѣльникамъ, иначе ничего изъ этого не выйдетъ. На „Великъ День“ топятъ этими палками и говорятъ, что вѣдьма тогда обязательно прійдетъ и попроситъ жару. Еще употребляютъ слѣдующее: когда заговляютъ, ѣдятъ сыръ, то оставляютъ во рту маленькій кусочекъ, на другой день вынимаютъ его изо рта и завязываютъ въ узелочекъ, а на „Великъ День“ съ этимъ узелкомъ идутъ въ церковь и говорятъ, что вѣдьма подойдетъ къ этому человѣку и ущипнетъ его. Отъ вѣдьмъ оберегаются молитвою, а нѣкоторые на четвертый день Троицы вбиваютъ ко-

лышекъ отъ „клечанья“ осины въ воротахъ и вѣрятъ, что вѣдьма сюда никогда не прійдетъ.

Сказка. „Однажды жилъ одинъ человѣкъ, который охотился за птицами, и вотъ ему пришлось поймать птичку, на одномъ изъ крыльевъ которой было написано: „кто съѣстъ голову, тотъ будетъ царемъ, кто-же съѣстъ крыло, тотъ будетъ кашлять деньгами“. Человѣкъ этотъ читать не умѣлъ, а птичку оставилъ у себя. Однажды, когда его не было дома, этою дорогою проѣзжалъ одинъ купецъ, увидѣлъ эту птицу и взялъ ее; пріѣхавъ домой, онъ велѣлъ изжарить ее, а въ это время возвратились домой два сына этого купца; они были очень голодны и, увидѣвъ жареную птичку, съѣли—одинъ головку, а другой крылышко, и, дѣйствительно, одинъ изъ нихъ вскорѣ сдѣлался царемъ, а другой сталъ кашлять деньгами, и съ тѣхъ поръ появились деньги“.

А. Коломейцева.

18.—Сл. Ново-Айдарь.

Поселеніе.—Избы, одежда, пища.—Болѣзни.—Нравственность.—Свадебные обряды.—Праздничныя вирши и развлеченія.—Сказка.—Пѣсни.

Ново-Айдарь расположена на лѣвомъ и правомъ берегахъ р. Айдара, которая беретъ свое начало въ Воронежской губ. Отъ уѣзднаго города слобода стоитъ на 37 в., отъ Луганска Екат. губ.—50 верстъ.

Сторожилы говорятъ, что предки жителей описываемой слободы были казаки и назывались Ново-Донскими. При Екатеринѣ Великой пришло распоряженіе, что, если кто желаетъ служить казакомъ, то долженъ идти на Кубань, нежелающіе же могутъ оставаться въ званіи государственныхъ крестьянъ. Тогда изъ 1200 казаковъ, человѣкъ 800 пошли на Кубань, а остальные 400 душъ остались въ Айдарѣ.

Черезъ нѣсколько времени явились поселенцы изъ Курской губерніи Суджанскаго уѣзда и населили цѣлую улицу, которая теперь называется „суржею". Въ первой половинѣ XVIII в. поселеніе это называлось „городкомъ", какъ это видно изъ одного документа за 1740 г.

По правомъ берегу р. Айдара тянется гора до Донца. Отъ этой горы противъ поселенія идетъ небольшая вѣтвь, саженей триста; въ верху ея есть пещера, между большими камнями. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что въ этой пещерѣ былъ слышенъ колокольный звонъ.

Жителей 4,998 об. п.; росту выше средняго, недурны собою, волосы темнорусые; говорятъ на великорусскомъ языкѣ.

Избы строятся изъ дерева, которое въ старыхъ избахъ очень толсто и не пиленное, а колотое. Въ избѣ одна комната, сѣни, кладовая, гдѣ хранится одежда. Въ комнатѣ убранства почти нѣтъ никакого, только печка раскрашивается по карнизамъ желтою и красною глиною. Новые дома устра-

иваются уже съ двумя комнатами, изъ которыхъ одна содержится чистенько. Передній уголъ, въ которомъ стоятъ иконы (нерѣдко до 20 штукъ), считается почетнымъ мѣстомъ.

Недалеко отъ хаты начинается хозяйственная постройка. Для рогатаго скота загораживаютъ небольшое пространство съ навѣсомъ, которое называется „ворокъ". Для овецъ и телятъ дѣлается сарай, по большей части въ рядъ съ „ворокомъ". Другіе сарайчики лѣпятся одинъ возлѣ другого, такъ что во дворѣ очень тѣсно. Всѣ эти сараи плетутся изъ лозы, нѣкоторые обмазываются глиною или кизякомъ.

Одежда мужчинъ зимою: полушубокъ изъ своихъ овчинъ, бѣлый или желтый, сверху свита сѣраго сукна своего приготовленія; лѣтомъ: поддевка изъ купленной матеріи, изрѣдка изъ чернаго или синяго сукна, рубашка и штаны,—праздничныя изъ купленнаго ситца и матеріи, а въ будни изъ своего холста, для чего холстъ набивается набойщиками.

Одежда женщинъ: шуба изъ овчинъ своихъ овецъ, халаты изъ сукна своего издѣлія, синяго цвѣта, или изъ купленнаго чернаго, синяго сукна, и изъ матеріи, юпка ситцевая, больше краснаго цвѣта, рубашка ситцевая, рукава одного цвѣта, а станъ другого, сверхъ рубашки носятъ, въ праздники, въ родѣ накидки съ рукавами по поясъ, изъ цвѣтнаго ситца, (больше краснаго цвѣта), нерѣдко изъ шелковой матеріи и называется „душегрѣйка"; прежде рубашки были изъ своего холста, рукава ихъ вышивались цвѣтною бумагою; сверхъ рубашки носили обыкновенный русскій сарафанъ изъ шерстяной синей матеріи своего издѣлія; на голову надѣвали въ праздникъ „кокошникъ" (въ родѣ кругленькой шапочки) изъ бархата, который обшивался золотыми позументами, онъ стоилъ рублей пять; сверхъ „кокошника" повязывали голову шелковымъ платкомъ, стоимостью тоже рублей въ пять. Въ будни же голову покрывали косынками изъ своего полотна, выкрашенными въ черный цвѣтъ, добывая краску изъ цвѣтовъ черноклена.

Теперь „кокошникъ" рѣдко когда можно видѣть; онъ нуженъ только во время свадьбы, послѣ вѣнца не больше, какъ на одинъ день; вмѣсто же него, головы покрываютъ большими платками разныхъ цвѣтовъ.

Пища богатыхъ въ скоромные дни: борщъ изъ капусты и бураковъ, картофель, каша пшенная, приправленные саломъ или масломъ, иногда бываетъ мясное, но рѣдко и только у богатыхъ. Въ постные дни: борщъ и каша съ постнымъ масломъ, своего приготовленія, (изъ конопляннаго сѣмени, подсолнуховъ и льняного сѣмени). Бываетъ и рыба, ловимая въ своей рѣкѣ: купленную же рыбу: сельди, тарань, чабакъ—ѣдятъ рѣдко и то только богатые. Съ половины іюля до ноября бываетъ много овощей: арбузы, дыни, огурцы. Пища бѣдныхъ: въ скоромные дни тѣ же борщъ, каша и картофель, только очень рѣдко съ коровьимъ масломъ или саломъ, а больше съ постнымъ масломъ, котораго тоже употребляютъ очень мало.

Прежде пища была, говорятъ старики, гораздо лучше. Рѣдко кто не имѣлъ коровы, свиней, овецъ. Тогда было больше луговъ и степей, на которыхъ росла хорошая трава, а теперь эти луга и степи большею частью распаханы, да и на уцѣлѣвшихъ уже не родится той травы высокой и густой. Корма были нипочемъ, зимовка ничего не стоила. Корову и овцу очень трудно теперь держать зимою. Кормъ, трудно добываемый, идетъ только для необходимаго рабочаго скота.

Птица хотя и есть—индѣйки, гуси, утки и друг., но все это продается разъѣзжающимъ барышникамъ или продается въ городѣ на базарѣ. Стараются продавать птицъ, яйца, а деньги употребляютъ на наряды и на другія нужды въ хозяйствѣ. Мѣстныя лавчонки (2 съ краснымъ товаромъ и 3 съ бакалейнымъ) хорошо торгуютъ, такъ какъ большая часть матеріала для одежды и обуви покупается въ нихъ. Дома освѣщаютъ керосиновыми лампочками со стеклами (въ 30 и 40 к.).

Болѣзни, болѣе свойственныя описываемому селенію: дифтеритъ, оспа, въ послѣднее время и сифилисъ.

Раньше лѣчили болѣзни своими средствами и обращались къ знахарямъ, которые то шептали, то давали свои лѣкарства; теперь же хотя и обращаются къ знахарямъ, но рѣдко. Въ сл. Ново-Айдарѣ помѣщается медицинскій участокъ, живутъ врачъ, два фельдшера и акушерка, и здѣсь въ народѣ замѣтно больше довѣрія ко врачу или фельдшеру, чѣмъ къ знахарю; если же и обращается кто къ знахарю, то непремѣнно послѣ идетъ

въ земскую больницу. Скотъ лечатъ мѣстные знахари или сами крестьяне. Если животное раздувается, то даютъ хлѣбъ съ свинымъ саломъ, мажутъ бока дегтемъ. Во время чумы рогатаго скота, даютъ пить разсолъ, стекающій съ соленаго свиного сала, и разсолъ соленыхъ огурцовъ, смѣшанный съ деревяннымъ масломъ. При чесоткѣ рогатаго скота берутъ квасъ, въ которомъ квасятъ (выдѣлываютъ) сырыя овчины, солятъ его, подогрѣваютъ и мочатъ больное мѣсто. При лѣченіи лошадей и быковъ отъ перелоговъ, когда животное падаетъ, катается, кусаетъ себя за животъ зубами,—сбрасываютъ портки (штаны) и ими три раза обматываютъ больнаго быка или лошадь, отъ спины до живота кругомъ, или зовутъ знахаря, который читаетъ „Отче нашъ", или молебствуютъ и просятъ свят. Власія исцѣлить скотину.

Нравственность Религіозность замѣтно стала ослабѣвать, такъ что безъ особаго труда можно найти лжесвидѣтеля, который за деньги пріиметъ присягу.

Воровство и пьянство стали прекращаться со введеніемъ мировыхъ судей и, въ особенности, земскихъ начальниковъ. Раньше, даже лѣтъ 10 назадъ, нѣкоторые выходили ночью на дорогу и оббирали проѣзжавшихъ. Въ семействѣ отецъ ничуть не стѣняется ругаться всевозможными словами или говорить пошлости при малыхъ и взрослыхъ дѣтяхъ, даже въ трезвомъ состояніи. Женщина не угнетена, а также и дѣти; хотя послѣднія и грубо обращаются съ родителями, но изъ повиновенія выходятъ рѣдко. Прежде работникамъ плохо приходилось при разсчетѣ съ хозяевами, а теперь волостной судъ не позволитъ какъ хозяину, такъ и работнику обидѣть одинъ другого.

Свадебныя обряды. Отецъ жениха идетъ въ домъ невѣсты, раньше уже выбранной женихомъ съ согласія родителей, и, если дѣло идетъ на ладъ, договоривается на счетъ „помощи", которую дастъ сторона жениха невѣстиной сторонѣ, въ видѣ ведра или двухъ водки и мѣшка или двухъ муки. Потомъ дѣлаютъ „пропойки". Отецъ жениха идетъ со своими родственниками въ домъ невѣсты, ихъ тамъ угощаютъ; потомъ они зовутъ всю компанію къ себѣ, и такъ „гуляютъ" дня два, причемъ женихъ и невѣста не участвуютъ въ „въ гуляньи".

Наканунѣ свадьбы, дружко,—человѣкъ знающій, спеціалистъ по этой части и обыкновенно уже немолодой, со стороны жениха идетъ съ полквартой водки къ невѣстѣ за рубашкой (съ отвѣстью) жениху, гдѣ угощаетъ родню ея и получаетъ рубашку. Когда дружко принесетъ рубашку, то жениха одѣваютъ и ведутъ его къ невѣстѣ дружко, отецъ и мать со своими свадебными гостями. Пришедши къ невѣстѣ въ домъ, угощаютъ отца, мать и гостей. Потомъ жениху даютъ тарелку съ рюмкою водки, онъ приглашаетъ невѣсту выпить, и выпиваютъ эту рюмку пополамъ. Ихъ заставляютъ цѣловаться, причемъ поютъ:

„Соловей калину шшекоче,
Не онъ садилъ, не онъ поливалъ,
Однако шшекоче.

Ой, младенькій (имя жениха),
Не онъ кормилъ, не онъ поливалъ,
Однако шшекоче“.

Послѣ этого, молодые подносятъ гостямъ водку по рюмкѣ, кланяясь каждому въ поясъ, а потомъ удаляются.

На другой день, т. е. въ день вѣнчанія, невѣстина родня и гости идутъ въ домъ жениха, гдѣ угощаютъ выпивкой и даютъ шишки (небольшіе калачики) и отпускаютъ.

Жениха и невѣсту убираютъ къ вѣнцу, каждаго въ своемъ домѣ, затѣмъ ведутъ къ вѣнцу, причемъ поютъ:

„Слеталися сизые голуби,
Посадились вокругъ озера,
Ладо, Ладо!
Они да пьютъ, да ѣдятъ,
Ладо, Ладо!
Одинъ голубь не пьетъ, не ѣстъ,
Ладо, Ладо!
Невеселъ сидитъ,
Ладо, Ладо!
Что за церковью,
Ладо, Ладо!
За нѣмецкою.
Ладо, Ладо!
Съѣзжалися 700 бояръ,
Ладо, Ладо!

Посадилися
Ладо, Ладо!
Вокругъ стола;
Ладо, Ладо!
Они да пьютъ, да ѣдятъ,
Ладо, Ладо!
Веселы сидятъ.
Ладо, Ладо!
Одинъ бояринъ не пьетъ, не ѣстъ,
Ладо, Ладо!
Не пьетъ, не ѣстъ, невеселъ сидитъ.
Ладо, Ладо“!

Каждый изъ молодыхъ приходитъ домой со своими гостями и обѣдаютъ. Послѣ обѣда жениху запрягаютъ пару лошадей, и онъ ѣдетъ съ родственниками за невѣстою. У невѣсты обо-

ихъ молодыхъ сажаетъ за столъ дружко, и „повиваютъ“ невѣсту: надѣваютъ ей на голову кокошникъ свахи и баба повитуха; причемъ поютъ: „повили кукушечку, повили кукушечку“.

Потомъ обѣдаютъ молодые и гости, и везутъ ихъ (молодыхъ) въ домъ жениха. Здѣсь тоже сажаютъ всѣхъ за столъ и угощаютъ. Вскорѣ является отецъ и мать жениха съ подарками для молодыхъ и со своими гостями (дарятъ молодыхъ только отецъ и мать); ихъ угощаютъ, а потомъ они удаляются, молодые также идутъ на покой.

На другой день молодые ѣздятъ и созываютъ свадебныхъ гостей на „блины“, причемъ собственно блиновъ не готовятъ, а пышки. Когда соберутся гости, то имъ даютъ водки и обѣдать. Послѣ обѣда зовутъ къ себѣ невѣстины отецъ и мать, а оттуда уже идутъ по домамъ другихъ родственниковъ, гдѣ тоже идетъ угощеніе.

Когда невѣсту сироту ведутъ предъ вѣнцомъ на могилу отца или матери, то подруги поютъ ей слѣдующую пѣсню:

„Сирота-сиротинушко, Настасьюшка,
Безъ роднаго батюшки.
Настасьинъ батюшка
На томъ свѣтѣ у Бога,
Во Христа злѣ пристола,
Навхрестъ ручки держитъ,
Христа Бога молитъ:
Ой, Боже, мой Боже!
Спусти меня, Боже,
Съ неба на землю.
Хоть бы я поглядѣлъ,
Каково мое чадо,
Каково оно снаряжено?
Снаряжено, какъ маковка,
Зажурено, какъ сиротинушка“.

На свадьбу расходуютъ отъ 50 руб. до 100 руб., большая часть этихъ денегъ идетъ на плату духовенству и на водку.

Праздники. Подъ Рождество Христово дѣвушки ходятъ по улицѣ и поютъ подъ окнами:

„Щедрый, щедрый,
Добрый вечеръ!
Добрымъ людямъ
На веселье,
На здоровье.
Знаю, знаю,
Гдѣ мой милый,
Въ концѣ стола,
На емъ шуба новая,
На шубочкѣ поясочекъ,
На поясочку три соболечка“.

На Новый годъ мальчики ходятъ съ сѣменами ржи, пшеницы и проч. посѣвать. Бросаютъ зерна въ св. уголъ и говорятъ „виршу“:

„О великій плачъ
Во Ефлемѣ случился,
Когда Иродъ царь
Надъ Христомъ изумился
И повелѣлъ Христа искать,
Всѣхъ младенцевъ избивать;
Били—побивали,
На копія подымали.
Не одинъ отецъ и мать
Плакали—рыдали,
Ирода проклинали
Ой Ироде, Ироде!
Какой ты безбожный,
Ты Бога не знаешь
И не почитаешь.
А мы Бога знаемъ
И почитаемъ
И васъ всѣхъ
Съ праздникомъ поздравляемъ,
Съ Новымъ годомъ,
Съ Новымъ годомъ поздравляемъ“.

* * *

„Былъ маленькій воспѣванчикъ,
Родился въ градѣ,
Выдалъ всякія чудеса:
Какъ летѣли ангелы съ небеса.
Я съ того страху спужался,
Бѣгъ до сырой земли приклонялся;
Не вспѣлъ до двора добѣжать,
Вамъ, господа, расказать.
Не скупитесь, господа!
Подѣлитесь, господа,
Златомъ и сребромъ.
Я злато и сребро принимаю,
Васъ съ праздникомъ поздравляю.
Здоровъ, хозяинъ съ хозяйкою,
Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“!

Подъ Вознесенье пекутъ лѣстницы, въ родѣ калачика, въ знакъ того, что Спаситель возносится на небо, и ѣдятъ ихъ на праздникъ Вознесенье.

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ четвергъ пекутъ крестецъ (въ родѣ креста); этотъ крестецъ хранится до посѣва. Когда его некутъ, вкладываютъ въ него копѣйку. Въ первый разъ выѣхавъ въ поле, семейство разламываетъ между собою крестъ, дѣлятъ его по куску между выѣхавшими въ поле, и, кто получитъ кусокъ креста съ копѣйкою, тотъ и начинаетъ разсѣвать.

Развлеченія. Съ начала зимы начинаются кулачные бои. Собирается толпа, большіе и малые отъ 10 до 30 лѣтъ. Разбившись на партіи, маленькіе начинаютъ кулачный бой, потомъ большіе и наконецъ всѣ присутствующіе идутъ партія на партію. Наконецъ одна сторона сбиваетъ другую и прогоняетъ ее съ извѣстнаго пункта.

Дѣвушки водятъ хороводъ, танцуютъ, при чемъ кто нибудь изъ парней играетъ въ рожокъ, другихъ музыкальныхъ инструментовъ не бываетъ, играютъ только на мотивъ: „выгоняйте скотину на широкую долину“.

Домовой. Одного крестьянина 4 года душилъ „домовой“, крестьянинъ страдалъ видѣньями и избавился онъ отъ нихъ по совѣту старыхъ женщинъ. Ему сказали, что нужно ту рубашку, въ которой домовой давилъ его, помять въ мельницѣ, въ которой мнутъ волокна льна и конопли, выстирать и надѣть. Онъ сдѣлалъ это и больше не видѣлъ домоваго.

Сказка. „Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ сынъ. Взяли его на службу; пробылъ онъ тамъ двадцать лѣтъ; осталось ему еще пять лѣтъ служить, и онъ ушелъ со службы, нанялся къ одному старику волшебнику, прожилъ у него три года. Тогда волшебникъ сказалъ: „что тебѣ, солдатъ, нужно? золота или серебра, аль, можетъ, отставку“?—„Дай мнѣ ружье, сказалъ солдатъ,—пойду въ лѣсъ, подумаю“. Пришелъ въ лѣсъ и сѣлъ на дубу. Дубъ толкнулъ его, а солдатъ вскочилъ и говоритъ: „я застрѣлю тебя“!—„Эхъ! глупый ты, я тебѣ скажу правду. Иди къ старику и скажи: дай мнѣ три клубочка и ружье“. Солдатъ пошелъ къ старику и сказалъ: „дай мнѣ три клубочка и ружье“. Старикъ далъ ему три клубочка, ружье и самъ пошелъ съ нимъ къ дубу. Солдатъ зарядилъ ружье клубкомъ и стрѣльнулъ. Старикъ и спрашиваетъ: „что, солдатъ, видишь“?—„Дѣвушка на море полетѣла“,—говоритъ солдатъ.

Солдатъ зарядилъ ружье еще клубкомъ и выстрѣлилъ. Старикъ спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло“?—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ. Солдатъ зарядилъ въ третій разъ и выстрѣлилъ. Старикъ опять спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло?“—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ,—„да еще впалъ лидаченькій (плохенькій) капшучекъ (кошелекъ), а въ немъ одна копѣйка“. Тогда дубъ сказалъ: „купи за эту копѣйку въ одну церкву три свѣчи, въ другую и третью, потомъ купи евангеліе и приходи ко мнѣ на ночь, обведешь три сажени кругомъ меня, сядешь и будешь читать евангеліе“. Солдатъ купилъ евангеліе, пришелъ къ дубу, обвелъ вокругъ него три сажени, сѣлъ и сталъ читать. Вотъ въ полночь является къ нему жена съ дѣтьми и говоритъ: „милый мой супругъ, что ты насъ покинулъ“?—плачетъ. Прошла полночь, и все скрылось; онъ легъ спать. На другую ночь опять такъ сдѣлалъ,—сѣлъ и читаетъ. Въ полночь является къ нему мать и говоритъ: „милый мой сынокъ, на что ты насъ бросилъ

при старости лѣтъ“? Полночь прошла, и все скрылось, а солдатъ легъ спать. На третью ночь является къ нему отецъ и говоритъ: „бѣги, волы въ хлѣбѣ“!—а онъ читаетъ, не слушая отца. Полночь прошла, и все скрылось. Отъ моря солдатъ пошелъ въ городъ. Вечеромъ сталъ онъ проситься ночевать, а его никто не пущаетъ. Тогда пошелъ онъ на окраину,—тутъ его пустила волшебница. На другой день напился онъ пьянымъ и пошелъ до моря. На дорогѣ подходитъ къ нему мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, сертукъ забылъ“.—„Не нужно“,—отвѣчаетъ онъ. „Возьми меня съ собою“,—говоритъ мальчикъ. „Пойдемъ“,—сказалъ солдатъ. Пришли они къ морю, а по морю корабли плывутъ. Мальчикъ взялъ и заткнулъ за ухо солдату перышко, солдатъ сейчасъ заснулъ. Является дѣвушка, стала будить его, ворочала, ворочала, а онъ не просыпается; тогда она перевязала ему платочкомъ руку и за пазуху ткнула записочку, а сама скрылась. Мальчикъ вытащилъ перо изъ уха, и солдатъ проснулся, прочиталъ записочку и сказалъ: „дрянь ты, мальчикъ“. Мальчикъ сейчасъ, неизвѣстно гдѣ, дѣлся.

Солдатъ пошелъ въ городъ, напился пьянымъ, а къ вечеру опять пошелъ къ морю. Бѣжитъ опять тотъ мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, шинель забылъ“.—„Не нужно“, говоритъ солдатъ. „Возьми меня“,—сказалъ мальчикъ. „Пойдемъ, если хочешь“. Пришли къ морю. По морю корабли плывутъ. Мальчикъ опять заткнулъ перо за ухо солдату, а онъ сейчасъ заснулъ. Является опять та дѣвушка, перевязала солдату руку платочкомъ и положила записочку въ карманъ. Потомъ стала его будить. Солдатъ проснулся, а дѣвушка ему и говоритъ: „разорви этого мальчика“. Солдатъ разорвалъ мальчика и кинулъ его въ море. Дѣвушка скрылась, а солдатъ легъ и заснулъ на три года. Откуль ни взялся большой вихорь, схватилъ солдата и занесъ въ турецкіе сады. Тутъ солдатъ проснулся и увидѣлъ часового. Часовому онъ сказалъ: „иди, скажи своему царю, сколько онъ возьметъ, чтобы нанять домъ“? Часовой отвѣчаетъ: „три тысячи, баринъ“! Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька, далъ часовому и сказалъ: „на, отнеси“. Пришелъ часовой, а солдатъ ему: „поди, скажи своему царю: сколько онъ возьметъ, чтобы нанять часового“?—„Три тысячи, баринъ“! Солдатъ отдалъ и ве-

лѣлъ отнести царю. Въ третій разъ солдатъ говоритъ часовому: „иди спроси своего царя: сколько онъ возьметъ, чтобы пройтись по саду“?—„Три тысячи, баринъ“! Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька и отдалъ часовому. Ходилъ, ходилъ солдатъ по саду и увидѣлъ кость Ивана богатыря. Позвалъ часового и сказалъ: „сколько царь возьметъ, чтобы похоронить кость Ивана богатыря“?—„Три тысячи, баринъ“! Вытрусилъ солдатъ деньги изъ кошелька и отослалъ царю. Солдатъ взялъ кость и велѣлъ сдѣлать гробъ золотой и крестъ золотой. Когда эту кость хоронили, то народъ обсыпалъ ее златомъ и серебромъ.

Черезъ три недѣли кость является къ солдату и говоритъ: „эхъ, солдатъ! хорошо ты сдѣлалъ, что хорошо меня похоронилъ. Теперь иди къ рѣкѣ, тамъ будутъ идти конь да кобыла, такъ ты цѣпляйся коню за гриву; какъ удержишься, такъ твой будетъ“. Солдатъ пошелъ къ рѣкѣ и сѣлъ подъ кустомъ. Глядитъ, идутъ конь и кобыла; онъ скорѣй къ коню, вцѣпился въ гриву и сѣлъ на него. Конь увидѣлъ недалеко дѣда и говоритъ: „что это вцѣпилось?“—„Иванъ богатырь подарилъ тебя этому солдату“.

Солдатъ на конѣ пріѣхалъ домой и сталъ жить, поживать, да добра наживать“.

Пѣсни.

1.

„Всю ночь бабочка не спала,
Чуть заснула на бѣлой зарѣ.
Хорошій сонъ во снѣ видала,
Хорошій сонъ бабочка видала
Про милаго—про сваго.
Будто, будто казачекъ ко мнѣ приходилъ,
Козачекъ, миленькій дружечекъ.
Разговорчивый такой,
Разговаривалъ со мной,
Съ бабеночкой молодой.
Ужаснулась бабеночка,
Проснулась, нѣту съ боку никого.
Ни козачка, ни коня,
Ни хурашечки его въ головахъ.
Только прянички и гостинчики
Въ головашечкахъ лежатъ,
На сахару, на меду, на мою бѣду“.

2.

„Не спится доброму молодцу,
Не лежится, въ головахъ подушечка вертится.
Да задумалъ добрый молодецъ жениться,
Да забылъ я въ родной матери спроситься,
Чи позволитъ родная матушка жениться?

Женись, женись, сыночекъ, женись, соколочекъ,
Бери женушку вдовушку, у вдовушки обычай недѣвичій.
Постелюшку стеля, сама слезно плача,
Головочки склада, взрыдаи.,
Про прежняго милаго вспоминаи.
За тобою-жъ я, моя лада, пила да гуляла.
За тобою-жъ, расканалья, все позабывала".

3.

„Голова ты моя, головушка,
Голова моя молодецкая,
Голова молодецкая, разудалецкая,
Пошатала моя головушка,
По чужой—дальной сторонушкѣ
Восхвалили люди чужую сторонушку:
Жемчугомъ то поле усѣяно,
Виноградомъ огорожено,
А сотицемъ поливано.
Повѣрилъ же я, добрый молодецъ, чужую сторонушку:
Полыномъ то поле усѣяно,
А крушиною обгорожено,
Горячею слезою политое".

4.

„Воробушекъ, воробей,
Рахманная пташечка!
Далеко ты, воробей,
Далеко ты отлеталъ.
Отъ саду до саду,
Съ зеленаго вышенья,
До сладкаго вишенья,
До тестева подворья,
До тещина терема,
Къ (имя дѣвушки) клѣткѣ.
(Имя дѣвушки), выходи,
(По отчеству), выступай,
(Имя парня), обожди,
(По отчеству), обостой!
—Радъ бы я обождать,
Мой воранъ конь не стоитъ,
Золотой уздой звенитъ,
Капытамы землю бье,
Вѣтеръ дуи, кудри вье,
Алу ленту разовье.
Алый плотокъ растелю,
(Имя парня) посажу,
(По отчеству его) пригощу,
За ворота провожу,
На слѣдочекъ погляжу".

5.

„Старона моя, старонушка,
Старона моя чужая,
Чужая, дальняя, да незнакомая.
По тебѣ я, старонушка, прохлаждаюсь
Да чужою женою выхваляюсь.
Да чужая, жена ровно ягода;
А моя шельма жена—
Полынь горькая трава.
Полынь горькая трава на межи росла,
Да на межику, на рубежику.
Да чужой то я жены
Башмачки куплю,
Съ чулочками, да съ шелковыми подвязачками,
А своей шельмѣ женѣ
Куплю лапотки-растоплеточки".

6.

„Трава моя, травушка,
Зеленый лужокъ,
Крутой бережокъ!
Хожу я по травушкѣ
Да не нахожуся;
Кого вѣрно я люблю,

Того и не вижу;
Кого ненавижу
Всегда на глазахъ,
На ясныхъ очахъ.
Ишелъ молодешенекъ
Тишкомъ, да лужкомъ,
Расчесавши кудерки,
На воду бросалъ.
Плывите вы, кудерки,
Плывите туда,
Гдѣ милая моя;
Гдѣ милая моя
Водицу брала,
Кудерки поймала;
Нихто про тѣ кудерки,
Нихто не зная;
Только знала про кудерки
Земля да вода,
Да я молода".

7.

„На горѣ, горѣ,
На крутой горѣ,
Во всей красотѣ
Стоитъ тамъ корчма,
Корчма польская
Королевская;
А въ той корчмѣ
Три молодца
Пьютъ три вдалые:
Турокъ да полякъ,
А третій казакъ.
Турокъ водку пьетъ,
Червонцы кладетъ;
А полякъ водку пьетъ,
Монету кладетъ;
А донской казакъ
Водку пьетъ,
Ничего не кладетъ,
Шинкарку манитъ:
—Пойдемъ, пойдемъ,
Шинкарочка, къ намъ
На тихій Донъ.
У насъ на Дону
Ни ткутъ, ни прядутъ,
А хорошо ходятъ".

8.

„А кто, братцы, у насъ
На Дону бывалъ,
Про Кубань слыхалъ,
Про Кубанску славну слободу,
Про черкесскую частую слободу?
Обозвался малый мальчишичка,
Горькій сиротинушка:
—„Я, братцы, на Дону бывалъ
И все про Кубань слыхалъ:
У насъ на Дону ни ткутъ,
Ни прядутъ, а хорошо ходятъ".

9.

„Запила, загуляла моя головушка,
Запивши, всхаменулась, всплакнувши,
Схаменулась, она вздохнула.
Какъ мнѣ не плакать, не горевать:
Берутъ меня, добраго молодца, въ солдатушки,
Сажаютъ меня, добраго молодца, на возочекъ,
Везутъ меня въ городочекъ,
Становятъ добраго молодца въ рядочекъ,
Стригутъ мнѣ, доброму молодцу, русы кудри".

10.

„Груня, ягода моя,
Веселая голова,
Почто любишь (имя парня)?
—Я за то его люблю,
Что головушка кудрява,
Бѣло лицо, румяное.
—Я съ ума Груню свелъ,

Съ ума, съ ума, великаго розума.
Повадилась Дуня
Часто по воду ходить,
За холодной, ключевой
На Воронежъ на рѣку.
Пришла я молода,
Измутилася вода;
Постояла молода,
Состоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
На плечики подняла,
Заматалась и пошла.
Противъ милаго двора
Пріукатана гора,
Пріукатана, прилита,
Чеботами прибыта,
Чеботамы и лапоткамы.
А ячекъ на бочекъ,
Подломился каблучекъ;
Не видала, какъ упала,
И лежу, лежу
На правомъ на боку.
На правомъ на боку
Злѣ царева кабака,
Туды-сюды глядь,—
Меня нѣкому поднять.
(Имя парня) лебединъ,
Подними меня одинъ.
—Я радъ тебя поднять,
Съ стороны люди глядять:
Не чужіе, всѣ свои, Донскіе казаки.
Воры, ябедники,
Плуты каторжники,
Они душу загубили,
Крысѣ голову срубили.
А крысяча голова—
Не великая бѣда,
А крысячинъ хвостъ—
На великій постъ.
А крысячи лапки—
Въ кашѣ сладки".

11.

„Возлѣ Дону, возлѣ тихаго,
Возлѣ моря, возлѣ синяго,
Жила была молодая вдова;
Породила она себѣ девять сыновей,
Десятую дочь да любимую.
Пятьб ратьевъ на разбой пошли,
А два брата королю служить,
А два брата стали дома жить,
Стали матушку поить-кормить,
А сестру взрощать.
Возростивши, стали замужъ отдавать.
За крамара за богатаго,
Они годъ жили и другой живутъ,
А на третій годъ скучились,
Стала крамарша крамара въ гости звать.
Они день ѣдутъ, другой ѣдутъ,
На третій день приморились,
Среди поля становились,
Откели не взялись два разбойника,
Крамара зарѣзали, крамаршу съ собой взяли,
Стали крамаршу распрашивать
Чьего роду, чьего племени,
—Возлѣ Дону, возлѣ тихого,
Жила вдова молодая,—
Она матушка моя родная".

12.

„Не соловушекъ въ лѣсу щебечетъ,
Молодецъ красну дѣвицу
Словами утѣшаетъ:
Позволь, позволь, красна дѣвица,
Съ молодцомъ погулять!
Ты сѣдлай, добрый молодецъ,
Вороного коня въ черкесское сѣдло.

—Ты жъ бери, ты жъ бери,
Красна дѣвица, бѣлый положекъ (палатка).
Ты садись, садись, красна дѣвица,
Коню на бедро,
А я самъ сяду, добрый молодецъ,
На черкеское сѣдло,
И поѣдемъ мы, красна дѣвица,
На чистое поле гулять,
Ой, съѣдемъ мы, красная дѣвица,
На широкій, высокій курганъ,
Разопнемъ-же мы тонкій,
Бѣлый по ложекъ,
Да постелемъ мы, красна дѣвица,
Мой бурлацкій потничекъ,
Ты ложись, ты ложись, красна дѣвица,
Противъ яснаго солнышка,
А я ляжу, добрый молодецъ,
Отъ буйнаго вѣтра".

А. Г. Жижковъ.

19.—Сл. Больше-Черниговка.

Поселеніе и ея части.—Одежда.—Пища.—Заговоры.—Занятіе.—Свадьба.—Хороводы.

Больше-Черниговка находится въ 50 в. отъ Старобѣльска, въ 30 в. отъ защт. г. Бѣловодска и въ 45 отъ г. Луганска Екатеринославской губ.; она расположена на р. Койсугѣ.

Въ книгѣ архіепископа Филарета о Харьковской епархіи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о сл. Больше-Черниговкѣ: „Черниговка,—на рѣкѣ Койсугѣ. Татарское названіе рѣчки, означающее „овечій потокъ", даетъ видѣть о кочеваніи татаръ въ здѣшнихъ мѣстахъ со своими стадами. Гильденштедтъ, въ своемъ путешествіи по югу, 1774 г. писалъ: „за 10 лѣтъ на этомъ потокѣ, Койсугѣ, поселились три слободы бѣглыхъ раскольниковъ, которые возвратились изъ Польши. Эти слободы въ простонародіи называются Верхняя, Средняяи Нижняя сотня, а по бумагамъ Верхняя называется Черниговкою, Средняя—Лашиновкаю, а имени третьей (Богдановка) мнѣ не сказали. Онѣ заключаютъ до 300 семей и состоятъ въ Валуйскомъ у. Воронежской губ. Прежде, чѣмъ привыкли они къ климату и водѣ, очень многіе изъ нихъ померли". Прибавимъ къ этому болѣе точныя свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ. Первыми поселенцами мѣстъ были Моисей и Степанъ Щигловы, малоруссы Черниговской губ., съ которомы прибыли и раскольники стародубцы: имя Степана Щеглова осталось въ Черкасской Степановкѣ, или Щигловкѣ, что на лѣвомъ берегу Айдара, а имя Моисея Черниговца осталось за Черниговкою. Къ первымъ этимъ поселенцамъ почти тогда же присоединились великоруссы изъ Воронежской губ., православные. Различіе въ дѣлѣ вѣры было причиною того, что раскольники, по обыкновенной своей фарисейской гордости, не захотѣли жить вмѣстѣ съ православ-

ными: они поселились на западномъ берегу р. Койсуга, а православные—на восточной сторонѣ. Такъ какъ раскольниковъ здѣсь явилось болѣе, чѣмъ православныхъ, то первые и успѣли прежде построить себѣ часовню".

Раскольники и въ настоящее время живутъ въ Черниговкѣ, на западномъ берегу р. Койсуга около ветхой часовни, существующей и доселѣ. По исповѣднымъ книгамъ Троицкой церкви въ настоящее время считается муж. пола 68 чел., а женскаго—60 коренныхъ раскольниковъ, признающихъ австрійское священство, и 6 муж., 8 женск. пола—временнопроживающихъ безпоповской секты.

Мѣсто, заселенное раскольниками, именуется въ народѣ „Старожиловкою".

Въ древнее время часть Черниговки, гдѣ жили православные, называлась Правовѣрною или Малою Черниговкою, а часть, гдѣ жили расколники, именовалась Большою Черниговкою. Въ настоящее время обѣ части представляютъ одно селеніе, которое называется Больше-Черниговкою, а въ просторѣчіи—Верхнія сотни. Жители восточной части селенія нѣкогда занимались гончарнымъ ремесломъ, отчего и теперь та часть селенія именуется въ народѣ „Горшколѣпами". За ними, немного западнѣе, живутъ „Литвинцы". Они такъ называются потому, что предки ихъ были выселенцами изъ Литвы. Центръ слободы не имѣетъ никакого названія. Югозападная часть именуется „Щигры", по имени уѣзднаго гор. Курской губ., откуда были первые поселенцы той части селенія. Жители южной части называются „Бирючинцы", потому что первые поселенцы были изъ гор. Бирюча, Воронежской губ. Юговосточная часть называется „Новая улица", такъ какъ тамъ стали селиться вновь жители того-же селенія, жившіе раньше въ сѣверовосточной части селенія—„Зыковкѣ" (почему эта часть такъ называется, неизвѣстно). Жителей Зыковки сильно разоряла полая и дождевая вода, чѣмъ они и были вынуждены оставить свои избы и огороды и переселились на болѣе безопасное мѣсто.

Въ настоящее время въ сл. Больше-Черниговкѣ по волостнымъ книгамъ считается 1,939 д. м. п. и 1,941 д. ж. п. Говорятъ въ Больше-Черниговкѣ на великорусскомъ языкѣ. Жи-

лища свои строятъ взъ тонкаго лѣса, мѣловаго камня и самана, облѣпливаютъ глиною, а потомъ снаружи и внутри бѣлятъ мѣломъ. Саманъ (нежженный земляной кирпичъ) приготовляютъ сами крестьяне изъ ила, нанесеннаго полою водою на берега рѣки, или изъ глины съ примѣсью соломы или половы.

Одежда. Лѣтняя мужская одежда крестьянъ состоитъ изъ фуражки, рубахи съ косымъ воротомъ, жилета, шароваръ и суконной поддевки; зимою же фуражка замѣняется барашковою шапкою, а поддевка—полушубкомъ, подпоясаннымъ цвѣтнымъ поясомъ; на шею же надѣваютъ шарфы и небольшіе платки,—богатые шерстяные и шелковые, а бѣдные бумажные. Женщины лѣтомъ носятъ сорочки съ полными рукавами, которыя дѣлаются изъ бѣлаго коленкора, кумача и всевозможныхъ ситцевъ (полотняныхъ не носятъ), юбки или сарафаны (ситцевые и шерстяные), корсетки (плисовый или ситцевый лифъ безъ рукавовъ), завѣски (передники) и цвѣтные фабричные пояса; въ косу (дѣвицы) вплетаютъ нѣсколько шелковыхъ цвѣтныхъ лентъ, на шею (вообще всѣ женщины) надѣваютъ „маниста" (преимущественно янтарь) и голову накрываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ. Осенью и весною въ праздники богатыя одѣваются въ суконные черные халаты изъ фабричнаго и домашняго тонкаго сукна, а бѣдныя—въ сѣрыя коротейки (родъ короткихъ свитокъ изъ домашняго толстаго сукна);—нѣкоторыя имѣютъ круглыя кофты на ватѣ, сдѣланныя изъ шерстяной или бумажной черной матеріи. Зимою всѣ женщины одѣваются въ овчинныя шубы—богатыя—крытыя сукномъ, а бѣдныя—нагольныя. Дѣвицы зимою накрываютъ голову большими платками, концы которыхъ завязываютъ сзади вокругъ шеи, а женщины зимою и лѣтомъ носятъ на головѣ повязку изъ большихъ платковъ.

Пища. Богатые въ скоромные дни ѣдятъ „холодцы" (мясной бульонъ, застуженный съ мясомъ), холодный борщъ (ботвинье), борщъ съ мясомъ, а иногда съ однимъ саломъ, похлебку (супъ), лапшу, молочную пшенную кашу, вареное мясо (преимущественно птичье), блины и изваръ. Въ постные дни—холодцы изъ рыбы, которую привозятъ сюда на продажу, по большей части изъ р. Донца, борщъ съ постнымъ масломъ, квасъ съ лукомъ, соленую рыбу, кашу и бурачный медъ (патоку). Скоромная пища бѣд-

ныхъ почти ничѣмъ не отличается отъ постной:—они въ тѣ и другіе дни ѣдятъ одно и тоже: если есть квашеная капуста, варятъ борщъ безъ всякой приправы, въ противномъ же случаѣ готовятъ галушки, солодуху (квашу) и „саламатъ", или же ѣдятъ хлѣбъ съ квасомъ и лукомъ, а иногда хлѣбъ съ водою.

Жилища свои освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Отъ криксовъ (неспокойное состояніе ребенка, когда онъ не спитъ, а день и ночь кричитъ)—берутъ на руки ребенка, смотрятъ на вечернюю звѣзду и читаютъ сначала три раза Молитву Господню, а затѣмъ слѣдующее: „заря́ мая́, зо́рюшка, вече́рняя звѣ́здушка, ты кри́ксы отъ кше́наво (крещеннаго), отъ пораже́ннаго (говорится имя), да́йте ему́ сна́ спать до бѣ́лаго дня́—быть спа́койному" (3 раза).

Отъ зубной боли. Надо на „молодикѣ" прочитать три раза Молитву Господню, а затѣмъ столько же разъ слѣдующее: „ты, мѣсяцъ, на небѣ, а ты, камень, у мо́рѣ, а ты, вѣдьмѣдь (медвѣдь), у лѣсѣ,—когда эти три брата будутъ бесѣды бесѣдовать, тогда у раба (имя) будутъ зубы болѣть".

Отъ коликъ:—читается три раза Молитва Господня, затѣмъ лѣкарка беретъ ножъ, прикладываетъ остреемъ крестообразно къ мѣсту, гдѣ колитъ, и говоритъ: „я ба́бушка—ду́ха, отъ Свя́та Ду́ха, отъ печа́тнаго хреста́, Ангелъ мой, хранитель мой! сохранѝ кшённаго (крещеннаго), поражённаго".

Къ врачамъ по большей части относятся недовѣрчиво, но, въ крайности и по совѣту мѣстнаго священника, обращаются къ нимъ за помощью. Въ населеніи распространенъ сифилисъ.

Главное **занятіе** крестьянъ—земледѣліе; въ зимнее-же время нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ „прасолуютъ" (покупаютъ и продаютъ лошадей). Женщины, кромѣ того, что помогаютъ мужчинамъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ, ткутъ полотна, рядна, сукна, пояса и коврики—дорожки. Полотна изготовляются изъ конопли, которая растетъ на ихъ огородахъ, а пояса, сукна и дорожки—изъ шерсти домашнихъ овецъ. Каждая женщина среднимъ числомъ въ сутки можетъ выткать 12 арш. холста, а дорожекъ и сукна—аршинъ 15-ть и болѣе; поясовъ шириною въ $^1/_4$ арш., длиною въ 4 арш. женщина можетъ выткать 7 штукъ. Часть приготовленныхъ ряденъ и по-

лотна женщины оставляютъ для домашняго обихода, остальное же, а также пояса и дорожки, продаютъ на ярмаркахъ. Сукна готовятъ исключительно для себя. На вырученныя деньги женщины пріобрѣтаютъ матеріалъ, необходимый для ихъ одежды, такъ какъ на обязанности каждой женщины—матери лежитъ одѣвать себя, мужа и дѣтей,—мужчины же заботятся только о верхней одеждѣ, какъ-то: о шубахъ, коротейкахъ, халатахъ, шапкахъ и сапогахъ.

Свадьба. Въ домъ родителей невѣсты приходитъ мужчина и женщина (сваты) съ пирогомъ (мѣстное названіе хлѣба) и, объяснивъ цѣль своего посѣщенія, просятъ принять отъ нихъ хлѣбъ—соль. Родители невѣсты принимаютъ хлѣбъ, кладутъ его на полку вблизи иконъ, угощаютъ сватовъ и затѣмъ обѣщаютъ, подумавши, дать имъ рѣшительный отвѣтъ. Послѣ этого родители невѣсты нѣсколько дней разспрашиваютъ близкихъ сосѣдей жениха о его семействѣ, характерѣ, матеріальномъ состояніи и т. п. Если не получатъ удовлетворительнаго отзыва, возвращаютъ жениху его хлѣбъ обратно; если же сосѣди жениха хорошо отзовутся о немъ, то родители невѣсты просятъ сватовъ посѣтить ихъ вторично. Въ назначенный день являются снова сваты жениха и приносятъ нѣсколько блюдъ (мисокъ) прѣсныхъ блиновъ, мяса и небольшое количество водки ($^1/_4$ или $^1/_2$ ведра). Сначала родители невѣсты угощаютъ сватовъ, а потомъ сваты угощаютъ родителей невѣсты и родственниковъ, усадивши ихъ за столъ. Въ это время родители даютъ свое согласіе отдать свою дочь, что называется у нихъ „пропо́емъ". Спустя нѣсколько дней, родители жениха и невѣсты договариваются о времени сгово́ра (сватанья) и свадьбы. Сговоръ по большей части бываетъ наканунѣ свадьбы. Въ день сгово́ра вечеромъ замужняя сестра невѣсты или жена брата идетъ собирать дружекъ (подругъ невсты), сама же невѣста остается дома встрѣчать дружекъ. Собирая дружекъ, поютъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

„Пайдѐмъ мы вдоль па ву́лицѣ,
Пайдѐмъ вдоль па широ́кой
И во тре́тій дворъ паслу́шаемъ,
Что лю́ди гаво́рятъ,—
Маво̀ ба́тюшку бро́нятъ:
Пья́ница, прапо́йница,
Прапи́лъ сваю до́чку
За ви́ннаю бо́чку,

Прапѝлъ сваю у́му
За ви́ннаю рюму́,
Прапѝлъ сваю ча́ду
За ви́ннаю ча́ру".

Когда собираютъ дружекъ, идутъ къ невѣстѣ, берутъ ее съ собою въ сосѣднiй домъ и тамъ одѣваютъ ее. Въ домѣ невѣсты собираются гости, исключительно родственники, сваты (родители и родственники жениха) и самъ женихъ. Сюда является и невѣста съ дру́жками. Женихъ подходитъ тогда и узнаетъ между ними свою невѣсту, беретъ ее за руку, цѣлуетъ и становится подлѣ нея. Невѣста даритъ жениха небольшимъ платкомъ и полотенцомъ, а женихъ невѣсту деньгами (отъ 30 коп. до рубля). Потомъ родители невѣсты берутъ образъ и хлѣбъ, у ногъ своихъ кладутъ шубу, свороченную шерстью наверхъ, и благословляютъ жениха и невѣсту образомъ, а они кланяются родителямъ до земли. За родителями невѣсты благословляютъ родители жениха, крестные отецъ и мать, старшiе братья и сестры, дяди и тетки и всѣ близкiе родственники, какiе пожелаютъ. Послѣ этого женихъ и невѣста „почтуютъ" водкою своихъ родителей и всѣхъ гостей, а они дарятъ ихъ, кто чѣмъ въ состоянiи. За женихомъ и невѣстою почтуютъ гостей родители невѣсты и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать въ другую комнату. Во время обѣда дружки поютъ и, подъ пѣнiе, танцуютъ. Поютъ:

„Яблонь мая̀ садо́вая,
Гру́ша зелена́я.
Ой, лёли! ой, ли-ли̇, лёли!
Гру́ша зелёная.
Падъ гру́шаю, падъ зелёнаю,
Кара̀ залата̀я.
Ой, лёли! ой, ли-ли̇, лёли!
Кара̀ залата̀я.
Ой, ми́мо шла̀ да Ма́рьюшка,
Шкару̀ калупа́ла.
Ой, лёли!.. и т. д.
Шкару̀ калупа́ла, шкару̀ калупа́ла.
Зо́лато вынима́ла.
Ой, лёли!.. и т. д.
Тѣмъ зо́латомъ, тѣмъ се́ребромъ
Кавёръ вышива̀ла.
Ой, лёли!.. и т. д.
Ана̀ тѣмъ кавро̀мъ, ана̀ тѣмъ шитымъ
Свёкарка дарѝла
Ой, лёли!.. и т. д.
Свёкрушко, мой ба́тюшка,
Прима̀й мая̀ да́ры.
Ой, лёли!.. и т. д.
Мая̀ да́ры небальшiя—
Кавры вышивны́я.
Ой, лёли!.. и т. д.
Тѣмъ зо́латомъ, тѣмъ се́ребромъ
Чепѐцъ вышива̀ла.
Ой, лёли!.. и т. д.
Ана̀ тѣмъ чепцо̀мъ, ана̀ тѣмъ шитымъ
Свекро́вью дарѝла.
Ой, лёли!.. и т. д.

Свекро́вьюшка, мая̀ ма́тушка,
Примая̀ мая̀ да́ры.
Ой, лёли!.. и т. д.
Мая̀ да́ры небольшія—
Чепцы̀ вышивны́я.
Ой, лёли!.. и т. д.
Тѣмъ зо́латомъ, тѣмъ се́ребромъ
Платòкъ вышива́ла.
Ой, лёли!.. и т. д.

Анà тѣмъ платкòмъ, анà тѣмъ шитымъ
Ла́душку (жениха) дарѝла.
Ой, лёли!.. и т. д.
Мой ла́душка, мой ба́тюшка,
Примая̀ мая̀ да́ры.
Ой, лёли!.. и т. д.
Мая̀ да́ры небольшія—
Платкѝ вышивны́я.
Ой, лёли!.. и т. д.

На сговоръ родители жениха везутъ въ сундукѣ съѣстные припасы: „холодцы", вареное мясо, кашу, хлѣбъ, блины, „узваръ" и ведеръ 5 водки въ боченкѣ. Когда родители невѣсты окончатъ угощеніе родни жениха, тогда жениховы родители сажаютъ невѣстиныхъ дружекъ за столъ и угощаютъ ихъ въ свою очередь тѣмъ, что привезли изъ дому.

Если свадьба бываетъ, спустя нѣсколько дней послѣ сговора, то наканунѣ свадьбы у невѣсты бываетъ „дѣвишникъ". Собираются подруги невѣсты въ ея домъ, и каждая изъ нихъ приноситъ изъ дому блюдо (миску) блиновъ, вареную курицу и три калача; здѣсь они лѣпятъ шишки и каравай и въ это время поютъ.

Когда сажаютъ „каравай" (небольшой круглый хлѣбъ) въ печь, втыкаютъ въ него двѣ небольшія восковыя свѣчи, наливаютъ рюмку водки, кладутъ въ нее монету и хмѣль, и двѣ изъ дружекъ, держа у печи на лопатѣ каравай, подаютъ другъ другу до трехъ разъ подъ лопатою рюмку водки, и каждый разъ понемногу выпиваютъ. Потомъ ставятъ пустую рюмку на ко́минъ и сажаютъ каравай въ печь. Въ это время всѣ дружки поютъ:

„А нашъ каравай у печку пошелъ,
А нашъ яравой сабѣ дружку нашелъ.
Нашъ каравай съ калачемъ ше́пча,
Нашъ яравой съ калачемъ шепча.
А печка гагоча, каравайчика хоча,
Жоли, жоли, хоча".

За караваемъ въ печь сажаютъ шишки. Когда спекутся шишки, тогда невѣста одѣляетъ ими дружекъ и всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого невѣста сажаетъ за столъ подругъ и угощаетъ ихъ, а потомъ подруги сажаютъ невѣсту и всѣхъ ея

родныхъ и угощаютъ ихъ своими кушаньями, которыя они приносятъ изъ дому. Часть изъ этихъ кушаній онѣ оставляютъ у невѣсты и всѣ гости, кромѣ невѣсты, идутъ къ жениху просить къ невѣстѣ на блины. Въ это время приносятъ жениху отъ невѣсты сорочку, крестъ на лентѣ и поясъ. Братъ невѣсты продаетъ все это, запрашивая самую высокую цѣну, а женихъ торгуется. Когда сторгуются, женихъ отдаетъ деньги и беретъ сорочку, послѣ этого угощаютъ водкою и идутъ къ невѣстѣ. Въ этотъ день и у жениха пекутъ шишки и каравай.

Въ день свадьбы собираются гости къ невѣстѣ и къ жениху отдѣльно. Родители жениха благословляютъ своего сына и провожаютъ его съ родственниками въ церковь. Невѣсту (дома) благословляютъ ея родители и тоже провожаютъ въ церковь. Когда благословляютъ невѣсту, она, кланяясь до земли, говоритъ нараспѣвъ печальнымъ мотивомъ:

„Ой, да радимай мой ба́тюшка!
Охъ, да прасти̇, баслави̇!
Да у пе́рвай разъ, у дру́гай и тре́тій.
И къ Бо́жьему су́ду—
Къ свято́му вѣнча́нью“.

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ къ невѣстѣ, обѣдаютъ тамъ и повиваютъ молодую (дѣлаютъ на головѣ изъ платка повязку). Послѣ обѣда свашка беретъ на руку кусочекъ коровьяго масла, мажетъ имъ голову жениха и посыпаетъ его хмѣлемъ. Потомъ раскрываетъ голову невѣсты, расплетаетъ ей косу и тоже мажетъ ея волосы коровьимъ масломъ и посыпаетъ хмѣлемъ. Затѣмъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы, закладываютъ вокругъ головы и повиваютъ. Въ это время поютъ:

„А што мы схотѣли,
То мы срабили—
Съ муки̇ пеляни̇цу,
Съ дѣвчины маладицу“.

Когда „повьютъ“ невѣсту, ставятъ на телѣгу невѣстинъ сундукъ, кладутъ ея постель и провожаютъ ее къ жениху.

Свадьба богатыхъ стоитъ 100 р. и болѣе, а бѣдныхъ не менѣе 50 р. Большая часть денегъ затрачивается на водку.

Хороводы. Молодые парни и дѣвки въ праздничные дни вечеромъ водитъ „танки̇“ (хороводы). Это дѣлается такъ: нѣсколько человѣкъ молодежи (человѣкъ 30 и болѣе) берутся за руки и съ пѣснями идутъ по улицѣ. Двое переднихъ, держась за руки,

становятся по сторонамъ дороги, подымаютъ руки, чтобы подъ ними можно было пройти, и пропускаютъ между собою всѣхъ отъ послѣдняго къ первому. Ихъ примѣру слѣдуютъ тѣ, которые прошли подъ ихъ руками первые. Поютъ:

„Ва го́радѣ Яросла́вѣ.
Ой, да ляли́, ляли́! Яросла́вѣ.
Да маладѐцъ каня̀ прадава́я.
Ой, да ляли́, ляли́! прадава́я.
Ёнъ да прода́вши каня̀,
Въ гу́сли гра́я.
Ой, да ляли́... и т. д.
Въ яго̀ стру́ны мачольны́я;
Ой, да ляли́... и т. д.
Кра́сная дѣ́вушка пріюсну́ла
У до́браго мо́лодца на калѣ́нахъ.
До́брый мо́лодецъ въ гу́сли гра́я,
Кра́сную дѣ́вушку прабужа́я:
„Встань, дѣ́вушка, встань, прасни́ся,
Встань, кра́сная, прабуди́ся!
За табо́ю мать прихади́ла,
Прихади́ла, шалкову́ю плеть принаси́ла.
Да не чужа́я мать, мать родна́я,—
Ана̀ бо́льна бьетъ, пажалѣ́я,—
Са двара̀ сашлѐтъ, опять ве́рня“.

Пѣсня. Произведеніями народнаго поэтическаго творчества жители сл. Больше-Черниговки не богаты; они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ, миѳическихъ сказокъ, романическихъ пѣсенъ. Фантастическіе разсказы пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ пѣсни, въ которыхъ главную роль играетъ содержаніе сравнительно съ напѣвомъ, выражаемое болѣе всего усиленіемъ звуковъ, а не разнообразіемъ ихъ. Осенняя пѣсня:

„У варо̀тъ сасна̀ стайть.
Ой, да лялѐ, лялѐ, лялѐ!
У варо̀тъ зелена́я.
Ой, да ляле́... и т. д.
(Припѣвъ послѣ каждой строки пѣсни).
Канабѐль (колыбель) кляно́вая,
А крю̀чёкъ атъ-мѣ́дянай,
А лучёкъ сере́брянай,
Падцѣ́пачки шалко́вы́я,
Патпру́тачки ремённыя.
Ва той канабе́ли
Кача́лся ате́цкій сынъ—Ива́нушка,
Ате́цкій сынъ—Пятро́вичъ.
Кача́ли яго̀ два бра́тца,
Да два бра́та—тава́риши.
Ушъ вы, бра́тцы—тава́риши!
Падайди́тя пабли́жа,
Васкачни́тя павы́ша,
Штобъ тѐстявъ дворъ видёнъ былъ,
А тѐщинъ высо̀къ терёмъ,
А Ма́рьюшкинъ дубо́вый столъ;
Штобъ мая Ма́рьюшка
Не пла́кала, не ры́дала
И бѣ́ла лица̀ не слязи́ла“.

Е. С. Тихонова.

20.—Сл. Спѣваковка.

Болѣзни.—Говоръ.

Спѣваковка стоитъ при р. Айдари, на разстояніи 25 вер. отъ г. Старобѣльска. Близость рѣки Айдари къ селу приноситъ много полезнаго и пріятнаго для мѣстныхъ жителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много вреда. Весною во время вскрытія рѣки, вода затопляетъ лугъ и берегъ селенія. Жилища крестьянъ, расположенныя вблизи рѣки, долгое время бываютъ затоплены водою, и обитатели ихъ принуждены переходить на квартиры къ сосѣдямъ своимъ недѣли на три, а потомъ оправлять и осушивать свои избы. Во время весны, жители страдаютъ лихорадкою или же простудною горячкою, переходящею со временемъ въ водяную, воспаленіе легкихъ, колотье въ спинѣ и въ ревматизмъ. За немногими исключеніями крестьяне въ помощь земскихъ врачей не вѣрятъ и обращаются къ своимъ, народнымъ лѣкарямъ и знахарямъ. Въ Спѣваковкѣ живетъ крестьянинъ, который лѣчитъ людей отъ „сибирки". Наговоренное кислое молоко онъ велитъ прикладывать къ больному мѣсту, а также и наговоренную смѣсь изъ нашатыря и водки даетъ пить больному. Болѣзнь переполохъ (испугъ) бабки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и выливаютъ въ чистую воду, читая при этомъ трижды молитву Господню, потомъ вынимаютъ фигуру застывшаго воска изъ воды и даютъ послѣднюю выпить больному. Болѣзнь „съ глазъ" лѣчатъ тоже бабки, наговаривая воду и умывая ею больного. Когда животныя заболѣваютъ володырями, при чемъ иногда кожа снимается, лѣкаря смѣшиваютъ синій камень съ чистымъ дегтемъ, смазываютъ этою смѣсью полость рта, и болѣзнь уничтожается. Отъ червей знахарь вырываетъ пучекъ шерсти у больнаго животнаго на лбу между рогами и вывязываютъ ее съ произнесеніемъ молитвы. Отъ запора даютъ наваръ жостера.

Жители Спѣваковки говорятъ на великорусскомъ нарѣчіи. Неударяемый звукъ *о* въ ихъ говорѣ замѣняется звукомъ *а*. Они произносятъ слова: галава̀, харашо̀, агурцы̀. Звуки *ѣ* и *е* неударяемыя, при произношеніи нѣкоторыхъ словъ переходятъ въ *а* и *я*. Они произносятъ слова: сястра̀, мядо́вый, лясно̀й, жана̀, пшани́ца, чаты́ре. Есть случаи употребленія *у* вмѣсто *в*. Произносятся слова: удова̀, узя̀ть, усѐ. Произносятъ *т* вмѣсто *д*: „загада́ю зага́тку, перекину че́резъ гря́тку". Есть случаи употребленія придыханія. Произносятъ слова: вонъ—вмѣсто онъ, ву́тка—вмѣсто утка. Шипящій звукъ *щ* замѣняется шипящимъ *ш*: ша́вель—вмѣсто щавель, зна́юшій—вмѣсто знающій, большу́шій—вмѣсто большущій. Мѣстоимѣнія: себѣ, тебѣ, его, кого, того—произносятся: єабѣ, табѣ, ягò, кагò, тагò. Глаголы въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа имѣютъ окончаніе только *е*, напримѣръ: пекѐ—вмѣсто печетъ, ведѐ—вмѣсто ведетъ, несѐ—вмѣсто несетъ, чита́е—вмѣсто читаетъ, сѣе—вмѣсто сѣетъ. Въ говорѣ жителей сл. Спѣваковки встрѣчаются такія слова: пѣвно—вмѣсто вѣроятно, анадысь—вмѣсто недавно, анадысь—вмѣсто третьяго дня, да́веча—вмѣсто недавно, ла́мка—вмѣсто лампа и гакъ—вмѣсто керосинъ; ласкательныя названія по адресу женщинъ: моя̀ лебёдочка бѣлая, моя̀ соколи́ночка; ласкательныя названія по адресу мужчинъ: мой соко́ликъ я̀сный; прозвища: морòзъ, чикула̀й, малю̀къ, шка́ликъ, бу́дыня.

Е. В. Попова.

21.—Сл. Шульгинка.

Поселеніе.—Жители, языкъ, жилище, одежда, пища, травы.—Свадебные обряды. Поминки.—Этнографическій календарь.—Игры.—Пѣсни и сказки.

Шульгинка расположена на лѣвомъ берегу р. Айдари и по обѣимъ сторонамъ р. Шульги (почему и получила названіе „Шульгинки") и находится въ 15 в. отъ г. Старобѣльска. Берега р. Айдари и Шульги покрыты богатою растительностью и представляютъ мѣстность красивую и живописную. Рѣчкою Шульгою слобода дѣлится на двѣ части: на восточную, возвышенную, черноземную, и западную, низменную, песчаную. Она тянется слишкомъ на 3 версты въ длину и на столько же въ ширину. Изъ записокъ еп. Филарета видно, что Шульгинка лежитъ при устьѣ рѣчки Шульги. Вотъ показаніе о населеніи Шульгинки, данное въ 1769 г. Шульгинскимъ священникомъ Тимоѳеемъ Алексѣевымъ и атаманомъ Пугачомъ: „Сл. Шульгинка заселена малороссіянами Бахмутскаго уѣзда Новоайдарской слободы—однодворцемъ Ѳеодотомъ Теремязовымъ въ 1719 г., въ урочищѣ р. Шульгинки, оставшимся въ пустѣ и разоренномъ, войска Донского, казачьей станицы Шульгинской во время Булавинскаго бунта; земля отъ г. Бахмута въ 110 вер. По поселеніи на той землѣ внизъ по р. Айдару обще съ Новоайдарскими однодворцами по урочище Каменный бродъ на 12, а вверхъ по той же рѣчкѣ по середней, срокъ на 6 верстъ. Именовалась та слобода, Шульгинка, казенною по 1759 г. Бахмутской соляной канцеляріи регистраторъ Георгій Смольниковъ продалъ сената оберъ-прокурору Александру Ивановичу Глѣбову зачатую, но недоконченную свою мельницу на р. Айдарѣ противъ слоб. Шульгинки за 5 р. При продажѣ повѣренный г. Глѣбова, Тряпицынъ, назвавъ землю Черкасовъ Шульгинскихъ порожнею, и земля на 150 четв. въ полѣ, Бахмутскою канцеляріею отведена Глѣбову, съ платежомъ въ казну по 10 к. съ четверти

земли, впредь до указу; Шульгинка оставалась въ подданствѣ у Глѣбова по 1765 г., когда, по указу сената, отобрана она въ казну". Первый храмъ во имя св. Николая построенъ былъ здѣсь около 1725 г. Въ 1780 г. выданы были въ Николаевскую церковь слоб. Шульгинки изъ Славянскаго духовнаго правленія метрическія тетради; въ слѣдующемъ 1781 г. прихожане-черкасы уже получили разрѣшеніе построить новый храмъ во имя св. Николая; старый же храмъ оставленъ безъ служенія, какъ ветхій. Другой храмъ въ Шульгинкѣ, на другой сторонѣ рѣчки Шульги, есть тотъ самый, который въ 1781 г. оставленъ безъ служенія, въ 1792 г. перенесенъ былъ на кладбище и освященъ былъ во имя св. Троицы, а съ 1805 г. онъ названъ приходскимъ для поселившихся на правомъ берегу р. Шульги. Онъ и понынѣ проченъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ: стѣны его состоятъ изъ толстыхъ, непиленыхъ, а расколотыхъ пластинъ дуба, который не тревожится отъ вѣковыхъ перемѣнъ атмосферы. Иконостасъ возобновленъ въ 1840 г. Сл. Шульгинка входила въ составъ военнаго поселенія.

Жители слободы—малороссы; роста выше средняго, волосы, почти у всѣхъ, черные, лица круглыя, чистыя, по наружности они въ общемъ красивы; мужчинъ 2,690, женщинъ 2,568, всего 5,258 д. об. п.

Языкъ. Народъ этой мѣстности говоритъ чистымъ малороссійскимъ языкомъ, напримѣръ: „хиба̀ тобѝ ва̀жко зробы́ты це ди́ло"? Мѣстныя слова и реченія: „моя̀ не́нько, ридне́нько, зузу́ля", „дали́би що" (увѣряю васъ), „чи ма́ло" (достаточно), „заздалегидь" (заблаговременно). Тѣ, которые уходятъ на заработки въ донскія мѣста, по возвращеніи своемъ оттуда, говорятъ ломаннымъ литературнымъ языкомъ, особенно женщины, служившія въ качествѣ горничныхъ у какихъ либо богатыхъ людей, напримѣръ: „я служи́ла го́рнышной у ба́рыни, у е́и дочка̀ учится въ панцыёнѣ, въ оды́нъ ментъ (моментъ) кни́жки чита́етъ". Большая часть шульгинцевъ грамотна, охотно читаютъ книги, искажая книжный языкъ, какъ, напримѣръ: „гаро́й (герой), катыго́рія (категорія), кабынѝтъ (кабинетъ), діятыль (дѣятель), госты́ня (гостинница), иды́я (идея), достоконáльно (досконально), провіёнтъ (провіантъ), о́бчество (общество), панцыёнъ (пансіонъ), вишлага̀ (обшлага), сёра (ссора), сёртъ (сортъ)" и т. д.

Избы дѣлаютъ деревянныя; только у бѣдныхъ встрѣчаются плетеныя изъ хворосту, обмазанныя глиною. Прежде изба состояла изъ одной комнаты (хаты) и сѣнцовъ; окна всѣ были обращены во дворъ; теперь, по большей части изъ двухъ отдѣленій: главной (хаты) и другой (хатины) окнами на улицу. Въ хатѣ замѣчается главный уголъ, или такъ называемая „покуть", гдѣ находятся иконы, украшенныя цвѣтками ихъ же издѣлія и увѣшанныя полотняными рушниками своей работы, иногда же и—ситцевыми. Возлѣ иконъ, на стѣнахъ прибиты куски обоевъ, какъ украшеніе. Въ переднемъ углу, вокругъ стѣнъ стоятъ лавки, а передъ ними—некрашенный деревянный столъ, покрытый холщевою скатертью своего приготовленія. За печкою устраивается родъ кровати (пилъ), гдѣ они отдыхаютъ; теперь же нерѣдко встрѣчаются у крестьянъ кровать, диванъ и стулья. Печи и ставни раскрашиваются желтою и красною краскою (глиною). Дворы по улицѣ узки, но очень длинны; во дворѣ находится много построекъ: амбары съ закромами, гдѣ сберегаютъ зерновой хлѣбъ, погреба—для съѣстныхъ припасовъ, клуни для хлѣба, загороды—для скота, ловитки (сараи)—для экипажей, половикъ—для половы, коморы—для склада теплыхъ вещей, хлѣвъ—для топлива.

Одежда. Жители Шульгинки старинный національный костюмъ, какой носили въ прежнее время, не носятъ, какъ, напр., плахты, дерги, вытканныя изъ шерсти, и выбойчатыя юбки; какъ женщины, такъ и мужчины—дѣлаютъ себѣ наряды, похожіе на наряды городскихъ мѣщанъ, благодаря близкому разстоянію отъ города; еще больше это заимствовано ими изъ донскихъ мѣстъ, куда они ежегодно отправляются на заработки. Одежда мужчинъ въ лѣтнее время, въ будни, состоитъ изъ полотняныхъ шароваръ и такой же рубашки, а въ праздники—изъ чемарки, покрытой какою-либо матеріею, стоющею 1 р. 20—2 р. 50 к., и шароваръ въ 80 к.—1 р. 20 к.; зимою носятъ кожухи (полушубки) изъ овчинъ, стоющіе 10—12 р., или крытые матеріей въ 15—17 р. На голову лѣтомъ надѣваютъ картузъ въ 70 к.—1 р., а зимою шапку въ 40—70 к.; старые и малые носятъ зимою капелюхи (родъ шапки съ закрышками для ушей) въ 30—70 к. Ноги обуваютъ лѣтомъ въ сапоги, а зимою въ валенки. Одежда женщинъ лѣтомъ состоитъ изъ ситцевой

юбки (сарафана) и кофты (юбки). Юбки и кофты отдѣлываютъ пестрыми шнурками, пуговицами и плисомъ; юбка стоитъ 1 р. 20 к.—2 р., а кофта—1 р.—1 р. 80 к.; зимою носятъ кожухи въ 12—13 р., крытые какою-нибудь матеріею съ барашковыми воротниками въ 17—20 р., суконныя свитки (юбки) въ 3—4 р. На голову дѣвушки надѣваютъ повязки изъ шелковаго платка или ленты (стрички), вѣнки изъ цвѣтовъ, распускаютъ косы, вплетая массу пестрыхъ лентъ, иногда платки ситцевые, шерстяные и шелковые, смотря по состоянію, а женщины—очипки, наколки шелковыя, платки; зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ туфли (черевики).

Пища. Въ скоромные дни богатые крестьяне готовятъ 2—3 кушанья: борщъ съ мясомъ, лапшу (рѣзанцы), молочную кашу, въ праздники прибавляютъ еще пироги со сметаною и что нибудь жареное; въ постные же дни—борщъ, заправленный постнымъ масломъ. иногда съ рыбою, пшеную кашу, галушки (рванцы), затерку, узваръ изъ сушеныхъ плодовъ; также пекутъ пироги съ капустою, картофелью, горохомъ, фасолью; изъ этихъ овещей приготовляютъ также кушанья. Бѣдные ѣдятъ въ скоромные дни—борщъ съ саломъ, кашу, галушки, лапшу, блины съ саломъ, а въ постъ—борщъ безъ масла и рыбы, кашу,—иногда же и ничего не варятъ, питаясь хлѣбомъ съ солью и водою,—лукъ съ квасомъ, огурцы соленые и арбузы (кавуны); лѣтомъ еще варятъ тыквенную кашу, пшеничку (кукурузу).

Въ прежнее время богатые жители освѣщали свои избы сальными свѣчами, а бѣдные каганцомъ (наливали въ черепокъ сала или постнаго масла, олію, опускали въ него фитиль изъ тряпочки); теперь же освѣщаютъ избы керосиновыми лампочками.

Лѣкарственныя травы. Нѣкоторыя растенія употребляютъ, какъ врачебныя средства: надошникъ (бадяга)—отъ ломоты костей, полынь и валерьянъ—отъ лихорадки, пижму—отъ желудочной боли, жостеръ—какъ слабительное средство, липовый и бузиновый цвѣтъ—отъ простуды, калину—отъ кашля, холодную мяту—отъ разстройства желудка. подорожникъ—отъ зубной боли, лопухъ—отъ золотухи.

Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; пчеловодство въ упадкѣ, такъ какъ за послѣднее время лѣса совер-

шенно перевелись, садоводство же развито въ высшей степени; береговые жители промышляютъ рыбною ловлею. Кустарныхъ промысловъ не было прежде и теперь нѣтъ; нѣкоторые занимаются здѣсь прасольствомъ. Здѣшній народъ очень развитъ, много читаетъ; всѣ стремятся отдать своихъ дѣтей въ школу, которыхъ здѣсь двѣ: школьное зданіе одной построено на счетъ сельскаго общества, содержаніе же на школу и учителя отпускается отъ земства; другая—церковно-приходская, помѣщающаяся при церкви, въ сторожкѣ; есть еще частныя школы которыя устраиваются отставными грамотными солдатами.

При рожденіи и крещеніи ребенка не соблюдается ни какихъ пѣсенъ и обычаевъ. Для вечерницъ избирается семейная хата бѣдныхъ людей, за которую посѣтители,—парни и дѣвушки,—платятъ не деньгами, а съѣстными продуктами, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Дѣвушки приходятъ на вечерницы съ работою, а парни съ балалайками и гармониками идутъ увеселять дѣвушекъ, проводятъ время въ игрѣ, въ пѣніи, въ разговорѣ и этими увеселеніями часто отвлекаютъ дѣвушекъ отъ работы. Гулянье это продолжается до свѣта.

Свадебные обычаи и пѣсни. Для того, чтобы „засватать" дѣвушку, избираются со стороны жениха два уполномоченныхъ, болѣе разбитныхъ, крестьянина въ старосты, которымъ даютъ хлѣбъ и просятъ ихъ идти засватать намѣченную женихомъ дѣвушку. Это происходитъ обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба. Сваты идутъ преимущественно вечеромъ въ назначенный домъ и начинаютъ разными окольными путями заводить разговоръ; такъ, напр.: „здоро́вы булы́-днюва́лы собѝ!"—„Сла́ва Бо́гу,—якъ вы собѝ? що вы за лю́ды? за якѝмъ ди́ломъ вы до насъ прийшлы́"?—„Та, бачъ, мы охо́тныки, вы́слидылы лысы́цю до васъ у двиръ, та й заблуды́лыся, не зна́емъ, де вона̀ ди́лась, хочъ по сли́ду и вы́дно, що вона̀ у васъ схова́лася, чи не мо́жно йийѝ у васъ пошука́ты"?—„Та сида́йте, до́бри лю́ды, а роспыта́емось, мо́же, и на́йдете". Послѣ этого сваты говорятъ, отъ кого они присланы, и спрашиваютъ: согласны ли родители отдать свою дочь за извѣстнаго парня. Если они согласны, то берутъ хлѣбъ у сватовъ, кладутъ его на столъ, призываютъ невѣсту и спрашиваютъ ее о согласіи. Если невѣста

согласна съ мнѣніемъ родителей, то приглашаютъ жениха и говорятъ ему: „що-жъ, сынку, чи согласынъ ты брáты нáшу дытынку, чи, мóже, ци люды самы зайшлы сюды“? Женихъ отвѣчаетъ: „та ни, воны прийшлы по мойй прóзьби, я согласынъ жены́цьця на вáший дочци, спытáйте ей согласься.“—„Мы вже пытáлы (спрашивали) ей, вонà согласна иты за тéбе.“ Въ это время вторично призываютъ невѣсту, молятся Богу, потомъ заставляютъ жениха въ знакъ согласія поцѣловаться съ невѣстою, выпиваютъ по чаркѣ водки, отпускаютъ молодыхъ, а сами со сватами остаются, пьютъ водку, дѣлая при этомъ договоръ, состоящій въ томъ, что женихъ обязанъ уплатить за невѣсту отъ 5 до 40 р., или берутъ, вмѣсто денегъ, хлѣбъ и водку, объясняя жениху, что онъ лишаетъ ихъ работницы и беретъ себѣ ее на всю жизнь. Послѣ этого ѣдутъ къ жениху на „оглядыны“, т. е. осматриваютъ дворъ и все его состояніе, а, спустя нѣсколько дней, играютъ формальное сватанье, на которое приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ невѣста перевязываетъ родныхъ жениха платками, за что ей даютъ деньги. Сватанье пируютъ 2—3 дня, оно сопровождается пѣніемъ пѣсенъ, музыкою и обходится отъ 20 до 40 р. и болѣе.

По прошествіи 2—3 недѣль послѣ сватанья, отецъ жениха идетъ къ священнику, договаривается за вѣнчанье, и въ назначенный день, послѣ литургіи, совершается вѣнчаніе, при которомъ присутствуютъ родственники жениха и невѣсты. У жениха, вмѣсто шафера, бываетъ парень, называемый бояриномъ, а у невѣсты—дѣвушка—дружка. Какъ невѣста, такъ и дружка верхнее платье подпоясываютъ вышитымъ „рушникомъ“. По окончаніи вѣнчанія женихъ, невѣста, бояринъ, дружка и всѣ родственники идутъ, а иногда ѣдутъ, въ домъ жениха обѣдать, послѣ чего невѣста съ дружкою и со своими родными уходитъ изъ дому жениха до вечера, проводя время съ подругами на вечерницахъ, а женихъ ѣдетъ, собираетъ парней, душъ 10, и снаряжаетъ поѣздъ изъ 2—3 троекъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами; послѣ этого всѣ гости входятъ въ домъ, и дружко, избранный распорядитель свадьбы, близкій родственникъ жениха, вводитъ жениха въ сѣни со словами: „Гóсподы Сýсе Хрыстè, Сы́не Бóжій, помы́луй насъ“. Изъ избы отвѣчаютъ тоже из-

бранные крестьяне: „амынь“. Дружко говоритъ: „спасыби за „амынь“, за добре слово, благословитъ молодого Богу помолыцьця, отцю, неньци въ ноги поклоныцьця и за стилъ завысты“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Богъ благословыть и я благословляю трычи разомъ“. Женихъ, войдя въ избу, молится со своими родными, кланяется имъ въ ноги, а дѣвушки поютъ: „та кланяйся, Иванька, наперѣдъ Господу Богу, отцю, неньци въ ноги, всий родыноньци и блызькои, и далекои, и матеньки та ридненькои“. Затѣмъ дружко беретъ жениха за руки, заводитъ за столъ, который какъ у жениха, такъ и у невѣсты покрывается бѣлою скатерью; на немъ бываетъ положено по угламъ по хлѣбу, а посрединѣ „кругленьке“ (булка, украшенная лентами, а на ней двѣ деревянныя ложки, перевязанныя красною лентою, предназначенныя для молодыхъ), затѣмъ „лежень“ (большая продолговатая булка, въ которую воткнуты палочки, въ видѣ вѣтокъ, облѣпленныя тѣстомъ и также украшенныя лентами), водка—колосовка, названная такъ потому, что въ отверстіе бутылки воткнуты колосья ржи и ягоды калины. Дружко сажаетъ жениха на покути и самъ садится рядомъ, а дѣвушки поютъ: „Иде Иванька на посадъ, стричае его Господь Самъ зъ долею щасливою, зъ вирною дружиною“. Послѣ пѣнія дружко съ поддружимъ пьютъ по чаркѣ водки и выходятъ изъ-за стола, а вокругъ жениха садятся свашки и двѣ свитилки — дѣвушки, которыя держатъ „мечъ“ (большой пучекъ безсмертниковъ и васильковъ). Свашки начинаютъ пришивать боярамъ къ шапкамъ ленты, а отецъ въ это время угощаетъ гостей водкою. Когда свашки пришьютъ ленты, то дружко выводитъ молодого изъ-за стола, за нимъ идутъ свашки, свитилки и всѣ бояре, становятся съ женихомъ посреди двора, гдѣ родная мать жениха осыпаетъ его конфектами, орѣхами, пряниками, деньгами, хмѣлемъ (чтобы сыну ея хорошо жилось); присутствующіе хватаютъ сласти, давя другъ друга. Женихъ съ старшимъ бояриномъ и съ другими боярами садится на первую тройку, которую мать, перекрестясь, своеручно выводитъ со двора на улицу, гдѣ опять осыпаетъ сластями; на другихъ подводахъ ѣдутъ свашки и свитилки. Когда поѣздъ уѣдетъ, родители приглашаютъ гостей въ хату, угощаютъ ихъ, говоря: „просымъ покорно поглядыть

на́шому сы́ну доро́гу", даютъ закусить и, провожая ихъ, дарятъ по шишкѣ (небольшіе хлѣбцы, украшенные рѣшеточками изъ тѣста), ихъ приготовляютъ къ свадьбѣ за нѣсколько дней; невѣста, набравъ ихъ, ходитъ по деревнѣ, приглашаетъ на свадьбу и каждому даетъ шишку и проситъ приходить вечеромъ встрѣчать невѣсту. Женихъ съ поѣздомъ катается до вечера; во время катанья свашки поютъ: „возны́ченько кучеря́вый, та бый ко́ны, погоня́й ко́ны до те́стевого дво́ру". А подъѣзжая ко двору невѣсты, свашки поютъ: „Ой, сва́ту нашъ, сва́ту, пускай насъ у ха́ту, та по́ки мы та стоя́тымемъ, сыру̀ зе́млю та топта́тымемъ, черво́ными чобитка́ми, золоты́ми пидкивка́ми", и, обращаясь къ жениху, поютъ: „А на зя́тя та митиль метѐ, ще й дрибенъ до́щикъ идѐ, кры́йся, нашъ зя́тинько, кры́йся куны́цями, та лысы́цями, черво́ными соболы́цями" (въ смыслѣ того, что женихъ очень богатъ). Пріѣздъ ко двору невѣсты повторяется нѣсколько разъ, въ ожиданьи вечера. Часовъ въ семь вечера дружко подходитъ къ воротамъ невѣстина двора и ласково, съ разными поговорками проситъ сватовъ впустить во дворъ жениха съ поѣздомъ, на что ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ дать выкупъ и угостить сватовъ „варе́ною" (вишневый отваръ, подслащенный сахаромъ или медомъ). Онъ соглашается ихъ угостить, съ условіемъ, если они позволятъ поддружему идти искать невѣсту и поскорѣе привести домой. Тогда мать невѣсты выноситъ два рушника, перевязываетъ ими дружка и поддружаго и разрѣшаетъ поддружему идти искать невѣсту, а дружко угощаетъ родителей невѣсты „варе́ною"; поѣздъ же стоитъ у воротъ въ ожиданіи прихода невѣсты. Черезъ нѣсколько времени поддружій ведетъ невѣсту съ дружками, которыя поютъ: „та ты ду́шенько, на́ша Ма́рьечка, та вили́ла тобѝ ма́те сей день погуля́ты, ки́скою (косою) пома́яты (помотать); та ты, ду́шенька, на́ша Ма́рьечка, та наси́яла Ма́рьечка нагидо́къ, та не вроды́лыся нагидкѝ, вроды́лыся полуны́ци (клубника); мину́лыся тобѝ, Ма́рьечко, до́свитки и вечерны́ци; та було-бъ тобѝ, Ма́рьечко, не дружкова́ты, а було̀-бъ свы́ни па́сты съ ко́стуромъ, съ лома́кою, съ си́рою соба́кою, ко́стуромъ гна́ла-бъ, соба́кою прицькова́ла-бъ" (отогнала бы отъ себя жениха, чтобы дольше быть дѣвушкою). Приближаясь къ воротамъ, поютъ: „Обмита́йте дворы́,

застыла́йте столы̀, ось йи́дутъ дру́жечки, молодѝ паня́ночки".— „Вы́йды ты, ма́тынько, про́тывъ насъ, та глянь же ты, ма́тынько, по всихъ насъ, кра́ще твоя́ Ма́рьечка отъ всихъ насъ". Подойдя къ поѣзду, невѣста кланяется низко жениху, подходитъ къ свашкамъ, здоровается съ ними, цѣлуетъ ихъ всѣхъ, идетъ въ хату, а поѣздъ въѣзжаетъ за нею во дворъ; невѣста стоитъ съ дружками у порога, дожидая позволенія садиться за столъ: поддружій опять говоритъ: „Го́споды Су́сы Хрыстѐ, Сы́не Бо́жий, помы́луй насъ". Ему отвѣчаютъ: „амѝнь". Онъ продолжаетъ: „спасы́би за „амѝнь", за до́брее сло́во, благословѝть молоду̀ въ сей домъ увысты̀, Бо́гу помолы́цьця, отцю̀, не́ньци поклоны́цьця". Слѣдуетъ отвѣтъ: „Богъ благословля̀, и мы благословля́емъ тры́чи ра́зомъ". Въ это время невѣста со своими родными молится Богу, а дружки поютъ: „Та кла́няйся, та Ма́рьечко, наперѐдъ Го́споду Бо́гу, отцю̀, не́ньци въ но́ги, всий роды́ноцьци и блы́зькои, и дале́кои, и ма́тыньки та ридне́нькои". Послѣ этого поддружій ведетъ невѣсту и садитъ ее за столъ со старшею дружкою, а остальныя поютъ: „Идѐ Ма́рьечка на посà̀дъ, стрича́е йийѝ Госпо̀дь Самъ, зъ до́лею щасли́вою, зъ ви́рною дружи́ною". Посадивъ невѣсту за столъ, родные ея выходятъ во дворъ и приглашаютъ жениха съ его гостями войти въ хату, цѣлуются со всѣми и угощаютъ ихъ водкою. Когда дружко ведетъ жениха въ хату и садитъ его за столъ, въ это время возлѣ невѣсты стоитъ мальчикъ, братъ ея, съ палкою, увѣшанной репяхами, которою онъ бьетъ дружка, чтобы тотъ не бралъ его сестры изъ дому, а дру́жки поютъ: „Та ты, ду́шенько, на́ша Ма́рьечко, темно̀, хма́рно на дворѝ, ще й темни́ше въ цимъ до́ми. Ту́рки города̀ обня́лы, ба́тьковы ворота̀ боя́ры".—„Ой, бра́тыку, не лякáйся (не пугайся), ой, бра́тыку, постара́йся, та не продава̀й сыстры̀ за тры золото́го, просы̀ черво́ного, а за мий посà̀дъ—симдеся̀тъ, а за мою̀ ру́су ко́су—ты́сячу, а за мой похо́ды (гулянья)—чо́боты, а за мой у́лочки (улицы)—чу́лочки, а за мой вечерны́чки—черевы́чки". Дружко вынимаетъ 2—3 коп., кладетъ на тарелку, наливаетъ чарку водки и, вмѣстѣ съ шишкою, подноситъ мальчику въ видѣ выкупа, говоря: „Ось тобѝ и вы́купъ за сыстру̀, ты́сяча рублѝвъ". Мальчикъ пьетъ водку, беретъ деньги и тогда пускаетъ же-

ника сѣсть возлѣ невѣсты, а вокругъ размѣщаются сва́шки и свитилки, противъ нихъ бояре; дѣвушки поютъ: „Ще солове́йко въ саду̀ не щебета̀въ, Ива́нько Ма́рьечки не циловàвъ“. Женихъ цѣлуетъ невѣсту, а послѣ поютъ: „Та вже-жъ солове́йко въ саду̀ защебета̀въ, Ива́нька Ма́рьечку поциловàвъ“. Мать и отецъ невѣсты подчуютъ всѣхъ водкою, въ это время женихъ и невѣста стоятъ и кланяются, а дѣвушки поютъ пѣсни, относящіяся къ свашкамъ: „Сва́шка не липа́шка, шишòкъ не липы́ла, дружòкъ не дары́ла, одну̀ излипы́ла зъ зеле́ного си́на, та й ту самà зйила“. На что свашки отвѣчаютъ: „Ра́ки, друже́чки ра́ки, бре́шите, якъ соба́ки, а ще й рачиня́та, бре́шите, якъ цуцыня́та“, и въ доказательство своего мастерства дарятъ всѣхъ гостей шишками, привезенными съ собою. Дружки обращаются къ боярамъ: „Старшѝй боя́рынъ горба́тый, а на тимъ горбу̀ вы́рисла верба̀, а на тий вербѝ сыди́ла сова̀, сыди́ла до пи́вночи, по́ки вы́клювала зъ ло́ба о́чи“.—„Сто́птана сте́жечка отъ по́лу до пры́печка, боя́ры топта́лы, помы́и хлебта́лы, старшѝй ухлебта́вся, въ помы́яхъ оста́вся“.—„Йи́лы дру́жечки, йи́лы, ци́лого вола̀ зъйи́лы, по доли́вци кача́ючи, въ помы́и вмоча́ючи“. Бояре отвѣчаютъ тоже пѣніемъ: „Ра́ки, дру́жечки, ра́ки, бре́шите, якъ соба́ки“. Дружки поютъ свѣтилкамъ: „Свиты́лка—шпы́лька при стинѝ, на не́и соро́чка не йийѝ, прѝишла̀ суси́да, торка́е: скида́й соро́чку: смерка́е“. Свитилки отвѣчаютъ: „Свы́ни, дру́жечки, свы́ни у ме́не соро́чка въ скры́ни, зъ Ки́йова прыве́зена, шо́вкомъ помере́жена“, или: „Я ране́нько вста́ла, сорочку напря́ла, пошла̀, помы́ла, въ свиты́лки поспи́ла“. Дружкò обращается къ дру́жкамъ и говоритъ: „го́ди вже бреха́ты языкòмъ, пора̀ соверша́ты ди́ло, дава́йте-ка покрыва́ты молоды́хъ, та мерщѝй, пожа́луста, а то насъ тамъ ждуть и йи́хаты дале́ко, та й пи́здно бу́де, зибье́мся съ доро́ги“, и произноситъ: „ста́росте, па́не—пидста́росте“!—„А мы ра́ди слу́хать“. „Благословѝтъ молодыхъ покры́ть“?—„Богъ благословы́ть и мы благословля́емъ“. Мать невѣсты отдаетъ очипокъ и серпанокъ (бѣлая кисея), положенные на короваѣ (громадная булка), а дѣвушки поютъ: „Гля́нька-жъ ты, Ма́рьечко, на порѝгъ, та несу́ть тобѝ би́лое билова́ньячко, ви́чное твое покрыва́ньячко“. Въ это время невѣста рыдаетъ, сожалѣя, что разстается со своими подругами. Сестры

невѣсты—женщины берутъ шапку жениха и очипокъ невѣсты, становятся на лежанку, пришиваютъ вѣнокъ (круглый цвѣтокъ, сдѣланный изъ ленточныхъ петель) къ шапкѣ и очипку съ пѣніемъ: „изъ Ки́йова шва́чка, купе́чецька до́чка, по то́ргу ходы́ла, шовкѝ скупова́ла, въ не́и ру́чки биле́сеньки, пу́чки тоне́сеньки, не жаль йийи̇ да́ты, винки̇ пришива́ты". Съ этими словами подаютъ шапку дружку и говорятъ: „що вы жела́лы, то мы зробы́лы, а за цю висть ча́рокъ шисть, а съ шесты̀ хочъ по одно́и пидныстѝ". За что имъ дружко подноситъ чарку водки, 2—3 коп. денегъ и шишку. Сва́шки жениха снимаютъ съ невѣсты цвѣты, расплетаютъ косу, примачиваютъ водкою-колосовкою, стоящею на столѣ, и, взявъ очипокъ, надѣваютъ его на голову молодой, которая сопротивляется, не желая надѣвать его, а мать запрещаетъ ей мять очипокъ, говоря; „го́ди тобѝ, дыты́на моя́, таловàть (мять) очи́покъ: порà вже й закòнъ нади́ты". Тогда невѣста допускаетъ надѣть на себя очипокъ, тихо садится, начинаетъ плакать и прощаться со старшею дружкою, которая беретъ ее за ручникъ и силится вытянуть ее изъ-за стола, а женихъ не пускаетъ, остальные же дружки поютъ: „Бра́ла Ма́рьечка ленъ, ленъ, выгоня́ла дружечѐкъ вонъ, вонъ, на що булò бра́ты, якъ насъ выгонѝты". А дружкò имъ говоритъ: „го́ди, спива́ты, та Ма́рью дратува́ты, вже васъ порà зъ ха́ты выгоня́ты, бо Ма́рья вже на́ша". Дѣвушки уходятъ. Поддружій проситъ благословенія покрыть молодыхъ, и двѣ свашки со стороны жениха берутъ серпанокъ, становятся на лавку, позади жениха и невѣсты, одна кладетъ себѣ на голову цвѣты невѣсты, а другая шапку жениха, приказываютъ молодымъ наклониться, а сами начинаютъ дадъ ними махать серпанкомъ, припѣвая: „Покры́ванка пла́че, покрыва́цьця хо́че, не такъ покрыва́цьця, якъ поцилова́цьця,—зъ кныши̇̀въ въ поляны́ци, зъ ди́вчины въ молоды́ци". Свашки цѣлуется и мѣняютъ свой головной уборъ, опять начинаютъ махать серпанкомъ, до трехъ разъ повторяя ту же самую пѣсню. По окончаніи покрыванія, серпанокъ надѣваютъ на голову невѣсты и закрываютъ имъ все лицо, говоря: „що вы жела́лы, то мы зди́лалы, а за цю висть ча́рокъ шисть, а съ шесты̀ хочъ по одно́и пидныстѝ". Дружкò ихъ подчуетъ водкою и благодаритъ за трудъ; потомъ молодые съ пріѣзжими

родственниками жениха ужинаютъ, а женщины сидятъ вокругъ нихъ и поютъ: „У си́нечкахъ голу́бонько гудѐ, а въ сви́тлоньку голосо́чекъ идѐ. То не голу́бонько гудѐ, а те́стынько та зя́тынька просе: „ой, зя́тынько, сы́вый голу́бонько, беры́-жъ ты мою дыты́ноньку, не дай же йийи на пота́лоньку (на обиду) своёму ри́дному ба́тыньку, та що бъ вона̀ въ вори́тяхъ не стоя́ла, билыхъ ру́чокъ не ломы́ла, ни́жекъ не томы́ла, дри́бныхъ слизо̀къ не роны́ла". При концѣ ужина, поютъ: „Чого̀, Ма́рьечко, досы́жуешь, чомъ ты ба́тыньку не дя́куешь (не благодаришь), та спасы́би тоби́, мий ба́тынько, та за твое гуля́ньечко, та що я у те́бе гуля́ла, важко́го ди́ла не зна́ла, ой, ти́лько зна́ла, ки́ску чеса́ты, та питы̀ погуля́ты. Чо́го, Ма́рьечко, досы́жуешь, чомъ ты баты́ньку не дя́куешь, та вже кони́ позапря́жени, коля́сочки позаве́ртаны, ти́лько си́сты, та пойи́хаты". Молодые встаютъ изъ-за стола, молятся Богу, кланяются въ ноги отцу и матери; родители благословляютъ ихъ, давая наставленія, какъ должно жить и старшимъ угождать, даютъ невѣстѣ икону, закрытую рушникомъ, прощаются съ дочкою и плачутъ, а дружко уводитъ молодыхъ, сажаетъ невѣсту со свашками на повозку; невѣста крестится на всѣ четыре стороны, садится на перину и подушки, что кладутъ подъ ея сидѣнье, а женихъ беретъ плеть, обходитъ три раза вокругъ повозки, ударяя плетью по ней, будто бы бьетъ невѣсту, послѣ чего молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха; по дорогѣ поютъ: „Отчиня́й, ба́тынько, новы́й двиръ, йи́де до те́бе сынòкъ твий съ молодо́ю жоною, бу́де тоби́ до ви́ку слуго́ю". Когда они подъѣзжаютъ къ двору, ихъ встрѣчаютъ молодыя женщины, тоже съ пѣніемъ: „Вы́йды, ма́те, зъ ха́ты, погляды̀, що тоби́ боя́ры прывезлы̀: прывезлы̀ скры́ню (сундукъ), пыры́ну и молоду̀ княги́ню".—„Ма́ты неви́стки бажа́ла (желала), пирижкѝ до ку́пки склада́ла, до ку́пки—бля свойий неви́стки голу́бки". Въ воротахъ раскладываютъ костеръ и поютъ: „Прылыти́ла перепе́лочка, не вчо́ра, а тепе́речка, не ки́шкайте, не поло́хайте, нехай ця́я перепе́лочка прывыта́е солове́ечка". Въ это время дружко вводитъ поѣздъ во дворъ, молодые встаютъ съ повозки, становятся возлѣ порога хаты; къ нимъ выходятъ отецъ и мать, крестятся, цѣлуютъ икону и приглашаютъ ихъ войти въ домъ, гдѣ ужинаютъ; пиръ продолжается

далеко за полночь. На другой день снова собираются гости, дѣлаютъ молодымъ подарки, мужчины даютъ деньги, хлѣбъ, овецъ, а женщины—куски полотна, платки, ситецъ, за что всѣхъ гостей хозяева перевязываютъ въ свою очередь подарками—платками.

Свадебное веселье длится дней 5—6, сопровождается музыкою, и расходы достигаютъ до 200 р., у бѣдныхъ же до 70—100 р.

Поминки. При погребеніи умершаго особыхъ обрядовъ никакихъ нѣтъ; надъ умершимъ плачутъ, приговаривая, если умретъ мать: „моя зузуля, моя нѐнько ридне́нько, на що-жъ ты менѐ та покинула“! Если умретъ мужъ, плачетъ надъ нимъ жена, приговаривая: „мий хозяинъ, мий дорогий, на кого-жъ ты мене поки́нувъ съ ди́тками мане́нькими; та що-жъ я съ ны́ми бу́ду робы́ты, та каза́ты, та съ кимъ ви́ку короста́ты“! Умершаго поминаютъ, служа панихиды въ 3, 9, 40 дни, подаютъ на проскомидію, дѣлаютъ жертвы, а богатые заказываютъ въ церкви сорокоустъ. Послѣ похоронъ дѣлаютъ обѣдъ, варятъ кутью съ медомъ или сахаромъ (канунъ), пекутъ пироги, варятъ борщъ, галушки, кашу, покупаютъ водку. На похороны зовутъ родственниковъ и знакомыхъ.

Этнографическій календарь. Подъ Рождество Христово здѣшніе парни и дѣвки ходятъ „колядовать“:

„У неди́лю ра́но, поране́нько
Сбыра́лося все жидовьѐ,
Та й ра́дылы ра́ду жиди́вську,
Якъ Су́са Хрыста̀ (пороны́ты) погубы́ты.
Та не погубы́лы, ти́лько пороны́лы,
На зе́лено дре́во положи́лы,
Ру́ци та но́зи гвоздя́ми прыбы́лы,
Тырно́вый винѐць наложи́лы,
Зъ пра́вого бо́ку ри́ку пусты́лы.
Прийшла̀ къ Ему̀ Бо́жия Ма́те:
—„Ой, сы́нку жъ мий, сы́нку, Бо́же жъ мий,
Чомъ ты до ме́не, сы́нку, не говорышъ,
Зъ своеи го́рдосты сло́ва не промовышъ“?
—Не на ви́ки, Ма́те, помыра́ю,
За васъ, хрыстыя́ны, стра́жду прыйма́ю,
За васъ.—„За насъ, Го́споды, Бо́же нашъ“.
Дай, Бо́же, ве́чиръ до́брый,
Да́йте пирѝгъ до́вгий“.

На рождественскихъ святкахъ ежедневно „водятъ козла“ вечеромъ и поютъ:

„Его̀ ридъ, его̀ ридъ, та й пойвъ козѐлъ лукъ, чиснòкъ,
Та й чо́рную чирну́шку, зеле́ную петру́шку.

Та вловылы козла за рижокъ, за рижокъ,
Та й повылы козла на торжокъ, на торжокъ,
Та продалы козла за рубля, за рубля.
Та прыйшла до дому загула, загула,
Що дешево козла продала, продала.
Та накупыла тры зела, тры зела (краски):
Та одно зело—красыло, красыло,
А друге—билыло, билыло,
Трете—чорныло, чорныло.
Я красыломъ накрасюсь, накрасюсь,
А билыломъ набылюсь, набылюсь,
А чорныломъ начорнюсь, начорнюсь".

Подъ Новый годъ дѣвушки „меланкують":

„Мылянка ходыла, Васыля просыла,
Васылю, мий батьку, пусты мене въ хатку,
Я жита не жала, чесный хрестъ держала,
Золоту кадыльныцю". Радуйтыся, добри люды:
И къ вамъ Хрыстосъ буде; Богу свичку ставте,
А намъ пирйгъ дайте, та цилёнькій давайте
Зъ рукамы, зъ ногамы, щобъ бигъ за намы,
Бизъ рукъ, бизъ нигъ, щобъ загрузъ у снигъ".

Въ этотъ вечеръ дѣвушки, взявъ пирогъ, идутъ подслушивать подъ окна; изъ подслушаннаго узнаютъ свою судьбу. Гдѣ услышатъ лай собаки, въ ту сторону идти замужъ. Впотьмахъ берутъ дрова, если попадется полѣно сучковатое, то—женихъ богатый, а если—гладкое, то бѣдный. Снимаютъ ночью съ гнѣзда курицу, раскладываютъ на полу деньги, зерна, ставятъ воду; если курица бросится къ водѣ, то женихъ—пьяница, къ деньгамъ—богачъ, къ зернамъ—хлѣборобъ. Подъ Рождество Христово дѣти носятъ вечерю, состоящую изъ кутьи и взвара и говорятъ: „Здоровы булы! прислалы батько—мате кути, узвару". У нихъ берутъ немного кутьи и взвару, имъ даютъ сласти и деньги. На Новый годъ ходятъ посыпать ячменемъ, пшеницею, желая хозяевамъ хорошаго урожая; ихъ опять угощаютъ сластями. На 4-ой недѣлѣ Великаго поста, крестопоклонной, пекутъ кресты; на 40 мучениковъ (9 марта) пекутъ жаворонки, встрѣчаютъ весну съ пѣніемъ:

„Ой, высна, высна, днемъ красна!
Що жъ ты намъ принысла?
—Принысла я вамъ литечко

И зелене́нько зи́льечко,
И хрыщатынький барвынокъ,
И запа́шненький (пахучій)
васы́лекъ".

* * *

„Спива́лы, дру́жечки, спива́лы,
Въ ришито̀ пи́синьку клада́лы,
Поста́выли на верби.
Якъ налы́нулы либиди изъ-за
Дону,
Извалылы ришито̀ додо́лу".

* * *

„Ча́сомъ, ди́вочки, додо́му,
Миша́йте свы́нямъ поло́ву,
А вы, хлопья́та, за на́мы,—
Йи́жте поло́ву зъ свыня́ми,
А вы, дивочки, за на́мы,
Пы́йте, гуля́йте зъ пана́ми".

На теплаго Алексѣя (17 марта) пекутъ бублики. На св. Георгія (23 апрѣля) служатъ молебенъ и выгоняютъ скотъ на пастбище. На Симона Зилота (10 мая) бабы рвутъ зелье; бываютъ пирушки. На Ивана Купала (24 іюня) дѣвушки плетутъ вѣнки, надѣваютъ на головы, купаются и поютъ:

„Купа́вся Ива̀нъ,
Та въ во́ду впавъ,
На Ива́на Купа́ла
У воду упа́ла".

Въ день пр. Ильи (20 іюля) бабы завиваютъ головки въ капустѣ, приговаривая: „святы̀й Илья̀, завыва̀й головья̀". Существуетъ повѣрье, что капуста послѣ этого не портится. На Введеніе (21 ноября) дѣвушки, ложась спать, загадываютъ и приговариваютъ: „Святѐ Введенья̀, введы̀ менѐ въ той домъ, де я бу́ду ви́ку дожива̀ть". На м. Екатерину (24 ноября) дѣвушки чуть свѣтъ встаютъ, идутъ въ садъ, срѣзываютъ вишневыя вѣтки, ставятъ ихъ въ воду, намѣчая, гдѣ чья; чья вѣточка зацвѣтетъ къ Новому году, та дѣвушка выйдетъ замужъ въ томъ году; если же не зацвѣтетъ, то не выйдетъ. На Андрея Первозваннаго (30 ноября) дѣвушки тоже задумываютъ, приговаривая: „Андри́ю, Андри́ю, я на тѐбе конопе́льки си́ю, съ кимъ бу́ду конопе́льки брать, съ тимъ бу́ду ви́ку корота̀ть".

Яйца красятъ прежде всего красною краскою, говоря, что кровь изъ раны Спасителя потекла краснаго цвѣта. Красятъ еще желтою, черною, синею красками и цвѣтными тряпочками, послѣ чего они получаются пестрыми; сохраняютъ ихъ, какъ предохраненіе отъ грозы, скорлупою подкуриваютъ больные зубы, растираютъ ее въ порошокъ и даютъ его пить отъ лихорадки, а также и отъ куриной слѣпоты.

При посѣвѣ хлѣба приговариваютъ: „уроды, Бо́же, жи́та, пшеныци на до́лю вся́кого, и хреще́ного, и нехреще́ного“, молятся и тихо разбрасываютъ зерна по полю. При жатвѣ и уборкѣ поютъ:

„Ой, десь на́ши косари̇̀, горба́тыи та старѝ,
Воны̀ ко́сють, Бо́га про́сють:
„Пошлы̀, Бо́же, дощъ, абы̀ не моро̀зъ,
Нидѝль на пьять, щобъ намъ погуля̀ть,
Нидѝль на чоты́ри, щобъ но́ги спочи́лы“.

* * *

„Якъ бы жъ моя̀ во́ля, сиди́ла бъ я до́ма
У садо́чку, та ще й въ холодо́чку.
Косари̇̀ ко́сють, ви́тыръ повива́е.
Десь мий мыле́нький зъ и́ншею размовля̀е.
Якъ зъ лу́тчею, помо̀жѝ, Бо́же,
А якъ съ ху́жою, накажѝ ёго̀, Бо́же“!

* * *

„Ужѐ со́нце на обѝдъ, вары̀ ка́шу, бѝсивъ дидъ.
Вары̀въ—не вары̀въ, жинцѝвъ поморы̀въ.
У до́брого хозя́ина обѝдать пора̀,
А въ на́шого лыда́чого ще й ду́мки нема̀.
У до́брого хозя́ина йидя̀ть калачѝ,
А въ на́шого лыда́чого ще й хлибъ у печѝ.
У до́брого хозя́ина горѝлочку пьють,
А въ на́шого лыда́чого йи́сты не даю̀ть“.

* * *

„Ужѐ со́нце надъ дубко̀мъ, намъ додо́му холодко̀мъ
Пора̀, та й давно̀, а мы не йдымо̀,
Пора̀, та й ду́же, а мы й байду́же“.

* * *

„Ужѐ со́нце подъ лы́пкою,
Трусы̀, па́не, калы́ткою (кошелькомъ),
Трусы̀ не трусю̀, по копѝ (50 к.) дасы̀.
На́ша па́ня (хозяйка) пы́шна,
За воро́та вы́йшла тыля̀тъ загоня̀ть,
Грибцѝвъ выгляда̀ть.
На́ша па́ня Катыры́на, борщу̀, ка́ши наварыла,
Та й грибцѝвъ накормы́ла“.

Мѣстные примѣты. Кошка царапается на дождь, гуси купаются—тоже на дождь, грачи кружатся зимою—на мятель, а

лѣтомъ—на дождь, кошка умывается—къ гостямъ, сорока стрекочетъ—къ извѣстію, если зимою иней падаетъ на лѣсъ, то будетъ урожай на овощи.

Игры. Дѣти, а также и юноши играютъ обыкновенно въ мячъ, въ „свинки, ярки, кремушки, городки, ковиньки", а зимою въ „снѣжки". Есть еще пастушеская игра „крамашь". Вбиваютъ палку въ землю, привязываютъ къ палкѣ веревку, складываютъ свою одежду подлѣ палки; одинъ изъ мальчиковъ беретъ въ руки веревку, бѣгаетъ вокругъ палки и кричитъ: „крамъ горыть, та никому потущить". Послѣ этого онъ говоритъ: „скрозь стрий (сквозь строй)"! Мальчики становятся по три съ двухъ сторонъ, а другой старается пробѣжать межъ нихъ; они его побиваютъ; если не попадутъ, то опять прогоняютъ чрезъ строй до тѣхъ поръ, пока его не ударятъ, тогда побитый становится на мѣсто перваго. Взрослые играютъ въ карты: въ „возка, носка, чмыха, дурака, вѣдьмы, джгута", нѣкоторые играютъ „на интересъ": въ „трилистика", въ „банкъ". Любятъ очень танцовать, въ большомъ ходу слѣдующіе танцы: „казачокъ, трепакъ, метелиця", съ пѣніемъ:

„Метелыця, метелыця,
Чого ста́рый не же́ныцьця.
Якъ ему жиныцьця,
Що никому журыцьця".

* * *

„Гуляй, гуляй, Ма́ша,
По́ки во́ля на́ша,
Якъ за́мижъ оддадуть,
Ма́ши во́ли не дадуть,
Накро́ють голо́вочку,
Поло́жуть забо́тушку:
Пе́рва забо́тушка—
Све́коръ да свекро́вьюшка,
Друга́я забо́тушка—
Дивирь да золо́вушка.
Тре́тяя забо́тушка—
Па́да ра́но уставать".

Музыку здѣсь любятъ; играютъ на скрипкѣ, гармоникѣ, віолончели, балалайкѣ, а дѣти на сопилкѣ.

Пѣсни теперь совершенно извращены, поются преимущественно солдатскія пѣсни и козацкія донскія, заимствованныя на заработкахъ на Дону. Такъ, напримѣръ:

„Жилъ собѣ ма́льчикъ, былъ слобо́дынъ,
Да не зналъ го́ря, ни нужды.
Его родни всѣ любылы,
Избаловалы, якъ дитя.
Но баловство-жъ его згубыло,
Сбился съ пра́выдной пути:
Въ одну дивчо́нку онъ влюбылся,
Да не могъ ее забыть.

Она божилась и клялася
Своею вирною судьбой,
А я былъ мальчикъ и повѣрылъ
Своей безумной головой".

* *

„Скоро йихать въ Китай-городъ гулять,
Китайского товару закуплять,
Куплю жинѣ покупку:
Славного празныкового на юбку.
Пріѣзжаю домой, покорюся,
Своей раздушеньки у ноги поклонюся.
—„Чи здорова, жина молодая?
Принимай, душа, подарокъ, не ломайся,
Душа, серце моѐ, не смѣшися,
Тай на мене, молодчика, подывыся.
Ой, дывыцыця, добри люды,
Шо мене жина та й не любе
Не любе, не любе й не цилуе"

Только на свадьбахъ соблюдаются чисто малороссійскія пѣсни. Между пожилыми крестьянами на пирушкахъ можно услышать слѣдующія:

„Ой, выпьемо, родыно,
Щобъ намъ жито родыло,
И житечко, и овесъ, и зибрався ридъ увесь,
Якъ бы жъ не вы, та не мы,
То-бъ мы тута не булы, и горилки не пылы,
А то мы прыйшлы и горилку найшлы".

* *

„И чарка нова,
Та горилки нема,
Хылю, хылю, не течѐ,
Белѐ серця пече".

* *

„Ой, хочецьця йисты, йисты,
Та боюся въ погрибъ лизты,
Та боюся, щобъ не впала,
Щобъ капуста не пропала".

* *

„Чоловичко, мой Мышенько,
Тебе дома нема, мини лышенько,
Якъ ты дома, трискй, дрова нарубавъ,
Та й унисъ, та й мини пиднисъ".

Сказки. „Була соби на свити дивчина. Отъ вона йшла разъ по дорози, та й загнала въ ниженьку бидыньку (занозу). На дорози йийи застала ниченька, вона прыйшла у перву хату и просыцьця переночувати; йийи пустылы. Вона и каже тымъ людямъ: „бросьте, добри люды, мою бидыньку у пиченьку". Ти люды такъ и зробылы, якъ вона казала. Устае ранкомъ и пытае ихъ: „де жъ моя, добри люды, быдынка?"—„Мы йийи кинулы у пиченьку, якъ ты казала".—„Дайте жъ мини тепѐръ за быдынку пиченьку". Отъ вона узяла пиченьку и пишла по вулыци; иде и спива:

„Гуляла на любовыньки (вечерныцяхъ),
Та загнала въ ниженьку бидыньку,
Та за тую бидыньку узяла пиченьку".

Попросылася опьять вона ночуваты у хату до людей, та й каже имъ: „сховайте мою пиченьку“. Ураньци устае и говоре: „де жъ моя, добри люды, пиченька“? Люды и кажуть йий: „курочка йийи звалыла та й розбыла“.—„Дайте жъ мини за мою пиченьку курочку.“ Узяла курочку и пишла, спиваючи:

„Гуляла на любовыньки,
Та й загнала въ ниженьку бидыньку,
Та за тую бидыньку узяла пиченьку,
А за тую пиченьку—курочку“.

Застыгла йийи ничъ у дорози, попросылася ночувать до людей и каже: „положить мою курочку до вашихъ“. Утромъ устала и пыта: „де жъ моя, добри люды, курочка“?—„Волыкъ зйивъ“.—„Оддайте жъ мини за курочку волыка“. Узяла вона волыка, иде и спива:

„Гуляла я на любовыньки,
Та загнала въ ниженьку бидыньку,
Та за свою бидыньку узяла пиченьку,
А за тую пиченьку—курочку,
А за курочку—волыка“.

Иде опьять и простыцьця на ночлигъ. Пустылы йийи люды ночувaты, вона и говоре имъ: „поставте мого волыка у загороду, де ваши“. Устае враньци и пыта свого волыка. Люды йийи и кажуть: „нема твого волыка, дивчина, йшлы дивки на вечерныци, та одчиныли загороду, а волыкъ и пропавъ“.— „Давайте жъ теперъ за волыка дивку Хвеську (Ѳеодосію)“. Узяла дивку, посадыла у мишокъ, иде по вулыци и спива:

„Гуляла на любовыньки,
Та загнала въ ниженьку бидыньку,
Та за тую бидыньку узяла пиченьку,
А за пиченьку—курочку,
А за курочку—волыка,
А за волыка—дивку Хвеську“.

Попросылася зъ мишкомъ ночувaты, сама лягла на лаву спаты, а мишокъ положила пидъ лаву, а дивчата узналы, що тамъ дивка Хвеська, вытягнулы йийи виттыля, а за неи посадылы туды собаку Сирка. Враньци устае дивчина, пыта тыхъ людей: „де мий, добри люды, мишочокъ“?—„Та онъ винъ пидъ лавою лыжить“.—„Спасыби вамъ, добри люды, що у васъ мий мишочокъ не пропавъ, а то де не ночувала, усе моe про-

пада́ло". Поблагодары́ла ихъ, узяла̀ мишо́чокъ за пле́чи и пишла̀ по доро́зи и спива̀:

„Гуля́ла я на любо́выньки,
Та загна́ла въ ни́женьку би́дыньку,
Та за свою̀ би́дыньку узя́ла пи́ченьку,
А за ту́ю пи́ченьку—ку́рочку,
А за тую ку́рочку—во́лыка,
А за во́лыка—ди́вку Хве́ську".

Обращается будто бы къ дѣвушкѣ, что въ мѣшкѣ, и говоритъ: „спива̀й за мно́ю, ди́вка Хве́ську?" А Сирко изъ мишка: „Грр..."—„Ишь, би́сова дочка̀, особа́чилась; спива̀й за мно́ю, тоби̇̀ кажу̀". А Сирко опьять: „Грр..." Тоди̇̀ вона̀ розвьяза́ла мишечо́къ, а виттыля̀ якъ вы́скоче Сирко̀, такъ ту ди́вчину и розирва̀въ на куски̇̀".

Присказка: „вамъ ка́зочка до кинця̀, намъ по рю́мци выньця̀, кому̀ рю́мку, кому̀ дви, кому̀ нема̀ одни̇̀".

О яблонькѣ разсказываютъ слѣдующую сказку:

„Жи́лы соби̇̀ дидъ та ба́ба. У ихъ була̀ ону́чка, Жу́чка и ко́тыкъ. Отъ ба́ба и ка́же ди́ду̀: „посады̀, ди́ду, я́блуньку пидъ по́ломъ (постелью)". Дидъ посадывъ. Ростѐ я́блунька и вы́росла пидъ пилъ. Ба́ба и гово́ре: „прыймы̀, диду́сю, пилъ, хай я́блунька ростѐ". Дидъ прыня̀въ. Отъ я́блунька ростѐ и ростѐ и вы́рисла пидъ са́му сте́лю (потолокъ). „Продыра̀й, ди́ду, сте́лю, щобъ я́блунька проростáла". Дидъ продра̀въ. Ростѐ вона̀, и пидросла̀ пидъ стри́ху. „Розбыра̀й, диду́сь, стри́ху, нехай я́блунька ростѐ, та вро́дюцьця я́блучки". Дидъ розибра̀въ стри́ху, а я́блунька все ростѐ, та ростѐ и вы́рисла пидъ са́ме не́бо. Тоди̇̀ ба́ба напа́лася на ди́да: „робы̀, ди́ду, драбы́ну, поли́зымъ я́блучки рва́ты". Зробы̀въ дидъ драбы́ну, прыста́вывъ до я́блуньки, поли̇̀зъ на драбы́нку, за ди́домъ ба́ба, за ба́бою—ону́чка, за ону́чкою—Жу́чка, за Жу́чкою—ко́тыкъ. Вы́рвавъ дидъ а́блучко, покоштува̀въ, давъ ба́би, ба́ба—ону́чци, ону́чка—Жу́цци, Жу́чка—котыкови, а ко́тыкъ укусы̀въ, та й пони̇̀съ и пидни̇̀съ тоби̇̀ (имя) пидъ нисъ".

Присказка: „хто каза̀въ, той медо̀къ лыза̀въ, а кто слу́хавъ, той медо̀къ ню́хавъ. Ось тоби̇̀ (имя) ка́зка, а мини̇̀ бу̀блыкивъ вьязка, тоби̇̀ кошеле́къ, а мини̇̀ гро́шей мишо̀къ. И я тамъ бувъ, медъ,—пы́во пывъ, у ро́ти не було̀, а по вуса̀мъ тыкло̀".

Е. И. Будянская.

22.—Сл. Литвиновка.

Поселеніе.—Жилище; одежда, пища.—Вечерницы.—Свадьбы.

Литвиновка расположена на ровномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ р. Сухого-Обитока, проходящаго вдоль всей слободы. Рѣка эта беретъ начало въ сл. Брусовкѣ изъ небольшой возвышенности. Съ южной и сѣверной стороны слободы находятся невысокія горы. Слобода дѣлится на нѣсколько частей, каждая часть имѣетъ свое названіе: та часть слободы, гдѣ находятся лучшіе домики, лавки, церковь, школа, волость, называется Накочева́нка, сѣверная часть—Новосе́ловка, восточная—Бало-ба́совка, западная—Кова́лёвка. Сл. Литвиновка находится отъ г. Старобѣльска въ 45 вер., а сл. Бѣловодска—въ 15 вер. Народъ объясняетъ, что прежде всего здѣсь поселилось нѣсколько семействъ изъ Литвы, почему и слобода получила названіе Литвиновки. Разсказываютъ, что старики брили головы, оставляя пучекъ волосъ на серединѣ, заплетенный въ одну косу.

Жителей 2,926 д. Языкъ малорусскій. Встрѣчаются выраженія: „пузь двора̀“, „торѝкъ було̀“, „дали́би“.

Жилища хороши и удобны. Хаты строятъ преимущественно изъ мѣла, который добывается на мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ, но есть и деревянныя; покрываютъ соломою, иногда камышемъ и желѣзомъ; обмазываютъ снаружи и внутри тоже мѣломъ. Стѣны убираютъ шпалерами и расшитыми полотенцами; у нѣкоторыхъ имѣются зеркала, хорошія, дорогія иконы, шкапы, диваны и стулья. У большинства мебель состоитъ изъ стола, лавокъ и небольшого шкапа. Печь и порогъ не имѣютъ никакого значенія. Передній уголъ имѣетъ значеніе во время свадьбы и крестинъ: въ первомъ случаѣ молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ, а во второмъ—ку́ма и куму̀. Дворы огораживаютъ хворостомъ или мѣломъ. Остальныя постройки ставятся большею частію позади хаты, какъ то: амбары деревянные, „клуни“ хворостяныя или мѣловыя, „повитки“ или сарайчики, изъ того же матеріала; хлѣбные дворы (токи) обыкновенно строятъ на выгонѣ. Прежде строили небольшія хаты, съ маленькими окошечками и глухою стѣною на улицу; въ настоящее же время хаты, или скорѣе дома, строятъ обширные, съ нѣсколькими окнами

на улицу, съ отдѣльными кухнями, спальнями, кладовыми и передними. Зимою у большинства вставляютъ двойныя окна.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная: полотняныя сорочки, капоты и жакеты черкасиновые и изъ шведской матеріи, такія же брюки, суконные картузы, башмаки мелкіе съ резинками и сапоги; праздничная: фабричнаго чернаго сукна или шерстяной матеріи капоты, триковые жакеты, такія же брюки хорошаго издѣлія, чернаго товара сапоги, сорочки разныхъ ситцевъ, а у нѣкоторыхъ изъ бѣлаго миткаля, вышитыя въ крестъ; зимняя будничная: овчинные полушубки, свиты крестьянскаго бѣлаго сукна, суконныя „капелюхи“ и шапки теплыя („кучми“ черныя); зимняя праздничная: полушубки, крытые сукномъ, дубленые тулупы и полушубки, пальто чернаго фабричнаго сукна,—все высокаго качества. Въ холодное время многіе ходятъ въ валеныхъ сапогахъ. Женская одежда лѣтняя будничная: сорочки ситцевыя, у большинства—своего полотна, юбки („шарафаны“) ситцевыя и изъ синей китайки, кофты черкасиновыя и ситцевыя, платки черкасиновые и ситцевые, сапоги чернаго товара; праздничная лѣтняя: сорочки у всѣхъ ситцевыя, миткалевыя или кумачевыя, „шарафаны“ кубовые, шерстяные, встрѣчаются, хотя и рѣдко, шелковые, кофты „нанбуковыя“, „манчестеровыя“, а больше одной матеріи съ юбкою, платки шерстяные и шелковые, обуты всѣ въ ботинки съ резинками; на шею надѣваютъ много разнаго хорошаго „мониста“, серебряные кресты и стараго серебра рубли, талеры, полтинники и т. д. Въ праздничные дни дѣвки убираютъ голову такъ: волосы заплетаютъ въ одну косу, вплетая не менѣе трехъ и пяти кисниковъ—лентъ, потомъ повязываютъ голову шелковымъ платкомъ и прикалываютъ не менѣе двухъ цвѣтковъ. Зимняя будничная одежда: бумазеевые „шарафаны“ и кофты, пальто крестьянскаго бѣлаго сукна, бѣлые тулупы; зимняя праздничная: „шарафаны“ фланелевые, пальто и кофты длинныя, стеганыя на ватѣ, „нанбуковыя“, халаты синіе суконные, тулупы, крытые сукномъ, пуховые и суконные платки, сапоги краснаго товара.

Въ старину одежда мужчинъ состояла изъ сорочки своего полотна, выбойчатыхъ брюкъ и синей жилетки,—послѣдняя надѣвалась только въ праздники,—сапоги чернаго товара безъ подборъ; вмѣсто картузовъ, носили „брыли“,—черныя поярковыя

шляпы, въ холодное время четыреугольныя шапки съ мѣховою опушкою, свитки бѣлыя крестьянскаго сукна, овчинные тулупы и полушубки. Одежда женщинъ состояла изъ холщевой сорочки, черной шерстяной запаски, носили ситцевыя и нанковыя „парочки“ (только зажиточныя), платки черкасиновые и ситцевые самаго низкаго качества, мелкіе башмаки; головной уборъ дѣвки состоялъ изъ „стрички“, а замужнія женщины носили „очипки“, —это единственная вещь, которая осталась изъ старинныхъ одеждъ и въ настоящее время почти выходитъ изъ употребленія.

Пища богатыхъ въ скоромные дни бываетъ хорошая, въ особенности когда бьютъ свиней, рѣжутъ закормленныхъ гусей и утокъ; лѣтомъ много бываетъ куръ и цыплятъ. Въ постные дни соленая рыба, огородные овощи съ приправою постнаго масла. Хлѣбъ ѣдятъ пшеничный и житный. Пища бѣдныхъ въ скоромные дни: борщъ и галушки съ саломъ; съ мясомъ бываетъ очень рѣдко, только въ годовые праздники и заговѣнье. Можно встрѣтить и молочное, но очень рѣдко. Въ постные дни ѣдятъ еще скуднѣе. Хлѣбъ ѣдятъ житный съ ячнымъ, да и того иногда не хватаетъ.

Освѣщеніе керосиновое; отапливаютъ дровами, соломою, большею частію кизякомъ и углемъ.

Вечерницы бываютъ осенью, большею частію о Рождественскихъ святкахъ. Дѣвки приносятъ изъ дому разные съѣстные припасы, данные матерями, а парни покупаютъ водку, и въ хатѣ избранной „пани-матки“ варятъ вечерять; въ продолженіе всего вечера играютъ на гармоникахъ и поютъ пѣсни.

Пѣсней при рожденіи и крещеніи ребенка не бываетъ. Обычаи соблюдаются простые: приглашаются кумовья,—являются за ребенкомъ, котораго баба-акушерка вручаетъ приглашенному куму, а послѣдній передаетъ кумѣ, и оба отправляются съ ребенкомъ къ священнику. По крещеніи несутъ ребенка домой, и опять кума передаетъ ребенка куму, а онъ бабѣ, тогда просятъ за столъ обѣдать—первыхъ кума и куму, потомъ приглашенныхъ гостей. Кумъ и кума подаютъ, черезъ бабу, матери ребенка рюмку водки, по пирожку или по кусочку хлѣба и такъ дѣлаютъ передъ началомъ каждаго кушанья. По окончаніи всего обѣда баба подноситъ гостямъ по рюмкѣ водки, и ей кладутъ по 5, по 3 и менѣе коп., тоже и „породилѣ“.

Свадьба. На свадьбахъ поютъ пѣсни: „Хàта моя́ ру́бленная, си́ни на помо́сти“, „Бы́ла жни́ка мужикà“, „И туды́ горà, и сюды́ горà, помѝжъ ты́ми гиро́ньками сходы́ла зоря́“, „Якъ пойи́хавъ мий мыле́нький“, „Тумàнъ я́ромъ, морòзъ долыно́ю“, „Ой, поло́ла, поло́ла орлы́ця лободу̀, тай посла́ла прыпотня по воду̀“ и друг. Свадебный обрядъ таковъ: когда хотятъ женить сына, посылаютъ старостъ къ избранной раньше невѣстѣ; они подходятъ подъ окно и говорятъ: „ночува́лы-здоро́вы!“—если рано утромъ, а вечеромъ; „до́брый ве́черъ! пуска́йте въ ха́ту, ка́жуть, сюды́ лысы́ця поби́гла“. На что имъ изъ хаты отвѣчаютъ: „мы́лосты про́сымъ“. Невѣста сейчасъ же уходитъ изъ дому. Когда дѣло уладится, является невѣста и даетъ „рушники“ (платки), потомъ гуляютъ сватаніе („заручи́ны“). Послѣ „зàручѝнъ“ невѣста собираетъ дружекъ и ходитъ по улицамъ; дружки поютъ пѣсни; это продолжается до самаго вѣнчанія. Наканунѣ свадьбы невѣста со старшей и другими дружками ходитъ по роднымъ, кланяется каждому по три раза, говоря: „прохавъ батько й мате и я просю на подвисилокъ“,—при этомъ даетъ шишку. Женихъ тоже въ этотъ день ѣздитъ съ старшимъ бояриномъ и проситъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Вѣнецъ бываетъ утромъ въ назначенный день. Послѣ вѣнца невѣста съ дружкою идетъ домой и гдѣ нибудь прячется, а женихъ отправляется къ себѣ, куда на „отче нашъ“,—т. е. на обѣдъ, сходятся приглашенные гости. Пообѣдавши, женихъ съ боярами, дружкомъ, свашками и свитилкою ѣдетъ кататься. Свитилкой обыкновенно бываетъ дѣвочка, близкая родственница жениха, которая держитъ въ рукахъ пучекъ васильковъ со свѣчею въ серединѣ. При выѣздѣ жениха изъ двора мать и отецъ обсыпаютъ поѣздъ хмѣлемъ, орѣхами, конфектами и деньгами. Вечеромъ того же дня поѣздъ жениха останавливается у двора невѣсты, дружко идетъ отыскивать ее; найдя послѣднюю, ведетъ домой, при этомъ дружки, сопровождавшія невѣсту, поютъ пѣсни. Когда приведутъ невѣсту, стелятъ за воротами полотенце, кладутъ шишку, деньги, ставятъ водку; родня невѣсты забираетъ все это, и тогда только поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ, всѣ входятъ въ хату; впереди всѣхъ бояринъ съ гильцемъ (сосна, убранная бумажными ленточками и цвѣтами). Гильце ставятъ на столъ, воткнувъ въ

лежень—большой испеченый хлѣбъ. Дружко, передъ тѣмъ, какъ заводитъ молодыхъ за столъ, беретъ „оверко"—полстъ и говоритъ: „Бо́же, благословы унесты ове́рко"—на что ему отвѣчаютъ—„ами́нь". Дружко стелетъ въ переднемъ углу полстъ и заводитъ сначала невѣсту, причемъ опять повторяетъ: „Бо́же, благословы завесты молоду̀ за стилъ"!—ему снова отвѣчаютъ—„ами́нь". Когда невѣста сядетъ, по лѣвую сторону ея садится старшая дружка, а по правую мальчикъ, родственникъ невѣсты, со скалкою въ рукахъ и не пускаетъ жениха, пока тотъ не дастъ выкупа, который состоитъ изъ рюмки водки, денегъ и шишки. Откупивъ мѣсто, женихъ садится рядомъ съ невѣстой, подлѣ него свитилка, и тогда первыхъ молодыхъ угощаютъ водкою, а потомъ всѣхъ остальныхъ; молодые кланяются каждому по три раза. По окончаніи угощенія свашки снимаютъ у невѣсты цвѣтокъ и говорятъ: „Бо́же, благословы прыши́ты молодо́му до картуза̀ кви́тку"!—имъ отвѣчаютъ—„ами́нь". Свашки пришиваютъ цвѣтокъ, и женихъ выкупаетъ его водкою и деньгами; послѣ чего старшая дружка прощается съ невѣстою и уходитъ изъ—за стола, а свашки берутъ платокъ, покрываютъ молодую и поютъ: „покры́ванка пла́че, покрыва́цьця хо́че, не такъ покрыва́цьця, якъ поцилува́цьця". Свашки цѣлуются три раза, и имъ подносятъ по рюмкѣ водки. Когда покроютъ невѣсту, она ложится на столъ головою и плачетъ, женихъ поднимаетъ ее, цѣлуетъ, и потомъ они выходятъ изъ-за стола, кланяются отцу и матери и роднымъ, послѣ чего невѣсту везутъ къ жениху, а остальные гуляютъ всю ночь. На другой день молодые являются къ ея роднымъ, и снова начинается угощеніе: рѣжутъ каравай на кусочки, мажутъ медомъ и, вмѣстѣ съ платками, подаютъ каждому мужчинѣ и тутъ-же перевязываютъ ихъ платками; тѣ отдариваютъ, одни по рублю, другіе овцу или телку, а женщины по два арш. ситцу. И этотъ день гулянье продолжается за полночь; на третій же день „бесѣду" зазываютъ къ себѣ на угощеніе близкіе родные, и такъ продолжается иногда недѣлю.

Свадебный расходъ бываетъ отъ 50 до 300 р. Приданаго за невѣстою не даютъ, а берутъ еще съ жениха отъ 10 до 50 р.

23.—Сл. Баранниковка.

Поселеніе.—Занятіе, одежда и языкъ.

Баранниковка находится въ восточной части Старобѣльскаго уѣзда, въ 68 вер. отъ г. Старобѣльска и въ 18-ти отъ сл. Бѣловодска; на югъ отъ Баранниковки, въ 7 вер. находится сл. Нижнебаранниковка, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Злодиевки", а на сѣверъ, въ 2-хъ вер., сл. Зеликовка. Баранниковка расположена на берегахъ небольшой рѣчки Камышной, протекающей черезъ слободу съ сѣвера на югъ двумя протоками. Рѣчка получила свое названіе отъ камышей, которые обильно растутъ по ея берегамъ.

Названіе слободы народъ объясняетъ тѣмъ, что первый поселенецъ прозывался „Баранникомъ"; а отъ прозвища перваго поселенца и яръ, около котораго „Баранникъ" жилъ и пасъ овецъ и др. скотъ, до сихъ поръ зовется „Баранниковымъ". Въ Баранниковкѣ и въ настоящее время есть нѣсколько домохозяевъ съ фамиліей „Бара́ныкъ", принадлежащихъ къ числу коренныхъ жителей слободы. Жители окрестныхъ слободъ и Баранниковцы называютъ Бара́нниковку иногда „Камы́шною", такъ ее называютъ потому, что вся почти занимаемая теперь слободою мѣстность и находящіеся около нея лиманы были покрыты въ старину непроходимыми камышами.

О времени, когда была основана Баранниковка, какъ поселокъ или хуторъ, ничего неизвѣстно; несомнѣнно только, что въ XVII вѣкѣ она уже существовала, какъ незначительный хуторокъ. Это можно видѣть изъ того, что въ половинѣ XVIII вѣка въ Баранниковкѣ имѣлась церковь, и церковь та, повидимому, была уже ветхою, такъ какъ въ 1769 г. баранниковцы, по словамъ архіепископа Харьковскаго Филарета (см. его „Историко-стати-

стическое описаніе Харьковской епархіи", изд. 1857 г., стр. 393, отд. 5), — просили разрѣшенія вновь построить у себя храмъ.

Въ Баранниковкѣ жителей 3300 д. об. п., всѣ баранниковцы малоруссы; есть, правда, нѣсколько семействъ великоруссовъ, но они недавніе поселенцы,—это пришельцы, появившіеся въ Баранниковкѣ уже въ настоящемъ вѣкѣ. До 1816 г. жители слободы Баранниковки именовались малороссійскими крестьянами, а съ 1817 года стали именоваться коннозаводскими и конюшенными, потому что съ этого года они были обязаны для конскихъ заводовъ, находящихся около Бѣловодска, косить и доставлять сѣно, а также и собственной соломы нѣсколько пудовъ съ каждаго домохозяина. Баранниковцы, не знавшіе раньше панщины, не хотѣли отбывать этой повинности и не повиновались коннозаводскому начальству, почему правительствомъ были въ Баранниковку были присланы войска, которыя и наказали непокорныхъ камышанъ розгами.

Занятіе. Баранниковцы съ давняго времени занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, при этомъ обработку земли прежде производили исключительно на волахъ, а теперь производятъ на волахъ и лошадяхъ. Пахота производится тяжелыми самодѣльными плугами и усовершенствованными,—послѣдніе появились года три—четыре назадъ и скоро, кажется, войдутъ во всеобщее употребленіе. По части сельскаго хозяйства, какъ полезное нововведеніе послѣднихъ лѣтъ, слѣдуетъ отмѣтить кстати и значительное распространеніе въ Баранниковкѣ ручныхъ вѣялокъ и появленіе молотильныхъ конныхъ машинъ. Баранниковцы сѣяли и сѣютъ преимущественно пшеницу и ячмень; посѣвы же проса, ржи, овса, льна и коноили не были и не бываютъ значительны, такъ какъ этотъ хлѣбъ предназначается только для домашняго употребленія, гречихи же бараниковцы вовсе не сѣютъ. Посѣвъ ржи въ послѣдніе годы, впрочемъ, увеличился,—это объясняется тѣмъ, что рожь не подвергается загару: она до наступленія знойныхъ лѣтнихъ дней созрѣваетъ. Всѣ вообще хлѣба до семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія родились въ Баранниковкѣ очень хорошо, потому что восточные вѣтры тогда не были такими жгучими

и вредными для произрастанія хлѣбовъ. Избытокъ пшеницы и другихъ хлѣбовъ жители Баранниковки продавали преимущественно въ Бѣловодскъ, издавна извѣстный ссыпкою хлѣба; нѣкоторые же домохозяева до построенія Воронежско-Ростовской ж. д. иногда отправляли свой хлѣбъ для продажи въ Таганрогъ и Ростовъ, а оттуда привозили торговцамъ сл. Бѣловодска и для себя соль, рыбу, деревянное масло, разные фрукты и проч. Немало тогда было въ Баранниковкѣ и такихъ домохозяевъ, которые въ свободное отъ полевыхъ работъ время охотно нанимались отвозить пшеницу изъ Бѣловодска въ Таганрогъ и Ростовъ и ѣздили также за рыбою и дегтемъ на Волгу (въ Царицынъ).

Скотоводство въ Баранниковкѣ въ послѣдніе годы пришло въ упадокъ; это зависѣло преимущественно отъ неурожаевъ хлѣба и травъ, отъ падежей скота, а также и отъ недостатка земли для попаса. Въ настоящее время уже много въ слободѣ такихъ домохозяевъ, у которыхъ не только воловъ, но и коровенки на дворѣ нѣтъ, чего двадцать—тридцать лѣтъ назадъ совсѣмъ не было: тогда почти каждый домохозяинъ имѣлъ скотъ и для себя, и для продажи. Нѣкоторые изъ баранниковцевъ, влѣдствіе неурожаевъ и упадка скотоводства, стали ежегодно весною и лѣтомъ отправляться на заработки въ Донскую и Кубанскую области; тамъ они нанимаются исключительно на полевыя работы или поденно, или на извѣстный срокъ. Исключительно ремеслами никто изъ жителей слободы не занимается; если же и бываютъ нѣкоторые заняты изготовленіемъ простой обуви, одежды или плотничествомъ, то и эти работы производятся большею частію въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Огороды и сады баранниковцы имѣютъ для потребностей только своей семьи. Торговля мануфактурнымъ товаромъ, бакалейнымъ и винная находится въ рукахъ поселившихся въ слободѣ великоруссовъ.

Одежда баранниковцевъ въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ замѣтно измѣнилась. Мужчины, напримѣръ, не носятъ уже широкихъ малороссійскихъ шароваръ; бешметъ замѣняется пиджакомъ. Женщины вовсе перестали носить очипокъ, а вмѣсто суконнаго „байбарака“ (длинный халатъ), который прежде въ праздничные дни надѣвали женщины и дѣвицы, теперь носятъ

мѣщанское пальто. Корсетъ и юпка (корсетъ съ рукавами) замѣняется кофтою. Красные сапоги уже рѣдко встрѣчаются. Головная повязка дѣвицъ, на подобіе чалмы, перестала быть обычною даже для невѣстъ.

Малороссійская рѣчь баранниковцевъ имѣетъ весьма замѣтные слѣды великорусскаго вліянія,—въ этомъ сказалось вліяніе казаковъ, у которыхъ баранниковцы ежегодно бываютъ на заработкахъ, а также солдатчины и особенно школы, существующей въ Баранниковкѣ съ 1845 года и съ того времени знакомящей молодыя поколѣнія съ литературною русскою рѣчью; приэтомъ и чтеніе народомъ книгъ не могло, конечно, пройти безслѣдно.

С. И. Костиковъ.

24.—Сл. Нижне-Баранниковка.

Поселеніе, жилище, одежда.—Свадьба: „сватаньня“, „подвисилокъ“, „весилля“.

Нижне-Баранниковка, иначе Злодѣевка, находится въ 75 вер. отъ г. Старобѣльска. Названіе Нижне-Баранниковки оно получило оттого, что лежитъ ниже сл. Баранниковки, къ волости которой принадлежитъ; Злодѣевкой называется потому, что въ старину здѣсь былъ хуторъ, населенный разбойниками, которыхъ народъ называлъ злодѣями. Жителей въ селѣ 1844 д. об. п. Народъ по наружности здоровый и довольно красивый. Хаты въ большинствѣ случаевъ мѣловыя, но встрѣчаются и деревянныя. Стѣны въ деревянныхъ хатахъ внутри не бѣлятся, а чисто моются и для блеска натираются бѣлкомъ. У богатыхъ хата состоитъ изъ 2 или 3 комнатъ. Одна для пріема гостей, другая маленькая называется „кимнатой“ для стариковъ и третья кухня, въ которой помѣщается молодежь.

Лѣтняя одежда мужчинъ: бешметъ, шаровары, сапоги; зимняя: нагольные тулупы, свитки изъ сукна домашняго приготовленія, валенки, капелюхъ, рукавицы. Женская лѣтняя одежда: кофты, юбки, „зависки“ (фартухи), красные сафьяновые сапоги, свитки изъ черной шерстяной матеріи, цвѣтные, шелковые или шерстяные платки; зимняя: тулупъ, сапоги, теплый платокъ. Тулупъ, шитый изъ овчинъ, стоитъ 12 р., бешметъ отъ 4 р. до 10 р., женское платье отъ 2 р. 50 к. до 5 р.

Свадьбы въ этомъ селѣ устраиваются такъ: родители, желающіе женить сына, посылаютъ сватовъ къ родителямъ той дѣвушки, которую они хотятъ взять.

„*Сватанье*“. Сваты берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстную хату; тамъ они подходятъ подъ окно и говорятъ: „до́бры люды, пусти́тъ на ква́тырю“. Хозяева отвѣчаютъ: „мы́лосты про́сымъ“. Тогда сваты входятъ, садятся и объясняютъ причину своего прихода. Если родители дѣвушки согласны, то берутъ хлѣбъ,

если же нѣтъ, то отдаютъ его назадъ. Затѣмъ родители дѣлаютъ уговоръ, сколько надо уплатить денегъ за невѣсту; плата бываетъ отъ 10 до 50 р. Потомъ невѣсту зовутъ въ хату и съ нею жениха и спрашиваютъ ихъ согласія; оба отвѣчаютъ: „якъ ба́тько та ма́ты, такъ и мы". Невѣста идетъ собирать дружокъ, а старики сзываютъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Когда всѣ сойдутся, жениха сажаютъ за столъ подъ образа вмѣстѣ съ старшимъ дружкомъ или бояриномъ; невѣста наливаетъ рюмки и подноситъ жениху и дружку, они откланиваются, а потомъ пьютъ и на тарелку бросаютъ деньги. Затѣмъ такъ же она угощаетъ другихъ гостей и перевязываетъ сначала близкихъ родныхъ, а потомъ и дальнихъ. Потомъ староста (распорядитель) наливаетъ водки и даетъ невѣстѣ, что бы она угостила дружекъ. Затѣмъ гости, вмѣстѣ съ родителями невѣсты, идутъ къ родителямъ жениха, а дѣвушки остаются варить вареннки, къ нимъ приходятъ парубки, и они поютъ. На „сва́таньи" поютъ слѣдующія пѣсни:

„Слу́хайте, дружéчки, де голу́бонька гудѐ,
Та то не голу́бонька, то молода̀ Варва́ра
Дивова́нье сдаѐ.
На́те вамъ, дружéчки, дивова́нья моѐ
И ру́су косу̀, дивоцьку красу̀.
Якъ бы ты, Варва́ра, поты́ше ходы́ла,
Поты́ше ходы́ла, ба́теньку годы́ла,
То бъ ты це ли́то ди́вкою гуля́ла,
Ди́вкою гуля́ла, ки́скою маяла,
То бъ кра́сонька въ лы́чиньку стоя́ла".

* * *

„На весни́ садо́чки цвиту́ть,
И дивча́та виночки плысты́муть,
Мы́мо твой вори́точки несты-
муть,
Та до ха́ты прывырта́тымуть.

Та, ой, чи до́ма Варва́ра, чи
нема̀,
Чизъ инчимы подру́жкамы гуля́е.
Та вона̀ хо́де гуля́е, пра́вды
не зна́е".

„*Пидвиси́локъ*". Если свадьба предполагается въ воскресенье, то въ пятницу у жениха и невѣсты лѣпятъ шишки. Въ субботу невѣста собираетъ дружокъ и идетъ съ ними къ свекру и свекрови, кланяется имъ до земли и приглашаетъ на „пидвиси́локъ", затѣмъ заходитъ еще къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, тоже кланяется и проситъ на „пидвиси́локъ", и за-

тѣмъ, идетъ съ дружками домой, сажаетъ ихъ за столъ и даетъ имъ по пучку васильковъ, изъ которыхъ дружки дѣлаютъ крестики и кладутъ на деревцо, воткнутое въ хлѣбъ и называемое „гильцѐ“, украшаютъ это „гильцѐ“ пестрыми лоскутками и кусочками гаруса. Затѣмъ отецъ и мать подносятъ всѣмъ дружкамъ и невѣстѣ по рюмкѣ водки. Послѣ ужина приходитъ сюда женихъ съ боярами и, вмѣстѣ съ невѣстою и дружками, уходятъ къ какой нибудь сосѣдкѣ. Тамъ поютъ:

„Ходы́ла Варва́ра по кимна́ти,
Пробужа́ла ба́тенька зъ крова́ти.
—Та уста̀нь, уста̀нь, мий ба́тенько,
Та мини̇ съ тобо́ю не викъ викова̀ть,
Та оста́нню ни́ченьку переночева̀ть,
Та оби́дню часы́ночку перечасова̀ть“.

„Веси́лля“. Въ воскресенье, послѣ утрени, жениха и невѣсту вѣнчаютъ, и затѣмъ они расходятся. Невѣста съ дружками идетъ домой, дружки распускаютъ ей дома косу. Мать подноситъ дружкамъ по рюмкѣ водки и даетъ по шишкѣ, потомъ невѣста идетъ къ обѣднѣ. Когда прозвонятъ къ „досто́йно“, она идетъ изъ церкви къ старшей дружкѣ обѣдать. Женихъ ѣздитъ собирать поѣздъ. Когда съѣдется поѣздъ, молодой садится на посадъ, его угощаютъ водкою, потомъ всѣ гости размѣщаются по экипажамъ и ѣдутъ кататься по селу, затѣмъ ѣдутъ къ молодой. Женихъ подходитъ къ молодой, цѣлуетъ ее и уѣзжаетъ, а къ невѣстѣ приходитъ поддружій и гонитъ ее къ отцу; она здѣсь здоровается съ родственниками и идетъ въ хату. Ее садятъ на посадъ, дру́жки садятся возлѣ нея. Дружко вводитъ жениха и говоритъ: „Го́споды, Іису́се Христѐ, Сы́не Бо́жий. Благослови̇̀ть молодо́го на поса̀дъ посади̇̀ть“. Посадятъ жениха рядомъ съ невѣстой, а дружки поютъ:

„Не сыди̇̀ жъ ты, тай Варва́рочко, пря́мо,
Не зводь голово́ньки са́мо,
Та неха̀й той заведѐ, що бы́ля те́бе ся́де.
Серде́нько мыле́ньке, прысу́ньcя блызе́нько,
Бу́демъ говори́ты, якъ на сви̇ти жи́ты“.

Свашки со стороны жениха дарятъ родственникамъ невѣсты по шишкѣ и подносятъ по чаркѣ водки. Снимаютъ съ молодого шапку и отдаютъ теткамъ или сестрамъ невѣсты, которыя при-

шиваютъ къ ней вѣночекъ изъ ленты. Тогда отецъ и мать подаютъ на столъ на тарелкѣ очипокъ (родъ шапочки изъ парчевой матеріи), дѣвушки поютъ:

„Щось тобѝ тай унéсено,
На столѝ та полóжено,
На тонéсенький, на билéсенький скáтерци“.

Потомъ свашки надѣваютъ на невѣсту очипокъ, покрываютъ платкомъ и поютъ:

„Покрывáнка плáче, покрывáцьця хóче,
Не такъ покрывáцьця, якъ зъ молодѝмъ поцилувáцьця“.

Когда покроютъ, то поютъ:

„Посѝяла Варвáра лёнъ, лёнъ,
Выгонѝла дружéчокъ вонъ, вонъ,
На щó булò брáты,
Колѝ насъ выгонѝты“.

Дивчата уходятъ во дворъ и поютъ:

„Та по дорóзи васылéчки порослѝ,
Туды нáшу Варвáру повызлѝ,
Та повызлѝ скрѝню и пырѝну
Й молодỳ Варвáру-княгѝню“.

Жениха и невѣсту катаютъ по селу и отвозятъ къ свекру; тамъ ихъ благословляютъ и ведутъ въ хату.

Учительница А. Кристъ.

25.—С. Безгинова.

Поселеніе.—Вечрницы.—Свадьба.

Село Безгинова Ново-Айдарской волости находится на разстояніи 44 вер. отъ г. Старобѣльска. Расположено село у подошвы горы и по берегамъ р. Айдара. Названіе села объясняютъ тѣмъ, что еще во время крѣпостнаго права былъ помѣщикъ по фамиліи Безгинъ, отъ него и деревня стала называться Безгинова.

Вечерницы иначе называются „посидѣлками", начинаются съ Покрова дня (1-го Октября) и оканчиваются на масляной. Для вечерницъ выбирается отдѣльная хата, которую освѣщаютъ и отапливаютъ на общія деньги; въ эту хату каждый вечеръ собираются дѣвки и парни, первыя съ работою, а вторые съ музыкою и гостинцами, но работаютъ здѣсь очень мало: большею частью играютъ въ игры; такъ, одна изъ наиболѣе любимыхъ игръ „панасъ", затѣмъ танцуютъ и поютъ пѣсни до поздней ночи.

Вотъ нѣкоторыя пѣсни, которыя поютъ на вечерницахъ:

„Ой, верба̀ ты верба̀, ты кудря̀вая,
Де жъ ты росла̀, де повы́росла?
—Я росла̀ въ лужку̀ на крутомъ бережку̀,
На высо́кий те́ремъ похилы́лася;
Тамъ стоя́ла вдова̀ по́зно зъ вечера
—Кто кричи́тъ, кто стучи́тъ подъ око́шечко,
То жъ не воръ идётъ, не разбо́йничокъ,
То жъ мой пре́жный другъ, полюбо́вничокъ.
—Я жъ до те́бе прыйшо̀въ не гости́тыся,
Я жъ до тебе прыйшо̀въ распросы́тыся,
Чи позво́лышъ ты мини̇̀ ожены́тыся"?
—Ты жены́сь, ты жены́сь, другъ безсо́вѣстный,
Ты возьмы́, ты возьмы́ соби̇̀ жо́нушку,
Соби̇̀ жо́нушку, мою̀ по́дру̀жку".

* * *

„Ходила—гуляла Маша по лужку,
Щипала—ломала спѣлый виноградъ,
Кидала—бросала Ванюшѣ на кровать.

—Кушай—кушай, Ванюша,
—Кушай, вѣрный другъ поскорѣй,
Скажи мнѣ словечко, котре повѣрнѣй.
Жила была красавица, царска меньша дочь,
А другая смутная, какъ темная ночь,
Старшая меньшую смутила потайкомъ.
—Пойдемъ, пойдемъ, сестрица, на бережокъ морской,
Посмотримъ тамъ, родная, чѣмъ берегъ украшенъ.
Украшенъ морской берегъ все синею волной,
Покрыто же море парчою голубой.
Старшая то меньшую спихнула съ бережка:
—Плыви, плыви, сестрица, плыви, вѣрный другъ.
Ратуй, ратуй, сестрица, ратуй невѣрный другъ.
Я дарю тебѣ колечко отъ друга своего,
Я дарю тебѣ другое отъ друга своего,
Вступи, вступи въ гробницу, въ гробницу мнѣ ногой.
Я дарю тебѣ колечко съ своимъ вѣрнымъ женихомъ,
И осталось твое колечко безъ послѣдствіи теперь,
А ты захлынешься въ холодной же водѣ".

Свадьба. Сватовство у мѣстныхъ крестьянъ устраиваютъ такимъ образомъ: приходятъ со стороны жениха два мужика съ хлѣбомъ и солью подъ окно къ дому отца невѣсты и просятъ впустить ихъ въ хату; если родители невѣсты согласны въ ту осень отдать свою дочь замужъ, то разрѣшаютъ имъ войти; мужики—„старосты", войдя въ избу, здороваются и говорятъ, что у нихъ есть купецъ, а слышали, что у хозяевъ есть подходящій товаръ, такъ не будутъ ли они имъ сватами, не продадутъ ли имъ своего товара. Родители невѣсты, хоть видятъ, что купецъ—„женихъ" и подходящій, но отказываются, говоря, что ихъ товаръ еще новый,—молодой;—начинается торгъ и родители мало-помалу сдаются, говоря: „пойдите, люди добрые, домой, а мы тутъ посовѣтуемся". Старосты уходятъ и, спустя часъ, приходятъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Воротившись, старосты узнаютъ, что „купецъ" понравился родителямъ, и что они свободно могутъ ему продать свой товаръ; старосты довольны, и сейчасъ же одинъ изъ нихъ выходитъ во дворъ, гдѣ его ожидаютъ женихъ и невѣста, и зоветъ ихъ; женихъ и невѣста входятъ въ хату, и тутъ отецъ невѣсты спрашиваетъ жениха,—желаетъ ли онъ брать его дочь себѣ въ жены; тотъ отвѣчаетъ, что, если бы

онъ не желалъ имѣть ее своею женою, не послалъ бы къ нимъ старостъ; тогда отецъ спрашиваетъ дочь, согласна ли она идти замужъ за предстоящаго парня. Въ отвѣтъ дочь кланяется отцу въ поясъ,—это означаетъ, что она согласна; тутъ сейчасъ же соединяютъ руки жениха и невѣсты и говорятъ, что отнынѣ они должны любить другъ друга, а мать въ это время подаетъ дочери тарелку съ двумя рушниками „хустками"; послѣдняя подноситъ это съ поклономъ сначала одному, затѣмъ другому старостѣ; они благодарятъ ее водкою за рушники, и тутъ же родители невѣсты благословляютъ молодыхъ образомъ. Сватовство заканчивается, молодые уходятъ на улицу, а старики уславливаются, когда будутъ играть сватанье, и съ тѣмъ расходятся. Въ назначенный для сватанья день женихъ со всѣми своими родственниками приходитъ во дворъ невѣсты и остается ожидать въ сѣняхъ; старосты смѣло входятъ въ хату и садятся на лавкахъ, одинъ изъ бояръ (бояре товарищи жениха) „дружко" становится на порогъ и громко говоритъ: „Го́споди Іису́се Христѐ, сы́не Бо́жий", ему изъ хаты отвѣчаютъ „Амѝнь".—„Спасѐтъ Богъ за амѝнь", говоритъ дружко. „Ста́роста, паны́ пидста́росты, благословы́ть въ че́стный домъ войтты́ь, усѐ до́бре говоры́ть". Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы́ть, усѐ тры́чи ра́зомъ". Тогда дружко входитъ въ хату съ женихомъ и невѣстою, которая съ дру́жками—подругами стояла тамъ же въ сѣняхъ, и говоритъ: „ста́роста, паны́ пидста́росты, благослови́ть ди́тямъ Бо́гу помолы́цьця, отцу́, ма́тери въ но́ги поклоны́цьця".—„Богъ благословы́ть", отвѣчаютъ ему. Тутъ молодыхъ заставляютъ кланяться отцу и матери, которые держатъ одинъ образъ, а другая хлѣбъ затѣмъ ихъ заводятъ за столъ, и дружки начинаютъ пѣть:

Ой у саду̀ солове́йко ще не щебета̀въ,
А Хве́дечка та Ма́рьечку ще не цилува̀въ.

Женихъ долженъ поцѣловать невѣсту, и послѣ долгихъ сопротивленій со стороны невѣсты, онъ цѣлуетъ ее, и дружки опять поютъ:

„Ой, у саду̀ солове́йко вже защебета̀въ,
А Хве́дечко та Ма́рьечку вже поцилува̀въ.

Затѣмъ родители невѣсты начинаютъ угощать сначала молодыхъ, потомъ дружекъ и бояръ, и молодые уходятъ изъ хаты погулять во дворъ, а ихъ мѣсто занимаютъ старики,— угощаются они до поздняго вечера, затѣмъ всѣ уходятъ къ родителямъ жениха, а молодые опять входятъ въ избу и начинаютъ гулять, поютъ пѣсни, танцуютъ и, если свадьба людей зажиточныхъ, то пьютъ медъ и варятъ вареники. Въ домѣ жениха старики уславливаются о днѣ свадьбы.

Слѣдующія пѣсни поютъ на сватаніи:

„Заручéна дивка Мáрьечка, заручéная
Положила свою рýку на зарýку.
Била-жъ моя тай рýченька у бáтька могò,
Та чи бýдешъ такà била у свéкорка?
Та якъ бýдешъ, Мáрьечко, покирнéнька,
Бýде твоя рýченька, тай билéнька,
А якъ бýдешъ ты, Мáрьечко, покирнишà всихъ,
Бýде твоя тай рýченька билише усихъ,
А якъ бýдешъ ты, Мáрьечко, упрямая,—
Бýде твоя голóвонька що дня пьяная“.

* * *

„Отдаèшь менè, мий бáтечко,
И самъ бáчишъ—
Шо не разъ, не два, та й за мнóю,
Та й заплáчешъ,
Якъ по висни та садóчки та й цвистымуть,
А дивóчки та винóчки та й плистымуть,
Мымо твоихъ воритечокъ та й нестымуть;
Воны жъ бýдуть та й до хаты привитáты.
Воны жъ бýдуть та й Мáрьечку выкликáты“.

* * *

„Отдаéшъ менè, моя нéнько,
Самà отъ сéбе,
Остáнецьця рýта—мьята
Вся у тéбе,
Уставàй же, моя нéнько,
Та й ранéнько,
Полывàй же рýту-мьяту
Тай частéнько,
Утреннымы вечéрнымы зоронькáмы,
Та своимы дрибнéнькимы слизонькáмы“.

* * *

„Росты росты моя мьята,
Не хилыся,
Живы, живы, моя нéнько,
Не журыся!
Ой, рáда бъ я не хилыцьця,—
Та витеръ хилà,
Ой, рáда бъ я не журыцьця,—
Дочкà покидà“.

За три дня до свадьбы начинаютъ печь хлѣбы и лѣпить шишки и лежень (родъ калача); для этого собираются дружки и лѣпятъ шишки, при этомъ поютъ:

„Чо́рный во́ронъ сбудувàвъ го́ру ра́но-ра́но,
Чо́рный во́ронъ сбудувàвъ го́ру та й ране́нько,
У три стины́ ка́мьяныя ра́но-ра́но,
У три стины́ ка́мьяныи та й ране́сенько,
А четве́ртая та й золота́я ра́но-ра́но,
А четве́ртая та й золота́я та й ране́сенько,
А на ти́и стины́ та й ма́кивочки ра́но-ра́но,
А на ти́и стины́ ма́кивочки тай ране́сенько,
А на ма́кивочки та ла́стивочки ра́но-ра́но,
А на ма́кивочки та ла́стивочки тай ране́сенько,
Звылы́ соби́ гниздо́ зъ чо́рного шо́вку ра́но-ра́но,
Зъ чо́рного шо́вку, зъ би́лои бума́ги тай ранесенько;
Тай вы́вела ди́токъ та й одноли́токъ ра́но-ра́но,
Та вы́вела ди́токъ та й одноли́токъ та й ране́сенько.
Та жъ пе́рве дытя́тко молоды́й Хве́дечка ра́но-ра́но,
А дру́ге ды́тятко молодà Ма́рьячка тай ранесенько.
Ой, ми́сяцю та перебо́рщику тай ране́сенько
Ой, ми́сяцю та перебо́рщику тай ране́сенько
Та не сходь наперѐдъ ме́не та ра́но-ра́но,
Та не сходь наперѐдъ ме́не тай ране́сенько,
А зи́йдемо обо́и ра́зомъ тай ране́сенько.
Ой, Хве́дечко, та мий другъ ве́рный, ра́но-ра́но,
Не становся наперѐдъ ме́не та ране́сенько,—
Та ста́немо обо́и ра́зомъ ра́но-ра́но,
Та ста́немо обо́и ра́зомъ тай ране́сенько,
Та развесе́лымо отця́, не́ньку ра́но-ра́но,
Отця́, не́ньку и всю роды́ноньку тай ране́сенько“.

Послѣ всего лѣпятъ „коровàй“, лѣпятъ его возлѣ печи, преимущественно замужнія женщины, такимъ образомъ: ставятъ возлѣ печи „дижу́“, зажигаютъ крестообразно четыре восковыя свѣчи и начинаютъ лѣпить, причемъ поютъ пѣсню:

Изъ суботы на неди́ленку годы́на,
Избыра́лася Хве́дечкина роды́на,
Прывезлы́ сы́ра горщокъ й масла,
Та на каравàй.
Хвалыте Бога: сыря́ный и масляный
Буде нашъ коровàй“.

Эту пѣсню поютъ до тѣхъ поръ, пока коровай не будетъ совсѣмъ готовъ, а потомъ берутъ четыре зажженныя свѣчи, соединяютъ ихъ вмѣстѣ и втыкаютъ ихъ въ средину коровая

и такъ сажаютъ его въ печь; существуетъ примѣта, что если эти зажженныя свѣчи не потухнутъ въ печи, то молодые будутъ счастливы; затѣмъ 4 бабы берутъ пустую „дижу", подымаютъ ее вверхъ на рукахъ и поютъ:

„Пичъ хо́де на нога̀хъ,
Дижа̀ хо́де на рука̀хъ,
Печись, печись корова̀й".

Поютъ это три раза и, какъ только окончатъ, то бьютъ „дижою" о потолокъ. Затѣмъ мать невѣсты проситъ всѣхъ сѣсть, даетъ имъ обѣдать, а когда испекутся шишки и лежень, то послѣдній украшаютъ, „уряжаютъ", краснымъ гарусомъ и такими же лентами, потомъ расходятся по домамъ до вечера; вечеромъ опять собираются въ домъ невѣсты, поютъ, играютъ, веселятся. Наканунѣ свадьбы все происходитъ такъ-же, какъ и на сватаньи, только расходятся раньше въ виду того, что на другой день бываетъ свадьба.

Канунъ свадьбы называется „пидвисилкомъ". Въ назначенный для свадьбы день женихъ съ невѣстою, съ старшимъ бояриномъ и старшею дружкою идутъ къ родителямъ невѣсты, а затѣмъ къ родителямъ жениха, тамъ ихъ благословляютъ, и они идутъ въ церковь, гдѣ ихъ вѣнчаютъ; изъ церкви они идутъ къ жениху, гдѣ обѣдаютъ. Пообѣдавши, невѣста уходитъ домой, а женихъ остается въ домѣ своихъ родителей; здѣсь собираются всѣ его товарищи „бояре", всѣ садятся за столъ, и снова подаютъ уже для всѣхъ обѣдъ; если у жениха нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то, когда онъ подноситъ первую ложку ко рту, начинаютъ пѣть:

„Васыле́чку, барвы́ночку зеленéнький,
А Хвéдечка сыроты́нка молоде́нький,
Якъ запла́кавъ та Хвéдечка ра́но на зорѝ,
Та запла́кавъ, сы́дя на конѝ,
Та слеза̀ слезу̀ одна̀ бду побывáе,
Та що ри́дного та й ба́течка, та й немáе,
Велы́кий двиръ та манéнький сбиръ,
Чомъ не вся роды́нонька?
Сбиры́мося, оглядымося,
Кото́рого ро́ду немáе,
Ой, чи блы́зького, чи далéкого,
Чи ба́тенька ридне́нького?
Та не манéнькои перепелычки,
Ни ридне́нькои сестры́чки.
Посыла̀й же, Хвéдечко, соловейка въ садъ
До ба́тенька на пора́ду;—
Ни соловéйки зъ са́ду, ни ба́тенька зъ ра́ю,
Ни роды́ны зъ украйны".

Послѣ обѣда всѣ бояре садятся на коней, и два изъ нихъ подводятъ лошадь жениху; тутъ мать обсыпаетъ его хмѣлемъ, деньгами, орѣхами и проч., чтобы женихъ былъ богатъ, а затѣмъ выѣзжаютъ изъ двора и ѣдутъ кататься, причемъ онъ долженъ три раза объѣхать вокругъ церкви и, когда объѣдетъ въ послѣдній разъ, должны перекреститься три раза и черезъ голову бросить три копѣйки; покатавшись до сумерекъ, всѣ бояре съ женихомъ подъѣзжаютъ ко двору невѣсты, гдѣ уже стоятъ всѣ родичи жениха; но ихъ не пускаютъ, потому что еще имъ не заплатили; когда дружко заплатитъ, ихъ впускаютъ во дворъ, и сваты и всѣ старики входятъ въ хату, а женихъ съ боярами стоитъ возлѣ порога; свашка поетъ:

„Ой, якъ бу́де тебѐ те́щенька привита́ты,
Бу́де тебѐ ме́домъ—винòмъ напува́ты;
Не пый, не пый, молодый Хве́дечка, того̀ вына̀,
Излый его̀ ко́ныку на гры́вку“.

Въ это время теща выходитъ и выноситъ рюмку, налитую водою съ хмѣлемъ, и даетъ ее жениху; женихъ выливаетъ черезъ плечо на лошадь, а рюмку беретъ въ карманъ; тогда теща вынимаетъ другую рюмку и бутылку съ водкою, подчуетъ всѣхъ бояръ и даритъ ихъ лентами—„кисныка́мы“, а затѣмъ зоветъ ихъ въ хату, гдѣ невѣста сидитъ на посадѣ, наклонивъ голову на столъ, и ей накрываютъ голову калачемъ; дружки поютъ:

„Глянь же, Ма́рьячко, пидъ кала̀чъ
Ка́рыма очи́ма тай не плачъ.
Со́печко нызе́нько, серде́нько блызе́нько,
Бу́дете говоры́ты, якъ на сви́ти жи́ты“.

Дружко въ это время торгуется съ дѣтьми, которыя не пускаютъ жениха за столъ; наконецъ имъ даютъ по грошу и по рюмкѣ водки, и они пускаютъ его; онъ снимаетъ у невѣсты съ головы калачъ, поднимаетъ ее и цѣлуетъ, а дружки поютъ:

„Тата́рынъ, бра́тику, тата́рынъ,
Продàвъ сестрỳ за та́леръ,
Та взявъ за сестрỳ, стрило́чку
За йийи ру́су кисо́чку“.

Послѣ этого свашка со стороны жениха даетъ тещѣ „чо́боты“, а свашка со стороны невѣсты пришиваетъ къ шапкѣ жениха невѣстинъ вѣнокъ и подаетъ жениховой свашкѣ, за что получаетъ шишку, рюмку водки и на „капоръ“; затѣмъ братъ или племянникъ невѣсты расплетаютъ ей косу, тутъ двѣ свашки

становятся возлѣ невѣсты и начинаютъ покрывать ее, т. е. надѣваютъ на нее очипокъ, а затѣмъ машутъ надъ головою серпанкомъ, припѣвая три раза:

„Покры́ванка пла́че, Не такъ покры́вацьця,
Покрыва́цьця хо́че, Якъ поцилува́цьця“.

Пропѣвъ такимъ образомъ три раза, онѣ этимъ самымъ серпанкомъ завязываютъ невѣсту, оставляя одни глаза; затѣмъ отецъ невѣсты даетъ ей бутылку водки, и она выходитъ изъ-за стола, угощаетъ всѣхъ своихъ подругъ, цѣлуется съ ними, т. е. прощается, и здѣсь всѣ дѣвки уходятъ, а ее опять благословляютъ вмѣстѣ съ женихомъ, даютъ въ руки жениху хлѣбъ, а ей—образъ и выводятъ во дворъ, гдѣ возлѣ порога стоитъ „дижа̀“, а на ней лежитъ хлѣбъ; тутъ дружко беретъ за руки молодыхъ и три раза обводитъ ихъ вокругъ „дижѝ“, чтобы они любили другъ друга, причемъ поетъ:

„Стары́й оселе́дько Не вспивъ ожены́цьця,
Не сто́е за ре́дьку, Ставъ зъ жи́нкою бы́цьця“.

Послѣ этого женихъ ведетъ невѣсту къ санямъ, усаживаетъ ее, а самъ садится верхомъ на лошадь, объѣзжаетъ три раза кругомъ невѣсты и бьетъ ее плетью, чтобы она боялась его, и самъ во весь опоръ выѣзжаетъ изъ двора; за нимъ трогается весь поѣздъ, вслѣдъ поѣзду раздаются выстрѣлы; возлѣ двора жениховыхъ родителей женихъ ожидаетъ поѣздъ, и тутъ всѣ переѣзжаютъ черезъ огонь, который лежитъ въ воротахъ; потомъ опять женихъ подходитъ къ санямъ, беретъ невѣсту за „за́ру“ и вводитъ въ хату своихъ родителей; тутъ ихъ встрѣчаютъ съ образомъ, они кланяются въ ноги роднымъ и заходятъ за столъ; подаютъ ужинъ, но молодые не ѣдятъ, а только пьютъ по рюмкѣ водки; посидѣвъ съ 1/4 ч., дружко говоритъ: „ста́росты, паны̀ пидста́росты, благословы̀ть дитѐй на покой иты̀“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы̀ть уси́ тры́чи ра́зомъ“. Молодые выходятъ въ приготовленную для нихъ комнату, а старики гуляютъ до поздней ночи,—и затѣмъ веселятся цѣлую недѣлю.

Трепольцева.

26. Сл. Бѣло-Куракино.

Пѣсни.

Въ дополненіе къ статьѣ, помѣщенной раньше, приводимъ народныя пѣсни нашей мѣстности. Кромѣ неизвѣстныхъ въ литературѣ пѣсенъ, сообщаемъ и общеизвѣстныя, въ доказательство того, что онѣ не вымираютъ еще въ народѣ.

1.

Ой, я́ромъ доро́га,
Зоставайсь, мы́ла-здоро́ва,
А я пиду́, сэ̀рдэнько,
На вкрайи́ну жи́ты.
—„А яжъ пиду́, сэ̀рдэнько,
Уми́сьти зъ тобо́ю.
А яжъ пиду́, сэ̀рдэнько,
Уми́сьти зъ тобо́ю.
Ой, тамъ на Вкрайи́ни
До́бре, ви́льно бу́дэ жи́ты:
Мэдъ та щэ й гори́лочку
Бу́дэмо мы пы́ты“.
—А що жъ бу́дэмъ, сэ̀рденько,
Мы зъ тобо́ю йи́сты?
А що жъ бу́дэмъ, сэ̀рденько,
Мы зъ тобо́ю йи́сты?
—„Хочъ хлибъ зъ лободо́ю,
Хочъ суха́рыкъ изъ водо́ю,
Абы жъ такѝ, сэ̀рдэнько,
Уми́сьти зъ тобою“.

2.

Ой, зачу́ла жъ моя̀ до́ля,
Що нэ бу́ты па́рню (минѝ) до́ма;
Бу́ты жъ ёму̀ (минѝ) у нэво́ли,
У нэкру́цькому набо́ри.
У зали́захъ, у зако́ви.
До́брый па́рень догада́вся:
По ю́лычкамъ нэ̀ ша́тався,
До дивчи́ны поспиша́вся,
У дивчи́ны й захова́вся...
—Ты, дивчи́но, моѐ сэ̀рцэ,
Сховà́й мэнэ̀ пидъ рядэ̀нцэ!
Ты, дивчи́но, моя̀ ду́шко,
Сховà́й мэнэ̀ пидъ поду́шку!
Проявы́ла ди́вка ла́ску—
Та й схова́ла пидъ запа́ску...
Лыхѝ лю́ды пидоздри́лы, (пидгля́дилы).
Й атама́нови явы́лы;
Атама́на объявы́лы,
Й кругòмъ ха́ту обступы́лы,

Засту́калы, й зрыштува́лы,
Ди́вци двэ̀ри проломáлы.
Кругòмъ хáты всэ̀ салдáты,
А на двэ̀ряхъ ёхвыцэ̀ры,
По бля ви́конъ часовй.
Тогò пáрня йзловы́лы,
Й въ тэ̀мну бу́дку (хáту) посады́лы.
Охвыцэ̀ры збóку си́лы
Й сáбли вгòру пиднялы̀.
Два зъ рушны́цямы салдáты
Й учэпы́лысь (посидáлы) въ пэрэдóчокъ,
Й прыйи́халы въ городòчокъ,
Постáвылы у станóчокъ,
Покруты́ли, поми́рялы,
Тай забры́лы тогò пáрня,
Щэ й забры́лы голóвоньку,
Йзвэзлы́ въ чужу̀ сторóноньку.

(Оконч. по другому варіанту)

Тогò пáрня й уловы́лы,
Посады́лы въ пэрэдóчокъ,
Самы́ си́лы у задóчокъ,
Та й повэзлы̀ въ городóчокъ,
Постáвылы у станочòкъ,
Кругòмъ пáрня огляди́лы,
Й чóрни ку́чэри забры́лы,
До кóныка прэдилы́лы
Вороного
Нэкру́тыка-боркýтыка
Молодóго."

3.

Ой вы́пьемо, роды́но,
Щобъ намъ жи́то роды́ло,
И жи́точко, и овэ̀съ,
Щобъ ззийшóвся ридъ увэ̀сь.
Якъ-бэ̀ нэ вы, та нэ мы,
То бъ мы ту́та й нэ булы̀,
То бъ мы ту́та й нэ булы̀ бъ,
И гори́лки бъ нэ пэлы̀ бъ.
Ой, вы́пыла, похэлы́ла,
Самá сэбэ̀ похвалы́ла,—
Шо я пáньського рóду,
Пью гори́лочку, якъ вóду.
Ой вы́пыла, рубну́ла,
Й усэ̀ гóрэ забу́ла,
Та й щэ жъ буду рубáты,
Щобъ бильшъ ёгò нэ знáты.

4.

Ой, ку́мко, ку́мко, дóбра гори́лка,
Попьéмся, ма буть, до понэди́лка. (Повтор. 2 раза.)
Остáлось (зостáлось), ку́мко, копи́ёкъ сóрокъ,
Попьéмся, ма буть, щей й у вихтóрокъ. (2 раз.)
Дóбра горѝлка, добри́ша мэ̀ду,
Попьéмся, ку̀мко, щэ й у сэрэ̀ду. (2 раз.)
Дóбра гори́лка учóра й тэпэ̀ръ,
Попьéмся, ку́мко, щэ й у чэтвэ̀ръ. (2 раз.)
Продáймо, ку́мко, рябу̀ ягны́цю,
И попьéмось, ма буть, щэ̀, й у пьятны́цю. (2 раз.)
Кончàймо, кумко, цюю рабóту,
Попьéмся, ма буть, ще й у субóту. (2 раз.)
Я въ цёму̀ ди́ли нищó нэ вди́ю,
Попьéмось, ма буть, ще й у нэди́льлю (2 раз.)
Ой, пы́ла, цы́ла, чипэ̀ць згубы́ла,
Прыйшлà до дóму, щэ й му́жа бы́ла. (2 раз.)

Ой, бы́ла, бы́ла, й вы́гнала зъ ха́ты:
Иды́, дура́че, чипця́ шукаты. (2 раз.)
Мойи́ суси́ды, до́брыйи лю́ды!
Хто чипэ̀ць зна̀йдэ, могоры́чъ бу́дэ. (2 раз.)
Могоры̀чъ бу́дэ—видро̀ гори́лки,
Хто чипэ̀ць зна́йдэ моéйи жи́нки. (2 раз).
Видро̀ гори́лкы, щэ й мишо̀къ про́са,
Сыды̀ть бо пья́на й простоволо́са. (2 раз.)

5.

Пы́йтэ, лю́дэ, гори́лочку,
А вы, гу́сы, во́ду.
Ги́рко жи́ты сыроты́ни
Бизъ ри́дного ро́ду.
Въ ко́го ба́тько, въ ко́го ма́ты,
Е зъ кимъ розмовля́ты;
Въ ко́го бра́тьтя, въ ко́го сэ-
стры,
Е зъ кимъ погуля́ты.
Браты́ мойи́, браты́ мойи́,
Браты́ соловэ̀йки!
Прыбува́йтэ вы до мэ̀нэ,
Бра́тики риднэ̀ньки.
—„И ра́ди мы прыбува́ты,
„Та ты не бога́та“.
—А хочъ я́ й нэ бога́та,
За то й нэ списы́ва:
Хли́ба, со́лы загорю́ю
Та й васъ нагоду́ю.
Гори́лочки разгода́ю
Й зъ ва́мы погуля́ю.

6.

Ой, та̀ту, нашъ та́ту,
Протопы̀ намъ ха́ту.
—„Нэ бу́ду топы́ты,
Й нэ бу́ду вары́ты.
Возьму́ ципъ, та на тикъ
Жи́то молоты́ты.
Уда́рю й нэ вдарю,
На шляхъ погляда́ю.
Чужи́ жинки́ йдутъ зъ база́рю,
Моéйи жъ нэмаѐ (катьма́е)
Каты жъ йийи́ ба́тька зна́ютъ,
Де вона́ блука́е.
А щэ три́шки зго́домъ
Идэ жинка зъ ро́домъ;
Чужи жъ жинки́ ву́лыцею,
Моя́ огоро́домъ:
Ты ду́майишъ, чолови́чэ,
Що я й напыла́ся,
А я жъ ра́да радэ̀сэнька,
Що зъ ро́домъ зийшла́ся.

7.

Пря́ла бы я кудэ̀лыцю,
Голо́вка болыть,
Пыла̀ бъ я гори́лочку,
Мылый нэ вэлы̀ть,
Якъ пойи́хавъ мий мылэ̀нький
Далэ̀ко у стэпъ,
А я ту́ю кудэ̀лыцю
Та объ зе́млю гэпъ.
Лэжы̀ть моя́ кудэ̀лыця,
Обдула́ся.
А я пишла́, гори́лочки
Напыла́ся.
Якъ прыйихавъ мий мылэ̀нький
Изъ по́ля до до́му,
Й пыта́йицьця малы̀хъ ди́токъ:
„А де ва́ша ма̀ты?“
—Наша ма́ты напыла̀сь,
Лэжѝть пья́на, спыть...
—„Уста́нь, моя́ мы́ла,
„Уста́нь, пробуды́ся!
„Возьмы̀ цёго рублёвыка
„Пиды̀ нохмэлы́ся,

„Якъ що ма́ло, бэры́ два,
„Вста́нь та й бу́дэшъ здоро́ва!
— „Нэ помо́жэ карбо́ванэць,
Нэ помо́жэ й два:
Вчо́ра пыла́ на коро́ву,
Тэпэ̀рь на вола̀“.
— „Бода̀й жэ ты, моя́ мы́ла,
„Здоро́ва була̀,
„Що ты мойи́ щэ во́лыки
„Нэ вси пропыла̀!...

8.

Якъ пойихавъ мий мылэ́нький
У по́ле ора́ты,
А я за нымъ, тымъ слидо́чкомъ,
Квасу́лю сажа́ты.
Й посады́ла квасулы́ну
На всю дэсяты́ну.
Сама жъ пишла̀ до до́моньку,
Та й зайшла до ши́нку.
Ажъ мий мы́лый у шино́чку.
Сыдыть изъ кумо́ю...
— „Хиба тоби, кума̀ моя̀.
„До́ма нэма̀ ди́ла,
„Що ты зъ мойимъ чолови́комъ
„Въ ши́ньци просыди́ла,
„Вэздэны́чки утиша́лась,
„Жартува́ла-гра́лась?“
— „Го́ди тоби, кума̀ моя̀.
Сёго говоры́ты:
Хиба таки́ душа̀ моя̀
Схо́чэ цэ робы́ты?
Иды́, вары́ вэчэ̀ряты,
Та пробыра̀й ми́сто,
Щобъ було̀ дэ мини́ зъ ку̀момъ.
Вэчэ̀ряты си́сты!“...
Пишла̀ зъ плачѐмъ до домоньку,
Й зайшла у роспра̀ву (правлэ́ньне):
— „Пани́ жъ мойи́, сэклэтари́,
Вволынить мою во́лю!
Возьми́ть мого̀ чолови́ка
Зъ ви́рною кумо́ю,
Бо винъ зъ нэ̀ю потыхэ̀ньку (нэчы́стою)
Зогришивъ душою“...
Тай пишла̀ я зъ тымъ до до̀му.
Й пидпалы́ла дро́ва.
Сюды́-туды́ повэрну́лась,—
Вэчэ̀ря гото́ва.
Навары́ла борщу̀, ка́ши
Та й всы́пала ди́тямъ:
— „Вэчэ̀ряйтэ, мойи́ ди́ты,
Та ляга́йтэ спа́ты,
Бо зъ кумо́ю пры́йде батько,
Бу́детэ миша́ты.
Будэ й лы́хо ва́ший ма́мци
Зъ вэчера и въ ра́ньци“.
Поляга́лы ди́тки ны́шкомъ
Зъ ду́мкою бизъ рады.
Шлёпа зъ ку́момъ кума́сэнька,
Нэма̀ йийи́ й ва́ды.
Иду́ть пьяни, хита́юцьця,
На суси́дывъ спыньча́ю цьця.
До́брэ бу́дэ, та нэ всимъ:
Тря̀сьця йимъ, тря̀сьця йимъ!..
Одвэрну́лась я до до́шки,
Запла́кала тро́шки.
Одвэрну́лась до поро́га,
Ото́ й вся доро́га.
Я поригъ пэрэступы́ла,
Утэ̀рлась поло́ю.
Й якъ зду́маю жъ свою до́лю,
Й залыюся слёзо́ю...

9.

Спасы́би Бо́гу, що въ мэ̀нэ чолови́къ до́бры́й!
Пошлы́ ёму̀, Бо́жэ, ща̀сьтя та викъ до́вгий,
Шо винъ мэнэ нэ бье й нэ ла́е,
Якъ молоду̀ дэты́ну,—такъ мэнэ коха́е.

Винъ самъ йидэ у полэ орáты,
Мэнэ жъ посылáе до рóду гуля̀ты.
Та й давъ мини, мий мылэнький,
Тай давъ копу грóшей.
Гуля̀й, мы́ла, зъ свойймъ рóдомъ,
Въ тэ̀бэ ридъ хорóший.
Гуля̀й, гуля̀й, гуля̀й, моя̀ мы́ла,
Пóкы моя̀ голóвонька жи́ва!
Якъ жэ-жъ моя̀ голóвка поля̀жэ,
Тодѝ тобѝ всякъ лэдáщий вкажэ,
А якъ моя̀ голóвка завьéцьця (динэ̀цьця).
Тодѝ й тобѝ гуля̀ньня мынэцьця.

10.

Я до тэ̀бэ, кумà моя̀,
Нэ гуля̀ть прыйшлà,
Я до тэ̀бэ, кумà моя,
Роботà̀ть прыйшлà.
Изъ дны́щичкомъ,
Зъ грэбэны́щичкомъ,
Напы́ймося горилочки
Соби ны́щэчкомъ.
Напы́ймося у ночѝ,
Хочъ въ кутóчку на пичѝ,
Щобъ насъ лю́ды нэ знáлы
Й пьяны́цямы нэ звáлы.
Якá уроды́лась,
Такá й удалáся:
Якъ схотила гори́лочки,
Взялà й напылáся.
Хотѝвъ свэкоръ, щобъ я пря̀ла,
А я й нэ взялáся.
Хотѝвъ мэнэ мы́лый бы́ты,
А я й нэ далáся...

11.

Хиба жъ въ мýжа й нэ жонà,
Та й нэ господы́ня:
Симъ дэнь хáты нэ мэлà,
Й смитьтя̀ нэ носы́ла.
А якъ вы́мэла разкòмъ,
Та й вы́вэзла возкòмъ.
Сюды̀ хипъ, туды̀-хипъ,
За сми́тьтячко сорокъ кипъ.
Ты всэ пьешъ, мэнэ бьешъ,
Мóже бъ я й робы́ла!..
Накупы̀въ вэрэтѝнъ
Нэмà мотовы́ла.
Въ пичѝ дрóва нэ горя̀ть,
А я пидпалы́ла,
И такѝ жъ тоби, мий мылэнький,
Борщý навары̀ла.
Ты жъ всэ пьешъ, мэнэ̀ бьешъ,
За якийи вчи́нки?
Хиба жъ тобѝ нэ напря̀ла
За годъ тры почи́нки? *)
Одынъ пря̀ла до Риздвà,
Другий до Мыкóлы,
А якъ трэ̀тий началà,
Стáло до Покрóвы.
Нэ самà я пря̀ла,
Кумà помогáла;
Далá кумѝ мы́ску пшóна,
Щэ й тры кускà сàла.
Нэ самà жъ я пря̀ла,
Булы̀ й помишны́ци:
То за хлибъ, то за силь,
То за паляны́ци,

*) Починокъ—нитки на веретенѣ или на скалкѣ.

А ско́рая помишны́ця,
Пшэны́шна муки́ця;
Якъ мишэ̀чокъ набэрэшъ
Й осни́вочку напрядэ̀шъ.
Ты жъ всэ̀ пьешъ, мэнэ бьешъ,
Роспыта́ймось,—за що?
Ой, що ты, ой, що я,—
Обо́е лэда́що!

12.

А до мэ̀нэ Якивъ прыхо́дивъ,
Й коро́бочку ра́кивъ прино́сывъ.
А я ти́йи ра́ки забра́ла,
А Яку́шу зъ хаты прогна́ла:
Иды́, иды́, Яковэ, зъ ха́ты,
Бо на̀ пичи́ ба́тько та ма́ты,
А на полу̀ братъ та нэви́стка,
На доли́вци бра́товы ди́ты.
А на ла́вци ву̀сько,
Пидъ ла́вою гру́зько,
На пры́пичку горячэ̀,
Пидъ пры́пичкомъ болячэ̀...

13.

Дэ̀ ты зросла̀, та́мъ й я зрисъ,
До ку́пы насъ Богъ изни́съ.
И нэ бы́ймося и нэ лаймося,
Давай, мое сэрдэня́тко, та пора́дьмося.
Що зъ тобо́ю за́втра и ца́ли уми́сьти пропьемъ.
Чолови́къ пропы́въ бугая̀,
А жи́нка коро́ву й тэля̀.
Чолови́къ пропывъ ынды́ка,
За нымъ жи́нка̀ въ слидъ трынды́ка.
Чоловикъ пропывъ гусака̀,
А за нымъ жи́нка гоцака̀.
Пропывъ чоловикъ са́ло,
А жи́ньци нэ ста́ло.
Жи́нка ны́шкомъ одвыхнулась
Й осни́вочку продала̀,
Осни́вочку продала̀
Й до гро́шика пропыла.

А клубочки на похми́льля:
Нэха̀й тэе нэлэжи́ть
У скры́ни бэзди́льля.
А за нэю ди́тыня̀та
Й соби́ ты́рято клубеня̀та...
Ой, нэ бы́ймося и нэ ла́ймося,
Всэ до ди́ла довэлы̀:
Що батьки намъ нажива́лы,
Тэ у двохъ пэрэвэлы́.

14.

Чомъ минѝ нэ пыть,
(Чого жъ минѝ та й нэ пы́ты)
Мэнэ клы́чуть?
Чомъ мини нэ гуля̀ть,
(Чого жъ мини нэ гуля́ты)
Минѝ е въ чимъ?
Въ мэнэ соро́чка нова̀,
Ти́ки пи́дтычка сама̀.
Чомъ минѝ нэ пыть, мэнѐ клы́чуть? и т. д.
Въ мэнэ й ю́почка нова̀,
Ти́ки пи́дбийка сама̀.
(Приспива).
Въ мэнэ очи́покъ новы́й,
Ти́ко очкурэць самы́й.
(Прыспива).
Въ мэнэ ху́сточка нова̀,
Ла́та на́ лати сама̀.
(Приспива).
Въ мэнэ й чобиткѝ новѝ
Тико халявкѝ самѝ.
(Прыспива).
Въ мэнэ й кожу́шокъ новы́й?
Тильки комирэць самы́й.
(Приспива).
А у ты́хъ то богачо̀къ
По симдыся̀ть сорочо̀къ.
(Приспива).
А у мэнэ хочь и одна̀
Такъ за то й би́ла що дня̀.
(Та́ й та би́ла що дня).
(Прыспива).

Изъ вэчэра намочу̀
А зъ пи́вночи потовчу̀.
(Приспи́ва).
По́ки со́ньцэ въ ра́ньци блы́снэ,
Й соро́чэчка озьдэ вы́сэ.
(Приспива).
Якъ со́нэчко о пивъ-дни̇̀,
Соро́чэчка на мини̇̀.
Чомъ мини̇̀ та й нэ пы́ты,
Мэнэ клы́чуть?
Чомъ мини нэ гуля́ты,
Мини̇̀ йе въ чимъ...

15.

Ой, пью жъ я, всэ пью,
И до до́му нэ йду.
Якъ прыйду̀ я до до́моньку,
Схилю свою голо́воньку
На свэкрову пости́лэньку,
Та́ й ля́жу, засну̀.
А свэкорко йдэ,
Якъ бу́ря, гудэ:
„Устань, устань, нэга́рная,
До ди̇̀ла ты нэвда́нная,
Воды́ принэсы!“
А я вста́ла й одгада́ла:
— Нэга́рною называйешъ.
Щэй по воду посылаешъ,
То я й нэ пийду!“...
Ой, пью жъ я й не пью,
Й до до́му нэ йду.
Якъ прыйду жъ я до до́моньку,
Схилю свою голо́воньку
На свэкру́шэну пости́льку,
Нэхай я засну̀.
А свэкру́ха йдэ,
Якъ буря, гудэ:
—„Вставай, встава́й, нэгарная,
Й до ди́ла ты нэвда́нная,
Воды̀ прынэсы̀!“
А я встала й одгада̀ла:
—„Нэга́рною называ́йешъ,
Щэ й по̀ воду посыла̀йешъ,
Возьму й нэ пийду!“

Ой, пью жъ я, нэ пью,
Й до до́му нэ йду.
Якъ прыйду жъ я до до́моньку,
Й схилю свою голо́воньку
На мы́лого пости́лэньку,
Та й ля́жу, засну.
А ми́й мы́лый йдэ,
Якъ го́лубъ, гудэ:
—„Устань, устань, мылэсэнька,
Щэ й до ди́ла́ славнэсэнька.
Та до гостэй привитлыва,
Й зъ усы̀мъ мы́ромъ сови́тлыва!
Устань лы́шынь, воды прынэсы̀“.
А я встала й одгада́ла:
—Мылэнькою называ́йешъ,
Ще й по̀ воду посыла́йешъ,
Пийду й прынэсу!...

16.

Ой, оддала́ жъ мэнэ ма́ты
За ги́рку пьяны́цю.
Пропывъ мою всю худо́бу,
Щэй ры́жу тэлы́цю.
Та пье пьяны́ця нэди́льлю,
Вжэ тому̀ й нищо̀ нэ вди́ю.
Пье мий пьяныця другу́ю,
Я объ тимъ вжэ й нэ горю̀ю.
Пропывъ штаны и соро́чку,
Й сыдыть голый у шино́чку
Бля поро́га у куто̀чку,
На жовтэнькому писо́чку.
Й байдужэ нэньку̀ спыта́ты:
Дэ пьяны́чэньку шука́ты,—
Ой чи въ по́ли, чи въ доро́зи,
Чи въ шинка́рьки на поро́зи?
Якъ бэ зна́ла та ви́дала бъ,
То бизъ хли́ба оби́дала бъ.
Якъ бы знала-бъ, що такъ бу́ды,
Й нэ схоти́ла бъ иты въ люды.
Що дня трэба ублагаты,
Изъ нэво́ли визволя́ты.
Й що дня трэба мидняка̀,
Щобъ вы́зваты зъ кабака̀...

17.

Ой, ча̀рочко, чэпуру́шэчко,
Подно́сь,—вы́пьемъ гори́лочки,
Моя душэчко.
Ой, ча́рочко, чэпурушэчка,
Кума̀ моя, кума̀ моя,
Кума̀ ду́шэчка.
Ой, ча́рочка, чэпуру́шэчко.
Прыйды, прыйды до кума́си,
Моя́ ду́шечко.
Ой, ча́рочка, моя́ ла́стивко,
Поцилуй ба́тька въ гу́бы,
Моя́ ма́кивко.
Ой, жи́ночко, чэпуру́шэчко,
Поцилуй Са́вку въ губы,
Моя́ ду́шэчко.

18.

Наказа́лы вра́жи лю́ды,
Що я за́мижъ нэ пийду.
Посияла васы́лэчки
У зэлэному саду̀.
Ростѝтъ, ростѝтъ
Васы́лэчки,
Та по вы́щэ бурьяну,
Тодѝ я васъ, васы́лэчки,
Тодѝ я васъ пропалю̀.

19.

Ой, Бо́же ми́й, Бо́же,
Що ся любо́въ мо́жэ?
Та прынысы̀, Бо́жэ,
Кого́ я любы́ла.
Ой, хочъ нэ ёго̀ вжэ,
Хоть товары́ща ёго̀
Распыта́ты ёго̀.
Про здоро́вьячко ёго̀.
Ой, чи живъ, чи здоро̀въ,
Чимъ до мэ̀нэ нэ прыйшовъ?..
Чэ̀рэзъ го́ру дымъ-дымъ,
Чэ̀рэзъ го́ру ло́зы.
Та й зачу́лы зво́ны
У святѝй Покровы.
Ой, слу́хай лышъ, ма́мо,—
Нэ по козако́ви?
А вжэ жъ якъ по ёму,
Й нэсѝтъ мэнэ̀ сли́домъ (зъ нымъ),
Якъ бу́дуть хова́ты,
Вы й мэнэ̀ кладѝтэ,
Щобъ ни́жэньки купочка́мы,
Й чо́рни бровы зъ бривочка́мы!..

20.

Захоти́ла вра́жа ба́ба
Молодо́ю буты,
Наты́кала за очи́покъ
Шивли́и та ру́ты.
Ру́та жъ моя́, ру́та жъ моя́,
Ру́та зэлэнэ̀нька!
Я жъ ду́мала, що я стара̀,
А я молодэ̀нька.
Пидсы́пала стара́ ба́ба
На трёхъ я̀йцяхъ гусака.
Сама́ вы́йшла за воро́та,
Та й вда́рыла гоцака̀:
Сыды́, сыды̀, гуса́ченьку,
Та й высы̀жуй гу́сы,
А я жъ пийду̀, та й выгляну
На чо́рныйи ву́сы...

21.

Чого̀, мы́ла, надула̀сь,—
Чо́мъ у кужу́хъ нэ вдягла̀сь?
— „Бода̀й тобѝ такѝй духъ,
Якъ у мэнэ е кужу̀хъ!“
—Чого̀, мы̀ла, гу́бы дмэшъ,—
Чо̀мъ на сва́льбу нэ йдэшъ?
— „А якъ минѝ нэ ду́тыся,
Що й ни ви́що обу́тыся!“
—Ой глянь, мы́ла, ось пидъ стилъ,
Лэжѝтъ ла́поть и постѝлъ.
—Слава Богу, що знайшла,
Ушла́палась та й пишла.

Я по грэ́бли ядỳ,
Якъ голу́бка, гудỳ.
Мно́ю й лю́лы дыву́юцьця,
Що до ди́ла я ходю́.

22.

Ой, ты нэ̀нько моя̀,
Та й старэ̀нька моя̀.
Ой, пора́донька
Ты жъ вирнэ̀нькая.
Та забыра́й жэ мэнэ̀,
Выряжай жэ мэнэ̀:
Тэпэръ ни́чэнька,
Та тэмнэнькая,
Шляхъ—дори́жэнька
Та й далэкая...
Ой довыло̀сь, ма́ты,
Въ стэпѝ ночува́ты.
Въ стэпѝ при доро́зи,
На лю́тимъ моро́зи.
Въ стэпѝ при долы́ни,
По лыхѝй годы́ни.
А сидэлычко
У голо́вочки,
Стрэмэно́чэчки
Та й пидъ бо́чэчки,
А нага́ёчку
Въ пра́ву ру́чэчку.
Та дэ нэ взяла́ся
Молода̀ дивчи́на:
—„Устава̀й, каза́чэ,
Го́ди тобѝ спа́ты:
Орда̀ наступа́е.
Хочэ коня́ взя́ты“...
Хо̀чъ коны́ка й во́зьмэ,
Ко́ныкъ другѝй бу́дэ.
Тэбэ жъ, молодо́йи,
На свѝти нэ бу́дэ.

23.

Ви́е ви́тэръ на калы́ну,
Калы́на нэ спи́е;
Влюбы́всь па́рэнь у дивчи́ну,—
Заня́ты нэ сми́е...
До зэмлѝ ляга̀ калы́на
Й ви́токъ нэ жали́е.
Ста́ла ма́ты пыта̀ть сы́на,
О чѝмъ такъ марни́е?
Чомъ таки́мъ журны́мъ ты хо́-
дэшъ
Й Ка́три нэ займа́йешъ?
По-за ли́сомъ, мовъ вовкъ, бро́-
дэшъ
Й сло́ва нэ прока́жэшъ?
— „Тымъ я йийѝ нэ зай-
ма́ю,
Що сва́таты ма́ю.
Тымъ до нэйи нэ горну́ся,
Що сла́вы бо́юся“.
Идэ па́рэнь ву́лыцэю,
Та й стэлэцьця лы̀стомъ,—
Вы́клыка̀ собѝ дивчи́ну
Нэ голо̀сомъ,—свы̀стомъ:
—Выйды, моѐ сэрдэня́тко,
Изъ ново́йи ха́ты,
Пора̀й мэнэ, зозуля̀тко,
Якъ ри́дная ма́ты!
„А яжъ тэбэ, до́брый па́рэнь,
И ра́жу й нэ ра́жу;
Я зъ тобо́ю ничъ прово́дю,
Зъ ы̀ньшимъ спа́ты ля́жу“...
—Бода́й тобѝ цуръ, дивчи́на,
Зъ твое́ю радо́ю:
Я до тэбэ зъ щи́рымъ сэр-
цэмъ,
А ты зъ нэправдо́ю
Бода̀й жэ ты, дивчи́нноько,
Тодѝ за́мижъ вы́йшла!
Якъ у по́ли пры доро́зи
Ру́та—мья́та зи́йшла,!
„Бода̀й жэ ты, коза́чэньку,
Тодѝ ожэны́вся,
Якъ у млынѝ на ка́мэни
Кукѝль уроды́вся!“
А дивчи́на нэлины́ва:
Мья́тки насады́ла.

Дóщикъ пишòвъ, мьàтка ззий-
шлà,
Дúвка зáмижъ пишлà.
А у млынѝ на кáмэни
Кукѝль нэ вроды́вся,
Й ищэ жъ винъ, той козá-
чэнько,
Й дóсы нэ жэны́вся.
Бáтько старый, бáтько старый,
Бáтько бородáтый,
А ты жъ, моѐ сэрдэня́тко,
Й дòсы нэ жэнáтый!..

24.

Ты дýмайешъ, дýрню,
Що я тэбэ лю́блю,
А я тэбэ, дýрню,
Словáмы голýблю.
Ты дýмайешъ, дýрню,
Що я тэбэ клы́чу,
А я жъ тобѝ, дýрню,
Скризь тынъ дýли ты́чу.
Ты дýмайешъ, дýрню,
Що я вговаря́ю,
Я жъ такúмы дуракáмы
Тыны́ пидпырáю.
Ты дýмайешъ, дýрню,
Що я пиддаю́ся,
А я жъ зъ тэбэ, дýрню,
Вже давнò смию́ся.

25.

Ой, якъ бэ я знáла,
Та що минѝ бýдэ,
Не пылà бъ горúлки
Изъ-рòду бъ никóлы.
Та сидúла бъ дóма,
Домá бъ домувáла,
Плóтнычкивъ наймáла
Та й зробы́ла бъ трунý.
Та й нэ знáю,—комý,
Когò бъ положúты,
Щобъ й нэ затужúты,
Й жалю́-бъ нэ зробы́ты.
Положúла бъ оцьця̀,
Трунá нэ прыйдэцьця;
Положúла бъ нэньку,
Дýжэ жалибнэнько;
Положúла бъ брáта,
Нэ по брáту хáта;
Положúла бъ сэстрý,
Въ сэстры́ малѝ дúты.
И въ дрýгойи дúты,
Нúкому глядúты.
Положúла бъ дóчку,
Болы́ть въ животóчку;
Положила бъ сы́на,
Нэ бýду я жúва.
Положúла бъ мýжа,
Такъ нэ буду дýжа (дю́жа).
Ой, лягла̀ бъ сама̀ я,
Такъ трýнка малáя.
Положý мылóго,
Вся трунà на ёго.
Собѝ жъ на гуля́нкахъ
Наживý другóго,
Парня молодóго.

26.

Одъ пры́пичка до порóга—
Чэрэвы́чки попорóла.
Одъ пры́пичка до стильця̀—
Понесý йихъ до шевця̀.
Поцилýю шивця̀ въ рýчки.
Щобъ устáвывъ закаблýчки;
Поцилýю шивця̀ въ нисъ,
Щобъ устáвывъ та й прынѝсъ;
Поцилýю шивця̀ въ щóчки,
Щобъ подúлавъ гáрни стрóчки;
Поцилýю й въ чóрни брóвы,
Щобъ пидбы́въ ясни̇ пидкóвы;
Поцилýю шивця̀ въ óчи,
Щобъ прынѝсъ хочъ опив-
ночи;
Поцилýю й шивця въ г . . . о,
Бо такъ зáвтра чобѝтъ нýжно.

27.

Зацвѝвъ са́дыкъ зэлэнэнький,—
Прыйды̀, прыйды̀, мий мылэнь-
кий!
По садо́чку похожа́ю,
Й сама̀ сэбэ разважа́ю:
Нэма̀ того, шо бажа́ю,
Й ни я́къ, й ни дэ нэ спизна́ю.
Нэма̀ ёго, та й нэ бу́дэ,
Розраялы лыхѝ лю́ды,
Розраялы, розлучы́лы,
Щобъ мы въ па́ри нэ ходы́лы,
Щобъ мы въ па́ри нэ ходы́лы
И другъ дру́жки бъ нэ любы́лы.
Щэ мий са́дыкъ зэлэни́е,
Й у мы́лого сэрцэ ни́е:
Тожъ мий мы́лый скризь вико́ньцэ
У садокъ прымча́всь, якъ со́ньцэ.
По́ки въ па́ри ходытымѐмъ,
Та й другъ дру́жку любы́тымемъ.
До́ки со́ньцэ свиты́тымэ,
По́ки й мы́лый любы́тымэ!

28.

На тимъ бо́ци, на толо́ци
Тры ка́мэни мэлэ.
Й пыта́йицьця коза́къ ди́вки:
—„Чи пи́йдешъ за мэнэ?“
—„Ой, нэ пийду я за тэбэ,
Пийду̀ за Йива́ся:
А у Йва́ся гро́шей я́ма,—
Бу́ду що дня пья́на.
Ни, нэ вы́йду за Йива́ся,
А пийду за Ма́рка:
А у Ма́рка стри́бна ча́рка,—
Бу́ду я шинка́рька.
Ой, нэ пийду̀ я й за Марка,
А пийду̀ за Гна́та:
А у Гна́та нова̀ ха́та,—
Бу́ду я бага́та.
Ни, нэ хо́чу я й за Гна́та,
Пийду̀ за Пылы́па:
А въ Пылы́па въ саду лы́па,—
Нэ бу́ду я бы́та.
У Йивана свы́та дра́на,
А въ Дыны́са до́вбня лы́са,
А у Ма́рка нисъ крючко̀мъ,
А въ Пылы́па каблучко̀мъ.

29.

Якъ розси́ю (розси́яла) свое́
го́рэ,
Всэ по чи́стимъ по́лю.
Й уроды́лось мое́ го́рэ,—
Ны хринъ, ны капу́ста.
Скризь трава̀ всэ мурава́я,
Й цвито́чки сынэньки,
Й одынъ всихъ сыни́шэ.
Вси дружкѝ мыли́йи,
Й одынъ всихъ мыли́шэ.
Нэ ходы̀, кобэль кудря́вый,
По-бля мо́го са́ду;
Нэ топчы̀, кобэль, нога́мы
Всю мою̀ роса́ду.
Нэ бля тэбэ я сады́ла,
Й нэ бля тэбэ й полыва́ла.
Молы́лася, труды́лася,
Живи́тъ надрыва́ла.
Я сады́ла й полыва́ла
Бля свого̀ мыло́го.
Одного̀ тико й бажа́ю
Й нэ хо́чу друго́го.

30.

Зэлэ̀ный дубо́чокъ
На яръ похилы́вся.
Молоды́й коза́чэ
Бизъ до́ли вроды́вся.
Нэма мини̇ до́ли,
Козако́ви—во́ли.
Суси́ды блызьки́йи
Во̀рогы тяжки́йи:

Нэ вэлятъ ходыты,
Дивчину любыты;
Хотятъ упийматы
Въ салдати виддаты,
Голову забрыты
И зъ нэю розлучиты.
Нихто нэ розлучэ,
Ни батько, ни маты.
Нэхай ворогъ злыцьця,
Бэрэ у салдаты.
Нэхай мэнэ й мучэ,—
Хочъ то й нэ годыцьця.
А яжъ йийи люблю,
Тай за сэбэ возьму
Якъ буду жэныцьця,
Нэ стану журыцьця;
Буду зъ нэю житы,
До смэрты любыты.
Й ворогивъ до станку
Цимъ буду золыты.

31.

Ой, Васылю, Васылэчку,
Моё сэрдэнятко!
Нэ ходы ты у дорогу,
Нэхай идэ батько:
Батько старэнький,
На сви́ти нажи́вся;
А ты, моё сэрдэнятко,
Нэдавно жэныся.
Ой, Васылю, Васылю,
Сэрдэнятко моё!
Нэ ходы жъ ты у салдаты,
Нэхай батько идэ:
Маты стара, й батько старый
На сви́ти нажи́вся;
А ты жъ, моё сэрдэнятко,
Нэдавно жэныся.

32.

Ой, яблучко, яблучко,
Куды котыцьця?
Оддай мэнэ, батычко,
Куды хочэцьця:
Щобъ й нэ за старого,
Й нэ за молодого,
Ой, за козаченька
Розудалого.
За старымъ житы,
Трэба робыты.
За малымъ житы—
Сухота моя.
За молодчикомъ—
Красота моя.
Ой, пишла жъ та краса
Тай у тэмни лиса.

33.

Закотылось яснэ соньцэ
За зэлэный гай.
Вставай, вставай, нэвдашэчко,
Сонъ цэй отгадай:
—„Нэ вмывалася й нэ втыралася,
Пишла въ полэ жаты.
Жала, жала дочка нэвдашэчка,
Та й похилылася.
Ой за яснымъ, та соколыкомъ
Та й зажурылася.
Поспишала на яроньку ныку,
Та й забарылася.
Ой, тамъ ходывъ раздобрый молодчыкъ
По крутий гори.
Й завывавъ винъ та чорни кудри
На свойий голови;
Ой, вжэ жъ мини надокучило,
Цийи кудри завываючэ,
На чужихъ жинокъ, та на пысанокъ
Крадькома вовкомъ зазыраючэ.
Чужи дивки (жинки) й молодыци,
Якъ на рожи цвитэ цвитъ;
Надъ моёй жъ нэвдашэчки
Гыдчэ въ цилимъ сви́ти нитъ.

Й узя̀въ свою̀ нэвда́шэчку,
Взявъ за пра́ву ру́чку,
Тай пови̇̀въ винъ скризь тума́номъ
У Дуна̀й у ри̇̀чку.
Зоста́вся самъ парэнёчокъ,
Стоючэ на ги̇̀рьци.
Й пусты̀въ свою̀ нэвда́шэчку,
Пусты̀въ вздовшъ по ри̇̀цьци.
Плыви̇̀ жъ, плывы, нэвда́шэчко,
Та вслидъ за водо́ю;
А якъ пры̀йдэ нэди̇̀ллынька,
Бу́ду сыроте́ю.

34.

Тымъ тра́вка зэлэна,
Що блы̀зько вода̀.
Тымъ ди̇̀вка хоро́ша,
Що щэй молода̀.
Ходы̀ла, гуля̀ла,
У зэлэный садъ.
Ирва́ла й лома́ла
Зэлэнъ выногра́дъ.
Ходы̀ла, гуля̀ла
Въ зэлэный садо̀къ
Ирва́ла й нэ рва́ла
Соби̇̀ягидо̀къ.
Кида́ла, броса́ла
Дружку̀ на крова̀ть,
А зъ кровати бра́ла,
Та въ рука̀хъ мья̀ла.
Въ викно̀ выкида́ла,
Щэ й за воро́та.
Нэ суши̇̀, сэрдэнько,
Й мого̀ живо́та.
Нэ ходы̀жъ ты у дэнь;
Нэ смиши̇̀ людэй.
А прыйды̀ у ночи̇̀
Пры я̀сний свичи̇̀;
Щобъ лю̀ды нэ зна́лы
Й нэ осужда́лы,
Щобъ насъ изъ тобо́ю
Нэ розлуча́лы.

—„Нихто́ й нэ розлу́чэ
Ны свитъ, ны зоря̀;
Ти̇̀ко насъ й розлу́чэ
Мать сыра̀ зэмля̀“.

35.

Дурна̀ була̀ дивчи̇̀нонька,
Дурна̀—нэ розу́мна:
Полюбы̀ла коза́чэнька
Старо́го изъ Ду̀бна.
Выйдэ зъ ши̇̀нку за ру́чэньку,
И пья̀нымъ кладэ спа́ты,
Нэ абы̀ якъ,—у поду́шки,
На свойи̇̀й крова́ти.
Сама̀ жъ идэ въ садъ зэлэный
Зъ лю̀бымъ погуля̀ты.
Та й забу́ла соловэйку
Объ цимъ прыказа́ты:
„Нэ щэбэчи̇̀, соловэйко,
Ра́но на калы̀ни.
Нэ збуды, мовъ, старэнького
На мьякии̇̀й (мьнякии̇̀й) пэры̀ни“.
Я жъ ду́мала, що мий стары̀й
Спыть соби̇̀, нэ чу́е,
Ажъ винъ сва́рыцьця на мэнэ
Й нага́йку гарту́е.
Я жъ ду́мала: нага́ёчка
Такъ соби,—шу́точка,
А якъ вда́рывъ, болы̀ть сэрцэ
Та щэй и шку́рочка.
Я жъ думала, нага́ёчка—
Ото жъ—жо́втый цвитъ,
Ажъ якъ прыйшло̀сь зкошту́ваты,
Болы̀ть сэрце й живи̇̀тъ.
Я жъ ду́мала, нага́ёчка—
Изъ того̀ попэра, *)
Ажъ вона вся̀ трэклятая,
Изъ того̀ рэмэня.

36.

Выклыка́лы дивча́точка
Та свою̀ подру́жку,

*) Поперо—бумага.

Молодэньку молодыцю
До сэбэ гуляты:
Вы́йды, Га́лю, на ву́лыцю,
Вы́йды, погуляемъ;
Якъ торикъ колысь гуляли,
Й писэнь поспива́емъ.
—„Ой, ра́да бъ я, подру́жэчки,
Зъ ва́мы погуляты,
Та нэ ви́льно ви́дъ свэкру́хи,
Бо будэ пэняты.
На пичи, мойи подру́жки,
Та воркунъ ворко́чэ,
А въ за́пичку, мойи мы́ли,
Старый свэкиръ квокчэ.
А въ колысьци, дивча́точка,
Пхи́ка моя до́ня.
Бля поро́га, та бля пэчи,
Вся диво́цька во́ля.
На поро́зи, мойи сы́ви,
Та ятро́вка стойить,
А у пичи, на пры́пичку
Скоро ка́ша збижить.
Сэрэдъ двору, мойи кви́ты,
Якъ йе ди́вирь сыдыть,
На воро́тяхъ, мойи кра́сни,
Самъ мий мы́лый стойить.
На полы́ци, мойи стри́бни,
Та й нага́ечка лэжить.
Зоста́ецьця, подру́жэньки,
Нэ попрэжнёму намъ жить.

37.

Зэлэный дубочо́къ
На яръ похилы́вся.
Молодый коза́чэ,
Чого зажуры́вся?
Чи волы прыста́лы,
Чи зъ доро́ги сбы́вся,
Чи самъ, молодэнький,
Бэзъ до́ли вроды́вся?
—Волы нэ прыста́лы,
Й зъ доро́ги нэ збы́вся,
Я самъ, молодэнький,
Бизъ до́ли вроды́вся.
Ой, пиду я въ по́лэ,
Пошука́ю до́ли,—
Нэ знайшовъ я до́ли,
Знайшовъ сы́не мо́рэ,
А въ сы́нёму мо́ри
Знайшовъ рыболо́вивъ.
Ой вы, рыболо́вци,
Раздо́бри моло́дьци!
Вы роскиньтэ то́ны (си́тку)
По сы́нёму мо́рю.
Та й роски́ньтэ си́тку
Чэрэзъ бы́стру ри́чку.
Та влови́ть вы до́лю
Па́рню молодо́му.
Нэ вловы́лы до́лю,
А вловы́лы щу́ку.
Ой, вловы́лы щу́ку.
Па́рню на розлу́ку.
Щука ры́ба гра́е,
На дно порына́е (пирына́е);
На дно порына́е,
Соби па́ру ма́е,
А я жъ всэ гуля́ю,
Й паро́чки нэ ма́ю.
На що мини пары,
Якъ очи́ци ка́ри;
На що полюбо́вы,
Якъ чо́рнийи у́ро́вы?

(Оконч. по другому варіанту).

Ти́ко мини й па́ры,
Що очи́ци ка́ри;
Тико й полюбовы,
Що чо́рнийи бро́вы.

38.

Ой, бля бро́ду, бро́ду,
Брала Ма́ша во́ду.
Й прымича́ла, Ма́ша,
Козака́ на вро́ду.
—„Чу́ешъ ты, коза́чэ,
Чорня́вый собо́ю!
Возьмы мэнэ вми́сьти
На чо́вынъ зъ собою“...

Ой, ти́ко жъ та Маша
На чо́вэнъ ступы́ла,
Мо́рэ сколэхлу́лось,
Хвы́ля покоты́ла...
Вода̀ сэрэдь мо́ря
Чо́вэнъ потопы́ла,
Й трёмъ коза́камъ, Ма́ша,
Жалю̀ наробы́ла...
Оды́нъ коза́къ ка́жэ:
—„Шось по мо́рю гра́е!“
Дру́гий ка́жэ: —„Ма́ша
Въ мо́ри потопа́е!“
А трэтій йимъ и ка̀же:
— „Хочъ коныла збу́ду,
А всэжъ такѝ Ма́шу
Ратува́ты буду!“

39.

Ой, на нэби, нэби,
Хма́рка набига́е,
А зъ пидъ тийеи хма́рки
До́щикъ накрапа́е.
А на сы́нимъ мо́ри
Коза̀къ потопа́е.
На ба̀тька, на нэньку
Свойихъ винъ гука́е:
Отэць й нэнька чу́е,
Чу́е, нэ ратуе́,
Та по бэрэжку хо́дэ,
Й рука̀мы розво́дэ:
„Ой ра́да бъ я й ратува́ты,
Та нэ вми́ю чо́вна гна́ты“.
—„Бэры̀ жъ чо́вэнъ и вэсэльцэ
Й рату̀й мэнэ, моѐ сэрцэ!“

40.

Изъ-за мо́ря хма́ра выступае́,
А зъ-пидъ не́йи до́щикъ накрапа́е,
По долы́ни туманъ пидойма́е,
Въ тимъ тума́ни ко́ныкъ выграва́е.
А той ко́ныкъ сторопы́вся,
На лёды́ни завалы́вся.
Плывы жъ, плывы̀, ты̀, мий ко́ню,
Дэржи́сь бэрэга водо́ю.
Плывы̀, плывы, нэ збыва́йся,
На сухэнькэ выбыра́йся.
Нэ дай мини̇̀ та й изгинуть,
Ны за-ви́що свитъ поки́нуть.
Щобъ мий ба́тько нэ журы́вся,
Й щобъ ты щэ разъ прыгоды́вся.
Докажи̇̀ ка́зацьку сла́ву!
Кинь пырсну̀въ и на заста́ву.
Выво́дылы коня̀ въ ря́ду
Та й далы̀ ёму̀ награ́ду:
Ой, хто жъ ёму ци́ну зло́жэ,
Хто мо́выты сло́во мо́жэ?
Сто чоты́ри рубли̇̀ ци́ну
Тому̀ коню̀ назначилы,
На доба́вокъ щэ й взялы̀
Й въ чи́стэ по́лэ одвэлы,
Взялы ёго́, розряды́лы.
Изъ сидэлычка розди́лы.
Зоста́лося ти́ло го́лэ,
Та й пусты́лы въ чи́стэ по́лэ.

41.

Вылита́ла га́лка
Зъ зэлэного га́ю.
Вылита́ла дру́га
Изъ тэмного лу́га.
Си́ла вона̀ й па́ла
На зэлэний со́сни,
На тонэнький га́льци,
Зъ ги́лки по доли́вци.
Ви́тэръ повива́е,
Со́сэнку хиля́е
Хи́лэ й нахиля́е,
И зъ ги́лкою гра́е.
Нэхэлы́ся ги́лко:
Въ сви́ти житы ги́рко;
Нэ хэлы́ся, со́сно:—
Житы въ сви́ти то́шно.
На чужи̇̀й чужи́ни.
Би́дний сыроты́ни.

Нэма̀ въ мэнэ й ро́ду,
Ни ба́тька, ни нэньки;
Ти́лько въ мэнэ й ро́ду—
Два бра́тики зъ ро́ду,
Два бра́ты риднэньки,
Якъ орлы̀, сывэньки.
Нэ лита́йтэ, брлы,
По крутыхъ гора́хъ,
Нэ ходи̇̀ть вы, бра́тьци,
По чужихъ жинкахъ.
(Въ чужихъ сторонахъ).
А прыйди̇̀ть вы, бра́тьци,
До мэнэ у ра́ньци;
Насто́ю вамъ, бра́тьци,
Гори́лки по ча́рьци.
Изъ пэрцэмъ, вымбэрцэмъ,
Зъ мойи́мъ щи́рымъ сэрцэмъ.
—Чого́сь мини̇̀, бра́тьци,
Гори́лка нэ пье́цья:
Колò могò сэрьця,
Якъ га́дына, вье́цьця.
Нэха́й вона́ вье́цьця,—
Колы̀сь схамынэцьця.
Зхòдьтэся жъ вы, бра́тьци,
До мэнэ у ра́ньци:
Вона̀ й увиймэцьця,—
Гори́лки напье́цьця.

42.

Вы̀копаю чэрёмуху
Й у тэмнимъ лису̀
Та й посадю̀ чэрёмуху
Въ зэлэнимъ саду̀.
Рость, рость, чэрёмушка,
Тонка́ та высо́ка,
Щэ й лы̀стомъ широ́ка.
Нызьзя̀, нызьзя̀ черёмушки
Йийй нызьзя̀ нэспи́лойи,
Нэспи́лойи рва́ть;
Нызьзя̀, нызьзя̀ дивчи́ноньку
Нэсва́тану бра́ть.
Сэрэдь дворьця̀ стоя̀ть кры̀льця
Возру́блэнойи,
А зъ тыхъ крылэць вэду̀ть хло́пця
Изъ ди́вчиною.
Оды̀нъ вэдэ за ру́чэньки,
Дру́гий— за рука̀въ.
Трэтий стойи̇̀ть,—живи̇̀ть болы̀ть...
Любы̀въ та й нэ взявъ.
Нэ доста́лась кра̀сна ди́вка
Ны бра́тьцю, ны мни,
Доста́лася кра́сна ди́вка
Бурлаку́—свиньни̇̀.
Бурлакъ—мужикъ мацапу́ра,
Звыча́ю нэ зна:
Повэрну́въ йийй ни въ ви́що,
Та щэ й ка̀рта̀
Нэ розви́ту, нэ прыви́ту
Нэла́сковыхъ сливъ.
Зъ-пидъ пра́войи зъ-пидъ ру́чэньки
Вылита̀въ соки̇̀лъ.
Зъ-пидъ другойи, зъ-пидъ ли́войи—
Си́ра ву́тыця.
Ой, ты ба́бка, ты отга́дка,
Разгада̀й мини̇̀ мий сонъ.
А то жъ твоя̇̀ ону́чэнька
Спородыла сы́на.
Понайма́ла нянёкъ, мамо́къ,
А сама̀ й изги́ла.

43.

Зъ ты̀ждынь ча́хла Марусы́на,
Що й чэлядъ нэ зна́ла.
Йей зза мо́ря, йей зза мо́ря
Зи́льля забожа́ла.
Ой, хто жъ мини̇̀ изъ-за мо́ря
Зи́льячка здоста́не,
Хто захо́чэ одвала́ты,
Хто въ бэди згада́е?
Любы̀въ па́рэнь, та й поки́нувъ,
Соби̇̀ ы̀ншу ма́е,
Но́чьчу гра́ецьця и жарту́е,
А въ дэнь бье—та ла́е.

Обизва́вся коза́чэнько,
Коза̀къ молодэнький:
Есть у мэнэ тры ко̀нэки,
Та й вси воронэньки.
Я на пэрвого якъ сяду,
Й до мо́ря доста́ну,
А на дру́гимъ до схидъ со́ньця
Мо́рэ пэрэста́влю;
Трэтимъ конэмъ воронэнькимъ
Зи́йду на поля̀ну,
Й зъ-за-бля тэбэ зъ щи́рымъ сэрцэмъ
Зильячка здоста́ну.

Другой варіантъ этой пѣсни.

Захворѝла на́ша Марусы́на,
Изъ-за моря, изъ-за моря
Зильля забажа́ла.
Хто мини̇̀ изъ-за мо́ря
Зи́льлячка доста́нэ?
Обизва́вся коза́къ молодэнький:
Есть у мэнэ тры̀ ко́нэка вороні́:—
Пэрвымъ конэмъ до мо́ря доста́ну,
Дру́гимъ конэмъ мо́рэ пэрэста́влю,
Трэтимъ конэмъ, трэтимъ конэмъ
Зи́льлячка доста̀ну.

44.

Я сёгодня до́ма,
А за́втра пойи́ду.
Бу́дэшъ, мы́ла, прыпада́ты
Та й до мого сли́ду.
— „Я й нэпрыпада́ла
И прыпа́дать нэ буду:
Горюва́ла я зъ тобою
Та й бизъ тэбэ бу́ду“...
Ой, на горѝ ячминь,
Пидъ горо́ю жи́то.
Прыйшлы̀ ви́сьти до мы́лойи,
Що мы́лого вбы́то.
Ой, убы́то, вбы́то,
Й затя́гнуто въ жи́то,
Чэрво́ною кита́йкою
Выдо́чокъ прыкры́то.
Прылэти́ла па́ва
Й на лы́чэнько впа́ла.
Якъ роскры́ла кыта́ёчку
Та й поцилува́ла.
Прылэти́ла мы́ла,
Якъ голу́бка сы́ва,
Та й пидня́ла кыта́ёчку.
Та й заголосы́ла:
— „Чи ты, мы́лый, зпы́вся.
Чи зъ коня̀ звалы́вся,
Чи зъ ы̇̀ньшою ты зазна́вся,
Мэнэ видцура́вся?

45.

Ой, на горѝ жи́то,
Й пидъ горо́ю жи́то.
Пидъ би́лою бэрэзою
Коза̀чэнько вбы́то.
Ой, убы́то, вбы́то,
Затя́гнуто въ жи́то,
Чэрво́ною кита́йкою
Лы́чэнько прыкры́то.
Прилэти́ла па́ва,
На ру́чэньки впа́ла;
Якъ разкры́ла кита́ёчку,
Та й поцилува́ла;
Якъ прийшла̀ друга́я,
Совсимъ нэтака́я;
Якъ розкры́ла кыта́ёчку.
Та й заголосы́ла:
— „Ой, бэда̀, бэда̀,
Дэ мий мы́лый ди́вся,
Ой, чи ёго лыхѝ взялы̀,
Чи ви́нъ утопы́вся?“
Якъ прыйшла̀ щэ й трэтя:—
Изъ ы̇̀ньшойи ха́ты:
— „Було бъ тоби́, розсу̀кинъ сынъ,
Насъ трёхъ нэ коха́ты!“

46.

Ой, ходы́ла Марусы́на
По садо́чку.
Та й сколо́ла ни́жэньку
На дрялю́чку.
Болы̀ть, болы̀ть ни́жэнька
Та й нэ бо́лно (бо́лко),
Ни́кого й пыня́ты:
Ходю́ во́лно (бо́йко, ви́льно).
Ой, любы́ла парня
Два дэнёчки
Й просто́яла зъ мы́лымъ
Тры часо́чки.
Якъ пойи́хавъ мы́лый
Въ городо́чокъ,
А за нымъ Мару́ся
Й у слидо́чокъ.
Би́гла Ма̀ша сли́домъ
Й нэ здогна́ла.
Вы́былась изъ мо́чи,
Та й упа́ла;
Го́лосомъ гука́ла,
То жъ байду́жэ
Ху́сткою маха́ла,
То щэ й ху́жэ:
Ви́тэръ повива́е,
Ху́сту вырыва́е
Й гуку нэдоно́сэ,
Круго́мъ сэбэ но́сэ.
Розийшла́ся дори́жэнька
На два шля́хи,
Сыды̀ть бля йихъ Марусы́на
На два ма́хи.
Въ оды̀нъ кинэць мы́лый йидэ,
Йидэ—погоня́е.
Й витэро́чокъ пыло̀къ сли́домъ,
Сли́домъ порыва́е.
Въ дру́гимъ киньци́ лэжѝть мы́ла,
Мы́ла оддыха́е.
Та й скризь слёзы свою̀ до́лю,
До́лю проклына́е.

Другой варіантъ этой пѣсни:

Ой, ходы́ла Ма́шинька
По садо́чку
Й уколо́ла ни́жэнку
На дрялючку.
Боля̀ть, боля̀ть ни́жэньки,
Та й нэ бо́лко;
Любывъ па́рэнь ди́вчину
Та й нэ во́лно.
Нэ до́вгое врэмячко,—
Тры годо́чки,
Й здало́сь тийи Ма́шэньци
Тры часо́чки.
Якъ пойи́хавъ мы́лый
Въ городо́чокъ,
Й похи́ляла й Машинька
У слидо́чокъ;
Го́лосомъ крычала,—
Не чу́ты,—
Ху́сткою маха́ла,—
Нэ бу́ты.

47.

Ой, учо́ра изъ-вэчера
Прыйшло̀ тры коза́ка,
Та й вхопы́лы видъ ди́вчины
Пэчэного ра́ка.
Оды̀нъ вси́вся на по́кути,
Мэдъ, выно̀ кружа́е;
Дру́гий сыды̀ть въ киньцѝ стола̀
У скры́бочку гра̀е.
Трэтий стойѝть у си́нычкахъ,
Ди́вку вговоря́е.
А дивчина ти́ко слу́ха,
Зко́са погляда́е:
— „Ой, дивчи́но, дивчи́нонько,
Сывэсэнько ву̀тко!
Якъ провэдэшъ ты очи́ма,
То й сва́таты жу́тко“.
—Ой, коза́чэ, коза́чэнько,
Ой, та хорви́ночку.

Сва́тай мэнэ нэ въ суб́оту,
Сва́тай въ нэди́льлёчку.
Я ди́вчина щэ молода̀,
Та щэ й повноро́жа,
Хочъ и въ ма́сныцю хто при́йде,
Та й тоди́ я го́жа.

48.

Ой, кова́лю, кова́лэнько,
Чомъ нэ встаѐшъ ты ранэнько?
Чомъ нэ встаѐшъ, моѐ нэнько,
Чомъ нэ куешь жали́бнэнько?
Чи тэбэ нэ ма́е дома,
Чи спитка́ла яка̀ до̀ля,—
Чи зализонька жали́йишъ
Чи ковадлонька щади́йишъ?
Ой, въ на́шого ковалэнька
Одна̀ до́чка Катэры́на,
Та й та сла́вы наробы́ла:
Малэ дыт̀я породы́ла,
Й у крыйны́ци потопы́ла,
Й дэрны́ною прывалы́ла.
Зъ буйнымъ ви́тромъ говоры́ла:
Пови́й, ви́трэ буйнэсэнький,
Примчи до́щикъ дрэбнэсэнький,
Залый цю́ю крыйнычы́чэньку,
Щобъ до нейи̇̀ нэ ходылы,
И щобъ воды̀ зъ нэйи нэ пылы...
А въ нэди́льлю въ ра́ньци ра́но,
Та й збэра́лася грома́да,
Та всэ хлопци, та дивча́та—
Бля крыйны́ци, ко́ло са́да.
Уся́ чэлядь тэпэръ зна́е,
Що тутъ Ка́три та й нэ ма́е.
Катеры́ну (Кова́ли́вну) скризь строй гна́лы
Й до святы́хъ мощэй посла́лы...

49.

Нэ шумы̀ ты, лу̀жэ,
Зэлэный байра́чэ;
Нэ плачъ, нэ журы́ся,
Молоды̀й коза́чэ!
—Нэ самъ, нэ я пла́чу,
Пла́чуть ка́ри о́чи.
Й нэ даю̀ть споко́ю
Та й ны дня, ны но́чи.
Суси́ды близки́йи,
Во́роги тяжки́йи,
Нэ вэля̀ть ходы̀ты,
Дивчи́ну любы̀ты.
Я умру̀ бизъ тэбэ,
А ты жива̀ бу́дэшъ.
Та нэ ходы̀, мы̀ла,
Дэ моя̀ моги́ла.
А моя̀ моги́ла—
Въ по́ли пры доро́зи,
Бля сы̀няго мо́ря,
На чума́цькимъ во́зи.
Та нэ сти̇̀й жэ, мы̀ла,
Нэ сти̇̀й надо мно́ю.
Нэ маха̀й руко́ю,
Нэ маха̀й тяжко́ю.
Ва́жко мини̇̀ бу́дэ
У гро́би лэжа́ты...
—„А мини̇̀ щэ ва́жчэ
Надъ гро́бомъ стоя̀ты!“

50.

И по той бикъ гора̀,
И по сэй бикъ гора̀,
А поми́жъ ты̀мы
То гиро́нькамы—
Ясная зоря̀.
То жъ нэ я́сна зоря̀,
То жъ дивчи́на моя̀.
Ой, чорня́вая,
Та биля́вая,
Коха́на моя̀.
И по той бикъ горо̀хъ,
И по цэй бикъ горо́хъ,
Ой, прыйды̀ жъ, прыйды̀,
Моѐ сэрдэнько,
Поговорэмо въ двохъ.

И учо́ра ора̀въ,
И сёго́дня ора̀въ.
Ой, хто́ жъ та тобѝ,
Моѐ сэрдэнько,
Волѝвъ поганя̀въ?
Поганя́ла минѝ
Та дивчи́на жъ моя,
Ой, чорня́вая,
Та биля́вая,
Коха́на моя.
И учо́ра косы̀въ
И сёгодня косы̀въ.
Ой, хто жъ тобѝ
Сэрдэня́точко,
Брусны́цю носы̀въ?
Та носы́ла жъ минѝ
Та дивчи́на моя̀,
Ой, чорня́вая,
Та биля́вая.
Коха́на моя̀.

51.

Ой, за га́емъ зэлэнэнькимъ,
Та дивчи́нонька
Коны́чэньки па́сла,
Па́сла воронэньки.
А пасучэ ко́нэй,
Вона̀ й заблуды́ла,
Ой, та шука́ючи,
У гай заблуды́ла,
Я жъ ду́мала, нэнько,
Що гай зэлэнэнький,
Ажъ то стойить въ га́йи
Гайда̀рь молодэнький.
— Ой, ты, коза́чэнько,
Молоды́й гайда́рю!
Ой, вы́вэды мэнэ
Та изъ цёго га́ю.
Изъ са́маго̀ ра́нку
По ли́си гука́ю,
Ой, да́лэби, збы́лась,
И дори́жки нэ взна́ю.
— Ой, щобъ ты, дивчи́но,
Гайда́рэмъ нэ зва́ла.
Подывы́ся въ ви́чи,
Мо́жэ бъ ты й коха́ла.
Ой, лу́ччэ бъ ты, кви́тко,
Сэрдэчкомъ назва́ла,
Та й дори́жки бъ зъ га́ю
Мэнэ нэ пыта́ла.
— Ой, лу́ччэ я бу́ду
Въ гаю̀ ночува́ты,
Чимъ тэбэ, гайда́рю,
Мы́лымъ потяга́ты.
Тутъ я похэлю́ся
Къ зэлэному ду́бу,
Тай изъ ёго̀ ко́рнэмъ
Ночува́ты бу́ду.
— Слу́хай, загада́ю жъ
Чоты́ри зага́дки;
А якъ одгада́йешъ,
То йды бизъ огля́дки:
А що ростэ въ ли́си,
Ростэ бэзъ кори́ньня?
А що бижѝть въ по́ли,
Бижѝть бизъ пови́дьдя?
А що цвитэ въ лу́зи
Зъ ныя́кого цви́та?
А що идэ въ лю́ды,
Мо́вчкы, бизъ одви́ту?
— „Ростэ ка́минь въ по́ли,
Ростэ бизъ кори́ньня.
Бижѝть вода̀ въ кру́чи,
Бижѝть бизъ пови́дьдя;
А очэрэтъ ростэ
Бизъ вся́кого цви́та;
За́мижъ идэ ди́вка,
Якъ вилъ, бизъ одви́та.

52.

Ой, що жъ то за вэрба̀,
Що бизъ ко́рня росла̀?
Ой, що жъ то за вдова̀,
Що симъ годъ прожила̀?
И двохъ сынѝвъ прывэла̀—
Ахвана́са и Пана́са,
Та й въ кита́йку повыла̀
И на чо́винъ однысла̀:

Ой, чо́вныку сосно́вый,
Колышѝ мойѝхъ сынѝвъ,
До симна́дцаты годѝвъ.
А въ сёмна́дцатомъ году̀,
Пишла̀ вдова̀ по́воду,
Ста́ла во́ду набыра́ты,
Ставъ кора̀блыкъ прыплива́ты,
До бэрэга доста́ва́ты:
— Ой вдова̀ ты, вдова̀,
Чи пи́йдэшъ за мэнэ?"
—Я за тэбэ сама̀ йду,
За мэнчого виддаю̀.
Якы́й тэпэръ викъ наста́въ,
Що сынъ ма́тиръ узя́въ!
Якѝ тэпэръ попы̀ сталы,
Сэстру зъ бра́томъ извинча́лы!
Пиды́, ма́мо, въ манасты̀рь,
Нэха̀й тэбэ Богъ простыть.
А Богъ ка́жэ: нэ простю̀,
Зэмля̀ ка́жэ: нэ прыймỳ.
Иды̀ жъ тэпэръ хочъ у лисъ
Нэха̀й тэбэ вовкъ иззѝсть.
А дзвиръ ка́жэ: я не ззимъ,
Вода̀ ка́жэ: хай ты йимъ!

53.

Ой, у саду̀, у садо́чку
Поспи́вуе, посвы́стуе
Соловэйко манэсэнький,
Кучиря́вый, рябэсэнький.
Нэ щэбэчѝ, соловэйко,
Нэ щэбэчѝ, мое нэнько,
Що въ чужѝй сторонѝ
Нэма̀ ро́ду минѝ.
Тѝко въ мэнэ й ро́ду—
Два бра́тики зро́ду.
Ти́ко й полюбо́ви,
Що чо́рнийи брови.
Пора̀дь мэнэ, бра́те,
Якъ ри́дная ма́ты:
Чи минѝ гада́ты,
Чи минѝ пыса́ты,
Гусячэнькимъ пэрдмъ
Помалю̀ю круго́мъ
И обильлю̀ слёза́мы,
Та й пошлю̀ витра́мы.
Бо ся́ду и пойи́ду
До ро́ду—роды́ны,
До мы́лойи въ го́сти:
Здордвъ, скажу̀, мыла,
Моя̀ чорнобрѝва!
Лычкò, якъ калы́на,
Очи, якъ тэрны́на,
Бри́вкы, якъ шнуро́чокъ,
Ти́ко бъ на кило́чокъ,
Й ны́мы любова́тысь:
Зъ другѝмы—крывы́мы
Шкода̀ й ча́су зна́тысь.

54.

Ой, за га́емъ, га́емъ,
Га́емъ зэлэнэнькимъ,
Тамъ ора́ла дивчѝнонька
Во́лыкомъ чорнэнькимъ.
Ора́ла, й ора́ла,
Нэ вми́ла гука́ты,
Нанима́ла (прыпроха́ла) ко
за́чэнька
У скры́бочку гра́ты.
Коза́чэнько гра́е,
Брова́мы морга́е.
—Й каты ёго̀ ба́тька зна́ють,
Чого̀ винъ морга́е?
Чи на мойѝ во́лы,
Чи на мойѝ коро́вы?
Чи на моѐ би́лэ лы́чко,
Чи на чо́рни бро́вы?
—Чо́рни бро́вы ма́ють,
Та й нэ ожэню́ся.
Пиду́, пиду́ до ри́чэньки,
Зъ жалю̀ утоплю́ся.
—Не топы́сь, коза́чэ,
А то ду́шу згу́бышъ!
Ходѝмъ, повинча́ймось,
Колы̀ ви́рно лю́бышъ.
Та й пишлы̀ винча́тысь,
Попа̀ нэма̀ до́ма,—

Чи твоя, чи моя
Нэщаслыва доля?
Пишовъ козакъ яромъ,
Дивка долыною.
Зацвивъ козакъ макомъ,
Дивка калыною.
Выломай, козачэ,
Калынову квитку,
И почитай дивчину
За виньчану жинку.

55.

Журба мэнэ сушэ,
Журба мэнэ крушэ;
А я та тий журби
Та й нэ пиддаюся:
Пиду до жидивки,
Горилки напьюся.
—Жидивочко Ганно,
Сыпъ горилку гарну.
Бэры на заставу
Коня вороного.
— „Нэ вэлила маты
Заставоньки браты.
Та вэлила маты
Тэбэ роспытаты,—
Чи ты вже жонатый,
Чи ты нэжонатый,
Якъ що ты жонатый,
То й паняй до дому.
А якъ нэжонатый,
То й ночуй зо мною“.—
—Есть у мэнэ жинка,
Молода, хороша,
Щэ й диточокъ двое,
Й чорняви обое.
Есть у мэнэ й маты,
Сэрдэнько, у хати;
На тэбэ, жидивко,
Нэ стану миняты.

56.

Ой, видтыль гора,
Й видтыль крута.
А помижъ тымы
Гирьмы крутымы
Та взийшла зоря,
Зоря ясная.
Ой, тожъ нэ зоря,
То й нэ ясная,
Молодэнькая жъ то
Та дивчинонька.
По водыцю йшла
Й козака знайшла.
А козакъ слидомъ
Та й собй зъ нэю,
Якъ тая зоря,
За зорэю йдэ.
Ой, сывымъ конэмъ
Та й по надъ морэмъ.
Ой, надъ водою
Та самъ изъ собою:
Ой, дивчинонько,
Дивчино моя!
Куды дрибно йдэжъ?
Пострэвай мэнэ,
Та й напий коня
Изъ рублэнойи
Та крыйныченьки,
Зъ повного видра.
„Ой козачэнько,
Я жъ и нэ твоя,
Щобъ напувaты,
Та тобй коня
Зъ повного видра
Щэ й водыцэю
Изъ рублэнойи
Та й крыйныченьки“.
— Ой дивчино моя,
Осидлай коня,
Воронэнького;
Осидлай коня,
Та й пойидэмо
Изъ цёго сэла
Въ полэ чистое,
Ой, зъ мойимъ сывымъ,
Та по надъ морэмъ.
Та и подилымся

Мы съ своимъ гóрэмъ, –
До могò двора́,
Въ лисы́ тэмнийи,
Въ долэки стэпы̀,
Въ бизконэшнийи.
Бля могò двора̀
Дэнь и ничъ зоря;
Ски́ко скинь,—зэмля,
А на ний трава́;
Нэ ворѝтъ, плэтнѝвъ,
Нэ хливѝвъ, кумòрь
Кругомъ ви́тэрь гра—
Разлюбу́йишся!
Тамъ ха́та моѝ,
Би́лымъ сви́томъ вся
Обгоро́жэна;
Ви́кна вузэньки,
Й стэля тэмнэнька
Нэбомъ прыкры́та;
Ски́ко хочъ сви́та,
И доливка чиста́,
Ски́ко хо́чэшъ ми́ста.
Тамъ бля ха́ты стоя̀въ
Кущъ калы́ноньки,
Та й чогось винъ ззовья̀въ
Въ дви нэдильлёньки.
— Ой, чогò жъ то, чогò,
Та калы́нонька
Засуши́лася,
Й завьялы́лася?
— Одъ тогò, мий дружòкъ,
Що бизъ дóгляду,
Вся бизъ кóрэню
Очутылася.

57.

Журы́лася попа́дэнька
Своею бэдòю:
Би́дна жъ моя голóвонька,
Що пипъ зъ бородóю.
Якъ пийду̀ я до влады́ки
Та й бу́ду просы́ты,
Хай дозвóлэ, щобъ попóви
Бóроду оббры́ты.
Бо пиду я на хрэстыны,—
Трэба жъ вми́сьти си́сты,
А якъ гля́ну на бóроду,
То й нэ буду йи́сты.
Якъ пийшла я до влады́ки,
Й на вкóлюжки впала,
Слизно, ги́рко заплàкала:
Бры́того бажа́ла.
Я просыла, щобъ дозвóлывъ
Бóроду побры́ты,
Бо тожъ минѝ зъ попомъ гóрэ,
Зъ бородатымъ жи́ти.
Бо тó жъ минѝ тя́жко,
Бо тó жъ минѝ ва́жко,
Ва́жко, ги́рко й ну́дно,—
Въ сви́ти зъ борода́тымъ
Жи́ты минѝ тру́дно!

58.

Ой, за га́емъ зэлэнэнькимъ
Бра́ла ди́вка лёнъ дрибнэнький.
Бра́ла вонà, выбэра́ла
Й до лы́чэнька промовля́ла:
„Лы́чко й ру́чки билэсэньки,
Й бри́вки мойѝ чорнэсэньки!
Ой, кому̀ жъ доста́нэтэсь,—
Чи попóви, чи дякóви,
Ой, чи тому̀ козакóви (запорóжцю-козакóви)?
За чумакòмъ дóбро жи́ты,
Що нэ жа́ты й нэ косы́ты,
Гори́лочка ти́ко пы́ти“.
Йшовъ чумакъ у дорóгу,
А чума́чка самà дóма
Рубà дрóва до порóга,
Солóмою въ пичѝ тóпэ,
А горщэчкомъ вóду нóсэ.
Борщу̀, каши долыва́е,
Свою̀ дóлю проклына́е:
„За чумакòмъ хýдо жи́ты,—
Ни́чимъ й борщу̀ посолыты.
Нэмà сóлы нэ солы́ны,
Нема й мукѝ не полы̀ны.
Й нэма пшонà нэ зэрны́ны“.

Чумакъ въ Кры́ми чумаку́е,
А чума́чка ту́тъ горю́е.
Чумакъ въ Кры́ми пье, гуля́е,
А чума́чка ёго̀ ла́е:
„Сусидочки, голу́бочки!
Навуча́йтэ свойи̇̀ до́чки,
Щобъ по ночамъ нэ ходы̀лы,
Й пройды́свитивъ нэ любылы“.

59.

Якъ выйду я за ворота,—
Стойи̇̀тъ травка, якъ болото.
Якъ вы́йду жъ я за нови́йи,—
Тамъ тра́вочка зэлэни́е,
Тамъ тра́вачка зэлэни́е,
А у мэнэ сэрцэ мли́е.
Воно́ ны́е, заныва́е,
Що мылэнького нэма́е.

60.

Вы́йды, Гры́цю, на ву́лыцю,
И ты, Ковалэнко,
Й заграй мини̇̀ въ сопилку.
Зъ ты́ха-поманэньку!
Ишовъ Грыць зъ вэчэрны̀ць
Тэмнэнькойи но́чи.
Сыды̀ть гу́ска на бэрэжку
Й вы́трыщила о́чи.
Я (Гры́ць) на нэйи: гы́ля, гы́ля!
А вона̀ й прыси́ла.
Якъ бы въ мэне (Гры́ця), нэ па́лочка
Вона бъ мэнэ (ёго) ззи́ла.

61

Ой, нэ ходы̀ Гры́цю,
Та на вэчэрны́ци,
Бо на вэчэрны́цяхъ
Дивки̇̀ чаривны́ци.
Тамъ одна̀ дивчи́на
Уси̇̀ ча́ры зна́ла,
Взяла̀ того̀ Гры́ця
Та й прычарова́ла.
Друга́я дивчи́на
Цёго̀ й нэ злюбы́ла,
Взяла̀ того̀ Гры́ця,
Шэльма, утройи́ла.
Въ понэди́локъ ра́но
Ко́рню накопа́ла;
Въ вихто́рокъ зорэю
Зи́льля полоска́ла;
У сэрэду ра́но
Зи́льля тэ вары́ла;
А у чэтвэръ въ ра́ньци
Гры́ця напойи́ла;
У пьятныцю ра́нкомъ
Гры́ця помэра́е;
А въ суббо́ту зъ сви́томъ
Дзвинъ людэй ззыва́е;
А въ нэди̇̀льлю ра́но
Гры́ця похова́лы;
А у понэди́локъ
Мэдомъ помэна́лы.
У вихто́рокъ въ ра́ньци
Грома́ду збэра́лы
Й уси̇̀мъ мы́ромъ вку́пи
Ра́ду прыклада́лы,
Щобъ того вжэ Гры̀ця
Бильшъ бэ й нэ згада́ты,
Та й нэ промэлы́цьця
Про Гры̀ця каза́ты.
—Ой, на шо жъ ты, су́ка,
Гры̀ця утройи́ла,
Ко́рно накопала,
Зи̇̀льлямъ напойи́ла?
— Ой, нэхай же, ма́мо,
Гры̀ць насъ двохъ нэ лю́бэ,
Бо одну шану́е.
А дру́гу голу́бэ...
О цэ жъ ёму̀, ма́мо,
Моя̇ бу́дэ й плата,—
Изъ чотырёхъ досокъ
Та тэмная ха́та.

60.

Ой, посию я горошокъ
На ярыньци—нывци;
Куплю, куплю чэрэвычки
Свойий чорнобрывци.
Нэ вродывся мий горошокъ,—
Самй лопаточки...
Вытоптала чэрэвычки,—
Самй пэрэдочки.

61.

Якъ посиявъ лёнъ
Пидъ паньськимъ дворомъ;
Та й вродывся лёнычэнько,
И вна́дывся панычэнько
На сирому конычэньку,
Та й вытоптавъ у ничэньку.
Ой, шо жъ то за лёнъ,—
Высокий—зэлёнъ,
Золотэе корининячко,
Шипчовое насиньнячко?
Шовковэнький линъ,
Ты Понасыкъ мий!
Йидуть зъ лёномъ зъ гиръ;
Одчиняйтэ двиръ,—
Йидэ твоя Сэргиевна,
А за нэю Огиёвна
Пьянэсэнька, гарнэсэнька,
Й на лычэньку билэсэнька.
Чи радъ жэ ты йий,
Ивановычъ мий?
—Якъ жэ жъ то я та й нэ радъ,
Колы въ нэйи виноградъ.
Йийй сливцэ й моё сливцэ,
Якъ у пляшэцьци выньцэ.
Посидаемо у рядъ
И пидэ дило всэ на ладъ:
Йийй сэрцэ зъ мойймъ сэрцэмъ,
Якъ горилочка зъ вымбэрцэмъ.

62.

Брала лёнъ, брала лёнъ,
Та щэ й коноцэльки,
Нэ училась на роботу,
Та на вытрыбэньки...

63.

Другой варіантъ пѣсни 51-й.

Ой, дивчина по грыбы ходыла
Въ зэлэнимъ гаю та й заблудыла (2 раза);
Прыблудыла къ зелэному дубу,—
Отутъ жэ я й ночувати буду (2 раза).
Я жъ думала, що дубъ зэлэнэнький,
А то стойитъ коныкъ воронэнький,
На коныку козакъ молодэнький,
А на ёму жупанъ голубэнький.
— Ты козачэ, молодый гайдарю,
Ой, вывэды жъ мэнэ зъ цёго гаю!
— „Ой, дивчино, ты повная рожа, *)
За-бля мэнэ була бъ ты прыгожа.
Пэрэночуй зо мною хочъ ничку,
Куплю тобй новэсэньку стрйчку.
— Луччэ жъ минй въ гаю пропадати,
Ни жъ зъ тобою ничку ночувати!

*) Рожа—цвѣтокъ.

Помолюсь я Святий Прэчистий—
Понисъ мэнэ по грыбы нэчистый.
Помолюсь я святому Миколы,
Та й нэ пиду по грыбы николы.

64.

Ой, гаю мий, гаю,
Густый та зэлэный!
Покрывъ ты собою
Нашъ край нэвэсэлый...
Выйду я на гирку
Та й гляну на зирку,
А зиронька сяе,
Вся чэлядь гуляе;
И сопилонька грае,
Сэрцэ розважае.
Маты жъ дочку лае,
Гулять нэ пускае;
Маты дочку была
Й гуляты нэ пустыла,
Щобъ въ лисъ нэ ходыла,
Парня нэ любыла.
— Сыды, доню, дома
И носы въ хату дрова,
То й будэшъ здорова.
Клады бля порога,—
Ото жъ тобй, доню,
И вся твоя дорога.
Я дровъ наносыла
И пичъ ростопыла,
А всэ жъ такй маты
Гулять нэ пустыла.
Сэдыть доня дома
Й на выду змарнила...
—„Ой, доню жъ, ты доню,
Якэ жъ ты й лэдащэ!“
— Колы я лэдащо,
Дэржйшъ мэнэ на що?
—„Ой, доню жъ, ты доньку,
Якэ жъ ты й бэздильля!“
— Колы я бэздильля,
Шукай, мамо, зильля,
Давай, буду пыты,
Щобъ бильшъ нэ любыты,—
Бо рвы ынышэ зильля,
И давай грать вэсильля!

65.

Якъ пойихавъ у лисъ,
Лисъ той тэрномъ порисъ.
Тамъ Гайдарыкъ ходывъ,
Та й дивчатъ прыманывъ.
На йихъ задывывся,
А визъ й похилывся.
Нэ жаль було бъ воза,
Якъ бы дивка хожа;
То жъ ряба, погана,
Щэ й визъ поломала.
— Хочъ ряба й погана,
Въ мэнэ батько багачъ:
Симъ паръ на загони,
Й на намысти дукачъ...

66.

Якъ выйду на гирку,
Та й гляну на зирку;
А зиронька сяе,
Й улыця гуляе *).
Мэнэ жъ маты лае,
Гулять нэ пускае.
Щобъ я нэ ходыла,
Парня нэ любыла—
Зъ хутора другого,
Парня молодого.
Сыды, кажэ, дома
Та носы въ пичъ дрова.
Я дровъ наносыла,

*) Улица—парубки и дивчата.

Выхнулась й забула
Й до парня майнула.

67.

Сызый голубочокъ
Злэтивъ на дубочокъ.
Лычко въ его билэ,
А пирьячко сывэ,
Бровэнята чорни,
И очици моторни.
Прилэтила пава, *)
И сэрэдъ двору впала.
Вона жъ про то знае,
Чого хто бажае.
Вона й усэ бачэ,
Чого воронъ крячэ,
И що мий мылый робэ,
И чого сумный ходэ...
А мий мылый робэ
Та по двори ходэ,
Конэкивъ выводэ.
Сывэнькихъ сидлайе,
Й зъ двора выйиждже,
У стэпъ погляде.
Броса вирну дружбу,
Й идэ въ вишню службу.
Кыда симью й жинку,
Щэ й малу дытыну.

68.

Вы нэ быйтэ мэнэ,
Вы й нэ лайтэ мэнэ.
Колы жъ я вамъ наскучила,
Такъ виддайтэ мэнэ.
Вы виддайтэ мэнэ
За волошина,
Щобъ я була молодая,
Та й хорошая.
Вы виддайтэ мэнэ
Та за турчина,
Щобъ я була молодая—
Й настобурчэна.

Чомъ пысаря (турчина) нэ любыты,
Пысарь (турчинъ) будэ паномъ:
Вбуваецьця въ постолы,
Мотаецьця валомъ.
Чомъ пысаря (турчина) нэ любытъ,
Колы подобонька,—
Трубка й кисэтъ у кармани,
То жъ вся й худобонька?
Бодай тобй, пысарю,
Тры болячкы въ лысыну,
Щобъ ты пэромъ нэ пысавъ,—
Тры болячки чэсавъ!

69.

А въ сосида хата била,
А въ сосида жинка мыла,
Нижки били, нэвэлычки,
Носэ жовти чэрэвычки.
А якъ встанэ та ранэнько,
Прыбырэцьця чэпурнэнько.
Варэ снидать галушки
Зъ шулыкамы пирижки.
Курчатъ пару зъ пидливаномъ,
Изъ свынячимъ ищэ саломъ,
Нижки стужэни ягнячи,
Зъ часныкомъ хлякй **) тэлячи.
А у мэнэ хата чорна,
Жинка брыдка, нэ моторна,—
Тико спыть та лэжыть
И нэ хочэ робыть.
Смитьтя въ хати по колина,
И облуплына кругомъ глына.
Грэбня нэма й и взаводу,
Й нэ пряла, кажэ, зъ роду.
Такъ я викъ свий колотаю,
Нэ дойимъ й нэ досыпаю.
Якъ прыйшовъ я, пидгулявшэ
На сниданьня сподивавшэ,—
Гапка борщъ на стилъ нэ ставэ,
Глывкий хлибъ у горли давэ,

*) Пава—птица.
**) Хляки—требуха.

У сни́даньня ду́ли ты́чэ,
А на оби́дъ за чубъ смы́чэ,
А въ по́лудэнь пидъ боки̇̀,
Насува́е кулаки̇̀,
А въ вэчэри за лопа́ту,
Та й зажинэ ажъ на ха́ту,
Й нэ вэлы̇̀ть бо щэ й злиза́ты:
Бу́ду мьа́ломъ потяга́ты;
Та щэ й боюсь тийи̇̀ смэрты,
Щобъ на ха́ти нэ умэрты.

70.

Мэту̀ ха́ту, мэту̀ си́ны,
Та й заду́малася:
Полюбы́ла кова́лэнька,
Та й разду́малася.
Полюбы́ла ковалѝ,
Та й нэдо́ля моѝ:
Я жъ ду́мала: кучиря́вый,
Ажъ и чу́ба нэма̀.
Одна̀ була̀ волосы́на,
Та й ту гны́да одкусы́ла.
Якъ я ёго̀ полюбы́ла,
Тро́хи ма́тинка нэ бы́ла.
Я стоя́ла чэрэзъ тынъ,
И говоры́ла чортъ-зна зъ кымъ.
Було̀ ли́то, була̀ й зима̀,
Булы̀ й хло́пци, тэпэръ нэма̀.
Булы̀ га́рни и бога́ти,
Тодѝ бъ було̀ й выбэра́ты,
Шобъ хоро́ши одивцѝ,
Охвыцэры та купцѝ,
И хочъ мища́ны, бо салда́ты,
Щобъ було̀ зъ кимъ жартува́ты.

71.

Бэлѝ бро́ду, бэлѝ бро́ду
Пы́лы во́ду голубо́чки;
Пы́лы̀ во́ду, воркоти́лы,
Стрэпэну́лысь й полэти́лы,
Си́лы й впа́лы на могѝлы.
Дэсь мий мы́лый на Вкрайи̇̀ни,
На ко́нэку розйизджа́е,
И на со́нэчко погляда́е,
Чи высо́ко со́нцэ схо́дэ,
Чи нэзэсэнько захо́дэ?
Такъ по́ стэпу винъ блука́е,
На вси всю́ды зазыра́е.
Моѝ жъ мы́ла сму́тна хо́дэ,
Й чомсь до мэнэ нэ гово́рэ.
Чи ты, мы́ла, захвора́ла,
Чи ты, мы́ла, ничъ нэ спа́ла?
Вы́дно й мэнэ по лы́чэньку,
Що нэ спа́ла всю ни́чэньку,
Вы́дно мэнэ й по би́лому,
Що скуча́ю по мы́лому.

72.

Якъ уста̀ну я ранэнько,
Та й умы́юся билэнько,
Та й ся́ду я край вико́ньця,
Проти̇̀въ я́сного со̀ньця.
Та й ся́ду я край вико́ньця
Выгляда́ты черномо́рьця:
Чорномо́рэць йи́дэ—йи́дэ,
Щэ й сэмэро ко́нэй вэдэ.
На сидьмо́му вороно́му
У жупа́ни голубо́му.
Нэ пойи́хавъ винъ до га́ю,
А пойи́хавъ до Дуна́ю.
Ставъ винъ ко́нэй напува́ты,
Ста́ла вода̀ прыбува́ты,
Ставъ зъ ко́нэкомъ воронэнькимъ
Чорномо́рэць потопа́ты.
Чорномо́рэць потопа́е,
Свою̀ мы́лую гука́е:
— „Ратѝ̀й, ратѝ̀й, моя мы́ла,
Колы̀ ви́рно ты любы́ла!“
— Ой ра́да бъ я ратува́ты,
Такъ нэ вми́ю я ныря́ты.
Якъ бэ чо́вынъ, та высэльцэ
Ратува́ла бъ моѐ сэрцэ“.

Ой, пиду̀ я по лю́ды:
Чи нэ жаль кому̀ бу́де?
По́ки лю́дэ изийшлы́ся,
Чорномо́рэць утопы́вся.
Плывы̀, плывы̀ за водо́ю,
Зостаю́ся удово́ю.
Плывы̀, плывы̀ ричечка́мы,
Зостаю́ся зъ ди́точка́мы.
Плывы̀, плывы крутэ́нькимы,
Зостаю́ся зъ манэ́нькимы.
Ой, Дуна́ю, ты, Дуна́ю,
Чэрэзъ тэбэ викъ вмаля́ю.
Отэпэ́ръ я пропа́ла:
Нэма̀ могò до́ма па́на.
Отэпэ́ръ я чэрны́ця:
Нэма́ могò чорнобры́вця.

73.

Да похо́дыть, да пону́дыть,
Й опьять мэнэ любы̀ть бу́дэть.
Розчиса̀въ бэ свойи̇̀ ку́дри,
Розчиса̀въ бэ свойи̇̀ чо́рни,
Ой, та на пра́вое плэчэ.
Ой, скризь по ю́лычкамъ пройшо̀въ
Та й нико́го нэ знайшо̀въ,
Ти́ко й ба́чивъ у викно̀
Би̇̀ло лы́чэнько одно̀.
Ой, ты жъ мы́лый, мы́лый мий,
Сызъ голу́бочикъ дороги̇̀й!
Ко́ньчу ви̇̀къ свий надъ тобо̀й,
Разкудря́вой голово̀й.
А у тэбэ ку́дри вьюцьця,
А у мэнэ слёзы льлю́цьця.
Въ тэбэ ку́дри повэлы́ся,
Въ мэнэ слёзы полэлы́ся...
Сама̀ ха́ту становы́ла,
Сама̀ й вы́сыпала;
Сама̀ дру́жка полюбы́ла,
Сама̀ й вы́сватала.
Сама̀ са́дыкъ насады́ла,
Сама̀ й бу́ду полыва́ть,
Сама̀ дружка̀ полюбы́ла,
Сама̀ й бу́ду цилува́ть.

74.

Я жъ ду́мала, я жъ ду́мала,
Що со́нэчко схо́дэ;
А то жъ то мий мылэсэ́нький
По садо́чку хо́дэ.
Чужу̀ мы́лу за ру́чэньку
По садо́чку во́дэ.
Его́ жъ мы́ла йдэ на́-зирьци
Та й очэ́й нэ зво́дэ.
Чужу̀ жи́нку обнима́е,
Цилу́е, мылу́е,
А на свою̀ ри́дну жи́нку
Нага́йку лашту́е.
—„Ой нэ бы́й жэ, чолови́чэ,
Ты свою̀ мылу́ю—
И нэ ради̇̀й зъ дурно́го то́лку,
Що знайшо̀въ любу́ю (другу́ю),
Бо пры́йдэцьця изо мно́ю
Ви́ку дожива́ты.
Изъ чужо́ю жъ красу́лёю
Ти́ко въ ночи спа́ты.
Та й на ста́ристь нэ мынэцьця
Тэбэ доглядáты,
И то жъ зъ свое́ю риднэ́нькою
Дитэ́й годува́ты.
Чужа̀ жи̇̀нка мы́ла,
Що на лы́чку би́ла.
Тымъ йийи̇̀ й мылу́йешъ,
А свою̀ кату́йешъ“.

75.

Ой, садъ, ты, мий садъ,
Садъ зэлэнэ́нький!
Почому̀ жъ ты, мий садъ,
Такъ нэра́но цвитэ́шъ
И ёсыпа́йесься?
Ой, куда̀ жъ ты, мий другъ,
Й убэра́йесься?
Ой, чи въ хидъ, чи въ похи̇̀дъ,
Чи въ дори́жэньку?
Заночу̀й, мий дружо̀къ,
Хочъ щэ ни̇̀чэньку.

—„Ой, радъ бы я ночувàть
Й всю нэдиллэньку.
Та боюся поговóривъ,
Моя мылэнька.
Ой, радъ бы я ночувàть
И цюю ничэньку,
Боюсь зироньку проспàть—
Й шляхъ, дорижэньку“.
— Ой, нэ бийся, мий дружòкъ,
Я ранэнько, встаю,
Тай тэбэ избудю,
Далэчэнько провэдý
Й дорижэньку покажý.
Й бýду тэбэ развожáты,
Щобъ зироньки нэ проспáты.

76.

Та тумàнъ яромъ,
Та тумàнъ яромъ,
Морозъ долынóю.
Морозъ долынóю,
Дóлэнька другóю.
Та нэ по прáвди,
Та козàченько
Жывэ зъ дивчинóю.
Жывэ зъ дивчинóю
Та за ричкою,
Та за быстрою
Цыгáнэ стоялы,
Цыгáнэ стоялы.
Та промìжъ тымы
Та цыгáнамы—
Цыгáнка ворижка,
Цыгáнка ворижка.
Та до тийей жэ,
Та цыгáночки,
Втóптана дорижка,
Втóптана дорижка.
Ой, та по тий жэ,
Та дорижэцьци,
Дивчина ходыла,
Дивчина ходыла.
Та цыганочку,
Та махлярочку,
Покирно просыла,
Покирно просыла.
Ты цыгàночка.
Ты махлярочка.
Ввольны мою вóлю,
Ввольны мою вóлю.
Та прычарýй жэ,
Та козáченька,
Та на викъ зо мнóю,
Та на викъ зо мнóю.
Ой, цыгáночка,
Та махлярочка,
Вóлэньку ввольныла,
Вóлэньку ввольныла.
Та й одризала
Та рýсу кóсу,
Й его утройила,
Его уройила.
Та бодáй жэ цю,
Та дивчиноньку
Вся чэлядь любыла,
Вся чэлядь любыла.
Ой, та идэ дивка
Та по вýлыци,
Чохлáмы махáе,
Чохлáмы махáе.
Та стойить пáрэнь,
Та за ворітьмы,
Важэнько здыхáе,
Важэнько здыхáе.
Та продàй, продàй,
Та моя нэнько.
Зъ курчáтамы квóчку,
Зъ курчáтамы квóчку.
Та пошій, пошій.
Та моя ридна,
Зъ чохлáмы сорóчку,
Зъ чохлáмы сорóчку.
Ой, любылыся,
Та кохáлыся,
Якъ голубівъ пàра.
Якъ голубівъ пара.
Та потимъ того,
Та розийшлыся.

Якъ чо́рная хма́ра,
Якъ чо́рная хма́ра.

77.

Ой, на край грэбли
Та шумля́ть вэрбы.
Шо я насады́ла,
Ой, нэма́ того̀,
Та кудря́вого,
Шо я полюбы́ла.
Ой, на край грэбли
Та стоя́ть вэрбы,
Шо я полыва́ла
Ой, нэма̀ того̀.
Та черня́вого,
Шо я ци́лувала.
Та плывэть, плывэть,
Си́ра ву́тка
Ты́хо по Дуна́ю.
Ой, стрива́й, стрива́й
Та сира̀ ву́тка,
Чого̀сь попыта̀ю.
Ой, зоста́лася,
Та си́ра ву́тка
Плысты за водо́ю,
Та й зробы́лася,
Та на Дуна́йи.
Кру́гла сырото́ю.

78.

Та бэда̀ нэ жэны́вшись,
Та бэда̀ и ожэны́вшись.
Та бэда̀, та бэда̀ й охо-хо,
Та бэда̀ своя̀ во́ля!
Узя́въ жинку сэмэли́тку,
Вона̀ й ха́ты нэ вы́мытэ.
Та бэда̀, та бэда̀ й охо-хо,
Та бэда̀ своя̀ во́ля.
Погна̀въ бэ я овэць па́сты,
Хотя̀тъ хло́пци жи́нку вкра́сты.
Та бэда, та бэда̀ й охо-хо̀.
Та бэда̀ своя̀ во́ля.
Та пойи́хавъ бэ до млына́,
Такъ то жъ жи́нка молода̀.
Та бэда̀, та бэда̀ й охо-хо,
Та бэда̀ своя̀ во́ля!
Пишо̀въ бэ я по цыбу́лю.
Лучшэ жи́нку поцилую.
Та бэда́, та бэда̀ й охо-хо,
Та бэда̀ своя̀ во́ля!
Трэба й дома̀, бачъ, сиди́ты,
Трэба жи́нку гляди́ты.
Та бэда̀, та бэда̀ й охо-хо.
Та бэда̀ своя̀ во́ля!
Трэба ло́жки, трэба й мы́ски.
Щэ й на̀ зиму дви колы́ски.
Та бэда̀, та бэда́ й охо-хо,
Та бэда̀ своя̀ воля!

79.

Возьми̇̀ть, хло́пци, по дубы́ни,
Дивки̇̀ винки̇̀ погубы́лы,—
У чэрво́ныхъ запаска̀хъ.
Та й сидына̀ на выска̀хъ.
Вста́ла ма́ты въ ра́ньци,
Та й си́ла на ла́вци,
Тя́жко, ва́жко воздыха́е
Що посни́даты нэма̀е.
Иды́ жъ, ма́ты, зновъ туда̀,
Дэ учо́ра ты була̀:—
Та́мъ мэдъ й выно́ пьють
И посни́даты дадуть.

80.

Гопъ, мойи̇̀ грыча́ныки,
Гопъ мойи мы́ли,
Учиныла грыча́ныки
На три́ нэдильли.

(Приспива).

На поро́зи стоя́ла,
Грэча́ныки учиня́ла.
Гопъ, мойи̇̀ грэча́ныки, и т. д.
Учины́ла у горшку̀,

Та й нэ вдэржу у мишку̀.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Учины́ла на дрижджа̀хъ.
Та й нэ вдэржэ на вожжа̀хъ.
Гопъ мойй грэча́ныки, и т. д.
Учины́ла на мэду̀,
Та й нэ вдэржэ на лёду̀.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Учины́ла на опа́ри,
Нэ пидвызэ и три па́ри.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Учины́ла святы́мъ ду́хомъ,
Нэ розибьйишь и обу́хомъ.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Грэча́ныки нэ вдалы́сь,
По всий пичй розлылысь.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Прыйи́халы панычй,
Грэча́ныки у пичй.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Прыйи́хали москалй.
Грэча́ныки на столй.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Прыйи́халы капыта́ны,—
Грэча́ныки росхвата́лы.
Гопъ, мойй грэча́ныки, и т. д.
Прыйды̀. прыйды̀ борода̀нь,
Грэча́ныкокъ тобй дамъ.
Гопъ, мойй грэча́ныки. и т. д.
Та нэ клады̀ пи́дъ плэчэ,
Або̀ жъ юшка потэчэ.
Гопъ, мойй грэча́ныки.
Гопъ, мейй мыли,
Учины́ла грэча́ныки
На тры нэди́льли.

81.

Якъ вы́йду я за гай,
Та й гля́ну у свий край.
Та й зажурю́ся.
Ой, пиду̀ въ зэлэнъ садъ
Та й розвэсэлю́ся,
А въ зэлэнимъ садку́,
Та пидъ я́блонькою
Сыды̀ть сызъ-голубо̀къ,
Щэ й зъ голу̀бонькою.
Воны́ пьютъ и йидя́ть.
У двухъ раду рядятъ:
Ой нэ бы́ймося
И нэ ла́ймося,
Хорошэнько живймъ,—
Повинчайимся.
Дэ нэ взя́вся сокйлъ,
Изъ-за тэмныхъ лисйвъ,
Та й убы̀въ й разлучйвъ
Тую пару голубйвъ.
Винъ го́луба убы̀въ,
А голу́бку взявъ.
Взявъ йийй сэрдэчко
Пидъ пра́вэ крылэчко,
Прылэтйвъ до до́му,
Та й пусты̀въ до до́лу,
Сы́пэ йий пшины̀цю
Й ста́вляе воды̀цю.
А голу́бка гу́дэ:
Вона̀ й йи́сты ны йдэ.
Ой, гуды̀ й нэ гуды̀,
А йи́стоньки йды̀.
Ой, якъ прылэти́ло
Цилыхъ сто соколйвъ,
Та й нэма̀ тако́го,
Якъ мий мы̀лый бувъ:
Ны такэ й кры̀льячко.
Ны такэ й пи́рьячко,
Та й не такъ и гудэ,
Якъ мий мы̀лый идэ.
Ой, нэ такъ и загу̀въ,
Якъ мий мы̀лэнький бувъ.
Ой, голу́бонько сывъ,
Та якъ бэ жъ ты̀ бувъ живъ,
То я бъ твойй кры̀ла
Та й позолоты̀ла.
А тэбэ бъ само́го
Я бъ измалюва́ла,
Та й въ билэнькэ лы̀чко
Що дня бъ цилува́ла.

82.

Ой, на горй скрыбка та дудка,
Танцювалы Хрыстя та Любка.
А бурякъ зъ буракомъ,
А дуракъ зъ дуракомъ,
А зозулька сама,
Йиий й парки нэма.
Батько сопильныкъ,
Сынъ воротыльныкъ,
Маты пряха,
Дочка тканха.
Напеклы калачивъ
На холодний пичй,
А я вбравсь у ночй,
Та й пойивъ калачй.
А якъ бигъ-утикавъ,
Й халупыну подравъ.
А цэ тая халупына,
Що Маруся подарыла.
А я сивъ, налатавъ
Й Марусыну згадавъ.

83.

Розвивайся, сухий дубэ:
Завтра морозъ будэ.
Нэ жэныся, козачэнько:
Въ осинь набдръ будэ.
Я морозу нэ боюся,
Завтра розивьюся.
Та й набору нэ страшуся,
Возьму й ожэнюся.
Поки наборъ,—наживуся,
Та й знатыму, що я,
А поки щэй загадають,
То я й убэруся.
Выступала чорна хмара,
Щэ й друга сыня.
Спородыла стара маты
Хорошого сына.
Та було бъ тобй, матусю,
Щасьтя, долю даты,
А ты жъ ёму та й нэ дала
Й ны щасьтя, ны доли.
Тико и дала билэ лычко.
Та чорнийи бровы.
А вжэ жъ тэе лычко й бровы
Та й бля полюбови.
Було бъ тобй, стара маты,
Цихъ бривъ нэ давaты.
Бо вжэ жъ тийи бровэнята
Взялы у салдаты...
Ой, чорнэньки галэнята
Круту гору вкрылы.
Молодийи нэкрутыки
Жалю наробылы.
Нэ такъ жалю, нэ такъ жалю,
Та якъ поговору,
Всэ жъ на тую дивчинонъку,
Та й на чорноброву.
Чорнэнькийи галэнята,
Пиднимицьця въ гору;
Молодийи нэкрутыки,
Вэрницьця до дому!
— Ой, ради бъ мы пиднятыся,
Туманъ налягае;
Ой, ради бъ мы вэрнутыся,
Насъ панъ нэ пускае.
Чорнэнькийи галэнята,
Пиднимицьця выщэ,—
Молодэнькимъ нэкрутыкамъ
До домоньку блыжче.

84.

Набэралы та нэкрутыкивъ
Въ нэдильлэньку въ раньци.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Въ нэдильлэньку въ раньци.
Та й погналы та нэкрутыкивъ
Крутымы горамы.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Крутымы горамы.
Зоставайтэсь, та дивчаточки,
Зъ чорнымы бровамы.
Гэ-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Зъ чорнымы бровамы.
Ой, галочки, та чубарочки,
Круту гору вкрылы.

Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Круту́ го́ру вкры́лы.
Молоди́йи та нэкру́тыки
Го́ря наробы́лы.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Го́ря наробы́лы.
Ой, га́лочки, та чуба́рочки,
Пиднимі́цьця въ го́ру.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Пиднимі́цьця въ го́ру.
Молоди́йи та нэкру́тыки,
Вэрни́цьця до до́му.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Вэрни́цьця додо́му.
Ой, ра́ди бъ мы та пидня́тыся,
Тума̀нъ налага́е.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Тума̀нъ налага́е.
Ой, ра́ди бъ мы та вэрну́тыся,
Та панъ нэ пуска́е.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та панъ нэ пуска́е.
Полыва́йтэ та дори́жэньку,
Ой, щобъ нэ кур́ылась.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та щобъ нэ кур́ылась.
Розважа́йтэ молоду̀ дивчи́ну,
Та щобъ нэ жур́ылась.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та щобъ нэ жур́ылась.
Полыва́лы дори́жэньку,
Та й ку́рыцьця ку́рно.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та ку́рыцьця ку́рно.
Розважа́лы дивчи́ноньку
Та й жу́рыцьця жу́рно.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та й жу́рыцьця жу́рно.

85.

Га́лочка жъ моя̀,
Га́лочка чорнэнькая!
Скажи̇̀, га́лочко,
Дэ жъ моя̀ мылэнькая?
— Ой, твоя̀ мы́ла
Та въ лу́зи надъ водо́ю,
Малю́е бро́ви
Чо́рною ожи́ною.
И зовэ богача̀
Ви́рною дружи́ною.
Ой, ты, бога́чу,
Я жъ тэбэ давно̀ ба́чу:
Що въ тэбэ воды̀,
А у мэнэ коро́ви,
Щэ й би́лэ лы́чко
Та й чорнэньки бро́вы...
Ой, по си́нычкамъ
Свэкру́ха походы́ла
И свою̀ нэви́стку
Та въ до́свитку буды́ла:
—„Уставà̀й, нэви́стка,
Устà̀нь, молода́я,
Та подѝй коро́вы,
Що видъ ба́тька гна́ла!“
—„Ой, годи тобѝ
Цымъ о́чи выбыва́ты.
Хто жъ твого̀ сы́на,
Мэнэ нэво́лывъ бра́ты.

86.

Жур́ылася попа́дэнька
Свое́ю бэдо́ю:
Би́дна моя̀ голо́вонька,
Що пипъ зъ бородо́ю.
Позбэра́ла попа́дэнька
Гу́сы та ынды́ки,
Та й запрягà̀ двое ко́нэй
Й вызэ до влады́ки.
Прыйи́хала до влады́ки,
Й на вко́люшни впа́ла,
Роспла́калась, розрю́малась,
Та такѝ й сказа́ла:
„Чи нэ мо́жно бъ то, влады́ко,
Цёго учины́ты,
Чи нэ мо́жно, щобъ попо́ви
Бо́роду побры́ты“.
— А ты ба́чэшъ жэ, попа́дю,
Хоть я и влады́ко,

А у мэнэ борода̀
Чэсна́я й вэлы́ка.
„Ой пишла̀ бъ я до цэрковни
Бо́гу помолы́цьця,
Якъ погля́ну на бо́роду,
Нэ мо́жу хрэстыцьця.
Клы́чуть мэнэ на хрэсты́ны,
Трэба вми́сти си́сты,
Якъ погля́ну на бо́роду,
Нэ возьму́сь я ийсты“.
Ой, попа́дэ молодэнька,
Чорнобро́ва и гарнэнька,
Кругòмъ, кругòмъ, кругòмъ гарна,
Та щэ й зову̀ть ийнй Га́нна.
Зъ москаля́мы обизна́лась,
Москаля́мы обсажа́лась,
А пипъ, заста̀въ, та й посвиста̀въ,
Та й ни сло́ва каза̀ть нэ ставъ.
—Ой, попа̀дэ, що хочъ робы,
Ти́ко мэнэ, попа̀, любы,
Мэнэ, попа̀, зъ бородо́ю,
Такъ нэ бу́дэшъ изъ бэдо́ю.
А нэ бу́дэшъ мэнэ зна́ты,
Бу́ду тэбэ катува́ты;
Тодѝ й бу́дэшъ мэнэ зна́ты
И бо́роду почита́ты.

87.

Ой, по тимъ бо́ци Дуна́ю
Вивча̀рь ви́вци згоня́е,
На молодцѝвъ гука́е:
Ой, вы, хло́пци молодцѝ,
Та накажѝть вы ди́воцьци,
Що въ чэрво́ний ю́поцьци,
Та й нэха̀й мэнэ та й нэ ждэ,
Нэха̀й за́мижъ идэ!—
А ди́вчина зачу́ла,
Та й зъ у́лыци майну́ла.
Нэ дохо́дэ до двора̀,
Заболи́ла голова̀.
Нэ дохо́дэ до ворѝтъ—
Хвата́ецьця за живѝтъ:
Ой, лэлэчко, лэлэчко!
Болы̀ть въ мэнэ сэрдэчко,
Болы̀ть сэрцэ и живѝтъ,
Що то жъ любы̀въ, а то й нитъ.

88.

Ой, за ри́чкою, та за бы́строю—
Тамъ чумакѝ пылы̀ та гуля́лы.
И оды̀нъ чума̀къ нэ пье й нэ гуля́е,
На чума́чку ко́со погляда́е:
Ты жъ чума́чка, ты жъ моя̀ коха́нка,
Бэры̀ ключѝ, ключѝ торбо́выйи,
И одмыка̀й жэ скры̀ни грошо́выйи.
Та выбыра̀й гро́ши золоти́йи,
Та й пойи́дэмо у чи́стое по́лэ,
У чи́стое по́лэ,—въ широ́кэ раздо́льле.

89.

Пты́чка нэ вэлы́чка
По по́лю лита́ла,
Тра́вку розгорта́ла,
Со́кола шука́ла.
Со́килъ, соколо́чокъ,
Злэтѝвъ на дубо́чокъ,
На са́мый вэршо́чокъ,
Подэвы́вся въ го́ру,
Й скружѝвъ голово́ю,
Якъ ви́тэръ горо́ю,
Тума̀нъ долыно́ю,—
Й коза̀къ зъ дивчино́ю.
Дивчи́на, сирѝтка,
Нэ стэлы́сь широ́ко,
Стэлы́ся вузэнько
И прысу́ньсь блызэнько.
Бу́дэмъ сумува́ты,
Якъ на свѝти жѝты,
Бу́дэмъ размовля́ты,
Якъ дру́жбыны гра́ты.

90.

И дощъ пыщи̇̀ть,
Зъ горы̀ ко̀тыцьця,
Мэнэ жи́нка продала̀,
Та й рэго̀чэцьця.
И дощъ идэ,
Щэ й моро̀зъ бу̀дэ;
Дэсь моя́ ду̀шка
Ночува̀ть бу̀дэ;
Ночува̀ть бу̀дэ
У комо̀роцьци,
Пухова̀ подуши́на
У голо̀воцьци.
„На̀бикъ, хло̀пци, на̀бикъ, хло̀пци,
Бо чортъ Ма̀рка нэсэть,
Якъ поба̀чэ жи́нку зъ ва̀мы,
Его й тря̀сьця затрясэть.
— Нэха̀й тря̀сьця трясэть,
Щэ й цэбу̀ля зъ часныко̀мъ,
А я такъ молода̀
Погуля̀ю зъ козако̀мъ.
И дощъ пыщи̇̀ть,
Хмиль по ты̀пу вьѐцьця,
Нэма̀ мого̀ ду̀рня до̀ма,
Воно̀ й такъ мынэцьця.
И дощъ пыщи̇̀ть
И очерэтъ трыщи̇̀ть.
Мужъ въ миша̀нэ прыпыса̀всь
И нэ зна гро̀шэй дэ дить...
И дощъ пыщи̇̀ть,
Зъ стри̇̀хи вода̀ ка̀па;
Було̀ ко̀нэй косяки̇̀.
Тэпэръ одна̀ шка̀па.

91.

И шла̀ вдова̀ долы̀ною
Зъ малэнькою дэты̀ною.
Си̇̀ла вдова̀ спочива̀ты,
Малэ дытэ годува̀ты;
Си̇̀ла вдова̀ оддыха̀ты
Й ста̀ла собѝ размовля̀ты,
Тоску̀, го̀рэ размовля̀ты:
Якъ тутъ бу̀ты, дэ що взя̀ты,—
Сэбэ й ди̇̀токъ годува̀ты?.
Тэпэръ то щэ й и такъ и сякъ:
Малѝ ди̇̀ты, малэ й лы̀хо,
Поби̇̀льшаютъ,—поги̇̀рьшають.
Лу̀ччэ бъ минѝ васъ й нэ зна̀ты,
Якъ такъ въ сви̇̀ти горюва̀ты.
Лу̀ччэ бъ було̀ й не роды̀цьця,
Якъ по сви̇̀ти волочи̇̀цьця.
Ста̀ло̀ дытя пидроста̀ты,
Й само̀ собѝ прымовля̀ты:
Ой, чи во̀ля, чи нэво̀ля?
Нихто̀ нэ зна мого̀ го̀ря,—
Шо я въ ли̇̀си роды̀лося,
А у по̀ли хрэсты̀лося,
А у мо̀ри купа̀лося
Й тоскѝ-го̀ря набра̀лося.
Въ по̀ли зъ ли̇̀су со̀нцэ блы̀снэ,
А бля мо̀ря баба̀къ свы̀снэ,—
Я й всэ мо̀рэ пэрэплыву̀,
Й тоску̀-го̀рэ пэрэживу̀...
Зъ го̀ря ни̇̀женьки нэ но̀сять,
Зъ го̀ря й ру̀чэньки нэ ро̀блять,
Сви̇̀тъ голо̀воньку зкру̀жить,
Свитъ й поти̇̀шэ й пожу̀рыть.

92.

Ой, ты до̀ля, до̀ля,
До̀ки ты—нэво̀ля?
Й чомъ ты нэ така̀я,
Якъ до̀ля чужа̀я?—
Лю̀ды е й нэ ро̀блять,
Та хорошэ хо̀дять,
А я й заробля̀ю,
Та й въ сэбэ нэ ма̀ю.
Ой, шо загорю̀ю,
Та й тэ прогайду̀ю.
Ой, шо за молотю̀,
Та й тэ проколотю̀,

Обизва́лась до́ля
Та й по той бикъ мо́ря:
—Коза́чэ-дура́чэ!
Дурны́й ро́зумъ ма́йешъ.
Дурны́й ро́зумъ ма́йешъ,
Що до́лэньку ла́йешъ.
Нэ вы́нная до́ля,
Вы́нна своя́ во́ля:—
Е лю́ды й нэ ро́блять,
Та й нэ пропыва́ютъ,
А ты й заробля́йешъ,
Та й тэ пропыва́йешъ.

93.

Ой, тамъ чума́чэньки
Та́буромъ стоя́лы,
Й чайня́токъ зъ кубэлычка
Въ пэлэну забра́лы.
Лэты́ть шля́хомъ йи́хня ма́ты,
До зэмли́ торка́е,
Чайинятокъ—сэри́точокъ
За́браныхъ шука́е.
Наздигна́ла чума́чэнькивъ,
Та й ста́ла лита́ты.
Ду́хомъ чу́е свойи́хъ ди́токъ,
Та й ста́ла пыта́ты:
—Ой, вы до́бри чума́чэньки,
Вэрни́ть мойи́хъ ди́токъ.
Бу́ду я васъ догляда́ты,
Бэрэгты́ пожи́токъ.
Бу́ду я воли́въ вамъ па́сты,
Й бу́ду завэрта́ты,
До воды́ бу́ду гоня́ты,
Воли́въ напува́ты.
Нэ ду́малы чума́чэньки,
Щобъ та гомони́ла,
Щобъ та ча́йичка за ди́токъ,
Такъ бэ йимъ рачи́ла.
Нэ ду́малы й нэ гада́лы
Й у ка́ши звары́лы.
Та щэ вра́ньци посни́далы,
Й до́брэ попойи́лы.
Про тэ ча́йка узна́ла,
Та й слёзу́ вроныла,
Й заля́пала крыля́тамы,
Мовъ заголосыла:
—Бода́й жэ вы, чума́чэньки,
Й у Крымъ пэ сходы́лы,
Якъ вы мойи́хъ чайиня́токъ.
Зъ ка́шою пойи́лы!

94.

Загубы́лася дыты́на
Й по́ полю пыря́е,
Ны́шкомъ ски́глэ, втэра́ слёзы,
Ма́тэри шука́е.
Зсу́пылася зъ прохо́жимы,
Та й ста́ла пыта́ты,—
Яки куды́ иду́ть шля́хи,
Щобъ ма́тиръ здогна́ты.
Шляхъ розви́вся на вси киньци́,
Дэ жъ ёго́ узна́ты,
Въ яки́й кинэць пишла́ твоя́
Риднэсэнька ма́ты?
А дыты́на слу́ха й ка́жэ,
Якъ ва́гою ва́жэ:
Моя́ ма́ты малоро́са,
Ли́то й зи́му хо́дэ бо́са.
Дэбэла на вро́ду,
Й нэ хвора́ла зро́ду.
Мэнэ зъ ма́лу догляда́ла,
Збэрига́ла, годува́ла.
Вона́ мэнэ, до́бри лю́ды,
На всэ до́брэ наставля́ла:
Вчи́ла мэнэ ля́хивъ бы́ты,
За пэсыки жи́да бра́ты,
Свою́ ма́тиръ збэрига́ты,
Турэщину воюва́ты.
Вчила пра́вду догляда́ты,
Що на бильшъ, якъ трэба.
Хапуни́въ, пани́въ карта́ты,
Щобъ ба́чилы бъ й зъ нэба
. . . . . .
. . . . . .
—Нэ шука́й жэ йийи́, до́ню,
Вжэ той шляхъ зари́съ трав́ою,
Бурьяна́мы, будяка́мы,
Щэ й ды́кою кропиво́ю...

95.

Свитывъ мисяцъ,свитывъ ясный,
Та й ставъ помэрка́ты.
Любывъ па́рэнь дивчи́ноньку,
Та й ставъ покида́ты.
Ой, за ри́чкою, за быстрою
Стоявъ лисъ зэлэный,
Зарисъ, згустывсь, щэ й зробывся,
Якъ ни́чэнька, тэмный.
Въ тому́ ли́си надъ бэрэгомъ
Чэрэшня стоя́ла,
Та про цю́ю дивчи́ноньку
Зъ ду́бомъ розмовля́ла:
—Що на свити зробылося,
Кому́ воно́ схоти́лося,
Щобъ любыты й разлюбы́цьця?
Бода́й лу́ччэ й нэ родыцьця,
Та й па́росты нэ пуска́ты,
Щобъ нихто́ нэ смивъ чипля́ты,
Бо цэ въ свити щэ цвито́чки,
А буває́ть й ягидо́чки.

96.

Сму́тэнъ, сму́тэнъ чума́цький ота́манъ
Та й по та́бури хо́де.
Винъ нэ хо́дэ, ти́ко́ ру́ки ло́мэ,
Й шось очи́ма во́дэ.
Ой, вы хло́пци, чэснийи моло́дьци,
Ку́льши росправля́йтэ,
Возы ма́жтэ, воли́въ запрягайтэ,
Та шля́хомъ валя́йтэ.
—Гэй, та вжэ жъ возы та й пома́залы,
Й воли́въ повпряга́лы.
Нэ йшлы си́ри,—плывлы пидъ вагою,
Ажъ колэса гра́лы.
Ой, та йду́ть волы, та рыплять возы
Й бля ба́йрака ста́лы.
Ой, та й позбро́дылось товарыство
Й ра́ду прыклада́лы.
Выйижджа́ло та со́рокъ чоловикъ,
Щэ й чоты́ри разбо́йныкивъ.
Попэрэди гра́е на сы́вимъ кони́
Разбо́йныкъ-ата́манъ.
Ой, жэ гра́е, та до та́буру наблыжа́е,
Бу́чу замышля́е.
Ой, поти́шыцьця ду́мку мае,
Щожь бу́дэ,—нэ зна́е.
—Ой, вы хло́пци, до́брыйи моло́дьци!
Захопи́тъ вы дрю́ки въ руки,
Бы́йтэ, та вьяжи́тэ, на возы кладитэ,
Щобъ менчъ було́ му́ки.
Ой, та пойидемо у Полта́ву,
Та й зро́бымо товары́ствомъ
Чума́цькую сла́ву—
Бля ты́хого ста́ву.
Вся́сть гори́лочки напьемся,
Щэ й жиди́вочки набьемся
Зъ розбы́ныкивъ насмиемся,
Й сла́вы набэрэмся.

97.

Ой, чума́чэ, чума́чэ,
Въ тэбэ лычко коза́чэ.
Гэй, гэй, й охо-хо́,
Въ тэбэ лычко коза́чэ.
Чомъ нэ ра́но зъ Кры́му йдэшъ,
Та нэ всихъ чумакивъ вэдэшъ?
Гэй, гэй, йо́ хо-хо,
Та нэ всихъ чумакивъ вэдэшъ.
—Ти́ко жъ нэма́ й одного́,
Бра́та ри́дного мого́.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Бра́та ри́дного мого́.

Шукàвъ, шукàвъ й не знай-
шóвъ,
Та й заплáкавъ, та й пишòвъ.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Запрѝгъ волы, та й пишòвъ.
Косѝтъ, хлóпци, очэрэтъ,
Та бýдэмо вэчэрять.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та бýдэмо вэчэрять.
Та звáрымо судакà,
Та й помьянэмъ чумакà.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та й помьянэмъ чумакà.
Косѝть, хлóпци, лободý,
Та й забýдэмъ всю бэдý.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та й забýдэмъ всю бэдý.

98.

Усѝ брáцьци подружѝлысь,
Товáрыщи пожэнылысь.
А я сàмъ, молодэць,
Нэ жонàтъ й нэ вдовэць.
А якъ ожэнывся,
Й зáразъ зажурывся.
Нэ сàмъ йийѝ свáтавъ,
Та й нэ сàмъ выбыравъ,—
Такъ схотѝлось бáтьку,
Щобъ йийѝ узявъ.
Нэ пидъ мысли минѝ
Та й нэ по любóви,
Й нэ бѝлого лычка,
Та й не чóрни бровы.
Запрягàй же, Явсэй,
Цѝлу трóйку конэй,
Та й пойѝдэмъ въ Китàй,
Въ Китàй-городъ паняй.
Въ Китàй-городòчокъ,
Та на ярмарóчокъ.
Ой, нэ купывъ жѝньци
Нищó въ ярмарыньци,
Тѝко й купывъ жѝньцѝ,
Свойѝй любий Хѝмци,
Та нóвый корáбэль,
Й одàвъ сóтню рублэй,
Та щэ й зъ полтыною
Й конэй изъ дугóю.
Та й посадывъ Хѝмку,
Щэ й давъ йий дытынку.
То й корáблыкъ плывэ,
Хвылю гóнэ, рэвэ,
А въ нимъ Хѝмка сыдыть,
Та, якъ свѝчка, горыть,
А дытына крычѝть,
Та лунà дэсь лящѝть.
Нэ лящѝ ты, лунà,
Жѝнка йидэ самá.
Мылъ по бэрэжку хождаé,
Ручки й нѝжэньки ломáе.
„Ой, вэрнысь, та й вэрнысь“,
Хѝмка чýла колысь;
Нэ вэрнýся, мýжэ,
Бо ты бьесься дýжэ.
. . . . . .
. . . . . .
Побывъ рублэмъ, щэ й качáлкою,
Й нахвалявся щэ й нáгайкою.
Побывъ рублэмъ щэ й дубыною,
Та й зовэть тодѝ дружѝною.
Що ты бýлò, та й що ставъ.
Корàбль пóморю гуляв,
Нэ вмивъ Хѝмки шанувáты,
Чужѝмъ людямъ виддàвъ.

99.

Ой, на горѝ хáтка,
Тамъ булы й выбувáлы
Молодѝ дивчáтка:
Однà Кэсарѝвна,
Дрýга Ковалѝвна,
А трэтяя на выдý
Булà Кобзарѝвна.
Тàмъ на горѝ пшэнычэнька
Ярыця, ярыця.
Кáжутъ люды: Мыкѝтонка—
Пьяныця, пьяныця.

Ой, вы́шэнько, вы́шэнько,
Прысува́йся блы́жчэнько!
—Ой, якъ минѝ прысу́нуцьця,
Ска́жуть лю́ды, що лю́бляцьця.

100.

Ой, запы́въ до́брэ й загуля́въ
Молоды́й прыка́жчикъ;
Зви́сывъ руки й упустывъ
Винъ въ хозя́йський я́щикъ.
Що́ту гро́шамъ въ тимъ нэ зна̀въ,
Сти́ко ёму̀ трэба.
Полюбы́въ бо дивчи́ноньку,
То жъ ёго̀ потрэба.
Хочъ потрэба, нэпотрэба,
Любы́ть ди́вку трэба,
Бо й Богъ вэлы́ть дивча̀тъ любы́ть,
Москово̀къ цура́цьця.
Ой, запрѝгъ винъ вороно́го
Бля свое́йи во́ли—
Пры лужэчкахъ, бэрэжка̀хъ,
Пры щасли́вий до́ли.
У знако́мимъ табунѝ
Кинь заржавъ по по́лю,
Якъ пийма̀въ жэ вороно́го,
Й зануздàвъ вуздо́ю.
Торкну̀въ шпо́ромъ по-пидъ бо́комъ,
Кинь пырсну̀въ стрило́ю,—
То яра́мы, бэрэжка́мы,
Та по-мѝжъ траво́ю
Лэты́, лэты́ мий конэчэ,
Та й нэ торопы́ся,
Проты́въ мы́лойи дворьця̀
Та й застанови́ся.
Удàрь, удàрь копыта́мы
Та й пѝдъ ворота́мы,
Чи нэ вы́йдэ красо́точка
Зъ чо́рными брова́мы.
Нэ выхо́дэ красо́точка,
Выйшла йийѝ ма́ты:—
—Здоро́въ бувàвъ, мий зя́тыку,
Про́сымо у ха́ту!
Прывьязàвъ коня̀ къ крылэчку,
Самъ ввийшо̀въ въ свитлы́цю,
Й обня̀въ кри́пко ручиця́мы
Кра̀сную дивы́цю.

101.

Ой, у на́шого сосѝда
Собэра́лася бэсѝда.
Ой, лёлѝ по лёлѝ,
Собэра́лася бэсѝда.
Въ тий бэсэди мы гуля́лы
Й уря́дныка проклына́лы.
Ой, лёлѝ полёлѝ и т. д.
Ты, розсу́кинъ сынъ уря́дныкъ,-
Нэ ходы́ ты чэрэзъ садъ.
Ой лёлѝ....
Нэходы́ ты чэрэзъ садъ,
Нэ топчѝ чужѝхъ росàдъ
Ой лёлѝ....
Нэ бля тэбэ я сады́ла
Чухо́ньськойи поро́дыны.
Ой лёлѝ по лёлѝ...
А бля то́го я сады́ла,
Кого ви́рно я любы́ла.
Ой лёлѝ...
Нэ для тэбэ полыва́ла,
А бля то̀го полыва́ла—
Ой лёлѝ....
Я бля то̀го полыва́ла,
Кого̀ ви́рно цилува́ла.
Ой лёлѝ по лёлѝ,
Кого̀ ви́рно цилува́ла.

102.

По ю́лыцьци моло́дчикъ
Ча́сто похожда́е,
У вико́ньцэ мылэнькойи
Ны́шкомъ зазыра́е.
Чи ты спышъ, моя коха́на,
Чи лэжѝшъ-дрима́йешъ,
Объ своёму соко́лыку
Ду́моньку гадàйешъ?

Я й нэ сплю, мий голубо́чокъ,
Я всэ такъ лэжу̀;
Знай тэбэ всэ мылэнького
На ду́мци дэржу̀.
До смэрка́ньня на выгони,
Й по са́ду гуля́ла,
Та й зачу́ла голосо̀къ твий,
Та й тэбэ спизна́ла.

Иды жъ соби, ты, до до́му,
Чэрэзъ круту̀ го́ру,
Та й нэ ходы въ дэнь до мэнэ,
Й ко́ло мого̀ дво́ру.
Нэ ходы ты ходэня́мы,
Й нэ ступа́й ступэня̀ми,
Прылэты жъ ты соколко̀мъ
Надъ прычи́лковымъ викно̀мъ.

103.

Цвилы—цвилы цви́тыки, та й посо́хлы:
Любывъ мэнэ мы́лый дру̀гъ, та й поки́нувъ.
Поки́нувъ винъ, сэрдэнько, нэ надо́вго,
Нэ надо́вгэ врэмьячко,—на часы́ну.
Той часо́чокъ та й здавсь за дэнёчокъ,
А увэсь той дэнёкъ—за ци́лый годо̀къ.
Ззибра́вся мий мы́лый ой та й въ городо̀къ,
А я жъ за тимъ мы́лымъ та вжэ й нэ гонюся.
Гоны̀сь, гоны̀сь, сэрдэнько, за друго́ю,
Въ ы́ньший край за диво́ччою красо́ю.
Спышу̀, спышу́ гра́мотку я, вэсэла,
Та й видьдишлю̀ я на́ймытомъ изъ сэла.
Сама̀ бъ жэ я пусты́лася, такъ боюсь;
Пиду̀, пиду̀ до ба́тэчка, спыта́юсь;
Голу́боцьци мату́сэньки прызна́юсь,—
Пусты́, пусты́, мату́сэнько, погуля́ть!
—Гуля́й, гуля́й, ды́тятко́, та й нэдо́вго,
Нэдо́вгое врэмьячко—на часо́чокъ,
Бо вэчэромъ, до́ню, бу́дэ свато́чокъ,
Хотя́ть твою ко́соньку росплита́ты,
Бу́йную головоньку розчиса́ты.
Ой, у бо́ри, бо́ри—со́сна зэлэнэнька,
А у васъ, нэнько, та щэ й молодэнька,
Й ру́са жъ моя ко́сонька йи щэ коротэнька,
Й умо̀мъ то я, й ро́зумомъ, мату́сю, глупэнька.

104.

Ой, у насъ у корчми
Два коза́ки гуля́лы,
Воны жъ пьють,—гуля́ють,
Та й зъ собою ди́вку
На Динъ пидмовля́ють:
„Ходѝмъ, кра́сна ди́вка,
Зъ на́мы, козака́мы,
На Динъ полуля́ты!
Ой, у насъ на Дону̀
Нэ поту́тэшнёму:
Тамъ нэ тчуть й нэ прядуть,
А въ соро́чкахъ хо́дять.
Тамъ соло́му сичуть
Й пирижэчки пычуть,

Лушнэ сино смажуть,
Та пирижки мажуть".
Дурна була дивчинонька,
Возьмы та й послухай,—
Пишла на Динъ зъ козакамы,
Та й бильшъ нэ вэртались.
Прывьязалы тую дивку,
Ой, та до сосныны,
Й запалылы сосну
Зъ вэрху та до корню.
Горыть сосна й тлие,
А дивчина млие.
Тая сосна горыть,
А дивчина крычить:
„Мамо жъ моя, мамо!
Въ тэбэ дочокъ щэ пьять,
Й нэ пускай йихъ, мамо,
Та й на вулыцю гулять.
Нэхай дома сыдять,
Та й нэхай нэ люблять
Хлопцивъ молодэнькихъ;
Ой, нэхай нэ люблять,
Якъ я йихъ любыла,—
Сама молодэнька
Сэбэ загубыла".

105.

Ой, закотылось сонэчко,
Та й за зэлэный гай.
Вставай, дочко, нэвдашечко,
Оцэй сонъ одгадай.
Встала дочка-нэвдашэчка
Та й сонъ той гадаты:
Нэ вмывалась, нэ втыралась,
Пишла въ полэ жаты.
Жала, жала, та й до шляху
Взяла й похэлылась,
За тымъ яснымъ соколыкомъ
Крипко зажурылась.
Нэ журысся, моя доню,
Нэ журысь, нэвдашка,
Йидэ сокилъ твий зъ дороги,
И сыня сэмыряжка.
На коныку розийиджае
По крутэнький гори,
Й завывае чорни кудри
На свойий голови.
Кинь чэркэськiй пидъ нымъ пляшэ,
И гостра шабля бряжчить.
Чэрэзъ тору поглядае,
Письню роспивае:
— Ой, вжэ жъ мини надокучило
Цийи кудри вьючэ,
Ой, вжэ жъ мини надокучило,
Йихъ завывайочэ,
На чужийи молодыци
Та й завыдуючэ,
Въ билэ лычко, чорни бровы
Заглядайочэ.
Чужи й гарни молодыци
Скризь, якъ розовый цвитъ,
Надъ моейи жъ нэвдашэчки
На всимъ билимъ свити нить.

106.

Ой, оддавъ мэнэ батько
Та й за нэдоростка,
А я жъ того нэдоростка
Й зроду нэ любыла.
Чотыри нэдиллэньки
Зъ нымъ нэ говорыла,
На пятую нэдиллэньку
Та й заговорыла:
„Ой запрягай, нэдоростку,
Коня вороного,
Та й пойидемъ, нэдоростку,
До роду у госьти.
Ой, нэ йидьмо долыною,
Та пойидемъ яромъ,
Скризь всэ полэмъ по-надъ лисомъ,
Та зэлэнымъ садомъ".
Ой, йихалы жъ воны полэ,
Йихалы й другое,
А якъ зийихалы на трэте,
Сталы повэрталы.

Ой, слу́хай жэ, нэдоро́стку,
Що бу́ду каза́ты:
„Спэня́й шка́пу та йды въ лисъ
Пулуны́ць шука́ты“...
Нэдоро́стокъ вжэ пидъ во́зомъ,
Сама̀ жъ пишла̀ за рого́зомъ,
И прывьяза́ла нэдоро́стка,
Бу́цимъ зъ полюбо́ви,
До со́сны плычи́ма,
До дво́ру очи́ма.
Сама̀ жъ си́ла й пойи́хала
До ба́тэнька въ го́сьти.
Та й нэ до́вго госьтюва́ла,—
Чоты́ри нэди́льи,
А на пья́ту нэди́лэньку
До до́моньку йи́дэ.
Та й до сво́го нэдоро́стка
У бо́ри зайи́дэ:
„Здоро̀въ, здоро̀въ, нэдоро́стку!
Чи спышъ, чи дрима́йешъ,
Чи ты мэнэ, мылэсэньку,
Зъ гостэй дожида́йешъ“?
—„Ой, я жъ, моя̀ зозу́лэнька,
Нэ сплю й нэ дрима́ю,
То я жъ тэбэ, сэрдэня́тко,
Зъ гостэй дожида́ю.
Ой, дай мини̇̀, моя̀ пта́шка,
Хочъ воды̀ напы́тысь!“
—Такъ ты бу́дэшъ, мий мылэньки́й,
Щэ до́ма хвалы́тысь“!?
—„Ой, нэ бу́ду, моя̀ мы́ла,
Й далэби нэ бу́ду,
Та й вжэ жъ твого̀ гостюва́ньня
Й по викъ нэ забу́ду.
Ой, розвьяжи̇̀ жъ скори̇̀шъ, мы́ла,
Хошъ би́лийи ру́ки.
Ой, вжэ жъ мойи̇̀ би́ли ру́ки
Набра́лыся му́ки.
Ой, вжэ жъ мойи̇̀ би́ли плэчи
Набра́лыся тэчи“...
—Ой, чого̀ жъ ты, мий го́лубэ,
Въ лы́чэнька змины́вся?
— Того, мы́ла, що въ тэстэнька
Гори́лки напы́вся.

107.

Эй, слу́хай жэ, Ма́рочку,
Шо-сь бу́ду каза́ты:
Ой, запрягай, Ма́рочку,
Коня̀ вороно́го,
Та й пойи́дымъ, Ма́рочку,
До попа̀ виньча́тысь.
Ой, пишлы̀ виньча́тыся,
Нэма̀ попа̀ до́ма.
Ой, твоѐ жъ нэща́сьтячко,
А моя̀ нэдо́ля.
Ой, запрягай, Ма́рочку,
Коня̀ вороно́го,
Та й пойи́дымо зъ тобо́ю
До ма́тэри въ го́сьти.
Ой, йи́халы по́лэ,
Й йи́халы друго́е,
Ста́лы повэрта́ты.
Ой, слу́хай жэ, Ма́рочку,
Шось бу́ду каза́ты:
Ой, вы́гостры, Ма́рочку,
Но́жичокъ гострэнько,
Та й ври́жу я полотэньця
Тоби̇̀, моѐ нэнько,
Ври́жу Ма́рку на рука́вця
Тонэнького зъ лёну.
Ой, нэ ври́зала жъ Га́ля
Тонкэ полотэньцэ,
Та й встромы́ла но́жичокъ
Ма́рку про́ты сэрьця...
Сама̀ си́ла й пойи́хала
До ма́тэри въ го́сьти.
А Ма́ркова ма́ты
Вы́йшла зустрича́ты:
Ой, Ма́ркивъ жэ ко́нычокъ
Та нэ Ма́рко йи́дэ,
И Ма́рково сидэлэчко
Та нэ Ма́рко сыдыть.
Ой, Ма́ркова нага́йёчка,
Та нэ Ма́рко маха̀,
Й Ма́ркова сопи́лочка,

Та нэ Ма́рко гра.
Ой, дэ-сь, ма́буть, могò Ма́рка
Та й на свы́ти нэмà...

108.

Мы изъ ма́мкою стоя́лы
За новы́мъ забо́ромъ.
Мий мылэсэнький идэть,
Идэть зъ пэрэбо́ромъ.
Ступа́е ривнэнько:
Чомъ нэ па́рэнь,
Чомъ нэ бра́вый?
Дывы́сь, моя́ нэнько!
—„Хоть и па́рэнь, хоть и бра́вый
Нэ бу́ду дывы́цьця.
Одда́мъ тэбэ за нэлюба,
Ты бу́дэшъ журы́цьця".
Ма́ты двóрыкъ наняла̀,
За нэлюба оддала̀.
А щэ жъ мини̇ прыказа́ла,
Щобъ я ёго шанува́ла.
А я жъ ёго шану́ю,
Якъ соба́ку руду́ю:
На прыпо́ни прыпына́ю,
Помы́ямы напува́ю.
За Даны́ла ма́ты бы́ла,
Щобъ Даны́ла нэ любы́ла.
Винъ горба́тый, та похы́ла,—
Тымъ я ёго й полюбы́ла.

109.

Жила̀ вдова̀ на край сэла̀,
Булò въ нэйи дэвьять сыни̇въ,
И дэся́тая дóчка Га́нна.
Уси̇ сыни̇ въ разбòй пишлы̀,
Ганну́сю за́мижъ виддалы̀
За кра́маря, крама́рёчка.
Ой, той кра́марь, крамарёчекъ
Ставъ за Га́нною розийиджа́ты
По всихъ всю́дахъ торгува́ты.
Якъ пойи́хавъ крамува́ты
И ставъ пидъ ли́сомъ ночува́ты,
И ста́лы ту́чи нахожда́ты.
То жъ ту́чи, то жъ нэ хма́ры,—
Розбо́йнычки хо́дять въ па́ри.
Въ ли́си, то жъ, нэ гримъ грымы̀ть,
Ой, то жъ ношны̀й розбòй шумы̀ть,—
И шумы̀ть и надблыжа́йицьця,
А злоди́йи увыжа́юцьця.
Нэ спыть кра́маро зъ крама́рькою,
Та й зля́ку жаха́юцьця.
Прыйшла̀ пора̀ нэмыну́ча:
Взялы̀ воны̀ та й убы́лы
Тогò кра́маря бля ли́су,
А крама́рьку билобры́су
На сидэльцэ пидвалы́лы,
Та й зъ собо́ю пидхваты́лы...
Мэньчи браты̀ пьють, гуля́ють,
На крама́рьку зазыра́ють;
Ста́рший ти́ко нэ пье, й нэ гуля́е,
Та всэ крама́рьку пыта́е:
Скажи̇, скажи̇, крама́рочко,
Чи хоро́шого ты ро́ду?
— А я ро́ду удо́вого,
А прыри́дку княжэцького:
Жыла̀ вдова̀ на край сэла̀,
И булò въ нэйи дэвьять сыни̇въ
И дэся́тая дóчка Га́ля.
А ти сыни̇, якъ пидрослы̀,
Та й зняли́ся,—въ розбòй пишлы̀,
А мэнэ жъ за́мижъ оддалы̀
Та й за цёгò крама́рыка,
Що видъ мэнэ одняли́.
— Ой, бра́цьци, що жъ мы й наробы́лы?
Устава́йтэ, зя́тя мы убы́лы.
Чомъ ты, Га́лю, нэ сказа́ла?
Мы нэ зна́лы, й зя́тя заруба́лы.
Та й зъ тобо́ю, мижъ чужо́йи,
Жы́ты замышля́лы.

110.

Пры́йдэ пра́знычокъ нэди́льля,
Й ти́ко со́нычко захо́дэ,
Вже мий мы́лый, чорнобры́вый,
По разбо́ю ужэ хо́дэ.
А зъ разбо́юшку идэть,
Й дэвьять ко́нэкивъ вэдэть,
На дэся́тимъ самъ сэды́ть.
Й гостру́ ша́бэльку дэржи́ть.
Нэ дойижджа́ до двора̀:
Здоровъ, мы́лая моя̀!
Одчи́нювай ворота̀,
Й вори́точка тэсови̇̀,
Бо йдуть ко́ни вороні̇̀.
Бэры́жъ, мы́ла, дэвьять ко́ни
Щэ й соро́чэчку лённу̀.
Та йды въ ри́чку намочи̇̀
Нэ розго́ртуючи.
Моя̀ ду́шка нэ зтэрпи́ла,
Соро́чэчку разгорну́ла:
Ой, нэ есть жэ мужъ ты мий,
Есть разбойничокъ ношны́й!
Ой, й убы́въ жэ ты й убы́въ,
Мого̀ бра́та ри́дного
И шу́рына своёго.
—Нэ я жъ ёго, мы́ла, вбывъ,
Вбы́ла его тэмна ничь;
Я на ёго гукъ пода̀въ,
Щобъ зъ дори́жэньки звэрта̀въ,
Винъ зъ дори́жки нэ звэрну̀въ,
Та й голо́воньку избу̀въ.
Покоты́лась голова̀,
Якъ та маки́вочка;
Й полэти́ла душа зъ ти́ла
Якъ та ла́стивочка.

111.

А въ Диньци́вци въ кабаци̇̀,
Та збэра́лысь удивци̇̀.
Воны̀ ра́ду прыклада́лы
Й свойи̇̀хъ жино̀къ изгада́лы:
Яка лу́чча жи̇̀нка,—
Чи пэрва, чи дру̀га,
Чи трэтя валю̀га?
Я зъ пэрвою ди́токъ мавъ,
А зъ дру́гою розигна̀въ,
А зъ трэтёю позбыра̀въ,
Й на той свитъ позагноня̀въ:
Ти́ко ди́ты на пори́гъ,
А ма́чиха за бати̇̀гъ.
Ти́ко ди́ты за кусо̀къ
А ма́чуха у высо̀къ.
Ди́ты жъ мойи̇̀, ди́ты,
Дэ жъ мини̇̀ васъ ди́ты?
Чи мини̇̀ васъ, ди́ты,
Въ ри́цьци потопы́ты,—
На мо́рэ пусты́ты?
Чи, мо́жэ, живы́мы
Въ зэмлю закопа́ты.
Чи, мо́жэ васъ, ди́тки,
Чужи̇̀мъ лю̀дямъ да́ты?...
У ри́чку поки́нуть,
То вы й поплывэтэ,
У мо́рэ ки́нуты,
То вы й пото́нэтэ.
Въ зэмлю закопа́ты,
Бо васъ й нэ бу̀дэ.
А лю̀дямъ видда́ты,
Ду́же жа́лко бу̀дэ.
Ды́нъ, ка́жэ, утоплю̀сь,
Дру́гый, ка́же, зави́сюсь,
Трэтій, ка́жэ, пиду̀ въ лисъ,
Нэха́й мэнэ дзвиръ иззи̇̀сьть...

112.

Ой, у са́ди муги́ла,
А на тий муги́лы
Росла́ кущэ̀мъ калы́на,
А на тий калы́ни
Та зозу́ля кува́ла.
Ой, то жъ нэ кува́ла,
Ти́ко юртова́ла,
Сы́выми очи̇̀ма
На даль позыра́ла.

Та й нихто̀ й нэ ба́чэ
Сы́войи у гайи,
Та й нихто й нэ чу́е,
Якъ вона̀ воркуе.
Ой, ти́ко й почу́ла
Та одна̀ молода̀,
На круту̀ го̀ру йдучэ
И видэрьця нэсучэ.
Повстрива̀въ мылэнький,
Й зна̀въ изъ плэчъ видэрьця:
Чого̀ жъ, мы́ла, така̀ ста́ла,
Ажъ на выду̀ брэзка?
—Я жъ тоби́, мылэнький,
Всю пра́вдоньку роскажу̀:
Ой, я жъ твойй нэньци
Ни́якъ й нивчи̇̀мъ нэ вгожу̀:
Сти̇̀ны пома́жу,—нэ гля́нэ,
Лавки̇̀ помы́ю,—нэ ся́дэ;
Що бъ нэ зди́лавъ,—ла́е
Й ви́къ мий короте́е.

113.

Я зъ пэрвою на̀жи́вся,
А зъ другòю набы́вся.
Я зъ пэрвою ди́токъ мавъ,
А зъ дру́гою розигна̀въ.
Хòдэ ба́тько по двору̀,
Клы́чэ дитэй до до́му:
Иди̇̀тъ, ди́ты, до дòму,
Гирко жи́ты само́му!
—Живы́, та́ту, тэпэръ самъ,
Колы́ га́рну жи̇̀нку взявъ,
А мы бу́дэмъ ходы́ты,
Чужи̇̀мъ лю́дямъ робы́ты.
Бу́дэмъ гро́шэй заробля̀ть,
Свою̀ нэньку помына̀ть.

114.

Ой, ужэ жъ нэнько, та не ранэнько,
Та пора́жъ мини̇̀ та до до́моньку.
Ой, есть у мэнэ та воркунъ до́ма,
Та й на мою̀ та голòвоньку.
Ой, воркунэ, та воркуно́чку,
Та не бый мэнэ й у голо́вочку.
Ой, мэнэ ма́ты то годува́ла,
Й головоньку та й не побыва́ла.
Ой, пиду̀ жъ я та до роды́ны:
Ро́ду мий, ро́ду жа́листлывый,
Часту̀й мэнэ та частэсэнько.
Щобъ нэ було̀ жалибнэсенько.
Есть у мэнэ тры ди́лычка до́ма:
Пэрвэ ди́ло—дыти́на мала́я,
Дру́гэ ди́ло—свэкру́ха лыха́я,
Трэте дило—мий мы́лый рывны́вый.
Ой, пиду́ я поманэсэньку,
Та й пиду̀ щэ й потыхэсэньку.
Ой, що жъ, мы́лый,—чимъ на мэнэ ды́шэ?
А мий мы́лый, дыты́ну колы́шэ.
Колы́шачэ, та ва́жко ды́шэ.
Хвалю̀ Бо́га, та щэ й нэ по ма́лу,—
Завэрну̀ся щэ й пы́ва напью̀ся,
Зъ мы́лымъ ро́домъ та й наговорю̀ся.

115.

Ой, стара̀ ты, ма́ты,
Пора́дныця въ ха́ти,
Та пора̀дь мэнэ, ма́ты,
Що жи́ньци каза́ты.
—Та сидла̀й жэ, сы́нку,
Та сы́ву кобы́лку,
Та поня̀й ты́, сы́нку,
Та й у го́родъ Китай.
Та й купы́ тамъ, сы́нку,
Золоту̀ нага́йку,
Й карта̀й свою̀ жи́нку
Зъ вэчэра до ра́нку...
Зъ вэчэра кумо́ря
У па́рьня дзвини́ла,

Зъ пи́вночи нага́йка
Кита́йська шуми́ла,
А къ би́лому сви́ту
Мы́ла й одуби́ла.
Лэжи́ть собѝ мы́ла,
Якъ ожи́на сы́ня.
То стоя́ла мы́ла,
Якъ бума̀га би́ла.
Ой, пора̀дь менэ, ма́ты,
Що тэпэ̀ръ каза́ты?
—Та сидла̀й же, сы́нку,
Та би́лу кобы́лу,
Та́ й поная́й же, сы́нку,
По йийи́ роды́нку...
Ой, тэпэ̀ръ же, ма́ты,
Ро́ду нэ збыра́ты;
Ро́ду нэ збэра́ты
Й тюрьмы́ не мына́ты.
Та пора̀дь же, ма́мко,
Дэ жи́нку дива́ты?
—Хочъ зъ мо́сту, та въ во́ду
Та й бизъ йийи́ ро́ду.

116.

Ой, у лу́зи, та щэ й пры бэрэзи.—
Черво́на калы́на.
Ой, породы́ла та уди́вонька
Хоро́шого сы́на.
Ой, дэ жъ вона̀ ёго̀ породы́ла?
Въ зэлэний дибро́ви.
Та не дала̀ ёму̀, молодо́му,
Ны ща́сьтя й ны до́ли.
Гэй, розвыва́йся, ты стары́й ду́бэ,
За́втра моро̀зъ бу́дэ;
Убыра́йся, молоды́й коза́че,
Завтра похо̀дъ бу́дэ.
Ой, я жъ моро́зу та й нэ боюся,
Завтра розивьюся;
Ой, та я жъ похо́ду нэ боюся,
За́втра й убэру́ся.

117.

По-надъ я́ромъ, я́ромъ
Тры садо̀чки рядомъ;
У пэрвимъ садо́чку
Соловэй щэбэчэ,
Въ дру́гому садо́чку
Зузу́ля кува́ла;
А въ трэтимъ садо́чку
Клы̀нъ дэрэво при́э.
А пидъ тымъ то клы́номъ
Стойи́ть ма́ты зъ сы́номъ.
Стойи́ть, совита́е,
У сы́на на ста́ристь
Пра́вдоньки пыта́е:
—Ой, сы́ну, мий сы́ну!
Скажи́ свойи́й нэньци,—
Хто въ сви́ти мили́ший,
На слово вирни́ший,
Й хто въ сви́ти ридни́ший—
Чи жи́нка, чи тэща,
Чи нэнька риднэнька?
—Жинка для сови́ту,
Тэща для привиту,
А нэнька риднэнька—
Вся пра́вда риднэнька.
Надъ нэньку риднэньку
Нэ ма́е мили́шэ,
Жалки́шэ й ридни́шэ
На всимъ би́лимъ сви́ти:
Якъ мэнэ рожа́ла,
То й смерти бажа́ла,
А якъ же ростыла,
То й Бо́га просы́ла,—
По́ки ожэны́ла.

118.

Ма́ты сы́на ожэны́ла,
Й нэви́сточки нэ злюбы́ла,
Та й посла́ла йийи́ въ по́лэ
Скакунъ лёнокъ прополо́ты:
Полы́ жъ, полы́, та й до до́му
Ты изъ по́ля нэ ходы́!

Ой, полю жъ я, та й полю
И до домоньку нэ йду.
Пропола́ла той лёнокъ,
Та й зробылася былынушкою,
А ишовъ козакъ, та долынушкою.
Ой, долынушка протяга́ецьця,
Козакъ до нэйи прихиляецьця;
Прыйшовъ до дому, та й
пыта́ецьця:
Ой, шо жъ то есть, ма́ты,
Въ поли за бэлына,
Шо сама бизъ витру
Колыха́ецьця,
Бизъ ясного сонцьця
Сокруша́ецьця?
Гострыи, сынокъ,
Гостру шабэльку
Й зруба́й, сыну,
Ту былынушку!
Пэрвый разъ винъ кинувъ,
Та й нэ докинувъ,
А другий разъ кинувъ,
Та й пэрэкинувъ.
А трэтий разъ кинувъ—
Та й по тий былыни
Впала на долыни
Та й заговорыла:
„Оцэ жъ твоя маты
Та такъ наробыла,
Що насъ молодымы
Тэпэръ розлучила.

119.

Якъ бэ мини нэ тыны
Та й нэ пэрэла́зы,
Ходывъ бэ я до дивчины
По чотыри разы.
Якъ бэ мини нэ тыны
Та й нэ пэрэтынки,
Ходывъ бэ я до дивчины
Всякойи годынки.
Щобъ шпоры нэ бряжча́лы,
Щобъ собаки нэ гарча́лы,
Щобъ и наши нэ почулы,
Що зъ тобою мы ночуемъ.
Ночувала пэрву ночку
Изъ тобою у садочку;
Ночувала я и другу
У зэлэному лугу;
Ночувала ничку й въ трэте
У самому очэрэти.
Видтыля я выходыла
Й мылэнького выводыла.
Щэ й словами улыща́ла:
Ходимъ, мылый, я казала,
Щобъ намъ билшэ та й нэ
зна́цьця,
Бо пора намъ разлуча́цьця,—
Щобъ мы въ пари нэ ходылы,
Щобъ и свита нэ нудылы,
Щобъ насъ й люды нэ зналы,
Шарлата́нами нэ звалы.

120.

Ой, пойихалы на вловы,
Та й вловылы комаря;
Стали суды судыты,—
Комарэчка дилыты:
Сёму, тому по стэгну,
А Макару лэгэню,
Шо въ его жинка Олэна;
Антонови голова,
Що дурный винъ безъ ума;
А Павлови ратычки,
Що чёрнэньки бривочки;
А Ягору пичинку,
Що обирваный зъ прычилку;
Даныловн кишэчки,
Щобъ любылы дивочки;
А Якимови рэбрыщэ,
Бо у его витэръ свыщэ.

121.

Усэ лужки, крути бэрэжки,
Нигдэ й воды напытися;
Нэма роду, нэ родыноньки,
Ни до кого й прыхылытыся.

Прыхилюсь я та й до дубо́чка;
А дубо́чокъ та й нэ ба́тэнько:
Ви́тэръ ви́е, широ́кий лыстъ ма́е,
Й нихто̀ сло́ва та й не промовля́е
Нэма̀ ро́ду, нэма̀ й ны роды́ны,
Ни до ко́го й прыхилы́тыся.
Прыхилюсь я та й до я́блоньки,
А я́блонька та й нэ ма́тинка:
Ви́тэръ ви́е, широ́кий лыстъ ма́е,
Й нихто̀ сло́ва та й нэ промовля́е.
Нэма ро́ду, та й не роды́ны,
Нѝ до ко́го й прыхилы́тыся.
Прыхилюсь та й до клыно́чка,
А клыно́чокъ тай нэ бра́тичокъ:
Ви́тэръ ви́е, широ́кий лыстъ ма́е,
Нихто̀ сло́ва та й нэ промовля́е.
Нэма̀ ро́ду та й нэ роды́ны,
Ни до ко́го й прыхилы́тыся.
Прыхилюсь я до осы́чиньки,
А осы́чка й нэ сэстры́чэнька.
(Прысьпива).
Прыхилюсь я та й до ясыно́чка,
Ясыно́чокъ та й то жъ нэ сыно́чокъ.
(Прысьпива).
Прыхилюсь я та й до лыпыно́чки,
А лыпыно́чка та̀ й нэ до́чэчка.
Ви́тэръ ви́е, широкий лыстъ ма́е,
Нихто̀ сло́ва та й нэ промовля́е.
Нэма ро́ду та й нэ роды́ны
Нѝ до ко́го й прыхилы́тыся.

122.

Якъ вы́йду я за воро́та,
Та й погля́ну у прывлэ:
Чужимъ ди́тямъ жи́ты га́рно,
Мойимъ—горюва́ньне.
Якъ вы́йду я за воро́та,
Та й гля́ну у кру́чу:
Тэпэръ тобѝ, мий ба́тычку,
Викъ я нэ доку́чу.
Якъ вы́йду я за воро́та,
Та й гля́ну на пи́ски,—
Якъ нэ дастэ коны́чэнька,
То я й пиду̀ пи́шки.
Та йдуть дощѝ, та йдуть дри́бни,
Та всэ тучэчка́мы.
Ой, чужѝ йи́дуть гостыночки,
Та всэ парочка́мы,
А мини́ жъ то молодэнький
Й па́рочки нэ ма́е,—
Ти́ко жъ минѝ тийи й па́ры,
Що очи́ци ка́ри.
Ти́ко жъ минѝ й полюбо́ви,
Що чо́рнийи бро́вы.
Якъ на йихъ ти́ко дывлю́ся,
Тоди й нэ журю́ся.

123.

Щэ й бурла́ка нэ посла́вся,
Вжэ хозя́йинъ нашъ проспа́вся:
Вставàй, бурлàкъ, го́ди спа́ты,
Порà, бурлàкъ, волѝвъ гна́ты!
Ззигну̀всь й пишо̀въ бурлàкъ я́ромъ,
За купэчэцькимъ това́ромъ.
Та пишо̀въ я́ромъ за това́ромъ
Обло́гамы—за вола́мы.
Гэй, гэй, облога́мы—за вола́мы,
Манивця́мы за вивця́мы,
А поло́захъ—за коза́мы.
Зполоши́лысь ви́вци й ко́зы,
Полама́лыся зано́зы.
Чи́рна хма́ра наступа́е,
Бурлàкъ смэртоньки бажа́е:
Подай, Божэ, смэрты зъ нэба.
Вжэ бурла́ку жить нэ трэба,
Бо бурла́ка й такъ нажи́вся:
Бизъ кужу́ха натруды́вся
Й бизъ чобито̀къ находы́вся.

124.

Изъ-за горы, изъ-за кручи
Вылитáлы гýсы,
То нэ гýсы, то нэ сирі,—
Слýги молодийи.
Ой, бижить, вы, та здожэ-
нить
Лита молодийи.
Якъ побиглы, та й здогнáлы
На дибрóвимъ мóсьти:
Вэрнитыся, лита мойи,
Хоть на часъ у гóсьти!
—Нэ вэрнымось, дивчинонько,
Й нитъ тобі ничóго,—
Булобъ тобі шанувáты
Здорóвьячка свóго!
Якъ зроблю я зъ рóжи квитку,
Та й пустю на вóду—
Плывы, плывы, зъ рожи квитка,
Та й до мóго рóду.
Плыла, плыла съ рóжи квитка,
Та й стáла кружицьця.
Выйшла мáты воды брáты,
Та стáла дывыцьця.
Роспизнáла тýю квитку,
Та такъ й упиймáла:
Ой, чого жъ ты, зъ рóжи квитка,
На води ззовьяла,
Та й чого жъ ты, моя дóню,
Така стара стáла?
—Изсушила й зовьялыла
Чужáя вкрайина;
Та й нэ такъ та украйина,
Якъ врáжа дружина;
Вона свиту умалыла,
Що я й нэ бажáла,—
Й одъ млáдости до стáрости
Добра не вздривáла.

125.

Та й задýмала удóвушка
Та й забогатить:
Та й наняла жъ мэдвэдыка
За плýгомъ ходыть,
А вóвчика сирэсэнька
Волівъ погоныть,
А зáйчика-стрыбáйчика
Пэрэдьнихъ водыть,
А лáсочку-Парáсочку
Обидать варыть.
Сама жъ бýдэ удивóнька
У пóлэ косыть.
Розсэрдывся мэдвэдычокъ,
Та й плугъ поламавъ,
А вóвчычокъ сирэсэнький
Волівъ розигнавъ,
А лáсочка-Парáсочка
Горшки побыла,
Та й лáсощи, яки булы,
Сама пойила.
Идэ вдова изъ обидомъ,
Спотыкáецьця;
Сыдыть мэдвидь на зироцьци
Й усьмихáецьця.
А мэдвэдю—кусокъ мэду,
Вóвку—барана,
А зáйчику-стрыбáйчику
Шматокъ качана,
А лáсоцьци-Парáсоцьци
Нэмá ны чорта!

126.

Сэлянынъ зъ сэлянкою
Пшэнычэньку жáлы.
Ой, та жáлы, жáлы,
Й у снопы вьязáлы.
Снопы повьязáвшэ,
У кóпы поклáлы.
А поклáвшэ въ кóпы,
Силы оддыхáты.
Ой, дэ нэ взялося
Та два татарёнка,
Та й взялы сэлянку
За билу ручóнку,
Й повэлы зъ собóю
У нову свитлыцю;

Ёго жъ нэборáку
У тэмну тэмны́цю.

127.

Ой, вы, лужкй, та бэрэжкй,
Та якъ водà васъ облягла̀,
Й отàкъ мэнэ жъ молодóго
Та тэпэръ журбá обняла̀.
Булó ди́ло,-зэлэни́лы
Лужкй и́ ти́йи бэрэжэчки;
Була̀ въ лю́дяхъ лáска, другй,
Та всэ дóбрэ товары́ство.
Тэпэръ сами́йи жъ ворогй,
А въ пóли гóры та яры́,
Зривня́ло зъ шля́хомъ, хочь оры́.
Колы́сь булá рóскишъ, вóля,
А тэпэръ самà нэвóля:
Лы́хо нáлыхо прысьпи́ло
Й всэ, якъ въ пэкли, заки-пи́ло.
Ой, пусьтю проклятý жýрбу,
Въ Дунáй ри́чэньку пусьтю;—
Плывы́, плывы́, трыкля́тая,
По крутóму бэрэжкý.
Плывэ жýрба по Дунáйи
Й самà сэбэ ти́ко й знáе;—
Болы́ть сэрцэ й голóвонька,
Що змины́лась сторóнонька:
Тумàнъ пóлэ налягáе,
Й бáтько сы́на выгоня́е,
А якъ сóнцэ пидогри́е,—
Ёго мáты завэртáе:
Иды́, сы́ну, до дóмоньку,
Змы́ю тоби́ головоньку!
Измы́й, измы́й свойи́й дóньци,
Мини́ жъ змы́ють дóщи дри́бни,
А рошчэшуть ви́тры буйни.

128.

Тумàнъ я́ромъ налягáе,
По-ми́жъ ты́мы, та густымы,
Голубóчокъ сызъ литáе.
Винъ литáе й воркутáе:
Й ой, такъ тя́жко, й ой, такъ вáжко,
Й а щэ жъ тя́жчэ, й а щэ жъ вáжчэ
Кры́льця вгóру пидоймáты,
И тя́жко, вáжко воздыхáты.
Ой, хто кого̀ ви́рно лю́бэ,
И пóтимъ мýсэ покидáты?
Кидà тáтонько̀ дыты́ну,
А козáчэньку дивчи́ну...
По-пидъ мóстомъ въ траву̀ рóстомъ
Щýка ры́ба выгравáе,
И по-пидъ мóстомъ, травà ростэ
Та й воды́цю покрывáе.
Видты́ль щýка вырынáе
И хвостòмъ хвы́лю разгоня́е.
То жъ нэ ры́ба, то жъ й нэ щýка,
А то жъ зъ мы́лэнькимъ розлýка.
Розлучи́ла нэдóлэнька,
Чужà—дáльня сторóнонька.
Разлучи́ла, якъ хоти́ла,—
И бизъ мы́лого тэпэръ мы́ла.

129.

Злэти́въ сóкилъ на дубóчокъ,
За нымъ сы́вый голубóчокъ.
И спивà пи́сни по нэвóли,
Що нэ ри́вна въ сви́ти дóля.
Пытà старый молодóго:
Чи ты нэ вмрэшъ изò мнóю?
Умры́, кáжэ, ты сёгóдня,
А винъ зáвтра за тобóю.
Умры́ зъ вэчэра,—винъ врáньци
Та й полóжуть въ одни́й я́мци.
И однà бýдэ домовы́на,
Якъ у бáтэчка дыты́на.
Та й въ однý труну̀ полóжуть,
Якъ до ýтрычка пидóждуть.
Бýдуть рóдычи тужи́ты,
И по всимъ сви́ти говори́ты:

Нэ спива́йтэ пи́сэнь ду́жэ,
Да́ли бу́дэ лю́дямъ ху́жэ.
Та й нэ журѝть голо́воньку,
И лэтѝть въ ы́ньшу сторо́ноньку,
Бо й такъ ду́жэ я журы́вся,
Що бизъ до́ли уроды́вся,
Гэй, бизъ до́ли й бизъ дружи́ны,
Та щэ й на чужи́й чужи́ни!

130.

Вы́щэ ли́су, вы́щэ тэ́много,
Бы́щэ са́дыка зэлэ́ного
Протопта́ла слидо́къ ни́жэнька,
И тамъ лэжа́ла шляхъ—дори́-
жэнька.
Чобитка́мы прыюбы́тая,
Слизонька́мы прыюлы́тая,
И нихто̀ по ний нэ прохо́жуйеть,
Й нищо̀ по ний й нэ прово́зюйеть.
Ти́ко йдуть по ний набо́рыки,
И бьють объ шляхъ свойѝ пидбо́рыки.
Йшовъ, пройшо̀въ по ний набо́рычокъ,
Въ тимъ набо́ри бувъ соко́лычокъ.
Той набо́рыкъ бувъ манэсэ́нький,
А въ нимъ й Ва́ня молодэсэ́нький,
Винъ ишо́въ зъ набо́ромъ въ ку́чэцьци,
И нисъ бума́гу въ пра́вий ру́чицьци.
Лыстъ бума́ги размалёванный,
Й на трёхъ бра́цьцивъ намыно́ванный,—
Кому̀ зъ бра́цьцивъ у салда́ты йты̀,
Кому̀ ха́ту и дито̀къ бэрэгты̀,—
Чи ста́ршому, сэрэду́льшому,
Чи Ива́ньци са́мэ мэ́ньчому?
Ста́рший бра́тэць одкупа́йецьця,
Сэрэду́льший одхова́йецьця,
Са́мый мэ́ньчий убэра́йецьця,
И зъ та́ткомъ, нэ́нькою проща́йецьця:—
Проща́й, та́ту й нэ́нька ридна́нька,
И ты, жи́ночко молодэ́нька,
А вы, мойѝ малы̀ ди́точки,
Дожида́йтэ собѝ ви́сточки...

131.

Тутъ и ри́чка, тутъ и бридъ,
Тутъ хоро́ший пэрэхѝдъ.
Я взявъ свою̀ раздушэ́ньку
И на ру́чэнькахъ пэрэнѝсъ.
Взявъ на ру́чки й пэрэнѝсъ,
И у водѝ по по́ясъ лизъ.
Пэрэбрѝвъ й нэ замочы̀въ,
Ти́ко шко́ды и зробы̀въ:

Чэрэвы́чокъ загубы́въ.
Чэрэвы̀къ зъ но́ги згубы́въ,
И цимъ мы́лую зажуры̀въ.
Нэ такъ жа́лко чэрячка̀,
Якъ би́лого чуло́чка:
Чэрэвычокъ ба́тько зшѝвъ,
Чуло̀къ мы́лый подары̀въ.—
Чэрэвы̀къ краснэнький,
Панчо́шокъ билэнький,
Пэстрядо́вый шарахва̀нъ,
Якъ мы́лого бувъ жупа̀нъ.
Росла̀ коса̀ до по́яса,
Втро́е заплэтэна,
И кругòмъ въ косѝ кисныкѝ
И одна̀ стри́чка голуба̀,
Зъ подару́нкамы була̀.

132.

А у ли́си на прыми́ти
Росту̀ть пря́ныки по ли́ти.
Тамъ хлопья́та йихъ нарва́лы
Та дивча́тамъ й дарува́лы.
А дивча́та йихъ пойи́лы,
Й ночува́ты нэ схоти́лы,
А йихъ хло́пци половы́лы
Й до́брэ рэбра поличи́лы.

133.

Пидмовля́ла дивчи́нонька
Молодо́го козака̀:
Такѝ, серцэ, ходы,
Такѝ ви́рно любы,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
„Якъ до тэбэ ходы́ты,
Тэбэ ви́рно любы́ты:
Въ тэбэ ба́тько лыхѝй,
Въ тэбэ ба́тько лыхѝй,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
— Ба́тька до́ма нэма́е,
У шино́чку гуля́е.
Такѝ, сэрцэ, ходы,
Такѝ ви́рно любы,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
„Якъ до тэбэ ходы́ты,
Тэбэ ви́рно любы́ты:
Въ тэбэ ма́ты лыха̀,
Въ тэбэ ма́ты лыха̀,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
— Ма́мки до́ма нэма́е,
На хрысты́нахъ гуля́е.
Такѝ, сэрцэ, ходы,
Такѝ ви́рно любы,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
„Якъ до тэбэ ходы́ты,
Тэбэ ви́рно любы́ты:
Въ тэбэ сэстри лыхѝ,
Въ тэбэ сэстри лыхѝ,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
— А я сэстрамъ угодю̀
Ру́су ко́су заплэту̀.
Таки, сэрцэ, ходы
Такѝ ви́рно любы
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
„Якъ до тэбэ ходы́ты,
Тэбэ ви́рно любы́ты:
Въ тэбэ бра́тья лыхѝ,
Въ тэбэ бра́тья лыхѝ,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
— А я брата̀мъ угодю̀,
Й жупа́ныки йимъ пошью̀.
Такѝ, сэрцэ, ходы,
Такѝ ви́рно любы,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
„Якъ до тэбэ ходы́ты,
Тэбэ ви́рно любы́ты:
Тамъ соба́ки лыхѝ,
Тамъ соба́ки лыхѝ,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ“.
— Я соба́камъ угодю̀,
Кусо̀къ хли́ба положу̀.
Такѝ, сэрцэ, ходы,
Такѝ ви́рно любы,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
„Якъ до тэбэ ходы́ты,
Тэбэ ви́рно любы́ты:

Въ тэбэ ки́шка лыха̀,
Въ тэбэ ки́шка лыха̀.
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
—А я ки́шци угодю,
Кусо̀къ са́ла положу̀.
Таки̇̀, сэрцэ, ходы̀,
Таки̇̀ ви́рно любы̀,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ.
—„Якъ до тэбэ ходы̀ты,
Тэбэ ви́рно любы̀ты:
Въ тэбэ мы̀ши лыхи̇̀,
Въ тэбэ мы̀ши лыхи̇̀,
Сэрцэ моѐ, сэрцэ моѐ".
—Колы̀ жъ мышэй бойи́сься,
На воро́тяхъ пови́сься,
Здо́хны, пропады̀
И до мэнэ нэ ходы̀.
Цуръ тоби̇̀ пэкъ,
Цуръ тоби̇̀ пэкъ!

134.

Нэ бува́е вы̀щая лобода̀,
Нэ живэ кра́щая попадя̇̀.
Надива́е пипъ широ́ку ря́су,
Та и̇̀ идэ шука́ты попа́дэньку на́шу.
Би́гавъ, би́гавъ, попа́дэньку нэ напа̀въ,
Зачэпы̀вся рукава́мы та и̇̀ упа̀въ.
Бода̀й тэбэ, попа́дэньку, грэць узя̇̀въ:
За тобо́ю вси рука́ва обирва̀въ.
Прыбига́е попа́дэнька у ночи̇̀,
А пипъ хропэ, якъ скажэный, на пичи̇̀.
Ой, встань, по́пэ, я на тэбэ подывлю̀сь,
Якъ зду́маю, сама̀ соби̇̀ засмию̀сь:
Ты ду́майешъ въ кабаци̇̀ я гуля́ла,
Якъ ты винча̀въ, а я зъ за́ду стоя́ла.
Ты ду́майешъ, попа́дэнька нэгодняя,
Вона̀ жъ тоби̇̀ добра̀ мы̀слэ щэй що дня,
щэй що дня!

135.

Ой, чи во́ля, чи нэво́ля,
Нихто̀ нэ зна мого го́ря.
Зъ го́ря ни́жэньки̇̀ нэ но́сять
И ру́чэньки нэ влада́ють,
Голо́вонька зъ плэчъ валы̀цьця
Йкраса̀ зъ лыця̇̀ вся мины̀цьця.
Та йшла̀ вдова̀ долы̀ною.
Изъ мало́ю дыты̀ною.
Си́ла вдова̀ спочыва́ты,
Ста́ло дыти̇̀ прорика́ты:
Ой, я въ по́ли роды̀лося,
А у ли́си хрэсты̀лося,
А у мо́ри купа́лося,
Тай зновъ въ нэво́лю попа́лося,
Попа́лося у нэво́лю,
Кручи́ныты свою до́лю.

136.

Чэрэзъ го́ры, чэрэзъ кру́чи
Орэлъ во́ду но́сэ.
Молодэнький коза́чэнько
Дивчи́ноньку про́сэ.
Нэ схотила, моя̇̀ мы̀ла,
Дружи́ною бу́ты;
Ой, дай мини̇̀ того̀ зи́льля,
Щобъ тэбэ забу́ты.

Есть у мэнэ такэ зи́льля
Блы́зько пэрэла́зу,
Якъ да̀мъ тоби́ напытыся,
Забу́дэшъ видъ ра́зу.
Бу́ду пы́ты, выпыва́ты
И ка́пли нэ впусьтю̀,
Та й тоди́ тэбэ забу́ду,
Якъ о́чи заплю̀шчу.

137.

Та тума̀нъ я́ромъ,
Моро̀зъ долыно́ю.
Та нэ по пра́ви
Та коза́чэнько,
Живэ зъ дивчипо́ю.
Ой, су́шэ, кру́шэ
Та дивчи́ноньку
Чо́рными брова́мы.
—Та нэ я жъ тэбэ
Та сушу̀-крушу̀,
Ты сама̀ ззовья́ла.
Ой, якъ я жъ тэбэ
Та тры́чи сва́тавъ,
А ты й отказа́ла:—
Ой, що нэ пиду̀,
Та й молода́я
За удивця̀ за́мижъ,
Бо той удивэць,
Та й нэ молодэць,
Всѝ но́ровы зна́е.
Ой, якъ пэрву винъ
Жи́нку изгада́е,
То мэнэ жъ тоди́
Мэнэ поруга́е.

138.

Ой, на броду̀, на бродо́чку
Пылы́ го́лубы воды́чку.
Воны́ пылы́, воркоти́лы,
Зняльысь воны́ й полэти́лы,
Зняльысь воны́, полэти́лы,
Й у мы́лой въ саду́ си́лы.
Ой, высо́ко со́ньцэ схо́дэ,
Чого̀ мы́ла сму́тна хо́дэ?
—Сму́тна й жо́вта на лы́чэньку,
Що нэ спа́ла всю ни́чэньку.
Вы́дно, вы́дно й по би́лому,
Що жу́рыцьця по мы́лому.

139.

Якъ у на́шого попа̀,
Була лыха́ (та лыха̀я) попадя̀:
Посыла̀ попа̀ у лисъ,
Посыла́е по дрова.
Дала́ ёму сокы́роньку,
Та й нэто́чэную,
Дала́ ёму й кобы́лоньку,
Та нэ ко́рмлэную.
Ой, той пипъ, та й нэ дура̀къ,
Та й зайи́хавъ у каба̀къ.
Тамъ соки́рку нагострывъ,
Та й кобы́лку накормывъ.
Кобылы́ця ажъ заржа́ла,
Якъ хво́стыкомъ завыля́ла.
А соки́рка задзвини́ла,
Що на̀ викы погостри́ла.
Попа́дэньци цёго й трэба,
Щобъ узя̀ть попа̀ за рэбра,
Та й пыхьну̀ты зновъ у лисъ,
Щобъ добро̀ своѐ прыни́съ.

140.

Ой, ходывъ чума̀къ
Симъ годъ по Дону̀,
Та й нэ було̀ прыго́доньки
Нико́лы ёму̀.
Ой, пойиха́въ чума̀къ
Та й у Крымъ на база̀рь;
Захвора̀лы си́ри волы̀,
Чума̀къ занэпа́въ.
Ой, прыйшовъ до ёго́
Това́рыщъ ёго̀.
—Това́рыщу мий,
Пожалѝй мэнэ:
Возьмы жъ мойи я́рма й волы̀,
Поховай мэнэ!...

Вэдуть волы сири,
Та й въ новому ярьми;
Бидна моя головонька,
Що въ чужий сторони.
Ой, та вдарылы въ дзвинъ,
А дали и у вси,
То жъ по тому чумакови,
По его души.

141.

Ой, чумачэ, чумачэ,
Въ тэбэ лычко козачэ,
Гэй, гэй, й охо-хо,
Въ тэбэ лычко козачэ.
Чомъ нэрано зъ Крыму йдэшъ,
Й нэ всихъ чумакивъ вэдэшъ?
Гэй, гэй, й охо-хо,
Нэвсихъ чумакивъ вэдэшъ.
Самэ въ пору зъ Крыму йду
И всихъ чумакивъ вэду.
Гэй, гэй, й охо-хо!
И всихъ чумакивъ вэду.
Тико нэма й одного,
Брата ридного мого.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Брата ридного мого.
Винъ зостався у Крыму
Браты солы на вагу.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Браты солы на вагу.
Шукавъ, шукавъ й нэ знайшовъ,
Запрягъ воливъ та й пишовъ.
Гэй, гэй й охо-хо,
Запрягъ воливъ та й пишовъ.
Ишовъ, ишовъ долыною,
Край долыны-могила.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Край долыны могила.
Й оцэ жъ тая долына,
Що чумаки стоялы.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Що чумакы стоялы.
И оцэ жъ тая могила,
Що чумака сховалы.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Що чумака сховалы.
Ой, отаманэ, батьку нашъ,
Та порадь жэ ты тэпэръ насъ.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Та порадь жэ ты тэпэрь насъ.
Якъ й що будэмъ робыты:
Ничимъ воливъ кормыты?
Гэй, гэй, й охо-хо,
Ничимъ воливъ кормыты.
Косить, хлопци, отаву,
Корьмить воливъ на сляву.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Кормить воливъ на сляву.
Косить, хлопци, лободу,
Та й забудэмъ всю бэду.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Та й забудэмъ всю бэду.
Косить, хлопци, очэрэтъ,
Та й наварымо вэчэрять.
Гэй, гэй, й охо-хо,
Та й наварымо вэчэрять.
Зварымъ, хлопци, чабака,
Та й помьянэмъ чумака,
Гэй, гэй, й охо-хо,
Та й помьянэмъ чумака.

142.

Ой, на гори на гори
Чабанъ вивци згоняе,
Та чабанъ вивци згоняе,
Та й на хлопцивъ гукае:
Гой вы, хлопци, молодьци,
Накажить вы дивоцьци,
Що въ картатий плахоцьци,
Нэхай вона мэнэ та й нэ ждэ,
Та нэхай замижъ идэ.
А дивчина зачула,
Та й зъ улыци майнула.
Нэ добигла до двора,
Заболила голова.
Ой, нэнько, мамочко,
Та болыть моё сэрдэчко!
—„Чого жъ воно та й болыть?

Пэрэстàвъ чабàнъ любы̀ть.
—„Бижи̇̀, до́ню, на го́ру
До би́лого ка́мэню,
Копàй, до́ню, кори́ньня
Спидъ би́лого ками́ньня“,
Якъ я ко́ринь копа́ла,
На чабанà маха́ла.
Щэ той ко́ринь й нэ вкипи̇̀въ,
А вжэ чабàнъ прылэти̇̀въ.
Ой, чогò жъ ты прылэти̇̀въ,
Колы̀ любы̀ть нэ схоти̇̀въ?
—„А ты жъ ко́ринь копа́ла,
Та й на мэнэ маха́ла“...

143.

А въ Полта́ви огòнь горы̀ть,
А въ Кы̀ёви ды̀мно.
Пишлы̀ на́ши чума́чэньки,
Й за ды̀момъ нэ вы̀дно.
Молодэ̀нький чума́чэнько
Воли̇̀въ напува́е;
Волы рэву̀ть,—воды̀ нэ пьють:
Дори̇̀жэньку чу̀ють.
Бодàй жэ вы, си́ри волы̀,
Й у Крымъ нэ сходы̀лы,
Якъ вы мини̇̀, молодо́му,
Жалю̀ наробы̀лы.
Умэ̀ръ, умэ̀ръ чума́чэнько
Въ нэди́лэньку вра́ньци,
Й похова́лы коза́чэнька
Въ зэлэнимъ байра́ци.
Злыти̇̀въ пи́винь на воро́та
Й кры̀кнувъ: „ку-ку-ри́-ку!“
Нэ дожидàй, ма́ты, сы̀на
Одны̀ни й до ви́ку.
Якъ зачу́ла мату́сэнька,
Що сы̀ва зозу́ля,
Полэти́ла на Вкрайи́ну
Й си́ла на муги́лу.
Си́ла жъ вонà на моги́ли,
Та мовны: „ку-ку!
Подàй, подàй, мий сыно́чокъ,
Хоть одну́ю ру́ку!“
—Ой, радъ бы я, моя́ ма́ты,
Й оби́дви подàты,—
Насы̀палы сти́ко зэмли̇̀,
Що й низьзà (нэ мо́жу) пидня́ты.

144.

Чи я бры̀ла, чи я плылà,
Чи мэнэ подлы̀то,
Чи са́мъ козàкъ нэ ставъ любы̀ть,
Чи ёгò одбы̀то?
Ой, одбы̀ла щу́ка ры̀ба
Отъ бэрэга ря́ску,
А я й ту́ю дри́бну ря́ску
Збэру̀ у запа́ску.
Ой, зъ-за го́ры, изъ-за ту́чи (кру́чи)
Возы̀ скрыпля̀ть иду́чэ;
Возы̀ скрыпля̀ть, я́рма брязъчàть
Видъ вагѝ вэзу́чэ.
Ярма брязьчàть, волы̀ рэмыgаютъ,
На шляхъ-дори̇̀жэньку поглядàютъ.
По пэрэди стары̀й чумàкъ
Въ сопи́лочку гра́е,
А за ты̀мы чумака́мы
Дивчи́на рыда́е:
—Ой, го́ди вамъ, чума́чэньки,
Та й чумакува́ты;
Бэри̇̀ть сэрпы̀, та йдить въ стэпы̀
Пшэны̀чэньку жа́ты.
—Бодàй жэ ты, дивчи́нонько,
Нэ вми́ла сказа́ты,
Щобъ намъ би́лымы рука́мы
Пшэны̀чэньку жа́ты.

145.

Бра́ла, бра́ла ди́вка во́ду,
Й нэ добра́лася до дна...

Жила̀ въ ба́тька й не годъ, й
нэ два,
Та й нэ ба́чила добра́.
Я жъ ду́мала: въ ба́тька горэ,
Въ свэкра погуля́ю.
А у свэкра—ги́ршэ пэкла
Й добра́ нэ звыда́ла.
Якъ пиду̀ я у садо́чокъ
Та й ззирву̀ собѝ цвито́чокъ;
Та й ззирву́ я зъ ро́жи кви́тку,
Та й пусьтю̀ на во́ду:
„Плывы̀, плывы̀, зъ ро́жи
кви́тка,
Та й до мо́го ро́ду“.
Плыла́, плыла́ зъ ро́жи кви́тка,
Та й ста́ла миныцьця.
Вы́йшла ма́ты воды̀ бра́ты,
Та й ста́ла журы́цьця:
„За чимъ, за чимъ зъ ро́жи
кви́тка
На водѝ ззовья́ла;—
Чи ты жъ, моѐ дыта́точко,
Симъ годѝвъ лэжа́ло“?
—Нэ лэжа́ла, моя̀ нэнько,
Ны ча́съ, й ны годы́ны,
Та попа́лась въ до́бри руки,
Нэви́рвий дружи́ни.

146.

Ой, на ти́мъ бо́ци,
Та й на толо́ци
Цыга́нэ сто́ялы (2 раза).
Ой, та мижъ ты́мы
Та цыга́намы
Цыга́нка вори́жка (2 раза).
А до тие́йи,
Та цыга́ночки
Вто́птана дори́жка (2 раза).
Ой, та по тий жэ
Та дори́женьки
Дивчи́на ходы́ла (2 раза).
Ой, вона́ ту́ю,
Та цы́ганочку
Поки́рно просы́ла (2 раза).
„Ой, цыга́ночка,
Та махля́рочка,
Ввольны̀ мою̀ во́лю (2 раза):
Та прычару̀й жэ
Та коза́чэнька
На ви́кы зо мно́ю (2 раза)“.
Ой, цыга́ночка,
Та махля́рочка
Во́лэньку вволны́ла (2 раза):
Ой, одри́зала,
Та ру́су ко́су,
Й па́рня накуры́ла (2 раза).
Та вжэ той па́рэнь,
Та коло̀ нэйи,
Якъ сни́точка, вье́цьця (2 р.).
Вси дыву́юцьця,
Та що ста́лося,
Й вся чэлядь смие́цьця (2 р.).

147.

Породы́ла Га́ньзю маты,
Нызьзя̀ йийи̇ й змалюва́ты:
Очи чо́рни (тийеи), якъ тэрно́ви,
А бри́вочки та й орло́ви.
У Кы́ёви роды́лося,
А въ Ха́рькови хрысты́лося,
У Полта́ви изросла̀
Й за коза́чэнька пишла̀.
Пишла̀ Га́ньзя въ по́лэ жа́ты,
Та й забу́ла сэрпа́ взя́ты.
Сэрпъ узяла́, хлибъ забу́ла.
По́ки жъ Га́ля до́ма бу́ла.
За Га́ньзёю въ трэтий слидъ:
Два дя́кона, трэтий пипъ,
Щэ й попо́вычъ попэрэду—
Постѝй, Га́ньзю, куплю̀ мэду.
—Я нэ хо́чу мэду пы́ты,
Й зъ попо́вичэмъ говоры́ты.
За тэ жъ мэнэ ма́ты й бы́ла,
Що бъ я хло́пцивъ нэ любы́ла.
Люблю̀ Гры́ця, та Даны́ла,
Ото жъ моя̀ душа̀ мы́ла.
Люблю̀, ма́ты, я й Стэпа́на,
Въ ёго лы́чко, якъ у па́на,

И стано́чокъ до́ жупа́на,
И свы́точка сирэсенька,
Якъ та мы́ла чорнобры́ва
Прыгорта́е злэгэсэнька.
Ой, пиди́тэ, прывэди́тэ,
Й бэля мэнэ посади́тэ.
Бы́ля ёго́ блы́зько си́дю,
Й таки́ жъ ёго́ й нэнавы́дю.
Якъ наки́ну ка́рымъ о́комъ,
Що Грыць хо́дэ по-за то́комъ:
Ой, Гры́цю, Гры́цю, Гры́цю,
Сва́тай мэнэ роби́тныцю,
Я робы́ты до́брэ вми́ю:
Й до пры́пичка ру́ки гри́ю,
На пичъ ла́зю, живи́ть па́рю.
Нэ лизь, Гры́цю, або́ жъ вда́рю,
Або́ вда́рю нэпома́лу,
Що поко́тысься пидъ ла́ву...
Лэжи́ть Гры́ця, та й рыда́е,
Изъ-пидъ ла́вы выгляда́е.
Ой, на жъ тоби́, Гры́цю, ду́лю,
Бо я жъ тэбэ давно́ ду́рю,
Ой, на жъ тоби́, Гры́цю, дви,
Що ты любышъ, а я ни.

148.

(Дурный Грыць).

Ой, пла́чэ Гры́ць, пла́чэ,
Пидъ викно́мъ стоя́чэ.
Ди́вка Гры́ця пыта́йецьця:
Чого́, Гры́ця, пла́чэ?
„Ой, пла́чу я, пла́чу,
У ха́тоньку хо́чу“,
Ди́вка Гры́ця вдовольны́ла,
Й у ха́тоньку й упусты́ла.
Ой, пла́чэ Гры́ць, пла́чэ,
Въ хаты́ньци сыдя́чэ.
Ди́вка Гры́ця пыта́йецьця:
Чого́, Гры́ця, пла́чэ?
„Ой, пла́чу я, пла́чу,
Що йи́стоньки хо́чу“.
Ди́вка Гры́ця вдовольны́ла,
Вэчэрэю накормы́ла.
Ой, пла́чэ Гры́ць, пла́чэ,
Вэчэряючэ.
Ди́вка Гры́ця пыта́йецьця:
Чого́, Гры́ця, пла́чэ?
„Ой пла́чу я, пла́чу,
Що спа́тоньки хо́чу“.
Ди́вка Гры́ця вдовольны́ла,
Изъ собо́ю положи́ла...
Ой, пла́чэ Гры́ць, пла́чэ,
Зъ ди́вкою лэжа́чэ.
Ди́вка Гры́ця пыта́йецьця:
Чого́, Гры́ця, пла́чэ?
„Ой, пла́чу я, пла́чу
На чэ..., хо́чу“.
Ди́вка Гры́ця вдовольны́ла
Й на чэ.... положи́ла...
Ой, пла́чэ Гры́ць, пла́чэ,
На чэ... лэжа́чэ.
Ди́вка Гры́ця пытайецьця:
Чого́ Гры́ця пла́чэ?
„Ой, пла́чу я, пла́чу,
Ди... нэ ба́чу“.
Ди́вка Гры́ця за чупры́ну:
Цыть, ду́рьню, цы́ть!

149.

Чорня́вая дивчи́нонька
Пшэны́ченьку жа́ла.
Ой, та жну́чэ пшэны́чэньку,
Въ сно́пыки вьяза́ла.
Й наколо́ла би́ли ру́ки,
Пшэны́ченьку жну́чэ.
А вжэ жъ мини́ доку́чило,
Мылэнького жду́чэ.
Нэма́ мого́ мылэнького,
Нэма́ мого́ па́на.
Та й вжэ жъ ёго́ би́ла пости́ль
Вся пы́ломъ прыпа́ла.
А въ нэди́льлю ранэсэнько
На поповимъ по́ли,
Та визъ чума́къ молодэнький
Ажъ тры во́зы со́лы.

Пишла̀ его̀ чорня́вая
Со́лы купува́ты.
Вона́ со́лы нэ купы́ла,
Жалю̀ наробы́ла.

150.

Ой, изъ за горы̀
Та буйный ви́тэръ ви́е,
Ой, тамъ удиво́нька)
Та пшэны́ченьку си́е.) 2 раза.

А поси́явшэ,
Ста́ла волочи́ты;
А заволочи́вшэ,)
Ста́ла Бо́га просы́ты.) 2 р.

Ой, уроды̀, Бо́жэ,
Та пшэны́чэньку я́ру,
Та на мойи́хъ ди́токъ,)
Та на вдо́выну сла́ву.) 2 р.

А щэ жъ удиво́нька
Та й до до́му нэ дойшла̀,
А у тий удиво́ньки)
Пшены́ченька зийшла.) 2 р.

Ой, щэ удиво́нька
На ла́ву нэ си́ла,
А вжэ у вдово́ньки)
Пшены́ця посьпи́ла.) 2 р.

А щэ удиво́нька
На ла́ви нэ спала,
А вжэ жъ удиво́нькину)
Пшэны́цю пожа́лы.) 2 р.

Ой, ди́ты жъ, вы ди́ты,
Го́рэ мини́ зъ ва́мы,
Та шо я нэ ма́ю)
Ба́тэнька надъ ва́ми.) 2 р.

Ой, нэнэ, нэнэ,
Нэ журы́ся на́мы,
Мы повыроста́емъ,)
Розийдымось са́мы.) 2 р.

Бу́дэ насъ, нэнэ,
По горамъ̀, по долы́намъ,
Бу́дэ насъ, нэнэ,)
По чужи̇̀мъ украйи́намъ.) 2 р.

151.

До́брэ було̀ на́шимъ батькамъ̀
На слобо́ди жи́ты:
Ко́сють бу́ло, хочъ воло́чуть,
Йдуть гори́лку пы́ты.

А тэпэръ жэ ги́рко ста́ло
Намъ на сви́ти жи́ты:
Гори́лочки нэ добу́дэшъ
Й души̇ промочи́ты.

У нэди́льлю ранэсэнько
Та до цэрквы дзво́нять,
А ата́манъ зъ десятныкомъ
Снопы̀ носы̀ть го́нять.

А мы снопы̀ нэ зносы̀лы,
Оби́даты си́лы.
Ой, ги́ркая на́ша до́ля,—
Онъ прыка̀жчикъ йи́дэ.

Нэ дойи́хавъ щэ й до ла́ну,
Та ставъ людэ̀й бы̀ты:
Вамъ вэ̀лэно, щобъ до слу́жбы
Вси снопы̀ зносы̀ты.

Ой, паны̀ жъ вы, паны̀ на́ши,
Го́ди панува́ты,
Й на́ши ду́ши хрыстия́ньськи
На собакъ миня́ты.

152.

Зду́мала бабу́сэнька
Ско́ро багати́ты—
Й пидсы́пала кури́почку,
Щобъ вы̀вэла ди́ты.

Пидсы́пала бабу́сэнька
Цилэ̀нький дэся́токъ,
Та й вы̀вэла курипочка
Шэсти́рко цыпля́токъ.

Кво́кчэ, хо́дэ кури́почка,
Ди́токъ изклыка́е.
Стары̀й дидусь радэсэнький
Ба́бу обнима́е.

Любу́юцьця старэсэньки
На кво́чку и ди́токъ.
Дожилы́ся, що й дожда́лысь
Курча̀тъ напосли́докъ.

Якъ пойи́хавъ стары́й дидъ
У по́лэ ора́ты,
Та й забу́въ старэ́нький мо́выть
Курча̀тъ догляда́ты.
Кышъ! погна́ла бабу́сэнька
Курипья́токъ па́сты.
Сама̀ си́ла пидъ тыно́чкомъ
Кудэлыцю пря́сты.
А кудэлыця прядэцьця,
Кури́пка пасэцьця.
Стары́й дидъ орэ у по́ли,—
Кури́пка на во́ли.
Чо́рна хма́ра наступа́е,
И ставъ дощъ накрапа́ты.
Бижѝть на́ша бабусы́на
Курипья̀тъ хвата́ты.
Ни го́дного нэ вхваты́ла,
Задавы́ла дво́е.
Замахну́ла вэрэтэномъ,—
Та й заразо̀мъ тро́е.
Туды́—сюды́ повэрну́лась,
На шо́стэ спиткну́лась.
Ухваты́ла кури́почку
Та й въ ха́ту вэрну́лась.
Сыды̀ть ба́ба на пичѝ,
Голо́воньку скрэ́пчэ.
Кури́почка пидъ поло̀мъ
Сама̀ собѝ шэ́пчэ.
Якъ прыйи́хавъ дидусы́на
Зъ по́ля на доми́вну,
Та й ставъ ша́рыты очи́ма
Пидъ пилъ й на доли́вку.
Й пыта́ецьця бабу́сэньки:
Чи всэ гара̀здъ до́ма?
—„За всэ гара̀здъ, за всэ гара̀здъ,
Одно̀ ти́ко й нэ гара̀здъ“...
—А що жъ на́шихъ, бабу́сэньки,
Курипья̀тъ нэ чу́ты?
—„Ма́буть, ха́та нэ на ми́сьти
У насъ йимѝ нэ бу́ты.
Ой, нэ чу́ты, стары́й ди́ду,
Та й нэ чу́ты бу́дэ:
Якъ погна́ла я йихъ па́сты,
Навро́чилы (спидзо́рылы) лю́ды.
А шули́ка налэти́ла,
Та всихъ й похвата́ла.
А я тодѝ изъ доса́ды
Кво́чку упийма́ла“.
—Хиба̀ ты йихъ, бабу́сэньки,
На лы́чко зны́зала,
Що заразо̀мъ курипья̀токъ
Шули́ка забра́ла?
—„Ой ужэ жъ йихъ, стары́й ди́ду,
Шули́ка й нэ бра́ла:
Якъ погна́ла я йихъ па́сты,
Й сама̀ потопта́ла“.
Якъ вы́хватывъ стары́й дидъ
Изъ во́за прыты́ку,
Побы̀въ ба́би й помаслува̀въ,
(пони́вычивъ)
Го́лову и пы́ку *).
„Бода̀й тобѝ, стары́й ди́ду,
Голова̀ обли́зла,
Що ты побы̀въ, пони́вычивъ
(понэхтувавъ)
Шо й на пичъ нэ зли́зла.
„Бода̀й тобѝ, стары́й ди́ду,
Пра́ва рука̀ всо́хла,
Якъ ты мэнэ пони́вэчивъ
Що тро́хи й нэ здо́хла“.
Ой, нэ дай Богъ смэрты—
Старѝй ба́би вмэрты,
Бо ни́кому бабу́сэньку
Въ доломы́ну пэрты.
Попэръ пипъ, попэръ дякъ,
Щэ й пономары́щэ;
Й зостае́цьця бабу́сэно
Грыбины́цэ й дны́щэ.
Попэръ пипъ, попэръ дякъ,
Щэ й попэрла тѝтка,
Й зостае́цьця бабу́сэна
Грэби́нка и щи́тка.

*) Пыка—харя—морда—выдъ—лицо.

153.

Пусты жъ мэнэ, моя мамо,
У лисъ по ориишки;
Буду рваты, посьпишаты,—
Долэньки шукаты.
„Ой, спыныся, стриеай, доню,
Щобъ й нэ заблудылась,
Бо вжэ, доню, тая доля
Давно загубылась".
—Пусты жъ мэнэ, моя мамо,
У лисъ по калыну;
Буду рваты, розгортаты,—
Долэньки шукаты.
—„Годи, доню, по калыну,
Калына нэ спие.
Штуря—буря повыхрыла,
Що й кориньня ныле".
—Пусты жъ мэнэ, моя мамо,
У морэ купацьця;
Буду плаваты, ныряты,—
Долэньки шукаты.
—„Ой, нэ пусьтю жъ тэбэ, доню,
Щобъ й нэ угонула,
Бо вжэ жъ, доню, твою долю
Щука проглынула.

154.

Колысь була роскишъ—воля.
Тэпэръ стала нэволэнька.
Болыть сэрцэ й головонька,
Що чужая сторононька.
Туманъ полэ налягае,
Батько сына выгоняе:
Иды, сыну, гэть видъ мэнэ:
Чэрэзъ тэбэ буча въ мэнэ.
Туманъ полэмъ налягае,
Маты сына заварта́е:
Та вэрнысь, сынку, до домоньку,
Змию тобй головоньку.
Змыють минй дрибнй дощй,
А рошчэшуть гусьтй тэрны,
А высушэ краснэ сонцэ,
Якъ выглянэ у виконьцэ.

155.

У нэдильлю враньци,
Якъ сонэчко грае,
Свою дочку маты
Зъ дому выряжае
У чужу сторонку,
Мижъ чужийи люды:
А хто жъ тэбэ, доню,
Жалиты тамъ будэ?
—„Якъ буду робыты,
До дила годыты,
То й добрэ тамъ будэ—
Мижъ чужимы житы".
—Колы жъ тэбэ, доню,
Въ госьти дожидаты?
—„Тодй, моя нэнько,
Якъ будэшъ бажаты,—
Якъ зростэ у хати
Трава на помосьти;
Тодй твоя доня
Прыйидэ у госьти".
Росла, росла трава,
Й стала посыхаты.
Ждала дочку маты,
Та й стала вмэраты.

156.

Ой, у поли могила
Зъ витромъ говорыла:
„Повий, витрэ, буйнэсэнький,
Щобъ я нэ змарнила.
Щобъ я нэчорнила,
Щобъ по минй трава росла
Та щэ й зэлэнила.
Ой, у поли ричка,
Чэрэзъ ричку кладка;
Нэ покидай, козачэнько,
Риднэнького батька.
Якъ батька покинэшъ,

Самъ ма́рно заги́нэшъ—
Та й бы́строю ри́чкою
За Дунай заплывэшъ.
—Бодай та́я ри́чка
Ры́бы нэ плоды́ла;
Вона́ мого̀ това́рыща
На ви́ки втопы́ла;
Бодай та́я ри́чка,
Куширёмъ заросла̀,
Вона̀ жъ мого̀ това́рыща
За Дунай занэсла̀.

157.

Чи ты, мы́лый, пы́лемъ припа́въ,
Чи мэтэлыцэю?
Чомъ нэ хо́дышъ ты до мэнэ
Цэю̀ ву́лыцэю?
Чомъ нэ хо̀дэшъ ты до мэнэ
Круты́мы гора́мы,
Покида́йешъ мэнэ би́дну
Промижъ вороґа́мы?
А я жъ тобй, мий го́лу́бэ,
Я жъ тобй каза́ла,
Ходимъ, сэрцэ, повиньча́ймось,
Щобъ й ма́ты нэ зна́ла.
А ты нэньку свою̀ слу́хавъ,
Мэнэ покида́йешъ;
Покида́йешъ мэнэ би́дну,
Ы́ньшую шука́ешъ.
Зна́йдэшъ собй дивчи́ноньку
Зъ ка́рымы очи́ма,
Бу́дэ въ тэбэ, сэрцэ моє́,
Ка́минь за плэчи́ма.
Зна́йдэшъ собй дивчи́ноньку
Зъ чо́рнымы брова́мы,
Та й нэ бу́дэ тийе́и пра́вды,
Що була̀ мижъ на́мы.

158.

Го я, го я! що я, що я,
Що бу́дэ зо мно́ю:
Полюбы́ла коза́чэнька
Й нэ ма́ю поко́ю.
А я жъ ёго̀ боя́лася,
Тэ що жъ потимъ щэ й ста́лося:
На ву́лыци постричалась,
Нывзначай поцилува́лась.
Мэнэ ма́ты зъ нымъ за́здри́ла,
Якэ жъ то йий ди́ло?
Выдава́йтэ мэнэ за́мижъ,
Колы̀ надойи́ла.

159.

Ой, тамъ на горй,
Малюва́лы маляри̇.
Змалюва́лы, зрысува́лы—
Чо́рни бро́вы минй.
Ой, тамъ на горй
Ча́йка киги́чэ:
То жъ минй моя̀ ма́ты
Жэныхйвъ кли́чэ.
Ой, тамъ на горй
Та волы̀ у ярьмй.
Ото̀ въ мэнэ, моя̀ ма́ты,
Жэныхй на умй.
Ой, нэ бы́йтэ мэнэ
И нэ ла́йтэ мэнэ и т. д.

160.

Вси дивча́та, молоды́ци
Ста́лы говоры́ты:
Ой, чого̀ жъ я на ву́лыцю
Ставъ ча́сто ходы́ты.
Пишо̀въ разъ я на ву́лыцю,
Та й тэпэръ я ка́юсь:—
Улюбы́вся въ дивчи́ноньку,
Ажъ въ ночй жаха́юсь.
Така̀ га́рна та хоро́ша,
Хто нэ гля́нэ,—а́хнэ.
Пишо̀въ бэ я йийй сва́тать,
Такъ гарбузо̀мъ па́хнэ.
Билолы́ця, чорнобры́ва,
По́вна, якъ калы́на.
Пишо̀въ бэ я йийй сва́тать,
Такъ лыха̀ годы́на.

Иды̀, ма́мо, ды̀, ри́дна,
Зи́льлячка шука́ты,
Чи нэ зна́йдэшъ того зи́льля,
Щобъ Мару́си да́ты.
Щобъ Мару́ся, моя̀ ду́ся,
Мэнэ полюбы́ла,
Щобъ на ви́ки своѐ сэрцэ
Мини̇̀ уручи́ла.
Якъ бэ мини̇̀ Богъ давъ зъ нэю
Щобъ я ожэны́вся,—
Посады̀въ бэ за стыко́льцэ,
Сивъ бэ та дывы́вся.

161.

Кумъ до кумы̀
Ча́сто йдэ:
Якъ вона̀ би́дна)
Въ сви́ти живэ.) 2 раза.
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вся,
Поси́яты конопэль) 2 раза.
Обища́вся.)
Ку́мко моя̀,
Голу́бко моя̀,
Хто̀ бъ тоби̇̀ поси́явъ,) 2 раза.
Якъ бэ нэ я?)
Кумъ до кумы̀
Ча́сто йдэ:
Якъ вона́ би́дна) 2 раза.
Въ сви́ти живэ)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вся,
Заволочи̇̀ть конопэль) 2 раза.
Обища́вся.)
Ку́мко моя̀,
Голу́бко моя̀,
Хто бъ тоби̇̀ заволочи̇̀въ,) 2 р.
Якъ бэ нэ я?)
Кумъ до кумы̀
Ча́сто йдэ:
Якъ вона̀ би́дна) 2 раза.
Въ сви́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вся,
Вы́браты конопэль.) 2 раза
Обища́вся.)
Ку̀мко моя̀,
Голу́бко моя̀,
Хто бъ тоби̇̀ выбэра̀ въ,) 2 р.
Якъ бэ нэ я?)
Кумъ до кумы̀,
Ча́сто йдэ:
Якъ вона̀ би́дна) 2 раза.
Въ сви́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Сови́тався,
Помочи́ты конопэль) 2 раза.
Обища́вся.)
Ку́мко моя̀,
Голу̀бко моя̀,
Хтобъ тоби̇̀ помочи̇̀въ,) 2 р.
Якъ бэ нэ я?)
Кумъ до кумы̀
Ча́сто йдэ:
Якъ вона̀ би́дна) 2 раза.
Въ сви́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вся,
Потипа́ты конопэль) 2 раза.
Обища́вся.)
Ку́мко моя̀,
Голу́бко моя̀,
Хто бъ тоби̇̀ поти́павъ,) 2 р.
Якъ бэ нэ я?)
Кумъ до кумы̀
Ча́сто йдэ:
Якъ вона̀ би́дна) 2 раза.
Въ сви́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вся,
Потэрты конопэль) 2 раза.
Обища́вся.)
Ку́мко моя̀,
Голу́бко моя̀,
Хто бъ тоби̇̀ потэръ,) 2 р.
Якъ бэ нэ я?)
Кумъ до кумы̀
Ча́сто йдэ,

Якъ вона̀ бѝдна (2 раза).
Въ свѝти живэ? (
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вся,
Помы́каты конопэль (2 раза.
Обища́вся. (
Ку́мко моя̀,
Голу́бко моя̀,
Хто бъ тобѝ помы́кавъ, (2 раза.
Якъ бэ нэ я? (

162.

Щиго̀ль ту́гу ма́е,
Грома́ду збэра́е.
Винъ же промышля́е,
Жэны́цьця гада́е.
Винъ влюбы́въ сыны́цю,
Горобья̀ сэстры́цю.
Хоро́шу, опря́тну,
Поштэнную пты́цю.
Журавэль ста́роста,
Лэбэдь пидста́роста,
А со́колокъ дру́жий,
Горобэць пидру́жий,
А воро́на сва́шка,
Соро́ка свиты́лка,
Гуса́чэнько гра́е:
Сы́лу ту́ю ма́е.
Вся чэсна бэсэда
Яко́йи и трэба.
То збра́нна музы́ка
Зъ рого́зу, та лы́ка.
А пэрэпэлы́ця
Хо́дэ по свитлы́ци,
Збэра́е склянны́ци
Молодѝй сыны́ци.
А носа́тый ря́бэць
Прыпэръ тро́е гла́бэць—
Знаряжа́ты пойѝздъ
Молодѝй сыны́ци.
Полёвы́йи ко́нэки
Реву́ть воны̀ якъ быкѝ,
Й прывэзлы́ сыны́цю
Щэгло́ви на ви́ки.
Якъ посла́лы шуляка̀
Калачэмъ дилы́ты,
А винъ ду́мавъ, шо курча́та,
Й ставъ по́йиздъ давы́ты.
Нэщаслы́вый той щиго̀ль
Зъ вэси́льемъ зносы́вся,
А шуля̀къ мырськѝхъ курчатъ
Изъ тыхъ пиръ
Давы́ты навчи́вся.
А сины́ця ту́жэ,
Вона̀ и гада́е:
Щэгля̀ пэрша дру́жка
Поки́нуты ма́е.
А щиго̀ль мужъ ту́жэ,
Та соби́ гада́е:
Ожэны́всь та втра́тывсь,
Та й жи́нки нэ ма́е.
По саду̀ лита́е,
Соловья̀ пыта́е:
Скажѝ, скажѝ, бра́тэ,
Дэ йийѝ шука́ты?
Соловэй гука́е:
Шука̀й, бра́тэ, въ кроповѝ—
Тамъ вона̀ лита́е
И гни́здэчко ма́е.

163.

А щэ со́нцэ нэ захо́дэ,
По й у́лыци бугà̀й хо́дэ;
Шата́ецьця, мота́ецьця,
До ди́вчины пыта́йецьця;
А дивчи́на кри́пко вену́ла
И вори́точка замкну́ла,
А нашъ бугà̀й сми́лый бувъ
Й вори́точка одимкну̀въ.
Ой, бу́га́е, та бугà̀е,
Та якэ жъ ты лыда́щэ,
Вэду̀ть тэбэ до па́на,
Самъ нэ зна́йешъ, за що.

*) Глабэць—сани.

Отодѝ я бу́ду знать,
Якъ начну́ть мэнэ карта́ть:
И на ру́чки и на ни́жки
Биздэнэжки *) надива̀ть...
На доро́зи стоя́ла,
Пэлэно́ю маха́ла:
Сюды̀, сюды̀, чумакѝ,—
Дэшэвойи ры́бки:
Бога́тому на пьята̀къ,
А вбо́гому хочъ и такъ.
Ма́ты до́чку пыта́е:
Чомъ хва́ртухъ нэ стика́е?
Кукуру́зу сыру̀ йи́ла,
Кукуру́за й (отъ того я й) набубни́ла.
Було̀ бъ, до́ню, затопы̀ть,
Кукуру́зу изварыть.
Я вары́ла, па́рыла,
И паръ йийи нэ бэрэть
Й Богъ здоро́вья нэ даѐть.

164.

Вотъ проли́тка,
Восьмэли́тка,
Жила̀ чэчи́тка
Изъ свойѝмъ стары̀мъ,
Изъ свойѝмъ мылы̀мъ.
Звэлы̀ собѝ гниздэ̀чко̀
Знэслы̀ собѝ яечко̀
Дво́е йихъ одно̀,
Такэ, якъ зъ видро̀.
Породы́ла чэчи́точка,
Породы́ла лэбѝдочка
Сэмэро дито́къ,
Зъ одного́ яйця́:
И Оры́ну, й Мары́ну,
Катэры́ну, й Варвары́ну
И Хведо́сю, й Явдо́сю,
Насту́сю свою̀,
Шо намэньшую,
Шо накра́щую.
Спороды́вшэ, годува́ла,
Годува́вшэ; споряжа́ла,
За́мыжъ дава́ла:
Що Орысю за Ива́на,
Варвары́ну за Рома́на,
Катэры́ну за Давы́да,
А Мары́ну за Дэмы́да,
А Хведо́ру за Яцька̀,
А Явдо́ху за Грыцька̀.
Насту́сю свою̀,
Що намэньшую,
Що накра́щую—
За па́на Самойла,
Найлюбезни́йшаго,
Наймили́йшаго,
Найзвычайни́шаго,
Въ Чэрнэчэ сэло̀.
Ту́шно, бушно до чэчи́тки
Поназѝижджа́лысь:
Въ голубэнькихъ жупана̀хъ,
Пры яснэнькихъ шабэлька̀хъ,
Въ чэрвонэнькихъ чобитка̀хъ;
Та всэ любэнько,
Та й хорошэнько.
Корого́зы по засѝльлю
Позавыва́лы,
Позасида́лы,
Мэдъ, выно̀ попыва́ють,
Гори́лкою поправля́ють,—
Та всэ любэнько
Всэ хорошэнько.
Одна̀ була̀ шулуды́ва
Та й та туды̀ заблуды́ла.
Одна̀ була̀ волосы́на,
Та й ту гны́да одкусы́ла,
Щобъ у ча́рку нэ трусы́ла.
Пыта́йецьця чэчи́точка,
Пыта́йецьця лэбѝдочка,—
Видкиля̀ зятѝ,
Зъ яко́го сэла́?
Зъ Кирэкиѐвки Ива̀нъ,
Зъ Балакѝривки Рома̀нъ,
Изъ Лыто́вки панъ Дэмы́дъ,

*) Кандалы—кайдалы.

А изъ Со́сонки Яцькò,
Зъ Доброслóвивки Грыцькò,
Изъ Чэрнэчого сэлà
Панъ Самóйло.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю пэрвый дэнь
До зя́тя свогò,
До па́на Ива́на.
А у па́на у Ива́на
Поживы́лася:—
Якъ ки́шечка, скризь ворóта
Подэвы́лася.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю дру́гий дэнь
До зя́тя свогò,
До па́на Рома́на.
А у па́на у Рома́на
Погуля́ла:—
Якъ су́чэчка, у ворóтяхъ
Повыля́ла.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю трэтий дэнь
До па́на Давы́да.
А у па́на у Давы́да
Я одви́дала:—
Зъ собáкамы изъ коры́та
Пооби́дала.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю чэтвэртый дэнь
До зя́тя свогò,
До па́на Дэмы́да.
А у па́на у Дэмы́да
Погуля́ла:—
Вси чáрочки на пиднóси
Подопывáла,
И вси ки́сточки по-пидъ столòмъ
Поглытáла.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю пьятый дэнь
До зя́тя свогò
До па́на Яцькà.
А у па́на у Яцькà
Погуля́ла:—
Ступъ днэмъ *) у дворѝ
Нэ бувáла.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю шóстый дэнь
До зя́тя свогò,
До па́на Грыцькá.
А у па́на у Грыцькà
Я одви́дала:
Изъ свыня́мы изъ коры́та
Пооби́дала.
Одъ Ки́ёва до Лубэнь
Марширу́ю сёмый дэнь
До зя́тя свогò
До па́на Самóйла
Найлюбэзни́йшаго,
Наймили́йшаго,
Найзвычайни́йшаго,
Въ Чэрнэчэ сэлò.
А у па́на у Самóйла
Погуля́ла:—
Тикáючи, ру́ки й нóги
Поламáла,
Повывэртáла;
Спы́нка дубы́нки
Скоштувáла.
Якъ поби́гла чэчи́точка,
Якъ поби́гла лэби́дочка,
До свогò дóму,
До свогò покóю:
Гэть, стары́й, зъ пэчи,
Хоть попáрю плэчи.
Лу́ччэ тобѝ, мий чичэтъ,
Лу́ччэ тобѝ, мий стары́й,
Въ своёму дому̀,
Та у спокóю.
Якъ минѝ, чэчи́тоцьци,
Якъ минѝ, лэби́доцьци,
По зятѝхъ ходы́ть?
Симъ зятѝвъ мáла,
Бодàй и нэ дождáла,—
Бильшъ нэ пиду̀.
Бодàй мойѝ дóчэчки
Такъ дождáлы, якъ и я.

*) И днемъ и ночью.

И Орына, й Марына,
Катэрына й Варварына,
И Хведося, й Явдося
Настуся моя,
Шо наменьчая,
Що накращая,
Щобъ такъ, якъ и я.

165.

Мыша кнышъ проточила,
Муха борщъ пролыла.
Пивинь коня задавывъ,
Ничимъ йихать до млына.
Бабыны коноплй
На пичй поприлы.
Сыдять куры на прыпичку,
Пирижкй пойилы.
Дидъ ходэ по току,
Баба по городу,
Дидъ носэ кочэргу,
Баба сковороду.
Дидъ баби товчэ, товчэ,
Шо нэ скоро блыньцй пычэ
Цыть, диду, нэ бисысь,
Якъ напычу, найисысь.

166.

Зъ вэчэра лысыля пьяна була,
Нэ вэчэрявшэ, спаты лягла
Встала ранэнько,
Вмылась билэнько,
Посидала.
Ззила вола, щэ й барана,
Два горшкй каши,
Чэтыри пташки,
Пичъ пэрогивъ.
Жинко, чэчитко, голубко моя!
У насъ дитокъ нэбагатычко—
Дэвьятирочко:
И Стыцько, й Грыцько,
Трыхайлыкъ, Мыхайлыкъ,
Кулынка, Горпынка,
Савка, та Варька,
Та Йванъ, та я
Зскочила зъ пэнька.
Пляхта рябэнька,
Й сама молодэнька.
И пальчики знаты,
Що дала йихъ маты.
Пальчики вэртилки,
Дайтэ горилки!
Хто пье, той крывыцьця,
Хто нэ пье, той дывыцьця.
А мы будэмъ пыть,
Хазяйина хвалыть.

167.

Нэ прыдалась муха
Ны шиты, ны прясты,
Тико й прыдалася
У полэ литаты,
Зъ кушинчика сметанку
Збэраты,
Свого мужа, комаря,
Годуваты.
Полэтивъ комарыкъ
У диброву,
Сивъ—павъ комарыкъ
На дубочку,
Звисывъ нижки комарёчокъ
Къ корынёчку,
Та й прыслонывъ головоньку
До вэршочку.
Дэсь узялысь буйни витры
Та й сколыхалы
Всю зэлэную диброву,—
Й упавъ жэ той комарычокъ,
Та й упавъ додолу.
Ой, стукнуло, грякнуло
Та шось у лиси.
Мы жъ думалы—та гадалы,
Шо дубъ изломывся,
А то жъ то той комарычокъ
Изъ дуба убывся.
Дэсь взялыся мухи—горюхи,
Й пидхватыли комарыка
На билийи руки,
Та понэслы комарыка
У Волуйки.

А въ Волу́йкахъ пло́тнычки
Плотныку́ють
Комарёви тру́ночку
Всэ готу́ють.
Чо́рнымъ зали́зомъ покрыва́ють,
Зэлэнымъ сукно̀мъ застыла́ють,
Золотѣ́мъ гво́зьдямъ оббыва́ють.
Понэслы комаря̀ хороны́ть
У чи́стое по́лэ,
Въ широ́кэ роздо́лье,
Къ широ́кий доро́зи,
Къ высо́кий моги́ли.
Тамъ туды́ йи́хавъ
Самъ панъ полко́вныкъ,
Проти́въ моги́лы заста́вся;
Винъ сёму̀ ды́ву дывува́вся:
Ой, шо жъ то лэжи̇̀ть —
За поко́йныкъ?
Чи царь, чи князь,
Чи полко́вникъ?
Воны жъ ёму̀ й одвича́ють:
Би́лэ лы́чко-комары́чко,
Сла́вного го́рода мищаны́шка.
Оцэ жъ той же й комары́щэ,
Старо́йи му́хи мужэчи́щэ.

168.

Ой, умру̀ я за́втра вра́ньци
Та й бу́ду дывы́цьця,
Чи нэ бу́де мий ба́тенько
По мини̇̀ журы́цьця?
Ба́тько зажуры́вся,
На стилэць схилы́вся:
Похова́ю свою̇̀ до́чку
Въ вышнэвимъ садо́чку.
Ой, умру̀, умру̀ я
Та й бу́ду дывы́цьця,
Чи нэ бу́дэ моя̀ нэнька
За мнѐю журы́цьця?
Зажуры́лась нэнька
Й схилы́лась на до́чку:
Похова́ю свою̇̀ до́чку
Въ вышнэвимъ садо́чку!
Ой, умру̀ я, та й умру̀
Та й ста́ну дывы́цьця,
Чи нэ бу́дэ мий бра́тичокъ
По мини̇̀ журы́цьця?
Бра́тикъ зажуры́вся,
На сто́лыкъ схилы́вся:
Похова́ю свою̇̀ сэстру̀
Въ вышнэвимъ садо́чку.
Ой, умру̀ я навзнаро́шнэ
Та й ста́ну дывы́цьця,
Чи нэ бу́дэ моя̀ сэстра̀
По мини̇̀ журы́цьця?
Сэстра̀ зажуры́лась,
На мэнэ схилы́лась:
Ой, похова́йтэ сэстро́чку
Въ вышнэвимъ садо́чку.
Ой, умру̀ я, та й умру̀.
Та й бу́ду дывы́цьця.
Чи нэ бу́дэ мий мылэнький
По мини̇̀ журы́цьця?
Мы́лый зажуры́вся,—
Въ жупа̀нъ наряды́вся,
Сидла̀ коня̀ вороно́го,
Та й йи́дэ жэны́цьця;
А я жъ якъ зхвату́ся,
За ёго̀ вхвату́ся:
Нэ йи́дь жэ, мий мылэсэнький,
Хоть по́ки я ко́ньчусь!
—По́ки ты скончи́сься,
То я й ожэню́ся;
По́ки тэбэ похова́ю,
То я й наживу́ся.

169.

Пови́й, ви́теръ, витэро́чокъ,
Зъ глыбо́кого я́ру.
Прыбу́дь жэ, мий мылэсэнький,
Зъ далэкого кра́ю.
Та й радъ бэ я прыбува́ты,
Чужи̇̀й кра̀й далэкий.
Ой, радъ бэ я й сюды взя́ты,
Та той край нэлэгкий.
Наси́яла шавли́ёньки,
Шо й по ты́ну вьёцьця,

Й пэрэчу́ла чэрэзъ лю́ды,
Що мы́лый сьмие́цьця.
Сми́йся, сми́йся, ску́рвый сы́ну!
Самъ съ посьми́ху хо́дэшъ.
Й нэ одну́ю дивчи́ноньку
Зъ ро́зуму изво́дэшъ...
Ой, шуми́ла, шэлэсти́ла
Ярая пшэны́ця,
Й проми́жъ нэю чэрвони́е
Спи́ла полоны́ця.
Годи́ тобі́, пшэны́чонька,
На ко́рни стоя́ты!
Прыйшо́въ твий часъ подо́бонько,
За́мижъ оддава́ты.

170.

Ой, у по́ли крыйны́чэнька,
Тамъ холо́дна воды́чэнька;
Тамъ дивчи́на воду бра́ла
Та й изъ па́рнэмъ розмовля́ла:
Ой, ты па́рэнь, парэнёчокъ,
Сва́тай мэнэ дивчи́ноньку!
—Ой, бою́сь твого̀ я бра́та.
Утри́й хиба́ свого̀ бра́та,
Тоди́ й бу́ду тэбэ сва́тать.
Ай, у мэнэ на ялы́ни,
Тамъ лэжа́ло тры га́дыны.
На га́дыну со́нцэ пэчэ,
А зъ га́дыны утру́й тэчэ.
Пидста̀въ, ди́вко, коно́вочку
Пидъ гадю́чу голо́вочку,
Та втрѝй свого̀ бра́та.
Ти́ко бра́тикъ съ дво́ру,
Сэстра̀ прыйижджа́е,
Утру́й налыва́е,
Бра́тикъ помыра́е.

171.

Ой, чого́ ты хо́дышъ,
Ой, чого ты ну́дышъ?
Хиба̀ ты, Оля́на,
Мого сы́на лю́бышъ?
—Якъ бэ нэ любы́ла,
То я бъ й нэ ходы́ла.
Чэрэзъ твого̀ сы́на,
Брила̀ Дуна̀й—ри́чку,
Брила̀ й замочи́лась.
Ска́жуть усѝ лю́ды,
Що я волочи́лась,
Зъ хло́пцямы любы́лась.
По-за-га́емъ, га́емъ,
Лывко́ жи́то ко́сэ,
А Лывко́ва ма́ты
По дворѝ голо́сэ.
Лывко́ва Оля́на
Дэ́ты́ну прыносэ:
—Ой, Лэвко̀, Лэвко̀,
На́ твою̀ ды́ты́ну.
Нэ ви́зьмышъ ды́ты́ны,
На поки́съ поки́ну,
Бо я знэмощи́ла,
Й на выду̀ змарни́ла.
Прода̀й чо́рну я́рку,
Й на́ймы ёму́ няньку.
—Ой, прода́мъ тэлы́цю,
Й найму̀ молоды́цю.

172.

Якъ заду́мавъ мужычо́къ
Мища́ночку бра́ты,
Вона́ ёму̀ й одспива́ла:
Я нэ бу́ду жа́ты.
Скорѝшъ ди́лай халабу́ду,
Я лэжа́ты бу́ду.
Въ понэди́локъ пидъ вихто́рокъ.
Дэнь-дэньськѝй лэжа́ла,
А въ вихто́рокъ снопи́въ соро́къ
Пшэны́ци нажа́ла.
А въ сэрэ́ду вжэ возы́ла,
А у чэтвэрѣ молоты́ла,
А въ пья́тныцю ви́яла,
А въ суббо́ту ми́ряла,
У нэди́льлю повэзла́,

На базáри продалà,
Й махóтку купы́ла,
Махóточку, чэрэпýшэчку.
Щэрбу зъ рака вары́ла
Та й посóлювала,
Прыкуштóвувала.
Хорóшая, прыгóжая,
Щэрба раковáя,
Чэкомы́совая.
Щэрбу й рáка продалà,
Погóныча наялà.
Погóнычу молоды́й,
Повэды мэнэ, напи́й—
До хáтоньки до новóйи,
До кровáти тырсовóйи,
До пэры́ни пуховóйи.

173.

Якъ задýмавъ стары́й дидъ
Та й ожэны́тыся:
Скажѝть минѝ, дóбри лю́ды,
Якý минѝ брáты?
Якъ старý узя́ты,—
Ни́кому робы́ты;
Молодýю взя́ты,—
Нэ бýдэ любы́ты.
Скажѝ, скажѝ молодà,
Якà въ мэнэ бородà?
—Цапы́на бори́дка,
Вэдмэжа похи́дка,
Кошэчийи óчи,
Собáчийи брóвы,
И стары́й и бридны́й,
Дидъ нэ въ полюбóви.
Якъ пойи́хавъ стары́й дидъ
Та й на базары́щэ,
Та й купы́въ стары́й дидъ
Та тры нагáйи́щи.
Пэрвая нагáйка—
На вóзи лэжáты,
Дрýгая нагáйка—
Конѧ̀ поганя́ты,
А трэтяя нагáйичка
Бáбу навучáты.

Скажѝ, скажѝ молодà,
Якà въ мэнэ бородà?
— Шовковáя бори́дочка,
Козáцькая похи́дочка,
Карэнькийи óчи,
Чорнэнькийи брóвы,—
Дидъ у полюбóви!

174.

Мы́лый жи́то продаѐть,
Минѝ грóшэй нэ даѐть;
А я зъ рóдомъ ззийдýся
И гори́лочки напью́ся
За цыбýлю, та за макъ:
Вы́йшла зáмижъ та нэ такъ.
Ой, разъ нэ гарáздъ,
Нэ обмáнэ въ дрýгий разъ;
Мэнэ бáтько якъ оддàвъ,
Солòмьяни волы́ давъ;
А мий мы́лый нэлины́вый
На пры́пичку годувàвъ,
Изъ кухля́ты напувàвъ,
Що вэчэра доглядàвъ.
А я въ пичѝ топы́ла
Та й вóлыки зпалы́ла.
Й удалы́сь жэ кулакѝ
За солóмьяни быкѝ.
Кулакáмы пидъ бокáмы,
И долóнямы по щокàхъ.
Мы́лый хóдэ по горѝ,
А я по долы́ни;
Мы́лый си́е кавуны́,
А я жóвти ды́ни.
Дэ жъ твойѝ кабаны́,
Шо пойи́лы кавуны́?
Дэ жъ ти би́лы свы́ни,
Шо пойи́лы ды́ни?
Ой, пишлà бъ я у лисъ,
Такъ вóвка боюся,
Бо на тóго вóвка
Нэ дóбра помóвка:
Винъ у ли́си гы́чэ,—
Паня́ночокъ клы́чэ.

Идуть дивкй въ лисъ гуля̀ть,
А винъ до йихъ та валя̀ть...

175.

Розсэрдылась жи́нка
Та й на чолови́ка,
Та й на пичъ поли́зла,
Бу́цимъ нездоро́ва.
Вставà́й, мы́лà, вставà́й, мы́ла,
Прынйсъ тоби́ пы́ва.
Гэть, гэть, нэ докучà́й!
Нэ бу́ду я жи́ва.
Вставà́й, мы́ла, вставà́й, мы́ла,
Я прынйсъ гори́лкы.
Гэть, мы́лый, нэ докучà́й,
Посыротышъ ди́тки!
Вставà́й, мы́ла, вставà́й, мы́ла,
Я прынйсъ дубы́ну,
Та на твою на гладю́чу,
На товстю́чу спы́ну!
Якъ зхва́тыцьця моя́ мы́ла,
Яка́я й бува́ла,
Та й вхваты́ла мылэ̀нького,
Та й поцилува́ла.

176.

На вгоро́ди си́ю рэ̀дьку,
Си́ю, полыва́ю,
Рость, рэ̀дько, рость чэпурнэ̀нько:
На зи́му схова́ю.
А я рэ̀дьки щэ́ й нэ йи́ла,
Та кажу̀: гирка́я;
Щэ́ й свэкру́хи нэ выда́ла,
Та кажу̀: лыха́я.
Якъ пиду̀ я до свэкру́хи
Постйль би́лу сла́ты;
Кача́лочку въ голо́вочку,
А рубэ̀ль пидъ бо́ки;
Лягà́й, нэ̀нько, тутъ мьякэ̀нько,
Й нэ нападу̀ть вро́ки.
Лягà́й, нэ̀нько, самà сла́ла,
Й, бодà́й, нэ вставà́ла,
Якъ ты мою̀ голо́вонь ку
Та й наклопота́ла...
Лэжйть (вляглась) ма́ты на крова́ти,
Сынъ хо́дэ по ха́ти
Й пыта́йецьця сынъ ма́тэри:
Яку̀ жи́нку бра́ты?
Чи таку́ю—бога́тую,
Шо хорошэ хо́дэ;
Чи таку́ю—убо́гую,
Шо хорошэ (ди́лэчко) ро́бэ?
—„Бога́тая—губа́тая,
Бычки́ та тэлы́чки,
А вбо́гая—хоро́шая,
Чо́рни чэрэвы́чьки.
Въ бога́тойи—губа́тойи
Ввэсь двиръ на помо́сти,
А въ би́днойи, хоро́шойи—
Що вэчэра го́сти.
Въ бога́тойи—губа́тойи
Рушны́къ на кило́чку,
А въ би́днойи, хоро́шойи
Бри́вки на шнуро́чку.

177.

Ой, ишлà Олэна
Изъ я́рмарку пья́на,
Й на поро́зи впа́ла.
Якъ бэ нэ̀нька до́бра,—
Взялà бъ на полты́ну
Цилэ̀ньку кварты́ну,
Й зизва́ла бъ роды́нку,
Вми́сьти бъ й выпыва́лы,
Зъ ро́домъ погуля́лы.
Якъ бэ яки́й чолови́къ,
Та бувъ бэ винъ до́брый,
Та взявъ бати́гъ до́вгий,
Та взявъ жи́нку вчи́ты,
Якъ гори́лку пы́ты;
Та взявъ йийи́ гна́ты
До са́мойи ха́ты...

178.

Якъ ишла̀ Марья́на
Изъ ши́ночку пья́на,
Й зостри́ли Марья́ну
Чоты́ри ула́ны,
Чоты́ри солда́ты,
—Та вси й нэжона́ти.
Та сида̀й, Марья́но,
У нову̀ коля́ску
Й пойи́дэмъ, Марья́но,
До на́шого па́на.
А въ на́шого па́на
Ввэсь дви́ръ на нача́ли:
Бага̀й у капка́ни,
Свыня̀ въ шарахва́ни,
Су́чка у спидны́ци,
Хо́дэ по свитлы́ци,
Музы́ку найма́е;
А музы́ка гра́е,
Й чо́рнийи цыга́ны
Вда́рылы въ вигра́ны,
А чо́рнии ку́ры
Загра́лы у тру́бы.
Вы жъ, си́рийи гу́сы,
Загра́йтэ у гу́сли,
Вы, чо́рни ынды́ки,
Загра́йтэ въ музы́ки.

179.

Скажи́, мы́лая моя̀,
Та й не би́йся мэнэ:
Ви́дкиль го́сьтюшки булы̀
У тэбэ бизъ мэнэ?
—Самъ панъ зъ Пэтэнбу́рха,
По́льський, Ту́рський
Изъ Москвы̀!
—Роскажи̇̀жъ ты, моя̀ мы́ла,
Чимъ ты го́сьтюшкивъ госты́ла,
Що заку́сювалы?
—Самъ панъ гусэ́й, курэ́й,
По́льський, Ту́рський—
Лэбэдэ́й".
—Скажи̇̀, мы́лая моя̀,
Роскажи̇̀ мини̇̀, ридьня̀:
Та дэ жъ ти́йи го́сьтюшки
Спа́ты поляга́лы?
—Самъ панъ на пэры́ни,
По́льський, Ту́рський на полу̀.
Скажи̇̀ жъ, скажи́, мы́ла,
Чимъ гостэ́й укры́ла?
—„Самъ панъ куцы́ною,
По́льський, Ту́рський—рядны́ною.
Скажи̇̀, скажи̇̀, нэ каза́ла,—
Чимъ го́сьтюшкивъ умыва́ла?
—Самъ панъ умы̀вся водо́ю,
По́льський, Ту́рський та й слёзо́ю..
Скажи̇̀, мы́лая моя̀,
Чимъ гостэ́й ты утэра́ла?
—Па́на би́лымъ рушныч-ко̀мъ,
По́льський, Турський рука-во́мъ,
Ой, чимъ жэ, скажи́, мы́ла,
Тэбэ го́сьтюшки дары́лы,
—Самъ панъ дары̀въ дука́ты,
По́льський, Ту́рський та й грана́ты.

180.

Чу́до, чу́до, чудоси́я
Та й изъ на́шого Муси́я:
А Муси́я нэма̀ до́ма,—
Муси́й чумаку́е.
Якъ прыйи́хавъ винъ до до́му
Й ки́нувсь до бары́ла.
—Ой, дэ жъ, жи́нко, гори́лочка
Дива́лась зъ бары́ла?
—„Свыня̀ би́гла й обэрну́ла,
Тымъ внызу̀ й вори́нка".
—Ой, брэшишъ ты, жи́нко,
Ой, брэшишъ, брэху́хо:
Пидъ бары́ломъ скризь дэвы́вся,
Такъ та́мычки су́хо!

Якъ удáрывъ Мусѝй жи́нку
Въ сами́синыкэ вýхо,—
—Ой, цуръ тобѝ—пэкъ, Муси́ю.
„Цуръ тобѝ, нэ би́йся!
Сидлáй рябý кобылы́ну.
Та йидь на долы́ну.
На долы́ни чумáчэньки
Тáбуромъ стоя́лы.
Воны́ тáбуромъ стоя́лы,
Пылы́ та гуля́лы.
Забалáкалысь зо мнóю
Й грóшэй нэ давáлы.
Одынъ сыдыть на вийячку,
Грóшики щитáе,
Другий сыдыть на важны́ци,
Въ кишэню ховáе,
Трэтий хóдэ по табýри
Мусѝя вблагáе:
—Ой, спасы́би, братъ, Муси́е,
Та й зà твою жи́нку
Що вонá въ нуждѝ спасàе,
Й намы́ нэ гнущáе,
Й за тэ, що пылы́-гуля́лы,
Й грóшэй нэ давáлы.

181.

Якъ вы́йду я за ворóта,
Стойѝть трáвка, якъ болóто;
Якъ вы́йду я за нови́йи,
Тамъ трáвонька зэлэни́е.
Скризь трáвонька зэлэни́е,
А у мэнэ сэрце ны́е;
Вонò ны́е, понывáе,
Що дóсы мы́лого нэмàе.
(Що мылэнькаго нэ мае).
А ось свитъ билэнький:
Идэ мий мылэнький,
Си́рымы волáмы,
Зъ чóрнымы бровáмы.
—Ой, дэ жъ, мы́лый, шля́вся,
Та й дэ жъ волочи́вся,
Нишнóю добóю,
Зъ чужóю жинóю?
—Чужà жи́нка лýчча,
Чужà жи́нка й крáща—
У хрэстàхъ, въ намы́сьти,
И пидийшлà пидъ мы́сли.
Й рушны́къ на килóчку;
Бри́вки на шнурóчку.
Рушны́къ зъ килкà мáе,
А вонà моргáе...

182.

Та ходы́въ чумáкъ,
Та ходы́въ бурлàкъ
Симъ годъ по Крымý,
Та й нэ случáлось
Тий прычи́ноньки
Й одъ рóду ёмý.
Ой, случи́лася
Та прычи́нонька,
Изъ Кры́му йдучэ,
Щэ й пидъ би́лою
Та бэрэзою
Волѝвъ пасучэ:
Ой, усѝ волы́
Та й похворáлысь,
Й чумàкъ занэмѝгъ.
Ой, боля́ть рýчки,
Та боля́тъ ни́жки,
Й болы́ть головà.
Та тоскá, нэчàль
Та на сэрдэньку,
Нихтò та й нэ зна.
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы вѣ дзвинъ:
То жъ по тóму чумакóви,
Що ходы́въ у Крымъ;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ два:
То жъ по тóму чумакóви,
Що дóма нэмá;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ тры:
То жъ по тóму чумакóви,
Що си́ри волы́;

А въ го́роди Качава́ни
Вда́рылы въ чоты́ри:
То жъ по то́му чумако́ви,
Що волы́ спочи́лы;
А въ го́роди Качава́ни
Уда́рылы въ пьять:
То жъ по то́му чумако́ви,
Що возы́ рыпля́ть;
А въ го́роди Качава́ни
Уда́рылы въ шисьть:
То жъ по то́му чумако́ви,
Що прыйшла̀ вжэ вѝсьть;
А въ го́роди Качава́ни
Уда́рылы въ симъ:
То жъ по то́му чумако́ви,
Шо ходы́въ по силь.

183.

Якъ вы́йду я на моги́лу,
Та й тля́ну я на Вкрайи́ну,—
На Вкрайи́ни до́брэ жи́ты:
Тамъ ны жа́ты, ны косы́ты,
Ти́ко гори́лочку пы́ты.
Ой, пишо̀въ бэ я до до́му,
Такъ боюся поговору.
До́ма бу́дуть мэнэ бы́ты,
Та й заста́влять щэ й робы́ты.
А чума́къ той нэздоро̀въ,
Пропы́въ си́рыхъ двохъ коро̀въ.
Пропы́въ волы́, пропы́въ возы́,
Пропы́въ я́рма и зано́зы,
Пропы́въ штаны́ и соро́чку,
А самъ сыды́ть у ши́ночку,
Та й пье́ чума̀къ гори́лочку.
Ой, та жъ нэ самъ пье-гуля́е,
Товары́ство напува̀е,
Щобъ було̀ добро̀ мижъ ны́мы,
Й щобъ бизъ ёго̀ нэ ходы́лы.
А въ нэди́ллэньку у ра́нци
Чума̀къ ла́па у карма́ньци:
Вчо́ра тутъ дзвини́лы гро́ши,
А сёго́дня ла́зять во́ши.
Вчо́ра нитъ бэ стэпэны́цьця,
А то̀ й ни́чимъ похмэлы́цьця.
Ты. дивчи́но, бі́йся Бо́га!
Пожали́й мэнэ нэбо́га:
Звэрны́ гро́шэй, сти́ко знай
Й мэнэ зъ ши́нку выряжа́й.
Тэ зверны́, хай бэ тобѝ грэць,
Минѝ пустэ́нький гаманэць!
Та дивчи́на трэцьця, мнэцьця,
Одвэрнэцьця й засмие́цьця
Зъ того̀ чумака̀,
Зъ того̀ голяка́.

184.

Ой, чого̀ жъ ты, голубо́чокъ,
Нэ лэты́шъ до мэнэ,
Самъ бо зна́йишъ: я молода̀,
Скуча́ю бизъ тэбэ?
Чи ты, мы́лый голубо́чэкъ,
Дори́жки нэ зна́йишъ,
Чи шо такэ прыключи́лось,
Та тэпэ̀ръ й выля́йишъ?
Чи ты дэ, мий каро́кий,
Сыды́шъ у нэво́ли,
Чи коха́йишъ чужѝ бро́ви,
Въ чужи́ни, на во́ли?
—„Ой, попа́вся у нэво́лю,
У въ остро̀гъ каца́пський.
Якъ поды́вэсься по ёму,
Бу́цимъ тэрэмъ ца́рський.
Ти́ко нитъ тамъ двэрэй, ви́конъ,—
Труба̀ ды́мова́я.
А зъ тие́йи трубы́ мы́ла
Дымо̀къ подыха́е,
А по тому та̀ дымо́чку
Ла́стивка лита́е,
Чэшэ ку́дри, чэшэ чо́рни,
Й мэнэ розвага́е...
То жъ нэ ла́стивка лита́ла,
А душа̀ мыло́йи,
Спуска́лася по дымо́чку
Зъ жи́нки молодо́йи.
Прыно́сыла молодэ́нька
Чэрво́ный плато́чокъ,

Й утэра́ла ка́ри о́чи
Та щэ й и выдо́чокъ...

185.

Ой, дэ жъ той цвито́чокъ ди-
ва́вся,
Шо долы́ну украша̀въ?
Ой, дэ жъ той дружо̀къ жэ-
ныха́вся,
Що слова́мы улэща̀въ?
Улэсты́въ мы́лый, нэдобрый,
Я й вви́рила на рэча́хъ;
Самъ пойи́хавъ, мэнэ бро́-
сывъ,
Щэ й манэнькэ на рука̀хъ,
А малю́тку звать Анютка,
Розбизща́сное дытё,
Чэрэзъ тэбэ, дитя̀ моѐ,
Роспроклятое житьтё!
Дивки́ дужэ цура́юцьця
На ву́лыцю воды́ты,
Вси глузу́ють, въ ви́чи ко́-
лють,
Що схоти́ла любы́ты.
Чэрэзъ тэбэ, дэтыня́тко,
Пиду̀ въ мо́рэ, утоплю̀сь,
Й ци́ею ру́сою косо́ю
Уся ти́ломъ оснуюсь.
Зъ жалю̀ мо́рэ сколыхнэцьця,
Я сама́ заголосю̀,
Та й лэнтою голубо́ю
Усэ го́рэ закра́сю!...

186.

А шахтёры-жыводёры:
Роскопа́лы бугры́, го́ры;
А шахтёры молодьцй:
Воны хо́дять якъ купцй,
Таба́къ ку́рять, во́дку пьють,
Пи́дъ зэмлэю ка́минь бьють.
Ста́нэ на що жи́ть, купы́ть,
Та й дивча́токъ подары́ть.
Чимъ шахтёрови жэны́цьця,
Лу́ччэ въ кабакъ завалы́цьця.
Лу́ччэ гро́ши вси пропы́ть
Чимъ въ зако́нный бракъ всту-
пы́ть.
Жинокъ мо́жно намъ на-
жи́ты,
Объ йихъ ни́чого тужи́ты;
Объ оби́дови шахтёру
Трэба ду́жчэ дорожи́ты.

187.

Ты, розсу́кинъ сынъ, лакэй,
Дэ ты бувъ, пробува̀въ,
Дэ цю ни́чку ночува̀въ?
—Ой, у ва́шому дворй,
Въ высо́кому тэрэмй.
Зъ ва́шэй до́чэнькою,
Зъ ва́шэй Ма́шэнькою.
—Ты, розсу́кинъ сынъ, лакэй,
На що ска́зываешъ?
—Ба́рыня, суда́рыня,
На що спра́шиваешъ?
—Ахъ, розсукинъ сынъ, лакэй,
У солда́ты оддамъ!
—Ба́рыня, суда́рыня,
Самъ охо́тою иду̀,
Й па́ру ко́нэй увэзу̀,
Въ коля́сочку запряжу̀
Й ва́шу до́чку завэду̀.
По-за ва́шимъ та й дворо̀мъ—
Си́зымъ, я́сным соколо̀мъ,
По-за го́рныцэю—
Сы́зой бо́рлыцэю,
По-надъ я́рушкою—
Си́рымъ за́юшкою.

188.

Я, ты Ко́ля, Коля́ша,
Яка́ минѝ журба́ша?
Я нэ зна́ю, що робы́ты,
Чи поки́нуть, чи любы́ты?

Якъ поки́ну,—жа́лко бу́дэ,
Й суды́тымуть вра́жи лю́ды.
Суды́тымуть панычы́,
Шо у сы́нимъ сиртуцѝ,
Выбойча́нийи штаньцѝ,
Й балала́йка у руци́.
Балала́йка бубуны́ть,
Про мы́лую говоры́ть:
—Тамъ Ка́тька гуля́ла,
(Зъ) симы́ ка́ртамы гра́ла,
Гра́ла, гра́ла, выграва́ла,
Пидкозы́рювала...
Ой, ты, Ка́тя, Катэры́на,
Розмалёвана карты́на,
По й узо́рамъ вышива́ла,
Й охвыцэра дожида́ла.
Й охвыцэрикъ молодо́й,
Й одвэды́ мэнэ домо́й.
Мий домо́чокъ на горѝ,
Тры вико́ньця во дворѝ.
А тамъ ро́жа цвитэ́ть,
Й охвыцэръ Ка́тю вэдэ́ть,
Вжэ та й ро́жа одцвила́,
А Катру́си, знай, нэма́...

189.

Мару́ся по бэрэжку ходы́ла,
Мару́сэнька у авиль* вступы́ла,
Лины́ва, сонны́ва, та й нэви́льна,
Й якъ схоти́ла, взяла́ й нэ робы́ла.
Сэрэдъ дво́ру комо́ря стоя́ла,
Въ тий коми́рьци сви́чонька пала́ла,
А тамъ ма́ты сы́на навуча́ла:
Сидла́й, сы́нку, би́лую кобы́лку,
Паня́й, сы́нку, на я́рмарокъ, пи́шки,
Купу́й, сы́нку, рэми́ньнийи ви́жки,
Та вьяжѝ жи́ньци ру́чки и ни́жки.

*) Трава.

Та сидла́й, сы́нку, би́лу кобы́лку,
Й паня́й, сы́нку, за ка́мьяну ла́вку,
Купу́й, сы́нку, дротяну́ нага́йку,
Та й бый жи́нку зъ вэчэра до ра́нку.
Ой, зъ вэчэра нага́йка шуми́ла,
А въ до́свита мы́ла одуби́ла.—
Лэжѝть мы́ла, якъ пичи́нка, сы́ня.
Ой, ты жъ ма́ты, пора́дныця въ ха́ти,
Пора́дь тэпэ́ръ, шо бу́дэмъ робы́ты?
—Та сидла́й, сы́нку, би́лу кобы́лку,
Й паня́й, сы́нку, пойийѝ роды́нку.
—Ой, тэпэ́ръ намъ, ма́ты,
Ро́ду нэ збыра́ты,
Тэпэ́ръ жэ намъ, ма́ты,
Тюрьмы́ нэ мына́ты.
Тобѝ самѝй жи́ты,
А минѝ сида́ты,
Та й тымъ, чому́ вчи́ла,
Тэбэ́ помына́ты.

190.

Ой, на горѝ ха́тка,
Пидъ горо́ю кла́дка,
Тамъ булы́, выбува́лы,
Молодѝ дивча́тка:
Одна Коляри́вна,
Дру́га Маляри́вна,
Трэтя, до́брэ зна́ю,
Була́ Тэмоши́вна.
Пидийшла́ подъ ха́ту,
Та ного́ю тупъ-тупъ:
Вы́йды, вы́йды, Васы́лэчко,
Вжэ давно́ я тутъ-тутъ!

Ой, нэ вы́йшовъ Васы́лэчко,
Вы́йшла его ма́ты,—
Просю́, до́чко, нэви́сточко,
Вэчэряты въ ха́ту.
—Ой, спасы́би, мату́сэнько,
За ва́шу вэчэрю,
Я шось нэздоро́ва,
Цэ я прыйшла́ на до́видки,
Чи Васы́лько до́ма?..
Ой, на горѝ ха́тка,
Пидъ горо́ю кла́дка;
Нэ покида́й, Васы́лэчко,
Риднэнького ба́тька.
Якъ ба́тька поки́нэшъ,
То й на ри́цьци бы́стрий
Ма́рно ты поги́нэшъ.

191.

Ой, вы ба́бушки,
Вы козя́бушки,
Вы нэво́льнойи,
Вы роско́шнойи.
Ту́та жъ намъ попы́ть
Ту́та жъ намъ погуля́ть:
Чолови́ка нэма до́ма,
Та й ни́кому рэвнува́ть.
Ой, свэкоръ ты, ба́тюшко,
Пусты́ жъ мэнэ погуля́ть!
—Я и ко́жу спусьтю́
И гуля́ты нэ пусьтю́.
Ой, ко́жа воло́чэцьця,
А гуля́ть всэ жъ хо́чэцьця.
А якъ ко́жу пидбэру́,
То й гуля́ты пийду́.
Ку́ры заспива́лы,
А пивнѝ нэ вспи́лы;
Зорѝ пидняла́ся;
Й бэда́ лучила́ся:
Забо́ръ хло́пци розибра́лы,
Та й коня́ укра́лы.
А за то́го та коня́
Сы́на ма́ты пыня́ла:
—Ой, шо жъ ты за сынъ,
Та й що за хозя́йинъ,
Що ты жи́нки нэ бьешъ
Й на путь нэ наво́дышъ?
—Постывай же тэпэрь, ма́мо,
Зий́зьдю въ ярмаро́чокъ,
Та й куплю́ тамъ плётку,
Й бу́ду жи́нку вчить, навча́ть,
Якъ ко́ныкивъ доглядать.

192.

Ой, бы́ла, бы́ла,
Пого́душка зъ мо́ря;
Ой, йи́хавъ-же, йи́хавъ,
Мий мы́лый изъ по́ля.
Та й вставъ, прывьязавъ
Коня́ до подво́рья,
А самъ пишо́въ въ го́сьти
До мылэсэнькойи.
Здра́стуй, Ма́шэнька,
Здра́стуй, ду́шэнька!
Та чого́ жъ ты така́
На лы́чэньку ста́ла?
Чи ты захвора́ла,
Чи хто тэбэ, мы́лу,
По лы́чэньку вда́рывъ?
—Ой, вда́рывъ же, вда́рывъ
Розсу́кинъ сынъ ва́рваръ,
Ой, вда́рывъ жэ, вда́рывъ—
Румэньця надба́вывъ.
Вмру, й жива́ нэ бу́ду,
Зробы́ жъ минѝ мы́лый,
Олы́нову тру́ну!
—Ни́гдэ, мы́ла, ни́гдэ, лю́ба,
Олы́ноньки взя́ты;
Бу́дэшъ, мы́ла, чорнобри́ва,
Въ дубо́вий лэжа́ты.
—Ой, дай минѝ, мы́лый,
Крамну́ю соро́чку,
Та й самъ похова́йешъ
Въ вышнэвымъ садо́чку—
На свое́му, мылэсэнький,
На ча́сьтимъ слидо́чку.

А якъ колы̀ бу́дэшь
По са́ду ходы́ты,
Та щэ й малы̀хъ ди́токъ
За ру́ки воды́ты,
Щэ й одно̀ манэнькэ
На рука̀хъ носы́ты,
То бу́дэшъ, мылэнький,
Тамъ мэнэ просы́ты:—
Уста́нь, уста́нь, моя̀ мы́ла,—
Роспла́калась, розрыда́лась
Малэнька дыты́на!

193.

Тума̀нъ я́ромъ ко́тэцьця,
Гуля̀ть па́рню хо́чэцьця.
Гуля̀й, гуля̀й молодэць,
Колы̀ тоби̇̀ во́ля есьть.
А якъ мини̇̀ гуля́ты,
Бэру̀ть мэнэ въ салда́ты.
Тоди̇̀, ди́вчино, запла́чэшъ,
Якъ въ строю̀ мэнэ поба́чишъ.
Ой, у строю̀, у строю̀,
На гнидэнькому коню̀,
На чэркэському сидлу̀,
У салда́цькому вбраньню̀;
Ружжо̀ бу́ду заряжа́ть
Свого̀ Царя̀ звэсэля̀ть.

194.

Ты вэрба̀, ты вэрба̀,
Ты кудря́вэнькая,
Во й да кучэря́вэнькая.
Ой, дэ жъ ты зийшла̀,
Дэ ты вы́росла?
—Я зийшла̀ на лужку̀
На круто́му бэрэжку̀.
Тамъ сиди́ла пи́зно Ма́ша,
Зъ вэчэра одна̀,
Й зажига́ла свичу̀
Во́ску я́рого,
Дожида́ла тамъ дружка̀
Возлюбэзного.
Ны стучи̇̀ть, ны грючи̇̀ть
Въ подо̀вшъ у́лычки,
Застучи̇̀ть загрэмы̀ть
Пидъ око́шэчко.
Ой, нэ воръ жэ прыйшо̀въ,
Ны розбо́йнычокъ;
А до тэбэ прыйшо́въ
Полюбо́внычокъ.
Ой, нэ въ го́сти прыйшо̀въ,
Й нэ гостыться;
Я до тэбэ прыйшо̀въ
Распросы́тыся,—
Чи дозво́лышъ, душа̀,
Ожэны́тыся?
—Ожэны́сь, ожэны́сь,
Разуда́лый молодэць,
Та й возьмы̀ соби̇̀ красо́тку,
Кра́сну ди́вушку мою̀,
Подру́жку родну́ю,
Сэстры́цю мою̀.

195.

Гуля́ла дивчи́на
Въ зэлэнимъ саду̀,
Та й жа́ла та́мъ, жа́ла
Ми́лку осоку̀,—
Й нэ взба́чила та дивчи́на
Смэртэнну змию̀,
Й наступы́ла ни́жэнькою
На гадю́чу го́лову.
Ой, вкусы́ла жъ ту дивчо́нку
Въ но́гу лю́тая змия̀,
Й прыключи́лась тий дивчо́ньци
За одынъ дэнёкъ бэда̀.
—Ой, ма́мочко риднэсэнька,
Иды̀ за попо̀мъ.
—Ой, до́нюшко, до́нюшко,
Нэма̀ попа́ до́ма.
—Риднэсэнька ма́тиночко.
Хочъ за ли́карэмъ пиды̀.
—Ой, риднэнька до́чушка,
До насъ винъ нэ пи́дэ.

Ой, мамýсю, мамýсю,
Вжэ жъ мэнэ винъ знáе.
Молодэнький ликарёкъ
Мэнэ сподобáе...
Скáчэ, скáчэ ликарёкъ
Вэрхи на конй,
Дойижжáе до дворá,
Кэпочку здиймáе,
Кэпочку здиймáе,
Чэлòмъ оддáеть:
Здоровъ, моя Машýрочка,
Чи ты щэ живà.
—Кругомъ плохэ здоровьячко,
Й самà чуть живà.
—Ты скажи ка, Марýсенька,
Чимъ ты нэможнà?
—Грýдью, сэрцэмъ нэздорóва,
Живиткòмъ хворáю,
Шо сь якъ бýдто тàмъ стрыбáе,
И самà нэ знáю...

196.

Вылитáла птычка
Самà нэвэлычка.
Чорнявая моя,
Чорнобривая моя:
Чорнобрива, чорноóка,
Роскудрява голова!
Роскудря-кудря-кудрява,
Роскудрява голова!
Вылитáла й другá
Зъ зэлэного лýга.
Чорнявая моя, и т. д.
Вылитáла й трэтя
Изъ-пидъ очэрэта.
Чорнявая моя, и т. д.
Вылитáла пьята
Самà довгопьята.
Чорнявая моя, и т. д.
Вылитáла шóста
Самà довгохвóста.
Чорнявая моя, и т. д.

Приспи́ва.

197.

Нэ оддàвъ мэнэ бáтько
Та й за чолови́чка,
Та й оддàвъ винъ мэнэ
За розбóйнычка.
Ой, лыхо, розбóйнычокъ,
Винъ лыхий чоловикъ:
Якъ дэнёкъ настáнэ,
Винъ лэжить й нэ встанэ.
А якъ звэчэри́е,
Кóныка сидлáе;
Ни́чэнька жъ настáнэ,
Зъ двòру выйижджáе.
А вжэ онивъ-нóчи
Розбóй розвывáе;
Всви́ти прыйижджáе,
На мэнэ гукáе:
—Вставàй, мыла, чорнобри́ва,
Вэзý стри́бло, злáто,
Вэзý хрэсты и дукáты
И всёго багáто.
Якъ глянула на хрэсты,—
Хрэсты ридной сэстры,
Якъ пидняла плáтьтя,—
Тожъ зъ ридного брáтьтя.
—Ой, бодáй ты, моя мыла,
Цёго й нэ сказáла:
Нэ я убывъ твою ридню,
Тэмна ничъ спиткáла.

198.

Сызый орэлъ та й купáецьця,
Сызый орэлъ та й питáецьця:
Ой, чимъ зэмля сокрушáецьця?
—Долынóю та мýгилою,
Щэ й чóрною чэрэшнынною
Ой, пидъ тиéю чэрэшнынною
Сыдивъ пáрэнь изъ дивчи́ною.
Ви́тэръ дýба хиля́е,
Козàкъ ди́вку пытáе:
—Ой ди́вчино, дивчи́нонько,
Чи я ты на врóду?
—Нэ пытàй ты мэнэ,

Нэ кохáвъ ты мэнэ.
Кохáвъ мэнэ бáтько,
Вы́кохала мáты.
Та й нэ мáлы знáты
Й нэ мáлы гадáты
Дэ бýду тыня́цьця,
Дóлэньки шукáты.
Ой, нэ мáлы знáты,
Комý я достáнусь,
Комý замышля́ты,
Рýки потырáты.

199.

Сыдыть гóлýбъ на дýбý
Й заграва́е у трýбý;
Пытáе сынýця,
Колы́ намъ жэны́цьця?
—У сýбóту, пидъ Пэтрà,
Й гори́лочки пивъ видрà,
Щэ й корóбку си́мья,
Прóсымъ на виси́льля!

Бýдуть старѝ й ди́ты
На пичѝ сиди́ты.
На виси́льли грáють,
Гóстэньки гуля́ють.

200.

За ри́чкою хлыгилёчокъ,
Живэть Вáня парэнёчокъ;
Голýбушка въ тэрэмѝ.
Въ тимъ во тэрэми кумà
Мукý си́е, высивáе,
Одынъ пылòкъ выбывáе,
Калáчикивъ напикáе,
И за ри́чушку посылáе.
А той Вáня нэ прыймáе,—
Калáчикы одсылáе:
Ой, такъ, кумà, кумà моя́,
Ой, такъ нэ годы́цьця,
Щобъ зъ попáмы та дякáмы
И зъ попóвымы батракáмы
Тобѝ волочи́цьця!

201.

Ой, добря́чий свитъ, Мыкóла господы́нъ,
Всимъ прыгóжий той Пáвловычъ дворяны́нъ:
Винъ изъ ты́сячи на ты́сячу ступàвъ,
Мылиёнамы по гóроду шибàвъ.
А рубля́мы самъ сарáйи покрывàвъ,
Золотымъ копьёмъ ворóта запырàвъ,
Всихъ сыри́токъ изъ нэвóли выкупàвъ.
Вы, сыри́тки, вы, сыри́точки мойѝ,
Помоли́цьця тэпэръ Бóгу обо мни,
Попроси́ть, щобъ Богъ помы́лувавъ мэнэ,
Ой, щобъ бувъ жэ я хоз́яйиномъ надъ гóродомъ
Й губэрнáторомъ надъ губэрнёю,
Й хоз́яйиномъ у свойѝмъ домý.

202.

—Скажѝ, скажѝ, моя́ мы́ла,
Зъ якѝхъ пиръ любы́ты стáла?
—Я зъ тыхъ пиръ любы́ты стáла,
Якъ у сáдыку гуля́ла,
У сáдыку, у садóчку—
Изирвáла два я́блучка,
Самà собѝ роскусы́ла,
Та й пáрня полюбы́ла.
Пэрэчýла чэрэзъ лю́ды,
Що мий мы́лый нэздорòвъ...
А мий мы́лый, чорнобри́вый,
Лýччэ ёгò въ свѝти нитъ:
Мы́мо гóрычни прохóдэ,
И въ викóньцэ нэ глядыть.

А на тому̀ та вико́ньци
Лэжа́ла прыми́та,
Зъ выногра́ду кви́тка.
Выногра́дыкъ той ростэ,
Соловэйко тамъ поѐ.
Выногра̀дъ ростэ на ви́тци,
А кана́рушка у кли́тци.
—Лу́ччэ бъ цёго та й нэ зна́ла,
Й нэ знако́ма бъ я була̀.
То й сэрцэмъ нэ боли́ла бъ
И ничи́я бъ я була̀.

203.

Ой, по ха́ти я ходы́ла,
Тамъ труба̀ трубы́ла;
Та труба̀ трубы́ла,
Зъ мы́лымъ говоры́ла:
—Ой ты, мы́лый, мы́лый мий,
Розкудря́вый, хто зна чий!
Нэ сидàй ты про́ты мэнэ,
Ска́жуть лю́ды: лю́бышъ мэнэ
Колы̀ лю́бышъ, такъ любы́сь,
Якъ нэ хо́чэшъ, то й одки́ньсь.
Колы̀ лю́бышъ,—любы̀ дви́чи,
А нэ лю́бышъ,—скажѝ въ ви́чи.

204.

Пишла̀ жи́нка на база̀ръ
Хмэлю купува́ты,
Й зоста́вила мэнэ до́ма
Йийи дожида́ты.
(Дитэй доглядàты)
Ждавъ я дэнь зъ база́рю,
Жду й дру́гий,—нэ ма́е,
Та й пишо̀въ шука́ты,
Жиди́вки пыта́ты.
Ой, иду̀ жъ я у каба̀къ
Жи́нку ратува́ты;
Ходѝмъ, мы́лая, до до́му
Ходѝмъ, лю́бая, до до́му!
Ой, нэ пиду̀, мий мылэнький,
И да̀лэби нэ пиду̀,
По́ки напьюсь гори́лочки,
Гарнэ̀нькойи доладу̀.
Тодѝ пиду̀, мий мылэнький,
Якъ напьюсь у во́лю,
Сама̀ пиду̀ до до́монькy
И ввольню твою во́лю.
А мий мы́лый пье, гуля́е,
У вико́ньцэ позыра́е;
Куда̀ ви́тэръ ви́е,
Туда̀ винъ и пи́дэ...
Нэ журы́сь, дивка́мы
Наза̀дъ въ двохъ мы пры́йдэмъ
Ой, погѝбъ бидня́жэчка,
Погѝбъ навсэгда̀
Та й йду̀ть скризь ришо́точку
Молодѝ лита̀.
Ба́тька винъ зари́завъ,
А ма́тиръ убы́въ;
Ри́дную сэстры́цю
У мо́ри втопы̀въ,
Свою̀ жъ мы́лу гори́лкою
До смэрты спойѝвъ.
Погѝбъ нызави́що,
Погѝбъ навсэгда̀

205.

Ой, пье чума̀къ гори́лочку,
А жиди́вка сы́пэ,
Сы́пэ, налыва́е.
Чума̀къ зъ го́ря хи́лэ,
Хи́лэ й выпыва́е.
Стойѝть жи́нка у поро́зи,
Слёзы пролыва́е.
Нэ плачъ, жи́нко, нэ журы́сь,
Колы̀ така̀ до́ля:
Пропы̀въ волы̀, пропы̀въ возы̀,
Ярма и зано́зы.
Уста̀въ чума̀къ вра́ньци,
Й пола́павъ у гама́ньци;
Вчо́ра гро́шэй було̀ мно́го,
А сёго́дня нитъ ничо́го,
Ни́чимъ й похмэлы́цьця.

206

Якъ вы́йду я за воро́та,
Стойи̇̀тъ тра́ва, якъ боло́то.
Якъ вы́йду я за нови́йи,—
Вся тра́вонька зэлэни́э.
Моѐ сэрцэ́ мли́е,
Мли́е, сомлива́е,
Що й до́сы до-до́му
Мы́лого нэма́е.
Ужэ́ й свитъ билэ́нький,
Идэ́ мий мылэ́нький
Зъ си́рыми вола́мы,
Зъ чо́рными брова́мы.
Ой, де, мылый, шля́вся
Шля́вся-волочи́вся?
Нишно́ю добо́ю,
Зъ чужо́ю жоно́ю;
Чужа̀ жи́нка лу́чча
Й на лы́чэньку кра́ща,—
У хрэста̀хъ, нам ы́сьти,—
Пидийшла̀ пидъ мы́сли.

207.

По бэрэ́жку, по круто́му
До́брый молодэ́ць идэ́ть,
На жовтэ́нькому писо́чку
Дивы́ця стойи̇̀тъ.
За лыхи́ми ворога̀мы
Й здра́стуй ди́вци нэ сказа́въ,
Ти́ко о́комъ винъ наки́нувъ
Й ны словэ́чка нэ сказа́въ.
Сту́кнувъ, гря́нувъ у вико́ньцэ,—
Вы́йды, мы́лая, сюда̀!
—Дэ жъ ты шля́вся-волочи́вся,
Що до мэ́нэ опизны́вся?
—Изъ чужо́ю дорого́ю
Цю́ю ни́чку ночува́въ,
Та й на тэ́бэ потыхэ́ньку
Подэвы́цьця забажа̀въ.

208.

Ой, на гори̇̀, на гори̇̀—
Тамъ стоя́лы гайдари̇̀;
Вивча́рь ви́вци выгоня́въ,
Й на моги́лу выбыва́въ.
Ой, вы хло́пци, моло́дьци,
Займи̇̀тъ въ мэ́нэ по вивци̇̀;
Та й накажи̇̀тъ вы ди́вчиньци,
Що въ чэрво́ний па́роцьци,
Нэха̀й мэ́нэ та й нэ ждэ̀,
Нэха̀й за́мижъ идэ!
А ди́вчина прочу́ла
Та й зъ ву́лыци майну́ла;
Добига́е до двора̀,—
Заболи́ла голова̀;
Добига́е до вори̇̀тъ,—
Хвата́йицьця за живи̇̀тъ:
Ой, ма́мочко, ма́мочко,
Болы́ть въ мэ́нэ сэрдэ́чко,
Болы́ть сэрцэ́ и живи̇̀тъ,—
Бо любы́въ вивча́рь, тэпэ́ръ нитъ.
—Пиды́, до́ню, до га́ю,
Нарвы́ зи́льлячка „розма̀й“.
А я жъ ёго̀ нэ зна́ю,
Хиба̀ людэ́й спыта́ю
Щэ́ й до га́ю нэ здо́йшла̀,
„Розма̀й“ зи́льячко знайшла̀.
Полоска́ла на лёду̀,
А вары́ла на мэ́ду̀.
Полоска́ла й на ри́цьци,
А вары́ла у гори́льци.
И щэ́ й ко́рень нэ вкипи̇̀въ,
А мылэ́нький прилыти̇̀въ.
Ой, шо жъ тэ́бэ прынэ́сло,
Чи чо́внычокъ, чи весло̀?—
—Прыни̇̀съ мэ́нэ сы́вый ки́нь,
До мы́лойи на посъти̇̀ль.

209.

Ой, у на́шого Омэ́лька
Манэ́нька симэ́йка:
Ти́ко винъ, та вона́
Та Ярэ́ма, та Хома́,
Та Андру́сь, та Пэтру́сь,
Та дви па́ри Мару́сь,

Та симъ нэвисто́къ,
Й въ йихъ по сэмэро дито́къ;
По два па́робки жона́тыхъ
Й по дви ди́вки кудла́тыхъ...

210.

Дэ ты, до́лэ моя̀, хо́дышъ,
Дэ ты, до́лэ̀ моя̀, бро́дышъ,
И нэ прови́дайешъ мэнэ?
Чи у лу́зи на калы́ни
Ты зозу́лэю куѐшъ,
Чи у мо́ри зъ крамаря́мы
Барыши соби бэрэшъ?
Чи зъ баба́мы молоды́мы
Пьешъ-гуля́йешъ въ кабаці̀?
Прыбу́дь, прыбу́дь, до́лэнько,
Хочъ разъ въ годъ до мэнэ,
Та й прови́дай, до́лэнько,
Якъ въ сви́ти горю́ю,—
Та якъ свойи́хъ ди́токъ
Манэнькихъ году́ю...

211.

Ишо̀въ чума́къ зъ До́ну,
Ой, зъ До́ну до до́му,
Та й сивъ надъ водо́ю,
Й йисть суха̀рь зъ водо́ю.
Якъ суха́рыкъ умоча́е
Й до́лю проклына́е:
До́лэ жъ, моя̀ до́лэ,
Чомъ ты нэ така́я,
Якъ до́ля чужа́я?
Е лю́ды й нэ ро́блять,
А до ди́ла хо́дять;
А я й заробля́ю,
Та й въ сэбэ нэ ма́ю.

212.

Ой, у мо́ри, мо́ри,
Чаба́нъ молодэнький
Изъ Орло́мъ купа́вся.
Ой, чаба́нъ купа́йецьця
Й у орла́ пыта́йицьця:
Ты орэлъ, ты орэлъ,
Сызокры́лый, золоты́й!
Ты высо́ко лита́йишъ,
Ты далэко выда́йишъ,—
Ой, чи бувъ же, чи нэ бувъ
Ты въ мойѝй сторони̇̀?
Ой, чи жу́рыцьця, чи ни
Моя̀ мы́ла обо мни?
—Ой, жу́рыцьця, й пэча́лыцьця,
Бо дри́бными слизонька́мы
Що зо́рьки вмыва́йицьця,
А вы́шитымъ рукавцэмъ
Видъ слизъ утыра́йицьця.

213.

Изъ-за горы̀, изъ-за кру́чи
Скрыпля̀ть возы̀, йду́чэ.
Рыпля̀ть возы̀, сопу̀ть волы̀
Та всэ полови́йи,
А за ны́мы чума́чэньки
Та йдуть молоди́йи.
Ой, обэрну́лы си́ри волы̀
Та тры во́зы со́лы.
Прыйшла̀ до йихъ дивчи́нонька
Со́лы купува́ты.
То жъ нэ со́лы купува́ты,—
Жалю̀ завдава́ты:
—Ой, го́ди бъ вамъ, чума́чэньки,
Та й чумакува́ты,
Бэрѝть сэрпы̀, та йдить въ стэпы̀
Пшэны́чэньку жа́ты!
—Бода̀й жэ ты, дивчи́нонько,
Цёго̀ ѝ нэ дижда́ла,
Щобъ на́шая пра́ва ру́чка
Пшэны́чэньку жа́ла.

214.

Пишлы̀ на́ши рыболо́вы
Вси ры́бы ловы́ты;

Нэ вловы́ли ры́бы-щу́ки,
Та вловы́лы лы́на.
Вы́кинулы на бэрэжокъ,
А жъ мала́ дэты́на.
Взялы́ тэе, малэ дытя̀
Й понэслы̀ въ распра́ву,
Й положи́лы мэртвэ ти́ло
На широ́кий стилэць.
Гэй, збыра́йтэсь краснощо́ки,
Котра́ цэ роды́ла?
А вжэ жъ ту́ю краса́выцю
Та скризь строй вэду́ть,
А за нэю батько й ма́ты.
Якъ волы̀ рэву̀ть.
Нэ плачъ, та́ту, нэ пла́чъ ма̀мо!
Щэ у тэбэ пьять у ха́ти,
Нэ пускà́й на вэчэрны́ци,
Нэха́й до́ма сыдя̀ть:
Въ вэчэрны́цяхъ чужà ма́ты,
Й ни́кому спыня́ты,
Звыча́ю навча́ты.

215.

Хо́дэ й Ва́ня по база́рю
Нэ зна́йдэ това́ру,
Знайшо̀въ Йва́ня го́стру ко́су,
Нэ зна́йдэ поко́су.
Снуѐ по́-полю, суму́е,
Що нэ сту́пэ, охнэ,
Чужу̀ Йва́ня траву̀ ко́сэ,
Своя́ стойи̇̀ть со́хнэ.
Чужу̀ жону̀ Йва́ня лю́бэ,
Своя̀ стойи̇̀ть, пла́чэ.
Нэ плачъ, ди́вка, нэ плачъ, кра́сна,
Ёму̀ нэ боля́чэ.
Уси̇̀ цвитки̇̀ пустоцви́ты,
А одынъ повни́шэ.
Уси̇̀ друзья̀ прыя́тэли,
А одынъ вирни́шэ.

216.

Ой, си́яла, си́яла я лёнъ,
Та й, си́ячэ, прыгова́рювала:
Чомъ ты, лёнушка, нэ ро́дысься,
А моло́дчики нэ жэняцьця,
А дивча́тушка та за́мужъ нэйду̀ть?
Зду́мала Дуня́ша,-та й за́мижъ пишла̀.
А тэща бля зя́тя пэри́гъ изпыкла̀:
Со́лы та муки̇̀— на чоты́ри рубли̇̀,
Са́харю, изю́му—та на ви́си́мъ рубли̇̀въ,
Та й ставъ той пири̇̀гъ та двана́дьцять рубли̇̀въ.
Тэща ду́мала сэмэр хъ угосты̀ть,
А зяты́на сивъ, та й зра́зу самъ ззивъ.
Тэща хо́дэ по хаты́ни, та всэ озыра́е,
Косяка́мы на зяты́ну вона погляда́е:
Ой, якъ тэбэ, зя́тю, та й нэ розирва́ло?
—Лу́ччэ бъ ты, тэща, такъ нэ по́штувала.
Прыходь, тэща, до мэнэ на ма́ску,
Яжъ тэбэ, тэщэнько, угосьтю̀ нэсма́шно:—
Чоты́ри дубы́нушки бэрэзовыхъ,
И пьятый бати̇̀гъ, по̀ тоби̇̀ щобъ поби̇̀гъ,

Би́гла, би́гла, насы́лу втыкла̀,
Прыби́гла та й на полу̀ впа́ла.
Ой, ди́ты жъ вы, ди́ты, воро́та запри́тэ,
Бо якъ прыйдэ зя́ть на похми́льля зва́ть,
То вы й нэ пусьти́тэ.

217.

А я молода
Нэ лины́ва була:
Пря́дочку взяла̀,
Та й на за́сидки пошла́;
И пря́сты нэ пря́ла,
Всю ничъ провыля́ла.
Пи́вни заспива́лы,
Лэ́жу̀, дру́ги заспива́лы,
Й нэ ду́маю встать,
Трэти заспива́лы,
Зоря̀ заняла̀сь,
Й я изня́ла̀сь.
Прыхо́дэ до дво́ру,
Стары̀й хо́дэ по дво́ру:
А дэ, мы́ла, гуля́ла,
Дэ розгу́лювала?
—Я мы́лому бы́човку звыла̀,
У вико́нычко кинэць пода̀ла,
А пря́дочку взяла̀
Та й на за́сидки пишла̀.

218.

Якъ загля́нувъ нашъ рыбьёнокъ
У спидзо́рную трубу̀,
Та̀ й увы́дивъ нашъ рыбьёнокъ
Свою̀ ги́ркую бэду̀.
Й уда́рывся нашъ рыбьёнокъ
На хранцю̀зьскому мистку́;
А въ го́роди Качава́ни
Уси́ дзво́ни зарэвлы̀,
Та й на́шего рыбьёночка
Хороны̀ты понэслы̀.
Вороні̀ заржа́лы ко́ни,
По конюшняхъ стоючэ;
Зарэвлы̀ й стари̇ салда́ты,
Каза́чэнька нэсучэ;
Яму вы́рылы глыбо́ку
У зэлэному саду̀,
Та й загрэблы́ коза́чэнька
Бля дороги, на слиду̀.
Й посады́лы клынъ дэрэво
На гро́би ёго̀.
Росты̀ жъ, росты̀ клы̀нъ дэрэво,
Росты̀ вго́ру высочэ́нько,
Й хочъ высо́ко—нэ высо́ко,
Абы̀ въ лы́сьтя широчэ́нько.

219.

Ой, побі̀гъ же нашъ мона̀хъ
Въ зэлэну лэва́ду,
А зъ тие́йи та̀ лэва́ды
Въ ка́мэнну огра́ду.
Ой, о́чэ, ты мона́ху,
Та чого̀ ты бойися,
Чого хороны́сься?
—Якъ тутъ нэ боя́тысь,
Хотя̀ть уловы́ты,
Хотя̀ть мэнэ вра́жи лю́ды,
Хотя̀ть мэнэ бы́ты,
Ру́ки извъяза́ты,
У грома́ду взя́ты.
А я самъ провэны̀всь,
Шо въ кэлийку заблуды̀всь,
Ты мирщи̇й видьті̀ль швай-швай!
А кочерга̀ на вздоги́нки вой-вой-вой!..
Ой, на́ты жъ вамъ, послу́шнычки,
Та дви жо́втыхъ ды́ни,
Та йдить до Мару́си
На чэсни роды́ны.
—Чэрны́ця, Мару́сэ,

Дай минѝ пора́ду,—
Куды̀ минѝ шата́тыся
Старо́му по ба́бу?
Йды̀, попадя̀ до́ма,
Ба́бу угото́вэ,
А йийѝ робоча̀
У ку́мы охо́ча,—
По за́пичку ныка́е,
Полотэ̀ньця шука́е.
До́ки ма́ты хо́дэ,
Глэ̀чинъ мэ̀ду но́сэ,
И всякъ у ку́мы хо́че;
А якъ переста́не,
И въ ку́мы байду́жэ,
Нихто̀ вжэ й не про́сэ...

220.

Удовы̀цю я любы̀въ,
Подару́нки йий носы̀въ:
Носы̀въ са́ло, носы̀въ сви́чки,
Носы̀въ мня́со, носы̀въ стри́чки,
Носы̀въ грэ̀чку, чэрэви́чки,
Носы̀въ про́со, носы̀въ макъ
Ось було̀ якъ!
Носы̀въ жи́то и пшэны̀цю,
Кукуру́зу, чэчэвы̀цю,
Порося́та, качэня́та,
Й курча́та, й гуся́та
А разъ було̀ тыля̀ прыпэ̀ръ;
По́кы донѝсъ, трохѝ нэвмэ̀ръ.
А вона̀ жъ минѝ змины̀ла,—
Та́ паныча̀ полюбы̀ла;
Но нэхай бэ було̀ за́що;
А то та́къ,—такэ лыда́щэ,
Що ти́кэ пху!...
Тэпэ̀ръ жэ я крыча́тыму,
На всэ сэло̀ гука́тыму:
Оддай̀ моє̀ са́ло, сви́чки,
Оддай̀ мня́со, оддай̀ стри́чки,
Оддай̀ грэ̀чку, чэрэви́чки,
Оддай̀ про́со, оддай̀ макъ,
Ось тобі̀ якъ!...
Оддай̀ жи́то и пшэны̀цю,
Кукуру́зу, чэчэвы̀цю.
Порося́та, качэня́та,
Й курча́та, й гуся́та;
Оддай̀ минѝ всэ тэ̀ ци́лэ,
Що зъ мэнэ̀ пойи́ла;—
Ось тобі̀ що!...

221.

Уся̀ ву́лыця смие́цьця,
Що якѝйсь чудны̀й я ставъ,
А того̀ йи нэ второ́па,
Що зъ любо́вы я пропа̀въ.
Якъ бэ минѝ литъ зъ дэся́токъ,
Я бъ й нэ тя́мывъ сю прычи́ну
А тэпэ̀ръ, якъ дви́чи дэ̀сять,
Влюбы̀вся въ во́дну и дивчи́ну.
Чо́рный во́ронъ, другъ прылётный,
Залита́йишъ ты у даль,—
Пэрэда̀й мы̀лий поштэ̀ньня,
Хо̀чъ заошѝный поцилу̀й...
По карма́нахъ ви́тэръ ви́е,
Кошэлёкъ пусты̀й дзыны̀ть,
А моло́дчикъ нэ роби́е,—
Въ кабацѝ що дня сыды̀ть:
Но́ги бо́си, ти́ло чо́рнэ,
А соро́чка, якъ зэмля̀,
Роспрокля́та ты дивчи́на,
До чого̀ ты довэла̀?
Довэла̀ мэнэ до го́ря,
До сло́вольки, до стыда̀!...
—Сама̀ гра́ю на тита́ру,
Сама̀ гра́ю—вэсэлю̀сь,
Ти́ко нихто̀ та й нэ зна́е,
Якъ я зъ мы̀лымъ ростаю̀сь...

222.

Ой, ма́мо жъ, нэ мо́жно
Нэлюба любы̀ты.
Бо нэща́сна до́ля
Изъ нэлюбымъ жи́ты.
Якъ тя́жко, та ва́жко
Изъ нымъ розмовля̀ты,

Ой, лу́ччэ жъ я бу́ду
Ввэсь викъ дивува́ты.
— Ой, до́ню жъ, ты до́ню,
Хиба̀ жъ ты нэ ба́чишъ,
Яка̀ я старэнька!—
Мини̇̀ въ домовы́ну
Лягáты пора̀.
То й що тоди̇̀ бу́дэ,
Якъ о́чи заплю́щу,—
Оста́нэсься, до́ню,
На викъ сырота̀.
— Ой, ма́мо, голу́бко,
Нэ плачъ й нэ журы́ся,
Бэры́ рушныки̇̀,
Дава̀й старостàмъ.
Нэха̀й я зъ нэлю́бымъ
Загублю́ всэ ща́сьтя,
Ты бу́дэшъ вэсэла;
Одна̀ я запла́чу...
У по́ли моги́ла,
На ний хрэстъ стойи̇̀ть.
Тамъ ра́но и вэчэръ
Зузу́ля крычи̇̀ть:
О, Бо́же жъ, мий мы́лый,
Що я наробы́ла,
Нэща́сную до́лю
На ви́ки згубы́ла.

223.

Ой, чолови́чэ Рома́нэ,
За що тэбэ твоя̀ жи́нка ла́е?
Ой, возьмы́ жъ ты та той прутъ,
Щодрибнэнький лёнъ нымъ труть
Та дай ты йий, бисо́вський до́чци,
Дубо́вого са́ла,
Щобъ ажъ на тры па́льця
Шкуры́на одста́ла.

224.

Дэ жъ ты, до́лэ моя̀, бро́дышъ,
Нэ доклы́чусь я тэбэ?
До́си бъ мо́жно въ ды́кимъ по́ли
Прыгорну́ты до сэбэ.
Чи ты въ по́ли, пры доро́зи
Ды́кимъ мо́хомъ цвитэшъ,
Чи у лу́зи, на калы́ни
Ты зозу́лэю куэ̀шъ?
Чи при ми́сяцю, бизъ со́ньця,
Чэшэшъ ку́дри панычàмъ,
Чи у нэби, край вико́ньця,
Су́чишъ ду́ли биднякàмъ?
Чи въ хоро́махъ зъ панянкáмы
Ты рыго́чэшься въ ночи̇̀,
Чи на мо́ри, мижъ купця́ми,
Ди́лышъ зъ кра́му барэши̇̀?
О, змы́луйся, моя̀ до́лэ,
Ты до мэнэ хочъ на часъ,
Хоть сядь-посы́дь ко́ло мэнэ,
То й тому̀ я бу́ду радъ!...
Дэ жъ ты, долэ моя, бро́дышъ,
Нэ доклы́чусь я тэбэ.
Всэ шука́ю, та пыта́ю,
Ажъ сэрдэнько изнуры́въ.

225.

Я тужи́ла горюва́ла:
Давно̀ мы́лого выда́ла;
А тэпэръ жэ я й нэ бу́ду.—
Сказàвъ мы́лый: скоро буду.
Ой, такъ нэ до ди́ла,—
Що ты руды́й, а я би́ла!
Гэй, ты руда̀, пиды́ сюда̀,
А ты, би́ла, пострэвàй:
Я до тэбэ вы́йду самъ.

226.

Й узя̀въ, нэ любы́ла,
И вмэръ, нэ тужила;
И на ла́вци лэжи̇̀ть,—
Нэма́ ду́мки тужи̇̀ть;
И до я̀мы нэсу̀ть,—
Мэнэ та́ньци бэру̀ть,
А одъ я̀мы иду̀ть,—
Мэнэ смишки бэру̀ть.

227.

А я въ ли́си бува̀въ
И бэрэ̀зку руба̀въ,
Бэрэ̀зку, бэрэ̀зку, бэрэ̀зку руба̀въ!
Я бэрэ̀зку руба̀въ,
На митэ̀лки вьяза̀въ
У снопо́чки склада̀въ,
Въ сно́пыки, сно́пыки, сно́пыки склада̀въ.
Тай на визъ, та̀ на визъ,
Щэ й на во́зыкъ склада̀въ.
(2 раза).
Рублэ̀мъ йютяга̀въ.
Рублэ̀мъ, рублэ̀мъ, рублэ̀мъ йутяга̀въ
Рублэ̀мъ ютяга̀въ,
У Москву̀ отправля̀въ. (2 раза)
И ку́пчикамъ продава̀въ.—
Я тамъ ди́вку выда̀въ,
Що сыды́ть за викно̀мъ,
Що сыды́ть за викно̀мъ
Та балу́е (волуе) цвитко̀мъ,
И шовковэ̀нькимъ платкомъ.
Та й волу́е цвитокъ,
На голо̀вку вино̀къ.

228.

Вэлита̀ла на̀ша вэлиту́шка
Всэ зъ-пидъ тэ̀много лужка;
Попэ̀рэду на̀ша армия̀шка
Всэ зъ-пидъ Би́лого Царя̀.
Ныболша̀я армия̀шка—
Со́рокъ ты́сячъ оды̀нъ полкъ.
Прывьяжу̀ я коня̀ во́рона
До зэлэ̀ного стовпа,
А (я) самъ пиду́ молоды́й
До ново́го трактыря̀:
Здра́стуй, здра́стуй,
Молоды̀й трактыр̀чикъ
Изъ ново́го трактыря̀!
Налыва́й мэ̀ду й гори́лочки,
Щэ й зэлэ̀ного вына́;—
Попо́штую свою армия̀шку,
Що бъ вэсэ̀лая була̀.

229.

Канарэ̀йка, канарэ̀йка,
Канарэ̀юшка моя̀,—
Нэ пой грусно̀ у кли́цьци
И нэ задава̀й жа̀лю.
Злэты зъ кли́тки,
Сядь на ви́тку,
И зпой пи́сеньку мою̀.
Та про у́часьть про мою̀.—
Ужъ ты, у́часьть, моя у́часьть,
Участь, го́ркая моя̀.
До чого̀ жъ ты, моя̀ у́часьть,
До чого̀ жъ ты довэла̀?
Довэла̀ жъ монэ̀ ты, ву́часьть,
До со́рому (позо́ру), до стыда,
До сла́вушки до худо̀й.
Худа̀ сла́вушка пройдѐть,
Ди́вка за́мижъ нэ пойдѐть,
И нихто̀ йийи нэ возьмэ̀ть—
Ой, ны ба́рынъ, ны купэ̀ць,
Ны пройи́жджий молодэ̀ць.—
Во́зьме дѝвушку пасту́хъ,
Що скоты́ноньку (рогату) пасэ̀ть.—
Ой, пасту̀хъ ты, пастушо̀къ,
Пасту̀хъ, мы́лэнький дружо́чокъ,
Нэ покѝнь мэнэ̀, сыро́тки,
Бизъ ма́тэри, бизъ оцьця̀,
Бизъ до́брого молодьця̀.
Полюбы́ла я тэбэ̀,
Шо оды̀нъ сынъ у оцьця...

230.

Товáрышъ мий мы́лой
Спилнòчи гуляеть,
Крѝпко въ кабацѐ,
Ажъ потýхлы въ ёго очи,
Буты́лка жъ въ руцѐ.
На голови̇̀ тэльпýха,
А на спы́ни крэйдýха.
Вонъ крѝпко тя́гнэтъ,
Вонъ—сывýху,
А дэ̀нэгъ мнóго, — ни́гдэ взять...
Прощàй, трахтырь, проютомъ лэ̀сный,
Прощàй зъ дивы́цями, красáвыцямы,—
Бо мынѐ прыйшлось самòму
Тры дня у гóлоди сидѝть.
Друга въ тимъ пóгрэби зарыйте,
Дэ рáнышэ въ нёму пэрувáвъ,
Повэрнѝть ногàмы къ стѝнци,
Головòй пидъ сàмый gрàнтъ.
Й нэ дзвонѝть вы во тры дзвóны
По погрэбэ̀нию моёмъ,—
Въ тры чàрки лýччэ простучить,
Й зары́йтэ пья́ныцю пискòмъ.
Та накурѝть мою мугилу,
Вми́сто лàдану святóго,
Турэ̀цькимъ крѝпкимъ табакòмъ,
А въ гóлову положи́тэ
Би́льшу трýбку зъ чýбукòмъ,
Та и̇̀ въ рýки дàйтэ сàмэ бѝльший
Пунцóвый скля́ный стаканéцъ,
А на грóби пропыши́тэ,
Якý я жи́сьтю дорожѝвъ:
Пывъ я вóдку, пывъ налы́вку,
Пылъ щэ й пáньськое вынò,
Пылъ шампáньское вынó,
И курывъ трýбку зъ табакòмъ,
Зъ табакòмъ турэ̀цькимъ...

231.

Ой, живъ я у пáна
Та пэрвое лето,
Й вы́живъ я у пáна
Кýрыцю за éто.
А кýрыця чубáрыця,
Та пóдвору хóдэ,
Ципиня́токъ вóдэ.
Ой, щожъ то-то за кýрыця,
Що пýхомъ здымáецьця,
Шо й панъ удывля́йицьця,
А лю̀ды дывýюцьця,
У кучкѝ лаштýюцьця.
Ой, живъ я у пáна
Тай другое лéто,
Тай давъ минѝ ýтыцю
Панòкъ мий за éто.
Моя̀ уть—
Хвостòмъ круть,
Та й булà такàя...
А кýрыця чубáрыца
Знай—пóдвору хóдэ,
Ципиня́токъ вóдэ.
Ой, щожъ то-то за кýрыця,
Що пýхомъ здымáйицьця,
Шо й панъ удывля́йицьця,
А лю̀димъ ввыжáйицьця,
Й чогòсь сумливáйицьця.
Ой, живъ я у пáна
Та трéтее лéто,
Та й давъ мини́ панъ
(Гусакà) утакà за э̀то.....

232.

Пропадай моя повóзка, (размалёвана)
Розкрашэ̀нная доскà,—
Куда мы́лой нэ пойидэть,
Нападэ̀ть пычàль, тоскà.
Пропадáй моя̀ вэрбóва,
Й усѝ спы́ци зъ колэсà
Поломáйся, разтрусы́ся,
Якъ Кулы́нына косà.

Ой, нэ всы́дю, ой, нэ влэжу,
Я роски́даю одэ̀жу.
А якъ кину тэ̀мну шаль
То й розси́ю всю пэча̀ль.

233.

Хылю̀, хылю̀, нэ тычэ̀,
Коло̀ сэ̀рьця пычэ̀.
Сякъ—такъ до вэ̀чэра доживу̀
А въ вэ̀чэри Катэры́нку найму̀...

Нэ ходы́ла на ву́лыцю, й нэ пиду́,
Нэ любы́ла сопа́того й нэ люблю̀!
Брэ̀шишь, ди́вчино, брэ̀шишь,
До вэ̀чэра на ву́лыцю вчэ̀шишъ,
Що вэ̀чэра, ты й що-ра́ночку;
Полюбы́ мэнэ̀, коханочку.

П. М. Шинкаревъ.

27—Сл. Крыгская.

Поселеніе.—Постройки, одежда, пища.—Шептухи и „уроки".—Занятія.—Родины.—Свадьба и народный календарь.—Игры.

Поселеніе расположено по яру, постройки его находятся на плоскогоріи по обѣимъ сторонамъ Бѣлаго яра, который беретъ свое начало изъ криницы, верстахъ въ 15 отъ слободы и впадаетъ верстахъ въ 2 отъ слободы въ Деркулъ. Къ яру прилегаютъ крестьянскіе огороды съ ливадами, засаженными вербою, употребляемою крестьянами для построекъ. Отъ Старобѣльска слобода Крыгская находится на разстояніи 70 верстъ.

Изъ разспросовъ старожиловъ слѣдуетъ, что названіе свое слобода получила отъ фамиліи Крыгскаго, который первый поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположена сл. Крыгская. Вотъ какъ разсказываютъ о происхожденіи этой слободы. „Парень изъ слободы Марковки, по фамиліи Крыгской, пасъ овецъ и зашелъ съ ними за шпиль (за гору); глазамъ его открывалась прелестная водная мѣстность; вездѣ зелень, кругомъ вода, заросшая камышами, а въ камышахъ было много всякой водяной птицы. Пришедши домой вечеромъ, парень сказалъ отцу: „тато яке́ ми́сто го́же я ба́чивъ; тамъ уся́ка пты́ця во́дыцьця, и лозы́ и очере́ту бога́то. Ось ходи́мте за́втра тай подывымось". На другой день они пошли осматривать мѣстность, которая понравилась и отцу, и, спустя немного времени, онъ пришелъ туда съ семьею и поселился возлѣ викнины, т. е. криницы. Криница эта существуетъ и теперь. Лѣтъ 80 тому

назадъ, когда Старобѣльскій уѣздъ принадлежалъ къ Воронежской губ., этотъ небольшой поселокъ назывался „Бѣлый яръ“, т. е. носилъ названіе протекающаго тутъ же ручья Бѣлаго яра. Названіе свое яръ этотъ получилъ оттого, что вода, протекающая въ немъ, бѣловатая. Населеніе малороссійское. Въ слободѣ въ настоящее время живетъ 2175 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 1091 мужчинъ и 1084 женщинъ. Хаты строятся теперь въ видѣ небольшихъ домиковъ и состоятъ изъ большой комнаты, т. е. собственно „хаты“ и другой поменьше „хатыны“, гдѣ и ставится варистая печь. Входъ въ хату дѣлается черезъ большія сѣни, въ нихъ устраивается чуланъ, „хижка“. Передній уголъ устанавливается иконами и называется „причилковымъ“, или святымъ угломъ. Иконы украшаются вышитыми „рушниками“ и цвѣтами: васильками и гвоздиками. Тутъ же ставится столъ, а по обѣимъ сторонамъ этого стола стоятъ широкія лавки или простые диваны; у дверей налѣво печь, направо „шафа“ (шкафъ); за печью устраивается „полъ“, служащій кроватью. Столъ покрывается скатертью домашней работы, а подушки накрываются рядномъ. Мѣсто въ углу подъ иконами называется „пóкутью“ и считается самымъ почетнымъ мѣстомъ. Лицевая часть печи, „коминъ“, красится синькой или желтою и красною глиною или же фуксиномъ. Главное украшеніе хаты состоитъ въ томъ, что она вымазана, и „доливка“ хорошо смазана, а потому бабы разъ 8 въ годъ все вымазываютъ и каждую пятницу примазываютъ. Хата стоитъ окнами на улицу, возлѣ хаты хлѣвъ, гдѣ ставятся закрома для хлѣба, сзади хаты „кошáра“ для скота, напротивъ конюшня, выше которой стоитъ „комора“ (амбаръ); если же дворъ тѣсенъ, то амбаръ выносится на улицу и ставится напротивъ хаты; погребъ—выходъ тоже, дѣлается или во дворѣ или на улицѣ, но близко къ хатѣ; возлѣ конюшни или отдѣльно устраивается „повитка“, для складыванія разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Если дворъ великъ, то дальше отъ построекъ, на току, ставится „клýня“, въ которой прячется полова и непровѣянное зерно, также устраивются „хливцы“ для сохраненія навоза, свинушники;—все это ставится за кошарами. Иные ставятъ близко возлѣ хаты амбаръ, затѣмъ хлѣвъ, кошару, погребъ и т. д. Измѣненія въ

устройствѣ хатъ можно замѣтить въ томъ, что теперь хаты дѣлаются выше и окнами на улицу; при чемъ эти послѣднія стали дѣлать большими и часто растворчатыми; затѣмъ вводятся ставни. Теперь въ каждой почти хатѣ 2 комнаты: „ха́та“ и „кимна́та“, т. е. хатына. Дѣлаютъ даже и крылечки со сходцами, съ навѣсомъ или безъ него.

Одежда мужчинъ лѣтняя въ будни состоитъ изъ полотняной „сорочки“, „штани́въ“ того-же матеріала и „черевиковъ зъ волоками“, или босовиковъ; нѣкоторые въ жару ходятъ въ сапогахъ; иногда сверхъ рубахи надѣвается „жулетка“ или же „капотъ“ (родъ короткой чинарки). Въ праздникъ сорочка ситцевая, штаны „крамные“, т. е. черкесиновые или шведской матеріи, копотъ короткій; иногда сверху надѣвается длинный суконный капотъ; если мужчина еще парубокъ, то сверху надѣвается зеленый поясъ, или красный, на голову надѣвается картузъ. Зимою вмѣсто длиннаго капота богатые надѣваютъ крытые „кожухи“, бѣдные—простыя, или же суконныя бѣлыя „свиты“, сверху поясъ, на голову шапку или „капелюхъ“. Зимняя одежда мужчинъ: въ будни полотняные штаны и сорочка, нѣкоторые дѣлаютъ себѣ штаны изъ смуховъ для тепла; обувь состоитъ изъ сапогъ или валенокъ,—все это носится съ суконными „онучами“ (портянками). Сверхъ рубахи жилетка и короткій капотъ или „пиджакъ“, которые по немного вводятся здѣсь въ моду, и того же фасона платья,—только разница въ чистотѣ и новизнѣ костюма. Парубки носятъ ситцевыя рубахи, на шеѣ цвѣтные платочки и „шары“, т. е. шарфы. Съ этими послѣдними они не разстаются цѣлый день.

Стоимость мужской одежды: капотъ нижній съ штанами 3 р., сапоги 6 р., а простые 4 или 3 р., жилетка нанбуковая 1 р. 50 к., капотъ верхній нанбуковый 7—8 р., а суконный 12 р. Капотъ дѣлается изъ домашняго сукна, бѣлаго или сѣраго цвѣта, и называются юпками, стоитъ 11 р., свита „зъ ко́миромъ“ 13 р., полушубокъ дубленый 15 р. 40 к., а съ отдѣлкою изъ краснаго сафьяна—16 р. 40 к., тулупъ 17 р.; картузъ 1 р.—1 р. 50 к., шапка „ку́чма“—3 р., „капелюхъ“-плетенка 50—80 к., а отдѣланный барашкомъ 1 р. 50 к.

Лѣтняя женская одежда въ будни: рубаха полотняная, сарафанъ и поясъ, черевики, ситцевый платочекъ; такая же одежда и у бабъ. Вмѣсто сарафана носятъ „дергу“ домашней работы изъ шерсти черныхъ овецъ. Въ праздникъ: ситцевая или миткалевая рубаха, сарафанъ, „запанка“, т. е. фартухъ, поясъ и безрукавка плисовая или ситцевая. Волосы носятъ въ одну косу, на концѣ съ длинными лентами, „кисныкáми“, а если волосы недлинны, то заплетаютъ въ двѣ косы и закладываютъ на головѣ вокругъ подъ платочекъ; если же косъ нѣтъ, то дѣлается обручикъ изъ платочка и кладется вокругъ головы, а ленты привязываются въ такихъ случаяхъ къ „намисту“. Безрукавки носятъ очень рѣдко, большею частью ходятъ въ кофтахъ— „холодайкахъ“, если прохладно, то надѣваютъ теплую ватную кофту или же длинное пальто; халаты же суконные носятъ только невѣсты передъ вѣнцомъ. На ноги надѣваютъ красные и желтые сапоги. Зимняя одежда та же, что и лѣтомъ; разница въ томъ, что сверху надѣвается кожухъ, крытый сукномъ или чисто бѣлый. осенью же теплое пальто или свита съ „видлогою“, откладнымъ круглымъ воротникомъ. Бабы носятъ „очипки“, которые повязываются сверху шелковыми платками, а зимою, чтобы не зябли уши, ихъ повязываютъ маленькими платками. Дивчата повязываются, когда идутъ замужъ или въ дружки. Цвѣтовъ сверхъ повязки не надѣваютъ, а прикалываютъ къ боку „квитку“, сдѣланную изъ ленты—„лопотýшки“. Нѣкоторыя накалываютъ такія квитки вокругъ головной повязки. Зимою бабы и дѣвки сверху рубахи носятъ короткія безрукавки, называемыя „теплýшками“; онѣ дѣлаются на ватѣ. Необходимая вещь у каждой крестьянки—„карманъ“, онъ пришивается къ поясу и носится на животѣ. Карманы стараются разукрасить зубчиками и шнурками, которые называются „ладунками“. Теперь очень рѣдко надѣваются „очипки“ и повязки, а всѣ носятъ платочки-„подшальники“; почти у каждой дѣвки есть шелковый платокъ послѣдняго фасона яркихъ цвѣтовъ, затѣмъ нѣсколько шерстяныхъ, а для будней ситцевыя, щеголяютъ также „запанками“, которыя дѣлаются изъ ситцу, бумазеи и шерстяной матеріи, съ отдѣлкою изъ бахромы. Сарафаны украшаются плисомъ, выстроченнымъ цвѣтными нитками, кофты

отдѣлываются оборочками или зубчиками. Безрукавки дѣлаются плисовыя, украшаются зубцами и суташемъ, полотняныя рубашки вышиваются, а ситцевыя нѣтъ, носятъ и чисто кумачевыя рубахи, или же рукава кумачевые, а станъ ситцевый; низъ во всякой рубахѣ изъ полотна, называется „пидтычкою", которая также вышивается. Иногда дѣлаютъ рубахи безъ „пидтычекъ," тогда онѣ называются „додильными", но такія встрѣчиются очень рѣдко. Кромѣ красныхъ и желтыхъ сапогъ въ будни носятъ черные сапоги и черевики; иныя носятъ ботинки. Сарафанъ ситцевый стоитъ 1 р. 20 к., сарафанъ нанбуковый 4 р., шерстяной 3 р., кофта ситцевая 1 р. 40 к., шерстяная 2 р. 25 к., плисовая кофта 3 р. 40 к., платокъ отъ 80 к. до 5 р., запанки отъ 40 к. до 1 р., теплая ватная кофта 4—5 р., теплое пальто 8 р. 60 к., свита изъ домашняго сукна съ видлогою, отдѣланною плисомъ 8 р. 40 к., смушевый кожухъ 10 р., а крытый сукномъ 15 р., дерга̀ 1 р. или 80 к.,—ткутъ сами, сапоги сафьяновые и черные 3 р.

Городское вліяніе замѣчатся въ томъ, что мужчины начинаютъ носить узкіе штаны на выпускъ, пиджаки, при встрѣчѣ жмутъ другъ другу руки; женщины носятъ длинные, почти по щиколки, сарафаны, кофточки и покрываются платочками (это у нихъ называется „покрылась панянкою").

Пища богатыхъ въ скоромные дни въ праздники: пироги съ картофелемъ и „вы́шкварками", борщъ съ мясомъ и съ саломъ, иногда капуста или, когда гости, каша, „млынцѝ", если есть молоко, молочная каша. Въ постный день: борщъ съ „олѝйею", вареники съ капустою и „пирожки" съ фасолью. У бѣднаго въ скоромный день въ праздникъ варится борщъ безъ мяса и сала и каша, на полдень—картофель, а на вечерю борщъ или галушки, которыя бываютъ трехъ сортовъ: „голушкѝ-рва́ньци", „галушкѝ-рѝзаны" и „галушкѝ-кле́цки". Въ постный день варится борщъ и картошка, и ѣдятъ все безъ масла, на „вечерю" варятъ юшку. Въ будни у богатаго, на „снѝданье", завтракъ, „пе́репички", а на „обѝдъ" борщъ съ мясомъ, если время послѣ Рождества, а лѣтомъ безо всего—каша съ саломъ пшенная. Если имѣется корова, то ѣдятъ въ полдень молоко съ хлѣбомъ, прѣсное или кислое, иногда варятъ галушки, „кулѝшь-ласуне́ць",

„варе́ныки“, на ужинъ варится борщъ или „юшка“. Въ зимніе дни „полу̀дновать“ не полагается. Въ постный буденный день варятъ борщъ съ масломъ и капусту, на завтракъ пекутся пирожки или „перепички“, иногда картофель; полуднуютъ лѣтомъ, у кого есть, тарань или дѣлаютъ холодный борщъ—„сириве́цъ“ съ цыбулей, а на ужинъ—„галушкѝ“ или „рябко̀“, смѣсь пшена съ чецевицею или съ чѣмъ нибудь другимъ. У бѣдняка въ будни на „сни̇данье“—„кули́шъ“ постный, на „обидъ“—борщъ, на „полдень“ тотъ-же борщъ или сухой хлѣбъ, иногда холодный борщъ, на „вечерю“—галушки или кулешъ, или рябко; въ постный день въ „сниданье“—картофель вареный, въ „оби̇дъ“—борщъ или капуста безъ масла; лѣтомъ полуднуютъ хлѣбъ и тарань, когда есть, если же поспѣютъ овощи, то ѣдятъ или огурцы, или яблоки зеленыя, на ужинъ галушки или „за́тирку“. Бѣдные очень рѣдко измѣняютъ свой обѣдъ; иногда и у нихъ пекутся пирожки и „млы́нци“, это бываетъ больше на Рождественскихъ святкахъ, когда рѣдко у кого не водится кусокъ сала.

Пища крестьянъ зависитъ отъ урожая. Если хорошо уродится все, то и пища улучшается, и разнообразится обѣдъ. Уродятся ягоды и яблоки, значитъ—на постъ „узва́ръ“ будетъ и на полдень моченый тёрнъ; если уродится горохъ, то пекутъ „гороховныкѝ“; чечевица и фасоль—значитъ, есть съ чѣмъ пироги печь. Самое же необходимое для нихъ—капуста и картофель, которыми въ постъ они исключительно питаются. Яичницу они дѣлаютъ только для гостей; а всѣ остальныя яйца идутъ въ продажу. Если удачно выкормятъ кабана или свинью, тогда все ѣдятъ на салѣ: и „млыньци“ и „ори̇шки“ и „ковба́сы“ жарятъ на салѣ. Молоко мало ѣдятъ прѣснымъ; приготовляютъ изъ него сметану, такъ называемую „ро̀блену“ сметану, да собираютъ масло для мазанія пирожковъ. Хлѣбъ теперь пекутъ бѣдняки ячный, чистый или смѣшанный съ пшеницею, иногда и съ житомъ; такой-же хлѣбъ и у богатыхъ, только у послѣднихъ на галушки и пирожки идетъ пшеничная мука. При плохомъ урожаѣ крестьяне страшно бѣдствуютъ, ѣдятъ лишь сухой хлѣбъ, да и то не въ волю.

Въ мѣстныхъ лавченкахъ крестьяне добываютъ все необходимое для шитья, какъ-то: иголки, „за́полочь“, „гаплыкы“ (крюч-

ки), „бáбки“ (петельки), „зудзыки“ (пуговки) и т. д., а также керосинъ, спички, селедки; безъ нихъ пришлось бы за всякимъ пустякомъ ѣздить верстъ за 9 на базаръ.

Крестьяне освѣщаютъ свои дома керосиномъ или каганцемъ съ „знòтомъ“, приготовленнымъ на бараньемъ салѣ.

Городское вліяніе можно замѣтить только въ томъ, что крестьяне привыкли пить чай, и теперь у многихъ есть самовары, но настоящій чай пьютъ только богачи, средніе же пьютъ или липовый и розовый цвѣтъ или мяту, ромашку, цвѣтъ яблонь сладкихъ и т. д. У кого нѣтъ самовара, тѣ грѣютъ воду въ чайникѣ и, заваривъ, пьютъ; пьютъ они его не каждый день утромъ и вечеромъ, а тогда, когда случится кто, или же въ праздникъ; да еще когда нѣтъ ничего поѣсть варенаго.

Шептухамъ крестьяне очень вѣрятъ, и не смотря на то, что въ слободѣ находится фельдшеръ, а вблизи живетъ и докторъ, къ послѣднимъ обращаются въ рѣдкихъ случаяхъ, по большей части тогда, когда уже всякія шептанья перепробованы и ни одно не помогло. Знахарей въ нашей слободѣ нѣтъ, но шептухъ отъ всякихъ болѣзней много. Принимать лѣкарства крестьяне не любятъ, а еще больше не любятъ медленнаго лѣченія. Если отъ одного пріема не помогло, то отправляются искать другихъ лѣкарей. Скотъ лѣчатъ шептаньемъ, смотря по болѣзни. Если быкъ или корова „обдуется“, то ему рѣжутъ ухо и спускаютъ кровь, въ большинствѣ случаевъ скотъ пропадаетъ. Къ ветеринарамъ и ветеринарнымъ фельдшерамъ никогда не обращаются, отчасти по недовѣрію къ нимъ, отчасти потому, что ихъ нѣтъ въ слободѣ, ѣхать же за ними надо за нѣсколько верстъ. Если ребенку или взрослому человѣку нездоровится: заболитъ голова, тянетъ всего, то это объясняется тѣмъ, что его „зъочили“, или „уриклы́“, больного несутъ къ бабкѣ шептать отъ „урòкивъ“. Шептуха беретъ кружку, наливаетъ въ нее святой воды, становится передъ иконою и молится, читая все по 3 раза, причемъ послѣ каждаго раза дѣлаетъ ножемъ на водѣ крестъ. Читается „Отче нашъ“, а затѣмъ слѣдующія слова: „Не я вамъ помогáю, а Гóспода Бòга призывáю. Самъ Госпòдь Іисýсъ Христòсъ, Пресвятáя Богорòдыця, велыка помòшныця, помòжить и пособить, и св. Миколàй, велы́кый угодникъ, велы́кый помòщ-

ныкъ, прибига́ю къ мощамъ, прибига́й и къ намъ; поможи́ть, пособи́ть новорожде́нной, хреще́нной и молы́твенной раби́ Катыры́ни". Затѣмъ шептуха подходитъ къ больной, разворачиваетъ на головѣ ея волосы, дѣлаетъ ножемъ крестъ, сбрызгиваетъ святою водою и шепчетъ ту же молитву. Тоже повторяется на груди, на каждой изъ рукъ, спинѣ и ногахъ. Послѣ этого больному слѣдуетъ выпить св. воду. Существуетъ повѣрье, что если мать два раза отымаетъ отъ груди ребенка, то такое дитя будетъ „ури́клыве", т. е. на кого оно взглянетъ попристальнѣе и похвалитъ или-же подумаетъ что про него, то это послѣднему не пройдетъ даромъ,—онъ приболѣетъ. Узнаютъ „уро́ки" по угольку; если пустятъ уголекъ на воду, и онъ утонетъ, то это уже знакъ того, что больного сглазили. Если „ури́клывый" человѣкъ осмотритъ скотину, и она очень понравится ему, то пропадетъ. Также „гла́зливымъ" считается тотъ, кто во время переноса святой чаши смотритъ на нее изподлобья. Чтобы хорошенькихъ и бойкихъ дѣтей не „урика́лы", матери, передъ тѣмъ какъ выносить дѣтей къ людямъ на улицу, умываютъ ихъ изъ помыйныци, т. е. изъ лохани, и утираютъ подоломъ своей сорочки. Если дитя не спитъ, носятъ его подъ куры. Часто матери, какъ говорятъ старые люди, сами „гла́зятъ" своихъ дѣтей, если на ночь потѣшаются и любуются ими; въ такомъ случаѣ мать должна слизать языкомъ на крестъ лицо ребенка и языкомъ же обвести вокругъ всего лица въ обратную сторону и сказать слѣдующія слова: „на рожде́ну, молы́твенну, хреще́ну рабу́ Варва́ру, яка́ тебе́ ма́ты згла́зыла, та й отходы́ла". Послѣ этого надо сплюнуть 3 раза. Существуетъ повѣрье, что того человѣка, который сглазилъ другого, надо остричь, а волоса его сжечь.

Занятія. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются огородничествомъ, разводятъ преимущественно картофель и лукъ. Эти послѣдніе разводятся здѣсь съ успѣхомъ и доставляютъ большое подспорье въ хозяйствѣ, такъ какъ многіе хозяева изъ огорода, состоящаго изъ $^1/_3$ десятины, выручаютъ рублей по полтораста и болѣе. Въ лѣтнюю рабочую пору большая часть крестьянъ отправляется на заработки на югъ, принося домой отъ 10 до 100 руб. Пчеловодство хотя и встрѣчается, но идетъ

весьма слабо; имъ занимаются люди зажиточные. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ.—Мѣстнымъ средствомъ къ образованію служитъ земская школа; кромѣ того, нѣкоторые преподаватели изъ крестьянъ, набираютъ мальчиковъ на зиму за извѣстную плату и обучаютъ ихъ. Такіе учителя преподаютъ больше чтеніе,—мало обучаютъ письму и почти не учатъ счисленію. Хотя дѣтей своихъ приводятъ въ школу охотно, но мало слѣдятъ за аккуратностью посѣщенія ея. Дѣти ходятъ въ школу, пока хотятъ; если имъ что не понравится, они бросаютъ школу, и обученіе оканчивается. Въ средѣ дѣтей всегда идетъ споръ между школьниками и не школьниками, они даже играть избѣгаютъ вмѣстѣ.

При рожденіи ребенка приглашается бабка, замѣняющая акушерку, которая, „вызволивъ“ отъ родильницы ребенка, требуетъ отъ отца, чтобы онъ подалъ ей „мыть руки“. Отецъ „сливаетъ“ ей на руки, и бабка въ это время приговариваетъ: „полынѝ на ру́ки та подàй соки́ру, пупъ сы́ну твоемѝ руба́ты, шобъ винъ умѝвъ майструва́ты“ (плотничать); если же родится дѣвочка, то бабка говоритъ: „подàй но́жницы, пупъ доцці́ ри́заты, шобъ она у тебе була швачка“. Затѣмъ на другой день, а иногда въ тотъ-же самый день приглашаются кумовья, которые и отправляются съ новорожденнымъ къ священнику.

Вечерницы существуютъ, но здѣсь онѣ ведутся такъ чинно, что о нихъ мало кто изъ стариковъ и знаетъ. Вечерницы устраиваются такъ: выбираютъ хату, исключительно у людей бѣдныхъ, доставляютъ туда освѣщеніе, отопленіе, а также сносятъ и харчъ, какъ-то: сало, пшено, яйца, хлѣбъ; все это крадется у родителей. Вечерницы собираются по большей части зимою, и, если въ будни, то дѣвки приносятъ работу: нѣкоторыя вышиваютъ, а другія приносятъ и прялки и прядутъ. За работой поются пѣсни, разсказываются сказки; парни, находящіеся здѣсь-же, поютъ съ ними или играютъ въ карты; часть-же дивчатъ готовитъ вечерю. Непремѣнныя кушанья этой вечери: борщъ, галушки-рванцы и вареники. На масляной и на рождественскихъ святкахъ пекутся „оришки“. Сидятъ часовъ до 10-ти, а потомъ ужинаютъ и ложатся спать въ покотъ на

полу, для чего разстилается солома, и затѣмъ, какой парень больше нравится дѣвкѣ, того она и приглашаетъ спать съ нею до утра. Въ большинствѣ случаевъ съ кѣмъ парень ночуетъ, на той и женится.

Сватанье. Если парень желаетъ жениться, то отецъ его отправляется къ батюшкѣ, проситъ благословеніе, при чемъ справляется о годахъ сына. Получивъ отъ батюшки благословеніе, онъ, возвратясь домой, приглашаетъ двухъ старостъ, покупаетъ имъ полкварты водки; выпивъ для смѣлости, они отправляются къ заранѣе намѣченному крестьянину, у котораго есть подходящая невѣста. Одинъ изъ старостъ подходитъ къ окну и говоритъ; „дай, Бо́же, ве́черъ до́брый! пусти́ть погри́ться". Хозяинъ отвѣчаетъ: „ми́лосты просю̀!" Войдя въ хату и поздоровавшись, говорятъ: „Мы чу́лы, шо у васъ есть ди́вка, а у насъ есть хло́пець, чи не бу́демъ мы зъ ва́мы свата́мы?" Если согласны отдать дѣвку за парубка, то назначается выкупъ за дочь, рублей въ 50, затѣмъ сваты начинаютъ торговаться, и дѣло улаживается; если же нѣтъ, то отказываютъ сватамъ, не принявъ отъ нихъ хлѣба, который приносится ими завернутымъ въ платочкѣ подъ рукою. Если хлѣбъ принятъ, то значитъ,—согласны свататься. Когда сладятъ, то приво́дятъ „молодо́го" (жениха) и „молоду̀" (невѣсту) и спрашиваютъ у нихъ согласія на бракъ; получивъ согласія, зажигаютъ свѣчки, „молодо̀й" и „молода̀" становятся Богу молиться. Помолившись, молодая идетъ за дружками по слободѣ, молодой-же ѣдетъ за матерью и везетъ ее къ невѣстѣ, отецъ же остается тамъ со старостами. Когда молодой везетъ мать, то приглашаетъ съ собою сосѣдскаго парубка старшимъ бояриномъ. Одна изъ дружекъ считается старшею и повязывается по дѣвичьи, а остальныя въ платкахъ. Ходя за невѣстою, дружки поютъ:

Разлыло́ся сы́ни мо́ре, разлыло́ся:
Хотѝть тебѐ би́ла ры́быця уловы́ть,
Хотѝть тебѐ заручи́ть,
За молодчика Ивана заручы́ть.
Ой люли̇̀, ой люли̇̀, заручы́ть.

Когда соберутся дружки, то у невѣсты „ставятъ молодого и молоду отцу и матери и роднымъ кланяться", а дружки поютъ:

Кла́няйся Га́нна,
На перѐдъ Го́сподомъ Бо́гомъ,
Отцю̀, не́ньци (матери) въ ноги.
А ни́женьки та низе́нько,
А се́рденько та блызенько,
А ни́женьки та ще ны́жче,
А се́рденько та ще бли́жче.

Когда начнутъ пить „гори́лку", то поютъ:

Ой, пропо́ю, пропо́ю,
Та пропы̀въ ба́тько до́чку
Въ вышне́вомъ садочку,
Та на жо́втимъ песо́чку,
Та на зеле́ному лужочку,
Тай не жаль дочки̇̀,
Якъ ягодка та повнесенька,
Якъ калы́на червоне́сенька,
А дивчи́на молоде́сенька.

Тогда молода поетъ слѣдующія пѣсни:

У вышне́вомъ садо́чку
Та не за вылы́ки ли́та
Сгодува̀въ ба́тько дыти̇̀,
Якъ я́годка та повне́сенька,
Якъ калы́на червоне́сенька.
Зару́чена та дивчи́на,
Положи́ла би́лу ру́чку наза̀дъ.
Ру́чка моя̀ биле́сенька у ба́тенька,
Чы бу́дешъ така̀ би́ла у све́корка?
Якъ бу́дешъ ты, ди́вчина, покирне́нька,
Тай буде твоя ру́чка биле́нька;
Якъ бу́дешъ ты тай, ди́вчина, покирни́ша всихъ,
Бу́де твоя ру́ченька били́ша одъ всихъ.

* * *

А на гори̇̀ цвиты̀ цвиту̀ть,
Та все жо́втый цвитъ,
Чи у те́бе тай, ди́вчино,
Не ри́дный ридъ,
Шо винъ тебѐ не удержа̀въ
Тай че́резъ цей годъ?
А у ме́не, подру́жечки,
Ридъ якъ и̇ ридъ.
Разгни́вався тай на ме́не тай ба́тенько мий,
Шо я ра́но на у́лыцю тай ходы́ла,
А пизне́нько изъ у́лыцы приходы́ла;
Тымъ я сво́го ба́тенька розгни́вала,
Шо я ра́но по воды́цю тай ходы́ла,
Коромысло колы́нове тай уломы̀ла,
Сосновое веде́речко тай побы́ла
Тымъ я свого́ ба́тынька розгнивала.
Якъ сѧ̀ду я, тай упаду̀
У сво̀го ба́теньки въ саду̀,
Якъ ста́ну я щебета́ты,
Выйде ба́тенька пыта́ты
Ой ты, до̀чинько моя̀,
Яка́ чужа́ сторона́?
Я чужа́я сторона̀,
Вся полы́немъ заросла́,
Я на́шая слобода́
Все васы́льками;
Я въ чужи̇̀й сторони̇̀,
Та велы́кая семья̀,
Та велы́кая семья̀
Не розви̇̀тлывая.
Са́мы сѧ̀дутъ вече́ряты,
А мене̇̀ молоду́
Посылаютъ по воду;
По воды̀ченьку иду̀,
Якъ голу̀бка гуду̀,

Изъ водыцею иду̀,
Умыва́юся,
Шы́тымъ билымъ рука́вцемъ
Утыра́юся;
На присиночкы зийшла́,
Вечерінька одийшла́,
А въ синочки увийшла́,
Тай прислу́халася,
Ма́те сына научá:
Ой бый, сынку,
Свою жынку,
Ой бый, научáй
Тай пидъ свий обычáй.
Якъ буду я жынку быты,
Бу́дутъ насъ люды судыты.
Че́резъ людьский поговиръ
Тай са́мъ пиду́ на Сибиръ,
Чере́зъ людьску́ нау́ку,
Тай сама́ пиду̀ на му́ку.

Тогда молодой садится за столъ на покути, а молодая подходитъ здороваться съ будущимъ свекромъ и свекрухою, а затѣмъ съ молодымъ, а потомъ въ рядъ всѣхъ, при чемъ со всѣми цѣлуется. Послѣ здорованья перевязываетъ старостъ рушниками, свекра и свекруху платками, а свекруха въ свою очередь перевяжетъ ее платкомъ; за это она 3 раза поклонится имъ въ ноги, потомъ даетъ на тарелкѣ молодому и старшему боярину по платочку, а также и близкимъ родичамъ эти платки безъ договору; когда сватъ поднесетъ водку, дружки выйдутъ на дворъ, а сватъ приглашаетъ всѣхъ къ себѣ. Молодая-же съ молодымъ остаются здѣсь и оставляютъ дружекъ варить вареники. Наваривши вареников, зовутъ молодежь ихъ ѣсть. Потомъ оставляютъ ночевать дѣвокъ и парней по парѣ, человѣкъ 12 пьютъ водку и молодой съ невѣстою цѣлуются, потомъ ужинаютъ и ложатся попарно спать. Утромъ даетъ теща зятю снѣдать; когда поснѣдаетъ, онъ идетъ домой и ему даютъ хлѣбъ. При сватаніи батько молодой выговариваетъ съ свата водку, платки, чоботы свахѣ и на кони 1 р. иногда-же все ограничивается только деньгами.

Свадьба. Когда начинаютъ свадьбу, то приготовляютъ водки ведеръ по 5, 8, 10, 12, брагу и шишки, которыя пекутся въ пятницу, если вѣнчаніе назначено въ воскресенье. Въ субботу о полдень, какъ молодой, такъ и молодая опять собираютъ своихъ гостей, т. е. молодой сзываетъ бояръ, а молодая дружекъ и уже вечеромъ, когда смеркнетъ, начинается „пидвисилокъ". Когда молодая собираетъ въ субботу дружекъ, то онѣ поютъ:

Спасыби за дру̀жку,
Спасыби за дру̀жку,
За ий послу̀шку,
Хоть не вмие спива́ты,

Такъ умѝе танцюва́ты.
Обмита́йты дворы,
Застыла́йты столы́ й лавкы.
Иду́ть дружéчки паня́ночкы.
Застыла́йты столы́ килымами (коврами),
Не сама́ я иду́,—зъ дружечка́мы.

Собравъ дружекъ и обошедши всѣхъ родныхъ, невѣста кланяется каждому въ ноги трижды и даетъ шишку, говоря: „Просы́въ ба́тько й ма́ты на свáдьбу". Молодая идетъ съ дружками къ будущему свекру, а молодой съ боярами къ тестю. Бояре не поютъ, а дружки, когда идутъ къ свекру молодой полудновать, поютъ:

Ой ма́тинко у́тко,
Ой ма́тинко у̀тко,
Поверта́йся пру̀дко;
Со̀нычко нызѐнько,
Дру̀жечкы близéнько,
Со̀нычко ще ны́жче,
Дру̀жечкы ще бли́жче.

Когда войдутъ въ хату свекра, то „молодая" и старшая дружка здороваются со всѣми, здѣсь находящимися, и при этомъ даютъ всѣмъ по шишкѣ. Свекоръ сажаетъ молодую и дружекъ за столъ, угощаетъ ихъ водкою и пирожками. Свекруха въ концѣ полудничанья говоритъ: „не гни́вайтыся". Всѣ встаютъ изъ-за стола и молятся; потомъ молодая кланяется свекру и свекрухѣ въ ноги, а они даютъ ей по шишкѣ, и она съ дружками уходитъ. Идя отъ свекра, дружки поютъ:

Якъ булы мы у свéкра
Йи́лы мы пирожкы,
Пирожкы грича́ни,
Дружечки звыча̀йни,
Та въ ма́сло вмоча́лы,
Шобъ ду̀жче крычалы.
Свиты зѝрочка зъ нéба,
Якъ намъ тебé трéба,
Пéрве вескрѐсення
Про̀симъ на высѝлья.
Просы́въ Якѝмъ
На хлѝбъ мьякы́й,
На коро̀бочку сѝмья,
Просы́въ на высѝлья
На корóбочку ма́ку
Хлóпцямъ на таба́ку.

Подростки-мальчики лѣтъ до 14, узнавъ, по какой дорогѣ будутъ возвращаться дружки, поджидаютъ ихъ, потомъ гоняются за ними и бьютъ ихъ (это называется „вытру̀сювать пирожкѝ".) Когда прійдутъ домой, то молодая идетъ въ хатыну, а дружки въ хату. Подружій (ближайшій изъ родственниковъ) беретъ полсть и идетъ въ сѣни, отворяетъ оттуда немного двери и говоритъ: „Го̀споды Ису̀се Христé Сы́не Божѝй, помы́луй насъ". Сидящіе въ хатѣ старосты отвѣчаютъ: „Амы́нь".—„Бла-

гословы́ть, старосты́, съ покрасою увийты́". Тѣ говорятъ: „Богъ благословѝть". Подружій входитъ въ хату и стелетъ полсть на лавкѣ за столомъ и опять уходитъ на дворъ, гдѣ, взявъ немного житной соломы, у дверей хаты опять говоритъ: „Благословы́ть старосты́, зъ покра́сою увийты́". Войдя въ хату, подружій вѣшаетъ пучки соломы на гвоздикахъ около иконъ и тою же соломой затыкаютъ бутылку съ водкою, стоящую на столѣ. Затѣмъ онъ идетъ изъ хаты и съ молодою у дверей говоритъ: „Благословы́ть, старосты́, молодѝй Бо̀гу помолы́цьця, отцю̀, не́нци поклоны́цьця"; вводитъ невѣсту въ хату, она кланяется 3 раза передъ образами и идетъ назадъ; къ ней въ сѣни выходятъ отецъ, мать и всѣ родичи. Когда она поклонится всѣмъ, то тѣ идутъ въ хату, а подружій съ молодою и нѣсколькими дружками говоритъ: „Благословы́ть, старосты́, молоду̀ за стилъ завесты́". Тѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословы́ть". Это повторяется 3 раза, и тогда уже усаживаютъ ее за столъ. Отецъ беретъ водку и идетъ угощать (по̀штувать) гостей, молодая и подружій встаютъ, кланяются и отъ себя отсылаютъ рюмку всѣмъ родичамъ. Если въ хатѣ, много молодежи, то поютъ:

А въ саду̀ яблочко вынòвое,
Вынува́тци бра́тци всёмъ дòми,
Чомъ вы ра́доньки не ра́дыте,
Дивчы́ны на посадъ не веде́те.
А мы ра́доньку спора́дымо
Дивчы́ну на посадъ поса́дымо.

Сбыра́йся, ґридоньку, та до ме́не
На субòтонку поряжаты могò ба́тенька,
Шо винъ менѐ пе́рвою отдае́,
Тай поря́дкивъ не зна́е,
Тай до стола́ не приступа́е,
Дружòкъ не привита̀е.

Если же невѣста сирота, то поютъ:

Закува́ла та зозу̀ленька та надъ бро̀домъ,
Запла́кала та ди́вчина пе́редъ ро̀домъ.
Слеза́ слезу̀ дрибне́нько побыва́е,
Шо въ ди̇вчины тай ма́теньки (или ба́теньки) не ма́е.
Есть у не́и тай ма́тинка тай дале́ко,
Чого́сь моему серде́ньку тай неле́гко,
Напыса́ла-бъ я пы́сьмечко тай не вмѝю,
Попросы́ла-бъ мыле́нькаго тай не смѝю;
Пишла́-бъ же я сама́ млада́ тай боюся,

Далéкая дори́женька, опизню́ся.
По́ки сходю́, по́кы сбу́ду, тай заборю́ся.
А на посáдъ опизню́ся.

Все также дѣлается и у молодого. Послѣ угощенія родичи вскорѣ расходятся, приходитъ женихъ съ молодою вечерять и остается ночевать. Если молодая—сирота, то она ходитъ на могилу родителей „тужи́тъ", т. е. плакать. „Пидвисилокъ" бываетъ черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія, въ крайнихъ случаяхъ дня черезъ 3. Повѣнчавшись, молодой обѣдаетъ у молодой, и до „пидвиси́лка" каждый живетъ въ своей семьѣ. Въ воскресенье утромъ женихъ собираетъ лошадей ѣхать за молодою. Въ то время, когда запрягаютъ лошадей, дружко заводитъ молодую за столъ; „боярамъ" пришиваютъ къ шапкамъ „стри́чки", или „крестыкы". Пообѣдавъ и выпивъ, молодой съ „боярами" садится въ тарантасъ, а свашки въ другіе, а дружко беретъ мать молодого за платочекъ, и она обходитъ бояръ и свашекъ и осыпаетъ ихъ хмелемъ, овсомъ, конфектами, орѣхами, копѣйками и „шагамы" (грошами). Свашки поютъ:

Коли́сцемъ со́нечко, коли́сцемъ,
Обсы́пала ма́тинка овсыцемъ,
Та на тий ко́нykы вороні́и,
Та на тий бо́яры молоды́и,
Та на того̀ ко́нька вороно́го,
Та на того̀ сыно́чка молодо́го.

Потомъ ѣздятъ по слободѣ, а въ полдень свашки пріѣзжаютъ къ отцу молодой, а она въ это время ходитъ съ дружками, прячась отъ поѣзда. Прійдя домой, она здоровается съ свашками и „свиты́лкою" (по большей части бываетъ сестра жениха, и ей въ руки дается букетъ; также возятъ въ поѣздѣ деревцо, убранное лентами и цвѣтною бумагою; называется оно „ги́льце") и идетъ въ сѣни, подружій заводитъ ее за столъ. Когда молодой въѣзжаетъ съ боярами во дворъ, то теща выходитъ за порогъ до зятя и бояръ, подаетъ ему стаканъ водки съ водою, хмѣлемъ и овсомъ, тотъ выливаетъ все на землю, а стаканъ отдаетъ старшему боярину. Поднесетъ теща водки и уходитъ въ хату, а дружко беретъ молодого и ведетъ въ хату, спрашиваясь также, какъ и раньше, и заводитъ его за столъ къ молодой, которую тотъ цѣлуетъ. Затѣмъ начинаетъ отецъ потчивать ихъ, они отсылаютъ всѣмъ родичамъ; послѣ мать угощаетъ ихъ, они

опять отсылаютъ родичамъ. Если у невѣсты есть братъ, то онъ становится „на покути“ и не пускаетъ молодого за столъ, пока тотъ не дастъ ему выкупа. Потомъ свашки даютъ шишку и рюмку водки отцу и матери. Если есть „выговоренные“ сапоги и платки, то и ихъ отдаютъ. По окончаніи этого выводятъ молодыхъ изъ-за стола, отецъ снимаетъ икону, становятся съ матерью рядомъ, молодые начинаютъ кланяться, а родители говорятъ: „Благословляемъ мы васъ жить и другъ другу повиноваться“. Поклонившись всѣмъ, молодой съ молодою выходятъ и садятся ѣхать къ свекру. Съ молодою, если она вела себя раньше хорошо, ѣдетъ подружій и „приданка“, въ противномъ случаѣ она предупреждаетъ, что на нихъ надѣнутъ хомутъ. Часто женихъ катаетъ невѣсту по слободѣ, если женятся въ той-же слободѣ или недалеко. Когда молодой съ молодою уже сидятъ за столомъ то ее покрываютъ платкомъ везти къ свекру. По пріѣздѣ къ молодому, выходятъ его отецъ и мать съ хлѣбомъ и иконою встрѣчать ихъ и говорятъ: „здравствуйте, диты,—живы здоровы“. Молодые, поцѣловавъ икону, цѣлуютъ и родителей, которые приглашаютъ ихъ въ гости. Дружко беретъ молодого за руку, вводитъ въ сѣни и кричитъ: „Гóсподы Исýсе Хрыстѐ, Сы́не Бóжий, помы́луй насъ“. Тамъ отзываются: „амѝнь“. „Спасѐтъ Богъ за амѝнь. Старосты̀ паны̀ подстаросты̀, кто до кóго, я до Бóга, до ва́шого здорóвья, благословы̀ть, старосты̀, молоды̀хъ за стилъ завысты̀“. Тѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословы̀ть“. Дружко вводитъ ихъ въ хату и заводитъ за столъ, а отецъ жениха начинаетъ угощать водкою. Потомъ дружко ведетъ молодого и молодую спать въ амбаръ или въ хату и оставляетъ однихъ; потомъ входятъ черезъ нѣсколько времени свашки съ очипкомъ и тамъ же надѣваютъ на молодую, заставляя ее пѣть:

Не бѝйся ма́тенько, не бѝйся,
Въ червóни чобѝточки обýйся,
Топчы́ ворогы́ по пидъ нóги,
А супоста́ты по пидъ пья́ты,
Шобъ на́ши ворогы́ мовча́лы,
Шобъ на́ши пидкóвкы бря-
ща́лы.

Послѣ этого ихъ всѣ оставляютъ, и идутъ въ хату гулять и поютъ пѣсни нецензурнаго содержанія. Ихъ, кромѣ водки, угощаютъ „варéною“, т. е. медомъ, разведеннымъ водою.

Если молодой изъ одной слободы съ молодою, то идутъ „сни́дать“ къ тещѣ, и тамъ опять угощаютъ ихъ водкою и медомъ; если же изъ разныхъ, то дружко ѣдетъ звать отца и мать молодой въ гости (это называется „пере́зва“ или „бесе́да“), сажаютъ свата и сваху и всѣхъ пришедшихъ съ ними за столъ и угощаютъ водкою. Послѣ ихъ потчуетъ молодой съ молодою, подносятъ прежде отцу молодой. Если у богача, то онъ, выпивъ рюмку, говоритъ, что даруетъ имъ пару бычковъ, а мать, корову— если побѣднѣй, даетъ теличку, а мать овцу. Потомъ подносятъ мужикамъ, которые также дарятъ, кто что можетъ; затѣмъ угощаютъ женщинъ, тѣ даютъ ситцу или холста отъ 2 до 5 ар. Получивъ подарки, напиваются до пьяна, затѣмъ выходятъ за ворота, разстилаютъ полсть, даже когда грязно. Сватъ опять выходитъ къ нимъ съ водкою и опять угощаетъ; потомъ гости разъѣзжаются, т. е. сватъ съ родственниками ѣдетъ домой, остальные же пьянствуютъ до среды или до четверга. Иногда въ это время бываетъ и музыка. Часто родственники зазываютъ къ себѣ „бесе́ду“; тогда еще дольше тянется гулянье. Въ воскресенье зазываются сваты съ родственниками и молодыми и, пообѣдавъ и попивши хрошенько, тѣмъ кончаютъ свадебное гулянье. Расходъ на сватьбу опредѣляютъ въ 100 руб. и не меньше 50, считая и плату за невѣсту.

Народныя примѣты и обряды. Если свиньи бѣгаютъ и визжатъ, то будетъ дождь, если воробьи купаются въ пескѣ или въ водѣ, то также будетъ дождь; если кошка скребетъ когтями по полу или еще по чему нибудь, то будетъ морозъ, вѣтеръ и мятель; если собака или кошка спятъ согнувшись, то будетъ холодно; если куры посадятся и „нахлобу́чатъ“ перья, то будетъ холодно. Пѣтухи кричатъ въ послѣобѣденное время къ перемѣнѣ погоды. Считаютъ, что какова погода на Благовѣщенье, такова же будетъ и на Свѣтлый праздникъ.—На 1-й день Рождества Христова ходятъ славить Христа по большей части дѣти; говорятъ или тропарь праздника или же передается разсказъ о Р. Х. на малороссійскомъ и литературномъ языкѣ. Это выходитъ хорошо, если кто хорошо зу́читъ разговорную рѣчь; причемъ одинъ оспариваетъ на малороссійскомъ языкѣ, что быть не можетъ, чтобъ родился Спаситель отъ Дѣвы, а другой на литера-

турномъ языкѣ объясняетъ, какъ это случилось. Подъ Новый годъ ходятъ „щедровать“, т. е. какъ говорятъ: „на Милáнки пидемъ щедрувáты“; цѣлою гурьбою собираются дѣтишки, ходятъ подъ окна хатъ и кричатъ: „защидровáть вамъ?“ Кто желаетъ, проситъ, и они поютъ: „щéдрикъ вéдрикъ, дáйте варéныкъ, грýдочку кáшки, кильцé ковбáски, ще мою мáло—дáйте сáла, тай пирйгъ—безъ рукъ, безъ нигъ, шобъ загрýзъ у снигъ, зъ рукáмы, зъ ногáмы, шобъ побйгъ за нáми“. За щедрованье даютъ имъ хлѣба, сала, пшена, и они дѣлятся между собою. На самый же день Новаго года ходятъ посыпать какимъ нибудь зерномъ или смѣсью зеренъ разнаго рода, отправляются посыпальники-дѣти очень рано, сыплютъ во всѣ стороны и приговариваютъ: „роды́ Бóже жы́то, пшены́цю и вся́ку пашны́цю“. Подъ Новый годъ ходятъ еще пѣть такъ называемые „Милáнки“. „Милáнка ходы́ла, Васы́лька просы́ла: Васы́лько, мый бáтко, пусты́ менѐ въ хáтку, я жы́та не жáла, честны́й крестъ держáла. Бóгу свѣчý стáвте, а намъ пирйгъ дáйте“. На Крещенье во время погруженія креста въ воду выпускаютъ голубей и стараются захватить тотъ колъ, которымъ задерживается вода въ крестѣ. Этотъ колъ приносятъ домой и втыкаютъ въ голубятнѣ, вѣря, что отъ этого пойдутъ хорошіе голуби. Пасѣчники же стараются также завладѣть этимъ коломъ и вбиваютъ его въ пасѣкѣ, чтобы водились пчелы. На Масляной оставляется первый вареникъ и высушивается; съ этимъ вареникомъ идутъ подъ Свѣтлый праздникъ въ церковь смотрѣть вѣдьмъ. Вечерами молодежь собирается вмѣстѣ и „водитъ козлы“. Здѣсь собирается почти вся слобода, дѣвки и парни, взявшись за руки, ходятъ и поютъ пѣсни различнаго рода, и главная изъ нихъ относится къ козлу. „Взялы́ козлá за рожóкъ, повелы́ козлá на торжòкъ, продалы́ козлá за рублá“ и т. д. Подростки и дѣти въ это время борятся, кричатъ и дерутся. — Постъ проводится тихо, даже не собираются такъ называемыя „улицы“. Приходя въ Страстной четвергъ изъ церкви, идутъ со свѣчею въ конюшни и будто тамъ видятъ домового, также въ клуни и коморы; коптятъ свѣчею въ хатѣ кресты на сволокѣ и не стираютъ ихъ до слѣдующаго Страстного четверга, считая ихъ полезными отъ пожара. Въ день Воскресенія Христова

во время заутрени бѣгаютъ христосоваться, а въ то время, когда обходятъ передъ заутренею вокругъ церкви, замѣчаютъ, кто остается въ церкви по угламъ, и церковные сторожа выпроваживаютъ ихъ изъ церкви. Въ народѣ такіе люди считаются: женщины—вѣдьмами, а мужчины—упырями. Есть также повѣрье, что подъ Свѣтлый праздникъ кто пойдетъ съ первымъ вареникомъ, спрятаннымъ еще на Маслянной, тотъ увидитъ вѣдьму, т. е. между другими узнаетъ, кто вѣдьма. По большей части, если вѣрить разсказамъ крестьянъ, вѣдьмы прячутся въ „звиныцю", т. е. колокольню, на время обхожденія; если-же ихъ и оттуда выведутъ, то онѣ поворачиваются спинами къ святынямъ. День Вознесенія и другихъ праздниковъ, кромѣ дня Георгія Побѣдоносца, ничѣмъ не отличается отъ празднованія Воскресенія. На день Георгія Побѣдоносца служатъ „надъ скотомъ" молебенъ. Есть повѣрье, что если на Бориса и Глѣба возить хлѣбъ, то будетъ пожаръ; въ день св. Пантелеймона (по простонародному Палія), тоже нельзя возить сноповъ—иначе сгоритъ хлѣбъ.

Въ Крыгской слободѣ съ большимъ торжествомъ отправляется храмовой праздникъ; здѣсь 2 раза празднуютъ его, такъ какъ церковь построена въ честь Іоанна Богослова, память котораго совершается 26-го сентября и 8-го мая—оттого и выходитъ 2 раза храмовой праздникъ. Къ этому дню готовятся цѣлую недѣлю, мажутъ хаты внутри и снаружи, а также всѣ надворныя постройки, выметаютъ дворы и возлѣ хаты усыпаютъ пескомъ. Наканунѣ праздника пекутъ хлѣбъ нѣсколько разъ, заготовляя хлѣбовъ по 20 или по 15, а въ самый день храма готовятъ борщи, лапшу и непремѣнно для каждаго пирожки; у кого есть корова, то къ пирожкамъ заготовляется сметана. Утромъ всѣ идутъ въ церковь; отстоявъ заутреню и обѣдню, хозяева приглашаютъ къ себѣ обѣдать своихъ знакомыхъ или родственниковъ; кромѣ приглашенныхъ, являются и совсѣмъ неизвѣстные хозяевамъ. Передъ обѣдомъ даютъ съѣсть по кусочку просфоры, а затѣмъ уже садятся за столы; хозяинъ и хозяйка потчуютъ гостей и не садятся за столъ. Если подносятъ водку и просятъ выпить, то гость непремѣнно говоритъ: „кушайте собй". Пьющій хозяинъ отпиваетъ немного, и тогда

уже подаетъ опять гостю, а не пьющій, откланявшись, опять подаетъ гостю. Послѣ хозяина потчуетъ хозяйка. За столомъ сидятъ очень чинно, послѣ пирожковъ ѣдятъ борщъ, а потомъ изъ него-же вынутое мясо, а иногда прежде борща бываетъ холодецъ; затѣмъ лапша, а на закуску подается узваръ или молочная каша или же „млынцѝ", т. е. блинчики. Послѣ обѣда, если у хозяина есть самоваръ, то онъ потчуетъ гостей чаемъ; молодежи при этомъ не бываетъ, она идетъ на ярмарку, которая въ этотъ день устраивается возлѣ церкви и стоитъ только до вечера. Вообще этотъ праздникъ проводится крестьянами съ бо́льшимъ торжествомъ, чѣмъ Свѣтлый праздникъ: тогда не бываетъ такого собранія народа, какъ въ этотъ день и такихъ приготовленій ко дню Пасхи, какъ въ день храма, не бываетъ. Въ храмовые дни самый послѣдній бѣднякъ старается раздобыть чего нибудь, получше приготовить и выпить и также зазываетъ къ себѣ обѣдать. Надо замѣтить, что при провожаніи гостей, ихъ семьямъ посылаются хлѣбъ или пирожки. На храмъ собирается множество нищихъ, которыхъ въ этотъ день не отпускаютъ безъ милостыни.

Писанокъ не разрисовываютъ и называютъ ихъ просто „крашенка́ми", и въ быту крестьянскомъ онѣ ни на что не употребляются. Раньше выпускали изъ яицъ внутренность, красили эти пустыя скорлупки и вѣшали къ иконамъ, теперь же это почти вывелось, такъ какъ кто-то объяснилъ имъ, что въ то время, когда гремитъ громъ, то „той, що пидъ гре́блею (т. е. сатана)" прячется въ пустыхъ яйцахъ, что возлѣ иконъ. Есть повѣрье, что если передъ заутренею положить въ миску яйцо, налить водою и умыться такъ, чтобы не пролить ни одной капли, то въ хатѣ не будетъ блохъ. На 1-й и 2-й день Свѣтлаго праздника играютъ въ „катка̀", который устраивается вблизи качели; играютъ больше взрослые. Игра эта состоитъ въ томъ, что катятъ яйца съ горы, и чье толкнетъ стоявшее внизу яйцо, тотъ считается выигравшимъ и беретъ свой выигрышъ.

Пѣсенъ, обрядовъ и повѣрій при посѣвѣ, жатвѣ и свозкѣ хлѣба нѣтъ, кромѣ повѣрья, что на Бориса и Глѣба и Пантелеймона, если возить хлѣбъ, то молнія сожжетъ его. При печеніи-же никогда не сажаютъ вынутый сырымъ хлѣбъ, на томъ

основаніи, что, кто посадитъ опять вынутый хлѣбъ, будетъ 2 раза умирать. Когда хлѣбъ взойдетъ, то ходятъ крестнымъ ходомъ по полямъ, при чемъ устраиваются общественные обѣды.

Въ сосѣднихъ мѣстностяхъ существуетъ такой обычай: громадницы, при уборкѣ сѣна, убираютъ цвѣтами и лентами послѣднюю копну, садятъ на нее хозяйку поля (особенно барыню) и съ пѣснями тащатъ эту копну до хозяйскаго двора,—тамъ получаютъ угощенье и подарки; если хозяйка не согласится сѣсть на такую копну, то усаживаютъ самую пригожую изъ громадницъ и везутъ ее на копнѣ къ хозяйскому двору, гдѣ получаютъ „вы́купъ" за копну. Процессія эта состоитъ только изъ участниковъ въ работѣ, косарей и громадницъ; первые идутъ съ косами на плечахъ, а вторыя съ граблями; поютъ и тащатъ копну только женщины, угощаются всѣ.

Народныя игры и забавы: игра въ мячъ, такъ называемый земляной городковый и „довгій", скракли, вродѣ крокета или кеглей, т. е. ставятся отрубки и сбиваются палками и кто выбьетъ изъ черты всѣ отрубки (ихъ 5), тотъ ѣдетъ отъ черты до мѣста, откуда сбивалъ, верхомъ поочереди на всѣхъ играющихъ до того мѣста, откуда сбивалъ отрубки. Весною и осенью играютъ въ свинки, а также и зимою, но весною больше въ мячъ играютъ. Дѣти вмѣсто мяча бьютъ палку, и эта игра называется у нихъ „гилы"; участниковъ бываетъ въ ней отъ 2 до неопредѣленнаго числа желающихъ. Ведется она очень странно, такъ что и сами играющіе не могутъ объяснить порядка игры. Есть игра въ гусей, въ кошки-мышки и въ жабы. Эта послѣдняя игра совсѣмъ не затѣйлива: состоитъ въ перепрыгиваніи черезъ ровъ, конечно, небольшой. По большей части крестьянская молодежь проводитъ свободное время въ гуляньи; это есть собраніе дѣвокъ и парней съ одной улицы, иногда и съ нѣсколькихъ, отчего и гулянье это носитъ названіе „у́лыци". Въ праздничные дни они собираются съ обѣда въ ливадахъ, поютъ тамъ пѣсни, разсказываютъ были и небылицы, пересмѣиваютъ и осуждаютъ наряды и наружность другъ друга. Введено у нихъ ауканье по ливадамъ, что весьма непріятно. Гуляютъ до поздней ночи. Лѣтомъ же, несмотря на тяжесть дневного труда, въ ливадахъ всю ночь раздаются пѣсни и ауканья. На „улицы", т. е

въ общество парубковъ ходятъ уже взрослыя дѣвки лѣтъ отъ 16 или 15, до тѣхъ-же поръ онѣ считаются подростками и на улицы не ходятъ, а гуляютъ и поютъ пѣсни только со своими подругами и дѣтьми. Замѣчательно то, что у крестьянъ нѣтъ почти дѣтей, не поющихъ; каждый ребенокъ чуть не съ 6 лѣтняго возраста уже поетъ какую нибудь пѣсню и пріучается выводить голосомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Мѣстные музыкальные инструменты—балалайка, сопилка, а въ послѣднее время появляются и гармоніи. Танцы—козачо̀къ и гопа̀къ. Взрослые люди играютъ въ карты, а также въ деньги, подбрасывая копѣйку и смотря, какъ она упала; эта забава очень рѣдка. Въ большинствѣ случаевъ взрослые проводятъ время въ шумной бесѣдѣ. Зимою-же собираются и взрослые, но недавно женатые, съ молодежью, идутъ на ледъ скользаться и бороться; при чемъ ведется игра, такъ называемая „мала̀ ку́ча“: на спину повалившагося ложится другой и кричитъ: „мала̀ ку́ча“, на него наваливается слѣдующій и т. д., пока нижній не вывернется изъ-подъ нихъ. Дѣти зимою спускаются съ бугорковъ на салазкахъ или ледянкахъ, такъ назыв. „колга́нахъ“.

Повѣрья. При повальныхъ болѣзняхъ въ обычаѣ у крестьянъ служить молебны. Существуетъ слѣдующее повѣрье: если священникъ, прійдя отпѣвать покойника, положитъ на лавку палку, то въ домѣ умретъ еще кто нибудь. За первымъ покойникомъ тотчасъ же надо запереть ворота, иначе будутъ всѣхъ выносить. Обычаевъ базарныхъ и ярмарочныхъ нѣтъ, такъ какъ самыхъ ярмарокъ въ нашей слободѣ не бываетъ. Если пожаръ случился отъ грозы, то считаютъ лишнимъ заливать его на томъ основаніи, что его водою не зальешь, а можно утушить только молокомъ отъ черной коровы. При пожарахъ отъ неосторожности или поджога во время бури ходятъ вокругъ строеній съ иконою „неопалимой купины“.

Колдуновъ нѣтъ, а также вовкулаковъ, русалокъ, водяныхъ и лѣшихъ не слышно. Вѣрятъ только, что есть вѣдьмы „роды́мия“ и „ро́блени“, иначе „учéни“. У родимой вѣдьмы есть хвостикъ ниже спины, а у учéной такъ сбивается на затылкѣ „ковту́нъ“, что и не расчешешь. Въ нашей слободѣ насчитываютъ ихъ до 12. Занятіе ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ по

ночамъ доятъ коровъ, собакъ и т. д., мѣшаютъ это молоко и иногда носятъ продавать. Участвующіе въ этомъ дѣлѣ мужчины называются „упырякамы“ (упыри). Четыре видьмы кормятъ ихъ сдоеннымъ молокомъ. Есть и „оберéги“ отъ вѣдьмъ, но та старуха умерла, которая отчитывала порченыхъ коровъ. При чемъ есть примѣта, что отъ ученой вѣдьмы можно поправить корову, а отъ родимой никакія обереги не помогутъ. Вѣрятъ также, что вѣдьмы обращаются въ бѣлыхъ собакъ. Представляютъ вѣдьму въ длинной рубахѣ съ распущенными волосами. Если вѣдьму поймаютъ, то она обращается въ собаку или въ клубокъ и ходитъ или катится. Разсказовъ о вѣдьмахъ множество, но никто не видѣлъ ихъ. Гдѣ много коровъ, тамъ старыя хозяйки ложатся спать съ палкою возлѣ кошары, и палкою отгоняютъ вѣдьмъ. Узнать вѣдьму можно только подъ Свѣтлый праздникъ передъ заутренею, потому что онѣ прячутся въ колокольнѣ или же по угламъ церкви, чтобы не идти вокругъ церкви; если же обстоятельства заставятъ идти, то отворачиваются отъ святынь. Вѣрятъ, что на „горúщѣ“ живетъ домовой, а также въ конюшнѣ, который, если ему нравится масть лошади, заплететъ ей гриву въ косы, и кормъ будетъ ей въ пользу; это крестьяне называютъ „ко дворý пришлàсь“; если-же хозяинъ замѣчаетъ, что лошадь не поправляется и отъ хорошаго корма, то старается поскорѣе сбыть ее, такъ какъ она не ко двору пришлась, или же переставить конюшню на другое мѣсто. На Новый годъ, говорятъ, нѣкоторые въ потьмахъ лазятъ на горище и щупаютъ домового; если шерсть его окажется гладкою, то годъ будетъ хорошъ, если же шершавою, тó плохъ; лазятъ также спрашивать, къ худу или къ добру, и будто домовой отвѣтитъ, только тихо: къ „худу“ или „къ добру“. Существуетъ повѣрье, что если кто найдетъ шкурку, сброшенную гадюкой, то надо носить ее на шеѣ отъ лихорадки. Навозъ отъ скота считается для полнокровныхъ дѣтей лучшею присыпкою отъ прѣлости, а конскій употребляется для паренья отъ головной боли и водяной. Въ народѣ не терпятъ воробьевъ, и потому не останавливаютъ дѣтей, когда они мучатъ ихъ и разоряютъ ихъ гнѣзда, на томъ основаніи, что воробей „проклята птыця“:—„винъ кричàвъ надъ хрестòмъ Сýса Хрыстà: живъ, живъ“, и вѣрятъ

еще, что они приносили гвозди распинать Христа. Замѣчютъ, у кого сядетъ птица „дóдыкъ“ (удодъ), у того быть бѣдѣ; если надъ домомъ кричитъ сычъ,—это подворье сгóритъ. Собаки воютъ,—тоже къ пожару или несчастью. Существуетъ повѣрье, что если подъ день великомученицы Варвары или Екатерины вечеромъ срѣзать вѣточку съ вишни и, задумавъ что нибудь, поставить эту вѣтку въ воду, то, если сбудется желаемое, она къ Новому году расцвѣтетъ, если же нѣтъ, то засохнетъ. Дорожатъ крестьяне святою вербою, цвѣтами и васильками, лежащими подъ крестомъ. Очень часто ходятъ къ священнику просить у матушки васильковъ изъ-подъ креста для мытья головы; варятъ святую вербу и отваромъ моютъ голову отъ боли. 10-го мая на Симона Зилота рвутъ разныя травы и ими настаиваютъ водку или-же сушатъ и завариваютъ ихъ, какъ чай. Для чая идутъ въ большинствѣ розовый цвѣтъ, цвѣты вишень и яблонь, липовый цвѣтъ, мята и ромашка. Есть трава, называемая въ народѣ „ризàкъ“, употребляемая для купанья дѣтей отъ рѣзи въ животѣ. Замѣчаютъ, что въ маѣ, въ 20 числахъ, нельзя садить капусту: нападетъ червякъ или будетъ гнить, также не садятъ капусту, когда „до—пáры числа“, напр., 24 мая никто ея не сажаетъ.

Народные юридическіе обычаи. Если парень засватался, и затѣмъ по какимъ либо причинамъ сватовство разстроилось, т. е. если родители дѣвки или же сама дѣвка не хочетъ вступить въ бракъ съ засватавшимъ ее парнемъ, то потерпѣвшая сторона обращается въ судъ, и волостной судъ, по мѣстному обычаю, приговариваетъ виновную сторону заплатить всѣ убытки, понесенные потерпѣвшими, именно: заплатить за угощеніе гостей, которые были на сватаньи, такъ какъ парень, засватавшій дѣвку, доставляетъ къ ней все, что нужно для угощенія гостей и родныхъ; если же парень отказывается отъ невѣсты, то съ него взыскиваютъ, смотря по его состоянію, нѣсколько руб. за безчестіе дѣвки. Формальныхъ разводовъ не существуетъ: если же расходятся супруги вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ, то они расходятся съ собственнаго своего согласія; постороннихъ же вмѣшательствъ не существуетъ. Раздѣлы

между братьями, оставшимися послѣ смерти отца и матери, производятся съ согласія сельскаго общества, на что составляется приговоръ. Раздѣлъ производится слѣдующимъ порядкомъ: братья получаютъ по равной части, сестры же, вышедшія замужъ, ничего не получаютъ; сестры, оставшіяся въ дѣвицахъ, получаютъ $^1/_4$ недвижимости и $^1/_7$ движимости. Если кто либо изъ родителей живъ, тогда раздѣлъ происходитъ также съ согласія сельскаго общества, но по усмотрѣнію отца или матери. Относительно найма рабочихъ обычаевъ не существуетъ. Нарушившіе правила о наймѣ привлекаются къ отвѣтственности по существующимъ законамъ волостнымъ судомъ—между крестьянами и общимъ судебнымъ учрежденіемъ—между привиллегированными. По преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, нравственности и благочинія—обычаевъ не имѣется, а за всѣ таковые проступки и преступленія виновные привлекаются въ судъ на общемъ основаніи.

Заговоры отъ зубовъ: „Ми́сяцъ на небеси́, китъ ры́ба у мо́ри, звирь у по́ли сходы́лися до ми́ста вычéряты; и ми́сяць Влады́мыръ, чи бувъ ты на нéби". „—Бувъ". „Чи ба́чивъ ты мертвыхъ людéй"?—„Ба́чивъ". Чи вси у нихъ зу́бы ци́ли". —„Ни". „И на рождéнои, хрещéнои, молы́твенои Катеры́ни, щобъ зу́бы по викъ не боли́лы и не щими́лы".

Пѣсенъ у крестьянъ очень много, но старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ очень мало. Такъ какъ изъ крестьянъ многіе были на Донщинѣ, то, пришедши домой, они передаютъ тѣ пѣсни, которыя тамъ слышали, своимъ подругамъ и поютъ ихъ здѣсь уже въ измѣненномъ видѣ; забывъ первоначальную риѳму, выдумываютъ уже свою. Такъ, мнѣ пришлось слышать пѣсню, (забыла я ея начало) про Дорошенка и Сагайдачнаго, но въ такомъ искаженномъ видѣ, что отъ первоначальной пѣсни осталась только форма. Вотъ малороссійская пѣсня про вербу: Ты верба́ ты кудря́вая, кучеря́вая, на чему́ ты сросла́, а гдѣ и вы́росла.—„Я зросла́ на лужку́, на крутóмъ бережку́, на зелéный тéремъ похылы́лася. Тамъ сиды́ла вдова́, пóздно звé-

чера сама̀; засвиты́ла свичу̀ зъ во́ску я́рого, дожида́ла дружка̀ разуда́лаго. Винъ стучи̇̀ть, винъ кричи̇̀ть, по доро́гѣ бѣжить". Поютъ здѣсь и про Сидоръ-Карповича только съ своими добавленіями. Вотъ еще малороссійская: „Плыве̇̀ чо́вынъ, воды̀ по́венъ, сколыхну́лася вода̀, тамъ молоды̀й коза́ченько па́ру ко́ней напува̀, свою̀ ди́вку, свою̀ кра́сну все слова́ми вговоря́: „Не плачъ ди́вка, не плачъ кра́сна, не плачъ душенька моя́. Вотъ я зна́ю, распозна́ю, чимъ я тебѐ разгни́вывъ, що и вчо́ра, изъ ве́чера кра́ще те́бе по́любывъ".

Въ послѣднее время модною или новою считается пѣсня: „Ой на зорькѣ та на зо́рюшкѣ дѣвка Маша коро́вушку дойла, подойвши молочко̀ цидыла, процидывала, своего̀ Ванюшу пойла̀" и т. д. Она до того употребительна между молодежью, что дѣти шести лѣтъ уже знаютъ и поютъ ее.

Сказка: „Жили дѣдъ и баба: у нихъ была дочка, и у дѣда дочка, они пошли на пряхи. Бабина дочка пряла, а дѣдова все мычки кидала въ печь. Напряла бабина дочка и пошла домой, начала перелазить черезъ тынъ, а дѣдова дочка говоритъ: „дай я перенесу пряжу. Бабина дала, а дѣдова пришла и хвалится: „сколько я напряла, а бабина мычки кидала въ печь". Бабина дочка плачетъ. „Нѣтъ, я пряла, а она въ печь мычки кидала". Баба говоритъ: „повези, дѣдъ, свою дочку въ лѣсъ". Повезъ ее дѣдъ въ лѣсъ, оставилъ въ хатѣ и говоритъ: „ты вари кашку, а я пойду рубить дрова въ лѣсъ". Она сварила и кличетъ своего отца вечерять, а кобылячья голова говоритъ: „иду̀, иду̀". Дѣвка испугалась и побѣжала въ хату. Подошла кобылья голова до дверей. „Ди́дова дочка, отчини"! Та отчинила. „Пересади менѐ". Пересадила. „Усыпь каши". Усыпала. „Дай ложку". Дала. „Постелись". Постелилась. „Положи̇". Положила. „Укрый". Укрыла. „Загляни мене въ правое ухо, а въ лѣвое выглянь". Дѣдова дочка заглянула, а тамъ всякаго наряду. Пріѣхалъ дѣдъ, взялъ и поѣхалъ домой. Баба говоритъ: „дай посмотрю, сколько въ тебе́ наря́ду". Посмотрѣла, а тамъ всякаго наряду. Тогда баба и говоритъ: „ди́ду, повезѝ и мою̀ дочку въ лисъ". Онъ повезъ и говоритъ: „ты тутъ вари кашку, а я пойду дрова рубить". Сварила она и кличетъ, а кобылячья

голова говоритъ: „иду̀, иду̀“. Кобылячья голова коло дверей: „Отчини“. Бабья дочка говоритъ: „не велика барыня, сама отчинышъ“. „Усы̀пь ка́ши“. „Не велы́ка ба́рыня, сама̀ во́зьмешъ“. „Поста́въ“.—„Не велы́ка ба́рыня, сама̀ поста́вишь“. „Положѝ менѐ“. „Не велыка ба́рыня, сама̀ ля́жешь“.—„Прикрый менѐ“.—„Не велы́ка ба́рыня, сама̀ укры́ешься“. „Заглянь мини́ въ пра́ве у́хо, а въ лѣ́вое вы́глянь“. Заглянула а тамъ, че́рви. Кобылячья голова уби́ла ди́вчину и ко́сти зложи́ла въ торбынку и пови́сыла на гво́здыкъ. Дидъ прийхавъ, заста̀въ косткѝ и пойи́хавъ до-дому. До́лго ба́ба пла́кала, что до́чку вби́то“.

Е. А. Алферова.

28.—Сл. Ново-Псковъ.

Поселеніе.—Одежда.—Преданія.

Слобода Ново-Псковъ Осиновской волости, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губерніи отстоитъ отъ Старобѣльска въ 34 верстахъ, отъ Осиновой въ 1 верстѣ. Съ сѣверо-западной стороны окружена рѣкой Айдаромъ. На правомъ берегу этой рѣки возвышается плоскогогорье. Съ сѣверо-восточной окружена рѣкой Камянкой, которая съ сѣверной стороны впадаетъ въ рѣку Айдаръ. Эти двѣ рѣки отдѣляютъ Ново-Псковъ отъ Осиновой. Съ остальныхъ сторонъ слобода Н.-Псковъ окружена выгономъ (мѣсто, гдѣ пасется скотъ), за которымъ слѣдуетъ поле ново-псковскихъ жителей.

Ново-Псковъ еще называется „Закамянка“. Названіе это получилось давно; старики не помнятъ—когда; но разсказываютъ, что ровная мѣстность съ богатыми угодьями привлекла многихъ жителей слободы Осиновой, такъ что они переселились сюда, образовали слободу, которую и назвали Закамянка, потому что она основалась за рѣкою Камянкою. Въ 1829 году здѣсь было введено военное поселеніе. Въ это время сюда

было переселено начальствомъ много семействъ изъ другихъ ближнихъ слободъ и хуторовъ. Въ 1831 году была построена церковь во имя святителя Николая; средства на постройку церкви сначала собирались пожертвованіями отъ здѣшнихъ жителей, а во время военнаго поселенія была достроена рабочими солдатами. Въ 1829 году присланъ былъ въ Закамянку Псковскій кирасирскій полкъ, который простоялъ здѣсь 28 лѣтъ, отъ чего Закамянка и была переименована въ Ново-Псковъ.

Ново-Псковъ населенъ малороссами. Они имѣютъ средній ростъ; волосы на головахъ у мужчинъ подстрижены въ кружокъ; любятъ носить широкую бороду и подстриженные усы. Волосы на головѣ у женщинъ длинные, заплетаются въ косы (какъ онѣ заплетаютъ—описано будетъ дальше). Мальчики до 12 лѣтъ и дѣвочки до 7 лѣтъ всегда бываютъ съ остриженными волосами, потомъ начинаютъ придавать имъ такую форму, какъ у взрослыхъ. Жителей мужескаго пола считается 2029, женскаго пола 1915, обоего пола 3944.

Жители Ново-Пскова говорятъ на малороссійскомъ нарѣчіи, но неправильно, нѣкоторыя слова стараются произносить литературно. Это произошло оттого, что здѣсь стоялъ полкъ, и солдаты были военными поселянами.

Крестьяне умственно порядочно развиты оттого, что во время военнаго поселенія начальство заставляло ихъ дѣлать разныя незнакомыя имъ до того работы; такъ, напримѣръ, здѣсь были шелководство, садоводство, огородничество, учили мостить шоссе, была тогда и школа кантонистовъ. Большая часть крестьянъ грамотны, охотно читаютъ, какія попадутся, книги. Почти въ каждой хатѣ есть Псалтирь или Евангеліе: эти книги покупаются большею частію въ Кіевѣ или въ Святыхъ Горахъ (въ Изюмскомъ уѣздѣ) ходящими туда на богомолье. У многихъ я видѣлъ еще книгу „Потерянный и Возвращенный Рай“ Мильтона, маленькія книжки Житій Святыхъ; сказки о Бовѣ королевичѣ и Ерусланѣ Лазаревичѣ и др.; эти книги покупаются на здѣшнихъ базарахъ или ярмаркахъ у разносчиковъ. Иногда съ просьбою дать прочитать какую нибудь книгу обращаются къ учителю мѣстной народной школы, и учитель, на сколько позволяетъ ему составъ школьной библіотеки, удо-

влетворяетъ ихъ желаніе. Школу крестьяне уважаютъ, съ удовольствіемъ посылаютъ дѣтей учиться. Въ настоящее время въ школѣ учится около 140 мальчиковъ и дѣвочекъ; но къ трудамъ учителя относятся равнодушно, считая, что онъ обязанъ обучать ихъ дѣтей потому, что за это получаетъ жалованье.

Лѣтняя будничная одежда мужчинъ: „Соро́чка“ бываетъ полотняная, шьется изъ 6 аршинъ полотна, съ средней вышины воротникомъ, который застегивается впереди шнуркомъ или ленточкой (за́вязка) безъ манишки, стоитъ 75 копѣекъ. Широкіе полотняные „штаны“ изъ 6 аршинъ полотна, съ правой стороны есть „карманъ“; застегиваются „очкуро̀мъ“, или пуговицею, стоятъ 75 коп. „Карту́зъ“ суконный изъ дешеваго чернаго, тонкаго фабричнаго сукна, околица и кругъ одинаковой ширины, съ кожанымъ козырькомъ—стоитъ 50 копѣекъ. Кожаные „босовыкы̀“, или „чырывы́кы“ шьютъ въ видѣ полуглубокихъ резиновыхъ галошъ, съ низкими каблуками; весною и осенью привязываются къ верхней части „чырывы́ковъ“ „воло́кы“ (длинныя тонкія веревочки), которыми обматываютъ ногу до колѣнъ сверхъ „ону́чей“ („портя́нокъ“), стоятъ отъ 80 коп. до 1 рубля. Нѣкоторые носятъ сапоги изъ грубой, крѣпкой „чиненной“ кожи съ широкими „голенищами“, вышиною до колѣнъ, низкими „каблуками“, высокими „подъемами“; стоятъ отъ 3 до 5 рублей; чтобы дольше носились, „черевѝки“ и „сапоги“ („чо́боты“) смазываютъ каждую недѣлю чистымъ дегтемъ. Въ холодную погоду надѣваютъ короткую, суконную „свѝтку“, сшитую изъ простаго, своедѣльнаго сукна, изъ 6 аршинъ, въ родѣ полукафтана; длина ея на $^1/_2$ аршина ниже таліи, застегивается на лѣвую сторону груди на 3 „ду́зыка“ (круглыя кожаныя пуговки),—стоитъ 3 рубля.

Лѣтняя праздничная одежда мужчинъ. У молодыхъ парней („парубкѝвъ“) воротникъ на полотняной сорочкѣ бываетъ вышитъ въ сосну (на подобіе сосны); вышиваютъ „за̀полочью“—красною, синею и черною; нѣкоторые носятъ и ситцевыя сорочки, тоже изъ 6 аршинъ, стоящія 90 копѣекъ. Женатые только донашиваютъ вышитыя или ситцевыя сорочки, а потомъ они какъ и старики, носятъ такія же рубахи, какъ и въ буд-

ни, только чисто вымытыя. „Штаны“ шьются изъ какой нибудь шведской матеріи или „черкесина“, тоже изъ 6 аршинъ; стоятъ 1 р. 75 копѣекъ. Нѣкоторые старики изрѣдка носятъ и полотняныя, только чисто вымытыя, застегиваются „очкуромъ“, иногда и пуговицею. Съ правой стороны всегда бываетъ глубокій „карманъ“. Новые „картузы“ носятъ только „парубки“ 1 лѣто; на 2 лѣто имъ покупаютъ опять новые, а прежніе донашиваютъ,—женатые и старики до тѣхъ поръ, пока они не изорвутся. 1 картузъ въ 50 копѣекъ можетъ служить на 3 года. Женатые и старики носятъ кожаные сапоги такой же формы, какъ и будничные („черевики“ надѣваютъ только самые бѣдные жители, у которыхъ нѣтъ сапогъ); но для „парубкивъ“ шьются нѣсколько иначе: кожа для нихъ выбирается болѣе мягкая, „голенищи“ бываютъ уже и длиннѣе; если нажать ихъ къ низу, то получаются красивыя складки. Ихъ высокіе каблуки оббиваются узорчато мѣдными гвоздиками, снизу къ каблуку прибивается подкова—выше мѣдная, ниже желѣзная; носки бываютъ средней ширины; кромѣ того, они шьются на косую колодку, такъ что различаются правый и лѣвый сапоги. Для того, чтобы сапоги всегда были черны и мягки, каждую недѣлю ихъ смазываютъ чистымъ „дегтемъ“; такіе сапоги стоятъ отъ 6 до 8 рублей. Носятъ „чумарки“ короткія и длинныя, въ родѣ кафтана, со сборами по таліи: короткая на $^1/_4$ арш. выше колѣна, длинная на 1 вершокъ ниже колѣна. У богатыхъ бываютъ суконныя изъ тонкаго, чернаго фабричнаго сукна,—у бѣдныхъ изъ какой нибудь „шведской“ матеріи или черкесина. Суконныя короткія шьются изъ $2^1/_2$ аршинъ, стоятъ отъ 4 до 6 рублей, длинныя шьются изъ 4 аршинъ, стоятъ отъ 8 до 10 рублей. Изъ шведской матеріи или черкесиновыя короткія шьются изъ 6 аршинъ, стоятъ отъ $2^1/_2$ до 3 рублей; длинныя шьются изъ 8 аршинъ, стоятъ отъ $3^1/_2$ до 4 руб. Чумарки застегиваются на груди проволочными желѣзными или мѣдными крючками; съ боковъ, ниже таліи, есть 2 кармана. „Парубки“ еще перевязываютъ по таліи свои „чумарки“ широкими поясами изъ шерстяной матеріи разнаго цвѣта, которые стоятъ до 90 коп.

Зимняя одежда мужчинъ. На зиму прибавляютъ: „кожухи“,

„свиты“, „капэлюхы“, или „шапкы“, „вáлянкы“ и „шáрфы“. Кожухи шьются изъ простыхъ чиненныхъ или дубленныхъ овчинъ на 3 формы. 1-ая форма: короткій, вродѣ короткой чинарки со сборами по таліи, съ 2-мя карманами по бокамъ; застегивается на груди крючками или „гýдзыкамы“, шьется изъ 4 овчинъ, стоятъ отъ 5 до 7 рублей. 2-ая форма: длинный, въ родѣ длинной чинарки со сборами по таліи, съ 2 карманами по бокамъ, застегивается на груди крючками или „гýдзыкамы“, шьются изъ 6 овчинъ, стоятъ отъ 8 до 12 рублей. 3-ья форма: въ родѣ шубы съ воротникомъ, для воротника приготовляютъ овчины изъ маленькихъ ягнятъ; этой же овчиною обшиваютъ узкою полоскою края рукавовъ, полы и низъ; шьются изъ 6 овчинъ, не считая воротника, стоятъ отъ 12 до 18 руб. 1-ая и 2-ая форма кожуховъ тоже обшивается по всѣмъ краямъ узкою полоскою какого нибудь мѣха или овчиною съ ягненка. Кромѣ того, на груди, на полахъ и кругомъ весь низъ обшиваютъ узорчато шнурками разныхъ цвѣтовъ. „Свиты“ шьются изъ простаго бѣлаго или сѣраго своедѣльнаго сукна, по 2 формамъ. 1-ая форма—въ родѣ кафтана, длиною до колѣнъ; застегивается на груди гýдзыками съ однимъ карманомъ на правой сторонѣ; шьются изъ $7^1/_2$ аршинъ, стоятъ 4 руб. 2-ая форма—въ родѣ кожуха 3-й формы съ воротникомъ, длиною на $^1/_4$ арш. ниже колѣнъ, съ передней стороны ниже воротника есть „петéлька“ и „гýдзыкъ“ для застегиванья; шьется изъ 10 аршинъ, стоятъ 6 рублей. Одѣвшись въ свиту 1-й или 2-й формы, иногда подвязываются краснымъ суконнымъ поясомъ, стоющимъ 20 копѣекъ. „Капелюхъ“—въ родѣ шапки съ длинными наушниками, въ концѣ которыхъ есть шнурки. Въ холодную погоду уши капелюха шнурками притягиваются къ подбородку, подъ которымъ шнурки связываются; такимъ образомъ онѣ согрѣваютъ виски, уши и переднюю часть шеи. Въ капелюхѣ снаружи лобъ, внутри затылочная часть и уши обшиваются овчинкой изъ шкуръ маленькихъ ягнятъ или „плетенкою“, похожею на овчину, которую покупаютъ въ мѣстныхъ или городскихъ лавкахъ. Верхняя часть суконная изъ тонкаго чернаго или синяго фабричнаго сукна; на макушкѣ для красы пришиваютъ

суконную пуговку. Внутри толстая ватная или шерстяная подкладка обшивается фланелью; стоитъ отъ 70 к. до $1^1/_2$ р. „Ва́ленки“ покупаютъ въ здѣшнихъ лавкахъ или городскихъ, стоятъ отъ 1 до 2 руб.; иногда нижнюю часть ихъ обшиваютъ кожей, чтобы дольше носились. Носятъ и сапоги, только внутри подъ ноги подстилаютъ солому, ноги-же обматываютъ толстыми суконными „ону́чами“, чтобы теплѣе было. Шарфы стоятъ отъ 20 до 50 коп.

Лѣтняя будничная одежда женщинъ. Длинная полотняная соро́чка“, длиною $^1/_4$ аршина ниже колѣнъ; шьется изъ 8-ми аршинъ полотна. „Ко́миръ“ (воротникъ) состоитъ изъ оконечностей съ мелкими сборами, обшитыми въ концѣ рубцомъ, застегивается спереди пуговицею. Рукава длинные и полные, пришиваются къ плечамъ вверху со сборами, внизу безъ сборовъ; концы ихъ не широки, лишь-бы вошелъ кулакъ руки, кругомъ со сборами и рубчикомъ въ концѣ; плечи иногда бываютъ вышиты „мережкою“ (узортачая вышивка дырочками), параллельно рукавному шву шириною въ 1 вершокъ, длиною $^1/_4$ аршина; конецъ подола обшивается рубцомъ или „мэрэ́жкою“. Цѣна такой сорочки—1 руб. „Шарафанъ“ шьется изъ какого нибудь пестраго ситца, къ нижнимъ краямъ вокругъ пришиваютъ складчатую оборку въ 2 вершка шириною. Верхняя часть бываетъ со сборами; въ концѣ ихъ вшивается поясъ съ двумя концами впереди, которыми онъ стягивается и подвязывается по таліи; шьется изъ 7 или 9 аршинъ ситца, стоитъ отъ 1 р. 20 к. до $1^1/_2$ р. „Кохта“ шьется тоже изъ какого нибудь пестраго ситца, съ ровною спинкою, безъ всякихъ перехватовъ по таліи и подкладки, длиною на $^1/_2$ аршина ниже таліи. Воротникъ бываетъ такой же, какъ и у сорочки, но безъ сборовъ; нижняя часть „кохты“ и рукавовъ обшивается складчатою оборкою или „зу́бцямы“. „Зу́бци“ пришиваются 2-мя рядами, 1-й рядъ на самыхъ оконечностяхъ низа и рукавовъ, 2-й рядъ на 1 вершокъ выше. „Зу́бци“ есть ничто иное, какъ длинная полоса изъ чернаго ситца, въ 1 вершокъ шириною, сложенная вдвое; съ одной стороны ея вырѣзаны угольники, какъ на пилѣ, потомъ пришитая къ кофтѣ; застегивается впереди пуговицами, шьется изъ 5 или 6 аршинъ ситца, стоитъ

90 коп. Платки носятъ небольшіе ситцевые, стоимостію въ 20 или 25 коп. Въ холодную погоду навязываютъ на голову и теплый платокъ изъ шерстяной или бумажной ткани, стоимостію въ $1^1/_2$ руб. Носятъ „ботынки", или „полусапо́жкы" съ чулками и безъ чулковъ; чтобы чулки не спускались, вверху подвязываютъ ихъ подвязками. „Ботынки"—родъ штиблетовъ безъ резинокъ, пейка выше подъема разрѣзывается, кончики разрѣзаннаго чуть подвертываются внутрь и пришиваются; возлѣ нихъ съ боковъ пробивается по 4 дырочки, въ нихъ вбиваются пистоны, въ которые затягиваютъ шнурокъ и, стянувши шнуркомъ, завязываютъ. „Ботынкы" стоятъ отъ $1^1/_2$ до 2 руб. Въ холодную погоду вмѣсто „ботынковъ" носятъ сапоги такой же формы, какъ и у мужчинъ; надѣваютъ и свитки, такія же, какъ и у мужчинъ.

Лѣтняя праздничная одежда женщинъ. У молодыхъ дѣвушекъ („дивча̀тъ") воротникъ на сорочкѣ бываетъ вышитъ ломаною линіею или косыми крестиками. „Мережка" на плечахъ тоже обшивается такими же крестиками („обво́докъ"); иногда вмѣсто „мережки" вышиваютъ широкую вышивку, большею частію въ родѣ геометрическихъ ромбовъ; въ срединѣ ихъ вышиты такіе же звѣздочки; „обво́дки" съ боковъ бываютъ, какъ и около „мэрэжки"; вышиваютъ заполочью красною, синею и черною. „Мережка" на концѣ подола также обшивается „обво́дкомъ". Многія носятъ ситцевыя или миткалевыя сорочки только до пояса, а дальше подшивается полотняная подставка („пидтычка"). „Ко́хта" и „шарафанъ" такой же формы, какъ и будничныя, но бываютъ всегда новыя или очень чистыя. Вмѣсто „ко́хты" иногда носятъ „кырсэты"; эта одежда заимствована у донскихъ казачекъ дѣвушками, ходившими на заработки въ „донщыну". „Кырсэтъ" шьется изъ плисовой черной ткани, у богатыхъ дѣвушекъ изъ чернаго бархата; длиною таковъ же, какъ и „ко́хта". Онъ походитъ на мужскую „чумарку", но отличается тѣмъ, что нѣтъ сборовъ по таліи и рукавовъ. Воротникъ такой же, какъ и на „ко́хтѣ", застегивается впереди маленькими крючками, но такъ, что ихъ не видно. Правая и лѣвая стороны груди и талія сзади обшиваются въ 2 ряда маленькими, круглыми, стальными пуговицами. Талія кругомъ, швы на спинѣ

и впереди пуговицы обшиваются краснымъ или зеленымъ шнуркомъ въ видѣ ломаной линіи. Шьется изъ 5 или 6 аршинъ плиса, стоитъ отъ $2^1/_2$ до 3 руб. У кого есть „кырсэтъ", у той непремѣнно должна быть и миткалевая бѣлая сорочка до поясницы (нижняя часть полотняная); у такихъ сорочекъ, кромѣ того, что вышиваются воротникъ и плечи, вышиваются рукава и обшлага. Рукава вышиваются въ „разбросъ" крестами или звѣздами; обшлага обшиваютъ вокругъ ободочкомъ, къ концу пришиваютъ кружева; такая сорочка стоитъ 2 рубля. „Ботынки" такіе же, какъ и въ будни; но вмѣсто простаго шнура, затянутаго въ пистоны, затягивается красный шелковый шнурокъ. Вмѣсто шерстяныхъ чулки бываютъ вывязаны изъ бумажныхъ бѣлыхъ нитокъ. Каблуки „ботынокъ" иногда узорчато оббиваются мѣдными гвоздиками. Дѣвушки и молодыя замужнія женщины носятъ на шеѣ „намысто" разныхъ видовъ и большіе серебряные или изъ другого металла кресты. Въ ушахъ непремѣнно бываютъ вадѣты серебряныя или изрѣдка изъ другого металла крестообразныя серьги; такія серьги носятъ и въ будни. Волосы на головѣ заплетаютъ въ „расплѐтъ" и въ косы. Въ „расплѐтъ" волосы носятъ только дѣвушки, да и то въ праздники, въ будни же, равно и замужнія женщины и старухи, заплетаютъ волосы въ косы; потомъ эти косы закручиваютъ на затылкѣ („корзыною"), или обводятъ кругомъ головы и завязываютъ. Голова бываетъ постоянно накрыта платкомъ („простоволосыми" ходить не любятъ). Въ концѣ волосъ дѣвушки привязываютъ нѣсколько широкихъ лентъ разнаго цвѣта—шерстяныхъ или шелковыхъ (кисныкы); голову кругомъ обвязываютъ шерстянымъ или шелковымъ, средней величины, платкомъ. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, больше засватанныя или невѣсты („молодй) вокругъ платка прикрѣпляютъ искусственный цвѣтокъ; такіе цвѣтки покупаются въ мѣстныхъ или городскихъ лавкахъ, стоятъ 80 копѣекъ. Каждая изъ невѣстъ должна еще имѣть „халатъ" изъ тонкаго, чернаго фабричнаго сукна или какой нибудь черной ткани съ сѣрою подкладкою; шьется онъ на подобіе мужской зимней свитки 2-й формы, но съ круглымъ воротникомъ, который никогда не отпускается, а пришивается на мѣстѣ; когда надѣваютъ его, то подпоясываются вы-

шитымъ „рушныкòмъ“ (полотенцемъ); шьется изъ 4 арш. сукна или 8 аршинъ матеріи; стоитъ суконный отъ 7 до 10 руб., простой отъ 4 до 5 руб. Замужнія женщины донашиваютъ только свою „дивóцьку“ одежду; носятъ ихъ также и старухи, такой же формы, какъ и будничная, но въ болѣе чистомъ видѣ, или все, что поновѣе, носятъ въ праздники, а поношенное въ будни.

Зимняя одежда женщинъ. На зиму прибавляютъ „свы́тку“, родъ мужскаго „кожухà“ 2-й формы, но по таліи нѣтъ сборовъ, а только на спинѣ, начинающихся нѣсколько ниже воротника— сверху у́же, а книзу расширяется; стягивается впереди крючками или „гу́дзыками“; иногда, надѣвши ее, подвязываются поясомъ. Поясъ бываетъ суконный, стоитъ 20 коп. Такая свитка шьется изъ бѣлаго самодѣльнаго сукна, изъ 7-ми или 8-ми аршинъ, стоитъ отъ 4 до $4^1/_2$ руб. Кожухи у нихъ бываютъ такіе же, какъ у мужчинъ—3-й формы, но у нѣкоторыхъ вмѣсто высокаго воротника бы́ваетъ низенькая обшивка изъ черной овчины ягненка. Такой кожухъ стоитъ отъ 10 до 13 рублей. Головы обматываютъ теплыми шерстяными платками, цѣною въ $1^1/_2$ р. Обуваются въ сапоги такой-же формы, какъ и мужчины, съ устилками и съ суконными онучами; нѣкоторыя носятъ и „вáленки“. Парчевыхъ очипковъ на головѣ теперь не носятъ: мода эта совсѣмъ перевелась. Плахты и запаски тоже перевелись, такъ что старинной одежды нѣтъ. Дѣти носятъ такой же формы одежду, но въ меньшемъ видѣ, смотря по ввзрасту.

Преданія. Съ западной стороны Ново-Пскова за рѣкою, на скатѣ плоскогорья, есть давнишнее кладбище, гдѣ похоронены нѣкоторые офицеры, служившіе въ Псковскомъ кирасирскомъ полку. Тамъ есть часовня, выстроенная полковникомъ Сугакомъ (строгій преобразователь Ново-Пскова въ военное поселеніе, энергично вводившій шелководство), возлѣ которой онъ и погребенъ. Ниже той часовни стоитъ маленькая землянка, 3 стѣнки которой вырублены въ горѣ, а передняя устроена изъ мѣла; въ ней есть одно маленькое оконце и двери. Внутри она раздѣлена на маленькія сѣни и такую-же комнатку, посреди ком-

натки устроена печка изъ „самана“ (не паленнаго глинянаго кирпича), за печкою возлѣ природной стѣнки лежатъ для постели двѣ узкихъ дощечки. Въ лѣвомъ переднемъ углу есть маленькій угольный столикъ, который всегда бываетъ накрытъ скатертью, на немъ стоятъ 3 иконы и нѣсколько свѣчей. Въ сѣняхъ отъ праваго задняго угла начинается длинная пещера шириною $1^1/_2$ аршина, вышиною около 3 аршинъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она раздѣляется на другія небольшія пещерки. Стѣнки въ нихъ мѣловыя. Въ этой землянкѣ 65 лѣтъ тому назадъ умеръ подвижникъ Димитрій.

Преданіе о происхожденіи Димитрія и землянки записано со словъ старика крестьянина Недовѣсова, 76 лѣтъ.

„Выхо́дыть ди́ло такъ: Мы́трій бувъ жона́тый, булы́ въ е́го дочка́ й ба́тько. Разъ прыйшо̀въ ба́тько до-до́му пьяне́нькый и поча́въ на сы́на нака́чувать: шо ты такы́й сякы́й, ты й то робы́въ ны такъ и дру́гэ ны такъ. Винъ росе́рдывся на ба́тька, взявъ та й пхнувъ ёго пра́вою руко́ю. Въ ско́росты пи́сля то́го ба́тько и жи́нка поме́рлы, оста́вся винъ зъ дочко́ю. Чоловѝкъ винъ бувъ на́божный, зду́малось ёму́ пидты́ на богомо́льля; бувъ винъ въ Кы́ёви и ище́ въ кой якы́хъ монастыря́хъ, розска́зувавъ мона́хамъ свий грихъ, шо ба́тька пэхну̀въ. Мона́хы, ста́ло быть, поясны́лы ёму̀, шо винъ зробы́въ вылы́кый грихъ, и наложы́лы на ёго таку̀ пытымию̀: якъ пры́йдэшь до до́му, то возмы́ сокы́ру и одруба́й ру́ку по доло́ню, и шобъ въ тэ вре́мья бувъ у те́бэ чоловѝкъ такы́й, шобъ могъ гора̀здъ увьяза́ть одру́блэну часть до рукы́, и якъ шо зросте́цьця рука̀, такъ грихъ твий Богъ простывъ тобѝ, а якъ шо не зросте́цьця, такъ споку́туй на́божно жысть свою̀ до сме́рты; тодѝ Богъ простыть. Отъ винъ прийшо̀въ до до́му, та й ны зна́ю, чи за́разъ, чы тро́хы опосля̀, пидозва̀въ до се́бэ дочку̀ и ка́жэ йий: пиды́ ты, до̀чко, до то́го-то чолови́ка и скажы́ ёму̀, шо ба́тько васъ просы́въ до се́бэ, якэ̀сь ди́ло е. Дочка́ пишла́, а винъ погострывъ сокы́ру, найшо́въ дры́ватыню, положы́въ ко̀ло се́бэ. Цэ ба́чэ, шо чоловѝкъ той съ дочко́ю вжэ пидхо́дять до ёго, винъ узя́въ, розмахну́вся сокы́рою и рубну̀въ по руцѝ, та ти́лкы ны зна́ю, чы винъ ии пырыруба̀въ, чы, мо́же, на шку́роцьци дыржа́лась. Тутъ пидийшо̀въ той чоловѝкъ, поба́чывшы лы́хо, скори́йши

начàвъ увьязувать ёмỳ рýку и пытá, на шо це ты зробывъ, Мытрий? Той ёмỳ поясныв, для чóго. Рукà опосля такы зрослàсь, дочкỳ въ Донцóвку оддàвъ зáмижъ, а самъ подарывъ свою хáту бидному чоловикови, пишòвъ на гóру: тамъ зробывъ собѝ зимлянку и начàвъ въ нéи житы, мисто тэ звáлося пустынею: блызько тамъ ни хтò ны жывъ. Та вонò тодѝ и въ Закáмянци чы й булò хатъ двáдцять и то отỳтъ по бугрѝ, а до горы бýдэ вырствы три. Живъ винъ у тией зымлянци пьяддэсятъ годѝвъ: молывся тамъ Бóгу, пыщу потреблявъ одынъ разъ въ ныдилю. Пó воду ходывъ съ глынянымъ глéчычкомъ, до крыныци, шо биля ричкы, та крыныця и тэпèрь звéцьця Мытриевою. (Вода въ ней очень хорошая, здоровая для питья, въ народѣ она слывётъ цѣлебною); спавъ винъ на хворостяний кровáтци, ничóго ни славъ пидъ сéбэ. Въ головàхъ замисть подýшкы булà каминюка, бувáло, прикрые ии чымъ ныбудь тай ляже. Зимóю повéрхъ литнёи одéжи носывъ чóрну дóвгу сукóнну свытку. Трыдцять литъ до ёго ходыли диты вчыцьця грáмоты, бувáло трóе, або чéтверо и хóдять съ азбучкáмы. Самъ винъ бувъ чоловикъ вылыкий, зъ дóбрымы глазáмы, съ сидóю бородóю и волосямы, та тилкы сухый, сухый. Кóжный годъ разывъ пьять прыхóдывъ до могò бáтька, бувáло посыдэ поговóрэ, розскáже, яки ёмỳ скушéнья булы (бо винъ зъ моимъ бáтькомъ дрýжно жывъ), и я ёгó тоди бáчывъ: минѝ булò 11 годъ, дывывся на ту рýку, шо зрослáсь: вонá булá жòвта та сухá. Богáто людéй ходыло на гóру посищàть ёгò, безъ молытвы винъ никóго ны впускáвъ, но билшэ винъ до йихъ выхóдывъ. Люды, бувáло, почнỳть роспытувать ёгò кой о чемъ; винъ имъ роскáзуе. Бачъ, казáвъ винъ тодѝ, шо вамъ дóбри люды, настýпэ врéмья тяжкэ, а пóтимъ Богъ дасть полэгча. Вонò такъ и прійшлòсь: оттòжъ въ скóросты булò воéннэ посэлéния, а пóтимъ и одминилось. Однѝ люды пытáлы въ ёго, чы мóжно курыты табáкъ: стáло быть, е тутъ грихъ, чи нымà? Винъ имъ и сказàвъ: курыть табàкъ мóжно, та тилькы такъ, шобъ дымъ ковтàть (ны выпускáть ёгò ны зъ рóта, ны зъ нóса), и якъ вы бýдытэ мыжъ мыромъ, а мыръ не бýдэ чуть одъ васъ смрáда,—такъ курыть, а якъ чуть бýдэ одъ васъ смрадъ,—такъ ны курыть, абò вылыкый грихъ. А то ещэ

пыта́лы лю́ды, чы мо́жно ню́хать таба̀къ? Винъ имъ сказа̀въ: ню́хать таба̀къ мо́жно,--та ти́лко ны обтыра̀ть ко́ло но́са, и якъ бу́дэ васъ мыръ прынымàть, такъ и Богъ при́ймэ, а якъ мыръ ны пры́ймэ, то и Богъ ны пры́ймэ. А то ещэ̀ въ слободѝ жыла̀ удова̀ (вдова) въ не́и була̀ дочка̀, годѝвъ двана́цяты (12).

Въ якы́йсь пра́зныкъ вона̀ захотѝла спыкты̀ кала́чикъ и одосла́ть до ди́душкы. Отъ она̀ узяла̀ са́мой лу́чшои мукы̀, проси́яла на са́мэ густи́йше си́то,—ну тамъ и спыкла̀ той кала́чыкъ. Звыли́ла до́цци позва̀ть подру́гу и однэсты̀ зъ не́ю кала́чыкъ до ди́душки на го́ру. Воны̀ взя́лы и пишлы̀, доро́гою и ка́жуть: га́рный мы кала́чыкъ нысэ̀мъ, якъ бы це ди́душка ны взявъ ёго̀, такъ мы бъ ззи́лы (а винъ бачъ ма́ло приймàвъ изъ того̀, шо ёму̀ прыно́сять). Отъ дойшлы̀ воны̀ до зымля́нки, Мы́трий ихъ впусты̀въ до се́бэ,—воны̀ й ка́жуть: ма́ты прысла́лы вамъ, ди́душка, кала́чыкъ". Винъ узя̀въ та й ка́жэ: „Я, ди́ткы, ны голо́дный, въ ме́нэ есть, шо йи́сты, а вы, я ба́чу, голо́дни, такъ ныха̀й винъ вамъ, зи́жты вы ёго̀". А воны̀ бачъ тодѝ спо́мнылы, шо доро́гою каза́лы,—та й началы̀ пла́кать, та просы̀ть, шобъ приня̀въ,—и винъ таки́ приня̀въ. Бувало, якъ ло́влять лю́ды въ ри́цци ры́бу, въ буде́нный день, ко́ло то́го ми́ста, то винъ пидо́йде до ихъ поздоро́вкацця, ска́жэ: „Бо́же поможы̀"! А якъ въ пра́зныкъ хто ло́вэ, або̀ въ воскре́сный дэнь,—такъ винъ ти́лько про́йдэ и ны поздоро́вкаецця. Ка́жный, хто ло̀вэ ры́бу, про́сыть Мы́трія, шобъ винъ узя̀въ у ёго̀ сти́кы вго́дно, са́мои лу́чшои ры́бы; даю̀ть ему̀ було̀: сазанѝвъ, чабакѝвъ фу́нтовъ въ 8 або̀ въ 10, а винъ було̀ во́зьмэ мале́ньку пльтку та й ка́же: „и цёго̀ минѝ дово́льно". Пе́рэдъ сме́ртью винъ захвора̀въ. Оды̀нъ чоловѝкъ зна́е, шо винъ хво́рый, прыйшо̀въ до ёго̀ на́-нѝчь прыглядàть, а (винъ) Мы́трий и сказа̀въ ёму̀: „иды̀, чолови́чэ, до-до́му, я якъ бу́ду вмирàть, такъ минѝ Госпо̀дь прышлэ̀ть тако́го чолови́ка". Винъ и пишо̀въ. Въ ту-жъ ничь у одного̀ мужыка̀, но ны въ то́го, шо прихо́дывъ, хтось посту́кався въ викно́ и сказа̀въ: „иды́ на го̀ру, бо Мы́трий вмыра̀"! Той скоре́нько оди́вся и пишо̀въ. Пидхо́дэ до зимля́нкы, проговоры̀въ молы́тву, слу́ха, изъ зымля́нкы обизва̀вся го́лосъ. Винъ вийшво̀въ, захваты̀въ Мы́трія ще живо́го. Въ тужъ ничь пры цёму̀ чолови́кови винъ и вмэръ,

въ 1828 году 17 дыкабря. Похороны́лы ёго̀ пидъ Осы́новскою Успе́ньскою це́рквою (подъ стѣною церкви, гдѣ горнее мѣсто). Якъ хороны́лы ёго̀, то зобра́лось бога́то свящ́е́нникивъ и людэ̀й и нэслы̀ ёго̀ зъ свя́тостямы (хоругвями) одъ горы̀ и до це́рквы".

Священники осиновскій и ново-псковскій ежегодно за недѣлю до Рождества Христова по просьбѣ народа совершаютъ о нёмъ панихиды. Съ просьбою отслужить панихиду собираются не только жители Осиновой и Ново-Пскова, но и изъ другихъ ближнихъ слободъ и хуторовъ. Въ маѣ ежегодно бываетъ крестный ходъ отъ Осиновской Успенской церкви до пещеръ. Возлѣ пещеръ освящаютъ „Митріеву крыныцю" и служатъ по немъ панихиду. Димитрій горскій во мнѣніи народномъ считается святымъ человѣкомъ, и предполагаютъ, что со временемъ должны открыться его нетлѣнныя мощи.

О пещерахъ говорилъ крестьянинъ О. Е. Кириченко 78 лѣтъ. „Пыще́ри прочы́щени неда́вно, годи̇̀въ 20 тому назадъ; по началу прочыща́ло ихъ 2 мона́ха, а да́ли прыйшло̀ щэ 2. По пра́зныкамъ туды̀ началò сходы́цьця бога́то людэ̀й, такъ шо ны йду̀ть до це́рквы, а въ пэще́ри, понано́сылы туды̀: ико̀нъ, свичо̀къ, оли́вы, ломпа́докъ. Якъ пи́дешъ булò по пэще́рямъ, то въ ка́жнимъ угольчику и ба́чишь: прибы́та ико́на и ломпа́дка высыть. Свящ́е́нныки осы́нивский и зака́мянскый ба́чуть, шо народъ ны въ це́ркву йдэ̀, а до пэщэ̀рь, доложы́лы становому, а становы́й, забравъ свою полы́цию, пийшо̀въ до пыщэ̀рь, мона́хивъ порозгона̀въ, иконы и еще яки̇̀ булы̀ ве́щи звыли̇̀въ позабыра̀ть въ це́ркву. А пэще́ри булы̀ давни́шэ каза́лы стари̇̀ люды, шо ихъ вы́копалы розбо́йныкы. Одъ да́вности хо́ды позава́лювалысь глы́ною, а сти́ны крийдя́ни, такъ-такы̀ ци́ли и оста́лысь, такъ ихъ это и прочы́стылы мона́хы. Но якъ прочыща́лы, такъ, ка́жуть, ничого̀ ны нахо́дылы и на́дпысивъ ни якихъ ны булò. А то 20 литъ тому назадъ нашъ чолови̇̀къ, Стыпа́нъ Ныдови̇̀съ—винъ ужѐ вмэ̀ръ,—ходы̀въ на богомо́льля въ Кы́ивъ, такъ ёму тамъ оды̀нъ мона̀хъ сказа̀въ стары̀й, стары̀й: „Колы̀ ты зъ Осы́новои, такъ знай, шо въ отти̇̀мъ яру̀ напро́тывъ Закамянскои це́рквы въ ли́ву сто́рону есть пады́на пидъ го́ру, тамъ пи̇̀дъ тою горо́ю зако́пано розбо́йныкамы бога́то зо́лота, такъ ты попро́буй раскопа́ть. Подробно разсказа́въ, якъ копа́ть

щэ й на бума́зи нарысува̀въ. А винъ, бачъ, шо сказа̀въ: шо бувъ зъ мо́лоду въ разбо́йныкахъ тамъ,—чы́рызъ те й зна́е. Той прійшо̀въ до-до́му, понайма̀въ людэ̀й и нача̀въ копа̀ть. Прокопа́лысь ци́ле ли́то, зо́лота ны найшлы̀, а нашлы̀ по нача́лу пыще́рку. Въ конци̇̀ пыще́ря була̀ роско́пана: тамъ було̀ по-на̀дъ сти́нкамы такъ, якъ ла́вочкы, на одни̇̀й ла́воцьци лыжа́ла суко́нна свы́тка, ти́лько вжэ зопри́ла, въ куто́чку, такъ я̇̀къ зъ че́твэрть, лыжа́ло деревья̇̀наго ву́гиля, а бильшъ ничо́го ны найшлы̀".

Еще одно преданіе, разсказанное старикомъ крестьяниномъ сл. Осиновой Я. С. 74 лѣтъ: „Въ Рогі̇̀вьскомъ лису̀, винъ ще зве́цьця и мэдве́жымъ, колы̀сь бувъ тата́рский ружэ́йний заво̀дъ, въ яки̇̀мъ году бувъ, ны зна́ю, цэ щэ мини̇̀ дидъ каза̀въ. А тэпэ̀рь на тимъ ми́сти оста̀вся розры́тый хунда́ментъ: валя̇̀етьця бога́то чэрэпы́ци, побы́того кирпи́чу, кусо́чкы зали́за, а бильшъ все́го жу́жалыци (шлакъ). Тамъ е бога́то ямъ такы̀хъ, шо тамъ ви́дно булы̀ го́рны. Та щэ я якъ бувъ па́рубкомъ, такъ выо́рювалы тамъ молоткы̀ и крупне́нькэ зали́зо".

С. С. Павленко.

29.—Сл. Ново-Псковъ.

Слобода.—Говоръ.—Разсказъ и сказка.—Чтеніе.—Жилище.—Пища.—Болѣзни.—Занятія.

Сл. Ново-Псковъ находится въ 34 верстахъ къ сѣверу отъ уѣзднаго города, на лѣвомъ берегу рѣки Айдари. Народъ называетъ эту слободу Закаменкой, по имени рѣченки, впадающей въ Айдарь немного сѣвернѣе села. Первоначальные жители Закаменки вышли изъ сл. Осиновой. Въ старину мѣсто, гдѣ появилась Закаменка, отличалось отъ другихъ мѣстностей своими угодьями—лѣсами, прекрасными лугами. Угодья эти привлекли къ себѣ людей. Еще гораздо раньше военнаго поселенія (когда именно, жители не помнятъ) нѣсколько семей вышли изъ Осиновой и образовали здѣсь хуторъ „Закамянку". Во время же военнаго поселенія въ Закаменкѣ стоялъ Псковскій кирасирскій полкъ, отчего и названіе—Ново-Псковъ. Такъ народъ объясняетъ происхожденіе и названіе села.

Ново-Псковъ большая слобода; въ ней считается жителей 3,944 души.—Закаменчане имѣютъ выдающіяся скулы, широкій носъ, большой ротъ и глаза, толстыя руки и ноги, большія ступни, большею частью средній ростъ, темный, слегка красный цвѣтъ кожи, большіе подстриженные „въ кружокъ“ волосы; они неповоротливы и мѣшковаты. Впрочемъ, попадаются и довольно красивые люди, съ болѣе или менѣе правильными чертами лица и пропорціональными членами тѣла. Вліянія инородческихъ примѣсей въ наружности не замѣтно.

Говоръ. Жители Закаменки говорятъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Вообще о малорусскомъ нарѣчіи можно сказать, что хотя оно и грубо, не благозвучно, но выразительно, отличается сравнительно легкимъ выговоромъ и точностью выраженія понятій.— „Ска́зано жъ, вы́ложе тобѝ усѐ, якъ на доло́ни, усе́ до ка́нцура“ (народн. поговорка по адресу краснорѣчиваго мужика). Замѣчаются слѣдующія особенности малорусскаго говора въ словообразованіи:

a) Многія имена существительныя (преимущественно имена людей) муж. рода въ именительномъ падежѣ единственнаго числа оканчиваются на *о*, напр., ба́тько, Стыцькò, Грыцькò, Заха́рько и пр. Звательный падежъ этихъ существительныхъ сходенъ съ именительнымъ, имена же существительныя муж. рода на *ъ* въ звательномъ падежѣ оканчиваются на *е*, напримѣръ: Ива́нъ—Ива́не, дубъ—ду́бе; оканчивающіяся въ именительномъ на *ь* и *й* въ звательномъ имѣютъ *ю*, напримѣръ: учи́тыль—учи́тылю, роды́тыль—роды́тылю, добро́дий—добро́дию. Существительное мать въ малорусскомъ—ма́ты.

b) Существительныя 1-го склоненія на *іе* въ малорусскомъ обыкновенно оканчиваются на *я* съ удвоеніемъ предыдущей согласной, напримѣръ: мученіе—мученьня, ученіе—ученьня, здравіе—здоро́вья. Родительный, винительный и звательный падежи въ подобныхъ существительныхъ сходны съ именительнымъ.

c) Существительное 1 и 2 склоненія съ основой на гортанную во множественномъ числѣ въ именительномъ падежѣ оканчиваются на *ы*, напримѣръ: врагъ—врагѝ, крюче́къ—крючкѝ, кны́жка—кныжкѝ.

d) Окончанію *ей* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа 1-го склоненія по малорусски соотвѣтствуетъ—*ивъ*, напримѣръ: калачей,—калачивъ, голубей—голубивъ,—но въ другихъ склоненіяхъ это *ей* остается—ночей, двырей свыней.

e) Въ малорусскомъ нарѣчіи нѣтъ прилагательныхъ съ окончаніемъ на *ой*, а только на *ый* и *ій*, напримѣръ: дыбелый (прочный), сыний. Родительный падежъ имѣетъ только окончаніе *ого* (jого), напримѣръ: дыбелого, сын-ёго.

f) Сравнительная степень имѣетъ и особое окончаніе для каждаго рода и одно для всѣхъ родовъ, напримѣръ зыленый—ср. ст. зылынишый,—а,—е; или зылынишъ; вылькый (большой)—бильшый,—а,—е или бильшэ для всѣхъ родовъ.

g) Во множественномъ числѣ всѣ прилагательныя оканчиваются на *и* (для всѣхъ родовъ)—зылени, выльки, дыбели.

h) Личное мѣстоименіе *онъ* имѣетъ придыхательное въ именительномъ единственнаго и множественнаго чиселъ—винъ, вона, воно, воны, а въ прочихъ падежахъ придыхательное j—jого, jому и пр.

i) Неопредѣленнное мѣстоименіе *какой-то* по малорусски якый-се, родительный—якого-сь, дательный якому-сь и пр.

j) Въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола окончанію *ть* и *чь* въ малорусскомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ окончаніе *ты*,—читаты, пысаты, плакаты, сикты, пыкты, а окончаніе—*ться*, *чься* соотвѣтствуетъ окончанію *цьця* (тысь), напримѣръ: умыва-цьця, надияцьця, учицьця, но пык-тысь (печься).

Образцы спряженія: читаты, пысаты, лытиты.

Я	читаю-ю	— пыш-у	— лыт-ю
Ты	-jишь	-ышъ	-ышъ
Винъ	-е	-е	-ыть
Мы	-jимъ	-ымъ	-ымъ
Вы	-jиты	-ыты	-ытѐ
Воны	-ють	-уть	-ять

Прошедшее время:

Я	чита-въ,	пыса-въ,	лыт-ивъ
Мы	-лы,	-лы,	-лы.

Будущее время: *Я читаты маю* или *я маю читаты* или *я читатыму* (форма вполнѣ сходная съ франц. finir-ai) и пр.

Сослагательное наклоненіе: я читàвъ-бе, пысàвъ-бе. Причастій дѣйствительнаго залога нѣтъ, а ихъ замѣняютъ выраженія: той, хто пы́ше (пишущій), той, хто пысàвъ (писавшій). Для дѣепричастій окончанія *учи* и *ючи*, напримѣръ: пышучи, сыдючи̇, читáючи. Страдательнаго залога дѣепричастій нѣтъ, а ихъ замѣняютъ слѣдующія выраженія: пи́сьля тóго, якъ спросы́лы (будучи спрошенъ), пи́сьля тóго, якъ ёгò убы́лы (будучи убитъ).

Особенности въ произношеніи: a) Въ малорусскомъ нарѣчіи есть звуки, которыхъ нѣтъ въ литературномъ нарѣчіи, напримѣръ: g, дз (одинъ звукъ, а не сочетаніе), дьж (тоже одинъ звукъ): gýдзыg (кожаная пуговка), адьже? (не такъ ли? вѣдь?).

b) Звукъ *е* въ малорусскомъ очень часто замѣняется звукомъ *э* и *и* (ѣ), напримѣръ: тэсть, хрэстъ, дэ̀рыво; дидъ, ди́ты, си́но, ри́чка (почти всегда великорусское *ѣ* въ малорусскомъ соотвѣтствуетъ *и*).

c) Малорусское нарѣчіе не любитъ сочетанія *ги*, а замѣняетъ его сочетаніемъ *гай*, наприм.: малоруссъ не скажетъ гитара, а гайтáра; не скажетъ—гимназистъ, а гаймазы̀стъ, или гамназыстъ. На вопросъ,—почему не говоришь *ги*, а *гай*? малоруссъ отвѣчаетъ—„такъ смашнишъ“ (удобнѣе для произношенія).

d) Союзъ *и* послѣ гласной буквы всегда сокращается въ *й*, напримѣръ: пишòвъ, та й нымà; шлы дэнь, дрýгый, трэ̀тий, а мóжэ й бильшъ.

e) Великорусское *и* часто замѣняется *ы* напр., ди́ты, пысáты, кны́жка; *т—ть*, если *т* будетъ послѣднимъ звукомъ въ слогѣ, читáють; малоруссъ не скажетъ,—ротмистръ, гетманъ, а рòтьмыстръ, гéтьманъ.

f) Въ малорусск. нарѣчіи нѣтъ сомнительныхъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ, а всѣ звуки произносятся ясно, отчетливо: дубъ, гáрно (хорошо), читáјишъ и пр.

g) *О* иногда замѣняется звуками *и* и *а*, напр., пишòвъ, поки́йный (умершій), ничъ, хозяјинъ, горя́чий.

h) Замѣтно преобладаніе *з* надъ *с*,—зробы́въ, зийшòвъ, *д* надъ *т*,—одвья́зны (отстань), видчины́ (отвори). Сказывается вліяніе литературнаго нарѣчія на малорусское, даже замѣтно желаніе выйти изъ сферы „неотесанности“, грубости, свойственной людямъ вовсе необразованнымъ. Видно, что малороссы не

имѣютъ къ своему языку особенной любви и вообще любви, свойственной языку родному. При разговорѣ съ человѣкомъ, болѣе или менѣе интеллигентнымъ, мужикъ старается говорить литературною рѣчью. Большое вліяніе на рѣчь малороссовъ оказываетъ „грáмота". Очень рѣдко употребляются старинныя слова—далéби (честное слово), адьжé? (не такъ ли?), хýстка (платокъ), стрúчка (лента, головное украшеніе), jй жыты Бòгу (ей Богу), що, нащó (начто), jо? (ну?) и пр., а замѣнены словами изъ литературнаго языка, или же нѣсколько смягчены, напр., прáво или вúрно тобй кажý (вмѣсто далéби), че (чи) такъ? (вмѣсто адьже?), платòкъ (вмѣсто хýстка), jий Бóгу (вм. jй жы ты Бóгу), шо? (вм. ще?), нашò? (вм. нá що?), та-ну? или просто—ну? (вм. jо?). Нѣкоторыя слова вовсе вышли изъ употребленія, напр.: лéдвэ (еле, едва), jась! (смирно!), алé (выраженіе согласія съ словами собесѣдника). Выраженіе „цуръ тобй пэкъ" тоже довольно рѣдко слышно, а чаще—хай тобй лыхо, ну тыбэ зовсѝмъ. Когда мужикъ сдѣлаетъ какую-нибудь оплошность, то говоритъ: „Тебé-бъ побыла лыхà годы́на, или: охъ, ты, голóвочко грúшна! или: шобъ тобй лáскы ны булò? А, сýку jогó ма. Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ разсказъ и сказку, записанныя со словъ разсказчиковъ.

...„Ни, хлóщи, ось послýхайты, шо я скажý.—Якъ, шо такэ̀? —Та бачъ, хóчу казáты, якà со мнóю комéдна пры́чта торúкъ случúлась.—А ну, кажы́, послýхajимъ, та цэ, кáжышъ, торúкъ булò?—Эгé, торúкъ, торúкъ, а й дóси зъ головы́ ны выхóдэ: шось такэ̀ душы́ло у ночй. Такъ пырылякàвсь, трáцьци,—зýбъ на-зубъ ны попадàвъ, ны дай Богъ дрýгу й нéдругови.—Отъ стóрия! а ну-ну кажы́.—Та бачъ, бувъ дэсь у гостàхъ. Запóмлывъ, дэ цэ я бувъ... та нáче у тéстэ. Вырнýвсь до-дóму вжэ смыркòмъ. Нáши спáлы. Ну, шожъ, кажý собй, лягáтыму й я, бо порà вжэ. Пишòвъ собй у хаты́ну, послáвсь кóй якъ пóночи на лáви и лигъ. А Мáрья (моя жúнка) лягла̀ у хáти на полý. Оцэ̀ лыжý собй й дýмаю—че пры́йде Мáрья до мéнэ, чэ ни; и начàвъ вже дримáты. А вонó, братъ ты мий, шось, нáче, лúзэ до мéнэ, та сопэ̀, сопэ̀. Шо вонò за бисъ, дýмаю собй, а пóтимъ тóго... стой, та цэ моя Мáрья. Бачъ, стéрво, хóче злякáты, тай сопэ̀... Цэ бачъ у мéнэ въ головй пронысло̀сь.

Хай ли́зэ, хай поповоро́ча мынэ̀: прыкы́нусь со́ннымъ, кажу̀ самъ собѝ... Ось, на́че, зли́зло на ме́нэ, сопэ̀, сопэ̀, а по́тимъ якъ прыду́шэ! че пови́рыты, якъ на́че стопу́дна гы́ря на мынѝ була̀. Я вжэ й ны зна́ю, че я жывы́й бувъ тодѝ, че ме́ртвый —злякàвсь. Хотѝвъ чита́ты „Оче нашъ"—ни, ны вчыта́ю, хотѝвъ пырыхрысты́цьця, рукѝ ны пидийму̀, якъ дырывья́на, су́ку jого ма, ста́ла. Хотѝвъ кры́кнуты, тэ жъ ни, чёрты̀ jогò ба́тька зна: шось у грудя̀хъ спе́рло, и ска́зано, хоть бы тобѝ дыхну́ты. До́вго душы́ло, братъ ты мий. По́тимъ то́го на́че сповзà, сповзà... сповзлò й нымà ничо́го—ще́зло. Я тодѝ мырщѝй (скорѣ̀й) зъ ла́вы, та якъ закрычу̀ ны своjѝмъ ма́томъ. Дэ й го́лосъ взя́вся та съ хаты́ны въ ха́ту. Ба́тько й ма́ты й жи́нка съ по́лу: „шо такэ̀, ой, Божэ!? съ на́мы хре́сна сы́ла! Мырщѝй засвиты́лы свѝтло. Я, зубъ-на-зубъ ны попада́ючи, кой якъ росказàвъ, шо случи́лось со мно́ю. Уси хре́стяцьця, пыта́ютъ—мо́же прысны́лось? Де тамъ прысны́лось: ти́лькы почàвъ дрима́ты. Такъ ни хто й ны лягàвъ письлѝ то́го:—боя́лысь, шобъ ще разъ якы́й бисъ ны подушы̀въ. Така́-то сто́рія була́ со мнòю".

Сказка „Выдме́жэ Ушкò". Жывъ собѝ пипъ, та попадя̀, а въ попадѝ та бувъ мы́лый, выдме́дь—звирю́ка. И найшлà собѝ попадя̀ отъ тогò выдме́дя дыты́ну. Та яку̀ дыты́ну?! Ны хрыстия́ньску: половы́на го́ла, а дру́га половы́на у шырстѝ. И назвàвъ, бачъ, пипъ ту дыты́ну Выдме́жымъ Ушкòмъ. Ростэ̀ Выдме́жэ Ушкò, та й ростэ̀, и вы́рисъ зъ ёго чёловѝкъ вылы́кый та ду́жый, якъ выдмэ̀дь. Разъ пипъ и Выдме́жэ Ушкò за щось посе́рдылись. Пишòвъ Выдме́жэ Ушкò мырщѝй у лисъ, назбырàвъ тамъ выдме́дивъ и выдэ̀ до попа́. Ди́ло булò смыркòмъ. Прывѝвъ тай ка́жэ попо́ви: та́ту, я добу̀въ волѝвъ (быковъ), куды̀ jихъ поста́выты? Пипъ зрадѝвъ тай ка́жэ: постàвъ у комо́ри (мѣсто для овецъ). Загнàвъ Выдме́жэ Ушкò выдме́дивъ у комо́рю, а самъ у́тѝкъ видъ попà и пишòвъ свитъ-за-очи́ма (куда глаза глядятъ) ща́стя шука́ты. Идэ̀, идэ̀ и зострива̀ челови́ка.

— Здорòвъ бувъ!

— Здорòвъ бувъ.

— Хто ты такы́й?

— Простылы́усъ, а ты хто?

— А я Выдме́жэ Ушкò,—ходѝмъ уми́сти, бу́дымъ браты̀.

— Ходѝмъ. Пишлы̀. Идýть дэнь, дрýгый, а мóжэ й бильшъ; идэ̀ назóстричъ шось за чоловѝкъ.

— Здорóвъ бувъ?

— Здорóвы булы̀.

— Ты шо за чоловѝкъ?

— Я Вырны̀гиръ, а вы хто бýдыты.

— Я Выдмéжэ Ушкò, а цэ Простылы̀усъ, будь брáтомъ,— ходѝмъ зъ нáмы.

— Ходѝмъ. Пишлы̀. Идýть дэнь, дрýгый, трéтий, а мòже й бильшъ, зострив̀аютъ и́ньшого чоловѝка.

— Здрáстуй!

— Здорóвы булы̀.

— Хто ты такы̀й?

— Вырвы̀дубъ, а вы хто?

— Я Выдмéжэ Ушкó, а цэ Простылы̀усъ, а цэ Вырны̀гиръ, будь брáтомъ, ходѝмъ и ты зъ нáмы.

— Ходѝмъ, минѝ однáково свитъ-за-очима йты. Пишлы̀. Идýть дэнь, дрýгый, трéтий, ты̀ждынь, а мóжэ й бильшъ, ды̀вляцьця—рѝчка, шырóка та глубóка. Що тутъ бýдымъ казáты? Якъ на той бикъ пырыйты̀? Повѝсылы гóловы. А Простылы̀усъ ды̀вицьця, та тѝлькы посмѝюјицьця, а пóтимъ и кáжэ: дурнѝ вы дурнѝ, а я нáщо!

Мырщѝй пырыкы̀нувъ своји̇̀ вýсы чѝризъ рѝчку и пырыйшлы̀ усѝ. Пишлы̀ дáли. Идýть дэнь, дрýгый, трéтий, идýть ты̀ждынь, дрýгый, а мóжэ й бильшъ. Стоя̀ть гóры, высóки, выпрохóдни. Якъ бýты, що казáты? Якъ пырыйты̀ гóры? Зажуры̀лысь. А Вырны̀гиръ стоји̇̀ть, та тѝлькы усмыхáјицьця, а пóтимъ и кáжэ: дурнѝ вы дурнѝ, якъ бáчу, а мынэ̀ хибà забýлы. Зáразъ пличчѝма туды̀-сюды̀, развырнýвъ гóры и пройшлы̀ усѝ. Пишлы̀ дáли. Идýть дэнь, дрýгый, трéтий, идýть ты̀ждынь, дрýгый, трéтий, а мóже й бильшъ. Стоји̇̀ть лисъ, высóкый, та товсты̀й та густы̀й,—виковы̀й. Ны пройты̀, ны прои̇̀хаты, ны пырылиты̀ты. Упьѐть гóрэ, упьéть жарьбà. А Вырвы̀дубъ стоји̇̀ть та тѝлькы усмихáјицьця, а пóтимъ тогó й кáжэ: дурнѝ вы, дурнѝ якъ я подывлю̀сь, а мынэ̀ забýлы, чи що? Мырщѝй рукóю ды̀нъ дубòкъ, другóю—дрýгый, однѝею ногóю брыкнýвъ, другóю штовхнýвъ... је дорóга. Идýть. Вырвы̀дубъ спéрыди—рвэ

де́рыво, а ци зза́ду. Якъ-сэ Вырвы́дубови прыйшлòсь вы́рваты одынъ дубòкъ, са́мый то́вщий та са́мый высо́кый; колы́ гулькъ туды́, а воно́ ско́та (яма) глыбо́ка, глыбо́ка—що й дна ны вы́дно. Тутъ щось ны такъ, поду́мавъ собѝ Вырвы́дубъ. Пидийшлы́ браты́. Вырвы́дубъ показа̀въ јимъ на ско́ту. Подывы́лись и ти. Що воно́ за грэць? Выдме́жэ Ушкò й ка́жэ: тре́ба поли́зты туды́. Мырщѝй ссука́лы зъ лы́ку бычёву̀. Кому̀-жъ ли́зты? Вы́звався Простылы́усъ: я поли́зу. Схваты́вся Простылы́усъ за бычёву и ка́жэ: спуска́йты мыне́! Почалы́ спуска́ты. Тай почалы́ тамъ у ско́ти нала́павъ жали́зни две́ри, штовха̀въ, штовха̀въ јихъ,—ни, ны подаю̀цьця, и закрыча̀въ брата̀мъ: тягны́ть!—Вы́тягнулы, пыта́ють: що-жъ тамъ таке́? Та тамъ, бра́цьци, такэ̀, що й дна нымà, стра́шно, цуръ ёму пэкъ, ходѝть да́ли. Ни, ка́жэ Вырны́гиръ, поли́зу-ка я; спуска́йты, ка́жэ. Спусты́лы. Нала́павъ Вырны́гиръ пе́рви две́ри, садону̀въ јихъ нога́мы розѝвъ зъ два, проломы̀въ две́ри, а тымъ кры́кнувъ: спуска́йты да́ли! Почалы́ спуска́ты. Нала́павъ Вырни́гиръ дру́ги жали́зны две́ри, садѝвъ, садѝвъ јихъ нога́мы,—ни, ничо́го ны подѝла, а по́тимъ и кры́кнувъ: тягны́ть! Вы́тащылы, пыта́ють: що-жъ тамъ таке́?—Та тамъ, ка́жэ, бра́цьци, таке́, що й дна ны ма́е, ти́лькы ля́ку набра́вся—ходѝть да́ли. Ни, ка́жэ Вырвы́дубъ, цэ ны ди́ло, стрыва́йты, я поли́зу. Спусты́лы й цёгò. Нала́павъ Вырвы́дубъ дру́ги две́ри, кòй якъ проломà̀въ јихъ нога́мы, а тымъ кры́кнувъ: спуска́йты да́ли! Почалы́ спуска́ты.—Що за чортѝвъ ба́тько, ду́ма Вырвы́дубъ: що й до́си дна катъ-ма́, су́мно; а мо́жэ воно̀ биздо́нна бе́зна; якъ шо такъ, то на грэцѝ минѝ й спуска́тысь, а по́тимъ и кры́кнувъ: тягны́ть. Вы́тягнулы пыта́ють: що-жъ тамъ такэ̀? Та цэ, бра́цьци, каже, бездо́нна бе́зна, ходѝть да́ли, а тутъ чёртма́тымэ ни́чего ди́ла.—Якъ цэ такъ, чёртма́тымэ ди́ла, ка́жэ, бачъ, Видме́жэ Ушкò: ось спусты́ть мынэ̀, мо́жэ й найду̀ що не́будь. Почалы́ спуска́ты. Пройшòвъ Выдме́жэ Ушкò пе́рви две́ри, пройшòвъ и дру́ги, спускајѐцьця да́ли. До́вго спуска́вся. Ось на́че щось твырдэ̀—ду́мавъ, шо то жали́зни две́ри, такъ ни, ны такэ̀, а такэ̀ якъ доли́вка. Пусты̀въ зъ рукъ бычёву̀ и почà̀въ ходы́ты, а воно по́ночи, по̀ночи. Ходы̀въ, ходы̀въ, нала́павъ одну сти́нку, а по́тимъ дру́гу й тре́тью, а да́ли й четве́рту, а у тий чытве́ртий нала́павъ

двéри. Садонувъ јихъ разивъ тры, чыты́ри, проломывъ, тай ставъ, якъ укóпанный,—бачъ, задывувáвся. А задывувáвся винъ тогò, що за двырьмы, та була кимнáта, а въ кимнáти, якъ у дэнь, выдно: коганцй горятъ, та ны людски, а якись ностранни, до стинòкъ прыбыти и съ склянными пузырямы, а свитъ видъ ныхъ такъ и сяе, такъ и сяе. Посырэдъ кимнáты стојйтъ стилъ, накрытый золотóю скатыртыною, а за столòмъ сыдыть чыты́ри дивкы, та такй гáрни, гóжи, якъ царивны, укви́чани зилоти́мы квиткáмы, у золотыхъ запáскахъ, у чирвóныхъ чиривычкахъ. А кóло шыји намыста, та христивъ!.. Скáзано, царивны, тай тилькы.—А у кутóчкы стојйтъ маки́тра (большой горшокъ безъ съуженія отверстія, въ которомъ малороссы обыкновенно растираютъ макъ, или складываютъ сваренные вареники), а у тий маки́три та сыдыть Малъ-чоловикъ дзвинъ-голова. Якъ побáчивъ Малъ-чоловикъ Выдмéжэ Ушкò, якъ выскоче зъ маки́тры, якъ зарыпытýе: що ты за бисъ!? Чёгò ты прыйшòвъ?! Тутъ ще никóго чужóго ны булò! Стрывай,—ось я тобй, сýчий сыну?—Та якъ кыныцьця до Видмéжьяго Ушка якъ удáрэ дзвинъ головóю ёгò по пýзи, такъ що Видмéжэ Ушкò трóхы ны упàвъ, та бачъ—устоявъ, а якъ устоявъ, росéрдывся, а пóтимъ тóго засучивъ рукàвъ, пырыхрыстывся, жжавъ кулàкъ, та якъ дзызнэ Малъ-чоловика у вýхо, а зъ другóго крáю у дрýгэ, такъ шо той умывся юшкою, упàвъ и вытягнуся. Укокóшкавъ, якъ пыть давъ. А дивкы пырылякáлысь—сыдять и ны ворохнýцьця. Видмéжэ Ушкò пидойшòвъ до ныхъ, тай кáжэ: ны бийтысь, я ніякóго зла у вумй вамъ ны мáю, тилькы послýхайты мынэ:—насъ 4 брáты, и васъ чéтвыро, бýдьты нáшымы жинкáмы. Пырымыгнýлысь дивкы, зачирвонилысь и нáче повысылилы: воны, бачъ, дýмалы, шо Видмéжэ Ушкò и јихъ повбывà, а выйшло ыньче. Идить за мнóю, кáжэ Видмéжэ Ушкò. Пиднялысь дивкы—пишлы. Прывивъ јихъ Видмéжэ Ушкò до бычёвы, по котрий спускáвся, зказàвъ, щобъ однà дивка схваты́лась за бычёвý; та ухваты́лась, а Видмéжэ Ушкò крыкнувъ братàмъ: тягныть! И вывивъ Видмéжэ Ушкò на свитъ Бóжый усихъ дивòкъ, а самъ ще тутъ,—у скóти. Закрычàвъ братàмъ: спускáйты бычёвý! Нымà бычёвы,—ны спускáють браты. Закрычáвъ у дрýгэ,—тожъ нымá; закрычàвъ у

тре́те — упьѐть нымà бычёвы. Що цэ за бисъ, що тутъ казáты?! Цэ воны дияволовы сыны, пишлы вжэ, а мынэ бро́сылы. Заплáкавъ Видме́жэ Ушкò,—бачъ, досадно стáло,—ны ждавъ винъ цёгò отъ своjйхъ братйвъ. Заплáкавъ, тай пишòвъ назáдъ у кимнáту. Прыйшòвъ. Ходывъ, ходывъ, сумувàвъ, сумувàвъ (тосковалъ), пóтимъ дывыцьця, а вонò нáче двéри у другу кимнàту. Пидойшòвъ,—такъ, двéри. Штовхнувъ jихъ разйвъ зъ два, гнýцьця двéри, та ны подаюцьця; садонувъ jихъ разъ, дрýгый, трéтій;—погнýлысь двéри, та ны поламáлысь. Расéрдывся Видме́жэ Ушкò, розигнáвся, та якъ удáрэ плычи́ма,—вы́садывъ двéри совсймъ съ одвйжкамы. Дывыцьця, а вонò пидзéмнэ цáрство. Пишòвъ туды. Ишòвъ, ишòвъ; а вонò хóлодно, та грязько. Дóвго йшóвъ. Дывыцьця, стojйть дéрыво, а пидъ дéрывомъ лыжàть змиjня́та,—лыжàть, та трýсяцьця,—помéрзлы. Снявъ Видме́жэ Ушкò свыты́ну, покрывъ змиjинятъ, а самъ пишòвъ. Дывыцьця, лытыть змия. Прылытйла вонà до своjйхъ змиjинятъ,—а воны свйтою вкрыты.—Хто вкрывъ васъ? нытà бачъ.—Та отòй чоловйкъ, шо пишòвъ, кàжуть змиjинàта. Мырщйй змия догнáла Видмэ́жэ Ушкò, тай кáжэ: спасыби тобй, чоловйче, що вкрывъ, та согрйвъ мojйхъ змиjня́токъ, щожъ тобй за цэ даты,—че чирвóнцивъ, че стрйбла, че хлйба?...—Ни, кáжэ Видме́жэ Ушкò, якъ шò такъ,—вы́нысы мынé на свитъ Бóжый.—Дóбрэ, кáже змия, сидáй на мéнэ вéрхы. Сивъ Видме́жэ Ушкò на змию вèрхы и полытйлы. Лытйлы, лытйлы, змия й кáжэ: Слýхай, чоловйче, сылъ мojйхъ ны хватà,—одрйжъ мыни свою нóгу. Одрйзавъ Видме́жэ Ушкò свою нóгу, ззйла змия ту нóгу и полытйлы дáли. Лытйлы, лытйлы, дóвго лытйлы. Отъ змия и кáже упьѐть: слýхай, чоловйче, рижъ и другу нóгу, бо ны хватà мojйхъ сылъ,—упадý. Одрйзавъ Видме́жэ Ушкò и дрýгу нóгу. Ззйла змия. Полытйлы дáли. Лытйлы, лытйли, дóвго ще лытйлы и отъ такы вы́лытилы на свитъ Бóжый. Положы́ла змия Видме́жэ Ушкò пидъ дéрывомъ, рыгнýла, вы́рыгнула обы́дви нóгы Видме́жэ Ушкò, прытулы́ла, зрослысь нóгы. Распрощáвся Видме́жэ Ушкò съ змиёю и пишòвъ собй шукáты свою жйнку й братйвъ. Шовъ, шовъ. Дывыцьця, чирйдка (стадо свиней) пасéцьця, та здорóва такà. Чия цэ чирйдка—пыта, бачъ, пастухйвъ.—Простылывусова, кáжуть пастухы. Пишóвъ

Видмéжэ Ушкò дáли. Ды́выцьця пасéцьця табýнъ кóнный, та такѝ кóни гáрни, а табýнъ вылы́кый. Пытà Видмéжэ Ушкò пастухѝвъ: чиjѝ цэ кóни?—Вырнѝгировы,—кáжуть пастухы́. Пишòвъ ще дáли. Ды́выцьця—пасéцьця чирыдà (стадо коровъ и быковъ). Чия́ цэ чирыдà? пытà Видмéжэ Ушкò.—А цэ чирыдà Вырвы́дубова, кажуть пастухы́. Пишòвъ Видмéжэ Ушкò дáли. Ды́выцьця, стojѝть гóрныця (домъ), та такà гáрна, вылы́ка. Вийшòвъ Видмéжэ Ушкò у ту гóрныцю, а тамъ пыръ идé: гуля́jють ёгò браты́ зъ жинкáмы, а Видмéжэ Ушкà жѝнка прыслýжныцею у ныхъ.—А, кáже Видмéжэ Ушкó,—бачъ дэ вы, бѝсовы сыны́! Я васъ, jѝродовыхъ дитэ́й, давнò шукáю. Мырщѝй пидойшòвъ до Простылы́вуса—хлопъ ёго въ вýхо, а пóтимъ до Вырны́гира—тожъ, хлопъ въ однò ýхо, а дáли й въ дрýгэ, а пóтимъ до Вырвы́дуба—повбывàвъ усѝхъ. Прыголýбывъ свою жѝнку, а тыхъ здѝлавъ прыслýжныцямы. Прызвàвъ пастухѝвъ—Простылы́вусовыхъ, Вырны́гировыхъ и Вырвы́дубовыхъ, тай кáжэ: тыпéръ я вамъ панъ;—хто гáрный бýдэ, съ тымъ и я бýду гáрный, а хто бýдэ сквéрный, съ тымъ и я бýду сквéрный; чýjиты!?—Чýjимъ, кáжутъ пастухы́, бýдымъ служы́ты вамъ, пáнычку! И зажывъ Видмéжэ Ушкò. Мáбуть, у дóси жывé".

Чтеніе. Читаетъ народъ книжки: 1) религіозно-нравственнаго содержанія—житія святыхъ, поученія, псалтирь, часословъ, библію, исторію ветхаго и новаго завѣтовъ, катихизисъ, апокалипсисъ; 2) сказки, повѣсти, анекдоты.

Книжки религіозно-нравственнаго содержанія крестьяне или покупаютъ сами, или берутъ „на время" изъ церкви, изъ школы и у такъ называемыхъ „монашòкъ". Въ Ново-Псковѣ два рода монашекъ: настоящія,—принадлежащія къ Старобѣльской женской обители, и просто монашкы́-чирны́ци. Послѣднія—старыя дѣвы, которымъ по какимъ-либо причинамъ не удалось выйти замужъ и по волѣ или по неволѣ пришлось принять на себя смиренный образъ „угодницъ" и вести болѣе или менѣе благочестивую жизнь. Послѣдняго рода монашки есть почти въ каждомъ селѣ. Сказки, анекдоты, повѣсти и другія копѣечныя книжонки крестьяне покупаютъ на ярмаркахъ и у разносчиковъ.

Нужно замѣтить, что чтеніе среди крестьянъ не особенно развито, вѣроятно, потому, что хлѣбопашцу нѣтъ времени много читать. Есть такія хаты, въ которыхъ нѣтъ ни одной книжки; если же крестьянинъ начнетъ читать, то читаетъ съ удовольствіемъ, и, какого бы содержанія ни была книга, крестьянинъ прочитываетъ ее всю, хотя и не сразу. Крестьянинъ больше склоненъ къ чтенію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.

Жилища крестьянъ сообразуются съ внѣшнимъ видомъ ихъ самихъ: не красивы, нѣтъ пропорціональности. Между прочимъ, жилища эти сдѣланы крѣпко, любая хата безъ починки можетъ простоять 50 лѣтъ. Хаты въ Ново-Псковѣ по большей части мѣловыя, а заборы и службы изъ камня. Въ устройствѣ хатъ замѣчается нѣкоторая разница у богатыхъ мужиковъ и у бѣдныхъ. У бѣднаго крестьянина хата имѣетъ по большей части 2 или 3 отдѣленія: собственно хата, служащая и гостинною, и спальнею, и кухнею и „си́ны"—нежилая комната, служащая также и кладовою. Тутъ (у „си́няхъ") обыкновенно стоятъ „кошилѝ" съ зерновымъ хлѣбомъ, мѣшки, „оклункы" (неполные мѣшки). У нѣкоторыхъ кухня составляетъ особую комнату (хаты́ну). Иногда къ сѣнямъ пристраиваются „прысти́нкы" (небольшой навѣсикъ передъ входомъ въ хату). Во многихъ хатахъ въ сѣняхъ находится еще „верхъ". „Верхъ" начинается съ самаго пола сѣней (дэ-не́будь у куто́чку) и выходитъ нѣсколько наружу чрезъ крышу. Изъ сѣней же и входъ „у верхъ". Хозяйка дома, какъ только окончитъ топить, идетъ „у верхъ" затыкать тряпками отверстія для дыма. (Вмѣсто вьюшекъ, тряпки). У богатыхъ крестьянъ хаты называются „го́рныцямы". Это довольно красивые домики, имѣющіе хату (залъ), хатыну, кладовку (чуланъ) или хы́жку, си́ны и присинокъ. Окна въ крестьянскихъ хатахъ есть не во всѣхъ стѣнахъ; есть такъ называемая „глуха̀ стина̀", большею частью со стороны двора. Въ правомъ отъ дверей углу обыкновенно помѣщаются иконы, часто украшенныя „шы́тымы рушныка́мы". Иконъ очень много, большая часть на деревянныхъ дощечкахъ. Уголъ, гдѣ помѣщаются иконы, называется „пыре́днимъ". Здѣсь находится и обѣденный столъ. Передній уголъ главный,—это почетное мѣсто. Въ передній

уголъ садятся самыя важныя лица изъ присутствующихъ. Въ лѣвомъ углу хаты помѣщается „пилъ“ (кровать). Это помостъ изъ досокъ. Здѣсь крестьянская семья спитъ. Въ торжественные дни (во время свадьбы, напр.) на полу находится „дитвора̀“, а вдоль стѣнокъ на немъ же чинно разсаживаются старыя, не играющія важной роли бабы. Послѣднее же мѣсто у порога. Въ правомъ углу возлѣ дверей ставится „мысныкъ“, родъ шкафа, только по большей части безъ затворокъ. Въ мысныку̀ помѣщаются миски, ложки, „окра̀йци хли̇ба“, солонка и пр. Если хата въ тоже время служитъ и кухней, то въ лѣвомъ углу возлѣ дверей находится печь. Тутъ-же стоятъ „рогачи̇, кочирга̀, чаплия̇ (для сковороды), хли̇бна лопата“. Если же кухня отдѣльно, то въ лѣвый уголъ хаты выходитъ только половина печи, именно та, гдѣ помѣщается „пичъ“, какъ мѣсто, куда лазятъ грѣться. Стульевъ и табуретовъ крестьяне не употребляютъ. „Тубарѐты“, впрочемъ, встрѣчаются, но весьма рѣдко. Стулья замѣняются скамейками, которыхъ въ хатѣ (залѣ) обыкновенно бываетъ двѣ, одна—отъ передняго угла идетъ вдоль стѣны къ „пи̇лу“, другая—тоже отъ передняго угла, идетъ къ „мысныку̀“. Подобнаго же рода скамейки есть и въ „хаты̀ни“, на нихъ обыкновенно кладутъ горшки, маки̇тры, дижу̀ (кадка для тѣста, изъ котораго пекутъ хлѣбъ) и другія кухонныя принадлежности. Къ хатѣ каждаго крестьянина примыкаетъ кусокъ земли, который дѣлится на двѣ части. Каждая часть огорожена: одна ближе къ хатѣ,—плетнемъ (въ Ново-Псковѣ, камнемъ), а другая—рвомъ или просто бороздой. Первая часть—дворъ, застроена: „повитка̀мы“ (навѣсами), „комо̀рямы“ (амбарами). Тутъ есть и „коша̀ря“ (помѣщеніе для овецъ), конюшня, „хливъ“ (помѣщеніе для свиней), ку̀рныкъ, погребы̀ця (надъ погребомъ), за̀города (помѣщеніе для коровъ или быковъ), поло̀вныкъ (мѣсто для половы). Пови̇ткы, за̀города, конюшня, коша̀ря, хливъ, поло̀вныкъ—строятся, обыкновенно, на границахъ двора, а ку̀рныкъ, погрэбы̀ця и комо̀ри въ самомъ дворѣ (по большей части). При нѣкоторыхъ дворахъ есть комо̀ри и за дворомъ, на улицѣ. Вторая часть земли называется огородомъ. Нѣкоторые огороды дѣлятся на собственно—огородъ и садъ. Въ огородѣ, какъ можно ближе къ двору, обыкновенно стоитъ

„клу́ня“ (великорусскій овинъ). Огороды засѣваются и засаживаются: про́сомъ, жи́томъ (рожью), льномъ, пря́девомъ (конопля), чичивы́цию, горо́хомъ. Садятъ—корто́хы, кавуны́ (арбузы), гарбузы́ (тыквы), бурякы́, капу́сту, пшыны́чку (кукурузу) и пр. Въ садахъ—я́блони, слы́вы, вы́шни, гру́ши, тёренъ и коегдѣ виноградъ (послѣдній разводятъ нѣкоторые любители, но что-то ихъ дѣло плохо подвигается впередъ). На границахъ огородовъ можно видѣть вербу́, лозу́. Огородовъ, совсѣмъ безъ деревьевъ, почти нѣтъ. Въ Ново-Псковѣ есть цѣлая улица хатъ, выстроенныхъ по плану графа Аракчеева. Въ хатахъ же, выстроенныхъ крестьянами по своему вкусу, измѣненій, сравнительно съ „стариной“, нѣтъ почти никакихъ. „Якъ колысь, такъ и за́разъ“—говорятъ старики. Развѣ только у „богати́івъ“. У нихъ „го́рныци“—красивые, ровненькіе домики, да и то отличаются отъ прежнихъ хатъ только своею внѣшнею формою, внутри же то, что и раньше, только „пилъ“ у нѣкоторыхъ замѣняется подобіемъ кровати, да иконъ „за стыклòмъ“. Внутри—хаты украшаются иногда „сы́нькою“ и „куксы́ною“. Разводятъ синьку или куксинъ водою и туго свернутымъ кускомъ тряпки, обмокнутымъ въ растворъ, „квича́ютъ“ передній уголъ и стѣнки печи (ко́минъ). Сво́локы и сволочкы́ есть въ каждой хатѣ. Сво́локы—толстые деревянные брусья, главная опора потолка. Когда стѣнки хаты уже сложены, то перекидываютъ сверху отъ одной стѣнки къ другой толстый брусъ (сво́локъ), если эта комната не высока, и нѣсколько брусьевъ, когда комната высока. Потомъ эти брусья соединяютъ со стѣнками множествомъ „сволочкивъ“. Надписей на сволокахъ не бываетъ, только въ страстную седьмицу послѣ „страстей“ принесенною изъ церкви свѣчкою выжигаютъ (накапчиваютъ) на нихъ кресты, въ воспоминаніе того, что Христосъ пострадалъ на крестѣ.

Пища. Въ постные дни: борщъ съ „олиéю“ (постнымъ масломъ), каша пшенная, рѣдко гречневая, тоже съ олиéю или съ „симьяны́мъ“ молокомъ (употребляется молоко изъ конопляннаго сѣмени), кулиш (пшенный супъ съ картофелемъ), ю́шка (картофельная похлебка), галушкы́-рванци́ (круто замѣшенное

тѣсто рвется небольшими кусочками и варится въ водѣ съ картофелемъ. Притомъ „настоящія“ галушки должны быть пшеничныя, если же и встрѣчаются изъ другой муки, то за неимѣніемъ первой), „юшка зъ рыбы“ (уха́), ква́ша (соложеное ржаное тѣсто, походитъ нѣсколько на кисель), путря (пшеница бьется въ ступѣ, провѣвается, варится, мѣшается съ мукою, кладется въ горшокъ и ставится въ печь „просолодить“. Эта просолодѣвшая смѣсь сыплется въ сосудъ съ холодною водою, подбавляютъ еще кислаго тѣста, „щобъ загра́ло“, и часа черезъ 3 получается пу́тря. Иногда въ путрю кладется ледъ). Варе́ныкы зъ я́годамы (вишнями) и съ тёрномъ (вареники—тѣже пирожки, только не пекутся, а варятся), пирожкы съ картошкою, вишнями, терномъ, я́блоками. Свѣжая вареная рыба, соленая рыба (сами соленой рыбы не приготовляютъ, а покупаютъ въ лавкахъ): осыле́дци, чехо́нь. Карто́хы (варятъ не чищенными, очищаютъ уже за столомъ и ѣдятъ съ хлѣбомъ и солью, а зимой съ солеными огурцами). Хлѣбъ. Приправы къ кушаньямъ—соль, оли́я, цыбуля (лукъ), часныкъ.

Пища въ скоромные дни: борщъ „зъ мня́сомъ“, или съ са́ломъ, каша моло́шна или „до молока̀“. Молошная каша бываетъ крутая и рѣдкая. Кули́шъ „зъ мня́сомъ“, ю́шка, галушкы-рва́ньци и просто галушкы (лапша̀); лапша̀ бываетъ молошная или съ мясомъ. Варе́ныкы зъ сы́ромъ (ихъ предварительно мастя̀тъ въ макитрѣ—съ коровьимъ масломъ. Варе́ныкы ѣдятъ горячими, скоромные холодные теряютъ свой вкусъ; постные-же вареники—холодные, вкусные). Пирижкы съ сыромъ, съ карто́шкою, съ начинкою (съ печенкою). Вареное мясо (жарятъ очень рѣдко). „Гарбу́зна“ (тыквенная) моло́шная ка́ша, капу́ста (варится съ искрошеннымъ мясомъ въ кусочки и пшеномъ). Овощи: кавуны, рѣпа, дыни, огурцы (огиркѝ). Нѣкоторые крестьяне имѣютъ самовары и иногда пьютъ чай (чаще фруктовый), но прывычки къ нему не имѣютъ, свободно могутъ совсѣмъ его не пить. Вообще, чай—напитокъ не для крестьянъ—все „легкѐ“, не питаетъ ихъ тѣла такъ, какъ это нужно для хлѣбопашца. Во время неурожаевъ пища ухудшается. Городское вліяніе въ отношеніи пищи не обнаруживается.

Торговля по слободамъ довольно развита. Въ рѣдкой слободѣ одна лавка, иногда 2, 3, 4 и болѣе. Въ Ново-Псковѣ 3 лавки. Все необходимое крестьянинъ покупаетъ большею частью не въ городѣ, а у себя въ селѣ; а этого необходимаго противъ прежняго времени гораздо больше. Крестьянская дѣвушка не довольствуется, какъ въ старину, одною запаскою и грубою рубашкою, а покупаетъ себѣ въ лавкѣ матерію на „шарахванъ", „кырсетъ" и на „кохту". На голову не купитъ себѣ „стричку", а болѣе или менѣе дорогой платокъ; на шею—монисто, кресты. Рубашку нужно вышить „заполочью", которая покупается тамъ же въ лавкѣ. Корсетъ нужно украсить шнурками и блестящими пуговками; да и самую сорочку для праздника нужно сшить не изъ своего толстаго и грубаго полотна, а изъ лавочнаго „мыткалю". Она не будетъ носить „чирывыкы", или совсѣмъ ходить босою, какъ это бывало раньше когда-то, а купитъ въ лавкѣ хорошаго товару и закажетъ себѣ красивые на высокихъ каблукахъ башмаки или штиблеты; кромѣ того, нужно купить тонкіе чулки, далѣе—иголки, нитки, наперстки, ленты и пр.

Паробокъ не надѣнетъ въ праздникъ полотняныхъ штановъ, а „чиркысынови", „ластыкови" или изъ другой какой-нибудь лавочной ткани. На „чунарку" тоже нужно купить. У болѣе или менѣе достаточно живущаго крестьянина (паробка) „чунарка" должна быть украшена блестящими пуговками; кромѣ того, къ чунаркѣ нуженъ красный, зеленый или голубой—широкій поясъ. Праздничная рубашка, шапка, картузъ, капылюхъ, сапоги съ длинными голенищами и высокими каблуками, чирывыкы,—все это изъ лавки. Вообще крестьяне покупаютъ многое для своего платья въ лавкахъ. Далѣе,—деготь, керосинъ, всевозможные ремни для сбруи, табакъ, спички, бумага, соль, соленая рыба, постное масло (маслобоенъ въ Ново-Псковѣ нѣтъ), желѣзо, ножи, ножницы гвозди, шила, ведра, сковороды и пр.—все это вещи необходимыя для крестьянина, и все это онъ можетъ купить у себя въ лавкахъ. Сельскія лавки имѣютъ почти такое же значеніе для сельскихъ жителей, какое для городскихъ магазины. Относительно освѣщенія можно сказать, что старинныхъ „каганьцивъ" почти нѣтъ, а есть керосиновыя лампы въ 20, 30 коп. и дороже.

Болѣзни. Пропа́сныця (лихорадка), со́яшныци (боль живота), жаба, порча (сумасшествіе), пырыполо̀хъ (болѣзнь отъ испуга), ви́спа, коро́ста (очень рѣдко), пы́склята (у дѣтей отъ броженія по стоячей водѣ, гдѣ много водяныхъ растеній), младе́ньчиськэ или корчи̇̂й (у дѣтей), глысты̀ (боль живота). Какой-нибудь особой, присущей народу, болѣзни—нѣтъ, обыкновенныя же болѣзни—только подъ своими народными названіями. Болѣе серьезную болѣзнь, напр., порчу, лѣчатъ обыкновенно народные лѣкари—знахари. При лѣченіи употребляютъ наговорную воду, травы и всевозможные „за́говоры". „Пырыполохъ" обыкновенно „выливается" бабкою-лѣкаркою. Наговаривается вода, въ нее льется растопленное олово, бросаютъ еще въ воду угольки, ладанъ; этою водою вспрыскиваютъ больного и даютъ ему сего же „лыка́рства" напиться, а въ то время, какъ больной пьетъ, лѣкарка крестообразно дуетъ на него и говоритъ: „будь здоро̀въ, та ны личи̇̂сь, та по бабка̀мъ ны волочи̇̂сь".

Обыкновенныя болѣзни лѣчитъ и своя народная „медицина", и земскій врачъ съ фельдшерами, но довѣрія къ „бабкамъ" и „лѣкарямъ", пожалуй, больше, чѣмъ къ врачу и фельдшерамъ. Къ первымъ обращаются всѣ крестьяне, а ко вторымъ не всѣ. Нѣкоторые крестьяне совсѣмъ не вѣрятъ въ силу врачей; многіе же, хотя и вѣрятъ, убѣждены, что врачъ и фельдшера не охотно лѣчатъ ихъ, такъ какъ не надѣются на денежную благодарность.

Въ 1892 г. въ Ново-Псковѣ были цынга и холера. Въ это время вполнѣ опредѣлились взгляды крестьянъ на значеніе медицины вообще и ихъ вѣра въ врачей. Приказанія принимать всевозможныя предосторожности для огражденія себя отъ заразы и для пресѣченія оной—крестьяне исполняли весьма неохотно, иногда совсѣмъ ничего не предпринимали,—говоря: „Богъ ны да̀сть, свыня̀ ны ззисть". „Кому́ тре́ба вме́рты, той вмре́, а кому̀ ни, той житы́мэ. Супроти̇̂въ Бо́га ны пи́дымъ".

Занятія. Главное занятіе—земледѣліе. Оно гораздо выше стоитъ теперь, чѣмъ раньше. Плуги не тѣ, что раньше. Въ устройствѣ ихъ видны измѣненія къ лучшему. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ появляются нѣмецкіе плуги, хотя крестьяне

все еще предпочитаютъ свои. Бороны почти всѣ съ желѣзными зубьями, а раньше были съ деревянными. Молотятъ хлѣбъ многіе крестьяне машинами (конными и паровыми). У нѣкоторыхъ есть свои конныя машины. Если хорошая погода предвидится не надолго, а хлѣба много, то молотьба происходитъ всегда машиною; у кого же хлѣба немного, или же погода предвидится на долго, тогда лучше молотить катка́ми (дешевле). У кого совсѣмъ немного хлѣба, тотъ молотитъ цѣпами. Преимущество машинъ предъ всѣми другими способами молотьбы крестьяне признали. „Ско́ро моло́тэ, чи́сто, зе́рна ны по́ртэ,— такъ ка́торжна ра́зомъ и вы́ложэ тобѝ". Въ большомъ употребленіи вѣялки; многіе крестьяне даже сами дѣлаютъ ихъ и довольно хорошо. Хотя земледѣльческія орудія улучшились, но способъ воздѣлыванія почвы тотъ же, что и раньше, несмотря на то, что земля сильно истощена и требуетъ удобренія и отдыха. Пчеловодство стоитъ гораздо ниже, чѣмъ раньше. „Колысь, було̀, якъ дидъ, такъ и па́сишныкъ; щожъ, приво́льно було̀—було̀ що носы́ты бдьжёлѝ, а тыпе́ръ дэ вона̀ ме́ду во́зьмэ",—говорятъ мужики. Садовъ очень много; хотя мужики и дорожатъ ими, но не холятъ, не воздѣлываютъ,—однимъ словомъ мало заботятся о нихъ. Вѣроятно, совсѣмъ не умѣютъ заниматься садоводствомъ, хотя многіе и величаютъ себя садоводами.

Малоруссы умны отъ природы. Условія ихъ жизни таковы, что хотя и не даютъ особеннаго развитія ихъ умственнымъ способностямъ, но и не притупляютъ ихъ. Слабоумные и идіоты встрѣчаются весьма рѣдко. Въ Ново-Псковѣ есть одинъ идіотъ. Вообще малоруссы понятливы, при разговорѣ чрезвычайно находчивы и остроумны. Въ Ново-Псковѣ есть земская народная школа, въ которой каждый годъ бываетъ болѣе ста душъ учащихся. Но отношенія крестьянъ къ школѣ и учителямъ весьма странны: дѣтей посылаютъ въ училище охотно, между тѣмъ зданіе школы почти не ремонтируютъ и весьма плохо отапливаютъ; къ учителямъ относятся оскорбительно—равнодушно, холодно,—нисколько не благодарны имъ за то, что они обучаютъ ихъ дѣтей добру: „Хай вчать, воны за цэ гро́ши быру̀ть, воны объя́зани". Жаль, что наши школы бѣдны, напр.,

нѣтъ самаго существеннаго—библіотекъ для чтенія. Нечѣмъ привлечь вниманія крестьянина, нечѣмъ заставить его полюбить все то, что сѣетъ добро.

Малоруссы недовѣрчивы и съ предразсудками по отношенію вообще „не къ мужикамъ", а потому и отношенія къ тому, что не дѣло ихъ рукъ—индиферентны. Имъ нужно наглядно доказать, что желаешь имъ только добра и трудишься не потому только, что ѣсть хочешь, а еще и потому, что желаешь принести обществу посильную пользу,—тогда они сдѣлались бы очень довѣрчивы, почтительны и отзывчивы ко всему хорошему.

М. Р. Мащенко.

30.—Сл. Кабычена.

Поселеніе.—Жители, ихъ жилища, одежда, пища и болѣзни.—Свадебные обычаи.—Примѣты и обряды.—Игры.—Повѣрья.—Историческія воспоминанія.—Нарѣчіе.

Сл. Кабычена Зориковской волости расположена по обоимъ берегамъ рѣки Лозной, протекающей на разстояніи 10 верстъ; эта рѣчка беретъ начало изъ родника, находящагося вверху этой же слободы, и впадаетъ въ рѣку Деркуль при сл. Курячевкѣ, Старобѣльскаго уѣзда. Сл. Кабычена расположена по теченію этой рѣчки вдаль на протяженіи 3-хъ верстъ. Ближайшій городъ къ слободѣ—Старобѣльскъ, находится на разстояніи 65 в., г. Богучаръ, Воронежской губ.—90 в., станица Камянскъ Об. В. Д.—120 вер. Названіе слободы объясняетъ народъ по фамиліи крестьянина „Кабыка", поселившагося на этой рѣкѣ лѣтъ 180 тому назадъ, и въ настоящее время въ слободѣ преобладаетъ эта фамилія. Заселена слобода выходцами изъ Харьковской и другихъ малороссійскихъ и великорусскихъ губерній. Со словъ стариковъ, какъ имъ передавали ихъ отцы и дѣды, рѣка эта была заросшая лозою и камышемъ, при томъ была крутобережная и мѣстами съ глубокими плесами. Въ недалекомъ прошломъ, лѣтъ 50—70 тому назадъ, имѣлись двѣ

водяныя мельницы. Земля пахалась на разстояніи одной—двухъ, не далѣе верстъ отъ слободы, далѣе же былъ сѣнокосъ, и земля оставалась цѣлиной. Лѣса, вблизи слободы находящіеся, были не тронуты, дубы были въ обхватъ человѣка и двухъ. Въ настоящее время рѣчки почти нѣтъ, протекаетъ небольшой ручеекъ, и то только во время весенняго разлива; крутыхъ береговъ и плесовъ—какъ не бывало. Объясняется это тѣмъ, что въ окружности слободы вспахивается все поле, вслѣдствіе чего во время весенняго разлива и лѣтнихъ сильныхъ дождей, русло заносится иломъ. Вся рѣка занесена, берега сравнялись, и во время весенняго разлива вода разливается на протяженіи 300 и болѣе саженей, вслѣдствіе чего вишневые и плодовые сады вымокли, а на ихъ мѣстѣ стали разводить вербу; вербы размножилось даже очень много, чему способствуютъ весенніе разливы. Кромѣ вербы, ростутъ: тополь, осика и дубъ, но очень мало. Плодовыхъ деревьевъ тоже мало.

Численность жителей въ селѣ по X ревизіи 996 душъ, въ настоящее время мужескаго пола 1108 душъ, женскаго 1039 д., въ отлучкѣ: муж. 38, жен. 36, а всего обоего пола 2765 д. и дѣтей 544 д. Наружность жителей: волосы большею частью темно-русые, лицо бѣлое, чистое, носъ, ротъ и подбородокъ умѣренные, ростъ преимущественно выше средняго. Жители смѣшаннаго происхожденія изъ малоруссовъ и великоруссовъ; другихъ инородческихъ примѣсей не обнаруживается. Говорятъ на нарѣчіи смѣшанномъ—изъ малорусскаго и великорусскаго, съ преобладаніемъ малорусскаго. Особенности мѣстнаго говора въ произношеніи словъ состоятъ въ томъ, что выговариваютъ слова грубо, и есть слова мѣстныя, часто употребляемыя въ разговорѣ, напр., „тривàй“—обожди, „геть“—прочь, „эгé“—да, „на рóзи“—на углу, „трунà“ и „доломúна“—гробъ, „свидóмый“—знакомый, знающій. Слѣды вліянія литературнаго нарѣчія проявляются, хотя и не въ большой мѣрѣ; дѣти, пока находятся въ училищѣ, говорятъ чисто по русски, но по выходѣ изъ училища свыкаются съ говоромъ своихъ семействъ и говорятъ преимущественно по малороссійски, при разговорѣ же съ образованнымъ человѣкомъ стараются выговаривать слова чисто по русски.

Жилища въ слободѣ большею частью изъ вербоваго и дубоваго дерева; въ настоящее время начинаютъ строить ихъ и изъ глины, такъ какъ дубовое дерево вовсе извели, а покупка и доставка его изъ отдаленныхъ мѣстностей сопряжена съ большими затрудненіями. Строятся жилища большею частію въ одну и двѣ комнаты, въ три и больше въ очень рѣдкихъ случаяхъ; фасадомъ устраиваютъ на югъ, противъ солнца, въ два и три окна. Передній уголъ, такъ называемая „по́кутъ", есть главный уголъ; онъ весь установленъ иконами, по сторонамъ ихъ на деревянныхъ гвоздяхъ висятъ чистые рушныки. Передній уголъ называютъ также „краснымъ угломъ"; въ этомъ же углу стоитъ большой столъ, вокругъ него вдоль стѣнъ длинныя скамьи, или, какъ ихъ называютъ, „ла́вы". Печь устраивается при входѣ на-право или на-лѣво отъ дверей. Дворовыя постройки, смотря по состоянію хозяина, огораживаются плетнями, или бревнами, надворныя постройки устраиваются въ довольно удобномъ и стройномъ порядкѣ, такъ, напр.: вблизи дома помѣщается конюшня, затѣмъ зимнія теплыя загороды для скота, а возлѣ нихъ лѣтнія открытыя, затѣмъ амбары, которые большею частію строятся вдали отъ другихъ построекъ. Новѣйшее устройство состоитъ въ томъ, что строятъ дома высоко на фундаментѣ, и окна пускаютъ большія въ просвѣтѣ. Рѣзьбы и раскраски нѣтъ никакой; внутри дома́ большею частью мытые, т. е. не мажутся бѣлою глиною, а моются водою. Сволоки въ домахъ съ надписями не встрѣчается.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная состоитъ изъ бѣлой холщевой сорочки и такихъ же шароваръ, праздничная состоитъ изъ капота, поддевки или халата, суконнаго или изъ какой нибудь другой матеріи, преимущественно покупной. Одежда мужчинъ зимняя—изъ овечьихъ шкуръ полушубки и шубы, изъ бѣленыхъ или дубленыхъ шкуръ; богатые крестьяне покрываютъ ихъ сукномъ. Одежда женщинъ лѣтняя будничная—шерстяная запа́ска или, какъ ее называютъ, „де́рга", приготовляется она домашнимъ образомъ изъ овечьей шерсти, окрашенной въ черный цвѣтъ: рвутъ листья изъ черноклёна, варятъ ихъ и въ этомъ отварѣ красятъ. Одежда женщинъ лѣтняя,

праздничная—кофта, юбка, сарафанъ, шьются изъ покупныхъ тканей. Зимняя женская одежда состоитъ изъ такихъ же матеріаловъ, какъ у мужчинъ: „свытка“, приготовляемая изъ овечьей шерсти, шуба и т. д. Остатки старинной одежды (халатъ)—очень рѣдко; новѣйшее городское вліяніе въ одеждѣ—пиджакъ. Стоимость одежды, какъ напр., свиты или пальто отъ 5 до 7 руб., шубы или тулупа отъ 7 до 12 руб.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные будничные дни одна—галушки, кулишъ, борщъ; у богатыхъ эта пища приправляется свинымъ саломъ, у бѣдныхъ и этого нѣтъ. Въ праздничные дни—пироги, блины, борщъ, который готовится съ говядиною, бараниною и курицею. Главное значеніе въ пищѣ имѣютъ картофель, капуста, бураки и пшено. Пища улучшается и ухудшается, смотря по урожаю зерновыхъ хлѣбовъ и огородныхъ овощей. Городского вліянія на пищу незамѣтно. Значеніе мѣстныхъ лавченокъ, особенно для бѣдныхъ людей, очень велико, и онѣ необходимы. Новѣйшій способъ освѣщенія—керосинъ, въ недалекомъ прошломъ—баранье сало. Главную пищу составляетъ хлѣбъ, у богатыхъ пшеничный, смѣшанный съ ржанымъ и ячменнымъ, у бѣдныхъ большею частію „яшный“, т. е. ячменный съ самою малою примѣсью пшеницы.

Болѣзни, наиболѣе встрѣчающіяся у дѣтей въ осеннее и весеннее время—дифтеритъ, скарлатина, оспа, хотя послѣдняя не каждый годъ. Болѣзни приключаются чаще всего отъ неосторожности и небрежности. Въ народѣ укоренилось мнѣніе о всякой внезапной боли въ животѣ, что это „сибирка“, и её лѣчатъ домашнимъ простымъ средствомъ, т. е. покупаютъ какой-то настой, называемый „зилье“ и даютъ его больному пить. Мѣстные знахари имѣютъ большое значеніе; такъ, если заболѣлъ животъ, или оказалась гдѣ либо опухоль или воспаленіе, то обращаются къ знахарямъ, которые шепчутъ какія-то слова, или даютъ пить какой-то настой. Шепчутъ отъ бѣшихи и рожи; при боли въ животѣ, какъ выражаются, завариваютъ „сбяшныцы“: больного кладутъ въ постель на спину, кладутъ на него миску съ водою, въ которую ставятъ кувшинъ; при этомъ бываютъ причитанія. Къ фельдшерамъ и докторамъ на-

родъ относится не особенно довѣрчиво, если-же и обращается, то съ недовѣріемъ; полученное отъ него лѣкарство, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, оставляютъ безъ вниманія или же выливаютъ прочь. Недовѣріе это вызывается тѣмъ, что народъ, по своей грубости и невѣжеству, ждетъ немедленнаго выздоровленія отъ одного или двухъ пріемовъ лѣкарства, а какъ это немыслимо, то онъ и не довѣряетъ врачамъ. Въ новѣйшее время народъ обращается довольно часто къ врачамъ, пользуясь тѣмъ, что лѣкарство даютъ даромъ, но все-таки сперва обращается къ знахарямъ или бабкамъ; когда же болѣзнь осложнится, то идутъ къ врачамъ. Если хозяинъ замѣчаетъ, что у его скота засореніе желудка, то его поятъ огуречнымъ разсоломъ, смѣшаннымъ съ коноплянным масломъ, или разсоломъ съ свинымъ саломъ, а если скотъ не ѣстъ корму, или начинаетъ валяться по землѣ, то ему урѣзываютъ конецъ уха и повторяютъ это разъ или два.

Занятія. Главное занятіе земледѣліе. Садоводство и пчеловодство не существуютъ, за самыми незначительными исключеніями. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ. Пчеловодство въ прежнее время было въ лучшемъ видѣ, потому что были вѣковые лѣса. Цѣлинной земли было больше, было много травы и цвѣтовъ. Садоводство ухудшилось вслѣдствіе того, что во время весенняго разлива вода заливала тѣ мѣстности, гдѣ разводились сады, и по-долгу держалась, вслѣдствіе чего сады вымокли. Въ прежнее время рѣчка была крутобережная, что препятствовало разливу воды. Отхожій промыселъ развился въ недавнее время, въ неурожайные годы. Каждый годъ по 100 и больше душъ выходятъ въ мѣстности Области Войска Донскаго на косовицу травъ и уборку хлѣба. Другихъ промысловъ нѣтъ, за исключеніемъ того, что два или три домохозяина торгуютъ сапогами, да и то только въ осеннее время, а къ празднику Рождества Христова домохозяевъ 15 или 10 набираютъ гусей по 100 и больше паръ, кормятъ ихъ, бьютъ и возятъ въ Ростовъ или Новочеркаскъ для продажи.

Мѣстныя средства образованія—училища Общество отпускаетъ отопленіе и освѣщеніе для училища, нанимаетъ сторожа, ремонтируетъ его, строитъ новыя, если старыя негодны. Зем-

ство уплачиваетъ учителю 300 руб., законоучителю 50 руб., на учебники и учебныя пособія отпускаетъ 35 руб. въ годъ. Въ настоящее время народъ относится къ школѣ и къ учителю очень сочувственно, замѣчается очень порядочный приливъ учениковъ въ земскую школу. Сверхъ того въ нашемъ селѣ открыта съ 1890 г. церковно-приходская школа, гдѣ бываетъ до 25 уч. да въ земской больше 70.

Положеніе женщины въ семьѣ какъ хозяйки. На ея обязанности лежитъ присмотръ по хозяйству, готовить обѣдъ, присматривать за дѣтьми; положеніе же въ обществѣ женщины ограничивается лишь участіемъ въ устройствѣ общественныхъ обѣдовъ: въ день недѣли Мироносицъ, во время освященія полей, когда онѣ собираютъ для обѣда разные съѣстные припасы, готовятъ обѣдъ и угощаютъ народъ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ: пока дѣти живутъ вмѣстѣ, они во всемъ подчиняются отцу, когда же отдѣлены, то независимы отъ отца, и одинъ другому ни въ чемъ не помогаетъ, за небольшими исключеніями. Отношеніе къ наймитамъ удовлетворительно: если наймитъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, то и съ нимъ поступаютъ добросовѣстно. Кабаки посѣщаются народомъ усердно, особенно въ воскресные и праздничные дни, послѣ сходокъ; лишь бы кто починъ сдѣлалъ, пьянство продолжается до вечера, причемъ нѣкоторые пропиваются, но особеннаго пьянства не замѣчается, хотя крестьяне жадны на водку, и при удобномъ случаѣ не отказываются. „Предатныхъ“ же или „записныхъ“ пьяницъ и нерадивыхъ хозяевъ въ слободѣ очень незначительное число.

Свадебные обычаи и обряды. Съ праздника Покрова Пр. Богородицы, желающій сватать проситъ двухъ или трехъ сосѣдей или родственниковъ идти къ тому крестьянину, у котораго есть дѣвка, нравящаяся парубку, и чтобы онъ былъ по состоянію подходящимъ. При этомъ вошло въ обычай торговаться за дѣвку: отецъ дѣвки выговариваетъ съ отца парубка денегъ „въ помощь“ отъ 25 до 30 руб. и водки, если онъ по своей бѣдности не можетъ обойтись безъ выговорныхъ денегъ. Бываетъ, что и богатые выговариваютъ: что взялъ де такой-то столько, а такой-то столько-то, и наша дѣвка не хуже ихъ. Если сваты сговорились, то одного изъ сватовъ со стороны отца

жениха посылаютъ за парубкомъ (женихомъ); когда парубокъ и дѣвка между собой сговорились и согласіе изъявили, то заявляютъ объ этомъ въ присутствіи всѣхъ. Тогда посылаютъ за матерью парубка и за близкими родственниками обѣ стороны; отецъ парубка покупаетъ водки отъ 1 до 2 ведеръ и начинаютъ пить „могорычъ". Затѣмъ обѣ стороны переходятъ къ отцу парубка, сюда собираются гости съ обѣихъ сторонъ, справляютъ и гуляютъ сватанье, на которое расходуется, исключительно на водку (ведеръ 5 и 6)—рублей 30 и 40. Закускою же обходятся домашняго приготовленія, какъ-то: огурцами, арбузами, картофелемъ и капустою. Когда отецъ, мать и родственники невѣсты находятся у отца жениха, то невѣста собираетъ по слободѣ своихъ подругъ, причемъ это сопровождается пѣніемъ пѣсенъ; женихъ собираетъ парубковъ—товарищей, и всѣ сходятся въ домѣ невѣсты, гдѣ варятъ вареники, садятся за столъ попарно и происходитъ угощеніе. Безъ водки и здѣсь не обходится. Послѣ уговора сватовъ, когда дѣвки еще сидятъ у отца, женихъ и невѣста кланяются родственникамъ жениха, которые сидятъ за столомъ, и невѣста перевязываетъ отца и мать жениха платками, а „старостовъ" рушниками. Подруги невѣсты въ это время поютъ пѣсни: „Кла́няйся (имя невѣсты) отцю̀—не́ньки—т. е. (матери) тай въ ни́жиньки, тай низе́нько, тай се́рдыньку, тай близе́нько, ни́жинькамъ тай ще ны́жче, а се́рдыньку тай ще бы́жче. Тай пропо́ю, тай пропо́ючку, тай пропы̀въ ба́тько дочку̀, на соло́дкому медо́чку, тай на зеле́ному гильй (т. е. вѣткахъ), тай не жаль дочкѝ минѝ". Сватанье продолжаютъ справлять дня два или три, отдѣльно каждый сватъ со своими родственниками и сосѣдями. Гулянье заканчивается тѣмъ, что обѣ стороны непремѣнно идутъ въ кабакъ, гдѣ покупаютъ водку уже гости и подчиваютъ отцовъ и матерей молодыхъ. Свадьба откладывается недѣли на двѣ или три; въ это время сваты часто сходятся и уговариваются, кому какая сторона должна купить какіе подарки для свадьбы. Въ этотъ же промежутокъ времени молодой ходитъ къ новобрачной ночевать и утромъ, позавтракавши, уходитъ домой; если почему либо молодой не прійдетъ ночевать, то происходитъ неудовольствіе между молодыми и между сватами, и нерѣдко ихъ хлопоты пропадаютъ

даромъ, т. е. расходятся. Вѣнчаются большей частію среди недѣли въ среду или пятницу, а самую свадьбу справляютъ въ слѣдующее воскресенье или въ праздникъ (если такой случится); вѣнчаются и въ воскресенье. Въ назначенный день свадьбы, послѣ обѣдни, пообѣдавши, женихъ приглашаетъ своихъ товарищей, которые верхомъ на лошадяхъ пріѣзжаютъ къ нему на дворъ, причемъ лошадей перевязываютъ платками. Къ тому же готовится двѣ или три тройки лошадей, убранныхъ въ кумачъ, а дуги красною и бѣлою бумагою или тоже кумачомъ. Въ эти повозки или сани (смотря по погодѣ) садятся свáшки со стороны жениха, т. е. сестры невѣсты, и выѣзжаютъ со двора, предшествуемыя боярами вмѣстѣ съ женихомъ, который тоже верхомъ, причемъ требуется, чтобы подъ нимъ былъ непремѣнно жеребецъ или меринъ. Женихъ крестообразно перевязанъ красными или голубыми лентами; если женихъ бѣденъ, то онъ перевязывается платкомъ и на груди прицѣпляетъ цвѣтокъ. Молодого въ это время называютъ „князь". Ѣдутъ прежде всего къ церкви, гдѣ женихъ долженъ три раза поклониться, хотя бы церковь была заперта; потомъ ѣдутъ по слободѣ. Невѣста, собравши своихъ подругъ и пообѣдавши, идетъ со своими подругами по слободѣ, и всѣ онѣ поютъ пѣсни. При встрѣчѣ молодыхъ, женихъ встаетъ съ лошади и цѣлуется съ невѣстою, причемъ обмѣниваются шишками (небольшой хлѣбъ, сверху усаженный зубчиками, отъ чего онъ похожъ на сосновую шишку. Этихъ шишокъ во время свадьбы у богатыхъ пекутъ по 300 и 400 штукъ, ихъ раздаютъ всѣмъ гостямъ послѣ каждаго обѣда. Передъ вѣнчаньемъ женихъ ходитъ по домамъ родственниковъ, кланяется всѣмъ, проситъ на „подвисилокъ" и на свадьбу, и даетъ всѣмъ по шишкѣ; тоже дѣлаетъ и невѣста. Передъ вѣнчаньемъ женихъ и невѣста со своими старшими дружками обязаны побывать у священника, поклониться ему и матушкѣ и вручить имъ по шишкѣ). Къ вечеру „пидрýжий" со стороны жениха идетъ за невѣстой и гонитъ ее домой къ ея отцу, усаживаетъ за столъ съ дружками, а молодой со своими боярами въѣзжаетъ во дворъ. Дружко беретъ жениха за руку, ведетъ его въ домъ невѣсты, за нимъ входятъ бояре; но прежде чѣмъ войти, дружко кричитъ у порога: „Гóсподи Іисýсе Христѐ Бóже,

помы́луй насъ"; со стороны невѣсты „пидру́жій" отвѣчаетъ: „Аминь". Дружко тогда говоритъ: „Ста́росты, благословы́ть молодо́го князя за стилъ завесты̀"; ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы̀ть, и мы благословля́емъ". Дружко ведетъ жениха съ боярами, а мальчики (родственники невѣсты) стоятъ на „по́кути" возлѣ молодой съ палками, на которыхъ прицѣплены „рыпьяхи̇" (т. е. головки будяковъ) и машутъ этими палками, какъ бы не пуская дружка и молодого; дружко обязанъ дать этимъ дѣтямъ по шишкѣ и по нѣсколько копѣекъ, послѣ чего дѣти уступаютъ ему мѣсто. Затѣмъ дружко́ угощаетъ своею водкою подружаго и старосту со стороны невѣсты, тѣ тоже уступаютъ имъ мѣсто. Когда сядутъ за столъ, то отецъ и мать невѣсты подчиваютъ молодыхъ водкою, тѣ отказываются и просятъ подносить прежде всѣмъ роднымъ невѣсты, которые находятся въ домѣ; потомъ молодой и молодая пьютъ по рюмкѣ. Затѣмъ молодую со свашками жениха усаживаютъ въ повозку, садится еще одна „при̇данка" со стороны невѣсты, и ихъ везутъ къ жениху. Здѣсь отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ на порогѣ съ хлѣбомъ и солью, молодые кланяются отцу и матери, затѣмъ ихъ вводятъ въ домъ, сажаютъ ихъ за столъ, и отецъ и мать подчиваютъ молодыхъ; тѣ отсылаютъ родственникамъ и непремѣнно по старшинству, а затѣмъ уже сами пригубливаютъ. Потомъ молодыхъ уводятъ спать, а ихъ родственники садятся за столъ и ужинаютъ непремѣнно съ водкою. Чрезъ пять или десять минутъ, а много чрезъ полчаса дружко съ свашками идетъ къ молодымъ и узнаетъ, какова вышла молода; если она оказалась цѣломудренна, то имъ приносятъ ужинъ сюда же, а свашки и дружко извѣщаютъ объ этомъ отца и мать, и здѣсь уже происходитъ разливное море. Свашки и дружко спѣшатъ увѣдомить объ этомъ отца и мать невѣсты, идутъ или ѣдутъ къ нимъ съ крикомъ, съ музыкой, зажигаютъ кусокъ какой нибудь ткани, обмоченной въ деготь, танцуютъ и поютъ пѣсню: „Тоби̇, ма́ты не жури́тыся, гори́лочки тай напы́тыся, пидки̇нь жарку̀, та вкинь медку̀, щобъ було̀ солоде́синко, всему̀ ро́ду веселе́синько". Всю эту ночь гуляютъ, и многіе гости остаются здѣсь ночевать. На утро гости собираются у каждаго свата, молодые ѣдутъ рано утромъ съ свашками и дружкомъ къ отцу невѣсты на поклоны, и, какъ говорятъ, „сни́дать". У

отца жениха идетъ гулянье, затѣмъ усаживаютъ молодыхъ за столъ и передъ обѣдомъ дарятъ имъ, кто что можетъ: такъ, близкіе родственники дарятъ телокъ, овецъ, мѣшки какого нибудь хлѣба или деньги. Этихъ подарковъ собирается иногда рублей на 50 и больше (смотря по тому, каковы родственники, богаты или бѣдны). Когда отдарятъ, то женихъ и дружко ѣдутъ къ тестю и тещѣ, просятъ ихъ въ домъ къ отцу со всѣми гостями. Когда эти гости прійдутъ или пріѣдутъ и застанутъ еще гостей отца за столомъ, не кончившихъ обѣда, то ждутъ на дворѣ часъ и больше; потомъ сватъ со свахой выходятъ на дворъ съ хлѣбомъ и солью и привѣтствуютъ друга друга поцѣлуями, то же дѣлаютъ и всѣ гости. Затѣмъ всѣ гости отца уходятъ изъ дома и уступаютъ мѣсто прибывшимъ гостямъ, которыхъ усаживаютъ за столъ и подчиваютъ, свои же гости въ это время гдѣ нибудь у сосѣда пьютъ и гуляютъ, просятъ у отца жениха позволенія поймать свинью или барана, рѣжутъ ихъ и варятъ на огородѣ; варятъ также много курей, которыхъ „бояре“ убиваютъ въ каждомъ дворѣ у тѣхъ, кто гуляетъ на свадьбѣ. Передъ тѣмъ, какъ подавать обѣдъ прибывшимъ гостямъ, опять начинаютъ дарить молодыхъ, которые кланяются всѣмъ и каждому. Если гости молодой долго засидятся, то гости жениховой стороны начинаютъ подсмѣиваться надъ ними: отпускаютъ на ихъ счетъ остроты, стучатъ въ дверь, бьютъ объ дверь горшки, бросаютъ въ нихъ горохомъ (хотя это бываетъ не у каждаго, особенно же тамъ, гдѣ невѣста „не чéстна“). Затѣмъ гости невѣсты уходятъ въ домъ ея отца, а гости жениха опять садятся за столъ, и попойка продолжается два—три—четыре дня, но гуляетъ уже каждая сторона отдѣльно. Заканчиваютъ тѣмъ, что обѣ стороны идутъ въ кабакъ, поютъ пѣсни, танцуютъ, покупаютъ водку и угощаютъ отца и мать; при этомъ дружка качаютъ въ ряднѣ, за что тотъ покупаетъ водку. Свадьба обходится богатому отъ 120 до 200 руб., среднему отъ 75 до 100, самому же бѣдному отъ 40 до 75 руб.

Примѣты и обряды. Народный календарь: если солнце садится за тучи, то на другой день долженъ быть дождь. Если вечерняя заря „погорѣла“, т. е. сдѣлалась красною—быть вѣтру;

если капли дождя, падая въ воду, производятъ пузырьки на водѣ, то быть еще дождю; если послѣ дождя на югѣ станетъ проясняться—быть еще дождю. Примѣчаетъ также народъ, что если грачи садятся на верхушки вербъ (которыхъ въ нашей мѣстности очень много, почему и грачей много), то быть хорошей, теплой погодѣ; если же грачи садятся на серединѣ вербъ—быть мятели, дождю и вообще дурной погодѣ.—Канунъ праздника Рождества Христова проводится слѣдующимъ образомъ: по заходѣ солнца, изъ каждой семьи дѣти обоего пола, отъ 3 до 13 лѣтъ, носятъ по родственникамъ, къ крестнымъ отцамъ и сосѣдямъ кутью (толченая вареная пшеница, разведенная съ медовою сытою); дѣтей за это дарятъ деньгами или пряниками. Къ этому-же вечеру въ каждомъ домѣ готовится кутья́, узва́ръ (вареные вишни, тёренъ и яблоки), ставятъ въ передній уголъ—„пòкуть“ и непремѣнно на сѣно; во время вечери это поѣдается. У нѣкоторыхъ кутья и „узваръ“ стоятъ три дня. Этотъ вечеръ называется „бога́тый ве́черъ, святъ-ве́черъ“, такъ какъ въ каждой семьѣ къ ужину готовятъ всего много, пироговъ, вареной капусты съ постнымъ масломъ, кутьи, узва́ра. Праздники проходятъ въ гуляньяхъ; зятья непремѣнно идутъ къ тестямъ со своими женами, зазываются и сваты другъ къ другу погулять. Парни и дѣвки днемъ и вечеромъ собираются на улицахъ, поютъ пѣсни, пляшутъ подъ игру на балалайкѣ или гармоникѣ. Вечеромъ перваго дня дѣвки ходятъ по слободѣ подъ окнами домохозяевъ, поютъ пѣсни, въ которыхъ просятъ хозяевъ дать имъ колбасы, сала, пшена, пироговъ и т. п., все собранное продаютъ и дѣлятся деньгами. За три недѣли до масляницы начинаются „кула́чки“, каждый разъ съ дѣтей (одна половина слободы идетъ на другую); они происходятъ каждый день. Съ наступленіемъ масляницы вступаютъ въ бой женатые и взрослые до 35 лѣтъ, и тогда уже происходитъ серьезная борьба. Особенно сильна бываетъ „кулачка“ въ день заговѣнья, когда собирается и малый и старый; тогда изъ кулачки выходитъ драка, съ очень дурными послѣдствіями. Масляница проводится очень скромно, исключая того, что въ первый день масляницы женщины собираются обществами по 20 и 30 душъ, ходятъ по слободѣ, просятъ муки и сыра (это

называется „вязàть колóдку"), оставляютъ себѣ потребную часть муки и сыра, остатокъ продаютъ и покупаютъ водку. Вечеромъ собираются гдѣ нибудь въ одномъ домѣ, варятъ вареники, пьютъ водку и поютъ пѣсни. Въ первый день выѣзда въ поле для посѣва, берутъ съ собою хлѣбъ, испеченный на четвертой недѣлѣ, въ среду; хлѣбъ этотъ пекутъ въ видѣ креста.

Дѣтскія игры. „Свúнка". Выкапываютъ яму въ четверть или полторы въ діаметрѣ; вокругъ нея, аршина въ три, смотря по числу играющихъ, роютъ ямки поменьше. Самая свинка дѣлается изъ дерева круглая, величиною въ крупное яблоко. Одному изъ играющихъ, по жребію, приходится пасти это свинку, остальные захватываютъ ее кійкáми (палка, къ одному концу которой придѣлывается деревянное или настоящее яблоко), вокругъ большой ямки. Пасущій свинку обязанъ и старается вогнать въ среднюю яму (или, какъ её называютъ, дýчка) остальные не допускаютъ, бьютъ её кійками и въ это время слѣдятъ, чтобы пасомый не занялъ ихъ ямки своимъ кійкомъ; въ противномъ случаѣ, упустившему свою „дýчку" (ямку) приходится идти пасти свинку. Юношеская игра—въ мячъ; взрослыхъ—въ карты, шашки или „дамы" (въ очень рѣдкихъ случаяхъ). Танцы народные—русскій трепакъ и „барыня" или казачокъ. Народные музыкальные инструменты скрипка и гармоника, а музыканты—плохо играющіе самоучки.

Мѣстныхъ базаровъ нѣтъ, и народъ ѣздитъ почти каждое воскресенье въ ближайшія базарныя села, куда возитъ продавать зерновый хлѣбъ и огородныя овощи, на вырученныя деньги покупаетъ необходимое для семейства и хозяйства. Ярмарка однодневная бываетъ 1-го октября въ день Покрова Пр. Богородицы; въ этотъ-же день и нашъ храмовой праздникъ, на который изъ сосѣднихъ селъ съѣзжается множество народу: сватовъ, зятей и всякихъ родственниковъ и знакомыхъ. Послѣ Божественной литургіи народъ расходится по знакомымъ къ обѣду, а послѣ обѣда хозяева идутъ или ѣдутъ провожать своихъ гостей въ кабакъ, гдѣ происходитъ попойка. Храмовой

день у насъ проводится два—три дня и всѣ пьянствуютъ. Съ этого же дня начинаются сватанья. Къ этому дню изъ сосѣднихъ деревень приходятъ дѣвки и парубки, и здѣсь идетъ осмотръ обѣихъ сторонъ.

Повѣрья. Народъ крѣпко увѣренъ, что вѣдьмы, колдуны, „вовкулаки" и пр. существуютъ и причиняютъ разныя житейскія несчастья; напримѣръ: корова станетъ давать меньше молока, или какому нибудь хозяину несчастливится на мѣстѣ, т. е. неудача въ дѣлахъ, или скотъ худаетъ, или падаетъ,—всѣ эти несчастья приписываютъ колдовству.

Въ зимнія ночи случается, что волки, рыская по полю, заходятъ въ село и, гдѣ удобно или гдѣ прійдется, забираются въ овечьи хлѣва и разрываютъ овецъ; крестьяне убѣждены, что необходимо оставшихся овецъ продать всѣхъ (какъ выражаются „совсѣмъ зъ гнѣздомъ") и заводитъ вновь.

Историко-географическія и археологическія свѣдѣнія. Въ 1890 году наша церковь праздновала 100-лѣтіе своего существованія, но праздновала уже во вновь выстроенномъ храмѣ, которому въ настоящее время 26 лѣтъ. До 1892 г. въ новомъ храмѣ стоялъ иконостасъ изъ старой церкви, съ 1892 года въ нашей церкви устроенъ новый иконостасъ, старый-же разобранъ по частямъ и прибитъ къ стѣнкамъ сѣверной и южной частей храма. Жители имъ дорожатъ какъ древнею живописью, а также и въ виду рѣзьбы. Изъ дерева же старой церкви сдѣланъ общественный хлѣбный магазинъ. Письменныхъ документовъ, касающихся состоянія крестьянъ, не имѣется, но со словъ старожиловъ извѣстно, что крестьяне описываемой мѣстности и близъ лежащихъ селеній по рѣкѣ Камышной, именно: х. Нехаевъ, слоб. Никольская, слоб. Шилистовка, слоб. Морозовка, х. Пѣвнивъ, слоб. Зориковка, х. Николаевъ, (именуемый въ простонародіи Безбожковка), слоб. Стрѣльцовка, называемая Чечевка, слоб. Мойсеевка, слоб. Бараниковка, слоб. Ниже-Бараниковка, слоб. Злодѣевка (при слоб. Стрѣльцовкѣ, въ рѣку Камышену впадаетъ рѣчка Мѣловая, на которой лежитъ слоб. Великотскъ и государственный конный

заводъ Стрѣлецкій)—принадлежали казенному конному заводу и считались государтсвенными конно-заводскими крестьянами. Къ этому же заводу принадлежали селенія, расположенныя по рѣкѣ Деркулу, именно: слоб. Просяная, хут. Россховатый, Слоб. Марковка, слоб. Крыгская, слоб. Сычевка, слоб. Курячевка, слоб. Кононовка, хут. Гармашовъ; при слоб. Курячевкѣ впадаетъ въ рѣку Деркулъ рѣчка Лозная, на которой расположены: слоб. Кабычевка и слоб. Бондарева (означенныя селенія расположены по теченію рѣкъ и въ порядкѣ). Управленіе этими крестьянами было сосредоточено въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ, на р. Деркулѣ. На этой-же рѣкѣ расположены государственные кон. заводы: выше слоб. Бѣловдскъ въ 7 вер. заводъ Лимаревскій, выше Бѣловодска на разстояніе 7 верстъ Деркульскій или старый заводъ; въ 25 верстахъ отъ Бѣловодска на рѣкѣ Евсугѣ расположенъ заводъ Александровскій. Зависимость крестьянъ состояла въ томъ, что они платили оброкъ или подать по 3 руб. съ ревизской души, надѣлъ земли получали на душу больше, чѣмъ теперь, и обязаны были возить въ заводъ по 10 пуд. соломы съ души. Когда же отъ крестьянъ отрѣзана была земля и причислена къ заводамъ, то доставку соломы отмѣнили, а обязали общество во время сѣнокоса выѣзжать на заводскую землю и убирать сѣно въ пользу казны. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и государственные крестьяне отъ завода были освобождены. По разсказамъ стариковъ, слобода основалась пришельцами изъ Харьковской и другихъ губ. малороссійскихъ и великорусскихъ, а потому и говоръ жителей данной мѣстности смѣшанный. Подъ терминами: село разумѣется мѣстность, заселенная пришлымъ народомъ; деревня—если при селѣ растутъ разныя породы деревьевъ; слобода—большое торговое село, въ которомъ есть двѣ или три церкви и базары; слободка и мѣстечко—небольшія села безъ церкви, находящіяся вблизи слободы; хуторъ—небольшое село безъ церкви.

Нарѣчіе. Жители даннаго села называютъ себя хохлами, также называютъ ихъ и сосѣди. Неударяемый звукъ *о* въ говорѣ такъ и произносится, за небольшими исключеніями, напр.,

вивцà, викнò. Ударяемый звукъ *о* часто измѣняется въ *и*, напр.: вѝлъ—волъ; Дѝнъ—Донъ; кѝвшъ—ковшъ; кѝтъ—котъ; ми́й—мой; ди́йна корова—дойная корова; ки́зка—козка; стѝлъ—столъ; вѝвци—овцы; кинь—конь; двиръ—дворъ; пилъ—полъ; ки́шка—кошка; ти́къ—токъ; ти́лько—только и пр. При измѣненіи же падежа, въ этихъ словахъ опять преобладаетъ звукъ *о*. Переходъ неударяемаго *а* въ *о*, напримѣръ: Авдѣй—Овдѝй; Ананій—Она́ний; работникъ—робо́тныкъ, слово же Андрей такъ и произносится.

Ударяемый звукъ *е* чаще въ словахъ удерживается, но есть случаи, когда *е* переходитъ въ *и*; напр.: ти́тка—тётка; печка—пи́чка; жена—жи́нка; таре́лка—тари́лка. Ударяемый звукъ *ѣ* почти всегда переходитъ въ *и*, напр.: лѣсъ—лисъ, хлѣбъ—хлибъ; вѣкъ—викъ; ослѣпъ—ослѝпъ; слѣпота—слипотà, вѣра—ви́ра; бѣгъ—бигъ, и вообще всѣ слова съ кореннымъ *ѣ*. Звукъ ё въ говорѣ употребляется, хотя и рѣдко; напр., ему—ёму; ё въ смыслѣ неужели; но́готь—нёготь; человѣкъ—чоловѝкъ; щека—щёка.

Неударяемые звуки *е* и *ѣ* измѣняются, хотя и не всегда, напр., въ словахъ: землѧ̀, купѐцъ, пшенѝца, ребѧ́та, сестрà, медо́вый звукъ *е* такъ и остается; а въ словахъ: лѣсно́й—лисны́й; бѣловатый—билова́тый; жена—жінà; на мѣстѣ—на ми́сти; ещѐ—щэ; человѣкъ—чоловѝкъ,—измѣняется. Звукъ *ы* измѣняется въ *у*, напр.: былъ—бувъ; было—булò; умываться—умывацьця. Звукъ *в* вмѣсто *у* и *у* съ придыхат. *в*, напр., въ словахъ: ударить—вда́рить; улица—ву́лыца; взѧ̀ть—узѧ̀ть; вдовѐцъ—удовѐцъ; вдовà—удовà. Звукъ *у* иногда подвергается измѣненію въ *ы*, напр., глубокò—глы́боко; въ словахъ: будто, буйная головка, кукушка, *у* не подвергается никакимъ измѣненіямъ. Слова, начинающіяся гласными звуками, иногда имѣютъ придыханіе, напр.: онъ—винъ; у́тка—ву́тка; овцà—вивцà; окно—викнò. Звукъ *д* подвергается измѣненію въ *т*, напр.: ло́дка—ло́тка, хотя и очень рѣдко; слова-же: дѣти—ди́ты; видѣлъ—ба́чивъ; тѣло—ти́ло; свѣтелъ—сви́тлый; мѣсяцъ—ми́сяцъ; въ золотѣ—въ зо́лоти; зналъ—знавъ, тёмный—те́мный; отлетѣлъ—отлетѝвъ. Случаи измѣненія гортанныхъ *г*, *к*, *х* въ *ж*, *ч*, *ш* и въ *з*, *ц*, *с*, напримѣръ: на рѣкѣ—на ри́чци, въ лугахъ—лу́кахъ, на берегу̀—на бе́рези,

при дорогѣ—при дорóзи, въ кабакѣ—въ кабаци́, въ сундукѣ—въ сундуци̇̀, въ сторожкѣ—въ сторóжци, въ землянкѣ—въ землянци и т. д. Слова хозяйка—хазя́йка, копѣйка—копи́йка, я́блочковъ—я́блучкивъ, корольковъ—королькѝвъ, палочка—па́личка, на рѣчку—на ри́чку. Звукъ *л* въ срединѣ словъ иногда подвергается смягченію безъ всякой видимой надобности, напр.: бутылка—буты́лька; или же, гдѣ *л* слѣдуетъ произносить мягко, его произносятъ твердо, напр.: большой—болшо̀й; больной—болно̀й; большущій—болшу́щій; дѣльный—дѣлный; мальчикъ—ма́лчикъ; пальчикъ—па́лчикъ; вольный—во́лный; тесьма—тесма; письмо—пысмо̀. Звучные согласные въ концѣ словъ въ отзвучныя не измѣняются; такъ, слова: дубъ, городъ, лугъ, такъ и произносятся. Имена прилагательныя въ именительномъ падежѣ имѣютъ окончаніе настоящее, т. е. муж. р. *ый*, жен. *а*, ср. *е*; напр.: черный, синій, красный; прилагательныя въ женскомъ и среднемъ р. имѣютъ сокращенное неполное окончаніе *а*, *я*, *е*, напр.: че́рна—че́рне; сы́ня—сы́не; зеле́на—*е* и т. д. Имена прилагательныя, оканчивающіяся на *ой*, въ им. пад. имѣютъ *ый*,—напр.: хромой—хромы́й, дурной—дурны́й, слѣпо́й—слипы̀й, молодой—молоды̀й, дорогой—дороги̇̀й, золотой—золоты̇̀й и т. д. Прилагательныя въ родительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ окончаніе *ого*. Мѣстоимѣніе *я* имѣетъ въ родит. пад. менѐ дат. мини̇̀

ты	„	„	тебѐ	„	тоби̇̀
себя	„	„	себѐ	„	соби̇̀
онъ	„	„	ёго̀	„	ёму̀.

Мѣстоименіе *тотъ* произносится *той*, род.—того̀, дат. тому̀; *этотъ*—цей—цёго̀—цёму̀. Глаголы во второмъ и пер. лицѣ ед. числа оканчиваются на *ешъ*, *етъ*, только звукъ *е* не переходитъ въ ё, напр., ведёшь—ведѐшь и т. д. Въ третьемъ лицѣ ед. числа глаголы оканчиваются на *е* или *а*, напр.: ведетъ—ведѐ, несетъ—несѐ, коситъ—косѐ, читаетъ—чита̀, рубитъ—руба̀ и т. д. Въ третьемъ числѣ множ. числа глаголы оканчиваются на *утъ*, *ютъ*, *атъ*, *ятъ*; глаголы возвратнаго, взаимнаго и общаго залоговъ оканчиваются на *цьця*: учацьця—ма́юцьця—ба́луюцьця и т. д.; притомъ замѣчается, что *т* выпадаетъ толка́еца—игра́юца и т. д. Въ прошедшемъ времени глаголы оканчиваются въ единствен.

числѣ на *ывъ* или *авъ*, напр.: читàвъ, пысàвъ, игрàвъ, косы̀въ, воды̀въ и т. д., а во множ. числѣ на ылы—косы́лы, чита́лы, возы́лы и т. д. Въ говорѣ замѣчаются непонятныя слова, напр.: оцѐй—этотъ; видкѝль—откуда; пу́зъ—вдоль, возлѣ; стривàй—обожди; на ро́зи—на углу̀; тривàй—обожди; ге́ть—прочь; треба—нужно и т. д. Изъ обыденныхъ фразъ особенно практикуются выраженія при привѣтствіи другъ друга, напр., при встрѣчѣ утромъ говорятъ такъ: „ночува́лы собѝ", на что отвѣчаетъ другой: „Сла́ва Бо́гу, я́къ вы собѝ", что равносильно съ „добрымъ утромъ"; если привѣтствуютъ днемъ, то говорятъ: „днюва́лы соби", а отвѣтъ тотъ же, что и раньше. Есть еще выраженіе: „що въ Бо́га день", что значитъ „каждый день".

Ф. С. Борметовъ.

31.—Сл. Римаревка.

Поселеніе и населеніе—Свадьбы.—Обрядовыя пѣсни.—Юридическіе обычаи.

Слоб. Ри́маревка, Старобѣльскаго уѣзда, Куря́чевской волости, расположена подъ горою въ долинѣ и окружена съ восточной стороны рѣкою Деркуломъ, съ западной мѣловыми горами, съ южной—лугъ, на которомъ расположены постройки государственнаго Лимаревскаго коннаго завода, напоминающаго собою маленькій городокъ; съ сѣверной—ровною мѣстностью, со многими селеніями, окруженными деревьями. Особенностей мѣстоположенія почти никакихъ нѣтъ; но земля, принадлежащая Римаревкѣ, надобно полагать, заключаетъ въ себѣ много минераловъ: она изобилуетъ множествомъ всевозможныхъ глинъ, и въ ней по присутствію найденнаго въ 1890 году гипса, признаютъ залежи каменной соли. Въ 1892 г. являлся горный инженеръ и сдѣлалъ контрактъ, по которому предполагается произвести развѣдки. Пробы производятся, а чѣмъ они окончатся—дѣло будущаго. Римаревка отъ уѣзднаго города Старобѣльска находится въ пятидесяти верстахъ. Начало свое, какъ говоритъ народное преданіе, о чемъ, впрочемъ, частію говорится и въ лѣтописяхъ, слобода получила отъ поселенія на этомъ мѣстѣ трехъ выходцевъ изъ Полтавской губерніи, которые появились въ

концѣ восемнадцатаго вѣка. Имена ихъ: Ри́марь, Коно́нъ, и Гарма̀шъ. Одинъ изъ нихъ Ри́марь остановилъ свое вниманіе на мѣстности къ западу отъ рѣки Деркула, а Кононъ и Гармашъ отправились за рѣку и поселились къ востоку отъ нея. Съ теченіемъ времени къ этимъ первымъ поселенцамъ стали приходить еще другіе, и такъ образовалось три хутора: Ри́маревка, Ко́ноновка и Гармашевка. Изъ упомянутыхъ трехъ хуровъ въ Римаревкѣ оказалось сравнительно больше жителей, почему жители трехъ хуторовъ сообща построили въ Римаревкѣ небольшую изъ дикаго камня церковь, и вслѣдствіе этого Римаревка стала именоваться съ тѣхъ поръ слободою. Жителей въ сл. Римаревкѣ до 700 душъ мужскаго пола. Всѣ они малороссы, но на нихъ уже повліяло ближайшее сосѣдство жителей земли Войска Донскаго, куда они каждый годъ ходятъ на заработки, вслѣдствіе чего измѣнился говоръ и наружный видъ. Особенностей мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ осталось у насъ немного, да и тѣ уже не составляютъ какъ-бы нѣчто удержанное отъ старины, а вошли въ употребленіе, благодаря близости торговаго мѣстечка Бѣловодска, гдѣ римаревцы постоянно бываютъ и производятъ торговлю хлѣбомъ. Стремленіе къ чтенію у народа довольно замѣтно, но книгъ доставать трудно, за исключеніемъ лишь въ школѣ и церковной библіотекѣ. Чтеніе народъ вообще любитъ по большей части религіозно-нравственное. Благодаря изобилію мѣла, жители устраиваютъ себѣ изъ него жилища. Хаты выходятъ изъ мѣла довольно красивыя. Хату большею частью раздѣляютъ внутри на двѣ половины, такъ что получаются двѣ комнаты, всегда довольно чистыя, просторныя и свѣтлыя. Въ каждой хатѣ обращаетъ на себя вниманіе изобиліе иконъ въ переднемъ углу, часто всѣ стѣны украшаются ими, что особенно любитъ народъ. Дворовыя постройки устраиваются въ послѣднее время всѣ изъ мѣла, потому что лѣсовъ нѣтъ, и постройки эти выходятъ очень красивы, такъ что онѣ, пожалуй, не уступаютъ по красотѣ своей и кирпичнымъ зданіямъ. Замѣчательно, что въ слободѣ пока еще не замѣчается густоты построекъ: всѣ хаты одна отъ другой находится на большомъ разстояніи, также и постройки дворовыя

отдѣлены другъ отъ дрга порядочнымъ разстояніемъ. Улицы въ слободѣ широкія и какъ-бы приготовлены къ тому, чтобы обсаживать ихъ деревьями; если бы это было сдѣлано, то слобода была-бы значительно обезпечена отъ народнаго бича— пожаровъ.

Одежда мужчинъ, какъ видно по остаткамъ старины, совершенно измѣняется. „Чина́рка“ и пиджаки стали входить въ моду у молодежи, и пройдетъ еще немного времени, какъ совершенно исчезнутъ „габо́выя“ свиты и суконныя, бѣлаго сукна, мужскія курточки. Зимняя одежда состоитъ изъ полушубковъ и тулуповъ изъ овечьихъ смуховъ и дѣлается довольно красиво. У женщинъ уже вывелись такъ называемыя „де́рги“, приготовляемыя изъ черной овечей шерсти; ихъ замѣнили ситцевыя юбки. На головѣ почти всегда можно встрѣтить у старухъ повязки большими хорошими платками, у молодежи же платочки шерстяные разныхъ цвѣтовъ. Зимою женщины одѣваются въ тулупы, крытые хорошимъ сукномъ и обложенные мѣхомъ; такіе тулупы у народа называются „байбара́ки“, и стоимость ихъ часто доходитъ до 50 р. и болѣе. Вообще надо сказать, что народъ любитъ щеголять; въ особенности женщины, повидимому, здѣсь ни о чемъ другомъ такъ не заботятся, какъ только о томъ, чтобы одѣться по возможности щеголеватѣе. Къ этому пріучены они благодаря тому, что многія изъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ съ апрѣля мѣсяца нанимаются къ болѣе состоятельнымъ по торговлѣ галантерейнымъ товаромъ. Почти до Рождества Христова ходятъ по разнымъ городамъ, станицамъ и отдаленнымъ хуторамъ земли Донской, Кубанской области и др. и, получая за свой трудъ довольно хорошую цѣну, напр., отъ 100 руб. до 200 руб. отъ апрѣля по декабрь, приходятъ домой и большую часть заработковъ тратятъ на наряды. Глядя на нихъ, и оставшіяся дома не отстаютъ и на послѣднюю, трудомъ заработанную, копѣйку непремѣнно стараются расфрантиться. При этомъ невольно припоминается старинная поговорка: „на верху шелкъ, а внутри щелкъ“.

Пища крестьянъ не затѣйлива. Она состоитъ у богатыхъ изъ борща, пшенной каши, вареников—въ скоромные дни,

съ сыромъ, а въ постные—съ капустою; хлѣбъ большею частію приготовляется изъ смѣшанной муки—пшеничной и ячменной, у бѣдныхъ-же почти изъ одной ячменной. Мяса мало употребляютъ. Скотъ переводится вслѣдствіе уничтоженія пастбищъ, земля же выработана благодаря, съ одной стороны, годовому только отдыху ея, а съ другой—бездождію; въ послѣдніе-же годы корма—никакого. Хотя жители и занимаются больше посѣвомъ пшеницы, но едва только обмолотятъ ее, какъ сейчасъ-же продаютъ для уплаты податей, на расплату съ долгами, которыхъ у каждаго крестьянина наберется довольно за зимнее безработное время. Такъ какъ въ описываемой мѣстности нѣтъ мѣстныхъ заработковъ, то поэтому, крестьянинъ что лѣтомъ наживетъ земледѣліемъ, то за зиму проживетъ. Вообще замѣтно, что крестьяне бѣднѣютъ, съ одной стороны, благодаря постояннымъ недородамъ хлѣба, а съ другой, часто уже и съ заработковъ въ землѣ Донской, приходятъ съ пустыми руками, такъ какъ и тамъ за послѣдніе годы урожаи плохи.

Для освѣщенія въ домахъ употребляется вездѣ керосинъ.

Въ слободѣ незамѣтно исключительно свойственныхъ селенію болѣзней, но случается, хотя и рѣдко, дифтеритъ и скарлатина. Холеры въ 1891 году не было, но въ селѣ были нѣкоторыя врачебныя распоряженія на случай появленія ея, и народъ сочувственно отнесся къ нимъ. Была прислана мѣстному священнику отъ земства аптечка, и народъ пользовался нѣкоторыми лѣкарствами и отъ не холерныхъ болѣзней. Надобно сказать, что если-бы чаще врачебный персоналъ посѣщалъ селеніе, то народъ совершенно ввѣрялъ-бы ему себя въ полное распоряженіе; это видно изъ того, что рѣдко кто не обращается на случай болѣзни то къ врачу, то къ фельдшеру; но такъ какъ эти послѣдніе живутъ не въ этомъ селѣ, то обращаться къ нимъ затруднительно для крестьянъ и, не смотря на это, повторяю, народъ все-таки сочувственно относится къ научному лѣченію. Мѣстныхъ знахарей здѣсь нѣтъ, а есть только бабки, которыя на случай боли въ животѣ заговариваютъ „са́яшныци“ и дѣлаютъ что-то въ родѣ сухихъ банокъ.

Главное занятіе жителей—земледѣліе; есть, впрочемъ, и пасѣки, но въ нихъ на все село не болѣе 50 ульевъ пчелъ. Изъ

кустарныхъ промысловъ по немногу всего, что называется; знаютъ „небойко“ шить сапоги, сдѣлать возъ, пошить „чина́рку“ и тулупъ, а нѣкоторые дѣлаютъ и горшки.

Относительно религіознаго настроенія народа надобно сказать, что онъ стоитъ на довольной высотѣ развитія; это видно изъ того, что народъ любитъ читать религіозныя книги, исправно посѣщаетъ церковь, расположенъ къ взаимопомощи, во всѣхъ своихъ нуждахъ прежде всего обращается къ Богу и при началѣ почти каждаго дѣла молится, гостепріименъ и всегда готовъ жертвовать по первому призыву. Религіозныя вѣрованія вліяютъ на всѣ другія области мысли и жизни, отсюда понятна и самая нравственность.

Народъ любитъ посылать дѣтей въ школу къ учителю и относится къ нему какъ къ лицу, желательному въ селѣ. Не мало лежитъ обязанностей на женщинахъ, и онѣ вообще замѣчательно трудолюбивы и выносливы. Женщина въ семьѣ полновластная хозяйка. Она завѣдываетъ почти всѣмъ домомъ: варитъ, моетъ, огородъ убираетъ, за дѣтьми смотритъ и подчасъ скотинѣ подастъ кормъ и напоитъ; въ жаркую лѣтнюю пору на степи работаетъ и, какъ-бы далеко ни отлучалась изъ дому, къ вечеру спѣшитъ домой загнать овечку, накормить свинью, подоить корову и на другой день, едва только—заря, какъ она опять отправляется въ поле. Вообще она пользуется въ семьѣ должнымъ почетомъ, какъ мать, жена и хозяйка. Приниженности никакой не замѣтно. Что касается до общественныхъ дѣлъ, то тамъ она не участвуетъ ни словомъ, ни дѣломъ. Отношенія родителей къ дѣтямъ еще во многихъ семьяхъ сохраняются патріархальныя, но стремленіе дѣтей къ раздѣлу—на свободу уже нарушаетъ эти отношенія. Отношеніе къ наймитамъ довольно человѣчно и почти родственно; вообще наймитъ считается какъ-бы семьяниномъ и мало чѣмъ отличается отъ членовъ семьи. Кабакъ въ селѣ одинъ, и особаго пьянства, такъ сказать повальнаго, нѣтъ. Пьютъ, конечно, но въ свободную пору и не видно, чтобы отъ пьянства уменьшалось благосостояніе.

При рожденіи и крещеніи дѣтей не замѣчено никакихъ обычаевъ. Обыкновенно послѣ рожденія „могорычу́ютъ“, т. е. угощаются водкою, что дѣлается и послѣ крещенія.

Вечерницы. Теперь это—собраніе молодыхъ парней и дѣвокъ въ одной какой-либо хатѣ; тамъ дѣвки прядутъ пряжу или шьютъ что-либо, а парни играютъ на гармоникахъ и пританцовываютъ. Потомъ обыкновенно готовятъ ужинъ съ выпивкою.

Свадебные обряды. Послѣ вѣнчанія новобрачная идетъ въ свой домъ, а новобрачный въ свой; затѣмъ она собираетъ „дружокъ“ (подругъ), идетъ съ ними обѣдать къ старшей дружкѣ, и онѣ поютъ въ дорогѣ пѣсни:

Колесомъ сонычко йде.
Молода княгиня подруженьки веде.
Своему батеньку день добрый дае.
Сей день на весь день, та й до вечера.

Затѣмъ еще:

Я по бережку ишла,
Суху рыбку найшла.
Суха рыбка не трецьця,
Багатый, ненько, не шлецьця,
А убогій, ненько, не сміе
Такъ витеръ мою и кисоньку розвіе.

Вечеромъ того дня молодая съ дружками идетъ въ самую дальнюю хату отъ дома молодого, чтобы скрыться отъ него и его бояръ, и когда прійдутъ, то прячется на печку и тамъ „спитъ“, а дружки садятся за столъ и поютъ. Въ это время у молодого собирается поѣздъ. На первую тройку лошадей садится молодой, и въ это время его мать обсыпаетъ его хмелемъ, овсомъ, деньгами и проч.; на послѣдней-же тройкѣ садятся свашки и свитилка (свашки—женщины замужнія, а свитилка—дѣвка, и всѣ они родственники новобрачнаго). Въ рукахъ свитилки „мечъ“ (громадный букетъ, составленный изъ пучковъ ягодъ калины и цвѣтовъ „крокоса“) свашки же берутъ громадный узелъ шишекъ, которыя формою похожи на сосновыя, только сдѣланы изъ тѣста. Во время ѣзды поютъ:

А въ лыгони, та въ осычини,
(липовая и осиновая роща)
Тамъ староста сино косе.
Й ижъ, коню, зелено сино,
А пый холоду воду.
Та играй, коню, та по-пидо мною,
Та пойдемъ помижъ чужиною:
Щобъ чужина дывувалася,
А сванычка наряжалася.

Накатавшись, молодой подъѣзжаетъ къ той хатѣ, гдѣ находится молодая и требуетъ ее, но дружки предъявляютъ ему тре-

бованіе выкупа, котораго молодой не хочетъ дать; послѣ упорства съ обѣихъ сторонъ молодой отъѣзжаетъ прочь и поѣздивши опять является за новобрачною. Такъ тянется до тѣхъ поръ, пока новобрачный не поднесетъ по рюмкѣ водки дружкамъ; тогда онѣ выводятъ молодую—княгиню, какъ называютъ ее, сажаютъ ее возлѣ молодого—князя, и новобрачные до самаго вечера катаются по слободѣ. Наѣздившись въ волю, молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой, останавливаются возлѣ воротъ, и молодая идетъ въ хату, садится за столъ, а молодой опять отъѣзжаетъ и, поѣздивши около часу, въѣзжаетъ во дворъ новобрачной, гдѣ теща встрѣчаетъ его съ хмелемъ, угощаетъ водкою его и бояръ (боярами называются молодые парни, товарищи жениха). Въ это время, когда свашки новобрачной выходятъ изъ ея хаты и останавливаются у порога, подходятъ къ нимъ со двора свашки молодого и становятся попарно, одна противъ другой, и правая съ правою цѣлуются, а лѣвая съ лѣвою и обмѣниваются паляницами, т. е. особымъ видомъ печенаго хлѣба. Затѣмъ „свашкй“ послѣ обмѣна входятъ въ хату и садятся за столъ. Вслѣдъ за „сва́шками“ дружко ведетъ князя (дружко выбирается вообще изъ женатыхъ и опытныхъ людей и служитъ руководителемъ въ продолженіи всей свадьбы), останавливается съ нимъ у порога хаты и произноситъ слова: „Го́споди Іису́се Христе́, сы́не Бо́жій, помы́луй насъ“. А „старосты̀“ (поручители при вѣнчаніи со стороны невѣсты) отвѣчаютъ ему: „Амѝнь“. За симъ опять дружко̀ обращается къ старостàмъ со слѣдующею рѣчью: „ста́роста, паны́староста, хто до ко́го, а я до Бо́га, та до ва́шего здоро́вья, благословы̀ть молодо́го кня́зя за стилъ завесты̀“. Въ это время сидѣвшіе на мѣстѣ новобрачнаго возлѣ новобрачной мальчики вскакиваютъ и бьютъ дружкà „кійкàми“ („кійкàми“ называются палки, на концы которыхъ крѣпко привязаны пучки соломы) и требуютъ выкупа за мѣсто. Когда дружко дастъ имъ по рюмкѣ водки и по копѣйкѣ, тогда они уступаютъ мѣсто молодому—князю. Въ продолженіе этой процедуры новобрачная сидитъ, наклонившись головою къ столу, старшая дружка держитъ на головѣ ея „калàчъ“ (печеный хлѣбъ, украшенный калиною), а на столѣ, надобно сказать, лежитъ громадный хлѣбъ, украшенный сверху

калиною и бантиками изъ красной ленты, который называется у нихъ „ле́жнемъ“. На этомъ лежнѣ положены двѣ ложки, перевязанныя красными нитками и предназначенныя для молодыхъ, затѣмъ пустая бутылка, въ которую воткнута вишневая вѣтка, обвязанная разноцвѣтными бумажками и искусственными цвѣтами, и бутылка съ медомъ, которая предназначена для бояръ. Дружки стараются украсть ее, и послѣ нѣкоторой борьбы она достается боярамъ, которые сидятъ за столомъ противъ дру́жекъ. Когда молодого заведутъ за столъ, то онъ поднимаетъ голову наклоненной княгини и цѣлуетъ ее, а старшая дружка снимаетъ калачъ съ головы и кладетъ его на столъ. Свашка беретъ у „свити́лки“ „мечъ“, въ средину котораго ставится зажженная свѣча, и обводитъ имъ три раза надъ наклоненными головами молодыхъ. Послѣ этого отецъ и мать молодой угощаютъ присутствующихъ водкою и подносятъ прежде всего молодому и молодой; тѣ встаютъ и дѣлаютъ поясной поклонъ, что обозначаетъ, что они отказываются отъ водки и предлагаютъ ее отцу и матери, и до тѣхъ поръ продолжаютъ свои поклоны, пока не обнесутъ водкою всѣхъ родныхъ. Въ заключеніе пьютъ и молодые, а свашки въ это время роздаютъ каждому по шишкѣ. (Надобно сказать, что всѣ здѣсь присутствующіе—родня молодой, родни же молодого, кромѣ свашекъ и свитилокъ, нѣтъ никого). За симъ дружки поютъ пѣсни, обращаясь къ молодой:

„Та-ты ду́шенько молода̀ княги́ня:
Чи пи́сни спива́ты, чи свашкѝ проха́ты?

Потомъ, обращаясь къ свашкамъ, поютъ: „Сва́нычко, свыты́лочко, борви́ночко, заспива̀й намъ хочъ одниéи висúльнои—приизжои пи́сеньки“. Свашки отвѣчаютъ: „А у на́шего па́насва́та у дворѝ стоѝть я́блоня, лыбо́нь дви; а на одни́и я́блони соловѐй, а на дру́гии зозу́ля. Благослови́те па́нови сватови пи́сеньки заспива́ты: тожъ не соловѐй—свато́чекъ, тожъ не зозу́ля—свынычка“.

При этомъ, если дружкамъ не дадутъ шишекъ (это дѣлается для того, чтобы вызвать дружекъ на болѣе комичныя пѣсни), то дружки, разсердившись на свашекъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

Сва́шка не липа́шка,
Шишо̀къ не липы́ла,
А злипы́ла съ зеле́ного си́на,
Тай-ту сама̀ ззи́ла.
Свыты́лка шпы́лька при стинѝ,
Тай-на-ии́ соро́чка не ии̇,
Прыйшла̀, суси́да торка́е,
Скида́й соро́чку-смерка̀е.
Закви́чана косы́цями,
Сыдя̀тъ во́ши копы́цями.

Свашки имъ отвѣчаютъ:

„Вы дру́жечки-ра́ки,
Бре́шете, якъ соба́ки“.

Потомъ дружки поютъ:

„Наи́халы, моѝ не́нько, щось за паны̀,
Взя́лы мою̀ ки́соньку пидъ жупаны̀.
Ста́ла моѝ не́нька пла́каты:
Та не плачъ, моѝ не́нько, по минѝ,
Та заплà̀чъ, моѝ не́нько, по моёму дивова́нью, та по красѝ“.

Еще:

„Я и́рокъ не коты́ла, покоты́лыся и́рки,
По моёму би́лому лы́чку слизкѝ.
Вона̀ (невѣста) стри́бная сере́жычка,
А винъ (женихъ) золоты̀й оби́дчикъ (кольцо).
Тай обви́вся винъ би́ля—би́лои ру́чки, би́ля ии̇ ру́сои кисочки“.

Затѣмъ начинаютъ дарить, отколовъ предварительно у невѣсты вѣнокъ и поютъ:

„Молоды̀й пано̀чокъ знявъ у ме́не ви́ночокъ“.

Сидящая на „полу̀“ (поломъ у нихъ называются доски, положенныя для спанья) сестра невѣсты, пришивая къ шапкѣ жениха вѣнокъ, поетъ:

„Зять на ме́не та неды́выцьця:
Винъ на ме́не ны́шкомъ кры́выцьця,
Винъ на ме́не, та не погля́не,
Винъ ме́не ны́шкомъ ла́е“.

Послѣ этого она надѣваетъ шапку жениха себѣ на голову и держитъ ее на головѣ, пока женихъ не выкупитъ ея. Выкупъ состоитъ въ томъ, что дружко подноситъ ей шишку, рюмку водки и 1 руб. серебромъ деньгами. Получивъ выкупъ, она возвращаетъ шапку жениху. Послѣ этого мать новобрачной перевязываетъ жениха большимъ хорошимъ платкомъ, а ей свашка, со стороны новобрачнаго, даритъ „чо́-

боты“ (сапоги изъ краснаго сафьяна) и затѣмъ со стороны новобрачной даются подарки всѣмъ свашкамъ, дружку и боярамъ: свашкамъ и дружку по „хусткѣ“ (платочекъ), а боярамъ по красной ленточкѣ изъ кумача. Получивъ эти подарки, каждый изъ нихъ говоритъ при этомъ: „Спасыби батькови, матери и молодий княгини, що рано вставала и намъ подарки пряла“. Послѣ этого дружки поютъ пѣсни:

„Та прощай-же, прощай, сестра наша!
Та берёмо мы твоѐ дивованье собѝ,
Та разлука намъ съ тобою, якъ зъ ридною сестрою“.

При этомъ встаютъ изъ-за стола и уходятъ совсѣмъ изъ хаты. На мѣсто ихъ рядомъ съ молодою садятся замужнія женщины, расплетаютъ ей косу, вынимаютъ ленты, при чемъ она плачетъ, а они поютъ:

„Чого-жъ ты, молоденька, досижуешъ
И батеньковы не дякуешъ?
Ужѐ-жъ коныки позапряганы,
И колясочки позавертаны,
Тильки систы, та пойхаты“.

За симъ подружій (лицо со стороны невѣсты) начинаетъ разрѣзывать калачъ, что лежалъ на головѣ новобрачной и раздаетъ его куски присутствующимъ. Потомъ уже выводятъ новобрачныхъ изъ-за стола къ отцу и матери, которые стоятъ посреди хаты съ образомъ и хлѣбомъ; молодые кланяются, а отецъ и мать благословляютъ ихъ. При этомъ свашки поютъ пѣсни:

„Спасыби тобѝ, мий батенько,
За твоѐ коханычко, що я у тебе гуляла,
Ниякого дила не знала,
Тильки знала питы въ садочокъ, та сплесты виночокъ,
Та питы (идти) до дивочокъ“.

Еще поютъ:

„Не жалосливa, матинко:
Протывъ ничкы шле до ричкы,
Не даѐть минѝ провиднычкы,
Ни риднѐнькои сестрычки,
Я и дориженьки не знаю,
Де жъ минѝ спаты—ночувaты:
Чы въ чистомъ поли, чы въ дуброви,
Чы въ свекровий комори (амбарѣ)“.

Наконецъ, свашка и подружій покрываютъ новобрачную большимъ платкомъ, выводятъ ее и усаживаютъ на приготовленную повозку и сами садятся возлѣ невѣсты, а новобрачный верхомъ на лошади три раза объѣзжаетъ вокругъ повозки, на которой сидитъ молодая и за каждымъ разомъ слегка бьетъ ее кнутомъ. (Надобно сказать, что если новобрачный недоволенъ молодою, то, какъ говорятъ, въ третій разъ ударитъ такъ сильно, что кровавая „пьявка" покажется на спинѣ). Потомъ новобрачный садится рядомъ съ новобрачною, весь поѣздъ выѣзжаетъ со двора и направляется къ дому новобрачнаго. Присутствующіе здѣсь парубки, товарищи новобрачнаго, оставшись возлѣ двора новобрачной, если только знаютъ, что она была дурного поведенія, то вслѣдъ отъѣхавшему поѣзду стрѣляютъ изъ холостого ружья и свистятъ. Въ домѣ новобрачной остаются ея родственники и сосѣди, ужинаютъ и пьютъ въ ожиданіи добрыхъ вѣстей о новобрачной. Когда новобрачные пріѣзжаютъ въ домъ молодого, то его отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ образомъ и хлѣбомъ. Молодые, поклонившись имъ три раза въ ноги, входятъ въ домъ, гдѣ заводятъ ихъ за столъ, отецъ же и мать угощаютъ ихъ водкою. Въ это время свашки и вообще присутствующія женщины поютъ:

„Та прыи́хавъ молодый съ подо́лу,
Та прывизъ подоля́ночку съ собо́ю.
Частуй мене̂, мий ба́теньку: я въ те́бе гисть (гость),
И частуй мою любую го́стю, шо я прывизъ".

Когда пропоютъ эту пѣсню, то новобрачные встаютъ изъ-за стола и отправляются на покой, а вся компанія располагается ужинать и гулять. На другой день, рано утромъ, если новобрачная безупречна, то дружко и свашка, сопровождавшіе ее, привозятъ молодыхъ въ домъ новобрачной къ ея отцу на „сни́данье", т. е. на закуску, которая состоитъ изъ хлѣба и меду; этимъ же угощаютъ и всѣхъ присутствующихъ здѣсь. Если же новобрачная не безупречна, то ее не привозятъ, а оставляютъ у свекра, и является только одинъ молодой приглашать всю „бе́седу—кампа́нію" къ себѣ въ домъ, и когда соберутся гости новобрачнаго, то прежде всего угощаютъ ихъ хлѣбомъ съ медомъ

въ случаѣ безупречности, въ противномъ же случаѣ—хлѣбомъ съ лукомъ. Вся эта компанія даритъ невѣсту; молодая принимаетъ подарки не съ своимъ молодымъ, а съ замѣняющимъ его парнемъ, потому что молодого вмѣстѣ съ дружкомъ въ это время посылаютъ за отцомъ и матерью и всѣхъ приближенныхъ новобрачной, для приглашенія ихъ въ домъ новобрачнаго. Когда молодой явится къ отцу и матери новобрачной, то его заводятъ за столъ и угощаютъ водкою и калачемъ; онъ съ своей стороны отвѣчаетъ тѣмъ-же. Послѣ этого молодой выходитъ изъ-за стола, кланяется всѣмъ и проситъ ихъ къ себѣ, а тещу ведетъ подъ руку до своего дома. Когда прійдетъ вся эта компанія, или, по мѣстному названію, „перизва", во дворъ молодого, то его мать наряжаютъ въ одежду новобрачной, что означаетъ, что послѣдняя безукоризненна; затѣмъ вводятъ гостей молодой въ хату, гдѣ за столомъ сидятъ товарищи молодого. Сидящимъ за столомъ отецъ молодой даетъ водки и проситъ, чтобы они вышли изъ-за стола и уступили мѣста явившейся компаніи новобрачной. Когда компанія молодаго выйдетъ съ хаты, то гости изъ дома молодой всѣ за столъ усаживаются и ихъ угощаютъ водкою по громадному стакану, для того, чтобы они скорѣе сдѣлались пьяными; въ противномъ случаѣ, если мало водки, то они бываютъ недовольны и поютъ: „И сва́тови лы́ска, и сва́си лы́ска, и молодо́му лы́ска, и молоди́и лы́ска",— т. е. слѣдуетъ бить ихъ за плохое угощеніе. Гости же новобрачнаго, когда выйдутъ изъ хаты, то имъ дается водка, которую они тутъ же распиваютъ во дворѣ жениха, причемъ такъ безобразничаютъ, что если что покажется во дворѣ: свинья ли, или овца, или теленокъ, то сейчасъ же рѣжутъ его, и мясо варятъ среди двора; такъ забавляются до тѣхъ поръ, пока не уйдетъ компанія молодой. Когда отецъ и мать новобрачной сидятъ за столомъ, то ихъ дочери, т. е. молодой, не показываютъ имъ, а вмѣсто ея наряжаютъ въ ея одежду какую нибудь „молоды́цю", которая бросается цѣловать мать. Тогда мать новобрачной, поднимая платокъ съ ея головы, говоритъ, а другіе поютъ: „це не на́ша, це не на́ша, а ввиды́ть на́шу, а якъ не ввыдытѐ, то полетя́ть ложкѝ й мыскы́ зъ ха́ты". Тогда вводятъ самую молодую, и она здоровается съ отцомъ и матерью и со всѣми

гостями. Послѣ этого обѣдаютъ и въ концѣ обѣда одаряютъ молодыхъ. Подарки для молодыхъ со стороны мужчинъ бываютъ деньгами, овцами и по мѣрѣ или по мѣшку пшеницы, а женщины дарятъ холстъ и ситецъ. Гулянье свадебное продолжается по три дня, но уже каждая компанія гуляетъ отдѣльно. На четвертый день компанія молодаго идетъ къ нему въ домъ—это у нихъ называется до „чо̀па“, и здѣсь кладутъ дружка въ рядно и готовятъ воду, чтобы купать его, а дружко, чтобы избавиться отъ купанья, отдѣлывается водкою, т. е. угощаетъ водкою, купленною на свой счетъ. Отецъ молодого, обнесши всѣхъ гостей по рюмкѣ, раскланивается и говоритъ: „чымъ богатъ, тымъ и радъ“, и этимъ показываетъ, что свадьба окончена. Послѣ этого вся эта компанія уже на свой счетъ покупаетъ водку, ведетъ отца и мать молодого въ кабакъ и тамъ угощаетъ ихъ водкою, причемъ бываютъ всевозможныя пѣсни и пляски.

Похороны. Что касается похоронъ, то крестьяне стараются скорѣй похоронить умершаго въ виду меньшихъ расходовъ. Когда же умретъ кто нибудь изъ семьи, какъ напр. мать, то женщины, ея родственницы обыкновенно, плачутъ, или тужатъ, какъ они говорятъ, приговаривая слѣдующія слова: „Моя́ не́нько (мать), моя́ зузу́ленько, та до ко́го я теперъ голо́воньку прыхылю̀, кому̀ я пра́вдоньку скажу̀; та колы́жъ ты, нѐнько, до ме́не въ го́стеньки при́йдешъ, чы къ Риздву̀, чы къ Велы́кодню, къ Риздву̀ сте́жкы (дорожки) снижко̀мъ позасыпа́е, а къ Велы́кодню воды́чкою позалыва́е, а къ святи́й неди́ленци травы́чкою позаростáють, а къ святи́й Покрови́ не дожидáть нико́лы, а дожду́ я весны̀: солове́йко бу́де щебетáты, а зузу́ленька кувáты; а я бу́ду свое́й не́ньки пытáты (спрашивать), та, мо́же, вона̀ словáмы перекáзувала; мáбудь витты̀ль (оттуда) ны пысьма̀ не шлють, ны словáмы перекáзують. Та яка̀ жъ, моя́ не́нько, у те́бе хáточка те́мна ны весе́ла, та ни́куда-жъ со́нечку проскакну́ты, та ни́куда й ви́трочку прови́йнуты“.

Праздники. Въ день Рождества Христова собирается нѣсколько мужчинъ и женщинъ, ходятъ по домамъ славить Христа, при этомъ поютъ: „Днесь пою̀ще купина̀ играе́, царя̀ нарожде́нна всихъ выхваля́е, пою̀ще и су́ще слáва въ вы́шнихъ глаго́люще; тогда̀ Іосифъ, обруче́нный Дѣвѣ, услы́шавъ

отъ áнгела слóво: возьмѝ отрочà и мáтерь егò, бѣгѝ, бѣгѝ во Егѝпетъ отъ проклятаго. Царь на осля́ти въ Егѝпетъ ступáе, Иродъ вóйско своѐ разсылáе; мы бѣгѝмъ, бѣгѝмъ съ царѐмъ нарожде́ннымъ, отъ Марiи Дѣ́вы днесь воплоще́ннымъ. Царь воцарѝцьця, слáдко возопѝла Пречѝстая Дѣ́ва, царя̀ породы́ла; Бóгу возопѝлъ: ме́жду скоты̀ Христòсъ почивáе во плóти". И еще: „Ше́дше трѝе цáрие ко Христу̀, со дары̀, Иродъ ихъ пригласѝ и, гдѣ́ ѝдутъ испросѝ; отвѣщáше ему̀: ѝдемъ къ рожде́нному. Къ рожде́нному идѝте, и мнѣ̀ возвѣстѝте, и я, шедъ, поклоню́ся, предъ царѐмъ смирю́ся, воздàмъ честь обы́чно, царе́ви прелѝчно. Звиздà идѐ чу́дне съ востòкъ на пóлу-днесь надъ верте́помъ сия́е, царя̀ Христà явля́е; гдѣ́ Христòсъ родѝся, тамъ звиздà явѝся; цáрие приидóша, дары̀ пренисóша. Ангелъ къ нимъ вѣщáе, на путь наставля́е: ины̀мъ путемъ идѝте, ко Ироду не идѝте; волхвы̀ возратѝшася, у Ирода не бы́ша, воспя́ть возратѝшася, не бóльше трудѝшася, прiйти во своя̀ стрáны, Христà славослóвить, чáютъ въ себѣ̀ жѝти, съ Нимъ на вѣ́ки служѝти; слáвимъ Ти рожде́нному, отъ всѣхъ прослáвленному, съ вѣ́рою человѣ́ки на вѣ́чныя вѣ́ки".

Въ новый годъ ходятъ по домамъ мальчики и посыпаютъ въ домахъ зерномъ, приговаривая: „на счáстье, на здорóвье, та на нóвый годъ; роды́, Бóже, жѝто, ишены́цю и вся́ку пашаны́цю.

Юридическiе обычаи. Народные обычаи при сватовствѣ, которыхъ держатся, какъ говорятъ, крестьяне съ незапамятныхъ временъ, состоятъ въ томъ, что если парень посватаетъ дѣвку, то, въ случаѣ размолвки, виновная сторона уплачиваетъ безчестье пострадавшему, и это дѣло не обходится безъ волостнаго суда. Существуетъ еще новый, такъ сказать, обычай у крестьянъ при сватовствѣ, напр., ни одинъ парень не посватаетъ дѣвки, не уплативъ предварительно за нее родителямъ назначенной ими суммы, и сумма эта доходитъ нерѣдко до 100 руб. сереб. Бываетъ и такъ, что родные дѣвушки порѣшили взять 40 руб. за невѣсту съ тѣмъ, что 20 руб. черезъ извѣстный срокъ отдать, а другiе 20 руб. безъ отдачи. Если же невѣста бѣдна, то женихъ на свой счетъ одѣваетъ ее, и тогда уже беретъ себѣ въ жены. Подобная покупка невѣсть

стала все болѣе и болѣе входитъ въ обычай—какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ. Естественно, что отсюда появилось и зло, которое состоитъ въ томъ, что послѣ вѣнчанья молодыхъ и вообще послѣ свадьбы родители часто посылаютъ жениха и свою невѣстку къ ея родителямъ для возвращенія взятыхъ ими за нее денегъ, отчего бываютъ раздоры, и даже случается, что супруги расходятся, что, хотя и рѣдко, но бываетъ, въ особенности, какъ говорятъ, когда не бываетъ въ терпежъ жить отъ упрековъ. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при разводѣ, тоже не обходится безъ волостного суда, который судитъ такъ, что пострадавшій забираетъ свою худобу (имущество) и переселяется жить къ своимъ родителямъ, что бываетъ по большей части съ женщинами. Для правильности раздѣла имущества и для избѣжанія могущихъ быть недоразумѣній, отцы семействъ начали обращаться къ священнику о составленіи при жизни ихъ духовнаго завѣщанія, и это завѣщаніе имѣетъ рѣшающую силу, хотя-бы нѣкоторые члены семейства и были не довольны раздѣломъ; если же почему либо не осталось завѣщанія, то дѣлежъ между членами семейства, когда нѣтъ главы семьи въ живыхъ, производится цѣлымъ обществомъ, и безапелляціонно. Бываетъ и такъ: положимъ, у отца три сына и три хаты съ „плéцами“ (огородами), и уже каждый знаетъ еще при жизни отца свою долю; если же отецъ не успѣлъ построить одному какому либо сыну хаты, то на постройку таковой указываетъ продать что-либо изъ хозяйства и поставить сообща непремѣнно всею семьею хату. Имущество дѣлится только между сыновьями поровну; что же касается дочерей, то, если почему либо онѣ не вышли замужъ (что хотя и рѣдко, но бываетъ), отцы обязываютъ какого либо сына кормить сестру до смерти, за что ему обыкновенно удѣляется больше противъ другихъ, хотя и незначительная доля. „На корени“, какъ говорятъ крестьяне, т. е. на мѣстѣ, гдѣ жилъ отецъ, всегда остается младшій сынъ, а старшій выходитъ во вновь приготовленныя жилища.—Рабочіе нанимаются на срокъ по большей части годовой, безъ всякихъ письменныхъ условій; если же наймитъ не доживаетъ до срока, то у него, смотря, какое время, дѣлаютъ вычетъ, и такого рабочаго уже неохотно нанимаютъ. Вотъ почему, если работникъ иногда и дурно живетъ

у хозяина, то онъ поневолѣ доживаетъ до срока и работаетъ уже, конечно, небрежно; если же хозяину неугоденъ наймитъ, и, какъ бываетъ большею частью, работникъ впередъ заберетъ деньги, то хозяинъ уже и не требуетъ ихъ, потому что у работника очень часто нечѣмъ бываетъ отдать. Судъ за какое-либо преступленіе противъ собственности производится, если не „міромъ", то волостнымъ правленіемъ, при чемъ могарычъ имѣетъ немаловажное значеніе, и судбище оканчивается скоро, безъ особенныхъ волокитъ. Противъ личной безопасности по большей части учиняется расправа міромъ, т. е. обществомъ, и эта расправа такова, говорятъ, была, что совершенно изгнала охотниковъ до чужой собственности.

Макаренкова.

32.—Сл. Просяное.

Населеніе.—Нарѣчіе.—Жилище, одежда и пища.—Заговоры.—Свадьбы.—Игры.—Сказки.—Пѣсни.

Сл. Просяное расположена въ яру и по балкамъ, примыкающимъ къ нему. Отъ ближайшаго города, Старобѣльска, она находится въ 15 вер. Говорятъ, что слобода эта получила такое названіе оттого, что лежитъ въ яру, гдѣ въ изобиліи урождалось просо. Слобода эта образовалась изъ хутора Просянаго, который прежде принадлежалъ къ Марковскому Преображенскому приходу. Хуторъ этотъ сталъ именоваться слободою съ 1848 года, т. е. со времени построенія здѣсь храма во имя Вознесенія Господня. Вся названная слобода раздѣляется на пять частей, изъ которыхъ каждая носитъ особенное названіе. Одна часть называется Бѣлоусовкою, потому что тамъ преобладаетъ фамилія Бѣлоусовыхъ; вторая часть—Лигутовскою, отъ фамиліи Лигутиныхъ; третья—Сердитовкою, отъ фамиліи Сердитыхъ; четвертая часть называется Грыцúвкою потому, что въ этой части нѣкогда жилъ человѣкъ Григорій, въ народѣ Грыцькó; теперь здѣсь живутъ его потомки, почему эта часть и носитъ такое названіе; пятая часть—Прокóпивкою,

тоже отъ имени человѣка Прокопія, предка теперешнихъ жителей этой части.—Жителей въ слободѣ мужескаго пола 636 душъ, женскаго—661. Всѣ крестьяне малорусскаго племени. Въ отношеніи наружности есть нѣкоторые довольно привлекательные; красивыхъ не встрѣчается, но и уродливыхъ нѣтъ. Нѣсколько семействъ имѣютъ типъ, во многомъ сходный съ цыганскимъ.

Крестьяне Просяной говорятъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Особенности говора въ произношеніи словъ заключаются въ томъ, что одни звуки замѣняются другими, напримѣръ: звукъ *о* и *е* въ малороссійскомъ нарѣчіи измѣняется въ *и*; вмѣсто окно—викно́, войско—ви́йско, тетка—ти́тка, покорный—поки́рный, познать—пизна́ть и т. д. Звукъ *ѣ* во всѣхъ словахъ обращается въ *и*, напримѣръ: дѣдъ—ди́дъ, дѣти—ди́ты, себѣ—собѝ, тебѣ—тобѝ; звукъ *и* выговаривается за *ы*, напримѣръ: купилъ—ку́пы̀въ, побилъ—побы̀въ, сварилъ—зва́ры̀въ и т. д. Звукъ *г* замѣняется звукомъ *з*, напримѣръ: въ дорогѣ—въ доро́зи, на ногѣ—на нозѝ; звукъ *к* замѣняется звукомъ *ц*, напр.: теткѣ—ти́тци, собакѣ—соба́ци; звукъ *л* замѣняется звукомъ *в*, напр.: волкъ—вовкъ, долгъ—довгъ, сдѣлалъ—сди́лавъ. Мѣстныя слова слѣдующія: пы́ка—лицо, напну́ться—накрыться, ма́шко—милая, хиба̀—развѣ, на́чы—кажется, далы́би—ей-Богу, вздри́въ—увидѣлъ. Поговорки: безъ жи́нки, якъ безъ ки́шки; хохѝлъ нѐ свинѧ̀, а поѝсть все; де поѝсть семьѧ̀, тамъ не приберѐ одна̀ свинѧ̀. Нѣкоторые крестьяне подъ вліяніемъ литературнаго нарѣчія говорятъ довольно правильно, хотя нѣкоторыя слова извращаются.

Крестьяне слободы Просяной пользуются церковною библіотекою и читаютъ большею частію Четь-Минеи (житія святыхъ), Сельскій Вѣстникъ, Воскресные Листки, раздаваемые мѣстнымъ причтомъ. Нѣкоторые крестьяне покупаютъ себѣ книжки тоже религіознаго содержанія. Многіе крестьяне пользуются газетою, высылаемой въ волостное правленіе. Одинъ изъ крестьянъ ежегодно выписываетъ себѣ какой нибудь журналъ.

Жилище. Крестьяне живутъ въ небольшихъ невзрачныхъ избахъ, которыя обыкновенно бываютъ обращены на улицу глухою стѣною. Больше двухъ комнатъ крестьяне не дѣлаютъ. Одна

комната бываетъ большая, называемая ха́тою, а другая, маленькая—хаты́на, или кимна́та. Послѣдняя назначается для приготовленія обѣда; ѣдятъ пищу въ большой комнатѣ. Въ этой комнатѣ въ переднемъ углу висятъ иконы и передъ ними лампадка. По обѣимъ сторонамъ иконъ висятъ вышитыя полотенца. Двѣ стѣнки, образующія передній уголъ, на полъ-аршина отъ потолка или украшаются рѣзьбою, или раскрашиваются фуксиномъ разныхъ цвѣтовъ. У нѣкоторыхъ крестьянъ раскрашивается и каминъ. Сволоки въ избахъ устраиваются большею частію крестообразно. Сволокъ крестьяне или совсѣмъ не обмазываютъ, или обмазываютъ желтою глиною. Надписей на сволокахъ никакихъ не дѣлаютъ. Подлѣ двухъ стѣнокъ стоятъ длинныя скамьи, предъ ними большой столъ, покрытый толстою скатертью или клеенкою. Возлѣ третьей стѣны—полъ, который служитъ крестьянамъ вмѣсто кровати. У зажиточныхъ крестьянъ вмѣсто скамеекъ ставятся деревянные диваны. Убранство маленькой комнаты составляютъ: икона, скамьи и столъ. Надворныя постройки крестьяне стараются расположить такъ, чтобы онѣ служили имъ вмѣсто огорожи. Амбары крестьяне, для безопасности отъ пожаровъ, выносятъ за дворъ или даже на огородъ. Всѣ постройки, за исключеніемъ избъ и амбаровъ, дѣлаются изъ камня, такъ какъ лѣсовъ въ этой мѣстности почти нѣтъ, а камня, краснаго песчаника, весьма много.

Одежда. Крестьяне слободы Просяной одѣваются довольно чисто. Лѣтній, будничный костюмъ крестьянина таковъ: бѣлая сорочка, такіе-же брюки, „чина́рки", фуражка и сапоги; праздничная—черныя брюки, такія-же „чина́рки" или пиджаки и ситцевыя сорочки. Нѣкоторые крестьяне носятъ длинныя суконныя „чина́рки" и опоясываются красными и зелеными поясами. Брюки многіе стали носить на выпускъ, въ особенности молодежь. Крестьянки въ будничный день ходятъ въ запаскахъ изъ овечьей шерсти, которыя окрашиваются въ черный или красный цвѣтъ, въ ситцевыхъ кофтахъ, въ темныхъ платкахъ; замужнія женщины—въ чепчикахъ, въ открытыхъ башмакахъ съ суконными чулками. Праздничный костюмъ крестьянокъ таковъ: красные, бѣлые и синіе сарафаны, такія-жъ кофты или безрукавки изъ чернаго манчестера, пестрые передники,

платочки ситцевые и шерстяные разнообразныхъ цвѣтовъ и желтые, зеленые или красные сапоги. На шею надѣваютъ „грана́ты“ разныхъ цвѣтовъ, мѣдные кресты, а богачки серебряные кресты и рубли. Пожилыя женщины надѣваютъ въ церковь длинные суконные халаты. Бабы на голову надѣваютъ „очи́пки“ и потомъ повязываются большимъ платкомъ,—такъ, чтобы назади выпускался небольшой конецъ платка. Лѣтъ десять тому назадъ всѣ замужнія женщины носили выше описанныя повязки, а дѣвушки повязывались одними шалями и прикалывали спереди по два цвѣтка своего издѣлія. Въ настоящее время эти повязки почти выходятъ изъ употребленія. Дѣвушки теперь носятъ такія повязки только тогда, когда бываютъ просватаны, чтобы можно было отличить невѣсту отъ прочихъ дѣвушекъ. Въ зимнее время крестьяне въ будни носятъ бѣлые овечьи полушубки, опушенные чернымъ барашкомъ, а въ праздникъ—дубленые, крытые черкесиномъ или сукномъ. Крестьянки въ будни тоже носятъ бѣлыя шубы, а въ праздникъ—крытыя сукномъ или черкесиномъ. Надо сказать, что костюмы крестьянъ постепенно приближаются къ мѣщанскимъ. Стоимость лѣтнихъ одеждъ доходитъ до 8 и 10 руб., а зимнихъ—до 15 и 20 рублей.

Пища крестьянъ слободы Просяной очень плоха. Богатые крестьяне ѣдятъ бѣлый пшеничный хлѣбъ. Въ скоромные дни у нихъ къ обѣду готовятся щи съ саломъ, пшенная каша съ саломъ или молочная. Въ осеннее время тыквенная каша почти ежедневно у богатаго и бѣднаго. У бѣдныхъ крестьянъ пища—щи съ саломъ, ячменный или ржаной хлѣбъ. Каша бываетъ изрѣдка. Въ большіе праздники крестьяне готовятъ блины. Щи съ мясомъ у крестьянъ бываютъ только въ осеннее время, да и то только у зажиточныхъ крестьянъ. Въ постные дни у богатаго и бѣднаго крестьянина готовятся къ обѣду щи съ подсолнечнымъ масломъ, такъ какъ всѣ мѣстные крестьяне сѣютъ подсолнухи по нѣсколько квадратныхъ сажней; самый бѣдный сѣетъ не менѣе пяти сажней. Кромѣ щей, у богатыхъ бываетъ пшенная каша или фасоль, бѣдные же довольствуются одними щами. Пища крестьянъ, смотря по времени, въ изобильные годы улучшается, а въ скудные—ухудшается. Мѣстныя лавчонки имѣ-

ютъ вредное вліяніе на народъ, въ особенности на молодыхъ людей, которые воруютъ у родителей зерновой хлѣбъ и яйца, покупаютъ за это въ лавкахъ крѣпкіе напитки, разныя сласти и, собравшись въ одинъ какой нибудь домикъ, поѣдаютъ все купленное. Все это продѣлывается, конечно, ночью. Хаты крестьяне освѣщаютъ керосиномъ.

Заговоры болѣзней. Жителей слободы Просяной чаще всего посѣщаетъ дифтеритъ. Мѣстный земскій врачъ назвалъ эту слободу гнѣздомъ дифтерита. Къ врачамъ крестьяне относятся очень недовѣрчиво. Если кого изъ крестьянъ посѣтитъ какая нибудь болѣзнь, то онъ прежде всего обращается къ бабкамъ-шептухамъ, которыя лѣчать посредствомъ чтенія какихъ-то странныхъ молитвъ. Такъ, напр., отъ бѣльма бабки читаютъ такую молитву: „Йихавъ святый Юрий на билому коньи. За нымъ бигло тры хорты (собаки): одынъ билый, другый сирый, третий черный; и билый лызнувъ—бильмо злызнувъ, и сирый лызнувъ—бильмо злызнувъ и черный лызнувъ—бильмо злызнувъ. Поможы, Боже, новорожденій, молытвений, хрыщений“. Отъ „бышыхи“ (рожи) и отъ всякихъ другихъ болѣзней нашептываютъ слѣдующія заклинанія: „Якъ шла я чирізъ мисточокъ, нысла золотый ципочокъ, стрила мене Божа Маты, питаецьця: „куды ты идешъ, рабыня Божа?“ Иду я до рабыни Марфы (имя больной) бышыху выгоняты, бышыху выклыкаты, бышыху ссылаты. Выйды ты, бышыха водяна, витряна, испытана, подумана, погадана, бышыха цыганка, бышыха дяконыха, бышыха дячыха. Выйды жъ ты изъ рабыни Божои: тутъ тобі не стояты, тутъ тобі ны воювaты, тутъ тобі жовтой косты ны ломыты, червоной кровы ны мутыты. Изийды-жъ! изийды-жъ! изийды-жъ! Иды на пусті болота, на очерета, де сонце не свите, де місяць ны сходе, де витеръ не вие, де пивинь (пѣтухъ) ны крычыть, де парубокъ коня ны сидла, де дивка косы ны чеше. Пособы мині, Господы, поможы мині, Господы“. Заговариваніе зубовъ: „Місяцъ Владымыръ! чы бувъ ты на тимъ свити?—Бувъ. „Бачывъ смертныхъ людей?“—Бачывъ. „Що жъ у ныхъ зубы ны болять?“—Ни. „Дай-же Богъ, щобъ и у мене, раба Божаго, ны болилы“. Въ слободѣ Просяной знахарей нѣтъ, а въ ближайшихъ слободахъ есть, и къ нимъ крестьяне

обращаются за помощью. Знахари наговариваютъ крестьянамъ воду, которую послѣдніе пьютъ и умываются ею. Скотъ крестьяне лѣчатъ различно, сообразно съ болѣзнями. Прежде всего, конечно, прибѣгаютъ къ шептанію, затѣмъ къ кровопусканію и припаркамъ. Скотская болѣзнь „курдюкъ“ излѣчивается синимъ камнемъ, смѣшаннымъ съ чеснокомъ и дегтемъ, нѣкоторые излѣчиваютъ эту жъ болѣзнь куринымъ саломъ.

Занятіе. Главное занятіе крестьянъ слободы Просяной—земледѣліе. Пашутъ землю они тяжелыми плугами, которые могутъ потянуть не менѣе трехъ паръ быковъ. Запашки крестьяне много не дѣлаютъ, потому что нѣтъ свободной земли. Посѣва всего—ржи, пшеницы, ячменя, овса у нихъ бываетъ, смотря по состоянію домохозяевъ, отъ 3-хъ десятинъ до 20-ти. Пчеловодствомъ занимаются весьма не многіе. Садоводство находится въ страшномъ упадкѣ. Во всѣхъ почти садахъ дикія плодовыя деревья, отчего плоды очень не вкусны. Если есть гдѣ вкусные плоды, то они до времени никогда не достаиваютъ. Молодежь обрываетъ ихъ совсѣмъ съ вѣтками. Въ настоящее время каждая крестьянка старается посѣять конопли въ огородѣ или въ полѣ. Ленъ сѣютъ весьма немногіе, потому что почти всѣ потеряли даже сѣмена изъ льна. Лѣтъ десять ленъ все бываетъ плохъ, не достигая даже средней высоты. Въ прежніе годы, говорятъ, ленъ бывалъ очень хорошъ.

Религія. Религіозное настроеніе у жителей слободы Просяной развито весьма плохо, несмотря на то, что мѣстный священникъ почти каждый воскресный и праздничный дни говоритъ поученія. Въ сухое лѣто они не вздумаютъ помолиться Господу о бездождіи; развѣ мѣстный священникъ напомнитъ имъ о томъ, при этомъ часто доносятся до слуха слова неудовольствія: „оцѐ пипъ выду́муе для своѐй нажы́вы“. Во время холерной эпидеміи жители всѣхъ сосѣднихъ слободъ служили по домамъ молебны, а наши даже и не подумали объ этомъ. Когда я одному изъ крестьянъ напомнила о молебнѣ, то получила отвѣтъ: „ажѐ у насъ щѐ нына холе́ры“. Послѣ уборки хлѣба, они также не стараются поблагодарить Господа за все ниспосланное. Религіозное настроеніе народа выражается преимущественно въ посѣщеніи храма Божія. Благотворительность крестьянъ прояв-

ляется въ томъ, что они не отказываютъ нищему въ кускѣ хлѣба и въ копѣйкѣ денегъ. Особенно же усердно жертвуютъ они женщинамъ, которыя собираются посѣтить какой нибудь монастырь. Богадѣленъ нѣтъ.

Отношеніе крестьянъ слободы Просяной къ школѣ и учительницѣ очень сочувственное. Съ открытіемъ школъ умственное состояніе народа стало возвышаться. Послѣ открытія школъ число грамотныхъ значительно увеличилось. Грамотные крестьяне употребляютъ свободное время больше на чтеніе, чѣмъ на пустые разговоры, какъ было прежде. Читаютъ они книги преимущественно религіознаго содержанія; хотя нѣкоторые крестьяне сами и не грамотны, но, слушая чтеніе дѣтей, когда они читаютъ священную исторію, нѣсколько познакомились съ ней.

Нравственное состояніе народа не безукоризненно. Положеніе женщины въ крестьянскомъ быту незавидно. Въ обществѣ она почти никакого значенія не имѣетъ, въ семьѣ же ея положеніе очень жалко. Не смотря на то, что жены трудятся отъ зари до зари, мужья не особенно дорожатъ ихъ здоровьемъ и въ болѣзняхъ онѣ большею частію бываютъ оставляемы безъ всякой врачебной помощи. На увѣщаніе другихъ—позаботиться о здоровьѣ жены, часто получается отвѣтъ: „ще въ черыди (стадѣ) дви“, то есть можно еще два раза жениться. Родители, по отношенію къ дѣтямъ, вполнѣ выполняютъ свои обязанности. Съ наймитами крестьяне обращаются очень человѣчно, не требуютъ отъ нихъ непосильной работы, не высчитываютъ денегъ за ущербъ въ хозяйствѣ. Если работникъ добросовѣстенъ, то становится почти членомъ семьи. Относительно кабаковъ слѣдуетъ отмѣтить, что крестьяне въ 1892 году постановили о закрытіи кабаковъ на три года. Хотя напитки тайно продаются, но всетаки пьянство значительно уменьшилось.

Свадьбы и похороны. Наканунѣ свадьбы у крестьянъ бываетъ „подвесилокъ“. Въ этотъ день невѣста и старшая дружка ходятъ по дворамъ и приглашаютъ всѣхъ на „подвесилокъ“ и свадьбу, а женихъ со старшимъ „бояриномъ“ ходятъ по слободѣ съ тою же цѣлью. Полудничать въ этотъ день женихъ идетъ къ тещѣ, а невѣста къ будущей свекрови. Вечеромъ вся моло-

дежь собирается къ невѣстѣ на „подвесилокъ“, гдѣ цѣлый вечеръ выпиваетъ да поетъ. На другой день послѣ вѣнчанія новобрачные отправляются къ отцу молодого обѣдать. Невѣста, пообѣдавши, ходитъ съ дружками по слободѣ, а женихъ собирается ѣхать къ невѣстѣ. Къ нему собираются сверстники, приглашенные въ „бояре“. Всѣхъ бояръ перевязываютъ платками, а къ шапкамъ пришиваютъ ленточки съ крестиками. Женихъ и бояре садятся на лошадей, а старосты, свашки и „свитилка“—на телѣги и отправляются къ церкви. При выѣздѣ со двора, жениха обсыпаютъ хмелемъ или мѣдными монетами въ знакъ пожеланія, чтобы онъ былъ богатъ. Пріѣхавши къ церкви, поѣздъ объѣзжаетъ вокругъ церковной ограды три раза, затѣмъ останавливается противъ западныхъ дверей. Новобрачный и старшій бояринъ слѣзаютъ съ лошадей, входятъ въ притворъ и дѣлаютъ три земныхъ поклона, потомъ опять садятся на лошадей и отправляются къ молодой. Если свадьба богата, то поѣздъ сопровождается музыкой. Когда новобрачный пріѣдетъ во дворъ молодой, подружій (ея братъ) идетъ загонять молодую. Когда она явится, новобрачныхъ заводятъ за столъ. Подлѣ нихъ за столъ садятся еще свашки, свитилка и дружки. Въ избу набивается много народу. Послѣ того, какъ всѣ гости займутъ свои мѣста, молодой и молодая наклоняются надъ столомъ, а одна изъ свашекъ обводитъ кругомъ ихъ головъ „мечемъ“. Мечъ устраивается изъ цвѣтовъ—безсмертниковъ. Въ пучокъ этихъ цвѣтовъ вставляютъ деревянную фигуру коня, къ которой прилѣпливается зажженная восковая свѣча. Этотъ обычай крестьяне исполняютъ для того, чтобы отогнать отъ новобрачныхъ всякое зло. Поздно вечеромъ молодую увозятъ къ свекру. Ее покрываютъ платкомъ такъ, чтобы она мало видѣла. Когда она садится на телѣгу, то въ это время молодой ѣздитъ на лошади вокругъ телѣги и бьетъ молодую хлыстомъ. У свекра въ воротахъ зажигается костеръ, чрезъ который перевозятъ новобрачную, чтобы сгорѣло все худое. У свекра, какъ и у отца новобрачной, долго продолжается угощеніе водкой. Свадьба у крестьянъ продолжается дня три. Въ послѣдній день свадьбы новобрачнымъ дарятъ подарки: кто овцу, кто мѣшокъ хлѣба зернового, а кто деньгами. Всѣ подарки записываются на стѣнку рогачемъ,

чтобы молодой было что мазать. Крестьяне на свадьбахъ очень много тратятся на водку, чѣмъ доводятъ себя до большихъ лишеній. Въ недавнее время у крестьянъ явился новый обычай: платить за невѣсту отъ двадцати до пятидесяти рублей. Свадьба крестьянъ обходится отъ 100 до 150 рублей. Одна изъ свадебныхъ пѣсенъ: „Булòбъ пла́ваты, щу́ко-рыбо́нько въ хо́лодний води́ на дни. Якъ поплывѐть щу́ко-рыбо́нько, у те́пли озе́рычка; та пийма́ють тебѐ, щу́ко-рыбо́нько, па́ньскии рыба́лочкы; та понысу́ть тебѐ, щу́ко-рыбо́нько, на па́ньску ку́хоньку; та поло́жуть тебѐ щу́ко-рыбо́нько на тысо́вому столѝ; та обри́жуть тобѝ, щу́ко-рыбо́нько, бы́стри кры́лычка; та очы́стють тобѝ усю жемчу́жну лускù. Та ра́да-бъ поплы́ть, та нымà ны кры́лыць, ны лускы́. Якъ повызу́ть тебѐ, ди́вко Мары́нко, отъ ба́тенька до свѐко́рка; та поса́дять тебѐ, ди́вко Мары́нко, за тысо́ву скамью; та роспу́стють тобѝ, ди́вко Мары́нко, твою ру́су ки́соньку; та нади́нуть тобѝ, ди́вко Мары́нко, золоту́ кыба́лочку. Та ра́да-бъ ходы́ты, та рада́-бъ гуля́ты, та ны бу́дуть пуска́ты, а хоть и пу́стять, та й ще прыгру́стять и сторо́жоньку пошлю́ть, щобъ ны танцюва́ла, та ны жартува́ла, щобъ тыхе́нько стоя́ла“. Самая печальная по напѣву свадебная пѣсня.—Почти всѣ крестьяне кладутъ умирающаго на землю. Это они дѣлаютъ для того, чтобы человѣку легче было разставаться съ душою. Когда тѣло умершаго вынесутъ изъ избы, то въ ней посыпаютъ житомъ—рожью, чтобъ всѣ остальные не умирали; когда мертваго вынесутъ со двора, то затворяютъ ворота, чтобъ въ этотъ дворъ больше не входила смерть. Поминки крестьяне дѣлаютъ въ девятый, двадцатый и сороковой день, въ полгода и въ годъ.

Народныя игры. У дѣтей—„цу́рка“. Игра эта состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ играющія дѣти раздѣляются на двѣ части и становятся въ два ряда параллельно другъ-другу на разстояніи трехъ саженей; каждый мальчикъ держитъ въ рукахъ шестъ, который называется „цурко́вникомъ“, по серединѣ между рядами лежитъ шарикъ, который называется „цу́ркою“. Этотъ шарикъ каждая изъ сторонъ старается перекатить на противоположную сторону. Дѣти очень продолжительное время ведутъ борьбу въ перекатываніи этого шарика. Сторона, допустившая близкое приближеніе шарика, считается побѣжденною. Въ

„цу́рку“ дѣти играютъ преимущественно зимою, лѣтомъ—въ мячъ. Юноши лѣтомъ играютъ тоже въ мячъ, а зимою у нихъ не бываетъ никакихъ игръ. Взрослые крестьяне ни во что не играютъ, большею частію сидятъ подъ хатами и ведутъ бесѣду о чемъ нибудь. Народный танецъ—„трепа̀къ“. Танцуютъ крестьяне подъ игру гармоніи. Мѣстный музыкальный инструментъ—простая гармонія.

Народная демонологія. Народъ вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ. Существуютъ также такъ называемые „оберéги“ отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

Крестьяне слободы Просяной особенно вѣрятъ въ вѣдьмъ. Они говорятъ, что вѣдьмы являются въ образѣ собаки, свиньи, клубка и копны сѣна. У кого въ домѣ есть вѣдьма, тамъ никогда на ночь не закрывается труба, потому что вѣдьма ночью чрезъ трубу выходитъ изъ дому. Крестьянки въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія вмѣстѣ съ пасхами освящаютъ и макъ. Затѣмъ просверливаютъ коровѣ рогъ, насыпаютъ туда освященный макъ, забиваютъ отверстіе осиновымъ колышкомъ и приговариваютъ: „хто цей макъ позоба̀, той и мою корóву иззоба̀“. Это выраженіе онѣ обясняютъ такъ: вѣдьма не можетъ достать этого маку, значитъ, она не можетъ испортить и корову. Кромѣ этого, крестьянки въ вербное воскресеніе выгоняютъ скотъ со двора святою вербою также для того, чтобы вѣдьма не могла прикоснуться къ нему. Для охраненія отъ злого духа, въ день Пятидесятницы крестьяне ставятъ надъ загонами скота въ плетни вѣтки осины съ цѣлью отгонять злыхъ духовъ отъ скота.

Сказки: 1) „Рукавы́чка“. Шовъ чоловѝкъ тай загубы̀въ рукавы́чку. Въ ту рукавы́чку влѝзла мы́шка-курпы́шка и ка́же: „тутъ, ба́чу, и ха́та и хаты́на е“. Тутъ де ны взяла̀сь жа́бка-бурья́нка и ка́же: „хто, хто въ ций ха́тьци?“—„Мы́шка курпы́шка, а ты хто?“—„Я жа́бка-бурья́нка, пусты̀ и менѐ сюды̀“.—„Иды̀“. Де взя́вся за́йчыкъ-побига́йчыкъ: „хто, хто, въ ций ха́тьци?“—„Я мы́шка-курпы́шка, жа́бка-бурья́нка; а ты хто?“—„Я за́йчыкъ-побига́йчыкъ; пустѝть и менѐ“.—„Иды̀“ За́йчыкъ встромы̀въ го́лову въ рукавы́чку и ка́же: „тутъ, ба́чу, и ха́та, и кимна́та; тутъ будымъ жыть и пожыва̀ть“.

2) „Дви дочкы". Жывъ дидъ та ба́ба. У ныхъ було̀ дви дочкы: одна ди́дова, а дру́га ба́бына. Дидъ та ба́ба пишлы̀ въ го́сти, а дочка̀мъ приказа́лы, щобъ воны̀ пря́лы, ны линува́лысь. Ди́дова дочка̀ все прядѐ, все прядѐ, а ба́бына лину́ецця. Ди́дова дочка̀ напря́ла дви почы̀ночки, ба́бына ни. Прыйшлы̀ воны̀ до до́му. Ба́бына дочка̀ укра́ла у ди́довой почы̀ночку, перестри́ла ди́да та бабу и хва́лыцьця: я пря́ла, ны линува́лась, а ди́дова дочка̀ ничо̀го ны напря́ла. Ба́ба ка́же: вызы̀ свою̀ дочку̀ въ лисъ. Повѝзъ дидъ ий въ лисъ, а тамъ въ ли́си ха́тка. Дидъ оста́вывъ дочку̀ въ ха́тцьци и сказа̀въ: сыды̀), по́кы я дровѐць нарубáю. Прывьяза̀въ дидъ дручо́чокъ до пынька̀, ви́теръ колы́ше, а дрючо́чокъ цокоты̀ть. Ди́вка же̂ ба́тька тай ка́же: що це такъ до́вго ёго нымà, я й ка́ши навары́ла, а его все нымà. Колы̀ це стукоты̀ть, грюкоты̀ть кобы́ляча голова̀: ди́вко, ди́вко, одчыны̀. Ди́вка одчыны́ла. Ди́вко, ди́вко, пересады̀ че́рез порѝгъ. Ди́вка пересады́ла. Ди́вко, ди́вко, засвиты̀. Ди́вка засвиты́ла. Ди́вко, ди́вко, дай минѝ вычéряты. Ди́вка дала̀. Ди́вко, влизъ минѝ въ пра́ве у́хо, а въ ли́ве вы́лизъ. Ди́вка вы́лизла и ста́ла, якъ ба́рыня въ шовко́вому пла́тьти, въ серебрѝ та въ зо́лоти. Тутъ бижѝть по́шта зъ зво́ныками. Выля̀ть ий вы́йты. Вона̀ вы́йшла, си́ла въ каре́ти и пойхала до ди́да та до ба́бы и повызла̀ имъ госты̀нцивъ и росказа́ла имъ, якъ вона́ ихъ доста́ла, и якъ ий тамъ було̀. Ба́ба ка́же: „вызы̀ и мою̀ туды̀ дочку̀. Дидъ одвѝзъ ба́быну дочку̀ у ту ха́ту и сказа̀въ: сыды̀ и вары̀ ка̀шу, по́кы я нарубáю дровъ. Пишо̀въ дидъ руба̀ть, а вона̀ ка́ши не навары́ла и сыды̀ть, якъ ба́рыня. Колы̀ це стукоты̀ть, грюкоты̀ть кобы́ляча голова̀: „ди́вко, ди́вко, одчыны̀.—Ны выльы́ка ба́рыня, сама́ одчы̀нышъ.—Ди́вко, ди́вко, пересады̀ че́резъ порѝгъ.—Ны выльы́ка ба́рыня, сама̀ перели́зышъ.—Ди́вко, засвиты̀.—Ны выльы́ка ба́рыня, сама̀ за̀свѝтышъ.—Ди́вко, дай минѝ йи́сты.—Ни́чого у ме́не йисты". Тодѝ кобы́ляча голова̀ взяла̀ тай зъи́ла ди́вку".

Пѣсни:

Пишо̀въ я разъ на у́лыцю та тепѐръ и ка́юсь;
Улюбы́вся у дивчы̀ну, ажъ во сни жаха́юсь.
Така̀ га́рна, кругловы́да, лыцѐ якъ калы́на.
Якъ ие́и ны любы̀ты, лыха́я годы̀на,

Такà гáрна, такà гáрна, хто не гля́не—áхне.
Пишòвъ-бы я ий сва́тать, та гарбу́зомъ па́хне.
Такà гáрна, такà гáрна, що ажъ побожу́ся:
Нымà кра́щои въ столы́ци, якъ моя́ Мару́ся.
Ны дай, Бóже, на ний ны жыню́ся,
Продàмъ волы̀, всю худóбу, въ чинцѝ пострыжу́ся.
Пиды̀, мáты, пиды̀, ри́дна, ворóжки пытáты:
Чы нымà такóго зи́льля, щобъ Мару́си дáты,
Щобъ Мару́ся, моя́ ду́ся, менѐ полюбы́ла,
Та щобъ вонà би́лу ру́чку минѝ поручы́ла.
Сыды̀ть пи́винь на загáти, крычы̀ть куку-ри́ку,
Тепѐръ же я, моя́ мáты, ны жынюсь до-ви́ку.

* * *

Гáлю, Гáлю, Гáлю, тебѐ мáты клы́че!
—Знáю, знáю, знáю, на що мáты клы́че:
Вонà менѐ хóче за цы́гана дáты.
Я цы́гана ны люблю̀, за цы́гана ны пидỳ:
Цы́ганъ ки́ньми миня́е, ки́ньскимъ пóтомъ воня́е.

Грай мóре, дóбре бу́де, гарнадѝръ.
Чукы̀-чукы̀-деръ-деръ-деръ.

Гáлю, Гáлю, Гáлю, тебѐ мáты клы́че!
—Знáю, знáю, знáю, на що мáты клы́че:
Вонà менѐ хóче за гончáря дáты.
Я гончáря ны люблю̀, за гончаря̀ ны пидỳ:
Гончàрь горшкы̀ вóзе, винъ менѐ зморóзе.

Грай мóре, дóбре бу́де, гарнадѝръ.
Чукы̀-чукы̀-деръ-деръ-деръ.

Гáлю, Гáлю, Гáлю, тебѐ мáты клы́че!
—Знáю, знáю, знáю, на що мáты клы́че:
Вонà менѐ хóче за вивчáря дáты.
Я вивчáря ны люблю̀, за вивчáря ны пидỳ:
Вивчàрь кóзы дóе; винъ менѐ замóре.

Грай мóре, дóбре бу́де, гарнадѝръ.
Чукы-чукы̀-деръ-деръ-деръ.

Гáлю, Гáлю, Гáлю, тебѐ мáты клы́че!
—Знáю, знáю, знáю, на що мáты клы́че:
Вонà менѐ хóче за пы́саря дáты.

Я за пы́саря пиду̀, я пы́саря люблю̀:
Пы́сарь лысты́ пы́ше—васы́льками ды́ше.

Грай мо́ре, до́бре бу́де, га́рнади̇ръ.
Чукы́-чукы́-деръ-деръ-деръ.

Пословицы: Просва́тана ди́вка завсыда̀ хороша̀; сий ячмѝнь въ грязь, такъ бу́дышъ князь; безъ Бо́га ны до поро́га. Пры́йде Прычы́ста (Рождество Пресвятыя Богородицы), прынесѐ старостѝвъ нычы́ста; пры́йде Покрова̀, заревѐ ди́вка, якъ коро́ва; пры́йде Илья, наро́бе гны́лья; пры́йде Хли́ба-Боры́са—за хлибъ ду́же беры́ся; не отда̀шъ ду́шу въ адъ, не бу́дышъ бога̀тъ".

А. И. Павлова.

33.—Сл. Поповка.

Населеніе.—Одежда.—Пища.—Родины.—Свадьбы.—Юридическіе обычаи.—Примѣты.—Обрядовыя пѣсни.—Повѣрья.—Сказки.—Пѣсни.—Пословицы и загадки.—Лѣченіе.—Заговоры.—Народная ботаника.—Плачъ сироты.

Сл. Поповка, Городищенской волости, расположена по Деркулу въ 45 вер. отъ Старобѣльска. До основанія ея, какъ объясняютъ старожилы, на ея мѣстѣ существовала водяная мельница священника сл. Бѣловодска, отсюда произошло и ея названіе „Поповка". Народонаселенія въ этой слободѣ 1900 душъ обоего пола. Народъ преимущественно рослый, крѣпкаго тѣлосложенія, типъ—чистый малорусскій. Говорятъ между собою на малорусскомъ нарѣчіи; но съ великоруссами большинство говоритъ на общерусскомъ нарѣчіи, по причинѣ частыхъ сношеній между ними. Народъ читаетъ книги преимущественно духовнаго содержанія: Евангеліе, Псалтырь, Часословъ; читаетъ и свѣтскія книги: сказки, повѣсти и разсказы. Книги религіознаго содержанія выписываются изъ Москвы и Кіева, а свѣтскаго—пріобрѣтаются у коробейниковъ въ ближайшихъ селахъ во время ярмарокъ. Въ послѣднее время, по причинѣ безлѣсья, избы и дворовыя постройки стали строить больше изъ самана и мѣла; бѣдняки—въ 2 комнаты съ чула-

номъ (хи́жкою), а зажиточные—въ три комнаты: залъ (го́рныця), спальня (ки́мната) и кухня (хаты́на). Стѣны украшаютъ перетканными и расшитыми вгладь полотенцами. Вдоль стѣнъ помѣщаются лавки. Передній уголъ называется „святымъ", его верхняя часть устанавливается иконами. Стѣны раскрашиваются въ различные цвѣта и украшенія: елками, цвѣтами, звѣздами и т. п., или обиваются обоями. Встарину избы строились у малосемейныхъ въ одну комнату, а у многосемейныхъ въ двѣ комнаты, которыя раздѣлялись сѣнцами; въ настоящее же время ходъ дѣлается изъ одной комнаты въ другую. Окна, вмѣсто подъемныхъ, стали дѣлать створчатыя, со ставнями; вмѣсто вертушекъ, державшихъ двери притворенными, теперь—щеколды; сѣни съ потолкомъ (чердакомъ); дымовыя трубы не отдѣльно ставятся, какъ въ старину, въ „сѣнцахъ", а прямо изъ камина идутъ вверхъ. Дворъ дѣлится на двѣ части: чистую, на которой ставятся амбары, погребъ и помѣщеніе для топлива, а также навѣсъ для экипажей,—и скотскую, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ конюшня, далѣе сараи для рогатаго скота и овецъ, и хлѣвы для загона въ холодное время овецъ, телятъ, свиней и птицы.

Одежда. Лѣтняя праздничная одежда мужчинъ состоитъ изъ картуза (фуражки), суконной или шерстяной поддевки на подкладкѣ у зажиточныхъ мужиковъ, а у бѣдняковъ эта же одежда изъ бумажной ткани. Кромѣ того, стали носить курточки (покрой поддевки, но значительно короче ея) и пиджаки, шаровары (подобіе брюкъ, только со складками) изъ бумажныхъ тканей и жилеты. Будничная та же одежда, только у зажиточныхъ изъ бумажной ткани, а бѣдняки ходятъ въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ, подпоясавшись тесемочнымъ пояскомъ. Въ прохладное осеннее и весеннее время одѣваются въ ватныя поддевки, юбки изъ сукна сельскаго издѣлія, свиты съ большимъ отложнымъ воротникомъ крестьянскаго же сукна и полушубки. Зимняя праздничная одежда у болѣе зажиточныхъ крестьянъ состоитъ изъ крытаго темно-синимъ сукномъ овчиннаго тулупа, овчиннаго полушубка, тоже крытаго сукномъ, байковой (бобриковой) свиты съ отложнымъ шалью воротникомъ, суконной стеганной на ватѣ

поддевки. Неимущіе же одѣваются въ нагольный тулупъ, полушубокъ и свиту изъ сукна сельскаго издѣлія. Зимняя будничная одежда та же, только изъ болѣе дешеваго матеріала. Лѣтняя праздничная одежда женщинъ молодыхъ—замужнихъ и дѣвушекъ, состоитъ изъ небольшого головного бумажнаго платка (зажиточные носятъ шерстяные и шелковые); дѣвушки носятъ бѣлые коленкоровые платки съ бахромою вокругъ и съ расшитымъ на одномъ углѣ втамбуръ цвѣткомъ разноцвѣтнымъ шелкомъ или бумагою; далѣе—изъ плисовой, шерстяной, нанбуковой и ситцевой съ оборками вокругъ таліи юбки (кофты), сарафана изъ шерстяной и ситцевой матеріи. Мѣщанскія кофты и баски вошли въ моду. Запо́нка (фартухъ)—принадлежность во всякое время. Въ холодное осеннее и весеннее время состоятельные носятъ нанбуковыя пальто на ватѣ, а побѣднѣе свитки изъ простаго крестьянскаго сукна. Въ будничные дни лѣтомъ ходятъ въ ситцевыхъ сарафанахъ и расшитой цвѣтною бумагою сорочкѣ, а въ холодные осенніе и весенніе дни одѣваются въ свитки изъ сукна крестьянскаго производства и кофты изъ бумажной матеріи, мѣщанскаго покроя, стеганныя на ватѣ. Зимняя одежда женщинъ, какъ праздничная, такъ и будничная, состоитъ изъ большого головного бумажнаго или шерстяного платка, байбарака (кожухъ), овчиннаго нагольнаго, или крытаго темно-синимъ сукномъ, со стоячимъ воротникомъ шалью и обложеннаго котикомъ, исключая подола, и бумазейнаго сарафана. Зажиточныя имѣютъ и фланелевые, которые вмѣсто оборки вокругъ подола, какъ, напр., у ситцевыхъ, обкладываются плисомъ въ одинъ или три ряда. Одежда старухъ лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная та же, что и у молодыхъ, только сарафаны безъ оборокъ; басокъ не носятъ.

Остатки старинныхъ одеждъ: темносиняго сукна халатъ можно встрѣтить очень рѣдко на мужчинѣ или женщинѣ, запаску (дерьгу) тоже и только на древней старухѣ; парчовый очипокъ, какъ старухи, такъ и молодыя замужнія женщины надѣваютъ только въ исключительныхъ случаяхъ: или въ двунадесятые праздники, или при какихъ либо обрядахъ, да и то весьма немногія. Сапоги изъ красной кожи, а также съ чер-

ными передами и желтыми голенищами еще носятъ: первые носятъ молодыя женщины и дѣвушки, вторые—старухи.

Украшенія: молодыя женщины и дѣвушки носятъ на шеѣ „намисто", нѣсколько большихъ серебряныхъ крестовъ, крупныя и мелкія серебряныя монеты. Старухи носятъ „намисто" чернаго цвѣта и по одному кресту. Стоимость одежды: мужской тулупъ изъ бѣлыхъ овчинъ нагольный отъ 13 до 22 руб.; крытый темносинимъ сукномъ отъ 22 до 40 руб., тулупъ черныхъ овчинъ нагольный отъ 30 до 35 руб., крытый сукномъ отъ 45 до 55 руб.; полушубокъ изъ бѣлыхъ овчинъ нагольный 8 руб., черныхъ 35 руб., полушубокъ бѣлыхъ овчинъ, крытый, смотря по тому, какою матеріею—отъ 18 до 25 р., изъ черныхъ овчинъ, крытый сукномъ—до 50 руб. Поддевка суконная холодная до 15 руб., поддевка бумажной матеріи холодная отъ 5 до 8 р., на ватѣ до 10 руб.; полушубокъ дубленый 15 руб., свита суконная 4 р. 50 коп.; штаны бумажные 1 р. 50 коп., курточка 3 руб., жилетъ отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. Стоимость женской одежды: байбаракъ (тулупъ) отъ 12 до 25 руб., изъ черныхъ овчинъ, крытый и обложенный котикомъ, отъ 40 до 50 р.; пальто нанбуковое ватное отъ 8 руб. 50 коп. до 15 руб., пальто изъ крестьянскаго сукна 3 р. 50 коп.; парочка ситцевая (сарафанъ и кофта) 3 руб., парочка шерстяная отъ 4 р. 50 коп. до 10 руб.; платокъ лѣтній отъ 15 коп. до 1 руб. 60 коп., зимній отъ 1 р. 20 коп. до 6 руб.

Пища богатыхъ въ скоромные дни: борщъ съ какимъ либо мясомъ (говядины большинство не ѣстъ, питаютъ къ ней почему-то отвращеніе), густая капуста, каша пшенная молочная, лапша, пироги съ какою либо скоромною начинкою, блины прѣсные, вареники, манурыки, сырники, лапша молочная, картофель жареный въ свиномъ салѣ. Въ постные дни: борщъ съ постнымъ масломъ, пшенная крутая каша, галушки, пироги съ картофелемъ, чечевицею, горохомъ, фасолью и кислою капустою, вареники съ картофелемъ и кислою капустою, вареный картофель съ зелеными огурцами и арбузами, соломата, рябко, кваша, путря.

Пища бѣдныхъ въ скоромные дни: бѣдные ѣдятъ ту же пищу, но только мясо замѣняютъ свинымъ саломъ. Въ постные

дни та же пища, что и у богатыхъ; только постное масло бываетъ въ праздничные дни. Вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ сельское хозяйство по всѣмъ отраслямъ скудѣетъ, а поэтому и пища постепенно ухудшается. Освѣщеніе исключительно керосиновое.

Народъ заболѣваетъ болѣе горячкою, лихорадкою, рожею, дифтеритомъ, корью, поносомъ и коклюшемъ. Всѣ болѣзни лѣчатъ или заговорами, или травами. Къ врачамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ, но обращаются весьма рѣдко и только тогда, когда народныя средства окажутся безсильными противъ болѣзни. Скотъ лѣчатъ тоже заговорами и различными медикаментами.

Жители сѣютъ яровую пшеницу, ячмень, просо, овесъ и озимую рожь и гораздо болѣе, чѣмъ прежде—по причинѣ скудныхъ урожаевъ. Пчеловодство постепенно падаетъ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ и уменьшенія отавъ отъ распашки земли подъ посѣвы. На садоводство въ послѣднее время, вслѣдствіе скудныхъ урожаевъ хлѣба, никакого вниманія не обращается.

Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ.

Народъ религіозенъ. Назадъ тому 18 лѣтъ была скопческая и молоканская секты; первые сектанты всѣ сосланы въ Сибирь, а послѣдніе выселились въ Кубанскую область.

Очень много грамотныхъ; къ школѣ относятся сочувственно, къ учителю съ униженнымъ почтеніемъ.

Нравственное состояніе народа, можно сказать, безукоризненное. Впрочемъ, довольно часты покушенія на чужую собственность: почти каждый малороссъ одержимъ этимъ недугомъ. Женщина, въ семействѣ полная распорядительница, совѣтница во всѣхъ предпріятіяхъ мужа, а между тѣмъ отношенія ея къ нему почти рабскія и она не вмѣшивается въ общественныя дѣла.

Родители относятся къ дѣтямъ чадолюбиво, весьма строго взыскиваютъ съ нихъ за малѣйшіе проступки. Къ наймитамъ относятся такъ же, какъ къ членамъ семьи.

Родины. Повивальная бабка, разостлавъ на полу среди комнаты вчетверо свернутый тулупъ шерстью на верхъ (преи-

мущественно черныхъ овчинъ), кладетъ на него новорождненаго, потомъ, взявшись руками за тулупъ со стороны головы ребенка, а кумъ со стороны ногъ и поднявъ его съ полу, бабка говоритъ: „на́те вамъ не хрыще́не, не молы́твене, а намъ прынесы́ть хрыще́не и молы́твене“. Послѣ этого кума̀, взявъ новорожденнаго, отправляется съ кумомъ къ священнику для совершенія обряда крещенія надъ новорожденнымъ. По возвращеніи, новорожденный опять кладется на тулупъ среди комнаты и поднимается съ полу вмѣстѣ съ тулупомъ—кумомъ со стороны головы, а кумою со стороны ногъ новорожденнаго, и при этомъ кумъ или кума обращается къ бабкѣ-повитухѣ, говоря: „мы у васъ бра́лы не хрыще́не, не молы́твене, а вамъ прынеслы́ хреще́ного новорожде́нного и молы́твенного“, называя при этомъ имя. Бабка, принявъ ребенка, отдаетъ его матери. Кумы приглашаются садиться за столъ въ передній уголъ (святы́й), для трапезы; при этомъ кумѣ дается двѣ ложки: изъ нихъ одною ложкою кума угощаетъ родильницу, поднося ей по одной ложкѣ каждаго жидкаго кушанья. Гости угощаются бабкою-повитухою. Подавая на столъ послѣднее кушанье—„узва́ръ“, бабка накрываетъ его тарелкою, потомъ подноситъ по рюмкѣ водкѣ гостямъ, которые дарятъ её, кладя деньги на тарелку. По угощеніи водкою, бабка снимаетъ тарелку съ деньгами съ блюда. По окончаніи трапезы, гости расходятся.

Свадьбы. Дѣвушка, какъ только просватаютъ ее, отправляется собирать дѣвушекъ, дружекъ. Какъ только соберутся три—пять дружекъ, онѣ начинаютъ пѣть приличествующія этому собранію пѣсни, ходя изъ избы въ избу, гдѣ есть дѣвушки, конечно, подруги. Напримѣръ:

„Тай съ крыны́ци вода̀ бижи̇̀ть,
Набе́рези и лльéцьця;
А Марье́чка во́ду несѐ,
Коро́мысло, гне́цьця.
А Ива́нко въ викно̀ смо́трить
Всё слёза́мы лльéцьця.
Бода̀й-же ты, коро́мысло:
Давно̀ уломы́лось,
Бода̀й-же ты, тай Ива́нко
Давно̀ ожены́вся.—
Ой радъ бы я жены́тыся,
Та ни́кого бра́ты;
Якъ не возьму̀ ди́вки Ма́рьечки,
Не бу́ду жона́тый.

Якъ не возьму̀ Гаврыловны,
Не бу́ду й женыцьця".—
Вы́йду, вы́йду за воро́та;
Луга́ та боло́та;
Вы́йду, вы́йду за новы́и
Тра́вка зелени́е.
По тыхъ луга̀хъ, по тыхъ луга̀хъ
Ива̀нко гуля́е,
Пидъ нымъ ко́нykъ, пидъ нымъ ко́нykъ,
Якъ со́колъ лита́е.
На ёмъ шля́па, на ёмъ шля́па,
Якъ жаръ разгоря́е.
На ёмъ капта̀нъ, на ёмъ капта̀нъ,
Якъ макъ процвита́е".

Во время собранія дружекъ пѣсенъ поется очень много. По приходѣ съ дружками домой, дружки остаются въ сѣняхъ, а невѣста входитъ въ комнату, скрываясь отъ жениха и его родственниковъ. Въ это время она приготовляется для поднесенія подарковъ жениху и его роднѣ и ждетъ, пока её позовутъ для этого. Дружки между тѣмъ весьма скоро поютъ пѣсни подъ пляску, напримѣръ:

„При доро́зи, мой ба́тюшка, ячми́нь уроды̀вся. Ячмѝнь, ячмѝнь колосы́стый, велы́кий, осты́стый. А Марье́чка ячмѝнь жа́ла, жа́ла, прытомы́лась; прытомы́вшись, мой ба́тюшка, си́ла, одпочи́ла. Одпочи́вши, мой ба́тюшка, по садо́чку гуля́ла. Вонъ гуля́ла, вонъ гуля́ла, дары̀ вышыва́ла. Дары̀ жъ мой не больши́и, край золоти́и. А я ты́ми та дара́ми свеко́рка дары́ла. Све́корко мой ба́тенька! прыймы̀ мой да́ры. Я за цы́ми та дара́ми сама̀ ско́ро бу́ду. Бу́ду, бу́ду, мой ба́тюшка, къ оби́днему су́ду (времени). Я й у те́бе, мой ба́тюшка, но́чку заночу́ю. Пока́жицьця, понара́выцьця, я й викъ завику́ю".

Пѣсня эта сопровождается пляскою. Дружки продолжаютъ дальше пѣть, пока невѣста, наконецъ, не приготовится къ предстоящему обряду; о чемъ ея отецъ и сообщаетъ одному изъ хожалыхъ старостъ, который и вызываетъ её въ другую комнату, къ гостямъ. При входѣ ея, зажигаютъ передъ иконами свѣчи, начинаютъ всѣ молиться, а дружки поютъ въ это время приличествующую этому обстоятельству пѣсню:

„Кла́няйся, Ма́рьечко, наперѐдъ Го́споду Бо́гу, оццю́, не́ньци (матери) въ но́гы, а ма́тыньци ны́жче, и къ се́рдыньку бли́жче, у ни́женьки тай нызе́сынько, и къ се́рдыньку тай блызе́сынько".

Дружки продолжаютъ далѣе пѣть пѣсни, а женихъ съ невѣстою въ это тремя кланяются въ ноги отцу и матери не-

вѣсты, которые стоятъ среди комнаты; при этомъ отецъ держитъ въ рукахъ хлѣбъ. Послѣ троекратнаго поклона и лобызанія, хлѣбъ передается матери; опять женихъ и невѣста дѣлаютъ тройной поклонъ и лобызаніе. Потомъ кланяются по старшинству: отцу и матери жениха и другимъ родственникамъ жениховымъ и невѣстинымъ; при чемъ женихова родня сидитъ за столомъ, и ей кланяются и лобызаются съ нею черезъ столъ. Будущій свекоръ сидитъ въ переднемъ углѣ, держа при себѣ баклагъ съ горилкою. Поклонившись всѣмъ, женихъ и будущій его бояринъ (шаферъ) садятся за столъ. Невѣста начинаетъ перевязывать платками (давать рушныкй), принимая ихъ отъ матери, которая стоитъ тутъ-же, у стола. Прежде всего она перевязываетъ старостъ, высватавшихъ её, которыхъ всегда два, потомъ подаетъ каждому гостю подарокъ на тарелкѣ—сперва жениху, который, принявъ подарокъ, отдаетъ его боярину, а тотъ втыкаетъ ему за поясъ съ боку съ лѣвой стороны, а затѣмъ боярину, далѣе свекру, свекрухѣ и прочимъ по старшинству жениховымъ родственникамъ. При поднесеніи подарка, невѣста молча кланяется, а получившій подарокъ благодаритъ, кладя на тарелку деньги, цѣлуя всѣхъ, исключая жениха и боярина. Когда подарки розданы всѣмъ, будущій свекоръ наливаетъ бутылку водки и отдаетъ её невѣстѣ, которая угощаетъ ею дружекъ. Послѣ этого женихъ, невѣста, дружки и паробки ѣдятъ „варе́ныки“, и затѣмъ всѣ гости отправляются къ отцу жениха. Этимъ кончается сватанье. Наканунѣ вѣнчанія нѣтъ никакихъ увеселеній. Послѣ же вѣнчанія новобрачные отправляются къ жениху обѣдать, если онъ мѣстный, а если посторонній, то къ невѣстѣ. Послѣ обѣда невѣста остается у своего отца, а женихъ отправляется къ себѣ домой. Свадьба празднуется послѣ вѣнчанія чрезъ одну и даже двѣ недѣли; между тѣмъ женихъ ходитъ къ невѣстѣ ночевать. За день—два передъ свадьбою, тоторая начинается непремѣнно въ воскресенье, лѣпятъ „ле́жень“ (большой овальной формы хлѣбъ, съ украшеніями изъ тѣста, подобно шишкѣ), „калачъ“, тоже подобіе шишки, величиною въ булку круглой формы. Ле́жень и калачъ украшаются калиною и красными лентами; кромѣ

того пекутся еще „ши́шки“. Подобные хлѣбы пекутся и у жениха. Для печенія свадебныхъ хлѣбовъ невѣста собираетъ своихъ подругъ, ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ. Во время дѣланія шишекъ и проч. хлѣбовъ поются пѣсни: 1) „Ой зашуми́ла, зашелести́ла я́ра пшены́ця у сто́зи; та не уподо́бонька я́рий пшены́цы у сто́зи стоя́ты; уподо́бонька я́ру пшены́цю та у шы́шечки бга́ты (лѣпить)“. 2) „Та Ма́рьечинъ ба́тенько, та Ма́рьечинъ ба́тенько, та тай по у́лыци ходе, тай суси́дочёкъ про́се: суси́дочки мои́ голу́бочки, прыходи́ть вы до ме́не и до ме́не и до мо́го дитя́ты, та поря́дкивъ дава́ты. А яжъ ий та пе́рвую оддаю́, тай поря́дкивъ не зна́ю. И до сто́лу та не пребува́ю и чарочѐкъ та й не налыва́ю, и сванычѐкъ та й не прывыта́ю“.

Въ „пидвеси́локъ“ невѣста, одѣвшись въ суконный халатъ и подпоясавшись расшитымъ полотенцемъ, собираетъ дружекъ. Собравъ ихъ, отправляется съ ними къ свекру. Закусивъ у свекра и передавъ ему шишку, а отъ него получивъ взаимно, отправляется съ дружками къ себѣ. Женихъ въ это время тоже собираетъ къ себѣ бояръ. Каждый отдѣльно гуляетъ „пидвесилокъ“. По окончаніи „пидвесилка“ женихъ съ боярами отправляется къ невѣстѣ, и у невѣсты бояре и дружки отдѣльно празднуютъ пидвесилокъ. Въ день „весилья“ (свадьбы) дружки, приглашенныя еще во время пидвесилка, собираются къ невѣстѣ „распускàть косу“. Собравшись, усаживаются вокругъ стола, а невѣста садится тоже у стола съ противуположной стороны; возлѣ нея стоитъ и старшая дружка (шаферка). Расплетши косу, старшая дружка расчесываетъ волосы, смачивая ихъ водою. При этомъ дружки поютъ пѣсни, напр.:

„Ой ты́хо, ты́хо Дунàй водо́ньку несѐ; а щё тыхи́ше Ма́рьечка ко́су че́ше, та щё жъ она че́ше, та на ты́хий Дунàй несѐ. Ой плывы́, ко́со, пидъ бате́нькивъ двиръ про́сто. Слу́хай послу́хай, шо ба́тенько гово́ре. Ба́тынько ка́же: лыхая годы́на: шо йде отъ ме́не ри́дна дыты́нонька. Зобува́въ, зодяга́въ, та й ни́кимъ замышля́ты. Пры ста́росты нитъ ни́кому доглядàты. А све́корко ка́же: до́брая годы́нонька; шо йде до ме́не чужа́я ды-

ты́нонька. И не зобува̀въ, и не зодяга̀въ, та е кимъ замышля́ты. Пры ста́росты нитъ е кому доглядáты".

Когда невѣста распуститъ волосы, въ это время кто-либо изъ дружекъ зажжетъ восковыя свѣчи у иконъ. Невѣста въ такомъ видѣ, поклонившись три раза иконамъ, кланяется по три же раза отцу и матери; при этомъ сначала отецъ держитъ хлѣбъ, а потомъ мать. Кромѣ дружекъ, въ это время постороннихъ нѣтъ никого. Послѣ этого, если у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, то старшая дружка заплетаетъ ей всю косу, вплетая въ нее и „кисныкй"; если же живъ кто-либо изъ родителей, то заплетается половина косы, начиная отъ середины къ концу; если же родители живы, то коса заплетается отъ конца не болѣе, какъ на вершокъ. Невѣста, когда старшая дружка уберетъ ей голову, одѣнетъ и подпояшетъ „рушныкòмъ", садится за столъ, и дружки садятся. Невѣстина мать даетъ ей и дружкамъ по рюмкѣ водки, при этомъ и закуситъ. Послѣ этого дружки, получивъ по шишкѣ, отправляются съ невѣстою въ церковь къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни дружки идутъ къ невѣстѣ. Теперь уже отецъ невѣстинъ даетъ невѣстѣ и дружкамъ по рюмкѣ водки и закуситъ. Послѣ этого невѣста съ дружками отправляется обѣдать къ старшей дружкѣ. Послѣ обѣда невѣста забирается на печь, а дружки поютъ пѣсни. Къ условленному времени въ домъ старшей дружки являются съ поѣздомъ женихъ, бояре, дружко, два ста́росты, свашкй и „свитилки". У одной изъ „свитилокъ" „ги́льце", вишневая вѣтка, украшенная разноцвѣтною бумагою, нарѣзанною узкими полосками, а у другой „мичъ"—пукъ изъ различныхъ цвѣтовъ: крокóса, васильковъ, калины и проч. Въ середину этого букета вставляется деревянный конекъ (вырѣзанная изъ дерева голова лошади). Изъ хлѣба вырѣзывается небольшое кольцо и надѣвается на коня, а къ шеѣ его прилѣпливается восковая свѣчка, нижняя часть которой до половины согнута спиралью. Женихъ и прочіе поѣзжане, войдя въ избу, подносятъ невѣстѣ и нѣкоторымъ изъ дружекъ по рюмкѣ водки; потомъ отправляются опять кататься; невѣста между тѣмъ ложится на печь. Смотря по обстоятельствамъ дѣла, является „пидру́жий" къ невѣстѣ и „загоняетъ" её къ отцу; дружки тоже слѣдуютъ за нею. „Сви-

ты́лки и свашки́“ жениховы встрѣчаютъ невѣсту у порога избы. Поздоровавшись съ ними, невѣста съ дружками входитъ въ избу, при этомъ дружки поютъ много различныхъ пѣсенъ. Напр.: „Выйды жъ ты, ма́тинко, про́тивъ насъ; глянь же ты, ма́тинько, по всихъ насъ. Кра́щая Ма́рьечка одъ усихъ насъ“. Невѣста, войдя въ избу и поклонившись три раза иконамъ, кланяется три раза отцу и матери; дружки, стоявшія до этого времени въ сѣняхъ, входятъ въ избу. Послѣ привѣтствія невѣсты съ родителями, „подру́жий“, взявъ со стола два хлѣба, которыхъ на столѣ лежатъ четыре, на каждомъ углу по одному хлѣбу, подаетъ ихъ невѣстѣ, которая беретъ подъ мышку по одному хлѣбу, придерживая ихъ плечевыми частями рукъ; затѣмъ подаетъ ей въ правую руку конецъ платка, а самъ держится за другой и произноситъ: „Го́споды Іису́се Хрысте́, Сы́не Бо́жий, помы́луй насъ“. Слѣдуетъ отвѣтъ кого либо: „аминь“. Далѣе тотъ продолжаетъ: „благословы́ть молоду̀ за стилъ завесты́“.—„Богъ благословы́ть“, отвѣчаетъ кто-либо. Послѣ этого подружій обводитъ невѣсту кругомъ стола три раза, водя её слѣва направо; старшая дружка слѣдуетъ за невѣстою. Когда подружій обведетъ во второй разъ, то, взявъ у невѣсты одинъ хлѣбъ, кладетъ его на столъ; обведя въ третій разъ, беретъ второй хлѣбъ и кладетъ его на столъ; затѣмъ садятся за столъ: въ красномъ углу подружій, за нимъ невѣста, затѣмъ старшій дружко и наконецъ остальные. На столѣ, кромѣ четырехъ хлѣбовъ, на серединѣ его лежатъ: „ле́жень и кала̀чъ“. (*). Вскорѣ послѣ этого отецъ невѣсты подноситъ подружему рюмку водки, который, выпивъ, выходитъ изъ-за стола и присоединяется къ прочимъ гостямъ, стоявшимъ до времени у порога сѣней. Со двора у порога сѣней стоитъ столъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ соль. При выходѣ изъ сѣней у стола стоятъ два невѣстиныхъ старосты, а съ противуположной стороны два старосты жениха, которые взаимно угощаются черезъ столъ „перепи́йцемъ“ крестообразно: правый староста жениха подаетъ кружку съ водою правому старостѣ невѣсты, послѣдній взаимно; потомъ лѣвый староста, принявъ

*) Калачъ лежитъ на тарелкѣ, а сверху двѣ ложки.

кружку, подаетъ лѣвому—невѣсты, послѣдній взаимно. Во время взаимнаго угощенія старостъ, теща угощаетъ зятя, стоящаго тутъ же, подноситъ ему стаканчикъ водки, смѣшанной съ хмелемъ, и не голою рукою, а съ платкомъ; женихъ тоже принимаетъ не голою рукою, а съ платкомъ. Принявъ стаканчикъ смѣси, онъ передаетъ его черезъ свое лѣвое плечо стоящему позади себя старшему боярину, а тотъ, принявъ, выливаетъ содержимое на землю, но стакана не возвращаетъ, а требуетъ „вы́купъ“ (водкою). Послѣ удовлетворенія его требованія, стаканъ возвращается по принадлежности; тогда теща подноситъ водку зятю, далѣе опять боярину и прочимъ гостямъ жениховой стороны. Угостивши всѣхъ, она возвращается въ избу. Тогда „дружко̀“, подавъ въ руки жениха платокъ, за который держится самъ, вводитъ его въ сѣни и становитъ у порога дверей изъ комнаты. Женихъ стоитъ съ наклоненною головою, за нимъ стоятъ двѣ его „свашки̇“ и противъ него въ комнатѣ стоятъ тоже двѣ „свашки̇“ невѣсты, держа каждая по хлѣбу. Поприветствовавъ другъ друга крестообразно и обмѣнявшись хлѣбами, отходятъ въ сторону; тогда дружко, взявъ опять жениха за руку съ помощью платка, вводитъ его въ избу, говоря: „Го́споды Іису́се Хрысте̇, Сы́не Бо́жий, помы́луй насъ“. Ему отвѣчаютъ невѣстины старосты: „ами̇нь“. Далѣе продолжаетъ дружко: „благословы̇ть молодо́го за стилъ посады̇ть“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы̇ть“. Въ это время старшая дружка, поднявъ со стола калачъ, держитъ надъ наклоненною надъ столомъ головою невѣсты, а дружки поютъ: „Не будь, Ма́рьечко, прямà, не подвòдь голо́воньки самà, нэхàй той пидво́де хто крий те́бе ся́де; серде́нько, мыле́ньке, прысу́ньcя блызе́нько, бу́демъ говоры̇ты, якъ на сви́ти жи́ты“. Въ это же время нѣсколько мальчиковъ, родственниковъ невѣсты, стоя на лавкѣ, машутъ на дружка „кийка́ми“ (палки, обмотанныя соломою и ты̇канныя сверху репешками). Дружки при этомъ поютъ пѣсни: „Бра́тыку, не лякáйся, бра́тыку, постара́йся! Не продавàй сестры̇ за пивзолото́го; просы̇ чирво́ного и зъ зя́тя молодо́го, и съ по́изду ёго конѝ вороно́го“. Тогда дружко подаетъ на тарелкѣ мальчикамъ „вы́купъ“ за невѣсту: шишки по числу мальчиковъ, нѣсколько рюмокъ водки и денегъ. Ребятишки,

получивъ плату, удаляются; а женихъ, подойдя къ невѣстѣ, цѣлуетъ её и садится съ правой стороны ея. Дружко въ это время передаетъ отъ жениха тещѣ или сапоги, или 3 рубля денегъ и шишку, тестю же только шишку, а дѣду и бабѣ, если есть таковые, по парѣ чулокъ, остальнымъ-же невѣстинымъ родственникамъ даетъ только по шишкѣ. Одѣливъ всѣхъ и получивъ при этомъ отъ тещи платокъ, обращается ко всѣмъ съ такими словами: „Сваты и сва́хи! Чи всимъ хлиба-со́лы доста́лось?“ Ему отвѣчаютъ: „Вси“.—„Ну, ма́мо“, продолжаетъ тотъ, обратившись къ тещѣ,—„дава̀й молодо́му платòкъ за по́ясъ“. Получивъ отъ нея платокъ, передаетъ его на тарелкѣ старшему боярину, который, принявъ, втыкаетъ жениху спереди за поясъ. Старшая дру́жка, по требованію дружка̀, передаетъ на тарелкѣ женихову шапку и невѣстинъ головной вѣнокъ (цвѣтокъ) женщинамъ, родственницамъ невѣсты, которыя, приколовъ вѣнокъ къ шапкѣ жениха, возвращаютъ дружку̀, а съ него получаютъ „вы́купъ“ за шапку: шишку, деньги и по рюмкѣ водки. Получивъ шапку, дружко передаетъ ее старшему боярину, который, принявъ, надѣваетъ её на голову жениха, приподнимая её три раза съ головы и, наконецъ, снявъ, держитъ ее при себѣ. Послѣ этого, теща подаетъ дружку на тарелкѣ каравай, сверху котораго лежитъ „очи́покъ“, а сверху очипка платокъ. Принявъ всё это, дружко передаетъ очипокъ и платокъ двумъ свашкамъ, самъ же въ это время рѣжетъ каравай на части. Свашки между тѣмъ надѣваютъ молодой очипокъ и покрываютъ его платкомъ; при этомъ молодая долго сопротивляется и бросаетъ очипокъ къ порогу. При этомъ свашки поютъ пѣсни, напр.: „Покры́ванька пла́че, покрыва́цьця хо́че; не такъ покрыва́цьця, якъ поцилува́цьця“. Эта пѣсня поется три раза, и послѣ каждаго раза свашки цѣлуются. Въ это время свашка, сестра женихова, надѣваетъ себѣ на голову женихову шапку, а невѣстина сестра прикалываетъ себѣ съ правой стороны головы невѣстинъ вѣнокъ (цвѣтокъ). Пропѣвши въ третій разъ пѣсню, свашки надѣваютъ невѣстѣ очипокъ, а сверху накрываютъ ее платкомъ. Дружко въ это время раздаетъ куски каравая родственникамъ невѣсты и жениха, сначала засунувъ одинъ ломоть жениху за пазуху. Раздавши каравай, дружко обращается къ отцу и матери

невѣсты: „благословы̀ть молоды̀хъ зза стола̀ вы̀весты“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословы̀ть“. Тогда женихъ и невѣста выходятъ изъ-за стола, отецъ и мать благословляютъ ихъ. Потомъ выходятъ вонъ изъ избы. Тогда дружко, подавъ платокъ въ руки жениху, обводитъ его три раза вокругъ „дижи“ (бочки), поставленнной у порога вверхъ дномъ и покрытой скатертью. Спереди идетъ дружко, за нимъ женихъ, далѣе невѣста и наконецъ свашки, которыя въ это время поютъ пѣсни: „Стары̀й оселе́дько, не сто́е за ре́доку, не вспивъ ожены̀цьця, ста́ла жи́нка бы̀цьця.— А хоть бу́де бы̀ты, бу́ду терпи́ты. Пры̀йде ни́чка темне́нька, е съ кимъ говоры̀ты“. Эта пѣсня сопровождается пляскою. Затѣмъ невѣста, ставъ въ повозку и перекрестившись на четыре стороны, беретъ икону и стоитъ. Дружко, подавъ жениху въ руки платокъ, обводитъ его вокругъ повозки три раза. Женихъ послѣ каждаго обхода ударяетъ невѣсту кнутомъ, и если женится по любви, то слегка, а если нѣтъ, то сильно. Затѣмъ садится въ повозку, и весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Иконы невѣста держитъ сама, а калачъ, взятый у невѣсты, держатъ свашки. Весь поѣздъ, переѣхавъ чрезъ зажженный въ проѣздѣ воротъ костеръ, останавливается у порога избы; затѣмъ всѣ гости по приглашенію сватовъ (отца и матери жениха) входятъ въ избу. Женихъ, невѣста и всѣ гости садятся за столъ и угощаются сватами. На другой день, въ понедѣльникъ, женихъ съ дружкомъ приглашаетъ къ себѣ тестя, тещу и всю родню невѣстину; угощаетъ водкою, а тѣ дарятъ молодыхъ деньгами и мелкимъ скотомъ. Всѣ гости со стороны невѣсты, одаривъ молодыхъ, уходятъ въ домъ невѣсты, и тамъ сами празднуютъ свадьбу. По уходѣ ихъ, свекровь перевязываетъ всѣхъ гостей своей стороны платками. Вечеромъ бояре ходятъ по дворамъ, убиваютъ куръ и заводятъ себѣ отдѣльно стряпню. На третій день послѣ обѣда дружко, обмотавъ себѣ платкомъ правую руку, рѣжетъ на ломти каравай, который и раздаетъ всѣмъ гостямъ. Этимъ свадьба и заканчивается. Если невѣста вышла „че́сна“, то на другой день свашки ходятъ по улицамъ и поютъ много относящихся къ этому обстоятельству пѣсенъ. Потомъ вся свадебная компанія ходитъ по улицамъ съ крас-

нымъ флагомъ на длинномъ шестѣ съ привязаннымъ къ нему звонкомъ, разбиваютъ много глиняной посуды; и невѣстину мать носятъ на рукахъ. Горе же родителямъ невѣсты, если она не сохранила дѣвства,—сколько придется имъ перенести отъ пьяной компаніи разнаго рода насмѣшекъ! Женихъ же тоже свою производитъ расправу съ невѣстою. На слѣдующее воскресенье молодые отправляются въ гости къ родителямъ невѣсты „хлиба одвидать". Свадебные расходы у жениха: плата за невѣсту отъ 5 до 150 руб., вѣнчанье отъ 1 до 10 руб., за вѣнцы въ церковь отъ 1 до 2 руб., на водку отъ 10 до 50 р., тещѣ сапоги отъ 2 до 4 руб., отъ 20 до 70 платковъ 3—10 руб., муки отъ 2 до 10 мѣшковъ 4—20 руб., мясного отъ 1 до 10 руб., сала, пшена и другихъ продуктовъ приблизительно отъ 1 до 5 руб., на другіе мелочные расходы до 2 руб.

Свадебные расходы у невѣсты: до 35 платковъ отъ 6 руб. 45 коп. до 10 руб., на водку отъ 5 до 35 руб., отъ 4 до 12 мѣръ муки 4—12 руб., мясного отъ 1 до 5 руб., прочихъ продуктовъ отъ 1 до 3 руб. Вечерницъ въ настоящее время нѣтъ; сборища преслѣдуются полиціей, но улицы существуютъ (сборища паробковъ и дѣвокъ). Влюбленные устраиваютъ ночевки у какой нибудь не старой вдовы.

При похоронахъ особыхъ обрядовъ нѣтъ. Обязательно по сторонамъ головы умершаго кладутъ пучки сухихъ васильковъ; въ руки вкладываютъ крестъ изъ восковой свѣчи. Послѣ погребенія поминаютъ тутъ же у могилы кутьею, затѣмъ идутъ въ домъ умершаго обѣдать.

Юридическіе обычаи. Сватовство происходитъ между родителями невѣсты и хожалыми старостами со стороны жениха словесно; въ случаѣ размолвки, виновная сторона уплачиваетъ истцу „за безчéсте" присужденную волостнымъ судомъ плату.

Если дѣлившіеся между собою имуществомъ не раздѣляются добровольно, то приглашаютъ стариковъ—„собирáютъ громáду", мѣстнаго сельскаго старосту и волостныхъ судей, если есть таковые; если и послѣ этого не послѣдуетъ раздѣла, тогда обращаются въ волостной судъ, который и примиряетъ тяжущихся.

При наймѣ рабочихъ на продолжительные сроки условіе заключается письменно въ волостномъ правленіи; на короткіе-же сроки и въ особенности на полевыя работы договоръ заключается при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ словесно, или-же просто семейнымъ образомъ.

По преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія судитъ большею частью тоже „грóмада", при изрядной попойкѣ „на вы́ннаго коштъ", а съ виновниками, смотря по важности преступленія, производится соотвѣтсвующая расправа". Если-же преступленіе превышаетъ, по ихъ усмотрѣнію, власть громады, тогда дѣло передается въ волостной судъ.

Примѣты. Если 6 января бываютъ яркія звѣзды—къ урожаю. Если на Срѣтенье снѣгъ переметаетъ дорогу—„ховай одежды: дóлго протя́нецьця холóдна вэснá". Если день Евдокіи приходится на 1-ю недѣлю поста,—ранняя весна, если на 3-ю, то поздняя. Какова погода на Благовѣщенье, такова и на „Велы́къ день". Май будетъ дождливъ, если въ сентябрѣ шли дожди. Откуда вѣтеръ будетъ на Покрова, оттуда больше будетъ и зима. На Миколу (6 декабря) снѣгъ или дождь—къ урожаю. 13 ноября на Іоанна туманъ и „пóвись" на деревьяхъ, ожеледица—урожай на просо. Передъ восходомъ солнца красная заря—къ дождю; послѣ захода солнца красная заря—къ вѣтру. Народившійся мѣсяцъ тупорогій и „вы́сне пу́зо"—зимою къ снѣгу, а лѣтомъ къ дождю. Поздняя весна—урожай на овощи въ садахъ, а ранняя—къ неурожаю.—Если паутина осенью летаетъ по воздуху, то къ урожаю. Какую щеку умываетъ кошка лапою, оттуда будетъ зимою снѣгъ, а лѣтомъ дождь. Если воробьи летаютъ на открытомъ мѣстѣ и чирикаютъ безъ умолку—къ хорошей погодѣ, а прячутся—къ дурной.

Обрядовыя пѣсни. Въ Рождественскій сочельникъ родственникамъ, сосѣдямъ, ближайшимъ и почетнымъ дѣти носятъ „вэчéрю"—ужинъ, который состоитъ изъ трехъ маленькихъ хлѣбцовъ и кутьи (вареной пшеницы), съ разведеннымъ водою мёдомъ.

Каждый, отвѣдавъ вечери, непремѣнно по три ложки кутьи, взамѣнъ пополняетъ своею; принявъ одинъ хлѣбецъ, замѣняютъ тоже своимъ; при этомъ дѣти одѣляются деньгами или пряниками. Въ сочельникъ-же горшокъ съ кутьею ставятъ „въ святомъ углѣ“ на лавкѣ, подложивъ подъ него сѣна; горшокъ этотъ стоитъ три дня, послѣ чего его принимаютъ.

Въ день Рождества дѣти колядуютъ. Взрослые поютъ:

„А хто, хто Мыкола́я любэ,
А хто, хто ёму̀ слу́жбу слу́же;
Святы́й о́тче Мыкола̀й,
На вся́кий часъ помога̀й,
Мыкола́ю.
Богоро́дыця Сы́на породы́ла,
Всихъ я́нголовъ до се́бе
зозва́ла;
Ста́лы ду́мать и гада̀ть,
Якѐ ёму̀ и́мья дать.
Далы́ ёму̀ и́мьа святого Іи́лья.
Богородыця нэ злюбы́ла,
Всихъ я́нголовъ роспусты́ла.
А хто, хто Мыкола́я лю́бе,
А хто, хто ёму̀ службу́ слу́же;
Святы́й о́тче Мыкола̀й,
На вся́кий часъ помога̀й,
Мыкола́ю.
Богоро́дыця Сы́на породы́ла,
Всихъ я́нголовъ до се́бе зозва́ла;
Ста́лы ду́мать и гада̀ть,
Якѐ и́мья святого Іи́лья.
Богоро́дыця нэ злюбы́ла,
Всихъ я́нголовъ роспусты́ла.
А хто, хто Мыкола́я лю́бе,
А хто, хто ёму̀ слу́жбу слу́же;
Святы́й о́тче Мыкола̀й,
На вся́кий часъ помога̀й,
Мыкола́ю.
Богоро́дыця Сы́на породы́ла,
Всихъ я́нголовъ до се́бе зозва́ла;
Ста́лы ду́мать и гада̀ть,
Якѐ и́мья ёму̀ дать,
Да́лы ёму̀ и́мья Іису́са
Хрыста̀.
Богоро́дыця излюбы́ла,
Всихъ я́нголовъ обдары́ла.“

Подъ Новый годъ „щедруютъ“, или „меланкуютъ“:

Якъ на ри́цьци на Ярда́ни,
Тамъ Пречи́ста ры́зы мы́ла;
Та пови́сыла на ялы́ни.
Де узя́лося тры я́нголи,
Узя́лы ры́зы на кры́лята,
Та понэслы̀ ры́зы пидъ небеса̀;
Уси̇̀ небеса̀ растворы́лыся;
Уси̇̀ святи́и уклоны́лыся,
Ста́лы умыва́цьця,
У ры́зы наряжа́цьця,
Ста́лы ру́кы мы́ты
И слу́жбу служи́ты“.

Дѣти, мальчики, на Новый годъ „посѣваютъ“ и поютъ: „На ща́сьте, на здоровье и на новый годъ! Роды, Бо́же, жи́то и пшеныцю и вся́ку пашны́цю. Бу́дьте здоровы; съ празныкомъ съ новы̀мъ го́домъ, зъ Васы́лиемъ“.

Начиная еще со всеядной недѣли, дѣвушки каждый вечеръ собираются на улицахъ и, взявшись рука за руку, ходятъ по

улицамъ и поютъ пѣсни, напр.: „Ускочи́въ козѐлъ у го́родъ, у го́родъ, та пои́въ козѐлъ лукъ-часны̀къ, лукъ-часны̀къ и черне́ньку чёрну́шку, и зеле́ную петру́шку, и зеле́ную петру́шку. Узялы̀ козла̀ за рижо̀къ, за рижо̀къ, повелы̀ козла̀ на торжо̀къ, на торжо̀къ, прода́ты козла̀ за пьять кипъ, за пьять кипъ“.

„Крыве́ колы́со, куды̀ ко́тысься? ой ра́но, ра́но, куды ко́тысься?“— Ой я покотю́ся на торгъ. торгува̀ть, на торгъ торгува̀ть, све́кра продава̀ть, све́кра продава̀ть, ба́тька покупа̀ть. Све́кра продала̀, ше́ляга (грошъ) взяла̀; ба́тька купы́ла, сто рубли̇̀въ дала̀.—Крывѐ колысо̀, куды̀ ко́тыся?—„Ой я покотю́ся жъ у лисъ, по я́годы; та якъ вы́рву я та дви я́годы, одну̀ спи́лую, дру́гу зеле́ну; де спиле́нькая, то ту ба́теньки; де зеле́ная, то ту све́кру, ой ижъ, ба́теньку, не похлы́пныся, а ты, све́корку, хочъ и удавы́ся“.

Во время посѣва хлѣба, когда приблизится время завтрака, то крестъ, который былъ испеченъ изъ кислаго тѣста въ среду на 4-й недѣлѣ великаго поста, съѣдается рабочими.

Если будетъ забытъ въ печи хлѣбъ во время печенья, то онъ употребляется, какъ лѣкарство при поносѣ и называется „забу́дёкъ“.

Игры и забавы. Мальчики играютъ: „въ коня“, сви́нки“, „мячъ“, „цурки“ и „шкопырдки“. Дѣвочки: „въ креймухи“, „куклы“. Игры и забавы юношескія: парни играютъ: „въ мячъ“, „скраклы̀“, „карты“, „шахматы“, „шарлая̀“, „до́вгои лозы̀“, „ѣздового мяча̀“; дѣвушки: „въ карты“, „года“, „въ довго́и лозы̀“, „у бло́хи“ (горѣлки), „мяча“. Игры и забавы взрослыхъ: мужчины: въ „карты“, „шахматы“ и „свинки“; женщины: „въ козла“. Танцы: „задо̀къ“, третя̀къ“. Музыка: „чобо̀ты“, „ба́рыня“, „камаринскій“, „по у́лыци мостовой“, „сѣни бѣлые, пушыстые“, „гайдучо̀къ“, „поля́нка“, „бычо̀къ“.

Мѣстные музыкальные инструменты: гармоника, балалайка и свирѣль (сопи́лка).

Повѣрья. Есть два колдуна (они же и знахари); одинъ среднихъ лѣтъ, другой молодой, которые въ большемъ почетѣ какъ у мѣстныхъ жителей, такъ и у постороннихъ, знающихъ ихъ. Къ первому обращаются для оказанія помощи отъ разныхъ порчей и „закрутокъ“, даже изъ дальнихъ мѣстъ и преимущест-

венно донскіе козаки. Первый изъ нихъ „природный“ колдунъ, а второй ученый. Вообще жители избѣгаютъ всякихъ столкновеній съ ними, чтобы ихъ ногами не быть повернутыми пятками напередъ.

Есть одна вѣдьма, которая, имѣя на кого зло, портитъ коровъ. Она же и знахарка, лѣчитъ, по просьбѣ, испорченныхъ ею же коровъ. Ее часто видѣли превратившеюся въ свинью. „Лѣтъ сто, когда ще булы лиса не далеко одъ слободы, такъ, казалы старй люды, такъ у цыхъ лисахъ водылысь вовкулаки; а якъ сталы переводыть лиса, тодй вовкулаки сталы сбувать и наконецъ повтикалы на нызъ, де е лиса. Воны булы колысь люды, та не по закону жылы; за те ихъ Богъ и наказавъ, сказавъ: „будьте волкамы“; воны поробылись волкамы и уйшлы въ лиса“.

„Якъ булы лиса, тодй булы и русалки; воны пугалы людей своимъ крыкомъ; мяука, якъ кишка. Усю неділю передъ Троицей воны пугаютъ людей. Суббота передъ Троицей звецьця русальчинымъ велыкимъ днемъ. Русалки булы колысь жинки, та за ихъ грихй Богъ наказавъ ихъ и прогнавъ у лиса“.

Повѣрья о мѣстныхъ животныхъ. Если курица поетъ по-пѣтушьи, то предвѣщаетъ семьѣ несчастье. Собака воетъ—тоже будетъ въ домѣ несчастье. Пѣтухъ поетъ на воротахъ—къ прибытію гостей. Кошка умывается—тоже къ прибытію гостей. Если нѣтъ въ хозяйствѣ бѣлыхъ курицъ, а цыплята (хотя одинъ) выведутся бѣлыми—тоже въ семьѣ несчастье. Кобылица ожеребится двумя жеребятами—тоже къ несчастью. Овца приведетъ двухъ ягнятъ—къ прибыли. Цыплята выведутся калѣки, значитъ—яйца были снесены на Благовѣщенье. Если голуби у кого сильно множатся, будетъ благополучная жизнь въ семьѣ. Ласточки вьютъ гнѣзда у кого либо—тоже къ благополучію въ семьѣ. Заяцъ перебѣжитъ дорогу—задуманнаго дѣла не сдѣлать. Если зимою въ амбарахъ и избахъ много мышей—то къ урожаю. Перепеловъ много на лугу и степи, тоже къ урожаю. Если сычъ прокричитъ на чьемъ либо зданіи—тамъ быть покойнику или пожару. Додикъ прокричитъ—тоже къ покойнику или пожару. Пчелиный рой влетитъ въ трубу—къ смерти старшаго члена семьи. Если подъ Новый годъ придутъ щедровать прежде мальчики, то ко-

ровы отелятъ бычковъ, и овца барановъ; если же дѣвочки, то коровы телокъ, а овцы ярокъ. На первый день Свѣтлой недѣли во время стряпни надо какъ можно болѣе беречься не плеснуть воды на полъ,—а то блохи будутъ. Чтобы попелнуха (капустныя вши) не портила капусты во время ея роста, нужно посыпать ее золою, полученною изъ печи во время стряпни въ первый день Свѣтлой недѣли. Если дѣти послѣ Новаго года дѣлаютъ „млынки", а лѣтомъ изъ пыли кучки—то къ урожаю. На Благовѣщенье должно испечь кислаго или прѣснаго хлѣба и съѣсть его въ тотъ же день, если же почему-либо не испекутъ, то не должно печь его весь годъ по воскресньямъ. Если на Благовѣщенье корова отелется, то теленокъ выйдетъ калѣкой. Нельзя давать чужому молока, не посоливъ его, а иначе или молоко уменьшится у коровы, или вовсе не будетъ его. Корову, отелившуюся въ первый разъ, должно обсыпать макомъ—чтобы ничто лихое не пристало. Если куры кудахчатъ послѣ захода солнца—къ смерти кого либо изъ семьи. Если тараканы водятся въ домѣ, то или къ богатству, или къ разоренію. Если ласточка пролетитъ подъ брюхомъ коровы, то молоко превратится въ кровь. Надо сперва обувать правую ногу, чтобы зубы не болѣли. Нельзя наизнанку носить одежды: на того будутъ „вывертать" всѣ глаза. Нельзя въ понедѣльникъ надѣвать бѣлья—будетъ напасть; а если пришлось надѣть, то нужно продѣть чрезъ то бѣлье три раза ножъ—тогда минуетъ напасть. Примѣты: если воронецъ будетъ съ полнымъ зерномъ, то будетъ урожай на хлѣбъ. Если на всеядной недѣлѣ передъ сырною въ среду будетъ „хмарно", будетъ хлѣбъ съ полнымъ зерномъ; если же ясно, то загорѣлое зерно.

„Въ понеди́локъ нельзя́ и́сты скоро́много: винъ, якъ бу́де стра́шный судъ, тамъ бу́де выво́дыть ду́шу на го́ру; такъ ий бу́де идты́ такъ ле́гко. якъ и съ па́лкою".

„У пья́тныцю и суббо́ту на страшни́й ныди́ли хто не исть нычего, того Госпо̀дь одъ пеку́щаго вогня́ бу́де заступа̀ть".

„Кто на Велы́къ день не бу́де пыть за оби́домъ воды́, тому̀ на стра́шномъ суди̇̀ воды́ не захо́чецьця. У пья́тныцю нельзя̀ пыкты́ жи́тного хли́ба. Одные́и же́нщины була̀ така̀ статьтя: прыхо́де до не́и у пья́тныцю же́нщина и спра́шуе: „а шо за-

гнеты́ла хли́бъ?“ (а вона̀ са́ме посажа́ла у пичъ жи́тный хлибъ). А вона̀ и гово́ре: „загнеты́ла“. Тоди̇̀ та же́нщина зложи́ла ий на гру́ды ру́кы на́вхрестъ, та прывела̀ до огню̀ и загнеты́ла ихъ, а по́тимъ того̀ пыта́е: „шо, тоби̇̀ бо́льно?“—„Бо́льно“, ка́же та. Тоди та же́нщина—хто й знае, де и ди́лась, а у тые́и ру́кы узялы́ся пузыря́ми“.

„У чи́стый четвѐргъ прядѐть навпакѝ ны́тки до схѝдъ со́ньця, цые́ю ны́ткою перевья́зуютъ ру́кы (на запя́стьѣ), шобъ ны ломы́ло ко́сты, а скоты́ни перевья́зуютъ но́гы, шобъ не хрома́ла“.

„У пья́тныцю ныльзя̀ пря́сты: кострыцею пья́тныци о́чи засыпа́ютъ“.

„Нохтѐй ныззя̀ зриза̀ть на па́льцахъ: на тимъ сви́ти ни́чимъ бу́де дра́цьця на го́ру“.

Сказки: 1) Булы̀ собѝ дидъ та ба́ба, и у ихъ булы̀ сынъ и дочка̀. Купы̀въ дидъ собѝ козу̀ за тры ко́пы. Посыла̀ дидъ сы́на пасты̀ козу̀ и ка́же: „гоны̀ ты, сы́ну, козу̀ па́сты, та шобъ напа̀съ. Сынъ погна̀въ: пасъ—пасъ ий; напа̀съ до́бре, напоѝвъ и го́не у вече́ри до до́му. А дидъ стоѝть на воро́тяхъ у черво́ныхъ чобо́тяхъ и зъ золоты̀мъ ножѐмъ и пыта̀: „коза́ моя̀ лю́ба, коза̀ моя̀ мы́ла, чи ты и́ла, чи пыла̀?—„Ни, диду́сю, ны и́ла я, ны пила̀; якъ би́гла че́резъ лужѐчёкъ, та ухваты́ла кленовый лысто́чёкъ; та якъ би́гла че́резъ гребе́льку, та ухваты́ла воды̀ капе́льку—тѝлко и́ла и пыла̀“. Винъ узя̀въ сы́на и зарѝзавъ, та пидъ коры́то и положѝвъ. Тодѝ посла̀въ дочку̀ па́сты козу̀. Дочка̀ пасла̀—пасла̀, напасла̀, напоѝла и го́не до до́му. Дидъ стоѝть упьѐть на воро́тяхъ въ черво́ныхъ чобо́тяхъ съ золоты̀мъ ножѐмъ и спра́шуе: „коза̀ моя̀ лю́ба, коза̀ моя̀ мы́ла, чи ты и́ла, чи пыла̀?“—„Ни, диду́сю! ны и́ла, ны пыла̀ я, якъ би́гла че́резъ лужо́чёкъ, ухваты́ла кленовый лысто́чёкъ; якъ би́гла че́резъ гребе́льку, ухваты́ла воды̀ капе́льку—ти́лько и́ла и пыла̀“. Дидъ узя̀въ и дочку̀ зарѝзавъ та пидъ коры́то ий и положѝвъ. Тодѝ дидъ посла̀въ ба́бу пасты̀ козу̀. Погна́ла ба́ба въ таку̀ траву, шо и ро́жкивъ не вы́дно. Напасла́ ба́ба козу̀, напоѝла и го́не до до́му; а дидъ стоѝть на воро́тяхъ у черво́ныхъ чобо́тяхъ и съ золоты̀мъ ножѐмъ и пыта̀: „коза̀ моя̀ лю́ба, коза̀ моя̀ мы́ла, чи ты и́ла, чи пыла“?—„Ни, диду́сю, ны и́ла, ны пыла̀ я, якъ би́гла че́резъ лужо́чёкъ, ухваты́ла кленовый лысто́чёкъ,

якъ би́гла че́резъ гребе́льку, ухваты́ла воды̀ капе́льку—ти́лько и́ла и пыла̀". Винъ узя̀въ ба́бу зари́завъ и положі̀въ пидъ коры́то. Погна̀въ тодѝ дидъ самъ пасты̀ козу́. Напа̀съ, напойвъ и го́не до до̀му, а самъ забі́гъ уперѐдъ, ставъ на воро́тяхъ и пыта́ козы̀: „коза̀ моя̀ лю́ба, коза̀ моя̀ мы́ла, чи ты и́ла, чи пыла̀"?—„Ни, дидусю, ны и́ла, ны пыла̀ я; якъ би́гла че́резъ лужо́чёкъ, ухваты́ла кленовый лысто́чёкъ, якъ би́гла че́резъ гребе́льку, ухваты́ла воды̀ капе́льку—ти́лько и́ла и пыла̀ я". Дидъ розсе́рдывся, пиймàвъ козу̀ и ставъ живу̀ драть. Обидра̀въ половы́ну бо́ка, а вона̀ вы́рвалась тай побі́гла, уско́чила въ лысы́чину ха́тку и сыды̀ть на печѝ. Прыбі́гла лысы́чка у свою̀ ха́тку тай и чу́е, шо е шось у ий ха́тьци, и озыва́ецьця: „а хто, хто у мойѝ хатьци"?—„Я, коза́, дереза̀ пивъ-бока̀ лу́плена, за тры копы̀ ку́плена; тупу̀, тупу̀ нога́мы, сколю̀ тебѐ рога́мы, ла́пкамы вы́гребу, хво́стыкомъ вы́мету". Лысы́чка спу́га́лась, си́ла на порѝгъ и пла́че. Тутъ идѐ за́йчыкъ и спра́шуе: „лысы́чко, сестры́чко, чёго ты пла́чешъ"?—„За́йчыку, бра́тыку, якъ минѝ ны пла́каты, шось у мойѝ ха́тьци е".—„Ходѝмъ, поды́вымось, шо тамъ е; я вы́жыну. Прыйшлы̀ у ха́тку. Зайчыкъ якъ кры́кне: „хто, хто въ лысы́ччиний ха́тьци"?—Я, коза̀, дереза̀, пивъ-бока̀ лу́плена, за тры копы́ ку́плена, тупу̀, тупу̀ нога́мы, сколю̀ тебѐ рога́мы, ла́пкамы вы́гребу, хво́стыкомъ вы́мету". За́йчыкъ и ка́же: „я бою̀сь, це страшнѐ", та й побі́гъ. Остала̀сь лысы́чка сама̀, си́ла упьѐть на порѝгъ и пла́че; а во́вчыкъ идѐ и пыта̀ ий: „чёго̀ ты, лысы́чко, пла́чешъ?"—„Во́вчыку, бра́тыку, якъ минѝ ны пла́кать: шось у мойѝ ха́тьци".—„Ходѝмъ, я вы́жыну." Пишлы̀. Во́вчыкъ якъ закрычы̀ть: „хто, хто въ лысы́ччиний ха́тьци?"—„Я, коза̀, дереза̀, пивъ-бока̀ лу́плена, за тры копы̀ ку́плена, тупу̀, тупу̀ нога́мы, сколю̀ тебѐ рога́мы, ла́пкамы вы́гребу, хво́стыкомъ вы́мету". Вовкъ злака́вся и утѝкъ. Лысы́чка сыды̀ть упьѐть на поро́зи и пла́че. Идѐ видмѝдь и спра́шуе: „чёго̀ ты, лысы́чко, пла́чешъ"?—„Якъ минѝ ны пла́каты: шось у мойѝ ха́тьци".—„Ходѝмъ, я вы́жыну и т. д. Наконѐць ли́зе ракъ и спра́шуе: „чего̀ ты лысы́чко, сестры́чко, пла́чешъ"?—„Якъ мини́, ра́чеку, бра́тыку, ны пла́каты: шось у мойѝ ха́тьци".—„Ходѝмъ, я вы́жыну". А лысы́чка и ка́же: „ни, ра́чеку-бра́тыку, не вы́жынешъ: тутъ булы̀ ны по тобѝ: за́йкинъ,

вóвчикъ и ведмéдыкъ, та не вы́гналы, а то ты вы́жынешь“.— „Ни, вы́жыну“. Пишлы̀. Прыйшòвъ ракъ у хáту та якъ кры́кне: „а хто, хто въ лысы́ччинеи хáтци“?—„Я, козà дерезà, пивъбокà лýплена, за тры копы̀ кýплена; тупỳ, тупỳ ногáмы, сколю̀ тебѐ рогáмы, лáпкамы вы́гребу, хвóстыкомъ вы́мету“. А ракъ и кáже: „вы́жыну“ и полѝзъ на пичъ и къ козѝ злизъ, та якъ ущипнѐ ийѝ клешнéю за облýпленный бикъ. А вонà якъ закрычы̀ть: „не менѐ!“ та и зогнáвъ ийѝ съ пéчи на пилъ (кровать), а тодѝ упьѐть ийѝ „щипъ“, а вонà: „не менѐ!“ Ракъ зогнàвъ ийѝ до долу и упьѐть „щипъ“, а вона: „не менѐ“! та й вы́бигла у сѝны; а ракъ упьѐть ийѝ „щипъ“, а вонà: „не менѐ!“ и вы́бигла на двиръ; а ракъ ийѝ упьѐть „щипъ“, а вона: „не менѐ“ та и побѝгла геть. Тодѝ лысы́чка вийшла у свою̀ хáтку, поклы́кала и рáка до сéбе, зачалà ёго̀ угощàть; угосты́вши, поблагодарѝла ёго̀: „спасы́би тобѝ, рáчеку-брáтыку“, шо ты минѝ услужѝвъ таку̀ слýжбу, я на тéбе не надѝялась“.

2) „Жы́лы собѝ дидъ да бáба, старѝ—старѝ; дидъ бувъ слипы̀й. Дожылы̀сь воны̀ до тóго, шо имъ стáло нѝчёго ѝсты. Вотъ бáба и кáже: „я тебе, дѝду, брóсю“. А дидъ и кáже: „не бросàй менѐ, бабýсю, лýчче я пийдỳ у пóле, та рожживỳсь, мóже, кáже, чёго̀ нéбудь“. А бáба и кáже: „ну, ходѝмъ же, колы̀ такъ, дидýсю, у двохъ“. И пишлы́ скризь по дорóзи. Ийшлы́, ийшлы́—ничóго на дорóзи ны найшлы̀. Дойшлы̀, шо дорóга раздвóилась на двóе. Бáба и кáже тоди: „ну, ты, дѝду, иды̀ по прáвий дорóзи, а я по лѝвий; та, мóже, ты якъ нáйдешъ зáйчыка, такъ гукàй минѝ сюды̀: бабýсю! на цю дорóжку!“ Тодѝ дидъ пишòвъ по̀ правий дорóзи, а бáба по лѝвий. Дидъ ийшòвъ, ийшòвъ и найшòвъ решетò, та и крычы̀ть: „сюды́, бабỳсю! на цю дорóжку!“ Бáба прибѝгла и бáче, шо дидъ решетò найшòвъ; вонà ёго̀ попобы́ла и кáже: „якъ зáйця найдѐшъ, такъ гукàй минѝ“ та й и пишлà своѐю дорóгою, а дидъ своѐю. Дидъ ийшòвъ, ийшòвъ и найшóвъ колесò, та и гукà: „сюды̀, бабýсю! на цю дорóжку!“ Бàба прибѝгла и бáче, шо дидъ колесò найшòвъ. Вонà упьѐть его попобы́ла и кáже: „я тобѝ казáла: якъ шо зайчыка нáйдешъ, такъ гукàй; тепѐръ я тебѐ брóсю, цуръ тóби“! Дидъ заплáкавъ и кáже: „хоть одведы̀ менѐ, бабýсю, у свою̀ хáтку,

тодѝ и бро́сышъ". Вона̀ одвела́ его̀ до до́му и положи́ла на пичѝ, а сама̀ пишла̀ упьѐть у по́ле и прыйшла̀ у лисъ; ийдѐ, ийдѐ по ли́су и поба́чила: ко́зы съ козыня́тамы пасу́цьця, а не дале́чко и ха́тка стойть ихъ. Ба́ба вийшла̀ у ха́тку, ды́выцьця— нымà нико́го; вона̀ поли́зла на пичъ и си́ла пидъ ши́йкою. А ко́зы напаслысь и прибиглы у свою̀ ха́тку. Тодѝ ба́ба и отзыва́ицьця къ нымъ: „ко́зочки, ко́зочки, я васъ бу́ду дойты, молочко̀ и ма́слычко собыра́ты, а васъ бу́ду годува́ты"; та тоди сли́зла съ пе́чи, подойла ихъ, погна́ла упьѐть па́стысь, а сама̀ понесла̀ молоко̀ продава̀ть на база̀ръ. Продала̀ молоко̀, а собѝ купы́ла мукы̀ и пшыньцѝ, прыйшла̀ у лисъ, у ха́тку, напекла̀ ко́ржыкивъ и навары́ла ка́шки и пообѝдала. Живѐ ба́ба у тий ха́тьци, до́е козочо̀къ, собыра̀ и ма́слычко, и сыро̀къ, и смыта́нку, та продаѐ на база́ри, а собѝ купу́е мукы́цю и пшинцѐ. Пожила̀ ба́ба довге́нько и надба́ла бля се́бе ще ко́й-чёго. По́тимъ вздýмала и про ди́да, та исть варе́ныкы и пла́че. Навары́ла ще варе́ныкивъ, набра́ла сы́ру и молока̀ и пишла̀ ди́да прови́дать. Прыйшла̀ до ди́да, а винъ лежы̀ть на пичѝ, ро́томъ зява̀. Ба́ба зли́зла на гори́ще, проколупа́ла у ёму ды́рку надъ ро́томъ и упусты́ла ёму̀ молочка̀; винъ ковтну̀въ, вона̀ и дру́ге. Дидъ тодѝ и ожи́въ тай й ка́же: „це бо́жа роса̀". Тодѝ ба́ба кы́нула ёму̀ у ротъ гру́дочку сырьцю̀, винъ пля́мкнувъ и ка́же: „це шось до́бре"; тодѝ ба́ба упыхну́ла у ротъ ему̀ варе́ныкъ и дру́гий. Тодѝ дидъ подви́вся и ка́же: „чи минѝ прысны́лось". Тодѝ и баба зли́зла съ гори́ща, увийшла̀ у ха́ту и ка́же: „здра́ствуй, диду́сю!" Дидъ и ка́же: „на по ты менѐ, бабу́сю, бро́сыла, де ты прожыва́ешъ?" А ба́ба й ка́же: „у менѐ тепѐрь го́же мисте́чко".—„Возьмы̀ жъ, бабусю, и менѐ съ собою".—„Я бъ, диду́сю, узяла̀ тебѐ, та ты якъ зака́шляисься, такъ рожжынѐшъ мойхъ ко́зокъ".—Ни, бабу́сю, я бу́ду тыхе́нько; ты менѐ поса́дышъ на горы́щи, би́ля ве́рха, то я тамъ и сыди́тыму, а ты минѝ бу́дешъ туды̀ и́сты дава̀ть". Узяла̀ ёго̀ ба́ба, повела̀ до се́бе, посады́ла на гори́ще и ка́же: „сыды̀ жъ, диду́сю, та ны ка́шляй, а то ты мойхъ ко́зокъ разжынѐшъ, потыря́ешъ мою̀ жисть и свою̀". Сыды̀ть дидъ день и два; на тре́тій день, ты́хо ко́зкы прибиглы до ха́ты, до ве́рхи, а дидъ якъ кашлянѐ, ко́зы якъ поляка́лысь, та й поби́глы геть у лисъ. Тодѝ ба́ба ди́да

попобы́ла, а сама̀ си́ла на поро́зи тай пла́че и ка́же ди́дови: „я тобѝ каза́ла, диду́сю, ны ка́шляй, а то ко́зъ розжынѐшъ. Чимъ тепѐрь бу́демо жы́ты?“ Та и ста́лы упьѐть жи́ты ны прычѐмъ“.

3)„ Булы́ царь и цары́ця, и у ихъ булы́ царе́вичъ Ива̀нъ Ива́новичъ и царе́вна̀ Оле́ксандра. Зробы́въ царь имъ для потѝхи зали́зного вовка̀. У водно̀ вре́мя вовкъ ожѝвъ. Царь и цары́ця ба́чуть, шо винъ ихъ пойсть; воны́ царе́выча и царе́вну похова́лы въ пичъ и зама́залы ий. Вовкъ царя́ и цары́цю пойвъ и ду́ма: „дебъ же жъ оди́скать царынѧ̀тъ“. Спыта̀въ винъ горшка: „Горшо̀къ, де царь царынѧ̀тъ подива̀въ?“—А винъ одвича̀: „я не зна́ю.—Пыта́ецьця вовкъ мы́ски: „мы́ска, де царь царынѧ̀тъ подива̀въ?“—Вона̀ одвича̀: „не зна́ю“.—Пыта́ецьця вовкъ рогача̀: „рога̀чъ, де царь царынѧ̀тъ подива̀въ?“—И рога̀чъ сказа̀въ: „не зна́ю“. Тоди́ вовкъ пыта́ецьця долота̀: „долото̀, долото̀, де царь царынѧ̀тъ подива̀въ?“ А воно́ и гово́ре: „я скажу̀: хозя́инъ мене́ по щёка̀мъ и по головѝ бывъ—бывъ, а тодѝ ще и лю́дямъ одда̀сть; перекѝнь мене́ че́резъ го́лову; де я устромлю̀сь, тамъ и ры́йся“. Вовкъ бро́сывъ долото́, а воно̀ и устромы́лось се́редъ пе́чи. Винъ дава̀й рыть, вы́рывъ ихъ, тогда̀ и ка́же имъ: „я васъ пойм̀ъ“.—А воны́ и про́сяцьця: „Во́вчыку-бра́тыку, не ижъ насъ: мы бу́демъ тобѝ звыня́цьця; ты бу́дешъ намъ ста́рший братъ“. Вовкъ ихъ не зъивъ, и тодѝ побѝгъ на ражжи́ву, а ихъ посады́въ на моги́льци. Де взялы́ся журавлѝ, лытѧ̀тъ и гово́рять: „Ива̀нъ Ива́новичъ, ру́ський царе́вичъ, чого́ ты тутъ и съ царе́вною сыды́шъ? чи по во́ли, чи по нево́ли“.—А винъ и одвича̀ имъ: меньшъ по во́ли, а бильшъ по нево́ли“.—„Сида̀й“, кажу́ть журавлѝ, „мы вы́несемъ тебѐ и царе́вну“. Посида́лы воны́ на кры́ла, а журавлѝ и понеслы́ ихъ. Прибѝгъ вовкъ на то ми́сто, розгляди́вся, а царынѧ̀тъ нымà; завы́въ и побѝгъ вдого́ню. Журавлѝ лыти́лы—лыти́лы и гово́рять: „Ива̀нъ Ива́новичъ, ру́ський царе́вичъ, огляда́йся наза̀дъ, чи дале́ко, чи ныдале́ко вовкъ?“—Царе́вичъ оглянувся и ка́же: „ось ны дале́ко“.—Тутъ за́разъ вовкъ и догна̀въ ихъ; дыхну̀въ и посмалы́въ имъ кры́льця; журавлѝ съ царынѧ̀тамы и попа́далы на зе́млю. Тодѝ вовкъ и ка́же царынѧ̀тамъ: „тепѐръ я васъ пойм̀ъ, шобъ вы не обма́нювалы менѐ.“—Царе́-

вичъ и царе́вна и одвича́ють во́вку: „во́вчыку-бра́тыку, не ижъ насъ; тепѐръ мы бу́демъ тебѐ слу́хаты“.—Вовкъ простѝвъ ихъ, забра̀въ и посадѝвъ упьѐть на моги́льци и ка́же: „сыдѝть же, а я побижу̀ на рожжи́ву“. Ти́ко вовкъ скры́вся, де узà̀вся дрянне́нький быкъ и гово́ре: „Эй, Ива̀нъ царе́вичъ, чи по во́ли, чи по нево́ли тутъ сыдѝшъ?“ А винъ и одвича̀: „бильшъ по нево́ли, чимъ по во́ли“.—Быкъ и ка́же: „сида́йте, я васъ вы́несу; та берѝть у торбы́ночку щи́тку, греби́нку, плато́чокъ и круту̀ ло́жку“.—Воны̀ забра́лы усѐ, посида́лы на ёго̀; быкъ ихъ и помча̀въ. Би́глы—би́глы, быкъ и гово́ре: „Ива̀нъ Ива́новичъ, ру́ський царе́вичъ, а ну оглянѝсь, чи дале́ко, чи ны дале́ко вовкъ“. Винъ оглянувся и гово́ре: „Ось ны дале́ко“.—Быкъ и ка́же: маха̀й щи́ткою наза̀дъ“—Винъ махну̀въ, и ставъ лисъ густы̀й, якъ щи́тка. Пока вовкъ перелѝзъ че́резъ лисъ, а воны̀ дале́ко, дале́ко уйшлы̀. Быкъ упьѐть ка́же: „Эй Ива̀нъ Ива́новичъ, ру́ський царе́вичъ! а ну оглянѝсь, чи дале́ко, чи ны дале́ко, вовкъ“.—Винъ оглянувся и ка́же: „Ось ны дале́ко“.—„Маха̀й греби́нкою“, ка́же быкъ.—Винъ махну̀въ,—ставъ лисъ густы̀й, якъ греби́нка. По́ки вовкъ перелѝзъ че́резъ другий лисъ, а воны̀ дале́ко уйшлы̀. Би́глы—би́глы, быкъ и ка́же: „Ива̀нъ Ива́новичъ, ру́ський царе́вичъ! а ну оглянѝсь, чи дале́ко, чи ны дале́ко вовкъ“. Винъ оглянувся и ка́же: „Ось ны дале́ко“.—„Маха̀й наза̀дъ ложкою“, ка́же быкъ. Винъ махну̀въ, и ста́ла крута̀—крута̀ гора̀. По́ки вовкъ перебра́вся че́резъ го́ру, а воны̀ ста́лы ужѐ би́ля мо́ря. Ста́лы воны̀ би́ля мо́ря, быкъ и ка́же: „Ива̀нъ Ива́новичъ, ру́ський царе́вичъ! а ну оглянѝсь, чи дале́ко, чи ны дале́ко вовкъ“.—Винъ оглянувся и ка́же: „Ось ны дале́ко“.—„Маха̀й на мо́ре упере́дъ платкòмъ“.—Винъ махну̀въ на мо́ре платкòмъ, и вы́йшовъ мистъ; перебиглы воны̀ по мо́сту че́резъ мо́ре: тодѝ быкъ и ка́же: „маха̀й наза̀дъ плато́чкомъ“.—Винъ махну̀въ,—и зза̀ду ста́ло мо́ре. Вовкъ и оста́вся тодѝ за мо́ремъ; постоя̀въ—постоя̀въ, завы̀въ и побѝгъ у лисъ. Быкъ тодѝ и умча̀въ царе́выча и царе́вну.

Пѣсни: 1) Зацвила̀ у лу́зи лоза̀.—Голубѝ у Ма́ши глаза̀. На свитъ би́лый не глядà, на пры́горки Ма́ша стоя̀ла, тай соловѐйка держа́ла. Соловѐйко мане́нький, кучыря̀вый, рябе́нь-

кий! запѝй пи́сеньки минѝ; шо я въ чужѝй сторонѝ, нема̀ ро́ду пры менѝ; нымà ро́ду, ны отьця̀, ны сестры́ци, ны бра́цьця.

2) Ишòвъ козàкъ зъ До́ну домòй, та й увидàвъ дивчёнку надъ бы́строю рикòй.—Козàкъ чорнобро́вый ди́вку спра́шуе: „чого́ ди́вка, пла́чешъ, дрибны̀ сле́зы льлёшъ?—„Якъ минѝ ны пла́каты, дрибны̀хъ слёзъ ны лыты; якъ булà я малю́ткою, ребёнкомъ малы́мъ; та й цыганка злоди́йка тай за ру́чку бра́ла, та й голово́й кача́ла: „та й помрѐшъ ты, дивчёнка, та й помрѐшъ ты, молодà!“—„Та й бре́шѐшъ ты, цыга́нка, та й бре́шешъ, молода́!“

3) „Подýй, подýй витеро́чёкъ зъ глубо́кого я́ру. Та пребýдь, пребýдь мий миле́нький зъ дале́кого кра́ю. А я свогò миле́нького здаля̀ угада́ю; не вгада́ю по стано́чку, такъ по голосо́чку. Чиркисы́на по коли́на, та поши́та до-ди́ла.

4) И ви́теръ ны ды́ше, дýбьбя ны колы́ше. Мий мы́лый ны и́де и пысьмà ны пы́ше. Вы́йду за воро́та, стою̀, якъ сыро́та; вы́йду за новы́и, травка зелени́е. Та стоѝть та нескре́ба, шо й давнò не тре́ба; та стоѝть та занýда, шо й давнò не нýжно

5) Та ой! де ха́точка нове́нька, та сыме́йка мане́нька. Ба́тько до́брый, ба́тько до́брый, а ма́ты лыхà; та не пуска́е на ю́лыцю: та ще я молодà. „Та пусты̀ жъ менѐ, моя̀ ма́ты, та хоть на лукы̀ пря́сты; та чи ны вы́йде коза́ченько та си́рыхъ волѝвъ па́сты?“ Паси́тыся, си́ри волы̀, та не би́йтеся во́вка; а я пидý до ди́вчины, та чи змы́та голо́вка. Та хочъ измы́та, хоть не мы́та, та абы̀ не побы́та. „Чёмъ у те́бе, коза́ченько, та соро́чка не би́ла“.—„Та чегò жъ вонà бýде би́ла та шо сёма неди́ля, ма́ты старà, ма́ты старà, а неви́стка не вси́ла“. Хо́де Ва́ня по база́рю, та й ко́су шука́е; та й найшо́въ Ва́ня го́стру ко́су. Ко́се жъ Ва́ня чужý траву̀, а своя̀ со́хне, вья́не. То лю́бе Ва́ня чужѝхъ жинòкъ, а на свою̀ не гля̀не.“

6) „Та изъ-за ли́су, та изъ-за̀ те́много та выступа́ла тýча гро́зная: всё зъ доща́мы все зъ моро́замы, та зъ бýйными витеро́чками. Та бýйни ви́тры розвива́юцьця, та Дунàй ри́чка розмыва́ицьця; тай тамъ дивчёнка умыва́ицьця; тай би́лымъ рушнычкòмъ утыра́ицьця; та й у зе́ркальце выдывля́ицьця. Та ой ты, лы́чко, ты мое, та й биле́сынькое, та комý жъ ты, лы́ч-

ко, та й доста́нысься? Та чи шко́льнычку, та чи полко́внычку, та чи пре́жнему полюбо́внычку.

7. Та якъ пиду̀ я та по на̀дъ лу́гомъ; та мий мы́лый та й оре̇̀ плу́гомъ; та й винъ оре̇̀ та й ще гука́е, та й си́рыхъ волѝвъ та й погоня́е. Та й понесу̀ жъ я ёму и́сты. Та й винъ наи́вся, винъ напы́вся, на борозну́ та й похилы́вся. „Чёго сыдѝшь, чёмъ ны оре̇̀шъ, чёмъ до ме́не ны гово́рышъ"? „А я сыдю̀, тай ду́маю, та ни пидъ мы́сли та жи́нку ма́ю".—„А хто жъ цёму та тепѐръ вы́ненъ, шо ты вда́вся та чорнобри́вый; а я ру́са та вроды́лася, чёрня́вому та суды́лася: та не сва́тавъ бы мене̇̀ вно́чи та повыла́зять тобѝ о́чи! Та сва́тавъ бы мене̇̀ у день та распыта́вся бъ ты до́брыхъ люде́й; та до́бри бъ лю́ды та тобѝ бъ розсказа́лы: та яка̀ була̀ я работу́ха, та й до людѐй говору́ха, та хоть до плу́га, хоть до ра́ля, хоть до па́на генера́ла; хоть до плу́га, хоть до во́за, яка була̀ я дивчи́на го́жа"

8) „Якъ на висни̇̀ при висни̇̀ зацвила̀ лата́тя на водѝ: а я молода́я рва́ла; рву́чи, я́нголя зогна́ла. Лыты̀, полыты̀, я́нголю, пидъ бате́нькивъ двиръ, въ комо́рю; слу́хай, послу́хай, я́нголю, шо мий бате́нько гово́ре; а мий бате́нько гово́ре: „изны́дило, ды́тяко, изны́дило у чужо́го ба́тенька живучи; та на го́ру воды́цю носю̀чи, а съ пидъ горы̀ каминѐць котю̀че. Якъ покотю̀ каменѐць ди́вци Ма́рьеци въ рукавѐць. Она̀ ду́мала, каминѐць а то Ива́нко молодѐць".

9) „Спива́лы ди́вочки, спива́лы, та въ решето̀ пи́сеньку складалы, та й и поста́вылы на вербѝ. Якъ полыну́лы ле́беди, та звалы́лы решето̀ до до́лу. Ча́сомъ ди́вочки до до́му."

10) Та тыха̀ вода̀, та тыха̀ вода̀ бережѐ́чки зно́се. Молоды̀й коза̀къ, молодёхинький, полко́внычка про́се: „пусты̀ жъ мене̇̀, пусты̀ жъ мене̇̀, полко́внычёкъ, изъ по́вку до до́му: бо вже ску́чи-бо вже ску́чила, дивчи́на за мно́ю".—„Пусты̀въ бы я, пусты̀въ бы я, та боюсь, до́вго бу́дешъ; напы̀йсь воды̀ холо́днои, про ди́вку забу́дешь".—„Пывъ я во́ду, пывъ холо́дну, пывъ, не оддыха̀въ я, за дивчи́ной молодо́ю все пла́кавъ, рыдавъ я".

11) „Та пишо̀въ же мий голосо́чёкъ та по ю̀лыци ри́зво. Та ла́е жъ мене̇̀ моя̀ ма́ты, шо ходю̀ я пи́здно; та хочъ ходю̀ я, хочъ гуля́ю, та до́брый ро́зумъ ма́ю; та я жъ тому̀ лыда́щёму та й не довиря́ю. Та й упа̀въ снижо̀къ на обни́жокъ, та взя́вся

воды́цею; та лу́чче жъ минѝ дывы́цею, чимъ молоды́цею. Молоды́ци ра́но вста́ты, та въ ха́ти прыбра́ты, та й не́ньки распыта́ты, а дивы́ци ра́но вста́ты, ко́су росчеса́ты, та пидты̀ погуля́ты".

12) „Зеле́ная ты, дибри́вочка, чего̀ похылы́лась?"—„Ой якъ минѝ не хылы́тыся! ви́теръ повива́е". „Молода́я та ты дивчи́нонька, чего̀ зажуры́лась?"—„Якъ минѝ та не журыты́ся: ба́тько покыда́е, а самъ уижа́е у Кита̀й городо́чёкъ на часъ на часо́чёкъ, на оды̀нь дыне́чекъ".

13) „Та пидъ горо́ю крыны́ченька, тамъ холо́дна воды́чинька; тамъ ди́вка во́ду бра́ла, и зъ верме́номъ размовля́ла. „Ой вермену, верме́ночку! сва́тай менѐ дивчи́ноньку!"—„Ой радъ бы я тебѐ сва́тать, та бою́ся твого̀ бра́та; отро́й, ди́вко, свого̀ бра́та, тодѝ бу́ду тебѐ бра́ты".—„Ой ра́да бъ я отруи́ты, та не зна́ю, шо робы́ты".—„Пыта̀й, ди́вко, до́брыхъ людѐй: до́бры лю́ды тобѝ ска́жуть, шляхъ-дори́женьку пока́жуть".—До́бры лю́ды не сказа́лы, ти́ко ду́рою назва́лы.—„Пыта̀й, ди́вко, лыхы́хъ людѐй, лыхѝ лю́ды тобѝ ска́жуть, шляхъ-дори́женку пока́жуть. Иды̀, ди́вко, все луга́мы, все круты́ми берега́мы. Въ чи́стимъ по́ли кущъ калы́ны, на калы́ни тры гады́ны. На калы́ну ви́теръ ви́е, а калы́на червони́е; на гады́ну со́нце печѐ, а зъ гады́ны отро̀й течѐ. „Пидста̀въ, ди́вко, коно́вочку пидъ гадю́чу голо́вочку". Ищѐ бра́тыкъ у доро́зи, сестра̀ съ пы́вомъ на поро́зи. „Вы́пей, бра́тецъ, оцѐ пы́во; якѐ бу́дѐ съ те́бе ды́во". Ти́ко бра́тычёкъ до ро́та, а ко́нычёкъ за во́рота. „Ой, шо, се́стро, це за пы́во, шо за се́рденько вхваты́ло".—А въ неди́лю поране́нько сестра̀ бра́та похова́ла, до верме́на пысьмо̀ сла́ла. „Ой верме́нку—верме́ночку! сва́тай менѐ дивчи́ночку".—„Ой радъ бы я тебѐ сва́тать, та бою́ся тебе́ бра́ты: отруи́ла ты роды́ну, отруѝшъ ты и дружы́ну."

Пословицы. Якъ ны пипъ, такъ у ры́зы ны со́вайся. Якъ шо ны кова̀ль, такъ и клѐщѝвъ не пога̀нь. Тоди́ сыротѝ велы́къ-день, якъ би́ла соро́чка. Мыты́, до́чко, ха́ту, та смытьтя̀ не выкыда̀й за двиръ. Не бу́де Га́ля, такъ бу́де друга́я. Не Кулы́ня—и го́лосъ не иѝ. Такъ ну́женъ, якъ соба́ци ковтѝнъ у спа́сивку. Го́жои ди́вци, го́жо и въ ганчи́рци.

Загадки. 1) Дзы́ga мыша́ста, вси городы̀ обша́ста. (Торговка галантерейнымъ товаромъ въ деревнѣ—ниточница называется). 2) Кры́кнувъ вилъ на сто гиръ, на ты́сячу городи̇̀въ (Грошъ). 3) Вы́летивъ птахъ на шесты̀ ногàхъ, та сивъ на моги́ли, у бо́жому ми́ли, ну и говоре: Бо́же мий! Бо́же мий! давъ ты мини̇̀ во́лю надъ попа́мы, надъ пана́мы и надъ велы́кимы господа́мы; ти́лько не давъ во́ли, шо ры́ба у мо́ри. (Комаръ). 4) Сыди̇̀въ птахъ на би́лыхъ горàхъ, дождàвъ зъ ме́ртвыхъ—живы̀хъ. (Насѣдка на яйцахъ). 5) Зайду̀ на мистъ, потягну̀ за хвистъ; вонò про́би крычы̀ть. (Колоколъ). 6) Жо́вта ку́рыця пидъ ты́номъ ку́блыця. (Дыня). 7) Сыды̀ть Катру́шка въ семы̀ кожу́шкахъ; ще, ка́же, и хò-лодно. (Лукъ). 8) Стойть це́рква безъ викòнъ, безъ дверѐй, а по́вно людѐй. (Арбузъ). 9) Стойть ба́ба на току̀, въ зеле́ному колпаку̀. (Отцвѣтшій макъ). 10) Тютю̀нъ горба́тый, на хлибъ бога́тый дале́ко хлю́па. (Водяная мельница).

Поговорки. 1) Це вже ты раска́зуешъ рябби кобы́лы сонъ. 2) Сняцьця́ кому̀сь кыслы́ци, та не зна, про́тивъ чо́го. 3) До свого́ ро́ду хочъ че́резъ во́ду. 4) Іжъ, Левкò, хоть и глевкò.

Лѣченіе лихорадки. 1) Срѣзанный слой съ копытъ ковавшейся лошади въ первый разъ положить на жаръ, а самому накрыться платкомъ, и этимъ дымомъ окуриться. 2) Черезъ поясокъ, которымъ подпоясываютъ сорочку, перегнать змѣю и потомъ подпоясаться. 3) Взять 77 зеренъ пшена (по числу лихорадокъ), пойти до восхода солнца къ рѣкѣ и бросить ихъ въ рѣку черезъ голову, обернувшись къ ней спиною и сказавъ при этомъ: „васъ 77, на́те вамъ по пшони́ни всимъ“. Идя обратно домой, читать молитву Господню и не оглядываться и не отзываться встрѣчнымъ. 4) Набрать въ трехъ дворахъ, гдѣ есть первобрачные, воды изъ колодезей незамѣтно для хозяевъ и эту воду пить. 6) Выпить сырое яйцо, а скорлупку повѣсить въ трубѣ; когда скорлупка сгорить, тогда и лихорадка прекратится.

Заговоры. Отъ „бешы́хы“: „Изъ очѐй, изъ речѐй, зъ нижечѐкъ, кисточѐкъ, зъ щи́рого се́рця, съ чорво́нои кро́ви; тутъ тоби̇̀ ны стоя̀ты, чирво́нои кро́вы ны пы́ты, жо́втои ко́сты ны ломы̀ты;

съ прыжéнна на прыжéнну. Поможы̀ Гóсподы, Мáты Бóжа, шептáты отъ бешы́хы рабà бóжого“ (имя). Прочитать три раза утромъ и вечеромъ. Отъ лышàя: „Лышàй, лышàй! зъ г....нòмъ змишàй; на сýчци пры́стне, а цýцыкъ злы́же“. Три раза утромъ и вечеромъ. Одъ зубѝвъ: „Царь ныбéсный, царь земляны̀й, царь водяны̀й. Колы́ ци тры царѝ до ми́ста зойдýцьця, бýдутъ зъ однòй чáры и́сты, зъ однòй чáры пы́ты; тодѝ у хрещéн (ого, ои) не бýдуть зýбы боли́ты“. Прочитать три раза. Далѣе: „Молоды̀й ты ми́сяць, Володы́мырь, чи ны бáчивъ ты мéртвои жи́нки, чи ны болѧ̀ть у нéи зýбы?“—„Ны бáчивъ я мéртвои жи́нки, ны болѧ̀ть у нéи зýбы; ны болѧ̀ть и ны щимлѧ́ть“. „Нэхàй же у (цéго, цы́еи) хрещен (ого, и) новорождéно (го, и) ны болѧ́ть, и не щимлѧ́ть“. Три раза утромъ и вечеромъ натощакъ въ новолуніе. Отъ залáзивъ: „Я, я зи́ньске щинѧ̀ давы́ла, Мáты Бóжа на пóмоча прыходы́ла. Поможѝ Гóсподы шоптáты отъ залáзивъ рабà бóжого (имя)“. Три раза утромъ и вечеромъ.

Народная ботаника. „Нызьзѧ́ садовы̀ть у палысáдныку берестки̇̀въ:—симья розбредéцьця. Не трéба осы́кового дéрева клáсты у сти́ны, якъ стрóять хáту—нездóрово на симью̀. Осы́кове квы́чало трóецьке надо втыкàть на горы́щи отъ переполóха на дитàхъ.—Якъ злучи́цьця переполòхъ зъ дыты́ною, стáвлять ёгò бильлѧ̀ одви́рка у хáти и сти́ко винъ захвáте одви́рка у вышинý, то на тимъ ми́сти вéртять буравцѐмъ ди́рку и забивáютъ у ий килòкъ изъ тогò квы́чала. Якъ ти́ко дытыньчà переростѐ килòкъ, тодѝ и переполòхъ прóйде. Колючкѝ (триколъ) якъ расплóдяцьця по всёмý свиту, тодѝ и конѐць ёмý настáне“.

Названіе растеній. Деревья: дубъ, бéрестъ, я́сень, кленъ, осы́ка, сокòръ, тóполь, верба̀, вьязъ, лы́па, калы́на, жóстеръ, брусли́на, тернъ, вы́шня, я́блоня, грýша, бергамóта, слы́ва, шипчи́на, малы́на, крыжóвныкъ, лоза̀, бузына̀, чернóкленъ, бузòкъ, или рай-дéрево.

Травы: Бýковыця, жи́вокистъ, Одáмовы ребéрьця, хвилы́лныкъ, пидби́ль, лобода̀, пырѝй, митлы́ця, шпуры̀мъ, жабрѝй, очерéтъ, окуга̀, рогѝзъ (палочникъ), лопуцькѝ, тéрпки и рябéньки, козéльки, свербы̀ль, воронѐць, пи́вныки, морковныкъ, калáчыки, берéзка, будакы̀, дурмàнъ, кропыва̀, паслѐнъ, макъ, рóжа, горó-

шокъ полёвый, чмынь, нагидки, тарилочки, чёрнобривчики, гвоздыкы, павутиль, зорька, любыстокъ, дзиндзиверь, городовына, булыголова, полынь, полынецъ, крокисъ, мьята холодна, мьята кучерява, ганусъ, васылькы, бабки, молочай, гудзыки, хмель, суныци, полуныци, борщивныкъ, перець, чаполочь, буркунъ, куколь, свырипа, гирчакъ, лататьтя (лотосъ, кувшинка), рыжий, подорожныкъ, вовча, ступа (ступня), дырывий, колючки (триколъ), лопухъ, куряча слипота, тырса (шелковая трава, ковыль), перекоты-поле, холодокъ (спаржа), зализнякъ, хринъ, полёвый лукъ, пролиски, ряска, ромашка, петривъ ботигъ (цикорій), мыший, сокиркы, папоротныкъ, забудьки, щибрець (чаберъ), гавьязъ, гиркий молочай, заячий горошокъ, собачий хринъ, заяча капуста, ласкавыць, стоголовныкъ, шамрай, собача рожа, чернушка, ныхвороща, виныки.

Плачъ сироты. „Сырота-дивыця выйшла за гай лёнъ брать, и зачала къ сырий земли прыпадать и говоре: „ой ты, земле, мой земелько! На щё прыйняла отьця и неньку и преймы мене молоденьку; шобъ я по людяхъ не ходыла, чужимъ батькамъ не робыла, а мачухамъ не годыла. Прыйде недильля у сыроты сорочка не била, и прыйде суббота, чужая робота, а у сыроты головка не мыта и у сыроты головка побыта". Де узявся цыганъ и говоре: „шо ты такè?"—„Я сырота". А цыганъ и говоре самъ собй: „возьму я сыроту за свого сына". Узявъ и выкотыгъ онъ сороковy бочку вына, бо бувъ сыльно богатый; зачалы пыть и гулять и пропывъ цыганъ коня вороного, тодй и каже: „Подай, цыганко, ключи золотии, одомкнуть крыни грошовии и узять гроши золотии. Та выкупыть коня вороного"

Е. И. Кобелевъ.

34.—Сл. Чмыровка.

Населеніе и жители.—Жилище, одежда и пища.—Свадьбы.—Родины.

Подгороднее селеніе Чмыровка находится въ двухъ верстахъ къ востоку отъ города Старобѣльска и въ 50 верстахъ отъ заштатнаго города Бѣловодска. Она расположена на низменномъ мѣстѣ, грунтъ земли супесчаный, мѣстность очень красива и богата растительностью; хотя фруктовыхъ садовъ мало, но

почти при каждой усадьбѣ есть ливада въ нѣсколько десятинъ земли. Въ ливадахъ растутъ деревья: осокоръ, тополь и верба.

Чмыровка раздѣляется на 4 селенія отдѣльныхъ наименованій, именно: 1) Чмы́ровка, получившая названіе отъ перваго жителя, который поселился въ этой мѣстности; 2) селеніе Пе́ски, принявшее названіе отъ песчаной мѣстности; 3) Бу́тово, объясненіе названія коего за давностью лѣтъ утрачено; 4) селеніе Зае́рокъ, принявшее названіе отъ поселенія крестьянъ на усадебныхъ земляхъ отъ города Старобѣльска, за протокомъ воды, или яркомъ. Чмы́ровка начала устраиваться съ 1810 года. Первый житель, который поселился въ этой мѣстности, былъ Иванъ Чмырь, семья котораго состояла изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей; они занимались земледѣліемъ. Иванъ Чмырь отъ природы былъ человѣкъ не глупый, кромѣ того былъ грамотенъ и читалъ священныя книги: Евангеліе, Псалтырь, Четь-Минеи и Библію. Онъ хорошо игралъ на гусляхъ и зарабатывалъ много денегъ. Однажды ему пришла въ голову такая мысль: куда идутъ тѣ деньги, которыя онъ зарабатываетъ, играя на гусляхъ. По его домыслу такой заработокъ былъ противенъ Богу, и милостыня, которую онъ давалъ нищимъ, была не угодна Ему, т. е. Богу. Иванъ Чмырь уничтожилъ гусли и, сдѣлавъ себѣ цѣпъ, которымъ молотилъ хлѣбъ, началъ зарабатывать цѣпомъ зерновой хлѣбъ. Получаемымъ хлѣбомъ онъ кормилъ свою семью и давалъ ради Христа милостыню нищимъ и считалъ, что такая милостыня пріятна Богу. Иванъ Чмырь былъ всѣми уважаемъ. а потому и селеніе назвали Чмыровкой.

Въ селеніи Чмыровкѣ всѣхъ жителей насчитывается до 5004 человѣкъ, изъ которыхъ 2424 женщины. Инородческихъ примѣсей нѣтъ. Чмыровчане, какъ называютъ себя жители Чмыровки, рослы и стройны, имѣютъ большею частью темные и прямые волосы, носъ тонкій съ горбомъ, бѣлые зубы, смуглый цвѣтъ кожи и крупныя черты лица. Они весьма опрятны и гостепріимны, но грубоваты и неразговорчивы. Они очень недовѣрчивы и въ разговорѣ осторожны; на вопросы отвѣчаютъ не вдругъ, а обдуманно; если они говорятъ при постороннихъ и не хотятъ, чтобы ихъ разговоръ былъ понятъ всѣми, то го-

ворятъ иносказаніями, какъ-бы загадками. Кромѣ того, они медлительны и мало подвижны. Женщины проворнѣе мужчинъ, и на ихъ обязанности лежитъ забота о семьѣ. Какъ мужчины, такъ и женщины пользуются хорошимъ здоровьемъ и имѣютъ здоровый видъ. Они гостепріимны и не отпустятъ гостя, не накормивъ его.

Жилище. У крестьянъ есть такой обычай: когда они начинаютъ строить хату, то на мѣстѣ, выбранномъ для хаты, насыпаютъ въ 4 мѣстахъ зерна жита. Жито это лежитъ три дня. Если оно все это время лежитъ нетронуто, въ такомъ видѣ, какъ оно положено, то, значитъ, мѣсто годится для постройки хаты и жизнь въ ней будетъ благополучна; если-же жито будетъ разгромождено, то мѣсто это не годится, и выбираютъ другое. Жито сыплютъ для того, чтобы хорошо жилось новой хатѣ. Съ особеннымъ торжествомъ поднимаютъ на хату сволокъ: этотъ сволокъ перевязываютъ платкомъ, каковымъ перевязываютъ и главнаго плотника, который строитъ хату, и платокъ остается въ пользу плотника; при этомъ у нихъ цѣлый день пьютъ водку, угощаютъ рабочихъ, иногда зовутъ и сосѣдей. Хаты свои крестьяне устраиваютъ такъ: прежде сѣни, чисто выбѣленныя, съ землянымъ поломъ, вымазаннымъ глиною и усыпаннымъ пескомъ. Въ сѣняхъ двое дверей: однѣ двери въ ха́ту, другія—въ хаты́ну. Хата—большая свѣтлая комната, передній уголъ которой увѣшанъ образа́ми, передъ ними лампадка. Иконы украшены цвѣтами, убраны „рушниками“, т. е. вышитыми гарусомъ или бумагою полотенцами; подъ образами длинныя, широкія скамьи, лавки. Въ углу передъ образами столъ, покрытый чистою, бѣлою скатертью, на столѣ всегда лежитъ хлѣбъ и солонка съ солью; въ другомъ углу печь, выбѣленная мѣломъ и раскрашенная цвѣтною глиною и синькою, иногда и сурикомъ. Съ лѣвой стороны печи—лежанка, въ лежанкѣ устроена „грубка“; лежанка служитъ ступенью для взлѣзанья на большую печь, на которой зимою спятъ старики и дѣти. Отъ лежанки до стѣны положены доски; онѣ называются „поломъ“. На этомъ полу стоитъ „скрыня“, т. е. сундукъ; полъ служитъ кроватью, а на сундукѣ днемъ складываютъ постель. Вверху прибита жердь для вѣшанья одежды—кожуховъ

и свитъ. За печью дверь, ведущая изъ ха́ты въ „ха́тыну“. Хатыной называется маленькая комнатка, въ которой устроена русская печь, гдѣ варятъ пищу и зимою работаютъ. Большая комната всегда чиста; въ ней принимаютъ гостей; почетное мѣсто для гостей подъ образами; здѣсь сажаютъ жениха и невѣсту, сватовъ и кумовьевъ. Это мѣсто называется „по́кутью“. Дворъ зажиточнаго крестьянина устроенъ такъ: кругомъ дворъ обнесенъ тыномъ; среди двора (очень рѣдко на улицу) стоитъ большая хата, выбѣленная мѣломъ и крытая соломою. Ставни оконъ выкрашены синею, красною, желтою краскою, или цвѣтною глиною, иногда разрисованы цвѣтами; у нѣкоторыхъ въ верху ставень рѣзьба. Отъ дверей, вокругъ хаты тянется „при́зьба“, т. е. заваленка для сидѣнья; за хатою хлѣвушки для овецъ и птицы. Противъ хаты „комо́ри“, т. е. амбары для ссыпки хлѣба, съ лѣвой стороны „за́города“ для быковъ и хлѣвы для коровъ. „Задво́рокъ“, гдѣ стоитъ „клуня“, куда свозятъ хлѣбъ и молотятъ во время ненастной погоды; за клунею огородъ, въ которомъ посажены картофель, капуста, горохъ, фасоль, лукъ и макъ. Въ огородѣ сдѣлана глиняная печь; въ ней кипятятъ воду и лѣтомъ моютъ бѣлье. Въ огородѣ также вырыто нѣсколько не глубокихъ колодцевъ; это „копанки“ для поливки капусты. За огородомъ вишневый садъ окопанъ со всѣхъ сторонъ рвомъ,—по одну сторону сада пахатная земля засѣяна хлѣбомъ, а по другую бакша. Почти у всѣхъ крестьянъ хотя въ небольшомъ количествѣ можно найти въ огородѣ всякія огороднія растенія.

Одежда. Лѣтняя нижняя одежда крестьянина состоитъ изъ полотняной рубахи, часто вышитой, съ воротомъ, завязывающимся противъ средины груди „сте́жкой“, т. е. лентой,—съ низкимъ воротникомъ и изъ широкихъ полотняныхъ „штановъ“, запущенныхъ въ сапоги. У болѣе зажиточныхъ штаны бываютъ черкесиновые. Когда же выходятъ изъ дому, то надѣваютъ „чума́рку“, т. е. поддёвку изъ черкесина. У молодыхъ парней чумарки плисовыя, передъ и воротникъ чумарки украшены блестящими пуговицами. У нѣкоторыхъ верхняя пола, рукава, воротникъ и карманы вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ. Сверхъ чумарки надѣваютъ широкій цвѣтной, шерстяной поясъ крас-

наго или зеленаго цвѣта. Лѣтомъ какъ парни, такъ и пожилые люди носятъ картузы, а зимою парни носятъ шапки, которыя называются „ку́чмы“; это—невысокая шапка съ широкимъ дномъ, изъ настоящаго барашка. Пожылые люди носятъ „капелю́хи“ изъ сукна и вязаннаго барашка. Зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ „черевы́ки“ (башмаки), надѣваемые на босую ногу. У самыхъ бѣдныхъ и у пастуховъ есть особая обувь, родъ кожаныхъ лаптей, такъ называемые „коты“. Зимою носятъ „ва́ленки“. Верхняя зимняя одежда крестьянъ—полушубокъ на овечьемъ мѣху; передъ, рукава, воротникъ и карманы вышиты по зеленому или красному сафьяну разноцвѣтными шнурками. У богатыхъ полушубки дубленые съ вышивкою. „Сви́ты“ у бѣдныхъ крестьянъ бѣлыя изъ сукна домашняго приготовленія, а у болѣе зажиточныхъ изъ покупного сукна, чернаго и коричневаго цвѣта; онѣ сшиты халатомъ, съ маленькимъ отложнымъ воротникомъ, и называются „га́бовыя“; еще есть свиты съ „видло́гою“; это обыкновенныя свиты съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Такія свиты крестьяне носятъ только по праздникамъ, а въ будничные дни—бѣлыя. Будничный нарядъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ состоитъ изъ полотняной, вышитой сорочки и ситцевой юбки, краснаго или синяго цвѣта; носятъ юбки и кофты съ рисунками крупныхъ цвѣтовъ. Юбку называютъ „шарафаномъ“, а кофту—юбкой. Разница между кофтой и юбкой такая: кофта шьется широкая, короткая, внизу съ маленькою оборкою, а юбка дѣлается по таліи съ широкою оборкою. Пожилыя старухи носятъ „шарафанъ“ и кофту. Праздничный нарядъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ слѣдующій: плисовая кофта по таліи безъ рукавовъ, украшенная блестящими пуговицами и вышитая разноцвѣтными шнурками, коленкоровая вышитая сорочка и красный „шарафанъ“. Носятъ „шарафаны“ и юбки краснаго цвѣта, гладкія и пестрыя. На шею надѣваютъ много „нами́стъ“, т. е. бусъ, между бусинами нанизываютъ по нѣсколько большихъ крестовъ и серебряныхъ рублей; у богатыхъ кресты серебряные, у бѣдныхъ оловянные. Дѣвушки очень рѣдко убираютъ голову цвѣтами и лентами; онѣ любятъ, чтобы головы у нихъ были покрыты, а потому въ будничные дни носятъ маленькіе ситцевые платки, желтаго и бѣлаго цвѣта, а въ праздникъ пест-

рые кашемировые, шелковые и атласные. Иногда дѣвушки убираютъ головы цвѣтами и лентами: онѣ заплетаютъ волосы сзади въ одну косу, на концѣ косы навязываютъ большой пучокъ лентъ разныхъ цвѣтовъ: синихъ, красныхъ, желтыхъ, голубыхъ и лиловыхъ; эти ленты висятъ почти до земли и называются „кисныкáмы". Сверхъ волосъ на голову надѣваютъ атласную ленту, краснаго или синяго цвѣта; такая лента называется „стрúчкою" или „ткáночкою". Стрички носятъ плисовыя, черныя, вышитыя гарусомъ или шерстью, съ лѣвой стороны прикалываютъ цвѣтокъ. Если дѣвушка выходитъ замужъ, то надѣваетъ стричку съ нашитыми на нее цвѣтами изъ ленточки, которая называется „лопотýшкою", сверхъ стрички надѣваются два покупныхъ вѣнка изъ цвѣтовъ, одинъ поверхъ другого. Иногда повязываютъ голову маленькими, шелковыми платочками и большими шерстяными. Для этого складываютъ платокъ „косы́нкою", потомъ сворачиваютъ его широкой лентой и повязываютъ вокругъ головы. Головной уборъ замужнихъ женщинъ: „кáпоръ", т. е. чепецъ изъ ситца; очень рѣдко можно встрѣтить женщину въ „очúпкѣ", который крестьяне называютъ „кибáлка"; дѣлается она изъ желтой или бѣлой парчи. Женщины зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ открытые башмаки и бѣлые чулки. Свиты будничныя—домашняго, бѣлаго сукна, сшитыя по таліи со складками сзади, а праздничныя изъ тонкаго сукна коричневаго, синяго и чернаго цвѣта, сшитыя халатомъ. Кожухи, т. е. шубы широкія, на овечьемъ мѣху, у нѣкоторыхъ покрыты черкесиномъ или синимъ кубовымъ ситцемъ. Городское вліяніе замѣтно въ томъ, что, кромѣ своихъ національныхъ костюмовъ, молодыя бабы и нѣкоторыя старухи шьютъ себѣ платья на подобіе городскихъ, какія носятъ мѣщане: обыкновенныя юбки и короткія кофточки съ оборкою въ низу и на рукавахъ. Кромѣ ситца, онѣ употребляютъ на костюмы и бумазею.

Стоимость одежды: Поясъ—75 коп., шапка „кучма"—3 руб., „капелю́хъ"—75 коп., „картýзъ"—50 коп., сапоги отъ 3 р. до 5-ти руб., „черевúки"—1 руб. 20 коп., полушубокъ отъ 12 до 18-ти руб., свита бѣлая 3 руб., „габóвая", или съ „видлóгою" отъ 5 до 7-ми руб., юбка и кофта отъ 2 до 4-хъ руб., плисо-

вая безрукавка отъ 4 до 5-ти руб., платки праздничные отъ 2 до 3-хъ руб., вѣнки, „стричкй“ и „кисныкй“ отъ 2 до 3-хъ руб., женскіе башмаки--1 р. 40 коп., чулки—25 коп.

Пища. Богатые крестьяне въ скоромные будничные дни ѣдятъ борщъ съ саломъ и пшенную кашу, а въ праздничные варятъ борщъ съ мясомъ, а кашу ѣдятъ съ молокомъ или варятъ на молокѣ. Кромѣ того, по праздникамъ у нихъ всегда пекутъ пироги съ сыромъ, въ постные дни съ картофелью, горохомъ, капустой и чечевицею. По средамъ и пятницамъ они ничего не варятъ, а ѣдятъ квасъ, лукъ, капусту и огурцы; лѣтомъ же большею частію по средамъ и пятницамъ ѣдятъ овощи: арбузы, дыни и огиркй, т. е. огурцы. Обѣдъ бѣдныхъ крестьянъ ничѣмъ не отличается скоромный отъ постного. У нихъ въ постные и скоромные дни борщъ съ оліею (постное масло), или съ рыбою; кашу, пшенную, они ѣдятъ не всегда, а очень рѣдко, потому что не всегда имѣютъ возможность покупать пшено. Мясо ѣдятъ только въ праздники. Пироги у бѣдныхъ пекутъ каждый праздникъ; если не на что купить пшеничной муки, то пекутъ ржаные. Съ каждымъ годомъ пища бѣдныхъ крестьянъ ухудшается по случаю неурожаевъ на хлѣба и травы. Они не могутъ выкармливать свиней, отъ которыхъ получали бы сало для приправы кушаній, потому что не имѣютъ достаточнаго количества зерна, а также домашней птицы. Бѣдные крестьяне не держатъ коровъ, потому что зимній кормъ стоитъ гораздо дороже самой коровы, и потому они считаютъ выгоднѣе продавать сѣно. Если у нѣкоторыхъ и есть корова, то семья очень рѣдко пользуется молокомъ: они продаютъ его на базарѣ. Почти каждый изъ бѣдныхъ крестьянъ имѣетъ пару воловъ, или одну лошадь и зимою занимается извозомъ; возятъ хлѣбъ къ желѣзной дорогѣ на ближайшую станцію Лисичанскъ, находящуюся отъ города Старобѣльска въ 60 верстахъ. Нѣкоторые ѣздятъ за углемъ и солью и въ Старобѣльскѣ продаютъ. Вліяніе города замѣтно въ томъ, что крестьяне вмѣсто завтрака, „галушекъ“ или „кулиша“ пьютъ фруктовый чай, такъ какъ онъ дешевле настоящаго чаю. Самовары имѣютъ самые богатые, а бѣдняки кипятятъ воду въ чугунѣ, потомъ наливаютъ эту воду въ глиняные чайники, которые замѣняютъ

имъ самовары. Мѣстныя лавочки очень удобны для крестьянъ; во-первыхъ, имъ не надо идти въ городъ за всякою мелочью, а во-вторыхъ, покупка производится не на наличныя деньги, а въ обмѣнъ: мѣняютъ на холстъ, яйца, сало и т. п. такой товаръ, какъ керосинъ, спички, соль и за́молочь, т. е. красныя и синія нитки для вышиванья. Избы свои крестьяне освѣщаютъ керосиномъ и находятъ, что это освѣщеніе самое выгодное.

Свадьбы. Осенью и зимою начинаются „вечерни́цы", устраиваются сватовства и свадьбы. Дѣвки сговариваются, избираютъ какую нибудь женщину и поручаютъ ей устраивать собранія. Вечеромъ онѣ отправляются въ избранную избу и занимаются работою: нѣкоторыя шьютъ или вышиваютъ, другія прядутъ пряжу для полотна. Сюда являются и парубки развлекать дѣвокъ: поютъ пѣсни, играютъ на гармоніяхъ и балалайкахъ, иногда и танцуютъ; здѣсь же на вечерницахъ парубокъ выбираетъ будущую подругу жизни. Парни приносятъ лакомства: вино и водку, а дѣкви съѣстные продукты: сыръ, масло, муку, яйца, сало и курей. Здѣсь готовятъ ужинъ: квасо̀къ, въ родѣ борща, варятъ вареники съ сыромъ и жарятъ „ори́шки", т. е. прѣсное тѣсто на яйцахъ, жареное въ салѣ. Лѣтнее гульбище называется „у́лицею", на которую выходятъ парубки и дивчата и поютъ пѣсни, иногда далеко за полночь. Свадьбѣ всегда предшествуетъ сватовство. Парубокъ посылаетъ „старостовъ" къ родителямъ дѣвки, которую онъ избралъ себѣ въ жены. Для этого избирается два пожилыхъ человѣка, дается имъ „паляныця", и они идутъ съ хлѣбомъ сватать дѣвку. Приходятъ къ ней подзно вечеромъ подъ окно и говорятъ: „добрый вечеръ", имъ отвѣчаютъ „здоро̀въ". Просятся въ гости, имъ отвѣчаютъ: „мы́лости про́сымъ". Входятъ старосты въ хату, ихъ просятъ садиться. Оии кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ разсказывать о совершенно постороннихъ вещахъ. Потомъ старосты говорятъ: „у васъ есть ди́вка, а у насъ па́рубокъ, будемъ сватами". Родители дѣвки спрашиваютъ, большая ли семья у жениха, и есть ли какое хозяйство. Если находятъ, что женихъ подходящій, то оставляютъ хлѣбъ и просятъ, чтобы сваты пришли въ другой разъ; если же неподхо-

дящій, то найдутъ какую нибудь причину для отказа: или дѣвкѣ лѣта не выходятъ, или отдавать не съ чѣмъ. Въ другой разъ старосты приходятъ съ отцомъ жениха и съ женихомъ съ паляницею. Иногда зовутъ дѣвку и спрашиваютъ: нравится ли ей женихъ, и согласна ли она выйти за него за мужъ. Если ей нравится женихъ, то она скажетъ, что согласна за него выйти. Потомъ спрашиваютъ жениха: нравится ли ему невѣста. Если окажется обоюдное согласіе съ той и другой стороны, то всѣ молятся Богу, женихъ и невѣста три раза кланяются иконамъ, потомъ по три раза отцу и матери, потомъ пьютъ могарычъ. Женихъ и невѣста уходятъ къ сосѣдямъ, невѣста зоветъ своихъ подругъ, а женихъ проситъ молодыхъ парней. Дѣвки готовятъ ужинъ, а парни покупаютъ водку, пьютъ, ѣдятъ и поютъ пѣсни. На другой день родители и близкіе родственники невѣсты ѣдутъ къ жениху на „оглядины", посмотрѣть, какъ живутъ родители жениха, и есть-ли у нихъ какое хозяйство, а женихъ остается у невѣсты. Пріѣхавшихъ сватовъ ведутъ по двору и показываютъ все хозяйство, потомъ ведутъ въ „комóру", т. е. амбаръ, показываютъ, сколько хлѣба; затѣмъ начинается угощеніе, и назначаютъ день сватанья. Сватанье всегда бываетъ вечеромъ. Невѣста собираетъ своихъ подругъ, одну изъ нихъ избираетъ себѣ въ старшія дружки; эта дружка до самой свадьбы бываетъ вмѣстѣ съ невѣстою и во время вѣнчанія держитъ вѣнецъ надъ нею. Невѣста съ подругами ходитъ изъ хаты въ хату, проситъ гостей. Прійдя въ хату съ одною старшею дружкой, невѣста говоритъ: „просывъ бáтько и мáты и я просю на хлибъ, на силь и на свáтанье". Когда невѣста соберетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, то идетъ съ подругами къ себѣ домой, дѣвки громко поютъ пѣсни. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ отцомъ, матерью, двумя старостами и близкими родственниками. Онъ избираетъ изъ своихъ товарищей старшаго боярина, который до самой свадьбы вездѣ сопровождаетъ его и бываетъ шаферомъ во время вѣнчанія. Кромѣ боярина, у жениха есть еще дружко; послѣдній долженъ быть человѣкомъ женатымъ. Когда собираются всѣ родные, то начинается сватанье: дружко проситъ благословенія у старостъ завести молодого за столъ и говоритъ такъ: „стáроста, пáне пидъ-стá-

роста, благословы́ть молодо́го за стилъ завесты". Староста отвѣчаетъ: „Богъ благословы́ть и я благословля́ю". Дружко беретъ за руку жениха и ведетъ его за столъ, женихъ садится. Потомъ входитъ невѣста, здоровается со всѣми, подноситъ на тарелкѣ платокъ жениху и низко кланяется ему. Бояринъ затягиваетъ этотъ платокъ за поясъ жениху и на мѣсто платка кладетъ мелкую монету, потомъ подноситъ „рушныкы́" отцу и матери жениха, тѣ тоже кладутъ на тарелку монеты; потомъ подноситъ „рушныки" старостамъ, тѣ перевязываютъ себя этими рушниками черезъ плечо и говорятъ: „спаси́бо тоби́, ба́тькова дочка̀, що ты ране́нько встава́ла, рушныкѝ напря́ла и насъ перевьяза́ла". Когда перевяжутъ всѣхъ родныхъ жениха, то дружко заводитъ невѣсту за столъ къ жениху, возлѣ невѣсты садится старшая „дру́жка", и начинается угощеніе. Отецъ невѣсты наливаетъ рюмку водки, выпиваетъ самъ, потомъ даетъ своей женѣ. Въ это время женихъ и невѣста кланяются, и до тѣхъ поръ, пока угостятъ всѣхъ родныхъ, молодые дѣлаютъ за каждою рюмкою по два поясныхъ поклона. Потомъ мать замѣняетъ отца, т. е. угощаетъ водкою всѣхъ родныхъ и родственниковъ. Дружки поютъ въ это время слѣдующую пѣсню:

Чи гора́здъ же тоби̇̀, моя̀ не́нько, мои̇̀ змо́винки пы́ты,
Та не гора́здъ бу́де моѐ ди́ло робы́ты,
Моѐ дилы́шко: си́ны и ха́ту мысты̀
И воды́ци приныстѝ.
Та ни́кому бу́де посте́ленькы сла́ты
И у головѝ иська́ты;
Та ни́кому бу́де въ печѝ затопы́ты
И въ дижѝ замисы́ты.

Мать въ это время плачетъ, потому что эта пѣсня очень трогательна и заунывна. Потомъ женихъ, невѣста и вся молодежь идутъ къ сосѣдкѣ въ хату, а старики вечеряютъ, т. е. ѣдятъ пирожки, лапшу и капусту. Потомъ родители жениха просятъ къ себѣ всѣхъ родныхъ невѣсты. Тамъ пьютъ, ѣдятъ и веселятся; невѣста же съ женихомъ и со всею молодежью возвращаются къ себѣ домой и готовятъ ужинъ. На другой день приходитъ женихъ съ хлѣбомъ и солью, проситъ роди-

телей и родственниковъ невѣсты къ себѣ на обѣдъ. Старики уходятъ, а невѣста съ подругами шьетъ жениху сорочку. Недѣли черезъ двѣ бываетъ свадьба. За два дня до свадьбы пекутъ шишки, „коровàй“, „калачѝ“ и „лéженъ“. Дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

1.

Гóди тобѝ я́ра пшены́ця,
Въ стозѝ стоя́ты,
Порà тебѐ я́ра пшены́ця
Въ шишычкѝ бга́ты.

2.

До бóру, боя́ры, до бóру,
Та руба́йте сосну̀ здорóву,
Та колы́те сосну̀ на трискѝ (т. е. щепки,)
Гниты́ты коравàй и шишкѝ.

Когда садятъ въ печь каравай (большой хлѣбъ), который украшенъ вырѣзными изъ тѣста фигурами, одинъ изъ мужчинъ выметаетъ печь, а дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

Вермѐнъ *) пичъ вымыта́е,
Верме́нка въ пичъ заглядáе,
На су́жне ми́сто,
Де коровáю си́сты.

И у жениха пекутъ шишки и каравай такъ же, какъ и у невѣсты. У крестьянъ свадьбы справляютъ почти всегда по воскресеньямъ, въ субботу бываетъ „подвиси́локъ“, т. е. „дѣви́чникъ“. Невѣста собираетъ подругъ, набираетъ „шишòкъ“ и идетъ звать гостей на „пидвиси́локъ“. Невѣста входитъ въ хату, кланяется и говоритъ: „прохáлы бáтько и мáты, и я просю̀ на хлибъ, на силь, на пидвисѝлокъ“, и даетъ шишку. Ей отвѣчаютъ: „спасы́бо, дóчко, при́йдымъ“.

Когда она позоветъ всѣхъ, то идетъ къ свекрови и дожидаетъ, пока явится женихъ, который также зоветъ своихъ гостей. Когда придетъ женихъ, то всѣ молятся Богу, кланяются отцу и матери и пьютъ водку, которую отецъ наливаетъ, а женихъ и невѣста кланяются. Когда окончится угощеніе, то дѣвки начинаютъ вить „ги́льце“, т. е. украшаютъ сосновое дерево цвѣтами изъ бумаги, калиною и живыми цвѣтами: васильками, гвóздиками и „крокóсомъ“. Потомъ ужинаютъ и невѣста съ дружками и женихомъ идетъ домой. Здѣсь ихъ заводятъ за

*) Верменъ должность на свадьбѣ.

столъ, а родныхъ угощаютъ водкой; молодые кланяются. Послѣ угощенія старики ѣдутъ къ жениху, а молодежь остается ужинать, пить и гулять, чѣмъ и оканчивается „пидвисилокъ“. Невѣста вѣнчается всегда въ халатѣ, подпоясанная длиннымъ полотенцемъ, волосы ея заплетены широко въ одну косу. Если у невѣсты есть отецъ и мать, то вся коса перевита лентами; если нѣтъ отца или матери, то перевита только половина косы, если же нѣтъ ни отца, ни матери, то совсѣмъ не перевита. Передъ вѣнчаніемъ невѣста, женихъ, старшій бояринъ и старшая дружка идутъ къ родной и крестной матерямъ невѣсты и кланяются; если ихъ нѣтъ въ живыхъ, то идутъ кланяться на ихъ могилы. На голову надѣвается лента, а съ лѣвой стороны два цвѣтка. Послѣ вѣнчанія невѣста идетъ обѣдать къ жениху, послѣ обѣда возвращается домой, и начинается свадьба. Въ день свадьбы женихъ ѣдетъ за молодою на двухъ тройкахъ. На одной подводѣ сидятъ женихъ, свашки, бояринъ, дружко и „свитылка“. Свитылкою называется дѣвочка, которая держитъ букетъ цвѣтовъ съ восковою свѣчею въ срединѣ. „Гильце“ везутъ къ невѣстѣ. Когда женихъ сядетъ въ повозку, то мать обсыпаетъ его орѣхами, конфектами, хмелемъ и мелкими монетами, а отецъ выводитъ лошадей за ворота и даетъ жениху хлѣбъ. Женихъ заѣзжаетъ за невѣстою и приглашаетъ ее кататься; она садится вмѣстѣ съ женихомъ, а на другой подводѣ свашки и музыканты. Свашки поютъ пѣсни, музыканты играютъ. Невѣсту завозятъ домой, а сами еще катаются, потомъ начинается свадьба. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Его встрѣчаетъ мать невѣсты и угощаетъ его водкою; потомъ входитъ невѣста, цѣлуется съ свашками и подругами. Послѣ этого дружко заводитъ невѣсту за столъ; возлѣ невѣсты съ правой стороны сидитъ старшая дружка, съ лѣвой стороны невѣсты стоитъ мальчикъ, большею частью братъ невѣсты: онъ продаетъ косу сестры. У него въ рукахъ палка, на концѣ которой большой комокъ репяховъ. Когда дружко подводитъ жениха къ столу, чтобы завести его къ невѣстѣ, то этотъ мальчикъ бьетъ по головѣ дружка палкою съ репяхами. Дружко даетъ выкупъ, т. е. ставитъ на тарелку рюмку водки, кладетъ монету и подаетъ мальчику; онъ беретъ все это и уступаетъ мѣсто жениху

Невѣста въ это время, наклонившись надъ калачомъ, плачетъ, а женихъ поднимаетъ ее и цѣлуетъ. Въ это время дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

У саду̀ соловéйко защебетàвъ,
Ивàнъ Мáрьечку поцилова̀въ.

Если женихъ не догадается поцѣловать невѣсту, то поютъ:

Тобѝ, дружкò, не дружковáты,
А тобѝ, дружкò, свы́ней пáсты,
А молодóму завертáты,
Що не вмѝе молодóи цилова̀ты.

Мать невѣсты угощаетъ гостей водкою. Женихъ и невѣста кланяются, а свашка пришиваетъ вѣнки къ шапкамъ. Жениху пришиваютъ цвѣтокъ, а боярамъ красныя ленточки. Дѣвки въ это время поютъ:

Изъ Кѝева швáчка (швея),
Купéческа дóчка,
По тóргу ходы́ла,
Шовкѝ скуповáла,
Винкѝ прышивáла.
У нéй ру́чки билéньки,
Пучкѝ тонéньки.
Та не жаль ий дáты
Винкѝ пришивáты.

Потомъ дѣвки поютъ пріѣхавшимъ сватамъ:

Свáшка нелипáшка (неаккуратная)
Шишòкъ не лишѝла,
Дружóкъ не дары́ла.
Одну излипы́ла
Зъ зелéного сѝна
Та й ту сама̀ зъѝла.

Свѣтилкѣ дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

Свиты́лка, якъ шпѝлька при стинѝ,
На ний сорóчка ны иййѝ.
Пришла̀ сусѝдка, пытáе,
Скида̀й сорóчку: смеркáе.

Старшему боярину поютъ:

Старшѝй боя́ринъ горбáтый,
А на тому̀ горбѝ вы́росла верба̀,
А на тий вербѝ сыдѝла сова̀.
Та сыдѝла сова̀ до пивъ-нóчи,
Пóки вы́клювала зъ лóба óчи.

Бояринъ отвѣчаетъ имъ:

Врáки дружéчки, врáки, брéшете, якъ собáки.

Пріѣхавшія свашки раздаютъ въ это время шишки родственникамъ невѣсты. За матерью водкою угощаетъ отецъ невѣсты, а матери пріѣхавшія свашкѝ на тарелкѣ подносятъ чоботы. Она надѣваетъ ихъ, танцуетъ въ нихъ и поетъ слѣдующую пѣсню:

Ой, чо́боты, чо́боты вы мой,
Чомъ ди́ла не ро́быты вы минѝ,
Чо́боты, чо́боты вы мой,
Чомъ ди́ла не ро́быты вы минѝ.
Оцѐжъ ти́и чо́боты, що зъ бычка̀,
Чомъ ди́ла не ро́быты, якъ дочка̀.
До ри́чки шла, чо́боты скрипы́лы,
Одъ ри́чки шла, чо́боты пла́калы.
Оцѐжъ ти́и чо́боты, що зять давъ,
А за ци́и чо́боты до́чку взявъ.
Пови́сыла чо́боты на кило̀къ,
Сама̀ пишла̀ пла́каты у шинòкъ.
Ой, чо́боты, чо́боты и т. д.
Чо́боты, чо́боты вы мой,
Чомъ ди́ла не ро́быты вы минѝ.

Потомъ двѣ свашки снимаютъ съ невѣсты цвѣты, расплетаютъ ей косу; въ это время на караваѣ несутъ „очи́покъ“, т. е. парчовый головной уборъ; молодая не даетъ снимать цвѣтовъ. Дѣвки поютъ:

Огля́нься, ты, ди́во,
Та несу̀ть твоѐ ди́ло;
Якъ би́ль, биле́сенький,
Якъ шовкъ, тоне́сенький;
Оцѐ ди́ло не линю́щее,
Усѝмъ ди́вамъ не мину́щее.

Невѣстѣ надѣваютъ очипокъ, а дѣвки поютъ:

Цежъ тоби, Ма́рьечка, за тоѐ,
Що ны плыты̀ ки́соньки у тро́е;
Заплиты̀ ки́сонько въ дрибу́лки,
Цежъ тобѝ не ходы́ты у дру́жки.
Прии́халы, моѝ не́нько, щось за паны̀,
Взялы̀ мою̀ ки́соньку пидъ жупаны̀ (верхняя одежда),
Ста́лы мою̀ ки́соньку трипа́ты,
Ста́ла моѝ ри́дна ма́ты пла́каты.
Та не плачь, ма́ты, по косѝ,
Запла̀чь, ма́ты, по дочцѝ.

Потомъ двѣ свашки берутъ кусокъ бѣлой кисеи въ 3 аршина, машутъ ею надъ головою жениха и невѣсты и поютъ:

„Покры́ванка пла́че, покрыва́цьця хо́че;
Не такъ покрыва́цьця, якъ цилова́цьця“.

Въ это время обѣ свашки цѣлуются. Когда покроютъ молодыхъ, то закрываютъ кисеею голову и лицо невѣсты. Потомъ дружко разрѣзываетъ „коровай“ на части и раздаетъ ихъ гостямъ. Невѣста угощаетъ своихъ подругъ водкою, онѣ уходятъ и поютъ:

„Проща̀й, проща̀й та Ма́рьечко, ужъ мы иды́мо,
Та мы жъ твоѐ дивова́нье собѝ бере́мо“.

Молодые ужинаютъ, потомъ ихъ благословляютъ иконою отецъ и мать невѣсты и ѣдутъ къ жениху. Когда невѣста садится на повозку, то молится Богу на всѣ четыре стороны, а женихъ три раза обходитъ кругомъ экипажа, въ которомъ сидитъ невѣста, и всякій разъ, когда подходитъ къ невѣстѣ, бьетъ ее кнутомъ. На воротахъ раскладываютъ костеръ, и лошади, которыя везутъ, прыгаютъ черезъ него. У жениха свекровь встрѣчаетъ молодыхъ, и когда они подъѣдутъ къ дому, то поетъ:

„Свекру́ха неви́хны (невѣстка) бажа́ла,
До ку́пки пирижкѝ склада́ла,
До ку́пки пирижкѝ, до ку́пки
Для моѐй неви́хны голу́бки“.

Молодыхъ заводятъ за столъ, свекровь угощаетъ ихъ водкою, потомъ угощаетъ гостей, молодые кланяются и уходятъ. На другой день молодыхъ ведутъ къ рѣкѣ умываться, если нѣтъ рѣки, то къ колодцу; потомъ приходятъ всѣ, кто былъ на свадьбѣ, и дарятъ молодыхъ. Нѣкоторые дарятъ телушку или овцу, другіе мѣшокъ пшеницы и т. д. Дружко записываетъ подарки. Если кто подаритъ овцу или теленка, то онъ на передней части печи рисуетъ нѣчто похожее на овцу, если мѣшокъ пшеницы, то отмѣчаетъ палочкою, а на другой день при публикѣ заставляютъ молодую невѣстку бѣлить печь. Когда отдарятъ у жениха, то ѣдутъ дарить къ невѣстѣ. На другой день свадьбы дружко зоветъ всѣхъ къ себѣ и угощаетъ ихъ варениками съ сыромъ, чѣмъ и кончается свадьба.

Родины. Когда родится ребенокъ, его въ тотъ же день несутъ крестить. Послѣ рожденія продѣлываютъ слѣдующій обрядъ: простилаютъ кожухъ на землѣ и кладутъ на него ребенка; потомъ берутъ ребенка съ кожухомъ вмѣстѣ—кумъ за голову, а баба за ноги, подносятъ его къ кумѣ; баба при этомъ говоритъ: „на́те вамъ ребе́нка некреще́наго и немоли́твеннаго, а намъ принеси́те креще́наго и моли́твеннаго“. Когда приносятъ ребенка уже окрещеннаго отъ священника, то опять его кладутъ на кожухъ; кумъ беретъ за голову, а кума за ноги, вмѣстѣ съ кожухомъ подносятъ его къ бабѣ и говорятъ кумъ и кума: „на́те вамъ ребе́нка креще́наго и молы́твеннаго“, и говорятъ его имя. На

кожухъ кладутъ новорожденнаго для того, чтобы онъ былъ богатъ. Потомъ зовутъ людей на крестины. Кума и куму сажаютъ на „пóкуть“, т. е. почетное мѣсто подъ образами и начинаютъ угощать. Подноситъ водку родной отецъ ребенка, потомъ бабка угощаетъ кума, куму и гостей водкою и проситъ „на опéньки“, т. е. компотъ изъ фруктовъ. Ей дарятъ деньги, потомъ кума несетъ матери новорожденнаго паляницу, рюмку водки и деньги, которыя дарятъ ей гости. На другой день бабка „сливаетъ“ на руки матери новорожденнаго. Для этого приносятъ воду, бабка наливаетъ ее въ кувшинъ, въ который кладутъ цвѣты: васильки, хмель, а также конопляное сѣмя. Мать ворожденнаго сливаетъ воду изъ кувшина на руки бабкѣ, а бабка—матери новорожденнаго, потомъ начинается угощеніе. Женщины садятся въ „рай“. Для этого приглашаютъ самыхъ близкихъ родственниковъ. На лавкѣ за столомъ стелютъ кожухъ, на него садится мать новорожденнаго, пьютъ водку и закусываютъ. Потомъ родильница кланяется бабкѣ въ ноги и проситъ у нея прощеніе. Она даетъ ей полотна на рубаху, нѣсколько копѣекъ денегъ, и бабка уходитъ домой. Пѣсенъ на крестинахъ не поютъ.

Крестинные расходы у крестьянъ отъ 1 до 3-хъ рублей, свадебные расходы отъ 50 до 100 рублей.

Похороны. Когда кто нибудь умираетъ у крестьянъ, то на третій день по покойникѣ служатъ панихиду, служатъ и на сороковый день и въ годъ. Принято надъ покойникомъ голосить, т. е. плакать и причитывать. Причитаніе надъ матерью:

„Моя́ нéнько, моя́ ридне́нька, моя́ родытелька; на когò жъ ты, моя́ нéнько, насъ посыротыла, до когó жъ намъ, моя́ нéнько, голóвоньку прыхилыты, и комý намъ, моя́ нéнько, прáвдоньку казáты; та подывлюся, моя́ нéнько, що въ чужи́хъ ди́токъ мáть есть, а у насъ не бýде, та ни́кому жъ, моя́ нéнько, намъ бýде голóвоньки мыты, та ни́кому намъ сорочки́ давáты; та при́йде моя́ нéнько, май ми́сяць, та бýде зузýленька кувáты (зузуля—кукушка), та бýдуть соловéйки щебетáты, а мы бýдымъ ходыты, та своей нéньки ридне́ньки пытáты; та никтò-жъ намъ нé скáже, никтò и словéчка ны промóве, та куды я не пидý, та свои́хъ родытыливъ не найду; та мои́ родытели, мои́ дороги́и,

та при́йде пра́здныкъ годо́вый, та чужѝ ди́точки пи́дутъ у го́сти, а минѝ ни до ко́го бу́де иты́; та вы́йду я подывлю́ся, дрибны́ми слеза́ми обилью́ся". Причитаніе отцу: „Ой, мий та́точку, мий виногра́дочку, мий та́точку старе́сенький, та колы́ вы, мий та́точку, до ме́не въ го́сти прибу́дете, чи къ Риздву̀, чи Велы́кодню, чи къ святѝй нади́линьци. Къ Риздву̀ снижкòмъ позапада́е, а къ Велы́кодню воды́цею позалыва́е, а къ святѝй нади́линци трав́ою зелене́нькою позаростáе и позаростáютъ мой стежкѝ и дори́жки, що я до васъ ходы́ла и мину́цьця мой ри́чи, що я зъ ва́ми товори́ла". Причитàніе мужу: „Мий хозя́ину, мий дорогѝй,та куды́ минѝ голо́воньку повырта́ты. Чужѝ жъ лю́ды иду́ть у по́ле, и моя́ дружи́ночка ви́рна ниче́го не ка́же. Пойхала бъ я самà, я тво́го ди́лонька не вроблю̀. Мой коса́рики, мой дорогѝи, и шо минѝ робы́ть и казàть, и мой во́лыки, мой соко́лыки, и кто вамъ бу́де хозя́иномъ, и кто вамъ бу́де поря́докъ дава́ты, и кто ва́ми бу́де замышля́ты. Та моя́ до́ленька, моя́ несчастлы́ва, и на щожъ ты, моя́ не́нько, менѐ несча́стную породы́ла, и чомъ ты менѐ, моя́ не́нько, мане́нькою не втопы́ла чего ты менѐ несча́стную на свитъ породы́ла и на щожъ ты́ менѐ пусты́ла на би́лый свитъ скита́цьця".

Е. А. Ливанская.

35.—Сл. Подгоровка.

Поселеніе.—Населеніе, жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Занятія.—Свадебные обычаи.

Поселеніе. Въ одной верстѣ отъ г. Старобѣльска расположено село Подгоровка. Оно отдѣляется отъ города съ одной стороны рѣкою Айдаромъ, впадающимъ въ р. Донецъ, съ другой стороны р. Бѣлой, впадающей въ р. Айдаръ. Весною во время полой воды низменная часть селенія подвергается наводненію, такъ что сообщеніе между городомъ и селомъ происходитъ посредствомъ лодокъ и паромовъ, недѣли двѣ и даже болѣе. При этомъ избушки, расположенныя недалеко отъ берега, заливаются водой, подвергаются разрушенію, и кресть-

яне нерѣдко бываютъ застигнуты врасплохъ, если не поспѣшатъ выбраться изъ нихъ со своимъ имуществомъ. Западная часть селенія окаймлена мѣловыми горами, на восточной же низменной сторонѣ находятся такъ называемыя „мертвыя озера", поросшія сплошь камышами и другими болотными растеніями. Берега рѣкъ мѣстами бѣдны и песчаны, но большею частью покрыты густою, сочною травою, тѣнистыми вербами и фруктовыми деревьями и представляютъ собою довольно живописныя мѣста. Крестьяне Подгоровки объясняютъ названіе своего села тѣмъ, что оно было основано подъ мѣловой горой, источниками которой они и донынѣ пользуются. Народъ также называетъ свое село „Пидгоркомъ".—Такъ какъ Подгоровка есть пригородная слобода, то происхожденіе ея тѣсно связано съ происхожденіемъ самаго города. Въ послѣдней четверти XVII вѣка (около 1686 г.) выходцами изъ разныхъ мѣстъ гетманщины, которые первоначально проживали въ Полтавской и Черниговской губ., а потомъ вошли въ составъ Острогожскаго полка, на правомъ берегу рѣки Айдара, недалеко отъ впаденія въ нее рѣки Бѣлой, въ тѣни густолиственныхъ вѣковыхъ лѣсовъ, былъ основанъ небольшой казацкій „Городокъ". Въ первой половинѣ XVIII вѣка Городокъ былъ обращенъ въ слободу „Старую-Бѣлую", по всей вѣроятности отъ названія рѣки Бѣлой. Благочестіе первыхъ жителей Городка выразилось вскорѣ послѣ его основанія построеніемъ храма, который, въ виду близкаго и безпокойнаго сосѣдства поклонниковъ Магомета—татаръ, былъ посвященъ Покрову Пресвятой Богородицы. Съ одной стороны ограниченность мѣста, а съ другой низменность, способствовавшая значительнымъ разливамъ рѣки Айдара, были причиною того, что во второй половинѣ XVIII вѣка жители Городка оставили свое первоначальное поселеніе и перешли на другую сторону р. Айдара. Здѣсь они образовали слободу Старую-Бѣлую, причисленную въ 1782 году къ Воронежской губ., Бѣловодской округи, Деркульскому заводу. Въ 1789 году въ Старой-Бѣлой положено было основаніе каменнаго храма во имя Покрова Божіей Матери. На мѣстѣ же первоначальнаго храма въ бывшемъ Городкѣ, нынѣ с. Подгоровкѣ, стоитъ камплички, которая

и свидѣтельствуетъ о томъ, что поселеніе началось съ этой мѣстности. При учрежденіи Слободско-Украинской губ., сл. Старо-Бѣлая преобразовалась въ уѣздный городъ Старобѣльскъ съ духовнымъ правленіемъ и духовнымъ двухкласснымъ училищемъ и съ окрестными селами отчислилась отъ Воронежской губ. и причислилась къ Харьковской губ. Въ былыя времена вся описываемая мѣстность была покрыта дремучими лѣсами, о чемъ свидѣтельствуютъ въ настоящее время огромнѣйшіе пни, попадающіеся въ окрестностяхъ селенія. По народному преданію, въ лѣсахъ этихъ проживали цѣлыя шайки разбойниковъ, которые всѣхъ грабили и никому не давали проѣзду. Когда же правительство мало-по-малу уничтожило эти шайки, лѣсъ начали рубить, и одинъ за другимъ стали селиться мирные землепашцы. Но и они, по народному преданію, много терпѣли отъ набѣговъ татаръ, которые грабили и убивали ихъ. Богатые помѣщики принуждены были содержать войско, для устраненія татарскихъ набѣговъ. Существуетъ также преданіе, что жители, убѣгая отъ преслѣдованій татаръ, закапывали свое имущество въ описываемой мѣстности. Дѣйствительно въ 1882 году весною, послѣ полой воды, два крестьянскихъ мальчика, пасшіе стадо, нашли подъ горой нѣсколько вещицъ, которыя привлекли ихъ вниманіе. Вещи эти они передали въ полицію, а изъ полиціи они были отосланы въ Харьковъ въ археологическій музей, гдѣ вещи эти были приняты, а за нихъ выслана сумма въ 300 руб. Онѣ были золотыя и серебряныя.

Народонаселеніе сл. Подгоровки состоитъ исключительно изъ малороссовъ; дворовъ 607, жителей болѣе 3000. Они средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ угловатыми движеніями, съ темнорусыми волосами и побольшей части съ темными глазами. Волоса они напускаютъ на лобъ почти до самыхъ бровей. Въ ихъ наружности не обнаруживается вліяніе инородческихъ примѣсей. Евреи здѣсь отсутствуютъ, цыгане же появляются только во время ярмарокъ, и вліянія на мѣстныхъ жителей имѣть не могутъ. Другіе инородцы, какъ напр. французы и нѣмцы, живутъ въ очень маломъ количествѣ, и то не въ деревнѣ, а въ городѣ

и также вліянія никакого не оказываютъ. Виликоруссовъ въ самомъ селѣ также нѣтъ.

Жилище крестьянъ—хаты; онѣ строятся изъ разнаго матеріала: изъ глины, мѣлу, дерева и лимпача. Лимпачъ это четыреугольный кирпичъ изъ смѣси глины съ пескомъ и соломою; когда онъ затвердѣетъ, то становится очень крѣпкимъ. Желтая глина и мѣлъ добываются въ самомъ селеніи въ большомъ количествѣ. Крыши по большей части—изъ соломы и камыша, изрѣдка попадаются и деревянныя. Хаты у бѣдныхъ крестьянъ раздѣляются темными сѣнями на двѣ неравныя части; въ большей изъ нихъ помѣщается вся семья, въ меньшей же сохраняется имущество. У крестьянъ богатыхъ хата состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Хатына съ большой варистой печью, сосновымъ столомъ и такимъ же диваномъ или лавками; въ стѣнѣ вдѣлано нѣсколько полокъ—„мысникъ“ для посуды. Въ переднемъ углу, называемомъ „покутъ“, находятся иконы; это мѣсто для почетныхъ гостей. Иногда на стѣны наклеиваются обои, здѣсь же висятъ картины религіознаго содержанія. 2) Хата или комната съ такимъ же убранствомъ, какъ и въ первой. Она тѣснѣе немного, въ ней находится „полъ“,—нѣсколько сколоченныхъ досокъ,—который замѣняетъ кровать; сюда-же выходитъ изъ хатыны варистая печь, на которой также спятъ зимою. Однимъ словомъ, комната играетъ роль спальни. 3) Хижка или чуланъ, безъ оконъ, служитъ для храненія одежды. 4) Сѣни. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ всегда находится одинъ или два сволока. Дворовыя постройки слѣдующія: загонъ, куда загоняютъ скотъ, сарай для повозокъ и комора для ссыпки зерна.

Одежда крестьянъ Подгоровки подъ вліяніемъ города совершенно измѣнилась и носитъ характеръ мѣщанской одежды. Женщины здѣсь носятъ ситцевыя юбки и такія же кофты. Иногда кофта замѣняется безрукавкой, въ прежнее время называвшейся кирсетомъ; до пояса она шьется въ талію на крючкахъ, а къ таліи складками пришивается ровный кусокъ изъ такой же матеріи въ четверти двѣ длиною; шьется она изъ кумачу и плису. На работахъ же и до сихъ поръ изрѣдка попадаются запаски—продолговатые куски домаш-

няго сукна чернаго или сѣраго цвѣта; запаской оборачиваются кругомъ и подвязываются поясомъ. На головѣ женщины носятъ очипокъ; онъ имѣетъ продолговатую форму, шьется изъ парчи, набивается хлопьями и густо простегивается и назади собирается въ „очкурецъ“, куда затягивается лента. Сверхъ очипка крестьянки повязываются большимъ платкомъ, большею частью кашемировымъ съ цвѣтами. Многія же не носятъ очипковъ и не повязываются большими платками, а просто завязываются ситцевыми платочками. Мужчины носятъ брюки, жилетку и чинарку. Эта послѣдняя имѣетъ форму сюртука и шьется изъ нанки, плису и даже изъ сукна. Въ зимнее время мужчины носятъ свитки изъ бѣлаго и сѣраго сукна, тулупы, которые у богатыхъ крестьянъ покрываются синимъ и чернымъ сукномъ. У женщинъ верхняя зимняя одежда таже, что и у мущинъ, только у нихъ часто встрѣчается мѣщанское пальто на ватѣ. На головѣ мужчины носятъ картузы, шапки и капелюхи.

Пища крестьянъ значительно ухудшилась. Хлѣбъ употребляется ячный (изъ ячменя) или пшеничный съ ячнымъ. Обыкновенная пища: борщъ, въ скоромные дни съ саломъ, а въ постные съ олеей; пшенная и ячная каша, кулешъ, галушки. Въ постъ даже рѣдко варятъ и питаются хлѣбомъ съ огурцами и капустой, варенной картофелью и лукомъ. Не смотря на бѣдность, незамѣтно разсчетливости. Нерѣдко бываетъ, что семья сидитъ по два и по три дня на одномъ сухояденіи; когда же случится заработать, то на столѣ появляется борщъ съ бараниной, жареная баранина, блинцы и т. п. Ѣдятъ также мелкую рыбу, которую ловятъ въ рѣкѣ, крупную же рыбу сбываютъ на базарѣ. Освѣщеніе повсемѣстно керосиновое.

Болѣзни наиболѣе встрѣчающіяся—оспа и дифтеритъ. Въ особенности здѣсь свирѣпствуетъ дифтеритъ, который каждую осень и зиму душитъ не только дѣтей, но и взрослыхъ; въ народѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ „обкладки“. Весною въ 1892 году здѣсь почти все населеніе болѣло цынгой. Кромѣ того постоянно бываютъ лихорадки. Вслѣдствіе близости города и его вліянія крестьяне часто обращаются за совѣтами и помощью къ врачамъ. Во время цынги, по улицѣ мимо боль-

ницы, находящейся въ городѣ, трудно было пройти, такъ она была запружена народомъ, пришедшимъ за помощью. Тѣмъ не менѣе знахарство все еще процвѣтаетъ.

Занятія жителей: земледѣліе, садоводство и огородничество. Сѣютъ преимущественно яровые хлѣба: пшеницу, ячмень, овесъ и просо. Землю обрабатываютъ плугомъ и бороной. При посѣвѣ соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: пекутъ крестъ и кладутъ его въ пшеницу, назначенную для посѣва, при выѣздѣ же въ поле съѣдаютъ его. Въ огородахъ сѣютъ: капусту, свекловицу, картофель, баклажаны, рѣдьку, лукъ и проч. Огородныя овощи крестьяне большею часть сбываютъ на базарѣ. Яблоки, груши, сливы, вишни и ягоды также несутъ въ городъ на продажу. Многіе занимаются выжиганіемъ кирпича. Продаютъ возами мѣлъ, изъ мѣловой горы; гасятъ известь, которую и сбываютъ въ городъ.

Свадебные обряды у здѣшнихъ крестьянъ состоятъ главнымъ образомъ изъ оглядынъ, сватанья и свадьбы. Оглядыны состоятъ въ томъ, что узнается приданное невѣсты. Со стороны жениха засылаются къ невѣстѣ сваты или старосты. Они приходятъ къ родителямъ невѣсты съ хлѣбомъ, и начинается сватовство. Родители сразу никогда не даютъ своего согласія и подъ разными предлогами отказываютъ, такъ что сваты приходятъ нѣсколько разъ. Наконецъ, когда родители согласятся, то оставляютъ хлѣбъ у себя. Въ назначенный день въ домъ невѣсты собираются родственники жениха, ставится могарычъ (водка) и невѣста „подаетъ рушники“ (полотенца). Всѣ эти обряды сопровождаются пѣніемъ. Такъ, когда невѣста обноситъ всѣхъ водкою и перевязываетъ жениха платкомъ, сватовъ полотенцами, родственниковъ и родственницъ жениха платками и миткалемъ,—дружки поютъ:

„Ой, посидты вы, та добрые люды,
Та покы Харытынка (имя) вийды.
Харытынка вийшла
И рушнечки подала,
Нызенько поклонылася.
Старостамъ въ ручку,
Усимъ по рушнечку,
А женыхови хвусточку,
Хвусточку дала
И ручку приняла.
Та теперь, Андрійко, я вже
твоя“.

Послѣ вѣнчанья играютъ свадьбу. Сначала сажаютъ невѣсту за столъ и поютъ:

„Ой, глянь же ты, Харытынко, кризь калачъ,
Та карымы очима тай заплачь.“

Затѣмъ, сажая жениха за столъ, поютъ:

„Ой, у саду соловейко защебетавъ,
А Андрійко та Харытынку поциловавъ.
Ой, у саду соловейко гниздо вье.
Чи всимъ боярамъ мисто йе?
А которому нэмае,
Нэхай у дружéчки спытае.
Ой якъ же йийи пытаты?
А чи у порози стояты?
Пидъ плечемъ шапочку держаты?“

Въ это время гостей угощаютъ водкою и разными яствами. Въ концѣ свадьбы молодую покрываютъ платкомъ, надѣваютъ ей очипокъ и поютъ:

„Не бачышь ты, диво,
Шо несуть твое дило.
Якъ биль билесенький,
Якъ шовкъ тонесенький.
Воно дило не линющее,
Усимъ дивчатамъ не мэнущее!
Ёго ни витеръ не звийне,
Ни дрибный дощикъ не змоче.
Молода Харытынка зносе“!

По окончаніи свадьбы молодую сажаютъ на возъ, на которомъ стоитъ ея скрыня (сундукъ), молодой три раза обходитъ вокругъ воза и плетью бьетъ молодую. Затѣмъ садится съ нею рядомъ и везетъ въ свой домъ. Когда подъѣзжаютъ къ дому, то передъ воротами зижигаютъ солому, и перевозятъ чрезъ нее молодыхъ.

Е. Х. Елеферьева.

36.—Сл. Марковка.

Поселеніе и населеніе.—Нарѣчіе и чтеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болѣзни и ихъ лѣченіе.—Занятія.—Религіозное настроеніе и развитіе.—Свадебные обряды и пѣсни.—Примѣты о погодѣ.—Праздниковые обряды.—Игры и музыка.—Демонологія.—Юридическіе обычаи.—Пѣсни.

Сл. Марковка, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губерніи, прежде Воронежской, лежитъ въ долинѣ истоковъ рѣки Деркулъ; съ западной стороны села возвышается гора съ крутымъ подъемомъ, а съ восточной постепенный подъемъ, версты на двѣ протяженіемъ, достигающій такой же высоты, какъ и западный холмъ—гора. Долина между возвышенностями имѣетъ 2 версты, иногда меньше, въ поперечникѣ. Среди села долина пересѣкается двумя противоположными „ярка́ми", и въ этомъ мѣстѣ сл. Марковка представляетъ крестъ, состоящій изъ 2-хъ пересѣкающихся долинъ. Къ западу отъ села на горизонтѣ виднѣется лѣсъ, представляющій красивую картину; только жаль, что нѣтъ рѣки. По сказанію старожиловъ, 70 лѣтъ тому назадъ была здѣсь хорошая рѣка, а въ настоящее время нѣтъ ни ручейка, ни пруда, въ которомъ бы можно было лѣтомъ освѣжиться. Ближайшій городъ отъ Марковки Старобѣльскъ, который находится на юго-западѣ въ 60 верстахъ отъ Марковки, въ 35 верстахъ къ югу заштатный г. Бѣловодскъ, бывшій окружной городъ, верстахъ въ 200 къ юго-востоку лежитъ г. Новочеркасскъ, къ сѣверо-востоку въ 90 верст. находится г. Богучаръ, прямо на востокъ въ 90 верст. Павловскъ и къ сѣверо-западу г. Валуйки; послѣдніе три города—Воронежской губ. Названіе села, по преданію, происходитъ отъ имени одного крестьянина или казака Марка, который пришелъ въ эту мѣстность съ западной стороны; спускаясь съ горы, онъ увидѣлъ у подножья рѣку, близъ которой и поселился. По болѣе точнымъ свѣдѣніямъ (Волостной архивъ 1845 г., дѣло № 9), Марковка населена выходцами изъ Полтавской и Харьковской губ., большею частію людьми, бѣжавшими отъ помѣщиковъ, и изъ Малороссіи. Когда это было точно, опредѣлить нельзя, во всякомъ случаѣ не позже 1500 годовъ, такъ какъ въ Марковкѣ цер-

ковъ существуетъ около 200 лѣтъ или болѣе, слѣдовательно, 200 лѣтъ она уже—село, которое имѣетъ общество и строитъ общественныя зданія. По преданію, святитель Тихонъ Задонскій самъ освящалъ одну изъ церквей села Марковки. Въ Марковкѣ считается мужскаго пола 5230 душъ, женскаго 5180 душъ. Наружность мужчинъ:—роста болѣе средняго, иногда вершковъ 12, съ грубоватыми чертами лица, носъ умѣренный, глаза большею частію сѣрые, лицо кругловатое, волосы темнорусые, походка развалистая, медлительная, какъ и вообще у малоросовъ; въ общемъ они довольно представительны. Женщины очень рѣдко красивы, въ большинствѣ широколицыя, носъ широкій, глаза сѣрые, лицо одутловатое и не всегда чистое, волосы темно-русые, наружность мало-привлекательна. Впрочемъ, изрѣдка встрѣчаются женщины очень красивыя съ правильными чертами лица. Замѣтна великорусская примѣсь, кажется, есть и донскіе казаки. Эти примѣси замѣтны и въ фамиліяхъ, хотя можно предположить, что эти фамиліи отъ времени и измѣнились, кромѣ большихъ семей, гдѣ онѣ не измѣнились. И теперь много фамилій донскихъ: Клищъ, Сычъ, великорусскихъ—Ковалевъ, Морозовъ, Степановъ, малороссійскихъ—Ткаченко, Марченко, Диденко и пр. Этихъ фамилій большинство. Есть и польскія—Вербицкій и пр. Евреи почему то обошли Марковку и по настоящее время ихъ здѣсь нѣтъ.

Нарѣчіе. Преобладающее нарѣчіе малорусское съ небольшою примѣсью литературнаго. Мѣстныя реченія, слова и выраженія, заслуживающія вниманія: „Я пакъ и не чувъ“, „тривай“—посторонись или подожди, „тре́ба“—надо; выраженіе „зацидывъ ажъ каганцѝ засвитылысь“, названіе метели вообще: „завирюха“. „Чо́рная хма́ра“—большая туча. Будущее время выражается прибавкою къ глаголу: ыму; напр., „носытыму, руба́тыму, сыдитыму“ и пр. выражаетъ: буду носить, порубаю или буду рубать и буду сидѣть и пр. Малороссійскія слова: чёмъ же ты ничо́го не кажешъ“—замѣняются иногда выраженіемъ: „шожъ ты ничо́го не рѣчѐшь“,—замѣтно, прихвачено изъ церковно-славянскаго. Глаголъ настоящаго времени 1-го лица съ окончаніемъ на шипящій звукъ не употребляется, напр. „сыдю, ходю, свистю“ и пр. Литературная примѣсь замѣтна во всѣхъ оборотахъ рѣчи

развѣ только глубокій старикъ ведетъ разсказъ на чисто малороссійскомъ нарѣчіи; всегда слышется ё въ мѣстахъ, гдѣ въ малорусскомъ употребляется э, да и самыя слова приближаются къ литературной формѣ настолько, что ихъ трудно признать за малорусскія. Вліянію литературнаго нарѣчія на коренное много помогаетъ школа; она способствуетъ искорененію мѣстнаго нарѣчія, и бывшаго, даже уже давно, школьника легко можно узнать по одному разговору.

Чтеніе. Въ большинствѣ народъ любитъ читать книги религіознаго содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ охотно берется и за сказки о Бовѣ Королевичѣ, Ерусланѣ Лазаревичѣ, Соловьѣ разбойникѣ и т. п. Вся эта литература распространяется посредствомъ коробейниковъ, щетинниковъ и книготорговцевъ, которые переполняютъ собою всякій базаръ, ярмарку и храмовой праздникъ; вмѣстѣ съ тѣмъ коробейники продаютъ и картины, самаго разнообразнаго содержанія: или религіозныя, напр. о страшномъ судѣ, пирѣ богатаго Лазаря, съ непозволительными фигурамитемнаго міра; или не религіознаго содержанія—въ большинствѣ случаевъ представляется въ лицахъ какая нибудь пѣсня, напр.; „вечеръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала“, или: „эй, вы кони, мои кони, мчитесь сокола быстрѣй“ и т. п. Иногда картина представляетъ древній римскій циркъ, гдѣ на аренѣ на христіанъ-мучениковъ выпущены сразу всѣ звѣри: тигры, медвѣди, львы, и пр. и всѣ заняты ѣдою, а между собою не дерутся. Всѣ эти картины, подъ названіемъ лубочныхъ, владимирской живописи. Книги у коробейниковъ большею частію пудоваго достоинства, т. е. продаются на вѣсъ; изрѣдка попадаются изданія Сытина. Очень часто крестьяне обращаются въ школу съ просьбою дать имъ какую нибудь книгу почитать, но такъ какъ школьная библіотека слишкомъ мала, не пополняется новыми книгами и пришла въ ветхость, то школа не можетъ удовлетворить потребности народа въ чтеніи; учитель по возможности старается хотя чѣмъ нибудь удовлетворить желающаго и отпускать ему книгу изъ своей скудной библіотеки; но желанію читать нѣтъ предѣла, и приходится отказывать. Школьная библіотека состоитъ изъ нѣсколькихъ книгъ, большею частію историческаго содержанія: О Петрѣ Великомъ,

Иванѣ Сусанинѣ, вступленіи французовъ въ Москву и друг., и житій святыхъ,—напр., Николая Чудотворца, описаній Троице-Сергіевой Лавры и святителей ея; всѣ эти книги присланы бывшимъ инспекторомъ Купянскаго и Старобѣльскаго уѣздовъ, г. Ивановымъ. Всѣ книги школьной библіотеки отпускаются безъ всякаго затрудненія и при желаніи скоро всѣ прочитываются; крестьянинъ же, отвѣдавши чтенія, не легко разстается съ нимъ, а какъ школа не можетъ удовлетворить этому желанію, то онъ волею-неволею набрасывается на грошовыя книги, и интересъ къ чтенію либо совсѣмъ пропадаетъ, либо принимаетъ другое направленіе, и вмѣсто религіознаго или историческаго событія онъ увлекается удальствомъ какого нибудь богатыря, разбойника или мошенника; иногда, наткнувшись на такую книгу, онъ теряетъ всякую охоту къ чтенію. Вообще руководить чтеніемъ могла бы только школа, но она по неимѣнію книгъ лишена этой возможности. Правда, въ Марковкѣ имѣется двѣ школы и въ обѣихъ есть маленькія библіотеки для чтенія, но это, въ сравненіе съ требованіемъ, капля въ морѣ. Случается, что ученикъ, прочитавъ всѣ книги школьной библіотеки, черезъ нѣсколько времени обращаетси опять съ просьбою дать ему книги, разъ уже читанныя, и охотно читаетъ ихъ въ другой разъ; это печальное доказательство того, какъ мало народъ удовлетворенъ въ этомъ отношеніи.

Жилище. Мѣстныя жилища устроены большею частію изъ дерева, хотя встрѣчаются постройки и каменныя, глиняныя и мѣловыя, которыя относятся уже къ позднѣйшему времени. Хата большею частію разбита на 2 или 3 клѣтки; напр.:

ха́та.	сѣни.

кимна́та.	ку́хня.
	сѣни.

кимна́та.	сѣни.	ха́та.

. Эти три рода устройства хатъ преобладаютъ. Сѣни большею частію безъ потолка и имѣютъ некрасивый видъ, похожи на сарай, но женщины украшаютъ сѣни, развѣшивая по стрѣхамъ разные цвѣты и сѣмена нѣкоторыхъ растеній: гвоздичку, укропъ, васильки и др., чѣмъ и скрашивается неприглядный видъ сѣней. Убранство хатъ: вдоль стѣнъ обыкновенно стоятъ лавки безъ

спинокъ, рѣдко со спинками и тогда называются диванами; въ переднемъ углу стоитъ дубовый столъ; впрочемъ, въ послѣднее время большею частію сосновый—бѣлый. Въ углу у порога находится „шáхва"—шкафъ, большею частію прикрѣпленный къ стѣнѣ гвоздями, иногда застекленный, а иногда безъ стеколъ, но чѣмъ нибудь, т. е. оборочкой, завѣшанный. Въ другомъ углу діагонально устроена непередвигающаяся кровать, иногда со вкопанными въ землю ножками; она называется „полъ" или „помòстъ"; на ней нѣтъ ни матраца, ни перины и только 1 или 2 подушки, „крóватъ" устилается рядномъ—одежкою, вытканною изъ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ нитокъ или ветошекъ, разорванныхъ въ узкія полоски; она служитъ и матрасомъ и одѣяломъ; иногда помостъ застилается полстью. Въ изголовьи прибита въ наклонномъ положеніи доска, служащая для подкладыванья подъ подушки и иногда замѣняющая ихъ; 2-й конецъ кровати—„пола" упирается въ печь съ лежанкою. Въ большой семьѣ на ночь располагаются такъ: мать и отецъ спятъ на полу, т. е. на кровати, молодежь „дóли", т. е. на землѣ, если есть гость—его кладутъ на „лáви" къ столу головою; дѣдъ или баба укладываются на печи или на лежанкѣ. Передній уголъ въ хатѣ убираютъ иконами, въ числѣ которыхъ очень часто встрѣчается и картина о страшномъ судѣ или богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. Этотъ уголъ украшается, чѣмъ попало: дѣлаютъ бумажные цвѣты, кружки изъ стружекъ, окрашенные въ зеленую или розовую краску, колосьями пшеницы, связанными въ красивый щитокъ; если попадается золоченая рѣзьба изъ старыхъ иконъ или иконостасовъ, то и её цѣпляютъ тутъ же, напр., ликъ крылатаго Ангела, звѣздочки и тянутся пр.; словомъ, весь передній уголъ занятъ иконами и картинами, и даже далеко по стѣнамъ тянутся украшенія. Въ самомъ углу виситъ лампада, съ привѣшеннымъ внизу ея голубемъ, часто своедѣльнымъ, иногда золоченымъ; иногда скорлупы крашеныхъ яицъ, группою связанныя, привѣшиваются къ лампадѣ. Печь украшаютъ шпалерою или просто разрисовываютъ синею или красною краскою, цвѣтами или незатѣйливыми фигурками, своего изобрѣтенія. Всѣ хаты снаружи и внутри мажутся глиною и бѣлятся мѣломъ; попадаются мытыя, которыя моются только

на 1 аршинъ выше лавки, для того, чтобы мѣлъ не мазалъ спины сидящаго. Печи строютъ всегда съ трубою и достаточнымъ помѣщеніемъ для нее; никогда не строятъ курныхъ, т. е. безъ трубы. Большимъ почетомъ пользуется передній уголъ потому уже, что въ немъ стоятъ иконы; поэтому, кому хотятъ оказать гостепріимство или почетъ, то сажаютъ въ передній уголъ, когда же садятся обѣдать безъ гостей, то это мѣсто занимаетъ самъ хозяинъ,—глава дома, который наблюдаетъ за порядкомъ во время обѣда: чтобы была соблюдаема приличная обѣду тишина, чтобы дѣти не шалили и т. п. Во время свадьбы первое мѣсто занимаютъ женихъ и невѣста, за отсутствіемъ ихъ сватъ и сваха; если бываетъ батюшка, то ему предлагаютъ первое мѣсто. Остальныя части дома не пользуются особеннымъ значеніемъ, впрочемъ, мѣсто у порога считается послѣднимъ. Новѣйшее устройство хатъ отличается отъ стариннаго, и, какъ видно, находится въ зависимости отъ городского вліянія. Вотъ фасонъ новой хаты: „клѣта“ разбита на четыре неравныя комнаты,—сѣни, кухня, чистая комната и спальня, въ 4 или 5 оконъ на улицу, поставлена на высокомъ фундаментѣ, словомъ, представляетъ подражаніе подгороднимъ зданіямъ; иногда отъ крыльца и на лицевой сторонѣ сдѣланъ навѣсъ крыши на столбахъ, представляющій галлерею, на которой можно укрыться отъ дождя. Расположеніе дворовыхъ построекъ совершенно зависитъ отъ личнаго взгляда хозяина, хотя въ общемъ имѣетъ опредѣленный характеръ. Обыкновенно дворъ представляетъ четыреугольникъ, который тянется отъ задней стѣны хаты къ огороду и конецъ котораго содержитъ либо амбары, либо сараи—„кладо́вы“, въ которыхъ сберегаютъ хлѣбъ; въ срединѣ двора находится площадь, съ трехъ сторонъ огороженная сараями, иногда пересѣченная проѣздными воротами на огородъ и токъ, кругомъ же тянутся иногда сплошь, иногда отдѣльно другъ отъ друга, хлѣвы и сараи для разнаго скота и подъѣздной сарай. За дворомъ помѣщается токъ, а отступя сажень 5 отъ двора клуня; между клунею и дворомъ находится складочное мѣсто для сѣна, соломы и хлѣба, дальше идутъ огородъ и садъ; вообще расположеніе дворовыхъ построекъ зависятъ отъ мѣстныхъ условій. Старинныя постройки двора

начинались подъ одну крышу съ хатою, и ближе всего къ хатѣ обыкновенно находилась конюшня; расположеніе же остальныхъ построекъ дѣлалось по произволу или по удобству. Если огородъ прикасается съ лугомъ, то на концѣ огорода разводятъ ливаду, а если луга близко нѣтъ, то ливада разводится отдѣльно отъ дома.

Одежда мужчинъ въ праздничные дни: лѣтомъ по праздникамъ крестьяне носятъ подёвку изъ синяго, сѣраго и чернаго сукна, это одежда богатыхъ; бѣдные носятъ „капотыну" изъ бумажной матеріи, сшитую по таліи, ниже таліи короткая жиденькая юбочка—четверти въ $1^1/_2$ длиною, но въ общемъ она не похожа на подёвку, застегивается на крючки; эта одежда всегда холодная, на коленкоровой, большею частію не крестьянскаго холста подкладкѣ; штаны бѣлые, простого полотна, широкіе, въ праздникъ изъ той-же бумажной толстой матеріи, какъ и копотъ; сапоги, шитые не на колодку, а грубо какъ-бы обтесанные, подошвы большія съ длинными голенищами. Иногда лѣтомъ тяжелые башмаки, картузъ, зимою теплая барашковая шапка или капелюхъ дополняютъ убранство. Зимою употребляется та же одежда, съ добавленіемъ полушубка или свиты изъ своедѣльнаго сукна, съ большимъ прямымъ воротникомъ, цвѣта бѣлаго, или рыжовато-сѣраго; въ праздники и въ будни одежда одна и та же, только по праздникамъ употребляется болѣе чистая и новая, а по буднямъ старая. Лѣтомъ на работѣ крестьяне всегда въ одной рубашкѣ поверхъ штановъ и подпоясаны поясомъ. Женская одежда неболѣе разнообразна: будничную одежду составляетъ бѣлая рубаха-сорочка, „спидныця" съ большою пазухою и длинными рукавами и „шарафанъ", т. е. просто юбка съ оборкою внизу; иногда надѣваютъ запаску, которая состоитъ изъ шерстяной полосатой своедѣльной ткани. Этимъ полотенцемъ женщины обертываются вокругъ таліи и образуютъ изъ него нѣчто въ родѣ юбки, прихвативъ верхній край поясомъ. Изрѣдка попадаются плахты, тоже шерстяныя, непремѣнно цвѣтныя, клѣтчатыя и сшитыя ввидѣ юбки; послѣдній костюмъ отживаетъ свой вѣкъ. Праздничный нарядъ составляетъ кофта, называемая юбка-по таліи, съ полами въ видѣ оборки, шитая обыкновенно изъ красной цвѣтной матеріи,—

ситца; шарафанъ—юбка изъ того-же ситца. Иногда надѣваютъ корсетъ,—безрукавую кофту изъ плиса, на крючкахъ или пуговицахъ, почти плотно облегающій талію; красные сапоги на мѣдныхъ подковкахъ; на головѣ у замужнихъ очипокъ, у дѣвушекъ повязка съ распущенною косою, т. е. коса заплетена, но опускается книзу и украшается лентами,—стараются надѣть ленты 5 и болѣе разныхъ цвѣтовъ, составляя „косники"—верхній халатъ, суконный черный или темно-синій; зимою къ этой-же одеждѣ прибавляется тулупъ—кожухъ бѣлый—нагольный или бѣлая свита. Стоимость одежды зависитъ отъ состоятельности крестьянина. Для примѣра возьмемъ средняго крестьянина. Тулупъ овчиный стоитъ 10—15 руб., халатъ 12 руб. и меньше, считая сукно отъ $1^1/_2$ до 2 руб. за арш. и работу 2 руб., своего издѣлія свитка 5—6 р., парочка, т. е. кофта и юбка $2^1/_2$—3 руб. Хорошіе сапоги отъ $2^1/_2$ до 4 руб., у дѣвушки шолковый платокъ рубля 3 и „подшáликъ" $1^1/_2$ руб.; остальной костюмъ домашняго приготовленія,—слѣдовательно, стоимость одежды женщины средняго достатка около 50 руб. или немного меньше. Столько же стоитъ и приданное, такъ какъ невѣстѣ, кромѣ перечисленнаго, прибавляютъ еще 2—3 парочки по 3 р. и сундукъ руб. 4, остальное тоже. Одежда богатаго нѣсколько дороже, такъ какъ онъ покупаетъ шерстяныя иногда и шолковыя ткани для парочекъ и сукно для халата дороже, но реэстръ костюмовъ не измѣняется. Стоимость мужского костюма приблизительно: полушубокъ 15 руб., подёвка суконная—13 р., копотъ бумажный—4 р., сапоги—5 р.; остальныя части костюма своего приготовленія; слѣдовательно, стоимость около 50 руб.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ преимущественно изъ хлѣба и овощей. Богатый печетъ хлѣбъ изъ муки, которая приготовляется изъ чистой пшеницы, иногда съ слабою примѣсью ячменя или ржи; къ празднику у богатаго размалывается пшеница 1-го сорта, и мука, полученная изъ такой пшеницы, превосходитъ достоинствомъ крупчатку, по бѣлизнѣ же равняется 3-му сорту послѣдней; изъ овощей потребляютъ картофель, капусту, огурцы, арбузы и другія; у богатаго всего этого достаточный запасъ на зиму. Всё перечисленное съ постнымъ масломъ со-

ставляетъ для крестьянина постный столъ съ прибавкою пшенной каши; кромѣ того борщъ, каша, густая капуста съ примѣсью пшена, вареная картофель и похлебка; у многихъ имѣется въ запасѣ сушеный тёрнъ и яблоки для взвара, вечеромъ варятъ галушки-рванцы; это меню для бѣднаго и богатаго. Понятно, у бѣдныхъ въ запасѣ не все имѣется, а потому онъ большею частію налегаетъ на хлѣбъ и, если есть картофель и пшено, то это уже хорошо, и семья такого крестьянина не голодаетъ; но бѣда, если и этого нѣтъ, тогда каждый день—сухой черный хлѣбъ, испеченный изъ ячменной муки съ кострикою. Въ скоромный день ѣдятъ то же, что и въ постные дни, съ тою разницею, что прибавляется либо кусокъ свинины, если есть, или курица, большею частію свиное сало. Крестьяне очень рѣдко употребляютъ мясо и считаютъ, что, если есть сало, то они живутъ хорошо; ѣдятъ съ саломъ борщъ. Мясною пищею особенно отличаются дни праздника Рождества Хр.; къ этому празднику почти каждый крестьянинъ приготовитъ либо свинины и колбасъ, либо гусей, а также свѣжее сало; впрочемъ, обильная пища бываетъ осенью, когда у любого хозяина есть нѣсколько штукъ баранчиковъ и цыплятъ, тогда у нихъ роскошь; но крестьяне употребляютъ мясо въ вареннномъ видѣ и почти никогда не жарятъ, только и жаркого—что колбасы на Рождество, есть поросенокъ. Улучшается ли пища крестьянъ, этого сказать нельзя, такъ какъ это находится въ тѣсной связи съ уражаемъ; 50 лѣтъ назадъ у нихъ не было картофеля, который заводили по приказанію окружнаго начальства, и даже получали премію — награду, кто соберетъ картофеля болѣе 5 четвертей (дѣло № 38-й 1846 года). Навѣрно, и другіе овощи разводились въ меньшемъ количествѣ. Понятно, что, если у крестьянина есть корова, то она даетъ ему скоромную пищу: варятъ вареники съ сыромъ, ѣдятъ молоко, масло и сметану. Всякій крестьянинъ разводитъ овецъ, куръ, гусей, но самъ мало потребляетъ ихъ, больше старается продать: продаетъ онъ и баранчиковъ, и гусей, и куръ, и даже яица, и лишь 10-я доля попадаетъ ему въ пищу. Зарѣжетъ иногда баранчика, иногда цыпленка, но это бываетъ рѣдко. Только тогда, когда выкормитъ свинью, то не

продаетъ ее, а обрѣзавъ на ней сало, складываетъ его въ кадушечку и солитъ, мясомъ же набиваетъ колбасы, до которыхъ онъ большой охотникъ, остальное варитъ; сало же оставляетъ на лѣто, и когда убираетъ сѣно или хлѣбъ, тогда сваритъ кашу съ саломъ. Вообще крестьянинъ любитъ сытно поѣсть, но не прихотливъ, а поэтому и не поддается городскому вліянію, и пищу свою приготовляетъ такъ же, какъ готовили его дѣды, и тѣ же самыя кушанья. Въ лавочкахъ крестьяне покупаютъ только одну рыбу: селедки, тарань, а также керосинъ; ничего же другого съѣстного не покупаютъ; изъ мелочей—нитки, заполочь, иголки и проч., всё это они могутъ купить и на базарѣ, который бываетъ въ воскресенье и праздничные дни. Освѣщеніе исключительно керосиновое.

Болѣзни. Изъ болѣзней распространены дифтеритъ, оспа, скарлотина, встрѣчается и сифилисъ, хотя онъ и не сильно распространенъ. Народное лѣченіе сводится къ употребленію простыхъ средствъ и изрѣдка къ заговариванію; заговариваютъ „быйиху", „перело́ги", зубную боль и другія болѣзни. Мѣстныхъ знахарей нѣтъ, но народъ вѣритъ имъ и охотно обращается къ нимъ за помощію; напр., въ слободѣ Кризской есть ворожка—цыганка, которая пользуетъ и отъ болѣзней, и отъ всякихъ невзгодъ. Идутъ къ ней брошеные мужья и жены, оставленныя мужьями, и всякіе больные люди. Мнѣ лично пришлось быть у этой цыганки проѣздомъ. Тамъ я засталъ молодого солдата, который обращался къ ней за содѣйствіемъ возвратить ему убѣжавшую отъ него жену. Онъ нѣсколько разъ бывалъ у нея, каждый разъ въ назначенное время и съ заранѣе опредѣленнымъ приношеніемъ—деньгами, мукою и проч., но всетаки жены своей не воротилъ. Тамъ же и въ тоже время были люди изъ Воронежской губ., верстъ за 100, которые привезли больного сына. Знахарка даетъ корешокъ, наговариваетъ воду. Въ нашей слободѣ есть заговаривающіе зубы и другія болѣзни. При лѣченіи „огника" берутъ 3×9=27 лучинъ, зажигаютъ ихъ, а черезъ ихъ огонь брызгаютъ изо рта водою на больныя мѣста, и очень часто огникъ проходитъ; его же лѣчатъ въ кузницѣ: въ теплой водѣ намачиваютъ тряпку и, вымазавъ ее въ сажу возлѣ горна и подогрѣвъ на горнѣ, мажутъ

ею больныя мѣста. Отъ испуга поютъ водою съ 9 горящихъ лучинъ съ угольками и выливаютъ „переполохъ“, т. е. расплавляютъ воскъ и выливаютъ его въ холодную воду; изъ него быстро застываютъ фигурки; если выйдетъ фигурка, похожая либо на человѣка, либо на какое животное, или на предметъ,— гробъ, пожаръ и проч., то этотъ предметъ и причинилъ больному испугъ и страданіе, отъ котораго лѣчатъ. Доктора и фельдшера особеннымъ довѣріемъ не пользуются, и крестьянинъ обращается къ нимъ только въ крайности, испробовавъ всѣ домашнія средства. Такъ, напр., когда появилась въ слободѣ холера, то первому больному докторъ или фельдшеръ предлагалъ лѣкарство, но онъ и родные его на отрѣзъ отказались принимать какія бы то ни было лѣкарства отъ доктора, почему больной, не получивъ никакой помощи, вскорѣ умеръ; заболѣлъ другой членъ семьи, который согласился, послѣ долгаго уговариванья, принять лѣкарство, и онъ выздоровѣлъ; тогда и всѣ остальные больные стали принимать лѣкарство. Такое недовѣріе распространилось въ народѣ отъ рабочихъ, пришедшихъ съ Дона, которые разсказывали, будто въ Астрахани доктора больныхъ холерою отравляютъ вредными лѣкарствами, чтобы они скорѣе умирали, или даже хоронятъ живыми. Скотъ лѣчатъ тоже просто: колику лѣчатъ разсоломъ, дегтемъ, тащатъ за хвостъ больную скотину, при головныхъ воспаленіяхъ отрѣзываютъ уши или обливаютъ водою; употребляются и заговоры, но рѣже, чѣмъ для людей. Вотъ одинъ заговоръ, чтобы остановить текущую кровь: „На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ стоитъ конь каръ, а ты кровь не капь“. При этомъ слѣдуетъ 11 разъ сказать „аминь“ безъ отдыха. Это заговариванье употребляется при всякихъ случаяхъ кровотеченія, и заговаривающій кладетъ руку на мѣсто, откуда идетъ кровь. При повальныхъ болѣзняхъ народъ обыкновенно выдумываетъ какую нибудь легенду; напр., когда отъ голода развилась въ народѣ цынга, появилась легенда, будто изъ хутора Новоселовки выѣхала одна женщина въ Марковку съ 3 мѣшками пшеницы; продавъ пшеницу и возвращаясь обратно, она запоздала и дорогою нагнала человѣка, который просился, чтобы она подвезла его въ тотъ же хуторъ. Женщина согласи-

лась. Дорогою этотъ человѣкъ отобралъ у нея деньги и, сбросивъ ее, поѣхалъ прямо на хуторъ; лошадь привезла его прямо ко двору; домашніе вышли встрѣтить свою мать, но вмѣсто того увидѣли на своей лошади пріѣхавшаго незнакомаго человѣка, который просился ночевать, на что и получилъ согласіе. Впустивъ въ комнату, сыновья стали спрашивать его, гдѣ онъ дѣвалъ ихъ мать, но онъ отказывался, что совсѣмъ не знаетъ ихъ матери и что лошадь это его собственная. Видя, что онъ обманываетъ ихъ, сыновья стали не на шутку допрашивать его и хотѣли побить его, но въ это время онъ сталъ невидимъ. Черезъ нѣсколько времени пришла мать, но деньги пропали вмѣстѣ съ человѣкомъ. Появилась также легенда, будто пастухи пасли скотъ недалеко отъ слободы и нашли тамъ нору „ско́ту", лисью или другого звѣря. Передъ вечеромъ они увидѣли, что изъ этой норы вышелъ мальчикъ въ красной рубашкѣ и въ красной шапочкѣ, а на рукахъ вынесъ маленькую дѣвочку; проходили они возлѣ норы и, когда постухи стали приближаться къ нимъ, то скрылись опять въ нору. Къ чему относится эта легенда, пока не разберешь, народъ впослѣдствіи опредѣлитъ, либо къ урожаю, либо къ холерѣ, или къ чему другому. Если у кого падетъ скотина, то считаютъ, что Богъ наказалъ за то, что когда люди стояли въ заутренѣ, этотъ человѣкъ кормъ скотинѣ давалъ.

За́говоръ отъ лихорадки: „Бо́гъ напусти́лъ на Христо́вый міръ, щёбъ Бо́га не забува́лы, и вси его̀ прославля́лы! Забра́лася Ха́нька, трикме́та пога́нка, по сви́ту гуля́ты, людѐй навича́ты. Пови́й, ви́тре, изъ-пидъ со́нця, засы́пать пога́нци о́чи въ вико́нци, щёбъ людѐй не ба́чила, би́ле ти́ло не гниты́ла, голо́воньку не круты́ла; мину́ла па́льчики, не спизна́ла суста́вчики, щёбъ ала кровь не зосты́ла и раба̀ Бо́жого (имя) отпусты́ла. Янголе Бо́жий, зажены̀ пога́нку за че́ртову ба́лку, на мо́ре Окия́ну, на дно-Титья́ну! Де пты́ця не лита́е, звиръ не живѐ, ры́ба не гуля́е, га́да живѐ, нехай вона̀ его̀ и жре. Амѝнь.

Заговоръ отъ зубовъ: „Ми́сяце, Авра́ме, въ те́бе е три браты̀: видмѝдь у ли́си, ры́ба у мо́ри, червья́къ у ду́би; колы ци браты̀ соберу́цьця вми́сти гуля́ты, тодѝ и зу́бы бу́дуть опья́ть бо-

ли́ты, а тепѐръ воны́ не гуля́ють и червьякѝ у раба̀ Бо́жого (имя) изъ зубѝвъ хай повыпада́ють".

При лѣченіи скота посредствомъ за́говоровъ употребляются тѣ же за́говоры, что и для людей, только измѣняется названіе болѣзни, при этомъ непремѣнно воображаютъ болѣзнь въ видѣ женщины, которую и гонятъ въ „окия́ну мо́ре"; употребляютъ нѣкоторые пріемы, напр., перекидываютъ мѣшокъ или шапку крестообразно черезъ животное или вокругъ посыпаютъ солью.

Главное **занятіе** крестьянъ—земледѣліе второстепенное—разведеніе луку по мѣстному названію „цибу́ли"; ею засаживаютъ домовитые крестьяне большую часть огорода. Собранный лукъ поступаетъ въ продажу, а остальные огородные овощи разводятся для себя, и продается только излишекъ. Лукъ оченъ хорошо вознаграждаетъ трудъ крестьянина: при небольшомъ уходѣ и малой площади онъ даетъ возможность уплатить всѣ подати и оправдать другіе расходы. Плантація въ 200 квадр. саженъ можетъ при урожаѣ дать 100 руб. Лукъ разводятъ самый крупный, иногда бываютъ луковицы въ $^1/_2$ фунта вѣсу. Разводятъ лукъ самымъ раціональнымъ способомъ: удобряютъ землю, добываютъ отличныя сѣмена и изъ нихъ разводятъ его; въ первый годъ лукъ родится величиною въ орѣхъ, иногда достигаетъ величины небольшого куринаго яйца, смотря по обилію влаги; на слѣдующій годъ эти луковицы разрѣзываютъ на 3—4 части по числу ростковъ, которые она можетъ выгнать изъ земли; эти-то части и садятъ на грядахъ на глубинѣ 2-хъ вершковъ и заравниваютъ гряду; весною и лѣтомъ только и заботы за нимъ, что время отъ времени прополоть сорную траву, но поливки не дѣлаютъ. Если лукъ пускаетъ дудки, т. е. стволики для цвѣтенія, то ихъ срываютъ, иначе луковицы не будетъ: вся она перейдетъ въ дудку. Въ началѣ или половинѣ августа луковицы готовы, и ихъ выбираютъ изъ земли просто руками, такъ какъ всѣ луковицы къ этому времени окажутся наверху и легко отдѣляются отъ земли; собранныя луковицы заплетаютъ въ вѣнки-полоски и продаютъ отъ 5 до 10 коп. за вѣнокъ, смотря по качеству лука.—Пчеловодство и садоводство особеннымъ вниманіемъ не пользуются; хотя въ Марковкѣ

и много садовъ, но они содержатся первобытнымъ способомъ, сильно заростаютъ и представляютъ непроходимый кустарникъ, а потому и мало даютъ или совсѣмъ не даютъ плодовъ.—Кустарные промыслы развиты очень слабо; это объясняется тѣмъ, что въ прежнее время крестьяне принадлежали государственному коннозаводству и должны были отбывать повинности натурою и трудомъ: съ каждой ревизской души полагалось давать сѣна по 24 пуда, соломы 6 пуд., сѣно должны были косить на своей землѣ, солому доставляли съ своего хлѣба, но зато никакихъ подушныхъ денежныхъ взносовъ, кромѣ содержанія общественныхъ учрежденій, напр., волости, школы и пр., не было. Приволья было много, поэтому имъ жилось хорошо; они ничѣмъ другимъ не занимались кромѣ хлѣбопашества и разведенія рогатаго скота, объ улучшеніи породы котораго правительство заботилось: присылало породистыхъ бугаевъ и строго наблюдало за содержаніемъ и убылью ихъ (отчетъ о бугаяхъ въ архивѣ 1846 г., дѣло № 148-й). Въ настоящее время скотъ такъ измельчалъ, что за рѣдкость увидѣть въ стадѣ хорошую корову; этому причиною плохіе бугаи и недостаточность пастбища и корма; при покупкѣ бугая избранные довѣренные общества стараются какъ можно больше оставить на могарычъ изъ опредѣленной на это суммы.

Религіозное настроеніе крестьянъ достаточно ясно выражается любовію къ храму и его нуждамъ; напр., въ 1885 году крестьяне рѣшили перестроить церковь, которая оказалась тѣсною и ветхою. Капитала у нихъ было только 1 тысяча руб., тѣмъ не менѣе они договорили подрядчика на перестройку за 9 тысячъ, и имѣвшуюся тысячу отдали въ задатокъ, но не послали по сбору для постройки, какъ это дѣлаютъ въ другихъ селеніяхъ, а стали изобрѣтать доходныя статьи. На первый разъ взяли подрядъ сѣнокоса въ конскомъ заводѣ 1000 десят. и цѣлымъ обществомъ убрали его въ полмѣсяца и заработали $2^1/_2$ тысячи за исключеніемъ всѣхъ расходовъ; въ то же время посѣяли около 150 десятинъ пшеницы и къ осени выручили отъ этого около 2-хъ тысячъ; обезпечивъ себя болѣе, чѣмъ на годъ, они и въ слѣдующіе года продолжали поступать такъ же, и съ тѣхъ поръ прошло 7 лѣтъ. Въ эти года они

сдѣлали новую колокольню, которая не входила въ прежній подрядъ, и отдали за нее 10 тысячъ, построили новый иконостасъ за 10 тысячъ и многія другія подѣлки, такъ что затратили около 40 тысячъ, но на церковь не просили, да еще думаютъ построить и новую ограду, школу и караулку. Изъ сказаннаго ясно, какъ крестьяне относятся къ нуждамъ церкви и какъ охотно жертвуютъ капиталомъ и своимъ трудомъ. Сектантовъ въ мѣстности и близко около Марковки нѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была найдена икона Козельщанской Божіей Матери на полѣ въ криницѣ и принесена въ церковь; народъ, принявъ ее за явленную, сталъ служить ей молебны, и слухъ быстро распространился о ней на далекое пространство вокругъ; стали являться поклонники, чаявшіе исцѣленія, но мѣстный благочинный и другое начальство приказали убрать эту икону, и теперь она находится въ алтарѣ.

Общественной благотворительности нѣтъ, но въ прежнее время она была. Во времена коннозаводскаго окружнаго правленія было издано повелѣніе открыть богадѣльни при каждой волости человѣкъ на 15, больныхъ стариковъ, сиротъ и безродныхъ (дѣло № 69, 1846 года), а также и школу, которая содержала бѣдныхъ учениковъ на общественномъ иждивеніи—отпускала имъ одежду, обувь и кормила ихъ (дѣло о призрѣніи бѣдныхъ учениковъ и ихъ содержаніи № 22, 1846 г.). Хотя все это дѣлалось по приказанію начальства, но всетаки дѣлалось; теперь же этого нѣтъ. Существуетъ благотворительность частная, т. е. каждый хозяинъ помогаетъ неимущему, чѣмъ только можетъ, и такими приношеніями въ настоящее время содержится одинъ параличный старикъ, который около ½ года лежитъ въ отведенной ему пустой хатѣ. За нимъ присматриваетъ одна женщина. Полезнѣе было бы взять его на общественное попеченіе, тогда онъ былъ бы обезпеченъ на каждый день.

Развитіе. Опредѣлить умственный уровень народа, подвести его подъ какую либо мѣрку не возможно, хотя можно сказать, что общій умственный уровень ни чѣмъ не отличается отъ уровня

рабочаго люда всякой мѣстности. Бываютъ единичные случаи, когда крестьянинъ собственнымъ умомъ додумывается до какого нибудь не новаго, а только не имѣющагося по близости, мастерства. Такъ, одинъ крестьянинъ собственнымъ умомъ дошелъ и устроилъ токарню для желѣзныхъ вещей, т. е. станокъ, на которомъ вытачиваетъ желѣзные валики и другія незатѣйливыя вещи, которыхъ кузницы не могутъ устроить, такъ же отливаетъ изъ цинка втулки и другіе предметы для молотилокъ и вѣялокъ. Существуютъ и другіе механики-самоучки по части деревянныхъ вещей и проч. Образованіе распространяется посредствомъ школъ, которыхъ въ Марковкѣ 5; двѣ изъ нихъ земскія, а 3 церковно-приходскія. Какъ тѣ, такъ и другія переполнены учениками, и при поступленіи учениковъ ежегодно чувствуется недостатокъ мѣстъ. Если бы открыть еще 1—2 школы, то и тогда хватило бы учениковъ. Жаль только, что ученикамъ нечего читать по окончаніи курса. Этотъ фактъ достаточно обрисовываетъ отношеніе крестьянъ къ школѣ; отношеніе же къ учителю выражается въ томъ, что бывшіе ученики всегда обращаются къ учителю съ просьбою дать что нибудь почитать. Впрочемъ, обращаются за совѣтомъ къ учителю и родители учениковъ и даже прочіе крестьяне. Когда школа была коннозаводскою, то доброе отношеніе крестьянъ къ школѣ поддерживало начальство, заставляя общество содержать бѣдныхъ учениковъ на полномъ общественномъ содержаніи въ пищѣ, одеждѣ, обуви и другихъ необходимыхъ предметовъ; на такомъ иждивеніи школы было до 10 человѣкъ, а нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся успѣшностію въ изученіи грамоты, были посылаемы начальствомъ въ С.-Петербургъ для изученія сельскаго хозяйства въ петербургскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ; обыкновенно выбирались и посылались ежегодно 2 ученика (архивное дѣло № 64, 1846 года).

Въ семьѣ или обществѣ, исключая свадьбъ, крестьянинъ не позволитъ себѣ никакихъ дурныхъ поступковъ; но, какъ только подгулялъ или попалъ на свадьбу, то тутъ позволяетъ себѣ многія недозволительныя вещи; у молодежи на вечерницахъ кто лучше выдумаетъ или кто красивѣе скажетъ какую либо нецензурную шутку или прибаутку, тому и чести болѣе.

Нужно замѣтить, что дѣвушки крестьянки не слишкомъ застѣнчивы и, хотя сами не выдумываютъ, но охотно слушаютъ подобныя остроты. Положеніе женщины таково: мужъ—старшій въ семьѣ и заправляетъ, распоряжается всею семьею, не исключая и жены; женщина въ семьѣ нужна болѣе какъ работница и хозяйка, подъ присмотромъ которой и ея руками совершаются всѣ работы. Лѣтомъ она вяжетъ снопы, гребетъ сѣно, обрабатываетъ и пропалываетъ огородъ; осенью она готовитъ для пряденья ленъ и коноплю, а зимою прядетъ и печетъ; она всегда въ работѣ. Особенной приниженности предъ мужемъ не терпитъ; понятно, что, если мужъ пьяница, то женѣ приходится переносить отъ него побои и всякія непріятныя сцены. Въ 1846 году за истязаніе свекромъ невѣстки виновный былъ опредѣленіемъ земскаго суда наказанъ 70 ударами плетей и ссылкою въ арестантскія роты на 4 года (дѣло № 52), а въ 1864 году по обвиненію за дурное поведеніе, за сожительство съ чужою женою и воровство виновнаго наказали 20 ударами и безъ зачета отдали въ рекруты (дѣло № 38). Въ настоящее время проституція хотя и встрѣчается, но совершается тайно, и на такихъ женщинъ смотрятъ съ презрѣніемъ; нѣкоторыя занимаются этою профессіею для добыванія средствъ къ жизни, нѣкоторыя же просто изъ распущенности. Впрочемъ, могу прибавить, что всѣ таковыя женщины не чисто крестьянки, а болѣе подходятъ къ мѣщанамъ или подгороднимъ, коренныя же крестьянки хотя и грѣшатъ, но ведутъ свои дѣла въ строгой тайнѣ.

Вообще дѣти почитаютъ отца, но бываютъ и исключенія; напримѣръ въ 1890 году въ волостномъ судѣ разбиралось дѣло о раздѣлѣ отца съ сыномъ, и судъ сдался на мнѣніе отца, который за непослушаніе своего сына приказалъ наказать его 25 ударами розогъ, что и было исполнено, и тѣмъ заставилъ сына примириться съ своею судьбою, и сынъ остался жить при отцѣ. Пьянство отчасти уменьшилось съ открытіемъ винныхъ лавокъ вмѣсто кабаковъ, хотя и теперь въ праздничные дни цѣлыя сборища около винныхъ лавочекъ, а всетаки сравнительно съ прежнимъ (лѣтъ 8 назадъ) пьянство уменьшилось; можетъ быть, причиною тому скудные года. Прежде за обык-

новеніе было пропить общественный лугъ, общественную солому, излишнюю землю и т. под. По исчисленію, въ 1886 году крестьяне пропили около 2 тысячъ руб. общественныхъ денегъ, не считая такихъ доходныхъ статей, какъ при постановленіи приговора на пріемъ или увольненіе изъ общества, когда тоже пьютъ могарычъ.

Свадьба. При рожденіи и крещеніи ребенка никакихъ пѣсенъ не поютъ, и эти важныя событія проходятъ безъ угощенія и гульбы; самое большое, если дадутъ закусить что нибудь куму съ кумою и выпьютъ бутылку водки или вина.

Вечерницы устраиваются только во время свадьбы. Невѣста еще съ утра идетъ собирать своихъ подругъ, и дѣлается это особенно торжественно: она наряжается въ самую лучшую яркую одежду, голову убираетъ цвѣтами и лентами и въ этомъ нарядѣ идетъ къ своей лучшей подругѣ или родственницѣ, которая, нарядившись въ лучшую одежду и ленты, сопровождаетъ невѣсту, и онѣ обѣ идутъ за третьей подругой, потомъ за 4—5 и т. д.; переходы изъ одного дома въ другой сопровождаются пѣніемъ присвоенныхъ этому событію пѣсенъ. Самая же процессія и кругъ подругъ называется „водыть дружокъ“ и продолжается цѣлый день. Особенно замѣтны эти дружки осенью, когда болѣе всего гуляютъ свадьбы. Тогда только и видишь, что проходятъ съ пѣніемъ дружки, наряженныя въ ярко-красныя одежды, въ красныхъ сапогахъ и съ цѣлымъ пучкомъ развѣвающихся по вѣтру разноцвѣтныхъ лентъ въ косахъ; не успѣетъ пройти одна толпа, какъ идетъ другая, а тамъ ещё и ещё. Въ это же время и точно такія же партіи собираетъ и женихъ изъ своихъ товарищей; эти партіи называются боярами. При встрѣчѣ съ какимъ нибудь пожилымъ человѣкомъ дружки и бояре проходятъ, а невѣста или женихъ останавливаются и кланяются въ поясъ встрѣчному. Затѣмъ снаряжаютъ поѣздъ брать невѣсту. Это дѣлается дня черезъ три или черезъ недѣлю въ ближайшее воскресенье. Тогда бояре ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ, а поѣздъ, убранный цвѣтными бумажными полосками, а иногда шпалерами, кумачемъ и лентами, со звонками подкатываетъ къ воротамъ невѣсты, усаживаетъ и торжественно везетъ ее въ домъ же-

ниха; женихъ же и бояре на лошадяхъ верхомъ сопровождаютъ невѣсту. Собравъ всѣхъ подругъ, невѣста ведетъ ихъ въ заранѣе приготовленную хату, туда же къ вечеру приходятъ бояре съ женихомъ, и здѣсь устраиваются вечерницы. Бояре приносятъ каждый что нибудь: курицу, утку или кусокъ баранины, подруги невѣсты дѣлаютъ складчину на муку, сыръ, масло и проч., вышивка отъ жениха, и здѣсь готовятъ „вечерю“: варятъ вареники, галушки, жарятъ птицу и яичницу и вмѣстѣ съ боярами поѣдаютъ все это; потомъ танцуютъ, поютъ или потѣшаются какимъ нибудь паробкомъ—чудакомъ, наряженнымъ въ женское платье или въ кожухъ на выворотъ, или просто слушаютъ сказки, иногда остроты бойкихъ паробковъ. Дѣвки иногда идутъ ночевать съ избранными паробками; это въ укоръ имъ не ставится, и почти всѣ такъ поступаютъ. Въ день вѣнчанья, собранныя дружки садятся за столъ съ невѣстою и поютъ подходящія къ этому событію пѣсни, пока не пріѣдетъ женихъ. Большею частію женихъ съ боярами приходятъ пѣшкомъ, берутъ невѣсту и, сопровождаемые тѣми же дружками и поручителями, идутъ въ церковь вѣнчаться. Послѣ вѣнчанья молодой съ боярами идетъ въ гости къ старшему боярину, а молодая къ старшей дружкѣ, гдѣ для нихъ готовится обѣдъ. Пообѣдавъ, новобрачные расходятся по домамъ и живутъ такъ до перваго воскресенья, когда уже играютъ свадьбу. Въ это воскресенье молодой снаряжаетъ цѣлый поѣздъ. Молодая сидитъ у себя за столомъ съ дружками, и дожидается этого поѣзда. Пріѣхавшіе войдутъ, а дружки выходятъ изъ-за стола и уступаютъ мѣсто гостямъ, которые во главѣ съ молодымъ и молодою садятся за столъ. Вскорѣ всѣ подымаются, берутъ молодую и увозятъ её домой. Съ этого времени начинается свадьба: родные невѣсты гуляютъ у отца невѣсты, а жениховы—у жениха.

На другой день торжественно поднимаютъ молодыхъ и, смотря по достоинству невѣсты, устраиваютъ гулянье. При благопріятныхъ условіяхъ каравай, ложки, рюмки убираютъ красными лентами, а надъ хатою выкидываютъ красный флагъ на длинномъ шестѣ, который потомъ носятъ за собою всюду куда ни направляется свадьба; свадьба же отъ жениха вся

направляется съ флагомъ и молодыми къ отцу невѣсты, и здѣсь для нихъ готовятъ угощеніе. Шествіе къ отцу невѣсты сопровождается иногда самыми комическими сценами: запрягаютъ 2 или 3 пары воловъ цугомъ, съ погонычами, становятъ рядомъ двое или трое саней, а иногда телѣгъ, кладутъ доски, и сюда садится вся свадьба съ флагомъ; эта процессія медленно движется по улицамъ, время отъ времени выпивая по рюмкѣ, играютъ и поютъ пѣсни или пляшутъ подъ музыку. Въ домѣ невѣсты свадьбу—„бесѣду" сажаютъ починно за столы, и невѣста съ женихомъ угощаютъ сидящихъ: сначала подносятъ отцу и матери жениха; при этомъ кланяются имъ до земли, лежа до тѣхъ поръ, пока угощаемые не выпьютъ; потомъ подносятъ ближайшимъ родственникамъ, уже съ поясным поклономъ. Часто свадебные расходы на водку и съѣстное составляютъ около 100 р. у богатыхъ, а у бѣдныхъ руб. 40—50. Разница между свадьбою богатою и бѣдною въ томъ, что богатый покупаетъ 20—30 ведеръ водки, а бѣдный отъ 2 до 3 ведеръ, рѣжутъ 2—3 барановъ или гусей, иногда телку. Впрочемъ, съѣстное на свадьбѣ не составляетъ необходимаго, иногда довольствуются только хлѣбомъ и огурцами или капустою; мясо большею частію подается вареным; галушки, холодецъ и каша—это обѣдъ. Въ остальные дни никакихъ обѣдовъ не готовятъ, только угощаютъ водкою при скудной закускѣ, и наконецъ отказываются угощать и водкою, такъ какъ гости „ни поры, ни чуру" не знаютъ и пьютъ отъ зари—до зари. Танцы устраиваютъ иногда подъ музыку, если же нѣтъ ея, то кто нибудь выбиваетъ въ худое ведро или заслонку дробь, а остальные танцуютъ,—или подъ тактъ пѣсни. Когда у хозяина не станетъ водки, то берутъ его, кладутъ на рядно и тащатъ въ кабакъ пропивать; тамъ онъ покупаетъ четверть, самъ же старается уйти, послѣ чего гости пьютъ въ складчину и расходятся. Гулянье иногда продолжается цѣлую недѣлю. Молодыхъ при дѣлежкѣ каравая дарятъ, кто баранчикомъ, кто мѣшкомъ пшеницы, а кто полотенцемъ; это дѣлается на другой день послѣ свадьбы.

Поютъ слѣдующія пѣсни:

1) На проводы невѣсты: „Ой, спасыби тоби, мий батенько,

за твоѐ коха́нья, якъ я у те́бе жила̀—коха́лася: важко́го ди́ла не зна́ла, гру́бного сло́ва не чу́ла, а тепѐръ пиду̀—поска́чу, ва̀жкѐ ди́ло поба́чу, гру́бне сло́во почу́ю".

2) „Ой, до́ненько моя, иды̀, не бары́ся, швиде́нько йшла, повне́нько бра́ла, а вече́реньки не заста́ла: ти́лько ступы́ла половѝну двора̀, бря́знулы ло́жечки у стола̀; ти́лько ступи́ла на присѝночки, бря́знулы тари́лочки, на пори́гъ ста́ла ступа́ты, ста́лы столы̀ стыра́ты. Не погни́вайся, чужѐ дытя̀, шо забу́лы оста́виты вече́рять. Я въ дру́ге пийшла̀, до ба́тенька зайшла̀, тай си́ла вече́рять, чи тожъ вечеря́ты, чи то̀жъ погляда́ты, чи не йду̀ть загоня́ты; покоты́лыся сли́зочки по би́лому лы̀чку, тай и впа́лы дри́бни сли́зочки та Марье́чки въ ло́жечку. Якъ ба́тенько гля́не, се́рденько вья́не: чего̀ жъ моѐ мы́ле дитя̀ пла́че, чи би́та, чи ла́яна, чи йи́сты не да́вано. Минѝ жъ не би́то, ла́яно, ти́лько йи́сты не да́вано".

3) „Отсу̀нь, Ма́рьечко, тай вико́нечко, подывѝсь на я́сне со́нычко, чи вы́соко со́нычко на не́би, чи хоро́ший Пе́тречко (женихъ) на конѝ. Ой, вы́соко, ма́тенька, со́нычко на не́би, ой, хоро́ший Пе́тречко на конѝ,—хоро́ший, ма́тенько, тай кра́ще всихъ, изня̀въ ша́почку швы́дче всихъ, поклоны́вся поны́ще всихъ".

4) „Бате́нько пе́редъ столо̀мъ часту́е, до́лею дару́е; отгада̀й, до́ненько, чия̀ до́ля лу́чча, чи Бо́жая, чи ба́тенькова. Бо́жая до́ля лу́чча; ба́тенькова до́ля до ча́тня, Бо́жая до́ля до ви́чня".

5) Сыро́цька пи́сня: „Я ходы́ла по горо́ду, тай гоны́ла си́ры утя́та; пливѝ, пливѝ си́ре утя̀, тай по водѝ, прыбу́дь, прыбу́дь, моя̀ ма́тенько (или ба́тенько) тепѐръ до ме́ни. Ой, ра́да бы я, ды́тя моѐ, при́бу́ты до те́бе: уста̀ моѝ склепи́лыся, ру́ченьки моѝ зложи́лыся, я не мо́жу вста́ты".

6) На сватаньи: „Йихалы боя́ры рядо́чкомъ, тай по-пѝдъ вышне́вымъ садо́чкомъ; зломы́лы кви́тоньку зелене́ньку, клы́калы Ма́рьечку молоде́ньку: ты йды, Ма́рьечко, зъ на́ми, дамо̀ тобѝ кви́тоньку съ пера́ми, ще й съ золоты́ми краями. Я жъ ти́й кви́тоньки не зна́ю, полюбы́ла Пе́тренька, якъ свою̀ ду́шу".

7) „Въ чи́стомъ по́ли крины́ченька, чиста̀ вода̀ льльѐцьця, а тамо Ма́рьечка во́ду бра́ла, коро́мысло гне́цьця. Ой, гны́ся,

гны́ся, хочь и уломы́ся, чимъ ты, молоды̀й Пе́тренько, давно̀ не жены́вся".

8) „Якъ бы я зна́ла свою̀ до́лю, не пишла̀ бы за́мижъ молодо́ю тай не пишла̀ бы за́мижъ за салда̀та; салда̀тъ до́ма не ночу́е, а я всю ни́ченьку просуму́ю".

Когда идутъ по улицѣ дружки̇̀, то поютъ:

9) „Ой, у по́ли конопе́лечка стоя́ла, волоко́нечко ма́яла, не далы̀ ий бу́йны ви́тры стоя́ты, волоко́нечко ма́яты (съ припѣвомъ гу!). Ой, гуля́ла ди́вко Ма́рьечка у ба́тенько, не далы̀ ий до́бри лю́ды гуля́ты, ки́ску ма́яты,—гу!"

При входѣ во дворъ дружки̇̀ поютъ:

10) „Застыла́йте столы̀, вымита́йте дворы̀, сполня́йте клубо́чки, ось йдуть паня́нки, дружечки̇̀; клубо́чки повне́ньки, дружечки̇̀ мале́ньки. Обриза̀й, ма́тенько, кита́йки, застыла̀й столы̀ и вси ла́вки, ось иду̀ть дружечки̇̀ паня́нки".

Невѣста въ послѣдній день дома поетъ:

11) „Уста̀нь, уста̀нь, мий ба́тенько, го́ди тоби̇̀ спа́ты, а вже жъ мени̇̀ тай у те́бе не викъ викува́ты, одну̀ ни́чку суббо́тоньку переночува́ты, оды̀нъ дынѐкъ неди́ленькy".

12) Свадебная пѣсня: „Дружко̀ карава̀й кра́е, се́меро дитѐй ма́е, та вси съ костыля́ми, ввесь карава̀й забра́лы, та въ михи̇̀ поховалы, въ михъ, та въ хало́шу, ба́тькови на сторо́шу, въ михъ, та въ рукавы́ци, дивча́тамъ на вечерны́ци".

Диво́цька пи́сьня:

13) „Леты̀ть орелъ по-на̀дъ мо́ремъ, не дай, мо́ре, пы́ты; велы́кая Марки́вочка, та ни́кого любы́ты: булы̀, булы̀ хлопья́точка, въ салда́ты забра́лы, оста́лыся волопа́сы, ти волы̀ погна́лы.

14) „Въ огоро́ди любы́сточекъ, схилы́вся лысто́чекъ, не ба́чила миле́нького, болы̀ть живото́чекъ. Въ огоро́ди крены̀ченька, чи́ста вода̀ льѐцьця, якъ поба́чу миле́нького, ажъ серде́нько бьѐцьця. На я́блоньки горлы̀ночка суммуе-воркуе, якъ поба́чу миле́нького, щи́ро поцилу́ю".

15) „Надъ на́шими ворота́ми че́рна хма́ра ста́ла, а на ту́ю дивчи́ноньку поговòръ, та сла́ва; була̀, була̀ сла́ва, ста́лы поговòры, тай на ту́ю дивчи́ноньку, шо чо́рнии бро́вы".

16) „Ой, ко́ло млы́на калы́на, не калы́на—сосна̀, сама̀ соби̇̀ диву́юся, для ко́го я взросла; чи для те́бе, калама́рю, кра́момъ

торгуваты, чи для тебе, скурвый сыну, волївъ погоняты; тай погоняла сиры волы рябыи коровы, попалыла биле лычко, ще й чорнии бровы".

Народный календарь основанъ на примѣтахъ; примѣчаютъ большею частію по какому либо животному или птицѣ, иногда по облакамъ, солнцу, лунѣ и пр.; напр., если воробьи летаютъ большими кучами и громко чирикаютъ, то будетъ дождь, не сегодня, такъ завтра; если купаются въ пыли, или водѣ, тоже будетъ дождь. Если гуси обираются, т. е. носомъ копаются въ перьяхъ, тоже къ дождю, а если зимою купаются, то будетъ оттепель. Если паукъ сидитъ на срединѣ своей паутины, то будетъ ведро, если прячется въ уголокъ, то будетъ дождь; если тарантулъ убирается изъ своей норы, иногда съ дѣтьми, то будетъ сильный дождь, и много воды. Если зимою собака катается по снѣгу, то будетъ мятель; если свинья несетъ солому для логова, то будетъ мятель и холодно. Послѣ слишкомъ большого мороза ожидай оттепели. По небу вечеромъ облачка въ видѣ змѣекъ вьются или похожія на колечко овечьей шерсти и по небу растягиваются, то на слѣдующій день цѣлый день будетъ дождь или вообще продолжительный и будетъ пасмурно. Слишкомъ ярко восходитъ солнце—къ дождю, заходитъ въ тучку—къ дождю; если при заходѣ окрашиваетъ облака розовымъ или краснымъ цвѣтомъ, то будетъ вѣтеръ. Много звѣздъ на небѣ предвѣщаютъ хорошую погоду, мало, когда мелкихъ не видно,—къ дождю. Если къ Свѣтлому празднику куры много несутъ яицъ, то это къ неурожаю, что и оправдалось въ 1891 году: яицъ къ празднику было изобильно, а хлѣба очень мало. Всѣхъ примѣтъ не исчислишь, такъ какъ почти каждая семья примѣчаетъ по своему.

Праздниковые обряды. На Рождественскихъ святкахъ принято посѣщать своихъ родственниковъ. Еще подъ Рождество на сочельникъ, или „багатый святъ—вечеръ", готовятъ въ каждомъ домѣ „кутью", „узваръ" и пекутъ пироги; вечеромъ чинно садятся за столъ, на который накладаютъ столько хлѣба и пироговъ, что семейство не можетъ поѣсть всего; это дѣлается за нѣсколько времени до ужина, и старшій въ семьѣ, отецъ или дидъ, садятся за столъ, сыновей въ это время зовутъ вечерять;

они, войдя въ комнату, становятся у порога, а отецъ изъ-за стола спрашиваетъ: „а шо, сыны, ба́чите вы сво́го ба́тька“?— „Ни, не ба́чимъ“, отвѣчаютъ они. „Бода̀й бы вы его̀ и ли́томъ не поба́чилы изъ-за̀ хли́ба“.—„Дай Богъ, та́ту“. Послѣ этого садятся „вече́рять“. Вечеромъ на Рождество молодыя дѣвушки ходятъ щедровать подъ окнами и поютъ: „ще́дрикъ ве́дрикъ, дай варе́нykъ, гру́дочку ка́шки, килцѐ ковба́ски“, или: „Ще́дрый ве́черъ, до́брый ве́черъ, до́брымъ лю́дямъ на здоро́вье“. Послѣ утрени на Рождество мальчики ходятъ по хатамъ и славятъ Христа. Подъ Крещеніе, въ „голодный святъ вечеръ“, ѣдятъ только кутью и узваръ, приговаривая: „иды̀, куття̀, изъ по́кутя, а узва̀ръ на база̀ръ“. Нужно сказать, что кутья и узваръ, наваренные на сочельникъ, стоятъ въ переднемъ углу на сѣнѣ, а подъ Крещеніе доѣдаются. На Крещеніе вечеромъ дѣвушки ходятъ подъ окнами и „миланкуютъ“, т. е. поютъ: „Мила̀нко ходы̀ла, Васы̀лька просы̀ла, Васы̀лько, мий ба́тько, пусты̀ менѐ въ ха́тку, я жи́та не жа́ла, честны̀й хрестъ держа̀ла, ра́дуйтеся лю́ды, до васъ Христо̀съ бу́де, Бо́гу сви́чку ста́вьте, намъ пирѝгъ дава́йте, не дастѐ пирога̀, во́зьмемъ вола̀ за рога̀, а кобы̀лу за чупры̀ну, поведѐмъ на моги́лу, изъ моги́лы та въ каба̀къ, пропьѐмъ за пьята́къ“. Во всѣ большіе праздники мужъ съ женою непремѣнно идутъ къ тещѣ, и она угощаетъ ихъ, смотря по времени, на Рождество „пря̀женымъ“ саломъ, гуся̀тиною, а въ особенности „ковбасо́ю“, а на Маслянной вареникамъ съ сыромъ и сметаною. На Маслянной недѣлѣ молодежь собирается на улицу, устраиваетъ катанье съ горъ или просто „по́взается“ по льду; вечеромъ собираются въ хороводы: берутся въ растяжку рука-за-руку и съ пѣснею идутъ или бѣгутъ по улицѣ. Этотъ хороводъ называется „воды̀ть козла́“, при этомъ поютъ пѣсню, какъ видно, сохранившуюся отъ временъ языческихъ: „Какъ вскочи́въ козѐлъ въ огоро̀дъ, въ огоро̀дъ, Ди́ду—Ла́ду, въ огоро̀дъ, въ огоро̀дъ; та пойи́въ козѐлъ лукъ—чесно̀къ, лукъ—чесно̀къ, Ди́ду—Ла́ду, лукъ—чесно̀къ (2 раза). А мы просо си́ялы, си́ялы, Ди́ду—Ла́ду и пр. и того̀ козла̀ пойма́лы, пойма́лы, Ди́ду—Ла́ду и пр. Та впойма́лы козла̀ за рога̀, за рога̀, Диду и пр. Та потяглы̀ козла̀ до торга̀, до торга̀, Ди́ду и пр. И продалы̀ козла̀ за три рубля̀, за три рубля̀, Ди́ду—

„Ладу“ и пр. Остальные праздники проходятъ безъ всякихъ обрядностей и пѣсенъ, только на Ивана Купала дѣвушки плетутъ вѣнки изъ цвѣтовъ, надѣваютъ на голову и въ вѣнкахъ идутъ въ лѣсъ; тамъ гуляютъ, поютъ пѣсни, но спеціальныхъ пѣсенъ на этотъ случай не сохранилось, а поютъ, какія прійдется. Потомъ, возвратясь домой, вѣшаютъ вѣнокъ на шестъ или кладутъ на сарай, засушиваютъ его, и при болѣзняхъ пьютъ настой изъ этой травы; такъ же поютъ настойкою съ той травы, которую берутъ на Троицу послѣ вечерни, т. е. моленія о Свят. Духѣ, съ того столика, передъ которомъ читалъ священникъ молитву съ колѣноприклоненіемъ.

Игры. Зимою мальчики играютъ въ „свинку“—шаръ; подѣлившись на 2 партіи, становятся рядомъ парами, другъ къ другу лицами. Одинъ мальчикъ, отступя отъ прочихъ на 10 шаговъ, начинаетъ, т. е. бьетъ шаръ палкою по направленію къ разставленнымъ парамъ; когда шаръ долетитъ до какой нибудь пары, то мальчики стараются бить шаръ, одинъ по прежнему направленію, а другой назадъ, и стараются отбивать шаръ другъ у друга, пока наконецъ одной партіи не удастся догнать шаръ до опредѣленной черты,—тогда партія считается выигранною, и начинаютъ другую. Игра въ „гилки“ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣлаютъ обрубокъ изъ палочки, длиною въ четверть, выкапываютъ маленькую ямочку, обводятъ чертою—„городкомъ“. Одинъ изъ играющихъ становится въ городокъ, подбрасываетъ одною рукою обрубокъ и тою же рукою палочкою бьетъ его; остальные стоятъ въ „полѣ“ и стараются задержать его своими палками или вѣтками. Кто остановилъ обрубокъ, беретъ его и бросаетъ въ городокъ, а стоящій въ городкѣ отбиваетъ его палкою отъ городка и, если удастся попасть и отбить, то это разстояніе измѣряется тою же палкою, которою билъ, и сколько разъ уляжется палка, столько считается „гилъ“ на противникѣ; если же не удалось отбить и обрубокъ не попалъ въ городокъ, то играющій бьетъ обрубокъ по одному концу на землѣ, отчего онъ подскакиваетъ кверху, а въ это время мальчикъ старается ударить его, какъ мячъ, и опять по—прежнему измѣряютъ разстояніе; если же обрубокъ попалъ въ городокъ, и разстояніе между городкомъ и обрубкомъ

менѣе палочки-мѣрки, то это считается проигрышемъ, и играющій идетъ въ поле, а выигравшій начинаетъ. Другія дѣтскія игры болѣе распространенныя: мячъ, „кре́мушки“, „жму́рки“ и пр. Игры взрослыхъ: тотъ же мячъ, „дли́нныя ло́зы“. Игра эта употребляется, когда идутъ куда нибудь: одинъ становится согнувшись, другой перепрыгиваетъ черезъ него и, отбѣжавъ немного, становится въ такую же позу; третій бѣжитъ и перепрыгиваетъ черезъ обоихъ и тоже становится, наконецъ четвертый, пятый и всѣ, сколько ихъ есть; потомъ первый подымается и перепрыгиваетъ черезъ всѣхъ, за нимъ другой, третій и т. д.; игра безконечная. Любимая и доступная музыка „гармо́ника“, изрѣдка „балала́йка“ въ 4 струны; послѣдняя исчезаетъ и теперь очень рѣдко можно встрѣтить балалаечника. Подъ эту-то музыку молодежь устраиваетъ пляску „трепака̀“ Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ народъ за неимѣніемъ музыки, устраиваетъ ее упрощеннымъ способомъ. Вообще только богатые крестьяне нанимаютъ музыку, бѣдные же обходятся безъ нея; но чтобы не плясать безъ музыки, два или три человѣка берутъ что нибудь—разбитое ведро, чугунъ или колокольчикъ и выбиваютъ въ эти предметы палочками дробь, а подгулявшія женщины танцуютъ, да съ какимъ еще задоромъ и азартомъ—лучше, чѣмъ подъ музыку.

Демонологія. Существуетъ повѣрье, если пожаръ произошелъ отъ молніи, то его не слѣдуетъ заливать, или, если и заливать, то не водою, а молокомъ, такъ какъ въ томъ, во что былъ ударъ, находился злой духъ, котораго Господь поразилъ молніею. Иногда вокругъ горящаго мѣста обносятъ икону „Неопали́мую Купину̀“. Если на пожарѣ сгоритъ человѣкъ, то замѣчаютъ, что огонь и дымъ надъ этимъ мѣстомъ будетъ высоко возноситься къ небу, а вмѣстѣ съ огнемъ и дымомъ возносится и душа человѣка.

Мѣстная демонологія богата своимъ разнообразіемъ. По мѣстному понятію, домовой имѣется во всякомъ домѣ на потолкѣ, у бѣднаго онъ совершенно голый, а у богатаго въ шерсти. Домовой наблюдаетъ за домашнею скотиною и любимой скотинѣ, лошади или коровѣ, хотя не всякой изъ любимыхъ, онъ даетъ кормъ и всячески холетъ её, даже отни-

мая пищу отъ другихъ; поэтому, если лошадь у хозяина захудала, то говорятъ, что домовой не взлюбилъ ея, надо шерсть перемѣнить, т. е. купить другой масти. Иногда домовой производитъ на потолкѣ шумъ или гремитъ, передвигая какіе нибудь предметы; въ этомъ случаѣ говорятъ, что домовой выживаетъ кого нибудь. Домового можно видѣть; для этого, прійдя со Страстей съ горящею свѣчею, слѣдуетъ полѣзть на чердакъ, обойти 3 раза вокругъ трубы и тогда можно увидѣть домового гдѣ нибудь въ уголкѣ. Одна женщина задумала увидѣть домового и полѣзла со свѣчей на чердакъ, да когда обходила кругомъ трубы, то, навѣрно, боялась, а потому и не разсчитала, гдѣ находится ляда и упала съ чердака, да и теперь горбата, домового же не видѣла. Люди говорятъ, что домовой сбросилъ её; онъ не любитъ, когда смотрятъ на него.

По народному повѣрью, вѣдьма родится съ хвостомъ и занимается собираніемъ молока и масла; для чего, распустивъ косы, въ одной сорочкѣ идетъ во дворъ того, у кого хорошо доится корова, и доитъ ее, отчего корова теряетъ молоко. Вѣдьма можетъ оборачиваться въ свинью и собаку, въ клубокъ и т. д. и нападаетъ на проходящихъ, иногда кусаетъ, или просто пугаетъ и случается на столько перепугаетъ, что человѣкъ долго болѣетъ. Чтобы отбиться отъ вѣдьмы, слѣдуетъ ночью имѣть палку изъ осики или клена, и когда вѣдьма нападетъ, то ударить ее „на—отмашь“; если удастся попасть въ неё, то она вдругъ превращается въ человѣка, а тогда уже легко справиться съ нею. Вотъ разсказъ о приключеніи съ однимъ крестьяниномъ. „Шли мы съ кумомъ шевцомъ изъ кабака и уже было поздно; какъ разъ на мостку попалась намъ бѣленькая собачка, да и ну лаять на насъ, а у Шматка была осиновая палка, онъ ударилъ её этой палкою, да только не на отмашь, а просто, такъ что она упала съ моста и пропала. На утро приходятъ къ одной женщинѣ Бѣличкѣ, а она лежитъ на печи, и все ея лицо побито и въ крови, а подъ глазомъ синякъ; тогда-то и догадались, кто была бѣлая собака: баба Бѣличка“. Другой случай: идетъ человѣкъ со свадьбы ночью и поетъ пѣсню, какъ вотъ передъ нимъ что-то прокатилось; онъ думалъ, что это ему такъ показалось; но вотъ опять,—да прямо

ему подъ ноги, такъ что онъ упалъ и тогда разглядѣлъ, что это катается клубокъ. Да только онъ поднимется и начнетъ идти, какъ клубокъ опять подъ ноги, да такъ провожалъ его почти до двора, такъ что этотъ человѣкъ долго болѣлъ послѣ того и съ трудомъ выздоровѣлъ. У одного купца вѣдьма подоила корову, и молоко пропало; когда пошли доить, то надоили немного молока съ кровью. Кто-то посовѣтовалъ имъ, чтобы они поджарили это молоко на сковородкѣ и вылили его на воротахъ; вѣдьма прійдетъ и будетъ просить чего нибудь. Дѣйствительно, когда вылили молоко, то вскорѣ пришла женщина, сосѣдка и тутъ-то её и напали и, какъ хотѣли, такъ и выговорили ей, такъ что она заплакала. Въ другое время, когда вылили молоко на воротахъ, то прибѣжали три поросенка во дворъ; оказалось, что они-то и сосали корову, и слѣдовательно были вѣдьмы.

Лѣтъ 25 назадъ передъ храмовымъ праздникомъ Преображенія благочинный послалъ псаломщика и своего разсыльнаго на Меженскій хуторъ поймать карасей въ пруду. Пріѣхавъ на хуторъ, они обратились къ Меженскому отъ имени благочиннаго съ просьбою дозволить имъ наловить рыбы, на что и получили согласіе. Взявъ тутъ же висѣвшій волокъ, они въ лунную ночь начали ловить и въ 3 захода поймали столько карасей, что для благочиннаго было достаточно, и рѣшили зайти еще разъ на свою долю; дойдя до средины, они почувствовали большую тяжесть въ волокѣ и едва подвигались впередъ, наконецъ, съ большимъ трудомъ добрались до берега и, когда стали вытаскивать волокъ, то въ немъ рыбы почти не было, а что-то въ „гузырѣ“ чернѣло и шевелилось, а потомъ полѣзло изъ гузыря. Вылѣзъ большой черный котъ, который усѣлся тутъ же и сталъ злобно мяукать, сверкая глазами; уловившихъ отъ страха и волосы поднялися дыбомъ, но котъ, не давъ имъ опомниться, быстро вскочилъ, защелкалъ въ ладоши, какъ человѣкъ, и захохоталъ, а потомъ нырнулъ въ прудъ. Послѣ этого они поскорѣе убрали волокъ и поѣхали домой. До слободы было 5 верстъ; но вотъ ѣдутъ часъ—два, а слободы все нѣтъ; наконецъ стало свѣтать, и они увидѣли человѣка на ночевкѣ и спросили его—куда эта дорога? Онъ

сказалъ, что дорога на такую-то слободу, а Марковка верстъ 20 назади. Ночевали они здѣсь, а утромъ поѣхали и пріѣхали часовъ въ 9 утра. Потомъ они спрашивали Меженскаго, что это за котъ? Тотъ отвѣтилъ, что это у нихъ случается: „бува".

Юридическіе обычаи. Чисто народныхъ обычаевъ относительно сватовства, развода и раздѣла имуществъ не существуетъ, такъ какъ мѣстные крестьяне коннозаводскіе и управленіе у нихъ было не общественное, а либо по закону, либо по усмотрѣнію начальства. Относительно раздѣла имуществъ было издано узаконеніе еще въ 1823 году, по которому, если въ семьѣ 3 работника, то допускается раздѣлъ, если же меньше, то строго воспрещается, и коннозаводское начальство, т. е. окружное, строго придерживалось этого правила и подвергало виновныхъ наказанію; за одно возмущеніе въ семьѣ, побуждающее къ дѣлежу, виновныхъ штрафовали отъ 1-го руб., нѣкоторыхъ даже посылали на общественныя работы (архивъ 1845 года, дѣло № 59). Со временемъ это положеніе измѣнилось, и уже въ 1856 году допускался раздѣлъ и между 2-мя братьями, если у нихъ имѣются сыновья хотя бы и не взрослые. Въ настоящее же время допускается раздѣлъ по усмотрѣнію, но при этомъ, если раздѣлъ происходитъ при отцѣ, то старое мѣсто, т. е. отцовское, достается меньшему сыну, а остальные отходятъ и при томъ въ этомъ случаѣ обращаются къ мѣстнымъ властямъ за совѣтомъ. Если происходитъ разногласіе, которому не помогутъ и сосѣди, то рѣдко дѣлежъ проходитъ безъ драки, но и не всегда попадаетъ на волостной судъ; иногда спорное дѣло улаживаетъ одинъ какой либо человѣкъ —батюшка, дьяконъ или просто почетный человѣкъ. Относительно женской чести издавна существовали строгія правила, и виновныхъ подвергали общественнымъ судомъ строгому наказанію; такъ въ 1856 году крестьянина Шурубу за изнасилованіе своей невѣстки наказали 70 ударами плетей и безъ очереди сдали въ экстренный наборъ въ томъ же году въ ратники ополченія. Теперь нравы измѣнились. Всякую ночь, въ особенности подъ праздники, принято у молодежи ходить на улицу. Здѣсь происходитъ шумъ-гамъ до полночи и позднѣе, иногда и крупныя драки. Послѣ полуночи дѣвки и паробки расходят-

ся ночевать попарно куда нибудь въ клуню или другое укромное мѣсто. Изрѣдка за безпорядокъ, шумъ или драку урядникъ или старшина прикажетъ забрать виновныхъ въ холодную, и затѣмъ посылаетъ ихъ на общественныя работы; наприм., былъ случай, что арестованные за уличные безпорядки и за пьянство копали погребъ въ школѣ.

Пѣсни. Народная поэзія ведется изъ древности, и нѣкоторыя изъ пѣсенъ относятся къ тому времени, когда этотъ вольный край былъ отданъ въ коннозаводское управленіе, напримѣръ, пѣсня: „Деркуль, Деркуль, Деркулечку, славный городочку. Тодй тобй лыхо буде, якъ роззійдуцьця люды. Сидыть вже, вже слюцыръ на могили, винъ дума гадае; ой, винъ дума и гадае, конюшни ядная, горы размиряе. Перву конюшню на кобылы, щёбъ не було безъ панщины ны дня ни годыны".

Приведемъ еще одну старинную пѣсню: „Ой, не сизый орелъ, не ластивка надъ водою бьецьця, а то човинъ съ козаченькомъ по ричци несецьця. По риченьки Деркулочку до Динця та къ Дону, плыве козакъ, качаючись, шукаты роздолу. До билой горы, до креныченьки приплывъ козакъ въ човни; ой, приплывъ винъ, не самъ приплывъ и не своей волей, мижъ двухъ будкйвъ качаючись, и безъ домовины, приплывъ козакъ по риченьки шукаты могылы. Ой, тикайте, хлопьятонька, тикайте до-Дону, тамъ бильши насъ, бильши воли и бильши раздолу".

М. Негробовъ.

37.—Сл. Ново-Бѣленькая.

Жилище.—Одежда.—Пища.—Занятіе.—Игры и обряды.

Сл. Ново-Бѣленькая расположена большею частію на низменномъ мѣстѣ; находится въ 60 верстахъ отъ г. Старобѣльска и въ 20 верстахъ отъ торговой слободы Ровенокъ Воронежской губ., Богучарскаго уѣзда. Въ 7 верстахъ отъ описываемаго села на сѣверъ начинается Воронежская губ., такимъ образомъ она лежитъ какъ разъ на границѣ Харьковской губерніи и Воронежской. Жителей считается до 7000 чело-

вѣкъ обоего пола. Малороссъ занимаетъ большой плецъ, или мѣсто съ постройками, гдѣ находится домъ и дворовыя постройки: загорода для скота, сарай для храненія повозокъ и всей упряжи, конюшня и хлѣвы для гулеваго скота и птицъ, амбары для хлѣба. Въ домѣ богатаго малоросса есть двѣ комнаты, изъ нихъ одна называется горныця, куда входятъ въ большіе праздники, а въ другой живутъ всегда; у бѣднаго одна комната. Но какъ бѣдный, такъ и богатый украшаетъ одинаково свои комнаты: въ переднемъ углу можно встрѣтить много иконъ, увѣшанныхъ вышитыми рушниками. За иконами помѣщаютъ много сухихъ васильковъ, гвоздики, любистку, самодѣльныхъ цвѣтовъ, косыци (перья селезня).

Мужчины и женщины Старобѣльскаго уѣзда сравнительно съ народомъ прочихъ уѣздовъ губерніи одѣваются очень красиво и нарядно. Лѣтомъ мужчины одѣваются въ „чинарки"—видъ кафтана, шаровары шерстяные; женщины носятъ кофточки, юбки, платки и корсеты, т. е. безрукавки яркихъ цвѣтовъ. Дѣвки на шеѣ носятъ цвѣтное монисто, а въ косу вплетаютъ разноцвѣтныя ленты или „кисныки". Отличительная черта женщинъ Старобѣльскаго уѣзда та, что онѣ носятъ въ праздники красные или желтые сапоги. Зимою мужчины и женщины одѣваются въ свиты (преимущественно бѣлой шерсти) и полушубки. Пища малоросса не особонно разнообразная. У богатаго ѣдятъ въ скоромный день: борщъ съ мясомъ, молоко, а въ постные: борщъ съ масломъ, кашу, горохъ, фасоль, пироги, рыбу, а у бѣднаго—борщъ безъ масла, огурцы, лукъ, квасъ и капусту. Дома свои крестьяне освѣщаютъ керосиномъ. Изъ болѣзней распространены дифтеритъ или обкладка, сибирка, свинка, корь, водянка, и чахотка. Обращаются къ докторамъ, а то и къ знахаркамъ.

Занятіе малоросса: земледѣліе, пчеловодство и садоводство. Въ годы урожайные крестьяне получали прежде большую прибыль, но теперь, благодаря плохимъ урожаямъ нѣсколькихъ лѣтъ, многіе изъ богатыхъ стали бѣдными; не смотря, однако, на это, люди не унываютъ и съ большимъ стараніемъ работаютъ. Среди трудовъ народъ устраиваетъ для себя и забавы: большею частью молодые люди (паробки и дѣвки) собираются въ какой либо

домъ, куда приносятъ: хлѣбъ, сало, муку, деньги; пекутъ коржи, орѣшки, пьютъ водку, вино и проводятъ время до самаго утра въ пѣсняхъ и играхъ. Не только игры, забавы сопровождаются пѣснями, но и болѣе важныя событія, напримѣръ, свадьба и похороны. Ничего не можетъ быть трогательнѣе слышать при похоронахъ, какъ женщины плачутъ, приговаривая: „Моя ненько ридненько“ или „моя сестрычько, зузулечко“ и т. д.

Къ большимъ годовымъ праздникамъ пріурочиваютъ нѣкоторыя примѣты, повѣрья и обряды, наприм.: подъ Новый Годъ на муч. Меланьи народъ примѣчаетъ, если будетъ идти мятель, то весь годъ будетъ урожай на садовые плоды, а если не будетъ мятели, то наоборотъ. Подъ Ивана Купала дѣвки идутъ въ церковь съ вѣнками на головѣ, а днемъ тоже съ вѣнками къ рѣкѣ и гадаютъ тамъ. Бросаютъ вѣнокъ въ воду, приговаривая: „Плыви вѣнокъ и съ нимъ моё счастье“. Если вѣнокъ поплыветъ скоро и далеко,—это предвѣщаетъ скорое замужество, а если будетъ кружиться на одномъ мѣстѣ, или утонетъ, то предвѣщаетъ гадающему скорую смерть. Въ день Троицы украшаютъ дома свои зеленью, а на Симона Зилота старые люди въ лѣсу собираютъ лѣкарственныя травы. Главные изъ мѣстныхъ танцевъ: метелица и казачокъ, которые сопровождаются подъ звуки балалайки и гармоніи. Въ умственномъ отношеніи народъ значительно подвинулся и въ вѣдьмъ, колдуновъ никто уже почти не вѣритъ.

С. В. Богатырева.

38.—Сл. Бѣловодскъ.

Поселеніе и населеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Занятіе, религіозное настроеніе, школа, нравственное состояніе.—Свадьба.—Примѣты, праздничные обычаи.—Демонологія.—Лѣкарственныя травы.—Юридическіе обычаи.

Сл. Бѣловодскъ находится въ 50 верстахъ отъ Старобѣльска. Граница Донской области отстоитъ въ 35 верстахъ отъ Бѣловодска; граница Воронежской губ. около 70 верстъ, а граница Екатеринославской губ. за 70 верстъ. Бѣловодскъ рас-

положенъ по обѣ стороны мелководной рѣчки Деркула. Народъ объясняетъ названіе слободы такъ: изъ бѣлой горы текутъ источники и отъ бѣлизны мѣла вода кажется бѣлой,— изъ соединенія этихъ двухъ словъ и составилось названіе: Бѣло-водскъ. Названіе дано первымъ поселившимся крестьяниномъ, который поселился вблизи бѣлой мѣловой горы, гдѣ вытекаютъ источники, на поворотѣ рѣчки Деркула. Улица эта носитъ названіе „Старосилье"; жители Бѣловодска начали поселяться на теперешнемъ Старо-сельѣ. Въ настоящее время Староселье кажется, въ сравненіи съ центральною мѣстностью Бѣловодска, хуторомъ. Съ теченіемъ времени жители Бѣловодска начали селиться южнѣе и сѣвернѣе Староселья. Жителей въ Бѣловодскѣ считается болѣе 11,000 обоего пола Они средняго роста, волосы у нихъ по большей части темнорусые, весьма рѣдко встрѣчаются между ними брюнеты, а также и настоящіе блондины. Языкъ малорусскій. Здѣсь много неграмотныхъ; грамотные крестьяне любятъ читать книги изъ священнаго писанія, какъ-то: псалтирь, евангеліе и житія святыхъ, а всѣ остальныя книги они называютъ или „плетеньками" или „брехеньками". Книги пріобрѣтаются на базарѣ у книгопродавцевъ, которые появляются часто въ особенности въ зимнее и осеннее время. Передъ праздникомъ Рождества Христова бываетъ два базара: въ послѣднее воскресенье предъ праздникомъ и предпослѣднее воскресенье. Базары эти подобны ярмаркамъ, они называются „красными". Кромѣ того, въ Бѣловодскѣ бываетъ четыре ярмарки: въ первыхъ числахъ сентября, на второй день св. Пасхи, предъ Вознесеніемъ за три дня и на Масляной. Базары въ лѣтнее время начинаются съ разсвѣтомъ и оканчиваются весьма рано.

Жилище. Прежде крестьяне не строили себѣ домовъ, а довольствовались небольшими хатами; хаты у нихъ были на улицу въ два окна, окна отодвигались, а не растворялись, ставни бывали рѣдко. Въ холодное время вмѣсто ставней окно снаружи закрывали матками, сдѣланными изъ соломы или окуги: солома связывалась на подобіе соломенной сторы, только гораздо толще, для защиты отъ снѣга. Внутри черезъ сѣни находятся двѣ комнаты. Въ сѣняхъ устраивалась холодная комна-

та, называемая хижкой и чуланомъ, и замѣняла собою кладовую; въ сѣняхъ также устраивались мѣловыя печныя трубы, колонально отъ земли, выходившія сверху крыши хаты; трубы эти не имѣли оборотовъ для выхода дыма. Изъ сѣней въ трубѣ дѣлалось отверстіе въ видѣ двери, а изъ печи два небольшихъ отверстія для выхода дыма, которыя закладывались тряпьемъ для удержанія теплоты, вмѣсто теперешнихъ вьюшекъ. Въ печахъ не было ни плитокъ, ни дверокъ, ни вьюшекъ. Въ большой модѣ были глиняные кафли, изъ которыхъ дѣлали печки. Одна изъ комнатъ была парадная, въ другой въ зимнее время помѣщалась не только семья, но телята и ягнята. Если старики были въ живыхъ, то они занимали лучшую парадную комнату. Въ хатахъ и у богатыхъ крестьянъ полы были земляные, а стѣны, если изъ толстыхъ пластинъ, то въ срединѣ не бѣлились и не штукатурились; онѣ мылись, получалась: „мыта хата". Эта самая лучшая хата. Кто побѣднѣе, тотъ строилъ хату изъ дешеваго матеріала,— изъ тонкаго дерева, изъ мѣлу и хворосту. Въ серединѣ такую хату бѣлили бѣлой глиной и мѣломъ. Мебель состояла изъ двухъ лавокъ. Лавка это доска, положенная на двухъ ножкахъ; иногда вмѣсто деревянныхъ ножекъ дѣлались мѣловые столбики, на которые клали доски. Гдѣ лавки сходились въ углу, тотъ уголъ назывался покутемъ. Въ верху въ этомъ углу стояли иконы, предъ иконами лампады, которыя зажигались въ праздничные дни. Каждый старался уставить какъ можно большій рядъ иконъ. Въ этомъ углу стоялъ столъ передъ лавками. Въ другомъ углу „полъ", замѣняющій собою кровать; съ пола ходъ на печь, гдѣ въ зимнее время помѣщались дѣти и разный домашній скарбъ; надъ порогомъ вверху полка: на деревянныхъ колышкахъ положена доска,—это мисникъ, куда ставилась посуда, а иногда въ углу у порога двѣ полочки въ рядъ задрапированы какой нибудь матеріей,—это тоже мисникъ.

Теперь рѣдко встрѣтишь такую хату и обстановку. Въ настоящее время хаты строятъ не въ два окна на улицу, а въ три и 5 оконъ со ставнями крашенными, растворчатыми, и не въ двѣ комнаты, а въ четыре или пять, на полахъ. Мебель другая: диваны,

стулья, столы—угольники и ломберные; шкафъ для чайной посуды, который находится въ парадной комнатѣ. Всѣ безъ исключенія и самые бѣдные пьютъ чай. Стѣны и потолки бѣлятъ мѣломъ, а у нѣкоторыхъ мажутъ желтымъ крономъ; сволочки красятъ красной и зеленой краской. Внизу иконъ наклеиваютъ обои самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ. Печки также раскрашиваютъ яркими цвѣтами. Дворъ устраиваютъ позади дома, обносятъ плетнемъ или мѣловой стѣнкой, амбары строятъ иногда вмѣстѣ съ домомъ, по другую сторону дома, а иногда во дворѣ, по большей части изъ тонкаго вербоваго дерева, потому что въ нашей мѣстности лѣсовъ мало, а верба имѣется у каждаго домовладѣльца, если его дворъ примыкаетъ къ рѣчкѣ. Въ каждомъ дворѣ есть загороды съ навѣсомъ, съ повитками, какъ ихъ называютъ здѣсь, для загона скота, а для овецъ и свиней есть хлѣвы; всѣ эти постройки крыты соломой.

Одежда. Лѣтняя одежда мужская: подёвка, праздничная суконная въ 12 руб., а будничная черкесиновая въ 4 руб. Нѣкоторые носятъ пиджаки. Дома лѣтомъ ходятъ въ однѣхъ рубахахъ и жилетахъ. Рубахи носятъ ситцевыя, сапоги на высокихъ каблукахъ, картузы суконные. Весенняя и осенняя одежда: длинное драповое или бобриковое пальто. Зимой барашковый тулупъ съ большимъ отложнымъ воротникомъ и полушубокъ дубленный, черная барашковая шапка, а молодые парубки носятъ теплые картузы. Старинная одежда мужчинъ состояла изъ бѣлой суконной свитки,—сукно домашняго приготовленія изъ овечьей шерсти, такъ какъ овецъ держали всѣ крестьяне безъ исключенія,—бѣлаго овчиннаго тулупа и шапки съ ушами, капелюхи, а лѣтомъ носили шляпы высокія—брили. Рубахи приготовлялись изъ своего холста, который ткался въ длинные зимніе вечера. Теперь одежда старинная встрѣчается очень рѣдко, а брили совсѣмъ не увидишь. Одежда женщинъ лѣтняя праздничная: сарафаны и кофты не въ талію, а свободно, а также фартуки (запонки), праздничные—кашемировые и люстриновые, а будничные—ситцевые; отдѣланы, отступя отъ низу на четверть аршина, полоской другой матеріи. На головѣ носятъ платки шелковые и шерстяные не

большіе лѣтомъ, осенью и весною шерстяные большіе съ цвѣтами. Зимой платки и сарафаны—теплые, сарафаны фланелевые и бумазеевые. Теплыя кофточки нанбуковыя, шерстяныя, а будничныя—черкесиновыя; какъ первыя, такъ и вторыя отдѣлываются плисомъ, полоской въ вершокъ ширины, а по обѣ стороны плиса аграмантомъ, который сами искусно выдѣлываютъ изъ матеріи. Въ край кофты пришиваютъ мелкіе зубчики и разными узорами строчатъ края кофты. Кофты эти носятъ въ холодно-осеннее, весеннее и зимнее время. Зимой еще носятъ тулупы, крытые сукномъ; шьютъ ихъ халатами. Старинные рѣдко встрѣчаются—бѣлые тулупы и свитки. Сарафаны шьютъ изъ синей нанки или дешеваго ситцу съ оборками внизу въ четверть аршина ширины, оборки съ красными кантами; плисовыя кофточки безъ рукавовъ, тоже съ красными кантами, называемые кирсетами. Холщевая рубашка бываетъ съ вышитыми полными рукавами, своей работы. Вмѣсто сарафана носили прежде запаски толстаго сукна. Старинные костюмы приготовлялись по большей части изъ домашнихъ матеріаловъ. Прежде замужнія женщины носили очипки парчевые, необходимое головное украшеніе, а теперь накрываютъ головы платками и дома, и въ народныхъ собраніяхъ. Крестьянки всегда вѣнчались такъ: завязывали головы платками шелковыми или шерстяными большими, съ правой стороны повязки, похожей на турецкую чалму, прикалывали 2 вѣночка, сдѣланныхъ изъ розовой узкой ленты, на подобіе букета разцвѣтшей георгины. Теперь вѣнчаются крестьянки въ бѣлыхъ восковыхъ цвѣтахъ, въ шерстяныхъ платьяхъ, въ шубахъ вмѣсто тулуповъ, которые непремѣнно во время вѣнчанья подвязывали вышитыми рушныкамы, полотенцами. Только крестьянки себя и выдаютъ тѣмъ, что не соображаютъ подъ вѣнецъ снимать свои завѣтныя украшенія: „намисто“ съ монетами (кораллы). Здѣсь кораллы въ большой модѣ. У каждой крестьянки безъ исключенія есть „добре намысто, та ще съ гришмы“.

Пища. У богатыхъ въ праздничные скоромные дни бываютъ пироги съ сыромъ (съ творогомъ), съ печенкой, съ кортофелемъ; съ яйцами и рисомъ, борщъ съ бараниной, свининой, или птичьимъ мясомъ,—говядины крестьяне не любятъ. Студень съ

говяжьихъ ногъ ѣдятъ охотно, но свиной считается лучшимъ. Лапшу приготовляютъ съ мясомъ,—рѣжутся тонкіе, прѣсные коржики и бросаются въ горячую воду съ мясомъ; эти кушанья приправляются свиннымъ саломъ. Жареное мясо ѣдятъ съ картофелемъ, кашу пшенную съ молокомъ. Гречи у насъ не сѣютъ, потому и каши гречневой не ѣдятъ. Пища и у бѣдныхъ бываетъ такая же, а если мяса не случится, то приправляютъ саломъ, но въ праздники въ каждой хатѣ все это найдется. Въ постные дни: борщъ съ масломъ или мелкой рыбой,—лѣтомъ здѣсь привозится пропасть тарани,—каша, пироги съ капустой кислой, съ картофилемъ, съ урдой. Урда добывается изъ жмыховъ или макухъ сѣмяныхъ, вываривается и смѣшивается съ кашей. Горохъ, чичевица, фасоль служатъ для начинки пироговъ, а также для супа. Узваръ изъ яблокъ, вишенъ, грушъ и терну подается какъ пирожное. Лѣтомъ много арбузовъ, дынь, кукурузы или пшенички. Сельди, подъ названіемъ бишаки, считаются лучшей соленой закуской. Зимой же закуска не купленная: свиныя колбасы и сало, а также огурцы соленые и арбузы. Соленье къ жаркому не подается, да и жаркое бываетъ рѣдко. Еще ѣдятъ блины прѣсные со сметаной, вареники съ сыромъ, а постные съ капустой, галушки и кулешъ. Больше ничего не готовятъ. Освѣщеніе—керосиновое, а для отопленія употребляется навозъ, солома, полова, бурьянъ и антрацитъ.

Болѣзни наиболѣе губительныя: дифтеритъ у дѣтей, называемый здѣсь „довучкой", появляется каждый годъ. Во время холеры крестьяне, относясь недовѣрчиво къ врачамъ, тщательно скрывали случаи заболѣваній, и употребляли домашнія средства: нашатырь съ квасомъ, купоросное масло съ водой, а также припарки изъ золы. Бывали случаи, что въ моментъ заболѣванія принимали Баклановскую микстуру, а также водку съ солью для вызыванія испарины, и многіе выздоравливали. Въ Бѣловодскѣ умирали отъ холеры только крестьяне; хотя подвергались этой болѣзни и купцы, мѣщане и дворяне.—„Якъ-же до дохторивъ обращатьця,—говорили крестьяне,—воны залываютъ, травлять насъ; та ще кажуть: якъ хто захвора, заразъ въ яму крючкамы тягнуть; це, кажуть, було въ

Донскихъ мистахъ". Слухи эти сильно возмутили народъ, и когда начали строить усыпальницы, народъ вообразилъ, что это тѣ самыя ямы, куда крюками тянутъ больныхъ, разбросали начатыя усыпальницы, и за это, конечно, подверглись отвѣтственности. Насколько народъ буйный, настолько и трусливый: при допросѣ всѣ говорили ложно для защиты. Начало всякой болѣзни они приписываютъ „съ глазу", „це ёму зъ очей сталось". Бабы умываютъ съ глазъ; отъ „бышыхи" или рожи ворожки заговариваютъ. Прочитавъ нѣкоторыя молитвы, онѣ произносятъ: „лытила бышыха чырызъ лисъ, лиса ны йила; лытила бышыха чырызъ поле, травы ны йила; лытила бышыха чырызъ море, воды ны пыла; прылытила бышыха до рожденнои, молытвыннои, хрещеннои (имя): тутъ тоби ны стояты, косты твои ны ламаты, красной крови ны портыты, а лытиты тоби на болота". Молодежь не вѣритъ въ заговоры и съ полнымъ довѣріемъ относится къ мѣстнымъ врачамъ. Скотъ лѣчатъ своими средствами, не обращаясь къ ветеринарамъ. При заболѣваніи ногъ, мажутъ дегтемъ, керосиномъ, кровь открываютъ; рѣжутъ уши, бѣльма засыпаютъ солью, продѣваютъ красную шелковину въ ухо съ противоположной стороны.

Занятія. Прежде землѣдѣліе было главнымъ занятіемъ, а теперь стало второстепеннымъ, а главнымъ—торговля. Мало занимаются пчеловодствомъ и садоводствомъ. Здѣсь почва для садовъ неудобна, по большей части мѣловая. Жители Бѣловодска развозятъ товаръ по Донской области, Кавказу, Астраханской и Саратовской губ. Осенью въ холодное время пріѣзжаютъ домой, привозятъ съ Кавказа разные сушеные фрукты и другой товаръ и продаютъ дешевле противъ мѣстныхъ торговцевъ. Мелочной товаръ продаютъ женщины, мужчины-же торгуютъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, рыбой. Рыбу доставляютъ изъ Астрахани, лошадей изъ Саратовской губ., а изъ Воронежской губ. картофель, бураки, если на мѣстѣ бываетъ неурожай. Капусту отсюда отправляютъ вагонами; виноградъ получается изъ Донской области. Скотъ по большей части доставляютъ въ Москву и Петербургъ. Въ рабочее время, если сами не возвращаются, то высылаютъ для уборки деньги домашнимъ. Много также ремесленниковъ, которые хлѣбопашествомъ сов-

сѣмъ не занимаются. Здѣсь есть слесаря, кузнецы, сапожники, портные, плотники, печники, скорняки, кожевники, свѣчники и мыловары. Свѣчи выдѣлываются восковыя, мыло простое. Есть много лавокъ съ краснымъ, бакалейнымъ, мелочнымъ, чернымъ и желѣзнымъ товарами. Въ лавкахъ можно найти разные товары, какъ и въ губернскомъ городѣ, только въ меньшемъ количествѣ.

Религіозное настроеніе. Народъ нашъ любитъ посѣщать церковныя богослуженія и особенно съ удовольствіемъ слушаетъ, по окончаніи богослуженія, проповѣди, а также и собесѣдованія, которыя ведутся каждый воскресный день послѣ вечерни мѣстными священниками. Имѣется особенно чтимая Казанская Божія Матерь, которой читается каждую субботу передъ обѣдней акаѳистъ съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства. Въ началѣ болѣзни крестьяне стараются исполнить христіанскіе обряды: пріобщить, поисповѣдывать и пособоровать больного. Во время болѣзни съ вѣрою принимаютъ ладонъ, подаваемый во время херувимской пѣсни, васильки, которыми украшаютъ въ церкви крестъ въ опредѣленное для того время, артосъ, освященную просфору. Послѣ погребенія заказываютъ панихиды въ 3, 9, 20 и 40 дни, дѣлаютъ обѣды, подаютъ милостыню. Кромѣ того служатъ панихиды въ установленное время св. отцами, въ концѣ осенняго мясоѣда, въ концѣ Рождественскаго мясоѣда, на провода. Крестьяне служатъ молебны, хотя одинъ въ годъ, покупаютъ свѣчи, подаютъ грамотки на проскомидію и просфоры, которыя берутъ обратно для раздачи нищимъ или для семейства. Есть здѣсь, да пожалуй и повсемѣстно, черницы, къ которымъ крестьяне относятся съ большимъ уваженіемъ, нанимаютъ ихъ читать по умершимъ сорокъ дней послѣ смерти, такъ какъ сорокоустъ въ церкви не всякій имѣетъ средства служить.

Школа. Крестьяне охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, такъ что все мужское молодое поколѣніе грамотно; крестьянки рѣдко грамотны, хотя дѣвочекъ охотно учатъ грамотѣ и въ школѣ, и въ частныхъ домахъ у черницъ, которыя учатъ только читать, такъ какъ писать онѣ и сами не умѣютъ. Грамотность для торговли необходима, потому они и стали отдавать

дѣвочекъ въ школы. Здѣсь есть 2 школы церковно-приходскихъ, одно двухклассное министерское училище и одна земская женская школа, есть также частныя школы, въ которыхъ учатъ по своему соображенію и усмотрѣнію. Если учитель относится къ своему дѣлу съ любовью и оказываетъ дѣйствительно пользу обществу, то къ такому учителю общество относится съ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ, не только въ такомъ мѣстѣ, какъ Бѣловодскъ, но и въ болѣе глухихъ. Къ несчастью такихъ учителей немного. Въ Бѣловодскѣ нѣкто Любарскій былъ 12 лѣтъ учителемъ; и окончилъ свое существованіе на поприщѣ учительской дѣятельности. При жизни къ нему относились съ уваженіемъ и по смерти его часто вспоминаютъ добрымъ словомъ.

Нравственное состояніе. Крестьяне вообще флегматичны, ко всѣмъ невзгодамъ относятся равнодушно, довѣрчивы и въ трезвомъ видѣ миролюбивы, а въ пьяномъ задорны. Ихъ общественныя собранія нерѣдко оканчиваются ссорой и даже дракой. У нихъ ни какого торжества не можетъ быть безъ водки. Женщины у крестьянъ должны обязательно пріобрѣсти опытность въ торговлѣ мелочнымъ товаромъ, иначе всѣ ея достоинства не имѣютъ значенія. Во время сватовства крестьяне платятъ за невѣсту дороже, если она была въ разъѣздѣ съ мелочнымъ товаромъ: „за нэи треба дорогше, вона нытошныця". Если у жениха не чѣмъ платить за невѣсту, онъ и не женится; заработавъ денегъ или занявши ихъ, онъ обязанъ дать ихъ невѣстѣ на всѣ свадебные расходы, преимущественно на водку. Послѣ свадьбы бѣдныя нанимаются на торговлю въ разъѣздъ. Крестьянки нанимаются на лѣтніе, весенніе и осенніе мѣсяцы отъ 50 руб. и 200 руб. Зимою всѣ возвращаются домой. Торговля дурно вліяетъ на людей. Дѣти становятся самоуправными, отвыкаютъ отъ родной семьи, неохотно принимаются за домашнія работы, надѣясь съ открытіемъ весны пуститься на торговлю въ дальній путь. Прежде крестьяне жили осѣдло, занимались земледѣліемъ, а теперь преобразились въ какихъ-то кочевниковъ.

Свадьба. Молодежь знакомится другъ съ другомъ на вечерницахъ. Вечерницы состоятъ въ томъ, что собираются пар-

ни и дѣвки, рѣзвятся, поютъ пѣсни, хотя мало, ходятъ по улицамъ до поздняго вечера и расходятся. Не такъ бываетъ по глухимъ селамъ. Свадебные расходы, смотря по состоянію, начиная отъ ста рублей, доходятъ до 300 руб. Больше всего расходовъ идетъ на водку,—то и не свадьба, если гости не напьются до безумія и не перессорятся и подерутся. „Тамъ на сватьби, говорятъ, побылись добре, та воно—сватьба бизъ того и не бува". Какъ-бы хозяинъ не угощалъ, а непремѣнно все общество на второй день свадьбы отъ свата идетъ въ кабакъ съ музыкой, пѣніемъ и плясками по улицѣ. При сватовствѣ парень говоритъ дѣвкѣ: „эй, Марья, чи ты пидешъ за мене?" — „Такъ шо-жъ, отвѣчаетъ дѣвка, прысылай старостивъ". По просьбѣ жениха, два избранные старосты, въ сопровожденіи жениха, идутъ въ тотъ домъ, гдѣ дѣвка. Прійдя вечеромъ, непремѣнно подъ окномъ говорятъ: „добрый вечеръ!" на что получаютъ отвѣтъ и приглашеніе. Войдя въ хату, здороваются, кладутъ хлѣбъ и ставятъ водку на столъ. Пришедшихъ спрашиваютъ, по какой надобности они пришли, хотя хорошо знаютъ, за чѣмъ пришли; старосты отвѣчаютъ: „та у васъ йе дивка, а у насъ парубокъ".—„Та чый же парубокъ?" Говорятъ. „Такъ зовить-же ёго въ хату". Входитъ женихъ, здоровается и становится у порога. Его приглашаютъ: „проходь дали, та сидай, мы на тебэ подывимось". Потомъ входитъ дѣвка, также становится у порога. Старосты начинаютъ выпивать. Начинаютъ торговаться, говоря: „скилько вòзмыте за дивку?"— „Та треба бильше,—вона торговка". Торгуются, какъ за вещь. Когда дѣло состоится, то происходятъ „змовыны", а послѣ „сватанье". На сватанье пріѣзжаютъ къ невѣстѣ со стороны жениха много гостей, ихъ усаживаютъ за столъ, и женихъ съ невѣстой кланяются каждому изъ нихъ по три раза, а потомъ дарятъ всѣмъ гостямъ платки. Гости выпиваютъ по рюмкѣ водки и ѣдутъ на ужинъ къ жениху въ домъ. Къ нимъ присоединяются родные невѣсты. Парни и дѣвки собираются у невѣсты и варятъ вареники съ сыромъ. Кромѣ варениковъ, на ужинъ подаётся все, что есть. Вареники на свадьбѣ играютъ большую роль, безъ нихъ не можетъ быть и сватанья. Послѣ вѣнчанія празднуется свадьба, иногда въ день

вѣнчанія, а если вѣнчаются въ простой день, то свадьбу откладываютъ на праздничный день. Къ свадьбѣ приготовляютъ поѣздъ, украшаютъ лошадей и сбрую яркими цвѣтами; дѣлаютъ еще теремокъ: вѣтвистое деревцо украшаютъ цвѣтами и лентами и возятъ, при чемъ его держитъ въ рукахъ одна изъ свахъ. Процессія эта совершается по улицамъ цѣлый день, а вечеромъ всѣ свашки, свитилки и бояре пріѣзжаютъ за невѣстой. Если невѣсту послѣ вѣнца привозятъ прямо къ жениху, то выражается недовольство: „Шо цэ за свайба по мищяньскому".

Примѣты. Если на Рождественскіе праздники бываетъ на деревьяхъ иней, то ожидается урожай. Если на Покровъ день дуетъ вѣтеръ съ восточной стороны, то говорятъ: „витыръ съ пидъ сонца,—зима будэ холодна". Когда увидятъ на небѣ комету, говорятъ: „цэ бизприминно будэ война".

Праздничные обряды. Наканунѣ Рождества готовятъ узваръ и кутью. Кутья ставится на покутьѣ на сѣнѣ; сѣно это сохраняется. Когда весною сажаютъ насѣдокъ, то это сѣно кладутъ въ гнѣзда, чтобы куры лучше выводились; верхъ, собраный изъ вареной кутьи, дается также курамъ: „шобъ булы нысущи". Каждый крестьянинъ къ празднику закалываетъ кормленнаго кабана, изъ котораго приготовляется сало на весь годъ для приправы къ кушаньямъ. Богатые кормятъ и двухъ. На праздникъ послѣ обѣда ѣдутъ въ гости къ тестямъ. Вечеромъ молодежь колядуетъ подъ окнами, дѣлаютъ и вертепъ и носятъ по домамъ. Колядуютъ съ пѣніемъ: „Ой, на рицьци на Ійордани, щедрый вечиръ, добрый вечиръ" и т. д. Подъ Новый годъ щедруютъ подъ окнами такъ: „Миланка ходыла, Василька просыла", и т. д. Хозяева выносятъ—кто денегъ, кто пряниковъ или конфектъ. На Новый годъ дѣти ходятъ по домамъ посыпать. Сыпятъ зерно, приговаривая: „На щастья, на здоровья, тай на Новый годъ. Роды Боже" и т. д. Канунъ Крещенія именуется „голодной кутьей". Весь день не употребляютъ пищи, а послѣ служенія и водоосвященія бѣгутъ домой съ кувшинами наполненными водой. Ужинаютъ, а послѣ ужина стрѣляютъ изъ ружья или пистолета. „Эй, чуишъ? говорятъ, цэ, кутью вже прогоня". На праздникъ Пасхи пекутъ папошники, а куличей нѣтъ; папошники украшаютъ гла-

зировкой и посыпаютъ цвѣтнымъ сахарнымъ пескомъ; если сами не пекутъ, то покупаютъ на базарѣ. У каждаго пасха бѣлая, не изъ пшеничной муки, а изъ крупичатой. Ржаного хлѣба здѣсь не умѣютъ печь; мѣшаютъ пшеничную муку съ ржаной, и этотъ хлѣбъ далеко не вкусный.

Игры бываютъ только между дѣтьми, взрослые мало играютъ. Въ весеннее время играютъ только въ мячъ, зимою въ шашки или бабки и въ свинки. Свинка—это большой деревянный шаръ, который палками бьютъ, перекатывая съ мѣста на мѣсто. Музыкальные инструменты—гармонія и балалайка, танцы—казачокъ.

Пожары. При повальныхъ болѣзняхъ или частыхъ пожарахъ просятъ духовенство обойти по улицамъ съ крестнымъ ходомъ, и послѣ ранняго служенія ходятъ цѣлый день по улицамъ, возлѣ каждой хаты служатъ молебенъ, читаютъ акаѳистъ, какой кто попроситъ. Это трудъ огромный, но, для поддержанія въ народѣ живой вѣры, онъ охотно исполняется духовенствомъ, даже и въ томъ случаѣ, если для этого потребуется и двухъ дней. Жители Бѣловодска неоднократно подвергались разоренію отъ пожаровъ. Здѣсь сгорѣло двѣ церкви во имя Пресвятой Троицы, стоявшія одна на берегу рѣчки Деркула, другая недалеко отъ теперешней церкви на базарной улицѣ; горѣли черныя лавки въ 60 годахъ, находящіяся на берегу рѣки, гдѣ теперь построены дома и молитвенный домъ старообрядцевъ; горѣли лавки красныхъ товаровъ, на пепелищѣ которыхъ построены новыя въ 70 годахъ; въ 75 году въ Бѣловодскѣ сгорѣло 120 домовъ, начиная отъ второго дома базарной улицы и оканчивая послѣднимъ домомъ отъ ряда лавокъ. На мѣстѣ погорѣвшихъ домовъ построены лучшіе. У многихъ купцовъ имѣются пожарныя трубы.

Благотворительность. Мѣстные купцы и мѣщане отличаются простотою, добродушіемъ и благотворительностью. Здѣсь находятъ пріютъ и посторонніе. Нѣкто Козыревъ построилъ кладбищенскую церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы на собственныя средства, двѣ мѣщанки Рябова и Корсяченкова построили на торговой площади часовню въ память по Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II; каждый годъ

1-го Марта бываетъ крестный годъ изъ церкви въ часовню для служенія панихиды. Корсяченкова, въ благодарность за выздоровленіе сына, пожертвовала серебряную ризу на мѣстную икону Божіей Матери. Предки этихъ купцовъ—бѣловодскіе крестьяне—также отличались благотворительностью. Во время голода въ 30 годахъ Корсяченко раздалъ амбары хлѣба. Въ 1892 году открылась богодѣльня на средства, пожертвованныя купцомъ Аксеновымъ въ размѣрѣ 4,000 р. На эти деньги построили домъ, а содержится богодѣльня на счетъ четырехъ купеческихъ семействъ. Здѣсь трудно только положить начало доброму дѣлу, а жертвователи найдутся.

Народная демонологія. Крестьяне вѣрятъ въ домовыхъ. Домовые, по ихъ мнѣнію, имѣютъ мѣстопребываніе на чердакѣ, являются въ видѣ человѣка, обросшаго косматою шерстью. Чтобы видѣть домового, нужно полѣзть въ Чистый четвергъ въ полночь на чердакъ со страстною свѣчей. Когда грива у лошади вьется, то это „домовый плете грыву", и стало-быть „кинь идэ въ руку"; если же лошадь худѣетъ, то „домовый знынавидивъ: що ночи ганя". Чтобы домовой не гонялъ лошади, покупаютъ козла и запираютъ его вмѣстѣ съ лошадью на ночь. Крестьянина трудно разубѣдить, онъ пожалуй и согласится, говоря: „та може й нема домовыхъ", а всетаки останется при своемъ убѣжденіи. Вѣрятъ въ существованіе вѣдьмъ, которыя имѣютъ сношеніе съ злыми духами. Вѣдьмы являются только ночью въ видѣ свиньи, собаки и женщины; въ видѣ свиньи и собаки онѣ являются на дорогѣ, а въ видѣ женщины въ загородахъ. Днемъ вѣдьмы не являются, потому что боятся людей. Вѣдьма-женщина бываетъ одѣта въ бѣлую рубашку и ходитъ съ растрепанными волосами. Онѣ доютъ молоко съ чужихъ коровъ. Случается, что вѣдьма не успѣетъ убраться, какъ на мѣстѣ преступленія является хозяйка; послѣдняя въ испугѣ убѣгаетъ, а вѣдьма тѣмъ временемъ уноситъ съ собой надоенное молоко.

Крестьяне могутъ опредѣлить возрастъ коровы по рогамъ. На рогахъ коровы, говорятъ, образуются колечки съ трехъ лѣтъ, причемъ каждый годъ выростаетъ новое колечко; у старыхъ коровъ рога дѣйствительно покрыты почти до конца

рубчиками въ видѣ колецъ. Опредѣляютъ возрастъ лошади до 10 лѣтъ: каждый годъ на зубахъ у лошади появляется черное пятнышко; по этимъ пятнамъ и узнаютъ лѣта лошади.

Лѣчебныя травы. Бабы 10 мая рвутъ травы: шалфей, подорожникъ, чистецъ, филильникъ и мн. др. Шалфей пьютъ отъ простуды, а также пьютъ липовый цвѣтъ, листья клубничные, холудную мяту; подорожникъ и филильникъ прикладываютъ къ нарывамъ, чистецомъ и лопухомъ моютъ головы, чтобы волосы росли; на звѣробоѣ настаиваютъ водку, горькую полынь принимаютъ отъ лихорадки. Корнями купины румянятъ щеки, листья хрѣна употребляютъ для умыванія.

Юридическіе обычаи. Крестьяне не любятъ жить большими семьями, рѣдко гдѣ живутъ два брата вмѣстѣ. Дѣлежи не обходятся безъ ссоръ, а потому приглашаются сосѣди въ качествѣ свидѣтелей. Свидѣтели называются свидками; если сосѣди не раздѣлятъ ихъ, тогда обращаются съ просьбой къ волостному суду, къ земскому начальнику или, какъ они называютъ, „земьскому пану". Имущество дѣлится по поламъ между братьями, если же есть мать, то она получаетъ часть имущества. Вдовы бездѣтныя не получаютъ никакой части безъ суда. Бракоразводныхъ дѣлъ здѣсь не бываетъ, такъ какъ супруги расходятся и живутъ врозь, каждый по своему, не прибѣгая къ разводамъ. Съ появленіемъ земскихъ начальниковъ, въ крестьянскихъ судахъ и сходкахъ водворился порядокъ. Земскій начальникъ можетъ сдѣлать очень много для народа: „якъ земьскій скаже, такъ и буде".

П. Агеева.

39.—Сл. Ново-Боровая.

Поселеніе.—Жилище.—Одежда.—Пища.—Населеніе.—Свадьба.—Примѣты.—Игры.—Юридическіе обычаи.—Пѣсни и заговоры.

Село Ново-Боровая находится въ 25 верстахъ отъ Старобѣльска. Расположено оно на низменномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу р. Боровой. Почва здѣсь по большей части глинистая, почему садовъ и вообще всякой растительности мало, а вер-

стахъ въ двухъ отъ села есть небольшіе лѣса. До основанія села, какъ передаютъ старожилы, мѣстность эта состояла изъ озеръ и болотъ, поросшихъ камышемъ. Первыми жителями этого села были поселяне, а затѣмъ поселились многіе добровольцы изъ крѣпостныхъ людей. Названіе свое село получило отъ рѣки, при которой оно расположено; а Ново-Боровой названо въ отличіе отъ другого села Боровая, которое основалось гораздо раньше. Ново-Боровая въ народѣ называется еще Варякиной. Названіе это существуетъ издавна. Произошло оно отъ того, что кѣмъ-то, изъ вновь поселившихся на жительство, украдены были во многихъ дворахъ варяки (колья). Съ тѣхъ поръ жителей прозвали варякинцами, а село Варякиной. Всѣхъ жителей въ селѣ 2200 душъ. Они отличаются красивой наружностію; роста средняго, широкоплечи, волосы у всѣхъ по большей части русые. Старики носятъ длинныя бороды, а молодые—бороды брѣютъ. Населеніе смѣшанное.

Жилище. Крестьяне живутъ въ деревянныхъ избахъ, обмазанныхъ снаружи и внутри бѣлой глиной. Внутренность избы состоитъ изъ сѣней и двухъ горницъ. Одна изъ нихъ маленькая, холодная, называемая „хатыною“ или „кимнатою“, служитъ для склада зимней одежды; а также ставятъ въ ней сундуки съ хозяйскимъ добромъ. Въ другой, большей горницѣ или хатѣ, живетъ вся семья. Входъ въ хату и въ кимнату идетъ изъ сѣней. Передній уголъ въ хатѣ устанавливается иконами. Между иконами вбиваются въ стѣну деревянныя колышки, и на нихъ вѣшаются рушники. Въ этомъ же углу ставятъ столъ, а вдоль стѣны лавки. Ближе къ порогу, въ углу ставятъ печь и грубу съ лежанкой, а вдоль стѣны, гдѣ нѣтъ окошекъ, устраиваютъ помостъ изъ досокъ для ночлега. Сволокъ въ хатѣ не обмазываютъ глиной, а моютъ водой. Въ настоящее время новыя избы отличаются отъ старыхъ тѣмъ, что строятся на высокихъ фундаментахъ, и на окнахъ снаружи прибиваются наличники съ рѣзьбой и ставни, раскрашенныя разными красками. Дворъ огораживается плетнемъ. Во дворѣ недалеко отъ избы дѣлаются глиняные или плетеные изъ хвороста сараи для скота. За сараями устраиваются клуня и токъ для молотьбы хлѣба, а за токомъ огородъ.

Одежда. Лѣтняя одежда мужчинъ въ праздники состоитъ изъ чинарки, короткой свитки, картуза и высокихъ сапоговъ, а въ будни мужчины ходятъ въ бѣлыхъ полотняныхъ рубахахъ, такихъ же шароварахъ, а сапоги замѣняютъ черевиками, т. е. башмаками. Зимою же носятъ полушубки, свитки съ большими воротниками, шапки, рукавицы, сапоги или валенки. Женщины въ праздники лѣтомъ носятъ юбки какого нибудь яркаго цвѣта, преимущественно краснаго, ситцевыя рубахи и такіе же фартуки. На головѣ носятъ капоры тоже разнаго цвѣта, а поверхъ капора повязываются какимъ нибудь платкомъ. Обуваются въ бѣлые чулки и башмаки на высокихъ каблукахъ съ подковками; зимою носятъ свитки сѣраго сукна, кожухи и сапоги. Стоимость чинарокъ и свитокъ отъ 4 до 5 р., а полушубковъ и кожуховъ отъ 8 до 10 р.

Пища. Въ скоромные дни люди зажиточные ѣдятъ борщъ съ бараниной или саломъ, кашу пшенную съ молокомъ, вареники съ сыромъ, а въ постные дни—картофель и борщъ съ конопляным масломъ. Бѣдные люди получаютъ съѣстные продукты отъ богатыхъ, работая у нихъ подённо. Мѣстныя лавочки снабжаютъ жителей дешевыми ситцами, платками и разнымъ мелочнымъ товаромъ, необходимымъ въ домашнемъ быту. Избы всѣхъ жителей освѣщаются керосиномъ.

Болѣзни. Чаще всего встрѣчаются головная боль, ломота всѣхъ членовъ, колотье въ груди, кашель, боль живота. Къ врачамъ народъ относится недовѣрчиво. Лѣчатся больше домашними средствами. Такъ, напримѣръ, отъ кашля пьютъ вмѣсто чая, холодную мяту, липовый или бузиновый цвѣтъ; отъ боли живота пьютъ настой деревея; при колотьѣ или ломотѣ призываютъ къ больному бабку—знахарку, и она ставитъ на больныя мѣста, вмѣсто банокъ, кувшины или прикалываетъ—ключкой, т. е. деревяннымъ крючкомъ, на которомъ вѣшаютъ въ хатѣ шапку. Скотъ болѣетъ отъ прилива крови, отъ перелоговъ, отъ укушенія гадюки. Отъ перелоговъ больной скотъ рано утромъ и поздно вечеромъ гонятъ къ рѣкѣ и долго обливаютъ водой; отъ прилива крови рѣжутъ ухо, бросаютъ кровь; отъ болѣзни во рту—смазываютъ чистымъ дегтемъ, смѣшаннымъ съ синимъ купоросомъ; отъ укушенія гадюки знахари

поютъ больную скотину квасомъ съ солью и употребляютъ слѣдующее шептаніе: „На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ золотой мостъ; на томъ мосту золотая груша; на той грушѣ золотое гнѣздо; въ томъ гнѣздѣ три сестрицы не родныя, а названныя; съ того гнѣзда скакаютъ, гадючій зубъ вынимаютъ изъ желтой кости, изъ червоной крови, изъ сѣрой шерсти".

Нравственность. Жители исключительно земледѣльцы. Въ крестьянскомъ быту положеніе женщины весьма тяжелое. Въ своей семьѣ каждая крестьянка—раба. Личность ея пришиблена семьей. Она обязана подчиняться не только мужу, но и каждому старшему члену семьи. На ея обязанности лежитъ вести все домашнее хозяйство. Цѣлую зиму она прядетъ, ткетъ и обшиваетъ семью, а лѣтомъ работаетъ въ полѣ и дома ухаживаетъ за огородомъ. Съ дѣтьми родители обращаются ласково; еще съ малыхъ лѣтъ они начинаютъ внушать имъ пользу труда и заставляютъ участвовать въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Многіе хозяева и съ наймитами обращаются, какъ съ родными, но есть и такіе люди, которые требуютъ отъ наймита безусловнаго рабскаго повиновенія. Пьянство и проституція были распространены въ народѣ прежде, но теперь уничтожены.

Свадьба. Каждый годъ съ наступленіемъ осени молодежь избираетъ себѣ одну избу, въ которую собираются по вечерамъ дѣвки и парубки (парни). Въ будни дѣвки приходятъ съ работой, а парни веселятъ ихъ своими шутками да прибаутками. Среди шума и смѣха они незамѣтно проводятъ время до полночи. Въ праздники парубки приносятъ съ собой водку, конфекты и орѣхи, а дѣвки варятъ вареники, жарятъ яичницу и угощаютъ другъ друга. Тамъ знакомятся.—Свадебные обряды по недостатку средствъ у крестьянъ много измѣнились противъ прежнихъ временъ. Въ настоящее время по соглашенію жениха и невѣсты, а также и родителей, назначается день сговора. На сговоръ приглашаются отцомъ невѣсты родственники со стороны жениха и невѣсты, сваты и знакомые. Сходятся дѣвки, подруги невѣсты. Хозяева сажаютъ жениха и всѣхъ сватовъ за столъ, угощаютъ ихъ, а невѣста даетъ въ подарокъ жениху платокъ, а всѣмъ сватамъ по рушнику; затѣмъ и сама садится

за столъ рядомъ съ женихомъ, и начинается веселье. Попировавъ до полночи, гости расходятся домой, а иногда сватъ, отецъ жениха, зазываетъ всѣхъ пировавшихъ еще къ себѣ въ домъ и гуляютъ уже до самаго утра. На сговорѣ поются слѣдующія пѣсни:

Я пойду во зеленый садъ гулять,
Я спрошуся у соловушка.
Доложуся у молоденькаго,
Кому воля, кому нѣтъ гулять?
Воля, доля краснымъ дѣвушкамъ гулять,
Молодушкамъ зарѣшилася гульба,
Цѣловать-бы, миловать-бы три раза.

* * *

Не два голубя,
Не два сизые,
На скалѣ они сидятъ,
Они пьютъ и льютъ,
Въ музыки играютъ,
Душу дѣвицу, Танюшку,
Ее забавляютъ.
Охъ, дѣвица, душа Та́нюшка!
Тебя тятенька кличетъ.
—Право, дѣвушки, не слыхала,
Право, красныя, не слыхала.
Танюшка! тебя маменька кличетъ.
Танюшка по горницѣ гуляетъ,
Руки бѣлыя, нерстни золотые.
Та́нюшка Никифо́ровна!
Тебя Емельянъ Никитичъ кличетъ.
—Подруженьки мои любезныя,
Давно слышу.

Послѣ сговора къ невѣстѣ каждый вечеръ собираются ея подруги и приходитъ женихъ со своими товарищами. Время незамѣтно проходитъ въ играхъ, шуткахъ, въ веселомъ смѣхѣ и въ пѣсняхъ. Черезъ три дня послѣ сговора отецъ жениха приходитъ къ свату для переговора о свадебныхъ расходахъ, подаркахъ и назначаютъ день свадьбы. За день до свадьбы въ домѣ жениха собираются молодыя бабы, а у невѣсты—дѣвки лѣпить шишки, каравай и „старожки“ (вѣтку лозы облѣпливаютъ тѣстомъ). Наканунѣ свадьбы каравай, т. е. большой продолговатый хлѣбъ, кладется на столъ, и подруги невѣсты втыкаютъ въ него сторожки и убираютъ ихъ лентами. Въ самый день свадьбы выбираютъ изъ родныхъ жениха дружка съ подружьемъ. Обязанность послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы слѣдить за порядкомъ въ свадебномъ поѣздѣ, а дома поддерживать своими шутка́ми и прибаутками веселое настроеніе гостей. Когда свадебный поѣздъ готовъ, родители благосло-

вляютъ жениха иконой. Женихъ кланяется отцу и матери въ ноги, а съ остальными родными обмѣнивается поцѣлуями; затѣмъ, въ сопровожденіи дружка, свахи и бояръ (парней), отправляется къ невѣстѣ. Когда поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ, подруги невѣсты поютъ:

Улица, улица и широкая!
Кто тебя, улица, разорять будетъ?
Разоритъ меня молодая Танюшка:
Въ танокъ идетъ, всѣхъ дружо́къ ведетъ.

Вы, дружечки, станьте къ сторонѣ:
Батюшка идетъ, подарокъ несетъ.
Подарокъ не большой,
Платокъ шалевой.

Женихъ съ дружкомъ входятъ въ избу. Въ горницѣ встрѣчаетъ ихъ братъ невѣсты и требуетъ выкупа за невѣстину косу. Дружко подаетъ ему шишку и рубль денегъ. Потомъ выходятъ отецъ и мать и подводятъ свою дочь къ жениху. Женихъ беретъ невѣсту за руку и садится за столъ, а отецъ подчуетъ водкой весь поѣздъ. Затѣмъ родители благословляютъ невѣсту образомъ. Невѣста кланяется имъ въ ноги вмѣстѣ съ женихомъ. Потомъ, попрощавшись со всѣми родными, невѣста съ женихомъ садятся въ одни сани или телѣгу и, въ сопровожденіи дружка, свахъ и бояръ, ѣдутъ въ церковь для вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія всѣ поѣзжане опять ѣдутъ въ домъ невѣсты. Собираются и гости. Всѣ садятся за столъ обѣдать и пьютъ за здоровье молодыхъ. Послѣ обѣда свахи расплетаютъ невѣстѣ косу, надѣваютъ ей на голову очипокъ и повязываютъ платкомъ. Дружко въ это время рѣжетъ на куски каравай, ломаетъ сторожки и раздаетъ гостямъ. Потомъ отецъ и мать берутъ икону и хлѣбъ и благословляютъ новобрачныхъ. Затѣмъ свадебный поѣздъ ѣдетъ въ домъ жениха. Вслѣдъ за поѣздомъ везутъ приданное невѣсты. Родители жениха встрѣчаютъ молодыхъ во дворѣ съ иконой и хлѣбомъ. Послѣдніе кланяются имъ въ ноги, потомъ цѣлуютъ образъ и хлѣбъ. Отецъ икону отдаетъ жениху, а мать хлѣбъ—невѣстѣ и просятъ ихъ войти въ хату. Въ хатѣ ихъ усаживаютъ за столъ, на почетное мѣсто, подъ образами. Начинается веселье. Настоящій же пиръ и веселье бываетъ на второй день послѣ

свадьбы. Женихъ посылаетъ дружка къ родителямъ невѣсты просить ихъ на веселье, а самъ встрѣчаетъ ихъ во дворѣ со стаканомъ краснаго вина и съ пряникомъ, подчуетъ и проситъ въ избу. Когда всѣ гости соберутся, тогда молодая подноситъ каждому изъ нихъ по стакану вина на тарелкѣ. Гости поздравляютъ невѣсту съ законнымъ бракомъ, выпиваютъ вино и кладутъ на тарелку деньги. Состоятельные родственники дарятъ невѣстѣ что нибудь изъ скота. Такимъ щедрымъ дарителямъ невѣста кланяется въ ноги. Обойдя всѣхъ гостей, невѣста садится на свое мѣсто. Веселье продолжается до полуночи. Затѣмъ гости съ пѣснями расходятся по домамъ. На свадебные расходы выходитъ отъ 40 до 100 рублей.

Примѣты. Въ народѣ существуетъ много разныхъ примѣтъ относительно состоянія погоды. Такъ, напримѣръ, чтобы узнать погоду каждаго мѣсяца въ теченіе всего года, подъ Новый годъ ставятъ 12 чашекъ изъ лука, съ надписью каждаго мѣсяца, насыпаютъ ихъ сухой солью, а утромъ на Новый годъ замѣчаютъ: въ какой чашкѣ соль будетъ мокрая, значитъ, мѣсяцъ будетъ дождливый. Если при заходѣ солнца облака покраснѣютъ, то на слѣдующій день будетъ вѣтеръ; а если солнце зайдетъ за тучу, то будетъ дождь. Если ласточки летаютъ низко надъ землей, тоже къ дождю. Если подъ Крещеніе бываетъ ясная звѣздная ночь, то будетъ урожай гороха. Если на Благовѣщеніе гремитъ громъ, то—къ урожаю орѣховъ и желудей. Дождь на Троицкой недѣлѣ къ урожаю грибовъ. Если 18 сентября летятъ журавли, то на Покровъ (1-го октября) будетъ морозъ. Зима будетъ теплая, если уродилось много желудей. Если 10-го августа вода въ рѣкѣ стоитъ тихо, то зима будетъ безъ вьюгъ. Будетъ грозное лѣто, если первый весенній громъ гремитъ по полудни. Съ какой стороны дуетъ вѣтеръ 1-го марта, оттуда будетъ дуть, и во все лѣто. Если 1-го марта ясный день, то будетъ много огурцовъ.

Игры. Въ Троицынъ день дѣвки ходятъ въ лѣсъ, плетутъ вѣнки и надѣваютъ ихъ на головы. На Масляной собираются молодыя бабы и дѣвки въ хороводъ, ходятъ по улицамъ и играютъ въ козла: становятся въ большой кругъ, а нѣсколько душъ входятъ въ середину круга, танцуютъ и всѣ поютъ:

„Вскочилъ козелъ въ огородъ, въ огородъ,
Да поѣлъ козелъ лукъ, чеснокъ, лукъ, чеснокъ“.

Въ праздникъ Воскресенія Христова, при привѣтствіи другъ друга словами: „Христосъ Воскресе!“ крестьяне мѣняются другъ съ другомъ крашенками, т. е. яйцами, окрашенными разными красками: красной, желтой, синей, зеленой. Въ каждой семьѣ крашенки эти дѣлятся по равной части между всѣми членами семьи, и одна часть оставляется для роздачи людямъ бѣднаго состоянія. Молодые люди крашенками играютъ. Игра эта называется „кото́къ“. Для этой игры устраиваютъ горку и спускаютъ по ней яйца одно за другимъ по одному направленію. Чье яйцо разобьется, тотъ проигрываетъ. Дѣтскія игры весною слѣдующія: игра въ кости, въ мячъ, въ шоровни и цурки, а зимою въ свинки. Забава взрослыхъ людей—карты и танецъ, называемый третьякъ, который производится подъ мѣстные музыкальные инструменты: балалайки, свирѣли, пищики изъ камыша и свистуны изъ глины.

Повѣрья. Нѣкоторые не вѣрятъ въ то, что существуютъ колдуны, вѣдьмы, вовкулаки, лѣшіе и прочіе; но старики и большая часть молодыхъ людей убѣждены въ ихъ существованіи и даже четвергъ на Троицкой недѣлѣ празднуютъ въ честь русалокъ. Въ этотъ день они не ходятъ въ поле и не купаются изъ боязни, чтобы не встрѣтить русалку, которая можетъ защекотать человѣка до смерти. Русалку они представляютъ себѣ въ видѣ красивой дѣвушки съ длинными зелеными волосами. Въ день Симона Зилота рано утромъ, до восхода солнца, бабы рвутъ разнаго рода травы, вѣря, что всякая трава, сорванная въ этотъ день, помогаетъ, въ разныхъ болѣзняхъ. Рвутъ, напримѣръ. холодную мяту, ромашку, деревей, подорожникъ, папоротникъ, чернобыльникъ, звѣробой, копаютъ лопуховый корень, снимаютъ кожицу съ ясеневаго дерева и проч.

Юридическіе обычаи. Если почему либо сосватавшіеся расходятся и причина разлада зависитъ отъ одной какой нибудь стороны, то виновная сторона обязана уплатить другой всѣ расходы, причиненные сватовствомъ; а если произойдетъ общее несогласіе, тогда убытки не пополняются. Разводовъ въ народѣ не существуетъ. Раздѣлы имущества бываютъ почти

въ каждой большой семьѣ. Отецъ или мать еще при жизни выдѣляютъ каждому сыну часть своего имущества и отдѣляютъ его отъ своей семьи, при себѣ же оставляютъ только одного сына, вручаютъ ему остальное хозяйство и живутъ съ нимъ до смерти. Если родители не успѣютъ при жизни раздѣлить своихъ сыновей, тогда дѣлитъ ихъ мѣстное волостное правленіе.

Пѣсни:

Въ полѣ снѣжки сорвалися,
Солдаты въ походъ убралися.
Мостили мосты все золотые,
Становили столбы серебряные.
Туда шли, прошли три полка солдатъ.
Первый полкъ идетъ,
Пѣсенки поетъ;
Другой полкъ идетъ,
Плачетъ, рыдаетъ;
Третій полкъ идетъ,
Все разважаетъ:
„Не плачьте, братцы!
Не журитесь!
Дай намъ Богъ
Походъ сходить.
Царю послужить.
Царю послужить,
Царя взвеселить“.

* * *

Гдѣ дѣвался тотъ цвѣточекъ,
Что долину украшалъ?
Гдѣ дѣвался тотъ дружочекъ,
Что словами улещалъ?
Не влещай меня словами,
Я имъ не вѣрю никогда.
Стану я, гляну на крылечко,
Посмотрю свого дружка.
И не видно, и не слышно:
Онъ женился на другой.
Мнѣ, конечно, дружка жалко,
Забывай теперь его.
Пойду я въ края чужіе,
Отыскать свого дружка.

* * *

Изъ-за горъ, горы
Ѣдутъ мазуры.
Стукъ, грякъ въ окошечко:
„Выйди, моя коханочка,
Дай коню воды!“
—„Я не могу встать,
Коню воды дать.
Вонъ столбикъ:
Коня привяжи,
Войди въ хату,
Меня молодую
Къ сердцу прижми.

Заговоровъ отъ болѣзней много. При кровотеченіи изъ носа или изъ раны, кровь заговариваютъ такъ: „Есть море океанъ, на томъ море-океанѣ стоитъ островъ, на томъ островѣ воздвиг-

нута церковь, въ той церкви святая дѣвица, а имя ей Анастасія. Держитъ она у себя разныя иглы, и шелковою нитью она зашиваетъ кровавую рану, а ранѣ болѣть и крови идти заповѣдываетъ, и ни тѣмъ прикасаться ко мнѣ рабу Божію (имя), отъ скорби и болѣзни, отъ тьмы тысячъ, отъ всякихъ враговъ и отъ нечистаго духа не велитъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь". Если появится на глазу болѣзнь, извѣстная подъ именемъ „ячменя", то больной самъ себѣ или кто нибудь подноситъ къ больному глазу кукишъ и говоритъ: „Ячмень! вотъ тебѣ кукишъ: что хочешь, то и купишь. Купи себѣ топорокъ, сѣки себя поперекъ". Въ случаѣ вывиха прибѣгаютъ къ бабкамъ правильщицамъ, которыя прежде больнаго парятъ, потомъ, растирая больное мѣсто мыломъ, приговариваютъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Здѣсь не здѣсь, на синемъ морѣ лежитъ бѣлый камень, на бѣломъ камнѣ кто-то сидитъ, высиживаетъ изъ желтой кости цвѣты, выкликая: желта кость, львовъ духъ! какъ у льва духъ не держится, такъ чтобы у желтой кости раба Божія (имя) вывихъ не держался. Микола угодникъ, скорый помощникъ, мѣсяцъ ясный, князь прекрасный, встань мнѣ на помощь въ первый разъ, въ другой разъ, въ третій разъ,—аминь".

В. С. Нельговская.

40.—Сл. Алексѣевка.

Поселеніе.—Храмъ и его строители.—Населеніе, жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Религіозно-нравственное настроеніе.

Сл. Алексѣевка расположена подъ кряжемъ горъ, покрытыхъ множествомъ кургановъ, съ нѣсколькими вокругъ земляными насыпями. Расположеніе этихъ кургановъ въ разстояніи одинъ отъ другого показываетъ, что это не самородки, а искусственно-устроенныя возвышенія для наблюденій во время татарскихъ набѣговъ,—посты, расположенные между собою діаметрально, чтобы служить одинъ другому для передачи сообщеній. И теперь неподалеку отъ могилъ и въ другихъ мѣ-

стахъ находятъ обломки стрѣлъ, чугунныя ядра и другіе предметы, подтверждающіе выше сказанное. Первоначально село это называлось „Веревкино". Здѣсь росли непроглядные, сплошные камыши, гдѣ свили себѣ гнѣзда разбойники; съ цѣлью ограбленія они ловили проходящихъ арканомъ — веревкою. Старожилы передаютъ, что князь Куракинъ, посѣтивъ здѣсь свои вотчины и выслушавъ жалобы крестьянъ на поселившихся злодѣевъ въ камышахъ, сказалъ, чтобы мѣстность эта называлась „Веревкиною". Въ послѣдствіи, когда крестьяне были отпущены на волю, они дали этой мѣстности названіе „Алексѣевка" по имени первыхъ поселенцевъ съ фамиліею „Алексѣйка". Фамилія Алексѣекъ и по нынѣ существуетъ. Сл. Алексѣевка отъ уѣзднаго города Старобѣльска находится на разстояніи 18 верстъ, отъ Харькова въ 220 вер.; ближняя торговая слобода отъ Алексѣевки Куракина,—въ 12 верст.

Приходъ раздѣляется рѣкою Бѣлой на 2 части: по правую сторону находится слобода, по лѣвую—хутора, принадлежащіе къ приходу: „Паньковъ и Заикинъ". Первый получилъ свое наименованіе отъ поселенца, Пантелеймона Гринька, богатаго крестьянина, который до того знатенъ былъ въ свое время, что выдалъ дочь свою за кандидата священства, бывшаго впослѣдствіи священникомъ въ сл. Бѣлокуракиной, куда принадлежалъ и описываемый приходъ.

Второй хуторъ—„Заиковка" носилъ первоначально названіе „Зайцевки, по множеству зайцевъ бывшихъ въ этомъ мѣстѣ, мало въ то время населенномъ; впослѣдствіи поселился здѣсь выходецъ Заика, и вѣроятно по имени его Зайцевка обращена въ Заиковку. Тотъ и другой хуторъ съ самого основанія церкви и понынѣ состоятъ въ этомъ приходѣ. Фамиліи „Гринько" и „Заика" понынѣ существуютъ. Въ 1821 году, въ виду просьбы прихожанъ, Епифаніемъ, епископомъ Воронежскимъ и Черкасскимъ, было разрѣшено образовать, отдѣльный отъ Бѣлокуракинскаго, самостоятельный приходъ съ наименованіемъ „слобода Алексѣевка" и съ посвященіемъ имѣющаго быть здѣсь храма во имя святителя и чудотворца Николая; предварительно же дозволено устроить молитвенный домъ, въ которомъ, на выданномъ антиминсѣ, тѣмъ же преосвященнымъ дозволено

совершать и божественную литургію. Изъ актовъ, имѣющихся при церкви, видно, что молитвенный деревянный домъ существовалъ болѣе 12 лѣтъ. Храмосоздателемъ былъ первый священникъ, вновь назначенный къ сей церкви, Гавріилъ Поповъ. Первоначальный приходъ былъ малъ, всего въ 450 д. м. п., между тѣмъ храмъ предположенъ былъ въ два этажа. Народъ волновался и пришелъ къ тому убѣжденію, что совсѣмъ слѣдуетъ оставить постройку храма, довольствуясь однимъ молитвеннымъ домомъ; но храмосоздатель перемѣнилъ планъ на меньшій, и этимъ снова разсположилъ прихожанъ продолжать дѣло. Между тѣмъ наступилъ самый бѣдственный 1833 роковой, голодный годъ. Народъ питался лебедою, древесною; корою, глиною, премѣшанною въ маломъ количествѣ съ мукою-прихожане впали въ уныніе и отказались отъ всякаго участія въ окончаніи церкви, отказались даже возить песокъ къ церкви и камень для половъ. Не унывалъ только храмосоздатель ккля подвозки необходимыхъ матеріаловъ къ окончанію церви, онъ давалъ своихъ собственныхъ двѣ лошади, а староста: церковный—воловъ; для сбора провизіи рабочимъ, лично отправлялся съ старостою въ сосѣдніе приходы, не минуя ни духовныхъ, ни свѣтскихъ, ни крестьянъ. Изъ одного мѣшка муки въ домѣ отдѣлялся евангельскій малый чванецъ ему, просящему подаяніе на прокормленіе строителей храма. При неимовѣрныхъ усиліяхъ со стороны храмосоздателя, каменная церковь съ колокольнею была совершенно окончена и въ томъ же 1833 году 1 октября по архипастырскому благословенію Иннокентія, епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго, освящена. Съ этихъ поръ и понынѣ празднуется 1-е октября такъ же, какъ и храмовой день 9-го мая,—при многолюдномъ стеченіи народа со всѣхъ ближайшихъ селъ. Храмъ этотъ и донынѣ существуетъ въ томъ видѣ, какъ устроенъ. Взамѣнъ парусиннаго иконостаса, въ 1845 году устроенъ тѣмъ же храмосоздателемъ новый, деревянный, весьма приличный, въ полтора яруса. Въ 1850 году, еще при своей жизни, покойный отецъ Гавріилъ Поповъ просилъ бывшаго архіепископа Харьковскаго Филарета похоронить его вблизи храма, но владыка далъ такую резолюцію: „Добродѣтельнаго

старца, когда Богъ пошлетъ ему кончину жизни, похоронить въ самомъ храмѣ, о которомъ онъ столько пекся и для котораго жертвовалъ трудами и собственностію". (Указъ конс. отъ 28 января 1850 года, № 662). Еще до своей кончины о. Гавріилъ устроилъ себѣ гробъ, купилъ всѣ принадлежности не только для погребенія, но и для сорокоустовъ въ разныхъ церквахъ, и все это, а равно и деньги за трудъ, оставилъ въ наличности. Священникъ Гавріилъ Зиновьевъ сынъ Поповъ на дѣйствительной службѣ при упомянутой церкви состоялъ съ 1821 г. по 1852 г. и въ званіи окружнаго духовника съ 1824 г. по день смерти 1867 г. апрѣля 21-го дня. По собственноручной записи покойнаго, всей суммы, испрошенной имъ на храмъ въ разное время его службы, было собрано 13,116 руб., изъ личныхъ средствъ имъ пожертвовано до 6,000 руб. Церковь имѣетъ форму равносторонняго, продолговатаго креста, окна въ 2 яруса: въ нижнемъ 8 съ желѣзными рѣшетками, въ верхнемъ 6 полукруглыхъ оконъ. Куполъ на церкви одинъ—глухой; крестъ и главы желѣзные, вызолоченные. Кромѣ того, на верхнемъ ошейкѣ церкви устроена большая, желѣзная глава вышиною $3^1/_2$ арш., шириною въ окружности $5^1/_2$ арш., выкрашенная темно-голубымъ цвѣтомъ, съ большими золочеными звѣздами. Кровля желѣзная, окрашенная мѣдянкою; дверей входныхъ четыре, въ томъ числѣ однѣ въ алтарь—съ сѣверной стороны. Зданіе церкви и колокольни довольно прочно. Внутренняя площадь вмѣстимости храма: 27 арш. въ длину и 21 арш. въ ширину. Внутреннее расположеніе круглое: алтарь и при немъ двѣ полукруглыхъ кладовыхъ; таковыхъ же двѣ и въ трапезѣ: справа и слѣва. Храмъ устроенъ съ 4 сводами; полъ въ церкви каменный, въ алтарѣ—деревянный. Церковь—холодная; солея возвышена на $^1/_2$ ар., здѣсь же устроены и клиросы. Предѣлъ одинъ, во имя святителя и чудотворца Николая. Алтарь полукруглый съ двумя справа и слѣва отдѣленіями: первое занято ризницею, второе—библіотекою. Горнее мѣсто, во всемъ полукругѣ алтаря, устроенно съ двумя жертвенниками и 4 окнами въ самомъ горнемъ мѣстѣ. Передъ всѣми 6-ю иконами серебряныя лампады, а вверху, передъ образомъ Св. Троицы, тройная тоже

серебряная, цѣнная лампада. Иконостасъ устроенъ съ колоннами и пилястрами; рѣзьба вся золоченая, фонъ выкрашенъ карминомъ. Царскія врата всѣ рѣзныя, золоченыя, съ 4 овальными образами. На мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, въ 1876 году, усердіемъ прихожанина Ивана Головко, устроены серебряные два вѣнца, цѣною въ 140 руб.; на прочихъ двухъ, тоже серебряные, золоченые вѣнцы стоимостію въ 125 р. Стѣны храма и алтаря росписаны альфреско; художественно написаны 4 евангелиста въ золомахъ храма, а также въ осмерикѣ—явленія воскресшаго Христа Спасителя. Утварью церковь снабжена не только достаточно, но и богато. Колокольня устроена во фронтонной части церкви. На ней 6 колоколовъ. Вокругъ церкви въ 1844 г. устроена каменная съ деревянною рѣшеткою ограда, перестроенная въ 1875 г. Кругомъ церкви (внутри ограды) ростутъ деревья, которымъ лѣтъ по 50. Приходскихъ кладбищъ въ слободѣ пять; въ хуторѣ Паньковомъ—3 и 2 въ Заикиномъ; всѣ оно окопаны рвами и окружены изгородью.

Говоря о храмѣ, слѣдуетъ упомянуть о старицѣ Евдокіи Мышанской, скончавшейся въ 1841 г. Въ молодыхъ лѣтахъ, по вступленіи мужа ея въ военную службу, оставшись солдаткою, Евдокія рада была, что избавилась отъ тирана мужа, постоянно пьянаго; величавая и ростомъ и красотою, Евдокія предалась всѣмъ грѣшнымъ удовольствіямъ молодой женщины—красавицы, но не долго это продолжалось. Вскорѣ Евдокія выступила на подвигъ покаянія со всѣмъ самоотверженіемъ. Заключившись въ малую хижину, раздѣленную еще меньшею перегородкою, за этой послѣдней Евдокія совершала свои молитвенные подвиги. Она пекла просфоры въ теченіе почти 20 лѣтъ; трудъ этотъ она несла безмездно. Изъ своей затворнической избушки она выходила, чтобы испросить на нужды новоустроеннаго храма подаяніе у прихожанъ и ближайшихъ чужеприходныхъ. Всѣ имѣли къ ней особое довѣріе, какъ женщинѣ высоконравственной, и потому подаянія шли черезъ руки этой труженицы довольно обильно. Покойный храмосоздатель передавалъ, что трудами Евдокіи собрано много пожертвованій на новый храмъ. Старица Евдокія была не грамотна, но любила слушать,

когда что ей читали, сопровождая чтеніе обильными слезами. Много старица страдала болѣзнію праваго глаза, который къ концу ея жизни совершенно закрылся. Говорятъ, что эта болѣзнь была неестественною, а слѣдствіемъ самопроизвольнаго подвига во имя Христа, по св. изреченію: „аще око твое соблазняетъ тя,—исткни". Погребеніе Евдокіи совершилось при многолюдномъ стеченіи народа на 3-й день Свѣтлаго Воскресенія Христова, вблизи бывшаго молитвеннаго дома. Могила эта охраняется въ церковной оградкѣ, устроенной вокругъ престола.

Населеніе. Въ слободѣ Алексѣевкѣ 442 рев. д., а наличныхъ 1326 д. об. п. Всѣ—малороссы. Наружность жителей не особенно красива; они средняго роста, русые, большею частью съ свѣтлыми глазами, съ неправильными чертами лица, хотя довольно симпатичными. Даже дѣтей маленькихъ рѣдко можно встрѣтить красивыхъ. Особенность выговора жителей Алексѣевки—удареніе на послѣднемъ слогѣ. Своего священника они называютъ не батюшкой, а папашей, жену священника—мамашей, а не матушкой, какъ принято называть ихъ въ другихъ селеніяхъ.

Народъ очень любитъ читать Евангеліе, Псалтырь, Житія Святыхъ, Часословъ, сказки: Бову Королевича, Битву русскихъ съ кабардинцами и др. Покупаютъ много на ярмаркахъ дешевыхъ книгъ и безъ разбора ихъ читаютъ, берутъ книги и въ школѣ и по нѣсколько разъ читаютъ ихъ. Изъ школьныхъ книгъ имъ въ особенности нравится книга Баранова.

Жилище. Хаты въ слободѣ Алексѣевкѣ деревянныя, довольно большія, большею частью съ навѣсомъ и крылечкомъ во дворъ. Въ хатахъ обыкновенно на улицу выходитъ 3 или 2 окна и хоть одно во дворъ; бываютъ и такія, въ которыхъ дѣлаются 3 или 2 во дворъ и одно на улицу. Крестьяне говорятъ: „намъ на улицу не дывицьця, дывицьця за хозяйствомъ." Крыши крыты соломою или камышемъ. Содержатся хаты очень опрятно какъ внутри, такъ и снаружи. Ставни всегда красятъ желтой или красной глиной, а по серединѣ ставни или, какъ они называются, „виконницы" красуется какая нибудь звѣзда, разукрашенная синькой и мѣломъ. Въ настоящее время за недостат-

комъ лѣса, многія хаты, а также сараи и хлѣвы дѣлаются изъ мѣла. Въ хатѣ большею частью двѣ комнаты—хата и кимната, а также чуланъ (кладовая) и большія сѣни. Въ хатѣ стоитъ большой столъ, подлѣ стола съ двухъ сторонъ широкія лавы (скамьи). Въ переднемъ углу стоятъ иконы, въ другомъ „полъ", т. е. помощены доски, которыя замѣняютъ собою кровать; ближе къ двери печь съ большой лежанкой, съ которой ребятишки почти не слѣзаютъ зимою, не говоря уже о старикахъ. Да и молодежь любитъ погрѣться на печи, въ особенности когда пріѣдутъ съ базара, ярмарки, а бабы прійдутъ съ рѣки. Первое мѣсто въ избѣ—это передній уголъ, въ немъ всегда стоятъ иконы. Онѣ занимаютъ въ избѣ $1^1/_2$ стѣны и почти всегда бываютъ украшены бумажными яркими цвѣтами, крокосомъ и васильками, а внизу иконъ прибиваютъ цвѣтную бумагу, на подобіе дешевыхъ обоевъ (шпалеры), расписанную самыми яркими цвѣтами, какъ напр. по красному фону желтый, по зеленому синій съ бѣлымъ, а то вмѣсто бумаги прибиваютъ и красный ситецъ. Въ праздничные же дни на иконы вѣшаютъ широко вышитыя полотенцы (рушники). Полотенцы и скатерть непремѣнно должны быть вышиты невѣсткой, если она есть. На столѣ подъ скатертью всегда лежитъ хлѣбъ. Передній уголъ—самое почетное мѣсто. Священникъ-ли прійдетъ для молитвы, его посадятъ „на покути", также кума, куму, зятя и вообще всѣхъ уважаемыхъ гостей. Существуетъ повѣрье, что на порогѣ дѣвушка не должна сидѣть,—иначе замужъ не выйдетъ. Никто не долженъ здороваться черезъ порогъ, чтобы не поссориться. Во время крестинъ руки родильницы „размываютъ" (обмываютъ), ставя ее одной ногой въ корыто, которое должно стоять на порогѣ, для того чтобы она скорѣе поправлялась.

Расположеніе дворовъ у всѣхъ почти одинаково съ тою только разницею, что у нѣкоторыхъ крестьянъ амбары ставятся черезъ улицу противъ хаты; тѣ же, у которыхъ дворы большіе или построекъ меньше, амбары ставятъ здѣсь же во дворѣ противъ хаты. Загороды, хлѣвы для овецъ, свиней и домашней птицы ставятъ позади, а всѣ чистыя постройки впереди.

Одежда. Лѣтняя будничная одежда мужчинъ: черевики, широкія „набирныя“ шаровары, а иногда и бѣлыя полотняныя; сорочка, вышитая мережкой и красной бумагой, на выпускъ; жилетъ черкесиновый со спинкой изъ сѣраго коленкора и картузъ. Въ праздничные дни надѣваются: чинарка черкесиновая съ передомъ, расшитымъ строчкой цвѣтными нитками, причемъ молодые подпоясываютъ ее краснымъ или зеленымъ поясомъ; сапоги съ широкими голенищами на низкихъ каблукахъ, а у парубковъ на высокихъ. Верхнее лѣтнее платье: бѣлая свита съ комиремъ (воротникомъ), обшитымъ чернымъ плисомъ. Зимнее нижнее платье то же, а верхнее—полушубокъ и капелюхъ. У многихъ женщинъ сохранились еще запаски, замѣняющія собою спидницы. Запаска—это кусокъ грубой шерстяной матеріи, которою обварачиваются вокругъ стана, подвязавъ поясомъ. Нѣкоторыя женщины въ будничные дни ходятъ въ бѣлой, расшитой мережками, красной и черной бумагой рубахѣ и въ запаскѣ; другія же въ „спидницѣ“ (юбкѣ) и „юпкѣ“ (кофтѣ) съ рукавами. Носятъ полуоткрытые башмаки или сапоги и бѣлые чулки. У дѣвушекъ костюмъ тотъ же, что и у женщинъ, только ярче: цвѣтъ юбокъ по большей части красный, а кофты—плисовыя, расшитыя снурками и украшенныя позади бѣлыми пуговицами. Будничнымъ головнымъ уборомъ дѣвушки, подъ вліяніемъ города, сталъ ситцевый платокъ; головной уборъ пожилой женщины—очипокъ, повязанный темнымъ платкомъ, а въ будничные дни—ситцевый капоръ. Праздничный же головной уборъ дѣвушки слѣдующій: шелковый или шерстяной платокъ онѣ сворачиваютъ на подобіе того, какъ подвязываютъ шею мужчины, и повязываютъ вокругъ головы; сверхъ платка накалываютъ много блестящихъ булавокъ разноцвѣтныхъ; поверхъ же платка накалываютъ цвѣты, павлиныя перья, а на вискахъ, на подобіе еврейскихъ пейсовъ, спускаются у нихъ перья изъ селезня. Это самый шикарный головной уборъ; на шеѣ много серебряныхъ намистъ, съ серебряными большими крестами. Въ ушахъ серьги разнаго вида. Заплетенная коса, въ которую вплетается много разноцвѣтныхъ лентъ, спускается вдоль спины. Зимній головной уборъ какъ у женщинъ, такъ и у дѣвушки остается тотъ же. Только женщины во время силь-

ныхъ холодовъ подвязываютъ уши бумажнымъ платкомъ. Костюмъ молодой женщины почти ничѣмъ не отличается отъ костюма дѣвушки, кромѣ головного убора, который состоитъ изъ парчеваго очипка, поверхъ котораго повязывается цвѣтной шелковый платокъ; внизу очипокъ завязывается шелковой лентой съ длинными концами, спущенными вдоль спины, какъ у дѣвушки ленты. Намиста молодыя женщины носятъ такъ же много, какъ и дѣвушки. Старухи носятъ намиста очень рѣдко или совсѣмъ не носятъ, а носятъ довольно большой крестъ или таллеръ. Зимній верхній костюмъ женщинъ и дѣвушекъ: бѣлая свитка, широкій нагольный, безъ таліи, кожухъ (шуба), полы и воротникъ котораго оторочены сѣрымъ или чернымъ барашкомъ. Мужской полушубокъ стоитъ не менѣе 15 р., женскій—хорошій 12, свитка мужская—5 р., женская 8, черевики—1 р. 20 к., открытые башмаки—1 р. 50 к.

Пища почти одинакова у всѣхъ: борщъ съ мясомъ или саломъ, пшенная каша,—гречихи не сѣютъ; въ праздничные дни пироги съ картофелемъ, сыромъ или начинкою изъ легкаго, печенки и сердца, вареная курица, печеные (жареные) гусь или утка. Въ постные дни: капуста вареная или борщъ съ рыбою, лошка (супъ изъ рыбы) съ картофелемъ, картофель вареный съ оліею—постнымъ масломъ, узваръ (вареныя вишни) квашенныя яблоки, теренъ. Рыбу ловятъ здѣсь же въ рѣкѣ.

Лавка въ слободѣ одна и очень плохенькая; въ ней продается керосинъ, спички, деготь и пр. Крестьяне большею частію все нужное для себя покупаютъ или въ сл. Куракиной, или въ Старобѣльскѣ.

Болѣзни. Народъ лѣчится и у докторовъ, и у бабокъ. Одна баба, отъ кашля, прикуриваетъ сахарною бумагою; если появляются колотья, то на больныя мѣста прикалываютъ рогачъ; если болятъ зубы, то шепчутъ: „Мисяцю Владимірю! не можешь ты по земли ходыть, можешь на небесахъ свитыть. Пытаецьця молодый старого: чи болять зубы не въ живого? не болять, не щимлять, не ворушацьця. Якъ мертвый у гроби, а каминь у земли не ворушицьця, такъ у новорожденны (имя) костяный зубъ не болитъ не щимить, ни ворушицьця“.

Религіозно-нравственное настроеніе. Всѣ жители исклю-

чительно земледѣльцы, бывшіе государственные крестьяне; другихъ сословій нѣтъ. Прихожане свято и ненарушимо исполняютъ всѣ религіозныя требованія. Дни постовъ чтятъ и никогда не нарушаютъ ихъ, считая за тяжкій грѣхъ, если вынуждены бываютъ больнымъ дѣтямъ давать скоромную пищу, но и это не иначе ими допускается, какъ только съ дозволенія священника. Неупустительно говѣютъ всѣ одинъ разъ въ годъ; другіе же во всѣ 4 поста. Службы церковныя во всѣ воскресные и праздничные дни охотно посѣщаютъ; молебны въ домѣ и церкви, освященіе домовъ, поминовеніе умершихъ въ дни, положенные церковью и независимо отъ того, въ осеннее время въ субботы, а также въ 1 понедѣльникъ по истеченіи пасхальной седмицы, всегда свято исполняютъ. Крестные ходы по полямъ бываютъ ежегодно, а также вокругъ села, въ случаѣ общественной бѣды, эпидемической болѣзни и пр. Суевѣрные обычаи были, особо при погребеніи умершихъ: посыпаніе ложа умершихъ зерномъ, помѣщеніе сосуда съ водою вблизи умершаго и т. п.; при свадьбахъ: переѣздъ молодыхъ черезъ огонь, разложенный у воротъ, цѣлованіе замка двери церковной, скаканье поѣзда свадебнаго 3 раза вокругъ церкви. Все это было прежде, теперь же совершенно оставлено. Крестьяне съ удовольствіемъ отдаютъ своихъ дѣтей въ школу, относятся къ учительницѣ и школѣ очень хорошо. Женщина въ крестьянской семьѣ не пользуется особеннымъ почетомъ: для молодыхъ женщинъ мѣсто почти всегда ближе къ порогу; совѣта ихъ никогда не спрашиваютъ, ихъ дѣло—подавать кушанье на столъ, водкою же угощаютъ мужчины. Когда гостей угощаютъ чаемъ, невѣстки должны пѣть для развлеченія. Только мать, если она вдова, пользуется почетомъ, почти всегда спрашиваютъ ея совѣта въ дѣлахъ хозяйственныхъ и она, какъ почетное лицо, угощаетъ гостей водкой; невѣстки находятся въ полномъ ея распоряженіи. Свекровь, часто пользуясь своею властью, обращается съ невѣстками очень деспотически; почтительный сынъ никогда не вступится за жену, требуя ея полнаго повиновенія матери.

А. В. Доброхотова.

41.—Сл. Штормова.

Поселеніе и населеніе.—Жилище.—Одежда.—Пища.

Штормова лежитъ отъ г. Старобѣльска на югъ въ 21 верстѣ, по лѣвую сторону р. Айдара, правый берегъ которой покрытъ большимъ дубовымъ лѣсомъ. Отъ этого мѣстоположеніе сл. Штормовой очень живописно. Названіе свое, по преданію, она получила отъ помѣщика Штормы, котораго сами крестьяне упросили быть ихъ паномъ,—для защиты ихъ отъ тогдашней администраціи, чтобы ихъ не брали, въ солдаты. Мѣстное населеніе называетъ слободу Штурмова. Вѣроятно это названіе она получила отъ того, что въ 20-хъ годахъ крестьяне хотѣли избавиться отъ крѣпостной зависимости и взбунтовались противъ помѣщика, купившаго ихъ у наслѣдниковъ прежняго, фиктивнаго ихъ помѣщика. Преданіе было свѣжо: крестьяне знали, что они не жалованы помѣщику, а предки ихъ добровольно пріурочились къ нему и поэтому имъ легко отъ него избавиться, и они взбунтовались. Но разсчетъ былъ невѣренъ, борьба была не по силамъ. Для усмиренія ихъ прислали солдатъ, которые объявили крестьянамъ, что они будутъ за бунтъ штурмовать Штормову. Съ тѣхъ поръ Штормову крестьяне называютъ Штурмова.

Численность жителей слободы до 1000 д. муж. п., всѣ малороссы. Языкъ чисто малороссійскій, хотя въ молодомъ поколѣніи встрѣчаются часто выраженія литературнаго языка.

Жилище. Хата строится деревянная съ сѣнцами въ одной связи подъ соломенной въ расческу крышей. Въ такомъ же видѣ бываетъ болѣе семейная хата въ два отдѣленія, между которыми помѣщаются сѣнцы; у нѣкоторыхъ въ сѣнцахъ устраивается „хижка“ (чуланъ). У людей незажиточныхъ вмѣсто чулана помѣщеніемъ служитъ „горище“ (чердакъ). Печь въ хатѣ находится около входной изъ сѣней двери; въ углу, сбоку печи лежанка; дымовыя трубы частью кирпичныя и мѣловыя, а частью хворостянныя. Такія трубы ставятся съ самой земли въ сѣняхъ около стѣны, къ которой примыкаетъ печь, и проводятся сквозь крышу; хворостянныя трубы обмазаваются со всѣхъ сторонъ глиною.

Надворныя постройки: пашенный хлѣвъ, это кладовая—помѣщеніе для ссыпки хлѣба и харчевыхъ припасовъ, или амбаръ деревянный. Повѣтка для склада земледѣльческихъ орудій, два три сарая съ загородою для скота и овецъ; курникъ для куръ; для свиней сажъ или хлѣвъ. На току—клуня или вмѣсто клуни сарай для храненія обмолоченнаго хлѣба, до его отвѣйки, а на зиму для храненія половы. Границы двора огорожены плетнемъ, ворота съ улицы во дворъ рѣшетчатыя. Строеніе вообще обмазывается глиною и бѣлится мѣломъ. Въ дворахъ имѣются погреба для храненія овощей на зиму.

Стоимость двора наименьшая до 100 р., у крестьянъ средняго достатка 200—300 р., у зажиточныхъ до 1000 р.

Домашняя утварь: иконы занимаютъ мѣсто въ переднемъ углу или обѣ стороны угла, по стѣнамъ, на полочкахъ или желѣзныхъ крючкахъ, иконы частью живописныя, многія подъ фольгою, а частію картинами въ рамкахъ. Обычай располагаетъ жителей вообще къ установкѣ иконъ и картинъ въ домахъ сколь возможно больше; принято въ большіе праздники, какъ Рождество Христово, Свѣтлое Воскресеніе и храмовые развѣшивать при иконахъ для украшенія полотенца, вышитыя или вытканныя разноцвѣтною бумагою. „Красный“ уголъ около оконъ обклеиваютъ цвѣтной бумагою. Столъ находится тоже въ переднему углу, гдѣ имѣется для сидѣнья двѣ лавки или диванчики простые. Вмѣсто кровати помостикъ изъ досокъ отъ лежанки до противоположной стѣны. Въ домашнемъ хозяйствѣ имѣются: чугуны, горшки, кочерги и лопаты для сажанія хлѣба въ печь. Молоко разливается въ „глечики“, сметана собирается въ макитры. Масло сбивается разнымъ способомъ: сбивается лопаткою въ макитрѣ или въ небольшой тонкой, высокой двухъ-этажной кадочкѣ, складной съ двумя днами, въ которой сквозь верхнее дно пропущена палочка, имѣющая кружочекъ, изверченный дырочками; отъ дѣйствія руки этотъ кружочекъ ходитъ въ сметанѣ вверхъ и внизъ; сметана между двумя днами кадочки, маслобойни, никуда не разбрызгивается и скоро сбивается въ масло. Матеріалы отопленія: навозный кирпичъ, навоз-

ныя плитки, солома, небольшая часть угля и дрова, какъ рѣдкость. Освѣщеніе керосиновое.

Зимняя одежда у мужчинъ—дубленные полушубки, у женщинъ длинные бѣлые бараньи тулупы, стоющіе отъ 10 до 12 р. Осенняя одежда состоитъ изъ свитъ, сдѣланныхъ изъ домашняго сукна. Лѣтняя: у мужчинъ чинарка изъ черкесина или ластика, а у болѣе зажиточныхъ изъ тонкаго сукна. Женщины лѣтомъ преимущественно носятъ ситцевыя юбки и кофты. Разница между праздничною и будничною одеждою только въ томъ, что въ праздники надѣвается новая, а когда она становится поношенною, то дѣлается вседневною. Одни только женскіе платки, стоющіе 3—5 р., весь свой вѣкъ бываютъ праздничнымъ нарядомъ и нерѣдко переходятъ отъ матери къ дочери въ качествѣ праздничнаго наряда. Вся одежда мужчинъ: тулупъ, свита, чинарка, сапоги и шапка стоютъ отъ 20 до 30 р., женская не дороже 30 р.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ почти одна и та же, только разница въ количествѣ, но не въ качествѣ. Зажиточный крестьянинъ можетъ ѣсть четыре раза въ день: завтракаетъ, обѣдаетъ, полудничаетъ и ужинаетъ; крестьянинъ побѣднѣе—завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ; еще бѣднѣе—обѣдаетъ и ужинаетъ. Между скоромными и постными днями разница въ пищѣ та, что въ скоромные дни ее готовятъ съ свинымъ саломъ и молокомъ, а въ постные съ коноплянымъ и льнянымъ масломъ. Мясо крестьяне ѣдятъ очень рѣдко, только въ рождественскіе праздники, когда почти каждый хозяинъ рѣжетъ свинью; да иногда осенью позволяютъ себѣ зарѣзать барана и полакомиться его мясомъ.

Борщъ—самое необходимое кушанье и по возможности каша пшенная; въ праздники бываютъ пирожки или блинчики, лапша или каша молочная; лѣтомъ холодный обѣдъ: квасъ съ лукомъ. Малороссійскій борщъ, хотя при скудныхъ матеріалахъ, бываетъ лучше русскихъ щей, вообще хохлушки готовятъ пищу лучше русскихъ. Крестьянскій обѣдъ на одного рабочаго при среднемъ достаткѣ стоитъ не дороже $3^1/_2$ коп. Кромѣ означенной пищи приготовляются иногда „галушки“, которыя дѣлаются изъ прѣснаго тѣста и варятся въ водѣ, какъ бы

супъ; такая пища считается горячей. Вареники постные или скоромные замѣняютъ завтракъ или ужинъ. На зиму приготовляются изъ овощей: кислая капуста бѣлая, картофель, соленые огурцы и арбузы; изъ садовыхъ фруктовъ: сушеныхъ яблокъ, вишень, терна варится „узваръ“ (кампотъ). Узваръ бываетъ рѣдко; вмѣстѣ съ пшеничною кутьею онъ необходимъ къ вечернему ужину передъ Рождествомъ Христовымъ. Ужинъ въ этотъ вечеръ крестьяне вкушаютъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, причемъ, кто можетъ, поститъ весь день.

Болѣзни крестьянъ болѣе всего происходятъ отъ простуды, запущенность которой нерѣдко вызываетъ смерть. При заболѣваніи они обращаются сперва къ своимъ доморощеннымъ врачамъ, а когда болѣзнь усиливается, тогда уже обращаются къ земскому врачу или въ земскую больницу. Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе и скотоводство. Если въ семьѣ имѣются работники, то они отправляются зарабатывать на сторону, преимущественно въ Донскія мѣста и Кубанскую область. Къ школѣ и учителю относятся сочувственно. Положеніе женщины въ семьѣ равноправное; а если женщина въ умственномъ отношеніи выше мужчинъ, то вліяніе ея въ семействѣ преобладающее.

У-ца Р. Г. Буткевичъ.

42.—Сл. Бѣлолуцкъ.

Поселеніе и населеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болѣзни, занятія, школа.—Положеніе женщины.—Національность.

Сл. Бѣлолуцкъ находится въ сѣверной части Старобѣльскаго уѣзда при соединеніи рѣчекъ Айдари и Бѣлой, въ 20 верстахъ отъ границъ Богучарскаго и Острогожскаго уѣздовъ Воронежской губ., отъ уѣзднаго города Старобѣльска въ 53 верстахъ.

Мѣстность, занимаемая селомъ, представляетъ низменную котловину пространствомъ около 10 кв. вер., большая часть которой заливается весеннимъ половодіемъ. Названіе Бѣлолуцкъ дано селу потому, что первоначальный поселокъ находился на правомъ берегу р. Айдари противъ устья р. Бѣлой „Лучка“ по

малорусски—устье рѣки, обросшее лѣсомъ. Рѣка Айдарь называлась прежде Гайдарь, гайдарь значитъ пастухъ овецъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, первоначальный поселокъ назывался Городкомъ. Городокъ защищался съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а съ четвертой непрходимымъ болотомъ, поросшимъ густымъ камышемъ; въ немъ была выстроена деревянная церковь, которая сожжена татарами во время набѣга послѣднихъ. Существуетъ преданіе, что жители городка, узнавъ о набѣгѣ татаръ, поспѣшили убѣжать въ болѣе безопасное мѣсто и вмѣстѣ съ домашнимъ скарбомъ увезли и церковную утварь, а большой церковной колоколъ бросили въ р. Айдарь, гдѣ онъ и находится до сихъ поръ. Эта мѣстность часто подвергалась набѣгамъ татаръ. Въ 20 верстахъ отъ Бѣлолуцка, по кряжу, мимо слободы Ново-Пскова (Закамянки), хуторовъ Писаревки, Рыбенцова и слободъ Песокъ, Булавиновки, Лимана, на гор. Старобѣльскъ проходитъ дорога, проѣзжая только лѣтомъ, называемая гетьманскимъ шляхомъ. Въ селѣ 5063 души обоего пола; по ревизіи числится 1542. Населеніе малорусское. Изъ книгъ болѣе всего распространены книги церковныя и книги духовно-нравстеннаго содержанія, какъ-то: Псалтырь, Часословъ, Святцы, Евангеліе, Житія святыхъ, описанія святыхъ мѣстъ; встрѣчаются также книги историческаго характера: біографіи знаменитыхъ русскихъ людей и описанія выдающихся событій изъ жизни русскаго народа. Всѣ книги пріобрѣтаются въ мѣстахъ богомолья или у книгоношъ.

Жилище. Всѣ избы построены изъ дерева и имѣютъ продолговатую форму съ покатыми съ 4 сторонъ крышами. Каждая изба имѣетъ не менѣе трехъ помѣщеній, не считая сѣней. Первое помѣщеніе называется хата. Это парадная комната, мѣсто пріема гостей. Второе помѣщеніе—хатына, родъ кухни; здѣсь находится варистая печь и всѣ кухонныя принадлежности, здѣсь-же въ зимнее время сохраняются ягнята, телята, поросята и ранніе выводки домашней птицы. Третье помѣщеніе—чуланъ, служащій для склада провизіи и одежды. Передній уголъ въ хатѣ—мѣсто почета и уваженія, печь и порогъ—мѣсто униженія и подчиненія. Дворовыя постройки дѣлаются изъ хворосту, мѣлу, глины и дерева, располагаются

вблизи дома такъ, чтобы всѣ постройки обходили дворъ четыреугольникомъ. Въ послѣднее время начали строить жилища и дворовыя постройки изъ саману—смѣси глины и соломы. Жилымъ помѣщеніямъ придаютъ форму равносторонняго четыреугольника.

Одежду мужчинъ лѣтнюю въ будни составляютъ: сорочка съ прямымъ „комиремъ“ и штаны изъ простого пеньковаго холста, „камдзелъ“,—короткая поддёвка,—надѣваемый сверхъ сорочки, или пиджакъ; въ дождливое время надѣвается куцына—короткая, изъ простого сукна поддёвка. Обувью служатъ черевики съ волоками. Въ праздничное время надѣвается черкесиновая или суконная чинарка или же свитка съ ýсами, картузъ и сапоги. Козырьки картуза парни украшаютъ живыми цвѣтами: гвоздикою, чернобривцами и розами. Зимою мужчины носятъ нагольные полушубки съ сборами или съ ýсами, а сверху ихъ большіе нагольные тулупы или же большія свиты изъ сѣраго сукна; на головѣ носятъ капелюхи—шапки съ наушниками. Зимняя праздничная одежда мужчинъ ни чѣмъ не отличается отъ будничной, только бываетъ поновѣе. Сорочка съ вышитыми рукавами и „надѣлечками“ изъ простого пеньковаго холста, юбка—родъ кофты, спидница, ботики или „черевики“ съ „волоками“ составляютъ женскую лѣтнюю будничную одежду. Замужняя женщина носитъ на головѣ ситцевый „очипокъ“, который еще называется „капиромъ“ и повязывается платкомъ такъ, что концы скрещиваются сверху лба, а дѣвушки повязываются „панянкою“: концы платка связываются подъ подбородкомъ. Въ праздничные дни замужняя женщина надѣваетъ на голову парчевый очипокъ, который повязывается шерстянымъ или шелковымъ платкомъ такъ, что верхъ очипка остается открытымъ; дѣвушки или повязываютъ голову платкомъ такъ, что верхъ головы остается не покрытымъ, или же носятъ вѣнки изъ искусственныхъ цвѣтовъ, къ которымъ сзади прицѣпливаютъ разноцвѣтныя ленты. На шеѣ какъ замужнія, такъ и дѣвушки носятъ цѣлую массу „намистъ“, крестовъ и „дукачей“. Въ верхней одеждѣ женщинъ преобладаетъ красный цвѣтъ. Юбка или кирсетъ, расшитые разноцвѣтными шнурками и пуговками, „спидныця“ изъ такъ называемаго краснаго за-

граничнаго ситца или кумачу, фартухъ съ яркими большими цвѣтами составляютъ необходимость для каждой женщины, какъ багатой, такъ и бѣдной. Обувью служатъ ботики, или сапоги, или же открытые башмаки съ бѣлыми чулками. Иногда сверху надѣвается черкесиновый или суконный халатъ съ полукруглымъ воротникомъ. Зимою женщины носятъ длинныя свитки изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, съ круглымъ воротникомъ, или кужухи безъ воротниковъ съ одной опушкою, или съ большими барашковыми „комирями". Старинная одежда совершенно исчезла. Въ одеждѣ начинаетъ проглядывать городское вліяніе; ситецъ, фабричное сукно, шерстяныя ткани все болѣе и болѣе вытѣсняютъ ткани домашняго приготовленія. Въ покроѣ одежда тоже измѣнилась: женскія одежды съ претензіей на моду, а мужскія на нѣмецкій покрой попадаются все чаще и чаще. Стоимость одежды бѣднаго за годъ: 3—5 мужскихъ сорочекъ по 50 к. каждая, 3—5 паръ штановъ по 40 к. каждые, картузъ 35 к., капелюхъ 60 к., сапоги 3 р., пиджакъ или камдзелъ 1 р., кожухъ 4 р., свитка 3 р. 50 к., большая свита 4 р., поясъ 40 к., итого годичная стоимость одежды 21 р. 35 к. Стоимость одежды въ годъ средняго крестьянина: 6—8 сорочекъ мужскихъ по 50 к. каждая, 6—8 паръ штановъ каждые по 40 к., картузъ 60 к., капелюхъ 90 к., сапоги 3 р., пиджакъ или камдзелъ 1 р. 50 к., полушубокъ 8 р., большой кожухъ 15 р., свитка 4 р., куцына 1 р., большая свита 6 р., черевики 90 к., поясъ 40 к., чинарка 4 р.—всего 53 р. Годичная стоимость одежды богатаго крестьянина: 10—15 сорочекъ мужскихъ по 50 к., 10—15 паръ штановъ по 40 к., картузъ 80 к., капелюхъ 1 р. 20 к., пиджакъ или камдзелъ 1 р. 50 к., чинарка 5 р., полушубокъ 8 р., большой тулупъ 20 р., свитка 5 р., большая свитка 7 р., сапоги 3 р., черевики 90 к., поясъ 60 к., куцына 1 р., что составитъ 69 р. 50 к. Стоимость женской одежды какъ у багатыхъ, среднихъ, такъ и убогихъ почти одинакова. Стоимость женской одежды слѣдующая: очипокъ парчевый 1 р. 50 к., ситцевый 50 к., платокъ ситцевый 30 к., шерстяной 1 р., сатиновый (пенька съ бумагой) 80 к., юбка или кирсетъ 2 р., спидныця 1 р. 20 к., фартухъ 50 к., сапоги 3 р., черевики 90 к., чулки 30 к., свитка 5 р., ко-

жухъ 8—12 р., куцына 1 р., халатъ 3 р., поясъ 30 к., что составитъ отъ 30 до 40 руб., если прибавить стоимость сорочекъ.

Пища. Жители Бѣлолуцка любятъ поѣсть; яйца, масло, молоко, творогъ, баранина, сало, свинина, мясо домашней птицы,— все это поѣдается ими самими, и только незначительная часть этихъ пищевыхъ веществъ идетъ въ продажу. Постороннему человѣку въ Бѣлолуцкѣ трудно купить курицу, кувшинъ молока, 10—20 яицъ или еще что нибудь съѣстное. Только недавно жители начали употреблять житный или ячный хлѣбъ, раньше они употребляли лишь пшеницу, а жито они сѣяли, какъ сами выражаются, для „сиривцю". Въ урожайные годы мѣстный житель не любитъ себѣ отказывать въ пищѣ, такъ какъ молоко, сметана, сыръ, мясо домашнихъ животныхъ и птицъ, пшено, кутья, сало, конопляное или подсолнечное масло имѣются у него въ достаточномъ количествѣ, а борщъ, супъ (юшка), кулешъ, лапша, затирка, галушки, каша, печенье, пироги, олодки, блины и т. под. представляютъ довольно разнообразную ихъ пищу.

Въ мѣстныхъ лавкахъ имѣются только товары, требуемые простымъ сельскимъ жителемъ. Мѣстная торговля въ послѣдніе годы сильно упала: прежде оборотъ бѣлолуцкихъ торговцевъ простирался до 150—200 тысячъ, а теперь едва достигаетъ 60—70 тысячъ. Причинъ такого явленія мѣстные торговцы считаютъ три: развитіе желѣзнодорожныхъ путей, обѣдненіе мѣстныхъ окружающихъ помѣщиковъ и общій экономическій упадокъ.

Изъ **болѣзней** наиболѣе распространенныхъ первое мѣсто занимаетъ сифилисъ, который можно встрѣтить въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и видахъ, затѣмъ лихорадка; заразительныя болѣзни, какъ напр.: корь, скарлатина, свинка, тифъ почти не покидаютъ села. Довѣріе къ врачамъ увеличивается.

Занятія. Прежде жители занимались овцеводствомъ и скотоводствомъ, хлѣбопашество было побочнымъ занятіемъ. Пчеловодство и садоводство, не смотря на удобную для нихъ мѣстность, развиты очень слабо. Теперь главное занятіе жителей— хлѣбопашество. Сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу и ячмень,

Школа. Въ слободѣ имѣется одно земское училище и нѣсколько частныхъ школъ, въ которыхъ учатъ черницы и солдаты. Къ школѣ относятся, какъ къ полезному учрежденію, но даютъ средства на ея содержаніе неохотно и были бы довольны, если бы она содержалась не на ихъ счетъ. Въ виду того, что школа не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ въ нее поступить, крестьяне не даютъ средствъ на наемъ сторожа, отопленіе и на ремонтъ. Къ учителю крестьяне относятся равнодушно.

Положеніе женщины. Въ семьѣ женщина занимаетъ положеніе управителя всего домашняго хозяйства. Все домашнее хозяйство находится на рукахъ женщины. Благополучіе семьи въ нравственномъ, а во многихъ случаяхъ и въ матеріальномъ отношеніи часто зависитъ отъ нравственнаго состоянія старшей въ семьѣ женщины. Въ обществѣ же смотрятъ на женщину какъ на безправную личность, которая во всемъ безпрекословно должна повиноваться мужу.—Сельскій наймытъ, сознавая, что безъ его труда обойтись не могутъ, предъявляетъ довольно большія требованія при договорѣ, такъ напр. рабочій стремится не только ограничить число часовъ рабочаго дня, но и родъ работы.

Проституція начинаетъ развиваться въ довольно большихъ размѣрахъ. Невинность невѣсты почти потеряла свое значеніе; по выходѣ замужъ замужнія женщины на супружескую вѣрность смотрятъ очень легкомысленно. Въ селѣ существуетъ нѣсколько десятковъ женщинъ, которыя смотрятъ на это почти какъ на ремесло. Причины этому-бывшее военное поселеніе и стоянка войскъ, а также усилившійся съ 1870 года отхожій промыселъ молодежи на Донъ.

Національность. Въ племенномъ отношеніи населеніе Бѣлолуцка малорусское, смѣшанное съ великоруссами, которые слились съ малороссами въ сферѣ привычекъ, одежды и языка. Въ сохраненіи своихъ племенныхъ особенностей проявляютъ большую устойчивость великороссы, которые, попавъ въ среду малороссовъ, почти не измѣняютъ своихъ привычекъ и языка, а сохраняютъ ихъ до самой смерти, и только потомки ихъ сливаются съ малороссами. Малороссъ меньше оказываетъ устойчивости въ своихъ племенныхъ особенностяхъ, чѣмъ великороссъ и легче прини-

маетъ привычки, одежду и языкъ окружающей его среды. Во взаимныхъ отношеніяхъ малороссы смотрятъ на великороссовъ какъ на болѣе предпріимчивыхъ, сметливыхъ и изворотливыхъ. У малороссовъ по этому поводу сложилось слѣдующее мнѣніе: „якъ хохолъ начнэ балакать, то дай йёму волю, винъ самъ забалакаецьця, а якъ москаль начнэ балакать, то бый скоришъ по пици, а то выбалакаецьця".

М. Кондратьевъ.

43.—Сл. Бондаревка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Вечерницы.—Свадебные обряды.—Праздники.—Повѣрья.—Юридическіе обычаи.

Слобода Бондаревка расположена по теченію рѣчки Лозной. Ближайшіе города къ селу Старобѣльскъ Харьковской губ.—60 верстъ, Богучаръ Воронежской губерніи—80 верстъ, станица Ка́мянская, области Войска Донскаго—100 верстъ.

Названіе села объясняетъ народъ по фамиліи крестьянина Бо́ндаря, перваго здѣшняго поселенца. До заселенія этой мѣстности рѣчка была заросшею лозою и камышомъ, съ крутыми берегами и глубокими плесами. Лѣтъ за 50—70 имѣлись водяныя мельницы; земля была цѣлинная, лѣса были еще не тронуты, съ вѣковыми дубами. Въ настоящее же время рѣчка совершенно пересохла, кое-гдѣ, впрочемъ, есть глубина футовъ на 10-ть; уничтоженіе рѣчки объясняется тѣмъ, что все поле въ окружности слободы вспахивается, и когда бываютъ весенніе и лѣтніе разливы воды, то рѣчка заносится иломъ; слѣдовательно, причина очевидна: земля близъ рѣчки распахивается, лѣса уничтожены, и источники въ нихъ забиты. Крестьяне описываемой мѣстности и близъ лежащихъ слободъ по рѣкѣ Деркулу, именно: Марковки, Кризской, слоб. Сычевки, Курячевки, хутора Гармашова, Лимаревки и Кононовки—раньше принадлежали Лимаревскому государственному конскому заводу и считались коннозаводскими крестьянами; къ означенному заводу причислялись слободы, расположенныя по яру „Обитоку": слобода Брусовка, слобода Литвиновка и слоб. Шуликовка. Уп-

равленіе сосредоточено было въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ. По теченію рѣчки Деркула находится еще заводъ Деркульскій. Зависимость крестьянъ состояла въ томъ, что они платили оброкъ—по 3 р. съ души; надѣлъ земли былъ такимъ же, какъ и теперь. Тогда еще отъ этихъ слободъ земля не урѣзывалась къ заводамъ, и крестьяне обязаны были возить въ заводъ по 10 пудовъ соломы съ души. Затѣмъ, когда земля отъ крестьянъ отрѣзалась, то солому перестали возить, а все общество обязано было выѣзжать на заводскую степь и убирало сѣно въ пользу казны. Съ 1861 года крестьяне освободились отъ завода и теперь считаются государственными крестьянами. Слобода населена, какъ передаютъ старики, выходцами изъ Харьковской и другихъ губ.—малоруссами и великороссами, а потому и говоръ населенія смѣшанный.—Подъ терминами: селò разумѣется мѣстность, заселенная захожимъ людомъ, деревня,—если при селѣ есть много разнаго дерева; слобода—большое торговое село, въ которомъ есть двѣ—три церкви, „слободка" и „мѣстечко"—небольшое село съ одною церковью, хуторъ,—въ которомъ нѣтъ ни одной церкви и находится вблизи какого нибудь села. Населеніе само себя называетъ „хохлами", такъ же называютъ ихъ и сосѣди. Старинныя черты быта въ слободѣ достаточно сохранились, хотя и подверглись разнымъ вліяніямъ вслѣдствіе отлучекъ для заработковъ на Донъ; сильно также вліяніе солдатъ, бывшихъ въ городахъ, и грамотности. Все это поколебало старинныя черты быта и языка.

Жителей въ селѣ въ настоящее время значится 689 душъ м. п., считая по X ревизіи, женщинъ 723, дѣтей 286 д. Наружность жителей: волосы большею частію темнорусые, лицо бѣлое и чистое, носъ, ротъ и подбородокъ умѣренные. Инородческихъ примѣсей въ наружности не замѣтно. Говорятъ на нарѣчіи великорусскомъ и малорусскомъ. Мѣстныя слова, особо выдающіяся: труна—гробъ, завжди—постоянно, гожо—хорошо.

Жилища строятся изъ дерева вербоваго и дубоваго; въ настоящее время начинаютъ преобладать глиняныя, саманныя постройки. Этотъ необожженный кирпичъ называется „саманъ" будто бы потому, что всякій хозяинъ можетъ самъ для себя дѣлать такой кирпичъ и всю постройку. Глиняная постройка

производится за недостаткомъ въ деревѣ; но предпочитается деревянная постройка. Вообще хаты строятся по большей части въ двѣ, три и въ одну комнаты, фасадомъ преимущественно на югъ, т. е. противъ солнца. Убранство хатъ слѣдующее: передній уголъ уставляется множествомъ иконъ и картинами; стѣны комнатъ обиваются шпалерами. Почти въ каждомъ домѣ можно встрѣтить портреты Государя, Государыни и Наслѣдника, которые всегда висятъ на первомъ и видномъ мѣстѣ; даже считается священнымъ долгомъ имѣть въ домѣ портреты Царской семьи. Передній уголъ называется краснымъ или „покутя". Печь устраиваютъ съ прихода отъ дверей направо или налѣво. Дворъ огораживается плетнемъ; дворовыя постройки, смотря по состоянію хозяина, устраиваются различно, въ довольно удобномъ и стройномъ порядкѣ: вблизи дома помѣщается конюшня, затѣмъ теплые зимніе хлѣвы для рогатаго скота и овецъ и рядомъ съ ними открытые лѣтніе; затѣмъ амбары, которые ставятъ вдали отъ другихъ построекъ. Новѣйшее устройство хатъ: высокія съ большими окнами, приблизительно въ двѣ, три и четыре комнаты; рѣзьбы и раскраски почти нѣтъ; сволоковъ съ надписями также нѣтъ.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная: бѣлая сорочка и такіе же шаровары, а женщинъ—шерстяная запаска („дерьга") своего приготовленія, для будничныхъ дней; праздничная же изъ покупныхъ тканей—для мужчинъ „поддевка", или „капотъ", новѣйшая—пиджакъ; у женщинъ „кофта" и „сарафанъ"; зимняя будничная для мужчинъ и женщинъ—„свитка", или „пальто" изъ овечьей шерсти; „кожухи" или „тулупы" изъ овчинъ („смуховъ"). Остатки старинныхъ одеждъ: „халатъ" („байбаракъ") для мужчинъ и женщинъ. Городское вліяніе въ одеждѣ: стали шить одежду по городскому покрою и сшивать сорочки и кофты цвѣтною бумагою—для лѣта. Свитка стоимостью отъ 5 до 7 р., кожухи или тулупы отъ 7 до 12 руб.

Пища богатыхъ въ скоромные и будничные дни: галушки, кулишъ, борщъ, приправленные свинымъ саломъ, у бѣдныхъ та же пища безъ приправы; въ праздничные дни: борщъ съ говядиною, бараниною или съ курицею, пироги, блины и каша съ молокомъ, непремѣнно съ топленымъ; бѣдные употребляютъ

ту же пищу, но безъ мяса; развѣ только приправятъ саломъ; главную часть пищи составляютъ картофель, капуста, бураки всегда и особенно въ зимнее время.

Пища не улучшается, а ухудшается, потому что, когда были лѣса, каждый могъ пользоваться произведеніями лѣсовъ для приготовленія вкусныхъ кушаній, особенно—узвара; въ настоящее время такое кушанье имѣетъ только тотъ, у кого собственная плодовая роща, а такъ какъ уже года три нѣтъ урожая на плоды, то нѣтъ и такого кушанья. Городскаго вліянія на пищу не замѣтно. Мѣстныя лавчонки для крестьянъ, особенно бѣдныхъ, весьма полезны и даже необходимы, потому что въ этихъ лавочкахъ все необходимое для крестьянина можно купить или за наличныя деньги, или въ кредитъ до осени, т. е. до урожая. Способъ освѣщенія—керосинъ; не въ далекомъ прошломъ для освѣщенія употреблялось баранье сало и конопляное масло.

Болѣзни, наиболѣе распространенныя въ селеніи—слѣдующія: дифтеритъ, скарлатина и оспа, которыми заболѣваютъ дѣти по большей части весною и осенью, хотя и не каждый годъ, а періодически. Взрослые въ неурожайные годы заболѣваютъ слѣпотою и цингою, вообще же преобладаютъ болѣзни простудныя. Всякую боль въ животѣ народъ считаетъ „нутряно́ю сиби́ркою“ и для лѣченія пьютъ какой-то настой. Мѣстные знахари шепчутъ отъ „быши́хи“, или „ро́жи“; при боли въ животѣ завариваютъ „со́яшныци“. Къ фельдшерамъ и докторамъ народъ относится недовѣрчиво; кто обращается, то съ недовѣріемъ: нерѣдко, получая отъ доктора лѣкарство, не употребляютъ его, а выливаютъ или оставляютъ безъ употребленія. Вообще народъ относится къ врачамъ не совсѣмъ сочувственно; хотя въ новѣйшее время и стали болѣе обращаться къ нимъ, чѣмъ прежде, но всетаки прежде обратятся къ простымъ бабкамъ или „знахаркамъ“.—Отъ засоренія желудка у скота поятъ скотину огуречнымъ разсоломъ, смѣшаннымъ съ конопляннымъ масломъ, или разсоломъ изъ свинаго сала; когда скотъ не ѣстъ кормъ, валяется, посматриваетъ на бока, опустивъ уши, то стараются скорѣе отрѣзать ухо и говорятъ:—кровь напала,

надо пустить кровь и облегчить животное. Это у крестьянъ самое лучшее средство.

Главныя **занятія**—земледѣліе и скотоводство. Садоводства и пчеловодства очень мало, потому что лѣсовъ нѣтъ, гдѣ бы можно было вести хорошее пчеловодство. Садоводство уменьшилось вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ; бывшіе прежде порядочные садики вырублены, и дерево изъ нихъ употреблено на огорожу усадьбъ. Особенно бѣдствуетъ Бондаревка отъ хищеній въ лѣсахъ: три лѣса, находящіеся на сосѣднемъ участкѣ, въ слоб. Брусовкѣ, уничтожены самовольною порубкою жителями слоб. Брусовки. Судебный процессъ ведется и до сихъ поръ, а бондаровцы лѣсами не пользуются.

Вечерницы бываютъ только по зимнимъ вечерамъ и заключаются онѣ въ слѣдующемъ: каждый парень и каждая дѣвушка послѣ ужина собираются въ назначенный раньше малосемейный домъ, приносятъ туда по возможности—муки, сала свиного, яицъ, пекутъ прѣсные „ориники“ изъ тѣста (вареники), парни доставляютъ водку. Когда уже все приготовится, то всѣ вмѣстѣ начинаютъ пить и ѣсть; являются гармонія или балалайка и устраивается пляска. Если парень неравнодушенъ къ какой либо дѣвушкѣ, то непремѣнно ухаживаетъ за нею: подшучиваетъ съ нею, держитъ ее за косу, подставляетъ ей ногу; та въ свою очередь или толкнетъ его, или дернетъ за чубъ. Кончаются эти гулянья тѣмъ, что каждый парень ложится спать съ тою дѣвушкою, за которою ухаживалъ. Если общаго ночлега не бываетъ въ этомъ домѣ, то идутъ по-парно по своимъ домамъ и уже тамъ ночуютъ. Семейство дѣвки должно знать, съ чьимъ парубкомъ ихъ дѣвка ночуетъ; дурныхъ послѣдствій отъ вечерницъ не бываетъ. Почти каждый вечеръ, за исключеніемъ только тѣхъ вечеровъ, когда народъ занятъ полевыми работами, собираются ребята и дѣвки на улицѣ, поютъ пѣсни, играютъ и танцуютъ.

Свадебные обычаи. Ни одинъ изъ крестьянъ не посмѣетъ сватать своего сына до праздника Покрова Пресв. Богородицы. Съ перваго же дня октября, желающіе сватать своихъ сыновей просятъ двухъ сосѣдей или родственниковъ идти къ тому

крестьянину, у котораго есть дѣвка, если она нравится парубку и если по состоянію отецъ дѣвки подходитъ къ отцу парубка. Родители торгуются за дѣвку и берутъ за нее отъ 10 до 50 руб. и отъ 1/4 ведра водки до 1 ведра, мѣшокъ пшеницы или муки и т. д. Если сваты договорились, то посылаютъ за парубкомъ, и, если женихъ и невѣста изъявили согласіе, то невѣста сейчасъ же собираетъ своихъ подругъ и съ ними вмѣстѣ идетъ звать на сватанье своихъ родныхъ и сосѣдей, а женихъ идетъ за своею матерью и родственниками, зоветъ ихъ тоже на сватанье. Отецъ жениха покупаетъ водки отъ 1-го до 2-хъ ведеръ. Когда всѣ сойдутся, невѣста даетъ рушники старостамъ, отцу, всѣмъ родственникамъ и приглашеннымъ сосѣдямъ, а матери жениха платокъ („хустку)" и кланяются каждому въ ноги. Въ это время подруги невѣсты поютъ пѣсни: „Кланяйся, Марийко, или Галько, или Докийко, отцю, неньци (матери), тай въ ниженьки, тай нызенько, тай серденьку, тай близенько, ниженькамъ (ногамъ) тай ще нижче, а серденьку тай ще блыжче". „Тай пропбю, тай пропбичку, тай пропывъ батько дочку на солодкомъ медочку, тай на зеленому гильи (вѣткахъ), тай не жаль дочки мини". По окончаніи всей церемоніи отецъ жениха сейчасъ-же зоветъ всю компанію безъ исключенія и всѣхъ родственниковъ невѣсты къ себѣ въ домъ, и здѣсь вновь начинается гулянье, и водки выпиваютъ гораздо больше: отъ 4 до 6 вед. Сватанье продолжается дня два—три. Когда компанія пойдетъ домой, т. е. въ домъ отца жениха, то у невѣсты остаются парни и дѣвки, готовятъ вареники, садятся попарно за столъ (парень съ дѣвкою), поютъ пѣсни, пьютъ водку и ѣдятъ вареники съ сыромъ или съ картофелемъ. Черезъ нѣсколько времени сваты сходятся на уговоръ, зовутъ только близкихъ родныхъ: братьевъ, сестеръ, дѣда, бабку и крестныхъ отца и мать; назначаютъ день свадьбы и опредѣляютъ, кому и какіе должны быть подарки во время свадьбы. У крестьянъ въ обыкновеніи вѣнчать за 3 и 5 дней до дня свадьбы, хотя бы женихъ былъ изъ другого села. Послѣ вѣнчанья обѣдаютъ у отца невѣсты и затѣмъ расходятся по домамъ. Въ назначенный день свадьбы съ утра женихъ собираетъ своихъ товарищей (бояръ), забираетъ у родственниковъ и сосѣдей лошадей и запрягаетъ

три или четыре тройки. Женихъ съ старшимъ бояриномъ садится на лучшую тройку, а всѣ остальные бояре и даже свашки въ другія повозки или сани. Женихъ и бояре перевязываются черезъ плечо платками; это бываетъ только у богатыхъ семей, а у бѣдныхъ боярамъ пришиваютъ ленточки къ шапкамъ. Передъ выѣздомъ со двора всѣ молятся Богу и потомъ садятся въ повозки, а мать жениха съ дружкомъ (ея зять) обходитъ вокругъ всѣхъ троекъ, обсыпаетъ ихъ и всѣхъ поѣзжанъ хмѣлемъ и сама выводитъ за дворъ первую тройку, при чемъ желаетъ благополучія. Это новѣйшій обычай, раньше же всѣ бояре съ женихомъ ѣздили верхомъ на лошадяхъ, а свашки съ жениховой стороны вслѣдъ ѣздили въ экипажахъ. Невѣста съ своими дружками ходитъ по улицѣ и при встрѣчѣ съ женихомъ „здоровается" и цѣлуется; при этомъ старшій бояринъ даетъ невѣстѣ шишку (небольшой пшеничный хлѣбъ, имѣющій форму сосновой шишки, отчего и хлѣбъ получилъ названіе шишки). Разъѣзды этой процессіи продолжаются до вечера, если женихъ и невѣста односельчане; если же женихъ изъ другого села, то раньше вечера поддружій (одинъ изъ родственниковъ жениха или дружка) загоняетъ молодую на „посадъ", чтобы молодая садилась въ экипажъ жениха и ѣхала въ домъ къ жениху. Когда молодая уѣдетъ съ женихомъ въ домъ своихъ родителей, то ея подруги (дружки) расходятся по домамъ.

Отецъ и мать невѣсты обыкновенно подносятъ сначала молодымъ по рюмкѣ водки, потомъ всѣмъ родственникамъ и знакомымъ; снимаютъ мѣстную икону съ „покути", иногда и купленную нарочно для благословенія дочери, затѣмъ благословляютъ молодыхъ, которые въ это время крестятся, три раза кланяются, цѣлуютъ икону, отца и мать; такъ же точно поступаютъ и крестные отецъ и мать,—и тѣмъ кланяются, даже и другимъ близкимъ родственникамъ. Потомъ молодые берутъ икону (благословеніе), хлѣбъ, садятся въ экипажъ и ѣдутъ въ другое село къ отцу и матери жениха, которые непремѣнно ждутъ ихъ пріѣзда. По пріѣздѣ домой, отецъ и мать жениха тоже благословляютъ молодыхъ другою иконою, предназначенною въ благословеніе сыну, а потомъ уже просятъ всѣхъ присѣсть и угощаютъ („частуютъ"). Дружко выводитъ молодыхъ въ сѣни и,

отворивъ дверь, проситъ благословенія завести молодыхъ за столъ: „Господы Іисусе Христе Сыне Божій, помылуй насъ". Изъ комнаты кто нибудь отвѣчаетъ: „аминь".—„Благословыть молодыхъ за стилъ завесты". Изъ комнаты отвѣчаютъ: „Богъ благословыть, и мы благословляемъ". Дружко ведетъ молодыхъ за столъ, садитъ ихъ, садится и самъ. Когда отецъ и мать подносять водку родственникамъ, то непремѣнно должны прежде поднести молодымъ, а тѣ молча кланяются и отсылаютъ по порядку роднымъ и знакомымъ; это продолжается до тѣхъ поръ, пока не обнесутъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, гуляющихъ на свадьбѣ. За каждою рюмкою молодые обязаны поклониться каждому въ поясъ, какъ-бы упрашивая выпить всю.

Наканунѣ свадьбы вечеромъ ставятъ большой пшеничный хлѣбъ, имѣющій форму сосновой шишки, съ воткнутою въ немъ вѣткою изъ сосны; вѣтка украшена разноцвѣтными бумажками (теремокъ). Этотъ хлѣбъ называютъ „короваемъ". Дружко съ благословенія отца и матери выноситъ ржаной соломы $^1/_8$ снопа, вѣшаетъ понемногу на гвозди, которыми прибиты иконы, а въ это время молодыя женщины и дѣвки поютъ пѣсни. Солома, висящая на божницѣ, называется у нихъ „покраса", а этотъ вечеръ называютъ „подвисилкомъ", или „сговоромъ". Свадьбу называютъ „висилье" или „свадьба".

Когда всѣхъ обнесутъ водкою, тогда дружко, подружій и свашки ведутъ молодыхъ въ отдѣльный домикъ спать съ пѣніемъ и плясками; молодые улягутся спать, а дружко и всѣ, бывшіе съ нимъ возвращаются назадъ и тутъ уже гуляютъ до самаго разсвѣта. Какъ только станетъ свѣтать, дружко и всѣ свашки идутъ будить молодыхъ, надѣваютъ молодой „очипокъ" (женскій головной уборъ) и ведутъ къ отцу и матери здороваться съ ними. Какъ только войдутъ въ сѣни, дружко, отворивъ дверь, кричитъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помылуй насъ"; ему отвѣчаютъ по попрежнему—„аминь". „Благословыть молодыхъ въ хату ввесты"; тѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословыть и мы благословляемъ". Отецъ и мать берутъ хлѣбъ и становятся рядомъ, а молодые, войдя въ хату, кланяются родителямъ въ ноги и не встаютъ до тѣхъ поръ, пока отецъ и мать сдѣлаютъ родительское наставленіе и скажутъ имъ, чтобы они встали.

Наставленіе состоитъ въ слѣдующемъ: „молитесь Богу, дѣти; почитайте отца и мать и старшихъ себя; любите другъ друга, за это Богъ пошлетъ вамъ здоровье и во всемъ успѣхъ“. Молодые поднимаются, цѣлуютъ хлѣбъ-соль, отца, мать и другихъ родныхъ. Мать въ это время обноситъ всѣмъ гуляющимъ „варéху“ (медъ, сваренный съ водою и крупнымъ горькимъ перцемъ). Послѣ этого сейчасъ же молодые съ дружкомъ, подружьимъ и свашками ѣдутъ къ отцу невѣсты (тестю) на поклонъ; здѣсь ихъ угощаютъ завтракомъ, и молодые просятъ отца и мать, всѣхъ родственниковъ и сосѣдей къ отцу въ домъ продолжать свадьбу. Какъ только молодые уѣдутъ, вслѣдъ за ними тесть и теща съ своими гостями ѣдутъ къ своему свату (отцу жениха). Въ домѣ жениха идетъ попойка: утромъ подносятъ водку сперва большой рюмкою ($^1/_{80}$ ведра), потомъ меньшею. Гуляющіе на свадьбѣ дарятъ молодыхъ, кто быковъ, кто овцу, кто мѣшокъ какого нибудь хлѣба или просто деньгами отъ 1 до 3 р., а молодые обязаны перевязать всѣхъ гуляющихъ черезъ плечо платками, смотря по степени родства: если близкій родственникъ, то платокъ рублевый, если дальній, то платокъ въ 25 коп. и даже 15 к. Если свадьба у богатыхъ людей, то иногда нанимается и сельская музыка (двѣ скрипки и віолончель), а у бѣдныхъ музыка „вокальная“, иногда впрочемъ бываетъ гармонія или „сопилка“ (вродѣ флейты). У богатыхъ подарковъ собирается рублей на 60 и 100, а у бѣдныхъ меньше. По окончаніи даренія гостей садятъ за столы обѣдать, и если гости невѣсты пришли или пріѣхали, а обѣдъ еще не окончился, то они всѣ ожидаютъ на дворѣ, пока окончится обѣдъ. Какъ только обѣдъ окончится, сватъ и сваха выходятъ на дворъ съ хлѣбомъ, солью, цѣлуются со сватами, обмѣниваются хлѣбомъ-солью, всѣ пріѣзжіе входятъ въ домъ и сватъ разсаживаетъ гостей за столомъ; всѣ же свои гости выходятъ на дворъ, просятъ хозяина дома, чтобы онъ позволилъ имъ поймать овцу, или свинью, или гусей и сварить гдѣ нибудь въ огородѣ, пока пріѣзжіе гости пообѣдаютъ и подарятъ молодыхъ, на что отецъ и мать соглашаются, такъ какъ уже раньше бываетъ опредѣлено, что зарѣзать. Хозяинъ и хозяйка угощаютъ пріѣзжихъ гостей, послѣдніе по возможности дарятъ молодыхъ, потомъ на-

чинаютъ обѣдать. Послѣ обѣда пріѣзжіе гости благодарятъ хозяина, хозяйку и молодыхъ и всѣ ѣдутъ продолжать и оканчивать свадьбу въ домѣ отца невѣсты. Оставшіеся гости опять садятся за столъ, ѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и танцуютъ до тѣхъ поръ, пока совершенно охмѣлѣютъ. Кое-какъ нѣкоторые сами доходятъ домой, а большинство забирается на подводы и развозится по домамъ. Случается часто, что нѣкоторые не доходятъ до своихъ домовъ и въ изнеможеніи располагаются спать на пути или просто на огородѣ подъ сѣномъ или подъ соломой, кому гдѣ придется. На третій день всѣ гости опять сходятся къ отцу жениха, а гости невѣсты къ отцу невѣсты и продолжаютъ гулять, пока будетъ у кого возможность. На четвертый день гости сходятся такимъ же образомъ, хозяинъ похмѣляетъ ихъ, даетъ имъ и обѣдать, послѣ обѣда рѣжутъ коровай на куски, намазываютъ каждый кусокъ медомъ и раздаютъ ихъ всѣмъ гулявшимъ. Послѣ этого отецъ откланивается гостямъ, проситъ гостей, чтобы извинили его за все и отказываетъ имъ въ водкѣ. Гости благодарятъ хозяина и складываются по 30 и болѣе коп. съ пары (мужъ и жена) и такимъ образомъ составляется сумма на 1 чет. и $^1/_2$ ведра водки; попойка продолжается до тѣхъ поръ, пока пропьютъ всю складчину. Когда всю водку выпьютъ, везутъ отца и мать въ кабакъ и тамъ покупаютъ имъ водки: благодарятъ за хлѣбъ-соль; это называютъ „ховать кинци“ (кончать свадьбу). Такъ гуляютъ съ обѣихъ сторонъ. Если есть родственники богатые, то тѣ зовутъ гостей къ себѣ въ домъ. Черезъ недѣлю или больше сваты устраиваютъ гулянье („зазовы“): отецъ невѣсты зоветъ свата, сваху и близкихъ родственниковъ къ себѣ въ гости, угощаетъ ихъ до полудня, а затѣмъ отецъ жениха зоветъ всѣхъ къ себѣ, какъ говорится у нихъ, въ отцовскій (до чепа); здѣсь уже вечеромъ оканчивается вся свадьба.— Пѣсенъ при рожденіи и крещеніи ребенка не поютъ; существуетъ только обычай: послѣ рожденія, до крещенія ребенка, изъ двора не давать положительно ничего ни взаймы, ни на время, да и за деньги ничего не продавать.

Праздники. На канунѣ праздника Рождества Христова, по заходѣ солнца, изъ каждой семьи дѣти носятъ къ родствен-

никамъ и близкимъ сосѣдямъ кутью съ медомъ, за что получаютъ деньги и пряники; въ этотъ день всѣ варятъ „кутью и узваръ“ (груши, сливы и т. д.), ставятъ ихъ на „пóкути“, на сѣнѣ; по заходѣ солнца все семейство собирается и „вечéряютъ“. Этотъ вечеръ называютъ „богатымъ святымъ вечеромъ“, потому что на ужинъ готовятъ много блюдъ. Если за ужиномъ кто нибудь изъ семейства, въ особенности изъ дѣтей, чихнетъ, то отецъ даритъ чѣмъ нибудь, и его называютъ счастливымъ. Подъ Крещеніе (сочельникъ) тоже готовятъ кутью, только гораздо меньше, почему и называютъ этотъ вечеръ „голодный святъ-вечеръ“. Въ день Крещенія, когда освящается рѣка (называютъ Іордань), во время пѣнія тропаря: „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“, бываетъ стрѣльба изъ ружей залпомъ, и когда поютъ: „и Духъ въ видѣ голубинѣ“, то нѣкоторые изъ подъ полы выпускаютъ голубей, принесенныхъ изъ дому для этой цѣли. Любители разведенія голубей стараются вытащить тотъ колъ или клинъ, которымъ забито отверстіе въ вырубленномъ во льду крестѣ, вѣря, что голуби, должны хорошо плодиться, если этотъ клинъ положить въ голубятнѣ. Рождественскія святки до самаго Новаго года проходятъ въ гуляньѣ: родственники и знакомые ходятъ другъ къ другу въ гости.

Молодежь днемъ и вечеромъ собирается на улицахъ, поетъ пѣсни и пляшетъ подъ игру на балалайкѣ или гармоніи. До Крещенія вечерами не работаютъ до освященія воды и называютъ ихъ „святыми вечерами“. Недѣли за двѣ до масляницы бываютъ по вечерамъ кулачки, и начинаются онѣ съ дѣтей; одна половина слободы воюетъ съ другой половиной и это продолжается каждый вечеръ. Одни другихъ называютъ „кучáнами“ (отъ слова кутóкъ). Съ первыхъ дней масляницы выступаютъ въ кулачный бой взрослые парни, затѣмъ женатые, и дѣло доходитъ до 40 лѣтнихъ мужчинъ; особенно сильныя кулачки бываютъ на самое заговѣнье передъ постомъ, доходя до мордобитія и изрядныхъ дракъ.

Съ перваго дня масляницы собираются женщины и ходятъ по слободѣ и просятъ сыру, масла, муки, потомъ всѣ вмѣстѣ варятъ вареники; оставшуюся отъ нихъ муку, сыръ и проч. продаютъ, на вырученныя деньги покупаютъ вод-

ку. Это называютъ „вязáть колодку или тягáть колодку“. Вечеромъ перваго дня праздника Рождества Христова дѣвки ходятъ по слободѣ подъ окнами и колядуютъ, т. е. поютъ такія пѣсни, въ которыхъ просятъ хозяевъ, чтобы они вынесли имъ колбасы или сала, или муки, или пшена; все собранное продаютъ, а деньгами дѣлятся. Съ перваго дня масляницы дѣвки начинаютъ водить козла (берутся за руки длинной вереницей и поютъ пѣсни) и продолжаютъ водить каждый вечеръ до великаго поста. Вечеромъ на заговѣнье, или на „прощенный день“ всѣ парни и дѣвки, хотя раньше и ссорились, прощаются: кланяются въ ноги другъ другу и цѣлуются.

Съ наступленіемъ весны дѣвки поютъ пѣсни— веснянки.

Ви́теръ не ви́е,
Со́нечко не гри́е,
Калы́на не спи́е.
Любы́въ па́ренъ ди́вку,
Заня́ты не сми́е,
Ой, тымъ же я не займа́ю,
Шо сва́таты ма́ю,
Ой, тымъ же я не горну́ся,
Слава́ньки бою́ся.
Тай була̀ сла́ва, поговóры,
Та на тую ди́вку,
Та на тую кра́сну,
Щё чóрнии бро́вы.

* * *

Зацвила̀ ря́сно червóна калы́на.
Ны цви́томъ, а лы́стомъ;
Выклика́е па́ренъ молоду̀ дивчи́ну
Ны гóлосомъ, а свы́стомъ,
Тай ны ходы̀, ди́вко, черезъ огоро́ды,
Тай не робы̀ сла́вы
На се́бэ и на ме́нэ“.....

Дѣти играютъ зимою въ свинку, деревянный шаръ, который гоняютъ палками, въ коня, мячъ, взрослые—въ карты, да́мки (въ послѣднія—рѣдко), танцуютъ преимущественно „гайдучка“, или „казачка“ или просто „трепачка̀“. Музыкальные инструменты—скрипка, гармонія и сопѣлка.

При посѣвѣ каждый хозяинъ непремѣнно вывозитъ въ поле крестъ (испеченный въ формѣ креста хлѣбъ на четвертой недѣлѣ великаго поста), молится Богу, ломаетъ хлѣбъ и ѣстъ на томъ загонѣ, гдѣ впервые начинаетъ сѣять; при жатвѣ или косьбѣ старается начать въ субботу, лишь бы не пришлось въ понедѣльникъ, потому что считаютъ его тяжелымъ днемъ.

Повѣрья. Народъ вполнѣ увѣренъ, что вѣдьмы, колдуны, водяные, лѣшіе, русалки, вовкулаки и проч. существуютъ, почему и придаетъ большое значеніе какому нибудь случаю, не имѣя къ тому совершенно основанія. Женщины часто болѣютъ головою отъ простуды,—непремѣнно стараются осмотрѣть головную подушку, на которой постоянно спятъ, а также и перину; расшиваютъ ихъ и, если пухъ и перья окажутся въ твердомъ состояніи, т. е. сбитые въ комокъ, или попадаются тамъ нитки или волосъ какой нибудь, то говорятъ и вполнѣ вѣрятъ, что это „сдѣлано" какимъ нибудь недобрымъ человѣкомъ, и называютъ этотъ затвердѣвшій комокъ „закруткою", отъ слова закрутить, вотъ почему и „крутитъ" голову или ноги. За помощью обращаются къ бабкамъ или старикамъ, которые наговариваютъ воду даютъ ее пить; а чрезъ это будто бы исчезаетъ и означенная „закрутка". Вѣдьма, по ихъ мнѣнію, можетъ обратиться въ какое нибудь животное: свинью, кошку, собаку и друг., даже въ копну сѣна или въ какой нибудь клубокъ нитокъ и двигаться. Вѣрятъ, что вѣдьмы доятъ ночью коровъ, почему коровы на утро даютъ мало молока, и даже молоко теряетъ вкусъ—бываетъ горькое, соленое.

Въ маѣ мѣсяцѣ народъ собираетъ въ садахъ или лѣсахъ липовый цвѣтъ, который при простудѣ и кашлѣ варятъ, и этотъ отваръ пьютъ; собираютъ ягоды дерева „жёстеръ", варятъ и пьютъ при засореніи желудка; отваръ бузиннаго цвѣта пьютъ вмѣсто чаю. Во время Троицына дня усыпаютъ полы хатъ разными травами: щебрецомъ, „конуперомъ", любисткомъ, „холодною мятою, и послѣ праздника собираютъ все вмѣстѣ и хранятъ, какъ лѣкарство; въ случаѣ болѣзни головы варятъ это лѣкарство и отваромъ моютъ голову. Въ третье воскресенье великаго поста и 14-го Сентября во время выноса изъ алтаря на средину церкви креста, который украшается васильками и гвоздиками, народъ этими травами весьма дорожитъ: варятъ ихъ и моютъ голову при головной боли. Если ребенокъ безнадежно боленъ, то купаютъ его.

Юридическіе обычаи. Отецъ невѣсты выговариваетъ съ отца жениха деньги, какъ-бы въ вознагражденіе себѣ—отъ 10

р. до 50-ти, которые обѣщаетъ послѣ выплатить или всѣ, или часть, „смотря по товару". Часто бываетъ, что свекоръ, заплатившій за свою невѣстку, заставляетъ невѣсту идти къ своему родному отцу и требовать возврата денегъ, что въ большинствѣ случаевъ и удается, такъ какъ рѣдко кто допуститъ родное дитя до плохого житья. О разводѣ въ крестьянскомъ быту почти не слышно; если случаются непріятности въ семьѣ со стороны мужа или жены, то въ такихъ случаяхъ жена или сама уходитъ, или её прогоняютъ, и она идетъ къ своимъ роднымъ. Заводится судъ, на которомъ обѣ стороны послѣ долгихъ взаимныхъ пререканій и споровъ, сходятся на прежнее сожительство; въ благодарность обѣ стороны покупаютъ миротворцамъ водку. Раздѣлы имущества случаются все чаще и чаще: рѣдкій отецъ удерживаетъ трехъ и четырехъ сыновей, до конца своей жизни. Раздѣлъ происходитъ нерѣдко послѣ того, какъ какой нибудь членъ семьи, по приходѣ изъ военной службы, начнетъ заводить новые порядки, или оказывать непослушаніе къ старикамъ, почему его выдѣляютъ изъ семьи, но отдѣляютъ только того, кого пожелаетъ отецъ. Часто бываетъ и такъ, что злая сварливая невѣстка посорится со своими „ятрóвками" (съ женами братьевъ), чрезъ что ссоры бываютъ и между братьями, почему они и дѣлятся между собою. Наемъ рабочихъ, особенно малолѣтнихъ и пастуховъ, производится домашнимъ образомъ, больше договариваются за деньги отъ 10 до 25 р. въ годъ и часто выговариваютъ выорать сколько нибудь земли.

А. Губныхъ.

44.—Сл. Шелестова.

Поселеніе. — Жилища.—Одежда и ея стоимость. — Пища. — Болѣзни.— Хлѣбопашество и др. занятія.

Слобода расположена по обѣимъ сторонамъ р. Камышной, которая беретъ свое начало въ этой-же слободѣ изъ ключей. Рѣчка эта очень небольшая: ширина ея въ рѣдкихъ мѣстахъ болѣе сажени, а глубина рѣдко доходитъ до одного аршина. Внѣ предѣловъ Старобѣльскаго уѣзда, именно въ Донецкомъ

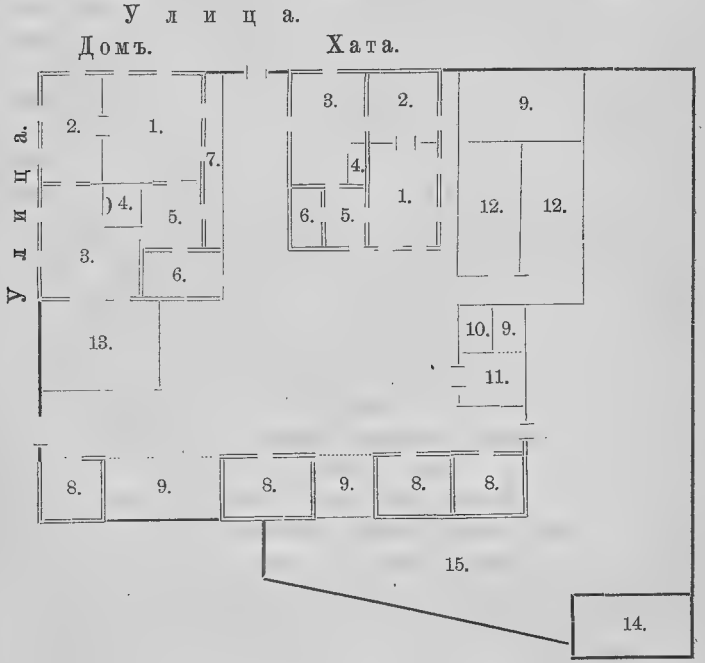
округѣ, она сливается съ рѣчкой Нагольной, потомъ съ рѣчкой Полной и впадаетъ въ рѣку Деркулъ, впадающій въ Донецъ. Названіе слободы „Шелестова“ произошло отъ того, что съ начала населенія слободы, первоначально поселился крестьянинъ по прозванію „Шелестъ“. Теперь народъ называетъ эту слободу „Шелестовка“. Слобода принадлежитъ Никольской волости. Въ Шелестовкѣ церковь кирпичная, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, существующая съ 1830 года.

Въ Шелестовкѣ 278 хатъ или дворовъ; ревизскихъ душъ мужескаго пола 622, женскаго пола 658. Наличныхъ жителей мужчинъ 1107, женщинъ 1056, обоего пола 2163 души.

Жилище. Въ послѣднее время нѣкоторые крестьяне строятъ дома съ окнами во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, но большая часть хатъ имѣетъ окна только въ двухъ стѣнахъ, именно: въ одной стѣнѣ два окна и въ другой стѣнѣ, составляющей уголъ съ предыдущею,—два окна и двери; остальныя двѣ стѣны бываютъ безъ оконъ. Замѣчательно, что большая часть хатъ стоитъ на улицу тою стѣною, въ которой нѣтъ оконъ; окна выходятъ не на улицу, а на подворье, на скотскіе базы и гумно. Хаты то деревянныя, то изъ саману. Саманъ—кирпичъ, выдѣлываемый крестьянами изъ глины съ примѣсью мелкой соломы. Деревянныя хаты—больше изъ вербы, ростущей на ливадахъ (усадьбахъ). Нѣкоторыя деревянныя хаты не мажутся глиной въ срединѣ и не бѣлятся мѣломъ, а моются, потому что стѣны ихъ сложены изъ толстыхъ пиленныхъ бревенъ такъ плотно, что холодъ свозь нихъ не проникаетъ, и гладко выстроганы столярнымъ рубанкомъ. Въ такихъ хатахъ потолокъ иногда бываетъ изъ досокъ и также не бѣлится, а моется; въ немногихъ такихъ хатахъ и полы изъ досокъ; снаружи стѣны такихъ хатъ мажутся глиной и бѣлятся мѣломъ съ водой. Прочія хаты въ срединѣ и снаружи мажутся глиной и бѣлятся, такъ какъ стѣны ихъ сложены изъ круглыхъ бревенъ и потолокъ состоитъ изъ сволока и лежащихъ на немъ сволочковъ, застланныхъ сверху камышемъ или хворостомъ. Многія хаты съ растворчатыми окнами и ставнями, которыя въ нѣкоторыхъ хатахъ выкрашены зеленою или синею краскою. Всѣ хаты кроются житною соло-

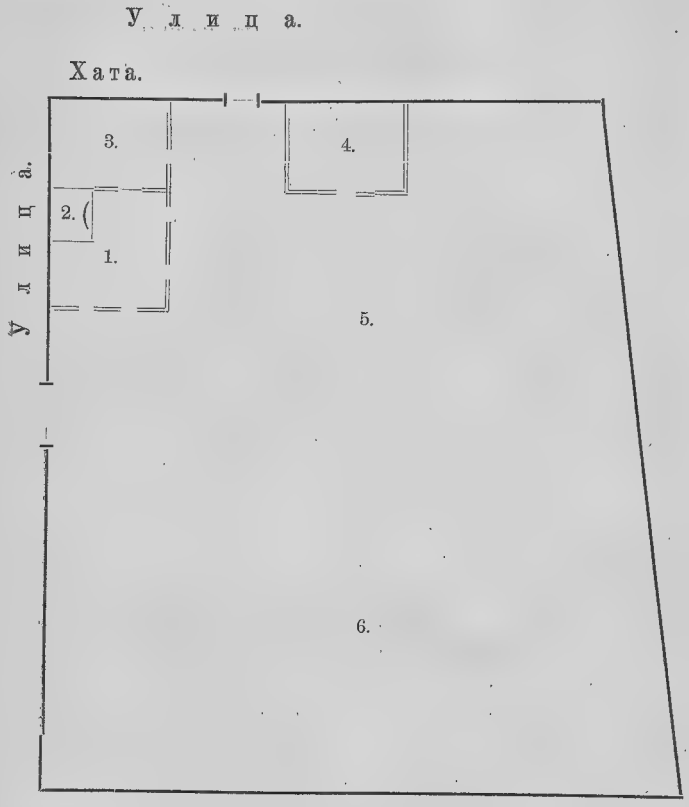
мою. Въ домахъ особенныхъ украшеній нѣтъ; имѣются только св. иконы и картины. Въ нѣкоторыхъ хатахъ передній уголъ оклеивается цвѣтною бумагою къ великимъ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова. Передъ иконами виситъ лампадка одна или двѣ, въ которыхъ подъ праздникъ и на праздникъ горитъ олива. Въ срединѣ хаты имѣются большею частью отдѣленія: сѣни, большая хата или горница, спальня, кухня, называемая хатыной и кладовка, въ которой помѣщается только одежда, какъ-то: шубы, халаты и сундуки съ одеждою. Хаты, по большей части, содержатся чисто.

Приводимъ планы двухъ дворовъ. Планъ деревяннаго дома, хаты, двора, надворныхъ построекъ и гумна одного богатаго крестьянина.



1. Большая хата или горница. 2. Спальная. 3. Кухня, называемая хатыной. 4. Печь. 5. Сѣни. 6. Кладовка. 7. Крыльцо. 8. Амбарчикъ. 9. Повѣтка или навѣсъ. 10. Хлѣвъ для овецъ. 11. Кашара для овецъ. 12. Базы для скота. 13. Садикъ вишневый. 14. Хлѣвъ для половы. 15. Гумно.

Планъ хаты, двора и надворныхъ построекъ одного бѣднаго крестьянина въ масштабѣ 3 саж. въ дюймѣ.



1. Хата.
2. Печь.
3. Сѣни.
4. Амбарчикъ.
5. Дворъ.
6. Гумно.

Нѣкоторые крестьяне, кромѣ двороваго мѣста, имѣютъ еще ливады или усадьбы, гдѣ растетъ верба для построекъ. Эти ливады находятся въ слободѣ или внѣ слободы при рѣчкѣ. Нѣкоторые имѣютъ огороженныя рощи, въ которыхъ для построекъ растутъ лѣсныя деревья: дубокъ, берестъ, кленъ, ясенъ, черемуха и другія.

Одежда. Зимняя одежда мужская: шуба, называемая крестьянами „кожухъ", и полушубокъ шьются изъ овчинъ, получаемыхъ изъ своихъ овецъ и выдѣлываемыхъ мѣстными крестьянами. Нѣкоторые покрываютъ свои шубы и полушубки синимъ сукномъ, шерстянными и бумажными тканями, покупаемыми въ лавкахъ. Свиты шьются изъ сукна, покупаемаго въ лавкахъ, но больше изъ сукна сѣраго и бѣлаго домашняго приготовленія. Нѣкоторые носятъ накидное пальто изъ сукна синяго и чернаго, покупаемаго въ лавкахъ. Зимою и лѣтомъ мужчины носятъ кафтанъ, или вмѣсто кафтана пиджакъ, шаровары и жилетъ, которые шьются изъ купленнаго сукна синяго или чернаго, а больше изъ покупаемыхъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей. Зимою носятъ шапки изъ черныхъ курпековъ и вязанной ткани, а также капелюхъ съ ушками, которыя подвязываются подъ бороду, лѣтомъ носятъ суконные картузы. Женщины зимою носятъ также шубы нагольныя, т. е. не крытыя, и крытыя сукномъ синимъ или чернымъ, а также шерстяными и бумажными тканями. Женщины носятъ также въ холодное время пальто изъ бѣлаго сукна своего издѣлія. Дѣвушки и женщины весною и осенью носятъ пальто изъ шерстяной ткани, теплое, съ подкладкою, настланною хлопчатою бумагою; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ еще халаты, уже выходящіе изъ употребленія и замѣняемые пальто.

Женскій полъ носитъ юбки верхнія и нижнія, или, вмѣсто верхнихъ юбокъ, носятъ кофты; вся эта одежда шьется изъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей. Женщины и дѣвицы носятъ при поясѣ нижней юбки спереди и снаружи красиво сшитый изъ лучшей матеріи карманъ, называемый „басага". Во всякое время, по буднямъ на работѣ, вмѣсто нижнихъ юбокъ, нѣкоторыя крестьянки носятъ „дергу", которую ткутъ онѣ сами изъ пряжи черной шерсти. Дерга есть кусокъ шерстяной ткани

длиною два аршина, а шириною полтора аршина. Крестьянки обвертываются дергою внизу, начиная отъ пояса, и припоясываютъ дергу поясомъ. Дерга прочнѣе юбки. Нѣкоторыя женщины на головѣ носятъ „очипокъ", который шьется изъ парчи, прежде очипки были въ большомъ употребленіи. Въ послѣднее время, вмѣсто очипковъ, болѣе употребляются платки. Женщины повязываютъ голову платкомъ, иногда сверху очипка. Дѣвицы въ заплетенной косѣ носятъ коснякъ (ленту); тутъ же онѣ прикрѣпляютъ многія другія ленты для украшенія. Женскій полъ носитъ въ ушахъ серьги мѣдныя и серебряныя; на шеѣ носятъ намисто (монисты) стеклянное, бѣлое и черное, бусы бѣлыя и желтыя. Нѣкоторыя на монистахъ носятъ серебряные рубли, полтинники и четвертаки, придѣлавши къ нимъ ушки. Зимою мужчины и женщины носятъ сапоги, стоющіе отъ двухъ до четырехъ рублей пара. Лѣтомъ мужчины носятъ сапоги, а нѣкоторые черевики (башмаки). Женскій полъ лѣтомъ носитъ башмаки и штиблеты. Нѣкоторыя молодыя женщины и дѣвицы носятъ сапоги изъ краснаго сафьяна, а нѣкоторыя—сапоги съ голенищами изъ желтаго сафьяна при черныхъ головкахъ.

Вся упомянутая одежда обоего пола зимняя и лѣтняя бываетъ обыкновеннаго, общеупотребительнаго покроя и шьется больше самими крестьянами, при чемъ покрой одежды заимствуется отъ своихъ же портныхъ. Въ праздники носятъ только ту одежду, которая новѣе и чище.

Стоимость одежды слѣдующая: на овчинную шубу (кожухъ) идетъ восемь овчинъ, каждая овчина стоитъ 1 р., курпекъ для воротника стоитъ 1 р., кравецъ беретъ за работу 1 р.,—поэтому овчинная нагольная шуба стоитъ 10 р. Чтобы покрыть ее сукномъ, нужно сукна пять аршинъ по 1 р. 50 к. за аршинъ, портной за работу беретъ 1 р. 50 к.,—поэтому крытая овчинная шуба стоитъ 19 р. Овчинная шуба, крытая бумажной матеріей, стоитъ 13 р., потому что на покрытіе ея идетъ черкесину 10 арш., каждый аршинъ стоитъ 20 к., да портной беретъ за шитье 1 р. На овчинный полушубокъ идетъ семь овчинъ, каждая овчина стоитъ 1 р., курпекъ для воротника и обложки стоитъ 1 р., кравецъ за работу беретъ 1 р.,—по-

этому овчинный нагольный полушубокъ стоитъ 9 р. Чтобы покрыть его сукномъ, берутъ сукна пять аршинъ, по 1 р. 50 к. за арш., да портной беретъ заработу 1 р. 50 к., такимъ образомъ крытый сукномъ овчинный полушубокъ стоитъ 18 р. Овчинный полушубокъ, крытый бумажной тканью, стоитъ 12 р., потому что на крышу идетъ матеріи 10 арш., по 20 к., да портной за работу беретъ 1 р. На свиту идетъ сукна бѣлаго или сѣраго своего издѣлія 10 арш., аршинъ стоитъ 45 к., да кравецъ беретъ за работу 50 к.,—поэтому свита стоитъ 5 р. На женское пальто идетъ сукна бѣлаго своего издѣлія 8 арш., аршинъ стоитъ 45 к., да кравецъ беретъ за работу 40 к.,—значитъ пальто изъ бѣлаго сукна стоитъ 4 р. На женское теплое пальто изъ шерстяной матеріи идетъ матеріи нанбуку 8 арш. по 50 к., на подкладку коленкору 7 арш. по 13 к., 3 ф. хлопчатой бумаги по 30 к., портной беретъ за работу 1 р.,—такъ-что теплое изъ шерстяной матеріи пальто стоитъ 6 р. 80 к. Мужское накидное пальто покупается въ лавкахъ отъ 9 до 12 р., это пальто носятъ только немногіе богатые крестьяне. На суконный кафтанъ идетъ сукна $4^1/_2$ арш. по 1 р. 50 к. за аршинъ, на подкладку коленкору 9 арш. по 13 к., на докладъ 30 к., портному за работу 1 р.,—всего суконный кафтанъ стоитъ 9 р. 22 к. Кафтанъ изъ шерстяной матеріи стоитъ до 6 р. 10 к., потому что берутъ, примѣрно, камлоту 9 арш. по 40 к., на подкладку коленкору 9 арш. по 13 к., на докладъ 33 к., за шитье портному 1 р. На кафтанъ изъ бумажной матеріи берутъ, примѣрно, черкесину 7 арш. по 20 к., коленкору на подкладку 7 арш. по 13 к., на прикладъ 9 к., портному за шитье 60 коп.,—всего кафтанъ изъ бумажной матеріи стоитъ 3 р. Пиджакъ суконный стоитъ 5 р. 15 к., потому что на него идетъ сукна $2^1/_2$ арш. по 1 р. 50 к., на подкладку коленкору 5 арш. по 12 к., портному за шитье 80 к. На пиджакъ изъ бумажной ткани идетъ матеріи 5 арш. по 20 к., на подкладку коленкору $4^1/_2$ арш. по 12 к., на пуговицы 6 к., за шитье 40 к.,—всего 2 р. Жилетъ суконный стоитъ 1 р. 40 к., жилетъ изъ бумажной матеріи 75 к.; на суконныя шаровары идетъ сукна $2^1/_2$ арш. по 1 р. 50 к., на докладъ 10 к., за шитье 60 коп.,—всего

4 р. 45 к. На шаровары изъ бумажной ткани берутъ $5^1/_2$ арш. по 20 коп., на карманы полотна 1 аршинъ, стоющій 10 коп., за шитье 30 коп.,—всего 1 р. 50 к. На женскій суконный халатъ берутъ сукна 5 арш. по 1 р. 50 к., на подкладку коленкору 8 арш. по 13 к., за шитье 80 к.,—всего 9 р. 34 к. Шапки изъ плетеной ткани покупаются отъ 40 к. до 60 к. Шапки курпечатыя покупаютъ до 3 р., капелюхъ курпечатый покупается за 1 р., суконные картузы отъ 50 коп. до 1 р.

Женская ситцевая кофта стоитъ 75 коп., потому что на нее идетъ матеріи 5 арш. по 15 коп.; шерстяная женская кофта стоитъ 2 р., на нее берутъ шерстяной матеріи 5 арш. по 40 к. На нижнюю юбку идетъ матеріи 6 аршинъ, шерстяная юбка стоитъ 2 р. 40 к., а изъ бумажной ткани 90 к. Дерга, носимая крестьянками въ работѣ, стоитъ 1 р. Очипокъ, носимый женщинами на головѣ, покупается отъ 80 к. до 1 р. Платки бумажной матеріи, черные, носимые старухами зимою и лѣтомъ, покупаются отъ 80 к. до 1 р. Въ будни повязываютъ голову небольшими бумажными платочками, стоющими отъ 15 до 30 к.; въ праздники, лѣтомъ молодыя женщины и дѣвицы повязываютъ голову небольшими шерстяными, красными и бѣлыми платочками, стоющими отъ 40 к. до 1 р. Нѣкоторыя богатыя дѣвицы и молодыя женщины повязываютъ голову шелковыми платками, больше красными, стоющими отъ 2 до 3 р.; зимою молодыя женщины и дѣвицы носятъ больше шерстяные большіе, черные, голубые и красные платки, стоющіе отъ 1 р. 50 к. до 3 р.

Серьги носятъ мѣдныя, покупаемыя отъ 5 до 10 к., и серебряныя отъ 15 до 30 к. за пару.

Упомянутые выше намисто и всякія бусы покупаются отъ 5 до 12 к. за низку. Дѣвицы и женщины носятъ этихъ низокъ на шеѣ отъ 2 до 12 и больше. На монистахъ носятъ большіе серебряные кресты, покупаемые отъ 2 до 3 руб. за крестъ.

Пища. Богатые крестьяне въ скоромные дни ѣдятъ: 1) пирожки съ мясомъ, или сыромъ, или съ мясомъ и картофелемъ; иногда при ѣдѣ обмакиваютъ ихъ въ кислое молоко или сметану, которая снимается изъ застоявшагося молока прѣс-

наго, для приготовленія изъ него масла. 2) Борщъ, состоящій изъ квасу, капусты, курицы или мяса: свинины или баранины, или говядины съ приправою стараго соленаго свиннаго сала, лука и картофеля,—иногда добавляются бураки. 3) Молочная, пшенная каша, иногда съ хлѣбомъ прѣсное молоко, вареное или сырое. Зимою и осенью первымъ купаньемъ бываетъ студень (холодецъ) изъ свинины или баранины, или говядины; иногда ѣдятъ горячія пышки, помазанныя коровьимъ масломъ, блины и оладьи. Въ постные дни богатые ѣдятъ: 1) пирожки съ фасолью, или горохомъ, или чечевицей, или съ картофелемъ съ приправой постнаго масла и лука. 2) Борщъ, состоящій изъ квасу, капусты съ приправой картофеля, луку и постнаго масла; иногда, вмѣсто капусты, употребляютъ въ борщъ бураки. 3) Крутая (густая) пшенная каша съ постнымъ масломъ. Иногда ѣдятъ узваръ изъ яблокъ, грушъ, кислицъ и терну, также ѣдятъ моченый кислый теренъ, моченыя кислицы, соленые огурцы и арбузы. Въ скоромные дни бѣдные ѣдятъ борщъ, состоящій изъ квасу, капусты и бураковъ, съ приправою свиннаго сала, картофеля и лука. Въ постные дни они ѣдятъ такой же борщъ, но съ приправою картофеля, луку и постнаго масла, а иногда и безъ масла. Богатые ѣдятъ хлѣбъ пшеничный чистый, чаще пекутъ хлѣбъ изъ муки не изъ самой лучшей пшеницы, которую берегутъ для продажи, а изъ муки средняго и послѣдняго сорта. Къ большимъ праздникамъ пекутъ хлѣбъ изъ самой лучшей пшеничной муки. Бѣдные ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаной муки, или изъ муки пшеничной, смѣшанной съ ячною мукою. Иногда пекутъ хлѣбъ изъ одной пшеничной муки, которую мелятъ изъ самаго послѣдняго сорта пшеницы, а 1 сортъ берегутъ для продажи. Къ праздникамъ пекутъ хлѣбъ изъ лучшей пшеничной муки. Прежде мясныхъ торговцевъ въ слободѣ почти не было, а теперь находятся два мясныхъ торговца, которые закупаютъ по двѣ и болѣе штукъ рогатаго скота для зарѣза, и мясо сбываютъ на станціи желѣзной дороги, лежащей въ 6-ти вер. отъ слободы, часть его сбываютъ въ своей слободѣ и въ сосѣднихъ слободахъ. При томъ же крестьяне болѣе пристрастились къ вкусной пищѣ и стали заботиться о

ней болѣе прежняго; нѣкоторые на ближайшемъ базарѣ покупаютъ картофель, пшено, свинное сало и постное масло. Прежде многіе питались только своею домашнею пищею. Поэтому пища крестьянъ улучшилась. Но, съ увеличеніемъ народонаселенія и хлѣбопашества, число пастбищъ для скота уменьшилось, а потому содержаніе рогатаго скота стало затруднительно, особенно при засухахъ и въ неурожайные годы, поэтому молоко имѣется понемногу и только у богатыхъ крестьянъ. Большая часть крестьянъ пьетъ чай съ сахаромъ; чай употребляютъ дешевый, фруктовый, нѣкоторые же пьютъ обыкновенный чай. Многіе крестьяне, по бѣдности не имѣя самоваровъ, завариваютъ воду для чая въ мѣдныхъ чайникахъ или простыхъ чугунахъ. На храмовой праздникъ, изъ сосѣднихъ и дальнихъ слободъ, приходитъ много народа въ церковь. Послѣ обѣдни эти пришедшіе богомольцы приглашаются жителями слободы по хатамъ, гдѣ угощаютъ ихъ обѣдомъ. Каждый домохозяинъ къ храмовому празднику особенно запасается лучшимъ хлѣбомъ, мясомъ и водкой, чтобы пришедшихъ угостить получше. Этотъ добрый обычай съ усердіемъ выполняется и въ другихъ сосѣднихъ слободахъ. Въ слободѣ имѣются три мелочныя лавочки; въ нихъ содержатся необходимые для крестьянъ предметы: соль, соленая рыба, чай, сахаръ, крендели, пряники, конфекты, деревянное масло, постное масло, медъ, пшено, мыло, спички, лампы, керосинъ, деготь, гвозди, замки, монисты, ленты, синія нитки, иголки, платочки для дѣвочекъ, пуговицы и многіе другіе предметы. Лавочки эти для крестьянъ необходимы, такъ какъ базаръ находится отъ Шелестовой въ 18 верстахъ, въ слободѣ Кантемировкѣ Богучарскаго уѣзда, Воронежской губ. Всѣ дома освѣщаются керосиномъ, для чего употребляются маленькія жестяныя и стеклянныя лампочки.

Болѣзни. Часто встрѣчаются: боль живота (катарръ желудка), бышиха (рожа), „волосъ",—когда дѣлается нарывъ съ сильною болью на пальцѣ руки или ноги, глазная болѣзнь. Катарръ желудка иногда называютъ крестьяне „переполохомъ", отъ котораго бабка наговариваетъ воду и даетъ пить больному; иногда пьютъ водку, настоянную декоктомъ и разными пряными корень-

ями, покупаемыми въ лавкахъ. Рожу часто называютъ сибиркой; отъ рожи, сибирки и волоса всегда шепчетъ бабка, подувая ртомъ на больное мѣсто. Къ рожѣ и сибиркѣ прикладываютъ: медъ, листокъ табаку, кислое молоко и чаще всего замѣшанную съ водою глину. Рожу окуриваютъ еще дымомъ изъ тряпки. Волосъ лѣчатъ такъ: бабка свяжетъ нѣсколько колосьевъ, придерживаетъ ихъ на больномъ мѣстѣ надъ горячей водой, которою поливаетъ больное мѣсто и при этомъ шепчетъ. Нѣкоторые крестьяне, по испытаніи всѣхъ своихъ средствъ, если болѣзнь не проходитъ, обращаются къ фельдшеру и доктору. При заболѣваніи рогатаго скота чаще всего пускаютъ ему кровь: отрѣзавъ немного уха, бьютъ палочкой по уху, чтобы побольше сошло крови, — и болѣзнь иногда проходитъ. Если скотъ то ложится, то встаетъ, повторяя это очень часто, то эту болѣзнь крестьяне называютъ „перелоги" и призываютъ такого человѣка, который отъ этой болѣзни знаетъ отговоръ.

Хлѣбопашество. Главное занятіе крестьянъ хлѣбопашество. Всю землю, находящуюся въ полѣ для хлѣбопашества, пастбища и сѣнокоса, крестьяне дѣлятъ на три участка. Когда участокъ служитъ пастбищемъ для скота, тогда онъ называется толокою. Каждый участокъ бываетъ два года пастбищемъ для скота, или толокою, а затѣмъ на немъ сѣютъ хлѣбъ, потомъ траву въ теченіе четырехъ лѣтъ, послѣ чего онъ опять оставляется подъ пастбище, или толоку, на два года и т. д. На участкѣ, который былъ пастбищемъ для скота въ теченіи двухъ лѣтъ, крестьяне сѣютъ хлѣбъ и косятъ траву въ теченіи четырехъ лѣтъ въ такомъ порядкѣ: въ первые два года сѣютъ на немъ пшеницу, называемую „гарновка", на третій годъ сѣютъ болѣе ячмень и овесъ; нѣкоторые еще сѣютъ пшеницу, а нѣкоторые крестьяне оставляютъ свои десятины незасѣянными подъ сѣнокосъ. На четвертый годъ весь этотъ участокъ оставляется преимущественно подъ сѣнокосъ, но нѣкоторые опять засѣваютъ свои десятины овсомъ и ячменемъ. По прошествіи означенныхъ четырехъ лѣтъ хлѣбопашества и сѣнокоса, участокъ опять оставляется подъ пастбище и толоку на два года. На

всѣхъ трехъ участкахъ хлѣбопашество, сѣнокосъ и пастбище производятся въ такомъ порядкѣ. Первые два года на первомъ участкѣ сѣется пшеница, второй участокъ въ эти два года служитъ пастбищемъ или толокою для скота, а третій участокъ въ первый годъ засѣвается болѣе овсомъ и ячменемъ, а во второй годъ онъ служитъ болѣе для сѣнокоса. На третій годъ первый участокъ засѣвается больше овсомъ и ячменемъ, а на четвертый годъ онъ служитъ больше для сѣнокоса. На второмъ участкѣ, который былъ пастбищемъ два года, сѣется пшеница въ слѣдующіе два года, т. е. на третій и на четвертый годъ. Третій участокъ въ послѣдніе два года, т. е. на третій и на четвертый годъ служитъ пастбищемъ для скота, затѣмъ сѣятся опять пшеница два года и т. д. Первый участокъ называется „на узбичѣ"; онъ раздѣленъ на число душъ, находящихся въ обществѣ и пожелавшихъ взять землю подъ пахоту, всего на 820. По раздѣлѣ участка на каждую душу приходится земли по 16 сажень и два аршина. Саженью называется здѣсь полоса земли, имѣющая въ ширину одну сажень, а въ длину сто двадцать сажень, т. е. равную длинѣ десятины. Второй участокъ—„яръ сѣмениковъ или глиняный", раздѣленъ тоже по числу душъ, на каждую душу числится земли: на глиняномъ по 10 саженъ, на коржевомъ по 8 саженъ. Третій участокъ около круглаго лѣса; здѣсь на каждую душу числится земли: около круглаго лѣса по 3 сажени, западной по 3 сажени, на осиковомъ по 8 саж., лозовомъ по 8 саж., —всего по 22 сажени. Кромѣ означенныхъ трехъ участковъ земли, имѣется еще земля, которая по отдаленности разстоянія отъ слободы, никогда не бываетъ пастбищемъ, а каждый годъ служитъ для посѣва хлѣба и для сѣнокоса. Эта земля находится въ слѣдующихъ урочищахъ: На лезнѣ по 5 саж. на душу, за лезною по 5 саж., лѣсами по 5 саж., за лѣсами цѣлины по 3 саж., на срубѣ шпиля по $1^1/_2$ саж., всего $19^1/_2$ саж.; за лиманомъ: за могилою по 5 саженъ, на паркахъ по 2 саж., въ дерезахъ по 3 саж., на бакшищахъ по 3 сажени цѣлины, всего 13 саженъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ участкахъ всей земли, употребляемой подъ хлѣбопашество, сѣнокосъ и пастби-

ще, причитается на душу по четыре десятины девять саженъ и полъ-аршина. Такъ какъ въ обществѣ число душъ, на которыя дается земля подъ хлѣбопашество, со временемъ увеличивается, то и земля чрезъ каждыя шесть лѣтъ вновь передѣляется крестьянами.

Земля пашется обыкновенными крестьянскими плугами, издавна употребляемыми; нѣмецкіе плуги здѣсь не употребляются. Плуги есть большіе, дѣлающіе борозду болѣе двухъ четвертей, и меньшіе плуги, дѣлающіе борозду четверти на полторы. Поэтому богатые крестьяне запрягаютъ въ плугъ по четыре пары воловъ, а нѣкоторые по три пары; бѣдные-же крестьяне запрягаютъ въ плугъ по двѣ пары воловъ, въ маленькіе же плужки запрягаютъ по три лошади для распашки мягкой земли.

Чтобы вспахать мягкую землю, съ которой скошенъ хлѣбъ, употребляютъ „рало", состоящее изъ двухъ перекладинъ, скрѣпленныхъ вмѣстѣ, и въ каждой перекладинѣ имѣется по 6-ти или 7-ми желѣзныхъ зубьевъ, которые и взрыхляютъ земли, когда пара воловъ или лошадь тянетъ рало на нивѣ. Сѣется хлѣбъ также наволокомъ, только на мягкой землѣ, съ которой скошенъ хлѣбъ; такую десятину нѣкоторые не пашутъ, а, посѣявши осенью на ней рожь, взрыхляютъ потомъ на ней землю раломъ или бороною. Иногда на такой землѣ сѣютъ также весною и яровые хлѣба. Но на вспаханной плугомъ землѣ урожаи бываютъ гораздо лучшіе. Здѣсь сѣютъ слѣдующіе хлѣба: пшеницу-гарновку, рожь, ячмень, овесъ, просо, очень мало сѣютъ пшеницу—гирку. Всегда понемногу сѣютъ горохъ, фасоль и чечевицу. Для масла и волокна сѣютъ коноплю и ленъ. Нѣкоторые понемногу сѣютъ подсолнечники для масла. Всегда устраиваютъ бакчи арбузовъ, дынь и огурцовъ. Въ огородахъ, находящихся вблизи хатъ и при рѣчкѣ, садятъ капусту, сѣютъ бураки и картофель; картофель сѣютъ также и въ полѣ. Въ урожайные годы у богатыхъ крестьянъ избытокъ хлѣба закупается часто на мѣстѣ купцами, пріѣзжающими изъ Ельца и Ростова, такъ какъ желѣзная дорога находится въ 6 верстахъ отъ слободы.

Скотоводство. Крестьяне считаютъ здѣсь скотоводство не удобнымъ, по недостатку пастбищъ, особенно въ неурожайные

годы, отличающіеся продолжительными засухами. Старательный хозяинъ еле въ состояніи содержать 3 пары воловъ, 2 коровы, 2 лошади и десятка два овецъ. Рогатый скотъ здѣсь крупной породы. Почти у каждаго хозяина имѣется лошадь, а у нѣкоторыхъ по двѣ и по три лошади. Нѣкоторые хозяева содержатъ овецъ десятка по два. Лошади и овцы простой породы.

Пчеловодство здѣсь мало распространено. Пчелы имѣются только у шести хозяевъ. У одного изъ нихъ прежде было пчелъ до 200 ульевъ, а теперь только 75. У прочихъ хозяевъ пчелъ весьма мало: отъ 5 до 15 ульевъ у каждаго. Продолжительныя засухи препятствуютъ пчеловодству.

Въ слободѣ почти въ каждой хатѣ имѣется „верстатъ", т. е. такой станокъ, на которомъ ткутъ полотно; почти каждая крестьянка умѣетъ ткать. Пряжу для полотна прядутъ сами крестьянки на прядкахъ, изъ волокна, приготовляемаго изъ конопли, воздѣлываемой самими крестьянками. Пряденьемъ пряжи и тканьемъ онѣ занимаются съ начала Филиповки, всю зиму. Холстъ употребляютъ для бѣлья своего семейства, а нѣкоторые продаютъ его за аршинъ по 20 коп. Трое хозяевъ, кромѣ земледѣлія и скотоводства, занимаются выдѣлкою кожъ для продажи.

Г. Цырюльниковъ.

45.—Сл. Тимонова.

Русскіе и малороссы.—Ихъ свадебные обряды.

Названіе построекъ у русскихъ: хата, пунька (хлѣвъ, служащій кладовой), амбаръ, клуня, верокъ (загонъ для скота), а деревьевъ: караичъ (берестъ), лоза (строевая верба). Русскіе говорятъ: кого, чего, давече—прежде, кое—гдѣ, анадысь—позавчера, позанадысь—третьяго дня, лѣтося—прошлаго года, позалѣтося—третьяго года. У малороссовъ постройки именуются: хата, коморя, хливъ, загорода—для загона скота, повитка (сарай). Выраженія: шо, ще, вчора, позавчора, торикъ—прошедшій годъ, позаторикъ—третій годъ.

Свадебные обряды въ селеніяхъ съ русскимъ населеніемъ бываютъ слѣдующіе: сначала бываетъ сговоръ—„помолвка", потомъ у невѣсты „дѣвишникъ", у жениха „каравай". Во время сговора вызываютъ невѣсту и жениха и спрашиваютъ согласія обоихъ брачущихся и по любви ли они вступаютъ въ бракъ; въ это время отецъ жениха уплачиваетъ деньги отцу невѣсты, по мѣстному названію—„на столъ", отъ 5 до 15 р., и затѣмъ пьютъ могорычъ, при чемъ отрѣзается отъ хлѣба жениха, съ которымъ приходили свататься, и отъ хлѣба невѣсты по куску, краюшки; оба куска складываются вмѣстѣ, завязываются въ платокъ невѣсты и отдаются отцомъ невѣсты отцу жениха съ приговоромъ: „прійми, сватъ, хлѣбъ-соль, Христову любовь и дитя наше въ свою семью". Отрѣзанные куски хлѣба съѣдаются въ домѣ жениха. Во время помолвки собираются родственники невѣсты, куда приходитъ женихъ съ отцомъ, матерью и своими родственниками; водка и всѣ съѣстные продукты доставляются женихомъ. Собираются дѣвки, садятся за столъ, и къ нимъ идетъ родственникъ жениха, какъ говорятъ, „выкупать столъ". Идетъ торгъ, уплачивается отъ 50 к. до 2 руб. 50 коп. и при этомъ подносится дѣвкамъ по рюмкѣ водки. Ставятъ рядомъ жениха и невѣсту и начинаютъ бить поклоны къ иконамъ три раза. Послѣ этого невѣста прячется между дѣвками. Въ это же время подносится жениху водка, который и вызываетъ невѣсту, называя ее по имени и отчеству, пожаловать распить вмѣстѣ предлагаемую винную чару. Невѣста является, и они распиваютъ рюмку водки. Начинаются земные поклоны всѣмъ до единаго гуляющимъ на помолвкѣ, не исключая дѣвокъ и даже пяти-лѣтнихъ дѣтей, которымъ также подносится по рюмкѣ водки. Подносятъ родственникамъ подарки: платки и другія вещи. Выпившій рюмку водки обязанъ взять тутъ же на тарелкѣ лежащій новый платокъ, утереть губы рта жениха и невѣсты и поцѣловать ихъ. При всемъ этомъ дѣвки поютъ пѣсни: „Груша—яблоня садовая рано засинѣла, рано-рано засинѣла, листа не уронила. Аксиньюшка Гавриловна съ дарами ходила; она съ дарами ходила, свёкра дарила: любиминькій свекорочикъ, не гребай ты мною, мною молодою и моими дарами, мои дары не большіе,

ковры вышитые". За каждымъ куплетомъ поютъ припѣвъ: „Ой, лёли, Али-ляй-лёли". Затѣмъ дѣвки съ молодыми во главѣ отправляются кататься и ѣдутъ обѣдать или ужинать къ жениху, а старики остаются въ домѣ невѣсты и гуляютъ все-таки на счетъ жениха, потомъ отправляются къ отцу жениха. На другой день опять идутъ къ отцу невѣсты, а затѣмъ ходятъ по дворамъ гуляющихъ родственниковъ. Процедура эта продолжается дней пять и болѣе, чѣмъ и заканчивается договоръ сватовства. Послѣ этого бракъ юридически считается заключеннымъ. Наканунѣ свадьбы вечеромъ собираются опять тѣ же родственники на такъ называемый „каравай". На другой день собирается поѣздъ, и бояре и молодые ребята къ этому времени пріѣзжаютъ со двора невѣсты къ жениху. Два или три человѣка мужчинъ, называемые „головатыми сватами", приглашаются за столъ, а затѣмъ уже собираются бояре и много другого народа и провожаютъ поѣздъ съ невѣстой. При выѣздѣ поѣзда на воротахъ по обѣимъ сторонамъ становится одинъ изъ родствениковъ и его жена съ перерѣзанными половинками хлѣба; по проѣздѣ поѣзда стоящіе цѣлуются, а хлѣбъ отдаютъ дружку, который ѣдетъ съ поѣздомъ. На обязанности стоящей на воратахъ пары лежитъ, по привозѣ постели молодыхъ, „грѣть постель". Гулянье продолжается своимъ порядкомъ, какъ и на помолвкѣ.

У малороссовъ ходятъ также сваты со стороны жениха къ невѣстѣ. Засватавъ невѣсту и запивъ могорычъ, назначаютъ день сватанья. Сходятся вмѣстѣ къ невѣстѣ свекоръ и свекровь съ женихомъ и нѣсколькими боярами, молодыми ребятами, двумя родственниками, называемыми старостами. При этомъ старостъ перевязываютъ чрезъ правое плечо рушниками или платками со стороны невѣсты. Сводятъ жениха и невѣсту, они кланяются отцамъ и матерямъ жениха и невѣсты, а равно и воспріемникамъ съ той и другой стороны. Все это сопровождается пѣснями дѣвокъ и молодыхъ бабъ. Потомъ заводятъ за столъ молодыхъ, такъ называемыхъ, „князя и княгиню", подносятъ по рюмкѣ водки и подарки со стороны невѣсты свекру и свекрови. Послѣ этого молодые, дѣвки и бояре идутъ въ сосѣдскую хату, гдѣ готовится ужинъ, а старики гуляютъ

отдѣльно. Этимъ заканчивается договоръ сватовства. При этомъ уплачивается на столъ со стороны жениха отцу невѣсты отъ 5 до 25 р. Въ назначенный для свадьбы день вечеромъ собираются родственники и сосѣди на такъ называемыя „вечерины"; если молодые живутъ въ одномъ селеніи, то сводятся и молодые, въ противномъ случаѣ собираются отдѣльно у жениха и невѣсты, а на другой день снаряжаютъ поѣздъ. Женихъ ѣдетъ кататься отъ невѣсты на одной повозкѣ или на саняхъ со старшимъ бояриномъ и однимъ изъ меньшихъ, такъ чтобы жениху не было пары, а невѣста на особой подводѣ съ свашками, молодыми бабами и одной дѣвкой, называемой „свѣтилкой", у которой въ рукахъ бываетъ связанный пучокъ васильковъ съ палкой по срединѣ, къ которой прилѣпливается восковая свѣча. Пучокъ этотъ называется „мечъ". Въ домѣ невѣсты, когда заведутъ молодыхъ за столъ, обводятъ во кругъ головъ молодыхъ три раза мечемъ съ зажженною свѣчею. При возвращеніи во дворъ жениха съ невѣстою, подлѣ порога дома ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать съ иконою и хлѣбомъ и просятъ въ домъ. Здѣсь предлагается ужинъ, а затѣмъ отправляютъ молодыхъ спать. Чрезъ нѣсколько времени такъ называемый „дружко" вводитъ молодыхъ опять въ хату, и начинается усиленная попойка съ пріѣхавшими вмѣстѣ съ молодыми сестрами и братьями съ ихъ супругами, играющими роль повѣренныхъ со стороны невѣсты для подтвержденія ея чистоты.

46.—Сл. Евсугъ.

Поселеніе.—Жилище.—Одежда.—Пища.—Занятія.

„Евсугъ"—слово татарское, означаетъ „овечій потокъ". Свое названіе слобода получила отъ протекающаго съ вершины слободы протока, образовавшаго въ дальнемъ теченіи рѣку Евсугъ. Мѣстоположеніе гористое, но поселокъ расположенъ по-надъ яромъ съ обѣихъ сторонъ. На разстояніи 7 верстъ по теченію рѣки стоитъ хуторъ „Копани", населенный въ 1874 г. отставными солдатами изъ разныхъ мѣстъ; между ними

было нѣсколько семействъ поляковъ, но они за исключеніемъ 2-хъ семействъ, удалились въ родной край. Слобода отстоитъ отъ Старобѣльска въ 30 вер. на востокъ отъ города. Жителей до 6000 д. об. п. Наружный типъ жителей малороссійскій, безъ всякой инородческой примѣси. Нарѣчіе малорусское; но вслѣдствіе близости жителей конныхъ государственныхъ заводовъ, говорящихъ на русскомъ нарѣчіи, мѣстный говоръ, благодаря заимствованію нѣкоторыхъ русскихъ выраженій у сосѣдей, отчасти теряетъ свою національную особенность. Хаты строятся изъ лѣснаго матеріала и изъ саману. У болѣе состоятельныхъ встрѣчаются хаты съ навѣсомъ надъ входною дверью. Хата большею частью состоитъ изъ одной комнаты; но бываетъ и въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно назначается для кухни, а другое для помѣщенія семейства. Стѣны комнатъ украшаютъ или обоями, или расписываютъ краскою, синькою и проч. Передній уголъ обставляется иконами, украшается искусственными цвѣтами своего издѣлія и завѣшивается своей работы и тканными, купленными на ярмаркахъ, рушниками. Хаты строятся преимущественно лицевою стороною на улицу; въ задней сторонѣ дома во дворѣ ставятся амбары, сараи, а въ остальной части двора помѣщается токъ, у богатыхъ съ клунями для хлѣба, и за нимъ—огороды для посѣва домашнихъ овощей. Садовъ весьма мало. У нѣкоторыхъ имѣются и отдѣльные огороды, на которыхъ растутъ вербы. Верхняя одежда жителей, подъ названіемъ свитки, дѣлается изъ сукна домашняго приготовленія, для мужчинъ въ формѣ пальто, а для женскаго пола съ „усами"—складками. Легкая или лѣтняя одежда для мужчинъ—поддевки или чинарки изъ бумажной или шерстяной покупной матеріи, для женскаго пола—юбки и кофты изъ матерій бумажныхъ, ситцевъ и изъ бумазеи. Юбка по мѣстному называется „сарафанъ", а кофта по мѣстному „юбка". Для осени приготовляются ваточныя кофты и лавочнаго сукна халаты. Въ зимнее время мужчины одѣваются въ шубы и полушубки по преимуществу дубленные, женскій полъ носитъ зимою шубы тоже нагольныя и не отличающіяся покроемъ отъ мужскихъ шубъ. Головной уборъ для мужчинъ—шапки и картузы, пріобрѣтенные покупкою на ярмаркахъ, въ сл. Бѣловод-

скѣ и въ г. Старобѣльскѣ; для женщинъ—парчевые „очипки“, которые понемногу упраздняются и замѣняются платками. Дѣвки повязываются въ праздники платками, иногда съ приколкою вѣнковъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, со вплетеніемъ въ косу лентъ разныхъ цвѣтовъ. Обувь праздничная молодыхъ женщинъ и дѣвокъ—изъ сафьяна краснаго и желтаго цвѣта. Запаски встрѣчаются очень рѣдко. Въ приготовленіи одеждъ подражаютъ жителямъ сл. Бѣловодска. Пища населенія не особенно затѣйлива и роскошна: хлѣбъ обыкновенно ржаной и ячный; изъ пшеничной муки приготовляются только пирожки по праздникамъ, галушки, вареники и блины. Изъ вареннаго—борщъ, въ скоромные дни у зажиточныхъ съ курицею, съ говядиною и бараниною, у бѣдныхъ съ однимъ саломъ,—каша и молочное; въ постные дни—борщъ безъ грибовъ и не у всѣхъ съ масломъ. Каша и супъ по мѣстному называются „юшкой“. Въ великій постъ употребляютъ соленье—арбузы и огурцы, квасъ съ хрѣномъ, рѣдьку и лукъ. Узваръ изъ терну, вишенъ и яблокъ, приготовляется рѣдко. Рыбы свѣжей не бываетъ, грибовъ тоже; сельди и тарань покупаютъ въ мѣстныхъ лавкахъ. Чаепитіе распространяется. Употребляютъ мѣстные чайники черепянные поливянные. Освѣщеніе керосиновое. Главное и общее занятіе—земледѣліе; подспорьемъ къ нему для многихъ жителей служитъ горшечное производство, вызванное обиліемъ глины, пригодной для этого дѣла. Одни приготовляютъ глиняную посуду, какъ-то: горшки, миски, кувшины, ринки, цвѣточники и прочія глиняныя издѣлія, а другіе развозятъ ее по деревнямъ и ярмаркамъ для продажи и для обмѣна за хлѣбъ. Пчеловодствомъ занимаются мало по недостатку удобныхъ мѣстъ.

М. Касьянова.

47.—Сл. Павловка.

Поселеніе и его прошлое.—Населеніе, жилище, одежда и пища.

Слобода расположена между двухъ возвышенностей на широкомъ низменномъ пространствѣ. Разстояніе отъ Павловки до г. Старобѣльска 36 вер., до г. Купянска 84 вер., до г.

Изюма 110 в., до Харькова 220 в. Павловкой слобода называется потому, что въ ней храмъ во имя Петра и Павла. По преданію, село основано въ XVI-мъ вѣкѣ. Нѣкогда здѣсь былъ черкасскій городокъ. Остатки его — валы со рвомъ замѣтны были до 1853 г. Прежнее названіе слободы Павловка-Тарабановка—по фамиліи владѣльца земель Тарабанова. Мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ Тарабановскій, извѣстно и ограждено памятникомъ. Но храмъ перенесенъ куда-то въ Воронежскую губернію, куда переселены и крестьяне Тарабановскіе. Слобода дѣлится на 5-ть частей, каждая часть имѣетъ свое особое названіе—Москалевка, Низянка, Забочанка, Чумаковка, Холоднянка. О переселеніи жителей данной мѣстности сохранилось преданіе, которое и подтверждаютъ старожилы. Князь Б. И. Куракинъ владѣлъ всѣми землями, окружающими Павловку (Тарабановку), онъ и купилъ или обмѣнялъ хуторъ Тарабановку съ небольшимъ участкомъ земли у послѣдней владѣлицы, Тарабановой. Сама же Тарабанова со своими крѣпостными крестьянами переселилась въ Воронежскую губернію. По выселеніи тарабановцевъ, князь Куракинъ заселилъ поселокъ своими крѣпостными людьми съ сосѣдняго села Бѣлокуракиной, значительную часть поселка заняли и крѣпостные крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ господъ. Бѣжавшимъ давали избы, которыя были оставлены тарабановскими крестьянами; избы эти были курныя, изъ чего заключаютъ, что тарабановцы были русскіе. Гораздо позже здѣсь же князь Куракинъ поселилъ около 20-ти великорусскихъ семействъ, кѣмъ-то ему подаренныхъ. По мѣстности, занимаемой Павловкой, протекала значительная рѣка Бѣлая. Противъ дома сельской расправы было очень большое и глубокое озеро, убыль воды въ немъ постоянно пополнялась изъ сосѣдняго родника, который сохранился и теперь, подъ названіемъ Каменный колодезь. На участкѣ земли, которая принадлежитъ теперь павловцамъ, было много большихъ лѣсовъ, которые теперь совершенно изведены, отъ многихъ не осталось даже признаковъ поросли; въ одномъ изъ нихъ, Васильковомъ, который отличался своею густотой и величиной, жили разбойники. По сказанію старожиловъ, разбойники изъ Василькова лѣса никогда не причиняли обидъ жи-

телямъ ближнихъ селъ и хуторовъ; на разбой и грабежъ уходили въ Воронежскую губернію, къ г. Валуйкамъ и на большую валуйскую дорогу. Верстахъ въ 10 къ западу отъ Павловки проходитъ, такъ называемый „великій валуйскій шляхъ" съ сѣвера на югъ. По этому пути каждую весну проходятъ тысячи народа, направляясь съ сѣвера на югъ въ отхожіе промыслы. На западной сторонѣ этой дороги на протяженіи версты сохранился земляной валъ—окопъ. Населеніе данной мѣстности можно назвать чисто малороссійскимъ, потому что хотя здѣсь и были поселены великоруссы (около 20 семействъ), но по своей малочисленности не имѣли никакого вліянія на малороссовъ, вскорѣ сами смѣшались съ малороссами, переняли ихъ обычаи и языкъ и совершенно утратили свои особенности.

Въ слободѣ Павловкѣ жителей обоего пола 2426, въ т. ч. муж. 1217 и женщинъ 1209. Населенныя мѣста: слобода Павловка съ хуторами—Заводянка, Морозовъ, Стативкинъ, Скрипаевка, Шандринъ, Рудовъ, Бервеновка. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ населеніе малороссійское, исключая Павловки, гдѣ населеніе, какъ уже замѣчено—малороссійское и отчасти великорусское. Жизнь населенія во всѣхъ этихъ мѣстахъ складывалась при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, и никакого различія ни въ чемъ не замѣтно. Жители занимаются исключительно земледѣліемъ, и все въ жизни ихъ приспособляется къ этому занятію. Крестьянскія постройки—хата, комора (амбаръ), сарай, хлѣвъ, загонъ, погребъ. У бѣднаго хозяина хата—одна жилая комната, сѣни, въ сѣняхъ же отдѣляется меньшая ихъ часть для кладовой (чулана). Хата дѣлается изъ вербы или саману, а остальныя постройки хворостяныя. Хаты дѣлались изъ дерева и только въ самое позднѣйшее время начали дѣлать хаты изъ саману-лампачу. Къ хатѣ пристраиваютъ сѣни и чуланъ (кладовую). Хаты внутри и снаружи вымазаны бѣлой глиной и выбѣлены мѣломъ. Лицевая сторона хаты и окна на ней снаружи украшаются рѣзьбой. Стоимость построекъ безъ двороваго мѣста отъ 20 руб. до 50. У богатаго хозяина хата—двѣ, а иногда и три комнаты, сѣни, кладовая. Надворныя постройки—одинъ или два амбара, отъ трехъ до пяти хлѣвовъ, два или три загона, два или три сарая, клуня. Хата

дубовая, амбары дубовые или вербовые, остальная постройка вербовая или хворостяная. Стоимость построекъ безъ двороваго мѣста отъ 200 до 400 руб. Предметы обстановки: столъ, лавки, шкапъ, стулья, полъ, который служитъ вмѣсто кровати.

Лѣтняя одежда мужчинъ чинарка и свитка, у женщинъ халатъ и свитка. Зимняя одежда мужчинъ и женщинъ—тулупъ. Стоимость чинарки и халата отъ 1 р. 50 к. до 7 руб., мужской и женской свитки отъ 4 до 7 руб., тулупа отъ 7 до 15 руб.

Пища крестьянъ—борщъ, каша, картофель, пироги, блины, вареники, коржи, пампушки, перепечки, галушки, кулешъ и пр.; въ постные дни всѣ эти кушанья приготовляются съ постнымъ масломъ, а въ скоромные дни съ саломъ или коровьимъ масломъ. Кушанья богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ имѣютъ одинаковыя названія, разница заключается въ количествѣ приготовляемой пищи и качествѣ продуктовъ, изъ которыхъ приготовляется пища. Крестьяне освѣщаютъ свои жилища керосиновыми лампами. Крестьянская семья—отъ 2 до 30 человѣкъ. Составъ крестьянскихъ семействъ—мужъ и жена; мужъ, жена и ихъ дѣти; мужъ, жена, ихъ сыновья со своими женами и дѣтьми, и незамужнія дочери. Раздѣлы вошли въ обычай. Весь вообще расходъ средней крестьянской семьи можно опредѣлить въ 200 руб.

А. Петрова.

48.—Сл. Трехизбянская.

Прошлое поселенія.—Жилище, одежда, пища.

Слобода Трехизбянская расположена подъ горою, вблизи р. Донца, на границѣ Екатеринославской губ., отъ г. Славяносербска находится въ 5 вер., отъ г. Старобѣльска въ 65 верстахъ. Число жителей въ ней 1100 д. м. п. и 1200 д. ж. п. По преданію, названіе свое слобода получила отъ трехъ избъ, построенныхъ звѣроловами и рыбопромышленниками. Около 1672 г. донскими казаками были построены городки по р. р. Айдари и Донцу, въ числѣ ихъ и Трехизбянскій, для защиты отъ на-

бѣговъ крымскихъ татаръ. Потомъ, какъ говоритъ преданіе, всѣ эти городки были совершенно уничтожены, за убійство Некрасовскими казаками какого-то военнаго вельможи и разграбленіе царской казны. Теперь остались только ямки на мѣстѣ прежняго городка. Въ 1715 г. произведено было заселеніе городковъ. Трехизбенскъ былъ заселенъ жителями с. Верхняго Салтова бывшей тогда Бѣлгородской губ. Салтовцевъ привлекло сюда обиліе лѣса, воды и приволье луговъ. Но крымскіе татары продолжали набѣги и тревожили жителей, заставляя ихъ уходить въ чащи лѣсовъ и оставлять жилища и имущество на разграбленіе; къ тому же и Донецъ подмывалъ ограду городка и уносилъ кости покойниковъ, а потомъ подмылъ и церковь, такъ что жители въ 1765 г. оставили городокъ и перешли на болѣе возвышенное мѣсто подъ гору. Въ 1788 г. все Трехизбянское общество было обращено въ казачье званіе и участвовало въ сраженіяхъ при взятіи Очакова и Измаила. Въ 1794—95 г. оно обращено въ прежнее однодворческое званіе, а желающимъ остаться на правахъ казаковъ, предложено переселиться на р. Кубань, куда большая часть жителей и ушла. На мѣсто ихъ въ Трехизбянскъ перешли новые поселенцы изъ Курской и Воронежской губ.—Обоянскаго, Воронежскаго, Калужскаго, Нижне-Дѣвицкаго уѣздовъ. Новопоселенцы отличались отъ старопоселенцевъ обличьемъ, образомъ жизни и нарѣчіемъ. Старопоселенцы—статны, опрятны, говорятъ чисто, вѣжливы; новопоселенцы—тощи, неуклюжи, избы строили курныя. Въ настоящее время курныхъ избъ нѣтъ и переселенцы, сохраняя отчасти свой прежній типъ, стали сходны со старожилами.

Жилище. Избы строютъ деревянныя съ сѣнями и кладовой, иногда съ рубленными сѣнями. Внутри избы съ правой стороны и противъ дверей—лавки, на стѣнѣ возлѣ дверей—мисникъ (шкафъ для посуды). Противъ дверей—святой уголъ (божница съ иконами). Св. уголъ украшаютъ цвѣтами, засушенными и сдѣланными изъ разноцвѣтной бумаги, обиваютъ обоями, увѣшиваютъ вышитыми полотенцами и раскрашиваютъ стѣны синькой. Съ лѣвой стороны—полъ, печь и груба.

Одежда. Праздничный мужескій уборъ: рубаха кумачевая или коленкоровая, воротникъ и обшлага вышиты цвѣтной бумагой, плисовый или суконный жилетъ, черкесиновая или суконная чинарка, синей китайки шаровары, сапоги. Зимою полушубокъ или шуба. Буденный дѣлается изъ холста домашняго приготовленія; верхняя одежда—зипунъ изъ сукна домашняго приготовленія. Женскій уборъ: рубаха бѣлая, кумачевая, ситцевая, воротникъ вышивается шелками; синій сарафанъ отдѣлывается на груди мишурной сѣткой и лентами, подолъ краснымъ ситцемъ. На головѣ перевязка съ блестками и въ косѣ лента съ бисернымъ махромъ. У женщинъ—бархатный или штофный кокошникъ и шелковый или шерстяной платокъ, синій суконный халатъ, бахилки; зимой—шуба, крытая синей нанкой. Вліяніе города замѣтно: оставляютъ синіе сарафаны, и шьютъ изъ ситца сарафаны, юбки и кофты. Въ первые дни Рождества, Свѣтлаго праздника и Троицы всѣ женщины ходятъ въ бѣлыхъ рубахахъ, а на второй день въ красныхъ. Полный женскій уборъ стоитъ отъ 25 до 30 рублей.

Пища. Въ пищѣ русскіе неразборчивы; хлѣбъ у нихъ ржаной и пшеничный. Праздничная пища не отличается отъ повседневной. Обыкновенно готовятъ борщъ, кашу, лапшу,—мясное бываетъ рѣдко,—пампушки съ сѣмяннымъ сокомъ, пышки съ хрѣномъ и квасомъ. Весною любимая ѣда: щавель, скородь, пикульки. Свадебные и поминальные обѣды отличаются обиліемъ: пироги съ начинкой и сыромъ, холодное, борщъ, лапша, мясо вареное: курица, баранина, свинина, жареный поросенокъ, баранина и гусь, лапшевникъ, каша молочная, узваръ или арбузъ. На поминальныхъ обѣдахъ водку не пьютъ. Пища съ каждымъ годомъ ухудшается вслѣдствіе плохихъ урожаевъ. Освѣщаютъ жилища керосиновыми лампами.

Самыя распространенныя болѣзни—сифилисъ и чесотка. Лѣчатся и у докторовъ, и у знахарей, къ которыми обращаются иногда за 30—50 верстъ.

Занятія жителей—земледѣліе и кустарные промыслы,—дѣлаютъ плуги, полозья.

Школа. Первое училище было открыто въ 1837 году съ пособіемъ въ 100 руб. отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, просуществовало семь лѣтъ и было переведено старшиною Репринцевымъ въ Старую-Айдарь. Нѣкоторые изъ учениковъ этой школы служатъ и теперь писарями. Въ 1862 г. съ 1 января протоіеремъ о. Михаиломъ Павловымъ открыта школа въ караулкѣ безмездно. Потомъ съ 1866 г. до 1874 года получалось пособіе отъ земства въ количествѣ 130 р., 100 руб. наставнику и 30 на учебныя пособія. Въ 1876 году земствомъ увеличено жалованье наставнику до 200 руб. Земская школа существуетъ и въ настоящее время и помѣщается въ общественномъ зданіи. Въ 1886 г. открыта въ караулкѣ церковно-приходская школа, а въ 1889 г. устроено прекрасное зданіе для этой школы. Всѣхъ учащихся обоего пола въ обѣихъ школахъ бываетъ отъ 120 до 130 душъ. Общество относится къ учительскому персоналу съ уваженіемъ; дѣтей отдаютъ охотно.

Читаютъ преимущественно книги духовно-нравственнаго содержанія. До открытія общественной библіотеки при церковно-приходской школѣ 24 марта 1892 г., книги пріобрѣтались на ярмаркахъ и у коробейниковъ, въ настоящее же время всѣ грамотные имѣютъ право пользоваться книгами библіотеки безплатно. Библіотека составилась изъ книгъ, пожертвованныхъ основателемъ ея, протоіер. о. Михаиломъ Павловымъ, на сумму около 150 руб., а также пожертвованныхъ другими лицами. Кромѣ того, обществомъ ассигновано на усиленіе библіотеки по 15 руб. въ годъ. Библіотека помѣщается въ зданіи церковно-приходской школы.

Ю. В. Стефанова.

49.—Сл. Городище.

Поселеніе.—Нарѣчіе.—Жилище.—Одежда.—Пища.

Слобода расположена на равнинѣ при р. Деркулѣ, впадающей въ Донецъ. Съ западной стороны ея прымыкаетъ гора довольно оригинальнаго вида. Гора эта пересѣкается въ хребтѣ и представляетъ собою видъ огромнаго холма. Вышина ея

достигаетъ 32 саж. Городище получило свое названіе отъ слова „городъ“, такъ какъ на мѣстѣ ея, по преданіямъ, существовалъ татарскій городокъ, главное укрѣпленіе котораго было на упомянутой горѣ. Существуетъ преданіе, что на этой горѣ отдыхалъ и дѣлалъ обзоръ окрестности Государь Петръ Великій, по возвращеніи своемъ изъ Азова. Жителей до 3000 д. об. пола.

Нарѣчіе малорусское. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и произношеніи состоятъ въ измѣненіи гласныхъ: е и ѣ на и:—Андрий, смилый, сыдивъ, видро, крипко; е на э—овэсъ, Сэмѐнъ, дэ̀рэво, бэрѐза; и на ы—ходывъ, простывъ, купывъ, Мытрò, мыска, сыній; о на ы—якы, слипый, чудный; е на о—чогò, чòвинъ, чоловикъ. Чисто малорусскій говоръ измѣняется замѣтно, такъ напр., въ выраженіяхъ йодынъ, йдэ, найвэсь,—придыхательное „й“ встрѣчается рѣдко; своеобразныя малороссійскія выраженія замѣняются или чисто русскими или смѣшанными: вмѣсто „шкапа“, говорятъ „кинь“, т. е. лошадь, вмѣсто „батигъ“—кнутъ, вмѣсто „пужално“—кнутовище и т. д.

Жилище. Хаты строятся изъ дерева, частью изъ мѣла или самана глинянаго и кроются соломою. Потолки бываютъ деревянные, частью камышовые, мазаные глиною. Дворовыя постройки располагаются по-надъ границею двора. Зажиточные домохозяева застраиваютъ весь дворъ сараями, навѣсами и амбарами. Украшенія, карнизы и раскраска дѣлаются преимущественно на печахъ и грубахъ. Если встрѣчаются картины, то вѣшаются въ „кимнатахъ“, по боковымъ и заднимъ стѣнамъ. Избы состоятъ вообще изъ хаты (кухни) и кимнаты (зало), а иногда изъ одной комнаты, замѣняющей и то и другое. Передній уголъ въ домѣ считается самымъ почетнымъ мѣстомъ; тамъ хранятъ, если есть, церковныя книги, молитвенники, освященную пасху и т. п.; туда сажаютъ дорогого или важнаго гостя. Порогъ имѣетъ значеніе противоположное. Убранствомъ хатъ служатъ одни лавы или „ослоны“ для сидѣнья, столъ и кровать, называемая „пиломъ“.

Одежда мужчинъ въ лѣтнее время будничная: штаны и сорочка бѣлаго холста, иногда штаны изъ холста, окрашеннаго

черною или синею краскою, и камзолъ, т. е. короткій пиджачекъ со сборками назади изъ бумажной дешевой матеріи. Праздничная одежда состоитъ изъ штановъ бумажной матеріи и такой же поддевки до колѣнъ. Одежда зимняя: длинные полушубки (тулупы), свитки и шапки, большею частію „капелюхи", шапки съ наушниками. Одежда женщинъ будничная лѣтняя: „кэрсэтъ", т. е. короткая безрукавая кофточка, и юбка бумажной матеріи. называемая „шарафаномъ"; кофту же называютъ „юбкою". Пожилыя женщины носятъ „дэрги", представляющія собою два аршина толстаго сукна; имъ обертываются, а затѣмъ подпоясываются, придавая костюму видъ юбки. Праздничная „юбка", т. е. кофта съ рукавами, и шарафанъ—юбка, бываютъ изъ лучшей матеріи. Сапоги безусловно должны быть краснаго цвѣта, сафьяновые. Зимняя: нижняя—таже, а верхняя—овчинныя шубы длинныя, называемыя „байбараками", крытыя, и „кожухами", некрытыя. Остатками старинной одежды являются „очипки", женскій головной уборъ въ родѣ шапочки съ наушниками и позолоченной парчею. Стоимость одежды: мужской будничной лѣтней отъ 3 до 4 р., включая фуражку, но исключая обуви, праздничной отъ 9 до 20 р., зимней будничной отъ 9 до 15 руб., праздничной отъ 15 до 25 руб. Стоимость одежды женской сходна со стоимостью одежды мужской.

Пищу бѣдныхъ въ скоромные дни составляютъ: борщъ, заправленный саломъ и изрѣдка съ мясомъ, и каша, а въ постные дни пустой борщъ и огородніе продукты, а у кого есть—и садовые. Пища среднихъ хозяевъ бываетъ немного лучше, у богатаго всегда бываетъ сало, мясо, молоко, постное масло и бѣлый хлѣбъ. Въ страдное и вообще рабочее время пища улучшается по случаю усиленныхъ трудовъ и хорошихъ заработковъ. Городское вліяніе сказалось введеніемъ чаепитія. Богатые имѣютъ самовары, а бѣдные кипятятъ для чая воду въ чугунахъ; при недостаткѣ средствъ чай замѣняется полевыми травами: шалфеемъ, цикоріемъ или фруктовымъ напиткомъ. Для освѣщенія употребляются дешевыя керосиновыя лампочки.

Болѣзни. Населеніе часто заболѣваетъ простудными болѣзнями: кашлемъ, лихорадкой, а также дифтеритомъ. Народ-

нымъ врачебнымъ средствомъ является бузиновый и липовый цвѣтъ, которыхъ пьютъ, какъ чай. Дѣтей лѣчатъ еще горячимъ молокомъ. Лѣчатъ еще посредствомъ шептанія молитвъ и сказаній народнаго изобрѣтенія. Такъ, отъ лихорадки, прежде читаютъ молитвы: „Святый Боже, Отче нашъ, помилуй мя Боже", и въ это время окуриваютъ больного лошадиными копытами, даютъ пить растертый артосъ; затѣмъ произносятъ заключительныя слова: „Васъ (лихорадокъ) си́мдесятъ симъ— о̀тъ вамъ пла́та всимъ". Иногда эти слова записываютъ на особомъ клочкѣ бумаги, въ этотъ клочокъ заворачиваютъ старинную копѣйку или денежку и заключаютъ въ амулетъ для ношенія на шеѣ. Отъ вывиха или перелома костей читаютъ молитвы, иногда „Святыхъ Отецъ нашихъ", иногда „Отче нашъ", а въ заключеніе говорятъ: „шла̀ Бо́жа Ма́ты зъ своимъ Сыномъ Исусомъ Христомъ, йиіхалы во Египетъ на осляти. Оселъ спотыкнувсь, суставъ на суставъ наткнувсь". При произнесеніи этихъ словъ правятъ больному поврежденное мѣсто, а затѣмъ даютъ внутрь красную мѣдь, стертую въ погорошокъ. Отъ зубной боли читаютъ молитву: „Отче нашъ", а затѣмъ причитываютъ: „мисяца Владымиря, и бувъ ты за моремъ? Чи бачывъ мэртвыхъ людей, чи болять у ныхъ зубы. Богъ на нэби, царь на земли, мидвидь у лиси, тоди у (того-то) зубы будуть болиты, якъ зийдутся вси вмисти".

Е. А. Рыбалова.

50.—Сл. Колядовка.

Поселеніе.—Обряды.—Свадьба.—Заговоры.—Сказка.—Пѣсни.—Молитва.

На сѣверо-западѣ отъ Колядовки въ 35 верстахъ находится Старобѣльскъ, на сѣверъ въ 30 верстахъ мѣстечко Бѣловодскъ, на югъ въ 65 верстахъ литейный Луганскій заводъ. По разсказамъ стариковъ, названіе сл. Колядовки произошло отъ имени Коляды, поселившагося впервые на восточномъ берегу рѣки Евсуга. Коляда былъ и строителемъ первой церкви. Раньше Коляды, подъ горою на западномъ берегу рѣки, возлѣ колодца поселился Голодъ, къ Голоду пришелъ Малимонъ, потомки ко-

тораго и теперь существуютъ, почему и хуторъ называется Малимоновкой, а пишется Голодовымъ. Хуторъ этотъ отъ Колядовки отдѣляется небольшой луговой поляной. Поселились какъ Коляда, такъ и Голодъ въ болотистой степи и занялись обработкой земли. Коляда, какъ говорятъ, былъ изъ шайки разбойниковъ, и въ началѣ было много разбоевъ. Рѣка въ то время была многоводная, а кругомъ были озера и непроходимыя болота, заросшія камышомъ, гдѣ прятались бѣглецы, которыхъ называли „новорожденными“.

Обряды. При посѣвѣ хлѣба соблюдаются извѣстные обряды. Въ великій постъ на четвертой недѣлѣ въ среду пекутъ кресты, и одинъ изъ нихъ кладутъ въ зерно, приготовленное для посѣва. Отправляясь первый разъ въ поле сѣять, зажигаютъ предъ иконами свѣчи и лампады, собираются всей семьей для молитвы, потомъ старшій въ семьѣ кропитъ святою водою скотъ и зерно и затѣмъ выѣзжаютъ. Когда выйдутъ въ поле, то сѣющій кладетъ крестъ среди нивы, бьетъ четыре земныхъ поклона на всѣ четыре стороны и засѣваетъ ниву, и засѣявши, садится завтракать и первымъ съѣдаетъ крестъ—„хлибъ за хлибъ“.

Когда „баба“ (акушерка) идетъ за молитвою, то кладетъ за „пазуху“ кусокъ хлѣба, который передаетъ потомъ крестной матери, когда та несетъ ребенка для крещенія; послѣ крещенія этотъ хлѣбъ передается крестною матерью „породили“, чтобы у нея было много молока. Во время обѣда кума передаетъ въ ложкѣ или кусочками все, что дается на обѣдъ, сначала роженницѣ, а послѣ того, какъ та отвѣдаетъ,—гости начинаютъ ѣсть.

Свадьба. За день до свадьбы пекутъ шишки и коровай. Собираются сосѣди и родичи и мѣсятъ тѣсто, припѣвая при этомъ: „Ива́нова нэнька по суси́дочкамъ хо́де та суси́дочекъ про́сэ: суси́дочки, мои́ голу́бочки, приходи́тэ до мэне, до мо́го дытяты корова́й, шишечѐкъ дба́ты“. Первоначально дѣлаютъ небольшія шишки, ставятъ дижу и раскатываютъ коржи: берутъ ржаной муки, вливаютъ въ нее воду и заставляютъ „хлопчика“ (мальчика) размѣшивать ее пальцемъ. Накрывая одинъ коржъ другимъ, „уряжаютъ“ ихъ шишками. Когда „шишки“ посадятъ въ

печь, то староста, дружко и двѣ женщины берутъ на голову дижу и цѣлуются навкрестъ.

Въ „пидвесилокъ“ молодая ходитъ съ дѣвками по улицѣ, при чемъ дѣвки поютъ:

„Ой, ско́ки, ско́ки,
Соро́ки, воро́ны,
Нызе́ньки покло́ны,
Довге́нько кулычѐкъ,
Дале́ко чу́ты дружечо̀къ.
Ой, по́пэ, по́пэ Гордию
Нэ звоны ра́но въ нэди́лю,
Зазвоны́ рано́ вь суббо́ту,
Потирѝй ди́вкамъ робо́ту.
Нехѐй дивочкѝ не прядуть,
Нехѐй дивочкѝ винкѝ вьють
Зъ высо́кого де́рева, зъ ялыны,
Зъ черво́ной, калы́ны
На́ший Ма́рьи княги́ни“.

Молодая собираетъ дружекъ и идетъ до свекора:

„Обмита́йтэ дворы,
Застыла́йтэ столы,
Наповняйте кубочкѝ:
Идуть дружэчкѝ.
Повняйте повне́ньки:
Идуть молоде́ньки“.

Входятъ въ хату. Молодая кланяется „ба́тькови й ма́тэри“. Поютъ:

„Ой, ря́сно—ря́сно
Калына въ лузи,
Рясни́шэ—красни́шэ
Ива́нивъ посадъ.
Самъ Господь спысавъ,
А на две́рычкахъ
Самъ Господь стоитъ
И благословитъ,
А перѐдъ столо̀мъ
Ба́тэнько ридне́нький
Зъ кубо́чка часту́е,
До́лею дару́е.
Угадѐй же, Ивѐнъ,
Чия̀ до́ля лу́чча,
Чи Бо́жия,
Чи ба́тэнькова?
Ба́тькова до-ча́сна,
Бо́жия до-ви́шня“.

Молодая садится за столъ, а съ нею „ба́тько“, такъ какъ мать въ это время „по́штуе“, молодая отсылаетъ, кланяясь въ поясъ. Поужинавши, идутъ до молодой; тамъ тоже „вече́ряютъ“. Когда ведутъ молодую отъ вѣнца, то поютъ:

„Якъ стояла Ма́рьичка пидъ винцэ̀мъ,
Чеса́ла ки́сонько грибэнцэ̀мъ,
Та й упавъ грибэнэ̀цъ пидъ стилэ̀цъ;
Подѐй, Ива́нко, грибэнэ̀цъ.
Яжъ тоби́, Ма́рьичка, нэ вдивэ̀цъ,
Шобъ тоби́ подавѐвъ грибэнэ̀цъ“.

„Нэ вий витэръ зъ рожи,
Повій, повій по дорози,
Розмай косу русу
Въ червонимъ пояси;
Розмай по волосочку,
Якъ жито по колосочку;
Розмай по волосинци,
Якъ жито по колосинци“.

Когда идутъ до старшей дружки, то поютъ:

„Мэтена улыця, мэтена;
Туды наша Марья ведена,
Старша дружечка промэла,
До сэбэ дружокъ повэла“.

* * *

„До менэ дружечки, до менэ,
А у менэ панъ-отэць
Самъ стрилэць,
Я пониматкa куховарка.
Та убывъ панъ-отэць тэтэрю,
Справыла паниматкa вэчэрю“.

Идя отъ дружки до свэкра, поютъ:

„Колэсомъ, колэсомъ сонэчко горою,
Молодая Марьичка съ дружечками йдэ.
Якъ бы ты, Марьичка, батенька вважала,
То тобъ твоя кисонька по плэчахъ лэжала,
То тобъ твоя краса въ лычэньку стояла,
То якъ быжъ ты, Марья, Ивана слухала...
Нэ будэ пускаты
Мижъ дивки гуляты,
Косою маяты,
А будэшъ съ бабамы гуляты“.

Прійдя до свэкра, кланяется, отдаетъ „шишки“ и уходитъ домой. У жениха дѣла идутъ своимъ чередомъ. Собираются „боярэ“, „свашки“ и „родычи“. Молодой кланяется, потомъ садятся за столъ бояры и молодой, а шапки отдаютъ свашкамъ, которыя „прышиваютъ квитки“ и поютъ:

„Не стий, вербо, розвывайся
Рано-рано,
Не стий, вербо, розвывайся
Ранесенько!
А звый собі симсотъ квитокъ
Рано-рано,
Симсотъ квитокъ, щэ й чотыри
Ранесэнько.
А у Ивана симсотъ бояръ,
Рано-рано,
Симсотъ бояръ, щэ й чотыри
Ранесэнько.
Всимъ боярамъ по квиточци,
Рано-рано,
Всимъ боярамъ по квиточци,
Ранэсэнько.
Иванови квитки нэ мае,
Рано-рано,
Иванова квитка—Марьичка дивка,
Ранесенько“.

Пришивши „квитки“, свашки подаютъ шапки каждому боярину на торелкѣ, а тѣ платятъ за это. Затѣмъ снаряжается

„поѣздъ". Садятся на коней всѣ „поѣзжане", а мать ходитъ вокругъ „поѣзда" три раза и посыпаетъ „поѣздъ" хмѣлемъ, орѣхами и деньгами. Когда поѣздъ выѣзжаетъ со двора, свашки поютъ:

„Пыта́ецьця Ива́нко:
Куды́ мини́, ба́тенько, йи́хать,
Чи до це́рквы, чи до ди́вкы?
До це́рквы, сынку́, до це́рквы:
Помоли́вшись Бо́гу,
До ди́вки, до молодо́й Марьи".

Пріѣзжаютъ къ церкви, молодой молится Богу, а затѣмъ катается до самаго вечера, а вечеромъ идетъ до молодой.

„Ой, лу́гомъ, лу́гомъ вода́ йдэ́,
А по пи́дъ лу́гомъ сте́жэчка,
А по тий сте́жэчци калы́нонька,
А туды́ йи́хавъ ста́роста
Не далэ́ко, коны́чэнька супиня́,
Сты́ха шабе́льку выйма́,
На ту́ю калы́ноньку замиря́е.
Не для тебэ́ ця калы́на саже́ная,
Для тебэ́ Ма́рьичка зряже́ная".

Подходя къ воротамъ молодой, поютъ:

„Ой, сва́ту, сва́ту,
Пускай насъ у ха́ту.
Ой, до́ки мы та стоя́тымэмъ,
Сы́ру зе́млю та топта́тымэмъ
Черво́нымы чобитка́мы,
Золоты́мы пидкивка́мы".

Молодая прячется съ дружками. Староста и дружко ищутъ ее и когда найдутъ, то ведутъ ее; она идетъ и останавливается, а ее кнутомъ подгоняютъ. Приходя въ сѣни, дружки поютъ:

„Ой, вы́йды, вы́йды,
Ста́рая ма́ты зъ ха́ты.
Съ по́внымы кубо́чками,—
Ужѐ Ма́рьичка зъ уси́ми дружэ́чкамы;
Ой, вы́йды, вы́йды
Зъ по́внымы, повне́нькимы,
Ужэ́ Ма́рьичка зъ уси́ми ридне́нькимы;
Ой, вы́йды, вы́йды
Зъ по́внымы, повни́шимы,
Ужѐ Ма́рьичка зъ уси́мы ридни́шымы".

Дружко говоритъ: „Ста́роста, па́не-пидста́росты! благословы́ть молоду́ за стилъ завэсты́". Изъ хаты отвѣчаютъ: „Богъ благословы́ть трычи ра́зомъ". Заводятъ за столъ съ дружками. Гости и дружки поютъ:

„Сы́вая та зузу́лэнька,
А сы́вая та зузу́лэнька!
Нэ лита́й тыхе́нько,
Та закуй жалибне́нько;
Ужэ́ твоѐ та мына́ецьця
Высо́кое та лита́ннячко,
На калы́ни спочива́ннячко,
Ра́ннее та кува́ннячко.
Молода́я та Ма́рьичко,
Нэ сыды́ смутне́нько,
Заплачъ жалибне́нько;
Ужѐ твоѐ та мина́ецьця
Суббо́тнэшне та чиса́ннячко,
Нэди́лышне квича́ннячко,
Ра́ннее снида́ньнячко".

Идетъ молодой съ боярамы. Дружко говоритъ: „Староста, пане-пидстаросты, благословыть молодого за стилъ завесты, пéрвэ, дрýгэ и трéтій разъ“. Изъ хаты, сидя на полу, отвѣчаютъ: „Богъ благословыть трычи рáзомъ“. Садятся. Дружки поютъ:

„А у садý соловэйко гниздò вье,
Чи усимъ боярамъ мисто йе?
А котóрому нэ мáе,
Нэхай самъ шукáе,
Стáршои дрýжэчки пытáе;
А якъ не бýдэ пытáты,
Бýдэ у порóзи стояты,
Въ рукàхъ шáпочку дэржáты.
А у садý соловéйко нэ щебэтàвъ,
Иванъ Мáрьичку нэ цилувàвъ“.

Молодой садится за столъ и цѣлуетъ молодую. Дружки поютъ

„У садý соловéйко защебетàвъ,
А Иванъ Мáрьичку поцилувàвъ“.

Идутъ двѣ женщины, сестра молодой и другая женщина отъ молодого, зажигаютъ двѣ свѣчки съ лампадки и даютъ одну молодому, а другую старшей дружкѣ; потомъ протягаютъ серпанокъ“ черезъ столъ отъ молодого до дрýжки, закрывая молодую, надѣваютъ на нее „очипокъ“ и становятся на лавку. Одна надѣваетъ шапку, другая кладетъ „стричòкъ“ на голову и поютъ, покачивая „серпанкомъ“ въ рукахъ:

„А шо мы схотилы,
Тэ мы зробылы:
Зъ мукѝ паляныцю,
Зъ дивчины молодыцю“.

Когда „покрываютъ“, дружки поютъ:

„Посиялы квитóчокъ,
Не вродылы квиточкѝ
Та полуныци,
Мынýлыся ýлыци
Й вэчэрныци“.

Дружки отвѣчаютъ свашкамъ:

„Якъ бы жъ мы схотилы,
Мы бъ тэбэ розвэртилы,
Пáнэю нарядылы,
Зъ собóю посадылы,
Заплелы въ дрибушки,
Повелы до дрýжки“.

Молодая, послѣ того, какъ ее „покроютъ“, подноситъ по „чарци“ водки и прощается. Выходятъ изъ-за стола и поютъ:

“Брáла Мáрьичка
Лѐнъ-лѐнъ,
Выгоняла дивчàтъ
Вонъ-вòнъ,
На що булò брáты,
Якъ насъ выгоняты,
Прощàй, прощàй
Сестрà наша,
А вже мы йдéмо,
Твоѐ дивувáннячко
Зъ собóю бэрéмо,
Выйдэмо за ворóта,
Роздилымо“.

Уходятъ. Становятъ около порога дижу, водятъ вокругъ нее молодыхъ и поютъ:

„Старый осэлёдько,
Нэ стóе за рéдьку,
Нэ вспие женыцьця,
Стáла жинка быцьця.
Вонà бýдэ быты,
Я бýду тэрпиты,
Прыйдэ ничка тéмная,
Бýдэмъ говорыты“.

Дружко садитъ на повозку молодую, а молодого водитъ три раза вокругъ повозки и каждый разъ бьетъ по подушкамъ, гдѣ сидитъ молодая. Идутъ свашки и поютъ:

„Дбай, мáты, жаръ-жáръ,
Колы дочкѝ жаль-жàль;
Клады у пичъ дровà,
Оставáйся здоровà“.

Дружки около воротъ поютъ:

„Говорылы дружэчкѝ,
Говорылы,
А боярэ мовчáлы,
Взялы Мáрьичку, помчáлы“.

Заговоры. Заговоръ крови: „Ходыла Прэчиста по сынему мóрю, та сияла червóну рóжу. Колы та червóна рóжа зийдэ, тодѝ червóна кривъ пидэ. Стань, руда, а не станешъ, то буде тобѝ тэ, шо тий душѝ, шо въ нэдилю хлибъ пэчэ“.

Отъ вывиха: „Йихала Пресвятà Дива Богорóдыця на воронòмъ конѝ. Кинь копытомъ спыткнýвся, у нарождéного, хрэщéного, молытвьяного (имя) сустàвъ на сустàвъ натянýвся“.

„Волосъ“ выливаютъ: „Вóлосъ, выйды на кóлосъ отъ нарождéного, хрещéного, молытвьяного. Вóлосъ-волосыще, витряный, водяный, пидвияный, состыченый, спытеный, зийденый, подýманый, погáданый, помышленый, позавыдованый и мужицький, и жинóцький, и хлопчáчий, и дивчáчий, скотынячий, овéчий, звирячий, собáчий, птычий, индычий, горобьячий, ластивьячий, гáдячий, ящирячий и жáбьячий, я тэбэ ссылаю на очэрэтà, на болотà, на быстри рéки, дэ пивни нэ поють, дэ хрыстыяньский гласъ нэ захóдэ; тутъ тобѝ нэ бýты, тутъ тобѝ нэ стояты, билой кóсты нэ ломáты, червóной крóви нэ пыты, жóвтого тила нэ сушѝть нарождéному, молытвьяному, хрэщéному“.

Заговоръ зубовъ: „Дубъ у пóли, щýка въ мóри, мисяцъ на нéби; колы бýдуть ци три браты у кýпы пыты,—та гуляты, тодѝ у нарождéнаго, молытвьяного, хрэщéного зýбы бýдуть болиты“.

Отъ дѣтскихъ „криклывцивъ“: „Криклы́вци и нишны́ци, пидѝть на вечерны́ци, де воро́та новѝ, огòнь горы́ть; тамъ бу́дуть васъ выта́ты, тамъ вамъ бу́дуть воро́та одчиня́ты; нэ дайте имъ спа́ты, а ди́вкамъ на у́лици гуляты“.

Отъ „быши́хи“: Быши́ха быши́шнице, витряна̀ водяна̀, пидвия́на, состри́чена, спы́тена, зйи́дена, поду́мана, пога́дана, помы́шлена, позавы́дована, и мужи́цька, и жино́цька, и хлопча́ча, и дивча́ча. Иха́въ чо́рный чоловѝкъ у лисъ, запрѝгъ чо́рны волы̀, нади́въ чо́рнэ ярмò, узѧ̀въ чо́рну соки́ру, а у соки́ри чо́рнэ топоры́ще. Пойи́хавъ у чо́рный лисъ и зруба̀въ чо́рне де́рево, покурѝвъ нарожде́ному, молы́твьяному, хреще́ному быши́ху“.

Заговоръ отъ змѣй: „На землѝ Осия́ни, на мо́ри—окия́ни, на о́строви Буя́ни лѧжѝть ка́минь линтвари́на, на ка́мини линтвари́ни лежѝть змий Шевельда̀. Просю̀ тэбе́, зми́ю „Шэвельдò, прыйды̀ зъ свои́ми дитьмы̀, возьмы̀ свий зубъ костяны̀й отъ пло́ской ко́сты, отъ черво́ной кро́вы, отъ си́рои шерсти.“ Такъ какъ по народному повѣрію существуетъ двѣ змѣи: Шевельда и Ульяна, то слѣдуетъ произносить безъ передышки три раза Шевельдѣ и три раза Ульянѣ.

Заговоръ, чтобы приворожить: „Го́ры зъ го́рамы, бэрега̀ зъ бэрега́мы! Поверны̀ зъ горы̀ ками́ньня, зъ бэрегѝвъ кори́ньня, привернѝ нарожде́ного, молы́твьяного, хреще́ного до ме́нэ. Гора̀ зъ горо́ю, рика̀ зъ рико́ю, се́рэдъ рикѝ во́ду бра́ла, нарожде́ного, хреще́ного, молы́твьяного напова́ла, одъ любо́ви пособля́ла.“

Сказка. „Сыдыть горобэ̀ць на былы́нци. Былы́нка, былы́нка, покача̀й мэнэ̀, горобця̀-молодця̀.—Нэ хо́чу.—Ну, пиду̀ до козы̀, нэха̀й тэбэ̀ коза̀ угризе́. Коза̀, коза̀! иды̀ билы́нку йисты.—За шо?—Нэ хо́чэ мэнэ̀ горобця̀-молодця̀ кача̀ты.—Нэ-эѐ, нэ хо́чу.—До вовкѝвъ пиду̀, нэха̀й тэбе́ вовкѝ зйидѧ̀ть.—Иды̀, иды̀.—Вовкѝ, вовкѝ, идѝть козу̀ йисты.—За шо?—Нэ хо́чэ былы́нки гры́зты.—За шо?—Нэ хо́чэ мэне́ горобця̀-молодця̀ кача́ты.—Нэ хо́чемо.—Пиду̀ до ду́ба.—Ду́бэ, ду́бэ, иды̀ вовкѝвъ бы́ты.—На шо!—Нэ хо́чуть козы̀ йисты.—За шо?—Нэ хо́чэ былы́нкы гры́зты.—На ви́що? Нэ хо́чэ ме́нэ горобця̀-молодця̀ кача́ты.—Шшъ, нэ хо́чу.—Пиду́

до мо́ря, нэха́й тэбэ̀ уто́пэ. Мо́рэ, мо́ре, утопы̀ ду́ба.—На шо?—Нэ хо́чэ вовки̇̀въ би́ты.—За шо?—Нэ хо́чуть козы̀ и́сты.—На що?—Нэ хо́чэ былы́нки грызты.—За шо?—Нэ хо́чэ мэнэ̀ горобця̀-молодця̀ кача́ты.—Брр! брр!—нэ хо̀чу.—До воли̇̀въ пиду̀, шобъ вы́пылы тэбе́. Волы̀, волы̀, иди̇̀ть мо́рэ пы́ты.—На шо?—Нэ хо́чэ ду́ба топы̀ты.—За шо?—Не хо́чэ вовки̇̀въ бы́ты.—За шо?—Нэ хо́чуть козы̀ и́сты.—За шо?—Нэ хо́чэ былы́нки гры̀зты.—За шо?—Не хочэ мэне́ горобця̀-молодця̀ качаты.—Бу́у, нэ хо́чэмо.—Пиду̀ до до́вбни, нэха́й идэ̀ воли̇̀въ бы́ты. До́вбнэ! иды̀ воли̇̀въ бы́ты.—За шо?—Нэ хо́чуть мо́ря пы́ты.—На шо?—Не хо́чэ ду́ба топы̀ты.—На шо?—Нэ хо́чэ вовки̇̀въ бы̀ты.—За що?—Нэ хо́чуть козы̀ и́сты.—За. шо? Нэ хо́чэ былы́нки грызты.—На шо?—Нэ хо́чэ мэне́ горобця̀-молодця̀ кача́ты.—Не хочу.—Пиду̀ жъ до чэрве́й. Че́рви, че́рви, иди̇̀ть до́вбню точи̇̀ть.—На шо?—Нэ хо́чэ воли̇̀въ быть.—За шо?—Нэ хо́че мо́ря пы́ть.—На шо?—Нэ хо́чэ ду́ба топы̀ть.—За шо?—Нэ хо́чэ вовки̇̀въ быть.—За шо? и т. д. Иду жъ тэпэ̀ръ до курэ̀й. Ку́ры, ку́ры, иди̇̀ть чэрвэ̀й и́сты.—За шо?—Нэ хоти̇̀ть до́вбни точи̇̀ть и пр. Отъ тоди̇̀ ку́ры за чэрве́й—и́сты, че́рви за до́вбню—точи̇̀ты, до́вбня воли̇̀въ быты́, во́лы во́дувъ мо́ри пы́ты, мо́рэ ду́ба топы́ты, дубъ вовки̇̀въ бы́ты, вовки́ козу̀ гры́зты, а коза̀ та былы́нку гры́зты, а былы́нка горобця̀-молодця̀ кача̀ты".

Пѣсни.

„Лэти́ла зузу́ля
Чэре́зъ садъ, куючѐ;
Запла̀калы новобра́нци,
До прiе́му йду̀чэ,
Ой, нэ пла̀чтэ, о̀чи,
До прiе́му йду̀чэ,
Запла̀чите, ка̀ри о̀чи,
Ну́жду прыйма̀ючс.
А у горо́ди
Тры ку́щики мьяты;
Збера̀ецьця̀ ридъ до ро́ду,
Хо́чэ погуля̀ты.
Гуля̀ють, гуля̀ють,
Мэне́ спомина̀ють:
Дэсь на̀шого гуса̀рыка
На сви̇̀ти нэ ма̀е.
Ой, чи его̀ вбы́то,
Чи въ поло̀нъ заня̀то;
Чему̀сь мини̇̀ свитъ нэ ми̇̀лый
И въ бу̀дэнь и въ свя̀то".

* * *

„Самъ нэ зна̀ю, самъ нэ ви̇̀даю,
Якъ у сви̇̀ти жи̇̀ты?
Жи̇̀ты жъ мини̇̀ въ сви̇̀ти плохо
Ска̀жуть лю̀ды: онъ дура̀къ.
Жи̇̀ты жъ мини̇̀ въ сви̇̀ти строго
Ска̀жуть лю̀ды: онъ бога̀тъ.
Жи̇̀ты жъ мини̇̀ у своему̀ до́ми,
Якъ та пта̀шка у своему̀ саду̀?

Ой, ты пта́шка, пта́шка
жевтобо́ка,
Нэ мосты́ гнизда̀ звысо́ка,
Мосты́ гниздо̀ до́ли, въ я́мци,
По зэле́ний тра́вци:
Хова̀й диткѝ, бье́цьця я́струбъ,
Бье́цьця надъ твое́ю бу́йной
голово́ю.
Хо́чэ я́струбъ твое́ дытя̀ вбы́ты.
Тво́ею кро́вию брю́хо насыты́ты.
Нэха̀й тому̀ ле́гко згада́ецьця,
Хто на́до мно́ю го́рко
вбыва́ецьця.
Нэха̀й тому̀ тя́жко-ва́жко
тхне́цьця,
Хто на́до мно́ю знуща́ецьця".

* * *

„Дэ я нэ ходы́ла,
Дэ я нэ броды́ла;
Та нэ найшла̀ ты́и не́ньки,
Що мэне́ зроды́ла;
Ти́лько нашла̀ по́лэ,
Та сы́нее мо́рэ.
Жа́луй мэнэ̀ мий ро́доньку:
Тэпе́ръ мини́ го́рэ.
А я въ сча́стьи роды́лася,
А въ ро́скоши зросла̀,
Леда́чому доста́лася,
Го́ря набралася.
Ай, на горѝ до́щикъ идѐ,
Ажъ бу́льбашки дму́цьця;
А зо мно́ю моло́дою
Ро́дычи бьюцьця.
Бы́йся, бы́йся, мий ро́доньку,
Бы́йся—побыва́йся,
Якъ пиду̀ я на Вкрайну—
Нэ сподива́йся".

* * *

„Сыны̀ мои̇̀, сыны̀ мои̇̀,
Сыны̀ соколы̀.
Ой, чомъ мэнэ̀ нэ кыда́лы,
Якъ булы̀ малы.
До́чки мои̇̀, па́вы,
Го́рэ мини̇̀ зъ ва́ми,
Тоска̀, печа̀ль на се́рденьку,
Та нихто̀ нэ зна́е.
Якъ бы-жъ мини̇̀
Орло́вии кры́ла,
Полети́ла бъ, одви́дала,
Дэ ма́тинка жи́ва.
Та якъ бы-жъ мини̇̀, не́нько,
Соловье́вы о́чи,
Полыну́ла бъ, одви́дала
Не́ньку о пивно́чи;
Та си́ла бъ я, упа́ла
У не́ньки на поро́зи;
Мо́ю не́ньку старе́ньку
Облива́ють сле́зы.
Го́ди, ма́ты,
Горя́чихъ слизъ ли́ты,
Пора̀дь мэне́, мо́я не́нько:
Якъ на сви́ти жи́ты.
О, якъ мини̇̀ жи́ть,
О, якъ горюва̀ть,
Чи, обня́вши голо́воньку,
Та й помандрува̀ть".

* * *

„Якъ посию жъ я черво́нэ про́со!
Ча́рочка-чуда́рочка,—
Дочка̀ въ ме́нэ Ода́рочка;
Чу́да-чу́да чудачо̀къ,—
Сынъ у ме́нэ козачо́къ.
Тамъ стоя́лы кавале́ры
По у́лыци, якъ мачо̀къ.
Якъ изволочу̀ жъ я черво́нэ
про́со!
Ча́рочка-чуда̀рочка,—
Дочка́ въ ме́нэ Ода́рочка;
Чу́да чу́да и пр.

О якъ скосю жъ я червонэ
просо!
Чарочка-чударочка.
Дочка въ менэ Одарочка;
Чуда чуда чудачокъ,—
Сынъ у менэ козачокъ.

Тамъ стоялы кавалеры
Шо улыци, якъ мачокъ.
О якъ продамъ я червонэ просо
Та куплю жъ червонэ намисто.
Чарочка-чударочка,—
Дочка въ менэ Одарочка и пр.

* * *

„Та журба жъ, журба,
На шо постарила.
Нэ пыть було разныхъ горилокъ,
Нэ любыть чужихъ жинокъ,
Кращий бувъ бы барвынокъ.
Ой, выйду я на гироньку,
Та гляну я у провальля,
Шо вси пьють—гуляють,
Собй долю мають,
Тильки моѐ бэзталаньня
Якъ зийду я на могилу,

Та гляну я на долыну.
А на тий долыни
Стоявъ кущъ калыны
Ажъ до землй вьецьця—
гнецьця;
Пидъ тыею калыною
Стоявъ козакъ зъ дивчиною:
Дивчинонька плачэ,
А козакъ смиецьця,
Шо не по мири бэрецьця“.

* * *

„Мальчикъ-кучиряявчикъ,
Нэ ходы жъ ты
Коло мого саду,
Нэ топчй жъ ты, вонъ
кудряявчикъ,
Мого вынограду.
Нэ для тебэ садъ садыла,—
Кого я любыла.
Я для того полывала,
Кого цилувала.
Я жъ ходыла, я любыла
Холостого парня,
Цилувала, милувала
Холостого парня.
Холостой парэнь гуляй,
Руси кудри маеть,
Бровы чорни, глаза розвэсели;
Винъ кивае, винъ морга́е
Дивку выклыкае.
Выйды, выйды, роздушенька
На нова крылечко;
Промовъ, промовъ, роздушенька,
Хочъ одно словечко;

Одно слово ни якое,
Другэ ласковое,
Трете слово прозорлывэ
Та й про женыха;
Женыхався, насмиявся,
Думавъ: моя будэ,
А тэперъ роздумався:
Нэхай беруть люды.
Выряжала маты сына
Та й на косовыцю,
Росчесала русы кудри
Та й на потылыцю.
Я жъ думала, мий сыночку,
Шо будешъ косыты,
А винъ бросывъ остру косу,
Начавъ голосыты:
Якъ бы знала моя маты,
Шо цэ за досада,
Ожэныла бъ мэне маты,
Щобъ була одрада.
Женысь, женысь, мий
сыночку,
Беры инкуж любку,

Цилуй йй, милуй йй
Якъ голубъ голубку.
Голубъ, маты, на дубочку,
Голубка на вышни;
Скажы, минй, роздушенька,
Шо въ тэбе на мысли?
Голубъ, маты, на дубочку,
Голубка на купци;
Скажй минй, роздушенька,
Шо въ тэбе на думци"?

Молитва. „На Олыванський горй, на Осиянський землй, тамъ стояло древо копореснэ. Пидъ тимъ древомъ Дива Мария спала—спочивала, собй упокой мала. Выдився ий и дывэнъ, и ужасэнъ и страшэнъ сонъ: выдэцьця Павэлъ въ рай и святый Петро въ дому, а Ты, Сыну мий, на древи роспьятый, руци Твой и нозй железнымъ гвоздямъ прыбыти; на Твою главу на Святу тэрновый винець накладають, ангелы зъ нэбесъ злитають, пидъ Твою кровь золотй кубкй пидставляють и Твоеи св. кровй до землй нэ допускають. Маты Моя! слова Твоя свята правда будэ. И такъ хто буде сэй сонъ рано и пизно почитаты, той нэ будэ въ огни погораты, въ водй потопаты, наглою смертыю помыраты. А хто будэ помыраты, будэ Господь ангэливъ зъ нэбесъ ссылаты, душй полегкисть давати. Дай минй, Господы, выповидацьця и тайно Христово прыняты, во вики виковъ. Аминь".

А. Русинова.

для сообщенія свѣдѣній по этнографіи Харьковской губерніи.

Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

Численность и наружность жителей. Не обнаруживается-ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей.

Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ. Мѣстныя слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка *).

Что читаетъ народъ. Какія книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порогъ и др. Устройство двора и расположеніе дворовыхъ построекъ. Новѣйшія измѣненія въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бываютъ украшенія (рѣзьба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями. Способъ освѣщенія.

Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Вліяніе городское. Стоимость одежды.

---

*) *См. добавленіе.*

Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные и въ постные дни; улучшается она или ухудшается и почему; городское вліяніе; значеніе мѣстныхъ лавчонокъ.

Болѣзни наиболѣе свойственныя селенію. Народныя врачебныя средства. Мѣстные знахари. Отношеніе къ врачамъ. Какъ и чѣмъ лѣчатъ скотъ.

Главныя занятія: земледѣліе, пчеловодство, садоводство, кустарные промыслы—прежде и теперь.

Религіозное настроеніе народа. Сектанты. Сказанія и преданія о мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ иконахъ, церквахъ, монастыряхъ. О крестьянской благотворительности. Шпитали.

Умственное состояніе народа. Мѣстныя средства образованія. Отношеніе крестьянъ къ школѣ и учителю.

Нравственное состояніе народа. Положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ. Кабаки. Пьянство. Проституція.

Пѣсни и обычаи, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи ребенка. О вечерницяхъ. Свадебныя пѣсни и обряды. Свадебные расходы. Похоронные обряды, причитанія и поминки.

Народный календарь. Пѣсни, обряды и повѣрья, относящіеся къ празднику Рождества Христова, Масляной, Воскресенію Христову, Вознесенію, ко дню св. Георгія Побѣдоносца, дню Ильи пророка и др.

Повѣрья, обряды, поговорки и сказанія, связанные съ пасхальными писанками. Какіе рисунки бываютъ на писанкахъ. Народныя названія писанокъ и на что употребляются онѣ въ быту народномъ.

Пѣсни, обряды и повѣрья при посѣвѣ хлѣба, жатвѣ, свозкѣ въ клуни, печеніи хлѣба и т. п.

Народныя игры и забавы, дѣтскія, юношескія, взрослыхъ людей. Танцы. Музыка. Мѣстные музыкальные инструменты.

Повѣрья и обычаи при повальныхъ болѣзняхъ, скотскомъ падежѣ, пожарахъ. Обычаи базарные и ярмарочные.

Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, вовкулаки, лѣшіе, водяные, русалки и проч. Обереги отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

Народная зоологія: повѣрья и сказки о мѣстныхъ животныхъ.

Народная ботаника: повѣрья и сказки о мѣстныхъ растеніяхъ, названія ихъ.

Народные юридическіе обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, арендъ и по преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія.

Народная поэзія: сказки, пѣсни, преданія, заговоры, пословицы и пр. О кобзаряхъ и лирникахъ.

ДОБАВЛЕНІЕ.

О МѢСТНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ГОВОРАХЪ.

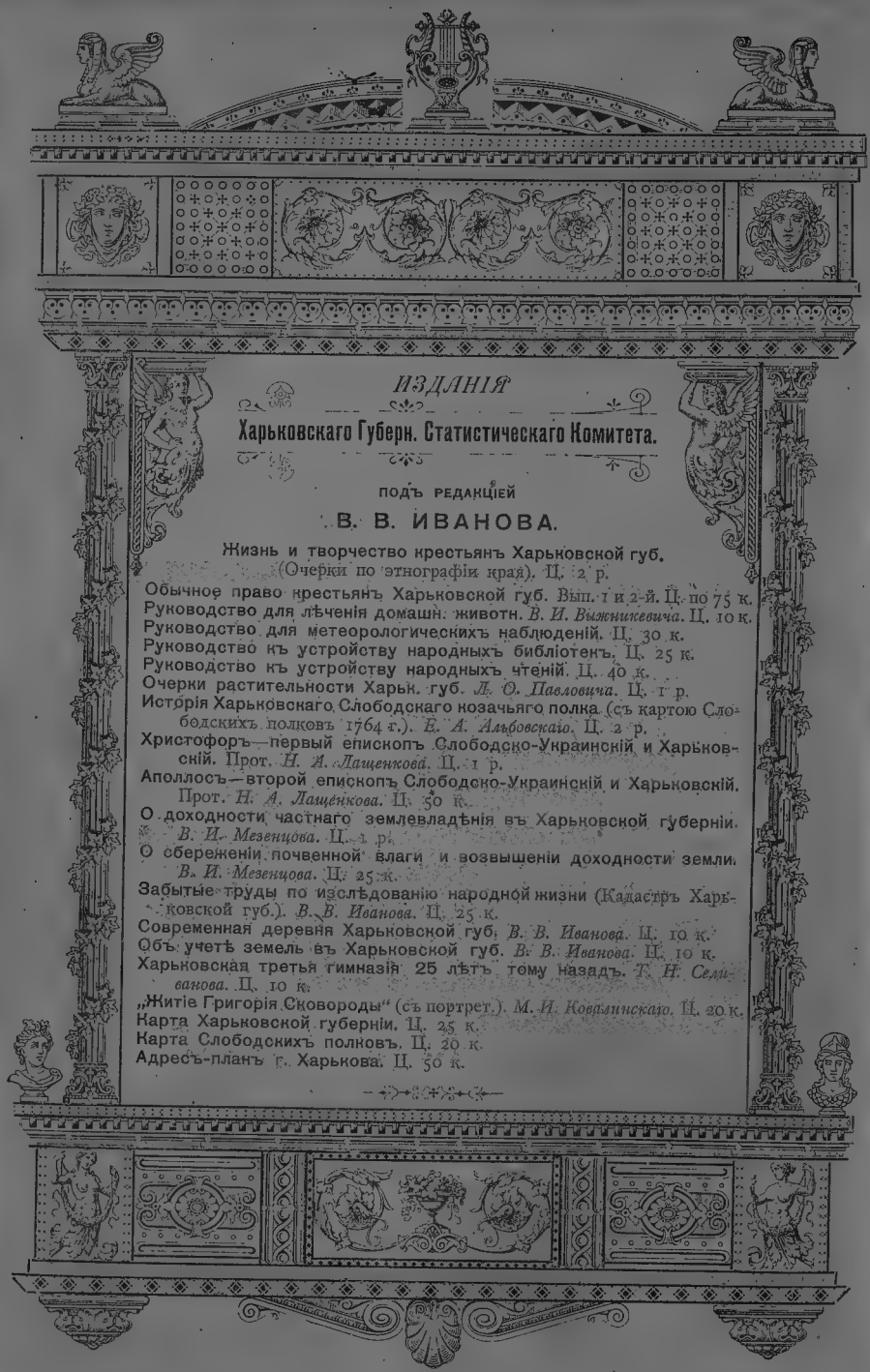
а) Для малорусскаго населенія.

Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*: року—рікъ; овесъ—вівса; жінка; лідъ? Примѣры перехода *е* въ *ё*: жовтий, чорний, лёнъ, синёго, здоровьёмъ, зеленый, его? Примѣры перехода *ѣ* въ *і*. Какимъ измѣненіямъ подвергается неударяемое *о*: какъ произносятся, напримѣръ, слова: горячій, хозяинъ, въ соборѣ, тополя, тоска и др.? Какъ произносится звукъ *е* (твердое *е* обознач. или *е* или *э*, мягкое *ѐ*). Какъ произносится звукъ *и*? Какъ произносится звукъ *ы*? Гдѣ слышатся гласные неопредѣленные или дифтонги (двугласные)? Какъ произносится звукъ *г* (*g* или *h*)? Какъ произносятся сочетанія: *жа*, *ча*, *ша*, *шу*, *чу*, *жу* и под.? Какимъ измѣненіямъ подвергаются гортанные: *г*, *к*, *х*? Какимъ измѣненіямъ подвергаются звуки: *з*, *ц*, *с*? Какъ измѣняются губные: *б*, *п*, *в*, *м*? Какъ измѣняются зубные *д* и *т*? Слышится-ли гдѣ-либо звукъ *дж*: напримѣръ, походжено? Какъ измѣняются *л* и *р*? Какъ измѣняется звукъ *ф*? Случаи удвоенія согласныхъ: безлюддя, клочча. Случаи придыханія: *в*—вірла, вівса, *j* (й) йянголъ, йодинъ jодинъ), йовесъ, jёго?

б) Для великорусскаго населенія.

Какому измѣненію подвергается въ ихъ говорѣ звукъ *о* неударяемый. Какъ произносятъ, напримѣръ, слова: голова, хорошо, огурцы, того? Какъ измѣняется *о* ударяемое. Какъ произносятъ слово—хоть? Нѣтъ-ли случаевъ перехода неударяемаго *а* въ *о*. Какъ произносятъ слова: Андрей, Александръ, работникъ, пароходъ, самоваръ? Какъ измѣняются ударяемые *е* и *ѣ*. Какъ, примѣрно, произносятъ слова: купецъ, идетъ, тетка, овесъ, цѣпъ, цѣпы, ослѣпъ, береза, зеленый, ель? (Употребленіе звука *ё* въ говорѣ нужно тщательно отмѣчать въ сообщеніи). Какъ измѣняются *е* и *ѣ* неударяемые. Какъ, напримѣръ, произносятъ слова: земля, цвѣты, сестра, ребята, медовый, лѣсной, сѣмена, бѣловатый, зеленоватый, черезъ поле, черезъ дорогу, жена, пшеница, на мѣстѣ, еще, нельзя, человѣкъ, теремокъ. Какъ измѣняется *ы*. Напримѣръ, какъ произносятъ слова: былъ, была, не былъ, колыбель, умываться, крышка? Есть-ли случаи употребленія *в* вмѣсто *у* и наоборотъ? Какъ произносятя слова: ударить, взять, вдова, всѣ? Какому измѣненію подвергается *у*? Какъ произносятъ: будто, буйная голова, глубоко,

откуда, кукушка? Нѣтъ-ли случаевъ употребленія придыханія? Какъ произносятъ слова: онъ, утка, этотъ? Какимъ переходамъ подвергаются звуки *д* и *т*. Какъ произносятъ слова: дѣти, видѣлъ, тѣло, свѣтелъ мѣсяцъ, въ золотѣ, видѣть, знать, темный, отлетѣлъ? Нѣтъ-ли случаевъ измѣненія гортанныхъ *г*, *к*, *х* въ *ж*, *ч*, *ш*, и въ *з*, *ц*, *с*. Какъ произносятъ: на рѣкѣ, въ лугу, въ лугахъ, на берегу, при дорогѣ, въ кабакѣ. Какъ произносятъ слова: копѣйка, хозяйка, чайку, яблочковъ, корольковъ, рѣдька, палочка, на рѣчку, шапочка, кашка? Какъ измѣняются губные: *б*, *в*, *м*, *п*; какъ произносятъ слова: граблю, ловлю, ломлю, куплю? Нѣтъ-ли какикъ либо особенностей въ произношеніи плавныхъ звуковъ? Какъ, напримѣръ, произносятъ слова: вихорь, грибы, крикъ, кропива, рама, завтра, царапать? Какимъ измѣненіямъ подвергаются шипящіе звуки *ц*, *ч*, *ш* и *щ*. Какъ произносятъ слова: цѣпь, цапля, улица, щека, щавель, знающій, большущій? Измѣняются-ли въ концѣ словъ звучные согласные въ отзвучные или нѣтъ? Говорятъ: дубъ или дупъ, городъ или горотъ, лугъ или лухъ и проч.? Какое окончаніе имѣютъ имена прилагательныя въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа? Какъ произносятъ, напримѣръ, черный, бѣлый, синій, хорошій, добрый, деревенскій, городской? Какъ родит. пад.? Какъ произносятъ родительный и дательный падежи мѣстоименій: я, ты, себя, онъ, кто, тотъ? Какъ произносятъ: тебѣ, себѣ, его, кого, того? На что́ оканчиваются глаголы во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 3-мъ множественнаго? Какъ произносятъ: ведешь, знаешь, несешь, печетъ, ведетъ, несетъ, читаетъ, пишетъ, мутитъ, шумитъ, лжетъ, сѣетъ, пашетъ, учиться, учится, учишься, толкаться, толкаешься, толкается, знаютъ, ведутъ, говорятъ, шумятъ и друг.? Нѣтъ-ли въ говорѣ данной мѣстности какихъ-либо непонятныхъ словъ, названій, прозвищъ, странныхъ оборотовъ и выраженій?



ИЗДАНІЯ

Харьковскаго Губерн. Статистическаго Комитета.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. В. ИВАНОВА.

Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ. (Очерки по этнографіи края). Ц. 2 р.

Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. 1 и 2-й. Ц. по 75 к.

Руководство для лѣченія домашн. животн. *В. И. Выжникевича.* Ц. 10 к.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Ц. 30 к.

Руководство къ устройству народныхъ библіотекъ. Ц. 25 к.

Руководство къ устройству народныхъ чтеній. Ц. 40 к.

Очерки растительности Харьк. губ. *Л. О. Павловича.* Ц. 1 р.

Исторія Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка (съ картою Слободскихъ полковъ 1764 г.). *Е. А. Альбовскаго.* Ц. 2 р.

Христофоръ—первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. *Н. А. Лащенкова.* Ц. 1 р.

Аполлосъ—второй епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. *Н. А. Лащенкова.* Ц. 50 к.

О доходности частнаго землевладѣнія въ Харьковской губерніи. *В. И. Мезенцова.* Ц. 1 р.

О сбереженіи почвенной влаги и возвышеніи доходности земли. *В. И. Мезенцова.* Ц. 25 к.

Забытые труды по изслѣдованію народной жизни (Кадастръ Харьковской губ.). *В. В. Иванова.* Ц. 25 к.

Современная деревня Харьковской губ. *В. В. Иванова.* Ц. 10 к.

Объ учетѣ земель въ Харьковской губ. *В. В. Иванова.* Ц. 10 к.

Харьковская третья гимназія 25 лѣтъ тому назадъ. *Т. Н. Селиванова.* Ц. 10 к.

„Житіе Григорія Сковороды" (съ портрет.). *М. И. Ковалинскаго.* Ц. 20 к.

Карта Харьковской губерніи. Ц. 25 к.

Карта Слободскихъ полковъ. Ц. 20 к.

Адресъ-планъ г. Харькова. Ц. 50 к.